

"Aptictb"

NSALLHBIX B NCKYCCTBB

ЖУРНАЛЪ

M

литературы

Типо-литогр. Высочайши утвержд, Т-ва И. Н. Нушнеревъ и №, Пименовск. ул., соб. д. 1895.

СОДЕРЖАНІЕ:

		Imp.
І. О НЕНОРМАЛЬНОСТИ УСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННЫХЪ Х		
ЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ, ет. П. А. Нилуса		1
И. ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ «РОМАНСА» ВЪ РОССІИ, ст. Ц. А. Кюм		7
ІН. ДРАМЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ШЕКСПИРУ. І. Іоркширская тро		
ст. проф. Н. Стороженко	000 P (00)	14
IV. СПИМКИ СЪ КАРТИНЪ И РИСУПКОВЪ:		
Рисунокъ карандашомъ худ. В. Максимова.	41 4	6
Рисунокъ бар. М. Нлодта "Въдъма".	92.9	35
"Головка", рис. Рачнова	** * *	40
VI. II. Н. ГЕ (воспоминание о художники), Г. Г. Мясоъдова.		20 36
		50
VII. В. Г. КОРОЛЕНКО (опыть литературной характеристики), с		
Гольцева		41
VIII. ОПЕРЫ ГЛИНКИ И СЦЕНИЧЕСКОЕ ИХЪ ИСПОЛНЕНІЕ. "Жиз		
Царя", ст. Н. Кашнина		50
ІХ. ТЕЛТРАЛЬНЫЯ ОШИБКИ. І. Суделерь. Д. Гарина		60
х. Объединенная германія на поприщь художественн		
ТВ•РЧЕСТВА, ст. И. И		68
XI. CHACTEE, pom. Г. Мачтета		79
хи. навлюдения и замътки о художественномъ творче		
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО, ст. А. Федорова		97
XIII. M. II. САДОВСКІЙ. Н. Эфроса		110
XIV. СКУЛЬПТУРА ГОРОДА ТАНАГРЫ (съ 7 снимк.), ст. проф. И. Цв		116
ху. воспоминанія артиста императорских в театровъ		
СТУКОЛКИНА (запис. по сго разсказу А. Вальбергомь)		126
х VI. ГРУЗИНСКАЯ ПАРОДНАЯ ПЪСНЯ И ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОС	TOSI-	
IIIE, ст. М. М. Ипполитова-Иванова		134
ХУП. 12 ГРУЗИНСКИХЪ МЕЛОДІЙ	22.	147
XVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРВИІЕ. Замытки читателя. Вырожда	1014ee-	
ся общество. Ив. Иванова	W 8 00	163
XIX. ВИБЛІОГРАФІЯ. Театръ, армянскій театр. сборникь, изд. А. Тарханьяно.	мз. Ки.	
I и II. Тифлист 93-94 г. Ю. Веселовскаго, "Изъ исторіи родной земли". Д.	П. Ти-	
хомирова, изд. 2. "Звъздочки", свор. статей для постепеннаго изученія		
няшка. Сост. К. Ө. Истроог. Маленькая русская христоматія. Сост. П. С.		
скій. "Бубны-Козыри", ром. Вас. И. Немировича-Данченко. "Архинекторская		
да". Очеркъ Московскихъ учрежденій, выдавшихъ строит. дъло. Сост. В. 1		180
XX. COBPEMENTIOE OBO3PBHIE:		
Москва. Малый театра: Юбилейный спектакль 4 го пиваря. Утрени	ie cnek-	
такли. Н. Э		184
Большой театри: "Мелузина", опера ки. Н. Ю. Трубецкаго. Сем. Кру		196
Театръ г. Корша. "Соон моди сочтемся", ком. съ 4 д. А. И. Островс		
"Шиповники", ком. въ 3 д. Вл. Н. Немировича-Данченко.— "Тетка Чорлея", въ 3 д. Брандони Томаса. — "Романтики", ком. въ 3 д. въ стихахъ Э. Ро		
пер. Т. Л. Пенкиной-Куперникъ. В. П		204
Театръ на Инкитской, "Графиял де Клермонт" (Одетта), др. въ 4		I L
B. Capdy, nep. A. A. umpiesa u K. Homroffe. H. B. K		212
Общество искусства и литературы. "Уріоль Акоста".		219
Русское Музыкальное Общество. Третье копртстное собрание.		223
Московское Филармопическое Общество. Второе и третье пическія собранія. Н. Кочетова.		223
Общество любителей музыкальнаго искусства. В. В.		225

APTROTTS

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

me 19473

N

ЛИТЕРАТУРЫ.

1895 годъ.

Январь.

M 45.

Годъ 7-й.

Книга 1-я.

СОДЕРЖАНІЕ:

	A LIPHARMANT MARRIE MARRIE ACRED MENTALINA MARRIEDO MARRI	Cmp
II.	О НЕНОРМАЛЬНОСТИ УСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕН- НЫХЪ ВЫСТАВОКЪ, ст. П. А. Нилуса	1 7
111.	ДРАМЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ШЕКСИИРУ. І. Гормин рекал транеділ, ст. проф. Н. Стороневию.	14
IV.	Спимки СБ КАРТИВ И РИСУ ИКОВБ: Рисунокъ карандалиомъ худ. В. Максимова. Рисунокъ бар. М. Нодта "Въдъма"	6 35
٧.	"Голооки", рис. Рачнова	40 20
VII.	Н. Н. ГЕ (восполниваня о художеникь), Г. Г. Мясовдова В. Гольцева В. Г. КОРОЛЕНКО (опыть митературной характеристики), ст. В. Гольцева	36
IX. X.	Н. Нашкина. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ОШИБКИ. 1. Суублер». Д. Гарина. ОБЪЕДИНЕННАЯ ГЕРМАНІЯ НА ПОПРИЩЬ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТВОРЧЕ- СТВА, ст. И. И.	50 60 68
XI.	СЧАСТЬЕ, ром. Г. Мачтета НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМЪТКИ О ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТВОРЧЕСТВЪ МИКЕЛЬ-	79
VIII	АНДЖЕЛО, ст. А. Фодорова. М. И. САДОВСКИЙ. Н. Эфроса	97
XIV.	СКУЛЬПТУРА ГОРОДА ТАНАГРЫ (сь 7 снилькими), ст. проф. М. Цвътаева ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМИЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ Т. А. СТУ-	110
XVI.	КОЛКИНА (запис. по его разекалу А. Вальберюмь). ГРУЗНИСКАЯ ИАРОДНАЯ ИВСНЯ И ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНЕ, ст.	126
XVIII.	м. М. Ипполитова-Иванова	134 147
XIX.	етво. Ив. Иванова. БИБЛЮГРАФІЯ. Театръ, армянскій театр. сборникь, изд. А. Тарханьяномъ. Кл. 1 и ІІ. Тифлист 93—94 г. Ю. Веселовскаго, "Изъ исторіи родной земли". Д. И. Тихомирова, изд. 2. "Закэдонка", сбор. статей для постепенаю изученія родною языка. Сост. К. Ө. Петровъ. Маненькая русская христоматія. Сост. П. Смирювекій. "Бубни-Козыри". ром. Вас. И. Немировича-Данченко. "Архитекторская коман-	163
100	да". Очеркъ Московският учреждений, выдавшим строит. дъло. Сост. В. Гамбур-	180
XX.	СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРЪНЕ: Москоа. Милый театръ: Юбилейный спектакль 4-10 люгари. Утренніе спек-	
	такли. Н. Э	184 196
	въ 3 д. Врандона Томаса. — "Роминишени", ком. въ 3 д. въ спискахъ Э. Ростана, пер. Т. Л. Щенкиной-Куперникъ. В. П.	204
	Театръ на Инкитской. "Графиия де Клермонз" (Одетта), др. съ 4 д. соч. В. Сарду, пер. А. Дмитриева и К. Нотгофъ. И. В. К.	212
	Общество и скусства и литературы. "Урізм Акоста". Н. Э	219 223
	лическія собранія. Н. Кочетова	223 225 226 229
	Г. Пахульскій. В. В. Петербургъ. Антонъ Рубивитейнъ.—Концерты въ его намять: 1) Экстренное собраніе Муз. Общ. 2) Первый русскій симфоническій концерть. 3) Второй абонементный кон	Pyc-
	г. Блейхмана. 4) Первый вечеръ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда. 5) Первое ква ное собраніе г. Крюгера съ товарищами. 6) Концертъ Всновогательной кассы. 7) тетное собраніе Р. М. О.—Бетховенскіе вечера г-жи Эсиповой и г. Ауэра.—Вгорочеръ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда. — СИБ. Общество камерной музыки. — Руквартетный вечеръ. —Третій абонементный концертъ г. Блейхмана. — Второй русскій фовическій концертъ. —Духовные концерты хора г. Архвигельскаго, —Русской опери, — Ства церкви св. Екатерины и Петронавл. Общества. — Концертъ г-жи и г. Фигнеръ Ладо. К рит и в ъ по праву. (Заменка о Л. Консерков). В. Н.	ртет- Квар- ой ве- усскій сим- Обще- 232 237
XXII. XXIII.	ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОЗРЪНІЕ	23S 244
	Пензы, Риги, Саратона, Сумь, Тамбова, Томска и Харькова ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА	247 259
XXV.	МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА	266 273
XVII.	"ЗОЛОТО", ком. въ 4 д. В. И. Немировича-Данченко. "ВОРОБЬИ", карт. И. Прянишникова, фототипія Шереръ п Набгольцъ въ Москив.	2.0
XXIX.	ТЕРЕКЪ", карт. А. Киселева, Фототиція Шереръ и Набгольцъ.	
	"ПАРЕВИЧЪ АЛЕКСЪЙ", карт. Н. Н. Ге, съ его офорта фототинія Т-ва Нушнерева. ПОРТРЕТЪ И. И. ГЕ, рис. перомъ Н. Ярошенко, фототинія Шереръ и Набгольць. "ПОРТРЕТЪ М. П. САДОВСКАГО", фототинія Н. А. Фишеръ.	
	супки, виньетии и заставки В. Максимова, К. Савициаго, Н. Соболеви, В. Переплетчи движ и кр. работы Ангерена и Решль вт. Втий	кова,

Артист. 1895. - № 45 (янв.).

Реклама.

Издание театральной библиотеки С. Ф. Разсохина «Сцена».

Литографированные издания театральной библиотеки С. Ф. Разсохина.

Каталог 126 драматических сочинений, напечатанных в №№1 – 44 журнала Артист, №№ 1-10 Дневника Артиста

Объявления.

Оглавление №№33 – 44 (1894 г.) журнала Артист».

APTNCTЪ

(ГОДЪ 7-й).

журналь изящныхъ искусствъ и литературы.

Въ 1895 г. "Артистъ" будетъ попрежнему выходать

ЕЖЕМЪСЯЧНО по той же программъ.

Въ журпалѣ номѣщаются статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитентура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографій о русскихъ инсателяхъ, композиторахъ, артистахъ и художникахъ (со сивиками съ ихъ произведеній), критическія статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и инсьма инсателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной, художественной и театральной жизни всей Европы, драматическія произведенія преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденцій, хроника, рисунки поставовокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдълъ будутъ напечатаны романы и повъсти гг. М. Н. Альбова, А. М. Васпецова, В. Л. Величко, А. А. Вербицкой, Н. Н. Гивдича, Е. П. Гославскаго, Т. Л. Куперникъ-Щенкиной, А. А. Дугового, Д. Н. Мамина, Г. А. Мачтета, В. М. Михеева, Н. М. Невъжина, Вас. Н. Немировича-Данченко, Влад. Н. Немировича-Данченко, Н. Н. Потаненко, М. П. Садовскаго, К. М. Станюковича, Н. И. Тимковскаго, А. П. Чехова, Н. Л. Щеглова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе: профф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій

в гг. М. Н. Альбовь, Вл. А. Алексаедровь, Н. Ф. Арбенев, А. С. Аренскій, А. Ф. Аренсь, К. Д. Бальмонть, Н. В. Басниев, Ю. Безродная, Н. И. Венкаревечь, Е. А. Беклемишевь, П. И. Бларамбергь, П. Д. Боборыметь, проф. А. П. Боголюбовь, К. М. Выкобеній, В. М. в А. М. Васнедови, П. П. Веймарнь, В. И. Венкию, А. А. Вербениая, А. А. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, В. В. Верещагиць, П. П. Веймарнь, В. П. Венкоровь, проф. М. Я. Вилије, Е. Е. Всиковь, бар. В. Г. Врангень, Д. В. Гаррить. А. Э. Гекверъ, Р. В. Геника. А. К. Глазуновь, П. П. Гейдечь, В. А. Гольцевь, Е. П. Госкавскій, Н. К. Грандковскій, А. О. Гунсть, В. П. Гуторь, М. А. Давыдовь, В. П. Дамматовь, М. М. Дальковий, Н. В. Доский, А. О. Гунсть, В. П. Гуторь, М. А. Давыдовь, В. П. Дамматовь, М. М. Дальковий, Н. В. Доский, А. О. Гунсть, В. П. Контяевь, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткевь, И. М. Инвановь, М. М. Инполетовь-Йвановъ, А. И. Ильвнокій, Н. В. Казанцевь, Е. П. Картовь, Н. А. Коромень, А. А. Киселевь, Г. Корпось, А. П. Контяевь, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткевь, К. А. Коромень, Д. К. К. Д. Каре, Л. Ф. Лагоріо, Г. А. Ларошь, К. В. Лемом, К. В. Лебедевь, А. П. Денкій, В. С. Ликачевь, проф. И. А. Лякеиченко, А. А. Луговой, В. Е. в. К. Е. Максовије, В. М. Максемь, Д. Н. Макмень, П. М. Невёмень, П. А. Наусь, Е. С. Некрасова, Вас. И. Немеровечь-Данчено, В. И. Намравник, П. М. Невёмень, П. А. Наусь, Е. С. Некрасова, Вас. И. Немеровечь-Данчено, В. Д. Полёновь, И. Н. Потановке, К. А. Савецкій, В. М. П. Саровокій, В. М. А. Саковь, В. А. Сейтловь, А. А. Страховь, А. Н. Серовь, К. А. Савецкій, В. М. П. Саровокій, И. А. Саковь, В. М. Сейтловь, А. А. Страховь, А. И. Соковь, А. М. Сироннень, В. Д. Сокосль, К. М. Стапноковить, В. В. Стасовь, А. А. Страховь, А. И. Саковь, В. И. Темкевойй, В. А. С. Стемкень, В. Я. Суреньянця, В. Р. Шиаткевый, В. И. Пенкевы, В. А. Суреньянця, В. Р. Шиаткевый, В. И. Пенкевы, В. А. Теховь, В. Р. Шиаткевый, В. И. Пенкевы, В. А. Теховь, В. В. Пиаткевый, В. И. Пенкевы, В. А. Теховь, В. В. Винаткевый, В. А. Пенкевы, В. А. А. Ведотовы, Н. Е. Эфросъ в.

Подписная дёна остается прежняя: безъ доставки въ Москвъ 10 р., на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода 7 руб.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 рублей.

Допускается разсрочка: При подписка до уплаты полной подписка до уплаты полной подписка до немежения подписка до уплаты полной подписка до уплаты до уплаты подписка до уплаты подпис

Редакція и главная контора: Москва, у Арбатских вор., д. Шмить. Отдъл. конторы: Петросскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакція № 890, телефонъ Главной конторы № 1490.

Открыта подписка на 1895 гопъ

C::C::D::DC:C::DDC:C::DDC:C::DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC:C:DDC

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ".

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА:

Съ доставкой п пересылкой		9 7 7 7	4 4	12 p.	въ	годъ.
Безъ доставки и перес. въ Мо	сквъ и	Петербургъ		10 ,	19	17
За границу.		100 9 70 14		15 "	77	19

МОСКВА, у Арбатскихъ вор., д. Шинтъ (тел. № 890 и 1490).

`

изданіе театральной библютеки .. О. Разсохина

ВЫНКЛИ вып. XVII "Тетка Чарлэн", ф. въ 3 д. Томаса, пер. Н. Коршъ, вып. XVIII "Дачный женихъ", карт. въ 1 д., вып. XIX "Цвъты просвъщенія", ком. въ 3 д. В. Сикевича и вып. XX "Кавардакъ въ муз. магазинъ" вод. въ 1 д. С. Танћева.

ЦЪНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ (25—30 вып.) 5 Р., СЪ ПЕРЕС. 6 Р. Отдъльно каждый выпускъ і р., съ пер. 1 р. 25 к.

(Подробности въ объявлени после текста).

Роскошныя изданія В. Г. Готье.

А. С. Пушкинъ "КАНИТАНСКАЯ ДОЧКА", роскошная книга въ форматъ in-80, иллю-стрированная 12-ю рисунками извъстного академика Павла Петровича Соколова, гравирован. ва мъди въ Парижъ знаменитымъ граверомъ А. Ламотъ, съ портретомъ Пушкина, копіей съ гравюры Wright'a. Цана экземпляру на веленевой бумагь 12 р. 50 к.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ", наданіе въ формать in-8°, иллюстрировано 24 рис., изъ которыхъ 8 hors texte воспроизведены по способу фотогіалотипін; расунки были сатланы академик. . Павломъ Петровичемъ Соколовымъ въ 1855 – 60 гг. и предназначалась издавио Апиенкова соч А. Пушкина. Коллекція ихъ допол. 2 рис. худ. Л. Л. Белянкина.

Цвиа экземиляру на японской бумагь веленевой

"" веленовой "Къ роману "ЕВГЕНТЙ ОНЪГИНЪ" А. С. Пушкана. 48 неизданныхъ рис. акад. Павла Петровича Соколова. 1855—1860. Фот. К. А. Фишеръ. Альбомъ заключ. въ себъ 40 лис. и обертку, изображ. fac-simile оригинальной рукониси "Евгенія Онъгина" въ продолговат. формать in-40.

№ 26 по 175 на прекр. велен. бум. въ изящ. полусаф. пер. съ зол. тис. . . Цина 50 р. 1'р. А. К. Толстой "КНЯЗЬ СЕРЕБРЯННЫЙ" роскош. изд. въ форм. больш. in-8°, пялюстров. 12-ю рис. извъст. худ. Клавдія Васпльевича Лебедева и порт. автора, гранпронан. à l'eauforte въ Париже знам. грав. А. Лалозъ. Соч. это отпеч. въ колич. 1000 экз. изъ которыхъ:

С. Васильевъ "КАРТИНКИ ИТАЛІН". Письма изъ Рими и Флоревців. Иллюстрированныя 20 фототии. О. Ренара, формать in-120. Ціна............... 3 р. Подинсчики на журнать "Артистъ", ныписывающіе изъ книжи магаз. "Артистъ"

(Петровскія линін, магаз. бывш. Прянишинкова), пользуются 30% скидкой.

Пересылка во разстоянію. Магазинъ высываеть номедленно всть квига, публиков. друг. квижи. склад. съ наложен. платежемъ. При заказъ свише 10 р. просятъ высилать 1/4 стоимости.

*) Докладъ, прочитанный авторомъ на Первомъ Съёзде Художниковъ и Любителей художествъ въ Москве, 29 апрёля 1894 г.

картина уменьшаетси, подъ вліяніемъ болбе или менъе окращеннаго пятна сосъднихъ картинъпріобрътаетъ другой топъ. Если представить себ'в картину, паписанную на воздухъ подъ голубыми рефлексами, а ридомъ такого же качества холстъ, въ желтоватомъ топъ, то для всякаго художника ясно, что объ картины проиграють, одна будетъ казаться бълесоватою, безжизненной, другая неестестненно желтой. Картина, писанная свътло, рядомъ съ нартиной, выдержанной въ темпыхъ топахъ, покажется: 1-ан нематеріальной, 2-ая грубой, тяжелой и т. д. п т. д. По чаще этихъ неблагопріятныхъ условій, распорядителя по устройству выставокъ причиняють эного горя тъмъ пзъ экспонентовъ, которыхъ вещи такъ повъшены, что ихъ нельзи доститочно удобно разсмотръть: либо повъсить картину очень высоко, либо подъ такимъ наклопомъ къ свъту, что картина представляетъ мутное нятно, благодари отсяжчиванью инероховатостей мизковъ; конечно, это говорится не въ упрекъ устронтелямъ выставокъ. Тъ изт. насъ, которымъ приходилось когда - либо устраннать выставки, знають какой это неблагодарный и тижелый трудъ; угадать мъсто всъмъ картинамъ ръшительно и втъ возможности; причиной главнымъ образомъ являются наши номъщенія для выставокъ - ихъ у насъ пътъ, пивющінся же, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вскхъ желиющихъ устраивать выставки пріютить не могутъ. Но меня дично всегда полнуетъ другой вопросъ, вопросъ принциніозный: мыслимо ли 100-200 картинъ (срединя цифра ЖЖ картинъ нашихъ русскихъ выставокъ) размъстить въ необинриомъ помъщени и тавъ, чтобы онъ не мъшали другъ другу, не утомляли зрители и производили бы приблизительно то внечитатие, какъ въ мастерской художника? Я думаю, что паша спстема устройства выставокъ - глубокое недоразумьніе и что такъ дальше этого дъла вести пельзи. Постараюсь выяснить свое положение примърами.

Мозгъ человъка такъ устроенъ, что не можетъ воспринять одновременно двухъ мыслей, двухъ образовъ— это противно организму человъка, и вызываетъ болъзненныя ощущенія, такъ, наприм., если намъ однооременно станутъ читать два одинаково инпересные разсказа, допустимъ одниъ топомъ выше, другой инже, такъ что мы будемъ слынать обоихъ чтецовъ, тогда вы замъчаете слъдующее: вниманіе и мысль, склонянсь то въ одну сторону, то въ другую, вызываютъ неясность предстанленій и чъмъ наприжените вы хотите поиять смыслъ читаемаго въ одномъ и другомъ разсказъ, тъмъ больнъе это отзывается въ мозгъ.

Мы знаемъ изъ личнаго опыта какъ тяжело прослушать виимательно 20 пьесъ на фортепіяно, пли большой симфоническій пли квартетный концерть. Мы ясно можемь прослёдить какъ вниманіе постепенно утомляется, за вниманіемь ослабляется музыкальная воспрінмчивость, послё этого всй пьесы кажутся безразличными, сливансь въ одну сврую массу звуковъ, которые зачастую вызывають головную боль, спльное утомленіе мозга, и совершенно уничтожноть первоначальное впечатлёніе. Я знаю много лицъ, которыя почти пикогда не могутъ дослушать концерта до конца съ должнымъ вниманіемъ, и это не обыкновенная публика, а любители музыки, которыхъ п разумёль п раньше.

Всёмъ изъ присутствующихъ безъ сомивнія приходидось читать сборники коротенькихъ разсказовъ Мопассана, Мендеса или изъ русскихъ авторовъ Чехова. Почти всегда эти илленькіе разсказы удивительно талантанво паписаны, каждый изъ нихъ пеобыкновенно живая и полиня картина, но въснау ихъ небольшого объема приходится прочитывать ив. сколью разсказовъ подрядъ и вы яспо чувсткуете, какъ эти живыя страницы теряють свою сплу и настроение не оттого, чтобы эти вещи производили только мимолетное впечатабийе, а просто потому, что всякое художественное произведение вещь настолько деликатная, что пужно относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ и внимательностію, дорожа впечатль-

Если мы возьмему, листь картона и заклевмъ его сплонь 10-ю фотографическими симиками съ картинъ нерноклассныхъ мастеровъ и
затвиъ тъ же 10 снимковъ наклеимъ на отдълные картоны и станемъ рузсматривать картины порознь и вмъстъ, то станетъ очевиднымъ, что синмки, наклеенные вмъстъ, потеряютъ въ силъ производимаго ими внечатлъ
нія на ноловину.

Паши выставки это тъ же листы, заклеен-

ные синиками съ картинъ вилотную.

. Мыговоримъ о 10-та картинахъ, 10-ти образахъ, что же будетъ, если намъ предложатъ не 5, а 25, 100, 200 спимковъ съ картинъ съ предложеніемъ разсмотръть ихъ внимательно? Въ мозгъ, очевидно, должно произойти то же, что на свъточувствительной бумагъ, на которой мы вздумаллибы напечататъ съ рида негативовъ, накладывая одинъ отпечатокъ на другой, т. е. полиан неяспость изображенія.

До какой степени вредно близкое сосъдство одной картины съ другой, поставленныхъ рядомъ безъ предварительнаго соображенія, какъ одна картина подъйствуетъ на другую, можно указать па слъдующій поразительный примъръ. На французской выставкъ въ Москвъ въ 1891 г. находилась картина Даньяна Боире: «Свадьба», это одипъ изъ самыхъ высокихъ образцовъ современной живониси; между тъмъ, публика

проходила мимо, совершению равнодушию, или останавлявались только, чтобы прочитать назваше картивы по каталогу. Какъ ин возмутительпо, на первый взглядъ, такое отношение къ истичпому произведению искусства, однако, публику очень обвинять въ данномъслучат незьзя, стоптъ вспомнить тъ условія, въ которыя была поставлена картина. Надъ «Свадьбой» возвышалось чуть ин не 2 ряда картинъ, а неносредственно подъ ней вистав портреть двухъбыковъ безъ движенія, написанныхъ въ черномъ тонъ, почему Даньянъ казался бледнымъ и по сразу останавливаль обозръвателя, особенпо если вспомнить, какъ паша публика отпосится въ картиннымъ выставкамъ: смотрится только то, что бросается въ глаза.

Между тёмъ, если бы ту же публику пригласить присмотрёться ввимательно къ «Свадьбъ», т.-е. обставить картину такъ, чтобы вокругь пичего не было паставлено, никакихъ рамокъ, ковровъ, а поставить силошной нейтральный фонъ — картина не только не потерялась бы даже среди такой массы другихъ произведеній, а наоборотъ, навсегда оставалась бы одинмъ изъ прекрасныхъ восноминаній.

Въдь если такая картина какъ Даньяна, про которую безъ преувеличения можно сказать словами поэта «ее развъ слъной не замътить», есля она не могла притянуть зрителя, будучи поставленной въ обычныя выставочныя условія, что же можно тогда скизать о масс'ї другихъ вещей, хотя бы на той же выставкъ, слябъе Дапьяна, по исе же представляющихъ отличную живонись и несомижиный интересъ въ другихъ отношеніяхъ. Представьте себъ еще такой случий. По педоститку миста картину подвишивають во 2-мъ или 3-мъ пруси; картина срединхъ разм'яровъ; разумъется, такая вещь среднимъ обозрѣвателемъ замѣчена не будеть; только та картана смотрится всёми, поторая поставлена въ уронень глаза; подымать высоко голову и винмательно разсматривать картину, вздернутую подъ небеса, ръинтся только большой любитель, потому что въ этомъ случав приходится папрягать зрвніе, ставить голоку въ неестественное положеніе въ продолженіе часа пли 11/2 часовътакъ какъ 3/3 картинъ помъщаются во 2-мъ и 3-мъ прусахъ, одиниъ словомъ, такое разсматриваціе-физически невозможно, безъ боли въ шев и плечахъ. Вотъ почему съ увъреппостію можно сказать, что такія обездоленныя картины смотрятся только пріятелями да знакомыми художниковъ. По помимо того обстоятельства, что картину небольшихъ размъровъ ни высотъ $2^{1}/_{2}$ — 3 арш. разсматривать трудно, и для обыкновеннаго, случайнаго посътители выставокъ — опа не существуетъ, является другое препятствіе, лишающее картилу, какая бы она ни была по качеству своего значенія.

Я хочу сказать, что всякая сцена, изображенная на картинъ, и также непосредственно въ жизии, постольку производить на насъ болъе или ченъе спльное внечатаъніе, поскольку мы удалены отъ нея разстояніемъ.

То же происходить и съ картиной: чёмъ мы ее лучше можемъ разсмотръть, тъмъ болье мы сочувствуемъ или несочувствуемъ дъйствующимъ вицанъ — картина значительно удаленнан отъ насъ производитъ безразличное внечатябије, а такъ какъ 2/3 картинъ всвявна. шихъ выставокъ удилены пменно настолько отъ зрителя, что являются только фономъ для другихъ картинъ (фономъ, къ слову сказать, очень часто мъшающимъ тому, что опъ окружаютъ), то на основаніи раньше высказавнаго, можно закаючить, что наши выставки устрая. ваются 1) противуестественно и 2) такимъ образомъ, что 2/3 труда затрачивается художниками не для общества, а для собственнаго удовольствія.

Пора полумать художникамъ о судьбъ ихъ дътищъ, брощенныхъ на произволъ случайпости; въ данномъ положеній начто не можетъ защитить картины художника: ин его имя,
ни выдающееся значеніе картины, если случайно угодно будетъ обставить картину такъ,
вакъ была обставлена «Свадьба въ деревиъ»
Ланьяна.

Обидиће всего то, что въ неудачномъ распредъленін картинъ никто не виновать, начиная съ распорядителей по размъщению экспонатовъ. Не нужно забывать, что выставка, это не тојько давка для продажи картинъ, по главнымъ образомъ учреждение, имфющее своей задачей болбе высокую цвль, — давать зрителю художественные образы, а художнику дать возможность высказаться. Между тъмъ, мы ясно видемъ, что главиая задача выставки вовсе упускается изъ виду; если при этомъ всиоминть, что даже хорошия вещи подвергаются нечальной участи быть незамиченными или обезсиленными невыгоднымъ положениемъ, но м'ясту или по свъту, то это сразу заставляетъ насъ серьезно взглянуть на весьма важную сторону жизни художника-на сезонъ выставокъ. Стоитъ вспомпить сколько возненій возбуждаеть открытие выставокъ у художинковъ! Пачинается дъло съ того, что почти каждый экспонентъ недоволенъ своимъ мъстомъ на выставив. Художникъ привыкъ видеть свою картину только въ мастерской, на выставкъ же она сразу изм'йнилась въ двухъ отношеніяхъ: по величинъ, но циъту - отъ контраста и игры дополнительныхъ цвътовъ и поэтому кажется совсивь вной; вивманія на пей сосредоточивается меньше, такъ какъ его развлекають сосъднія картины п т. д.

Какъ выйти изъ такого положенія — это вопросъ, который долго будеть еще оставаться открытымъ, если на него не будеть обращено должнаго вниманія и къ разрѣшенію его не приступять всѣ художники; съ своей же стороны я попытаюсь въ этомъ докладѣ хотя слека намѣтить то, что мнѣ кажется существеннымъ и справедликымъ въ этомъ вопросѣ.

На основаніи раньше сказаннаго, можно вывести заключеніе, что пдеальная выстанка будеть представлять большое пом'ященіе съ возможво пебольшим числомъ картинь; одив картины должно пом'ящать въ отд'яльныя комнаты, другія можно ставить на изв'ястномъ разстонпін одну отъ другой. Исходя отъ идеала, будемъ стремиться выяснить вс'я возможныя средства къ наизучшей организаціи выставокъ, въ предълахъ практической возможности.

Весьма солиднымъ указапіемъ, какой видъ должна имѣть разумно устросния выставка, служать выставки отдѣльныхъ художниковъ. Почти всегда художникъ, открывающій собственную выставку, устранваетъ картины своп хорошо; картинъ немного, всй онѣ на своихъ мѣстахъ, прекрасно освѣщены; каждая вещь такъ поставлена, что ее можио разсмотрѣть внимательно и обозрѣватель не утомленъ,—а это первое и самое важное слѣдствіе хорошо устроенной выставки.

Такое же пріятное впечативніе производять картины гдб-инбудь въ домб, даже въ витривъ магазина; картину, часто посредственную, мы разсматриваемъ випмательно и почти всегда съ удовольствіемъ, потому что трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ картину хотя бы обыкновеннаго, средняго уровия, которая бы не имѣла своего небольшого интереса. Между тѣмъ, часто такая картина на выставкѣ не замѣчается. Согласитесь, что досадно и обидно за художника, видѣть кикъ трудъ его погибаетъ, не принося имкому той крунецы нользы, которая оправдываетъ ноявленіе его на свѣтъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что способъ выставки картинъ наибольс раціональный состоить въ томъ, чтобы картинь было возможпо меньше; немного картинъ, хорошо обставленныхъ, всегда произведутъ ясиос, опредъденное впечатувние и навсегда останутся въ паняти. Раз умъется, каждому художнику желательно видъть скою картину во всеоружи внечатавнія, но вотъ вопросъ, какъ отнесется публика къ такой выставкъ, гдъ показываютъ немного картинъ, а за входъ берутъ тъ же 30 к., что и раныне. Но я думаю, что «это зло не такъ больной руки». Первое время конечно, могутъ быть жалобы, но со временемъ, безспорно, сама публика, на которую, въ слову сказать, взваливають столько незаслужевныхъ покленовъ, пойметь, что ее не хотять эксплуатировать, а что здёсь общихъ интересовъ: художнику важно, чтобы съ нинъ ближе познакомились и поняли его: съ другой стороны, зритель вынесеть съ выставки пъсколько испыхъ образовъ, пичкиъ пезатуманенныхъ, полюбить то, чвить живетъ художникъ, увидитъ красоту и тамъ, гдъ раньше было для него простое иятно безъ цвъта, красивой формы и настроенія, мимо чего проходила эта самая публика столько леть равподушно. Вы замътьте: стоить только обыкновенному смертному, т.-е. инкогда не думавшему о жишониси, случайно пріобрасть картину, этюдь, и вы замбчаете, какъ человъкъ, цасмотръвшись на понавшую къ нему вещь, чувствуетъ открывающіеся предъ памъ горизопты, интересуется больше природой, картинами (разумъется если въ немъ есть хотя небольшое чувство въ живописи). Почему же этого раньше съ инмъ не бывало, когда опъ побываль «во встать галлереяхь Европы»? этоть сублекть хотя и портвать вр салебенхя, но вр силу подавляющей массы картинь у него не уцѣаѣао ничего въ памяти, осталось только одно: картины, картины безъ конца въ видъ темныхъ пятепъ, золотыя рамы, дворцовыя залы, ливрейные смотрителя, а если уцвавло прсколько мутныхъ образовъ, то опи оказались безепльными заставить его полюбить живопись и опъ прозрълъ, благодаря случайно попавшей къ нему, можетъ быть, посредственпой картинкъ, въ которую опъ внимательно вглядыся. - То же будеть, когда наша публика станетъ внимительно разсматривать живоимсь на такихъ выставкахъ, гдв глаза, какъ говорится, «не разбъгаются». Я убъжденъ, что человькъ, посящій въ себь хоть некру любви къ прекрасному, пойметъ, что художникъ, устраивая нарочно небольшія выставки, только этимъ способомъ дъйстиптельно можеть передать свои впечатавнія, свои образы, по только такъ, что его пойнуть и поэтому опъ не хочеть, сакауя обычаю, нагромождать въ кучи картины, въ общей масст не имтющія ни сиысла, ни значенія. Не напрасно же трудились десятки художниковъ, каждый изъ нихъ навърное мечталь, что онь сділаль пічто, можеть быть пебольшое, по дающее ему право сказать, что онъ такой же гражданинъ, какъндругіе, н его трудъ также пуженъ, какъ и трудъ всякаго другого, работающаго на общую нользу, имъетъ

Разумъется, одинмъ художникамъ трудио бороться съ привычками, которыя кръпко установились въ пашемъ обществъ и если идся о переустройствъ нашего строя выставокъ заслуживаетъ хотя пъкотораго випманія, то для болъе успъщнаго проведенія ея въ жизнь необходимо систематическое содъйствіс печати,

модей, мобящихъ искусство, а главное имъющихъ вліяніе силою своего авторитета.

На всё вышеприведенные доводы мий весьма основательно возразять, что если устраивать выставки съ наименьшимъ числомъ картинъ, то хотя попавшія на выставку картины будуть обезнечены отъ невначанія со стороны публики в безсилін отъ неблагопріятныхъ условій, но благодаря этой системѣ масса художниковъ должна остаться вовсе безъ мѣстъ.

Здъсь я имъю честь, м. г., предложить иижеслъдующую программу устройства картийныхъ выстаномъ.

Я предлагаю: 1) Передъ началомъ всякой выставки, весь имъющійся на лицо матеріаль раздълить на итсколько отдтлыных группъ, сообразпо съ выставочнымъ помъщеніемъ. 2) Затъмъ каждую группу выставлять самостоятельно, непосредственно одну за другой, при чемъ при смъпъ, напр. 1-й группы 2-й, изъ 1-й отбираются 2-3 лучнихъ вещи и продолжаютъ оставаться на выставкъ и т. д. Приноровить дълсије группъ такъ, чтобы каждая представляла собою достаточный интересь. 3) Избрать для устройства выставки комиссію, которая им'бла бы въ виду не только удобное размъщение картинъ по свъту и понтрасту между собою, по также стремилась бы каждую группу собрать такъ, чтобы получилось одно цъльное и гармоничное внечататніе. 4) Каждую группу картинъ открывать для обозржиня на 2 или болже недъл сообразно съ интересонъ группы — это главныя положенія. Кром'в того хорошо устроенная выстивка должна имъть удобные диваны, легко подвижныя кресла, разставленный такъ, чтобы дать возможность и заставить даже зрителя возможно чаще отдыхать, а не проглатывать выставку сразу, какъ это обыкновенно принято делать. Если выставочный заль имъстъ верхній свъть, то какъ бы это ни было разорительно, необходимо устроить надъ заломъ навъсы, такъ чтобы освъщались только картины и такимъ образомъ были удалены рефлексы отъ пола; у насъ такте навъсы уже практиковались и именно у Товарищества нередв. выставокъ; кромъ того, нактсы тымы хороши, что заставляють сосредоточивать внимание на картинахъ, публика меньше развлекается сама собой, а полутопъ настранваетъ нервы на спокойный ладъодно изъ первыхъ условій дли полинго воспринятія внечатябнія.

Симо собою разумжется, что предлагаемая мною организація выставокъ, яся въ зависимости отъ разнообразныхъ условій и отъ нихъто принимаетъ тотъ или другой оттъпокъ, въ особенности же въ зависимости отъ матеріала, который представляется художниками. Вообще предлагаемый методъ можно комбинировать иъ самыя разнообразныя формы, такъ какъ

самая существенная его сторона заключается только въ томъ, чтобы дать возможность каждую картину такъ обставить, чтобы она была въ лучшемъ своемъ видъ. Можно, напр., еще такъ устроить выставку: оставлить въ видъ базиса выстарки на своихъ мъстахъ только картины; а этюды, портреты, nature morte ы и пр. не им'вющее самостоятельного значенія раздълить на группы и выставлять по приведенному выше образцу, наи напр., раздълить на следующія групны всю выставку: пейзажъ, жанръ, акварели и рисуцки, и выставлять но группамъ поочередно и т. д. и т. д. Одиниъ словомъ, кикъ видите, варіантовъ можетъ быть очень много и всё они приведуть къ одной цвли: напболже гуманному отношенію къ труду художника и наиболье выгодной эксплуатація этого труда.

Я, кажется, довольно подробно разобраль выгоду такого пом'вщенія картинь, когда впечатл'вніе отъ каждой картины исчернывается до конца, теперь я хочу разсмотр'єть выгоду выставокъ повой формаціи съ другой стороны.

Выставка, устроенная на новых началахъ безспорно заставитъ говорить о себт больше тсперешивхъ, такъ какъ сами картины станутъ выразительнъе, да и помимо этого, каждая газета, вмъсто одного отчета о выставкъ дастъ таквъъ отчетовъ 2, 3, 5, что составитъ уже иъчто, если вспомиить, какъгазеты вообще мало интересуются живописью: тогда какъ о театръ говорится каждый день, живописи удъляется много - много статейка, и то обыкновенная замътка, не содержательнъе тъхъ замътокъ, какія дълаются о всякихъ злобахъ дня, и то только разъ въ голу, обыкновенно весною, съ наступленіемъ художественныхъ выставсиъ.

Н раньше сназаль, что газеты будуть въроятио больше интересоваться живописью посль реформы выставовъ; если бы это было такъ, и ссли бы я смулъ разсчитывать, что мои доводы о ненормальности нашихъ выставокъ хоть пемного выдвинутъ вопросъ объ этомъ, то дъла художниковъ сильно поправились бы. Живонись такъ условиа, что ей необходимо имъть постоянныхъ руководителей, горячилъ, убъкденныхъ, или по крайней мъръ постоянно напоминать о ней живымъ сочувствующимъ словомъ; при новомъ же устройствъ выставокъ, въ силу условій новой организаціи о картипахъ и художинкахъ будутъ больше писать и говорить. Если бы у насъ выставки были открыты, ностоянно смъняясь въ течени 3-4 місяцевъ въ году, навірное живонись составляла бы такую же необходимость, какъ театръ, концерть, книга; между тімь, годами сложплпредразсудонъ, что выставку сабдустъ устранвать весной. Почему именио весной и устранвать одновременно 2, 3 или 4 выставки?

Это неполятный и крайне непрактичный предразсудокъ. Начать съ того — что при обилін выставокъ, неправильно устроенныхъ, получается въ результатъ пресыщеніе и равнодушіе, котораго мы, художники всъхъоружій, должны такъ бояться. Пе то было бы, если бы выставки, разумъется безукоризненно устроенныя, были открыты для посътителей въ продолженіе напр. 4 мъсяцевъ, съ извъстными промежутками, непрерывно обновлялись, были составлены такъ, чтобы интересъ не осла-

блялся, а паоборотъ постепенно, но и правильно, росъ... Я имъю смълость, м. г., думать, что живопись и пластика, когда-то имъвния громадное общественное значене, никогда не подымутся, при настоящемъ положени вещей, и мы должны всъ, сколько насъ здъсь есть, немедленно и эпергично приступить къ разсмотрънію вопроса объ общественныхъ выставкахъ — этой единственной качедръ художника!

П. А. Нилусъ.

В. Мансимовъ. Либросоко карандашомо.

Очернъ развитія "романса" въ Россіи.

Если бы на свътъ не существовало другой музыки, кромъ оперной и симфонической, то меломаны были бы поставлены въ самое критическое положеніе. Исполненіе той и другой требуеть огромныхъ средствъ — оркестровыхъ, хоровыхъ массъ, не говоря о солистахъ, — требуетъ соотвътствующихъ денежныхъ затратъ. Слъдовательно опа возможна только въ иемпогихъ многолюдныхъ центрахъ, она доступна только горети меломановъ; а остальнымъ, для того, чтобы съ нею познакомиться и ею пасладиться, приходится довольствоваться четырехручными переложсніями и, или довольно жидкими, или черезчуръ запутанными клавирауснугами.

Но, къ счастію меломановъ второй категоріи существуетъ еще камерная музыка, требующая лишь немногихъ исполянтелей; а къ вящиему ихъ счастію, эта музыка заключаетъ въ себѣ такія сокровища, которыхъ пожалуй не пайти ни въ оперной, ни въ симфонической музыкъ. Почти всѣ самые геніальные композиторы высказывали именно въ камерной музыкъ свои самыя глубокія мысли, выражали самыя сильныя чувства, самыя затаенныя движенія своей души.

Обыкновенно подъ камерную музыку, въ классическомъ значеній этого слова, подводять музыку, написанную — покрайней мъръ для двухъ равноправныхъ инструментовъ-въ формъ сонатъ скрипнчиыхъ и віодончельныхъ тріо, квартетовъ, квинтетовъ и т. д. Допускаются еще и сочиненія, паписанныя для одного фортеніано, но опять лишь въ одной опредъленной «классической» формъ сонаты. И только. Въ этой исключительности кроется ибкоторое неумышленное, а можетъ быть и умышленное, консервативное, чтобы не сказать консерваторское, недоразумъніе, ибо камерная музыка очевидно ссть вся та музыка, которая можетъ исполняться гдв угодно, въ любой комнатъ частной квартиры и требуеть лишь немногихъ псполнителей. Логично ли допускать на програмны «камерной музыки» сонати Шопена,

и не допускать его этюдовъ, прелюдій, поктюрновъ, — быть можетъ, еще болье геніальныхъ? Не следуетъ «камерной музыкъ» быть такой чопорной аристократкой и бреягано сторониться отъ мезаліанса со своими сестрами, только потому, что онъ не въ строго классическомъ нарядъ. Отъ ихъ взаимнаго общенія выиграла бы и величаво классическая красота собственно камерной музыки, и увлекательная, интимнай прелесть жа провой музыки.

Еще большая несправедливость—это исключеніе изъ камерной музыки музыки вокальной: романсовъ, дуэтовъ, трю, которые къ оперной и кантатной музыкъ относятся совершенно такъже, бакъ сопаты и квартеты къ симфоніямъ. Отсюда провсходить крупное, на начемъ логически неоснованное, добровольное ляшеніе; потому что, если хорошихъ оперъ очень мало, то превосходныхъ романсовъ великое множество. Всабдствіе этого остравизма приходится исполнять романсы въ концертахъ, дающихся въ большихъ залахъ, гдъ деликатнъйшіе изъ романсовъ, часто и самые лучшіе, много теряютъ. А какъ было бы пріятно, послъ струпныхъ инструментовъ услышать голось человъческій; какъ это было бы освъжительно, и, опять-таки, какъ это было бы обоюдно выгодно!

Несмотря на это несправедливое и надменное отношение «камерной музыки» къ романсамъ, они процвътаютъ, они очень распространены по всей Европъ, это весьма популярный родъ музыки, ихъ литература отличается за мъчательнымъ богатствомъ. И въ Россіи романсное дъло получило шарокое развитіе; краткій очеркъ этого развитія и составляетъ задачу предлагаемыхъ замътокъ.

Отцомъ русскаго романса, точно такъ же, какъ основателемъ русской оперы, слъдуетъ считать М. Н. Глинку; потому что, хотя п раньше него писались романсы, — хотя между пхъ авторами были люди и талантивые, какъ Титовъ, Варламовъ, Алябьевъ, — хотя пъкоторые

ихъ романсы пользовались большою и заслуженной нопулярностью, какъ, наприм., Красмый сарафанъ—Варламова, Соловей—Алябьева, — но всё эти авторы были слишкомъ мало музыканты, въ смыслё техники, а ихъ романсы восили слишкомъ дилетантскій характеръ для того, чтобы положить прочное художественное основаніе романсному дёлу у насъ. Это прочное основаніе положилъ

М.И. Глинна (1804—1857). Онъ написалъдо 80 ромянсовъ. Сначала сстановлюсь на ихъ

вившией формъ, на ихъ фактуръ.

Аккомпанименты его романсовъ отличаются первобытной простотой, отсутствіемъ оригинальности и интереса, и состоять, большею частью, или изъ медленныхъ арпеджій, или изъ мёрно ударяемыхъ аккордовъ ⁴).

Романсы его мелодичны, въ нтальянскомъ стиль; вногда эти мелодін не лишены банальности, особенно ихъ заключенія; иногда опъ являются со старомодными укращеніями въ родъ форшлаговъ и даже фіоритуръ, кабъ, напр., въ окончанін, красиваго, по началу, романса Не требуй писень оть ипеца (единственный впрочемъ случай фіоритуры въ романсахъ Глинки). Эта обыдевность мелодін, въ соединении съ наивпостью вккомпаниментовъ, придаетъ многимъ его романсамъ, особенно раннимъ, тотъ же почти двястантскій характеръ, какъ и у его предшественниковъ. Но не забудемъ, что скачками инчто не развивается, что во всемъ неизбъжна постененпость, а Глинка дошель до Еврейской писни и до Ночнаго смотра.

Глинка былъ превосходный исполнитель; поэтому всв его романсы пввучи и выгодно написаны для голоса. Поэтому же у него не только, почти всюду, върно соблюдено ударепіе, но часто встръчается превосходная, талантливая декламація. Прикеду два примъра невърнаго ударенія: первый, — въ романсъ О, милая дыва, выходить «ддва отзовутся, въ устахъ замираютъ»; второй, — въвеликол впномъ романсь Сонз Ражили изъ музыки къ Киязю Холискому, выходить — «Я видала его, жеииха моего». Замъчательно, что въ обоихъ случаяхъ было чрезвычайно легко исправить эту неправильность ударенія; такъ, въ Сипь Рахими стоило только все передвинуть на одну четверть впередъ. Почему этого Глинка не саблаль — для меня необъясивмо. Но такія неправизьности-лишь радкія исключенія: вообще у Глинки - прекрасная декламація. Какъ хорошо, напримъръ, въ романсъ Только узналъ я тебя чередование двухъ тактовъ въ % съ одины тактомъ 1/8, вызванное просодісй текста.

Но если Глинка относится внимательно къ просодія стиха, то онъ относится довольно небрежно въ формъ стихотворенія и часто ее искажаеть повтореніем в словъ стиховъ, и даже передвакой стихотворенія. Такъ, въ романсъ Адель опъ стихотворение Пушкина повторяетъ два раза; каждый разъ стихъ «колыбель твою качали» даетъ трижды; стихъ «младыя лъта» замъняетъ стихомъ «младые дии», вслъдствіе чего стихъ «и въ шумъ свъта» остается безъ риемы и т. п. Привожу еще первую строфу Молитвы Лермонтова такъ, какъ она сдълана у Глинки: «Въ минуту жизии трудиую, тъспится-ль въ сердце грусть, въминуту жизин трудиую, тъснится ль въ сердце грусть, одну молитву чудную, одну молитву чудную, одну молитву чудную, твержу, твержу я наизусть». Потомъ опять «въ минуту жизни трудную» и т. д. Если бы Пушкину и Лермонтову прочли въ такомъ видъ ихъ стихотворснія, едпа ли бы они остались довольны, несмотри на то, чтонаши бы ихъ украшенными музыкой Глинки. И то еще пужно замътить, что Молитва передълана изъ фортеніанной пьесы; Глинка ес «устропат» (собственное его выражение) для меццо-сопрано съ хоромъ и даже инструментоваль; а текстъ пришлось подогнать, что шкакъ ужъ нельзя считать правильнымъ и нормальнымъ пріемомъ при сочиненій вокальной му-

Въ романсахъ Глинки встръчаемся съ оригипвльными тактами (Гдть наша роза написанъ въ 3/4), съ оригинальными неріодами. Въ
романсъ Я здтьсь, Инезилья музыкальный періодъ состоитъ самымъ естественнымъ образомъ няъ 7 тактовъ, безъ малъйнаго искажепія текста; въ романсахъ: Люблю писбя, милая роза (слабый романсъ въ музыкальномъ
отношенів) и Милочка, — періодъ состоятъ
изъ 5 музыкальныхъ фразъ, чего Глинка достигаетъ новтореніемъ послъдняго стиха. Эти
отступленія отъ квадратныхъ формъ придаютъ
музыкальному складу романса събжесть в оригипальность.

По характеру своей музыки, романсы Глинки весьмя разнообразны. Многимъ изъ инхъонъ придаеть замътный опредъленный, народный колорить. У него есть русскія и малороссійскія пъсни (Гуде вітерь, Не щебечи, соловейко, Дподушка, дывицы, Ахъ ты, ночьли поченька и другія). Эти пъсни блазко подходять къ народнымърусский и малороссійскимъ прсиния; вр нихр есть обязательное чередование минора съ сооткътствующимъ мажоромъ, въ малороссійскихъ пъспяхъ есть усдовная меданходическая слездивость, онъ просты по складу, ихъ аккомпанименты весьма элементарны, —но въ нихъ нътъ глубины народнаго творисства, которое находимъ во многихъ дъйствит ньио народныхъ пъсияхъ. Почти всъ

^{*)} Не следуеть забывать, что и здёсь, и инже, рёчь идеть лишь объ общей характеристики; и неизбежным, хоти и рёдкія исключенія, конечно, сущестнують.

опъ принадлежатъ къ раннему періоду творчества Глики, до Жизни за Царя.

У него есть романсы съ народнымъ колоритомъ испанскимъ, итальянскимъ, польски мъ. Первый находимъ мы въ его двухъ болеро— (по красавиць, О, дрва чудная моя и въ романсахъ - Я здись. Инезимя и Ночной зефирь. Онъ проявляется въ особенностяхъ ригиическихъ и гармоническихъ, въ крошечныхъ мавитушкахъ, въ чистомъ окончаній фразъ на слабыхъ частяхъ такта, въ синконахъ. Какъ на излюбленный переходъ Глинки въ его испанскихъ романсахъ можно указать на модулицію въ тональность большой терцін вверхъ (наъ G-dur въ H-dur), нан винзъ (изъ A-dur въ F-dur). - Итальянские романсы Глини написаны въ формъ баркароллъ: Венеціанская почь, Уснули голубыя. Они отличаются плавной, по донольно заурядной мелодичностью и красивыми голосовыми эффектами. Польскіе романсы Глики - Когда въ чась весемий, и О, милия дтва, ниписаны на слова Мицкевича, и оба въ формъ мазуровъ. Въ народной музыкъ, равно какъ п во всякомъ дълъ, гораздо легче схватить ея вижниною сторону, чемъ пропикнуться ея духомъ; поэтому понятно, что въ свопхъ немногихъ испанскихъ, итальянскихъ и польскихъ романсахъ Глинка прибъгаль къ формъ болеро, баркароллъ и мазурокъ, для ихъ болбе ясной и яркой характеристики. Въ его болъе серьезной, вибромансной дъятельности, ны встръчаемся съ великолъппымъ исплючениемъ: Аррагонская Хота и Ночь вт Мадридъ-превосходныя самфоническім произведенія, глубоко проникнутыя испанскимъ народнымъ духомъ. По относительно его польской музыки этого сказать нельзя: здёсь они дальше в нъпшей формы не идетъ и из Жизни за Царя его потаки поють исключительно полоназы и мазурки, даже заблудивнись въ лесу, гдж ихъ трагическое положение дилаеть неумъстнымъ танцовальный ритыв мазурки, какъ бы она ни была хороша по музыкъ.

Извъстно, какой мастеръ быль Глинка въ восточной музыкъ; поэтому странно, что у него почти пътъ восточныхъ романсовъ. Есть, правда «грузпискан» пъсня Не пой, красавица при мить, но въ ен музыкъ иътъ ровно ничего грузинскаго. Единственное исключене состявляеть е в рейская пъсня Съ горнихъ стран, одно изъ лучинкъ вдохновений Глинки, представляющая одинъ изъ видовъ восточ-

ной музыки.

Общеевропейскіе романсы Глини также разнохарантерны по своей музыки. Есть у него романсы лирическіе, при чемь этоть лиризмы проявляется пли въ мигкой, меланхолической формі:— Жавороновъ, Кольбельная, Инсия Маркориты, или сопровождается страстными

порынами — Вакрови горита. Есть романсы граціозные: Гди наша роза?, Милочка; есть романсы геропческіе в вакхическіе: маршеобразный Прости, корабль взмахнуль крыломь, Вакашческая писия, Мери. Въ послъднемъ истръчаются следующия две особенности. Первая. Не ръдко скорость движени пьесъ обозначають словами: tempo di marcia, tempo di valse; Глика же написаль: «mouvement de la contredanse, 3-е fig». Въ этомъ странномъ обозначения звучить точно насм'вшка надъ своей музыкой *). Вторая: истръчаемъ единственный и совершенно пеправильный примъръ соединенія двухъ слоговъ въ одинъ, какъ то дълается во французскомъ и въ итальянскомъ языкахъ, когда одпо слово копчается, а другое пачинается гласпой буквой. А именно, въ стихахъ: «Тихо заперъ и двери и одинъ безъ гостей», Глинка на слогъ ри и слогъ и даетъ только одну ноту. Можно было вивсто двери сказать «дверь», но тогда парушается ривми. — Есть романсы декламаціонные, кикъ Ночной смотрь, пли Одинь личи лича (последній совершенно коротенькій; въ немъ Глинка отъ формальныхъ, длинныхъ кантиленъ переходитъ къ медодическимъ фразамъ); есть, наконецъ, романсы комические: Дыма столбома — скороговорочный, въ родъ рондо Фарлафа, и Ходить вытерь у вороть -въ духъ русскихъ народныхъ юмористическихъ ивсенъ.

Что же касается качества музыки романсовъ Глинки, то добрая вхъ половина, разумъстся, ранняя, совершенно слаба и по обыденному повороту медодія, и по банальности аккомпанимента. Въ нихъ не только пельзя узнать,
нельзя даже предугадать будущаго творца Руслана и Людмилы. Въ другой половинъ есть
романсы не выдержанные, но въ которыхъ уже
замътны проблески крупнаго таланта. Въ няхъ
обыкновенно удачна первая, начальная фраза,
и конецъ слабъ, папр.: Только узнала я тебя,
Вы пе придете вновъ, Я помню чудное миновенье и т. п. Наконецъ, есть романсы цълкомъ прекрасные, на которыхъ остановлюсь нъсколько нодробиъе.

Колыбельная Спи, мой ингель, почивай и Жавороновъ отличнотся крисивостью и спокойнымъ лиризмомъ. Въ первоиъ весьма привлекателенъ мажорный ладъ послеминорнаго;
онъ баюкаетъ и ласкаетъ ухо. Во второмъ—
красивъ аккомпаниментъ, и особенно ритурнель.—Тъ же самыя качества красоты и лиризма находимъ въ романсахъ Какъ сладко
съ тобого мить быты, и Тъл скоро меня позабудешь, по съ прибавкой кыстраданнаго,
сердечнаго горя. Это гаре доходитъ до драматизма въ Инсин Маргариты, и почти до

^{*)} Романсъ Адель обозначенъ tempo di polka.

отчания, выражен наго горичо и съ замъчательной сплой въ Соминий и Син Рахили. — Въ испанскихъ романсихъ Я здись, Инезилья и О, днва чудная моя, находимъ тоже искрепнее чувство и страстное увлеченіс, пъсколько понерхностное, по выраженное сь блескомъ и шикомъ, свойственнымъ испанскимъ кабалеро. - Миого блеску и силы такъже вь Заздравноми кубкт и въ его образномъ, звукоподражательномъ аккомпанимен тъ.-Въ Молитов, въ которой Глинка такъ варварски обощелся со словами, вт. нервой части есть пеудержиный, пъсколько земной порывъ, а во второй-много торжественнаго спокойствія и истивно религіозное настроеніе. -Но самые капитальные романсы Глинки— Houной смотрь, и Еврейская пъсня. Еврейская пюсия отвичается выразительностью мелодическихъ фразъ, силою и тишчиостью оригипальной гармовизаціи и вибств съ твиъ замвчательной простотою. Баллада Почной смотрь, тоже, несмотря на простоту употребленныхъ средствъ, такъ върно и картинно иллюстрируетъ ноэтическій тексть Жуковскаго, что производитъ глубокое внечатлъніе. Это чисто декламаціонная баллада, ся музыка такъ ткспо синзани съ текстомъ, такъ усиливаетъ его значение, такъ дъйствуетъ на воображеије, что передъ глазами слушатели мелькаетъ загробный образъ великаго императора, его маршаловъ, его дружинъ.

Романсы Глинки въ пастоящее время почти совершенно забыты и почтя инкогда не исполняются. Если значительная яхъ часть устарёла и заслуживаеть того, чтобы оставиты ихъ въ поков, то подобное отяошение къ остамымъ— положительно иссправедливо. Многие изъ няхъ достойны полнаго внимания праспространения. Ихъ игнорирование доказываеть или недостаточное знакомство съ нашей романсной литературой, или увлечение модными именами въ угоду публика и въ ущербъ истянно художественной стороив дъла.

А. С. Даргомынскій (1813—1869). Даргонынскаго можно назвать младшимы братоны Глинки по музыкт. Опъ быль только на девять лёть моложе; опи находились въ ближихъ, прінтельскихъ отношеніяхъ. Глинка имтать несомитиное вліяніе на своего молодого товарища; по талантъ Даргомынскаго быль настолько силенъ, что это вліяніе но номъщало его широкому, самобытному развитію.

Въ романсиомъ дълъ исходия точка Глинки и Даргомыжскаго была одинаковая: —заурядная мелодичность, въ сосдинени съ самыми элементарными аккомпаниментами, способная удовлетворить дилетантскимъ вкусамъ салоновъ сороковыхъ и иятидесятыхъ годовъ. Но въ далытышемъ развити романснаго двла, Даргомыжскій опередиль Глинку и вслівдствіе своей выдающейся способности къ вокальной музыкі, и вслівдствіе боліве зрівлой обдуманности; нотому что если Глинка всюду поражаеть геніальностью своихъ врожденныхъ инстинктовть, то всюду у Даргомыжскаго замітно гармоническое сочетаніе таланта съ разсудительнымъ умомъ.

Даргомыжскій относился пъ тексту съ большею любовью, съ большимъ уважениемъ, чъмъ Глинка. Это сказывается и въ бол ве строгомъ выборъ текстовъ, - преплущественно Пушкина, къ которому Даргомыжскій питаль особенную любовь, доходившую до культа, - и въ отсутствін подгонки словъ подъ музыку, какъ въ Молитет Глинки, - и въ декланаціи болбе гибкой и тонкой; а, главное, въ больнемъ сооткътствін формы стихотноренія съ музыкальной формой романса. У Даргоныжского рълко бываеть болье музыки, чъмъ того требуетъ текстъ, что немпнуемо вызываетъ повторенія стихонъ, исдажающія форму стихотворенія, какъ, напрыя връ. въ романсь Слония ли голосо тизой, гдв онъ повториетъ два раза четыре послъднихъ стиха, а потомъ еще въ третій разъдва последнихъ стиха. Подобныя повторенія в'ь поротенькомъ романсъ-нсего 12 коротенькихъ стиховъ, - производитъ весьма непріятное висчатавніе. Чаще же всего Даргоныжскій повторяеть только посл'бдній стихь, противь чего нельзя сдёлать особенно серьезных возраженій, такъ какъ это повтореніе является тогда, когда все стихотвореніе было уже прослушано во всей его леприкосновенности. Къ тому же неръдко, у Даргомыжского этотъ повторяющійся стихъ спазань пначе.

Всявдствіе уваженія Даргомыжскаго къ тексту, форма его романсовъ разнообразна; опъ часто отказывается отъ закругденныхъ, симметричныхъ кантиленъ; коротенькія мелодическія фразы начинають у него пріобр'єтать особевное значение; речитативъ (разумъется, съ музыкальнымъ содержанісмъ) вступаетъ въ свои права. Романсъ Къ друзьям начинается речитативомъ, а Ты вся полна очарованья Даргомыжскій даже назваль не романсомъ, а «речитативомъ». — Въ этомъ же стремлении къ правдъ выраженія, Даргомыжскій ръдко новторяеть музыку той же строфы безь изминения, хотя бы, при поверхностномъ взглядъ на дъло, текстъ это и допускаль (наприм. въ ронансахь Бушуй и волнуйся, илубокое море, Безумная п проч.).

Аккомпанименты Диргомыжскаго просты, по разпообразите, чтмъ у Гленки; пногда они являются въ варіаціонной формть. Такъ въ колыбельной итсить—Баго, багошки, баго, каждан изъ четырехъ строфъ аккомпанируется иначе.

Даргомыжскій написаль около ста романсовъ. У него такъ же, какъ и у Глинки, не мало романсовъ съ народнымъ колоритомъ. У него есть русскія ибсин, большею частью слабыя въ музыкальномъ отношени (Ливицы прасавицы), есть романсь Тучки пебесныя. въ родъ apin à la russe, состоящей изъ andaute и allegro съ иссвдо-русскими фіоритурами, столь же условно-пародными, какъ фіоритуры аріп Антониды, но менъе красивыми. Есть цыганскія ивсни (Ненаглядная ты, Ой вы, уманы) болъе чъмъ соминтельного достоинства, пропикнутыя безвкуснымъ дилетангизмомъ, появление которыхъ можеть быть только обънсиено желаніемъ Даргомыжскаго угодить дамимъ-любительницамъ, салониымъ пъвицамъ п своему антуражу, не всегда отличавшемуся чистотою своихъ музыкальныхъ вкусовъ, (Этотъ соминтельный, разумъетси только съ музыкальной точки зрвнія, — антуражь относится къ періоду между постановкой Русалин п созданіемъ Копрала, Паладина и Каменнаю Гостя. Въ нослъдние годы своей жизни Даргомыжскій быль окружень группою молодыхъ композиторовъ «вовой русской школы», которые его высоко цвнили и охотно въ немъ признавали своего главу).-У него есть польскій романсь на слова Мицкевича О милая дъва — совстить неудачная мазурка; весьма удачный испанскій романсь Одилась туманомъ Гренада, въ которомъ народный колоритъ прекрасно охарактеризованъ, между прочимъ, секненціями инсходящихъ тризвучій; есть, паконецъ, два великол вшыхъ восточныхъ романса, о которыхъ скажу подробиве паже.

По настроенію, романсы Даргомыжскаго не мен'ве разпообразны, чты романсы Глинки. Лирические романсы, въ которыхъ господствуеть илгкое получувство, лучте всего выражаемое закругленной, красивой кантиленой, мало удавались Даргомынскому (Ко друзьямь, Поиполуй), потому что его мелодичесое вдохновение прояваллось въ другихъ, менъе правильныхъ, болъе свободныхъ формахъ коротенькихъ фразъ. Гораздо удачийе тъ романсы, въ которыхъ къ лиризму присоедниялось выражение страсти, особенно выраженной вь нъсколько отрывистой, полуречитативной формъ, что въ данномъ случат весьма идетъ къ двау. Напримъръ, презнычайно популярный въ свое время романсъ Влиблена я, дъва красота, съ такимъ гориниъ, эффектнымъ, увлекательнымъ окончаніемъ. Но лучшіе эприческіе романсы Даргомынскаго тъ, въ которыхъ сказывается глубокое чувство, неизцълман, часто затаенная спорбь, пикъ напр. Я помию глубоко, Безумная, Не смажу микому. Не мало у Даргомынского граціозныхъ романсовъ и своеобразно, оригинально

граціозныхъ, какъ, напримъръ, - Моя милая, моя душечка-предсстный весь и съ особенно прелестнымъ припъвомъ, романсъ, въ которомъ какъ бы видна улыбка сквозь слезы; Ты хорошенькая-такого же характера, по нъсколько слабъе по музыкъ; Лушечка дывина, въ русскомъ духъ съ оригинальной, игривой ритурнелью; Ножки сь своеобраз. нымъ, въ гармоническомъ отношени, аккомнаниментомъ. —У Даргомыжскиго маого декламаціонныхъ романсовъ. Не во встав этихъ романсахъ одинаково талантлива музыка, но во всъхъ талантлика декламація, вст ихъ можпо чудесно сказать и всв правдою своего выраженія усиливають значевіе текста. Какъ образцы этихъ романсовъ, приведу Какг чисто слушаю, состоящій изъ короткихъ, глубоко прочувствованныхъ мелидическихъ фразъ, построевныхъ на фонфиримитивнаго аккомнацимента арпеджіями, дивно выражающихъ текстъ и сливающихся съ нимъ. Къ той же категорін относится — Мињ грустно, потому что весель тебы. Въ романсахъ-Бого полоче вамь, Я умерь от счастья, Даргоныжскій, ради той же выразительности, обращается почти псилючительно къ речитативу, опять таки мелодическому, къ еще болбе простому аккомнапименту, лишь намичающему гармонизацію, и, благодаря прекрасной декламаціи и неподдъльному чувству, – достигаетъ цъли. Къ разряду декламаціонныхъ, но свльно драматическихъ романсовъ следуетъ отнести Стараю Капрала в Паледина-врупныя созданія пскусства въ скромной и сжатой формъ. - Наконецъ, комические романсы у Даргомыжскиго многочислениы и просто поражають своимъ разнообразіемъ. Въ шихъ Даргомыжскій затропуль всв виды комизма: и остроумную шутку — пъсня Ванька-Танька, преобразованная въ забавный дуэтъ; и смъшной анекдотъ — Мельникь, Онь быль титулярный совттникъ; в пронію — Червянъ; и юморъ, то веселый, -Камсь, дядя, чорть попуталь, Какъ пришель мужь изг-подъюрокь, то насмъщанво-зловный — Лихорадуника, — то щенящій — Охъ тихъ, тихъ. Еще нужно добавить, что многів комическіе романсы Даргомыжскаго (посабдию четыре изътолько что названныхъ) глубоко пропикнуты русскимъ народнымъдухомъ.— Есть еще у Даргомыжского три французскихъ романса: два изъ нихъ совершение слабы, третій Jamais миль и припадлежить въ мелодическо-декламационнымъ.

Сравнивая музыку романсовъ Даргомыжскаго съ музыкой романсовъ Глинки, должно замътить, что у Даргомыжскаго не было того
чувства красивости, того вкуса, который всегда
быль присущъ Глинкъ. Это особенно замътно
па тъхъ романсихъ Даргомыжскаго, которые
онъ написалъ въ подражание Глинкъ и на тъ

же слова, какъ то: Во крови горито, Ночной зефирь, Ты скоро меня позабудешь. Вст опи значительно слабте Глинкинскихъ. Лаже слабые романсы Глинки отличаются стройпостью формы, что ръдко служить смягчающимъ обстоятельствомъ въ пеудачныхъ, исключительно кантиленныхъ романсахъ Даргомыжскаго. Модуалцін въ его романсихъ много повъе в оригинальнъе, тъмъ у Глинки, по такъ какъ Даргоныжскій не обладаль безупречнымъ вкусомъ, то эта повизна подчасъ велиголвина, а подчасъ совстиъ неудачна. Такъ, въ серединъ романса На раздоми исбест, на словахъ «эта ночь пролетить и т. д.» находимъ весьма прасивые и оригинальные переходы съ постояннымъ, постепеннымъ подъемомъ; а въ романсъ Молю тебя, Создатель мой, находимъ пребезобразную секвенцію трезвучівни, въ ложно-религіознонъ стиль, тьмъ болбе неумбстиую, что она заключается самой ординарной каденціей вь банально свътскомъ стилъ. Тотъ же небезупречный вкусъ приводилъ иногда Даргомыжского пъ неопредъленному, неясному гармоническому блужданію, какъ въ романсь Кудри. Но гдъ талантъ Даргомыжскаго проявляется въ полномъ блескъ, такъ это въ гибкости и вдохновении короткихъ мелодическихъ фразъ, вънхъ тесной связи съ текстомъ, въ пхъ прандъ, выразительности, снав чувства. Эти бачества двають лучшіе романсы Даргомыжскаго перворазрядными. На этихъ дучинихъ романсахъ и остановлюсь не-

. Іприческі еромансы Не скажсу никому н Безумная, кромъ глубокаго чувства и спмпатичности, отличаются еще замъчательной красивостью, закругленностью формы и широкой мелодичностью, что истричается у Даргомыжскаго довольно радко. Въ первомъ изъ нихъ каптилена, не повторяясь, течетъ до копца непрерывной струей. Во второмъ-двъ строфы; по вторая только начинается и кончаетси какъ первая, а въ серединъ, на словахъ «отрада тихая», она получаеть новую, мягкую, самую привлекательную окраску. — Восточные романсы превосходны по музыкъ и безконечно оригинальны. Въ восточной кузыкъ встль европейскихъ композиторовъ установились извъстные наблонные пріемы, основанные на восточной гамм' и на хроматических ь завитушкахъ, къ которымъ они веж прибъгатоть, чтобы придать своей нузыка желаемый восточный колорять. Одинъ Даргомыжскій составляеть въ этомъ отпошени исключение: его Востойъ основанъ преимущественно на оригинальной гармонизацін и модуляціяхъ, и результить получается великольний. Вь Восточном романет («Ты рождена восиламеиять»), первый же аккордъ увеличенной квинты и первый ходъ бисовъ иблыми тоинми сразу

приковываютъ инимание слушателей и вызывають какое-то странное неопредвленное настроеніе. Въ дальнъй шемъ развитін роминса, въ посабдовательности вональныхъ фразъ и модуляцій, чувствуется слінніе жгучей страсти съ ивгой. Къ концу все замираетъ, роминсъ неопредъленно кончается на нотb D, которая можетъ одинаково принадлежать и къ тональноста D, и къ топальности B, —и слушатель остается подъ внечатавніемъ какого-то чуднаго, мимолетваго виджиія, съ неисными контурами, промелькиувшаго въ полутый передъ его глазами. Восточная арія («О, дъва роза, я—въ оковахъ») еще красивъе, оригинальнъе, зрълъе, поэтичке. И заксь ны встричаемъ такое же соединение страсти съ лічивой, томптельной пътой, такіе же модуляціонные переливы, такую же неопредъленную топальпость (колебанія между A-moll, E-moll π C- $d\pi$), по выраженный съ еще болъе чарующей патенсивностью. Во всей музыкъ и не знаю болъе совершеннаго звукового одицетворенія Востока.

Комические романсы Даргомыжскаго всъ заслуживають винмания. Въ 60-хъгодахъ была у насъ въ большомъ ходу пошленькая, шарманочная пъсенка — Въ сель маломъ Ванька монав. Даргоныжскій передожиль ее на два годоса. Сопрано ноетъ тему безъ измъненія, а тенору Даргомыжскій поручаеть такіе остроумные контрапункты, что пошлость темы въ значительной степени сглаживается. Спачала это контранунктъ въ видъ діатонической инсходищей гаммы; потомъ въ видъ хроматической гаммы; далбе это забавные возгласы на высочайшихъ тепоровыхъ потахъ; наконсцъ на словахъ-«Ванька дудочку беретъ», длиннан пота на слогь ду, образующая съ темой минорный интеркаль, производить неотразимо комическое внечативніе. У Даргомыжскаго быль истинно композиторскій голось: нісколько хорошихъ, высочайшихъ теноровыхъ потъ, а остальной регистръ слабый, хринловатый и какой - то смъшной по звуку. Несмотри на это, онъ пъваль охотно, выражаль нь совершенствъ п всегла производиль сильнъйшее вчечатувије и въ комическомъ и въ драматическомъ. Когда у себя на вечерахъ, онъ въ Ванькъ-Танькъ затягиваль эту знаменятую «дудочку», всегда хохоть быль неудержимый. - Въ пъсиъ Какъ пришель мужев изг подв горока чисто русская тема гораздо болбе благородная, чвик въ Вашки-Танени; по и туть помпамъ заключается главнымъ образомъ въ паріаціонномъ аккомпанименть пяти куплетовъ. Особенно удачны по своей образности аккомпанименты куплетовъ «а жена его тузила» и «за волосьи угодила». Забавно такъ же совершенно неожидонпос окопчаніе пъсни въ B-dur на прибавленномъ къ тексту словъ «да», мокду тъмъ какъ вси она не уклонилась от В. Мель-

ники удачень контрасть между пылкими ръчами мельнычихи и разсудительными рфчами мельныка, его заключительное, проинчески-философское замъчание на счетъ шноръ на ведрахъ, и не менъе проническая трель на фортеніано. — Точно также, въ Титулярномъ совитински презвычайно удаченъ контрастъ между скромпымъ совътинкомъ и важной генеральской дочерью и образное изображение того, какъ обезку раженный герой шествуеть въ трактирное заведение. — Пъсня Охъ, тихъ, тихъ, тихъ, ти-точно живьемъ выхвачена изъ напией пародной жизни, такъ хороша ея тема и столько въ ней горькой покорности судьбъ. -Червякъ-комическая пъсия Беранжа въ превосходномъ переводъ Курочинна. Это простые куплеты, обрасованные немногими звуковыми штрихами, изъ которыхъ достаточно одного, двухъ, чтобы изминить замичательно подвижпую физіономію этой пъсни.

Мин все равно-быть можеть самый совершенный декламаціонный романсь Даргоныжскаго. Въ немъвсенросто, до такой степени просто, что кажется какъ будто романсъ созданъ изъ инчего; и, однако, хорошо сказанный, опъ производить неотразимое впечатывніе: такъ совершенна его декламація, такъ перазрывна связь музыки съ текстомъ, такъ могуче ихъ совокупное дъйствіс на слушателя. — Старый Капраль – тоже пъсня (драматическая) Беранжэ въ нереводъ Курочкина. Она состоитъ изъ куплетовъ, какъ и Ночной смотръ, который послужиль ей прототиномь и которому она пичвив не уступаеть. Музыка этихъ купдетовъ мъняется. Какъ въ нихъ хороши идиллическій эпизодъ «ты, землячокъ, поскорте», религіозный эпизодъ — «вымолить мирь мић у Бога», посявдняя фраза прощанія— «дай Богь домой вамъ вернуться» и затъмъ глубоко драматическій конецъ пъсни. И какъ это все просто, безъ истерическихъ всхлинываній, безъ душераздирательныхъ диссонансовъ! — Паладинь составляетъ кульмипаціонный пунктъ романснаго творчества Даргомыжскаго; пикогда онъ не подымался до такой высоты. Невозможно передать словами всю лаконическую силу, всю образность, всю выразительную правду этой, по истинъ геніальной музыки, состоищей изъ простыхъ, естественныхъ вокальныхъ

фразъ, но ностроенныхъ на могучей и въ высшей степени оригинальной гармонизаціи. Какан роковая мощь въ упорныхъ ударахъ октавы на той же ноть, въ началъ и концъ баллады; какая наглядность въ изображении удара шпоръ, бъщенства коня, еще болъе успливающая значеніе и содержаніе музыки. Паладинь столько же говорить воображению, какъ и уму. Если бы меня сиросили, какіе романсы я считаю самыми совершенными изъ всъхъ существующихъ въ міръ мит извъстныхъ, и если бы я ръшпася отвъчать на этотъ вопросъ, то я бы сказаль безь мальйшаго колебанія: Восточная арія и Паладинь Даргомыжскаго. —Еще одно замъчание по новоду Паладина. Въ немъ Даргомыжскій новторяеть три стиха: въ концв первой части — «и трупъ поглощенъ былъ глубокой ръкой», въ середниъ второй части — «онъ шноры воизаетъ въ крутые бока» и въ самомъ конці баллады — «но панцырь тяжелый его утопиль». Противъ перваго и последняго повторенія печего особенно возставать, такъ какъ они сътучотъ за совершенно оконченнымъ смысломъ предшествующихъ стиховъ; но, копечно, было бы лучше, если бы Даргомыжскій могъ не новторять стихъ «онъ шпоры вонзаетъ». Это единственное маленькое пятно въ «Паладинъ», едва замътное среди его яркихъ лучей.

лучен. Безспорно, Глинка геніальніе Даргомыжскаго. Однако романсы послідняго лучше романсовъ Глинки, а Каменный Гость въ своемъ
родів стоить Руслана. Чімь же это объяснить?
Единственно талантливымъ, умілымъ обращеніемъ со словомъ, той мощной номощью, которое слово оказываетъ вокальной музыкъ, той
выдающейся, равноправной ролью, которую слово въ ней играетъ.

Романсы Даргомыжскаго такъ же забыты, какъ и романсы Глинки, а это вдкойит неснраведливо, и истому что среди романсовъ Даргомыжскаго есть несомитыно первоклассные, и потому что они представляють образцовую школу декламаціоннаго итнія, безъ котораго, въ настоящее время, вокальнымъ исполнителямъ обойтись невозможно.

Ц. Кюи.

(Продолжение слидуеть)

Драмы, приписываемыя Шекспиру.

1. Іоркширская Трагедія.

Вопросъ о подлинности произведений Шексипра основывается главиымъ образомъ на двухъ свидътельствахъ. Въ 1598 году современникъ Шекспира, критикъ Франсисъ Миресъ, въ своемъ сочинении Сокровище Остроумия, (Palladis Tamia, Wit's Treasury) авлаетъ краткую характеристику поэтической литературы Англіп и при этомъ перечисляєть все написанное до этого времени Шекспиромъ. Хотя въ мпресовомъ спискъ нътъ и Генрика VI, им Укрощенія Строптивой, которыя Миресъ по всей въроятности считаль не болье какъ передвиками старыхъ пьесъ и потому не вполнъ принадлежащими Шекспиру, свидътельство его весьма важно для характеристики первой половины шекспировскаго творчества, ибо всъ пьесы, перечисленныя Миресомъ, вошли въ первое полное собрание драматическихъ произведеній Шекспира (London, 1623. In folio), предприинтое черезъ семь льтъ послъ его смерти его товарищами-актерами Геминджемъ и Конделлемъ, которые не только хорошо знали все написанное Шексипромъ, по, по изъ собственнымъ словамъ, нивли подъ руками даже подлинныя рукописи его произведеній. Повидимому, свидітельство нерваго ін folio должно было бы имъть ръшающее значеніе въ вопрось о подлинности Шексинровыхъ пьесъ, но этого не произонию отчасти благодаря небрежности самихъ издателей, которые, включивъ въ свое собрание 36 драмъ, не включили въ него «Перикла» — пьесу, вы шедшую въ 1609 г., съ именемъ Шексиира, которая, по преданію, сообщаемому Драйденомъ, была первенцемъ его драматической музы. Исключеніе Перикла невольно наводило на мысль, что можетъ быть не одна пьеса Шексипра подперглась той же участи, приноминалось свидъ-

тельство Комдона (въ одномъ изъ последнихъ изданій его Brittania), что Шекспиръ оставиль послѣ себя 48 пьесъ и употреблялись усилія, чтобы отыскать двинадцать недостающихъ. Первый шагь въ этомъ отношени быль сдъланъ издателями третьяго in folio произведеній Шекенира (London, 1663 г.), которые включили въ него, кромъ Перикла, еще шесть пьесъ, изъ которыхъ первыя три (Торкширская Трагедія, Сэрь Джонь Олдкэстль и Лондонскій Блудный Сынь) вышли въ свъть еще при жизни Шексиира съ его именемъ, а остальныя (Пуританка, Локринъ и Лордъ Томасъ Кромвель) съ его иниціалами. Конечно, обстоятельству этому нельзя придавать въ данномъ случав большого значенія, пбо въ эпоху Шексипра право литературной собственности охранялось закономъ слабо, и нарушители его только въ ръдкихъ случаяхъ подвергались судебному преследованию. Въ особенности законъ легко относился къ контрабанднымъ изданіниъ драмъ, которыя почти не считались литературными произведеніями. Когда современникъ Шексиира Томасъ Бодлей составляль въ Оксфордъ свою знаменитую библіотеку, до сихъ поръ носящую его имя (Bodlleian Library), онъ рёзко высказался, что не приметь въ нее такой рухляди (riffe-raffe), какъ театральный пьесы. Продавъ свою пьесу труппъ актеровъ, которые ставили ее на сцену, драматургъ нереставаль быть ся собственникомъ. Фактическимъ собственникомъ ел становилась трупна, въ интересахъ которой было держать ньесу въ тайнъ, чтобы не дать возможности другимъ труппамъ поставить ее на сцену. До какой степени актеры были ревнивы къ своей собственности, видно изъ того, что изъ болже чёмь двухь соть пьесь, игранныхь труппой лорда Адмирала въ промежутовъ 1591 — 1601 гг. до насъ дошло только нятнадцать. Вотъ почему издатели перваго in folio могли предложить читающей публикъ 16 шекспировскихъ шьесъ, которыя до того времени никогда не были изданы. Въ виду того, что труппъ не было выгодно издавать популярную пьесу, предпримчивые книгопродавцы прибъгали къ средству, довольно предосудительному съ нашей точки зрвнія, но которое въ то время не пресавдовалось закономъ. Они подсылали въ театръ стенографовъ, записывавшихъ пьесу со словъ актеровъ или доставали у суфлера его экземиляръ (prompter's copy), издавали пьесу и нерѣдко бойко торговали ею. Такимъ путемъ появились на свътъ многія изъ пьесъ Шекспира и современныхъ ему драматурговъ. Книгопродавцы, сдълавшіе въ 1609 году воровское изданіе Троила и Крессиды, открыто заявляли о своей продёлкё и приглашали читателей благодарить судьбу за то, что имъ удалось вырвать эту пьесу изъ рукъ монополи-

стовъ (grand possessors). Недовольствуясь этимъ и думая только о быстрой распродажѣ, они не колебались приписать воровскимъ образомъ добытую пьесу какому-инбудь популярному автору, и зняя все это, нужно удивляться, что Шекспиру приписано только шесть пьесъ, которыя публика, мало знакомая съ закулисной стороной дѣла, bona fide, считала подлипными. Къ этимъ шести нужно присоединить нѣсколько анонимныхъ пьесъ, которыя своими художественными достоинствами до того поразили поздиѣйшую критику, преимущественно нѣмецкую, что она не сочла возможнымъ приписать ихъ никому изъ современныхъ драматурговъ за исключеніемъ Шекспира.

Познаконить читателей Артиста съ содержаніемъ этихъ любонытныхъ и малоизвъстныхъ въ Россіи пьесъ, обсудить вопросъ о принадлежности ихъ Шекспиру, указать на ихъ художественныя достоинства и на заключающіяся въ нихъ шекспировскія черты, составить за-

дачу нашей работы.

Обозрѣніе псевдо-шекспировскихъ драмъ мы начнемъ съ Горкширской Трагедіи, пьесы, вышелшей въ свътъ въ 1608 г. съ именемъ Шекспира "), игранной его труппой и вошедшей вм'вств съ пятью другими въ третье полное собраніе произведеній Шекспира (3 Folio, London, 1633). Въ основъ пьесы лежитъ событіе, случившееся въ апрълъ 1605 г. въ Горкширъ и упоминаемое въ хронивъ Стоу: нъкто Вальтеръ Кальверлей неизв'єстно всл'єдствіе каких причинь зар'єзаль двухъ своихъ малолътнихъ дътей, поранилъ жену и хотълъ убить и третьяго ребенка, но былъ задержанъ. На судъ онъ отказался объяснить мотивы своего звёрскаго преступленія и быль осуждень на смерть. Это двойное убійство въ связи съ загадочнымъ поведениемъ убійцы на суд'в сильно взволновало англійское общество, которое хотбло знать мотивы, руководившіе преступникомъ, такъ какъ, по отзывамъ людей, знавшихъ Кальверлея, онъ не былъ сумасшедшимъ, Чтобы удовлетворить этой потребности, въ іюдѣ того же года появилась баллада, а въ следующемъ месяце небольшая брошюра, въ которыхъ обстоятельно изложено все событие и выясненъ главный мотивъ преступленія ""). Здісь разсказывается, что убійца происходиль изъ очень почтенной іоркширской дворянской семьи Кальверлей, что первоначально опъ быль честнымъ, хотя и легкомысленнымъ, юношей. Полюбивъ дъвушку, дочь сосъдняго сквайра, онъ сдълаль ей предложеніе, получиль согласіе отца, но свадьба была

^{*)} A Iorkshire Tragedy. Acted by his Majesties Players of the Globe, Written by W. Shakspeare, London. 1608.

^{**)} Не имѣя подъ руками этой брошюры, мы передздимъ содержаніе ея по книгѣ Зингера: Das bürgerliche Trauerspiel in England. Leipzig. 1891.

отсрочена до постройки повиго дома, въ который должны были перебхать молодые. Простивпись съ певъстой и обмънявшись съ пей клятвами, Кальверлей отправился въ Лондонъ, по, закруживинсь въ инхръ лондонской жизин, позабыль свои клятвы и женился на племянинцъ своего опекупа Вскоръ послъ свадьбы ивчто странное случилось съ Кальверлеемъ: опъ сталъ дурно обращаться съ женой, говорить ей, что женнася на ней, не любя, поноснав ее смверными словами, исчезаль изъ дому и кутиль. Такъ проинло три-четыре года. Прокутивъ исе свое состояніе, Кальверлей спускаеть брилліанты жены и велить ей блать въ Лондонъ, чтобы продать свое приданое. Жена сипситъ все съ ангельскимъ теривнісмъ и продолжаетъ любить своего безпутнаго мужа по прежцему. Въ Лопдонь она видится съ дядей, который удивляется ея теривнію и выражаеть желаніе попрацить двая семьи, уплатить долги Кальверлея и подыскать для него самого выгодное мъсто при дворћ. Съ этимъ радостиымъ извъстіемъ жена прівзжаеть домой, по мужь, вообразивь, что она жаловалась на него дядь, осышеть се проклятіями, требуетъ денегь и въ заключеніе наносить неличайшее оскорблене, заподозривъ ее въ свизи съпринединиъ къ ней въ гости джентльмономъ. За ото последній вызываетъ Кальверлея на дуэль, они дерутся, джентлыянъ побъядаеть Кальверлся, по дарить ему жизнь. что сще болве раздражаеть его противь жены. Во времи горячей сцены съ женой сму доклады. ваютъ, что его хочетъ видъть старинии одного изъ колледжей оксфордского унинерситета. Дъло въ томъ, что подающий больши надежды братъ Кальверлея, студентъ оксфордскаго университета, поручился на одномъ изъ его векселей. Срокъ векселя истекъ, долгъ не былъ уплоченъ и молодого человъка засадили въ тюрьму. Взыскапіе это производить подавляющее внечатльніе на Кальверлен; страшно смущенный, онъ просить старии пу осмотръть его помъстье, пока онъ распорядится на-счетъ депетъ. Оставпись одниъ, онъ преднетси мрачному отчаянию и проклинаеть свою жизнь. Въ это время случайно вобраеть въ компату его малольтній сынь, пускан передъ собою волчокъ. При видъ его страниная мысль внезанио, какъ молнія, озаряеть душу Калькерлея; выпароксизыв безумняго ожесточенія, онъ схватываетъ винжаль и убиваетъ ребенка, всябдъзи этимъ убиваетъ другого на рукахъ кормилицы и, изранивъ прибъжавично на шумъ жену, бъжить въ контошию, садится на лишадь и летить, чтобы покончить съ посабдины ребенномъ. По дорогъ онъ падаетъ съ лошади и его арсстуютъ. Отведенный въ тюрьму, опъ не обнаруживаетъ никакого раскаянія и говорить, что, доведин дотей до пищенской сумы, онъ не желаль, чтобы они инан горыкую чашу бедности и потому

убиль ихв. Въ тюрьмъ навъщаетъ его жена и въ присутствін труповъдътей прощаетъ ему все. Жгучее раскаяніе охватываетъ его. Опъ не находитъ покоя ни дисмъ, ин ночью, терзается, проситъ прощенія у жены и идеть на казиь.

Въ въчной погонъ за новыми и животренещущими сюжетами, содержатели лондонскихъ театровъ должны были обратить винмапіе па эту брошюру, тъмъ болъе, что трагическое событіе, въ ней описанное, произвело большую сепсацію и оставило глубокій следь въ народной намяти °). И вотъ вскоръ на театръ «Глобусъ» появляются одна за другой двв пьесы: пятнактная драма Бидетвія Вынужденнаю Браки (The miseries of Inforst Mariage) Джоржа Вилькинса и Горкширская Трандія одноактная пьеса, которую для большей примании публики станили въ одинъ вечеръ съ тремя одноактными ньесами подобнаго же трагическаго характера, при чемъ все это четырехактное представление посило курьезное названіе: Четыре траледін вы одной (All's one or one of the four plays in one). Xorn he ro. 115ко вст факты, по и вст драматическия положешя перенессиы пзъ брошюры въ шьесу, по нельзя согласиться съ Зингеромъ, что Горкширская Трагедія есть не болье какъ переложение прозы въ стихи и разсказа въ діалогическую форму. Абйствительно, новыхъ фактовъ въ пьест не сообщается, по имъ дастся не только иное, болье удовлетворительное съ психологической точки зржия, освъщение, по и дълается попытка выяснить загадочный характеръ убійцы. Герой пьесы — это англійскій эпикуресцъ, понимающій жизнь какъ рядъ страстныхъ наслаждений, вив которыхъ она не представляетъ для него шкакого питсреса. Одпимъ изъ самыхъ сильныхъ наслаждений чизляется въ его глазахъ азартная игра, которой онъ предается съ какимъ-то безумнымъ упримствомъ, постеянно прошрываетъ и все болъе и болье ожесточается, «Болье всего меня огорчаетъ говоритъ о немъ жена -что сообщая о своихъ проигрышахъ, жалуясь, что ему не незетъ въ игръ, опъ не выказываетъ раскания, и только доходить до бъщеного ожесточенія, что скудость средствъ пе позволяеть сму жить такъ шпроко, какъ бы хотълось. Когда послъ проигрыша, онъ, произинан судьбу, сидитъ прачно, глядя себъ на

^{*)} Ставенсь, путешествовавшій въ 1783 году по юркшъру, разсказываеть, что долгое время никто изъ васлъдниковъ Кальверлея не хотъль жить въ вакъ, гдъ было совершено преступленіе. Мъсто погребевія убійцы сохранялось втайнъ, ибо народътрозиль вырыть его трупь и прибить къ пистанта. Въ копить XVIII въка еще существовало преданіе, что тывь убійцы бродить но почимь вокругь вамка и страшвымъ криковъ ваводитъ ужисъ на ваноздавшихъ путниковъ.

руки, на него странию смотръть, онъ кажется иногла какимъ-то окаяннымъ отвержениикомъ» "). Если присоединить къ этому эгоизмъ, ставящій свои страсти и капризы выше правственнаго долга и родословную гордость, которой заражень Кальверлей до мозга костей и въ силу которой опъ ставитъ последий грошъ на карту, линь бы не нодумали, что онъ разорился и не можетъ больше вести прежий образъ жизии, то получится почва, способнан выростить какое угодно безумное решеніе. Въ началь пьесы, когда у него не могло быть и мысли объ убійствъ собственныхъ дътей, онъ въ такихъ выраженіяхъ говорить о предстоящей имъ бъдности: «Падо же было мив, дураку, жешться, чтобь разыножать инщихъ! Теперь моему старшему сыну придется сдёлаться мошенинкомъ или быть рашительно инчамъ... Второму же сыну придется пойти въ доносчики, а третьему либо воромъ сделаться, либо сводинкомъ, и во всикомъ случат встмъ тропыт придетси довольствоваться самыми, рабскими ремесломи. О пищета, инщета, до какихъ низкихъ ступеней ты доводины человъка! Миж кажется, самъ чертъ погнущался бы саблаться сводинкомъ. онъ слишкомъ гордъ для этого, слишкомъ дорожитъ своей репутаціей... О низкая, раболиная, гнуспая, развращающая билость!» Гордость его до того возмущена нерспективой угрожиющей бъдности и сопровождающихъ се униженій, что когда жена убъждаеть его принять предлагаемое дядей мъсто, которое можеть поправить ихъ обстоятельства, опъ вибсто благодариости разражается ругательствами. «Съ чего ты взяла, что я, живущій только для одинкъ наслажденій, вдругь какъ рабъ, закабалю себя на службу, стану изгибать спину передъ какимъ нибудь старымъ царедворцемъ, по цізымъ часамъ стопть передъ инмъ на вытилину? Ахъ ты, дрань этикая! Вотъ они плоды твоихъ паговоровъ!» Дальпъйшіс поступки Кальверден — это поступки психопата. Въ отвътъ на оправдание жены, опъ Оросается на нее съ кинжиломъ въ рукъ и съ криками: депегь! денегъ! Приходъ старшины университетского колледжа и мыслы, что довърившийся его чести брать страдаеть по его вний въ тюрьмъ, повергаетъ его еще въ большее отчаяние. По уходъ старинины онъ подводитъ печальный итогъ всей своей жизии: «Ну, безпутный человакъ, вотъ ты теперь и доведенъ до крайности своими же возлобленными пороками. Полное разорение булеть тяготыть падъ тобою какъ проклятие. Заченъ же небо, запрещая намъ гранить, создало въ то же время женщинъ? Зачъмъ обречены мы знакомиться съ такими вещами, которые инчего не могуть принести намъ кромъ вреда? Что особеннаго въ трехъ маленькихъ костяхъ, бросаемыхъ на маленьній столикъ? А между тімъ они заставляють отца семейства, джентльмэна и въ душъ, и по происхождению, дрожащею рукой выбрасывать эти кости, пуская въ то же время на вътеръ свое состояние и обрекать собственное потомство на инцету, на воровство, на страдание и на пороки. Какое, однако, было у меня росконное состояпіе!.. Земли мон, словно полный мъсяцъ, округанансь около меня... И я ниблъ безуміе вообразить, будто этотъ м'всяць, и вкогда бывшій достояціемъ моего отца, дяда и прадъда, переходивший отъ предковъ къ нотомкамъ, мой, безраздъльно мой, и вотъ, благодаря этому безумію, нашъ родъ пришель въ упадонъ, блескъ нашего имени должевъ померкнуть; теперь намъ имя ниміе и нашъ родъ въ моемъ лицъ протигиваетъ руку за поданніемъ! Да, это имя, въ теченіе цізыхъ столитій гремфишее во всемь графствъ, въ лицъ мосмъ и моихъ дътей превращается въ прозвище бездомныхъ бродягъ. Эта проклитая расточительность сдъзана моего брата узинкомъ, довела жену до отчаннія, дітей до инщеты, а меня самого покрыла позоромъ!-(Рветь на себъ волосы). Брать мой въ когтяхъ у демоновъ; они мучатъ его безпощадно, чтобы этой пыткою что-инбудь выжать изъ него, а я. несчастный, не могу выкупать его, такъ какъ мий самому нечимъ жить... Инщета — тоже рабство! Что бы проповъдники и умирающіе ші толковали объ аді - вей его муки у меня въ груди».

Непосредственно слъдующее за этимъ мопологомъ убійство д'втей, повидимому, анющееся результатомъ меновеннаго аффекта, въ сущности есть логичный выводъ изъ всего міросозерцанія убійцы. Папося ребенку смертельный ударъ, онъ восклацаетъ: «Не хочу и, мой милый инщій, чтобы ты у ростовщиковъ вымаливаль кусокъ хлъба, чтобы ты облинался слезаии у ворот, силыналь міра или бъгаль за киретами, крича: «добрый господинъ, подяйте хоть что-инбудь Христа ради!» Нать, я до этого не донущу ин тебя, ин твоего брата. Размозинть вамъ обониъ голоку подвигь человъколюбін»... Приведенныя пами мъста доказываютъ, что драма даетъ гораздо больше, чил брошюра. Въ особенности это нужно сказать о мастерской сценъ пробуждения раскиянія въ сердць убійцы. Кальверлей просить сопровождающую его въ тюрьму стражу остановиться передъ замкомъ, чтобъ дать ему возможность проститься съ раненной женой. Ее выпосять къ нему на поснакахъ. Мужъ ждетъ

^{*)} Отрывки или Торквинрской Трагсдіи мы будемъ приводить по переводу П. А. Кашинна, помъщенному во второмът томъ подняго собранія соч. Шекспира, поданнаго въ 1893 г. редакціей журнала "Живошкиое Обозръніе".

отъ нея упрековъ и проклатій, и заранве готовъ ко всему, по когда вмъсто нихъ изъ устъ ен слышатся слова прощенія, сожальнія и любви, онъ опускается передъ ней на кольни. Въ его ожесточенномъ сердцъ происходить благодътельный переворотъ; словно повизка падаетъ съ его глазъ; передъ нимъ раскрывается глубокій смысль жизни; онъ сразу видить всю, свою пеправду, а въ смерти заслуженное наказаніе за все имъ содъянное.

Жена. Тебя не приговорили бы къ казпи, если бы закоит могъ такъ прощать, какъ я тебя прощато.

(Вносять обоих убитых дитей.)

Мужъ. А! что это такое? Оть такого ужаснаго зрълнца сердце можетъ разорваться! О, если бы выпи млиденческій души имфли возможность заглянуть въ душу вашего отца, вы увидали бы, что словио ледь оть солисчиыхъ лучей, отъ раскаянія растапло мое зачерствъдое сердце и тенерь ручьями слезъ разливается по щекамъ вашего убійцы. По вы теперь на топр эньетовр и не взглинете на мена окаминаго, убившаго васъ изъ боязин инщеты. Чего не сдълаль бы я, чтобы вернуть васъ къ жизни! Согласился бы даже на то, чего болже исего бояден - терпъть съ вами нищету и просить милостыню подъ окнами. Врагь рода человъческаго сделаль меня сленымь. О, помолитесь, чтобы Господь помиловаль меня хоть ради искренности того раскаянія, которое вы носледніе часы жизип просв'єтило мою душу.

Жена. Вст прежнія страдація мон кичто пе-

редъ этимъ страшнымъ горемъ!

Познакомившись съ содержаніемъ Горкинрской Трагедін, переходимъ къ вопросу о припадлежности ея Шекспиру. Выше было замъчено, какъ мало въ этихъ случащув значатъ виблины доказательства, по кром'в визинихъ нужно принимать въ соображение и внутрении — манеру композиців, способъ обработки характеровъ, стиль- и на нихъ-то главнымъ образомъ и осповываются критики, желающее во что бы то ни стало принцеать пьесу Шекспиру. Рядъ ихъ покрываеть собою А. В. Шлегель, который нетолько привисываетъ юркинирскую Грагедію Шексинру, по считаетъее одиниъ изъ лучишхъ его произкеденій. Гритикъпризнаеть за ней громадную силу трагического повоса и удивалетси, какъ поэтически сумбав Шексипръ обработать подобный сюжеть. Того же мижий держатся Ульрици и французскій переводчикъ Шекспира Франсуа Гюго. «Внутрения основанія, поворить первый изъ инхъ, - въ пользу принадлежности пьесы Шекспиру такъ сильны, что даже англійскіе критики начинаютъ мало-по-малу обращаться на путь истипный. Колльеръ считаетъ ее несозначнымъ произведения Шексиира, а Дейсъ думнеть, что она во всякомъ случав имветъ большее право считаться пьесой Шексипра,

чъмъ, напримъръ, Тить Андроникъ. Конечпо, если къ Горки прской трагедін примънить масштабъ великихъ трагедій Шекспира, Гамлета, Лира, Макбета, то она окажется очень маленькой. Жизнь въ ней захвачена не особенно глубоко: въ пьесь пъть ин сложности дъйсткія, ни художественной постройки, ни грандіозно-задуманныхъ и всесторонне-очерченныхъ трагическихъ характеровъ. Дъйствіе движется въ рамкахъ будинчной жизни, ин разу не переступая ихъ. Не имъл претензій считатьси большой трагической картиной, пьеса представляетъ собою не болбе какъ портретъ нли исполненное жизненной правды дра матизированіс одного выхваченнаго изъ жизни событія, по тъкъ не менке тнексипровскій характеръ ел видень изъ ибкоторыхъ деталей, характеровъ и стия». На поэтическую дикцію трагедін обращаетъ также особое випманіс и фраццузскій вритнав. «Кто не придеть въ удивление - восклицаетъ опъ-отъ этого діалоги первишо, образнаго, энергическаго? Кто не признаетъ шекспировой руки въ этомъ стихъ гибкомъ, живоинспомъ и способномъ выражать вев оттвики мысли? А этоть языкь, правдивый п образный иъ одно и тоже время, способный передавать какъ межочи обыденной жизни, такъ и вэрывы разпузданной страсти-развъ это не языкъ Шексипра»? Англійскіе критики вообще меньше склонны къ восторгамъ и болбе осторожны въ своихъ сужденихъ. Колзьеръ, первоначально утверждавній, что Іоркинірская Трагедін несомивино припадлежить Шексипру, впоельдетвін отступиль отъ своего мибиія и помирился на томъ, что Шексииръ только наложиль на нее последшою руку. Уордъ думаетъ, что пьеса написана другимъ лицомъ, но что Шексииръ пересмотрель ее и во многомъ исправиль. Это последнее мижние имъетъ за собой наиболье въроятія, ибо трудно допустить, чтобы Шексипръ въ эпоху высшаго развития своего таланта, въ эпоху Гамлета, Лира и Макбета, когда исторія потрясенной страстью человъческой дуни сдълалась главной задачей его творчества, могь бы ограничиться такимъ эскизнымъ изображеньемъ дарактера героя, представлиющаго собой интереспый типъ игрона и прожигателя жизни. Если бы Шекспаръ захотиль обработить подобный сюжеть, онъ не могъ бы ограничиться одиниъ актомъ, заключающинъ въ себъ только катастрофу и приготовленія къ ней При томъ же реализмъ въ той формъ, въ которой опъ проявляется въ бытовой трагедів вообще, мало соотвътстновалъ природъ Шексинровскаго творчества, не желанияго сповывать себи слишкомъ узкими рамками. Въ чися в драматическихъ произведеній Шекспира пътъ ни одного, въ которомъ онъ нытался бы возвести въ сферу трагическаго идеализма какое-инбудь со-

бытіе современной ему уголовной хроники. Мы уже имъл случай замътить въ другомъ мъств (см. XX выпускъ Всеобщей Исторіи Литературы Корша и Киримчинкова), что драматическое воспроизведение недавно совершивимхся и вскив извъстныхъ фактовъ непремівшю ственняю бы творческую фантазію Illeкспира, не позводило бы ему окружить своихъ героевъ поэтическимъ ореоломъ и вложить въ пхъ уста тъ возвышевныя правственныя иден, которыми мы восхищаемся въ его произведеніяхъ. По, отрицая припадасжность разбираемой пьесы Шекспиру въ цъловъ, мы пе отринаемъ, что Шексииръ, запитересованный въ качествъ члена труппы театра Глобусъ въ ен усибхв, могъ пересмотрвть ньегу другого автора и прибавить къ ней пъсколько своихъ геніальных в штриховъ ... - llo всему видно, что пьеса была написана наскоро, въ попыхахъ, что труппа Глобуса хотъла раныше другихъ эксилуатировать въ свою пользу подавляющее внечатабние ужаснаго события, о которомъ говорилъ весь Лондонъ. Этимъ объяспяется посившиость, съ которой она поставила на сцену сразу двъ пъесы — одну пространпую, другую краткую, объ основанныя на прозаическомъ изложении крокавой юркширской драмы. Въ первой изъ нихъ, принадлежащей Вилькинсу, очерчены отношенія героя пьесы Скарборо къ его покинутой невъсть Кларъ Гарконъ, съ которой онъ былъ связанъ обоюдною страстиою любовью. Разрывъ Скарборо съ Кларой не могъ произойти безъ сильной душевной борьбы со стороны молодого человъка, и только тогда, когда опекунъ его Лордъ Фоконбрыджъ отбираеть у него все состояніе, доведенный до крайности юноша разрываетъ съ пентатой и женится на идемяниить опекуна. Съ обливающимся кровью сердцемъ, опъ шиинетъ Кларъ коротенькую записку: прости меня, я женать! На это безумно-любящая и обманутая въ своей любви девущка отвъчасть съ такинь же лаконизмомъ: прости меия, я умираю! и, паписанъ эти слова, заказывается. Авторъ Горкипирской Трагедін, повидимому, тоже имъль инмърение коспуться отношеній героя къ своей покинутой невъств. Во вступительной сцепв слуги говорять о томъ, что ихъ молодан госпожа убввается за какимъ-то джентавмономъ, который броснаъ ее и женился на другой и быеть свою жену, но болке авторъ къ этому не возвращается, такъ что для читателя становится совершение непонитной упорная незаслужениям пенависть героп къ своей жень. Сабды посибиностивидны такжевъ энизодъ дуэли Кальверлен съ одиниъ джентльмэномъ, который заступпася за честь песправедливо заподозрънной жены. Каковы были прежнія отношенія джентльмена къмужу и жень- это

остается тайной для читателя, но, ранивъ мужа на дуэли, джентльмэнъ сходить со сцены, чтобъ больше не возвращаться. — Эти педомолвки и пограшности условливались быстротой постановки, не дававшей автору возможности какъ слъдуетъ пересмотръть свою пьесу. Но на ряду съ этими недостатками, Торкипрская Трагедія обладаетъ многими первоклассиыми достоинствами, невольно наводящими на мыслы, что по ней врошлась рука Шексипра. Такова столь свойственная драматической манеръ Шекспира сложность мотивовъ, приводящая человъка къ преступленію, таково мастерское изображение адекихъ мукъ, происходящихъ въ душъ преступника, истерзанняго неотступной и жгучей мыслыю о той бездив инщеты и униженія, въ которую его безумная страсть къ игръ ввергла его жену и дътей, таково наконецъ, внезанное просвътлъніе души убібцы, побъжденной любовыю и обновленной раскаяніемъ, напоминающимь раскаяніе разбойника на креств. - Возможность быстраго правственнаго перерожденія человъка подъ вліяніемъ какого-инбудь событія, которое потрясло до самыхъ основаній его дунну — пріємъ вполв'ь шексшіровскій. — Самымъ разительнымъ приміромъ подобиаго правственнаго перерожденія служить Генрих в V, о которомъ архіенископъ Кэптербэрійскій выражается такимъ образомъ: «Лишь только душа оставила тыло его отца, какъ его буйство смирилось, какъ бы умерло вмъсть съ шив. Никогда инкто не дълалси такъ быстро мудрымъ; инкогда исправление не преливало такимъ кинучимъ ключемъ, смывая вст прежие педостатки». (Геприхъ V. Актъ I, Сц. 1). По мивийо Ф. В. Гюго, рука Шекспира видна также въ созданій иденльной личности жены, этой вичной мученицы, которан умъстъ только страдать, любить и прощать. «Проявивъ въ героической борьбъ съ мужемъ впергію Имоджены, она обнаруживаетъ по отпошению къ этому человъку, поразивниему ее въ самое сердце, накъ мать н супругу, ангольское сострадание Дездемоны. Въ этомъ великодуниюмъ прощени мужа женой наканунъ своего вдовства я вижу проявление того безконечнаго милосердія, которое исходеть изъ самой глубины инекспировскиго міросозерцанія». И это совершенно справедзиво, ибо только поэть, вложивний въуста корозя Лира велиния слова: ивтъ въ мірт виповатыхъ! могъ вложить сострадание въ истерзанное сердце жены, могъ заставить ее простить и даже пожальть убійцу дътей ен, чтобъ съ номощью этого пріема закончить драму ужасовъ и прови слидостнымъ авкордомъпрощения и любви.

(Продолжение слидуеть.)

I

Ему было уже сорокъ, ей только-что въ среду на Страстпой минуло писстнадцать. Повидимому, не могло быть ничего общаго между этимъ поистрепавшимся прожигателемъ жизни и едва созръвшимъ подросткомъ. А они были друзьями, и очень близкими, почти незамвиными одинь для другого. Среди сутолки больного общества, въ которомъ имъ приходилось вращаться, они искали другъ друга, они чувствовали взаимную близость, хотя бы ихъ раздъляла шумная толпа; они умъли говорить между собой улыбками и взглядами, они совстиъ не считали себя взаимно влюбленными и, какъ влюбленные, часто п въ одиночествъ цълыми часами думали другъ о другъ, заочно обмънивались тыми же красноръчивыми улыбками и взглядами, заочно задавали другъ другу самые пеожиданные по своей смълости вопросы и придумывали отвъты на нихъ такіе своевольные, что потомъ, при встръчахъ, даже не всегда и ръшались провърить то, что было придумано въ часы одинокихъ меч-

Правда, Леля была давно уже не ребевокъ. Южавка по родителямъ, она и

родилась на югь, и хоти ея дътство было "повито" туманами павловскихъ прудовъ и "баюкано" шумомъ петергофскихъ сосенъ, во здоровая южная кровь сказалась въ ней рано. Ен отецъ называлъ се бя хохломъ, ея мать - казачкой, но должно-быть у нихъ, въ числъ не попавшихъ въ ихъ родословную квигу предковъ, были родичи и изъ странъ болье далекихъ, болье жгучихъ, изъ странъ, лежащихъ за морями, за горами. И Лель съ дътства п повыпъ часто грезился этотъ незвакомый, по родной ей югъ, жаркій и сказочный, прекрасный и чувственный, - тотъ югъ, гдъ земля прямо соприкасается съ небомъ, такъ что сами боги вногда ошибаются границей и въ погоит за красавицами земли осыпають ихъ золотымъ дождемъ, - тотъ югъ, гдв Магадэва ласкаетъ балдерокъ, - гдъ дивы и пори бродять между простыми смертными, тоть югь, гдв женщивы въ двенадцать лътъ ужъ матери семейства, а въ жилахъ старцевъ, забывшихъ счетъ своимъ годамъ и счетъ своимъ рабынямъ, течетъ согрътая горячимъ солнцемъ юношеская кровь.

Когда Лель, не видавшей ничего, кромь двухъ, трехъ свропейскихъ городовъ и курортовъ, ел воображение рисовало

локими красками и въ яркихъ образахъ пестрыя и манящія картины юга и востока, она викогда не могла дать себъ отчета, откуда онв у неи: калейдоскопъли это, возникшій изъ хаоса техъ безчисленныхъ книгъ и эстамновъ, которыми черезчуръ баловали ее мать и отецъ, илп все это, - что въ ея мечтахъ казалось ей пвогда такимъ живымъ, какъ булто пережитымъ, — она дъйствительно когда-инбуда видівла и пережила на яву, во сив, или въ какой-то другой, забытой, но песомивнной жизни, протекшей, быть-можетъ, задолго до того времени, когда она внервые начала сознавать себя маленькой Лелей Знойко.

И Константина Николаевича она полюбила больше всего именно за то, что онъ ум'влъ будить ея воображене своими разсказами о вещахъ, которыя ей иравились, о странахъ и людяхъ, которые ее привлекали. объ обычаяхъ, которые ее интересовали. Онъ все зналъ, все видълъ, чутъ ли не везд'ъ былъ, и какого бы предмета онъ ни коснулся въ своемъ разговор'ъ, все у него принимало характеръ непосредственныхъ наблюденій виечатлительнаго очевидца и участника.

Съ тъхъ поръ какъ Леля себя поминтъ, Константинъ Инколаевичъ всегда быль туть, всегда быль гостемь въ ихъ дом'в. Еще пятил втней дівочкой она любила, чтобы на Пасхъ ес ставили на столь, и дядя Костя хрпстосовался бы съ ней, пепремънно спачала какъ съ большой, то-есть троекратнымъ лобызаніемъ, серьезно, истово, а потомъ какъ съ маленькой, схвативъ ее на руки н покрывая ея раскраси ввшееся личико безчисленными поцълуями. А она смъялась и отбивалась отъ этихъ поцълуевъ, и своими пухлыми рученками безпощадно колотила дядю Костю по чему попало. По если онъ слишкомъ скоро прекращалъ эту забавлявшую ее игру, она была недовольна и дулась.

Она любила, когда ее забявляли такъ и другіе гости, — если только у пихъ не было усовъ, — но дядю Костю опа предпочитала вефиъ безъ исключенія, потому что онъ всегда первый выдумываль тъ пріятныя ей шутки, игры и развлеченія, которыми была полна ел жизнь, онъ приносиль ей лучшія игрушки и наиболье вкусныя конфекты, онъ одинъ умъль уговорить шаша дозволить Лель что-пибудь педозволенное. Выть можеть, ташан пе всегда одобрила затъи и образъ дъйствій дяди Кости, по, подкупленная неисчерпаемымъ разнообразіемъ удоволь-

ствій, которыя опъ умівль доставить ся любимиць - дочкь, привыкла па многое смотръть сквозь пальцы и только запрещала Лель звать его дядей Костей, находя это вульгарнымъ. Машап настаивала на этомъ, бонна француженка за этимъ наблюдала, и Леля выучилась, наконецъ, называть его "monsieur Осокинъ"; но про-ссбя опа все-таки считала его только дядей Костей — и иногда, пе стысняясь присутствіемъ таман и лишь посматривая на нее лукаво улыбающимся взглядомъ, она взбиралась на ручку кресла, гдв сидвлъ "monsieur Осокинъ", и, по секрету шеннувъ ему на ушко: "дядя Костя!", тотчасъ же со смъхомъ спрыгивала на полъ и убъгала изъгостиной. Съ годами она стала звать его фамильярно Костенькой и "другомъ детства" и не очень обижалась, если онъ въ ихъ частыхъ tête-à-tête, забывая, что она уже выросла теперь въ Елену Григорьевну, обращался съ ней по старой намяти, все еще какъ съ Лелей. И сама того пе зам'вчая, Леля привыкла жить подъ его влінніемъ и на многое изъ окружающаго смотрѣть его глазами.

Сегодня Леля уже нъсколько разъ подходила къ зеркалу, чтобъ убъдиться, что въ своемъ новомъ бъломъ плать вона была привлекательнъе, чъмъ когда-нибудь; ей въ первый разъ сиили его подлиниве, какъ для совершеннольтней, татап подарила ей сегодня нитку жемчуга, напа подарилъ ей хорошенькій золотой браслеть, -просто прелесть какой, ну, самый красивый изъ всьхъ, какіе она до сихъ поръ видала, - и Лелъ хотвлось бы поскор ве убъдиться, какое "великольшое" впечатльніе опа произведеть сегодия на Константина Николаевича. А Костеньки, какъ нарочно, ивтъ и ивтъ, и Леля начинаетъ немпожко сердиться. Вотъ уже битыхъ два часа, какъ опъ съ татап принимаютъ впзитирующихъ; ей уже пришлось похристосоваться съ какимъ-то неблаговоспитаннымъ восточнымъ княземъ, потомъ съ толстогубой развалиной въ камергерскомъ мупдиръ, ее уже съ полчаса раздражаетъ запахъ скверной губной помады, которой вымазала ей шеки какая-то чиновинца, являющаяся къ татап только въ Новый годъ и на Пасху, уже разъ пять относила и отсылала Леля въ свой малсивкій салонъ полученные сю пасхальные подарки, ивсколько лиценстовъ и нажей наговорили ей тысячу банальныхъ любезностей, - и она боится, что къ прівзду Костеньки ей все надовсть больше, чвив можно, и

ему же достапется за ея скверное на-

стросніе.

Но вотъ онъ, наконенъ! Боже, какой онъ сегодня элегантный и въ то же время какой смъшной въ своемъ шитомъ мундиръ, со шпагой на боку и съ трехуголкой въ рукъ.

"Но это ему идетъ" — успъла подумать Леля, бросывъ навстръчу Константину Николаевичу привътливый взглядъ.

Константинъ Николаевичъ, взглядомъ же привътствуя Лелю, поспъшилъ, одпако, подойти прежде всего къ татап и, христосуясъ съ ней, поцъловалъ у нея руку; Марья Осиповна, отвъчая ему, поцъловала его въ лобъ.

Переходя къ Лель и поздравляя ее, онъограничился однимъ въжливымъ рукопожатіемъ; но зато, сейчасъ же верпувшись къ стоявшему у дверей въ залу лакею и взявъ изъ картонки, которую тотъ держалъ, большое яйцо, сдъланное сплошь изъ незабудокъ, Копстантинъ Николаевичъ поднесъ его Лелъ.

Покрасивы отъ удовольствія, Леля осторожно взяла у него изъ рукъ подарокъ и, не успъвъ даже поблагодарить, посившила съ безцеремонностью избалованнаго ребенка открыть яйцо. Тамъ, приколотая къ картону, лежала небольшая ярко пунцовая роза между двуми въточками ландышей.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула Леля, вообще никогда не ваходившая пичьихъ подарковъ дурными.—Мамочка, посмотри, поемотри!—восхищалась Леля.

Но, не давъ матери и мелькомъ взглянуть на цвъты, опа стала нюхать и розу, и ландыши, и незабудки, съ такой шаловливостью втягивая въ себя воздухъ, что Марья Осиповна ръшилась остановить ее:

Леля, не ребячься!

— Мамочка, ты понимаень, эти цвъты не отличишь отъ живыхъ, — оправдывала свой восторгъ Леля. — И всъ нахнутъ по своему. Ты понюхай, какъ нахнетъ ландышами, какъ нахнутъ незабудки.

 Настоящія незабудки нич'ємъ пе пахнутъ, милая, — поправила ее мать.

— Мамочка, эти пахнуть! Эти лучше пастоящихь, это должно-быть какін-нибудь тропическія... эти можеть-быть нарочно для меня пахнуть, — продолжала Леля шаловливо нюхать головки искусственныхъ пезабудокъ, падушенныхъ какими-то и жиными, почти неуловимыми

Константинъ Николаевичъ тъмъ временемъ усиълъ поздороваться съ двоими

знакомыми мужчинами и дамой, которыхъ онъ засталъ здѣсь, и, опять повернувшись къ Лелъ, весело смотрълъ на нее.

Леля приласкала его взглядомъ и, слегка паклонивъ голову, догадялась, накопецъ, сказать:

— Merci.

Само по себъ это яйцо не было чъмънибудь такимъ, что заслуживало бы ея особеннаго вииманія; но Леля знала, что все, что въ качествъ "друга дътства" подносиль ей Осокинь, им'вло свое особенное, символическое значение; и въ сегодининемъ сочетани розы съ ландышами и незабудками, она искала того же. Но опа не хотъла спрашивать его теперь объ этомъ. И они обмънялись двумя-тремя ничего не значущими фразами. и Константинъ Николаевичъ, усъвшись поближе къ татап, началь разсказывать ей о какой-то очень интересной встрычь въ пріемной мипистра, а Леля, тоже съвъ на свое прежнее мъсто и положивъ полученный подарокъ на состаній столикъ, молча посматривала то на Осокипа, то па незабудки.

Константинъ Николаевичъ положительно нравился ей сегодня. Она не видала его недъли двъ, а онъ за время великопостнаго отдыха, кажется, даже помолодълъ. Ей было прінтно теперь разглядывать это выхоленное, гладко выбритое лицо съ крутымъ и широкимъ лбомъ, съ красивымъ, слегка горбатымъ носомъ и топко очерченными, выразительными губами. Рядомъ съ вялыми, чисто чиновничьими, хотя и бородатыми, физіономіями силъвшихъ тутъ же другихъ гостей, Осокинъ казался ей чуть ли не существомъ высшаго порядка. Даже въ легкой съдинъ, пробивавшейся у Константина Николаевича на вискахъ и на затылиъ и дълавшей съкаждымъ годомъ все свътлье в свътлье его, хотя и коротко подстряженные, по красиво-волнистые каштаповые волосы, — Леля паходила своеобразную прелесть. Ей правплось, что Костенька не красится. Она понимала maman, которая въ сорокъ лътъ не хотыя, при своей красоты, быть сыдой и поэтому подкрашивалась. Да мам'в пначе и нельзя: въ ея черныхъ, какъ вороново крыло, волосахъ, серебряныя пряди были бы слишкомъ замътны. Въ ея годы Леля и сама, быть-можеть, будеть двлать то же самое.

— Итакъ, послъ Ооминой, я слышала вчера отъ мужа, вы увзжаете, а въ іюлъ мы увидимъ васъ у себя въ усадъбъ? —

говорила между тымъ Марыя Осиповна Осокину.

— Какъ уважаете? — воскликнула Ле-

ля. -Опять?

- Опять, шутя, съ напускиой грустью, ответилъ ей Констаптинъ Николасвичъ.
- Куда? спросила Леля, невольно впадая въ изабоченный тонъ.
- На этотъ разъ не за границу, посп'вшилъ предупредительно отвътить ей Осокинъ. — Получилъ командировку въ Кіевъ, Одессу и еще въ пъсколько мелкихъ городовъ на югъ.
- Завидная служба! язвительно вставиль свое зам'вчаніе сид'ввиній рядомъ съ Осокинымъ гость, годами и чиномъ повыше его.

Константинъ Николаевичъ бросилъ па него одинъ изътъхъ равнодушныхъ взглядовъ, которые такъ любила у него Леля и которые возвышали его въ ея глазахъ надъ всей чиновной мелкотой; окъ номолчалъ ровно столько, сколько было нужно, чтобъ извительная фраза повисъла въ воздухъ на виду у всъхъ, и потомъ съ самой любезной улыбкой прикрылъ ее словами:

— Воля пачальства.

Гость прищурился и поджаль губы. Онъ, какъ и всъ, отлично зналъ, что Осокинъ обладалъ какой-то особенной способностью получать ежегодно продолжительный отпускъ съ сохраневіемъ жадованья, или пріятныя командировки со всъми полагающимися и не полагающимися къ нимъ добавочными суммами. У него было много разныхъ бабушекъ, которыя ему ворожили, и онъ, мало заботясь о повышенипослужбъ, сумълъ изъдолжности чиновника какихъ-то совсъмъ особыхъ порученій сдълать въчную partie de plaisir. Ивкоторые завистники произносили имя его ве иначе, какъ съ пъной у рта и искали случая подставить ему ногу; но у него было немало и бозкорыстныхъ друзей, и ись знали, что положение его прочно. Его считали человъкомъ нужнымъ: немножко журналистъ, онъ быль вхожъ въ редакціи и отъ времени до времени помъщаль безъ всякой подписи статейки и замътки по разнымъ вопросамъ.

— Воля начальства, — повториль Копстаптинь Николаевичь еще разь, своей довольной улыбкой какъ бы поддразнивая

сосъда.

 Н ваша собственная тоже, — топко и ядовито улыбнулся тотъ въ свою очередь.

— Не безъ этого, — внушительно покло-

нился ему Константинъ Николаевичъ и, бросивъ его, обратился опять къ Лель:

— А на обратномъпути въ копцъ поля я буду въ мъстечкъ пъ ста верстахъ отъ вашего имънья, и поэтому, встрътясь па дняхъ съ Грнгоріемъ Аплреевичемъ, получилъ отъ него любезвое приглашеніе погостить и у васъ.

 Ахъ, какъ это хорошо! — воскликнула Лели совсъмъ по-дътски. — А вы

долго у насъ проживете?

- Пока не прогоните, разсмъялся Константинъ Николаевичъ: и пока это будетъ возможно по моимъ тамошнимъ дъламъ.
 - Вы зачыть туда вдете?
- Я буду тамъ заниматься исканіемъ клада.
 - Какого клада?
- Настоящаго клада: золота, законаннаго въ землѣ.
- Ну, нолноте, не шутите. Говорите толкомъ, петерп вливо притопнула Леля.

Деля! – остановила ее мать.

— Тамъ будетъ съ вздъ мъстныхъ археологовъ, —поспъшилъ удовлетворить ея любопытство Константинъ Николаевичъ. — Будутъ осматривать стариниия церкви, зданія; потомъ тамъ открыты какія-то развалины, подземные ходы, п мы всъ пойдемъ изслъдовать ихъ.

— Ахъ, это должно-быть очень инте-

ресно!-прервала его Леля.

— А воть увидимъ! — улыбнулся Осокинъ. — Я, какъ вы можетъ-быть даже и не знаете, числюсь членомъ археологическаго общества; ну, такъ вотъ и тамъ мое присутстве оказывается необходимымъ, — разсмъялся опъ.

Завистливый гость, сидъвшій съ нимъ рядомъ, уже не сталъ даже и язвить его, а прямо всталъ, какъ бы испугавшись, что заслушался, что визитъ оказался слишкомъ продолжительнымъ, и началъ изысканно-любезно прощаться. За нимъ встали и двое другихъ.

По уходѣ ихъ, Марья Осиповпа, считавшая Осокина своимъ человѣкомъ и не стъснявшаяся съ пимъ, оставила его на минуту съ Лелей и вышла въ столовую

отдать распоряженія прислугь.

Леля тотчась же взяля со столика поднесенное ей Константиномъ Николаевичемъ яйцо, раскрыла его и, повернувъ его раскрытой стороной къ Осокину, спросила:

— Пу-съ, что это значитъ? Онъ улыбнулся и сказалъ:

- Догадайтесь.

Леля сдълала петериъливое движевіе головой и капризно прикрикнула:

— Вы знаете, что я викогда не отли-

чалась догадливостью. Ну-же!

Но Осокинъ смънлся и молчалъ, дразня ея истеривніе и любуясь ея тонкимъ, безукоризпенно правильнымъ лицомъ. Леля была слишкомъ красива, черезчуръ красива, и въ минуты спокойствія ся лицо вызывало въ Осокинъ такое настроеніе, какъ будто передъ нимъ была каргина, идеаль, фаптазія художнива, которая пикогда не сдълается дъйствительностью. Ему казалось, что ни онъ, ни кто другой, не могли бы влюбиться въ такую - она вызывала на поклоневіе, но не могла пробудить страсти. Но въ минуту всякаго рода вспышекъ, эта красота дъзалась эпергичной и неотразимо увлекательной. Вотъ и теперь на Константина Пиколаевича такъ повелительно и страстно смотръли большіе черпые глаза Лели, что онъ не зналъ, что лучше, продолжать ли еще поддерживать этотъ вспыхнувшій въ ней огонскъ и любовиться его игрой, или сразу повиноваться маленькой капризницъ.

А Леля опять нетерп'вливо повторила:

Да пу-же, говорите!

Сосчитайте число колокольчиковъ на двухъ в вточкахъ ландышей, - сказалъ, наконецъ, Константинъ Николаевичъ.

Леля повернула къ себъ яйцо и, смо-

тря въ него, сказала:

- На одной семь, на другой восемь.

Всего пятнадцать, подсказалъ ей Осокинъ. — Это ваши дътскіе годы. Шестнадцатаго ландыша уже не будетъ: ны уже сдълались теперь вотъ этой распусвающейся розой... и теперь... не забудьте вашего върнаго "друга дътства".

Онъ говорилъ это съ чуть замътной усмъшкой: его собственная изобрътательность на всякаго рода интересныя подпошенія не возбуждала въ немъ, отъ частой и разносторонней практики, уже ничего, кром'в иронического отношенія къ

шимъ; по онъ зналъ, что Лелв еще нра-

вились подобныя вещи.

Леля, слушая сго, продолжала разсматривать розу и ландыши и потомъ, закрывъ яйцо, опа сдълала видъ, что прижимаетъ его къ сердцу, и, шаловливоторжественно произнесла:

- Не забуду ипкогда!

Продолжая вертыть яйцо въ рукахъ, она сказала:

- Вы знаете, что у меня вев ваши подарки поставлены отдільно, въ "каиниць"... А этотъ мы поставимъ такъ, чтобъ онъ былъ исегда на виду. Хотите я вамъ покажу, что мив сегодня подарили? —

вскочила она вдругъ со стула. — Un tas de jolies choses! Hongemre.

Осокинъ всталъ.

Марыя Осиновии входила въ это время въ гостиную.

— Maman, — обратилась къ ней Леля, я веду Константина Николаевича посмотръть мои подарки.

 Ахъ, ее всъ такъ балуютъ, —покачала на это головой Марыя Осиповна, обращаясь въ Осокиву. - И вы въ томъ числь, — инутливо погрозила она ему. — Ее пора бы и отучать отъ этого. Она уже не маленькая.

Константинъ Николаевичъ только улыбнулся ей въ отвътъ и пошелъ за Лелей, сившившей увести его, пока не помвшалъ новый посътитель: опа услыхала, что ктото уже шелъ чрезъ залу въ гостиную.

II.

Лелины комнаты были сейчасъ же за будуаромъ maman, чрезъ коридоръ, служившій имъ передней и соединявшій ихъ съ комнатой гувернаетки. Француженки сегодня не было дома, и дверь къ ней

была закрыта.

Константинъ Николаевичъ хорошо зналь этотъ изящный маленькій салонъ. гдъ Леля училась, играла, читала и принимала своихъ друзей и подругъ, и онъ любиль его чуть-ли не такъ же, какъ любиль Лелю. illесть леть тому назадъ онь помогаль Марыв Основны искать квартиру и нашель ей имевно эту; онъ поздравляль здісь тогда еще десятилістнюю Лелю съ новосельемъ; онъ же, прошлымъ льтомъ, когда Марыя Осиповна отдълывала заново всю квартиру и меблировку, посов'втоваль ей выбрать на драпри и диванчикъ вотъ этотъ хорошенькій свътлый крстовъ, который теперь такъ вессло см'вется своими н'вжнорозовыми цвъточками навстръчу входящей Лель и он гостю. Каждая мелочь и въ этомъ салонь, и въ сосъдней Лелиной спальнъ хорошо знакомы Константину Николаевичу. За послъдніе три года онъ, злочнотребляя своимъ правомъ близкаго и стараго знакомаго, входилъ сюда чаще и засиживался здівсь дольше, чівмъ можетъ быть следовало бы. Онъ съ давнихъ норъ привыкъ следить за ростомъ этого маленькаго салона, какъ слъдиль за ростомъ Лели. Онъ поминтъ, какъ Леля еще играла здысь въ куклы и, смыясь и подпрыгивая, безпощадно колотила ихъ фарфоровыя головы другъ о друга, пока отв не разбивались. Онъ помнитъ, когда вотъ въ этомъ

углу, вмъсто теперешияго піанию, еще стояла черная классная доска и около нен дубовый классный столь и когда на этажеркахъ и полочкахъ, уставленныхъ теперь фотографіями - портретами разныхъ артистовъ и артистокъ, все Лелиныхъ любимцевъ и любимицъ, - во вссвозможныхъ рамкахъ пвстхъ величинт, спе стояли дътскіе самовары, кукольные туалеты, и даже пищащие зайчики и тявкающіл собачки, Богъ знастъ куда потомъ ваброшенные. Какъ часто, входя сюда и замвчая исчезвовеніе однихъ вещей и появленіе другихъ, онъ окидываль взглядомъ эти двъ уютныхъ комнатки и ихъ маленькую хозийку и задаваль себъ вопросъ: теперь что еще на очереди? какія куклы запитересують теперь эту вабал. мошитю головку на будущій годъ? что она будеть уже ломать и выбрасывать и чемъ еще на время забавляться?..

Сегодня завсь все было полно живыми и искусственными цвътами. Корзивы цвътовъ съ цвыточными же буквами "Х. В."; розы въ корзинахъ яйцеобразной формы; лилів въ фарфоровыхъ вазочкахъ, имъвшихъ форму янцъ, и лилін просто въ горшкахъ: гіацинты, тюльпаны, цвъты па столь, ва окнахъ, цвъты на піанипо, цвъты на стульяхъ, и ленестко розъ вогругъ разставленныхъ тутъ же фарфоровыхъ и шоколадныхъ ящъ, лепестки на ковръ и на полу, - Константинъ Николаевичь даже головокружение почувствоваль оть этого пріятнаго и одуряющаго запаха; а Леля, какъ птичка, впорхнувшая въ свое гизадышко, уже щебетала, дотрогиваясь рукой то до одного, то до другого цвътка.

— Вотъ это отъ тети Марьи Андресвпы, это отъ Оли. Правда, какую хорошенькую корзину подарилъ ми в Сергъй Васильевичъ? Это отъ тети Саши, это отъ братдевъ Межовыхъ... это не номню отъ кого... ахъ, отъ Владыкиной! Вотъ эти горшки и корзины были уже здъсь, когда мы вернулись отъ заутрени...

И вдругъ повернувшись лицомъ къ Осокипу и держа передъ нимъ подаренныя имъ незабудки и дълая ему реверансъ за реверансомъ, ова произпесла:

— А это отъ Константина Николаевича, отъ Костеньки, отъ незабвеннаго диди

И громко разсмъявшись, она подбъжала къ большому книжному шкану, открыла его и, поставивъ ийцо на полку къ пъсколькимъ маленскимъ томикамъ, опять повернулась къ Осокниу.

- Вотъ, - сказала она сму, закрывая

шканъ: — я ставлю васт между моими любимцами-поэтами. Въ этомъ обществъ вы никогда не будете позабыты.

Осокниъ немного помолчалъ, неподлобья посматривая на Ледю улыбающимся взглядомъ, и потомъ сказалъ тономъ легкой насмъшки:

— До тыхъ поръ, пока вамъ ис намозолитъ глаза это ръзкое голубое пятно среди изящныхъ темныхъ переплетовъ. А потомъ мои исзабудки полетятъ куда-пибудь на нижнюю полку.

Подите, вы противный! вы препротивный!—воскликнула Леля.—Вы всегда ухитритесь испортить мив хорошее па-

стросиіе, - надулась опа.

— Ну, не сердитесь же на шутку, — еказалъ Осокинъ, увидавшій, что опъ и въ самомъ дѣлѣ огорчилъ ее своимъ неумъстнымъ замѣчапісмъ. — Ну, Леля, полноте...

— Не сменте называть мевя такъ, —

оборвала она его. - Я не дъвочка.

— Ну, Елена Григорьевпа, ну, вы большая, вы уминца! вы милая, хорошая, превосходиая! Ну развъ можно придираться такъ къ моимъ словамъ! — уже серьезно и сердечно старался успокопть ее Осокинъ. — Скажите лучше, кто это подарилъ вамъ этотъ прелестный жемчугъ? — спросилъ опъ, посмотръвъ на Лелю любовнымъ взглядомъ.

Онъ повималъ, что дѣлалъ, обративъ вниманіе па ся туалетъ.

— А что, неправда-ли, эта нитка очень мила? — вспыхнула Леля отъ удовольствія. — Она мить очень идетъ? Да?

— Вамъ все идетъ, — улыбнулся Осокинъ, любуясь ею. — Это, которая пзъ теть? — продолжалъ опъ допытываться.

Нътъ, это мив подарила моя умница

naman.

— Maman?—изумился Копстантинъ Пиколаевичъ. — Она, пикогда не позволявшая вамъ никакихъ украшеній?

 Что-жь, опа нашла, что я уже большая, — съ шутливымъ самодовольствомъ

сказала Леля.

Осокные съ минуту молча посмотръль на нее, и потомъ выражение лица его стало какъ будто немного грустнымъ, и онъ въраздумын, какъ бы про себя, произпесъ:

Да... вы уже большая.
 Леля поияла его настроеніс.

— Но для моего "друга дътства" я могу оставаться и маленькой, — ласково взглянувъ на него, сказала она. И потомъ, повернувшись къ книжному шкапу и глазами указывая Осокину на незабудки, она спросила: — вамъ не правится тутъ, нътъ?

И не давъ ему отвътить, она опять открыда шкапъ и достала оттуда ийцо.

— Ну, пойдемие къ маленькимъ, пойдемте къ маленькимъ! —вдругъ засмъялась она. И держа въ одной рукъ подарокъ, она другой взяла Константина Пиколаевяча за рукавъ и потащила его въ сосъднюю комнату—свою сихльню.

Тамъ, въ углу, тотчасъ за дверями, стоялъ хорошенькій старинный стеклян-

ный шканчикъ съ полками.

— Вотъ ваше мъсто. Смотрите, — сказала Леля, открывая шкапчикъ и указывая Осокину на рядъ изящимхъ бездълушекъ, размъщенныхъ на верхией полкъ.

Константинъ Николаевичъ узналъ всъ тъ вещицы и игрушки, которыя опъ въ разное время дарилъ Лель. Прежде онъ были разм'вщены по разнымъ уголкамъ компать, теперь, очевидно педавно, ихъ прибрали сюда, и поставили въ томъ последовательномъ порядкъ, въ какомъ онъ, годъ за годомъ, дарились, начиная съ фарфороваго китайца съ качающейся головой, какимъ-то чудомъ уциливнией отъ все сокрушавшихъ рукъ маленькой шалуны, и кончая подаркомъ къ проплогодпей Паехъ — хорошенькой эмалированной колибри, выскочившей изъ серебрянаго разбитаго инчка. Константинъ Николаевичъ не ожидалъ отъ Лели такой намятливости и акку ратности. Внимание, которымъ пользовались поднессиныя имъ вещи, какъ будто говорило о ея серьезной привизанности къ нему, и это его тронуло. У него тотчасъ промедьки уло и веколько пріятныхъ воспоминаній, связанныхъ съ диями, когда онъ еще могъ цъловать Лелю, какъ ребенка, и тенерь на его задумчивомъ лиць появилась грустная улыбка.

А Леля, съ минуту подумавъ, передвинула вещи на полкъ, дала имъ сразу другую группировку и поставила между ними на видномъ мъстъ новый подарокъ.

Оберпуншись теперь къ же время молчавшему Осокину, она подияла на него взглядъ, ожидавшій одобренія. Но зам'ьтивъ задумчивое выраженіе его лица, она опять вся вспыхнула и р'язко произнесла:

— Пу, вы еще недовольны?

Онъ, все такъ же задумчиво глядя на нее, спросилъ:

- April -

— Вамъ мало того, какъя вами запимаюсь? Васъ нисколько не интересустъ маленькая дъвочка, забавляющаяся вашими игрушками, — топомъ настоящаго упрека говорила Леля.

- Пыть, это даже превосходить мон

ожидавія... — пачалъ было Константинъ Николасемчъ.

— Такъ чего же вамъ еще падо? — прервала опа его. — Отчего же вы не востор-гастесь? Да приходите же въ восторгъ! — тормошила опа его за рукавъ. — Да восторгайтесь же, говорятъ вамъ!

Осокинъ все съ той же сипсходительногрустной улыбкой стоялъ исподвижно и любовался ся лицомъ, на которомъ съ такой бистротой, какъ переливы радужныхъ огией въ алмазъ, смъвялись оттънки разпообразныхъ душевныхъ вистросний.

— Я взглянуль на эти бездълушки, — сказаль опъ, наконецъ: — и мив стило жаль, что оне вотъ тутъ, а ивть самаго

лучшаго, что было...

 Чего же? — въ недоумъніи расширила глаза Леля.

— Той д'втской радости, той беззаботности, съ которой вы, бывало, ц'вловали меня за имхъ, — отв'втилъ онъ, пристально смотря ей въ глаза.

Лели потупилает и покрасивла. Она и сама объ этомъ думала не разъ, думала еще такъ недавно, когда устранвала это "канище" и переставляла сюда эти вещицы; она вспоминала, что Костенька, говоривній ей теперь иногла такіп любезности, какихъ она прежде отъ него не слыхала, не ришился уже и въ прошлому году похристосоваться съ ней; она еще сегодим утромъ думала о томъ, какъ это будетъ въ ныньшиемъ, — и вотъ опять, онъ стоитъ передъ ней все такой же милый и хороній, какимъ она знала его всегда, а ин онъ, ин она почему-то не смыоть отважиться на поцёлуй, какъ прежде.

И въ Лель уже просыпается дерзкое желапів капризной и упрямой баловинцы переступить какія-то тамъ правила или приличія; сй хочется вотъ взять да и рас-

цвловать милаго Костеньку.

Но она ръшается на это не вдругъ и сначала только поднимаетъ на него свои большущіе черные глаза. Чорть знасть, какіс глаза! Константинъ Пиколаевичъ никогда ис могъ устоять передъ этимъ взглядомъ. Когда Леля говорила, см'вллась, сердилась, она всегда какъ будто держала свои в'вки полуоткрытыми, и ся лицо сохраияло при этомъ отпечатокъ строгой красоты. Но когда она безъ словъ говорила своимъ пе-д'втски сильнымъ и пе-д'втски страстными взглядоми, этотивзгляды, казалось, охватываль всего челов вка, сковывалъ его, порабощалъ. Эти глаза дълались въ такія минуты несоотвытственно большими сравинтельно со всыми другими чертами лица; эти въки, какъ крыльи какого-то неземного существа, казалось, опускались и подпимались, прикрывая собой, придавливая и волю и мысль стояв-

иаго предъ нимъ человъка.

И пока Константинъ Николаевичъ и на этотъ разъ, какъ всегда, порабощенный этимъ взглядомъ, не могъ оторваться отъ него, Леля, послъ минутной перъшительности, застънчиво и въ то же время вызывающе улыбнулась и спросила:

— Хотите?...

Еще бы опъ не хотълъ! Вмето отвъта, онъ, какъ бы призывал ее, протянулъ ей объ руки.

А вы не будете дурно думать обо

мпъ?-сказала она, красиъя.

Онъ съ выражениемъ упрека только покачалъ головой и произнесъ:

— Леш, Леля!

И она подставила ему для поцълуя спачала правую щеку, потомъ лъвую, п опить на третій разъ правую. Константинь Инколаевичь сдержанно, тоже все еще болсь оскорбить ел застычивость, напечатлъль ей три поцълуя. И потомъ оба, смълсь, взглявули другъ на друга.

— Это "по большому", — уже овладывь своей смылостью и заманивая Лелю, сказаль Константинь Николаевичь: — ну, а теперь... какъ бывало прежде, "какъ ма-

ленъкую"!..

Леля смутилась, хотя и не опустила глазъ. Она готова была захохотать, такъ ей сдълалось вдругъ весело отъ этого

предложенія.

Но – она была не маленькая, она знала уже теперь многое такое, о чемъ прежде, маленькая, она и не догадывалась. И она немного постоявъ такъ передъ Константиномъ Николаевичемъ, вдругъ, точно осъпенияя впезапной мыслыю, сказала:

Пътъ, только по большому.

Сдълавъ шагъ къ нему и поднявшись на циночки, она взила его руками за объ щеки и крънко подъловала его примо въ губы.

И прежде чёмъ опъ успёлъ опомпиться отъ этого ожогшаго его поцёлуя, она уже выбъжала въ другую компату и, стоя у дверей въ корридоръ, лукаво улыбалась и жестомъ руки приглашала его уходить.

Константивъ Никола свичъ чувствовалъ, что вся кровь въ исмъ взбудоражена; онъ видълъ, что и Леля замътно раскраснълась; и онъ колебался, идти ли, изи не-

много успоконться.

А Леля, смыясь, стояла у дверей и настойчиво звала его:

— Пожалуйте, пожалуйте!..

И, певѣдомо кому въ упрекъ покачивая головой, онъ съ улыбкой педоумѣнія попель за пей.

Изъ оставшагося открытымъ шканчика съ недоумъніемъ же смотръли имъ вслъдъ вновь прибывшія пезабудки и выглядывавшая изъ своей серебряной скорлупки прошлогодияя колибри, а старый фарфоровый китаецъ, потревоженный при перестановкъ, монотопно и безстрастио покачивалъ головой, какъ бы говоря: "это мы уже видали! намъ это знаколо".

III.

Когда Осокинъ, ссылалсь на изскольвизитовъ, которые ему оставалось сдълать, посивинять проститься съ Лелей и Марьей Осиновной, - уже запятой прісмомъ других і посътителей, — и вышелъ на улицу, опъ чувствовалъ себя все еще взволнованнымъ. Этотъ поцълуй, котораго онь готовъ быль бы добиваться всеми правдами и пеправдами, оказался и для него ивкоторой неожиданпостью. Хотя Леля еще и отпеслась къ нему съ дътской шаловливостью, по уже было ясно, что это за поцьлуй, и Константинъ Инколасвичъ не могь теперь хорошенько разобраться въ томъ сложномъ чувствъ удовольствія, смъщаннаго съ педоумениемъ и какимъ-то непонятнымъ страхомъ, который овладълъ имъ.

Визиты, намъченные у него на сегодни не принадлежали къ числу необходимыхъ, — ихъ можно было и отложить, — и опъ ноъхалъ домой: объденный часъ уже наступилъ, а Константинъ Инколаевичъ если и позволялъ себъ нарушать свой режимъ, такъ развъ только ради чьихъ-

нибудь прекраспыхъ глазъ.

Осокинъ жилъ холостякомъ, занимая небольшую, хорошо обставленную квартиру въ три компаты. Пожилой лакей, служившій у него уже лівть нять и жившій у него вивств съ женой, исполияль также и обязапности новара и домоправителя. Иванъ, сверхъ получасного имъ хорошаго жалованыя, обкрадываль своего барина на веденіи его хозяйства рублей на двисти въ годъ. Константинъ Инколасвичъ зналъ это и находилъ это для себя чрезвычайно выгоднымь. Онъ даже никогда не рышился бы произпести этого слова "обкрадывалъ", гопоря о своемъ камердиперь, не рышился бы и подумать такъ; опъ и мысленно называлъ незаконные доходы Ивана умізньемъ "что-то тамъ такое съэкономить еще и въ свою пользу". Вообще въ разныхъ медочахъ жиз-

ни Константинъ Инколасиичъ не былъ пуристомъ, смотрълъ на шихъ сквозь нальцы и, не будучи самъ замъщанъ ин въ какихъ безчостныхъ дълахъ, териъть не могь, когда кто-шобудь говорилъ о пихъ въ ръзкой формъ. Казпокрадство, взиточинчество, попустительство, тупеядство и тому подобныя грубыя слова всегда возбуждали въ немъ отвращение. Употребление ихъ въ разговоръ было въ глазахъ Константина Пиколаевича признакомъ дурного воспитанія и недостаточнаго умственнаго развития, признакомъ педостаточной инпроты кругозора Столь быль уже накрыть, когда Осокинъ верпулся къ себъ; и пока Иванъ, передавъ барину и всколько оставленныхъ посвтителями визитныхъ карточекъ, номогалъ сму перемънить мупдиръ на домашпій пиджакъ, Марыя, жена Ивана, поставила на столъ супъ и шрожки.

Всю дорогу Константинъ Инколасвичъ думаль о Лель, съ мыслями о ней съвлъ онъ и супъ и ростбифъ, и, запивая его теперь, по своему обыкновеню, хорошимъ краснымъ портвейномъ, опъ, - несмотря на то, что у него была на очереди цъ-- лаясерія разныхъ вопросовъ о визитахъ и вечерахъ, потомъ о соорахъ къ отъвзду,-все сще, какть юноша, только и думаль, что о полученномъ имъ сейчасъ поцьлув. И когда, закончивь свой объдъ кусочкомъ домашней пасхи и кулича. опъ съ чашкой кофе въ рукахъ подошель къ окну и увидаль наискось оть своей квартиры въчно торчалцую передъ его глазами шестиэтажную громаду дома Мурузи, на углу Литейнаго и Пантелеймонской, онъ только весело улыбиулся этому повому папоминанію о Лель, этому напоминанію о томъ, какъ и почему онъ познакомился съ семействомъ Знойко, когда они жили здъсь, въ домъ Мурузи, льтъ воссыв тому назадъ.

Опъ былъ обязанъ этимъ знакометвомъ одному изъ своихъ безчисленныхъ любовныхъ похожденій. Тогда онъ служилъ въ флоть. Въ одномъ изъ ивостранныхъ портонъ у него было... маленькое прегрышеніе съ женой мъстнаго русскаго консулъ. Консулъ былъ тамонній уроженецъ, долго прожившій въ Петербургь и жешвшійся на русской. Это была старшая сесгра Лели. Ея романъ съ Осокнымъ длился ровно столько, сколько столять въ порть чинившійся посль шторма кройсеръ; зато рекомендательное письмо, которое Осокинъ привезъ Григорію Авдреевичу и Марь в Осицовив оть ихъ до-

чери, вичеств съ подарками, прислашными консульней и родителямъ и сестренкв, открыли Константину Пиколаевичу павсегда двери дома Знойко и сердце маленькой Лели. Сближенію способствовало еще и то, что Осокинъ, вскоръ по возвращении въ Петербургъ, оставилъ морскую службу и причислился къ тому же министерству, гдв служиль и Григо. рій Андреевичъ. Хотя Зпойко не являлся непосредственнымъ начальникомъ Константина Николаевича, по, уже и тогда вліятельный и съ упрямством в нас гонщаго хохла добивавнийся виднаго положенія, онъ показался Осокину челов вкомъ, расположение которато всегда полезно; и Константинъ Николаевичъ, разъ получивъ приглашение бывать, не пропускалъ уже ин одного изъ журфиксовъ у Зпойко, на одного случая закръпить свои дружескія отношенія къ обоняв супругамъ. Ла и помимо этихъ соображений, Осокинъ почувствовалъ себя въ ихъ дом в лучше, чвыв гдь бы то ин было. Грубое сму надовло и претило, до сантиментальнаго онъ былъ не охотникъ, отъ всего чонорнаго или буржувано-идеальнаго онъ бъжаль, какъ отъ мертвечины, -а у Знойко онъ находилъ атмосферу благопристойной фривольности, допущенной какъ разъ въ мъру, чтобъ не уровить визинее достопиство солидной чиновничьей семьи,и это сму правилось.

Марьи Осиповна была тогда еще из полномъ расцевтв силь и красоты севтской женщины, отлично сохранившейся. Всегда окруженная целымъ штатомъ поклонивковъ, она умъла однако удерживать ихъ въ извъстныхъ границахъ, и трудно было сказать, пользовался ли ктонибудь и кто именно въ данную минуту ся благосклонностью. Дорожа служебнымъ положенемъ мужа и стариясь поддерживать уважене къ нему въ обществъ, она умъла, когда нужно, подчинть страсти разсулку... сохраняя за собой право давать имъ волю, когда это можно.

Осокить, принятый ею какъ родной, сумъль сохранить из ней почтительныя отношенія. Онъ сразу коправился Марь в Осиновив своимъ довольно безпечнымъ отношеніемъ ко всему на свъть, своей болговией, приправленной въдостаточномъ количествъ и солью, и перцемъ, и экзопическими приностями, — по дальше свободныхъ разговоровъ у нихъ не пошло. Онъ ли мало правился Марь в Осиновиъ, имъвшей въ это время быть можетъ болью красиваго поклонника, сму ли какія-то уцъльвиня въ немъ правственныя понятія

или предразсудки мъшали серьезпо поухаживать за матерью посль того, какъ онъ былъ рекомендованъ ей согръщившей съ нимъ дочерью, или можетъ-быть и Марья Осиповна, не знавшая о его отпоисніяхъ къ ея замужней дочери, чувствовала необъяснимую неловкость при мысли едълать его своимъ любовшикомъ, а только въ теченіе ихъ многольтияго знакомства Константинъ Николаевичъ оставался другомъ дома Знойко въ лучшемъ смыслю этого слова, и ни разу ни съ той, ни съ другой стороны не проявлялось даже намековъ на готовность къ преступному

•сближению. Григорій Андреевичь тоже любиль Осокина всей силой своего хохлациаго лобродушія. Упрямый, хитрый, предусмотрительный во всемъ, что касалось его служебныхъ и имущественныхъ дель, Григорій Андреевичъ въ дівлахъ семейныхъ полагался во всемъ на жену, безгранично довъряя и ея супружеской любии, и ея благоразумію, соотв' втствовавшему ся годамъ. Онъ любилъ говорять въ свосмъ пружкь о разпыхъ амурныхъ сплетияхъ, любиль добродушно посм'яться надъ тулящими магронами", по быль въ полной увърсиности, что его лично это не касается, да шкогда и не коснется. И трудно сказать, какъ отпесся бы опъ къ тому, селибъ кто-инбудь вздумалъ возбуждать въ немъ подозржие относительно чистоты его собственнаго семейнаго очага. По всей в вроятности онъ посм'вялся бы надъ дуракомъ, который върить всякимъ брехупцамъ, и съ своимъ хохлацкимъ упримствомъ не новършлъ бы даже очевидности, закрылъ бы глаза. Опъ не захотъль бы парушать свой домашній и свой служебный покой даже сомивніями на этотъ счеть. Появленіе Константина Инколаевича и его дружба съ Марьей Осиновной столь же мало возбуждали къ немъ ревность, какъ и частое появленіе у него въ домъ всякихъ "москалей" со шпорами, саблями и палашами. Между тъмъ, въ служебномъ отпошении Осокипъ былъ для Григорія Андреевича челов'єкомъ полезнымъ. Всюду бывая, онъ могъ во-время сообщить Григорію Андресвичу такіс слухи и новости изъ міра служебнаго и просто дающаго тонъ обществу, которые иначе доходили бы до засидъвинагося на своемъ денаргаментскомъ кресле Григорія Андресвича слишкомъ поздно. И Григорій Андреевичь всегда только находиль, что Константинъ Пиколаевичъ бываетъ у нихъ недостаточно часто. Оточеская ивжность, жоторую Осокинъ съ самыхъ первихъ дией

зпакомства сталь проявлять къ Лель, еще болже укрыпляла расположение къ нему старика Знойко: какъ и Марыя Осиповпа, Григорій Апарсевичъ души не чаяль въ своей дочуркь. Благогов вйвый восторгъ предъ ся красотой, который, какъ сму казалось, должны были проявлять и дъйствительно проявляли всв ихъзнакомые, инсколько ис смущалъ Григорія Андреевича даже и тогда, когда Леля, выросии не погодамъ, смотръла уже невъстой. Что опа съ своей стороны могла бы къмъ-иибудь увлечься изъ опружающихъ, объ этомъ Григорій Андреевичъ и думать не хотвлъ. На всехть, даже лучшихъ изъ молодыхъ людей, носъщавшихъ его домъ, онъ смотрълъ только какъ на ся свиту: въ женихи ей онъ прочилъ ужъ пикакъ не ченьше, какъ світльйшаго князя или архимилліонера графа, -такого, какого въ числъ его знакомыхъ пока еще и не было, по о пріисканін котораго Григорій Андреевичъ пачиналь уже ипогда и подумывать, въ особенности, въ часы послъобъденнаго кейфа. И еслибъ кто-нибудь назвалъему Осокина, какъ возможнаго жениха для Лели, Григорій Андреевичъ навърясе спачала широко открыль бы въ педоумъпін глаза, а потомъ бы расхохотался надъ пеливстной шуткой.

По въ свою очерсдь и Констаптинъ Ипколасвичъ шкогда не нам вревался явить-

ся претендентомъ на руку Лели.

Когда онъ съ первыхъ же дней своего знакомства съ Знойко сталъ ласкать и цъловать этого ребенка, онъ, никогла не любившій дітей, почувствоваль къ Лель ивжность чисто родственнаго характера. Она была сестра той, кого опъ хотя и не любиль серьезной любовью, по кто оставиль въ пемъ пріятное воспоминаніе о случайной вснышкъ молодости, страсти и... и натріотизма, - всимникть, подарившей его такими минутами наслажденій, какія даже сму р'вдко выпадали на долю. А когда чрезъ пъсколько мъсяцевъ послъ возвращенія Осокина изъ плаванія и начала его знакомства съ Знойко, Григорій Андреевичъ получилъ взъ-за границы отъ своего зятя, консула, телеграмму, въ которой тотъ изв'ыцалъ, что его жена умерла отъ преждевременныхъ родонъ, то это обстоятельство и исподдивльное горе, обнаруженное при этомъ Константиномъ Инколаевичомъ, сділали Осокина еще болтье дорогимь Григорію Андресвичу и Марыв Осиновив; а онъ, въ свою очерель, привязался еще больс къ малепькой Лель, считам ее чуть не въ самомъ дъль род-HOH.

По годы шли, Леля подросталя, ея красота и быстро развиваниіяся формы ея стройной, высокой фигуры сулили столько счастья ихъ будущему обладателю, что Осокинъ начиналъ все чаще ловить себя на мысли, что въдь Леля для него такая же посторониям красавида, какъ и всякая другая; какой-то лукавый бъсъ нашептываль ему, что если и Лель, какъ ся сестръ, суждено быть замужемъ за какимъ-нибудь консуломъ, то почему бы не могь повториться у него и съ ней такой же милый и кратковременный, — а то такъ и болъе продолжительный, романь, какъ съ ел сестрой. Онъ чувствоваль, что онъ начинаеть желать ее, и порой сму становилось теперь стыдно передъ самимъ собой, когда онъ саншкомъ подолгу ласкалъ или цъловалъ се.

Однако, оставаясь одинъ, онъ въ своихъ тайныхъ помыслахъ, не разъ возвращался къ этимъ ласкамъ и мечталъ о наступлени того времени, когда онъ будетъ обладать Лелей... когла она будетъ его любовищей, - по только ис женой! Ивтъ, жениться онъ не хочеть ин на ней, ин на комъ бы то ни было. Онъ былъ женать однажды, по... это было въ Яноніи и всего на всего на два м'всяда, по условію, какъ это допускають японскіе обычан. Ихъ крейсеръ ушелъ домой, его "вдова" провожала его на пристань и, конечно, илакала до тъхъ поръ, пока дымъ трубы крейсера не слился съ горизонтомъ; а потомъ, въроятно, вскоръ вышла замужъ за другого, - иностраннаго моряка или японца, на мъсяцъ, на два или гораздо дольше. Константинъ Инколасиявъ тогда жалъль, что эти два мъсяца прошли слишкомъ быстро и что ему уже не пришлось больше верпуться въ Японію. О, еслибъ такъ — на два мъсяца, опъ готовъ былъ бы жениться хоть чрезъ каждые два мв. сяца: онъ готовъ былъ бы возобновлять одинъ и тотъ же брачный контрактъ безъ конца... по крайней мъръ, пока не надовстъ, пока д'вло не дойдетъ до того преавла, съ котораго при «в'вчныхъ» бракахъ пачиваютъ хлопотать о разводъ. И какъ знать. -быть-можетъ эти краткосрочные контракты превратились бы въ непрерывную цепь на целую жизнь! Но жениться «навсегда», «сразу», принять на себя пеносильное обизательство! Н'ьтъ, -Копстантинъ Николаевичъ рашительно не чувствовалъ ин храбрости, ни желанія савлать это. И если этого подвига опъ не совершилъ раньше, то теперь, помятый и поношенный, онъ темъ более считалъ благоразумнымъ и честнымъ не садиться не въ свои санп.

Въ отношени Лели-тъмъ болъе! Константанъ Инколаевичъ считалъ себя эгоистомъ по принципу и по патуръ, опъ совнательно желаль наслажденія, желаль обладанія. Но онъ считаль себя также и эстетикомъ, и въ душв вполив порядочнымъ человъкомъ. Хотя обыкновенно, когда дъло шло о его собственномъ удовольствін, онъ не задумывался надъ послъдствіями, которыя это его удовольствіе могло имъть для другихъ; но онъ шикогда не находилъ удовольствія въ созерцаніи чужихъ страданій, даже просто чужой печали, и, разумвется, его тяготило бы псчальное положение жены при такоиъ во всьхъ отношенияхъ небезукоризнениомъ мужк, какимъ могъ быть опъ.

Отъ этого сознанія было недалско и до желанія, чтобъ у Лели быль мужъ лучше его самого. И въ носледній годъ этотъ сложный вопросъ начиваль его иногда озабочивать едва ли не больше, чъмъ даже Григорія Андреевича и Марью Осиповиу. Будущій мужъ Лели долженъ былъ, по соображеніямъ Копстантина Николаевича, быть достоинъ ся, опъ долженъ любить ее, она должиа любить его, и въ то же время онъ долженъ оставить въ ся сердць маленькое, - Константинь Пиколаевичъ былъ не требователенъ, - только маленькое мъстечко и сея старому другу дътства» — что-то въ родъ un pied a terre на случай его прівзда. Задача, какъ опъ самъ понималъ, трудно разръшимая, мечта почти несбыточная. Но онъ любилъ ласкать себя сю. Ему казалось, что и Леля, вдохвовленная атмосферой окружающаго ее поклопенія и тімъ, что успіли нажужжать ей въ уши отецъ и мать и "другъ дътства", считала себя призванной стать владътельной герпогиней, чтобъ затъмъ... быть «списходительной» къ своимъ вассаламъ и пажамъ, между которыми ему было бы отведено первое мъсто. «Вирочемъ, ова, въроятно, еще и сама не отдаетъ себъ отчета, чего она хочетъ» - неръдко думалъ онъ про псе. — «Достаточно взрослая, чтобъ чувствовать, она еще не доразвилась до способности серьезно разсуждать.»

Константинъ Николаевичъ, усъвшись у окна на мягкомъ креслъ и прихлебывам глотокъ за глоткомъ черный кофе, смотритъ теперь на красивые подъвзаы дома Мурузи, и на губахъ у пего продолжаетъ пграть улыбка. Ему вспоминается, какъ плакала Леля, когда Марья Осшовна объ-

явила ей о предстоящемъ перевядь изъ дома Мурузи на ихъ теперешнюю квартиру. Аввочка затопала ногами, и ни за что не хотъла повидать этотъ домъ, который ей такъ правился. Ни удобства новой квартиры, ни замъна Леливой малепькой дътской двуми ел теперешними компатами, им наказапія, ни увъщапія долго не могли утышить десятильтнюю Лелю. Все, что она вычитала фангастическаго и манящаго въ своихъ книжкахъ, все, что дядя Костя показываль ей на картинкахъ, вывезенныхъ имъ изъ Иидіи, Африки, Испаніи, — все олицетворялось для нея, среди казарменно правильныхъ и, какъ желъзная дорога, длинныхъ улицъ Петербурга, въ одномъ доміз Мурузи, въ этой массивной, сфрой, шествэтажной громадъ съ ен четырьмя куполами, съ ея двойными подковообразными окнами, мавританскими арками и колонками, безчислениыми прабесками и безконечными арабскими надинсями. Леля никогда не думала, что ся родители занимаютъ только довольно мрачную и довольно неуютиую квартиру въ этомъ, въ сущности, мрачномъ зданін. Какъ скозочная прищесса, она думала, что этотъ домъ принадлежить ей, и она принадлежить къ этому дому. Только опъ однев и правился ей во всемъ Петербургів, и когда, въ утішеніе ея, Константинъ Пиколаевичь вздумалъ было критиковать его стиль, маленькая упрямица зажала ему ротъ рукой и глазки ся веныхнули такимъ огонькомъ, что Константинъ Николаевичъ понилъ, что если онъ дорожитъ ен расположениемъ, то никогда не долженъ сомивваться въ прелестяхъ "дома Мурузи": въ немъ все, начиная отъ самаго его назвавія, казалось Лель превосходнымъ. Даже силу и глубину своихъ ощущеній Леля привыкла выражать сравненіями съ этимъ домом'ь и сохранила эту привычку и на новой квар-

И онять Констаптину Инколаевнчу рисуется въ воображении знакомая еценка. Опъ сидить въ гостиной съ Марьей Осиновной въ ожидании вечерняго чаю. Леля только-что кончила свои занятия съ гувернанткой и, довольная собой, прибъгаетъ въгостиную и со смѣхомъ прыгаетъ примо къ матери на колъни.

 Лели, — останавливаетъ се Маръя Осиповна: — ну развъ можно вести

себя такъ при постороннихъ.

Леля, прищурившись, смотрить на Константина Николасвича и, двлая вдругь очень серьсзную мину, медленю, съ разстановкой спрашиваеть:

— А развів дяди Костя посторонній? Марья Осиповна съ доброй улыбкой грозить ей пальцемъ и, не считая нужнымъ отвівчать на ей шуточный вопросъ, говорить, только подчеркивая имя Осокина:

— Ты и при Константинь Николасвичь не должна вести себя такъ неприлично.

А Леля, молча посмотр'ввъ ей въ лицо, вдругъ обнимаетъ мать и голосомъ, полнымъ дътской любви, и вти и какой-то затаенной грусти, говоритъ:

— Мамочка, ну приласкай меня, ну

приласкай, мамусинька.

И сама начинаетъ и ыжно гладать мать своей рученкой по плечу и по слегка выощимся волосамъ на вискахъ.

Марья Осиновна, разумћется, не удержится, чтобъ не расцъловать се крънкокрънко, несмотря на присутствіе "посторонняго".

— Кто изъ васъ кого больше любитъ? вмъщается Константинъ Николаевичъ, невольно увлекаечый этой семейной идилліей.

— Я, я, я!—спъшитъ отвътить Леля, быстро вачиная осыпать мать градомъ поцълуевъ.

— Леля! Леля! Перестань, — ласково и осторожно защищается Марья Осиповна. — Ты меня всю измяла.

— Мамочка, и люблю тебя!—п'вжнымъ шопотомъ говоритъ ей Леля, въ послъдній разъ крівико обниман се.

- Очень?-прижимая ее къ себъ, спро-

ситъ Марыя Осиновна.

— Какъ домъ Мурузи! — убъдительнымъ тономъ отвътитъ ей Леля и разсмъется.

Разсмъются и Марья Осиповиа и Константивъ Николаевичъ.

— Ну, а если дочка любить меня, то она хорошо и училась сегодня? — спросить Марья Осиповна, не то обращансь еще къ полулежащей у нея на кольняхъ Лель, не то уже къ вошедшей въ это время въ гостиную француженкъ.

— О, да, да, мамочка, — спънштъ Леля предупредить отвътъ француженки. — Мы сегодия написали много-много! Ну, право же, мамочка! Вотъ сколько! — показываетъ она, шпроко разводя руками въ объ стороны. — Какъ домъ Мурузи! — прибавляетъ она пресерьезно, какъ послъдній убъдительный доводъ.

Марья Осиповна, съ улыбкой, вопросительно посматриваетъ на француженку, и пока та, улыбаясь же, медлить ответомъ, Леля уже машетъ своей гувернанткъ объими руками и настойчиво повторяетъ: — Какъ домъ Мурузи, какъ домъ Мурузи! N'est ce pas, m-me Grénier?

И француженка смотрить на Лелю такъ же ласково, какъ и мать, и спокойно отвічаеть:

— Oui, madame, c'est comme toujours.— Улыбиувшись, и она тоже прибавляетъ:— C'est comme la maison Mourousi.

И всь идуть въ столовую пить чай.

Тысячи мельчайних в подробностей изъ семейной жизии Знойко проносятся теперь въ памяти Константина Николаевича, и опъ припоминаетъ, какъ милая Леяя съ каждымъ годомъ становилась ему все милье и дороже, нока это чувство не сдълалось такимъ захватывающимъ, такимъ сильнымъ...

"Какь этогъ домъ Мурузи!" – улыбаясь, шенчеть онъ самъ себ в, продолжан смо-

тръть въ окно.

Да, песомивино, если опъ, со всвыъ своимъ эгоизмомъ, любилъ кого-инбудь, способенъ былъ полюбить кого нибудь въ жизни, чакъ это только ее.

И вдругь сегодия этотъ попьлуй!

Улыбка исчезла съ лица Константина Николаевича. Его взглядъ сдълался почти суровымъ. Онъ не зналъ, радоваться ли ему или печалиться.

Мысленно онъ задаваль себь вопросъ: "ву, а дальше? какой же шагь дальше?"

И то, что представлялось сму дальше, какъ будто пугало его. Съ одной стороны, усивхъ, окрылявший его падежды на осуществлене самыхъ смълыхъ его мечтаний, льстилъ его чувственности. Съ другой— ему какъ будто было обидно, что Лели, его Лели", падаетъ въ его глазахъ, что она уже загрязнена — не столько этимъ поцълуемъ, сколько всъми тъми мечтами, которыя и до и послъ этого поцълуя явлились у него... а можетъ быть и у нея... Она сказала: "по большому!" А понимаетъ ли она, что это зпачитъ!

Но опъ сейчасъ же переходитъ къ мысли, что въдь если его что смутило, такъ только то, что Леля еще не замужемъ. Будь это хоть на другой же день нослъ свадьбы— развъ ему пришли бы въ голову всъ эти соображения о нечистотъ этого поцълуи, развъ у вего могло бы явиться теперепшее сурово-задумчивое пастроеніе. Ничуть не бывало! Тогда опъ только радовалея бы и думалъ бы: "ахъ, когда же слъдующій шагъ! скоръе бы, скоръе!"

Значить, нужно сознаться себь, что вств теперешнія сомивнія, это только одна трусость, боязнь отв втственности, и больше инчего. Какъ ни прикрывай своей подлой трусости разсужденіями и размышле-

піями о любви да объ остаткахъ правственныхъ понятій о чистоть и долгь, — все это только самообманъ.

Константинъ Инколаевичъ нашелъ въ себъ достаточно мужества и цинизма, чтобъ сорвать съ себя и этоть постъдній, случайно застрявшій фиговый листокъ и сталь разсуждать проще.

"Разъ замужемъ" — думалъ онъ: — "рано или поздно, должна же она съ къмъ-ии-

будь измънить мужу".

И чего же ближе, какъ съ шимъ! Autant lui qu'un autre. По крайней мъръ, опъ искрешю любитъ ее и постарается сдъ-лать ее счастливой. Какъ мужъ, онъ негоденъ, — какъ любовникъ, онъ будетъ

лучше многихъ.

Продолжая все такъ же неподвижно сидьть у окна, онъ вдумывается теперь въ свои отношенія къ Лель, и вдругъ ему приходить мысль: что было бы, еслибъ она, выйдя замужъ, охладъла къ нему, еслибъ ея будущій супругъ поемотръль косо на близость "диди Кости" не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ. Константинъ Ииколаевичъ представляетъ себь, что Леля умерла для него, только для другихъ. И это кажется ему настолько ужаснымъ, что онъ готовъ былъ бы скоръе примириться съ тъмъ, чтобъ Леля совсъмъ умерла.

Да, такому мужу, который отияль бы ее у иего, онъ ее не уступить. Онъ, кажется, во избъжание чего нибудь подобнаго, готовъ быль бы самъ жениться на Лель.

Да, даже это!

Но опъ уже не разъ думалъ о женптъб в па ней! И хотя пикогда не придавалъ этимъ размышленіямъ серьезнаго характера, однако, мимоходомъ, урывками, он в пено усвоилъ себ в невозможность этого. Не говори о противодъйствіи, которыго всегда слѣдовало ожилать со стороны Григорія Андреевича, путаетъ его п сама Леля. Вѣдь еслибъ опа даже удовлетворилась имъ на первыхъ порахъ, въ копцѣ концовъ ея пылкое во браженіе и ся буйнам провь бросились бы искать разнообразія. А онъ предпочитаетъ лучше роль обманивающаго, чъмъ обманутаго.

Онъ услаждаетъ себя увъренностью, вынесенною изъ опыта, что замужней женщинъ достаточно одного любовника: фактъ обновления впечатлъній этимъ достигается, и женщина не ищетъ другого. Ръдкая мъняетъ ихъ, какъ перчатки, и Лелю опъ не хочетъ считатъ въ числъ такихъ. И опъ рисуетъ себъ картины, что при замужней Лоль онъ будетъ этимъ однимъ. Но са-

мому быть мужемъ и имыть при себы этого другого, хотя бы и одного, — о, пыть, онъ не хочеть быть тымъ, qui paye les

pots cassés.

Потомъ опъ не можетъ примириться съ мыслыю видёть у себя въ квартиръ, вокругъ себя, своихъ дътей, которыми надо будетъ интересоваться, о которыхъ надо заботиться, изъ-зи которыхъ придется въноваться. А въдь Лелъ можетъ придти и эта взбалмошная мысль—имъть дътей! И съ ней по сладишь, опа все перевернетъ вверхъ дномъ.

Наконецъ, онъ вовсе недостаточно богатъ, чтобъ позволить себ в эту росконь, бракъ и потомъ семью. А съ Лелей... Опъ достаточно опытенъ, чтобъ поиять, что это значитъ – имъть ее женой и хо-

зяйкой.

Положимъ, за ней дадуть въ придавое ихъ инвине. Говорятъ, оно приноситъ до десяти тысячъ дохода. "По выдь это, во-первыхъ только говорятъ; во вторыхъ, знаемъ мы, что такое эти сельскохозийственные доходы" подумаль Константинъ Николасвичъ. Не даромъ слу пришлось, чтобъ не разориться, продать свое имънье и избрать себъ запятіе болье върное и столичному жителю свойствемное: стрижку не овецъ, а куноновъ съ придачей "репты 20-го числа". Въдь ужъ если хозяйничать въ изгыны, такъ надо тамъ и жить самому, и следить, какъ паиутъ, съютъ и жнутъ, какъ овецъ стригутъ, какъ свиней откармливають. Да и то все въ рукахъ Божінхъ: то дождичка нътъ, то дождичекъ забыль, что его давио въ другомъ месте ждутъ, а онъ всталъ надъ однимъ полемъ да и льетъ, и льетъ... То на "коровушекъ" чума, то на "овечекъ" падежъ. Пътъ, опъ рыштельно не чувствоваль призванія къ сельскому хозяйству и выгодъ отъ него не ждалъ.

Онъ понималъ, что и Знойкамъ ихъ имъне и жалованье Григорія Андреевича давало возможность жить такъ широко, какъ они жили, только потому, что у нихъ была одна дочь. А какъ только Лели потребуетъ больше нарядовъ, потребуетъ отдъльнаго вывзда, пойдутъ дъч п все прочее, то соединенным средства и Знойко и его окажутся педостаточными; и несомиънно, благоразумиъе всего пайти Лелъ своевременно какого-инбудь безсовъстно

богатаго мужа.

Все это было давнымъ-давно Константиномъ Николаевичемъ ръшено, и ничто, казалось, не въ состоянін было поколебать его рышеніе.

И вдругъ, послъ сегодининяго-то по-

цвлуя, подумать, что будущій мужь могь бы не допустить его близости къ Лель! Эта мысль доводила Копстантина Николаевича до серьезнаго волненія.

Однако, какія же его права па Лелю, чтобы онъ могъ ревновать ее къ ся будущей свободь выбора, ревновать ее къ

ея мужу?

Онъ понималъ, что правъ этихъ пѣтъ. Но онъ привыкъ въ течене многихъ лѣтъ ечитать Лелю своей будущей лю-бовницею, онъ такъ былъ всегда увъренъ, что это рано или поздно несомпънно будетъ, что смотрълъ уже на нее, какъ садоводъ на плодовое дерево, которое еще не доросло до того, чтобъ приносить ему желанные плоды, по уже привито и правильно развивается.

Да, онъ уже привиль ей этоть ядь, который должень въ надлежащее время

дать надлежащій плодъ.

И въ самомъ дъль, кто, какъ не опъ, имъль большо всъхъ вліявія на ся умственное развитие, не только въ желательномъ ему направленін, но и въ томъ, которое ділало Лелю блестящей и заманчивой не для него одного. Леля плохо училась въ институтъ, такъ плохо, что чрезъ три года Марья Осиновна ръинилась взять ее оттуда, чтобъ не срамить дівочку ся отсталостью отъ подругъ. Кто, какъ не опъ, сумълъ утвинть въ это время Марью Осиповну, глубоко огорченную темъ, что ел дочь пикогда не получить шифра и потеряеть одинъ изъ шалсовъ сдълаться фрейлиной. Онъ убъдилъ Марыо Осиновиу, что все это вздоръ и что у Леми прекрасный умъ и способности, по своеобразный характеръ, не мирящійся съ школьнымъ преподаванісмъ. И опъ же сталь подбирать для Лели такія книги, которыя пріохотили ее къ чтенію и мало по-малу раздвинули ся кругозоръ. Марья Осиповна принимала вредъ и пользу чтенія кинть больше на въру. Она върила, что романы развращиють, а серьезныя книги просвъщають, и инкогда не заглядываля въ тв популярныя quasi-паучныя русскія и ипостранныя монографіи, которыми Константипъ Ипколаевичъ снабжалъ Лелю. По, будь это съ романами или съ другими кинжками, Константинъ Поколаевичъ всегда ухитрямся обойти не очень бдительный надзоръ татап, когда хотълъ доставить Леяв возможность прочесть то или другое сочинение, которое подготовляло бы ее въ желанномъ для него направлении. Тогда опъ, въ ся присутствии, даваль книгу или гувернанткъ, или самой Марь в Осиновнъ, предупреждая, что это собственно для нихъ и что Лелъ слишкомъ рано читать эти вещи. Но при этомъ овъ бросалъ на Лелю такой вызывающій, насмъщливый взглядъ, такъ улыбался и пускалъ нъсколько такихъ коварныхъ замічаній, что, уходя, былъ вноліть увівренъ, что Леля тайкомъ проглотить всю кинжку прежде, чтыть тамап или француженка успъютъ прочесть половину ея.

И опъ вспоминаетъ теперь, какъ часто ему случалось приходить въ восторгъ отъ какого-инбудь тоякаго памека, брошеннаго Лелей въ разгопоръ съ нимъ, —
тоже въ присутствіи шатап или гувернянтки, памека, который яспо давалъ ему попять, что запрещенная книжка прочитана ею, и что именно то, что "Костенькъ" должно было быть интересно въ этой книжкъ, то Леля и подмътила, о томъ она и намекнула да еще въ такой формъ, такъ во-время и такими словами, что только онъ и могъ попять скрытое значеніе намека, подчеркнутое выразительнымъ взглядомъ.

Это, конечно, сближало ихъ. Да и не одно это. Въ театрахъ, въ концертахъ, на картинныхъ выставкахъ, на прогулкахъ, вездъ имъ представлялись случан замъчать одинаковость ихъ вкусовъ. Все, что отзывялось трудовымъ потомъ или проповъдью умъреннаго мъщанскаго благополучія, было столько же чуждо ей, сколько и ему. Зато она цълыми часами готова была простливать предъ всъмъ, что будило въ ней мечту, что, по ем собственному выраженію, приближало небо из землю. А такъ—даже простой пвътокъ былъ ей дороже самой потрясающей драмы.

И опять Константину Николаевичу вспоминается сцена, которой опъ былъ свидътелемъ, въ началъ прошлой осени, на дачь у Знойко въ Петергофъ. Онъ, Леля и еще студентъ-медикъ, прівзжавшій иногда къ Знойкамъ вмисть съ своимъ отпомъ, однимъ изъ видвыхъ сослуживцевъ Григорія Андресвича. - сидівли въ саду, любуясь пестрыми клумбами цивтовъ. Леля учила ихъ обоихъ, какъ и изъ какихъ цвътовъ составлять красивые букеты. А въ это время въ сторонъ отъ нихъ на терассь Григорій Андреевичъ разсуждалъ съ другими гостями о неурожав и въ своемъ имвиви, и вообще пъ нъсколькихъ губерніяхъ, и о томъ, какъ трудно будетъ тамошнимъ крестьянамъ жить въ этомъ году. Студентъ нересталь слушать Лелю, насторожился и

сталъ прислушиваться къ разговору въ групить Григорія Андреевича. Леля надула губки и дерпула его за рукавъ.

— Извольте слушать, что я вамъ говорю!—ръзко обратилась она къ нему.— Неужели вамъ интересите, что болтаютъ

старики

— Позвольте, Елена Григорьевна, — отозвался студенть, давая нопять ей свое умственное превосходство: — тамъ говорять о хлъбъ для сотни тысячь народа... не имъющаго ни времени, ни возможности заниматься визаніемъ букетовъ. Неужели люди, которымъ ѣсть печего, не интересуютъ васъ? — ръзко подчеркнуль опъ вопросъ.

Лели подумала и отвътила:

 Пусть они придутъ сюда, я имъ дамъ всъ деньги, которыя у меня ссть.

 — Пу, этого окажется для нихъ слишкомъ мало! — сказалъ ей на это студентъ.
 Леля опять задумались и потомъ, улыбнувшись, сказала:

— Ну, а больше мігь до нихъ дъла пътъ. Пусть идугъ къ другимъ, у кого

есть.

- А вы останетесь вязать буксты?

- Разумъется.

 Это показываетъ, что вы безсердечвы.

— Это почему?! — вспыхнула Леля.

— Потому что, высто того, чтобъ вязать букеты, вы должны отдать всъ вани силы на то, чтобъ позаботиться объ этихъ людихъ, чтобъ они были сыты.

— Съ какой стати!—снова вснылила Леля.—Это совсъмъ не мое дъло, это ихъ дъло. Я... я хочу жить вотъ какъ этв розы.—сказала она, со смъхомъ состакиван со стула и направляясь къ розовому

KYCTY.

Она сорвала дв в прекрасныхъ розы и, вернувшись, съ дасковой улыбкой подала ихъ своимъ кавалерамъ. Студента это мало тронуло, и Ковстантинъ Инколасвичъ, какъ сейчасъ, помнитъ тотъ горичій споръ, въ который онъ вступилъ съ молодымъ медикомъ, ноддерживая высказанную Лелей мысль. Того онъ не убъдиль, но самому ему, какъ тогда, такъ и теперь, казалось яснымъ, что Леля была права. Она была цвъткомъ и хотвла имъ оставаться. А какое дъло всимъ отимъ пышно выхоленнымъ цвътамъ, сохнетъ или не сохнетъ гдъ нибудь отъ бездождія рожь въ полихъ: ее, розу, садовникъ во-время польетъ заботливой рукой, во-время унесетъ въ оранжерсю отъ осевней непогоды и мороза. Какое ей діло, есть или півть насущный хлівбъ

у этого саловника и у тахъ, кто кормитъ его и его хозяевъ. Если садовникъ умретъ съ голоду и некому будетъ поливать и холить розу, она завянетъ и умретъ вмѣстѣ съ нимъ, но накормить его она все равно не можетъ. Она не безсердечна: каждому, кто подойдетъ къ ней, она отдастъ все, что можетъ: свой ароматъ и ласковую улыбку своихъ розовыхъ ленестковъ. Неужели за это она заслуживаетъ презръпія и неужели можно обви-

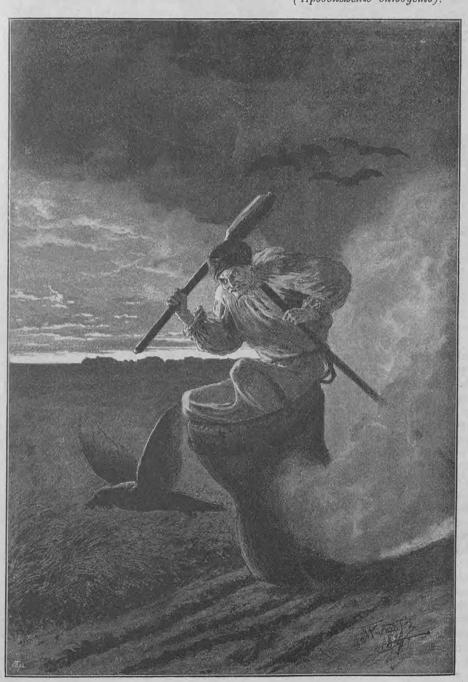
нять ее, что она еще цвътстъ, когда рожь уже гибиетъ отъ засухи.

И теперь, какъ и тогда, Константинъ Николаевичъ думалъ, что онъ готовъ былъ отдать всв свои силы на то, чтобъ холить этотъ цвътокъ, ходить за нимъ всю жизнь в наслаждаться его ароматомъ.

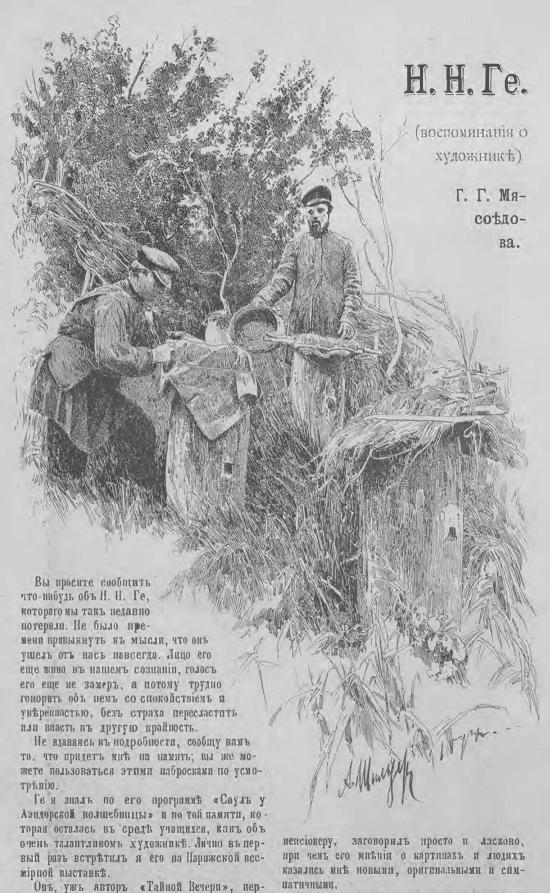
Но роль садовника казалась ему слишкомъ отвътственной, — онъ хотълъ быть только его помощникомъ.

А. Луговой.

(Продолжение слъдуеть).

"Виба-Лач, рисунокъ Бар. М. И. Клодта.

вый подошель ко мяв, свъжепросольному

Эта первая встръча, по краткости ея, не

оставила глубоваго слёда, который быль изглажень массой новыхь встрёчь и внечатлёній. Потомь я переселился во Флоренцію, гдё жиль Ге со своей семьей. Семья эта состояла изъ ияти человёкъ: самого Ге, его жены, Анны Петровны, урожденной Забёлло, двухъ маленькихъ мальчиковъ, Коли и Пети, и ияни хохлушки, большой патріотки, умёвшей дёлать вареники и уморительно объясиявшейся по итальянски.

У Инк. Инк. собиралось много весьма разнообразного народа. Тутъ были русскіе, живніе во Флоренціи съ давнихъ поръ, вновь прівзжающіе и пробажающіе, тутъ же понадались птальянцы, французы и другія національности. Всёмъ было ловко, благодаря простотъ и сердечности, съ которой хозяева принимали своихъ гостей.

Въ темахъ для разговоровъ педостатка не было. Политическай жизнь Италін, въ это время бившая ключемъ, ис могла неувлеть русскую коллонію, а потому у Ге, послі пскусства, всего болье говорилось о политикъ. Господствующій топъ быль топь прайняго либерализмя, подбитаго философіей и моралью. Спорили много, спорили съ изной у рта, не жалья ин словь, ни порицаній, ни восторговъ, но все это, не выходя изъ области пожеланій, кончалось вирнымъ поглощеніемъ русскаго чаю. Это было время польскаго возстанія. Флоренція, куда завзжаль Герцень, черезъ которую съ шумомъ, какъ брандкугель, проносился Бакуппиъ, была разумъется на сторонъ угнетенныхъ поляковъ. Многіе изъ проживавшихъ тамъ русскихъ дълили ихъ симпатио. Помию, что П. Н. быль за поляковъ, горичо ихъ защищаль и приходиль въ истодованіе отъ ударовъ, которые имь приходилось перепосить. Въ споръ опъ быль крайпе находинвъ и не было такого рискованнаго положенія, котораго онъ не взился бы доказать или опровергнуть; прижатый къ стъпъ противинками, когда догика отъ него ускользала, онъ всегда умбаъ находить такую точку зръил, которая давила ему возможность выворо-Тить на изнаику вст доказательства своихъ опонентовъ. Говорилъ опъ не спѣша, безъ крика и смущения, но всегда съ увлечениемъ, при чемъ его апостольская, тогда еще темпо-Русая голова дёлалась очень выразительной. Въ жару спора у него всегда подергивались кверху мускулы правой стороны носа и щеки, что придавало лицу выражение убъдительности.

Къ женщинамъ Ге отпосился съ душевной ижжностью; всёхъ красивыхъ итальянокъ звалъ Беатриксами; женщины всегда интересовались имъ и охотно его слушали; въ этихъ отношенияхъ, часто очень ижжныхъ, полъ и возрастъ не играли илкакой роли. Въ своей женъ онъ, месмотря на то, что, она была далеко не изъ

красивыхъ, видълъ вст совершенства; съ нея писалъ и Магдалину, и Петра Великаго и многихъ другихъ. Натуры онъ держать не любилъ, всегда видълъ въ ней врага того идеала, который рисовало ему воображение; бралъ натуру какъ случайный фактъ, который переработывалъ по сноему; картины создавались у него съ великими муками и передълками; иногда онъ оставлялъ работу на долгое время, иногда все нередълывалъ снова. Въ мастерскую пускалъ неохотно и только тогда, когда дъло приходило къ концу и сомивний болъе не было; онъ боялся чужого вліянія или глуныхъ замъчаній.

Общество, собиравшееся у Ге во Флоренцін, было весьма разнообразно. Не приномню всвхъ его знакомыхъ, помию что встрвчаль у него А. Веселовскаго, Каменскаго, семью Герцена (ин самого Герцена, ин Бакунина видъть мив не удалось), 11. Забълло, А. Чиркина, 11. Долгорукова, Деманже де-Губернатисъ, Л. Мечникова, Ушакову, Мордвинова и многихъ шностранцевъ, именъ которыхъ не приномию. Лътомъ часть кружка перевзжала рада купанья въ С. Теренцо, маленькую деревеньку въ заливъ Спеціи, состоящую изъполсотии рыбацкихъ домовъ, приотившихся подъ скалой, увъпчанной паверху развалинами замка. Деревеньку эту открыли художники и полюбили ее за простоту жизии, дешевизну, красивую мъстпость и населеніе. Ге на каждомъ шагу находиль тамъ Беатриксъ. Будучи историческимъ художинкомъ, онъ часто увлекался нейзажемъ, въ С. Теренцо опъ писалъ этюды улицъ и сдълаль ийсколько этодовъ масливь для «Моленія о чашіх», картина, которую онъ тогда уже затъвалъ. Изъ С. Теренцо мы пробрамись въ Каррару, которая увлекла насъ своей романтической красотой и роскошью каштановыхъ льсовъ, разбросанныхъ по горамъ, между которыми каскадами бъжить ръчка Каррара. Въ Карраръ Н. Н. сдълалъ эскизъ, исполненный имъ впослъдствін вь видъ пебольшой картины «Перевозка мрамора»; интересъ этой картины состояль въ солицъ, къ бълой праморной пыли, подпятой мпожествонь воловь, которые, синбаясь въ духу, сле тащать по глубокимъ колевинамъ глыбу мрамора, погоняемые пиками сидящихъ на задней паръ погонщиковъ.

Кто то купаль этоть небольшой жапрь, не помию быль ли онь выставлень.

Италію я новинуль ранбе Ге и, возкратиншись въ Россію, поселился въ Москвт. Среди московскихъ художниковъ болбе заибтнымъ и вліятельнымь быль В. Г. Перовъ, около которого группировались художники и подхудожники. Благодаря вліянію Перова мит удалось собрать подписи къ написанному миою уставу Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставовъ, которыя я отослалъ въ Петербургъ для собранія подписей желающихъ присоединиться къ двлу. Уставъ этотъ попаль въ артель художниковъ, но быль ею принять холодно, несмотря на старанія Крамского, который ему сочувствоваль. Дѣло не пошло. Артель была учрежденемъ практическимъ, и для вступленія въ нее нужно было дѣлать взносы, равные долѣ прежнихъ членовъ. Занимаясь гланнымъ образомъ писаніемъ образовъ и портретовъ съ фотографіи, она потеряли главныя силы, вносившія въ нее элементъ искусства ні была готова развалиться. Попатно, что при этомъ ей было не до чужихъ увлеченій и уставъ Товарищества остался безъ движенія.

Перебранинсь изъ Москвы из Петербургъ, тамъ я нашелъ Ге, нъсколько ностаръвшаго, по по прежнему живого, впечатлительнаго и увлекающагося. Идея внести искусство въ провищию, сдълать его русскимъ, расширить его аудиторію, раскрыть въ нее окна и двери, внустивь свъжаго и свободнаго воздуха, была Николаю Инколасинчу весьма по сердну и онъ взялся за нее горячо и увлекъ Кранского, который въ то время относим я къ Ге съ большимъ почтеніемъ. Дъло Товарищества снова нодинлось на поги, собраны были подписи, между которыми были подписи Гуна, Клодта, М. К. Прянинникова, Перона, К. Маковскаго, Корзухина, В. Якоби и др. Последије ограничнансь подписнив, никогда въ дълв не участвуя. В. И. Якоби, сыгравъ итсколько либерильных мотивовъ и сдълявъ пъсколько весьма либеральныхъ пируэтовъ, изъ Товарищества выбыль, пристропвшись не безъ удобства къ Академін художествъ. Изъ часновъ артели къ Товариществу присосдинился одинъ К. В. Лемохъ, представля собою единственную связь артели съ Товариществомъ.

Новое двло движенія выставовъ по Россім свизывало нась въ очень небольшую и тъсную группу. Ге, Крамской и ябыли членами правленія т.-е. вели все двло. Ге кромъ того быль киссиромъ, внося и въ это двло обычную способность увлекаться, онъ придумываль
свои способы веденія кингъ и свои прісмы

счетоводства.

Усивать его картины «Петръ и Алексви» въ Петербургъ и въ провинции очень его бодрилъ и инкогда не былъ опъ такъ оживленъ, а можетъ быть и счастливъ.

Въ началъ дъло передвижени по Росси велось безъ помощи постороннихъ силъ, члены
сами возили выставку, исполняя обязанности
артельщика, кассира и завъдывающаго всъмъ
дъломъ. Это былъ геропческій періодъ Токарвщества. Общество привималовыставки картивъ съ большвиъ интересомъ, какъ новинку.
Начальство иногда недоумъвало; въ Харьковъ
напр., ки. Краноткинъ не захотълъ разръшить

выставки и и долженъ быль телеграфировать Ге, который не медля отправился къ министру (Тимашевъ); последовало на другой день разръшеніе: получивъ его, я отправился къ попечителю просвть залы упиверситета, попечитель не ренинися дозволить выставку въ залахъ университега, такъ какъ того не бывало прежде; и телеграфироваль Ге-было разръшено Министралъ Народ. Просв. устроить выставку въ Университеть. Такъ, благодаря Ге и Крамскому, оставаншимся вь Петербургъ, устраинансь встръчавніяся пеудобства. Въ началь Ге и Крамской жили въ ладу и полномъ согласін; впослідствін, когда картины Ге не дългли инечатавия, разнаго картинъ «Петръ и Алексъй», а Крамской съ черныхъ портретовъ перешелъ на картины и почувствоваль себи довольно сильнымъ, чтобы запять мъсто рядомъ съ Ге, между ними пробъжала черная конка. Крамской позволить себъ дъапть заивчанія въ родів - «я усталь защищать ваши картины, Инколай Николаевичъ» и т. д. Благодаря такимъ уколамъ изъ отношеній ихъ изчезла всякия сердечность и наисегда, что конечно, не мъщало благополучному течению пашего дела, которое росло и укреплилось, такъ что для завъдыванія выставкой въ путешестин ны должны были искать постороннее лицо. Такимъ лицомъ къ нашему счастью оказался А. Д. 1-ъ, который по дружбъ къмногимъ изъ членовъ и изъ любви къ искусству, которому пе быль чуждь, всль дкло выставокъ въ теченіе прскольких в трав и уметь его поставить какъ пельзя лучие.

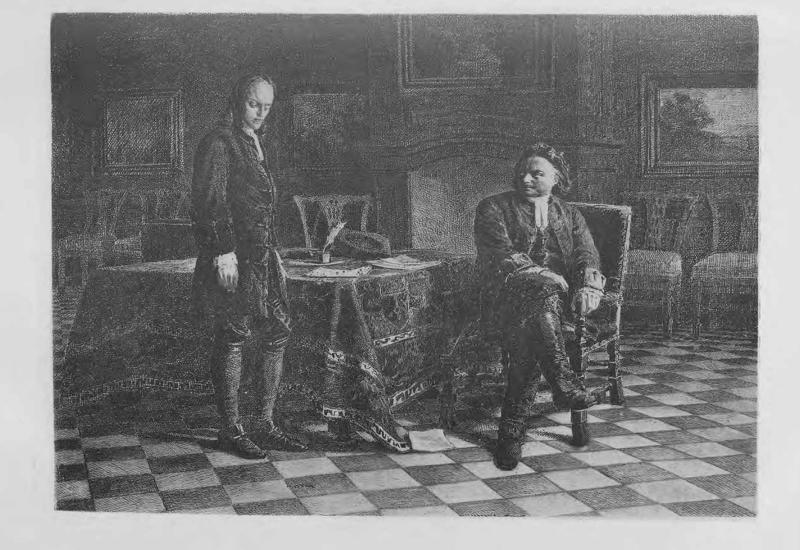
Первые годы пребыванія Няколая Няколаевича въ Петербурга онъ сохраняль тепло, которое вывезъ изъ Италіп. Дъти его, лучше говоривнія по итальянски, чамь по русски, подросли и вступили въ Ларинскую гампазію. Отношеніе И. И. къакилемін, находившейся подъбликайшимъ управленіемъ на все согласааго

ректора Гордана и мудрой опской конференцъ-секретаря Исъева, были не довольно ясны; Гебылъ пригланиевъ участвовать въ коммиссін по пересмотру устава академін, состоявшей, если не опибаюсь, подъ предсълательствомъ конф. секретаря съ участіемъ Крамского, Чистякова и другихъ. Помпю, что Ге очень волновался, очень хлоноталъ, на что-то падъялся и, конечно, папрасно. Мудрый опекупъ устроилъ

конечно, наприсно. Мудрый опекунь устроиль все такъ хорошо, что уставь, составленный комиссіей, почиль подъ сукномъ комитета, что въ комиссіи Ге сказаль иксколько словъ. доставившихъ мало удовольствія академическимъ

мудрецамъ и они это не забыли; когда уставъ былъ благополучно похороненъ, Ге ръже сталъ звать себя— «моего Государя профессоръ», хотя не отказался участвовать въ конкурст на

пашисаніе образовъ для какого-то храма; но здъсь-то онъ и получиль афронтъ: его эски-

зы были признаны академіей негодными, чёмъ опъ весьма огорчился, совершенно остыль къ академическому ареопагу, вообще въ его настроеніи произошло значительное измѣненіе къ худшему, тѣмъ болѣс, что его личныя дѣла шли очень плохо, картины не продавались, жить съ семьей въ Петербургѣ и поддерживать донольно общирное знакомство стало трудно. Явились долги. По совѣту Анны Петровны и подъ вліяніемъ огорченій опърѣщился уѣлать въ имѣніе Чершиговской губерціи, частію пришедшее по наслѣдству, частію прикупленное въ долгъ, чтобы запяться хозяйствомъ п писать картины свободно и въ свободное время.

Съвши на землю, Николай Инколаевичъ исчезъ съ горизонта; говорили, что онъ разводитъ табакъ, что онъ занялся скотоводствомъ п т. п. Эти разсказы имъли основаніе: бъгство въ пустымо было результатомъ усталости и охлажденія послъ первной и напряженной жизни, которою онъ жилъ въ Петербургъ. Конечно, не будучи подготовленъ къ сельскому хозяйстну, онъ потеривлъ фіаско, хотя первое время очень всъмъ увлекался.

Въ этотъ періодъ, давно его не впдя, я завхаль къ нему въ деревню и нашелъ его злоровымъ и довольно бодрымъ. Онъ дълалъ пристройку къ дому для младшаго сыва, который, женившись, возвелъ Ге въ зване дъдушки, чъмъ Наколай Пиколасвичъ очень гордился. Кромъ этого титула онъ давалъ себъвмя барона.

— Я баронъ, а это мон вассалы, —говориль опъ, указывая на крестьянскія хаты, нри чемъ добродунню смѣялси, какъ и тогда, когда звялъ себя «моего Государя профессоръ». Свои фантазіи онъ часто прикрывалъ шуткой. Пробывъ иъсколько дией у Ге, и замѣтиль, что въ исмъ развилась ворчлявость и петернимость мералиста; ии съ женой, ни съ старушкой радственницей опъ не стѣсиялся въ выраженіяхъ и перѣдко доводиль ихъ до слезъ.

Завхавъ другой разъ къ Николаю Николаекичу, я не засталь его дома: онь быль гдъто по состдетву и долженъ быль скоро вернуться. Въ ожиданіи его инв сообщили, что Пиколай Николаевичъ сталъ толстовцемъ и кладетъ сосъдямъ печи; объ этомъ говорили, какъ объ чемъ - то комичиомъ, ножимая плечани. Спусти часъ, пришелъ Ге; онъ несъ деревяннов блюдо, полное вишенъ, попрытое ковригой хабба; увидя меня, обрадовался и сообщиль, что творить дъла милосердіп: сейчась онъ работалъ у сосъда и вотъ ему дали что могли. На мой вопросъ «развъ у васъ нало хльба» онъ сказалъ: «Душечка, никогда не нужно отказываться отъ выраженія благодарности, ибо дъло свитое — помогать другъ другу». На замъчание, что у него исцарапана его апостольская лысина и глина пристала къ волосанъ,

онъ пояснилъ, что коичалъ печь, работая подъ потолкомъ, вотъ и исцарапался. «Да, да, Допъ-Грегоріо, творимь діла милосердія и любви!» Повидимому, этобыль принтвъ, замтивний и «профессора» и «барона», при чемъ прежняго веселаго смъха однако не было. Отношенія его къ доманивит не улучшились. Анна Петровна, раздълявшая его фантазій, какъ она это называла, смотръла на нихъ какъ на юродство. Старъясь, она никакъ не могла понять, что см'вшно и пепозволительно любить розы, когда на ихъ мѣстѣ могъ бы вырости картофель, которомъ пуждаются люди; и эти розы, росшія противъ окна, за которыми она любила ухаживать, были понодомъ для долгихъ и ворчливыхъ проповъдей, доводившихъ ипогда се ло слезъ.

Спустя годъ Ге завернулъ ко мив лѣтомъ въ Полтаву. Прівхавъ ночимить повздомъ въ полонинѣ второго, онъ взялъ свой посохъ, подвазалъ сумку за спину, какъ носятъ странники, и со станція ившечкомъ верстъ около пяти брелъ черезъ всю Полтаву, которая въ это время спитъ, и добрелъ на Повленки, прямехонько къ моему дому. Было часа четыре утра, дворникъ спросонып не хотълъ его пускать: «Чего тебъ въ это время надо, всъ спитъ и баринъ снитъ» — однако пустилъ. Н. И. примо прошелъ въ садъ, положилъ сумочку подъ голову и съ Евангеліемъ въ рукахъ, котораго никогда не нокидалъ, отдохиулъ часа два.

У менн онь пробыль три для, вступая въ бестду со всякимъ новымъ лицомъ, почти всегда переходя въ проповъдь, при чемъ онъ тотчасъ доставалъ Евангеліе изъ кармана и, много разъ повторяя какой - инбудь текстъ, прибавлялъ: «какъ это върно и какъ глубоко! вотъ, батюшка, гдв истина, а не то что Спенсеры да Конты и имъ подобная мелочь!».

Черезъ три дин онъ началъ собираться и на мои просьбы побыть еще сдаться не пожелалъ, на томъ основани, что въ писаніп сказано: «Если придетъ къ тебѣ нророкъ, накорми его и дай отдохнуть три дия, а на четвертый дай работу или пусть пдетъ», и, повязавъ сумочку, упислъ. Я проводилъ сго до вокзала, гдъ пришлось долго ожидать поъзда. Сидя задумчиво противъ буфетнаго шкафа, украшеннаго бутылками, назами, стклянками, закусками и дремавшей буфетчицей въ центръ, Николай Николаевичъ проговорилъ: «Посмотрите, въдь это современная мадонна».

Мало-по-малу И. И. опять началь запиматься искусствомь, кажется его увлекла идея палюстрированія сочинсній Л. И. Толстого, къ которому онъ питаль глубокую симпатію, кажется взаимную. Отъ рисунковь опъ перешель къ картипаль, предполагая сдёлать серію картипь на событія изъ Евангелія. Послъдней должна была быть «Распятіе», какъ конецъ Евангелія. По обстоятельствамъ отъ него независящимъ, которымъ Ге долженъ былъ подчиниться молча, картины эти на выставкахъ появиться не могли. Вывшему «профессору Государя моего» это исключение изъ общаго правила не могло не быть прискорбнымъ, хотя онъ переносиль наружно спокойно этотъ последній афронть, утверждая, что видить въ этомъ признаніе его значенія; тъмъ не менъе, въ глубинъ дуни онъ скрываль большое горе, которымъ ему не съ къмъ было подълиться (Анна Петровна уже умерла). Въ публикъ питересь къ его картинамъ возросъ, благодаря ихъ недонущению на выставки, до крайности, и отъ желающихъ ихъ впатть не было отбоя.

Но и это не могло его вознаградить и утвшить. Послѣ выставки онъ заболѣлъ той неопредѣленной болѣзнью, которую назвали инф гуенцей, но ноправился; на Съѣздѣ любителей въ Москвѣ говорилъ публично и былъ горячо принятъ присутствующими. Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе было принесено газетами, что Н. Н. умеръ въ Иѣжинѣ, это однако была неточность: въ Иѣжинѣ онъ былъ у млацшаго сына по поводу дия рожденія виучки Насти; былъ очень веселъ, хоти послѣ болѣзии страдалъ одышкой и потерялъ снособность какъ прежде легко и быстро двигаться. Засидъвнемуси и пропустившему поъздъ Ге пришлось возвращаться поздно, съ товаропассажирскимь поъздомъ, почему домой прібхаль почью. Види, что въ окнахъ темпо, Н. Н. взяль свой чемоданчикъ, внесъ его въ домъ и началь звать старшаго сына, который его ждалъ, говоря, что еще рано спать съ этихъ поръ. Когда тотъ вышелъ на его зовъ, Н. Н. сказалъ, что ему что-то пе хорошо; отнесенный сыномъ на постель, опъ пъсколько разъ вскрикнулъ и умеръ. Смерть пришла быстро: съ момента, какъ Ге почувствовалъ себя дурно, не пропило п десяти минутъ, какъ его не было уже въ живыхъ.

Среди насъ, художниковъ, его знавшихъ, объ Ге падолго останется намять, какъ о человъкъ живомъ и всюду возбуждавшемъ вопросы жизин, чрезвычайно отзывчивомъ и всегда готовомъ придти на номощь. Онъ любилъ людей, особенно молодыхъ и слабыхъ, любилъ ласку и самъ былъ ласковъ, всегда искалъ истину, неръдко думалъ, что былъ къ ней близокъ, но непадолго, такъ-какъ исканіе истины было въ его природъ, отсюда вытекала его наклонность мънять предметы обожанія. Но доброта, безкорыстіе и сердечное отношеніе къ людскимъ нечалямъ были постоянными его качествами и никогла его не покилали.

Г. Г. Мясоъдовъ.

Рачкова. Головка.

В. Г. Короленко.

(Опытъ литературной характеристики.)

Въ 1885 году въ «Русской Мысли» появился разсказъ, подписанный нензвъстнымъ до тъхъ поръ именемъ Владиміръ Короленко. Этотъ святочный разсказъ, «Сонъ Макара», переносилъ насъ въ далекую и прачную Спбирскую тайгу. Въ ней затерялось село, гдъ рядъ поколъній отбивалъ у жестокой природы кусокъ за кускомъ промерзшей земли. Живетъ здъсь и объякутивнійся потомокъ русскихъ нереселенцевъ Макаръ.

Молодой художникъ сумълъ ярко передать все мрачное величіе тайги, всю глубину человъческаго горя этого забитаго, замученнаго въчною работой полу-дикаря, величайшимъ наслажденіемъ для котораго является бутылка

отвратительной водки.

Подъ Рождество Макаръ видитъ сопъ: онъ умеръ, и поникъ Иванъ, умершій ийсколько лътъ тому назадъ, провожаетъ его на судъ къ большому Тойону. Съ удивительнымъ умъньемъ художникъ рисуетъ намъ душевное состояніе бъднаго Макара. Онъ и на яву мечталь перъдко о томъ, что уйдетъ на какую-то гору, гдъ не будетъ каторжной работы, куда не заглящетъ исправникъ, гдв съ Макара не будутъ выколачивать податей. Теперь онъ умеръ, идеть на судь къ большому Тойону и сокрушается лишь о томъ, что путь дологъ, а попикъ Иванъ говоритъ, что умершему ъсть не полагается. И другія земныя заботы не покидаютъ Макара: увидълъ онъ, что ъдетъ къ Тойону татаринъ па украденной когда-то у Макара лошади и бросился было отымать ее у татарина, да попикъ Иванъ остановиль бъднягу.

«— Тише, тише, Макаръ! Ты все забываешь, что ты уже умеръ... Зачёмъ тебъ конь? Да, при томъ, развъ ты не видишь, что ившкомъ ты подвигаешься гораздо быстръе татарина? Хочешь, чтобъ тебъ пришлось ъхать цълыхъ ты-

сячу лътъ?

Макаръ смекпулъ, почему татаринъ такъ охотно уступалъ ему лошадь. Хитрый народъ! подумалъ онъ и обратился къ татарину.

— Ладио, ужо! Поъзжай на конъ... а я.

братъ, сдълаю на тебя прошеніе.»

Замвиаеть Макаръ, что въ громадной равнинъ, по которой опъ двигается съ попикомъ Иваномъ, ночти всв отстають отъ нихъ, и Макаръ по сившилъ принисать это своей добродътели.

«— Слушай, отець, — сказальонь попику, — какъ ты думаешь? Я хоть и любиль при жизни выпить, а человъкъ былъ хорошій... Богь

меня любитъ ...

Онъ пытанво взгаянуать на попа Ивана. У пего была задияя мысаь: вывъдать кое-что отъ стараго попика. Но тотъ сказаать кратко:

— Не гордись. Уже близко. Скоро узнаешь

Camb :

И вотъ Макаръ въ хорошей просторной избъ, на судъ у Бога. Принесли въсы, чтобы взвъсить добро и зло, содъянныя Макаромъ, вошелъ и самъ большой Тойонъ, старый-престарый, съ большою серебристою бородой, спускавшеюся ниже пояса. Онъ былъ одътъ въ богатые, неизвъстпые Макару мъха и ткани, а на ногахъ у него были теплые сапоги, общитые плисомъ, какіе Макаръ видълъ на старомъ иконописцъ.

Въ большомъ Тойонъ Макаръ узнаетъ, конечно, образъ, который видълъ въ церкви. Художникъ заставляетъ насъ понимать и чувствовать правдивость той странной смъси христіанскихъ п грубо языческихъ представленій, какая наполняетъ душу Макара. Онъ сначала пытается обмануть большого Тойона, хотя ему передъ лицомъ Бога и стало стыдно и страшно за свою жизнь. Тойонъ спрашиваетъ:

« — Что ты сдёлаль въ своей жизни?

— Самъ знаешь, --отвътилъ Макаръ. — У те-

бя, должно быть, записано.

Макаръ испытывалъ стараго Тойона, желая узнать, дъйствительно ли у него записано все. Но Тойонъ отвътилъ, чтобъ Макаръ гово-

рпать самь. Тоть ободрился, подумать, что ивть у Тойона никакихъ записей, и началь прикидывать къ своей работъ тысячи лишнихъ срублениыхъ жердей, сотии возовъ дровъ и бревенъ, сотии пудовъ посъянияго хатба...

Когда онъ все перечислизь, старый Тойонъ

обратвася къ попу Ивану:

— Принеси-ка сюда кингу.

Тогда Макаръ увидълъ, что попъ Иванъ служитъ у Тойона писаремъ, и очень разсердился, что тотъ по-пріятельски не сказалъ ему объ этомъ раньше.

Открылся обманъ Макаровъ, и большой Тоб-

опъ прогитвался.

— Кто въ Чалганъ, — спрашиваетъ опъ у пона Ивана, — кладетъ на лошадей болъе всъхъ клади и кто гоняетъ ихъ всъхъ больше?

Попъ Ипанъ отвътилъ:

 Церковный транезникъ. Опътопяетъ почту и возитъ исправника.

Тогда старый Тойонъ сказаль:

 Отдать этогольнивца транезнику въмерины, и пусть онъ возять на немъ исправника, пока не забздитъ... А тамъ мы носмотримъ.

Но въ эту страшную минуту Макаръ вспоминаетъ, что есть благостный Сынъ Божій, и индитъ опъ во сий, какъ Христосъ входитъ въ избу, садится по правую сторону большого Тойона и милостиво разръщаетъ Макару сказать что-либо въ свою защиту.

— Говори, бъдияга!

И съ Макаромъ совершается чудо: онъ заговорваъ такъ, какъ никогда не могъ говорить при жизни. Горячо, гиввно начинаетъ онъ доказывать, какъ тижело, кабъ горько жилось

ему па свътъ.

«У инхь все записано въ княгъ... Пусть же они покажутъ: когда онъ испыталь отъ когонибудь даску, привътъ или радость? Гдъ его дъти? Когда они умирали, ему было горько и тяжко, и когда выростали, то уходили отъ пего, чтобы въ одиночку биться съ тяжелой нуждой. И онъ состарълся одинъ съ споей второй старухой и видълъ, какъ его оставляють силы и подходитъ злая, безириотиая дряхлость. Оши стояли одинокіе, какъ стоятъ въ степи двъ сиротливыя елки, которыхъ быотъ отовсюду жестокія мятели.

Онъ родилси, какъ другіе, съ ясными, отврытыми очами, въ которыхъ отражались земля и небо, и у него было чистое сердце, готовое раскрытьси на все прекрасное въ міръ. По чьей винъ онъ домелъ до падснія? Не знаетъ этого Макаръ, по знаетъ линь одно: въ сердцъ его истощилось теритие. При жизин у него впереди все еще маячила звъздочкой въ туманъ— надежда. Онъ живъ, стало быть, можетъ, долженъ еще испытать лучную долю... Теперь онъ стоялъ у конца, и надежда угасла... Но старый Тойонъ остановиль Макара:

— Погоди, бъдинга! Ты не на земаъ. Здъсь

и для тебя найдется правда...

И М каръ дрогнулъ. На сердце его пало сознаніе, что его жалъютъ, и опо смягчилось, а такъ какъ нередъ его глазами все стояла его бъдная жизнь, отъ перваго дия до послъдияго, то в ему стало самого себя невыносямо жалко... И опъ заплакалъ.

И старый Тойонъ тоже плакаль... И плакаль старый попикъ Иванъ, и молодые Божьи работинки лили слезы, утпрая ихъ широкими

бълыми рукавами...

А въсы все колыхались и деревянная чашка (гръховъ) поднималась все выше и выше!..»

Я не стану указывать на кос-какіе маденькіе и дегко исправимые недостатки этого разсказа, чтобы не портить того неотразимаго вие-

чатавнія, которое онъ производить*).

«Сонь Макара» сразу привлекъ къ В. Г. Короленко сочувственное вниманіе обнирваго круга читателей, которое возрастало по мъръ того, какъ появлялись новыя произведснія талантливаго писателя. Один изъ этяхъ произведеній въ яркихъ краскахъ рисовали камъ природу в людей далекой Спопри, другія являлись поэтическими картинами родины художинка, юго-занадной Россіп.

Странный контрасть! Безнощадная, угрюмая и безконечная сибирская тайга въ повъстихъ и разсказахъ В. Г. Короленко занимаетъ мъсто рядомъ съ изображениемъ благоухающей украниской почи, мрачные типы сибирскихъ бродягь смъннются нъжными образами, дътскими и женскими, которые сберегло и опоэтизировало для насъ поображение писателя. Но и тамъ, въ глухой недоступной тупдръ, и здъсь, среди цитущей природы, подъ ласковымъ небомъ Украйны, сердце художника - человъка бъется одинаковой любовью къ людямъ, его пытливая, честиая мысль одинаково, какъ стрълка върваго компаса, обращается въ сторону добра и спрапедливости...

Моп слупнатели, навърно, знаютъ и «Очерки Спопрскаго турпста» и «Соколинцо», тъ разсказы и очерки В. Г. Короленко, которые упрочили его почетную извъстность и привленли къ нему живъйшім симпатін читателей. Наша критика занималась этими произвеленіями и я, желая изоъгнуть, по мъръ возможности, повтореній, сошлюсь на иткоторые отзывы, въ которыхъ, по моему митию,

^{*)} Въ нечати укажу, напримъръ, на то, что въ конит разсказа вст илачутъ, но забытъ Христосъ; трудно допустить, чтобъ Макаръ зналъ, что такое крипе-сельный; не сонсъмъ гармонируетъ съ общимъ тономъ разсказа описание смерти по-пика Ивана. ("Вст жалъли добраго попа Ивана, но такъ какъ отъ него остались одит только по-ги, то выгъчить его не могъ уже ин одинъ докторъ въ міръ").

заключается правильная оцёнка сибирскихъ разскизовь писателя, давшаго намъ возможность глубоко заглянуть въ дунну и бъднаго Макара, и фанатика Везрукаго, и убисма, —одна изъ наиболъе яркихъ и привлекательныхъ фигуръ въ новъйшей русской художественной интературъ. Но приведу и отзывы не русскихъ, а французскихъ бритиковъ, потому что они менёе азвъстиы, чъмъ мивнія нашихъ пистелей и, промъ того, любонытны, какъ голоса иностранцевъ, высоко цёнящихъ нашу литературу.

Въ начал ныпънняго года въ Journal des Юбрат появилась статья Альфреда Рамбо, именно о сибирскихъ разсказахъ В. Г. Короленко *). Авторъ имълъ въ рукахъ два тома «Очерковъ и разсказовъ», изданныхъ редак-

ціей журпала «Русская Мысль».

Рамбо выражаетъ сожажбніе, что шито не познакомизъ сще французскую публику съ произнеденими В. Г. Короленко, — нерваго изъ молодыхъ, какъ выражается критикъ. Укранискіе разсказы Короленко не привлекаютъ къ себъ виманія Рамбо послъ разсказовъ Марко-Вовчка и Захеръ-Мазоха; зато очерки изъ сибирской жизни онъ считаетъ повыми въ русской литературъ и въ высмей стенени

интерссными.

Рамбо отминаетъ простоту разсказовъ В. Г. Короленко, отсутстве въ имхъ романической фабулы. Въ «Черкесъ » французскій критикъ указываетъ на сцены, которыя, въ его глазахъ, по точности, по трагической быстротв подробностей пановинають Мериме, - въ устахъ француза похвала замъчательная. Оговоривпись, что миогсе не будетъ понятно французу въ мацеръ Короленко, въ его описаніяхъ, въ его юморъ, Рамбо говоритъ, однако, что переводъ его сибпрскихъ разсказовъбылъ бы цвинымъ пріобрътеніемъ для французской литературы. Можетъ быть потому, что ихъ ивторъ-малороссъ, у него нътъ сложной меланхоліп русскихъ писателей-великоруссовъ, Короленко отличается здоровымъ и неликолушнымъ юморомъ, естественностью, самобытностью, артистическою простотою. У него, говорить Рамбо, изтъ и сазда политической и соціальной тенденціи.

Статья Рамбо вызвала переводъ спбирскихъ разсказовъ В. Г. Короленко, въ компактномъ томикъ**). Ему предпослино предисловіе г. Жюля Каза. По его мижнію, новая русская школя

*) Le monde slave. Les Nouvelles Sibériennes de Vladimir Koroleuko. (Journal des Débats, 25 janvier, 1894). ла беллетристовъ, освободившаяся отъ вліянія Тургенева, Толстого, Достоевскаго, достигаетъ возрожденія русскаго искусства: явялась забота о формъ, тицательный выборъ предметовъ, язученіе страстей и природы, и т. и. *).

Короленко, говорить французскій критикъ, удивительный жанристъ, поражающій точностью наблюденій и подробностей. «Сопъ Макара» — образцовое произведение. Большія достоинстна находить Жюль Казъ и въ другихъ сибирскихъ разсказахъ нашего писателя. Въ отношении Короленка къ природъ Жюль Казъ видитъ глубокую благодарность: это она, мрачная и величественная природа Сибири, поддерживала п утынала въ бъдъ изгнанника. Его тяжелан спорбы станопиласы печалыю, пъжною грустью, которая распространилась на все окружающее. Короленко не сожальеть о бродягъ, -опъ симпатизпруетъ ему. Подкръпленный нысовими внечатавничан споирской природы, несмотря на ужасъ и мракъ тайги и рокового безлюдья, онъ остался онтинистомъ. Бодрая пота звучить въ его произведеніяхъ.

Отзывы русской крятики согласны во многихъ отношеніяхъ съ мижніями критиковъ французскихъ. Такъ, К. К. Арсеньевъ говорить, что Макаръ, убивень, Балыгай припадлежать къ числу самыхъ яркихь образовъ нашей текущей литературы. А. М. Скабичевскій находить, что «Сонъ Макара» подкупаетъ прежде всего содержаниемъ своимъ, силою объективности, съ которою автору удалось изобразить дикаря-якута по встуть мелочахъ его вижиняго быта и виутренияго испхическаго міра; по хороша, прибавляеть критикъ, и визинян форма, весьма ръдкая въ наше время по выдержанности, отсутствію излишнихъ подробностей и растяпутостей, паконецъ, по лиризму, который въ концъ разскиза захватываеть читателя и освъщаеть всъ подробности свътомъ глубокой плен, лежащей въ произведении.

Въ «Сий Макара» съ особенною ясностью сказалась способность В. Г. Короленко къ объективному творчеству, говоритъ и г. Ю. Николаевъ. Фигуры самого Макара и поника Ивана, по словамъ этого критика, «являются столь трогательными, столь прекрасными въ своей непосредственной наивности, столь правдиво изображенными, что исторгаютъ у читатели непольныя слезы, и онъ плачетьтакъ же, какъ заплакалъ самъ старый Тойонъ, слушая повъствеваніе бидиями Макара отомъ, какъ онъ бъдствовалъ и что онъ претериълъ на землю».

Ту же правдивость и поэзію, тотъ же субъ-

janvier, 1894.).

**) VV. Korolenko: Le Rève de Makar, etc. (Переводъ г. Леона Гольшмании сибиряка, какт говоритъ объ этомъ г. Жюль Казъ въ предисловін).

Позже вышемъ другой сборникъ подъ заглавіемъ "La forêt шигшиге", переводъ Кандіани.

^{*)} Какт булто этого не было у названныхъ выше инсатилей.

ективный лиризмъ (выражение К. К. Арсеньева) найдемъ мы и въ разсказахъ Короленко, посвященныхъ праю, гдв прошло его дътство. Первый большой очеркъ изъ этой жизии, «Въ дурномъ обществъ», посить следы личныхъ воспоминаній автора. М'єсто д'єйствія — маленькій городокъ, принадлежащій захудалому польскому роду. Гланныя дъйств ющія лица-дъти: сынъ нана судьп и сынъ и дочь нана Тыбурція Драбы. Я не стану передавать содержанія этого прелестнаго разсказа: онъ, въроятно, извъстенъ встмъ монмъ слунателямъ, да блъдный пересказъ не далъ бы никакого понятія о поэтическомъ колориті: этого произведенія, о той нъжной и вдумчивой гуманпости, которою онъ проникнутъ.

Авъ, три выдержки лучше выяснять дъло. Изъ стараго, полуразрушившагося замка были изгнаны пріютившіеся тамъ бездомные б'їдняки. Въ городъ посат этого стало безнокойно. Этотъ городъ «зналъ, что по его улицамъ нъ ненастной тьмъ дожданвой ночи бродять выди, которымъ голодио и холодно, которые дрожать и мокнуть; понимая, что въ сердцахъ этихъ людей способны зародиться въ отношенія къ нему лишь жестокія чувства, городъ васторожился и навстръчу этимъчувстванъ высылалъ лишь угрозу. А ночь, какъ нарочно, спускалась на землю среди холоднаго ливия и уходила, оставлия падъ землей инзко бътущія тучи. И вътеръ бушеваль среди ненастья, качая верхушки деревьевъ, стуча стакними и напъвая мив въ моей постели о десяткахъ людей, лишенныхъ тенла и свъта».

Вы слышите здёсь ту благородную ноту глубокой человёчности, которая звучить у В. Г. Короленко и въ жизнерадостной природё нашего юга, и въ глухой якутской тайгъ, и среди свътлаго простора южнорусскихъ стеней. и въ удушливой полутьмъ далекой сибирской тюрьмы.

По вотъ наступили весна, затъмъ лъто. Веселъе стало жить и невольнымъ врагамъ городского сиокойствіи.

Сынъ судын, навербовавъ трехъ уличныхъ сорванцевъ, отправился съ ими въ экспедицію, на старое кладбище, гдв на горъ стояла уніатская часовия. Дъти не безъ труда подиялись ва обрывъ. «Солице начинало склоняться къ западу. Косвенные дучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладонща, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ управниять окнахъ часовии. Было тихо, вънло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошенного кладбища. Здъсь уже мы не видъл ин череповъ, ни голеней, ин гробовъ. Зеленая свъжая трава ровнымъ, слегка склонившимся къ городу пологомъ, любовно скрывала въ своихъ объятіяхъ ужасъ и безобразіе смерти».

«Мы были одни, продолжаеть разсказчикъ, только воробьи несело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылстали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травою могилъ, скромиыхъ крестовъ, полуразвилившихся каменныхъ гробницъ, на развалинахъ которыхъ стлалась густая зелень, иестръли разноцвътныя головки лютиковъ, кашки, фіалокъ».

Мальчикъ взобрадся на плечи товарища и заглянуль внутрь часовии. Оттуда на него пахиуло торжественною тишиной брошеннаго храма. Здъсь то Вася и познакомняси съ Вадекомъ и Марусей, и между ними завязялась та ивжная дружба, которая придаеть особую прелесть очерку «Въ дурномъ обществъ». Маденькая пріятельница сына нана судьи была «бябдное, крошечное созданіе, наноминавшее цвътокъ, выросний безъ живительныхъ дучей солица. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неувъренно ступая кривыми пожками и шатаясь, какъ быланка; руки ея были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шей, какъ головка полевого колокольчика, по глаза смотрвли порой такъ не по-дътски грустно, и улыбка такъ напоминала мив мою мать въ последніе дин, когда она, бывало, сидъла противъ открытаго окна и вртеря певечить са ортокурые волоси, что мий ири взглядь на это дътское личико становилось самому грустно и слезы подступали

Критикою уже отмъчено, что у В. Г. Короленко изображение дътей, ихъ ввутренняго міра, отличается высокими художественными достоинствами, тонкимъ и глубокимъ пониманіемъ особенностей дътской души. Очень ярко выступають всв эти достоинства въ разсказт. «Ночью». И Мордикъ, и Голованъ, и Маша, и Шурочка, какъ живые, встаютъ передъ нашимъ воображениемъ. Въ другихъ произведсиияхъ (въ «Сабиомъ музыкантв») *) мы видимъ, какъ растеть дітская душа, какъ она напозняется, въ переходномъ возрастъ, все болъе и болъе широкими висчатабніями; какими успліями опа перерабитываетъ ихъ и превращаеть въ собственныя чукства, въ личныя убъжденія. Вы помните, что дидя будущаго сабного музыканта старался направить мысль и чувство мальчина въ сторону своихъ пдеаловъ. Этотъ дяди Максимъ-бывшій гарибальдіець, изувьченный въ борьбъ за итальянское освобождение отъ ав-

^{*)} А. М. Скабичевскій считаеть "Сліного мувыканта" лучшимь произведеніемъ В. Г. Королевко, съ чімть я не могу согласиться. К. К. Арсепьевь пядить, не безь основація, въэтома этюдів ніжоторое резонерство, упреклеть автора за то, что опа ужь очень часто выйшивается въ дійствіе.

стрійскаго ига. Сокрушаясь о томъ, что опъ инвалидъ, Максимъ доходилъ до мысли о необходимости покончить свое существованіе; слѣной мальчикъ— невольный пивалидъ, — привязалъ его къ жизии. Дядя Максимъ горячо и настойчиво принялся за то, чтобы вооружить своего племящика на жизненную борьбу.

Н остановлюсь только на одномъ эпизодъ въ этомъ воспитании.

У мальчика оказались замъчательныя музыкальныя способности. Дидя Максимъ встревоженъ: сму горько думить, что слъпой музыкантъ «будетъ собирать сотии разряженныхъ франтовъ и барынь, будетъ имъ разыгрывать разные тамъ... кальсы и поктюрны, а они будутъ утирать слезы платочками».

Дида Максинъ заставляетъ конюха Іохима сибть передъ нальчикомъ хорошую батько- су и дідову писню. «Пъсия, думаль опъ, говоритъ не одному пеопредъленно разивживающемуся слуху. Она даетъ образы, будитъ мысль въ головъ и мужество въ сердив». Іохимъ

अभाषेत्रक:

«Ой, тамъ на горі, тай женці жнуть...» Результать превзопель ожиданія Максима: слізной музыканть поняль всю красоту этой исторической украниской півсии, передъ шимъ раскрылся міръ, нолиый смысла и борьбы, радости в горя.

Но душа ребенка оказадась, конечно, вовсе не такою простою и податливою, какъ это помагалъ сначала Максимъ Яценко, и перъдко его вліяніе паталкивалось на неожиданный и непонятный отпоръ, а воспятательные планы териъли крупісніе отъ попвленія въ ребенкъ такихъ чувствъ и стремленій, которыхъ Максимъ и не подозръвалъ въ своемъ Петрусъ.

Петрусь горько страдаеть отъ сознанія своей слівноты. Эго страданіе дізлаеть его несправедливымь. Въраздраженій и горфонь говорить, что желаль бы быть слівнымь ницимь, сбирать конейки, потомъ радоваться удачному сбору. Есля бы приходилось ему страдать отъ голода и холода—это все же было бы для него лучне: у него не было бы пи одной минуты, не занятой мельой будничной заботой.

Тогда Максимъ ръшилъ произвести опытъ, чтобъ развъять ети мрачныя думы, чтобъ поднять въ душъ Петруся сострадащье къ людямъ, безкопечно болъе его песчастнымъ. Онъ ведетъ слъпого музыканта въ церковь, передъ которою пастояще слъпые-ипще затазуля свою, душу раздирающую, пъспю:

Под - дайте сліпенькимъ . . . ра - а - ди

Христа...

Опыть удался, Петрусь быль потрисень, и потомъ, долго спустя, въ минуту его музызыкальнаго торжества, въ блестящей ковцертной залъ, передъ взволнованною, отарованною и притихнувшей толною зазвенъть въ могу-

чихъ аккордахъ горькій стопъ этой пѣсип не-

«Да, онъ прозрълъ, сказалъ тогда старый гарибальдіецъ. На мъстъ слъного и неутолимаго эгоистическаго страданія онъ носить въ душть чужое горе, онъ его чувствуеть, видитъ и сумъетъ напомнить счастливымъ о несчастныхъ»...

«Иъть прекрасиъй назначенія, «Лучезарнъй пътъ въща»,

прибавинь мы къ словамъ Максима. Въ разсказахъ В. Г. Короденко проходитъ длишая верешца лицъ, которыя стремятся къ правді, страдають и борятси за нее, хотя неръдко случалось, что шли они не за подлиннымъ свътомъ, а за болотными огоньками. Въ Васъ, напр., изъ «Дурного общества» уже виденъ будущій стойкій боецъ. Искателей истины и правды изображаетъ памъ художникъ и въ своихъ спонрекихъ очеркахъ. «Убивца», въ разсказв, такъ названномъ, «начальнеки обидъл». Прибавилось сюда и личное горе. Искалъ онъ правильныхъ людей. Проскуровъ *) весь горить страстнымъ желаніемъ защитить слабаго, вступить въ борьбу съ преступнымъ зломъ. съ его еще болве преступиния покровителями; но теринтъ поражение, потому что одинъ въ поль не воинъ, потому что общественные порядки могутъ сломить самую крѣпкую волю, самыя честныя стремленія.

Одинъ изъ критиковъ говоритъ про В. Г. Короленко, что «онъ видълъ много худого, по видълъ и хорошее. Онъ знаетъ жизнь, знаетъ ея темныя стороны, по знаетъ, что въ этой темнотъ естъ и просвътъ: онъ любитъ остананливаться на этихъ свътлыхъ точкахъ, любитъ указывать на нихъ» *°). Съ этихъ миъпіемъ писателя изъ враждебнаго мяв лагеря и в могу не согласиться. Онгимистическая (и наитеистическая, пожалуй) пота звучитъ во всъхъ произведенихъ В. Г. Короленко, за исключенемъ одного разсказа, который не былъ помъщенъ авторомъ ни въ первый, ян во второй томъ его «очерковъ и разсказовъ».

) Очерви сибирскаго туриста. Сибирскій вольтерьянецт.

^{**)} Г. Ю. Инкозаевъ: В. Г. Короленко. "Критическій этюдъ" М. 1893. Этотъ самый обстоятельный до сихъ поръ этюдъ, посвящевный В. Г. Короленко, заключаеть въ себъ, при ошибочности основной точки врънія, не мало мъткихъ замъчаній. Авторъ гръшетъ, впрочемъ, противоръчінии. Такъ, напр., Короленко, по его митипо, отличается "эскизностью и туманностью изображеній" (24), а образъ Маруси ("Въ дурномъ обществін") на следующей же страничь признается "однимъ изъ трогательнъйшихъ образовъ, созданныхъ русскою хулсжественною литературой;" "лицо живыхъ и живущимъ, оно говоритъ само за себя" (54) в т. л.

Я имбю въ виду разсказъ «Съ двухъ сторонъ», гдъ мысль о смерти, о неизбънномъ и печальномъ концъ всего живущаго, принимаетъ до болъзненности, до ужаса прачный характеръ. Этотъ разиказъ не можетъ, вслъдствіе своей исключительности, служить для характеристики художника и для оцъпки его міропониманія, и поэтому въ дополненіе къ сказанному я упомяну о малорусской сказкъ «Суд. ный день» («Іомъ-Кяпуръ»). Разсказъ этотъ проникнутъ свътлымъ гуманнымъ чувствомъ и заразительнымъ малорусскимъ юноромъ, напоминающимъ юморъ Гоголи. Что В. Г. Короленко страстно любитъ свою родину, - людей и природу, - это мы знали уже и рапыне. Въ Іомъ-Кипурт пасъ трогаетъ кромт того глубокочеловъчное, истинно христіанское отношеніе автора къ миогострадальному еврейскому племеии. Въ этомъ сочувственномъ отношении нътъ ин тып сантементальности или искусственнаго преувеличенія. Читатель чувствуеть, что русскій художникъ сумбав честно и правдиво изобразить то, что онъ на самомъ дътъ видъль и зналъ, сумблъ разглядъть, что дълается въ дунт шпикаря-Янкеля, чтыт страдаетъ я радуется его семья Когда эта семья собиралась молиться вечеромъ подъ Судный день, то вей слышали, какъ молодая жена Янкеля и его дъти жужжестви свои молитвы. Для художника въ этомъ моленін послышалось нёчто удивительное: «казалось, кто-то другой сидитъ внутов жидовъ, сидитъ и плачетъ, и причитаетъ, канонинаетъ и проситъ. А кого по чемъ?кто ихъ знаетъ! Только какъ будто бы уже не о шинкъ и не о депьгахъ».

И у кудака-медынина «стало отъ той жидовской молитвы что-то сумно на душй — и жутко, и жалко.»

По возвращении изъ Сибири, В. Г. Короленко начинаетъ пытливо вглядываться въ людей русскаго съвера; онъ попяль и полюбиль скудную и унылую природу этого края, перенесъ сюда свою вдумчивую наблюдательность, свое дъятельное чувство любви къ человъку. Описываетъ, паприм., В. Г. Короленко разыгравшуюся Ветлугу. «Ръзвыя струп бъжали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивились опять и опять бъжали дальше, отчего по всей ржкъ, вперегонку, неслись клочья желгонато-бълой ивны. По берегамъ зеленый лопухъ, схваченный водою, типулся изъ ися, тревожно размахивая не потопувшими еще верхушками, между тъмъ какъвънъскольвихъ шагахъ, на большей глубинъ, и лопухъ, и мать-мачиха, и вся зелевая братія стопли уже безропотно и тихо... Молодой ивиякъ, съ зелеными пависиним вътвями, вздрагиваль отъ ударовъ зыби *).

И вотъ въ душъ художивна встаетъ чувство, которое въ слабой степени приходится иснытывать иной разъ и каждому изъ пасъ: «И казалось миъ, говоритъ В. Г. Короленко, что все это когда-то я уже видълъ, что все это такое родное, близкое, знакомое: ръка съ кудряными берегами, и простая сельская церковка надъ кручей, и шалашъ, и даже пригланиене къ пожертвованию на колоколо Господие, такими наивными каракулями глидъвшее со столба...

"Все это ужъ было когда-то, 11о только не помию когда..."

невольно вспоминались мить слова поэта».

Замтиательно удачно схвачены въ этомъ разсказъ особенности великорусскаго юмора (разговоръ перепозинка Тюлина съ проходящимъ п Евстигитемъ). Сцена довольно длиша и я по-неволъ долженъ ограничиться маленькимъ отрывкомъ.

Надо съ кручи уставить тел'я у на плохенькій наромь. На возу сидить баба съ ребенкомъ. Лошадь боится, упирается. Кръпкій ударъ кнутомъ— и она прыгаетъ съ берега. «Минута треска, стукотни и грохота, какъ будто все проваливается сквозь землю. Что-то стукцуло, что-то застопало, что-то треспуло, лошадь чуть не сорвалась въ р'бъу, изломавъ тоякую загородку, но, накопецъ, возъ устанопленъ на качающемся и дрожащемъ паромъ.

«— Что, цъля? — спраниваетъ Тюливъ у Евстичън, озабоченио разсматривающаго телъгу.

Цва!—съ радостнымъ изумаеніемъ отвъчаетъ тотъ.

Ваба сидить, какъ изваяние.

 Ну?—педоумъваетъ и Тюлинъ.—А думалъ и: безпремъпно бъл ей индо сломаться.

— И то... вишь, кака крутоярина.»

Оптимистическое и пантенстическое міровоззръніе, о которомъ я упомянуль выше, не исключаеть у вдумчиваго писателя признанія мпогихъ и мпогихъ, мрачныхъ явленій въ патей жизии. Мало того: опо отнюдь не ведетъ къ проповъди непротвиленія злу. Наоборотъ: въ произпеденіяхъ В. Г. Короленко для пасъ звучить бодрый призыкъ къ труду, къ борьбъ съ разными бъдами, гнетущими русскую землю, отъ швхъ же главное — невъжество. Побываль нашт писатель на Святомъ озеръ, у невидимаго витежъ-града, гдъ собираются въ урочные дин и раскольники разныхъ толковъ, и православные, гдъ идутъ страстные, перъдко совствы безснысленные релагіозные споры, посль которыхъ противники расходятся съ еще болыпимъ ожесточеніемъ другъ ит другу, еще менве христіанами, чвив оня пришли туда. Всю почь прослушаль В. Г. Короленко вти споры, и на заръ, «усталый, съ головой, отяжелфвиси отъ безплодной схоластики этихъ

^{*)} Рыка играетъ.

споровъ, съ сердцемъ, сжимовинимся отъ безотчетной тоски и разочарованія, — поплелся (онъ) полевыми дорогами по направленію къ синей полосъ приветлужскихъ лъсовъ, вслъдъ за вереницами расходившихся богомольцевъ».

«Тяжелыя, перадостныя висчатавнія упосиль я,—говорить г. Короленко,—оть береговъ Святого озера, оть невыдимаго, по страстно взыскуечаго пародомъ града... Точно въ душномъ склепъ, при тускломъ свътъ угасающей лампады провель я всю эту безсопную почь, прислушиваясь, какъ гдъ-то за стъпой ктото читаетъ мърнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заспувшею навъки народною мыслыю».

Конечно, мысль эта не навъки заснула даже въ тъхъ глухихъ углахъ далекаго съвера, о которыхъ намъ повъствуетъ Короленко. И здъсь, на Ветлугъ, выбравнись изъ притоновъ мрачнаго религіознаго фанатизма, художникъ почувствоваль себи легко и свободно, и здъсь слышится въяніе живой человъческой души. Медленно, по побълоносно идетъ по русской землі, свътъ научнаго зпанін, и бъжитъ передъ имъ обезсиленная злоба застаръмыхъ предразсудконъ, упрямаго изувърства... Самъ Короленко разсказываетъ намъ, какъ побъждаетъ наука, какъ быстро можетъ усвопть нашъ народъ тъ истины, которыя составляютъ основу европейскиго просивщения.

Седьмого августа 1887 года было солисчное затменіс. В. Г. Короленко прідзжаеть на нароход'в наблюдать его въ Юрьевець. Уже на палубь слышы разговоры о признавахъ пришествія антихриста, о «пъмцахъ остроумахъ» (астрологахъ), которые прідзели, силонять народъ. Народъ изволнованъ толками о предстоящемъ событін. Кто не читаль разсказа «На затменія», тому можно посов'єтовать познакомиться съ этимъ мастерскимъ изображеніемъ необычнаго настроенія толны, въ которомъ переплетаются разпообразныя мысли и чувства. Старики ждутъ кончины міра, враждебно глидять на ученыхъ, которые собпраются ваблюдить величественное и ръдкое явление. «Сколько призрачныхъ страховъ носится еще, вишетъ Короленко, въ этихъ сумеречныхъ туманахъ, такъ густо нависникъ надъ нашей свитой Русью!..»

По нев'єжество не только боязливо: опо и зло, и кровожадно. Собирались было разметать инструменты и прогнать «остроумовъ».

Наступаеть торя: сственный моменть затменія. Все пдеть такъ, какъ предсказано паукой, и упрямые фанатики, отрицавніе возможность такого предсказанія, приходять въ ужасъ... Наступаеть мракъ. Старухи бізуть домой «помирать съ дітками съ малыми». Атлеть-рабочій, мрачно сдвинувъ брови, разражается гийнною річью:

— Ивтъ, какъ опъ могъ узнать, вотъ что! — кричитъ опъ. — Говорили тогда ребята: раскидать индо ихија трубы, — продолжать опъ, обращаясь примо къ разсказчику. Вишь, нацълилсь въ Бога!.. Отъ этого всей нашей странъ можетъ гибель произойти. ИІутка-ли: Господъзнаменіе посылаетъ, а они въ него трубами... А какъ Опъ, батюшка, прогиввается, да вдругъ стода, въ это самое мъсто полыхиетъ молоньей?»

Разсказчикъ усновонваетъ своего собесъдника, говорить, что тъма сей часъ пройдетъ. И черезъ итсколько игновени брызнулъ солнечный лучъ, «прогналъ прочь густо столивинеси призраки предразсудка, предубъждения, вражду этой толны...

Мрачный рабочій станль тенерь съ поднятымъ изерху лицомъ, на которомъ разлилось отраженіе родившагося св'ята. Онъ улыбался.

— Ахъ ты...—повториль онъ совершенио съ другимъ, благодушнымъ выраженіемъ. — И до чего только пародъ дошелъ. Н-иу!

Конецъ страхамъ, конецъ озлоблению».

Побъдило оптимистическое воззръніс автора. Въ письмъ ко миъ (я имъю, разумъется, разръшение ссылаться на него) В. Г. Короленко говоритъ, что для него «вселениая не есть случайная игра случайныхъ силь и явленій, что и детерминизмъ, и эволюція, все это ведетъ къ признанию ибкотораго закона, который необходимо тягответъ къ чему-то, что мы называемъ благомъ во всёхъ его видахъ (добро, истина, правда, красота, справедливость); выводъ ясепъ: мы (художники) не просто отражаемъ явленія, какъ опи есть, и не творимъ по капризу вызызно несуществующаго міра. Мы создаемъ или проявлиемъ раждающееся въ насъ поное отношение человъческаго духа къ опружающему міру. Совершенно понятно, что вовсе не безразлично, каково это новое отношение. Въ этомъ въчномъ стремлении къ совершенству, которое я допускаю, —пишеть В. Г. Королешю, - какт законъ, - есть движущая сила и сопротивление: одно раждается и развивается, другое отметается и гибнетъ. Нужно, чтобы повое отношение къ міру было добромъ по отпошенію къ старому. Хорошая, здоровая и добрая душа отражаетъ міръ хорошо и здоровымъ образомъ. Художникъ запечатавваетъ это свое изображение и сообщасть его другимъ. Вы видъли япленіе, то же явленіе увидъль хуложнивъ и увидълъ его тако и тако вамъ нарисоваль это свое видъніе, что и вы уже различаете въ немъ другія стороны, относитесь къ нему иначе. И вотъ воспринимающая душа человъчества мынется сама».

Въ общемъ, съ такимъ воззрѣніемъ на значеніе искусства и на задачи художника нельвя не согласиться. Въ борьбъ за существованіе съ прпродою, въ борьбъ за наше человъческое достоинство съ другими людьии, путечъ со-

четанія нашихъ уснаїй съ уснаїми однородно чувствующихъ и думающихъ людей, мы создаемъ новый міръ, новыя средства для разумной и прекрасной жизни, новыя цёли, которыя подымнють насъ все выше и выше нь область царственной мысли и общественной правды. Наука, искусство, философія служать этому безконечно прекраспому идеалу. Художинкъ владветь счастливымъ даромъ давать нашей смвлой мысли, нашему гордому упованію живой, конкретный образъ. Въ этомъ образъ чаяніе гридущаго живетъ въ доступномъ, видомомъ и понятномъ настоящемъ. Истипный художникъ, - т.-е. въ то же время честный и вдумчивый мыслитель — сводить на землю наши дучезарныя виденія, не унижая ихъ, возвышая насъ. Я думаю, что ивтъ препрасиви сознанія того художника, который знастъ, что въ этомъ отношения, въ мфру снаъ, имъ все слълано.

Есть, по моему мижнію, кое за что упрекнуть В. Г. Короленко, какъ художинка. Мив приходнаось, напримфръ, спорить съ нимъ противъ излишей ипогда отдълки его произведеній, противъ немного расхолаживающей тщательности вырисовки, рискующей перейти въ манерность. Но мон возраженія и орасенія топутъ въ моемъ восхищения передъ чарующей прелестью его разсказовъ, въ которыхъ на насъ дышеть то поэтическая украниская кочь, то тихая звъзднан ночь великорусскаго ствера; въ которыхъ васъ охватываетъ то ужасъ безпросвътной якутской тайги, то сладкій шелесть черемухи, роняющей свои цвъты, п раскаты соловьниой пъсии... Очарование могло бы исчезнуть, не повториться, если-бъ разсказы и очерки Короленко «не будили мысли въ головъ и мужества въ сердцъ»...

Въ задачу моей публичной лекцій не входить вовсе оцівна В. Г. Короденко, какъ публициста. Въ этомъ отношеній я могу, какъ старый журналистъ, ограничитьси одиниъ замічаніемъ: діятельностью автора «Сил Макара» русская публицистика импетъ нолюе право гордиться. Онъ является въ настоящее время одинмъ изъ лучшихъ ея украшеній.

Пройдуть годы. Наше покольніе сойдеть нодь гробовые своды. Наступить времи для научнаго пзученія произведеній В. Г. Короленко, будеть опредълено его мъсто пъ исторін нашей литературы, въ исторін нашего общественнаго развитія. А покуда мы, читатели, псужели линены права обміниваться своими внечатлівнями? Неужели цамъ слідуеть воздержаться отъ выраженія восхищенія передъ картиной, которая пропикцута и мыслыю, и чувствомъ, передъ образомъ, который подымаєть насъ высоко надъ свренькою дійствительностью и зо-

ветъ пасъ на честный трудъ, па одушевленную борьбу? Неужели писатель должень дечь въ могилу, чтобы получитъ выражение нашего сочувствия и пашего благодарнаго уважения? Если втотъ художникъ жилъ съ нами, горевалъ нашимъ горемъ и радовался нашими радостями, если жиные люди и текущій бъды захватывали сго винманіе—иногда, быть можетъ, и мъшая техническому совершенству его произведеній, — не должна ли вслёдствіе этого увеличиться наша горячая признательность подобному художнику?

Съ цивтущихъ полей Украйны В. Г. Короленко быль перепесень на далекій стверъ Спбири. Онъ испыталь, что такое «льдистый ужаст получочи»... Унылая икутская тайга, къ счастью, отдила намъ назадъ этого художника. Онъ верпулся оттуда съ тою же мягкою душою, съ тою же хохлацкою настойчивою волей, съ какою онъ выросъ подъ ласковымъ небомъ юго - запидной Россіи. Опыть жизни умудриль его, кенечно, но не развънчаль идеаловъ его юпости. Нигдъ въ его разсказахъ и очеркахъ пътъ и признака служенія ппому богу, пъть и тъпи колебація въры вы торжество добра и правды, въ необходимость сознательной и неуклонной борьбы съ тъмъ чернымъ зломъ, которое окутываетъ нашу общественную жпзнь.

Вы поминте, въ очеркъ «Тъпи» В. Г. Короленко изобразиль, какъ Сократъ, стремясь своей всликой душою къ Невъдоному Богу, пыступнав съ громовою рёчью противъ непрапедныхъ боговъ своего народа. И туманъ разступиася, ложные боги бъжали. «А вершина горы уже вся вышла изъ тапиственныхъ облаковъ и сіяла, какъ факель, надъ синсю мглой долинъ. И хотя не было на ней ин громовержца Кронида, ин другихъ одимийщевъ, — только горнан вершина, свътъ солица и высокое небо, — по Ктезиниъ ясно чувствоваль, что вся природа до послъдней былинки проникнута біспіемъ едпной тапиственной жизни. Чье-то дыханіе слышалось въ ласкающемъ въянін воздуха, чей-то голосъ знучалъ чудной гарменіей, чьн-то чуялись невидимые шаги въ торжественпомъ шествіп сіяющаго дня. І еще человъкъ стояль на освъщенной вершинь и простираль руки въ молчалипомъ восторгъ и могучемъ стремленін».

Подобный восторгь «будить мысль въ головъ и мужество въ сердиъ». И горячее спасибо художнику, который даеть намъ возможность разлачаль, высторга (даржев)

Восторга этотъ подымлетъ пасъ высоко падъ землею не для того, чтобы памъ оставаться въ чистыхъ, по холодпыхъ заоблачныхъ высотахъ. Опъ даетъ памъ возможность окинуть общимъ взглядомъ все поле пашей дъятель-

ности и, спустясь на землю, работать созна-

дълить восторгъ Сопрага!

тельно, не отступая передъ мелкою борьбою, инкогда не забывая великой цёли.

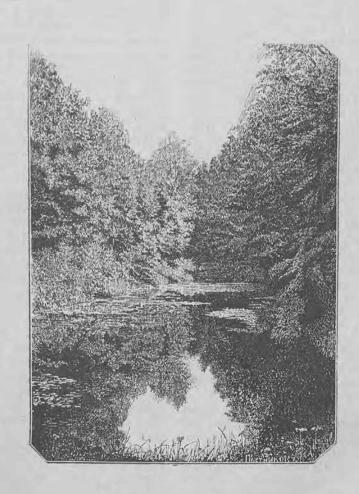
Французская и русская критика, пожалуй, права: у Короленко ивтъ въ его художественныхъ произведеніяхъ ин соціальныхъ, ни политическихъ тенденцій. Но зато у него есть внолив опредвленное соціальное и политическое міровоззрвніе, которое лежить въ основъ его наблюденій жизни, его личнаго опыта, его художественнаго воспроизведенія жизненных явленій. Въ этомъ отношеній мы не могли бы онибиться, если бы даже не читали, напримъръ, кинги Короленко «Въ голодный годъ», если бы не знали, какую настойчивую борьбу вель онь въ провинціальной печати противъ застарълыхъ злоупотребленій въ мъстной общественной жизии. Онъ — не внолит объективный художникъ, онъ не опустопнилъ своей дупи

до степени автоматически воспринимающаго воспроизводящаго художественнаго аппарата, что не мъщаеть его очеркамъ и разсказамъ дъйствовать на насъ именно своими художественными достоинствоми.

Все это говоритъ публицистъ, односторонній по-неволь, скажутъ мив, —до ивкоторой стенени маніакъ, безповоротно увлеченный одною великою идеею. Поэтому я кончу словами не публициста и не критика, а ноэта, Я. П. Полонскаго:

"Писатель, если только онъ— Волна, а океант— Россія, Не можетъ быть не возмущенъ, Когда возмущена стихія. Писатель, если только онъ Есть нервъ великаго народа, Не можетъ быть не пораженъ, Когда поражена свобода".

В. Гольцевъ.

Оперы Глинки и сценическое ихъ исполнение.

"Жизнь за Царя."

Красугольный камень русской художественной музыки есть опера «Жизнь за Царя», съ 27 ноября 1836 г. п по пастоящее время занимающая первенствующее мъсто въ репертуаръ всъхъ русскихъ сцепъ. Почти шестидесятилътнее постопниое псиолнение оперы съ самыми разпообразными средствами, самыми несходными исполнителя ми, какъ пъвцами, такъ и капельнейстерами, оставило больше слёды на самомъ произведении. К. Сенъ-Сансъ говорить, что съ операми бываетъ тоже, что съ кораблями дальняго плаванія. «Они, послъ скитанія въ океанахъ Атлантическомъ, Тихомъ и т. д., въ одинъ прекрасный день возвращаются въ плачевномъ состоянии. Густые слои растительныхъ наразитовъ, безнолезныхъ и курьезныхъ раковинъ покрываютъ ихъ, тормозя даже свободу ихъ движеній. Приходится вводеть ихъ въ доки, чистить и по возможности возстановлять ихъ первоначальный видъ. То же случается и съ операми. По ибрътого, какъ онт навають по океану уситховь, пъвцы, канельмейстеры, хормейстеры, режиссеры пристають къ ихъ бокамъ, такъ что спачала замедляють ихъ ходь, а потомъ и совстив останавлявають. Необходимо бываеть освобождать ихъ отъ лишнихъ наростовъ и вновь спускать на воду». «Жизнь за Царя» не могла, конечно, составлять исключенія изъ общаго правила, - п съ нею посат 60-тилътия го плаванія по океану успъха, произошло то же, что обыкновевно бываетъ съ операми: недостатка въ постороннихъ наростахъ или м'встныхъ поврежденияхъ отиюдь ивть, такъ что весьма не липисе осмотръть ее, удалить все излиниее и задълать случайныя пробонны, если таковыя окажутся. Намъ не разъ случалось говорить въ нечати о различныхъ недостаткахъ въ исполнени

первой оперы Глинки, - недостаткахъ, сдвиавшихся общими правилами и обратившихся въ такъ называемыя «традиціи», въ большинствъ случаевъ оказывающихся едвали не злъйшими врагами крупныхъ произведеній, ибо традиція въ этомъ смыся весть не что иное, произволь исполнителя относительно требованій и указаній композитора, получивній родъ законной силы вслудствіе дакности. По нашему мнънію право автора на цваьность его сочиненія не парушается никакой давностью и всегда можеть и должно быть возстановлено, если на то существуютъ достаточно ясныя указанія въ партитурѣ или какихъ - либо дополнительныхъ объясиеніяхъ композитора. Прошлымъ латомъ намъ случилось слышать въ Байрейтъ «Лоэнгрина» Вагнера, который, послъ 40 слинкомъ лътъ странствій по разлічным в сценамъ всего міра, быль подвергнуть той операціи чистки и починки, какую считаетъ необходимой для оперъ Сенъ-Сансъ. На страницахъ «Артиста» *) мы дали отчетъ объ этомъ спектакай; повиечатлвије, произведенное имъ, заставляетъ насъ сдълать опыть пересмотра популяривнией пзъ русских в оперь съ цваью указать возможность и даже необходимость примънять и къ ней пріемь, употребленный въ Вайрейть. Какъ мы уже говорили въ нашемъ отчетъ о представленін «Лоэнгрина», совершенство исполненія основано было на точившиемъ выполненін всёхъ требованій композитора; перебирая въ паняти нашей воспоминація объ исполиспін «Лоэнгрина» на различныхъ сценахъ, припомпная вообще всъ «традиців», уничтоженныя въ Байрейтъ, мы не могли пожелать

^{*) № 41 &}quot;Артиста".

возстановленія какой-нибудь изъ шиль, — напротивъ, всъ эти отступленія отъ подлиннаго текста оказались не улучшешями, а, въ большей или меньшей степени, искаженіями, вредивинии стробности внечатавнія цвавго. Основывансь на этомъ, мы въ нашей работъ будемъ сколь возможно строже воздерживаться отъ всякиго покушенія ввести свой личный взглядь на исполнение безсмертного творения Глинки; весь нашъ трудъ будеть основанъ на чтенін поданиваго текста музыки Ганки и все, намъ принадлежащее, будетъ заключаться лишь въ тъхъ логическихъ выводахъ, которые, по нашему мажно, могутъ вытекать изъ такого чтенія. Нужно оговориться, что мы не предподаглемъ входить въ детальныя подробности сличения разныхъ текстовъ партитуры въ ея различныхъ изданияхъ и синскихъ, а будемъ линь касаться тёхъ общихъ указаній относительно исполисиін, какін въ ней встр'вчаются; на первый разъ и этого, по нашему мижнію, будеть достаточно. Впрочемъ п отпосительно общихъ указаній встрътятся нікоторыя разногласія, которыя придется подвергнуть критическому разсмотрению, что и будеть сдълано въ надлежащихъ мъстахъ.

Не смотря на всю громкую извъстность, какую «ЗКнань за Царя» получила со времени своей первопачальной постановки, для публики она сдълвлась доступной много лать позже: полный клавираусцугъ оперы вышель только въ 1857 г., въ саный годъ смерти Ганиви, т.-е. черезъ 21 годъ послъ ноявленія оперы ни сценъ, а оркестровая партитура была напечатана линь въ 1881 г., черезъ 24 года послъ смерти автора и черезъ 45 лътъ послъ перваго представленія. Такимъ образомъ десятия лътъ «Жизнь за Царя» была извъстна по исполнение на двухъ столичныхъ сцепахъ, да по отдъльнымъ нумерамъ, напечатаннымъ въ переложени для пъпія съ фортеніано. Я припоминаю, что при основанін отдівнія Музыкального Общества въ Москві въ 1860 г. И. Г. Рубинитейнъ немедленно пожелалъ пріобръсти для библіотеки Общества полную партитуру «Жизии за Царя»; тогда пришлось обратиться съ заказомъ сделать синсокъ и долго ждать, пока заказъ этотъ быль выполненъ, при чемъ нельзя было даже пров'врить списка, заключавшаго въ себъ, какъ потомъ оказалось, не мало пропусковъ и опибокъ. Я не могу теперь припомнить гдж этотъ списокъ дълался: въроятно, у Стелловскаго, тогда шинго собственника оперъ Глинки.

Въ 1891 г. былъ напечатвиъ весьма почтенный трудъ ныиъ уже покойнаго К. К. Альбрехта; трудъ этотъ называется «Тематическій перечень романсовъ, пъсенъ и оперъ М. И Глинки, въ хронологическомъ порилкъ, съ

обозначенісмъ метронома». Въ немъ авторъ сдвлаль сподъ указаній темновъ изъ клавираусцуга «Жизии за Царя» и нечатной партитуры 1881 г., а также прибакиль въ нъкоторыхъ мъстахъ и свои метропомныя обозначенін, основанныя на собственной 15-лътней практикъ игры въ опериомъ оркестръ московскаго Больного театра. Въ предисловія К. К. Альбрехть ныясияеть причины, вызвавийя его трудъ, и мы позволимъ себъ сдълть нъкоторыя выписки изъ этого предисловія, подходящія къ опредъленію и панней задачи. «Сочиненія, классическій по преплуществу, служа выраженіемъ віленняхъ музыкальныхъ идей универсальнаго свойства, вылились въ строгую форму съ неизмъннымъ на въки характеромъ и нотому безусловно требують отъ исполнители величайшей объективности. Здёсь его личность и всё его индивидуальныя черты исчезають; въ немъ должно господствовать лишь то настроение, которое выражено въ исполняемомъ имъ сочиненін; исполнитель должень пронякцуться имъ и какъ бы духовио слиться съ самимъ композиторомъ. Только то исполнение можетъ быть названо строго художественнымъ, которое удовлетворяетъ этимъ требоваціямъ. Къ этому разряду сочинецій должны быть отнесены и творенія М. П. Глинки, въ которыхъ русская музыка имъетъ недосягаемые намятинки музыкальнаго творчества и которыя можно уподобить твих росконпівнимъ пзваяніямъ, гдв разецъ художника достигь такого совершенства, что малейшіе штрихъ или деталь выназывають геніальнаго мастера. Между тымъ, увы! - строгохудожественная передача твореній М. И. Глинки, въ особенности двухъ его оперъ «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людиила», на которыя главнымъ образомъ и обращено випиание въ настоящемъ перечив, далеко не составлястъ общаго нравила. Толкованіе ихъ со стороны разныхъ исполнителей подвергается тавинъ разнообразнымъ отступленіямъ, что подчасъ, кажется, слышинь сочинение не М. И. Глинки, а какого-то другого автора».

Приблизительно такій же побужденія заставили и меня взяться за мою теперешнюю статью. К. К. Альбрехтъ предполагать помочь дъзу сопостввленіемъ всъхъ обозначеній темнакать они значатся въ нечатныхъ клавирауснугъ и партитуръ, прибленръ въ нъкоторыхъ случайхъ свой мстропомъ; но на его работу, кажетси, мало обратили вниманія. — по крайней мъръ, памъ не приплось слыпать о ней инчего отъ людей комнетентныхъ. Я хочу сдълать опыть болье подробнаго разсмотръція вопроса о темпахъ и характеръ исполненія оперь Глинки, мотивируя, гдъ окажется нужнымъ, свой взглядъ, ссылками на самую музыку; на первый разъ я возьму «Жизяь за Царя».

Прежде всего нужно будеть разсмотръть музыкальные тексты «Жизпи за Цари», на которые намъ предстоитъ ссылаться и опредълить относительную степень ихъ авторитетпости въ спысав выраженія намбреній самого автора. Мы начиемъ съ нечатного клавираусцуга, какъ вышедшаго из свътъ рагве партитуры и притомъ еще при жизип самого Глинки просмотръннаго имъ. Изкоторыя свъдъщи о клавираусцугъ встръчаются въ перепискъ Глиния. Такъ, въ письмъ къ В. И. Энгельгардту отъ 2 поября 1854 г. изъ Петербурга онъ нишетъ между прочимъ: «Стелловскій пріобраль съ моего разрашенія у «Одеона» право печатать «Жизнь за Царя». Вильбуа перекладываетъ пенереложенные еще . М. М. на фортеніано. И хотя онъ работаетъ честно и опрятяо, я самъ все тщательно пересматриваю. Изданіе это будеть полное, съ русскимъ и и вмецкимъ текстомъ и, разумъется, съ пар. тіями голосовъ, т.-е. для півнія и фортеніано». Въ письив къ Н. В. Кукольнику отъ 12 понори 1854 г. Ганика упоминаетъ о томъ же, сообщая: «Я новъряю перекладку пенанечатанныхъ еще пумеровъ и, кажетси, что издание будеть въ совершенномъ порядкъ». Въ письмъ къ В. П. Энгельгардту отъ 7 апръм 1855 говоритси: «Я, не взирая на слабость зрвиія тщательно пересмотрълъ переложенные лоло Вильбуемъ, исправилъ ихъ (около половины всей оперы)»... Какъ мы уже упоминали, кланираусцугъ вышелъ изъ печати только въ 1857 г. Такимъ образомъ всй вновь переложенные нумера были тщательно пересмотрвиы; что же касается до напечатанныхъ ранће у П. И. Хурскалпна («Одеонъ») и переложенных самимъ Глинкой и К. Майсромъ, извъстнымъ тогда піанистомъ и комнозиторомъ для фортеніано, то, суди по внимательности, съ какой Глиша относился къ своимъ сочиненіямъ, пужно думать. что и опи сдъданы были тщательно, хотя вт инхъ не обощлось безъ опечатокъ.

Оркестровая партитура, какъ уже сказано, вышла изъ нечати въ 1881 г. Въ предисловін къ паданію, подписанномъ завъдующимъ музыкальнымъ магазиномъ О. Стеловскаго, Фридрихомъ Гаке, говорится събдующее: «Настоящее издание есть первое полное издание партитуры оперы Ганки «Жизиь за Царя», то издание этой нартитуры, которое было предпринято покойнымъ О.Т. Стелловскимъ, оставлено за его неполной удовлетворительностью, несмотря на то, что очень немного оставалось для того, чтобы довести его до конца. Редакціовный и корректурный трудъ настолщаго изданія принязи на себя, по желанію сестры автора. Л. И. Шестаконой, М. А. Балакиревъ, А. К. Лядовъ и Н. А. Римскій-Корсаковъ, къ которымъ, по моему приглашенію, присоединнаси А. Р. Бернгардть. За основаніе изданія приняты были двё рукописным конін цартитуры: одна, подареннай авторомъ въ 1843 году изпёстному музыкальному критику, А. Д. Улыбышеву, принадлежить нынё М. А. Базакиреву; другая, просмотрённая авторомъ въ 1855 году, по просмот сестры его Л. И. Инестаковой, принадлежить Д. В. Стасову. Въ случаяхъ сомивнія, редакція обращалась къ подлинному рукописному экземпляру партитуры, большая часть котораго писана рукою самого Глинки и который хранится въ Императорской С.-Петербургской Публичной Вибліотекъ».

Намъ неизвъстны причины, заставившія редакціонный комитетъ принять за основаніе 113данія не подлинный автографъ самого Глинки (почти вся опера), и два списка партитуры, при томъ сдъланныхъ, быть можеть, не съ оригинала, а съ театральнаго экземиляра. Такое предположение въ особенности въроятно отпосительно экземпаяра, принадаежащаго Д. В. Стасову, ибо списокъ этотъ сдъланъ не раиве 1854 г., когда оригинальная партитура уже принадлежала В. И. Энгельгарату, кото. рый, судя по письмамъ къ пему Глинки, паходился въ то время за границей. Такимъ образомъ, лишь ве слушахъ соминия, быть можеть - разногласін синсковь, редакція обращалась по подлинному пикописному экземпляру партитуры. Сабдовательно, если сомивній не возникало, то справокъ и не авлалось; такъ, по крайней мъръ, можно нонимать сказанное въ предисловіи. Это обстоятельство можетъ вызвать предположевіс, что было бы не лишимъ тщательно сличить нечатную партитуру съ поданиной и отмутить разногласія, если они встрътится. Намъ въ кратковремевпое педависе пребывание въ Петербургъ удалось сдълать только общій осмотръ нартитуры Публичной Виблитеки и мы отметили себе только ижкоторыя обозниченія и указанія относительно всполненія, или рознящіяся съ нечатной партитурой, или отсутствующій въ ней; очень же подробное сличение нартитуръ и не входило въ наавъ нашей статьи, хотя и можетъ послужить предметомъ особой работы. Всего же лучше было бы конечно, если бы тенереший собственникъ «Жизви за Царя» издаль подлинную партиту. ру; тогда, въ связи съ изданіемъ 1881 года, мы имъл бы совершенно нолный текстъ онеры. И Глинка, и опера его вполив стоили бы такой затраты, которая исключила бы возможпость сомпеній, темь более, что въ печатной партитуръ, къ сожально, не огокорено, что согласно съ оригинальной рукописью и что составляетъ поздибитее дополнение къ пей.

Въ нашей статът мы будемъ, сатровительно, руководиться: 1) нечатнымъ клавираусцугомъ, 2) нечатной нартитурой 1881 г. и 3) нашими

справками въ оригинальной партитуръ. Сверхъ того у насъ подъ руками находятся принадлежащія библіотекъ московской консерваторіи писаный экземиляръ партитуры и два первые акта печатной язъ неоконченнаго изданія Стелловскаго. Мы будемъ иногда приводить изъ оригинальной партитуры такія обозначенія, которыя потомъ были изм'внены самимъ Глинкой; такін обозначенія могуть отчасти указывать, какую сторону возможно съ большей въронтностію брать въ случанхъ разногласін текстовъ. Въ оригинальной партитуръ обозначения метронома сдъланы, повидимому, поздиве, преимущественно карандашомъ; по, большею частію, какъ будто рукой самого автора. Что насается традицій всполненія, то на нихъ особенно полагаться нельзя. По поводу первоначальной постановки « Жизни за Царя » въ 1836 году Глинка говоритъ иъ своихъ запискахъ о тогдашиемъ канельмейстеръ Кавосъ: «Онъ какъто не могъ уловить настоящаго темна, а всегда браль его пъсколько медлениве или жив'ве». Съ того времени Глинки не слышалъ своей оперы до 1855 г., а съвдовательно не могъ дълать новыхъ указаній. Въ 1855 г. Л. И. Шестакова уговорила брата подхать въ театръ на представление «Жизин за Царя», по нотомъ раскаявалась, потому что Глинка пришелъ въ ужасъ отъ исполненія. Въ Москві намъ при-произволь исполнителей; какихъ же инбудь прочныхъ основъ въ исполнении было мало.

Можемъ только сказать, что 35 леть назадть въ Москвъ исполнение «ЭКизив за Царя» заключало въ себъ несравненно меньше отступленій отъ указаній композитора, что, я думаю, могла бы подтвердить живущая и теперь въ Москвъ, если не опибаемся, г-жа Семенова, бывшая отличной исполнительницей партін Антониды въ тъ времена. Уже ноздпъе, когда пачалось нашествіе провищін на московскую оперную сцепу, отступленія стали дълаться все произвольнъй и произвольнъй, а простое выполнение написаннаго въ потахъ дъдалось исключениемъ, при томъ касанинмен лишь второстепенныхъ по мижию исполнителей мъстъ; такъ что въ настопщее премя «Жизнь за Царя» исполняется у насъпроизвольиве, нежели какая-либо другая опера въ репертуаръ и если Глинка ужасился въ 1855 г. то не знаемъ, что бы съ вимъ слълалось

теперь.

Па основний вышензложеннаго, мы рынительно затрудияемси признать какое апбо значение за установиннейся у насъ манерой исполнения «Жизни за Царя» и если будемъ упоминать о ней то лишь въ отрицательномъ смыслъ, т.-с. въ тъхъ случаяхъ, когда ветрътится очень ръзкое противоръчесъ указаними Глинки. Покончивъ съ разъисненемъ

общихъ положеній, мы приступниъ къ нашему анализу. Если пашъ посильный трудъ обратитъ винманіе спеціалистовъ, если опътолько подасть понодъ къ обсужденію подинтыхъ въ немъ вопросовъ, то мы сочтемъ себя вполит вознагражденными. Просимъ еще разъ обратить винманіе на то, что анализъ нашъ будетъ касаться главнымъ образомъ общаго характера исполненія, быть можетъ, линь въ исключительныхъ случаяхъ касаясь деталей.

I.

Мы будемъ неуклопно слъдовать порядку нумеровъ въ партитур% и потому начиемъсъ увертюры. Въ обозначен ияхъ темна мы встръчаемся съ пъкоторымъ разпогласіемъ на самомъ первомъ інагу, въ пачал' в увертюры, разиогласіемъ, правда неособенно существеннымъ. Въ рукописи Публичисой Библіотеки партитура увертюры инсана посторонней рукой, не самимъ Глиякой; но въ особой (IX) кингъ его автографовъ находится увертюра въ 4 руни для фортеніано, какъ она и была первоначально написана. Въ этомъ автографъ темно начала увертюры обозначено спачала Grave, потомъ зачеркнуто в вновь обозначено *Energico* = 80. Въ цечатной партитурь стоять Adagio ma non tanto №88; въ клавираусцугъ—просто Adagio и метрономъ тотъ же, что и въ нартитуръ. Allegro увертюры вездъ обозначено одинаково Vivace = 104; впрочемъ, въ 4-хъ ручномъ автографъ стоятъ прежде зачеркнутое Allegro con spirito, а въ рукописной партитуръ карандашомъ обозначенъ метрономъ , = 160. Относительно нерембиъ такта въ автографъ Глинки сдълано такое общее примъчание: «NB. A tous les changements de mesure de 1, à 1, la valeur des quarts () reste la même (crp. 4-я актографа укертюры); то же самое выражено другимъ способомъ и въ нечатной нар-TITTYP'B.

Въ партитурт Публичной Библютеки съ интродукцін начинается рукопись самого Глинки; въ заголовкъ стоптъ: «С.-Петербургъ, 27-го августа 1835 г.». Обозначенія скорости вездъ согласны между собою. Въ нечатной партитуръ сцена описывиется тикъ: «Театръ представляеть улицу села Доминна, вдали ръка: на авансцеив группа крестьянь». Это не совсъмъ согласио съ другими указаніями. Въ рукописной партитуръ московской консерватории сцена описывается по-ивмецки такъ: «Das Theater stellt einen freien Platz vor am Ufer des Stromes. — Wenn der Vorgang anfgezogen wird, sieht man den Chor in einiger Entferung im Kreise sitzend, den Vorsänger in der Mitte.-Die Handlung geht vor in der Nähe des russischen Dorfes Dornnino». T.-e. театръ представляеть открытое мисто на берегу ръки. -При поднятін запавъса хоръ въ нъкоторомъ отдалени сидитъ въ кругу, занъвало по срединт. Атиствіе происходить близь русскаго села Доминна.» — Въ автографъ Глинки въ началь интродукціи надписано: «въ отдаленін, mf». 3-й кундеть (второй на сценъ пропускается) надинсань опыть «въ отдаленія», но f. Когда инчинается оркестровая интерлюдія (Più mosso въ печатной партитуръ, а въ оригиналь росо рій mosso, въ клавираусцугъ, въроятно по педосмотру, перемъна темна не обозначена), то Глика дълаетъ винзу такое примъчание: «Начиная съ сего мъста, всв промежутки между мужскими и женскими хорани делжны быть паполнены пграми и тапцами русскихъ дъкушекъ на авансценъ и это пока хоръ.... (окончание отръзано при перенаеть); въроятно дальше сабдовало «не выходитъ на авансцену». Женскій хоръ тоже начинаеть вы отдалении, потомъ хоры сходятся. По ремаркъ оригинальной партитуры, соединенные женскій и мужской хоры выходять на авапоцену только передъ фугой, на слокахъ: «Изъ навну къ намъ домой», е-moll f. Въ нечатиой партитуръ темпъ più mosso обозначенъ =104, а фуга = 112; въ оригинальной партитуръ при началъ фуги было поставлено росо рій mosso, по потомъ зачеркнуто каранданомъ.

Относительно исполненія интродукцій можно сказать, что не соблюдаются нодробныя указанія оригинальной партитуры относительно сцепическихъ движеній и группировокъ; музыка исполняется съ тъмъ отступленіемъ, что изъ трехъ начильныхъ куплетовъ хора одинъ, втоpoff, пропускается. Глинка, судя по его партитуръ, разсчитывалъ на эффекть постояннаго приближенія, т. е. усиленін хора съ каждымъ изъ трехъ куплетовъ. Мы можемъ сделать относительно сцены то замвиние, что вывств съ первымъ рий mosso, пепремънно нужно присутствіе хоти немногихъ женщинъ на сцепъ, ниаче интерлюдія оркестра съ попынъ музыкальнымъ элементом в не соотнътствуетъ сценической группировкъ, а указанія музыки, по нашему инбино, въ подобныхъ случаяхъ должны имъть даже большее значение, нежели ремарки для режиссера, хотя у пасъ такія указанія почти не принимаются во внимание. Можно бы конечно пожелать, чтобы хоры у насъ въ Большомъ театръ не становились въ строй передъ публикой, а группировались и двигались свободиве и естествениве; въ этомъ отношеийи въ Байрейтъ напр., не остается желать большаго и лучшаго при полижищей безукоризненности въ музыкальномъ спысат. Очень странны костюмы крестьяновъ села Доминия, въ томъ числъ и Антониды: онт исъ одъты

какь подмесковным дачинцы, съ темъ самымъ

пошибомъ и вкусомъ, которымъ въ лътнее премя можно любоваться на Филяхъ, въ Ланыдковв, нь Вогородскомъ и т. н. мъстахъ. Много разъ случалось намъ видъть въ различныхъ дальнихъ захолустьяхъ крестьянскія толпы въ праздинчныхъ нарядахъ, и мы должны сказать, что эти дъйствительно деревенские костюмы безо всякаго сравнения красивве и живописиће костимовъ дачницъ, которыенамъ предлагаютъвъ Большомъ театръ. Однимъ словомъ, при прскочего нной бежиссебской постановку спены, да болье върных в п красивых в костюмахъ, витродущии можетъ получить гораздо боабе жизни и движенія, чего, судя по отмъткамъ, очень желалъ и самъ Глика. У насъ иногда замбчаются у некоторыхъ изъ хористовъ покушенія на выразительную жестикудяцію и на игру; но только дучие бы этихъ покушеній совсимъ не было, потому что-либо вся масса должна жить и двигаться, либо ужъ пусть всё стоять какъ въ концертъ; изаниняя подвижность отдёльныхъ членовъ хора бываетъ просто курьезна. Мейнингенцы у насъ уснъвали научить сложнымъ движеніямъ толпу, иногда составленную изъ людей, инкогда не видъвшихъ даже театральной залы, а съ опытнымъ, отлично знающимъ свои партіп хоромъ это сдълать въроятно не болье трудно. Въ петербургскомъ Маріпнскомъ театръ памъ случалось нидіть образцы хорошей постановки сложныхъ и подважныхъ хоровыхъ сценъ; къ сожальню «Жизнь за Цари» намь не прилилось тамъ видеть.

Хоры по окончаній фути расходятся. На имитаціонной молуляцій оркестра на сценъ появляется Антонида. Въ автографиой партитуръ говорится: «Антонида входить медленно и по временамъ останавливается, оборачивансь къ ръкъ; движения ея должны выражать ожидавие и тихую грусть». Начинается каватина Антоииды, темпъ обозначенъ Andante mosso, та ben sostemuto, = 76. Па этой небольшой каватинъ видио, съ какой мелочной заботливостью Глинка выставляль знаки исполневія; особенно они обильны въ автографной партитуръ, которую мы и будемъ цитовать здъсь. На первомъ до вокальной нартін, кромъ ферматы, паписано еще випас; надъ остальными потими того же такта стоить а piacere, и шидъ сявдующимъ тактомъ Тетро; такан смізна обозначеній повторяется пъсколько разъ и дальс. Изъ этого сабдуетъ, что Ганика совсвиъ не желаль ни очень свободнаго въ ритмическомъ отношени исполнения этого ивста, ни слпшкомъ медленияго, какъ видно изъ общаго обозначевія Andante mosso. Во всякомъ случать нужво бы согласовать изложение первыхъ шести тактовъ каватины въ кларнет в съ ихъ повторенісмъ Аптонпдой и не дълать ихъ въ разныхъ темпахъ, какъ и въ посабдующихъ

подобныхъ же вступленіяхъ. Рондо обозначено Allegro grazioso assai, = 104; только въ автографиой пиртитурт къ метрономному обозначенію прибавлено «оге й рен près» (Глинка вообще неръдко прибъгилъ къ французскому изыку въ помъткахъ этой партитуры). Въ клавирауснугь метрономнаго обозначения нътъ и, пожалуй, не случайно; быть можеть, это было результатомъ неполной увфренности къ этомъ темить, выразвышемся въ словать: «Прен реду» партитуры, или желанія композитора предоставить исполнительницѣ большую свободу въ избранів скорости движенія Одна изътрудностей этой арін заключается въ неудобств верекодить дыханіе: участки вокальной партін въ 8, 12, а подъ конецъ даже въ 28 тактовъ не имъютъ ин одной наузы, такъ что менять дыханіе приходится очень быстро. При этомъ условіи очень скорый темпъ увеличиваетъ трудность исполненія этого и безъ того очень труднаго нумери; даже въ кодъ на этомъ основанін едва ли можно делать ускореніе, — пначе певица будеть задыхаться или изніе выйдеть прерывистымъ; между темъ кикъ при болъе умъренномъ движенін на изкоторыхъ половинныхъ потахъ можно незамътно выгадать время для перевода дыханія. Вообще эта пьеса должна имать, главнымъ образоль, женственно-граціозный характеръ, съ очень тщательной отаблкой деталей. У Глинки из арін ферматы встръчаются только передъ возвращеніями главной темы рондо и вигдъ болъе; пътъ также и замедленій, кром'т небольникъ, передъ этпан ферматами. Въ Москвъ, въ последнее время стали двлать огромимо фермиту на нервую поту Des - dur'non (у насъ С - dur'ной) темы рондо на слова: «Я ли, красная дъвица». Ферматы этой вътъ ингдв, и она просто пекрасива ръзкой пріостановкой движенія; эту верхнюю поту, по нашему мижню, можно задержать развъ только едва запътно, не болъе того. Въ этомъ мъстъ оригинальной нартитуры мы случейно замътили помъту, отсутствующую въ партитуръ печатной, а пиенно: надъ партіями скрипокъ и альтовъ стоить tenuto sempre, а падъ віолопчелями и коптрабасами piszicato; вы руконичномъ вкземиляръ московской кансерваторіи эта помътка есть. Пропущено также поставленное въ оригинальной партитуръ надъ кодой « Скоро ясвый соколь » Con forza e (носо; въ консерваторскомъ спискъ эта помътка выставлена. Хотя пумеръ этотъ имъетъ преплущественво концертвый характеръ, по это, пожазуй, требуетъ еще большей тщательности въ исполнени вскаъ вижинихъ оттенковъ. У насъ арія эта исполняется слашкомъ торопливо и ръдко удается пъвицамъ, даже хорошимъ. Лучше всёхъ ее пъла въ прежнее время А. Д. Александрова (Кочстова), но зато она держались строже всехъ указа-

ній композитора и въ исполненін ся совстиъ не заптчалось насильственной торонапвости.

Передъ концомъ аріи Антоннды въ оригинальной партитурй стоитъ помьта: «Сусанинъ входитъ на сцену съ нечальнымъ дицомъ и вслушивается въ ивніе Антониды». Въ нечатной партитурт помъта стоитъ по окончаніи аріи и въ ней говоритси: «Входитъ Сусанинъ, возвративнійся изъ города, народъ почтительно ему кланяется». Послъдиня версія конечно онисываетъ поздиъйшую театральную традицію, по которой крестьние въ хорі, хорошо знакомые съ сюжетомъ оперы, заранъе привътствуютъ ея героя, ъздивнаго въ городъ за повостями.

Метропомное обозначение 3-го пумера оперы въ клавирауснугъ =116, а въ оригинальной и печатной партитурахъ =138; обозначения списка московской консерватории и печатнаго перваго акта вартитуры, издававшейся при Стелловскомъ, согласны съ послединив. Можно только предположить, что Глинка, при пересмотръ клавираусцуга самъ изм'інил'ь немного первоначальную скорость. Можно упомянуть о маленькой разницъ оригинальной и печатной партитурь въ началь сцены: въ оригинальной divisi контрабисовъ унотреблены только въ нервыхъ двухъ тактахъ, т.-е. въ первой фразъ, а въ печатной tutti стоить надъ контрабасами въ 9-мъ такть. Первопичильный темпъ, обозначенный Рій moderato, не измъняется и со вступленіемъ хора гребцовъ за сценой. Въ оригинальной партитуръ сказано: «NB. Для сего хора должно употребить токые часть тепоровь и альтовъ, и именно лучине голоса». Въ первомъ куплетъ хора гребцовъ въ оригинальной партитуръ и въ клавираусцугъ стонтъ т, а въ печатной рр. Въ оригиналъ и клавираусцугъ нь концъ верваго куплета гребцовъ стоитъ pp, perdendosi, и передъ началомъ втораго кундета нь оригипальной партитурт въ вокальныхъ партіяхъ 11/, такта паузъ, а въ нечатной это обозначение отсутствуетъ и гребцы тянутъ свое sol до самаго второго нуплета, обозначеннаго вездъ одинаково f; на третьемъ куплетъ иъ орпгиналь поставлено рий f. «Лодка выважаеть на сцену. На встръчу лодкъ толна парода съ пъсколькими балалайками входить на сцену вижств съ музыкой въ 2/4. Сусанинъ съ дочерью и хоромъ смишпвается съ толною». При вступленіи хора престьянь въ 3/, въ оритинальной партитурь (и клавираусцугь) стоитъ «NВ. Начать и первое кольно проивть только половинь хора». Эта помъга отсутствуеть въ печатной партитуръ. Посаъдній куплеть гребцовъ помъченъ въ орпгинать Я. При вступленін хора крестьянъ въ оригиналь стоитъ помъта: «Женихъ выходитъ изъ лодки; иймая сцена, во время которой мало по-малу актеры снова возвращаются на авансцену, и именно

такт, чтобы быть на оной къ самому окончанію сего пумера». Изъ обилія помътъ всикаго рода видно, что Глинка очень заботился о деталихъ исполиснія и нотому трудно предположить у него педосмотры ні пропуски въ обозначеніяхъ; скоръе можно вывссти заключеніе, что онь желалъ только строгаго выполненія свикхъ указаній, но не болье того.

Относительно этой сцены мы думнемъ, что прежде всего нужно остерегаться слишкомъ медјеннаго темна въ ел пачалъ, на что указываеть и обозначение più moderato. Сравинтельный характеръ этого выраженія им'веть по нашему мпънію двоякое значеніе. Во первыхъ нужно думать, что конецъ предыдущей арін не нужно брать слишкомъ скоро; пбо рій тюderato не выражаетъ ръзкой перемъны характера движенія. Во-вторыхъ, то же соображеніе не допускаетъ медленнаго темпа при иступленін Сусанина, сцена котораго съ хоромъ есть простой, испринужденный діалогь, и желательно, чтобы хоръ крестынгь какъ можно менъе походиль на хоръ п'ввчихъ. При вступленів хора гребцовъ не указано изявненія темпа ни въ партитур'в, ин въ клавираусцугв. Разсматривая мелодію гребцовъ мы видомъ, что оня имветъ вдвое болже шпрокое ритмическое построеніе, нежели предыдущая сцена: такимъ образомъ въ самой медодін являетси какъ бы двойное замедленіе. Когда къ тем'ї гребцовъ присоедиинется оркестровая контранушктирующая тема въ трехтиктномъ ритмъ, темиъ остиется опять безъ измънения (L'istes so tempo). Весь планъ построенія этой сцены указываєть на геніальпость пониманія необходимости ритмическиго разнообразія при сохраненін строгаго единства въ цёломъ. Трп момента сцены отмичены совершенно испо новостью характера движенія при сохраненін одинаковой скорости основной единицы мъры, четверти; въ началъ мы вивемъ тактъ 1/4, мелодія гребцова есть какъ бы тактъ въ 4/2, потомъ къ пей присоедпнястся оркестрован тема въ 1/4 при появлени лодин; эта повая тема остается главнымъ ритмическимъ движениемъ до конца, чередуясь въ трехтактномъ и четырехтактномъ ритмахъ. Такимъ образонь получается такая богатая смізна и соединение различныхъ ритмовъ, что всякая перембиа темпа можетъ внести только неясность, но не большее разнообразіе, лишая эти сложныя комбинаціи твердой объединяющей основы, дающей всему вполив ясный рельефъ. Только при условін неуклонной твердости основнаго движенія, все богатство этихъ ритмичеекихъ комбинацій можетъ быть внолив ясно, Сценическое содержание этого нумера ясно опредъляется приведенными указапіями.

Въ съхдующей сцепъ № 4, тріо съ хоромъ, перемъпъ движенія, напротивъ, довольно много. Начинается она речитативомъ Сабинина—

Moderato, =100. Съ пятаго такта речитативъ смъинется обозначениемъ Тетро въ оригинальной партитурк. На поляхъ оригинальной партитуры находится примъчание Глинки, написанное краснымъ каранданомъ п очень стерmeeca: «Ce moderato doit être executé dans un style marqué (marcato)..... jusque à l'andante»; (мъсто, обозначенное точками, я не могъ прочесть). На словахъ Сабинша «Эхъ, когда же» надинсано dolce ma brillante. Измънение скорости движенія на рій mosso двлается только съ началомъ разсказа Сабинина «Вотъ какъ былов. Весь разсказъ ведется живо, картиино, а въ заключительной фразъ скорость движенія возвращается къ первоначальной (Тет. по 1-то). Зави исполнители партін Сабинпни дълють огромное замедление, которое не оправдывается ин указаніями композитора, ин характеромъ мезодическаго движенія, наномипающаго фразы Сабинина изъ начала этой сцены. Замедление это вийсти съ замедленными же фразами хора даетъ этому мъсту видъ какого то заключения будто отдъльнаго нумера, а между тімъ остановка ділается въ А-сиг, т.-е. въ топальности далекой отъ главной. У Глинки въ оригиналъ это мъсто инкакимъ вивнины признакомъ не отличается отъ посавдующаго; только въ ключи два бемоля замъняются однимъ; даже послъдния слова басовъ «Золоченая глава» помъчены f. За симъ сайдуеть місто въ F-clur, гді въ нечатной партитуръ поставлено Moderato assai, т.-е. указана перем'вна скорости, чего ивтъ ни въ оригиналь, ни въ клавпрауснугъ, вообще нигдъ. Намъ это кажется простой уступкой нашимъ псполнителямъ партіи Сусанина, силопиымъ вообще затигивать ее, по если подвергнуть это мъсто пъкоторому анализу, то едва ли окажется возможнымъ стать на сторону отступлевія отъ указацій Глинки. Въ мъстъ, о которомъ идетъ рвчь, начинан со словъ Сусаиппа «Не пастала еще пора» п до речитатива Сабинина «Какъ? ужели не бывать моей свадьбъ!» главное мелодическое значение имъютъ партін Сусанина и Антониды, въ сценическомъ отношени составляющія большое a parte, цежду тъмъ какъ въ отрывочныхъ фразахъ Сабишина, продолжающаго разсказъ, а также п въ ответахъ хора, переговаривающагося съ инмъ, сохраняется прежий ритиъ и характеръ движения. Везъ нарушения естественности хода и единства музыки прдъ возможности прть эти фразы гораздо медлениве, нежели совершенно сходныя съ ними и появлявиняся раньше. Глиша быль такимъ великимъ художникомъ въ музыкальной декламаціи, что подозр'вать его въ данномъ случав въ промахъ едва ли возможно; скорбе можно допустить промахъ со стороны исполнителей и въ поддавшейся имъ редакцін печатной нартитуры.

Съ другой стороны если принять по винмание. что вследа за тъмъ начинается тріо «Не томи, родиный», идущее въ довольно медленномъ темив, то еще очевидиве выступаеть необходимость не замедлять предшествующаго, во избъжание однообразія двухъ медленныхъ движеній сряду, раздъленныхъ только небольшимъ речитативомъ. На основании всъхъ этихъ соображеній-мы думаемъ, что если съ персходомъ въ F-dur возможно дегкое измънение темна, то развъ только въ смыслъ ускоренія, приближансь къ предшествовавшему più mosso разсказа Сабпинна, чему не протоворжчитъ и складъ мелодін въ партіяхъ Антониды и Сусанина, не вызывающей ин на какіе усиленные оттънки выраженія, а только скрашивающей своимъ спокойнымъ движениемъ общій характеръ сцены. Если Moderato assai окажется излишимъ, то непужнымъ будетъ и рий тозго на словахи хора сКнязь Пожарскій молвиль слово»; этого рій mosso пътъ ни въ оригинальной партитуръ, ин въ клави-

раусцугв, Небольшая речитативно-аріозная связка подводить къ тріо «Не томи, родимый». Изъ автобіографін Ганнки извъстно, что тріо это первоначально было написано въ a-moll и въ 2/4; но потомъ во избъжание избытка двухдольнаго движенія Глинка передълаль его въ 6/2 и въ топъ b-moll, что по его словамъ, безспорно лучше выражаетъ итжное томление любви. Въдругомъ м'встъ автобіографін говорится: «Мысль пзв'встнаго трю есть сапастве моей безумной тогдашней любви; минута безъ невъсты моей казалась иль невыносимою, и я дъйствительно чувствоваль высказанное въ adagio или unclante «Не томи, родимый», которое нашисаль уже автомъ въ деревив». Свадьба Глинки состоялась передъ темъ 25 иля 26 апръли 1835 г. Тріо это можетъ отчасти служить свидътельствомъ насколько самому композитору бываеть трудно опредблить внолив ясно темиъ своего сочинения. Въ приведенной цитатъ изъ автобіографіи Глинка говорить о тріо, какъ объ adagio или andante, а въ оригинальной партитуръ его же рукой было сначала падписано andantino, потомъ зачеркнуто и поставлено andante, какъ значится и въ печатной партитуръ; между тъмъ какъ въ клавпрауснугъ стоптъ просто Cantabile con aniта. Въ фигинальной партитуръ карандашемъ выставлень метрономъ _.=52, а въ печатной =160, что почти одно и то же; въ клавираусцугъ метрономнаго обозначенія совсъмъ пътъ. Нумеръ этотъ принадлежаль нъ числу имъвшихъ панбольшій успъхъ съ санаго начала и быль вскорь посль перваго представленін напочатанъ, такъ что при поздибищемъ издапін полнаго клавираусцуги Глипки быть можетъ его и не просматриналь. Тріо «Не томи, ро-

димый» очень любимо исполнителями и публикой, но исполнители его всегда чрезвичайно затягиваютъ, да сверхъ того уснащаютъ разанчными ritarclando, ферматами и т. п. На музыкъ этого тріо очень отразились оперныя вліннін того времени, особенно итальянскія. но она очень красива, нъжна, задушевна; только излишняй медленность темпа значительно вредитъ внечататнію, ею производимому, придавая музыкъ непужную тигучесть и слащавость; если бы исполнители ръшились брать темиъ, обозначенный метропомомъ, то общій эффектъ пумера несомпънно бы выпградъ. Заключение трю обыкновенно очень растягивает. ся, тогда какъ пассажъ въ шестнадцатыхъ, какимъ оканчивается каждая изъ партій соло представляеть только случай выназать гибкость голоса и пикакой преувеличенной выразительности не требуеть; въ этомъ заключенін тріо вполив можно удовольствоваться несьми небольшимъ замедленіемъ.

Небольшая, очень живая речитативная сцена приводить къ заключительному allegro перваго акта. Нумеръ этотъ имъстъ чисто формальное значение, паписанъ въ довольно условномъ русскомъ характеръ и долженъ представлять блестящее заключеніе. Въ клавираусцугъ стоить просто Allegro безъ метрономнаго обозначенія; въ оригинальной партитуръ первопачально стояло Allegro vivuce, но второе слово потомъ зачеркнуто, - кром'в того обозначенъ метрономъ, какъ п въ печатной партптуръ =92. Рій mosso хора въ партитуръ обозначено =138 и потомъ еще заключительное Апсога рій mosso. Въ настоящее время у насъ этотъ нумеръ исполняется очень нескладио: каждый изъ трехъ исполнителей соло беретъ свое темпо, не стъсиянсь общимъ; хоръ вступаетъ вдкое скорве и ансамбль, не отличающійся особенно высокими достоинствами, по написаппый въ очень сжатой закругленной формъ, распадается на куски, плохо свизанные между собою. Такая свобода темна установилась насъ недавно, но одобренія не заслуживаетъ. Вообще одвиз изъ крупнъйшихъ педостатковъ нашего исполненія «Жизни за Царя» заключается въ непомърной ритмической свободъ, едва ли примъняемой въ такой степени въкакой-либо другой оперъ изъ имкющихся въ репертупръ московской сцены. У Глинки на первомъ планъ стройность формы, требующая строгаго соотношенія частей, а у пась о стройности цълаго совершенно забывають и предоставляють капризу всякаго отдёльнаго исполнителя какъ угодно ломать движение даже въ аисамбляхъ. Въ сущности это есть манера повъйшихъ выродившихся итальящевъ, примъненіе которой къ оперті Глинки не свидътельствусть о высокой стенени уважения къ ней. хотя она его вполив заслуживаеть. Вообще если

бы у нашихъ оперныхъ капельнейстеровъ, режиссеровъ и извисявъ было поменьше порыковъ собственной геніальности и побольше укаженіи въ указаніямъ композиторовъ, то русская сцена выпрала бы урезвычайно много.

на выиграла бы чрезвычайно много. Въ бумагахъ И. В. Кукольинка послъ его смерти найдень нервоначальный илань трехъ первыхъ дъйствій оцеры «Іванъ Сусанніъ», впоследствии названной «Жизнь за Царя»; планъ этотъ, какъ значится, списанъ съ подвиной рукописи М. И. Ганики. Мы упоминасмъ о планъ потому, что въ немъ можно встрътить указанія относительно исполненія номимо тъхъ, которыя встръчаются въ оригинальной партитуръ. Изъ первопачальнаго состава исполнителей «Жизни за Царя» остается въ живыхъ г-жа Воробьева-Петрова, знаменитая артистка, создательница партій Вапи п Ратмира. Сопоставлян ея воспоминанія и разсвянныя въ разныхъ мъстахъ замъчанія самого Глинки, можно вывести заключение, что онъ хотълъ въ нервомъ акти представить картину изъ жизни русской деревии, а ис плаблонный оперный акть, содержащій лишь экспозицію сюжета. На этомъ основанін желалось бы во исполнение намбрений комнозитора дать всему происходищему на сцень возможно подходящій къ деревенской дъйствительности видъ и движение. У пасъ въ Москвъ исполнение мало согласуется съ атимъ, начиная съ костюмонъ, о которыхъ уже упоминалось. Въ хоракъ у наст. пътъ естественпостя въ движеніяхъ и группировкъ; они слишкомъ склонны изображать изъ себя хоръ иъвчихъ, стоящихъ передъ публикой, и ипечат-жестикуляціей отдёльных влиць хора. У Глинжи въ его примъчаніяхъ прямо говорится объ играхъ и хороводахъ; что-инбудь въ этомъ родъ возможно бы дъйствительно устроить. Но это составляеть лишь второстепенную часть исполненія, главное же музыка и върный характеръ ея пониманія. Во вскуъ произведеніяхъ Глинки красота и цъльность формы являются на первомъ планъ. Въ свое время «Жизиь за Царя» составляла большой шагъ впередъ по отношению къ опернымъ формамъ, полное значение котораго тогда и оцинть было некому. За исключениемъ немногихъ нужеровъ, какъ напр. каватина и рондо Антониды, имъвшихъ закоплечично концертично форну, остальное раздъляется на большія сцены, написанныя въ сложной формъ, всегда цъльной и прониклутой единствомъ, несмотря на богатую расчлененность. Наиболье крупной повизной у Глинки былъ способъ употребленія речитатива, из чемъ Глинка решительно отличался отъ всъхъ своихъ современниковъ п предмественниковъ. У Моцарта им еще встръчаемся съ речитативомъ вессо и съ речитати-

вомь obligato, при чемь и последній очень ясно отделялся отъ законченныхъ нумеровъ, савдовавшихъ за имиъ. У Вебера во «Фрейшитцъ» мы имъсмъ дъло съ діалогомъ, замъняющамъ речитативъ secco и съ речитативомъ obligato, накъ у Моцарта. У Мейербера речитативъ въ «Робертъ» и «Гугенотахъ» отличается безсодержательностію в отсутствіемъ музыкальнаго интереса. Въ началь 50-хъ годовъ Вагнеръ, по поводу своего «Лоэнгрина». говоритъ, что опъ скрылъ речитативъ отъ пъвцовь, пигав его не указывая и выписавъ его совершенно опредбленными длительностями, при чемъ, но его мизнію, совершенно строгое въ ритмическомъ отношении исполнение этого скры таго речитатива должно было дать ему нанболъе естественное и сильное выражение: онъ говориль, что на произволь прицовь въ этомъ отношени отнюдь ис саблуеть полагаться. Глинка почти за 20 лътъ до Вагнера пришелъ къ одинаковымъ съ нимъ заключеніямъ, но поступилъ иначе, нежели онъ, очень ясно п тщательно обозначая немногіе, короткіе моменты какъ речатативы и тотчасъ всабдъ затънъ надинсывая сетро, т. е. указывая возвращение къ строгому ритинческому исполненію дальнъйшаго. Эти указанія не оставляють. по нашему мивнію, никакого ивста колебаніямъ пли сомпвинямъ; очевидно, Глинка желалъ строгаго исполнения въ тактъ и темиъ всего. за исключениемъ нъкоторыхъ коротенькихъ фразъ, надъ которыми у него поставлено теей, или а ріасете, если дело шло о какой-инбуль колоратурной фигурь. Мы, конечно. не предполагаемъ и не требуемъ, чтобы капельмейстеръ обратился въ ходячій метропомъ, — да это и невозможно. Однако, сознательное допущение ритмического произволи у псполнятелей есть, по нашему мизнію, крупная ошибка, значительно искажающая сочененіе и вредящая не только цъльности формы, по также красотъ и силъ выраженія. Подобный произволь лишаетъ музыку ся души -- ритма, утрачивающаго свое художественисе значение и служащаго своимъ дълевіемъ на такты лишь вибинимъ средствомъ для исполнителей идти вибств. Въ этомъ отношения никакия полумфры не могутъ привести къ удоваетворительному результату, никакіе компромиссы съ исполнителями, по настоящему, териимы быть не могуть, тъмъ болъе, что авторитетность вокальныхъ исполнителей въмузыкальномъ дъл болће, чтиъ подвержена сомнинію; да и, истати сказать, папболье музыкальные и образованные между инми наименте стремятся къ какамъ-либо изивпеніямъ или добавленіямъ отъ себя.

Въ настоящее время первый актъ «Жизни за Царя» въ значительной степени страдаеть отъ недостатковъ исполненія, о которыхъ мы говорпли: не только речитативы теряють ча-

сто свой ритмическій обликъ, но и вполнъ законченные ансамбли страдають тъмъ же. Для примъра мы возьменъ хотя бы заключительное allegno перваго акта, имъющее безукоризненную ясность формы. Бась въ топъ субдоминанты буквально повторяеть тему, извоженичь нервоначально теноромъ, а между твиъ, обыкновенно опъ береть ее гораздо медлениве, такъ что является ръзкая перемъна темна: мы. впрочемъ, должны оговориться, что г. Грезвинскій въ партін Сусанина позволнеть себь въ этомъ мъсть менье отступленій, нежели другіе исполнители. Наступающее потомъ più mosso является уже удвоеніемъ скорости: затъмъ все повторяется еще разъ и ансамбль оканчивается кодой съ движеніемъ еще бол'ве ускорепнымъ, какъ указано и въ нартитурћ; но въ нартитурћ иътъ никакихъ указаній относительно изміненій скорости въ проведении главной темы въ началъ, и указанная выше разность въ темиъ ръзко нарушаетъ плавность общаго движенія и уничтожаетъ стробность формы нумера, раздълял его на отдельные, ръзко между собою разнящівля куски. Отчасти то же самое дълается и сь тріо «Не томи, родимый», но мы вернемся къ общему обсужденію исполненіей ансамблей по новоду третьяго акта.

У Глинки первоначально первый акть состояль изъ двухъ картинъ, такъ что польскій баль слёдоваль непосредственно за тенерешнимъ первымъ актомъ. Афиша перваго представленія говорила, что «Жизнь за Царя» есть опера въ тресхъ дъйствіяхъ съ эпилогомъ. Въ оригинальной нартитуръ въ концъ теперешняго перваго акта стоитъ помъта: «Пемедленно расходятся (т. е. находящіеся на сценъ). Перемъна декораніи коль скоро хоры

и дъйствующія лица разойдутся. Конецъ первой части перваго дъйствія». Съ какого времени «Жизнь за Царя» стали дълить на четыре акта вивсто трехъ, мы не знаемъ, не имбемъ, по крайней мъръ, подъ руками справки. Ганика, очевидно, желалъ контрастирующаго эффекта сопоставленія двухъ паціоназыныхъ типовъ музыки и, дъйствительно. эффекть могь бы получиться весьма яркій: но при теперешиихъ сложныхъ постацовкахъ и при отсутствін хорошихъ приспособленій для быстрой перемъны декораціи въ нашихъ оперныхъ театрахъ это, конечно, почти невозможго. Не моженъ не упомянуть, что хотя богатство ностановки, само по себъ и привлекательно, но лишь въ томъ случав, если оно не нарушаеть требованій музыки; у насъ же эти требованія очень часто совстив не прпнимаются въ соображение, какъ напр. хотя бы въ «Демонъ», гдъ первая в вторая картины раздъляются длиннымъ антрактомъ вопреки встиъ музыкальнымъ требованіямъ. Раздтаеніе перваго акта «Жизни за Царя» ділеко не такъ неестественно, потому что бывшая первая картина, нынъ нервый акть, имъегъ вполив удовлетворительное заключение, чего иътъ въ «Демоиъ». Хотя все таки блестящій контрастъ непосредственнаго сопоставлевія русской и польской музыки утрачивается. Впрочемъ, съ этимъ уже свыклись и никто не возражаль протявь этого, -повицимому, даже самъ Глинка, ибо въ клавирауспугъ, который онъ все-таки просматриваль, польскій баль называется вторы из дъйствіемь.

(Продолжение сандуеть).

Н. Кашкинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не думийте, что вы ужо ознакомились съ фактомъ, когда знаете, что онь совершился; пьть, факть цвевстень вамь лишь тогда, когда вы можете вредставить себь, како онь совершился.

Дж. Ст. Блекки.

Всякій факть что-нвбудь да освіщаеть, или представляєть правоученіе, заміняющее опыть; всяков приключеніе есть примірь, по которому можно образовать себя; стоить только приложить его кь обстоятельствамь, въ которыхь находишься.

Аббать Прево.

Предлагаемая статья о суфлеръ — начало моего многолътияго труда, который я назвяль: «Театральным ошибки».

Моя задача была собрать въ одно цълое все мною испытанное, слышанное, видънное, вычитанное, относящееся къ недосмотрамъ и промахамъ театральнаго дъла.

«Туть ничего пъть новаго, мы это знали раньше, и все это мелочи», скажуть тъ, кого это коснется. Да, господа, вы знали и
знаете, и повторяете свои ошибки. Конечно,
область техники театра такъ разнообразна, что
предвидъть всъ случайности и уберечься отъ
неожиданныхъ ошибокъ пемыслямо, а также
невозможно всъ ихъ предугадать; поэтому
полезно пиъть подъ рукой спетематическій перечень замъченныхъ ошибокъ.

Нѣкоторые авторитеты другихъ профессій ие иаходять неудобнымъ печатно сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Такъ, Нусбаумъ, ординарный профессоръ мюихенскаго университета, говоритъ въ предисловін къ своей бронюръ °): «несчастныхъ случаевъ, вольныхъ и невольныхъ, въ хирургической практикъ такъ мисго, что не знаешь, гдъ начать и гдъ кончить ихъ счетъ. Къ сожальнію, по винъ человьческаго тщеславія, почти только один

*) Über Unglücke in der Chirurgie, von 1. N. von Nussbaum, ord. Professor an der Universität zu München. счастиные случан нубликуются, а несчастные замалчиваются, между тъмъ, одна ошнока можеть ноучить гораздо больше, чъмъ десять благополучныхъ исходовъ».

Я старался по возможности быть объективнымь и избъгать тона обличительнаго и полемическаго. Я не называю вполив ин одного города, ин одной фамиліи, кромъ тъль, которыя заслуживають иссеобщей нохвалы; не задъваю ин одной личности, а передаю только факты. Если кто-иибудь самъ себя узнаеть не моя вина; это только подтвердить върность моихъ сообщеній.

Каждое серьезное, дёльное замёчаніе, будеть мною првиято съ глубокой благодарностью; на шутливые же и легкомысленные отзывы людей, у которыхъ вошла въ привычку смёяться надъ всёмъ, я не буду обращать виманія, оппраясь на миёніе блекки: «привычка находить но всемъ только смёшную сторопу—сямый вёрный признакъ мелкой дущи; ябо смёшнос, какъ замёчено еще Аристотелемъ, лежитъ всегда на понерхности».

И руководствовался нъ моей скромной работь исключительно побуждениемъ принести почильную пользу въ области столь любимаго дёла скажу, что мой починъ удался, сели хотя со временемъ онъ вызоветъ болёе солидный и обинирный трудъ въ этомъ направленія.

Д. Гаринъ-Виндингъ.

Суфлеръ.

Самое трудное для пониманія есть именно то, что полля насъ.

H. Illeanynoer.

Обязанность суфлера весьма важная, трудная и неблагодарная. Особенно тяжела эта профессія въ провинців при ежедневныхъ спектаклихъ, при постоянномъ разнообразіи пьесъ

и при ихъ ръдкомъ повтореніп.

Провиндіальнымъ актерамъ нътъ физической возможности выучивать свои роли слово въ слово, при чемъ большое значение имъетъ слогь пьесы. Хорошій литературный слогь легче укладывается въ памяти, по много ли найдется современныхъ драматурговъ, которые могли бы соперничать въ слогъ съ корифеями драматической литературы? Большинство современныхъ авторовъ-переводчики, которые, сами не зная иностраннаго языка, заказываютъ наскоро переводъ какому - нибудь бъдняку п спъщать для того, чтобъ кто-нибудь не неребиль. Въ подобныхъ пьесахъ, или еще хуже, въ пьесихъ, гдъ авторъ желаетъ показить образцовый русскій языкъ-собразцовый» въ перепосномъ значении слова, такъ какъ на такомъ языкъ нигдъ и инкогда не говорили и сказывается вся трудность работы артиста п все умънье провинцівльнаго суфлера выручать своего товарища. Я далекъ отъ мысли защищать актеровъ, не учащихъ ролей, по не могу не указать на невозможность иногда выучить роль.

Для принара возьмемть амилуа перваго любовинка, безъ котораго не обходится ни одна пьеса, и будемъ считать на кругъ его роли по пяти листовъ, хотя такія роли, какъ Холминъ (Блуждающие огни), Чегановъ (Мертвая петля), Расточитель, Жельзная наска и много другихъ, гораздо больше ияти инсанныхъ листовъ. Столо быть, въ мъсяцъ, за вычетомъ суботъ, приходится выучить (при ежедневныхъ спектакляхъ) сто тридцать листовъ, а въ сезонъ, считая сезонъ шесть мъсяцевъ, семьсотъ восемьдесятъ листовъ. Прибавьте къ этому товорищеские бенефисы, когда приходится въ одинъ вечеръ играть въ двухъ пьесахъ, пьесы въ стихахъ, и вы получите базовую сторону труда провинціальнаго актера. Изъ приведенныхъ данныхъ исно видно, насколько обязанность суфлера важна и какимъ подспорьемъ онъ пвляется актеру. Конечно на казенныхъ и столичныхъ театрахъ трудъ суфлера облегиется ивсколько знанівив ролей, толковыми репетиціями и другими обстоятельствами, о которыхъ я скажу ниже. Очень мівтко и вірно сказоль мий какь то извівстный суфлеръ П - if о своей профессіп: «это

одна изъ тъхъ обязанностей, которую можно только перепосить, по не любить».

Теперь коспемся тахъ невзгодъ, которыя приходится суфлеру переживать и встречать

въ провинцін. Начнемъ съ самаго помъщения. За ръдкими исключеніями, помъщеніе суфлера отвратительно, особенно въ лътипхъ театрахъ. Въ. прежнее время, по крайней ибру въ провинціальныхъ театрахъ, гдв мив приходилось служить, спеціальнаго помъщенія для суфлера (суфлерки) не устранвалось. Все устройство сводвлось къ тому, что винзу подъ сценой устанавливалось сидънье для суфлера, который не быль защищень ин отъ сквозного вътра, ин отъ пыли, ни отъ холода подъ сценой. (Въроятно, вслъдствие такихъ гигиенияпыхъ помъщеній большинство прежихъ суфлеровъ страдало ревматизмомъ). Такъ какъ провинціальная публика, (за псключеніемъ уппверситетскихъ городовъ) почти примирилась съ непабъжнымъ зломъ-слышать раньше голосъ или шопотъ суфлера, а потомъ ужъ артиста, провинціальные антрепренеры мало заботились объ улучиении суфлерской будки, ин для здоровья суфлера, ни для удобства публики. Въ ръдкихъ театрахъ инъ приходилось видъть, чтобъ суфлеръ быль изолированъ хоть-бы даже сзади отъ пролета, въ который опускается рампа. Упомянувъ о холодъ подъ сценой, не могу не привести случан, какъ въ 1874 году въ городъ Ж. въ сильные холода антрепреперъ мало топиль театръ. Артисты подобразись все люди выносливые. не протестовали, а только зябля и ропталн между собой и вотъ кто спасъ- изъ отъ ужаспой перспектывы замерзнуть «на подмосткахъ сцены». У антрепренера Б. пе было постояпнаго мужского хора, а мъстные чиповники изъ разныхъ въдомствъ устроили небольшую канеллу и пъли въ театръ за поспектакльную плату. Однажды во время представленія Елены Прекрасной, гдв хоръ изображаетъ грековъ, гг. чиновники падъли греческія одежды сверхъ своего платья и такъ вышли на сцену. Режиссеръ не замътиль этого, такъ какъ первый нумерь хорь исполняеть на колбияхъ передъ храномъ, по когда хористы, спъвъ свой нумеръ, встали, вся зрптельная зала разразилась холотомъ, увидя грековъ въ наполовину современныхъ костюмахъ. Хормейстеръ капеллы, пользунсь своимъ старшинствомъ, надълъ даже высокія калочін. Неожиданно въ театръ прівхаль губернаторъ А. А. Г. съ директоромъ театра, инженеромъ путей сообщения А. и обратиль виниание на эту продълку хора. Съ тъхъ поръ нечныя трубы, которыя, по словамъ аптрепрепера, были непсправны, стали прекрасно отапливать театръ. такъ какъ пхъ топпан исправно.

Чтобы не нападать исключительно на норядки провинціальные, я вспомню случай въ столицъ у одного извъстнаго антрепренера. Когда дъла его пошатнулись, опъ тоже сталъ наводить экономію на тонливь, и довель ее до того, что въ уборныхъ замерзала въ графинахъ вода. И это не единственный случай. . Стало быть можно себъ представить, что при такихъ обстоительствахъ должекъ испытывать подъ сценой суфлеръ.

Но и лътомъ участь суфлера во многихъ провивціальных театрах тоже крайне нечальна. Я помию, въ г. В. для суфлера была «вырыта яма глубокая» безъ деревянной подстилки подъ ноги, безъ облицованныхъ ствнокъ, и вотъ во время сильныхъ дождей суфлеру приходилось силъть чуть не до колънъ въ водъ! Этотъ самый суфлеръ часто переодъвался въ течение спектакля въ сухсе платье.

Привожу еще примъръ тому, что устройство этпихъ провинціальныхъ театровъ часто грашить во многихъ отношеніяхь. Такъ, напр... въ Р. на Д. во время гастролей артистки Императорскихъ театровъ Г. Н. Ө-ой, однажды публика, находящаяся въ закрытомъ театръ, принуждена была открыть зонтики-такъ сильпо протекала крыша, и пршилось опустить занавъсъ среди спектакля.

Тутъ невольно напрашивается слово на защиту суфлеровъ, о которыхъ говорятъ люди, не близко стоящіе къ двлу театра, что они большею частію народъ ньющій. Прошу мив отвътить, не могутъ зи приведенные примъры заставить человъка не только выпять, чтобы согръться, но и запить? Это обвинение вишено всякаго основанія, потому что я по крайней жъръ не номию ни одного случая, чтобы суфлеръ явился къ исполнению своихъ обязанностей въ непригодномъ видъ. Такъ было прежле.

Перехожу далье къ другимъ невзгодамъ профессін суфлера. Большинство провинціальныхъ суфлеровъ очень скоро теряють зрвніе. ІІ не удивительно: стоитъ только взглянуть на экземиляръ ходовой пьесы; что она изъ ссбя представляеть: монологи и цвлыя сцены перечеркнуты и краснымъ, и сиппиъ, и чернымъ карандашемъ, даже гримпровальными подмарками (раступловками). Это тъ вымарки, которыя делаются наспехъ во нремя спектакля. Каждый премьеръ сокращаетъ роль по своему; поэтому и получаются такія узорныя страницы. Покойный Ананьевъ говарпваль: я къ вымарканъ привыкъ; то, что у 4-го бъло, то у К — го черно, и наоборотъ, глъ у К — го мимо, тамъ у Ч-го идетъ. А вычищать карандапныя помътки резиной истъ возможности, потому что большинство пьесъ литографировапо на очень топкой, дешевой бумагв. He могу

не вспомнить курьеза съ покойнымъ суфлеромъ Гладышевымъ. Въ городъ С-въ, послъ репетицін нервый драматическій любовникъ, играющій наскоро безъ рали, взяль ньесу съ собой и сталь выправлять свои нопологи. Вечеромъ во время внектакля, въ одномъ горячемъ монологъ, актеръ внезанно остановился, сказавъ: «А какъ думаетъ герцогъ...» И слышить изъ будки: «Дыра!» Актеръ сыбивался и слушаетъ далће вопль суфлера: «Слово въ дыру попало, какой герцогь—не знаю!» Оказывается, что актеръ, человъкъ увлекающійся, такъ усердно вытираль помарки, что протеръ насквозь бумагу и слово «Кентерберійскій» пропало.

Ивкоторые суфлеры имвють свою библютеку, по неохотно суфлирують по своимъ экземплярамъ изъ боязни купторъ. Вотъ случай, который произошель съ суфлеромъ К. Онъ суфлироваль по своему экземпляру пьесу «Незнакомые знакомцы». Пьеса ужъ порядочно была испачкана разными карандашами, такъ что на ренетиців К., не желап д'влать еще новыя вымарки, отмъчнат по полянъ въ началъ пропуска «Сю», а въ концъ «Да». На сневтакать, во время большаго монолога Дерюгина, актеру изм'вныя память, енъ остановился, а суфлеръ

не нолаетъ.

 Что же дальше? ради бога, что дальше? умолиющимъ инепотомъ взываетъ актеръ къ суфлеру, а тотъ ему въ отвътъ:

Что дальше! Что дальше!.. Вотъ «Сю» пашель, а «Да» никакъ пайти не могу!»

Ничего подобнаго нельзи встратить въ казенныхъ и столичныхъ театрахъ. Вотъ одно изъ другихъ обстоятельствъ, о которомъ и упоминаль въ началъ. Суфлеръ столичной, или твиъ болће — казенной сцены можетъ изять съ собой на домъ пьесу и кчитаться, если экземиляръ писанный, а провинціальный суфлеръ лишенъ этой возможности, при всемъ желинін, потому что большею частью въ библіотект провинціальных в театровъ, даже тамь, гдъ есть дирекція отъ города, бынаетъ только по одному экземпляру пьесы; посав репетиціп помощникъ режиссера завладъваетъ пьесой для выписки выходовъ, реквизитовъ, инсемъ *). И, какъ выше было сказано, часто изъ экопомін, чтобъ не выписывать роль перваго актера, ему даютъ учить роль по этой же прест.

Понятно, что при такой усиленной и напряженной работъ, суфлеры очень рано теряютъ зрѣніе.

Въ началъ статъи и указалъ на количество листовъ, которое долженъ выучить первый актеръ; теперь скажу, какое количество ак-

На Императорской сценъ всъ письма и другіе документы для чтенія выписываеть суфлеръ.

товъ приходится просуфлировать провинціаль-

пому суфаеру.

И возьму на выдержку ийсколько бенефисиыхъ афишъ: — (казенные снектакли въ провинціи обыкновенно состоять изъ 6 дъйствій, то-есть пьеса 5 д., вод. 1 дъйст., или пьеса 4 д., вод. 2 дъйст.). Напримъръ, бенефисъ актера Д. В. Г.— п, 16-го декабря 1877 года въ Р.-на-Д.

- 1) «Брошенныя дъти», драма въ 5 актахъ и 6 картинахъ, съ прологомъ—7 д.
 - 2) «Новички въ любви» вод. 1 д.
 - 3) «Слабая струна» вод.—1 д. Итого 9 дъйствій.

Бенефисъ В. А. — 24-го января 1879 года тамъ же:

- 1) «Убійство во время бала», драма въ 5 д. и 7 картинахъ 7 д.
 - 2) «Итички пъвчін», опер. въ 2 д. 2 д. Итого 9 дъйствій.

Бенефисъ суфлера Э. Г. А-ъ 26-го января 1879 года.

- 1) «Загробные мстители» или «Законные и побочные паслъдники», драма въ 5 д. и 10 карт.—10 д.
 - 2) «Ямщики», вод. въ 1 д.—1 д. Итого 11 дъйствий.

Будемъ считать только по 6 дъйствій въ снектаклю, стало-быть ст. репетицісй (не считая повторенія сцевъ, а иногда пълыхъ дъйствій) суфлеру приходится просуфлировать въ день 12 дъйствій; въ мъсяцъ, считая 30 дней (суббота для суфлера двойная работа, т. к. репетиція бываютъ утромъ и вечеромъ)—360 дъйствій. а въ сезонъ, считая сезонъ 6 мъсяцевъ,—2160 дъйствій.

Да прибавить двойные спектавли на масленой педвай съ четверга — 24 дййствія. (Я помию, что на масленици приходилось и репетвровать передъ утрешивмъ спектавлемъ). Всего въ сезопъ приходится просуфлировать 2184 дййствія, и это при шести дійствіяль въ день, а изъ выше приложенныхъ афишъ видио, что большинство бенефисовъ состоить изъ большаго числа дійствій.

Далке: часто приходится суфлеру мириться съ капразами артястовъ, людей первиыхъ, пепомърно самолюбивыхъ. Въдь трудно угодить всъмъ, всегда найдутся педовольные. Вотъ разговоръ помощинка режиссера Р. съ суфлеромъ М.

«Теб», пинонька, легче; ты себ» спавинь въ буджь, да поворачиваещь только голову направо, да нальво, а и ужъ совсюмъ лругое дъло! Поди Гамлета попроси на сцену, да пригласи Офелію, да покорно попроси королеву, да позови Лаэрта, да сбъгай въ верхиюю уборную за Розепкрапцемъ, да пырии полъ сцеву посмотръть, прилично ле одълись придворные, да зарядитъ громъ, да съ пуколкой поставить реквизитора, да потомъ на вызовы прегланиять ар-

тистовъ... Одинъ говоритъ — меня не вызываютъ! — а та — у меня въ этомъ актѣ ничего иѣть! » А тутъ антрепреперъ надъ душой стоитъ — «да не задерживайте, Бога ради, къ 11 кончить надо, нотому маскарадъ»... А тебъ, говорю, сиди себъ только, да и только!»

— Гм... гм... Такъ, такъ!.. А ты думаень— легко это подавать! Поди, угоди всей трупиъ! Да помин привычки каждаго. Трагикъ оретъ— «громче!»—комикъ: «каждое слово подавай»— любовникъ: «ръже!»—grande dame— «только слъди»; ingénue comique— «во всю ивановскую, безъ передышки!»—ingénue dramatique— «только первое слово, шепоткомъ». Ну воть поди и помии, кому во всю ивановскую, кому ръже, кому безъ передышки...

Въ тъхъ театрахъ, гдъ бывали послъ сисктанля маснарады, было отпосительно легче, вслъдстве необходимости кончить спектанль пепремъщо въ 11 часамъ. По гдъ маснарадовъ не было, тамъ спектанли очень затягивались. Былъ случай, напримъръ, въ г. Орлъ у Воронкова (шишу фамилію цъликомъ потому, что объ этомъ своевременно уже было напечатано) спектанль— «Екатерина Говардъ»—иять женъ Геприха VIII—былъ оконченъ въ 2 часа 45 минутъ (газета Суфлеръ, № 19, 1879 года).

Хорошій суфлерь очень важный факторъ въ сложной техникъ театральнаго дъла, поэтому большинство хорошихъ суфлеровъ много сезоновъ кряду служили у одного антрепрепера. На этомъ предметъ нельзя не остановиться и я не смущаясь дълаю отступленія, отчасти опираясь на слова Герцена: «Я, вирочемъ, вовсе не бъту оть отступленій и эпизодовъ — такъ идетъ всякій разговоръ, такъ идетъ сама жизнь.»

Итакъ, въ январъ 1877 года, жена антрепрепера Казапцева, Ю. Н., поъхала по семейнымъ обстоятельствамъ въ Москву и пробыла тамъ ивсколько педваь; въ это время на сценв Малаго театра има ивеса Островского «Послъдияя жертва», представленияя въ первый разъ въ бенефисъ Н. И. Музиля. Исполнение и сама пьеса произвели спльное впечатлёніе на Ю. И. и она ръшила поставить эту пьесу въ свой бенефисъ, о чемъ и заявила трупиъ, верпуншись въ Р/Д. Ю. Н. отанчалась большой тактичностью, вся труппа ее уважала и любила. Въ одну изъ субботъ 10. Н. пригласила къ себънсю труппу и съ восторгомъ разсказывала в пьесъ, расхиаливала артистовъ Малаго театра в тутъ же по привезенной ею бепефисной афинт были распредълены роли. Не могу безъ умиленія вспоминть, съ какимъ восхищеніемъ иблагогованіемъ мы разсматривали афишу Малаго театра!

По городу быстро разнеслось, что жена антрепренера ставить въ свой бенефись новую ньесу. Ю. И. была очень любима публикой и такъ какъ стало извъстно въ городъ, что на

дітнійсезонь она является самостоятельной антрепреперіней, отдъльно отъ мужа, который синав театръ въ Воронежъ, то стали дълать большую подписку на подарокъ. Сезонъ подвигался къ масленицъ, афиша бенефисная. 10. Н. Казанцевой была вывъщена, билеты брались съ боя.

Билеты всь былипроданы, въ тесныхъ кружкахъ театра было извъстно, что публика подносить бенефиціантя піанино... Одного только не было извъстно публикъ, что самой пьесы «Посабдняя жертва» въ библютекъ театра еще не было. Посылались телеграммы за телеграммами, по толку не было. Тогда еще не было предпріничивыхъ театральныхъ библіотекарей въ родъ гг. Напойкиныхъ и Разсоханыхъ, которые впосабдствін стали обогащать провинціальныя сцены повинками Императорскихъ театровъ; ньесы высылались рукописными, а для разръшенія отъ містнаго полиційней стера было достаточао представить афишу Императорскаго театра. Въ четвергъ на масленицъ, 23 февраля, Ю. Н. пришла на утренній спектакль въ полномъ отчалнін заявить, что пьеса не нолучена, и стили совътоваться съ артистами, что ставить, чёмъ замёнить? Суфлеръ Повицкій больше всъхъ настанваль на томъ, чтобы подождать, потому что есть еще иятипца. Въ то доброе старое время актеры умяли хранить свои тайны, и въ публикъ не было изкъстно, что пьесы еще патъ.

Передъ третьпиъ актоиъ (нель «Закоздованный принцъ») явился кондукторъ жельзной дороги со сверткомъ, съ давно ожидаемой пьесой. Однако, когда прошли первыя минуты восторга, всвять иснугала толщина рукониси. По окончанін утренняго спектакля начали совъщаться и К. Новицкій предложиль следующее:

- Я возьму ньесу и прочту, а посят вечерняго спектакля прочту всемь, а тамъ дальше видно будетъ.

Вск такъ върнян К. Новинкому, что согласились на его предложение, хотя разошлись въ поляонь недоумёнін, какъ пграть новую пьесу

безъ ролей?

Послъ спектакля опять исъ собрались у 10. Н. и стали слушать пьесу. К. Повицкій, прочитавъ предварительно пьесу, нознакомился съ ней, читаль теперь уже съ должнымъ тономъ и мы разопинсь въ началъ четвертаго часа, ознакомленные каждый со своей ролью, а въ 10 ч. утра была пазначена репетиція. Никому изъ артистовъ не приньлось взять ньесу съ собой, потому что ею завладьть помощинкъ режиссера для выписки выходовъ и реквизита.

Ровно въ 10 часовъ начали ренетировать. Идеальный суфлеръ не только подаваль слова, но и говорилъ ремарки. Когда отренетировали псрвый акть, сейчасъ же его оторвали отъ

пьевы и переписчики стали въ уборной прсать діалоги. Прорепетировали второй, повторили его; начали третій, дошли до половины и нада было кончить, такъ какъ публика собпралась уже въ театръ.

Однинъ словомъ, мы уситли только выучить нъсколько монологовъ, сладить ибкоторыя сцены, по замъчательный суфлерь и общій нервный подъемъ сдълали то, что пьеса прошла зам'вчательно гладко, и даже, по отзыву мъстныхъ меценатовъ, съ большимъ ансамблемъ. Воть примітрь, ясно свидітельствующій, какую важную роль играеть суфлерь въ теа-

тральномъ дълъ.

«Самое трудное для пониманія есть именно то, что подът пасъ», сказаль Шелгуновъ (Н В) и это выражение я выбраль эпиграфомъ для статы. Какъ въ доброе старое время станціонные смотрите Ая на граждались первымъ класнымъ чиномъ для того, чтобы не подвергаться оскорбленіямъ разныхъ провзжихъ самодуровъ, такъ и суфлеръ въ провищівльномъ театръ зачастую претерпъвалъ массу исзаслуженныхъ оскорбленій и невзгодъ. Только за последнія десять этть стали попадаться въ числъ суфлеровъ люди съ образованіемъ. Неправильно думають пекоторые, что въ суфлеры попадаля неудачные только актеры; опровержениемъ этому служить то обстоятельство, что очень много актеровъ вышли изъ суфлеровъ.

Конечно, когда антрепренерами были прениущественно или артисты, нап зажиточные ном'вщики, суфлеры не подвергались безтактнымъ выходкамъ, по когда попвились антрепренеры чуть не изь половыхъ, и такіе, что на заявленіе режиссера: «Театръ выстроенть дурно, резонансъ плохой» - отвъчали: «можно выписать хорошій, самый дорогой; скажите откуда?» - такіе антрепренеры относились къ человъку, дъятельность котораго происходить подъ номожь, безгранично грубо и дерзко.

Были между суфлерами такіе счастливцы, что служили только въ большихъ городахъ у хорошихъ антрепрсисровъ, какъ наприм., покойный замьчательный суфлерь II. II. Ананьсвъ и ныив содержащій театры автрепреперь 110низовскій. По такихъ много не насчитаемъ; большинство, особенно въ маленькихъ городахъ постоянно кочують съ маста на масто. Неправильно разсуждаютъ тв, которые считаютъ. что легка обязанность «сидъть и по книгъ читать.» Да, по читать надо такъ, чтобы актеръ, находящійся въ глубин в сцены, разбираль слови суфлера, а зритель въ первомъряду пресслъ не слышаль бы инчего.

часто молодые неопытные режиссеры, сльдул девизу гоголевскаго городинчаго: «оно чъмъ больше лонки, тких больше означаеть деятельность градоправителя», приказывають суфлеру подавать тише, не понимая того, что всв нареканія на суфлеровъ цілликомъ относятся къ неумілому устройству суфлерской будки.

Въ самостоятельной статъй я обращу виннаніе читателей и спеціалистовъ, интересующихся этимъ вопросомъ, на вей педостатки общепринятыхъ суфлерскихъ будокъ и предложу проектъ суфлерской будки, въ которомъ будутъ исключены повторяющіяся повсюду несообразности и ошибки какъ въ акустическомъ, такъ и архитектурномъ отношеніи.

Мив поминтся очень характерный случай съ II. А. Никитинымъ въ Новочеркаскъ въ пьесъ «Лъсъ». Опъ ушелъ со сцепы раньше, чъмъ нужно: суфлеръ кричалъ ему довольно громко: «куда вы? куда вы?» актеры на сценъ потерились: пришлось опустить занавъсъ. Послъ этого Никитипъ говоривъ: «Не знаю, что со мной сдълалось? затменіе какое-то! Отчего суфлеръ не остановиль?» Ему отвъчали, что суфлеръ останавливалъ и даже довольно громко, но опъ не слышалъ. Изъ этого факта-и это не единичный - можно судить, васколько суфлеръ долженъ быть приготовленъ ко всикимъ неожидавностямъ. Тотъ же самый Повицкій, о которомъ я говорилъ выше, сочинялъ эксиромтонъ въ будкъ цълыя сцены, чтобы зачаскировать какой-нибудь промахъ и спасти пьесу. Актеръ 1 - ъ заболълъ во время спектакля нередъ самымъ выходомъ. Помощникъ режиссера побъжать нодъ сцену объявить объ этомъ суфлеру, и целая сцена безъ действующаго лица прошла такъ гладко, что только когда опустили занавъсъ, актеры замътили, что явление Л-а было пропущено.

Покойный суфлеръ П.П. Ананьевъ былъ также необыкновеннонаходчивъ и всегдавыручалъ пьесу. Павйстенъ случай, когда въ «Грозъ» акторъ, играющій Кабанова, пришель в в театръ только послъ перваго дъйствія. Объ отсутствін актера суфлеру сообщили среди д'віствія передъ санымъ выходомъ Кабанова, и И. И. Апаньевъ просуфлировалъ всю сцену Кабановой, Катерины и Варвары безъ Кабанова и дальше такъ ловко, что инкто инчего не замътилъ въ нубликъ и среди дъйствующихъ не произошло ни налъйшаго занъшательства. Такіе суфлеры драгоцины въ театральномъ двяй, но какъ шестерия въ большой и сложной машинъ исзанътна для непосвященного, такъ незамътна дъятельность суфлера для нублики. Это, такъ сказать, нестроевая рота въ боевомъ нолку. Публика вызываеть артистовъ, автора, режиссера, декоратора, а о скромной шестерик никто не вспомпнаетъ, да оно такъ и нужно, потому что вызовъ суфлера выражаеть протестъ публики, и если бы скромному труженику вздумалось выдти на вызовъ, то на него наложили бы штрафъ или замънили бы другимъ. Суфлеръ долженъ быть невидимымъ и незамътнымъ номощинкомъ актера. А. И. Островскій въ «Талантахъ и ноклонинкахъ» мътко охарактеризовалъ словами Бакина необыкновенно благосклонное отношение богатаго барина Великатова къ закулисному міру: «Вскиъ руку подаетъ: кассиру, суфлеру и даже бугафору».

Когда я служилъ у нокойнаго І. И. Сътова въ Кіевъ, опъ держалъ двъ труппы — русскую оперу и оперетту. Между опереточными артистами и пъвцами русской оперы, пъвшими, между прочимъ, свои партіи на итальянскомъ языкъ, происходили постоящимя пикировки; въ особенности баритонъ В., желая какъ можно сильите унизить оперетную труппу, однажды сказалъ: «У насъ и суфлеръ знаеть музыку, читаетъ поты и отбиваетъ рукой тактъ; а у васъ кто идетъ въ суфлеры?» В. былъ крайне удивленъ, когда ему назвали итсколько суфлеровъ съ высшимъ образованіемъ — Понизовскаго, Фалютишскаго, Михайлова, Андреева-Корсикова, Идина, Филиппова, Ильчевскаго.

Въ началъ статъп я защищалъ суфлеровъ пьющихъ, объясняя эту пагубную страсть невозможвыми условіями театра; теперь, какъ характеристику прежнихъ отношеній антрепренеровъ къ суфлерамъ, приведу слъдующій фактъ о замъчательвомъ суфлеръ Н. Г. Ракитикъ, который былъ отчаянный пьяница.

Опъ долго служилъ у антрепренерии К., — это было въ 60 годахъ, — въ Воронежъ. Антрепренерии имъ очень дорожила, потому что ято быль такой суфлеръ, какихъ, говоритъ, теперь пътъ.

Но опъ инаъ до забвенія всего; у него не было ни одежды, ин жилища. Автрепренерша держала его въ своей квартиръ, — въ передней, потому что въ его безобразномъ видъ его нельзя было допустить въ комиаты. Опъ спалъ на даръ и когда нужно было идти въ театръ, антрепренерша одъвала его въ свой салопъ и каноръ и везла его подъ коввоемъ. Подъ сценой около будки дежурилъ около него рабочій, чтобы не допустить его напиться во времи спектакля; свободу опъ получалъ только по окончавіи представленія.

Въ заключение могу указать на одно замѣчательное качество суфдеровъ: шикто, кромъ суфлера, конечно опытнаго, не обладаетъ способностью иврно предсказывать усивъъ или провалъ пьесы. Особенно отличался этой способностью П. Ермодовъ, суфдеръ Императорскаго Московскаго театра, большой художникъ своего дъла. Этому замѣчательному суфлеру п человѣку будетъ посвящена самостоятельная статья.

Много усиленнаго и тяжелаго труда выносить суфлерь, но и ему выпадають отрадныя минуты въ концъ сезона или въ его бенефисъ. За всю мою дъятельность въ провищии я не номню ин одного сезона, чтобы даже при самыхъ худшихъ дълахъ, трупна не поднесла своему постоянному пособнику-суфлеру подарка, и подниски для суфлеровъ всегда посятъ

характеръ добровольный и дружескій; актеръ, занимающій первое амплуа и выходной, одинаково охотно жертвують десятки рублей или удъляють гроин отъ крошечнаго жалованы на подарокъ суфлеру; въ этомъ случав нътъ ничего общаго съ поднисками «по обязанности», то есть въ большинствъ случаевъ-антрепреперанъ, иногда даже режиссерамъ или на тобилейные бенефисы сослуживцевъ-артистовъ.

Покойный изв'ястный провинціальный артисть Л. Н. Самсоновъ, въ своей кинжкъ «Ileрежитое», очень характерно и трогательно рисуетъ день суфлера Анацьєва, о которомъ я упоминаль выше. Изъ этого описанія, которое привожу цѣзикомъ, можно видъть доманиюю жизнь хорошаго человъка и сердечное отношеніе къ нему товарищей и его добросовъстную предапность дъзу. Это картинка съ патуры.

Шесть часовъ утра. По улицъ бъжитъ на базаръ маленькій, плотненькій господинъ съ русой бородой. Куппав на базаръ молока, хавба, масла, десятокъ ящъ и два фунтика говядины.

Вернулся домой. Квартирка мазенькая. Развелъ керосиновую кухию, надъль фартукъ.

- Папа, сегодня что же будетъ? -- спранивалъ мальчикъ изъ кроватки.

-- Япчки, душечка, япчки.

- Въ смятку?

— Въ смятку. — II инъ и Володъ?

— Да. да., да... И Пашъ и Володъ.

Жена охаетъ... больни. Покормилъ своихъ мальчиковъ, — въ аптеку. Верпулся. Паписалъ пъсколько инсемъ къ товарищамъ, раскиданнымъ по матуний Россіп. Закленлъ пъсколько афинъ въ биндероль. На почту. Вернулся обратио. Все благонолучно. Изъ картъ выстроиль домикъ Паша и Володъ...

Глядь на часы. Три четверти десятаго. Въ

 А, Иванъ Павловичъ! здравствуйте, здравствуйте! -- сыплетси кругомъ.

— Пора начинать, — говорю я.

Пванъ Навловичъ леветъ въ суфлерскую будку, зажигаетъ свъчу, очень тщательно поправя на ней ширмочку взъ картона, вынимаетъ изъ кармана леденчикъ, пососалъ его... Каранлашь въ рукт. - Готовы? - Готовъ. На какойлибо фразъ запинается актеръ, сейчасъ каранда шикомъ-чиркъ! Помътиль...

Репетиція кончилась. Рюмочка водочки пли пружечка пивца. А если еще пътъ двухъ ча-

совъ, то «на счетъ билліарда».

Прибъжаль домой. Онять керосиновая кухия, фартукъ, стряння при общемъ восторгъ дътей. Папа — поваръ, напа — поваръ!» Часокъ вздремнулъ... Въ театръ! Спектакль.

Каково ему!.. Самсоновъ роли— ни въ зубъ! Киселевский роли-ни въ зубъ... Движеньемъ головы, нальцемъ покажетъ изъ будки, когда «переходить», когда «уходить»...

Браво! - кричитъ публика: - Самсонова! Ки-

Спектакав сошелъ превосходно.

Иканъ Павловичъ Ананьевъ...

А пезапътная машинка, которая вертъла все дъло, не при чемъ...

Скорве домой. Кастрюлечка, керосиновая кухия... И наконецъ сонъ, благодатный сонъ! Это мой многоуважаемый товарищь, суфлегь

На обязанности суфзера лежить върное, толковое, осмысленное подсказываніе актерамъ, исполияющимъ пьесу.

11 30 газени «Суфясран.

Теперь разсмотримъ, какія требованія можно предъявлять къ хорошему суфлеру.

1) Развитіе. 2) Знаніе языка. 3) Памить. 4) Хладнокровіе. 5) Хорошее зрвніе. 6) Слухъ. 7) Сильный и звучный голосъ. 8) Исное произношение. 9) Находчивость. 10) Любовь къ двау. 11) Винманіе. 12) Элементарное поня-

тіе о музыкт.

1) Развит і е. Какъ въ каждомъ дёль неосноримымъ первымъ факторомъ является умственпое развитие человъки, и въ такомъ, съ виду инчтожномъ дълъ, какъ суфлирование, оно за нимаеть первое мъсто. Кромъ актера и вообще человъка, публично говорящаго, шкому не знакомо то ужасное душенное состояніе, когда голова мыслитъ правильно, а явыкъ не полчиняется воль, и говоритъ противное²). Ни одинъ актеръ, даже самый даровитый, выходя на сцену, не гарантированъ отъ какой чибудь оговорки, отъ самаго безсмысленнаго перифраза. Вотъ въ такихъ случаяхъ и янляется гаавнымъ пособникомъ развитой суфаеръ. Чъмъ талантливве артистъ, чемъ сильнее его темпераменть, тымъ болбе увлекается онъ въ мопологахъ, гдъ онъ полный хозяниъ, и тутъто и бываютъ эпизоды ис только весьма комическаго, по даже драматическаго характера. Разъ актеръ иъ возбужденномъ состояни пропустиль какое-пабудь ма. ловижноепредложение, какую-шоўдь мысль, не им'бющую примого отношенія къ идев монолога, къ обрисовкъ характера, развитой суфлеръ не верветъ артиста къ этой фразъ и не наноминть ему пропущеннаго имъ неважнаго предложения. Но суфлеръ, не обладающій этой способностью, не оставлиетъ подобный пропускъ безъ винианія и часто какой-нибудь пустой фразой или словомъ мъшаетъ творческой дъятельности артиста. Развитой суфлеръ инстинктивно чукствуетъ, когда и какое слово опъ долженъ выдблить, подать рваче, сильийе. Само собой разумвется, что

^{*)} Въ статъв "Объ оговоркихъ и перифразахъ" будеть перечислено много замівчательных в оговорокъ какъ актеровъ, тикъ и гругихъ публичныхъ лителей.

п артисты, зная это качество въ своемъ суфдеръ, всегда увърсны въ немъ и поэтому снокойны. По не дай Богъ испытывать то состояніе, когда артистъ, хорошо знающій роль, выходя на сцену, не ждетъ помощи отъ суфлера, а напротивъ, боится, чтобъ тотъ его не сбилъ.

Миж приходилось встръчать модей, отнибного понавшихъ въ суфлеры; они были прекрасные товарищи, отличные отцы семействъ и тому подобное, по если ихъ приглашали служить, то большею частью при другомъ хорошемъ суфлер'в и держили для грозы актеровъ, заставляя ихъ учить роди. И такихт, дъятелей ири театръ, то-есть не отвъчающихъ скоимъ обизанностямъ, очень много, и слова Ивана Пернышева"): «Нигдъ, ни въ какомъ богоугодномъ заведенін пътъ столько дармо бловъ, какъ при театръ», -совершенно справедлявы. Мив могутъ сказать, что не однихъ изохихъ суфлеровъ, по и плохихъ актеровъ довольно много, я съ этимъ спорить не буду, такъ какъ п актеры не спорятъ, что въ настоящее время весьма много плохихъ критиковъ; по плохой актеръ прежде всего врагъ самому себъ; прошлаго не пибетъ и не помышляетъ о будущемъ, и плохой актеръ инкогда такъ не мъщаетъ двлу, какъ плохой суфлеръ. Плохого актера всегда можно замівнить лучшимъ, а хорошіе суфлеры, къ сожалбнію, всв на перечетъ н профессія ихъ не такъ заманчива, какъ профессія даже плохого актера.

2) Зниме изыка. Въ благоустроенномъ театръ обыкновенно заботятся в приглашенін хоронихъ суфлеровъ, по провинція должна локольствоваться суфлерами со всевозможными педостатиами. Одинъ изъ прупилания в педостатковъ- это илохое знаше русскаго языка. При ежедневныхъ спектакляхъ въ провинцін, когда актеру пътъ возможности твердо вы учить роль, случается иногда, что суфлеръ изъ мидороссовъ или изъ поляковъ подаеть съ такимъ пеправильнымъ удареніемъ, что актеръ, повторивъ, совершенно теряется. Я служныть съ одинит суфлеромъ изъ поликовъ въ Р. и Д., который, къ счастію, промівняль профессію суфвера на режиссера; онъ, подавал въ Ревизоръ «Держиморда пьянъ», говорилъ: «Держиморда панъ». Были случан очень неприличныхъ ударепіті, минясцихъ смыслъ слова. Помню еще одного суфлера малоросса, который, увлекаясь тъмъ, что делается на сценъ, подавалъ на своемъ родномъ нарфчін, по-малороссійски. Такъ былъ апизодъ въ свадьбъ Кречинскаго, во второмъ дъяствін суфлеръ подастъ бречинскому: «по далать? по далать?» и туть же Расилю-

еву: «Пэрвое — не дврысь!»
Конечно не линнее знать суфлеру и пностранные языки (тенерь есть много такихъ суфлеровъ). Былъ случай съ суфлеромъ въ городъ Т., который перестарался въ знаніи французскаго языка, и свое родное то да се, перевелъ mot d'assex, такъ подалъ, и актеръ сказалъ.

3) Память. Хорошан намять большое подспорье для суфлера и во мпогомъ облегчаеть его трудную задачу. Провинціальнымъ режиссерамъ суфлеры не мало помогали при раздачъ ролей въ пьесахъ прежияго репертуара. Такъ папримъръ, одинъ суфлеръ, прослужввий на сценъ лътъ 30, ясно поминтъ къмъ исполиялись роли при постановкъ Горя отъ ума, Гамлета и другихъ классическихъ пьесъ въ одномъ изъ благоустроенныхъ театровъ. Большею частью суфлеры обладаютъ сисціальною намитью на мъста артистовъ (mise ен ясене), на костюмировку и грямировку.

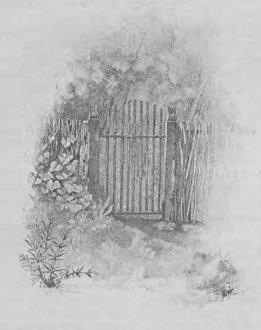
Суфлеръ долженъ поминть оговорки и перифразы артистовъ и при повторени пьесы долженъ подать это мъсто особенно сильно и отчетливо, чтобы не дать артисту спова также опибиться. Въ пьесахъ, гдъ есть пародныя сцены, или гдъ занято много дъйствующихъ лицъ, особенно исобходима хорошая намять суфлера, такъ какъ опъ долженъ поминть, кто кого играетъ—особенно въ провинціи, при одной репетиціи; а бывали случав, что суфлеръ съ плохой намитью симъ сбиваль второстепенныхъ артистовъ, обращаясь не по адресу.

Если одну и ту же роль играють въ очередь два актера и делають купюры каждый по своему, то суфлеру очень помогаеть намять, чтобы не спутать оба купюра, хотя ва поляхь пьесы и делаетси пометка. Однив изъ замечательных современных суфлеровъ А. И. К. вполив полагается на свою намять и делаеть пометки на поляхъ только на случай своей бользии, для другого суфлера, а самъ онъ и бозъ пометки поминть, что пропускаеть каждый изъ чередующихся артистовъ.

Память и находчивость пужны суфлеру еще и въ слъдующихъ случаяхь: актерь оговорплся и назваль дъйствующее лицо вмъсто наприм. Николяя Осиновича, Петромъ Осиновичемъ; ошибка, консчно, незначительная, ис вся публика слъдить по эфинть. Но если дальше выходить на сцену артистка, изображающая дочь Инколая Осиновича, то суфлерь подастъ артисту не «здравствуйте Марья Инколаевна», а «Марья Петровна». Этимъ онъ покроетъ оговорку артиста и не заставитъ публику обратиться за справками къ афинть.

Также быль случай, когда суфлерь сумъль выручить актера, вышедшаго безъ кинкала въ той сцепв, гдв онъ долженъ заколоться. Суфлеръ незамътно и во время сказаль сму «забыли квижаль». Актеръ усивль сообразить и нашель удобное время подойти къ окцу, гдв режиссеръ уже приготовилъ ему кинжаль. Такимъ образомъ суфлеръ спасъ сцену и оказалъ всюмъ огромную услугу, благодаря тому, что самъ хорошо поминлъ нею ньесу.

^{*)} Уголи театральнаго міра.

Объединенная Германія на поприщѣ художественнаго творчества.

1.

Величайшій фактъ западно-европейской исторін нашего въка, несомнънпо, фравко-прусская борьба п ея результатъ — возникновение новой германской имперіи. Последствія этого фактакультурныя и вравственныя — пепсчислимы и врядъ ли нашему времени по силамъ од впить ихъ по достоинству. Зато это будетъ любопытпейтей задачей будущихъ псторпковъ. Намъ приходится только отмечать отдельныя черты, отрывочные мотивы, вызванные къ жизни міовымъ событіемъ. И несомнѣнпо, легче всего определить эти мотивы въ области литературы и искусства. Кром' того именно зд'ясь обнаружились въ высшей степени оригипальные и, если угодно, даже неожиданные и трудно объяснимые результаты великой распри двухъ великихъ культуривйшихъ націй пашей части свікта.

Франція вилоть до Седанской катастрофы имѣла всѣ основанія считать себя самой воинственной и побѣдоносной державой въ мірѣ. Ел лѣтописи сообщали ей пе только объ отдѣльвыхъ блестящихъ побѣдахъ, — разсказыкали о цѣлыхъ эпохахъ, переполненныхъ славой французскаго оружія. Никто не могъ ожидать, вздали, по крайней мѣрѣ, чтобы эти классическіе герои повой исторіп были наконецъ не только побѣждены, но даже унпжены политически и нравственно. Ударъ былъ жестокъ

пменпо потому, что во Франціи нпито и пе номышляль о немь.

Давно ли ея "великій король" Людовикъ XIV, а потомъ первый Цезарь, Наполеовъ, безнаказаппо грабили нъмецкія земли и въ полное удовольствіе издъвались надъ самой націей п ея вождими? Если современнымъ французамъ не даеть спать утрата Эльзаса и Лотарингіи, то до этой утраты каждый нёмець въ теченіе чуть не двухъ въковъ долженъ былъ краснъть при одномъ имени этихъ провинцій. Онъ исконно германскія земли, а городъ Страсбургъ кроит того гордый, независимый, никому не присягавшій въ подданничествь, -- были захвачены, порабощены даже безъ войны, безъ благородпой равноправной борьбы за свободу п паціональность. Одна изъ лучшяхъ частей будущей германской имперіи была просто похищена во время мира, — и среди многомилліонной паціи пе пашлось ни судьи, ни мстителя за эготъ безпримърпый въ новой исторіп поступокъ франпузскаго короля.

Но судъ исторін, наконецъ, совершился и

сулъ безпощадный, стреиптельный...

Что должны были испытывать французы, когда у пихъ дома, въ нхъ столяцъ предписывали имъ статьи мирнаго договора м статьи одна другой оскорбительнъе для паціональнаго самолюбія, взлелъявна го въками военныхъ успъховъ п культурнаго ве рховенства надъ Европой?

Были разбяты самыя прочныя и привычныя иллюзін,—и изумленный, подавленный народъ долгое время една могъ придти въ себя.

Въ той саной странѣ, гдѣ пи одинъ мельчайшій фактъ пе ускользалъ отъ вниманія художественной литературы, страшный разгромъ замалчивается одинаково и первостепенными и самыми легкомыслевными представителями литературы. Едипственный разъ, въ эпоху семидесятыхъ годовъ, театръ не дерзаетъ касатъся чувствъ и думъ, горѣвшихъ на душѣ у каждаго француза. Очевидно, передъ нами жесточайшая рана, о которой дажо безчеловѣчио упоминать, горе, въ которомъ пе утѣшаютъ, па которое существуетъ единственвый отвѣтъ — безмолвное сочувствіе...

Такъ и поступаетъ французская литература. Она говоритъ о чемъ угодно, чаще всего объ отдаленвомъ прошломъ родвой псторіи, — но боязливо проходитъ мимо самаго жгучаго вопроса современности.

Эготъ фактъ снидътельствовалъ не только объ угнетенномъ настроевін духа французской націи и ея лвтературы. Овъ указывалъ на по-явленіе элементовъ, раньше невѣдомыхъ этой средѣ—скромной серьезной вдумчивости въ современное положеніе вещей, болѣе здравыхъ взглядовъ на свои силы п евронейское значеніе в, что еще важиће, — ноявленіе способности отдавать справедливость культурному развитію другихъ народовъ, и стремленіе внимательно ознакомиться съ этимъ развитіемъ н, есле возможно, вывести отсюда полезные для себя уроки.

На францувовъ, следовательно, катастрофа подействовала отрезвляющить образомъ и много принесла пользы ихъ народной мудрости и паціональному самосознанію. Фактъ этотъ единогласно признають сами французы.

Что же должно было произойти у побъдителей?

Здёсь возникла могущественная ниперія, сюда посылались милліарды золота, всёхъ обуяла восторженная увёренность— нъ великомъ призваніи германскаго племени— создать исторію будущаго и вёмецкими именами отмётить XIX в'єкъ, все равно какъ XVIII-й отмёченъ геніемъ французовъ.

Что же для этого требовалось?

Мен'ве всего, конечно, поб'яды завоеванія. Он'я были безусловно уб'ядительвы ва родин'я, но для всей остальвой Европы, усп'явшей за полстол'ятіе пережить множество междоусобныхъ и междупародныхъ браней, торжество н'ямецкаго оружія являлось только лишней кровавой чертой въ европейскихъ л'ятописяхъ. Давно мянули времена, когда военные подвигн могли в'янчать всемірными лаврами нождей и ц'ялые народы. Теперь отъ вновь создавнаго государства ждали другого вклада въ нсторическій ка-

питалъ Европы, ждали, какъ проявитъ ебя питмецкій геній па поприщт мысли и творчества послт того, какъ опъ съ такимъ блескомъ подвизался на полт брани?

Этв ожиданія были особенно напряженными, нетерпѣливыми въ самой Германів. Пѣмецкій писатель, переживавшій эпоху семвдесятых ь годовъ молодымъ человѣкомъ, припоминаетъ, сколько жаркихъ чувствъ и выспренвихъ надеждъ волновало молодежь при одной мысли о ближайшемъ будущемъ.

Намецкіе студенты невольно припоминали самыя шумным времена родной общественной исторін, прежде всего, конечно, эпоху возрожденія и реформаціи. У нихъ стояли предъ глазами слона Гутена: "Умы пробу ждаются, — какое васлажденіе— жпть!" Имъ такъ же, какъ и великому гуманисту, грезился необозримый путь умственной дѣятельности, творческихъ завоеваній въ области идей п художественныхъ образовъ. "Этн слова Гутена", говоритъ намъ авторъ, "безпрестанно звучали среди насъ въ перные годы, следовавий за войной, они выражали не только наши желанія, — они являлись самой правдоподобной надеждей".

Прошлое измецкой націи мало оправдывало подобные разсчеты на псключительно блестящсе будущее. Тотъ же писатель призпаетъ, что надежды особенно разгорались въ виду иногочисленныхъ прискорбиыхъ преданій германской исторіи. "Именпо потому, что для насъ, изменъ, въ нашемъ націовальномъ и политическомъ развитін до сихъ поръ все шло кривымъ путемъ, теперь, когда паше отечество въ первый разъ явилось политически-объединеннымъ народомъ, державой, управляющей міромъ (Weltgehietende Macht), судьей Европы, теперь—всякан задача, какую бы время ни предъявнло матерьяльнымъ в идеальнымъ спламъ нашего парода, казалась легкой".

И особенно легкими должны были казаться задачи, предстоявшія ндеальнымъ силамъ. Н'ямцы, припомяная множество политическихъ униженій п б'ядствій своей родины, не могли также не вспомнить, что вс'я эти певзгоды не м'яшали п'ямецкому творческому генію создавать величайшія провзведенія поэзін. Когда нація была б'ядна, политически разрозпенна, во вн'яшней политик'я не играла—вся вм'яст'я—пнкакой роли, она вид'яла Гете, Пиллера, Лессинга. Что же она должна произвести теперь, когдо ся воля гигот'я падъ ц'ялымъ міромъ и на нее льется золотой дождь французской коптрпбуція?

Эго былъ совершенно естественный вопросъ, и немудрено, измецкие датриоты замирали отъ тренета сладостныхъ ожидавий.

Поб'яды вадъ французими носвин прямо легендарный характеръ, военныя неудачи насл'ёдниковъ наполеоновской "великой армін" казались чёмъ-то провиденціознымъ, — и чему же больше, какъ не этимъ побёдамъ, вызвать къ жизни народное творчество, лирическое вдохиовеніе?

Слѣдовательно, еще во время войны Германів предстояло явить богатство духовныхъ силъ, повторить въ самой блестящей формъ созвѣздіе поэтовъ-патріотовъ Кернера Аридта, Шенпендорфа.

II что же оказалось на самонъ дълъ?

Свыдыня намъ даетъ современникъ войны, профессоръ Боннскаго университета Бертольдъ Литцианъ. Это—человыкъ несомныния безпристрастія, горячей отзывчивости на явленія родной литературы, близко знакомый съ ея дыятелями и съ ихъ произведеніями. Онъ — патріотъ, но его чувство отнодь не слыпов національное самообожапіе. Онъ некропно преданъ германской славы, но онъ видитъ также и тыни на ея блестящемъ орголь.

И эти тъни — въмецкая литература эпохи объединенія.

Оказалось, въ 1870 году во всей Германів пе нашлось поэта, способнаго передать народнее воодушевленіе, бившее черезь край по случаю нобъдъ надъ историческимъ врагомъ. Всъ были въ восторгъ отъ успъховъ нъмецкаго оружія, отъ перспектипы видъть націю единой и сильной,—но муза молчала.

Когда вздумали издать собраніе патріотических пѣсевт, — книгу принуждены были начать стихотвореніемт, давно умершаго поэта, Аридта, пѣвца сороковыхъ годовъ. Его стихи, правда, отлично выражали общее настроеніе гермапской націи въ 1870 году, — но истичнымъ натріотамъ было пе по себт — обращаться за этимъ выраженіемъ къ прошлому; ниъ хотѣлось бы къгимнамъ старыхъ пѣвцовъ прибавить новые перлы патріотическаго вдохновенія.

Взамъвъ этого оказывалось, — даже старые испытанные поэты не находили на своихъ лирасъ пскреннихъ звукопъ въ честь совершающихся событій. Раньше, напримъръ, Фрейлихрату и Гейбелю удавалось говорить глубоко. сердечнымъ, захватывающемъ языкомъ патріотического вдохновенія. Въ трудные дня родины опи, говоритъ нашъ авторъ, проязилсили слова, двигавшія сердцами цілаго народа. А теперь, вижсто вдохновенныхъ пъсенъ, отъ пихъ слышали напыщенное риторическое празднословіе, и инкто въ ихъ повыхъ произведеніяхъ не узнаваль былыхъ любимпевъ вадіи. Въ доказательство авторъ приводитъ патріотическія стиховзліявія обоитъ поэтовъ; же форма этихъ стихотвореній не обличаетъ опытной руки, до такой степени они растинуты, искусственны, томительн) - прозаичны и фальшивы по содержанію.

Особенно любопытно безсиліе Гейбеля.

Онъ въ юноста мечталъ о древней германской имперів, объ ся минувшей славъ, непрестанно тосковалъ о блескъ и могуществъ старыхъ цезарей. Въ 1845 году онъ маписалъ превосходное стихотвореніе на тему этой тоски... Теперь мечта молодости осуществлялась. Чего бы, казалось, естественнъе привътствовать это осуществленіе всъми силами поэтическаго вдохновенія и удовлетворенваго патріотическаго чувства?

И Гейбель попытался слёлать это, написавъ пёсню Къ Германии, но пёспя оказалась жалкимъ напряжениемъ немощныхъ мышцъ поэта. Литцианъ находить даже риомы безусловно "трявильчыми", о содержани отказывается п говорить: до такой степени оно мелко и такъ мало соотвётствуетъ предмету.

Другіе поэты предпочигали лучше молчать, чёмъ безплодно напрягать свои силы. Молчалъ, между прочимъ, и Теодоръ Шгормъ, одинъ изъ блестящихъ пёвцовъ тёхъ же сороковыхъ годовъ. Основаніе имперій, повидяюму, пе про-изводило на него пи малёйшаго впечатлёнія.

Литцианъ называетъ только одного рисателя, върно в вскрепне, по его мивнію, отозвавшаться на эпопею германскву побідь. Но и этотъ писатель быль не поэтъ, а политикъ и историкъ,—Геприхъ Трейчке, извъстный и русской публикъ, какъ пензмънный Гомеръ новыхъ пъменкихъ порядковъ и въ особенности основателей единой Германіи.

Въ эпоху основанія опъ написаль Півсию о чернома опли. Авторъ ваходить, что поэтъ удачно выразиль въ этой пъснъ міровой смыслъ событія. Въ приводимыхъ имъ стихахъ мы не видимъ пи единаго намека именно на смыслъ событія. Эго - просто воевная пъсня, прекрасный текстъ къ военвому маршу, къ звукамъ барабана, быющаго походь. Таково буквальное содержавіе пісни Трейчке. Поэть приглашаеть нъмецкихъ войновъ всякаго рода оружія - "совершить послёднее кровавое путешествіе" - къ страсбургскому собору. Приглашение дъйствительно выражено въ очень энергическихъ восклицаніяхъ, по это слишкомъ спеціальное вдохновеніе, чтобы его можпо было пріурочивать къ историческому смыслу тыть вля другить событів.

И такого рода продукть Литиманъ привужденъ считать лучшимъ дътищемъ нъмецкой музы въ періодъ семидесятыхъ годовъ!

Но в Трейчке все таки не утішаеть автора. Онь и послі Писни о черномо орли съ тоской говорить о сліноті, глухоть, бездарности своихь соотечественниковь, рішавшихся воспівать славу германскаго оружія. Гинны ихь оказались такого свойства, что, по словань Литциана, патріотическая поззія быстро создала чувство отвращенія даже въ тіхъ сферахь вімецкаго общества, гді патріотизмъ глу-

боко и горячо воспламеняль сердца гражданъ. Вдохновенные натріоты не долго дискредитпровали самый родъ тнорчества и отбили у наиболье добросовъстныхъ своихъ собратовъ — всякую охоту соперипчать съ ними.

Но помимо лирвки оставались еще общирпъйшія области литературнаго творчества —

романъ, драма.

Пусть германская муза пе сумфла какъ слъдустъ отпраздновать объединение, — это не мъшало ей вглядъться на досугъ въ благодътельные результаты этого события и принести свою ленту на алтарь отечественной славы.

Тъмъ болте, что слава эта, особенно въ первое время послъ основанія имперів, была дѣйствительно громадпа и для нъмецкаго народа безпримърна. Политическая роль Германія росла и расширялась съ каждымъ годомъ. Стараго императора окружало въ иъкоторомъ родѣ эническое везичіе, а его ближайшій совѣтникъ и въ дъйствительности оставался вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ побъдоноснымъ представителемъ новаго германскаго могущества.

Германія переживала въ полюмъ смыслѣ эпоху героевъ. Любопытныйъ, поэтому, становилось слѣдить за новообразованіями въ вѣмецкомъ обществу, возникавшими подъ вліяніемъ повыхъ порядковъ. Новообразованій, песомивню, должно было явиться много и крайне оригинальныхъ. Должно было вырости молодое покольніе съ повыми идеалами изадачами, первые отпрыски и питомцы новой имперів. Для романиста и драматурга здѣсь предстояло исобозримое поприще для наблюдевій в неизсякаемый источникъ для творческой фантазіи. Во всемъ мірѣ не было столь благодарной сцены для литературныхъ подвиговъ.

Но такъ могло казаться только издали, а не самимъ запитересованнымъ паблюдателямъ, не современнымъ измецкимъ романистамъ.

H.

Въ семидесятые годы на верху беллетриствческой славы стояли Фрейтагъ и Ппильгагенъ. Оба зарекомендовали себя несомивню талантлиными и въ общественномъ отношеніи отзывчивыми писателями. Глаза всей читяющей Германіи невольно были обращены па пихъ. На ромавистахъ лежала нравственная обязанаость показать публикъ въ художественныхъ образахъ новыя теченія, вызванныя къ жизни въ нъмецкомъ обществъ величайшимъ нолитическимъ событісяъ.

Такъ думаля всё, — и совершенно неожиданно увидёли, что нёмецкіе романисты начинають интать совершенно тё же стремленія, какія въ первое время послё погрома господствовали но ту сторону Рейна. Тамъ въ паукѣ, обратились къ пзучевію историческаго прошлаго, въ искусствъ дъятельно стали подновлять воспомпнанія о произведевіяхъ старивныхъ писателей, сцена, напримъръ, сразу переполвилась классическими комедіями и трагедіями XVII въка. Со стороны Франціп это было попятно. Люди всегда ищутъ отдыха отъ непригляднаго настоящаго въ лучшемъ прошломъ. Но въ Гермавіи дъйствительность являлась такой блестящей и розовой, что, казалось бы, у нисателя не могло быть ни малъйшей потребности — направить свои взоры въ глубь въковъ, минуя текущія событія.

И особенно, повидимому, такое заключевіе слідовало вывести по отношевію къ Фрейтагу.

Романисть быль очевидцень важивновых фактовъ франко-прусской войны, лично принималь участіе въ походів, жиль яри главной квартир'я кронпринца, и все видінное произвело глубокое впечатление па фаптазио Фрейтага. Но, во какой - то стравной ассоціаців, нясателя заинтересовала преимущественно не дъйстпительпость, а вызванныя ею историческія восноминанія. Поб'тдопосная германская армія короля Вильгельма напомвила ему древнизъ германцевъ, когда-то вторгавшихся въ рямскую Галлію, вызвала въ его воображеній полчища фравковъ и аллемановъ, и писатель съ всликимъ усердіемъ передумывалъ и обсуждаль различныя происпествія вімецкой исторіп. приведшія, наконецъ, къ учрежденію вмперін подъ гланенствомъ прусскаго монарха. Фрейтагъ усиленно искалъ въ прошломъ параллелси для современных событий и въ результать этихъ понсковъ явился рядъ ромаповъ: они воскрешали исторію, отражале только что пережитую зноху въ иллюстраціяхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ, но по существу оставались чуждыми современвымъ жгучимъ иптересамъ.

Фрейтагъ превосходно расовалъ предковъ, по до такой степени углубился въ жизнь давно отжившихъ поколъній, что, казалось, утратилъ всякую способность говорить языкомъ своихъ современняковъ и дълить ихъ чувства и стремлевія. Публика видъла историка, одареннаго художественнымъ иллюстраторскимъ талантомъ, по ве видъла поята, чутко воспринямающаго муки и радости своихъ соотечественниковъ.

Такая двятельность одного изъ вемпогихъ безусловно даровитыхъ писателей была горькимъ разочарованіемъ для измецкой публики, настроенной на выспрепній ладъ военными и политическими удачами объединеннаго отечества.

Оставался еще Шпильгагень.— и на этоть разъ надежды были еще живье, казались еще болые основательными. Выдь это тоть самый романисть, который усныль всю Европу увлечь романтическими образами такъ называемыхъ геніальныхъ, вагадочныхъ натуръ. Это онъ

пзобразвять въ такихъ спльпыхъ краскахъ обществениное движение Германіи ваканунѣ мартовской революціи. Несомнѣнио, опъ долженъ найти также подходящій товъ п для изображенія современныхъ событій. Что же выходитъ на самомъ дѣлѣ?

Шпильгагенъ не знаетъ иного средства изобразить громадный подъемъ германского самосознанія паканупъ великой борьбы, какъ-перенести свовуъ читателей въ душную мѣщанскую атиосферу второстепевнаго нѣмецкаго двора и раскрыть съть ивтригъ, обуревающихъ этотъ ни для кого пепнтересный муравейшикъ... Неужели у поэта не хватило такта и проницательности нпаче освътить приближающуюся бурю историческаго переворота и неужели среди многомилліоннаго народа, охваченнаго мечтами о небываломъ паціональномъ возрожденів, -- насущвымъ вопросомъ являлись инзервыя фавтазіи политико въ-лиллинутовъ, не отдававшихъ себъ даже отчега въ спыслъ паступающаго помента?...

Но творчество Шпильгагева не ограничилось этими росказиями. Послё войны появился его ромавъ Sturmflut. Публика ждала его съ напряженнымъ петерпёвіемъ. Поэтъ готовился изобразить иравственную смуту, охватившую пёмецкое общество, въ самый разгаръ торжества, заклеймить оргію, вызванную золотымъ тельцомъ и дикой поговей за матеріальными благами послё того, какъ отечество стало «міромъ повелѣвающей державой».

У Шинльгагена былъ богатъйшій натеріалъ всевозможныхъ фивансовыхъ и правственныхъ катастрофъ, обшприая сцепа быстро выросшей столяцы, множество вовыхъ твповъ дъльцовъ и изъ жертвъ, возвикшихъ на почвъ авантюризма и бъщеной горячки предпривимательства.

Ромацистъ отпесся ко всему этому не какъ художвикъ-наблюдатель, даже не какъ моралистъ просвъщеввый и терпимый, а какъ представитель старой либеральной партін сороковыхъ годовъ, септиментальный, въ свое время, можетъ быть п передовой и свъдущій, — по для новаго порядка вещей — и отсталый и близорукій. Ничто не мъшало Шпильгатену изрекать приговоры падъ современной дъйствительностью съ какой угодио точки зрънія, — но партійныя симпатіи отнюдь не должны были вліять на шпроту и основательность его авторскихъ наблюденій, его твориескаго отвошенін къ новымъ людямъ и ивтересамъ

Шпильгагенъ, ковечно, несраввенно спинатичнъе и благороднъе всякаго рода юнкеровъ и патріотовъ своего отечества, въ сущности истыхъ варваровъ новой формаціи. Но Шинльгагенъ — ромапвстъ, исторпкъ общественной жизни, — и превращать романъ въ орудіе своего пессимистическаго настроенія просто потому,

что Гермавія семидесятых годовъ не похожа на Германію мартонскихъ дней, — зпачило добровольно извращать свое авторское призваніе. Вповь возникшая имперія принесла съ собой немало также новыхъ привственныхъ, общественныхъ и політическихъ ведуговъ, — п эти недуги были ясны всякому чествому взгляду. Но рядомъ съ педугомъ нельзя было отрицать новыхъ источниковъ культурпой жизни, которые всёми силами старались вызвать основателя имперіи. Ничего этого не хотелъ видёть могокавъ сороковыхъ годовъ и предъ лицомъ настоящаго оставался въ неизмённо-мефистофелевской позе.

Этимъ фактомъ вполни объяспяется сдержанное отношение нимецкой публики къ своему ромаписту, — и не только публики, пропикпутой культомъ «желизнаго канцлера» и его сисціальныхъ пріемовъ и попитій въ области международпаго права, а вообще всихъ, кому дорого было столь быстрое, по истини эпическое возвышение Германія.

Слѣдовательно, — спросите вы, — вѣмецкая единая ямперія осталась пе только не воспѣтой у отечественныхъ поэтовъ, — но даже не признавной п неоцѣненной у самыхъ знаменитыхъ современныхъ писателей?

Нашъ авторъ даетъ отвътъ угвердительный. Онъ ваходитъ возможнымъ указать только на одно угвшительное явленіе, да и то не принадлежить собственно объедниений Германіи Истинвымъ пъвцомъ и тмецъ, Коврадъ Фердинандъ Мейеръ.

На него семидесятый годъ произвелъ потрысающее внечатлине. Война съ французами зажгла въ груди поэта старинный огонь пламенваго чувства, успъхи вънецкаго оружія вызвали у поэта невольвый крикъ торжества п онъ пріурочиль свой праздничный гимнь къ памяти все того же великаго дентеля германскаго возрожденія и реформаціи, Ульриха Гуттена. Этоть пламенный соратникъ Лютера шелъ въ своихъ стремленіяхъ гораздо дальше осасвателя церковной реформаців, мечтаять о пезависимой единой Гермапін, просв'єщенной и могущественвой. Повая имперія осуществляла эти мечты, — на пвой взглядь, можеть быть, ве во всемъ культурномъ блескъ, - но швейцарскому поэту казалось, что идеалъ геніальнаго рыцаря-гуманиста сталь дъйствительностью, — и онъ паписаль блестящую поэму — Послыдніе дни Гуттена.

Выходило ивчто въ высшей степени странное. Шториъ до франко-прусской войны въ сильнъйшей степени тнготълъ къ Франціи, — возпикающая единая Германія непреодолимо захватила его мысль п чувство, и онъ, по его словамъ, сбросплъ съ себя все французское и отдался пъмецкимъ инстинктамъ. А въ это же время настоящіе германскіе нёмцы толпою пошли въ рабство къ французской литератур'в и пскусству. Будто французская культура оказалась песравненно выше и жизненнёе, чёмъ нёмецкая. Во второй половинё XIX вёка съ пёмцами долженъ былъ повториться давно изв'єстими историческій фактъ: духовная и правствепная поб'ёда бол'ве цивилизованиой, хотя матерьяльно и мен'ве сильной націи надъ бол'ве здоровымъ, воинственнымъ, но варварскийъ племенемъ. Фравцузы относительно свояхъ поб'ёдителей разыграли роль древнихъ грековъ относительно римляпъ и римляпъ эпохи упадка относвтельно германскихъ народовъ въ средије в'ёка.

Нъисцкая литература, въ лиць большинства своихъ представителей, съ начала семидесятыхъ годовъ до последпяго времени остается точнымъ отражениет французскихъ художестненных вкусовъ и направленій. Этотъфактъ прежде всего сказался въ романъ. Литиманъ упускаетъ сго. не желая, очевпдпо, говорить о dii minores nocat toro, kart a dii majores by pog's Фрейтага и Шпильгагена оказались столь несостоятельными. Онъ прямо переходить къ повой въмецкой драмъ, - во мы скажемъ въсколько словъ объ общемъ характери современнаго пимецкаго романа. Въ последнее время русская публика по журнальнымъ переводамъ нознакомилась съ пекоторыми продуктами вемецкаго генія въ этой области. Въ Вистинки Европы недавно, наприміръ, былъ напечатанъ романъ одного изъ самыхъ видныхъ берлинскихъ литераторовъ — Товото — Im Liebesrausch. (Въ чаду мобей). Это въ нъкоторыхъ отношенияъ типичное произведение новъйшей ромапической музы ивидевъ. Именно романъ Товота уполномочиваеть пасъ вспомнить накоторыя общія данныя изъ пзвъстной книги Макса Вордау -Entartung.

III.

Нашимъ читателямъ извъстно, что то много нашумъвшее произведение бойкаго публициста мы отнюдь пе счптаемъ ни критическимъ, ни серьсзяымъ историко-литературнымъ трактатомъ. Максомъ Пордау, при всъхъ его достопиствахъ, гораздо чаще руководитъ жажда шума во что бы то ни стало, чтить стремление къ истипъ. Съ этой точки зрънія Нордау достигь великихъ результатовъ, но именио посладинить своимъ произведениемъ жестокодискредитировалъ себя. Онъ переполпилъ громадную книгу пикантной софистикой, построенной будто бы на научныхъ основахъ, и съ этимъ оружіомъ въ рукахъ папалъ на первостепенные таланты современной енропейской литературы. Зралище вышло забавное и во многихъ случаяхъ прямо жалкос — въ особенности

когда авторъ съ трактатами Ломброзо въ рукахъ стремится гр. Толстого, Зола, Ибсена превратить въ кліентовъ психіатрической клиники. Все это песомивлный результать пли скандаломанін, плп, въ лучшемъ случав, ломброзоманіп, столь же мало почтенной в питересной бользан.

Но тамъ, гдѣ суду Нордау подлежали не сами, по его мпѣвію, родоначальнями вырожденія, а въъ послѣдователи и подражателя, — тамъ его заключенія вибютъ виолиѣ серьезный смыслъ.

Нордау написалъ цѣлую главу о повой нѣмецкой литературѣ, преимущественно о романѣ,—направленіе мыслей автора ясво уже навназванія главы: Die "jungdeutehen" Nachäffer, т.е. Младогерманскій обезьяны. Обезьянство это пе что иное, какърабское подражаніе господствующей французской школѣ— натурализму и новѣйшинъ дѣйствительно педужнымъ течепіямъ—декадавсу и символизму.

Оставимъ въ стороиъ крптическія сужденія Нордау, - возымемъ только факты, приводимые имъ съ буквальной точностью изъ произведеній современных берлинских роканистовъ. Мы говоримъ, - берлинскихъ, потому что послъ объединенія Берлинъ сталь не только политическимъ центромъ Германіп, но и столицей ея художественнаго генія. Резиденція прусскаго короля усилению стала коппровать Парижъ, начиная съ присвоенія титула--, міровой 10родъ" Weltstadt п копчая maisons dorées. Лптераторы шли во главъ этого новаго спорта. Народился особый типъ писателей, избравшихъ Берлинъ Меккой своего вдохновенія. Романъ обязательно долженъ быть переполненъ «мъстными красками», страпицы его должны пестрить названіями берлинскихъ улицъ и ресторановъ, читателя безпрестапно слъдуетъ угощать оппсаніями спеціально Германскихъ правовъ и особенно увеселеній такъ называемаго высококультурнаго и утонченнаго цпвилизованнаго общества.

Нордау приводить множество цптать изъ современных въмецких романовъ: передъ нами будто отрывки пзъ берлинскаго путеводителя: такая географическая основательность должна, очевидно, придать особенную викантность разсказу. По новъйшей въмецкой беллетристикъ отлично можно узпать, на разу не бывавъ въ Берлинъ, —гдъ п какого сорта существуютъ кафе и родственныя учрежденія, какъ проводитъ время золотая имперская молодежь, какіе вкусы у берлинскихъ кокотокъ разнаго полета.

Откуда такая ретивость къ берлипском у? — Прямымъ путемъ— язъ французскихъ фельетонныхъ и всякихъ другихъ произведеній. Тамъ только Парпжъ съ его укромными шумными углами и закоулками, аздѣсь сной Weltstadt, столь же богатый удовольствіями въ дух'ь fin de siècle'я.

Парижъ ископи былъ священнымъ городомъ для всякаго француза и вообще евронейца и даже американца, вожделъющаго о пріятномъ времянрепровожденіи. Берлинскіе романисты съ этой именно точки зръвія стремятся въ общественюмъ мивнів всего культурнаго міра подмінять французскую столицу столицей объединенной Германіи. На этомъ пунктъ сосредоточивается ихъ ваціональное самолюбіе, весь пылъ чувствъ, возбужденныхъ отечественной политической славой.

Предъ нами явленіе, вызвавное несомнѣнно событіями франко-прусской войны, — но врядъ ли кто изъ дѣйствительныхъ благородныхъ патріотовъ Германіи ожпдалъ такихъ послѣдствій послѣ страшнаго напряженія сплъ многочисленныхъ иѣмецкихъ народовъ.

Романисты пе ограничиваются превращеніемъ Верлипа въ Парижъ пастраницахъ своихъ произведеній. Они цізликомъ переносять эпизоды современной парижской жвзни на бер-

линскую почву.

Нордау приводить любопытый примъръ. Одинъ изъ популярнъйшихъ беллетристовъ иовой формація — Максъ Кретцеръ написалъроманъ Die Verkommenen, быстро стяжавшій широкую славу. Оказывается, — все содержаніе романа заключается въ пересказть эпизода вдовы Гра и рабочаго Годри — эпизода, имъвшаго мъсто въ Парижть въ 1877 году. Весь питересъ, слъдовательно, сосредоточивается на приключеніяхъ полусвъта далеко не перваго разбора, но зато романъ уснащенъ безчисленными описаніями разнаго рода берливскихъ достопримъчательностей, улицъ, площадей, ресторановъ.

Но это еще не представляло бы особсннаго иесчастія для німецкой литературы. Пусть романисты изъ расы поб'єдителей подражаютъ романвстамъ изъ расы поб'єжденныхъ, по пусть онп, по крайней м'єр'є, удерживаютъ свой родной языкъ, останутся в'ємцами, по крайней м'єр'є, во впітшей форм'є своихъ произведеній.

Тщетное желапіе! Торжеству французовъ суждено было осуществиться до предёловъ едва вёроятныхъ. Въ то время, когда ихъ писатели, за неимѣніемъ нервно и умственно-разстроенныхъ декадентовъ, пишутъ прекраснымъ, можно сказать артистическимъ французскимъ языкомъ, ихъ сосёди обваруживаютъ одинаковое невѣжество и въ чужомъ и въродномъ языкѣ.

Нордау пптируетъ следущія фразы изъромана Товотэ. Мы приводимъ только некоторыя вак этвур питатъ, неудовлетворительность ихъ въ смисле формы очевилна даже русскому читатели. «Im Restaurant eilten die Kellner mit... belegten Bröten hin und her». «Der Hund

schlug freudig mit dem Schwanze» n nbсколькими строками пиже: «Das Herz sclug ilim bei dem Gedanken». Товото стремится въ описавіяхъ в психологическихъ картивахъ подражать французскимъ натуралистамъ и въ результать на каждомъ шагу пользуется такиин, наприм'връ оборотами: Sic litt grausame Qualen. Въ несравненно болье комическое положение попадаютъ эти авторы, когда имъ приходится описывать ниршества золотой молодежи. Здёсь фантазія изъразыгрывается па просторь, такъ какъ ея не стъсвяетъличиый опыть писателя. Самое большое онъ по наслышкъ живописуетъ меню хитрыхъ яствъ и винъ, и Нордау приводитъ забавные примъры такого сорта объдовъ и завтраковъ, какихъ не изобратала даже необузданная фаптазія декадентовъ, способныхъ, какъ извъстно, наслаждаться «вкусовыми концертами».

Французскій языкь въ таконь же критическонь положеніи. Нѣмецкому ромаписту пичего не стоить написать cabinets séparés виѣсто
cabinets particuliers, états d'âmes перевести
Seelenstände, очевидно не зная, что франпузское état значить и Stand (сословіе) и Zustand (состояніе) и даже Staat (государство).
Пордау поэтому сожальеть, что авторь états
d'âme не перевель выраженісмъ Seelenstaaten.

Типы этихъ романопъ чаще всего списавы съ фравцузскихъ образцовъ, въ результатъ интриги и отдъльные эпизоды—точное воспроизведене того же французскаго творчества На первомъ планъ стоятъ, конечно, виверы вкокотки. Между инми не можстъ происходитъ иныхъ псторій, чъмъ разсказавных у парижскихъ фельетонистовъ и бытописателей. Главнъйшій couleur locale заключается въ тощихъ и совершенно безилодныхъ разговорахъ но поводу соціализма, явленія, какъ пзвъстно, особенно жгучаго во внутревней политикъ объединенной Германіи.

Таковы результаты пов'й тей в в жецкой беллетристики.

Но существуеть еще драма.— что же создала виперская эпоха въ этой въ извъстномъ отношевіи еще болье любопытной области?

IV.

Въ воябрѣ 1859 года по поводу шиллеровской годовщины была учреждена въ Пруссів шиллеровская премія. Она въ размърѣ 1000 талеровъ должпа была выдаваться каждые три года за лучшее драматическое произведеніе пъмецкаго автора. Исторія этой премін въ высшей степени краспорѣчивое свидѣтельство о развитіи драматическаго гевія повыхъ германцевъ.

Прежде всего замъчательно, что въ послъдній разъ преміи была присуждена въ 1869 году, а потомъ прошло девять мьтг и премія не находила достойнаго. Эти девять лътъ падаютъ, слъдовательно, какъ разъ на эпоху основанія и медоваго расцвъта имперіп.

Авторы даже не обнаруживаль ни малъйшаго желанія — домогаться премін. Комиссія, обязанная присуждать премію, по собственной впиціатив'в усердно разыскивала — въ печатшахъ пзданіяхъ, въ театральныхъ ренертуарахъ драмы в комедін, которыя бы можно было ув'ычать. Въ теченіе шести л'ятъ поиски оказывались тистиыми, и когда, вакопецъ, на девятый годъ премія была присуждена, — это присужденіе, по словамъ Литциана, равнялось полному банкротству.

Прежде всего паградпян не одного драматурга, а трехъ, и притомъ не за опредъленныя произведенія а вообще за ихъ «заслуги предъ драматическимъ искусствомъ». На этомъ исторія не кончилась. Среди судей комиссіи былъ директоръ придворной сцены и этотъ самый судья и директоръ не принялъ на сцену пьесу того самого автора, которому присудяли премію какой же смыслъ, послъ этого, имъло присуждевіе?

Помимо шиллеровской премін къ услугамъ драматурговъ было нъсколько другихъ. Въ августъ 1877 года въ Мюлкенъ объявили награду въ 2400 марокъ за трагедію, драму или высокую комедію, написанную па національную тему. Было представлено 436 драматическихъ произведеній, но результать оказался крайпе плачевный. Выбрали одну трагедію и увънчали, - по она оказалась совершение неудобной для представлевія па сцепъ. Другую пьесу поставили, но посл'в перваго же спектакля она была признапа незаслуживающей премін. Очевидво, сама премія вм'єсто того, чтобы посщрить драматические таланты, скорее обезкураживала вхъ и отбинала у писателей охоту стремиться къ паградъ.

Въ слъдующемъ году въ томъ же Мюнхевъ объявили другой конкурсъ, — в ва этотъ разъ было представлено уже только 97 произведсвій в менте всего трагедій, въ то время тогда на первомъ копкурст трагедін преобладали. И копкурсъ 78-го года остался также безрезультатнымъ. Судьи могли убъдиться, что нъ мецкое драматическое творчество попижается ис только количественно, во, что еще печальнъе, - в качественво. Выстіе жавры драны исчезають, сценой стремится овладыть легкая комедія, висколько ве запитересованная ви въ литературныхъ, им въ общественныхъ мотивахъ. Можно было бы даже придти на основанін этого къ самому безпадежному выводу: у намецкаго народа пътъ больше вкуса къ истпиному искусству, нътъ органа, способнаго восвринимать высшія идеи, далекія отъ будпичной ноплости. По-къ счастью для всёхъ,

кто дорожилъ націопальной культурой — нёмецкая публика семидесятыхъ годовъ не переставала горячо отзываться на произведенія старой німецкой драмы, театры были полны во время представленій пьесъ Шиллера. Очевидно, — литературная немощь и легкомысліе были удівломъ только самихъ писателей.

Это легкомысліо съ особеннымъ блескомъ сказалось въ литературной діятельности талантливъйшаго драматурга эпохи объединенія—
Поля Линдау.

Въ 1872 году онъ учредилъ газету Die Gegenwart - Наше время, очевидно, разсчитывая пойти па всгричу вновь возникающимъ янленіямъ общественной и литературной жизни. Современникамъ казалось, что задача эта попята и будетъ выполнепа совершенно серьезно. Но, оказалось, Линдау быль ви болже ни менье какъ піоверъ той же галломанін. только на поприщъ публицистики и критики. Вопросъ скоро перешелъ на самую обыкновенную можно сказать уличную почву, — безцъльнаго вубоскальства и сатпрического резоперства безъ всякихъ опредълениихъ идей и принципонъ-Журпалистъ весьма ловко давалъ представлевія на развыя темы, псключительно выдвигая на первый планъ свою собственную личность. Это быль нескончасный парадъ фельетонпаго болтуна, страдающаго мелкой, во исукротимой жаждой-стяжать возможно больше лавровъ, нсе равно какой бы то ни было цены.

Легко представить, — какую драму могъ создать такого рода критикъ.

Липдау тщагельно на мъстъ изучилъ парижскій современный театръ и почерпнулъ изъ самаго источника богатъйшій запасъ мотивовъ и красокъ для своего измецкаго творчества. Какіе это мотивы и краски—изпъстно всякому,— и самый жанръ опредъленъ зарапъе.

Это будеть легкая комедія съ шаблонными новъйшими темами и фигурами, непреиъпно пикантими. Прежде всего вопросъ о супружеской измівь, объобминутомъ кужь, о жень кокоткъ, о другъ дома безъ предразсудковъ. Вопіющія преступлевія противъ семейной правственности в общественного приличи принимають адісь форму спорта, летучей забавы, нечерняго развлеченія. Но нельзя и безъ драматическихъположеній. Они изобрътены въ томъ же Парижь и въ самомъ трогательномъ паправленін, опять, конечно, не безъ ідкой пикантности. Такъ, напримъръ, развратвая жена и падавшая безчисленное число разъ мать дълаетъ свои признація мужу, или сыну пли даже дочери, только отъ своей гртшной мамаши впервые узнающей изпанку современной утонченноцивилизованной жизип.

Всь эти прикрасы имбють большой усибхъ въ Парижв, исповъдь падшихъ женщинъ именно предъ твии, кто больше всего претерпълъ отъ ихъ паденія и кому менёе всего надлежало бы слышать подобныя признанія, —производить эффекть изумительно правдивыхъ и драматическихъ происшествій.

Линдау и въ драматической діятельности остался тімъ же неукротимымъ искателемъ нопулярности и усибха. Его пьесы стремились не
столько удовлетворить запросамъ литературнообщественнаго вкуса, сколько — настроеніямъ
публики первыхъ представленій. Линдау дійствительно обнаружилъ превосходное знаніе этой
публики полное равнодушіе къ дійствительной
німецкой жизни и къ ея художественному воспроизведенію. Театръ просто поставлялъ такія
же nouveautés de Paris, какъ—модные магазины, только въ другомъ родів и изъ другой
области.

У Линдау нашлось, конечно, множество послѣдователей и соревнователей. На нѣмецкихъ сценахъ не замедлили появиться переводы подлинныхъ французскихъ пьесъ. Въ результатѣ съ литературой побѣдителей совершилось нѣчто весьма постыдное и жалкое. «Только что кровь ея героевъ обагрила Францію, — какъ ядъ французской земли поработилъ нѣмецкій геній». Эти нѣсколько начыщенныя слова нашего автора въ сущности вѣрно передаютъ неожиданную метаморфозу побѣдоносной Германіи на поприщѣ искусства.

Но мы еще не указали на самый тлетворный факть. Это — неограниченное господство оперетки, падающее какъ разъ на первыя десять лёть послё объединенія. Такъ Оффенбахъ сталь истиннымъ божествомъ большихъ и малыхъ германскихъ культурныхъ центровъ. Опереточные театры усёяли нёмецкую страну и подорвали всякую надежду на успёхъ у другихъ сценъ.

Былой немецкій идеализмы вы вопросахы театра миновалы. Теперы театры превратился вы предметы спекуляціи, предпринимательства. Антрепренерамы пришлосы заботиться не обы искусстве, а о привлеченій публики, служиты инстинктамы толпы. Вы большихы городахы еще можно было бороться сы опереткой драматическимы сценамы,—вы мене богатыхы—дётище Оффенбаха быстро достигло неограниченной власти нады театрами и обществомы.

Это все мрачныя стороны современной литературной исторіи Германіи. Сторонъ этихъ, какъ видитъ читатель, необыкновенно много Неужели нѣтъ свѣтлыхъ? Неужели объединенная Германія оказалась способной только рабски слѣдовать французскимъ модамъ?

Есть два свётлых в явленія. Такъ хочеть думать нашь авторь. При другихь условіяхь эти явленія врядь ли удостоились бы такой оцёнки, но въ настоящее время они—единственныя звёзды въ темной ночи.

Музыкальная деятельность Вагнера и Мей-

вингенская труппа — вотъ отрадныя воспоминанія перваго періода нёмецкаго объединенія.

Довольно неожиданное заявленіе, какъ видите. Какое отношеніе вагнеровская музыка иміветъ къ драмів и что общаго между мейнингенскимъ фанатизмомъ къ декоративной и обстановочной части и оригинальнымъ поэтическимъ творчествомъ?

Неть необходимости входить въ оценку вагнерьянства и особенно доводить эту оценку до техъ пределовъ, какіе создаль для Вагнера Максь Нордау. Для автора Entartung Вагнеръ одинъ изъ типичнейшихъ представителей вырожденія. Нордау, по обыкновенію, проводитъ множество научныхъ соображеній въ пользу своей иден. Для насъ въ данномъ случат не интересны эти соображенія, хотя нельзя не припомнить, что Нитче такой же, по мнёнію Нордау—вырожденецъ, питалъ къ Вагнеру чувство, менте всего похожее на увлеченіе и симпатію. Такимъ образомъ въ оценкъ Вагнера сошлись критики совершенно противоположныхъ направленій.

Литичанъ не входить въ разборъ вопроса по существу, беретъ только его вившиюю сторону. Важенъ энтузіазмъ, вызванный деятельностью Вагнера, важны идеальныя настроенія, возникшія подъ ея вліяніемъ у современниковъ крайне матеріалистической эпохи, враждебной всякому художественному творчеству. Въ то время, когда кругомъ царствовала бъщеная погоня за золотомъ и чувственными наслажденіями, — Вагнеръ сумълъ сосредоточить на своемъ геніи безкорыстный восторгь громадной публики. Дело не въ томъ, основателенъ или нетъ этотъ восторгъ: достаточно, что онъ вызванъ не опереткой, не пошлыми французскими вліяніями, а безусловно серьознымъ и національнымъ искусствомъ.

Въ самый разгаръ вагнерьянства возникла мейнингенская труппа. Она воскресила на нѣ-мецкихъ сценахъ классическій репертуаръ, по-казала, съ какой тщательностью, истинно-любовнымъ чувствомъ можно воспроизводить на сценф истинно – художественныя произведенія. Въ первый разъ въ корпораціи сденическихъ артистовъ видфли—самоотверженіе отдфльной личности ради общаго дорогого дфла. Не было здфсь ни патентованныхъ премьеровъ, ни жестокой борьбы самолюбій, ни обычныхъ интригъ. Актеръ, игравшій вчера героя, сегодня появлялся чуть не въ выходной роли. Это было дфйствительно торжествомъ идеальнаго отношенія къ искусству и артистическимъ задачамъ.

Но и мейнингенцамъ пришлось ограничиваться почти исключительно классическимъ репертуаромъ. Труппа крайне редко ставила новыя пьесы и эти постановки чаще всего не имёли успеха. Мейнингенцы, какъ известно, въ настоящее время прекратили свою деятельность; нъменкая публика оказалась пе достаточно усердной п любезной, чтобы матерьяльно обезпечивать существование труппы. Такимъ образомъ и отрадное явление въ результатъ оказывается довольно печальнымъ. Причина мейнингенскаго фіаско лежала отчасти въ самой труппъ, обладавшей слешкомъ бъднымъ п однообразнымъ репертуаромъ, но отчасти, конечно и въ настроени общества. Это общество, вълицъ панболъе культурныхъ элементовъ, продолжало цънтъ Шиллера, по въ подавляющемъ большинствъ больше склонялось къ французскимъ новостямъ, чъмъ къ класенцизму.

И авторъ нашъ весьма удачно характеризустъ литературу семидесятыхъ годовъ краткой энергической фразой. Эта литература— "ии тепла, ви холодиа", она удручающе носредственна и безлична. Это— душиля атмосфера тривіальности, фривольности, особаго букета нашего fin de siècle, царства всевозможныхъ blasés. При такихъ условіяхъ и байрейтскія пилигримства и мейнвигенскія гастроли можно было привѣтствовать какъ обновлевіе художественной жизви Германія.

Мейная сецы, воскресвый старый классическій репертуаръ, оказали вымецкой драмі еще одну услугу, проложили путь новому драматургу, Вильденбруху, автору историческихъ трагедій, жапра, совершенно заброшевнаго совремевными галломанами.

Вильдеибрухъ съ самаго начала своей дёятельности вызвалъ великія надежды, особенно у молодого поколінія, пріобріль даже наименованіе "поэта німецкой молодежи", въ кружкахъ берлинскаго студенчества прослыль апостоломъ будущаго. Студенты горячо поддерживали своего любимца, непрестанно устранвали ему тріумфы на представлевіяхъ его пьесъ. Эта популярвость, конечно, встрічала насмішки у другой публики, но безпристрастіє, благородное увлеченіе, несомнінно, было на стороні молодежи.

Вильдевбрухъ обладаль одной пеоцѣненпой способностью — въ критическія минуты общественной жизии находить истинюе выраженіе для чувства, всѣхъ воодушевлявшаго, и возбуждать надающій духъ современниковъ. Литцжанъ исиыталъ это на самомъ себѣ.

Лѣтонъ въ 1878 году на инператора Вильгельма было совершено покушене. Виновникомъ оказался нѣмецъ, и эта мысль повергла въ глубокое отчаяние всѣхъ, кто дорожилъ національной честью, и прежде всего, конечно, панболѣе отзывчнвую молодежь. Нѣсколько человѣкъ, составлявшихъ кружокъ, собрались вмѣстѣ. Пи у кого не хватало силъ вымолвить слова. Стыдъ и горе давили сердце каждаго. Но вотъ отворилась дверь, вошелъмало извѣстный молодой поэтъ, завязалась бесѣда, гость предложилъ прочесть только что написанное имъ

стихотворевіе... Оно съ такой страстью, съ такой искрепностью клеймило злодъйство, что каждан строфа невольно връзывалась въ намять слушателей. Поэтъ предлагалъ увъковъчить позорное дъло, сохранивъ для потоиства прострълевный мундиръ императора, выставить его папубличное зрълище и наинсать только три слова: совершено нъмецкой рукой...

Картина до такой степени поразила юныхъ слушателей смёлостью и оригинальностью, что они едвнодушнымъ восторгомъ привётствовали въ авторъ истиннаго поэта. Авторъ и былъ

Вильдевбрухъ.

Такой же усивхъ вмвли и другіе его лирическій произведсній, посвященный паціональной славь. Особенной популярности удостоилось привътствіе, обращенное Вильденбрухомъкъ имнератору въ день его девяностольтней годовщины. Никто пе сомнівался въ искренняхъ чувствахъ поэта и въ его возвышенвомъ натріотизмь.

Но не смотря на эти успъхи Вильденбруху пришлось пройти въ высшей степени термистый путь къ драматической славъ. Его пьесы просто не принимались на сцену въ теченіи семидесятыхъ годовъ: это и понятно въ эпоху царства оперетки и другихъ продуктовъ нарижскихъ улицъ. Только въ началъ восьмидесятыхъ годовъ драмы Вильденбруха вачинаютъ быстро появляться одна за другой, и благодара

именно герцогу мейпингенскому.

Каролинии появились па мейнингенской сцеив 6-го марта 1881 года и решили карьеру автора. Ему въ это нремя шелъ уже тридцать седьмой годъ, но столь продолжительным ожиданія драматургической славы получили, накопецъ, полное удовлетворение. Въ октябръ та же драма была поставлена на берлинской и гамбургской сцевъ. Литцианъ присутствовалъ на первомъ представления драмы въ Гамбургв и былъ свидътелемъ восторга нублики и даже тъхъ, кто давно уже отчаллся въ въмецкомъ театръ. Они этотъ вечеръ считали поворотнымъ пунктомъ въ исторіи современной германской драмы. Вильденбрухъ немедленно сталъ знамеинтостью, антрепренеры теперь наперерывъ домогались его пьесъ, а публика пензивнио устранвала ему оваціи.

Вскорт за Вильденбрухомъ явились другіедраматурги, которымъ суждено было окончательно разстять атмосферу пошлости, заполонившую искусство объединенной Гермавіи за первое десятилтіе имперіи. Нашимъ читателямъ извъстны имена Гаунтмана и Зудерманна. Ихъ популярность припадлежитъ ноздитиему времени, въ сущности послъднимъ двямъ и они, слъдовательно, пе являются типичными представителями эпохи объединенія. О нихъ па этотъ разъ мы и не будемъ говорить. Мы хотъли только охарактеризовать литературу семидесятыхъ годовъ и если захватывали следующее десятильтіе, — то только на основаніи пепосредственной связи ніжоторых вего явленій съ предыдущимъ періодомъ.

Выводъ нолучается совершенно ясный. Блестящая въ политическомъ отношени эпоха объелипенія ознаменовалась крайипмъ упалкомъ творчества именно въ странъ побъдителей. Настала эпоха ихъкультурнаго рабства предъ побъжденными, усиленнаго развитія галломаніи и притомъ въ самыхъ несимпатичныхъ направленіяхъ. Нордау называеть эти годы "эпохой возстанія рабовъ" въ литературѣ и предлагаетъ свое объяснение. Оно не кажется намъ не остроумнымъ, ни сколько-нибудь удовлетворительнымъ, но мы его приведемъ, потому что въ основъ его лежитъ несомнънно широкое знакомство автора съ фактами.

Нордау думаетъ, что громадный полптическій подъемъ страны, такъ сказать перепугалъ добросовестныхъ писателей и поэтовъ. Они, не разсчитывая въ своемъ творчествъ достигнуть высоты этого нодъема, предпочли лучше молчать, чёмъ рисковать разыграть роль лягушки, конкурирующей съ воломъ. Въ литературу бросились только беззаствичные промышленники и спекуляторы, и неминуемо должны были завладеть искусствомъ на всехъ его путяхъ. Естественно, когда прошла первая политиче-

ская горячка, уважаю щая себя литература нашла въ себъ достаточно силы и духа — занять свое мъсто.

Мы не станемъ разбирать это объяснение: объяслять факты-дъло историкова, а не современинковъ, переживающихъэтпфакты. Для насъ достаточно представить въ высшей степени орагинальную и поучительную картину. На ней первый планъ занимаеть не та пація, которую только что увѣнчали побѣдные трофен, а пація, хотя и побъжденная, но обладавшая въ момеятъ катострофы более глубокой, разнообразной и устойчивой культурой. Она стала истинной побъдительницей на понрвще слова и мысли, правда, победительницей не въ пользу великихъ идей и въчныхъ творческихъ сезданій, но это не ея вина, а прежде всего самихъ у чениковъ и подражателей, всегда и вездъ стремищихся у наиболье цавилизованныхъ народовъ усвоивать поддонки и печистую накипь цивилизаціи. Сисва повторяемъ, — мы имбемъ въ виду только нервый періодъ нъмецкой имперін, семидесятых годовъ и па своихъ разсужденій, ни выводовъ не распространяемъ дальше этой эпохи. О нослёднемъ двадцатильтін нымсцкой литературы и особенно нъмецкой драмы мы разсчитываемъ поговорить особо въ ближайшемъ будущемъ.

Счастье.

POMAHT.

.... Тогда считать мы стали рапы, Товарищей считать...

I.

Съ того самаго дня, какъ передъ съренькимъ, покосившимся домикомъ вдовы титулярнаго совътника Анны Павловны Кряфиной остановилась внервые щеголеватая карета Барсукова, население глухого переулка не разставалось съ лихорадочнымъ возбужденіемъ. Говору было столько, что его хватило бы, пожалуй, и на годъ. Говорили и о богатствъ Барсукова, о его чинъ, и о счастьи, которое часто бываетъ слъпо и не всегда заслуженно выпадаетъ человъку, говорили, наконецъ, и о слъпоть мужчинъ, вообще ръдко умъющихъ оцънить истиничю красоту и выбрать себъ подходящую подругу. Последнее даже возмущало... Съ какой именно стати выпало такое счастье этой большеглазой Сопь, - на дняхъ еще только гимназисткъ VI класса, — почему именно на ней остановиль свой благосклонный взоръ этотъ старый холостякъ!? Добро бы красавица, - а то ни дать, ни взять деревенская дівка! Щеки горять, руки красныя, фигура тоже не ахти какая и ужъ во всякомъ случав похуже, чъмъ, напримъръ, у старшей регистраторской дочки, или племящинцы капитанши... Маперъ тоже никакихъ, -только: хи-хихи да ха-ха-ха!-и вотъ такой-то, да такое вдругъ счастье! А родия, которую беретъ себъ на шею этотъ чиновный тузъ, - нечего сказать, - хорошая родня! Дядя безпросвътный пьяница, который, — Богъ его знаетъ какъ, — околачивается со своей скринкой и только скиндалить, а у замужией сестры пять человъкъ дътей малъ-мала меньше и мужъ безъ мъста! Ну, и сядутъ конечно всъ на шею, впрочемъ, ротозъямъ такъ и следуетъ... Отчего лучше не смотрълъ, - свътъ, что ли, сошелся на этой его "большеглазой"?!

Ани В Павловив, конечно, ничего такого не говорили, -ей, при встръчахъ расточали только улыбки, восторги и поздравленія съ удачей дочки, на щестнадцатил втиюю головку которой призывались всъ благословенія неба... Такъ предписываль житейскій такть, въ корив котораго лежитъ убъленное съдинами мудрости предостережение- не плевать въ колодезь" и плоды котораго всегда сладки. Вдова становилась, благодаря такому будущему зятю, весьма цвинымъ колодцемъ, изъ котораго можно было черпать сладкую водицу подачекъ и протекцій, ну, а люди вездъ люди и обитатели бъднаго, грязнаго переулка, полнаго безпросвътной, хотя и мишурпой, нужды, были ничъмъ не лучше и не хуже другихъ... Ясно поэтому, что такін рычи вели матери и тетки другихъ невъстъ только между собою и главнымъ образомъ въ единственной лавочкъ Силантыча, служившей чыть то вроды дамскаго клуба въ переулкъ. Жилистому, косоглазому Силантьичу, извъстному, впрочемъ, больше подъ кличкой "мошенника", установившейся такъ прочно, точно приросла къ челов вку, - все это было на руку и онъ ловилъ моментъ во всю: недовъшивалъ, недомфриваль, подмѣшиваль, приписываль въ книжки, - весь переулокъ жилъ у него на эти книжки, -и, какъ топкій дипломать, яспо своего мавнія не выражалъ... Слушая, онъ только загадочно улыбался въ рыжую бороду, мычалъ ничего опредъленнаго не выражавшія: "т-ээ-къ-съ!" пли "да-съ"! и ловко продълывалъ свое дъло. Увлеченныя жгучей темой, обитательницы переулка, обыкновенно осторожныя и подозрительныя, почти инчего не замъчали. И только изръдка, совсыть невзначай, пылкій разговоръ обрывался на полуслов в и грозный окрикъ

Замужь она вышла, или ее отдали, за такого же мелкаго канцелярскаго чиновника и тотъ медовый м'всяцъ она начала съ тъхъ же хлонотъ и заботъ, туманившихъ мелкую медовую радость... Пока мужь скрипъль перомъ въ капцелярів, совсъмъ безучастно переписывая всевозможныя резолюцін и постаповленія, рышавшія иногда участь большихъ группъ людей, - она сустилась у чадной плиты или ссорилась съ торговкой изъ-за лишней копъйки за картофель, а вечерами, когда отдохнувшій мужъ принимался переписывать дома, - садилясь чинить и штопать подъ мърный скрппъ пера и тиканье часового маятинка. Это и было счастье... Радость являлась только въ видь мелкихъ наградъ изъ остаточныхъ суммъ, высказаннаго столоначальникомъ благоволенія, или начтоживіннаго скачка впередъ по службв, прибавлившаго лишнихъ пять рублей къ ежемъсячному окладу. Когда пошли дъти, часто хворавшія и умиравшін, то п эта радость тускивла нъ новыхъ заботахъ и тревогъ остраго и ревниваго родительского чувства. Съдетьми этихъ тревогъ и заботъ прибавилось по горло, - мука изъ - за гроша стала ещо остръе, -- но зато онъ внесли и кое-что существенное... Съ иими явился долгъ жизпи, - при шихъ не поднимался и замиралъ жестокій вопросъ: — зачыть такая жизнь, что въ ней? вопросъ, который, поднявшись, могь бы въ конецъ, пожалуй, истомить иную душу... И когда родители начинали роштить порой на лишие рты, на горе и хлоноты, съ которыми сопряжено воспитание дътей, - "братъ скрипачъ", если опъбыль туть, пензмънно перебивалъ этотъ ропотъ однимъ и тъмъ же...

— Не рошци, Ваня, — говориль онъ своимъ глухимъ груднымъ голосомъ, — а радуйся!... Не будь дътей, — зачъмъ бы тебъ скрипъть перомъ, или сестръ Анъ

штонать?!... Самъ посуди...

 — Э... э. э,—не будь дътей,—да развъ мы такъ бы жили! — ворчалъ Иванъ Семеновичъ. — Да я бы сейчасъ...

- Ну, пу, что бы ты сейчасъ?... Скажи!...
- Да, вотъ, хоть бы шубу новую, папримъръ, сдълалъ...

— Шубу?!-резонъ! А дальше?...

— Дальше?—что жъ... Апичк'в платье повое...

— Тоже резпиъ!... Дальше...

— Дальте-съ... дальше-съ!... Ну, что-жъ, — домишко бы этотъ продалъ и купилъ бы повидивй, на улицъ-съ, — денежки бы для этого сколотилъ...

— А дальше?...

Иванъ Семеновичъ начиналъ затрудияться, но на выручку ему спъщила жена, глубоко любившая красивато забулдыгу-брата,—"золотое сердце и умищу" какъ она его называла, всегда съ затаеннымъ удовольствіемъ слуніавшая его ръчи и вздыхавшая о растраченныхъ зря способностяхъ.

- Да развів вась кто переспорить, братець!—говорила опа и любовно, и гордясь имъ.—Не всякому Богь даеть такую голову, гді; ужъ!— и сейчась же вздыхала...
- -- Вотъ, кабы вы не ушли изъ университета!...

Скрипачъ опускалъ глаза п чуть-чуть сдвигалъ брови, по старался отшутиться.

- Не ушелъ, сестрица, —но выключенъ послъ битвы подъ Дрезденомъ! шутилъ онъ, называя такъ давнишнюю московскую исторію шестидесятаго года.
- То-то, воть, битвы! вздыхала сестра. — Можегь быть, кабы не эти битвы...
- Водки, думаете, не иплъ бы?-Пилъ!--гремъль уже Владиміръ Павловичъ. - По всъмъ обстоятельствамъ судя, - пиль бы!... Раньше или позже, - а все равно занилъ бы, - нотому что тверезому скучно-съ!... У него, -вотъ, -канцелярія, - киваль опъ на Ивана Семеновича, - у васъ-штопанье потому что-дъти, -пу-съ, а у меня-вловица... Вдова купца Попова № 21-й и соленый отурецъ!... Поняли-съ, - иттъ-съ?! - ну, все равно, гдъ-жъ поиять пьяницу!? А только успокойтесь, пикогда бъ и предсъдателемъ не быль никакимъ, потому что съ перваго же дия подъсудъ угодильбы! В врыте слову!...

И мужъ в жена вздыхали, кивали съгрустнымъ выраженіемъ головами, по забывали ропоть и въ тысячный разъ заканкались вновь затрогивать эту больную тему. Знали опи, что послъ такихъ дебатовъ Владиміръ Павловичъ "закуривалъ" во всю на нъсколько дней къ неимовърному страданью Силантыча.

Такъ-то текла эта бъдная жизнь мелкаго чиновничества, которая со смертью мужа стала еще бъднъе и трудите, безпросвътная, безрадостная, полная однихъ конъечныхъ хлопотъ, жизнь — олицетворенный долгъ взрощенія и восинтамія дътей, который и составлялъ ея единственный смыслъ, поглощая ее всю безъ остатка. Анна Павловна не разъ вазывала ее адомъ, хотя для многихъ тысячъ и тысячъ людей она, безъ сомитьнія, представляла завидную, счастливую долю, о которой имъ пельзя было даже и грезить, недостижимый, свътлый идеаль, лежавшій далеко, далеко за предълами ихъ жизвеннаго горизонта... Дары поденцица, ходившая мыть полы но субботамъ, въчно поптавшая на свою горькую долю, - не разъ выражала эту мысль косвенно на сътованія Анны Павловны восклицанісмъ: - "эхъ, барыня, -чего Господа гивнить, - кабы намъ да такая жисть, - вивкъ бы кажись Вога благодарилъ! - хотя въ скою очередь и у одинокой Дарьи было много завистинцъ, носилицавшихъ, какъ напримвръ многодътпая солдатская вдова пли жена в'ючно пьянаго сапожника: -- "эхъ, кабы намъ да Дарына удача, а сице, слышь, жалуется!" Консчио, отъ этого Дарыв не стаповилссь легче, какъ не дълалось легче и Ангь Павловив отъ восклиданий обездоленной, въчно роптавшей Дарын...

Адъ оставался адомъ, п вдова въ свою очередь противопоставлила ему въ видъ рая жизнь другой сферы, привольную, богатую, катившую на своихъ рысакахъ п въ своихъ экипажахъ, жизнь какъ вънецъ, казалось, всякихъ желаній, какъ недостижимый идеалъ, о которомъ она, также какъ и тъ о ея доль, не рышалась

и презить ...

И вдругъ, по щучьему велінью, этотъ идеаль, недостижимый, почти фантастическій, реализовался песь, даже въ деталяхъ... Явилось все, - и рысаки, и карста, и деньги, и чинъ, - всъмъ заботамъ к дрожанью надъ грошомъ консиъ! Анна Павловна даже растерилась сначала и прежде всего всплакнула отъпотрясенія... Правда, о чудной красоть ея Сонички,этого полуребенка еще, полужепщины, съ д'вистиснио неясными нока очертаніями роскошно развивающагося женскаго тъла, съ глазами газели, въ которыхъ еще смотрять пытливая наивность и д'втское невъдине, скрывая, казалось, подъ собою въ бездонномъ мракъ что-то жгучее, какъ планя и ласкающее какъ бархатъ, какой-то зародышъ кристализованнаго огня, еще не вспыхнувшаго, по готоваго вырваться страстнымъ потокомъ, - объ этой красоть она слышала вездь и ксегда. Правда и то, что старые холостики вообще любить такихъ подростковъ и въ большинствъ случаевъ женятся на нихъ, по всс-таки она пе ожидала, чтобы это случилось такъ скоро... Барсуковъ видълъ се всего три раза, - дна у Томилиныхъ по носкресеньимъ, и разъ въ ложь Томилиныхъ, куда ть пригласили ее

в вроитно, для него же, - и сразу - предложеніе!... Елена Кондратьенна Томилина, институтская подруга Лизы, старшей дочери Анны Павлоаны, сделавшая карьеру выходомъ замужъ за богатаго фабриканта, допускавшая бъдную вдову на скои "воскресеньи" и подчасъ год втельствовавшая" ей. — сама ъхала къ ней въ своей каретв съ радостной выстыо по просьбы Барсукова, который, втюрившись по уши, робъль и просиль ее позондировать спачала почву... Хорошо знавшая материнское сордце и дъвичы грезы Томилина прівхала радостная, веселая и, передавая, весело хохотала падъ трусостью влюбленнаго, потолу что какой же, не ослинленный страстью, человъкъ, сомнъвался бы въ такомъ случав и счелъ нужнымъ «зондировать!?»—Только сумасшедше, конечно, пе обрадовались бы и стали ломаться... Впрочемъ, всъ эти старые холостики таковы, путаются Богъ его знаеть капъ н съ къмъ, кръпится, боятся брака спачала, а потомъ, глидишь, подъ старость такъ връжется, что и слюни распуститъ, хоть нляши на немъ! «Мой, воть, тоже такъ: п – хохотала Томилина, цълуя и вдову, и Соню, съ которыми держала себя теперь не благод втельницей, а совсымъ просто, почти дружески, такъ какъ удача всегда изм'вняетъ отпошенія къ лучшему и подпимаетъ значение людей... Апна Habловна волновалась, поплакивала, крестилась, благодари за счастье Бога, курила папиросу за папиросой, общимала покраснввшую какъ маковъ цвътъ и счастливую счастьемъ матери Соню, ошеломленную, неспособную, казалось, шичего взять въ толкъ сразу, и р.вшилась даже предложить зватной гость в свое кофе, которое та приняла и прихлебывала просто, дружески, совствы такъ какъ бы въ домъ людей «своего круга», что несказанно осчастливило вдову въ свою очередь... И на другой же день Соня была изята изъ гимназін, а у подола ся коричневаго форменнаго, пока единственнаго платья распущенъ рубецъ, чтобы юбка, достигая пола, какъ у взрослой уже, прикрывала узкія красивыя ножки, въ которыя такъ и винвался горфвиним глазами дрожавшій оть страстной любви женихъ...

Съ того же дня Анна Павловна измънила свой тонъ, манеры, обращение и, захлебывансь отъ счастья, думала только объ одномъ: какъ бы не урошить своего престижа... Съ того же дня она стала произносить слова растягивая, нарасибвъ и немного въ носъ, съ того же дня стала

величественно кивать головой, украшенной теперь кружевной фаншонкой, видавшей свить только въ исключительныхъ случаяхъ, стала брезгливой, щенетильной, донельзя впечатлительной и не выходила изъ своего параднаго шелковаго платья фіолетоваго цв вта... Ей казалось, что все это необходимо, что такой дани обизательно вынуждаеть отъ нея ея счастье... Консчио, все это требовало извъстныхъ усилій и напряженія, пока не вошло еще въ привычку, можетъ быть и стъсияло даже, но что же дълать, если положение обизываеть! Юлившимъ въ глаза сосъдкамъ, такимъ же бъднымъ чиновницамъ, еще на-дияхъ совмъстно ронтавшимъ на высокія ціны и вороватость прислуги и вивсть расшвавшимъ цикорный кофе, а тсперь пронавшимъ ся руки и называвшимъ се «милкой», льстившимъ, поддабривавшимся, она величественно, въ носъ, объщала протекція, судила ихъ, разбирала ихъ взаимные счеты, безаписляціонно одобряла и не одобряла, и съ утра до вечера раскладывала любимые насычисы. Все это было до нельзя сладко... Но верхомъ блаженства было для нея «ты», которое она грубовато, на глазахъ тъхъ же сосъдокъ, могла бросить этому важпому чиновиому тузу, предъ которымъ всъ сгибались, всъ заискивали, называя не иначе кикъ «ваше превосходительство» и съ тою же грубоватою фамильириостью, совсьмъ расходившеюся съ изящными манерами и напоминавшею прежнюю Анпу Павловну, по сту разъ на день спрацивать, счастиню улыбаясь: «ахъ, ты, генераль мой, и скажи мніз, чімь тебя занозила моя глазунья!?» Генералу, мльвшему отъ страсти, задыхавшемуся отъ нея, влюбленному въ свосго кумпра полуребенка до той странной робости и реввивой пеувъренности, что охватываетъ людей ополоумъвшихъ отъ страстного чувства, инчего, казалось, не понимавшему и не видавшему, кром в этой дъвственной свъжести лица, блеска глазъ и ивжныхъ, какъ бы робкихъ контуровъ стройнаго, недоразвившагося еще тъла, это было тоже пріятно; оно, это простое "ты" какъ бы сближало еге съ "глазуньей" и сладостно подтверждало ему его право на нсе. Такимъ-то образомъ Анна Павловна нили полною грудью бездонную чашу счастыя и, хивл'вя все больше, совствив, казалось, потопула въ чаду блаженства.

Въ такомъ же чаду утопала и красавица Соия, — только въ чаду изъблондъ, кружевъ, шелка и золота, въ блескъ и красотъ которыхъ совстмъ исчезло насто-

ящее и безследно тонуль всякій вопросъ о будущемъ. Ея бълокурая головка въ самомъ дъль кружилась отъ этого чуднаго богатства, лести, поздравленій, ухаживанья, сразу выпавшихъ ей на долю, отъ радости близкихъ людей, которой она одна была виновницей, какъ тщеславно подсказывало сознапье. Вчера еще она безпомощно рыдала надъ трудной геометрической задачей, боясь единицы, - а сегодия, - всъ жили только ею и, кизалось, для нея. Выло ли это дъйствительно счастье, Богъ его зваетъ, но такъ госорили всв и, несомавино, инчего лучшаго, болъе свътлыхъ дней она не знала. Правда, ей было стыдно своего влюбленнаго жениха, се пугалъ этотъ страстный взглядъ, опа робъла въ его присутствін, когда онъ привлекалъ ес къ себъ и сжималъ ея руку, се охватывала странная тревога и хотълось быжать, но въ такихъ случаяхъ помогала своимъ нашептываньсмъ мать, а юлившил сосъдки спъшили съ путочками, подчасъ грязповатыми, заставлявшими дъвунику вспыхивать какъ порохъ, но какъ бы разсънвавшими въ концъ кондовъ и боязнь, и тревогу и притуплявшими чувство стыда...-Ха, ха, ха, ребеночекъ глупенькій, да чего жъ тутъ красивть и бояться, когда такова ужъ участь всехъ женщинъ па свете!?. Только въ томъ и есть жепская доля, за что-жъ ипаче-то и любить мужу!? Вишь, какъ онъ любитъ, сколько подарковъ навезъ!... Въ холь жить будешь, сама потомъ засмъсшься! - такъ успокаивали добрые, любящіе люди эту смутную тревогу перазвившагося, полудътскаго сердца, робко пытавикигося защищать себя и этихъ испугомъ и этимъ безсознательнымъ пока, но жгучимъ румницемъ стыда.

И что за удовольствіе, въ самомъ д'ьл'ь, что за восторгъ было мчаться въ кареть, кивать изъ окна ел вчерашениъ товаркамъ подругамъ, всегда останавливавшимся при встричахъ и провожавшимъ карету долгимъ взглядомъ, какъ бы говорившимъ общее: "Ну, и счастливица эта Соня! покупать въ роскошныхъ магазинахъ у подобострастно кланявшихся приказчиковъ богатые наряды, идти важно подъ руку съ тымъ, кого всъ величаютъ "превосходительствомъ"!.. А тутъ еще и лесть, и поздравленія, притворныя и непритворныя выраженія восхищенія и общій возглась: "счастье", "счастье", "счастье", то и дъло звучавшій везд'є и всюду, проинтавшій наскиозь самый воздухъ, которымъ дышала эта полудътская, смущенная, совсьмъ отуманенная дъвичья грудь... Могла ли устоять при такихъ условіяхъ какая-инбудь пеясная тревога, являлось ли

тутъ мъсто сомпънію?!.

Даже старшая сестра Лиза, эта несомивиная умница, когда-то слушавшая курсы, много читавшая, знавшая такъ много, что Соня только удивлялась на нее, теперь мать большой семьи, нервиая, раздражительная, блёдная и худая какъ щенка, въ конецъ измученная борьбой за хльбъ, - даже она пазывала это счастьемъ и поздравляла Соню, глядя на нес грустно-ласковымъ изглидомъ, въ глубинъ котораго дрожали почему-то слезинки... Больно ли и обидно было ей называть это счастьемъ, жалко ли того, что она сама не нашла его тамъ, гдв искали, когда бодран, см. влам, живам соединила свою судьбу вопреки вол'ь матери, съ такимъ же бодрымъ, смълымъ и живымъ человъкомъ, и такимъ же бъднякомъ, какъ сама, чтобы вивств рука объ руку идти къ завътной, общей цъли, - Богъ его знаетъ, но слезинки дрожали у нея и въ голось, когда она, цълуя, ноздравляла Соию... Все-таки она повесельла, почти не вздыхала тенерь по новоду тижелаго бытья, не проклинала долю, навязавшую ей одпу въконвиную возню съ ребятишками и заботу о кускъ, въ особенности когда Барсуковъ устроилъ хорошее місто ея мужу въ правлени жел взной дороги, и эпергично защищала мать отъ упреконъ дидискрипача. Дядя-скрипачъ одипъ только думалъ иначе и одинъ стоялъ противъ всъхъ.

Онъ зашелъ къ Аннъ Павловнъ позднимъ вечеромъ другого дил послъ сватовства, зашелъ случайно, ничего еще не зная, сильно подъ хм влькомъ, -какъ разъ въ этотъ день выдавали въ оркестръ плату,-и, несмотря на хмівль, остановился, пораженный обстановкой, общимъ весельемъ и грудами подарковъ, присланныхъ Барсуковымъ. Ликующая Анна Павловна сейчась же кинулась къ нему на грудь и съ радостимиъ воплемъ: "поздравьте братецъ, Сонюшку, благословите! "-стала разсказывать о "счастьи". Скриначъ не двигался, слова сестры описломили его еще больше... Наконепъ опъ сълъ, также безмольно облокотился о столь, спряталь въ ладони голову и просидълъ такъ нъсколько минуть, пока стоявшая надъ нимъ сестра шутливо укоризиенно покачивала головой и подмигивала дочкамъ, какъ бы говоря: "ну, братецъ, и угостились же вы!" Въ теперсинемъ настроеніи она радовалась всему, даже и такому состоянию брата. Отчего же въ самомъ д'вли, на радостихъ

и не выпить, если ему хочется, когда же и веселить свою дуну какъ не теперь?!. Но тому, очевидно, было не до весельи... Онъ открылъ вдругъ лицо, посмотрълъ па всіжъ скорбнымъ, убитымъ взглядомъ, особеню пристально взгляцулъ па Лизу и печально-укоризненно закачалъ съдой головой...

Продали!—буркнулъ онъ паконенъ иъ густые усы, къ изумленю Сони.—За серебренники дитя продали!.. Счастъе!...

Поздравляю!

Онъ попытался расшаркаться... Тонъ и улыбка соотвътствовили ядовитымъ словамъ... Анна Павловна какъ-то сразу съежилась, растерялась и опустила глаза... Правда, это говорилъ пьяный, но ее всетаки кольнуло остро и больно, тъмъболъе, что ничего подобнаго она не ожидала... Зато Лиза сейчасъ же вступилась, горичо, страстно, точно радулсь предлогу начать споръ.

— Продали!? Почему это и кому продали?!— засивнима она дрожавшимъ отъ волиснія голосомъ и немного задыхаясь. — Зачімъ вы говорите такой вздоръ, дядя!.. Барсуковъ несомивню, любитъ Соню и же-

пится на ней, очень просто!..

— Любить... женится! — подхватиль вропически скриначь и захохоталь. — За что ему любить такого дыпленка, за какія такія свойства и стороны, а, когда, вопъ, у нея еще молочко блествть!? Это любовь, а?! Говори, умища, говори, это любовь? Старый холостякъ развратникъ заритея на подростка, — это любовь?!.

- Ну, это сложный вопросъ, что любовь, что ве любовь и какова должна быть любовь! — еще страстиве засившила Лиза, и въ тонъ ел голоса явно нослышалось раздраженіс. — Это очень сложный вопросъ, дядя, и философетвовать на эту тему падобло, да и пе стоптъ, ничего изъ этого не выйдеть!.. Зарится на подростка?-поворите вы,-иу, съ этой стороны вы всв одинаковы, мужчины, всв однимъ муромъ мазаны, и не вашему брату добродътельничать!.. Для васъ эта-то сторона и есть именио любовь... Знаемъ! - говорила Лиза такъ злобно и ядовито, точно все это у нея давно набольло и набольвшее хлынуло черезъ край. — Барсуковъ, что бы тамъ ни говорили, все-таки добрый, сердечный челов вкъ и будетъ хоропимъ мужемъ...

Скрипачъ тоже началъ раздражаться. — Этотъ мракобъсъ и репегатъ?! Вотъ

Бледныя щеки Лизы вспыхнули.

какъ?..

— Я не говорю объ уб'вжденіях'ь, —вы

это знаете... Убъжденія человъка одно, а его душевныя качества другое... Можво быть крайнимъ ретроградомъ и добрякомъ, какъ и наоборотъ, - вы тоже это знаете... Къ тому же у Сони нътъ шикакихъ убъжденій и этотъ вопросъ поэтом совствить не идетъ къ дълу... Важно то, что Барсуковъ слівлаеть ее счастливой...

Богатствомъ?

Да, богатствомъ... обезнеченьемъ... положеньемъ...

— Вотъ, какъ... Значитъ, —деньги счастье?

Лиза замялась немного, по глаза ел

вызывающе горъли...

- При пынъшпихъ условіяхъ девьгисвобода, а для семьи — прямо необходимость...

Разсерженный скриначъ началь обидео смвяться.

- Когда-то, умница, ты видъла сча-

стье въ другомъ...

- И теперь вижу его въ другомъ... Но топерь и думию еще, что эти, видящів счастье въ другомъ, не должны жениться и выходить замужъ, если опи люди неимущіе... Семья, дівти — это росконь, а роскошь удаль богатыхъ...

Значить, по Мальтусу?! Xe-xe-xe! смъялся, негодуя, скрипачъ. — llo Мальтусу... въ духъ времени!? Кррра-си-во!

— По Мальтусу, да не совсъмъ!.. Женись себь, устранвай семью, но и уничтожайся, теряй личность тогда, уходи весь въ одно добыванье куска, въ рощеніе дітей, въ один разсчеты и счеты, потому что семья требуетъ большихъ средствъ и страннаго напряженія, когда діти ложатъ только на ся плечахъ, а не на плечахъ всъхъ... О другомъ думать не придется, потому что не останется и минуты, чтобы свободно вздохнуть... ве то что... Вотъ, какъ, дядя! Невесело, зато върно! Семья всю душу изъ тебя вытинстъ, всъ жилы вымотаетъ, въ чорта превратишься изъ-за въчнаго раздраженья и волненья, когда только и дума одна, - гдв бы взять лишній грошъ!.. Хуже чорта станешь!..

Это была уже скорке исповидь, чимъ споръ, больной, вымученный крикъ, давно тапвшійся, давно, можеть быть, искавшій выхода и наконецъ вырвавшійся п этимъ облегчившій истомленную, измученную грудь... Но скриначъ ничего не понималъ и не виділь... Хмівль взилъ свое и моментъ отрезвленія, всныхнувшій виезаннымъ просветомъ подъ вліяніемъ возбужденія, потухъ также внезапно... Скрипачъ опять закрыль лицо руками, закачаль головой и началъ скорбно всхлинывать.

— Продали... продали... II ты... ты... уминца тоже... Всв... всв продали дитя!..

Опъупаль, наконецъ, головой на столь, плача вавзрыдъ... Всізмъ стало жутко и пеловко. Бледвая Анна Павловна тоже заплакала п стала уговаривать брата не убиваться. У Лизы тоже дрожали въ глазахъ слезинки, - она сразу притикла и забыла всю свою горячность. Одна Соня только не волновалась, а глядъла скор ве съ недоум вніемъ, какъ бы не понимая, надъ чемъ такъ убивается дядя и, окружевная грудами роскошных в блонд в и кружевъ, сид'вла съ широко открытыми, дивво-красивыми, пеподвижно уставленными глазами...

Скрипачь ушель, какъ его ни уговариваля, какъ ин упранивали остаться, и по дорогь задыть косого Сплантыча, мирно прохлаждавшагося на порогь своей завки. Онь квиулъ ему сквозь зубы всего одно слово: "клопъ!" и новизна ли этого эпитета, тонъ ли его такъ под виствовали, или Сплантынчъ былъ ужъ въ такомъ пастроеніи, только оно показалось ему обид-

пре многих рраней...

Опъ ошалълъ сначала до того, что кинуль въ вид' протестующаго аргумента одно только:

- Кажись мы тоже прещеные будемъ?! По потомъ, когда это короткое, односложное, непавистное слово прозвучало снова, еще бол'ве, казалось, утвердительно, а затъмъ снова и снова, Сплантычъ совствы потеряль разумь, указывавшій ему прямой путь спасенія въ п'вдрахъ лавки, и сталъ нарировать, задыхаясь и трясясь оть бъщенства. Кончилось скандаломъ, собравшимъ почти всю публику переулка и попыткой вывшательства законной власти въ лицъ околодочнаго Двужилова, которому опьян вышй оть ярости Силантычъ, сигмая шапку и шізко кланяясь, твердиль не уставая:

-- Ваше скородіе, какъ вы, значить, есть начальство, - вступитесь!.. Житья пътъ, ваше скородіе!.. Кажинный день, одва мараль и вся прочая пропаганда!,. Какъ вы, значитъ, отъ начальства поставлены для порядку, а потому самому...

Но появленіе среди публики Анны Павловны разсъяло сбиравтуюся грозу... Двужиловъ сдълалъ подъ козырскъ, многозначительно мигнувъ Силантычу съ выразительнымъ окрикомъ "будеть!" и отпустилъ скрипача. Силантычъ вздохнулъ, перекрестился па видитвшиеся ему издали церковные куполы и слезно обратился къ вдовъ, тревогу и пеловкость которой быстро разсияло сладкое сщущение почета.

— Ваше сіятельство!.. Какъ передъ

истиппымъ, — житья пътъ-съ!. Чъмъ не угодилъ имъ-съ, — не знаю, а только можно сказать, со свъту сживаютъ-съ!.. Никакой вины пъту, и вдругъ, клопъ-съ! Это и вашей чести обидво-съ, ваше сіятельство!..

Ей кланились, предъ исй разступались, власть лебезила и важно удалявшаяся Анн. Павловиа еще разъ убългась, какъ хорошо и лестно быть тещей Барсукова.

Пость такого скандала скрипачъ не являлся, но посебщенія ждали каждый часъ и боялись. Не дай Воже, если онъ издумаль бы явиться при Барсуков'в и въ такомъ еще видъ, - скандала не миповать. Анна Павловна крапплась, ежилась, но, посов'втовавшись сл. умищей" рышлась на всякій случай предупредить будущаго зятя о несчастной страсти брата, тымъ болъе, что Барсуковъ то и дъло справлялся о немъ и постоянно выражаль желаніе познакомиться. Опъ говорилъ, что любитъ музыку, а музыкантовъ, какъ и всъхъ художипковъ и арпиминткі пріятными тистовъ, считаетъ ледьип. Это была правда, положимъ, но ве одна она двигала въ данномъ случав Барсуковымъ. Не злой отъ природы, этотъ старый влюбленный холостякъ, такъ и сіляшій теперь радостью и счастьемъ, чувствоваль примо потребность дружбы близкихъ его хорошенькому кумпру лицъ, теплыхъ семейныхъ узъ п отношеній, которыхъ опъ, круглый бобыль, совсъмъ не зналь до сихъ поръ, ласки п привъта, за которые готовъ былъ платить сторицей. Изивстно, что въ подобные моменты челов'вкъ становится и добр'ве, и отзывчивъе, и ласковъе, что ему всегда хочется видъть вопругъ себя довольство и ликованіе. Барсуковъ ділаль въ этомъ направленіи все, что могъ и ум'вль, забрасываль подарками и вдову, и Лизу, съ большою радостью устроилъ хорошее м'всто ся мужу, готовъ быль предупреждать всякое желапіс каждаго изъ членовъ семьи, потому что этимъ онъ доставлялъ удовольствіе своей Сонв и въ то же время, какъ бы расплачивался за свое счастье. Потребность въ такой расплать чувствуетъ въ большей или меньшей степени почти каждый счастливецъ, но въ Барсуковь она говорила особенно остро и безсознательно была связапа еще съдругимъ. Онъ дъйствительно любилъ Соню, по своему, можеть быть, какъ могъ, но съ ныломъ перваго, нетронутаго чувства, съ беззав'ятностью и страстью второй молодости. Это была именно та любовь стараго холостяка, надъ которой потвина-

лась Томилипа, сленая, весувло поглощающая человъка страсть, которою вссыма часто злая судьба метнть стар вющимъ уже людямъ за безпорядочную молодость, не согрътую ни чувствомъ, ни даже искрониимъ увлеченіемъ, за жизпь и силы, растраченныя въ канцеляріяхъ въ погопъ за карьерой, и въ кафе-шантанахъ въ поискахъ ощущений, оплачиваемыхъ ассыгнаціями. Такъ именно и прошла жизнь Барсукова и теперь этоть высокій, рыхлый уже брюнетъ съ серебромъ въ поръдъвшихъ волосахъ, съ потухающими, припухинми глазами, съ желтой дряблой кожей лица, помитый, осупувнийся, песмотря на все искусство портного и парикмахера, проклиналъ свое прошлое, свои сорокъ восемь лізть, завидоваль молодости и глядя жадными глазами въюное прелестное личико своей невъсты, слыша этотъ полудътскій звонкій хохотъ, не могь отдълаться отт. ъдкаго обиднаго сомнънія: имъстъ ли опъ право срывать для себя такой цвътокъ, не вырветъ ли его тотъ у него, кто, пожалуй, имветъ больше на то права. Это въчное сомивніе, глухое, не высказываемое, копошившееся гав-то глубоко внутри, надвляло его странной робостью, полюй сверлящей острой ревности и въ то же время разжигало, распаляло самую страсть, которая туманила его совсъмъ. Умный человікь, онъ какъ-то невольпо вздрагиваль точно отъ укола, когда какой-иибудь молодой знакомецъ при встръчъ раскланивался съ его Соней и остран ревность сквозила такъ ясно, что Анна Навловна совсъмъ заперла дверь отъ зпакомой молодежи и упросила о томъ же Лизу... Ну ихъ, пусть не лазятъ... чего имъ!? Онъ этого, Лизокъ, не любитъ!--Являлась потребность взять хопъ чыты вибудь предъ другими, предъ тыми, кто, пожалуй, им'ветъ "больше правъ", и Барсуковъ отъ всей души пускалъ въ ходъ обаяніе богатства, власти, связей, всего того, чего не изгели тв. Такимъ образонь онъ и расплачивался въ одно и то же время, и какъ бы подкупалъ, при чемь вы его пользу несомивню говорило то, что все это выходило унего искреиво, отъ души, какъ бы совствиъ безъ задней цъли, а вызванное однимъ добрымъ желаніемъ расточать кругомъ радость в довольство, съ которымъ было тесно связано... Коношиться внутри, разбираться въ своихъ движеніяхъ Барсуковъ не любилъ, да и не до того ему было... Онъ вось утопаль въ радости отъ довольнойвеселой улыбки Сопи, отъ мирнаго каля, капья съ Анной Павлонной о будущей семейной жизни, отъ добраго отпошенія Лизы, благодарной ему за услугу мужу, отъ мягкаго добраго тепла, которымъ дышалъ на него этотъ счастливый, казалось, очагъ покосившагося, съренькаго домика.

Наблюдательныя, тонкія сосъдки, забыгавшія къ милкь Аннъ Павловнъ, давно уже пълп, что мужъ будеть "ахти какой ревнивый", но что "Сонюшка вокруси пальца обовьеть" этого важилго туза, одного взгляда котораго дрожала добрая сотия подчиненныхъ.

- Ну, и счастливица жъ!—то и дъло твердили онъ къ ваще і радости вдовы,— на ръдкость счастливица!.. Совсъмъ онъ въ ней души не слышитъ, отуманила, да и все... Ревнивъ, это правда, ну, да потому что любитъ очень... Даромъ, что молода, а совсъмъ возъметъ верхъ, вотъ, увидите... И дышать безъ иси не будетъ!..
- Дай-то Богъ, дай-то Богъ! только и отвъчала немного въ носъ польщениая Анна Павловна. Ну, да и есть же что любить, на ръдкость въдь красавица моя Соня! Въ оперъ всъ бинокли на нее, такъ и не паглядятся... даже неювко дълается!.. Точно на чудо какое, подумаешь...

И пуская клубы дыма, счастливан, польщенная Анна Павловна принимала видъ довольваго недовольства...

Нелоставало только скрипача, отсутстве котораго при такомъ положени вещей дълалось весьма зам'втнымъ и, воть, разъ, когда Барсуковъ неожпданно привезъ для него въ подарокъ какую-то старую, ценную скришку, Анна Павловна и решилась разсказать о печальной страсти... Начала опа издалека очень топко и деликатно, расхвалила способности и сердце, скрыла "битву подъ Дрезденомъ", а оставленіе университета объяснила недостаткомъ средствъ, но какъ и и дипломатиичала она, какъ пи умаляла самую страсть, пизводя ее до простой привычки, усвоенной благодаря "дурной компанін", — дурная комнанія обычный козель отпущенія у насъ, ей все-таки было не по себъ, и она мялась и жалась, полнам тревоги за впечатленіе Барсукова. Къ ся великому изумленно тотъ принялъ это не только совершенно просто, но и душевно. Покачалъ скорбно головой, вздохпуль и отвътилъ ей дружески:

— Я сочувствую вашей скорби, дорогая мамаша, — слово "мамаша" совсёмъ очаровывало Аппу Павловну, — отъ всей души сочувствую!.. Что под влаешь, это наша

общая русская бъда, такъ уже видно суждено у пасъ!.. Чуть талантливый человъкъ, глядинь, непремънно такъ или иначе собъется, это еще и гоголевскій городничій подмътилъ!.. Жаль, жаль... Но все это инсколько не мъщаетъ познакомиться намъ другъ съ другомъ. Слабость, слабостью, эхъ, да и у кого изъ насъ иътъ своихъ слабостей, скажите!?

Эти слова и добродунный топъ совсъмъ изумили Анну Павловну... Ужъ не ослышалась ли оня, такъ ли поняла? — говорилъ въ исрвое мгновенье ея ипроко открытый взоръ... Она вскочила ожившая, веселая и сейчасъ же засынала словами, совсъмъ позабывъ бонтонность.

- Воть, такъ и зятекъ у меня, умница зятекъ, можно сказать, — не обидълъ Господь! — см'вялась она, какъ прежняя Анна Павловна, запросто хлоная зятька по плечу.
- Что, не говорила я, что душа у него предобръйная, а, не говорила?—спрапивала опа, обводя стъны глазами и точно вызывая кого-то на споръ.—Всъмъ говорю, что другой такой души понекать нужно на свътъ, вотъ, опъ какой у меня!... Зо..ло..той!.. И смотри жъ, глазупъя-колдувъя моя, понимай это... Не всякой Богъ такого мужа посылаеть, йе всякой!.. Воиъ, какое тебъ Господъ счастье послалъ! даже не обхватишь!.. Береги жъ его, Сонюшка, пъпи, уважай... Слышишь?!

Соня подпяла свои длинныя, черныя ръсницы, стръльнула долгимъ довольнымъ взглядомъ, стыдлово улыбнулась и Барсукову, прівхавшему прямо съ званаго объда, послъ лишияго бокала, и этотъ взглядъ, и это добродушно-простое наставление совсимъ отуманили голову... Робость исчезла, онъ почувствовалъ себя любимымъ и страстно влюбленнымъ мужчиной, безъ колебаній и сомнъвій... Соня казалась особенно красивой въ этотъ вечеръ и въ красотъ ея, въ ея взглядъ, таплось для него какъ бы въчто вызывающее... Онъ глядълъ па нее, задыхансь отъ прилива душившей страсти, и чувствоваль себя все смылье подъ этотъ веселый, простой, какъ бы подзадоривающій лепеть счастливой вдовы... И когда она, не переставая сыпать восклиданіями, выбыжила изъ комнаты, чтобы подълиться свиниъ настроенісмъ съ Лизой, оставивъ обоихъ съ глазу на глазъ, -осмъленный Барсуковъ совсемъ потеряль голову... Опъ грубо кипулся къ дъвушкъ, впервые охватиль ее, испугаппую, захваченную врасплохъ, могучими и дрожавшими, какъ бы отъ избытка силы, руками, сплой уса-

дилъ къ себъ на колъни, силой удерживалъ в, не обращая вниманія на протесты, на борьбу, на эти, точно манинально сыпавшіеся: - и втъ, и втъ, и втъ!... Пустите, пустите! -- осыпалъ безумными поцълуями ея волосы, ручки, которыми она закрыла пылавшее лицо, платье и, задыхаясь, безсвязно шепталь ей слова любви и ласки... Сердце у нея сжалось отъ стыда и ужаса, который быль сильные стыда, какъ у птички, которую схватитъ сильной ладонью ловецъ... Она не чувствовала, казалось, этихъ жгучихъ поцълуевъ. не слышала этой безсвязной страстной ръчи, - все это шло какъ бы мямо цен, не касаясь, - опа всецъло замерла въ одномъ испутъ предъ чъмъ-то страшнымъ, роковымъ, котораго опа не знала, но которое казалось немпнуемо ой грозило, какъсмерть... Вси только смятение, ужасъ, тревожная боязнь, какой-то безсознательный органическій протесть и негодование, - она рвалась, билась, молила слабымъ, похожимъ на вздохъ стономъ и чувствовала, какъ глухое рыдание сжимаеть уже горло, подступаеть къ глазамъ и вотъ-вотъ вырвется потокомъ слезъ... Но, вдругъ, эти стальныя сжимавшія руки упали, и Соня услышала довольный, добродушный голосъ вошедшей матери...

— Ишь, цвловальщики, — постойте, еще напвлуетесь!.. Ну, пу, — цвлуйтесь, цвлуйтесь, двтки, — я пе смотрю, не смотрю... Что жъ, извъстно, — любовь, такъ

любовь!...

Соня вскочила, убъжала стремглавъ въ свою комнату и пластомъ повалилась въ подушку... Тутъ только она почувствовала горъвшіе поцълун и разслышала слова страстнаго шепота жениха... Цеки ея пылали, даже кончики ушей горыли огнемъ, - ей стало до боли стыдно, но страхъ разсъялся... Сердце, стучавшее ръзко, отчетливо, громко, казалось, только и выстукивало: что жъ, любовь, такъ любовы!-поучая, наставляя и успокопвая... Въ то же время въ услужливой памяти какъ-то невольно всилывалъ бодрящий, веселый шепотъ сосъдокъ и матери: дурочка, - да въдь таковъ удълъ всъхъ женщинъ на свъть, - чего тутъ бояться!? И оглядывансь на это первое проявленіе "общаго удъла", разсуждая сама съ собою, смятенная діввушка пришла въ конпь-концовъ къ старому какъміръ заключевію, что представленіе о волкі въ дійствительности куда страшпье, пожалуй, самого волка... А она такъ испугалась!..

— Пу, Сопюшка, полно ломаться, чего туть!.. Въдь, не кто жъ набудь, а

женихъ цъловалъ-то, съ женихомъ и Богъ вельлы! — уговаривала ее, лаская Анна Павловна. — Кабы тутъ что дурное было, развъ бы я допустила, — дурочка!.. Таковъ ужъ законъ Богомъ положенъ, — въды и свадьба-то не за горами!..

Если таковъ законъ, если туть нътъ ничего дурнаго, — такъ чего же... Соня поднялась красная, сконфуженная и рука объ руку съ матерью вошла снова въ комнату къ жениху, стыдливо, совсъмъ по-дъгски улыбалсь... Но страхъ не возвращался, и глаза глядъли смълъе, совсъмъ уже иначе...

— Я испугаль вась, да?!—робко и любовно спрашиваль женихь, цвлуя си ручки и совсвиь свободно уже усаживая рядомь съ собою.— Испугаль? простите,— инповата одна любовь, моя страстная лю-

00вь...

— Полно, зятекъ, извиняться-то, — чего тутъ... Извъстно, — всъ мы дуры бываемъ, пока замужъ не выйдемъ, — и, вотъ, тоже такъ-то отъ своего удрала, какъ онъ ко мнъ супулся! — весело перебила Анна Павловна. — Да инчего, свыклась... Чего тутъ потакать, цълуй ужъ кръиче!..

Красная Соня не отнимала рукъ, не отодингалась, не сопротивлялась и безропотно молча подчинялась положенію, установленному закономъ, точно такъ же, какъ пезадолго передъ тъмъ подчинялась общему режиму въ классъ... Испуганное дитя уступило мъсто покорной "общему удълу" женщинъ, смиренно сложивъпредъ авторитетомъ добраго материнскаго увъщанія смутный, неясный, хотя и острый протесть какого-то впутренняго, пеясваго пока голоса...

— Ну, вотъ такъ-то, ручка въ ручку, какъ слідуетъ молодымъ! — добродушновластно поучала довольная Анна Павловна. — Будьте счастлявы! Я васъ благословлю...

И она ивжно благословила обоихъ...

Такимъ образомъ, единственнымъ облачкомъ, туманившимъ эту счастливую недъльную идиллю въ маленькомъ покосившемся домишкъ, являлся только вопросъ о "скрипачъ", который все не показывался, несмотря на то, что до свадьбы оставалось всего нъсколько дней. Барсуковъ не хотълъ откладывать, торонилъ, да къ тому же съ копца педъли наступалъ постъ... Другое облачко—молоденькая экономка Пелагея Андреевна, съ которой Барсуковъ разстался сейчасъ же вслъдъ за сдъланнымъ предложениемъ, и о которой Анна Павловна узпала отъ всезпающихъ сосъдокъ, —разсъялось быстро.

Туть Анну Павловну смутиль не самый фактъ, - "что жъ тутъ необычнаго? разсуждала практичная вдова, - изв'ьстпо, что мужчинамъ нельзя праче, всв они такъ-то!" — а тв три, четыре тысячи, которые Барсуковъ подарилъ этой "подлянка па разставаны, какъ гласили неопровержимо върныя свъдыия... Что эта "Пашка" была непремьню "подлянкой", Анна Павловна была такъ же твердо увърена, какъ и въ томъ, что пикакихъ тысячъ дарить ей не следовало, а просто выгнать въ шею. Почему именно "подлянка", за что только "выгнать", логически она доказать никакъ не сумъла бы. — на челов вческія слабости она смотръла довольно легко, прощала ихъ и холостому Барсукову и замужней Томилиной, - по за это говорила у нея вся желяь, вся страсть сангвинической и ревнивой женщины. Вся кровь закипала у пея при одномъ намекъ на Пелагею Апдреевпу и этотъ подарокъ, и въ первые дви обиженной, возмущенной вдовь очень хотьлось гав-нибудь "застукать эту подлянку и отчитать ее какъ следуетъ"... Но богатые подарки Барсукова, его страсть къ Сонъ, общій почеть, ощущеніе глубокаго счастья, все это быстро заглупило острую вспышку, оставивъ на днъ только пеумиравшій осадокъ сожальнія о папрасно потерянныхъ тысячахъ...

За тридпя до свадьбы, вечеромъ, скриначъ, наконенъ, появился. Въ съняхъ его встрътила Лиза и умоляюще схватила за

рукавъ.

— Дядя... ради мамы! Ничего такого...

— Ну, ну!...—отвътиль опъ глухо своимъ хриплымъ басомъ и началъ раздъваться. Лиза сразу успокоплась и весело
стала ему помогать. Это "иу, иу", п скорбный, мрачный видъ ясно свидътельствовали, что скрипачъ находится въ томъ
сравпительно ръдкомъ настроеніи, угнетенномъ, убитомъ, наступавшемъ послѣ
долгаго запол, когда опъ п Силантьичу
прощалъ его гръхи и проходилъ мимо,
не замѣчая.

Инвалидъ здъсь? — спросилъ онъ

также мрачно.

— Вася зд'всь!— и пріотворивъ дверь, она поманила мужа. — Давно, давно мы васъ поджидаемъ, дядя!.. Въ оркестръ посылали, да тамъ васъ тоже ис видали... Словно въ воду, говорятъ, капулъ...

 Въ водку! — мрачно соправилъ скрипачъ и повернулся къ входившему въ съни

Василію Аркадьевичу.

— Здравствуй... Сопюткупропиваеть?! Тоть сжаль протяпутую руку и заговорилъ пошиженнымъ, сдерживаемымъ голо-

сомъ, какъ бы упранивая.

— Слушай, Владиміръ Павловичъ... Люди по своему устранваютъ свое счастье, по своему счастливы, — съ какой стати намъ мъшать имъ и портить, хотя бы они были и не правы по нашему...

— Върно! Что върно, то върно, хотя когда-то ты думалъ и поступалъ иначе... Пу, да на то ты теперь инвалидъ... Другое времи настало, что говорить... Вотъ и "уминиа" подъ стать тебъ теперь по

Мальтусу жаритъ...

— Дядя, ради мамы!..—снова взмоли-

лась Лиза.

— Перестань, Владиміръ Павловнчъ, — раздраженно уже заговориль "инвалидъ", и въ лицъ у пего пробъжало ясно псудовольствіе. — Какой тамъ Мальтусъ... Просто, не льлай скандала, вотъ и все!.. Пойдемъ...

— Ну, ну!..

Всв трое вошли вм'вств... Мрачный скриначь поздоровался съ Барсуковымъ, который окинулъего благодушпымъ взглядомъ и сердечно пожалъ руку, поц'вловался съ Соней и готовъ былъ уже тихо и скрочно ус'всться, когда экспансивная Анна Павловна кинулась къ нему со скринкой, полная радости.

— Вотъ вамъ, братецъ, полюбуйтесь, хороша? Давно уже ждетъ васъ, сами виноваты... Что, долго глазъ не казали, а?

Вотъ она, берите, вамъ...

— Мив-съ?!

Удивленный скрипачъ взяль дорогую скриику и окицулъ ее опытнымъ глазомъ знатока. Удивленіе сго росло, брови подпимались... При общемъ напряженномъ молчаные онъ повертываль ес изъ стороны въ сторону, тронулъ струны, щелкнулъ по лекь, заглянуль въ проръзы, въ которые видивлся на днъ печатный ярлыкъ стараго ивмецкаго шрпфта и въ глазахъ у него пробъжало что то въ родъ восхищенія, они дрогнули и сузились... Съ минуту онъ колебался, но соблазнъ, очевидно, былъ черезчуръ великъ и скрипачъ не устоялъ... Онъ уставилъ скрипку въ плечо, провелъ смычкомъ по струнамъ и въ компать дрогнулъ глубокій пъвучій аккордъ, могучей волной вырвавшійся, казалось, изъ груди какого-то сверхчеловъческаго контральто...

 Что, хорошо?! — спросила восхищенная Анна Павловна, смотря на брата ра-

достными глазами.

Но тоть, еще бол в мрачный, насупившись, складываль уже предъ ней па столь и смычокъ, и скрипку. — Не миъ-съ! — буркнулъ опъ глухо въ

усы.

— Почему? Вамъ, вамъ, братець... Это Иванъ Петровнчъ, зятекъ любезпый, для васъ разыскалъ, ръдкость, говоритъ...

— Не по коню съно! —желчно отръзалъ

скрипачъ и усълся въ уголъ.

— Владиміръ Павловичь, пожалуйста, въдь это я по родетвенному! —добродушно и ласково заговорилъ Барсуковъ, всматриваясь невольно въ ръзкія, красивыя черты мрачнаго скрипача, съ длянными закинутыми назадъ сяльно посъдъвшими волосами и ръдкой, короткой бородкой. Этн черты, какъ и фамилія скрипача — Збойниковъ, казались ему почему-то какъ бы знакомыми, но опъ никакъ не могъ понять, почему именно. —Ей Богу я отъ всей души. Слышалъ, что вы музыкантъ...

— Ремесленникъ! — поправилъ скрипачъ. — Очень благодаренъ-съ, по я только ремесленникъ... А эта штука-съ — опъ кивнулъ мрачно на лежавшую скрипку, эта штука-съ впору только артисту для

пгры-съ... искусства-съ...

- Дидя очень высоко ставить искусство!.. — посифицила вставить Лиза ради смятченія.
- Это хорошо, искусство и пужно ставить высоко, продолжаль Варсуковь, ласково улыбаясь и все усиливаясь что-то припоминть, на то оно и искусство!.. Но зачёмъ же такъ... такъ... зачёмъ такъ уналять себя? Почему Владиміръ Павловичъ смотритъ на себя только какъ на ремесленника, а но...

— Потому что онъ пилитъ только всякую галиматью въ увеселительномъ оркестрѣ еъ! — сурово подхватилъ екриначъ

изъ темпаго угла...

— Это ничего не значитъ... Ради заработка... ради хлъба...

Скрипачъ сердито мотнулъ головой.

- Ради водки, ваше превосходитель-

ство!.. - ядовито отр'взалъ онъ.

Барсуковъ хорошо разсмънлся, — ему нравилась эта мрачная, ръзкая простота, она подкупала своей оригинальностью, непосредственной прямотой, вообще свойственной артистическимъ натурамъ. Съ нимъ разсмънлись и остальные. Соня прямо зазвепъла веселымъ дътскимъ хохотомъ, "инвалидъ" лаже хлопнулъ скрипача по колъну, тепло, дружески, Лиза улыбнулась и въ ея грустныхъ глазахъ мелькнуло что-то большее простого благоволенія, а вдова весело развела руками.

— Есть этотъ гръхъ, есть!—говорила опа, радостива и веселая, шутливо укоризиенно качая головой и улыбаясь.—Что

гръха танть... есть... Ни головой, ни сердцемъ Господь не обидълъ, ну, а этотъ гръхъ есть.

Барсуковъ сивялся...

- Что жъ, это почти общій спутникъ нашихъ талантовъ, чего туть! говорилъ онъ мягко и снисходительно-добродушио. Ничего пе подълаешь, такъ ужъ давно повелось у насъ... Но позвольте, Владиміръ Павловичъ, я вотъ никакъ не могу припомить... Вы... вы... ваши черты, ваше имя миъ какъ будто знакомы... Гдъ то, по мы непремънно встръчались...
 - Должно быть... — Но гдъ, когда?!..

Скрипачъ поднялъ голову и сощурилъ какъ бы съ улыбкой умные глаза.

— Забыли-съ?

 Къ сожалѣнію, —да! Никакъ не могу припомнить!.. — извиняясь, говорплъ Барсуковъ... — Никакъ!..

— Скиньте-ка, ваше превосходительство, льть двадцать пять со счета!..—и скрипачь улыбнулся.—Четверть въка да, пожалуй, и съ хвостикомъ!..

Ну?—Барсуковъ вопросительно под-

пялъ брови.

— Alma mater!.. Pugna ad Dresden!..

Забыли?! Чтожъ, впору забыть-то...

Барсуковъ откинулся на спинку дивана... Точно лучъ свъта ворвался въ его намять и сразу освътиль все то, что никакъ не давалось... Опъ вспомнилъ... Это было давно, очепь давно, когда онъ самъ былъ еще юнымъ студентикомъ перваго курса, такимъ же, какъ и всв тогда... Онъ вспомнилъ тогдашнюю "курилку", густыя, непроглядныя облака табачнаго дыма, оживленныя, молодыя, горфвийя жизнью, лица, страстные споры, горячія. смълыя ръчи... Все, все онъ вспомнилъ... И въ волпахъ этого густого дыма, въ массъ этихъ ожившихъ молодыхъ лицъ передъ нимъ воскресли какъ живыя - ръзкій, энергичныя черты красиваго лица, откинутые назадъ волосы, горящій, смілый, пронозывающій взглядъ и захватывающая

Такъ вы... вы... тотъ?...

— Владиміръ Збойниковъ, медикъ VI семестра!..

— Вы были потомъ...

— На излъчении въ Пинегъ... Семилътній лъчебный курсъ, гдъ и пріобрълъ пристрастіе...

- Тоже помню...

— Еще бы! Ваше превосходительство прислали мив сочувственный привыть тогда чрезъ матушку, которая валялась въ ногахъ за сына у вашего дяди!..

Барсуковъ не разслышаль язвительнаго това и покачнуль только головой въ знакъ того, что и это вспомииль. Каковобы пи было пастоящее, но человыкь всегда почти тепло вспоминаетъ свое далекое прошлое, даже діаметрально противоноложное этому настоящему... Такъ было и съ Барсуковымъ... Тепло этого прошлаго пахнуло на него и весь онъ находился теперь подъ его обаяніемъ...

- Да, много льтъ прошло! - вздохнулъ

· II воды утекло не мало-съ!

Кругомъ стола тишина, - вев упорно молчали, - только часы тикали, да шумпо вертълся вентиляторъ. У Лизы съ мужемъ горъли глаза и блъдныя щеки окрасились легкимъ румянцемъ. Молоденькая хорошенькая Сопя сидъла безучастно, мало понимая, всецъло слъдя за строчкой своего узора, — она вышивала жених у "souvenir". Только Апн'в Павлови в было не по себъ, - она боялась за впечатление Барсукова.

Ну, и полно, зятекъ! Что попусту толочь прошлую воду... У насъ, вопъ

теперь свое лучшее есть...

Но Барсуковъ еще находился подъ обаяніемъ.

- Нътъ, пътъ, мамана, - отчего же не вспоменть прошлаго. Иногда, знаете

ли, оно бываетъ сладко... - Мало тебъ сладости-то!? - шутливо укоризненнымъ тономъ подчеркнула вдо-

ва, точно гивваясь.

Барсуковъ разсмъялся.

Довольно, довольно, погорло мамаша! отъ сладкаго и хочется сладкаго... Хорошее было время тогда, воть что!...

Ну ихорошее, только горла драли!...

Что туть хорошаго то?

Горла драли!? — и Барсуковъ снова разсивялся. — Что-жъ, пожалуйн это правда... Всь увлекались тогда, -вотъ, --и я тоже... горло дралъ! - онъ звонко засмъялся. — Ну да то были совсъмъ иныя... безобидныя увлечевія и, говоря по правдь, къ нимъ относились слишкомъ строго, - онъ не заслуживали такого отношенія... Молодо... зелено... радужныя химеры!.. Правда? — обратился онъ къ скрипачу.

- Какъ теперь, — радужным ассигнаціи!?. — отръзалъ тотъ мрачно и злобно. Барсуковъ не понялъ и захохоталъ.

— Радужныя ассигнацін!? Что-жъ, это правда, - люди стали теперь практичиње и заботятся о своемъ счасты...

Счастьи!?...

Лиза вздрогнула. Чуткая, она зам'ьти-

ла какъ у скрипача перекосило лицо, какъ вспыхнули у цего глаза и сразу поняла, что грозить Вдкая, желчная выходка... Пужно было отвратить грозу какимъ-нибудь сильнымъ средствомъ...

 Не выпить ли намъ. не закусить ли, мамаша? — паходчиво перебила она. Это быль самый тонкій ходь, который едвлаль бы честь любому дипломату...

Анна Павловна поняла это сразу чутьемъ и, кинувъ "уминцъ" благодарный взглядъ, сейчасъ же подхватила: - да, да, закусить и выпить! - Непремённо, непремънно!

Барсуковъ даже поднялся съ мъста.

- Вотъ, это такъ! Копечно выпить! Какъ старые коллеги, Владиміръ Павловичъ, —a, — за alma mater, —идетъ!? Вы къ чему питаете больше склонности?

Скрипачъ проглотилъ готовую было сорваться ѣдкую реплику и отвътилъ ме-

нъе мрачно...

- Къ вдовицъ...

Канко?

Поповой!...

Поднялся хохотъ, - хохотала и Соня, а у Анны Павловиы, счастливой и довольной, что все пришло къ такому безобидному и спасательному выходу, отъ смъха дрожали на глазахъ даже слезинки.

Олъ у насъ віренъ закону-то! -хохотала она. — Какъ обручился съ одной, такъ и не отстаетъ... Примърный супругъ!..

Подали закуску и оживленіе стало еще больше. Барсуковъ излилъ рюмки, но скрипачъ протянулъ прямо стаканчикъ.

Пе люблю рюмокъ! — буркнулъ онъ

Барсуковъ весело налилъ ему стаканчикъ и поднялъ рюмку.

lly, старый collega, —за alma mater,

a?! Gaudeamus igitur.

Ладно! Только и со второй строкой.

— Ну, какіе же мы съ вами теперь juvenes?!

- Я все тотъ же!.. Я не сжигалъ-чему поклопялся!...

- А, - значитъ, не укатали сивку и крутыя горки?!

Этого не укатаешь... Все пронито, по... За Сопю, за невъсту и жениха!...

перебила ловко "умпина".

Во второй разъ она подоспъла во время съ своимъ тактомъ, хотя Барсуковъ быль въ такомъ хорошемъ настроеніи, что благодушно приниль бы все, кажется... Ен тостъ, живо подхваченный, направилъ все въ другую сторону, - явилась нован тема, никантностью которой служили одни румянцы стыдливой Сопи... Надъ ней подшучивали, увъряя, что она горитъ, а счастливъя Анна Навловиа въ довершение всего заставила ее въ концъ концовъ поцъловаться съ Барсуковымъ...

— Непрем'янно, пепрем'янно—настояла она.—Что тутъ дурить, —черезъ три дня "Исаія лакуй", —пусть привыкаетъ... При вс'яхъ, при вс'яхъ!.. Горько! Горько!..

Они поцъловались... Скрипачъ мрачно глоталъ стаканъ за стаканомъ и въ разговоръ не вступалъ. Съ каждымъ глоткомъ онъ становился мрачите и все больше уходилъ въ какую-то сосредоточениую думу, ни на что и ни на кого не обращая вниманія, подчасъ что-то бормоча про себя. Когда же Барсуковъ уъхалъ наконець въ самомъ благодушномъ настроеніи, тепло. родственно распрощавшись съ каждымъ, онъ выплеснулъ въ стаканъ послъдніе остатки изъ бутылки, выпилъ и обратился къ Василію Аркадьевичу, на плечо котораго Лиза положила нъжно свою голову, что-то говоря мужу.

— Ну, что "инвалидъ". — доволенъ "шестидесятникомъ" — а?! Кажись, благо-

родно велъ я себя... а?!

Умное, немного холодное, замкнутое лицо пивалида осевтилаласкованулыбка.

— Благородно, — да не совствить...

— Фу, ты, — этимъ послъдышамъ, семидесятникамъ ничъмъ не угодишь! Какъ такъ!? Что такое? Говори!..

— Ты знаешь, -- я не люблю, когда ме-

чутъ бисеръ...

— Развъ я металъ?!

— Собирался, —да вотъ, "умища" не допустила!.. Два раза выручала... Какъ ты не хочешь понять, что порою ръчь— серебро, а молчанье—золото!..

Скриначъ разсердимся.

 Это опортюнисты выдумали на руку "инвалидамъ"!..

— Пусть такт, — но согласись, что ръчи безъ дъла — метанье бисера ...

Скрипачъ насупплся и отверпулся... Бутылка была пуста, въ стакавъ ни капли... Онъ налилъ ликера, и, хотя съ отвращеньемъ, но выпилъ залиомъ... Потомъ онъ закрылъ лицо руками, и сквозъ пальцы у него проступили вдругъ и закапали крупныя слезы.

— Все пропиль, все, все!... Воть оно, мое дьло,— онъ со злобой ткиуль пустую бутылку,—все туть!... Гамлеть щиг-

ровскій!... Пьяница!!

Скрипачъ заскрежеталъ зубами и зарыдалъ какъ малый ребенокъ, вздрагивая, судорожно всхлипывая, захлебываясь, — илечи его тряслись и ходили вверхъ и впизъ. Это были жгучія, искрен-

нія слезы пьянаго созпанія разбитой жизни, растраченныхъ по вътру силъ, жестокія пышыя слезы санобичеванія и покаянія. Онъ рыдаль и скрежеталь зубами... Лиза съ мужемъ ласково, съ жалостливымъ участіемъ давно бились падъ нимъ, уговаривая, успоконвая, предлагая воду и эфирныя капли, по скрипачъ пе хотьль пичего видъть, ни слышать... Опъ отмахивался отъ нихъ рукой, кикъ отмахиваются отъ тыхъ, кто безпоконтъ и мышаетъ, и продолжалъ рыдать. Они дъйствительно мъшали, — мъшали неодолимой потребности болъть, страдать, бередить эту боль еще больше, вызывая въ лихорадочно горфвшей, возбуждевной виномъ. памяти самые гнетущіе, самые мрачные призраки... Эта бользненная потребность, иногда до того острая, что пныхъ приводить прямо къ самоубійству, - овладъла имъ какъ истеричный прицадокъ, съ которымъ нътъ сладу, которому непремънно нужпо дать разръшиться слезами. Во всякомъ случав, чувствовалось, что бъдняга переживалъ н'вчто невыразимо больное и жестокое...

— Это я... я виновата!—металась блъдная добрая Лиза, полная отчаянія, сожальнія, раскаянія.—Это я!... О, бъдный, бъдный дядя,—мало онъ наплакался, что ли!... И зачъмъ это я предложила выпить, Господи! Въдь, онъ пришелъ совсъмъ трезвый п о винъ даже не занкался...

Встревоженная, смятенная Апна Павловловна и накинулась на нее, и какъ буд-

то успоконть хотьла...

— Ну, Лиза, — ты еще начни, — недоставало! Чего туть?!.. Нужно-жъ было какъ-инбудь отвести, — въдь онъ Богъ знаетъ какихъ словъ наговорилъ бы, сама знаешь. Поплачетъ, поплачетъ и перестанетъ, — экая бъда. — выпилъ лишиее. — только и всего! А своими словами онъ, не дай Боже, все наше счастье разбилъ бы!

— Ахъ, это счастье!... Тоже, — подумаешь...

Съ такимъ нервнымъ, раздражительнымъ, звучавшимъ полупрезрѣніемъ, окрикомъ Лиза кинулась на диванъ и чутьчуть не заплакала сама... Василій Аркадьевичъ ласково гладилъ волоси рыдавшаго скрипача и тихо уговаривалъ.

— Полпо, Владнмірт, Павловичт, —будетт... Прости, —это я тебя своими словами... Ну, прости же, перестань... Хо-

чешь воды?

Но тоть пересталь уже, также внезапно, какъ и пачалъ... Все прошло, исчез-

ло, не оставивъ въ намяти казалось и слъда... Чувствовались облегчение, истома, полная покоя, но въ то же время п сильная слабость... Пужно было подкрыпить себя хоть этой слащавой мерзостью, - какъ пазы. вали скрипачъ вина, -и, обинувъ бутылки невесслымъ взглядомъ, онъ налилъ чегото, не разбирая, и выпилъ. Потомъ онъ снова налель стакань и, съ обычной у алькоголиковъ ръзкой измънчивостью настросиія, подняль его и сказаль:

- Ну, а все-таки какъ Пушкипъ сказалъ: Пусть явится солнце и скроется

У всъхъ отлегло сразу. Анна Павлов. на засм'вллась и сейчась же засыпала словами:-Ну, вотъ, -ну, вотъ, -и слава Богу! - Лиза весело вскочила, какъ бы помолодъвшая, задорная.

— И я выпью съ вами, дядя, и я,давайте!... Ну. - пусть явится солице!...

И скррростся тьма! — пробасилъ скри-

— Само собою тогда она скроется... Что се поминать!

- Такъ ужъ давайте п л!-присталъ Василій Аркадьевичь, не любовшій нина. — Пто-жъ, — на людяхъ и смерть красна! Только ты, Владиміръ Павловичъ, не пей уже больше...

Они выпили всъ трое и расцъловались...

Эхъ, вы, семидесятники! Conspiratores, diplomatores! — вольначаль скрипачъ съ латынью, - люблю я васъ!... Хоть "непротивленцы" и подавили васъ п теперь вы только инвалиды, - а все-таки!...

— Ну, брать, -это еще бабушка и на двое не ворожила! — отвътилъ Василій Аркадьевичъ, - но Лиза почему-то печально вздохнула и вставила пессимистически:

— Хорошо, кабы такъ-то!...

Скрипачъ опять не остался почевать, какъ его ни упраливали, боясь что онъ пепремінно загуляеть... Онъ ссылался на то, что его тянетъ пройтись, освъжиться, божплся, что пить не будеть, такъ какъ завтра предстояла оркестру горячая "плясовая" работа на купеческой свадьбъ. Скрипки опъ такъ и пе взялъ, къ удовольствію Анны Павловны, боявшейся какъ бы та не очутилась сразу у Кузьмина въ ссудной кассъ, - этотъ Кузьмниъ быль общій благод втель всего переулка, и, прощаясь, попросиль у Лизы двугривенный... Съ такими просыбами онъ обращался только къ одной Лизъ и въ ръдкихъ случаяхъ еще и къ ся мужу.

 Дай-ка "умница" двугривенцый… Ни грота!...

Веселая, радостная Лиза подпесла ему. къ крайнему его изумлению, вмъсто двугривеннаго десять рублей.

Будетъ уже двугривенничать-то...

Вотъ вамъ...

Скрипачъ неръшительно принялъ ас-

 Отрывокъ "счастья", а?! Калымъ за Соньку?..

— Оставьте, будетъ!.. Вы вотъ и не знаете еще, что Вася получиль очень хорошее мъсто въ правлении дороги,отвътила Лиза и сейчасъ же перешла къ другому. — У васъ, дядя, калоши совстыъ плохи, тоже и шарфъ, - вотъ, о чемъ нужно думать...

— У Сократа, "умница", и такихъ не

было!..

 Резонно! — вставилъ Василій Аркадьевячъ.

Всъ засмънлись, засмъялся и скрипачъ, на отрызъ отказавшійся впрочемъ принять еще десять рублей и оть Анны Павловны...

 Будетъ-съ! — крикнулъ онъ, пряча въ карманъ брюкъ Лизины деньги. - А ты шмендеферствуешь, братъ, вотъ какъ!? Не зналъ... Что-жъ, либеральная профессія, либеральнъе акциза, -- совстить подъ стать инвалиду... Много украль уже?

Пока инчего, — захохоталъ инва-

лидъ. - Другихъ усчитываю...

Ну, п какой же ты посль этого

имендеферъ!?

Стояль уже поздній чась ночи, свъжей, морозной, съ яркими, мерцавшими звъздами. Улицы, переулки, бульварыбыли пусты, все безпробудно спало. Спали и несчастные "Ваньки", закутавшись въ санныя полости, уткнувшись головой въ козлы, и ночные сторожа въ своихъ накидныхъ тулупахъ, похожихъ на домино, и даже городовые подремывали, приткнувшись къ стънъ или подъезду, и полузакрывъ глаза. Вездъ было тихо и глухо. Только собаки кой-гдъ поднимали злобный лай, хриплый съ просовокъ, и, въ безсильной ярости, тщетно тыкались мордами въ подворотныя щели, заслышавъ шаги одинокаго пътехода. Скрипачъ все шелъ и шелъ, не чувствуя ни мальйшей усталости, совсымь не замычая разстояны, бодрый, точно юноша, спъшившій на любовное свиданіе, шель подгоняемый и влекомый неугасимой, бользненной жаждой, обжигавшей небо, глотку, языкъ, отъ которой жестоко нылъ каждый пересохий первъ, которую не утолишь цълымъ моремъ, а только, казалось, рюмкой, или хотя бы даже одной каплей

водки. Хоть бы каплю, хоть бы только одну каплю! — страстно молилъ каждый первиый атомъ и скрипачь все шелъ и шелъ... Трактвры и лавки были давпо закрыты, но онъ зналъ, что на далекой окраниъ, въ самомъ центръ нищеты и голытьбы, трактиръ разстриги "Тигрыча" не закрывался всю почь для безсмъпно работавшей голи, нагрузчиковъ, дровяниковъ, посильщиковъ, которымъ нужно же было гдъ-нибудь отогръваться. Тамъ опъ чувствовалъ себя лучше всего и туда

направлялся. Пересъкая одинъ изъ фещенебельныхъ бульваровъ, скрипачъ увиделъ светъ въ окнахъ богатаго трактира и, какъ ни антипатичны были ему подобные роскошные пріюты для кутежей богатаго люда, онъ кинулся туда со всъхъ ногъ. Пеугасимая жажда заглушала и нобъждала всякую антипатію. Буфетъ, однако, быль уже закрыть, прислуга занималась уборкой, уносила и сдавала сопному эконому остатки, которые тотъ вяло записывалъ и ставилъ подъ номеръ. Скриначъ взмолился, но буфетчикъ, важный, высокомърный, осмотрълъ его съ головы до ногъ черствымъ, жестокимъ взглядомъ разъвышагося холопа, повернулся къ своей книгь и процедиль только одно безапелляціонное: буфетъ закрытъ-съ!...

 Стаканъ... рюмку! — молилъ скрипачъ, протигивая свою десятирублевку.

Но что значила для того десятирублевка, когда онъ пестоянно держалъ върукахъ сотенныя!? Холопъ, не зпавній и не понимавній никакихъ слабостей, —у нихъ слабостей не бываетъ, —презрительно шевельнулъ губой, ясно давая понять это...

Проходите съ. Буфетъ закрытъ!

Но надъ несчастнымъ скрипачемъ сжалился одинъ изъ лакеевъ и тихонько сунулъ ему недопитую бутылку, на дн'ь которой оставалось еще дв'в три рюмки. Тоть протяпулъ ему свою бумажку, но лакей только рукой махнулъ...

- Сдачи нъту, баринъ... Послъ, ког-

да, отдадите-съ!- и вздохиулъ.

Скрипачъ счастливо глотиулъ туть-же, а остальное донилъ на бульваръ. Сразу опъ почувствовалъ глубокое облегченіе, жажды какъ не бывало, перестало жечь глотку, языкъ, небо... Опъ ожилъ, пріободрился, вздохнулъ полною грудью, — совершенно также, какъ и путникъ, истомленный лътнимъ зноемъ и глотиувній холодной воды родняка. Но къ сожальнію не на долго. Та же страшная жажда, тотъ же огонь вернулись и какъ бы удвоенные, или утроенные даже въ своей интен-

сивности. Если прежде еще можно было бороться съ недугомъ, подавить его сильнымъ напряжениемъ воли, то теперь, казалось, позывъ былъ силытье всякой воли, всякаго хотънія и овладълъ человъкомъ всецъло и нераздъльно. Каждый атомъ нылъ и дрожалъ однимъ и тъмъ же: пить, пить, пить! И скраначъ опять зашагалъ, не чувствун усталости, пе сознавая разстояній, влекомый неугасимою и неудержимой жаждой, которая прямо сжигала его. Въ ушахъ у него стоялъ какой-то странный раздъльный звонъ, точно бы тысячи и тысячи маленькихъ мякроскопическихъ колокольчиковъ вытесть, сливаясь въ одно целое и въ тоже время, каждый звеня про себя отдъльпо, не сливаясь съ другими... Онъ задыхался, - груди, казалось, не хватало воздуха, сердце билось неровио, скачками, и скриначъ распахнулъ пальто.

— Чор-р-ртъ возьми, хоть бы рюмку

одну, хоть бы каплю!..

Опъ закусилъ губы до боди и зашагалъ еще скоръе, раздраженный, почти озлобленный...

Но недалеко уже отъ желанной цъли его остановилъ громкій вопль и плачь женщины съ маленькаго бульварчика, которая отмахивалась отъ двухъ преслъдовавшихъ се кавалеровъ, пьяныхъ, порывавшихся пустить въ ходъ силу. Скрипачъ былъ тутъ какъ тутъ. Эти несчастныя, обездоленныя созданія бульваровъ пользовались у него всегда покровительствомъ, онъ заступался за нихъ и раздариваль имъ все, что у него бывало... Доброе, жалостливое сердце, чистое, какъ и въ дин светлой юности, относилось къ иимъ особенио любовно, сострадательно, въ каждой изъ нихъ опъ видълъ роковую жертву. И теперь, раздраженный, раздосадованный своей огненной жаждой, скрипачъ налетълъ особенно вониственно и съ такимъ азартомъ толкнулъ кавалера, схватившаго за платокъ визжавшую женщину, что тотъ полетълъ кубаремъ въ спъгъ.

- Чего пристаете, меррр-завны! - ре-

въль скрипачъ. — Вонъ!

Женщина сейчасъ повернулась и быстро исчезла съ бульвара. Скрипачь схватилси за сердце, — оно у него какъ бы замерло сначала, а потомъ застучало болъзиенно, перовно, скачкани, точно судорогой, звонъ въ ушахъ усилилси. Упавній кавалеръ поднялся, встряхнулся и падъль шанку.

— Ты чего же дерешься, — начальство, что ли?! — говориль опъ, подступая. — Радъ, что выросъ съ Сухареву башию?..

- О, это правда, заговорилъ другой кавалеръ, выходя изъ столбняка, въ который повергла его неожиданная расправа скринача съ товарицемъ. Софсъмъ правда... Настоящій Сухарефъ башпя... Да... да...
- Ишь, заступникъ выискался!—продолжалъ первый. — Мужъ ты, что ли, этой наскудъ?!

 Да, да! Фн разф'ь мужъ?—какъ эхо вторилъ товарищъ и вмецкимъ акцентомъ.

— Братъ! — отръзалъ гиввный скрипачъ. — Слышите? Пррроваливайте же!.. Къ чорррту!..

 Ну, и сестрица-жъ! – съпронизировалъ первый, топчась на мъсть, какъ всъ

пьяные. - Можемъ поздравить...

— Ошень карошъ сестра... Xa-xa-xa!.. Прекрасный мамзель!— залился хохотомъ второй.

Скрипачъ сверкалъ глазами.

— Лучше васъ обоихъ... Вы кто такіе?!

— Ми?—подхватилъ съ апломбомъ нъмецъ, выпрямляясь и отчеканивая. — Ми прусски подданни, кальбасныхъ дълъ изъ магазина го сподинъ Ипротъ... Вотъ, кто ми!..

— А вы?

— А мы по мучной части-съ...

— То-то вотъ... Людей тухлятнюй кормите, да обвъшиваете! А она кому зло дълаетъ?! Себя только губитъ, несчастная!

Грррабители!

Это показалось обоимъ самымъ обиднымъ, обидиве толчка... Пошла ругань и угрозы мировымъ за клевету и оскорбленіе, но скриначъ не слушалъ. Онъ подходилъ уже къ зав'ятной ц'яли и осв'ященныя окна трактира "Тигрыча" дышали ему въ упоръ сладкимъ прив'ятомъ... Звуки гармоніи, плясовыхъ и всенъ и тонота пировавшей голи, тоже ловившей моментъ своего счастья по своему, ласкалъ его слухъ сквозь этотъ неперестававшій звонъ и шумъ въ голов'ь.

— Ишь, мон бароны, какъ разгулялись!!—любовно, радостно буркнулъ онъ себъ въ густые усы. —Ловко! Хоть часъ

да нашъ!

И, шумпо отворнвъ дверь, вваливаясь вънизкую душную компату грязнаго трактира вмъстъ съ тучей холоднаго воздуха, опъ громко крикнулъ, точно слова команды:

— Здорово,ой, тылгой еси, голь кабацкая!

Его сразу узнали.

Студенть, братцы, скрипачъ!...

И ивсколько дюжихъ голосовъ радостно отвътили ему хоромъ.

— Рады стараться... a... a!..

"Тигрычъ", подозрительно осмотръвшій со встхъ сторонъ десятирублевку, удовлетворился осмотромъ и выставилъ водку... Шпрокій пьяный разгуль, вольный и дикій, какъ степной вътеръ, веселый какъ воля, разливался все шире неудержимой, страстной волной... Все пило. хмълъя больше и больше, пъло, илясало, - гармонія въ рукахъ хмъльпого фабричнаго то пъла, то плакала, то емъялась... Скриначъ пилъ у стойки и, стоя, не сводиль восхищенныхъ, добрыхъ глазъ съ ликовавшей дорогой ему и близкой кабацкой голи, полный восторга и счастья... Счастливая улыбка то и дъло раздвигала углы его рта, шебелила густые усы... Старый "тестидесятпикъ" весь ушелъ въ это созерцание, счастливое, радостное и въ глазахъ его свътилась такая глубокая, чистая любовь, такая бездонная любовь къ этой вищей, оборванной голи, что вотъ вотъ, казалось, она брызпетъ изъ глазъ слезами и не слезами, а цълыми потоками слезъ. Голова у пего кружилась, шумъ и звонъ все росли, онъ терялъ представленіе, гдъ онъ и что съ нимъ... Вино туманило сознаніе и въ этомъ сладкомъ тумань поднимало и рисовало свои миражи, блестящіе, какъ фата-моргана сухихъ горячихъ степей... То ему мерещилась сычь изъ Тараса Бульбы и опъ одобрительпо кричалъ толив: – Добре, хлонцы! Валяй, – валяй во всю!-то почные, буйные станы волжекихъ атамановъ и, выпримляясь, сверкая горъвшими энтузіазмомъ глазами, онъ повелительно гремълъ старинное: "Сарынъ на кичку!"... А въ отвътъ сму неслись безшабашные звуки весслыя, гармонін, топота и разудалой русской пъсви...

— Ой ты, голь кабацкая! Такъ...

такъ... такъ!.. Вал...л...ляй!

Но вдругь пеустанный шумъ и звопъ оборвался и въ глазахъ у скрипача блеснули красные круги... Моментъ,—и сознание какъ бы сразу прояснилось, — теперь именно опъ увидълъ только гдъ опъ и кто онъ... Предъ нимъ прямо когда-то читанияя страница изъ романа Виктора Гюго...

Ясный солнечный день и широкая залитая моремь головь площадь Парижа... Опъ слышить многотысячный шумъ и страстиые, жгучіе аккорды зпакомаго мотива... Невыразимое блаженство охватываеть его грудь и вызываеть на горящіе глаза двъ слезы почти печеловъческаго счастья, отъ котораго онъ буквально задыхается... Моментъ, —и опъ уже тамъ... съ инми.. у этихъ поднятыхъ гордо знаменъ, полный страсти и отваги, которымъ нътъ ни мъры, ни предъла, ни удержу!..

— En avant! — крикнулъ онъ во всю

силу своихъ могучихъ легкихъ.

Крикнулъ и зашатался... Что-то оборвалось у него внутри вмъстъ съ этимъ вырвавшимся изъ сердца крикомъ... Онъ упалъ на руки, но счастливый, полный эптузіазма, пылая отвагой, поднялъ еще голову и улыбнулся...

- Aux ar...r...mes!

На усахъ у него показалась яркая красная капля крови, — но ее викто пе замьтилъ... "Тигрычъ" покачалъ головой и совсъмъ сонный процъдилъ, лъниво зъвая:

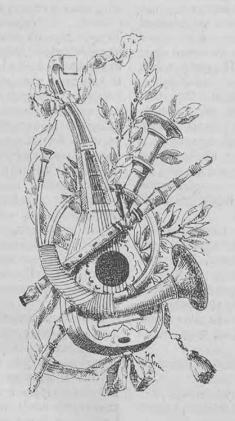
- Свалился, наконецъ, - не осилилъ!

Ну, и дюжъ человъкъ пить-то... Страсть сколько можетъ выпить-то, — знать, черезь край!..

Лежавний ницъ у стойки неподвижный скрипачь не мьшаль никому... Широкій пьяный разгуль, вольный и дикій, какъ степной вътеръ, веселый какъ воля, разливался все шире неудержимой, страстной волной... За нимъслъдилъ, не моргая, открытый взоръ добрыхъ, сърыхъглазъ, въ которыхъ застыло бездонное счастье любви и отваги, ему отвъчала добрая, неподвижная улыбка съ запекшейся на усахъ кровавой каплей...

(Продолжение слидуеть).

Григорій Мачтетъ.

Наблюденія и замѣтки о художественномъ творчествъ Микель-Анджело.

Леонардо да Винчи (1452-1519 г.), Микель Анджело Буонарроти (1475 — 1564 г.). Рафаэль Санти (1483—1520 г.), Антоніо Аллегри Корреджіо (1494—1534 г.) и Тиціано Вечелли (1477— 1576 г.) — вотъ тъ великіе генін, съ именами которыхъ, какъ для современниковъ, такъ и для поздивищаго потомства, неразрывно связано представление о высочай. инемъ развитии и роскошивниемъ процевтании живописи. Всв они являются истинными представителями своего въка, въка Возрожденія, этой блистательной эпохи освобожденія человъчества отъ тёсныхъ узъ средневёковыхъ жизпенныхъ условій и традицій, но и каждый изъ нихъ является представителемъ своего особаго, самобытнаго направленія, своего независимаго воззрънія на жизнь и природу. И каково бы ин было это направление и воззръніе: широко за и многосторонне, какъ у Леонардо, Рафазля и Тиціана, узко ли и одностороние, какъ у Микель - Анджело и Корреджіо-каждый изъ нихъ выразиль его съ такою убъдительностью, исчерналь съ таполнотой и глубиной, что даже для новаго поконедюжинцыхъ представителей абнія только и остались двв возножности: или пачать весь трудъ сызнова, обратившись къ исключительному изученію одной только природы, какъ и сдълали натуралисты 17-го въка, или попытаться соединить всъ особенности тъхъ великихъ мастеровъ въ одно цълое, какъ задумали такъ называемые эклектики. Глава послъднихъ, Лодовико Караччи, оснований въ сообществъ со своями родственниками, братьями Агостино и Аннибале Караччи, въ концъ 16-го въка, въ Болоньъ, академію живописи, «Academia degli Incamminati» (обращенныхъ на истиный путь), постановиль за правило въ рисункъ слъдовать антикамъ, въ величественности — Микель-Анджело, въ композиции - Рафаэлю, въ колоритъ-Тиціану и вообще венеціанцамъ, въ пре-

лести — Корреджіо. Попытки натуралистовъ какъ Караваджіо и Рибейра, дали нервый толчекъ къ возникновснію новаго направленія въ пскусствъ, но и низвели искусство до рабскаго подражанія природъ; нопытки эклектиковъ, какъ братья Караччи, Гвидо Рени, Альбано, Доменикино и т. д., оказались безнлодными усиліями удержаться на высотъ, достигнутой тъми великими геніями, и способствовали не мало наденію искусства, пеудержимо совершающемуся въ Италін въ продолженіе 17-го въка.

А въ числь тъхъ недосягаемыхъ геніевъ современники безусловно отдавали первенство Рафаэлю и Микель-Анджело, ставя выше ихъ. и называя первымъ геніемъ Италіп только одного Данта. Рафаэля, конечно, ставили выше Микель-Анджело: широта, глубина, задушевность и всепримиряющая гармонія его художественнаго творчества и неодолимое обаяніе его личности производили такое впечатавніе, что, признанный за нимъ эпитетъ божественнаго (il divino) кажется естественивишимъ выраженіемъ искренияго почитапія, а отнюдь не безсодержательною ходячею фразой. Даже извъстный біографъ птальянскихъ художинковъ эпохи Возрожденія, не отличающійся особенною справедливостью и безпристрастностью въ своихъ сужденіяхъ, усердный поклонинкъ и почитатель Микель-Анджело, отдаеть безусловпое предпочтение Рафавлю, восхваляет высоту и совершенство его искусства, которыя едва ли кто будеть въ состояни превзойти, и удивляется его способности возбуждать въ кругу художниковъ то, что противно натуръ живописцевъ: «Всякое дурное настроеніе исчезало, линь только увидять его: являлось соглясіе, изгонялись изъ души всв инзкіе помыслы, и все оттого, что они сознавали себя побъжденными его привътливостью, его искусствомъ, а еще болъе властною сплою его прекраспой натуры». Діаметральною противоположностью

этой свътлой, отрадной личности явлиется Микель-Анджело, суровый, нелюдимый, недоступный и даже отталкинающій характерь, въ художественномъ творчествъ удивляющій и поражающій колоссальностью своихъ замысдовъ и смедостью выполнения ихъ, везде и во исель неудержимо стремящійся къ первенству и всегда достигающій его въ сфер'в своего самобытнаго міросозерцанія. Лачность безусловно незикая, вполив заслуживающая данный современниками эпитеть «il gran Michel-Angelo». По самобытности своего генія онъ безспорио превосходить Рафавли, по уступаетъ ему нъ широтъ кругозора; Рафаэль чутко отзывается на всякое жизпенное явление, воспринимаеть, переработываеть и возводить его въ иденлъ - Микель-Анджело упорно держится односторонняго взгляда, смотрить на природу со своей исключительной точки зрвиня и создаетъ свой особый міръ. Микель-Анджело самый субъективный художинкъ. Едва ли справедливо поэтому называть его безусловнымъ реалистомъ, какъ это часто дълается. Онъ, дъйствительно, схватываетть вибиности, изучаеть ихъ основательно, выражаеть ихъ съ поразительною жизненною прандой, но комбинируеть иль по своему, возводить до прелъдовъ. небывалыхъ въ природъ, и такимъ образомъ не воспроизводитъ жизненныя явленія, а создаеть свои мощные образы, которые одни только и способиы къ олицетворенію его глубокихъ, захватынающихъ идей. Онъ одностороненъ, и въ этой односторонности не знаетъ предъловъ. Рафаэль, спончавшійся на 37-мъ году, въ полномъ цвътъ жизпи и сплы, какъ будто бы вполив завершиль свою жизненную задачу, кикъ будто бы высказалси весь во всей глубиить своей чистой и ясной дунии; Микель-Анджело, доживини до 89-го года своей жизии п пеутомимо трудившійся въ продолжевіе 75 лътъ, какъ будто бы еще не исчерналь всецило всю сокровищищу своей фантазін, и дъйствительно оставиль много недодълашиго, неконченнаго, невыполиенияго. И все это въ одной узкой сферт, въ области ограниченной даже сравнительно съ ограниченностью круга художественной д'ытельности данной эпохи. Идеализированный образъ человъка-вотъ въдь исключительная задача художественняго творчества въ вноху Возрожденія въ Италін; «наслажденіе вновь открытымъ человъкомъ» какъ мътко замъчаетъ Бургхардтъ-вотъ основный принцинъ этого творчества. Вся окружающая его природа отступаеть на задий плань, двлается незначущимь иксессуаромъ. Для Микель-Анджело природа совствить не существуеть: онъ видитъ только одно человъческое тъло. Между тъмъ, кикъ напр., Леонардо да Винчи и Гафаэль тщательно вынисывають: одинь-свои излюблен-

ные скалистые пейзажи, среди которыхъ, или предъ которыми сидятъ его Мадонны и Святыя Семейства, другой — незатыйливые виды своей умбрійской родины съ топенькими и жиденькими деревцами на заднемъ и высокими цвЪточками на переднемъ плинъ – Микель-Анджедо представляетъ намъ миого-много что пустой влочекъ земли, суковатое, голое или кое-какъ прикрытое листвою дерево даже тамъ, гдъ изображаемое дъйствіе происходить въ раю, какъ напр. при оживленіи Адама, сотворенін Евы и грѣхопаденін, на потолкі Сикстинской часовии. Итички или барашка, этихъ обычныхъ аксессуаровъ Святыхъ Семействъ, тоже нигдъ не найдемъ у него, а изображенія животныхъ только и встръчиются у него на двухъ картинахъ, гдв нельзя было безъ нихъ обойтись: это скачущая лошадь па фрескъ обращевія Савла, въ Capella Paolina, и жертвенныя и выпущенный изъ ковчега животный на жертвоприпошении Ноя, на потолкъ Сикстииской часовии. Но и самый образъ чело--ый опредставляется для Микель-Анджело тьс но-ограниченною задачею: его запимаютъ только вопросы о строснін и подвижности человъческаго тъла. На эти два вопроса сводится вся его дъятельность въ области скульптуры в живописи: всядь иы видимъ нап простое воспроизведение характеристичныхъ проявленій въ строенін тъла, въ движевіяхъ и положенияхъ его, или возсоздавание тълесныхъ типовъ, движеній и положеній, способныхъ служить выраженіемъ положенныхъ въ основание идей. Въ этомъ отношении нельзи не замътить ивкотораго сходства мегкду Микель-Анджело и Корреджіо. Последній, будучи почти такимъ же субъективнымъ и самобытнымъ геніемъ какъ Микель-Анджело, задается тоже исключительно вопросомъ о подвижности человъческого тъла, но у него эта подвижность служить къ выражение жизперадостной прелести в граціи, у Микель-Анджело же только къ выражевію суровости и сдержанной или псудержимой силы. Ігорреджіо не такъ одностороненъ: для него существуетъ природа, разнообразіе жизненныхъ типовъ, обаятельная прелесть игры свъта и тъни; для Микель-Анджело не существують ин природа, ин пънная красота или прелесть, ни колоритъ или свътотъпь. Мощные и колоссальные тълесные типы, сложные и трудные мотивы движеній и положеній, строгая отчетливость въ очертаніяхъ, изумительная върность въ рисункъ самыхъ сявлыхъ раккурсовъ-вотъ, за весьма пемпогими исключеніями, выдающіяся вижшиія стороны его художественнаго nan pabaenia.

Для насъ, людей новаго времени, Микель-Анджело, конечно, еще болъе чуждъ, чъмъ кто-либо изъ его великихъ современниковъ.

Мы не видимъ болье, подобно итальянцамъ его времени, въ образныхъ искусствахъ необходимую жизненную потребность; мы до пъкоторой степени утратили способность непосредственнаго пониманія языка этихъ искусствъ: мы пибемя вя живописи почичь и всейдурнаго воспроизведенія жизни и природы, и безъ пъкотораго насилованія себя и безь предварительной школы една за можемъ душою и мыслями хоть на мгновение уноситься въ тотъ дивный міръ идеализированныхъ образовъ, идеализированиой жизненной обстановки. Міръ же и языкъ Микель-Анджелова творчества до того бъденъ по содержанію, но въ этой бъдности до того богатъ чуждыми намъ формами, что мы безъ комментаріевъ не въ состояній уловить и малой доли его глубовихъ идей, и будемъ развъ только удивляться или недоумъвать при видъ его мощныхъ и смълыхъ или необычайныхъ и невфроятныхътиновъ и движеній. Микель-Анджело, и какъ художникъ, и какъ человъкъ, всецъло принадлежитъ уже только исторін, но исторін единственной въ своемъ величіп, памятники которой до нын'ї поражають человъчество своею грандіозностью. Новый Римъ съ его соборомъ Петра и Ватиканомъ немыслимъ безъ Микель-Анджело токъ же, какъ древнія Аонны немыслимы безъ Фидія. Лучшін произведенія Рафазія разсіяны по всей Европа, лучиня произведени Микель-Анджело пераздъльно связаны съ Римомъ и съ Флоренціею, этимъ вторымъ центромъ процейтанін штальянскаго искусства. Дъятельность Микель-Анджело такъ общирна и разпообразна, его умственная и душевная жизнь тикъ богата и глубока, его характеръ такъ тапиственно загадоченъ, что возможна была бы цълая литература объ немъ. Требокалось бы основательнайшее изучение и истичное понимание всего итальянскиго искусства предшествующихъ въковъ, всестороннее знаше данной эпохи, наконецъ глубокія психологическія сиъдънія, чтобы разъяснить п рышпть всіз вопросы касательно этой самобытивиней личности. Задачи настоящей статы не касается ръшенін какихъ-либо подобныхъ вопросовъ и состоить исключительно въ попыткъ намътить тъ особенно выдающіяся черты въ творчествъ Микель-Анджело, которыя могуть содъйствовать нозбужденію интереса и облегченію пониманія. Полагам, что кром'в пемногихъ спеціалистовъ, у насъ мало кто ближе знакомъ съ произведеніями Микель-Анджело, считаю целесообразнымъ разимотръть всъвыдающияся или почему-лябо интересный произведений, придерживаясь по мірь возможности хропологическаго порядка, останавливнясь но мъръ надобности на бол'йе подробных в описаніях в, но не идаваясь въ слишкомъ спеціальный художественно-историческія подробности.

Микель-Анджело обладаль, подобно Леонардо да Винчи, Рафаэлю и многимъ менъе славнымъ современникамъ, свъдъніями по всъмъ областямъ образныхъ искусствъ: онъ и архитекторъ, и скульиторъ, и живоиясецъ. Онъ не былъ чуждъ и наукъ своего времени, стоялъ на высотъ умственнаго направленія своей эпохи и отличался даже выдающимся поэтическимъ талантомъ, какъ то показываютъ его глубоко задуманные и, по краткой и мъткой выразительности, часто прямо непереводимые сонеты.

Въ вопросахъ касательно античнаго искусства, сокровища котораго съ 14-го и 15-го въка начали вновь появляться на свътъ изъподъ развалниъ древняго Рима, опъ былъ непогръшимымъ авторитетомъ. Такъ напр., когда въ 1506 году была въ развалялахъ Титова дворца открыта группа Лаокоопа, молодой еще Мизель-Андазело и Христофоро Романо, «первые римскіе скульпторы», были выбраны въ эксперты для изследованія, действительно ли вся груния состоить изъ одного камня, какъ значится у Панийи. Въ ватиканскомъ музеъ лежитъ донын'в, возав группы, недодбланная реставрація потерянной правой руки Лаокоона, принисываеман ръзну Микель-Анджело, п безъ всякаго сомпънін болье удачная, чъмъ приставленная къ статуб слабая подделка Бандипелли. И даже въ снеціально-техническихъ вопросахъ, какъ напр. не разъ по поводу кръпостныхъ сооруженій, Микель-Анджело пногда ставель втупикъ и поражаль върностью своего взгляда самыхъ опытныхъ спеціалистовъ, и горе тому, кто въ такихъ случаяхъ осмълвался ему противоръчить. И эта широта и основательность знаній тыть болье достойны удивленія, что онъ во всемъ быль почти только самоучкой, такъ какъ даже живописи и вапнію учился не полныхъ четыре гола. Родившись 6-го марта 1475 года, онъ, по желанію отца, весьма уважаемаго п извъстнаго флорентійскаго гражданна Лодовико, изъ древняго, по объдивишаго рода Буонарроти, быль предназначень для ученов карьеры, но съ ранинго дътства пристрастившись къ рисованію и насмотрѣвшись работъ въ разныхъ мастеренихъ, настоялъ на своемъ желанін, поступить на четырнадцатомъ году въ ученіе къ живописцу Доменико Гирляндайо, имъвшену величайную во Флоренціи мастерскую. Много ли онь выпесь изъ этой школы, ръшить невозмежно, извъстно только, что онъ тутъ написалъ свою первую картину, копію съ гравюры Мартина Шонгауера «Искушеніе св. Антонія», при чемъ расхаживаль по рынкамъ и дълаль наблюденія падъ рыбами, чтобы придать наивозможно естественный колоритъ рыбыниъ хвостамъ чудовищъ, опружающихъ Антонія. Разсказъ о томъ, какъ ему

удалось поддёлать одинь рисуновь Гирлиндайо, и обмануть самого мастера, можно принять за одну изъ тъхъ многочисленныхъ басенъ, которыми Вазари любить оживлить свои біографін. Условленныхъ трехъ літь Микель-Анджело не пробыль въ мастерской и скоро быль принять во дворецъ герцога Лоренцо Медичи (Великолъппаго), внимание котораго обратилъ на себя мраморною головою Фавна, сконированною съ одной изъ статуй герцогской коллекцін древностей, разстанленной въ саду при монастыръ св. Мирка. Этотъ Фавиъ, барельефъ борьбы Геркулеса съ центаврами (тоже въронтно конія съ антика) и барельефъ Мадонны (подражаніе Донателло) — вотъ первыя понытки, которыя направили его инпуть скульнтуры, а настивленія Вартоло (ученика Донателло) и совъты ученаго Полиціано — нотъ единственнан шкоза. Съ 1492 г., со смертно герцога Лоренцо, Микель-Анджело останляеть свою квартиру во дворив, располагается въ собственной маленькой мастерской и уже на 18-мъ году своей жизни начинаетъ рабочать совершенно самостоятельно. Вся дальнъйная жизнь его, проведенная, если не считать двухъ кратковременных в пребываній нъ Венеців и Болоньъ, вызнанныхъ необходимостью бъгства при политическихъ переворотахъ, проходитъ во Флоренціи и въ Римъ, сдълависяся потомъ для него второю родиной, и представляетъ пепрерывную цень усилентыйшихъ трудовъ, сміняющохъ другъ друга грандіозныхъ, выполненныхъ и певыполненныхъ замысловь, блистательных успаловь и удручающихъ разочарованій. Замічательно, что за громадивития и лучния свои произведения на поприщѣ живописи опъ принимался почти всегда неохотно, какъ напр. за фрески на потолкъ Сакстинской часовии, которыя началъ прямо по принужденію напы Юлія ІІ; грандіознъйшее же изъ задуманныхъ имъ скульптурныхъ произведений, намитныхъ этому же папъ, за которое опъ было приинлся со всъмъ необузданнымъ жаромъ юпошеской фантазіп, одълалось «трагедісю его жизни» и, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, кончепо только уже въ глубокой старости, въ размърахъ, не составляющихъ и десятой доли первоначального плана. А сколько труда и времени было потрачено на одиъ подготовительныя работы, какія массы мрамора были добыты подъ его личнымъ падзоромъ въ камеполомияхъ Каррары, какіе несбыточные планы возникали въ его головъ подъ внечатабніемъ этого глиантскаго проекта! Опъ напр. не шути задавался мыслю одну изъ каррарскихъ скалъ превратить въ фигуру гиганта, который служиль бы на далекое разстоние указателемъ пути. Скульптуру онъ считаль первымъ вазначениемъ своей жизни и даже по

время работъ въ Сикстинской часовий подинсывался и въ письмахъ не пиаче какъ «Міchelangelo, Sculture in Roma». Haneperops мивнію Леонирдо да Винчи, что искусство твиъ выше, чтив дегче обработка его матеріала, н что сл'бдовательно скульнтура выше архатектуры, жовонись ныше скульотуры, а ноэзія выше жвиниси, - Микель-Анджело упорно отдаваль скульнтур'в предпочтение передъ живоинсью, и только подъ старость пришелъ къ единственному върному заключенію, что такое распредаление по степенямъ вопрось совершенно лиший, и что каждое искусство въ своихъ предвлахъ можетъ вести къ полному совершенству. Но онъ быль вполев правъ, считая скульптуру сновыть главнымъ призваніемъ, н во истя его живописныхъ произведения в вездъ и во всемъ усматривается преобладавіе скульптурнаго элемсята. Такъ и бросается въ глаза стараніе выставлять человъческія фигуры въ полной пластичности, устранять или упичтожать все, что спольно-нибудь могло бы нарушить исность и отчетанвость очертаній; такъ и кажется, что онъ не рисовалъ или не писаль, а лъпиль доже тъ массы фигуръ, которын толиятся ин его Страшномъ Судъ.

Перный періодъ д'вятельности Микель-Анджело, который я считаю до 1506 г., есть періодъ преобладиющаго реализма. Выдающіяся произведенія этого времени, за одиниъ только исключенісят, поражають почти политішнить отсутствіемъ какой-либо идейности. Но и реализмъ этоть особиго свойства. Нътъ данныхъ, чтобы доказать, по всъ данныя на лицо, чтобы предполагать, что опъ очень мало пользовнася пособіемъ натуридиковъ, можетъ быть и наблюденій вообще д'влаль мало. Біографы, и особенно Вазари, любитель всякихъ анекдотцевъ о художникахъ, не упустын бы случая разсказывать объ этомъ, какъ напримъръ, нодробно разсказывають про Леонардо-да-Винчи, что онъ былъ способенъ по цълымъ часамъ ходить и наблюдать за каком-нибудь заинтересовавшего его личностью, или зазывалъ къ себълужиковъ и смъпилъ ихъ забавными разсказами, слъдя на выражениемъ ихъ лицъ, или набрасываль характеристическія черты лицъ въ карекатурномъ пидъ, чтобы тъмъ въриће уловить самыя ръзкій стороны. Весь склядъ жизни Микель-Анджело: его добровольное отчуждение отчь сообщества людей («я не питю друзей, не нуждаюсь въ пихъ, и не хочу ихъ нитть», - говариваль онь еще въ молодости), его положительно отшельническая жизнь, его способность по цълымъ педълямъ и мъсянамъ безвыходно заппраться въ своей мастерской, наконецъ вся самососредоточенность его натуры прямо указывають на то, что онъ мало нуждался въ наблюдении людей и окружающей жизни, и что они не возбуждали въ

чемъ интереса. Можетъ быть этпиъ объясинстся и то обстоятельство, что онъ, за исключеніемъ весьма немногихъ рисунковъ, не написаль буквально ин одного пертрета, ин даже своего собственнаго, что такъ часто дълается художинками 16-го въпа, иногда даже совершение некстати, какъ напримъръ, у Рафяэля на ватиканскихъ фрескахъ. Даже въ случаяхъ псобходимости, на об'вихъ портретныхъ статуяхъ герцоговъ Лоренцо и Джузіано Медичи во Флоренців, онъ отказался отъ всякаго портретнаго сходства, говоря: «кто же черезъ тысячу явть ивится доказывать, что герцоги не похожи». Зато онъ, ревностиве, чвиъ кто-либо изъ его предшественниковъ и современниковъ, занимался анатоміею. Анатомическіе опыты, конечно, давно уже не считались болъс предосудительны ми, какъ еще, навримъръ. при папа Бонифація VIII († 1303 г.), который запретиль ихъ подъ угрозою отлучения оть церкви; ваятели и живописцы давно уже признали необходимость ихъ, и Палланосло, Веронкіо. Синьорелли, въ особенности же Леонардо-да Винчи, основательно занимались ими. по про одного Микель-Анджело говорится, что онъ посвятиль этому дёлу цёлыхъ двёнадцать льть. Въроятно уже съ 1492 г., скоро посль начала своей самостоятельной дъятельпости. Микель-Анджело по заказу сублаль для монастыря San Spirito во Флоренцін скульитурное изображение расиятия, по новоду котораго можеть быть жальль передъ настоителемъ принявишиъ участіе въ молодомъ художникъ, что не имъетъ возможности для анатомическихъ наблюденій. Настоятель, имя котораго осталось исизвъстнымъ, объщалъ помочь ему, стать по временамь добывать для него трупы и позволиль ему работать иъ монастырскомъ подвалъ. Микель-Анджело въ началт буквально не могъ оторваться отъ этихъ занятій и даже забол'бль отъ заражевнаго трупными міазивін воздуха въ душномъ подваль. Существуеть или существоваль рисупокъ, относящійся къ этому времени: Микель-Анджело п анатомъ Антоніо делла-Торре, съ которымъ работаль между прочимъ по часту и Леопардо. да -Винчи, запяты надъ трупомъ, пъразевченпой груди котораго вставлена свъча, озаряющая тускамиъ свътомъ мрачную сцену. Слухи объ этихъ тайныхъ работахъ, конечно, не могля не распространиться и не водать повода къ разнообразивинимъ телкамъ: мало кто могь понять, какъ художникъ, который долженъ стремиться къ изучению красоты линій и формъ человического тьла, можеть до такой степени увлежаться отрицательного стороною — разрушеніемъ этой красоты. Можетъ быть въ этихъ толкахъ кроются уже первыя основанія на возникшей впосладствів страшной сказкъ, будто Микель - Анджело, работая

надъ какамъ-то распятіемъ, распяль кого-то. для изученія престимкъ страданій въ полной естественности. До глубокой старости онъ по временамъ возвращался къ апатомическимъ наблюденіямъ и собирался даже привести въ научную сястему добытые результаты, по изданіе почему-то не состоялось. Однако н помимо вскал положительных в свальный живъйшимъ доказательствомъ основательного изученін анатомін являются его человіческія фигуры. Современный нъмецкій анатомъ Хенке (Henke) въ своей стать в «Люди у Микель-Анджело и въ антикахъ» прямо выводить всъ выдающіяся особенности въ изображеній человъческаго тъла у Микель - Анджело изъ его анатомическихъ наблюденій. По его мивнію, Микель-Анджело ваяеть или рисуеть пускулы и суставы такъ, какъ они представляются глазу наблюдателя по отдёленій кожи отътрупа, что самая кожа на его фигурахъ является какъ бы платьемъ, пад'втымъ въ обтяжку поверхъ существенной для него впутренней структуры тьла, что опъ привыкъ видьть на живомъ твав то, что большею частью скрывается пли сглаживается за слоным подкожнаго жира, и что наконецъ многія положенія его фигуръ хотя в мыслимы, но редно или даже впкогда не могутъ быть наблюдаемы на жевомъ тъль, и сводятся на положенія, въ которыя можно, такъ или этакъ, привести только трупъ; какъ на особенно разительный принфръ для посабдняго предположения, онъ указываетъ на лежащую фигуру «Ночи», на саркофагъ Лоренцо Медичи. Кажется, что авторъ, которому отшодь нельзя отказать въ основательномъ знанін и глубокомъ поянманін произведеній Микель-Анджело, слишкомъ увлекся своею гипотезою, и приписаль пагляднымъ опытамъ то, что просто составляетъ самую ръзкую черту его необузданно-своевольнаго генія. Что изученіе мускульной системы было главною цёлью анатомическихъ наблюденій Микель - Анджело, это показываютъ безснорно всъ его фягуры, и спеціалистъ-апатомъ можетъ быть совершенпо правъ, что касается до манеры явлки или рисопанія мускуловт; по вм'єсть съ тыть см'ьдо можно сказать, что ни на одновъ трупъ художникъ не могъ найти такахъ необычайно развитыхъ мускуловъ и торсовъ, какіе видимъ особенно на его поздивищихъ произведенінхъ, напримъръ, на Страниомъ Судъ. Онъ просто старался прензойти природу, по свосму пдезлизировать ее. Вск же положенія его фигуръ именно таковы, что не могуть быть наблюдаемы на трупъ, какъ его ин зомай и ни выворачивай, и въ своемъ преизбыткъ жизненныхъ силъ мыслимы только въ фантази жудожника, задавшагося идеею возсоздавать человъческое тъло въ самыхъ прайнихъ предълахъ его гибкости и подвижности. А что

Микель-Анджело вообще не быль способенъ работать подъ непосредственнымъ внечативніемъ какой бы то ни было «натуры», живой нан безжизненной, это доказывается еще и тъмъ обстоятельствомъ, что онъ даже для громадивишихъ споихъ мраморныхъ статуй не дълаль глиняной модели въ всличинъ будущаго оригинала, и ограничивался только для намяти маленького воскового моделью. Такимъ образомъ онъ, напримъръ, работалъ своего колоссальнаго (болъс двухъ саженъ вышиною) Давида во Флоренціи и притомъ изъ глыбы мрамора, уже обтесанной было другимъ мастеромъ для другой цёли, однако сумёль воснользоваться попорченнымъ матеріаломъ съ такою экономісю, что на темени гигапта остался еще кусочекъ коры, покрывавшей верхній слой мрамора. «Везичайний художникъ», — говоритъ онъ нъ одномъ изъ своихъ сонетовъ: «не можеть измыслить ничего, чего уже не заключала бы въ себъ одна праморная глыба, подъ поверхностью, попрывающею все лишими массами камия. И только рука, покорная духу, можетъ добиться до этого образа въ глубинъ». Если же допскивиться до самыхъ прямыхъ п непосредственныхъ результатовъ анатомическихъ работъ, до положеній, изученныхъ на мертвомъ тыв, то они, по мосму, кром'я множества рисунковъ, проявлиются въ оконченной въ 1499 г. въРимъ мраморной групит Богоматери съ тъломъ Інсуса на кольняхъ (Pieta), гдв поливишее отсутствие жизии во встув членахъ Спасителя передано съ небывалон ватественностью, и въ неоконченной картинъ Лондонскаго Національнаго музея, изображнющей положение Спасителя во гробъ, писанной скоро послъ окончанія Pieta. Эта картина болбе чемъ отталкивающая. Два носильщика несутъ обращенное къ зрителю ен face совершенно обнаженное тъло Спасителя, поддерживая его на полотенцахъ въ почти стопченъ положении, такъ что качающийся трупъ, задъвая ногами объ землю, движется внизъ по ступенямъ прямо въ направленін къ зрителю. Такъ и кажется, что Микель-Анджело пзобразяль здёсь просто случайный моненть внесенія какого-нибудь труна по ступенимъ въ подваль San Spirito, поразпвшій его своею пеобычайностью, и занесенный туть же въ альбомъ эскизовъ. Безпощадный реализмъ даннаго изображенія не сглажикается даже красотою, которою до нъкоторой степени обладаетъ тъло Спасителя. Эта картина является какъ бы дополненіемъ той мысли, которую опр выразнав въ своей Picta и высказаль по поводу ея. Именно въ этой групить Богоматерь гораздо моложе Сына, что вызвало много толковъ и недоумвий. «Разив ты не знаешь», — объясниль Микель-Анджело своему будущему біографу Кондиви: «что цѣломудренныя женщины сохраня-

ются въ большей свъжести, чъмъ нецъломудренныя? Тъмъ болъе Дъва, въ душу которой инкогда не закрадывалось ни мальйнее гръдовное желаніе! А если уже самымъ естественнымъ образомъ въ ней долженъ былъ сохраинться цвътъ юности, то еще тъмъ больс, согласно нашему върованию, при помощи божественной силы, дабы дъвственность и неувидающая чистота Матери Божіей явились міру еще ясите. На Сынт это не было пужно; напротивь того, следовало ноказать, какъ онъ дъйствительно приняль человъческій образъ в быль подвержень всему, что можеть случатьси со смертнымъ человъкомъ, за исключениемъ гръха. Такъ и не было надобности отдавать въ немъ преплущество божественному нередъ земнымъ, и савдовало изобразить его въ видъ, соствътствующемъ его годамъ». Замътима здъсь истати, что эта Ріеда, стоящая въ прайне невыгодномъ освъщени въ соборъ Петра, можетъ смъло быть признана дучшимъ произведеніемъ Микель-Анджело, что касаетси глубины чувства и простоты композиців, чуждой всякихъ вижинихъ эффектовъ. Не даромъ двадцатитрехавтній мастеръ работаль надъ нею подъ свъжимъ внечативнемъ вознутительнаго событія 1498 г. во Флоренція -- мученической смерти Савонароллы. Такой естественной простоты, съ какого здъсь въ одномъ движении авной руки Мадонны выражается вся глубина безотраливиней скорби, мы не встритимъ боате ин на одномъ изъ твореній Микель-Анд-

Всъ прочія произведенія Микель-Анджело, относящіяся къ его первому неріоду, не что ппое, какъ изображения характеристичныхъ особенностей въ строенін твла, движеній или положеній, по и положеній почти исключительно такихъ, которыя вызваны какимъ-нибудь только что произведеннымъ движешемъ, нап непосредственно предмествують какому - ипбудь ожидаемому движению. Статуя Джованинию (10анна Предтечи въ возраста мальчика), хранящаяся въ Беранискомъ музећ, можетъ считаться первымъ созпательнымъ шагомъ къ ръшенію подобной, уже пъсколько сложной задачи. Если тило всею тяжестью покоптся на одной ногт, то туловище обыкновенно слегка обращается въ противоположную сторону; Джованнино же, стоя на явной погв и приподнявъ ступню правой, слегка обращается и станомъ нальво, а сдулаль онь это для того, чтобы изъ медоваго сота въ абной рукъ налить меду въ рожокъ въ правой рукъ, какъ бы остерегаясь заканать себъ бокъ, и теперь медленно подноситъ рожокъ къ губамъ. Спящій Амуръ Туринскаго музея тоже мотивъ пъскольпо сложнаго положенія рукъ. Не будь опъ съ крыльями, его по твлосложенію, по львиной никурт на головт и по лежащей передъ инмъ

дубинкъ можно было бы скоръе принять за младенца - Геркулеса. Если только Туринскій экземиляръ дъйствительно подлинная работи, то въ немъ въроятно мы видимъ ту статую, которой Микель-Анджело, по совъту Лоренцо Медичи младшаго, придаль попорченный и застарълый ввдъ, всл'ядствіе чего она была приията за античную. Оплибка весьма возможная въ то время, когда и лучине знатоки антиковъ были собственно знакомы только съ немногими скульитурными произведеніями поздивишаго періода греческаго искусства в съ антиками эпохи римскихъ императоровъ, и когда Кондиви могъ сказать по новоду Микель Анджелова Вакха, что «этотъ Бахусъ по виду и по выраженію представленъ соотв'єтственно словамъ древнихъ авторовъ». На самомъ же дъль мы въ этой флорентійской статув, оконченной въ 1497 г., видинъ почти отвратительное изображение пьянаго, который, грузно покачиваясь отяжел винимъ туловищемъ, едва держится на погахъ и невърною рукой ноднимаетъ въ губамъ чашу. Ни мальйпаго слъда того неодолимаго, жизперадостнаго обаннія, которымъ античный Вакхъ покориетъ себъ весь міръ, и только юпошеская красота твла и лица немного сглаживаетъ непріятное внечатавніе на зрителя. Истипнымъ событіемъ дли Флоренціи была послудовавшая весцою 1504 г. поста повка статун Давида передъ l'alazzo Verchio (теперь она стоитъ въ фаорентійской академін). Долгое времи посліз того народъ опредълня время событій годами отъ постановки «гиганта». Можетъ быть на выборъ сюжета имъла вліяніе знаменитая статуя Донателло, великаго предшестненика Микель-Анджело въ реализмъ, по Микель - Анджело выбраль другой моменть и представиль не торжество побъдителя, а выжидание боя съ Голіафомъ, причемъ поставиль себъ главиою задачей изобразить переходный возрастъ отъ мальчика къ юношъ, со всъми характеристическими его признаками, какова нвир. несоразмірная величина кистей рукъ. Понытка безусловно ошибочная, ибо одиночная статуя колоссальныхъ разміровь, изображающая ребенка или подростка, неизбъжно будеть производить внечативние какой-то несообразности. Но попытка въ высшей степени знаменательная: въ этомъ будущемъ богатыръ мы видямъ какъ бы подрастающиго родоначальника той мощной нороды людей, которыхъ потомъ начинаетъ создавать фантазін художника, доходя постепенно до чудовищимять размировъ въ развити тълесъ и мускулатуры. Стятуя Мадонны съ Мандевцемъ въ Врюгге, относищанся къ тому же времени, какъ и Давидъ, представляетъ мотивы менъе сложные и въ тинахъ мало уклоняется отъ традиціонной пормы, а по глубнив внутренняго содержанія ив-

сколько приближается къ римской Pieta. Младенецъ, стоя между колбинии матери, собирается шагнуть внизъ съ камии, на которомъ стоить самь и на которомъ покоптся лъвая яога Мадонны; она же, заботливо придерживая его за руку, смотритъ съ спокойнымъ величіемъ въ даль, какъ бы обинмая взорами необозримыя толпы поклопяющагося народа Заийтимъ при этомъ, что здъсь является одинъ изъ тъхъ весьма немногихъ тиновъ Мадониы, въ которомъ Миксав-Анджело хотбав, или, върнъе сказать, смогъ сохранить ибиоторую долю женственной прелести, черты собственно чуждой его суровой и грандіозной манер'в Совсъмъ не таковы напр. его Мадонны на двухъ картинахъ, писанныхъ около этого же времеии, «Манчестерской» Мадонив Лондонского инціональнаго музея. и Св. Семействъ флорентійской галлерен Уффици, гдв онв поражають крупностью и жесткостью очертаній жида, п поливіннять отсутствіемъ хоть бы мальйшей одухотворенности. На Св. Семейство газдерен Уффици нельзи не обратить особеннаго винманія какъ на новую, оригинальную конытку, изобразить сложное и необычное движение, имчамъ не мотивированное, ивляющееся на мой взглядъ первымъ, ясио высказавинися въ Микель-Анджело проявленіемъ манерности. Мадонна сидить на колбияхъ, обратившись къ зрителю ен face, и, поворачивая голову направо, принимаетъ обтании руками Младенца, котораго подаетъ ей черезъ плечо сидищій позади Іосифъ. Мляденецъ Іоаниъ, приближающійся сзади и па половину еще скрытый за низкой каменной оградой, является лицомъ совершенно лишнимъ, на заднемъ же планъ картины, передъ другою оградою и на ней, расположены грувиы нагихъ юношескихъ фигуръ, занятыхъ только между собою и позирующихъ какъ бы только для того, чтобы выказать красоту своихъ упругихъ мускулистыхъ тълъ. Микель Анджело хотълъ изобразить ангеловъ – они у него являются безкрылыми юпопескими атлетами, за исключениемъ одной статуи ранняго періода, сдізланной для гробинцы св. Доменика въ Болоньъ, въ подражание уже готовому образцу — по бол ве безсодержательным в и чуть ли не пошлымъ образомъ немыслимо наполнить задній планъ кикой бы то ни было картины, не говоря уже о картин'в религіознаго сюжета. Если сопоставимъ всй три упомянутыя пока картины, то невольно возникнетъ мысль, что Микель-Анджело смотрълъ на эти работы, какъ на пустячки, не стоющіе труда, чтобы серьезно углубляться въ шихъ; не даромъ же онъ считалъ себя но преимуществу ваятелемъ, а подъ старость и въ живописи признавалъ только фресковую запятіемъ, достойнымъ мужчины. Но какъ именно, благодаря живониси ему суждено было достигнуть аноген своей славы, такъ въ живописи же 1506 годъ далъ ему возможность выказать въ полномъ блескъ свои обширныя знавія въ анатомін и съ небывалою жизненною правдой выполнить цълый рядъ трудивйнихъ задачъ на излюбленную тему движеній человъческаго тъла. Микель-Анджело иступастъ въ состязаніе съ величайнимъ пока живописцемъ, Леонардо-да-Винчи, пензвъстно только положительно, по собственному ли желанію, или по побужденію другихъ, но во всякомъ случав подстрекаемый зависть то и стремленіемъ во всемъ

и вездъ быть нервымъ. Въ 1504 г. Леонардо - да - Винчи, которому минуло уже 52 года, получилъ поручение расписать ствны фаорентійской спиьоріи событіями изъ мъстной исторіи, и парисоваль свой картонъ битвы при Ангіари, который произвель небывалую сенсацію. Жинопись на ствив осталась неоконченного, вслудствие несчистной склонности Леонардо къ опытамъ писать масляными красками на штукатуркъ, обстонтельства, погубившаго и его знаменитую Тайную Вечерю въ Милапъ; картонъ же не сохрапился, и только рисуновъ Рубенса, гравированный Эделиникомъ, сохранилъ для насъ часть композицін. Невозможно, консчно, опредванть, что Рубенсъ прибавилъ или перепначилъ въ своей колів, но пельзя и сомпъвиться, что въ этихъ четырехъ всадинкахъ, которые яростно дерутся изъ-за знамени, п въ этихъ коняхъ, которые въ остервенънін вниваются другь въ друга зубами, достигнута была невидинная дотоль сила выразительности. Не даромъ Микель Авджело, когда ему, къ великому оскорбленію для Леонардо, поручили нарисовать картопъ для второй ствиы, едва только тотъ началь расписывать первую, не ръшился изобразить тоже боевую сцену, а остановился на мотивъ тревожнаго сбора къ бою. Онъ взялъ эпизодъ изъ многочисленных войнъ между Флоренцією и Пизою, какъ однажды флорентійскіе создаты, купаясь въ жаркій день въ Арно, вдругъ были призваны къ оружію при неожиданномъ нападения пепріятеля. Многочисленная группа фигуръ, вылъзающихъ пли уже вылкзшихъ изъ воды, голыхъ, одбвающихся, застегивающихся, одбтыхъ, суетится на скалистомъ берегу ръки — вотъ, собственно, очень простое содержание сюжета, во жизненность и резаизиъ каждой отдъльной фигуры, каждаго отдъльнаго движенія, безукоризненная правильность рисунка не поддаются описанію. И этотъ картовъ, тавъ же какъ и картопълеопардо, много льть служившій школою для молодыхь художниковъ (въ томъ числъ в дли Рафаэля), не сохранилси. Преданіе говорить, что Бандинелли, постоянный завистникъ и врагъ Микель Анджело, подълавний на своемъ въку дъйствительно немало гадостей, партазаль его въ ку-

ски, однако къ чести хоть бы и этой подзенькой личности обвинение не подтверждается. Сохранияся только одинъ изъ первыхъ, въроятпо, эскизовъ въ Мюнхень, копія съ картона въ Англів, въ Голькомъ-Галлі, и песколько гравюръ, лучшая между которыми -гравюра Маркъ-Антоніо Раймонди. Эти гравюры, изв'єстныя подъ общепринятымъ названіемъ «Les (himренгя», представ янот ь три, в вроитно удачив йшія, фагуры всей композицін; на первомъ плаив два мододыхъ соддата, одинъ, спиною къ зрителю, выскакивающій изъ воды, другой, въ смыломы раккурст нагибающийся къ водт, чтобы помочь товарищу, отъ котораго видижется только рука, а позади обонхъ пожилой солдатъ, водъвающій штаны и трепожно оглядывающій. ся, указывая рукою вдаль, откуда приближается невріятель. Безспорно, въ дъл пзображенія здороваго и кринаго мужского тела и энергія торонынвыхъ движеній живопись сказала зувсь последнее слово; опо было последнимъ и для Микель-Анджело, для котораго наступаеть тенерь новый періодъ художественнаго развитія, періодъ пдеализированія типовъ, періодъ, гдт создаваемые имъ образы уже пачинаютъ служить выраженію глубокихъ идей.

Не суждено было Микель-Анджело выполнить ту задачу, которой хватило бы на всю его остальную жизнь и идти исключительно темъ путемъ, который опъ считваъ настоящимь своимъ призваніемъ: намятникъ папѣ Юлію II. заказанный въ 1505 г. и проектированный въ небывало-колоссальных в размерахь, сделался «трагедіею его жизин» и, посл'в иногопратных в изм'вненій, остановокъ и задержекъ, только черезъ 40 леть быль опошчень въ размъряхъ, не составляющихъ и десятой доли первоначальнаго плана. По этому плану однъхъ станцій предполягалось слиниюми 50: туть были (по конценіямъ Кондиви) и аллегорін деятельной и созерцательной жизив, и покоренные вопиственнымъ Юліемъ города и области, и науки и искусства, унирающія съ его смертію, п земля, скорбящая, и небо, ликующее при его кончинъ. Юлій II, ни въ чемъ не знавшій границъ своимъ замысламъ, стремившійся и къ сланъ завоевателя, и къ славъ нокровителя паукъ и искусствъ, былъ въ восторгъ отъ этого проекта, но не прошло и года, какъ Микель-Анджело быль уже глубоко оскорбленъ поливишимъ охлаждениемъ и равнодушиемъ со стороны паны и бъжаль даже во Флоренцію, во въ концѣ концовъ былъ принужденъ верпуться и, волей-неволей, приняться за расписыванье потолка Свистинской капеллы. По едва ли можетъ подлежать сомнино, что созданные имъ здъсь образы сказали современникамъ и потомству песравненно больше, чимъ могла бы сказать вся та натянутая и паныщенная аздегорія намятинка, и что Микель - Анджело живописецъ

явиль міру песравненно больше глубины и богатства идей, чимъ Микель-Анджело ваятель. Разъ поставленный въ невозможность отлълаться отъ нежеланнаго и непривычнаго труда, опъ рѣшился исполнить по своему заданную задачу и, несмотря на полную неонытность въ трудной фресковой техникъ, уже черезъ нъсколько педаль вижиль всехь напатыхь было помощниковъ. Разсказывается даже, что вся работа исполнена имъ однимъ въ продолжение только 22 мъсяцевъ; это, положимъ, одна изъ обычпыхъ сказокъ у Вазари и его компаніи, но п дъйствительный срокъ, съ весны 1508 до осеии 1512 г., не можетъ не показаться весьма короткимъ, особенно если принять въ соображеніе полюе отсутствіе помощипковъ, значительную потерю времени при нервыхъ, неудавшихся опытахъ, и одинъ довольно продолжительный перерывъ. Расинсанъ же за это время весь зеркальный сводъ зданія въ 40,5 метровъ длины и 14 метровъ ширины. Сикстинская часовия, ностроенная при Ватиканскомъ дворцъ въ 1473 г. напою Сикстомъ IV (изъ фамиліи Ровере, какъ и Юлій II), была уже украшена по стъпамъ фресками извъстныхъ мастеровъ, Сандро Боттичелли, Доменико Гирляндайо, Козимо Росселли, Луки Синьорелли и Пістро Перуджино. Следуя средневековому традиціонному дъленію библейской исторіи на три главныя группы — событія до Монсея (ante legem), upu Moncet u nocat nero (sub lege) u событія Новаго Завъта (sub gratia)—и сопоставляя въ нараллель между собою ветхо- н новозавътные сюжеты, пазванные мастера написали рядъ сценъ изъ жизни Монсея и изъ жизни Спасителя. Для Микель-Анджело оставались сабдовательно событія первой группы, ибо по желанію напы вся живопись Систины должна была служить воплощенію одной общей иден, исторін спасенія рода человъческаго. Насчеть выбора и исполненія сюжетовъ данной групны ему была предоставлена полная свобода, которою онъ и воспользовался во всёхъ отношеніяхъ и въ самыхъ широкихъ размърахъ. Уже одно придуманное имъ разграничение громадной, липенной всякихъ архитектурныхъ или орнаментальныхъ раздёленій, площади потолка п уппрающихся въ него сводовъ посредствомъ разрисованной системы дегкихъ и изящныхъ пилястровъ и кариизовъ ипляется выдумкою смълою и геніальною при всей своей кажущейся простоть и естественности; именно такъ, а не иначе только и можно было воспользоваться несоразмърно длинною площадью, на которий изображение одного сюжета было бы пеуловимо взору въ своей полнотъ, а пъсколько разныхъ изображеній слились бы въ одну пераздълимую массу.

На потолкъ, въ девяти поляхъ (4 большихъ и 5 малыхъ), какъ бы на обояхъ или

коврахъ, раскинутыхъ между упирающимися въ потолокъ пилястрями и идущими отъ инхъ ноперекъ потолка поясами, изображевы: сотвореніе міра (три картины), оживленіе Адама, сотворение Евы, гръхопадеше и изгнание изъ рая (на одной картинъ), жертвоприношение Ноево, потопъ, опьянъвний Ной. Микель-Анджело не могь довольствоваться традиніоннымъ образомъ Бога-міроздателя, величественнаго, царственно-спокойнаго старца, благословляющаго уже созданный міръ; онъ задался задачею изобразить Бога-Отца въ самый моментъ мірозданія я нашель ръшеніе этой, собственпо певозможной дан живописи, задачи въ мотивахъ быстраго, пеудержимаго движенія въ безпредъльномъ пространствъ и вътипъ, представляющемъ олицетворение какой-то нечеловъческой, стихійной силы, не знающей ни преградъ, ни предъловъ своему буркому движенію, своей необъятной мощности.

Не всякій истинно-религіозный умъ согласится съ его воззръпіемъ, не всякое глубокопабожное чувство будетъ удовлетворено его идеаломъ Бога, но всякій признаетъ, что, задавъ себъ именно такую задачу, нельзя было найти иного ръщенія. Самая характеристичпая п удачнъйшая изъ первыхъ трехъ безспорно вторая картина, па которой Творецъ, песомый какъ бы вихрями, окруженный ангедами, прячущимися въ шпрокихъ складкахъ его развъвающейся одежды, одновременяю поддерживаемый ими и поддерживающій ихъ, повелительнымъ движенісмъ объихъ рукъ указываетъ мъста и пути свътиламъ. Они только что возсіяли, какъ ясно и наглядно показываеть фигура одного изъ ангеловъ, который похрыль глазарукою, ослинленный неожиданнымъ блескомъ. Мощный образъ Творца какъ бы въ мгновение ока проносится передъ зрителемъ, ибо тутъ же воздъ, на той же картинъ, мы видимъ, какъ Опъ уносится въ безграничную даль, благословляя рукою земную растительность, обозначенную верхушкою дерева на нижиемъ лъвомъ углу картины. Эта вторая фигура Творна, уносящаяся въ горизонтальновъ положении, обратившись спиною ки зрителю, является положительно чудомъ смълости и правильности въ рисункъ труднъйшаго раккурса. Впечатлиние первой картины, отдёленія свёта отъ тымы, на мой взглядъ далеко не такое полное и сильное: Творецъ, въ горизонтальномъ положении обратившись ен васе въ зрителю, не то несется, не то какъ-то напряженно извивается въ пространствъ, какъбы въ усименной борыбъ съ остянавливающими его преградами, а закинутая назадъ голова и поднятыя кверху руки, раздвигающія тяжелыя массы мрака, являются прямо манерными. На третьей картинъ Богъ, окруженный онять ангелани, уже въ величе-

ственномъ поков несется надъ созданною землен, любовно благословлин ее, а на четвертой, какъ бы несомый легкинъ вътеркомъ, спускается къ легкащему на краю пропасти Адаму и протягиваетъ къ нему руку, отъ чего въ первомъ человъкъ миновенно проивлиется жизнь. Праван нога Адама дежить еще неподвижно на земът, но лъвая уже согнулась въ колвив, туловище напряженно принодиялось, и аввая рука, еще тяжелая и цвиенвющая, безсознательно и неудержимо протягивается на встр'вчу рукь Создателя. На следующей картинь Господь уже шествуетъ на земат. Въ широкой мантін, неличественными складками облекающей исе его твао, съ выражениемъ отеческой любви и затаенной грусти, Онъ смотрять на Еву, которая, молитвенно сложивъ руки и смиренно согнувшись роскошнымъ станомъ, только что встаетъ изъ-за спящаго Адама, накъ бы еще не выспободивъ правую ногу изъ его бока. Фигура Адана, какъ въ этой, такъ и въ продыдущей картиніз неподражаемо хороша нъ своей жизненной правдъ: тамъ первое пробуждеине жизненныхъ силъ, въ разной степени треисщущее во всехъ членахъ, здась безсильное погружение въ оковавший вст часны тяжелый сонь, охвативший его какъ бы мгновенно, въ положени, въ какомъ никогда не уснетъ человакъ, который сознательно укладывается спать. Фигура Евы безспорио прекрасивійная изъвсти женскихъ фигуръ у Микель-Анджело, хотя это значило бы еще не особенно много, такъ какъ женская красота ему почек чужда. Нъжной прелести не найдемъ у исто ингаъ, итть ся и въ фигурт этой Евы, по опа поражаетъ роскопною развитостью своегоюнаго твля, она - будущая праматерь всего человжческаго рода. Шестая картина-гръхонадение и изгнаніе изъ рап. Подобныя соединенія двухъ или болье разновременныхъ монентовъ встръчаются неоднократно нъ искусстві до шестнадцатаго въка, и Микель-Анджело могь на стъпахъ Систины на одной картинъ Боттичелли видъть фигуру Моисея, повторяющуюся три раза, на другой -даже семь разъ; однако у него здізсь, какъ и въ созданіи спътиль и растеній, съ этимъ пріемомъ связывается совершенно особое впечатавніе. Какъ тамъ быстрое движение Создателя въ пространствъ, такъ здъсь непосредственное послъдование кары за гръхомъ выражаются благодари этому пріему съ особенною нагаядностью. Изъ-за того же дерева, вокругъ котораго обвивается змън съ головою и туловищемъ женщины, подающая Евт запрещенный плодъ, изъ-за этого же дерева мгиовенно какъ бы выростнетъ ангелъ съ мечомъ, изгоняющій прародителей изъ рая. Седьмая картина, жертвоприношение Ноево послъ потопа, приходится не на ивстъ и являетси анихронизмомъ, для котораго врядъ ли удаст-

ся найти какое нибудь объяснене кром'в простого самоволія. Три сюжета изъ исторіи Поя были разъ включены въ программу, поля потолка были распредвлены по архитектопическимъ и декоративнымъ принципамъ, на данпомь кин в потолка оставалясь дна малыхъ и одно большов между шили, и это большое потребоналось для болве сложной композиціп потона. По какъ бы тамъ ни было, а низывать эту картину жертвоприношеніемъ Какна и Авеля, какъ все еще дълають ивкоторые современные историки искусства по примъру Вазари и Кондиви, не имъетъ ин малъйшаго смысла. И число, и характеры фигуръ, и деревянная стына на заднемъ изанъ, означающая ковчетъ, и два-триживотныя, выпущенныя изъ него, въ томъ чисат слопъ — псе это можетъ указывать только нажертвоприношене Поево Вирочемъ, эта картина довольно слабия и безсодержательная. Восьмая картина, потопъ, поражаетъ живостью и выражениемъ тревожниго страха и отчаянія въ группахъ спасающихся в гибнущихъ людей, по въ оригиналь производить слабое впечатльніе, потому что фигуры, по ихъ многочисленности, представлены въ размърахъ, педостаточныхъ дли вышины въ 60 слишкомъ футовъ. Последняя картина, опьянъвний Пой, песьма удачна по сильному драматизму при пемногихъ дъйствующихъ лицахъ, и Вазари правъ, говори, «что нельзя выразить, какъ хороно представлена эта исторія». Еще четыре библейских в сюжета попъщены въ клиньять свода по угламъ часовии: этвдный змій, Давидь убивающій Голіафа, Юдифь съ головою Олоферна и казнь Амана —вее разные моменты спасения народа Изранлыскаго. По общему впечатавнию они далеко уступають картинамь потолка, такъ какъ скомпанованы на врайне невыгодныхъ для историческихъ сюжетовъ треугольныхъ площа дяхъ, но зато въ шихъ болье чемъ габ-либо вынавывается геннальная сиблость Минель-Анджело, въ немногихъ фигурахъ и группахъ изображать моменты вельчайнаго драматизма, который достигаетъ выснихъ предъловъ въ мъдиомъ ямік. Фигура же распятаго Амаша представляеть удивительный вримъръ смылаго

По безспорно сильнъйшее впечатльніе производять колоссальныя, и по разм'ярамь и по кощепцін, сидящія фигуры пророковь и сивилат, которыя запимають сферическіе треугольники свода между окнами об'якть боновых в стіть, и падъ передпею и заднею стінами. Вс'ях ихъ дв'янадцать: по пяти падь боновыми, и по одной падь остальными стінами. Это однить изъ излюбленных в сюжетовъ среднев'яковой монументальной живописи, въ которомъ любили одицетворить идею ожиданія объщаннаго мессін среди всего челов'ячества

ибо, по толкованіямъ средневъкового богословія, сивиллы античныхъ преданій пророчествовали между язычниками объ явленіи Спасителя такъ же, какъ ветхозавътные пророки между избраннымъ народомъ Божінмъ. Такимъ образомъ они и у Микель-Анджело являются звеномъ, связывающимъ моменты первой исторіи міра и человъчества съ событіями изъ жизни Спасителя, изображенными внизу на стънахъ. Но, конечно, не средневъковая аллегорія и симводика привлекала зд'єсь Микель-Анджело, а опять таки задача найти идеальные образы, которые могли бы вийстить и выразить въ себъ величайшую идею человъчества, образы человъческие, жизненные, но всецъло, до полнаго самозабвенія охваченные одною этою идеею. Необъятная широта и глубина мысли и способность возвъщать ее всему человъчеству должна была подъ кистью Микель Анджело воплотиться въ образахъ какихъто титановъ тъломъ и духомъ, въ образахъ какого-то особеннаго поколънія людей, созданныхъ какъ бы для однихъ великихъ дёлъ и отчужденныхъ отъ всякой мелочности обыденной жизни. Они недосягаемы въ своемъ величавомъ одиночествъ, не люди, а ангелы прислуживають имъ, они, вступивъ въ общение съ міромъ, не будуть поняты и не встрътятъ ни любви, ни въры. Невозможно, хотя бы приблизительно, охарактеризовать словами всё эти фигуры въ отдёльности, но нельзя не указать хоть на нѣкоторыя выдающіяся черты. Имена ихъ помъщены на доскахъ подъ съдалищами, поддерживаемыхъ (на боковыхъ стънахъ) нагими или полунагими стоящими геніями или дътьми. Начиная съ лъвой стороны, соотвътственно хронологическому порядку картинъ потолка, видимъ пророка Геремію. Это старецъ, сохранившій еще всю силу своего мощнаго тъла, сидящій съ скрещенными ногами, съ безсильно опущенною левой рукой, въ глубокой тоскъ поникшій головою на упирающуюся въ колбно правую руку — живбйшее олицетвореніе гнетущей, безысходной скорби о прошеднихъ и грядущихъ судьбахъ своего народа. Персійская сивилла, престарълая, но не дряхлая женщина, обратившись бокомъ къ зрителю, вся погрузилась въ чтеніе и такъ и впилась глазами въ книгу, которую поднесла объими руками почти къ самому лицу. Пророкъ Езекіндь, бородатый мужчина среднихъ лъть, держа въ только что онустившейся лъвой рукъ развернутый свитокъ, быстрымъ, энергичнымъ движеніемъ оборачивается въ сторону, напряжение прислушиваясь къ чему-то, можеть быть къ призванію свыше на пророческую дъятельность. Эритрейская сивилла, дъвственная фигура въ полномъ развити тълесныхъ формъ, напоминающая Палладу Авину, съ задумчивымъ и сосредоточеннымъ взо-

ромъ, перебираетъ листы только что открытой передъ нею книги, между тъмъ какъ ангелъ передъ нею зажигаетъ лампаду. Пророкъ Іоиль, безбородый старикъ, въ спокойномъ положеніи человъка, всъмъ умомъ старающагося вникнуть въ послъдовательное развитие мысли, читаеть развернутый свитокъ. Пророкъ Захарія (на передней стънъ), лысый, бълобородый и согбенный старецъ, съ фигурою, почти совсвиъ скрывающеюся за величественными складками его одежды, перелистываетъ книгу, которую держить въ объихъ рукахъ, готовясь съ сосредоточеннымъ взоромъ углубиться въ отыскиваемое мъсто. Оба генія за нимъ какъ бы ждуть съ напряженнымъ вниманіемъ результата его чтенія. Дельфійская сивилла, юная, цвътущая дъва, прекрасиъйшая изъ всъхъ пророчицъ, еще не успъвъ опустить лжвую руку съ развернутымъ свиткомъ, обратилась вдругъ лицомъ къ зрителю и вперила вдохновенный взоръ въ пространство, какъбы пораженная внезапно представшимъ ей видъніемъ. Пророкъ Исайя, почти еще юноша, только что закрылъ книгу и, чуть-чуть поворотивъ голову къ указывающему въ даль ангелу, прислушивается къ какому-нибудь пророчеству или вельнію. Все выраженіе лица. полуопущенныя въки, приподнятая на локтъ лъвая рука, неподвижное положение стана, все выражаетъ самое напряженное внимание, но и легвій оттрнокъ грусти туманить лицо. Кумская сивилла, бодрая, крѣпкая старуха, фигура гигантская и мало идеализированная, раскрываеть книгу, шевеля губами, какъ бы повторяя прочитанное уже ранке, или собираясь провърить запавшее въ намяти. Не будь она въ средъ сивиллъ и пророковъ, ее можно было бы принять за въдьму, творящую заклинанія. Пророкъ Даніиль, юношеская фигура вдохновеннаго мыслителя, всецбло охваченнаго наплывомъ идей, вызванныхъ чтеніемъ раскрытаго фоліанта, который поддерживаеть на спинъ стоящій передъ нимъ ангелъ. Въ крайне неудобномъ положении перегнувшись въ сторону, онъ, кажется, не успъваетъ записать все, что взволновало вдругъ его умъ. Но пера въ пишущей правой рукъ нътъ, и это обстоятельство подало Герману Гримму, автору извъстной «Жизни Микель-Анджело» (Leben Michelangelo's, 6 изд. 1890 г.), поводъ предположить, что Даніиль, охваченный внезапно мелькнувшею мыслью, машинально дёлаеть движение пищущаго, забывая, что нътъ въ рукъ пера. Это, конечно, тяжелая натяжка, и дело можеть объясниться гораздо проще. Извъстный факть, что папа Юлій почасту посъщаль часовию и неотступно торопиль Микель-Анджело; оторванный при подобномъ случай оть работы надъ только что оконченною фигурою, художникъ могъ потомъ забыть объ

йів О вань в перед не по провед не при не п немогъдаже дождаться окончательныхъ ретушей ультрамариномъ и золотомъ и велёлъ преждевременно снять абса, когда же потомъ потребоваль новой ностановки ихъ, Микель-Анджело не упустиль случая отплатить за всв докуки. «Это все были люди, не носившие на себъ золота», сказаль онъ. «Да въдь это какъ то бъдно на видъ», возразилъ нана. «Это же и были люди, не имъвние земныхъ благъ», отръзаль Микель-Анджело, чъмъ дъло и копчилось. Ливійская сивилла, молодая, красивая женщина, обращается къ зрителю спиною, чтобы спять съ полки раскрытую кингу; единственная и всколько безсодержательная фигура. Наконецъ пророкъ Іона (па задней стънъ), юношеская пагая фигура, полусидищая, полулежащая нъ весьма удачномъ раккурсъ, съ поднятою къ небу головой, съ полиымъ радостнаго удивленін и благодаренін взоромъонъ только что избавился изъ чрева кита, насть котораго видивется въ сторонъ. Единственная фигура между встми, не преданная созерцанию и размынилению.

Десять фигуръ пророковъ и сивиллъ, какъ уже сказано, помъщены между окнами, промежутки же между имин-полукруглые люпеты падъ окнами и выведенные поверхъ этихъ люнетовъ сферические треугольники, упирающіеся веригинами въ потолокъ - Микель-Анджело наполниль группами фигурь обоего пола и встхъ возрастовъ, которыя, сатдуя другой средневъковой традиціи, назваль предками Спасители, начиная отъ Тессен, отна Давидова. Такъ показываютъ имена, изптыя изъ Евангелія Матося, и пом'вщенныя на доскахъ примо надъ окпами, хотя изображенныя лица и группы не вездъ соотвътствуютъ этимъ именамъ. Каждая изъ этихъ семейныхъ группъ стоитъ основательнъйшаго изучевія по разнообразію, жизненной правдъ и выразительности положеній и движеній, а всь оть, вмість взятыя, представляють по пдев естественныйшее дополнение къ пророкамъ и сивилламъ. Тамъ отдъльные, избранные Богомъ провозвъстники спасенін рода человъческаго, встми сплами ума углубляющіеся въ изследованіе божественной тайны — здъсь представители избраннаго Богомъ рода, чающіе этого спасенія, неудовлетворенные настоящею жизнью и въ тревожной думъ и глубокой тоскъ устремляющиеся мысленнымъ взоромъ въ объщанное будущее.

Но пеутомимый творческій духъ Микель-Анджело не донольствовался и этимъ. Исчерпавъ буквально всё возможности движеній и положеній, могущихъ служить выраженію основныхъ идей, опъ, какъ бы отдыхая и забавлиясь, наполииль всё еще свободныя части сводовъ челов'яческими фигурами, служащими только для срнаментальныхъ ц'Елей, и представляющими образцы самыхъ разнообразивнинхъ, самыхъ неожиданныхъ и самыхъ трудныхъ движеній. Подъ съдалищами пророковъ и сивиалъ стоятъ нагіе или полунагіе геніп пли дітп, то безъ нсякаго діла, то поддерживая доски съ именами, и даже изъ этихъ спокойныхъ положений не повторяется ни одно. На передней сторонъ пилистровъ, между которыми стоятъ съдалища, расположены попарно мраморные малютки-генін, то въ вид'ь каріатидъ поддерживающие кариизы, то резвящиеся, плятущіе, обишнающіеся. Въ углахъ между этими пилистрами и треугольниками надълюнетами оконъ сидить или лежать, то изящио и живописно раскинувшись, то безсиысленно и нельно ломаясь, бронзовый тоношескія фигуры, въ женіяхъ часто искусственныхъ и необычайныхъ, но все же теоретически мыслимыхъ Наконецъ уже между сводами и потолкомъ, на карпизахъ пилястровъ, отъ которыхъ идутъ ноясы, раздъляющие потолокъ на ноля, сидятъ уже не мраморные или броизовые, а живые нагіе юноши, которые, едва пом'вщаясь на сидъньяхъ и едва находя опору для ногь на узкихъ выступахъ кариизовъ, работаютъ в руками, и ногами, и вс'ёмъ тёломъ, чтобы удерживаться въ равновъсіи, и поддерживать наи развъшивать громадные броизовые медальоны съ изображеніями сценъ изъ ветхозавътной исторін, Живописецъ Микель-Анджело, показавшій на картинъ купающихся солдать посльдиюю степень обыденной, доступпой глазу наблюдателя, подвижности человъческого тъла и игры мускуловъ, показалъ здъсь последиюю же, еще дозво. литевную степень подвижности возможной и мыслимой. Этимъ достигнутъ уже последній предель жизненной правды, за которымъ начинается безсодержательный манеризмъ, неизбъжный удъль всъхъ заурядныхъ подражателей и послъдователей, отважившихся пойти по «ужасающему пути» Микель-Анджело, да и самъ онъ въ поздивищие годы неразъ перешагнуль за этотъ предбль.

Окончание сикстинскихъ фрескъ было событіемъ для Рима и торжествомъдля Микель-Аиджело. По со смертью Юлія II (въ началъ 1513 г.) обстоятельства измънились. Ilana Левъ Х. второй сынъ Лоренцо Великолъннаго, боялся Микель-Анджело, говориль про него, что онъ «terribile», что съ нимъ невозможно сладить, и, можетъ быть пзъ зависти късвоему великому предшественнику, старался, какъ кажется, ибилать осуществлению плана извъстинго уже намъ намятника. Были имъ заказаны планъ и модель для фасада фамильной церкви Медичисовъ во Флоренцін, San Lorenzo, по исполнение было пріостаповлено. Микель-Анджело, опончательно уединившись, началъ работу надъ статуею Монсея, главною статуею Юліева памятника, и кончиль, или върибе ска-

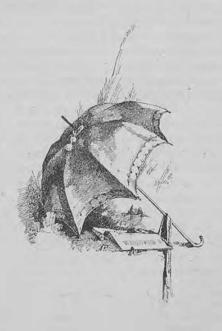
зать, почти кончиль обоихъ умпрающихъ невольшиковъ, которые теперь находятся въ Лувръ. Чудовищная аллегорія наукъ и искусствъ. умирающихъ со смертью напы Юлія, какъ значится въ описаніи первоначальнаго проекта у Кондиви, пичъмъ положительнымъ не выражена въ этихъ статуяхъ; поэтому, оставивъ ее въ сторонъ, нельзя не признать эти лвъ фигуры чудомъ совершенства въ реалистическомъ направленін перваго періода Микель-Анджело, хотя конечно эстетическое чувство едва ли примирится съ видомъ этихъ привязанныхъ юношей, въ стоячемъ положении совершенно немотивированно испускающихъ последній вздохъ. Въроятно къ этому же времени и къ этому же диклу отпосится и маленькая статуя С.-Петербургскаго Эрмитажа, изображающая скорченно содящаго или, върнъе, обезсиленно опустившагося нагого юношу; статуя педодъланная, но по всей концепціи и по технической сиблости рубки навърно принадлежащая ръзцу Микель-Анджело.

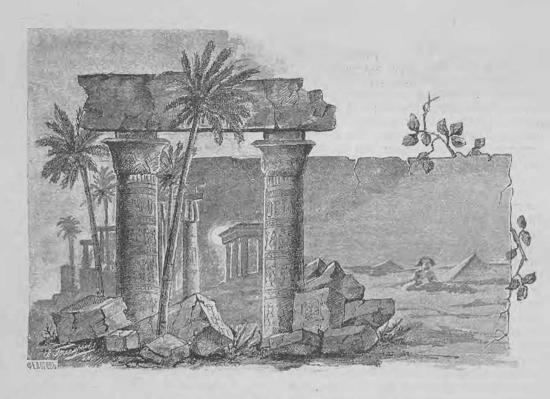
Рафаэль, начавинй почти одновременно съ работою Микель-Анджело въ Сикстинской часовит свои фрески въ залахъ Ватикана, былъ теперь общимъ любимцемъ Рима. Микель-Анджело, никогда не сходившийся съ нимъ и не теритвини соперниковъ, хотя и оставался въренъ своему отвращению къ станковой живочиси, не упустилъ однако случая помочь прибывшему въ Римъ живописцу венеціанской

школы, Себастіано дель Піомбо, который задался мыслію превзойти Рафаэлево «Преображеніе». Такъ въ 1519 г. явилось его «Воскрешеніе Лазаря», рисунокъ котораго, можетъ быть, цълкомъ составленъ Микель-Анджело. Лаже при отсутствін всякихъ положительныхъ указаній, можно было бы съ полной увъренностью сказать, что одна гигантская фигура Лазаря, сидящаго на камив, срывающаго последнія, не снятыя еще повязки, и въ нетерпрнін таже запустивтало розршой натепр свободной правой ноги въ повязку на лъвой, не могла быть нарисована никъмъ ниымъ. Картина (нынъ въ Лондонскомъ Національномъ музев) понравилась римской публикв; «только тъ заурядные (т.-е. Рафаэль и его ученики) не знали, что сказать», пишеть Себастьяно своему покровителю во Флоренцію. Сознаваль ли Микель-Анджело въдушт превосходство Рафазля надъ собою, этого ръшить невозможно, какъ отзывался о немъ при его жизни, это непзвъстно, но повидимому допускалъ со стороны другихъ пренебрежительные отзывы; иначе Себастьяно едва и осмълился бы причислять Рафаэля къ «зауряднымъ», или же послъ смерти его въ 1520 году писать: «Вы, конечно, уже слышали, что бъдняжка Рафаэль умеръ, о чемъ вы върно очень пожалъли. Да простить ему Богъ».

(Продолжение сапдуеть.)

А. Федоровъ.

М. П. Садовскій.

Мадый театръ 13-го январи чествоваль торжественнымъ юбилеемъ одного изъ самыхъ даровитыхъ своихъ артистовъ, четверть въка достойно служившаго образцовой русской сцеиъ. За эти двадцать иять лътъ ими Михаила Прововича Садовскаго усиъло сдълаться знаменитымъ и дорогимъ каждому москвичу, заглядывающему въ театръ. Въ спискъ няшихъ современныхъ служителей Мельномены немного такихъ популярныхъ именъ. И оно сохранится, конечно, въ потомствъ, какъ сохранилось имя отца юбиляра, Прова Михайловича Садовскаго *).

Вся жизиь М. И. и вся его артистическая нарьера, начиная съ первыхъ робкихъ шаговъ, прошли у насъ въ Москвъ. Онъ родился 12 ноября 1847 г., въ домъ бабки своей по ма-

тери, Кузнецовой, у Сергія въ Пушкаряхъ. Зайсь же протекли и дитскіе годы будущаго артиста, единственнаго ребенка Прова Михайловича и Елизаветы Леонтьевны Садовскихъ. Учнася М. И. сначала въ четвертой, потомъ въ третьей московской гимназіи, но на половинъ гимназическаго курса долженъ былъ, изъ-за бользии глазъ, бросить школу и продолжать свое образование дома. Домаший условія были какъ нельзя болбе благопріятныя, толкавнія мальчика къ развитію, будившія въ немъ духовные интересы. Провъ Михайловичъ стояль тогда въ самомъ зенитъ своей громкой славы и быль свизанъ узами искренней дружбы съ видитинии представителями интель лигентной Москвы. Еще въ 1849 г., когда только появилась рукопись комедін «Свон люди— сочтемся», сблизился Садовскій отець съ Островскимъ,

шихся въ свое время но провинціи большою навъстностью, первый—какт јечпе premier, второй какт комикт. Послѣ смерти отца Прова Михайловича семьи осталась бево всиквух средству, и григорій Васильевичт пріютилъ мальчика у себя. Туть познакомился будущій великія актеръ сь театромъ и заразился невзлѣчимою страстью къ иему. Вскорѣ Григорій Васильевичт умеръ, и заботу о мальчикъ взяль на себя его брагъ Дмигрій. Ихъ именемъ и воспользовался Провъ Михайловичь, какть театральнымъ исвядонимомъ и скоро покрыль его пеумирающею славою.

^{*)} Саловскій—театральный псевдопимъ, а не настоящая фамилія Прова Михайловича. Отецъ его, рязавскій мѣщапвиъ Михаилъ Ермоласвичь, носилъ прозваніе Ермилова, и тѣмъ-же именемъ, сообщаеть г. В. Родиславскій, названъ Провъ Михайловичъ въ мстрическомъ свидѣтельствѣ, выданномъ ему отъ Орловской духовюй конеисторіи 5-го іюня 1855 г. Бъ наспортѣ же, выдавномъ отъ Рязанской думы, онъ названъ Михайловимъ. Фамилію Саловскиго Провъ Михайловичъ принялъ уже по поступлевіи ва сцену, вѣрояню—въ намять провинціальныхъ актеровъ Григорія Расильевича и Дмитріи Васильевича Садовскихъ, пользовав-

а черезъ него и со всею молодою редакціею "Москвытящина", съ Мсемъ, Бергомъ, Аполлономъ Григорьевымъ. Алмазовымъ, Эдельсопомъ, Филипповымъ, Рамазановымъ. Часто собирались журналисты, драматурги, профессора въ дом'й у Садовскаго, горячо спорили о литературь, отеатрь, о последнемъ-больше всего, и подъ вліннісмъ этихъ беседь проспулась въ талантанвомъ способномъ юнош в любовь къ ецень, съ каждымъ годомъ росла и кръпла, сдълались главнымъ его интересомъ. И на двадцатомъ году М. II, пробуетъ свои сплы на подмосткахъ блаженной памяти Артистическаго Кружка, тогда помъщав шагоси еще на Тверскомъ бульваръ, въ домъ Лабади и переживавшаго свою св'тлую весну.

Артистическій Кружокъ, это въ высшей степени зюбонытное учрежденіе, въ которомъ начинали свою карьеру многіе изъ корифеевъ теперешией русской драмы и которое еще ждетъ своего историка—только что открылся и сразу едъался истиннымъ центромъ для всего, что въ Москвъ интересовалось театромъ, было такъ или иначе къ нему причастно. Садовскій-отецъ былъ одиниъ изъ самыхъ прыхъ приверженцевъ новаго Кружба и очень много сдълать дли него и его успъха. Къ ту нору вы каждый день могли встрътить въ залахъ Кружка мощную фигуру славнаго артисти то за карточнымъ столикомъ, то за ужиномъ.

Одинъ изъ біогрифовъ Прова Михайловича думаетъ даже, что Артистическій Кружокъ повиненъ въ томъ небрежномъ отношенін къ сценической работъ, къ ролимъ, какое замъчалось въ Садовскомъ въ послъдніе годы его дъягельности.

На сценъ этого-то Кружка выступнав внервые Ипхандъ Прововичъ въ комедін Островскаго «Въ чужомъ ширу похмёльс», въ роли Андрея Вы томъ же самомъ спектакай дебіотировала и артистка Ольга Осиновна Лазарева (потомъ жена М. II. и безподоблая компческая старуха Малаго театра). Насколько можно судить по пъкоторымъ случайнымъ отзывамъ, свою первую роль Садовскій-сынъ сыграль безъ особаго усибла и лишь понемногу, длиннымъ ряломъ ролей заставиль оцёнить себя по заслугамъ, доказалъ, что опъ-актеръ съ недюжиннынъ дарованіемъ. Впрочемъ, во все время, что подвизался Садовскій на подмосткахъ Артистическаго Кружка, уже уси ввшаго перебраться въ новос пом'вщение, на Театральной илощади, существоваза партія, отпосившаяся къ юношъ недружелюбно и громко протестовавшая противъ его частаго участія въ спектакляхъ, козмущавшаяся Садовскимъ - отцомъ, что опъ слишкомъ покровительствуетъ сыпу. Не разъ позинкали изъ-за этого ссоры между Провомъ Михайловичемъ и другими артистами Гружка, —

ссоры очень характерным, рисующія любонытную картинку закумисныхъ правовъ.

Работа въ Кружкъ принесла молодому Садовскому большую пользу, помогла ему развить природный дарованія, и въ 1869 году Миханль Прововичь ръщается уже дебютировать на Малой сценъ. 17-го октября для бенефиса артиета Константина Колосова была возобновлена комедія А. Н. Островскаго «Свои моди-сочтемся»; Провъ Садовскій, до того игравшій обыкновенно Подхалюзина, взяль на себя роль Большова, а Подхалюзина уступпав Сидовскому 2-му, своему стану. Къслову сказать, это быль счетомъ третій Садовскій 2-й на Малой сценв: весною 1845 г. дебютироваль брать Прова Михайловича, въ водевиль «Булочнан» и затычь не безть уснёха сыгральцёлый рядъ ролей, но скоро умерть совствить еще гоношею; поздиве дебютировать племиникъ Прова Михайловича, но также прожиль недолго.

Дебютъ Садовскаго 2-го быль изъ очень удачныхъ. Публика и печать отнеслись къ нему презвычайно сопувственно, такъ, какъ ръдко относятся пъ дебютанту. Отчасти помогало атому, конечно, и имя дебютанта, его близкое родство съ любимъйшимъ артистомъ той поры. По глашая причина-въ педюжинныхъ дарованіяхъ молодого Садовскаго, которыя не моган не быть замъченными. И даже тъ, которые боныксь довъриться первому впечатзвийо и усиленно подчеркивали недостатки исполнения, — даже тт не могли не сказать ивсколькихъ словъ похвалы. «Садовскій 2-й, пишеть одинь рецензенть той поры, - много праль на любительскихъ спектаклухъ н довольно твердъ на сценъ. О талантъ его мы не бережен судить послу перваго представленія; скажемъ только, что онъ быль не достаточно плутоватымъ и не довольно смирененъ въ нервыхъ актахъ, кроий того, онъ прсколько фарсиль, напримерь-подходи къ Лидочкъ или сидя съ нею рука объ руку; это было смъшно, но темъ не менъс это фарсъ, къ которому прибъгать не слъдуетъ. Мъстами же, какъ во второмъ актъ, онд былз очень хорогиг. Дебютантъ, какъ видно, поправился». Отзывъ, какъ видите, очень осторожный, сдержанный Но если вы сопоставите его — пу, хотя бы съ отзывомъ «Репертуара» (№ 9 за 1839 г.) о первомъ дебють Садовскаго отца, вы поймете, какъ удачно начиналь Саловскій-сынь.

Съ еще больнимъ успъхомъ прошелъ второй дебютъ его, въ «Тяжелыхъ днихъ», поставленныхъ для бенефиса Прова Садовскаго. Дебютантъ вгралъ Андрея Титыча Брускова и заслужилъ, между прочимъ, слъдующій нечатный отзывъ. Сказавъ, что Садовскій 2-й—актеръ совершенно неопредълившійся, рецензентъ прибавляетъ: «но у него есть уже пре-

красныя качества, свойствевныя всимъ московскимъ актерамъ безъ исключенія: опъ выренъ изображиемому лигу, въ его исполнени есть умьренность въ выражении чувства, есть достоинство, не позволяющее артисту вести себя на сценъ развинченнымъ, ръзкимъ образомъ. Роль Андрен Титыча г. Садовскій 2-й выполниль очень мило и тепло; онь действительно былъ похожъ на молодого, спипатичнаго, интеллигентнаго купеческаго сынка, къ несчастію ижсколько пришиблешаго тятенькою. Каковъ бы ни былъ талантъ г. Садовскаго 2-го, какая-бы артистическая карьера его ни ожидала, онь стоить на вырной дорогь, съ которой трудно сбиться. Пріятио видъть молодого дебютанти, уже усконвшаго себъ над-

лежащіе пріемы игры». Мы нарочно выписали всю рецензію объ одиомъ изъ первыхъ опытовъ нашего юбиляра на Малой сцень. Будущее, вся четверть-вькован дъятельность артиста доказали, что рецензентъ быль правъ. Онъ предсказаль молодому дебютанту его славу, больше того, онъ замблательно удачно опредблиль всв счастливыя особенности игры М. И. Садовскаго. Характеристика, сдълания въ 1869 году, почти въ полной мъръ подходить и къ г. Садовскому 1895 г.; только всв его достоинства еще увеличились, выросли. И теперь первое положительное качество нашего артиста-въ «върности изображаемому лицу», говоря словами выше цитированной рецензін, въ поразительной согласованности между собою всъхъ частей роли, всёхъ мельчайшихъ ел деталей. Онъ-звенья въ одной цъпи, складываются въ стройное, внолив законченное и яркое цвлое. Играетъ-ли М. II. Садовскій Бълугина, или студента Мелузова («Таланты и поклонники»), или Хлестакова, или молодого Колгуева («Новое дъло») или Мурзавецкаго, опъ всюду больще всего заботится о созданіи цальнаго, характериаго, если можно-тиничнаго образа; артисту важны не столько отдъльные выигрышные, казовые моменты, сколько общій смыслъ задуманной фигуры, върность ея самой себъ на всемъ протяжених роли. И съ годами, помъръ того, какъ увеличивалась сценическая опытность артиста, углублялся его талаптъ, эта върная задача спенического искусства удавазась ему исе бозъс, игра пріобрътала характеръ творчества. Всъ театральные критики въ одниъ голосъ признали, что г. Садовскійзамъчательный Хлестаковъ и прежде всегопо законченности и стройности образа; съ такинъ же единодуниемъ была оцфиена игра г. Садовскаго въ «Волкахъ и овцахъ», особенно когда комедія была возобновлена, года два назидъ. Но и при первой ея постановкъ въ 1876 году, г. Садовскій-Мурзавецкій заслужиль ридъ очень похвальных вотзывовъ и нъкоторыми сценами срываль постоянно громкія рукондесканія.

Такъ же върио и обнаруживая чрезвычайную прозордивость, отмичаеть цитированиан рецензія другую особенность піры г. Садовскаго - «умъренность въ выраженін чувствъ», т. е то художественное чувство мъры, которое такъ присуще этому артисту. Въ его репертуаръ-цълый рядь ролей, очень рискованныхъ, въ которыхъ легко впасть въ утрировку и дать каррикатуру, по г. Садовскій почти всегда умћетъ удержаться въ предвлахъ художественнаго, его игра бываеть иногда очень смъла, одна какая-нибудь комическая черточка, которая почему-либо кажется артисту особенно характерною, часто - отдёльное словеч. ко, жесть, усиленно выставляются впередь, подчеркиваются и такъ проводятся черезъ все псполненіе. Получается комизмъ пъсколько вившній, слегка, если хотите, буфонный, но нигдъ всетаки артистъ не переступаетъ демаркаціопной типін, за которой пачинастся пезакопная область шаржа. Приноминте, напримъръ, г. Садовскаго въ роли Мурзавецкаго, въ которой артисть съ меньшимъ художественнымъ вкусомъ, и меньшею «умъренностью въ выраженін чувствъ» пепремънно сбился бы на каррикатуру. Ту же особенность отмъчали критики, когда М. II. Садовскій играль, въ 1877 году. Лепорелло въ пушкинскомъ «Каменномъ Гостъ», а равно и по поводу цълаго ряда другихъ ролей юбиляра. Укажемъ хотя-бы на мольеровскаго Сканена; роль эта вообще — не изъ особенно удачныхъ въ репертуарт артиста, въ ней не было той легкости, заразительной веселости, искрометности, какія нужны Скапену. Но въ то же время всъ самые комические моменты роли проведены очень тонко и съ большинь сценическимь тактонь.

Наконецъ, рецензія отмъчаеть теплоту къ псполненіи М. П. Садовскаго, ту способность трогать зрителя и вызывать въ немъ слезы, которая позволяеть нашему артисту, комику по преимуществу, съ громаднымъ успъхомъ исполнять такія рози, какъ Андрей Бълугинъ, студенть Мелузовъ, или молодой Хорьковъ («Бъдная невъста»), а въ недавнее время-Апдрей Колгуевъ. Это, быть можетъ, саман дорогая особенность М. И. Садовскаго, которой онъ больше всего обязанъ своею попуаярностью, и которая красноръчиво говоритъ о чрезвычайной гибкости его дарованія. Даже ть, которые были близко знакомы съ богатымъ талантомъ артиста, не могли предвилъть. что онъ съ такимъ великимъ совершенствомъ сыграеть свою трудиъйшую роль въ «Галантахъ и поклопинкахъ», что въ его голосъ. всегдазаставляющимъ хохотать, найдутся вдругъ совершенно повыя, мягкін, за душу трогающін ноты, и что вся зрительная зала замретъ

Marchyn

отъ первыхъ же словъ ръчи Мелузова за вокзальнымъ столомъ. Теперь роль, сыгранная иъсколько десятковъ разъ, въроятно, прівлась артисту, выходитъ у него какъ-то суше, нередача ея какъ будто линилась изкоторой доли своей сердечности. По какой восторгь вызывала она въ первые годы, п какъ, дъйствительно, тепло исполнилась! Г. Садовскій умъетъ, какъ никто, сочетать комическую, подчасъ шутовскую и простоватую оболочку съ золотымъ, чуткимъ сердцемъ и показать всю глубину душевнаго страданія при помощи самыхъ нехитрыхъ сценическихъ средствъ. Среди смъха вдругъ прорывается глубоко скорбная, часто-бользиенная пота, и изображаемый образъ сразу выступаетъ передъ зрителемъ въ совершенно иномъ свътъ и пріобрътаетъ чрезвычайную глубину. Такъ понемногу развилась въ артистъ та «теплота», которая была подм'йчена въ немъ еще въ дебютномъ слектаклъ...

Почти одновременно съ первыми сценическими опытами началась и литературиая дъятельность Михапла Прововича Садовскаго. Собиравшійся у отца кружокъ литературныхъ работниковъ, ихъ горячіе споры не могли не заронить въ впечатиптельную, отзывчивую душу юпоши любви къ литературъ, и любовь ата росла въ немъ нараллельно съ любовью къ театру. Сцена слишкомъ поглощала вниманіе и силы Михаила Проповича, чтобы изъ исто могъ выработаться заправскій литераторъ, крупный художникъ слова. Г. Садовскій въ литературъ - только дилетантъ, отдающий ей лишь свои досуги, по дилетанть съ талантомъ и искренностью, и веякая вещь, подписанная его именемъ, прочитывается съ несомивниямъ интересомъ. По поручению А. Н. Островскаго, ближайшаго друга его отца, молодой Садопскій запялся изученіемъ итальянской комедін и перевель для задуманнаго Островскимъ изданія итсколько пьесъ, между прочимъ — комедіи Карла Гольдони «Вѣеръ» и «Добродътельный ворчунъ» («Le bourru bienfaisant»; комелія написана итальянскимъ авторомъ, какъ извъстно, по французски), «Франческа», Сильвіо Пеллико «Что посвень, то пожнень», и «Карлъ II» Джакометти (первыя изъ этихъ двухъ пьесъ были поставлены на Малой сцевъ). Въ поздиъй нее время г. Садовскимъ переведены «Севильскій цирюльникъ» Бомарше и «Федра» Расина, которая и былансполнена въ Маломъ театръ въ двадцатилътвій юбилей Марін Николаевны Ермоловой. Попробоваль даровитый артистъ свои силы и въ качествъ самостоятельного драматурга и написаль комедію «Чужая душа — потемки», которая и исполиндась въ Малонъ театрй, въ половинъ восьмидесятыхъ годовъ, въ первый разъ въ бенефисный спектакль жены автора, О. О. Садовской. Достоинства пьесы не велики, и она не

долго продержалась въ репертуарт. Впрочемъ, въ комедіп есть итсколько оригинальныхъ и удачныхъ положеній, и искренность, и простота. Не разъ въ послъдніе годы выступаль г. Садовскій и въ качествъ беллетриста. Читателямъ «Артиста» хорошо знакомы: разсказъ «Дикій человъкъ», восноминанія о «Федоръ Семеновичъ Потанчиковъ», и пъкоторыя другія промзьеденія г. Садовскаго, такъ какъ вст они печатались на страницахъ нашего журнала. Авторъ всегда ставить себъ задачи небольшія, но зато съ ними справляется прекрасно, умъетъ мъткими чертами обрисовать нерсонажи своихъ разсказовъ, не лишенъ мягкаго юмора и остроумія, няшетъ, наконецъ, прекраснымъ языкомъ.

Послъ удачныхъ дебютовъ М. II. Садовскій быль принять въ трунцу Малаго театра, но безъ жалованья. Въ слъдующемъ 1870 году, Провъ Садовскій, какъ разсказываетъ его біографъ, г. В. Родиславскій (см. «Русс. Въст.», іюль 1872 г.) обратился къ дирекція съ ходатайствомъ о гарантированін ему полнаго бенефиса въ 2000 рублей и вмъсть съ тъмъ «о принятіи на службу къ Московскимъ театрамъ въ драматическую труппу сына его, съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. Въ отвътъ на это ходатайство минестръ Императорскаго двора назначиль Прову Михайловичу, взамынь полнаго бенефиса въ Маломъ театръ, по двъ тысячи въ годъ, «каковой бенефисъ дирекція въ правъ пазначать ежегодно въскою пользу на имя Садовского по возвышеннымъ цѣнамъ, на Большомъ или Маломъ театръ». Что же касается принятія въ труппу сына его, «то министръ Двора не изъявиль согласія на то, чтобы артисты, при возобновленій съ ними контрактовъ, ставили непремъннымъ условіемъ ангажементъ своихъ родственниковъ». Но вскоръ дъло уладилось, и М. П. Садовскій быль привять «на службу къ Московскимъ театрямъ» съ 600рублевымъ годичнымъ окладомъ.

Въ первые годы артисту приходится пграть на казенной сцепъ очень немного и по большей части роли неинтересныя, не требующій большой художественной работы, и потому онь часто участвуетъ въ спектакляхъ Артистическаго Кружка. Изъ ролей, сыгранныхъ въ эту первую пору его служенія Малому театру, стоить отивтить роль Бородкина въ комедін «Не въ свои сани не садись», роль Загоръцкаго, въ которой Михаиль Прововичь быль, по отзыву одной рецензіи, относящейся къ 1874 г., «очень хорошъ, представиль намъ совершенно живое и замъчательно тиничное лицо», роль Малькова въ «Дикаркъ», доктора де-Мирье— въ драмъ «Жизнь пережить-не поле перейти», Бардина-въ «Лакомомъ кусочкв», пьяненькаго отставного старинины Буровина въ Соловьевской комедіи «На порогъ къ дъзу», Палицына въ комедін «Каково въется, таково мелется» к т. д. к т. л.

Знаменательнымъ въ артистической карьерть М. И. Садовскаго быль 1877 г., когда опъ сыграль Андрея Бълугина. Роль удалась на славу, артисть нивых бурный успёхь, вся Москва перевидала его въ этой, по общему признаніюзамъчательной у него роди, и М. II. Садовскій сразу пріобрель громадную популярность. Възугинь дазъ артисту возможность проявить цваый рядъ новыхъ сторопъ своего дарованія, помогъ доказать, что далеко не чуждъ его исполненію и драматизмъ, и заставиль театральныхъ завсегдатаевъ, которыхъ такъ много въ Москвъ, въ городъ театральномъ по преимуществу, винмательиве присмотръться къ «сыну Прова Махайловича» и признать въ немъ не только «сына везикаго артиста», по и очень крунную, незаурядную силу. И именно тъ моменты трудной роли, которые вызывали до спектакия въбинзкихъ кътеатру ищахъ напбольшія опасенія, казались особенно рискованными для г. Садовскаго, какъ чистващаго колика, - удались ему лучие всего. Часто повторяющияся върепортерскихъ отзывахъ фраза - « артисть превношель всік ожиданія» - на этоть разъ была не простымъ газетнымъ клише, а върнымъ отражениемъ дъбствительнаго факта. Спектакль быль по истипь поворотнымъ пунктомъ въ артистической дъятельности нашего юбиляра, тъмъ радостнымъ моментомъ, позади котораго - сфрыя будии, вперели-рядъ громких в побъдъ, сплошной артистическій праздникъ. Кто изъ молодыхъ лицетвевъ не мечтаетъ объ этомъ моментв, кто не ждетъ его и ради него переноситъ всъ заку-- лисныя невзгоды! Только, увы! далеко не встять чающимъ выпадаеть на долю его дожаться...

Съ этихъ поръ г. Садовскій пграетъ все эфгод эза игод чкох иди и эшчгод и эшчгод отвътственныя, сложныя. Правда, рядомъ съ ними ему приходится играть роли, совствит не подходящія къ его дарованію, вродт Бенъ-10хан въ «Уріель Акостъ» Гуцкова, Гичмонда въ «Рачардъ III», Реми въ трагелія «Дитя». Но число такихъ ролей, ролей неудачныхъ или безразличныхъ, съ каждымъ годомъ убываетъ и параллельно ростетъ число ролей иного характера, укръпляющихъ славу и популярность М. П. Садовскаго. Среди последиихъ следуетъ отивтить, какъ одну изъ самыхъ удачныхъ и ту роль, какую онъ повторилъ въ юбилей, роль Счастливцева въ комедін А. И. Островскаго «Льсь». Инханав Прововичь играль эту роль первоначально въ Артистическомъ Кружкъ, вийсти съ Инколаемъ Хрисавфовичемъ Рыбаковымъ, тъпъ самымъ, чье имя съ такимъ благоговинемъ произпосить въ пьесь Несчастливцевъ. На Малой сценъ Михаилу Прововичу приходилось долгое время ограничиваться ролью Алексиса Буланова, такъ какъ (частлив-

цева игразъ Шумскій, идеально хороній ея исполнитель, «создатель роли»; всв последующіе Счастливцевы възначительной мъръ подражають Шумскому, понторяють его пріемы. всьть, говоря закулиснымъ жаргономъ, «фортеля», какіе придуманы имъ и стали въ ивкоторомъ родъ традицією, подобно тому, какъ стали обязательною традицією и свято хранятся до свяъ поръ изкоторые пріены, изкоторые јену не всене, придуманные актеромъ Кино-Дифреномъ въ роляхъ Корнеля и Расина, а также въ мольеровскомъ «Мизантропъ». Для мольеровскихъ комедій, особенно для «Тартюфа», успъла образоваться цълая коллекція таквхъ сценическихъ «традицій», и ни одинъ актеръ не ръпится отступить отъ вихъ. Немногіе сявльчики теривли жестокое фіаско, вродь, напримъръ, Фехтера, нотомъ извъстнаго директора «Одеона» *).

Только посяв смерти Шумскаго сталь Миханль Прововнив играть Счастливцева, въ черель съ г. Правдинымъ, и на Малой сценъ, между прочимъ шралъ эту роль (2-ой актъ) въ пятидесятилътній юбилей Ивана Васильевича Санарина въ Большомъ театръ. Къслову сказать, съ «Лвсомъ» свизанъ для Михаила Прововича цълый рядъ воспоминаній. Между прочимъ, эти комедія была последнею пьесою, въ которой выступиль геніальный отецъ нашего юбилира передъ своею кончиною. Всю весну 1872 г. Провъ Михайлокичъ хвораль и ничего не играль. Наконецъ. 23-го мая онъ выступиль передъ публикою въ роли старика Восьмибратова в игралъ совергненно больной. Послъ спектапля онъ слегъ, чтобы уже не встать.

16-го іюля его не стало...

Перечислять всв последующія роли, слвдить шагъ за шагомъ за работою артиста ивтъ ни силъ, ин возможности. Да и незач'вмъ. Выше отмъчены уже основныя особенности дарованія г. Садовскаго. Съ каждымъ годомъ онъ прояклялись все яснье, развивались и крыпли и помогли артисту создать цълую галлерею вполив художественных в образовъ. Среди шихъ чаще всего попадается, варьируемый лишь въ подробностяхъ, образъ купчика, богатаго тятенькинаго сынка, закутившагося савраса и забубенной головушки. Рядомъ съ инчъ стоитъ другое лицо, итсколько схожее по витиней оболочкъ, но съ иною, высоко симпатичною природого, лишь приниголенного жизнью, исковерканною и тяжело страдающею отъ окружающей сутолови. Типы изъ купеческой среды вообще удаются г. Садовскому больше всего, получають въ его передачв напбольшую яркость и колоритность, которыхъ иногда не хватаеть нгръ ар-

^{*)} Ивскомко любопытных подробностей объ этих "традицихъ" читатель можеть пайти въ главахъ 16-20 кпиги Albert Lambert'a: "Sur les planches", вышодшей въ Парижи этихъ лътомъ.

тиста, когда ему приходится изображать персонажей изъ другихъ общественныхъ слоевъ, низшаго-ли, крестьянскаго, или высшаго, аристократическаго. Напримъръ, въ «Илодахъ просвъщенія» первый мужикъ въ передачъ г. Садовскаго скоръе похожъ на третьегильдейскаго купща, чъмъ на мужика. Справедливость требуетъ,
впрочемъ, сказать, что и иъкоторыя «деревенскія» роли удаются артисту замъчательно. Стоитъ вспомнить хотя бы прямо образцовую, безукоризненную передачу г. Садовскимъ роли дурачка въ комедіи Е. П. Гославскаго «Въ разлукъ».

Крупнъйшее созданіе М. II. Садовскаго, о́езспорно, Хлестаковъ. Послѣ этой роли слава его, какъ высокодаровитаго артиста, одного изъ достойнъйшихъ служителей русской сцены, окръида окончательно. Недавние скептики, все еще не довърявшие г. Садовскому, сомиввавшиеся въ разиврахъ его дарованія, примкнули къ восторженнымъ его поклопникамъ, и теперь въ зрительной залъ Малаго театра не существуетъ уже разногласій относительно М. II. Садовскаго. Онъ — общій любимень. Двадцатильтній юбилей артиста, отпразднованный 17-го октября 1889 г. (шла комедія Вл. Александрова — «Въ сель Знаменскомъ»; юбиляръ игралъ маленькую роль писаря), самымъ убъдительнымъ тор. жественнымъ образомъ доказаль это. Послъ Хлестакова г. Садовскій сыграль еще цълый рядъ ролей, изъ которыхъ больше всего достойны вниманія уже не разъ въ этой статьв уноминавшіяся роли Андрея Колгуева въ комедін Вл. Ив. Немпровича-Данченко «Новое дъло», Мурзавецкаго въ возобновленной комедін Островскаго. Остальныя роли были по большой части повтореніемъ стараго, того, что зрптель уже видълъ. Объясияется это, конечно, не тъмъ, что развитие таланта М. II. Садовскаго остаповилось, что онъ уже «все», что могъ, совершилъ», но свойствами текущаго репертуара, не перестающаго перепъвать старые мотивы.

Дорогой артистъ, недавно отпраздновавшій свою серебряную свадьбу съ Малой сценой, находится теперь въ самомъ расцвъть силъ, и Москва въ правъ ждать отъ него еще многихъ и многихъ высоко-художественныхъ созданій, плодотворной работы на пользу русскаго театра. И мы твердо въримъ, что ожиданія эти пе обманутъ, сбудутся, и что москвичамъ не разъ придется еще привътствовать Михаила Прововича Садовскаго, какъ блестящее украшеніе нашей образцовой сцены.

Юбилейный спектакль, въ который, какъ упоминалось, исполненъ «Лъсъ», уже много лтъ не исполнявшійся на Малой сценъ, былъ длиннымъ рядомъ восторженныхъ овацій по адресу юбиляра Переполненная зрительная зала встрътила Михаила Прововича шумными рукоплесканіями, не прекращавшимися впродолженіс почти десяти минутъ. Такіе же шумные апплодисменты повторялись нослё каждаго акта. Посав второго акта юбиляра чествовали, при поднятомъ занавъсъ, товарищи по сценъ и поднесли ему жетонъ съ цифрою ХХУ изъ крушныхъ бридльянтовъ. Изъ другихъ «подношеній» отмътимъ еще вънокъ отъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и комнозяторовъ, вънокъ отъ артистовъ русской оперы съ надписью: «Высокоталаптлевому артисту и доброму товариму», лиру и серебряный вёнокъ отъ труппы и директора Коршевскаго театра, какъ «Дапь глубокаго уваженія къ плодотворной талантливой двадцатииятильтней артистической двятельности» и т. д.

Отчеть объ исполнении «Лѣса», одной изъ лучшихъ пьесъ во всемъ театръ покойнаго Островскаго, отлагаемъ до слъдующаго выпуска нашего журнала.

Н. Эфросъ.

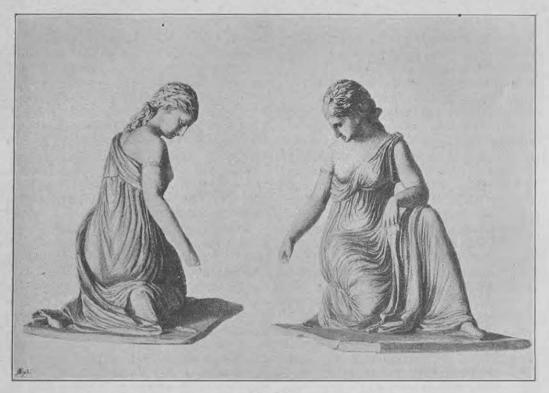

Рис. 1.

Скульптура города Танагры.

(Бесъда въ Московскомъ Обществъ Любителей Художествъ 12 ноября 1894 г.).

Мм. Гг. Вторая половина истекающаго въка и особенио послъднія его десятильтія ознаменованы въ Европъ и Америкъ пеобычайнымъ подъсмомъ дъятельности наукъ. Въ этой энергіи какъ бы намъренно спорятъ и науки естественныя и науки гуманитарныя. Одно открытіе за другимъ сопровождаютъ небывало сильное напряженіе ума, воли и труда—и эти открытія одно блестящъе, одно неожиданите другого.

Въ ряду наукъ гумапитарныхъ наука историческая вообще и наука археологіи и исторіи античнаго міра въ частности не отстаютъ отъ другихъ ни въ энергіи, ни въ блескъ своихъ, подчасъ поиствив ослъпительныхъ открытій. Массу отдъльныхъ лицъ, и ученыя общества, и правительства отличаетъ теперь горячее увлеченіс ясть, что увеличиваетъ запасъ нашихъ знаній по исторіи культуры Грековъ и Римлянъ: ихъ домашняго и общественнаго быта, ихъ религіи, состоянія у нихъ искусствъ и ремеслъ.

Въ то время какъ спеціалисты дъятельно работають надъ разъя сненіемъ вопросовъ, изъкоторыхъ слагается наука классической археологіи и исторіи древняго искусства, люди бо-

гатые, правительства и ученыя общества затрачиваютъ большія суммы на методическія раскопки территоріи греко-римскаго міра по всей Южной и Западной Евроиъ, въ Азіп и

Африкъ.

Такъ, наша Императорская Русская Археологическая Комиссія производить раскопки на съверномъ берегу Чернаго моря, на мъстъ древнихъ греческихъ колоній—и всякій изъ насъ, посъщавшій въ Петербургъ Императорскій Эрмитажъ, зпаетъ, сколько удивительныхъ вещей собрано тамъ путемъ этихъ раскопокъ въ южлой Россіи. Не ограничиваясь съвернымъ побережьемъ Чернаго моря, мы простираемъ свои взоры на Константинополь, основывая тамъ Императорскій Русскій Археологическій Институтъ, задачею котораго будетъ изученіе также и монументальныхъ остатковъ Византіи и классическаго міра.

Археологическій и художественный питересъ увлять въ послъднее время даже неподвижное Турецкое правительство: и оно нынъ составляетъ въ своей столицъ музей античнаго искусства—и на его молодое счастье уже выпало обладаніе нъсколькими памятниками высокаго худо-

жественнаго совершенства и большой денежной цънности. Этотъ интересъ доказывается и появлевіемъ въ Константинонолъ людей науки изъ природныхъ Турокъ, которые за своимъ образованіемъ вздятъ въ главные научные центры Западной Европы и штудируютъ тамъ събольшимъ стараніемъ и усиъхомъ. Среди этой новой генераціи нашихъ турецкихъ сосъдей достаточно вазвать Гамди-Бея, директора Константинопольскаго музея, человъка изящнаго вкуса и большихъ свъдъній въ мъстной археологіи, съ митьніями и показаніями котораго теперь охотно считаются люди науки въ Западной Европъ.

мають спеціалистовь всего міра. Греческія ученыя изданія, посвященныя разработкъ вопросовъ античной жизни и искусства, получають теперь часто первостепенное значеніе.

Германія, основавъ свой Археологическій Институть въ Абипахъ по образцу Римскаго Итмецкаго Института, существующаго тамъ уже около шестидесяти пяти лѣтъ, затратила въ послъднія десятилѣтія колоссальныя суммы на раскопки Олимпіи п Пергама. Многолѣтпія раскопки въ Олимпіи потребовали созданія новаго, особаго и большого музея, который афинскимъ купцомъ Сенгросомъ дъйствительно и воздвигнутъ въ видъ величественнаго храма тамъ же

Рис. 2.

Посмотримте на маленькую Грецію.

Греческое правительство и Абинское Археодогическое Общество, считающее въ числъ своихъ членовъ - благотворителей Грековъ всъхъ
странъ міра, этихъ искусныхъ банкировъ и
опытныхъ торговыхъ людей но преимуществу,
производятъ обширныя раскопки въ Абинахъ,
въ разныхъ мъстахъ Аттики и другихъ провинцій Эллады: — и уже длинный рядъ важныхъ
открытій является результатомъ ихъ благородныхъ искапій. Правительственные музеи
древностей и коллекціи антикваріевъ-любителей обогащаются тамъ съ каждымъ годомъ все
повыми и повыми пріобрътеніями, изъ которыхъ весьма многія по своему значенію зани-

на горъ, ноднимающейся падъ священною долиной Олимии. А каковы результаты раскопокъ Нъмцевъ въ Пергамъ, знаютъ тъ изъ насъ, кому въ послъднія пятнадцать лътъ выпадали счастье и случай бывать въ Берлинскомъ музеъ. Такихъ грандіозныхъ по своимъ размърамъ мраморныхъ композицій, исполненныхъ въ необычайно высокомъ горельефъ и съ какимъ-то титаническимъ, какъ бы бъщенымъ размахомъ, исторія древ и яго искусства еще не знала.

Не отстають въ благородномъ рвеніи распознать античный міръ и раскрыть тайны его искусствъ и другія государства Западной Европы, — Австрія, Франція и Англія, а равно и Съверо-Американскіе Штаты. Каждое изъ этихъ

государствъ снаряжаетъ ученыя акспедицін на греческій востокъ, затрачивня на это дізло большія средства, — и, благодаря этимъ стараніямъ, множество вопросовъ и научныхъ проблежь получили теперь ясное рішеніе, а музен обогатились такими намятшками искусствъ и древностей, о которыхъ до последнихъ десятильтій пвкто и мечтать не могъ. Почти встиннявляваванныя страны имнотъ теперь въ Аннахъ и Рим'є свои особыя археологическія пислы и институты, служащіе цілямъ изученія классическаго міра.

Тратять на Западъ большія денежныя средства на предпріятія этого рода ве только правительства и ученыя общества, по и частныя лица, какъ бароны Ротшильды и недавно скончавшійся Генрихъ Шлиманнь, нажившій свое огромное состояніе въ Москвъ и Петербургъ, въ который прівхаль онь чуть не импрыъ.

Чтокасается Италін, то эта страна съ эпохи своего объединенія, за два посл'вднія десятил'ьтія стала, археологической попреимуществу. При тамошнемъ мишистеритвъ пироднаго просвъщения образованъ особый денартаментъ спеціально археологическихъ раскопокъ и охраненія памятниковъ древности по всему королевству. Вся страна раздълена на небольние округа, съ своимъ инспекторомъ для каждаго изъ нихъ. На обязанности этихъ правительственныхъ чиновъ лежитъ зоркое наблюдевие надъ случайными находками предметовъ дравности и искусства, а равно и надъ методическими рисконками, производимыми оффиціально или частными лицами. Нечего прибавлять, что разрытіе Помпен продолжается и попынъ съ большою энергіей, безпрерывно и автомъ и зимою, распрыван предъ наумою и образованнымъ міромъ все повын и повыя подробности древнеримской жизии.

Количество памитниковъ археодогін и пскусства, открытыхъ въ послъдпія десятильтія на обширной территорін древне-эллиского п римскаго міра, и громадно и крайне разнообразно по своему характеру. Пропзведенія зодчества, ваянія, живописи, яздѣлія художествешной промышленности, памятинки письменности на камияхъ, на металлахъ, на кости, терракоттъ, деревъ, папирусъ, тканяхъ—всё это длинной и трудно обозримой веренвцей встаетъ теперь передъ людьми науки и искусства, вызывая ихъ на дальиъйшее изслъдованіе или на художественное наслажденіе.

Къ числу художественных откровеній на классической почвъ, сдъланных въ два нослъднія десятильтія, относится и скульптура древией Тапагры, предметъныным беседы въ вашемъ почтенномъ собраніи.

Только на этотъ разъ эти художественныя открытія суждено было сділать сначал и не людямъ науки, не правительствамъ съ ихъ щелрою депежною номощью, не меценатамъ изъ класса людей богатыхъ, — иътъ, удивительныя Танагрскія терракоты для просвъщеннаго міра открыми темпые гробоконатели, производивніе свою работу тайно, воровскимъ манеромъ, вдали отъглазъ привительства и научнаго контроля.

Но прежде чёмъ приступпть къ изложенію нашей прямой задачи, отмётниъ положеніе города Тапагры и его роль въ древней греческой исторіп. Объ этомъ можно сказать только въ

двухъ словахъ *).

Городъ Танагра находился въ Беотін, области лежащей на стверъ отъ Аттики, области сосъдней съ этою посл'ядней. Благодаря своему центральному положению между ивсколькими гловными дорогами своего края, онъ достигъ замътнаго благополучія. Одинъ греческій путешествениякь, посътивний Тапагру во 11 ст. до Р. Хр., хвазитъ пріятную вижиность этого города, дома котораго быле выкрашены въ бълый цвать, выставляеть на впрь зажиточность Танагрійцевъ, ихъ состраданіе къ бъднымъ, простоту образа жизин, любовь къ земледълін, ихъ прандивость, религіозность, гостепріниство и другія хорошія правственныя качества. Если прибавить въ сказашному, что этотъ городъ, благодаря своему географическому положению, былъ ивсколько разъ предметомъ ожесточенныхъ распрей между Авинянами и Онванцами, то это будетъ вся или почти вся исторія Танагры. Значеніе этого провинціальнаго города, какъ видите, не представляетъ собою ничего особенияго.

Не имбетъ или върнъе до самаго послъдияго времени, именно, какъ увидимъ сейчасъ, до
1870 г., опъ пинакого значенія не имълъ в въ
всторіи греческаго ніскусства, подобно ибкоторынъ другимъ городамъ Беотій, этой области,
славившейся у лешанть обжорствомъ, простоватостью и умственной ограниченностью своихъ
жителей. На счетъ Беотійцевъ складывались остроумными и насмъниливыми лениниями разные
внеклоты комическаго свойства, полобно тому
какъ это дълается у насъ, въ простонародыи,
съ пошехоннами и хохлами.

И вотъ черезъ 2300 автъ одному изъ городовъ этого Пошехонья древией Греціи суждено было изумить всвух в блескомъ своихъ художественныхъ созданій и неожиданно занять видную страницу въ лізтописяхъ исторін античнаго искусства.

Это случилось 1870 г., когда въ деренущить Скиматари, находящейся по соебдству съ развалинами давно исчезнувшей Тапагры, поселился старый гробокопатель, нъкто Георгій Анифанти. Уроженецъ острова Корфу, опъсначала занимался тайными расконками древнихъ могилъ на родинъ, нока слухъ о боль-

^{*)} См. объ этомы предметь нашу статью въ Русск. Обозрами 1894. кп. V.

ишхъ выгодахъ такого рода дъятельности не заставилъ его переплыть на материкъ Греніи. Много здёсь перепортилъ онъ древшихъ кладбищъ, много дорогихъ предметовъ онъ извлекъ оттуда и сбылъ ихъ въ руки торговцевъ-антикваріевъ за границу. Молва о томъ, что около деревушки Скиматари въ Беотіи и въ другихъ мѣтахъ этой области крестьяне, обработывая свои оли и огороды, часто находили глиняныя вазл и статуэтки, достигла слуха Георгія Анифанти.

Ознакомивинсь съ характеромъ находокъ,

онъ счелъ им и ижун переселиться въ Беотію издъсь основаться на продолзона сэти ж время. Вступпвъ въ стачку съ и ћ стнымъ населеніемъ и закупивъ UH HOBHHковъ этой захолустной проврнціи, мало носъпаемой вностран цами REL ORBM II кого витересной въ нынтшвемъ совершенно пекультурномъ ея состоянін, этотъ корыстолюбивый Корфіотъ тайно OTT MILLIII-

стерства

Piic. 3.

народнаго просвъщенія началь раскопки сначала на кладбищъ города Оссий, а затъмъ съ 1870 г. и на кладбищъ древней Танагры. Не прошло здъсь и нъсколькихъ дней, какъ поразительный усиъхъ увъичалъ его исканія. Большой мастеръ своего дъла, Георгій Анифанти сразу наналь на цълый рядъ могилъ съ терракотами самого расцвъта греческаго искусства, самыхъ изящныхъ, самыхъ граціозныхъ его формъ. И эта удивительная красота формы, и новизна сюжетовъ, доселъ небывалыхъ въ греческомъ искусствъ, и сохраненіе яркости красокъ, которыми блестъли эти паходки,

считавшія около 2300 лёть своего существованія,—все это говорило о необычайной оригинальности и объ особой цънности открытаго художественнаго клада.

Появление танагрскихъ статуэтокъ въ окнахъ магазиновъ абинскихъ антикваріевъ сразу привленло вниманіе любителей антиковъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ цѣнителей этого открытія явился тогданній нашъ послацникъ въ Абинахъ г. Сабуровъ, поспѣнившій воспользоваться этимъ рѣдкимъ моментомъ для обогащенія своей знаменитой коллекцін древностей.

CJYXB объ изяшныхъ статуэтнахъ. открытыхъ Георгіемъ Анифанти распростра пился между населеніемъ Скиматари и сосъдинхъ деревень. Навзяв антикваріевъскупщиковъ и быстрое поднятіе пфиъна новый товаръ совстиъ вскоужил и головы крестьянамъ. которые побросали на время свое зеи эістрэіс и всъ устре-MIIAHCL вскапывать свои дворы и усадьбы.

Да и было отъ чего придть въ такому ръшенію, когда въ Скиматари, этой дотолъ инкому невъдомой и никому не интересной захолустной деревиъ платили но 500 и даже по 1.000 франковъ за одну статуэтку и за одну маленькую группу, сдъланную изъ глины!

Дворы и усадьбы этихъ крестьянъ оказались расположенными на кладбищё древней Танагры и потому все солержимое этихъ могилъ, терракотовыя вазы, статуэтки, группы, бюсты и различная домашияя утварь, все это стало достояніемъ конателей. Повымъ владъльцамъ древняго имущества не зачёмъ было утруждать себя даже поъздками въ Авины, Коринов или Патры для продажи своихъ находокъ: скупщики прівзжали къ нимъ сами и на перебой предлагали имъ наличныя большія деньги. Счастье Скиматарійцевъ нозбудило сильное соревнованіе въ жителяхъ ближайшихъ поселеній—и тамъ началась такая же дъятельная, такая же лихорадочная п такая же тайная отъ правительства разработка принадлежавинихъ имъ земель.

По странной случайности, ни греческое правительство, ни люди у ченаго и художественного міра не знали и не обращали па это должного вниманія въ теченіе цълыхътрехъльть. Они встрененулись посав того, какъ слава о танагрскихъ терракоттахъ распространилась по всей Европъ, посл'в того какъ эти граціозныя созданія скульптурнаго генія Греков украсили тамъ собою и разные государственные музен и многія коллекців любителей. И правительство, и администрація и ученые теперь заговорили о необходимости наложить руку на эти противозаконныя раскопки и на эту продажу драгоцънныхъ находокъ за границу. Последовало правительственное распоряженіе воспретить дальнъйшія раскопки, отправленъ былъ делегать Авинскаго Археологическаго Общества даже съ цълой ротою солдать въ Спиматари.

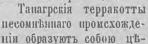
Но было уже поздно. Въ три года лихорадочной работы Георгія Авифанти и цълой армін другихъ конателей все лучшее было выконано и вывезено да-

деко за предвам королевства. Авинскому Археологическому Обществу пришлось докольствоваться только остатками, только тёмъ, чего взять не успёли прежийе гробоконатели. Оно снаряжало сюда три археологическія кампанін въ 1873, 1875 и 1876 годахъ. Правда, и его поиски не остались безплодными; танагрскихъ терракоттъ теперь весьма много и въ музев Авинскаго Археологическаго Общества; но этотъ матеріалъ стоитъ неизивримо ниже того, что привлекаетъ къ себъ наше вниманіе въ собраніяхъ Лувра,

Британскаго музея, Берлинскаго музея и въ превосходной Сабуровской коллекціи, пріобр'єтенной нашимъ Императорскимъ Эрмитажемъ.

Число терракоттъ, добытыхъ на почвъ древней Тапагры, не поддается никакому опредъленю: такъ оно велико и такъ различны и невъдомы пути, по которымъ разоплись онъ по всему образованному міру, по Европъ и Америкъ. Если, при доброй волъ, еще можно составить себъ болъе или менъе точное по-

нятіе о матеріаль, хранящемся въ государственныхъ музеяхъ и въ тъхъ большихъ коллекціяхъ, обладатели которыхъ, какъ французъ Лекюйе, сами публикуютъ описанія и изданія ихъ въ ученый н художественный міръ, то никакому опредъленію недоступны тв многочисленныя терракотты, которыя находятся въ частныхъ рукахъ и владъльцы которыхъ и върятъ сами, и увъряютъ другихъ въ танагрскомъ происхождении своихъ пріобрътеній. А эти последнія на самомъ дълв. можеть быть, изготоваены гдв - нибудь въ Южной Италін ловкими поддълывателнии, быстро накинувшимися на этотъ новый видъ своей мало почтенной производительности, какъ только стала извъстна высокая цъна настоящихъ антиковъ. И подъ Флагонъ « Танагрскихъ » терракотть начали ходить по рукамъ зюбителей издълія проворныхъ п плутоватыхъ лъпшиковъ Неапо. литанской провинців.

дый отдъльный міръ, изучевіе которого представляеть высокій пптересь для археолога, для любителя художествь и для художника.

Древивний изваннія этого рода начинаются съ VII ст. до Р. Хр. и явлиють собою наиболье грубые образцы двиленія изъ глины изображеній животныхъ, человька и существ в божескаго міра. Исполненіе издвлій этого рода до того двтски-безпомощное и до такой степени варварское, что сначала у любителей антиковъ появилось сомивніе въ греческомъ происхожденіи этихъ изванній. Но это воззръ-

12.00 1

ніе основывалось на установившей пздавна привычкъ считать все греческое прекраснымъ

по формъ.

Съ именемъ греческаго искусства невольно связываются представленія о высшей красотъ, какой только достигало искусство въ области ваянія п зодчества. Невольно въ нашей душт проносятся при этомъ безсмертныя имена Фидія, Праксителя и другихъ корифеевъ скульнтуры, или такіе памятники, какъ лучнія ко-

пін Афролиты Кинаской, Венера Милосскан Лаокоонъ, Аполлонъ Бельведерскій и другіе шедевры греческой пластики. Или когда говорятъ о греческомъ архитектурномъ СТИЛЬ, ТО сами собою напрашиваются у насъ на память чудные и въ обломкахъ своихъ остатки Пареенона, Пропплей, Эрехоейона и столькихъ другихъ созданій строительнаго искусства Грековъ.

К расота **ТИШИУ** В проявлеяій элл пискаго

художественнаго генія затмила собою все, что имъ въ исторіи предшествовало, затмила эпохи роста, образованія, совершенствованія. А эти эпохи были и у Грековъ, какъ у всякаго другого народа, и длились онъ цълые въка.

Нечего поэтому удивляться, что и у Грековъ открываются произведенія «варварскаго» характера, пбо въ дъйствительности и Греки были «варварами» на раннихъ ступеняхъ ихъ умственнаго развитія. Къ этой-то пор'й и относятся находящіеся передъ нами образцы *) ранняго этпленія Танагрійцевъ.

Это рядъ какихъ-то жалкихъ куколъ, являющихся издъліемъ дътски - безномощныхъ рукъ, которыя не умъл справляться ин съ изображеніемъ стана, ин съ передачею человъческаго лица. Это послъдяее имъетъ видъ скорће какого-то птичьяго клюва или морды другихъ животныхъ, чёмъ человътескаго образа. Пе умъли сначала Тапагрскіе лънщики

справляться съ изображеніемъ спляшей позы человъческихъ фигуръ, предпочитая eñ CTOЯчее положеніе, какъ болве лля пихъ дег-

кое. Но конечпооставаться долго на этой дътской ступени развитія было невозможно. Новыя времена вносили съ собою въ жизне и повые техническіе пріемы и новыя формы. Поэтому въ чогилахъ еще древняго типа встръчаются фигуры съ лицомъ уже вполнъ человъче-

скимъ, хотя сидячее положение и болъе естественная поза рукъ и ногъ все еще остаются трудною задачей для танагрскихъ лънщиковъ.

И чтит болте мы стали бы изучать матеріаль, доставленный могилами Гапагрійцевь, тыть сильные и и имыли бы возможность убы-

^{*)} Въ собраніи Московскаго Общества Любителей Художествъ быль предложенъ вниманію саушателей палый рядь изданій и фотографій Танагрскихъ терракоттъ, въ томъ числъ и древиъйшаго періода ихъ.

ждаться, что глинныя издёлін ихъ становятся, мало-по-малу, изящиве прежнихъ исключительно грубыхъ изваяній: и формы яхъ организма по-лучають болёе естественный виль, и позы этихъ человёческихъ или божескихъ изображеній становятся непринуждениве.

Но необходимо сознаться, что лежитъ цёлая, ничъмъ не заполняемая, пропасть между терракоттамп Танагрійцевъ болъе древняго періода и тъми статуэтками, которым состанили славу Танагры, поразивъ всёхъ цъпителей искусства въ Европъ и Америкъ высокию художественностью своихъ формъ и необычайного красотой и закопченностью главныхъ частей въ луч-

шахь экземпларахъ.

Итиъ же объяснить это споеобразное явленіе? Можно выставить соображеніе, что терракотты типа грубаго, простого и лишенияго изящиыхъ формъ не возбуждаля должнаго винманія ныпфинихъ конателей - простолюдиновъ и отбрасывались вмъстъ съ другими черенками и съ землею, какъ негодиый для нихъ хламъ. Можно предположить, что танагрскія статуэтки, разлетъвнияся теперь по всему цивилизованному свъту, по огромному множеству любительских рубъ, представляютъ допынъ пепреодолимыя препятствія историку своей безконечной разбросанностью. Или, быть можеть, всего въриже остановиться на иысли, что къ IV ст. до Р. Хр., ко времени появления въ Танагръ тъхъ чудиыхъ терракоттъ, которыя теперь прославили этотъ городъ, поселились здъсь, а равно и въ другихъ мъстахъ Беотіи пноземные мастера, всего въриве Авиняне --эти носители изящнаго вкуса и творцы художественныхъ формъ par excellence? Они могли пасадить здёсь эти новыя, граціозныя формы искусства и болбе совершенные пріемы тех-HHEB.

Можетъ статься, привлечены были эти переселенцы-художники и фабриканты свойствами танагрской глины, имъющей особыя качества легкости и удобства ея для тонкихъ скульнтурныхъ лъпокъ.

Впрочемъ, оставимъ археологамъ донскиваться причинъ этого какъ бы визаннаго появленія въ IV ст. до Р. Хр. въ Танагръ изящивйшихъ созданій терракоттнаго дъла. Въ настоящемъ собраніи Московскаго Общества Любителей Художествъ естествените остановиться на самихъ терракоттахъ и представить ихъ главить й ш іе ти и ы, насколько они обозначились досель изученіемъ спеціалистовъ и изданіемъ лучшихъ образцовъ ихъ въ художественный и научный міръ.

Танагрскія терракотты разошлись по Европъ и Америкъ въ огромпомъ количествъ. Ихъ числу соотвътствуютъ повизна сюжетовъ и разнообразіе типовъ, представляемыхъ этимъ видомъ лъпнаго искусства Грековъ. Въ чемъ же

заключаются эти повые сюжеты и каковы эти разпообразные типы, поражающіе нашъ глазъ въ разрядь памятинковъ указапнаго рода?

Для отвъта на первый вопросъ мы должны приномнить, что въ скульптуръ Грековъ VII. VI п V ст. сюжеты религіозные и миняческіе преобладають предъ всвин остальными: боги, герон и легендарныя, далекія отъ естественной жизии, событія служать главной канвой, по которой выводятъ свои узоры художественная мысль и фантазія и пося в воплощають ихъ и въ мраморт и въ броизъ, и въ соединении золота съ слоновою костью. Большинство греческихъ скульиторовъ У ст. до Р. Хр. съ Фидіемъ во главъ могучею рукой ведутъ это направленіе, которое по справедапвости должно быть назвапо редигіозны мънаправленіемъ греческой иластики. Ему приносятся въ жертву и исторіп, п портретное искусство, п бытовой жанръ, па долю которыхъ въ У ст., въ этоть въкъ Персидскихъ войнъ, въ въкъ Перикла, въкъ Пелонопесскихъ войнъ, выпадаетъ сравнительно

еще весьма скромная роль.

Съ ниой картиной встръчаемся мы въ IV ст. до Р. Хр. Высокій пдеализмъ предшествующаго въка уступаетъ здъсь мъсто болъе простому и болбе трезвому отношению художимковъ къ своимъ сюжетамъ. Боги и богини снускаются съ недосягаемыхъ высотъ Одимна и изображаются Праксителень и Ансялесомъ пли въ общежитейской, человъческой обстановкъ нап въ формахъ, заимствуемыхъ до извъствой степени у совремевныхъ имъ моделей-красавцевъ и красавицъ. Для примъра достаточно всномнить, что Пракситель изображаль Аполлона въ отроческомъ возрастъ пграющинъ съ ящерицей – картина чисто жапровая изъ очеловъчениой жизии молодаго бога. Тотъ же Пракситель для своей знаменитой статум Афродиты Киндской избираеть моделью свою подругу, красавицу Фрину, какъ таже Фрина изображается Апеллесомъ въ видъ Венеры, выходящей изъ волиъ морскихъ на берегъ, - это такъ называемая Афродита Анадіомена.

Такимъ образомъ, Мм. Гг., въ Лоипахъ мы встръчаемси въ IV ст. до Р. Хр. съ тъми же фактами, которые, спустя 19—20 въковъ, повторяются въ эпоху Возрожденія въ Италіи: кому изъ насъ при этомъ сама собою пе напранивается па умъ хотя бы роль Форпарины въ

произведеніяхъ Рафаяля?

Въ IV ст. входитъ въ большое распространение портретное искусство и живой, реальный жанръ. Кругъ художественныхъ сожетовъ такимъ образомъ значительно расширяется совершенио новыми элементами и существенно измъняется въ своемъ характеръ. Но едва ли что-янбудь знакомитъ насъ съ этой революнией иъ греческомъ искусствъ столь ярко,

столь поразительно, какъ беотійскія и въ частности танагрскія терракотты. Нигдъ въ греческой пластикъ не является предъ нами столькихъ женскихъ изображеній въ обычной, житейской обстановкъ, какъ въ этихъ статуэткахъ изъ танагрской глины. Женщины изображены здась во всахъ возрастахъ, но молодыя, красивыя, цв'тущія здоровьемъ, несравпенно чаще старыхъ или даже пожилыхъ. Такъ длинный рядъ и отдёльныхъ статуэтокъп группъ вводить насъ въ кругъ разныхъ забавъ и развлеченій дъвушекъ. Онъ играютъ

съ любимыми животными, съ зайчикомъ, съ птичкой, онъ нграють съ плодами, нграютъ въ мячъ, играютъ въ кости и въ одипочку и цълыми группами. (См. рис. 1, 2, 3).

Особую категорію образують терракотты съ изображениемъ игры, въ которой зицо проигравшее поситъ побъдителя на своей спинв. Этого рода забава у греческой молодежи была весьма распространена и потому среди танагрскихъ терракоттъ мы имъемъ значительное кол ичество группъ дъвическихъ, съ этими побъдительницами, сидницими на спинъ своихъ проигравшихъ парт-HepoBi.

Тапагрские лепщики глиняныхъ статуэтокъ съ особенной любовью нзобража. эн эту сторону дъвической жизни раннихъ автъ: игры обусловлибали разныя позы тьла, шюгда очень сложныя и критическія — п это да-

вало возможность художникамъ показать свое искусство въ моделировкъ организма, въ постаповкъ фигуры, въ красивомъ распредълени складокъ инскаго и топкаго платья и т. д.

Игры, шаловливая веселость, склонность къ проказамъ составляютъ отличительную черту пачальныхъ лътъ дъвической жизпи. Затьмъ наступаеть время преобладанія мечтательности надъ другими проявлениями душевной дъятельности этого возраста. Танагрскія статуэтки въ огромномъ количествъ приподинмаютъ предъ нами завъсу этого впутренняго міра дънушекъ, то одиноко сидящихъ,

то стоящихъ съ глубокой думою или мечтами на лицъ. Судя по ихъ выраженіямъ, душа ихъ то занита веселыми и радостными чувствами, то наполнена мученіяин и тоской, безъ которыхъ редко проходитъ дъвическая жизиь. Всматриваясь въ эти изящные образы молодыхъ Танагріяновъ, то веселыхъ и жизнерадостныхъ, то задумчивыхъ и грустныхъ, не трудно угадать, что наполияетъ внутренній міръ ихъ въ данномъ положеніи. Эти веселые взоры брызжутъпредъ нами счастьемъ любви, а эти грустныя лица, эти по-

никиутыя головы и очи, устремлениыя печально вдаль, говорять о разочарованіяхъ, объ обманъ, о неизвъстности будущаго. (См. рпс. 4 и 5).

Яркою полосой проходить среди танагрскихъ терракотть изображенія джвушекъ и молодыхъ женщииъ въ V ЛИЧНОМЪ КОСТЮМБ. на прогузкъ, впъ дома. Обыкновенно онъ съ въеромъ въ рукахъ, который служить имъ и для прохлады въ зпойные лётніе отъ ослъпительнаго блераскрашенными изъ тканей или соломы шлянами на голонъ, до того низкими и плоскими, что легче ихъ принять за зонтики, чёмъ за шаяпы; то съ покрывалами на головъ, которыя закрывають значительную часть ихълица. Въ этомъ видъ онъ предаются отдыху, прогулкъ, и каждая, соотвътственно своему характеру и тем-

дии и для защиты глазъ ска южнаго солнца, съ шпрокопозыми и пестропераменту, ведетъ себя при этомъ то серь-

езно, скромно, просто, не заботись о томъ, смотрять зи на нее другіе или нъть, то она. является на удицу съ песомивиными признаками женскаго кокетства, свойственнаго молодости. Танагріянки здёсь ходять, стоять, силять, бесбдують другь съ другомъ и т. д. Это — картинки изъуличной жизни танагр скихъ дъвушекъ и женщинъ.

Но воть другія терракотты вводять насъ подъ сънь недоступной для другихъ женской половины греческаго дома или такъ называемаго гичэкея. Семейная жизнь Грека была

Pac. 6.

удалена отъ чужнать взоровъ; но танагрскіе лънщики глиняныхъ статуэтокъ выхватывають сцены и изъ этой строго обособленной сферы. Старыя няни съ дътъми на рукахъ и матери, кормящія грудью дътей, —вотъ одинъ изъ сюжетовъ этой интимной жизни Гречанокъ. Спокойно сидитъ мать, вся погруженная въ свое дъло, ребенокъ, удобно расыпувшійся на колъняхъ матери и цънко ухватившійся за нее своими рученками, то утоляеть свой го-

додъ, то уже сытый шалить и при этомъ любовно смотрить въ лицосвоей мамы. Такъ, благодаря танагрскимъ терракоттамъ, предъ пами раскрывается цѣ лая сторона женской жизни, одно изъ вак нъйшихъ жизненныхъ дъль матери семьи.

Не укрылись отъ художниковъ, дълавнихъ терракоттовыя статуэтки, и тайны женскаго туалета; эти сцены, происходивнія въ глубинъ гинэкея, скульпторы старались нодмъчать и вынести ихъ на улицу, для всеобщаго созерцанія.

Женскимъ изображеніянь въ занимающемъ насъ родъ намятниковъ греческой скульптуры припадлежитъ преобладающее, самое видное мъсто. Рядомъсъ ними другіе сюжеты избираемы были танагрскими художинкани гораздо ръже. Такъ, и ужчины заппиази пхр дотрко въ исключительныхъ случаяхъ. По наблюденію одного француз-

скаго археолога, имъвщаго возможность изучать не только огромный матеріаль Луврскаго музея, но и другія больнія коллекціи, на десять женскихъ изображеній приходится едва од и о мужское. Чъмъ объяснить этотъ фактъ, сказать трудно.

Уцълъвшия мужския изображения всъ принадлежать къ области жанра: хлъбонскъ, сгорбившийся надъ своей инзенькой нечкой и виимательно слъдящий за тъмъ, что нечется у него въ нечи; новаръ, готовящий пищу на жаровиъ; уличный торганъ, выкрикивающий достоинство своихъ товаровъ, земледъленъ съ наугомъ— вотъ что проходитъ предъ нашими глазани, когда мы разсматриваемъ мужскія изображенія среди танагрскихъ терракоттъ.

Среднее мъсто между мужскими и женскими изображеніями занимають терракотты, представляющія д'ьтей и юношей. Жизнь мальчиковь, жизнь дътскаго возраста изображается танагрскими и другими лъпщиками во всевозможныхъ положеніяхъ. Ихъ забавы, ихъ пгры,

ихъ ученье служили здёсь излюдчениеми сюжетами. Авти гоняють свои обручи, гоняютъ волчки, играютъ въ мячъ, расхаживають съ мъщочками, заключающими ихъ игральныя кости, нли же мы ихъ видимъ сидящими въ школахъ за учебными занятіями съ кинжками и таблицами в ь рукахъ. Цёлую группу составляють терракотты, представляющія дътей въ нграхъ съ наъ любимыми животными: одинъ изъ нихъ взбирается на пътуха, другой на барашка, третій усблея верхомъ на гуся. Само собою разумъется, что эти каранузики сидятъ плохо и оказываются плохими всадинкамикритическое положеніе ихъ нарочно подчеркивается въ терракотть. Любопытны статуэтки или, върнъе, группы, въ которыхъ дъти выступаютъ предъ нами въ отчаянной борьбъ съ итинами-пухомъ нап

Рис. 7.

гусемъ: комическая сторона этихъ преждевременныхъ состязаній намъренно уси**л**ена, чтобы вызывать улыбку зрителей.

Находить себъ выраженія въ занимающемъ насъ разрядѣ намятниковъ и ю нош е скій возрасть. Если мы раньше упоминали о м е чта тельно ст и танагрскихъ дѣвушекъ, то это лушевное свойство отличало и юношей. И они въ минуты такого сердечнаго настроенія ищуть услиненія и находять егь гдѣ-инбудь на камиѣ, на пригоркѣ и здѣсь отдаются своимъ думамъ и мечтамъ. Другія изваянія представ-

ляють юношу то идущимъ съ дротикомъ или коньемъ въ нравой рукъ: владъть оружіемъ онь должень учиться въ этомъ возрасть; то отправляющимся въ налестру для гимнастическихъ упражненій, которыми канъ могучимъ орудіемъ античная педагогина неизивнио и строго пользовалась, чтобы доставить и обществу и государству молодежь, здоровую и тыломъ и духомъ. lla гимпастическія запятія юпыхъ палестритовъ указываютъ въ терракоттахъ такіе аттрибуты, какъ сосудъ съ масломъ для натиранія тыла передъ началомъ состязаній, или особый броизовый инструменть, скребница, которой налестриты счищали съ своего тъла несобъ, ныль и масло, п) окончанін своихъ унражиеній.

Но, Гг., слушая этоть, по необходимосто, краткій и пенолный перечень типовь тапагрскихь терракотть, быть можеть, кто-нибудь спросить: «пеужели жевь этомъродъ изваяній все только один изображенія обыдешаго жапра и пъть между ними изображенія сюжетовь высшаго порядка — изваяній героевь и боговь? Пеужели пъть изображеній того или другаго дъйствія религіознаго характера?» Вопрось этоть совершенно естествень и отвътить на него здъсь необходимо.

Что касается до сферы минических в героевъ, то въ танагрскихъ статуэткахъ намъ трудно припоминть тенерь какой-инбудь выдающійся экземилиръ этого рода. По божескія взображенія здёсь существують и въ кладахъ самыхъ древнихъ и въ данныхъ періода, начиная съ ІУ ст. до Р. Х. Могилы, которыя украшались терракоттами, представляють наравив съдревнейинии идолами религіознаго значенія также статуэтки, или бюсты и маски такихъ божествъ, какъ Димитра, Персефона, Анина, Діонисъ, Пріапъ, Артемида (См. рис. 6), Афродита и Эроты въ видъ крылатыхъ маленькихъ существъ. Здёсь же встречаемъ женскія фигуры съ масками и лирами въ рукахъ. - это олицетвореніе Музъ драматическаго искусства и музыки. (См. рис. 7). Особаго винманія въ данномъ случат заслуживаютъ многочисленныя группы двухъ женскихъ фигуръ, одной постарше и другой молодой денушки. Эти столь часто, почти во всикой коллекцін встр'вчающіяся изображе. пія не одинъ ученый Западной Европы склоненъ считать за группу Димитры и Персефоны, представленныхъ здёсь въ минуту сладостнаго свиданін послѣ продолжительной разлуки.

Также божеское лицо видять въ одинокихъ женскихъ фигурахъ, одътыхъ съ головою въ верхий плащъ: въ этой одинокой и грустно выглядывающей путницъ усматриваютъ Димитру, печально инцущую похищенную у неи дочь Персефону.

Но въ общемъ число простыхъ жапровыхъ фигуръ несравненно больше. Жанръ съ ІУ ст. до Р. Хр. проинкаеть въ скульптуру чрезвычайно сильно. Сюжеты этого рода занимають неоднихъ только ленишековъ статуэтовъ, группъ или рельефовъ изъглины. Жанръ понвляется и въ статуарномъ искусствъ, въ статуяхъ и групнахъ изъ мрамора в броизы. По всему видно, что мысль и фантазія художниковъ, утомившись и обезсилъвши въ работъ надъ религіозными сюжетами, исчернанными скульпторами У и первой половины IV ст., стали искать для себя иного ноля дъятельности. Искусство спускается съ горнихъ высоть и сходить на землю въ людскую сферу и здёсь ищеть себё фугой нищи. И вотъ предъ нами вскрывается въ созданіяхъ греческаго пскусства жизнь семейная и жизнь общественная въ разныхъ ея подробностихъ Художники не считаютъ для себя низкимъ заглядывать въ поле съ пасущимися тамъ стадами и дъйствительными, простыми, грязными настухами при нихъ, а не какимъ-шбудь красавцемъ Парисомъ, они заглядываютъ въ коровникъ, въ скотные дворы, въ избы б'Едияковъ, они остаются тамъ и отсюда выпосятъ новые сюжеты для своихъ созданій.

Усиленіе этого реалистическаго направленія въ эллинскомъ искусств рельефио выражено въ терракоттахъ Танагры. Реализиъ этотъ, правда, носитъ въ большинств своихъ произведеній еще характеръ исключительно изищный; пошибъ идеальнаго лежитъ на немъ възначительной стенени. Но дъло, начатое лъпщиками Танагры и Беотіи, пойдетъ далъе по реалистическому пути. Послъ Александра Македонскаго, въ областяхъ, управляемыхъ его преемниками и особенио въ Египтъ, въ Александріи этотъ реализмъ греческаго искусства достигаетъ ваибольшаго своего выраженія въ ІІІ и ІІ ст. до Р. Хр.

Воть, Ми. Гг., тъ ивсколько соображеній, которын заставных меня высказать ядёсь предъвами, въ сегодняшимемъ собраніи, нашъ почтенный предсъдатель Константинъ Михайловичъ Быковскій.

И. Цвътаевъ.

переведенное изъ стараго дома, выходившаго своими фасами па Офицерскую улицу и на Екатериннскій каназъ, въ новое помъщеніе на Тентральной улиць, гдь оно находится и имив Въ началъ я быль принять экстерномъ, по черезъ ивсколько мвсяцевъ, за оказанные мною успёхи, быль сдёлань интерномъ и перекеденъ на казепный счетъ,

Я скоро привыкъ къ ноной обстановкъ и втянулся въ школьную жизнь, которая тогда

шіе въ репетиціяхъ, конечно, объдали отдельпо отъ другихъ, позже. Всчеромъ почти ежедневно *здили въ театры, тавъ какъ и воспитанникамъ пногда приходилось участвовать въ

При такомъ образъ жизии заинтін науками, натурально, шли илохо, темъ болбе, что и преподаватели ихъ въ большинствъ случаевъ были шиже всякой критики. Между тъмъ занятія искусствами или несравненно успъшиве.

что, конечно, можно объясинть какъ удачнымъ подборомъ учителей, такъ и блестящими образцами, которые мы могли видъть на тогдашней сцень, а равно и традиціями школы. По правидамъ того времени, всякий восиптанникъ обязательно должень быль учиться и пъть, и танцовать, и драматическому искусству, и играть на какомъ либо музыкальномъ инструментъ. Благодаря этому, но выходъ изъ школы, всякій рышительно ученикъ, какъ бы онъ бездаренъ ин былъ, находилъ себъ работу при театръ, которую и могъ выполнять съ боль. инив или меньшимъ усивхомъ, т.-е. если у него не оказывалось драматическихъ способностей, то онъ выходиль въ балеть, не въ балеть, такъ — въ оперу, не въ оперу, такъвъ музыкапты, а то-и въ суфлеры, статисты, фвгуранты, машинисты и т. п. Главное, что опъ выступалъ на то поприще, къ которому готовился въ школъ съ ранияго дътства. Наше пачальство совершенно правильно разсуждало, что разъ ребенка въ течение 8 лътъ готовятъ къ театру, то, конечно, онъ ни къ какой другой профессія неснособенъ, а слъдовательно театральная администрація обязана пристроить его къ родному, близкому и знакомому ему дълу. Одпако теперь почему-то этотъ взглядъ измънился. Такъ, напримъръ, случается, что, продержавъ въ школъ юношу до 18—20 літь, идругь не находять позчожнымь выпустить его на казевную сцену, т.-е., готовя въ течение пъскольиихъ лътъ къ сценической дъятельности, въ концъ концовъ замъчаготъ, что онъ къ этому делу пегоденъ, причемъ забываютъ, что опъ инчему другому не обученъ! Или еще: прежде, какъ я говорпаъ уже, наше театральное училище давало для театра дъятелей всъхъ необходиныхъ сценъ профессій, начиная съ перваго тандора и кончая суфлеромъ. Теперь же вотъ уже чуть ли не тридцать айть, какъ оно не выпускало ни одного перваго танцора (последиимъ изъ таковыхъ былъ П. Гердтъ), выпускаетъ же оно только въ корифен, кордебалетъ и въ фигуранты, а для того, чтобы пополнить некомплектъ върядахъ танцоровъ, приходится приглашать иностранцевъ, какъ, напримъръ, г. Э. Чекетти, который, впрочень, быль еще тънь полезенъ, что благодаря своему таланту и успъху, пріобрътенному имъ сразу въ Петербургъ, возбудилъ сорепнование въ пашей ба-**Летной** молодежи, которая стала къ нему, что пазывается, приглядываться, учиться я сопершенствоваться.

Возвращаюсь къ старпиъ. Искрениня и горячая любовь къ театру между воснитаниянами вашего учидища описываемаго мною времени была очень развита и поощрялась илчальстпомъ. Независимо отъ участія въ спектакляхъ на школьной сценъ, которые давались

въ посту по 2 раза въ недълю, мы устранвали еще собственными средствами представленія, импровизаруя для шихъ не только костюмы и декорацін, по даже пьесы. Въ дело или одеяла, простыни, сканьи, кровати — говоря короче - всъ предметы опружавшей насъ школьной обстановки. Достоинство импровизируемыхъ пьесъ находилось, конечно, въ прямой зависимости отъ возраста и дарованія актеровъвосинтанинковъ. Такъ напримъръ, давичись иногда сцены, въ которыхъ участвовали разбойники, бушенавшіе съ импровизированными пистолетами въ рукахъ, раздавались выстрълы, проязводившеся посредствомъ монанья крышками инопетровъ, придумывались также и другіе сценическіе эффекты и пьеса шла съ нолнымъ ансамблемъ. Для довершения сходства этого театра съ «взацравдашивмъ» у насъ устранвалси даже и буфеть съ продажею бутербродовъ и лакомствъ. Эти спектакли одобрялись нашими иластями и припосили намъ большую пользу, исподоволь пріучая насъ къ сцеив, давая пріемы и споровку, которые такъ трудно даются неприсяжному актеру и отсутствіс которыхъ такъ ясно зам'тно зрителю любительскихъ спектаклей.

Насколько быль правилень взглядь нашего начальства на занятія предметами сцепическаго искусства, вастолько же плохо шло, повторяю, преподавание наукъ. Хотя у насъ проходились и языки, и математика, и географія, и исторія съ мивологіей и археологіей (!), но. увы, результаты были самые плачевные. Мъшази усивхамъ и старинная несостоятельная система преподаванія, и нашъ образъ жизни, и пеудачный до смъшного подборъ преподавателей и воспитателей. Изъ пихъ и вообще изъ административного персонала школы 30 и 40 годовъ у меня сохранились въ намяти фамилін и личности: гувернеровъ, Михельсона п Кнашина; школьнаго доктора Марокетти, лфчившаго отъ всъхъ болъзней одишь средствомъ-слабительнымъ корпемъ ядапны, котораго, кажется, современная фармаконен и не признаетъ вовсе; преподавателей: исторін — А. И. Одимијева, географіи (которую мы почему-то теривть не могли) — Гижелова и драматического искусство- Н. И. Куликово *). Къ сожальнію, только последній могь своими знаніями и даропаніемъ, посредствомъ преподаванія, принести намъ хоть какую-нибудь пользу,

^{*)} Умерт въ Петербургъ въ 1890 г. 79 лътъ отп роду. Это былъ вообще талантливый человікъ, начавшій свою карьеру віоловчелистомъ Мос ковскихъ театровъ, затімъ тамъ же перешедній въ драму; потомъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ актеромъ, внослідствін же—сділанъ режиссеромъ, нашеля и перевель для русской сцены болье 130 пьесъ. Его ве лишенные питерска мемуары печатались въ "Русской Старинь" проилаго года.

Ирим. А. В.

такъ какъ остальные были не только илохими педагогами, но и вообще даже непонятно, какъ они могли быть териниы въ учебномъ заведеии. Такъ вапримъръ, гувернеръ Паповъ, попавшій на свою долж пость исплючительно потому, что будучи пыпущеннымъ изъ нашей же школы, оказался безусловно негоднымъ для сцены проводиль время въ томъ, что посредствомъ линейки фехтоваль со ствной, видя на исй какого-то, невидимаго окружающимъ, противника; другой — Соличъ, будучи чуть ли не 80-тилътиямъ старикомъ-паралитикомъ, посилъ постоянно въ карманъ конецъ веревки, которою и биль безжалостно воспитацииковъ, да и вст, пожалуй, остальные были въ этомъ же родъ ...

Только благодар я подобному порядку п могли у насъ вырабатываться типы вродѣ Андрея Мартынова (бритъ знаменитаго актера-самородка, Александра Астафьевича). Особенио нлохо давалась ему арпометика. Таблица умноженія являлась дли пего бездною премудрости и обыкновенно, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ: сколько будетъ 5×5 или 7×7, на которые опъ отъвчалъ невообразимую чушь, учитель попросту спранивалъ, что опъ хочетъ: получить ли по рукамъ линсйкой или остаться безъ обѣда и Мартыновъ обыкновенно выбиралъ первое, получалъ норцію ударовъ по рукамъ и отправлялся на свое мѣсто.

Да, и думаю, и многіе товарыци бы. либы съ нимъ соглисны, потому что хотя кормили насъ очень и очень плоховато, посидъть безъ объда было куда какъ тяжело. Нашъ молодой аппетить быль лучшей приправой пашего скуднаго тепи. Я отлично номию эти тоненькіе, какъ бумага, ломтики мяса съ плохимъ картофельнымъ соусомъ, считавшимся за особое блюдо. Этотъ же аппетить заставляль ипогда болве смълыхъ воснитанниковъ дълать набъги на кухню съ мародерскою цълью. Въ шкозыныхъ преданіпхъ передавалась отъ покольнія покольнію легенда о томъ, какъ одинъ изъ восинтанниковъ (кто именно — не помию) савлаль такой набъгъ, заговориль, что называется, зубы повару и, пользуясь его разсъянностью, схватилъ съ блюда пъсколько со . сисекъ, приготовленныхъ къ объду. Не зная того, что опъ не разръзаны, опъ, спасаясь изъ кухии, потащиль за собою целую гирлянду. Это обстоятельство и послужило къ его гибели боясь лишиться всей добычи, опъ нехотълъ выпустить изъ рукъ сосисекъ, быль настигнутъ поваромъ и, конечно, жестоко поплатился за свою смъдую фуражировку.

Изъ монхъ товарищей я быль болже близовъ съ Петромъ Рамазановымъ *), Исако-

*) Сынъ А. Н. Рамазанова, выпущенного па сцену въ 1813 г., талантливаго актера на роли вымъ, Јавровымъ, Волковымъ, Свищевымъ и номянутымъ выше Мартыновымъ. Съ этой же компаніей и, кажется, въ первый разъ былъ наказанъ безъ отнуска за то, что, получивъ разрышение пить чай въ ванной компать (насъ особенно прелыцало то, что иы будемъ, хоть въ ванной, по въ отдъльной комнатк, самостоятельно іпіровать), мы вздумали тамъ же встрътить вовый годъ и преисправно напились контрабандно-доставленного намъ бутылкого рома. Шумъ и гамъ, съ которымъ мы явились въ дортуаръ, далъ возможность дежурному гувернеру, Михельсону, замътить наше ненормальное состояніе. Мы были этпиъ страшно напуганы, боясь, что опъ доложитъ инспектору Лубелю — грозъ восинтанниковъ — но намъ удалось умолить гувернера и опъ, не докладывая начальству о нашемъ проступкъ, своею властію остивиль насъ безъ отпуска. Последствія же нашего кутежа мы съ Лавровымъ чунствовали еще и на другой день. Мы оба должны были пъть за объдней, во время которой ему стало такъ дурно, что онъ уналъ иъ обморокъ п быль выпесень изъ церкви.

II.

Говоря о моихъ вокальныхъ занятихъ, не могу не уномянуть, что хотя въ течене всего мосго пребывания въ школьномъ церковномъ хоръ и даже ивлъ, такъ называемыя, потныя партін соло — читать ноты и но сейчасъ неумью. Помогалъ же мнъ постоянно мой хорошо развитый отъ природы музыкальный слухъ, благодаря которому, какъ я скажу ниже, я ивлъ даже и на большой сценъ.

При опредвленіи въ школу предварительно меня началь учить танцамь Лапукъ, затёмъ Фредерикъ, Малавер пь и, паконецъ, извъстный Э. Гридлю. Ему я считаю себя много обизаннымъ, такъ какъ онъ первый во миъ увидъль танцора-комика и далъ мнъ надлежащее направленіе. Но, все-таки, и долженъ сказать, что моимъ сценическимъ успъхамъ отчасти помогали также и моя наблюдательность и переимчипость. Видя, что дълютъ другіе, я старалси сдълать то же, скоро перенималъ, унражнялся и пногда очень удачно. Напримъръ, будучи «выходнымъ», въ Михайловскомъ театръ при представленіи водевиля «Les trois bals», я видълъ, какъ ловко канканпруютъ

Ilpun. A. B.

слугь въ водених и комической оперь, отличнаго Фигаро, уморъ въ 1828 г. Кром В Петра, у него быль сыпъ Николай, профессоръ скульптуры, родившися въ 1815 г. и умерши въ 1867 г., авторъ барельефовъ на памятник императору Николаю въ Петербургъ и книги "Материалы для истор, худож. въ России".

французскіе актеры. А затізмъ, какъ-то во время икольнаго святочнаго маскарада и самъ сталъ преисправно п довко канканировать во времи танцевъ. Такимъ необычайнымъ на школьномъ вечеръ танцемъ и пемедленно уже обратилъ на себя всеобщее иниманіс. Такъ какъ въ костюмъ и въ наклеенномъ посъ меня не узпавали, то кто-то изъ напипуъ пачальниковъ, подозвавъ меня къ себъ и узнавъ, кто я такой, съ любонытствомъ спросплъ, гдв я «этому» выучился? - на что я прямо и отвътилъ, гдъ и при какихъ условіяхъ. Начальство вполиъ удовлетворилось монмъ отвътомъ. Впрочемъ п быль тогда еще такъ маль и неопытенъ, что быль очень далекъ отъ мысли, что, канканируя, я дълаю что-либо предосудительное, неприличное. Копируя всёхъ виденныхъ мною артистовъ и упражняясь, я довель свою гибкость до акробатического совершенства, цапримъръ, могъ себя ударить ногой по головъ. Эту гибкость во мив всегда хвалиль вышеупомянутый мой учитель классическихъ тапцевъ, Гредлю. Тъмъ болъе, что вскоръ уже мив пришлось в на сценъ воспользоваться монмп способностями и примънить ихъ къ дълу, такъ какъ мив въ очень раниемъ возрастъ при велось выступать предъ публакою. По истеченів непродолжительнаго кремени послі поступленія въ школу и участвоваль въ балетв «Гитани», въ которомъ танцовала тогдашняя первонлассния знаженитость, дочь автора «Гитаны», М. Тальони"). Впрочемъ, у мени пе осталось яснаго и отчетливато воспоминанія объ этомъ спектакав. Помню только, что въ арлекинадъ этого балета, поставленной на сценъ, изображающей маленькій ярмарочимії балаганътеатръ, я на балконъ этого театра, въ пантомнив играль Кассандра, отца Коломонны. Затинь, когда мнъ было льть 8 или 9 отъ роду, я пградъ (но только на репетицін, за-« изинники замоновой в « Кавказском Плинники» препрасномъ балетъ Дидло **), паписанномъ по Пункину.

House. A. B.

Въ первый разъ роль съ ръчами я исполняль, будучи мальчикомъ лътъ 10, въ водевиль «Поподка вт Царское Село». Играль я при этомъ роль купеческого сына. Царскосельская дорога была тогда еще вновъ и очень въ модъ, а пьеси эта явилась, такъ сказать, à propos. Затъмъ съ ръчами была, около того же времени приблизительно, роль въ водевиз в Куликова «Актеры между собою». Эту пьесу, такъ же какъ и следующую "Казакъ стихоткорецъ" (водев. Шаховского, муз. Кавоса) - ставиль самъ Куликовъ, а исполпители были исключительно малольтийе воспитанинки и воспитаниицы училища, при чемъ мы и для пънія свои партін учили подъ Куликова же скрипку, по слуху. Оба водевиля предварительно шли на школьной сцепъ, а затымъ «Казакъ» быль разръшенъ къ постановкъ в въ Александринскомъ театръ, гдй опъ нрошель настолько удачно, что его повторяли съ усивхомъ и всколько разъ, а затъмъ по просьбанъ бенефиціантовъ его стали давать въ бенефисные спектакли даже и у французовъ и у нъмцевъ. По тогданиему правилу, бенефиціанту разръщалось по желанію разнообразить бенефисный спектакаь и дълать его такимъ путемъ оригинальпъс, питереспъс,

Въ описынаемую же эпоху въ одномъ изъ дивертисментовъ быль поставленъ «Англійскій тинеца», который танцовали извъстные тогда артисты Флери и Дидье *). Мой учитель, Гридлю, поставиль этоть же тапець и въ школьпомъ спектавжк, причемъ мив пришлось танцовать за даму и въ первый разъ заслужить одобрение отъ моего протектора, Неваховича. Затъмъ, ибсколько времени позже, на школьной же сцепъ я тапцоваль еще съ большимъ успъзомъ комический тапецъ «Полишинеля». Одътый въ нестрый костюмъ и снабженный горбами сзади и спереди, нодражая движеніямъ полишинели, приводимаго въ дъйствие веревочкого, прикръпленною къ рукамъ и ногамъ, этимъ танцемъ я произвелъ такой эффектъ, что, вопреки правидамъ о школьныхъ спектакляхъ, быль вызвань пъсколько разъ. Въ ту же пору я участвоваль даже и во французскомъ спектакъв, играя роль одного изъ учениковъ въ пьесъ, переведенной на русскій языкъ П. Каратыгинымъ нолъ названиемъ « Школьный учитель» и исполнившейся вноследствій также и на русской сценъ.

Ш

26 апрвля 1845 г. мий исполнилось 16 лить. Съ этого зпаменательного для исня дня я, какъ

^{*)} Марів Тальони родвлась въ Стокгольмі въ 1807 г. Съ 1827 г. танцовала въ Парижі, съ 1832 г.—въ Берлині и въ ковий 30-хъ годовъ—въ Петербургі, съ громадивить успихомъ. Выйдл замужь за графа Жизьберъ-де-Вуизени, навсегда покинула сцену.

Прим. А. В.

**) Карлъ Францовичъ Диало — балетмейстеръ Петербургскихъ пошераторскихъ театровъ и преподаватель театрального училища. Его талавтъ
п система были весьма полезиы вашему балету.
Родился въ 1767 г., ум. въ 1837 г. Напвсалъ
мпого балетовъ: "Альиеста", "Калифъ Бандадскій", "Фефра", "Таура и Геприхъ", "Кора и
Алонове ес., есе Пушкинъ въ привъчаніяхъ къ
"Евг. Онът." о пемъ говоратъ: "балеты Диало
исполнены живости воображенія и прелести пеобыкновенной". Въ "Онътинъ" о пемъ же уномивается въ XVIII и XXI ст., главы 1-й.

^{*)} Истры Иван. Дидье, тапцоры-комикь, французь по происхождению, родился въ 1799 году. Флери—танцоры-буффы, тоже францувы, быль въ Петербургъ съ 1831 года.

значится въ мосмъ формулирномъ спискъ, азачисленъ танцовщикомъ въ балетную трунну» и съ этого дин, но театральнымъ правиламъ, моя служба считается дъйствительною. Во второй половина этого года Гридлю поставиль на сценъ упилицияго театра комоческій одноактный балеть изъ воспитанниковъ «Мельшки», въ которомъ миъ досталась главили роль Сотинэ (на большой сценъ эту роль исполняль Флери). Въ полинутой роди мив приходилось не столько танцовать, сколько соединять съ комическою -эритедория выписловодот онасовод одоникотивы скіе фокусы . Пашенсполненіе «Мельниковъ» такъ поправилось директору театровъ Л. М. Гедеонову, что онъ разр'вшилъ повторить ихъ и на большой сцент, и 4 октября «Мельники» были даны въ Михайловскомъ театръ. Этотъ спектакль и быль монмъ дебютомъ на большой сценъ и въ отвътственной роди. Я самъ себъ не судья, по по ижкоторымъ даннымъ могь убъдиться, что нубликъ моя игра пришлась по вкусу. А въ одной изъ газетъ такъ было даже въ отчетъ объ этомъ балетъ сказано по поводу моей гибкости: «Ступолкинъ безъ костей».

Говоря о ньесахъ, исполнившихся въ то время исключительно молодежью и правиншихся петербуржцамъ, не могу не уномянуть о маленькомъ, но вессломъ балетъ: «Простяти» (Les trois innocences), въ которомъ танцуютъ три дамы и три кавалера, въ числъ коихъ подвизался и я. Кромъ названныхъ ролей, въ концъ того же года я еще вакъ то разъ танцовалъ въ Александринскомъ театръ съ военитанинкомъ Рейнсгаузеномъ «Англійскій танецъ».

Кажется, въ следующенъ (1846) году нетербургскій циркъ Ленара и Поль-Кюзена быль пріобритенть казного и дирекція императорских ъ театровъ, чтобы имъть дли него своихъ собственныхъ артистовъ, предложила желающимъ восштаникамъ и воспитанищамъ театральнаго училища готовиться къ выступление на аренъ казеннаго цирка *). Я ръншлъ попробоватъ свои силы в на этомъ поприщъ и настолько серьезно готовился къ новому амплуа, что подъ руководствомъ II. Кюзена уже вздиль, стоя на дошади и продълываль разные finess'ы цирковаго испусства, но, свалявшись какъ-то разъ съ лошади, ударившись сильно о барьеръ и, пролежавъ дв'в пед'яли въ лазаретъ, обложенный мушками, и наотръзъ отказалси отъ наъздинчества И. Кюзенъ быль очень огорченъ мониъ ръшениемъ, такъ какъ, по его мивино,

я оказываль большие успахи. У меня до сихъ поръ даже осталось въ паняти имя лошади, на которой я чаще ъздиль. Это быль «Фриць» внаменитой тогда на вздинцы Лоры Бассэнъ, сдълавшей впоследствін блестящую партію, выйдя замужъ за предстапителя одной изъ нашихъ самыхъ аристократическихъ фамизій, Il. Кюзенъ неоднократно уговариваль меня не измънять цирку, увъряя, что у меня и корпуленція соотвътствуеть профессіи цирковаго артиста, и ноги достаточно длишы для такъ называеной «почты», т.-е. Бады стоя на нъсколькихъ лошадяхъ. До моего паденія съ дошади дело у насъ настолько ношло на ладъ, что носяв одного изъ пробныхъ предстанленій въ циркъ, безъ платищей публики, очень понравившагося министру двора, князю Волконскому, по его желанию спектавль быль повторенъ предъ обынновенными зрителями и прошель сь большимь услежкомь. Въ особенности поправилось исполненное нами вольтижирование,

Одновременно со мной занимались въ казенвомъ циркъ: А. П. Натарова (внослъдствін уважаемая артистка Алексиндринскаго театра, года два тому назадъ выпедшая въ отставку), А. М. Читау, Стрекалова, Оедорова и Е. Н. Васильева, также подвизавніяся впослъдствін съ усивхомъ на драматической сценъ и другіе. Съ Натаровой, помию, случилось такое же несчастіе, какъ и со мной. Она выбыла изъ трупны, предназначавшейся для казеннаго цирка, послъ того, какъ чуть ли не дважды, падая съ лоща-

ди, ломала себъ руку.

Восштаницки, готовившеся для арены, пользовались правомъ безплатнаго входа въ цпркъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ мив пришлось. такимъ образомъ, присутствовать при представленін и, вибств съ другими зрителями. быть очень огорченнымъ твиъ, что любимецъ публики, артистъ Л. Віоль, по случаю внезанной бользии, не могъ принять участие во 2-мъ отделени спектакля. Вернувшись въ училище и сидя за своимъ скромиымъ ужиномъ, я вдругъ узнаю, что меня требуетъ Гедеоновъ немеденно же въ Александринскій театръ, гдъ въ это время представление еще не кончилось. Такъ какъ директоръ театровъ въ сравнени со мной, бъднымъ воспитанинкомъ училища, представляль изъ себя очень высокую персопу, то я отправился въ театръ, не мало встревоженный предстоящею встричею съ начальствомъ. Чуть ли не при входъ въ театръ и встрътился съ актеромъ Максимовымъ 1-мъ°), который сталъ убъждать и упранивать меня сыграть завтра, нъ его бенефисъ, роль Жако (обезьяны) въ

^{*)} Казенный цвркъ помъщался въздания теаграцирка, выстроенняго въ 1847 г. придворнымъ аркитекторомъ А. К. Кавосомъ. Въ 1859 г. здание сгоръю и, будучи перестроено тъмъ же архитекторомъ, въ 1860 г. открыто вновъ и наименовано Марінискимъ театромъ. За посъщиео времи, съ 1885 г., шъ пемъ произведенъ цълый рядъ передълокъ и улучисий архитекторомъ В. А. Шретеромъ. Ирим. А. В.

^{*)} Алексъй Мих. Максимовъ 1-й род ился въ 1813 г.; будучи сыномъ нетербургскаго ремесленника, поститывался въ адъинемъ театральномъ училищъ. Выдълныйся талантомъ артисть драматическаго театра на первыя роли. Въ 1861 г. умеръ отъ чахотки.

Прим. А. В.

пьесь « Обезьяна и жених за Віоли, который, какъ оказалось, сломаль себъ ключицу во время представления въ циркв. Алексъй Михайловичъ настоительно требовалъ отъ мс. ия исполнения его просьбы, несмотря на всъ мон отговорки. Надобио замътить, что бенефисъ этотъ уже пъсколько разъ отлагался по пепредвидъпнымъ обстоятельствамъ и потому Максимовъ былъ очень разстроенъ бользнью Віоля, мъшавшею сму исполнить роль обезьяны. Въ концъ-кояцовъ, присутствовавшій туть же Гедеоновъ категорически объявиль мив, что роль Жако будеть завтра сыграна много. Тогда я рискнуль заявить ему, что мив положительно странию выступать въ подобной роли послъ талаптишаго и извъстнаго гимнаста Віоля, исполнявшаго роль Жако неоднократио въ ижмецкомъ театръ. На это миъ было сказано, что Віоль, какъ Жако, дълалъ то, чего обезьяна не дълаетъ, са ты сыграешь ее лучие, натуральные»... Въ то «доброе старов время все театральное начальство говорило подчиненнымъ «ты» в это викого не шокировало.

Зитьмъ мив выдили переводъ пьесы (она была спеціально для Максимовскаго бенефиса переведена съ пъмецкаго языка ижкіниъ Григоровичемъ) и приказали какъ познакомиться съ нею вообще, такъ и сдълать изъ нея выписка. При уходъ изъ театра меня остановилъ Неваховичь и, выдавъ малую толику денегъ, приказаль завтри же отправиться въ звърпнецъ Зама, помъщавшійся тогда на углу В.-Морской и Киривчияго переулка и посмотръть тамъ на обезьянъ, чтобы видъть, какъ онъ исполияють свои роли, только не на сцепъ, а въ клъткахъ. Возвратившись изъ театра въ училище, я немножко попрактиковался въ прыганы по кроватямъ, а затъмъ, отходя ко сну, перечиталь пьесу и выписаль взъ нея замътки, необходимыя для моего дебюта въ совершенно чуждой инъ роли. На другой день я побываль на репетиціи, сыграль обезьяну и, повидимому, удовлетвориль начальство; послъ этого пошель въ звърпиецъ, а затълъ навъстилъ Віоля, котораго и нашель лежащимь въ постели забинтованнымъ и перевязиннымъ. Онъ приняль меня очень ласково и такъ какъ самъ быль лишенъ возможности двигаться, то поручнаъ своему ученику Пачефико показать миж нъкоторые пріемы, полезные для исполненія роди. Въ тотъ же вечеръ состоялся и бенефисъ. «Обезьяна и женихъ» сама по себъ, какъ ппеса, никакихъ достоинствъ не имъетъ и интересовала она обычную публику Александринки потому, что въ ней долженъ быль участвовать модный тогда Віоль, потому что исполнялась она на русской сценъ впервые и наконецъ, главное, это быль бевефисъ любилил петербуржцевъ, Максимова. Віоль дъйствительно мастерски представляль обезьяну, вслёдствіе чего, я, его неопытный дублерь, ожидая подъема занавъса, быль въ страшномъ волненін, а къ тому еще нужно добавить, что предь выходомъ я просиль объ апонсированін, что за бользіню Віоля его роль пенолинть «воспитатичня Стуколкина», но Гедеоповъ въ этой просьбъ миъ наотръзь отназаль и на афашь значилась фамилія Віоля.

Запавъсъ взвидел. Я вышеть на сцепу, одътый въ обезьянью шкуру и, соотвътственно ей, отлично загримированный. Въ первомъ же авть Жако долженъ спрыгивать съ довольно высокой горки, съ сажень вышиной. Подобныхъ tour de force овъ въ театральномъ училищь не преподавали и я, было, замялся... Но вотъ раздаются аплодисменты и, одобренный имп, я, благословясь, прыгаю совершенпо благополучно, а затымъ, почесываясь, со встин ужимками заправской обезьяны, пробъгаю на четверенькахъ по сцепъ. Громъ рукоплесканій придаетъ мнъ силы, я овладъваю собой, вхожу въ роль и провожу ее съ полиымъ усивхомъ. По окончанія спектакля публика разошлась вполнъ довольная, что видъла талантиваго Віоля (?), а на сл'Едующій день въ газетахъ расточались похвалы артисту итамянцу и только театральный мірокъ знавъ, что Віоль-то быль поддельный. Иьеса эта послв двухъ или трехъ представленій была исключена изъ репертуара русской сцены и вся эта исторія забылась.

Вь томъ же году я часто «быль занять», т.-е. шграль— на театральномъ жаргонь, — ещевъ слъдующихъ пьесахъ: въ балетъ Титюса Двъ волиебницъг, въ которомъ исполнялъ роль Злого Генія, въ старыхъ знакомыхъ «Мельничахъ» (прежняя роль), въ красивомъ и поэтическомъ балетъ Тальони Сильфида (роль шотландскаго крестьянина — Герна), поставленномъ для артистовъ московскаго балета, Санковской и Монтено и, наконецъ, въ развыхъ дивертисментахъ французскихъ и иймецкизъ спектакъей, причемъ танцовалъ нъсколько разъ съ мониъ обычнымъ партнеромъ, воспитанникомъ Рейнсигаузеномъ, «колический танечъ» и разскию возъ

Въ 1847 г. новою была для меня роль гнома въ феерін пли, какъ гласила тогдашняя афина, въ «Большой волшебной опереттъ-водевилъ: Вотъ такъ пилоли, что въ ротъ, такъ спасибо». Поставлена была эта ньеса для бенефиса Максимова же.

Въ самомъ началъ слъдующаго (1848 г.) я за отличе былъ сдъланъ, «казеннымъ манстоне-ром», т.-е., имъя столъ и квартиру въ казенномъ номъщения училища, я носилъ собственное платье, пользовался совершенной свободой и получалъ 10 р. въ мъсяцъ. Въ мартъ же мъсяцъ я былъ окончательно выпущенъ «на волю» съ калованьемъ въ 240 руб. ассигнаціями въ голь, что было меньше, чъмъ небольшимъ воз

награжденіемъ за тотъ тяжелый трудъ, который приходидось исполнять въ описываемое время. Такъ независимо отъ «Пилюль» и «Мельниковъ», въ которыхъ я быль запять въ теченіе года 10 разъ, приходилось еще иногда принимать участіе даже въ живыхъ картинахъ, которыя тогда часто ставились во время великоностныхъ концертовъ, дававшихся въ императорских в театрах в. Нъкоторыя картины были очень удачны и эффектны, благодаря участію въ ихъ постановкъ и устройствъ даровитаго декоратора Ролдера *). Разм'вры его таланта ясно видим изъ того, что дирекція я по сейчасъ пользуется его работами. Изъ таковыхъ назову, напримърт, замъчательно красивую заднюю декорацію къ 3-му акту балета «Катарина», изображающую римскій видъ съ храмомъ св. Петра во время карнавальной плиминаціи.

Затыть еще я танцовать во многихъ дивертисментахъ и въ маленькомъ, по граціозномъ, поэтичномъ и осмысленномъ балетъ Доберваля «Тщетися предосторожность» или какъ мы больше называли по именямъ дъйствующихъ лицъ, «Тиза и Колелъ», исполняя комическую роль Никеза, причемъ Лазу играла европейская знаменитость, Фанни Эльслеръ **), выступившан въ первый разъ предъ нашнии балетоманами 10-го октября 1848 г. въ балетъ «Жизелъ».

«Тщетная предосторожность» мит особенно памятна по тому казусу, который со мной случился пъсколькими годами позне и могъ бы очень грустно отозваться на моей карьеръ. Какъ-то разъ шла въ театръ опера Доницетти «Дочь полка» и послъ пен «Тщетная предосторожность». Не помню гдъ и почему, я усиленно пообъдалъ и, чувствуя себя немного ин бонсонгаде, ъдучи вътеатръ молилъ только Госнода Бога, чтобы тамъ не присутство-

*) Баварскій уроженецъ Лидр. Адамов. Роздеръ родижая въ 1805 г., умеръ и погребсив въ Петербургів въ 1891 г. Въ 1834 г. опъ поступилъ декораторомъ и машивистомъ въ даревцію Пстербургскихъ императорскихъ театровъ, въ 1839 г. академією художествъ быль улостоенъ званія акидемика, въ 1856 г.—профессора перспективной живошкен и въ 1879 г. вышелъ въ отставку. Написалъ, между прочимъ, декораціи къ операкъ "Роберть и Бертрамъ", "Жизпь за Царя" (двизающієся въ послідвенъ актів этой оперы вдодь задней будисы народимя группы изъ картона—его же изобрітеніл и работы), "Руславъ и Людмила", "Броизовый ковь", "Африканки", "Жиловка", "Карль Смітамій", "Пуритане" и т. д., къ балетамь: "Спыфида", "Дава Дупая", "Титана", "Жизаєвъ", "Пакита", "Сатанили", "Фаусть", "Армила", "Трильби", "Корсаръ", "Золотая рыбка" и мяог. друг.

** Ф. Эльскеръ, звітада первой величним на хологомичностем побі. Воличня па кологомичностем побі. Воличня па кологомичностем побі. Воличня па хологомичностем побі. Воличня па кологомичностем побі.

**) Ф. Эльслеръ, звъзда первой величны на хореографическомъ небъ. Родилась въ 1810 году. Имъла сестру, Терезу, танцовщицу же, по менъе извъстиую искусствомъ, чъмъ морганатическимъ бракомъ съ принцемъ Адальбертомъ прусскимъ давиниъ ой титулъ и фамилю баровессы Барвимъ. Ирим. А. В.

валь государь, Николай Павловичь. Трусивъ порядкомъ, я только и утбиналь себи тъмъ. что пока идетъ опера, я усиъю соъгать въ буфеть и, вынинъ тамъ черпаго кофе, хоть ненножно приведу себя въ порядокъ. На гръхъ въ буфетъ я встрътилъ знакомаго гусара, съ которымъ, не сдержавшись, выпиль еще стакапъ-другой вина, что вовсе не поправило моего состоянія. Затынь, одбвансь въ уборной. слышу идругъ къ моему ужасу, какъ кто-то изъ поварищей объявляетъ, что въ театръ прибылъ государь! Какъ бы то инбыло, въ свое время я вышель на сцену и двлаль свое дъло, но что у меня было на душъ-говорить пебуду. Явившись посла антракта изъ уборной за кулисы, я къ вящему отчанию узнаю, что сейчась на сцень быль государь, похвалиль меня (его забавляль всегда мой комизмъ) и, узнавъ, что я въ уборной, спросиль обо миъ у Дидье, исполнявшаго роль старухи, не его ли я ученикъ, на что тотъ отвътилъ, что не его, по Гридлю. Тогда государь замътиль, что я особенно быль на этоть разь въ ударъ. А у мени то къ тому времени уже п несь хмъль отъ страху да и отъ радости прошелъ.

Мода на Фанни Эльслеръ была причиной появленія вътомъ же году на нашей сценъ оригинальнаго «водевиля à propos» — «Миимая Ф Эльслерь или баль и концерть, въ которомъ и я принималь участіе нъсколько разъ. 21 депабря даровитой артисткъ данъ быль бенефисъ, для котораго она выбрала красивый. повый тогда балеть Перро*) «Эсмеральда», приченъ въ постановиъ этого балета Ф. Эльслеръ принимали самое дънтельное участіе, показывая въ деталяхъ чуть ли не каждому артисту, что и какъ сму дваать по его розп. II какъ быль великъ ея мимическій таланть, видно изъ того, что она -красавица, молодая женщина, — показывая Дидье, какъ ему играть Квазимодо (урода п калъку—не забудьте) заставлила плакать присутствовавшихъ, когда она - Квазимодо, цъловала следы Эсиеральды, которую тотъ страстно любитъ и, сознавая свое безобразіе, терзаясь и мучаясь нестерпимо, скрываетъ свою жгучую страсть. Такъ полны правды, самой реальной жизия и драматизма были ея каждое движение, жестъ... Такъ чудно она пграла! Главную мужскую роль. Пьера Грептуара, исполнявь, дебютируя, самъ авторъбалета. Я же играль одного изъ инщихъ. Поручение такой цезначительной, пезамътной роли міть, ит то время пользовавшемуся уже

^{*)} Балетмейстеръ Жюль Перро (Perrot) родился въ 1800 г., умеръ въ 1892 г. въ Парижь, гдъ съ 1828 г. биль балетмейстеромъ Grand Opéra. Пробивъ въ Петербургъ балетмейстеромъ же 5 льтъ: поставиль исколько своихъ балетовъ: "Эсмеральда, ""Мочта художивка, ""Фаустъ" "Катарива, "Корсаръ, ""Наяда и рыбакъ" и друг. Перро былъ жеватъ на взяъстной балериять Карлоттъ Грияв. Прим. А. В.

маленькой извёстностью, я, да и всё мон товарищи также-принисывали тому, что пашъ повый балетмейстерь, Перро, не любиль русскихъ артистовъ вообще, а выдающихся въ особенности, и старался ихъ, что называется, затирать, не давать имъ хода, и только черезъ 8 лътъ (въ 1856 г.) мит дали уже болъе отвітственную и болье видную роль въ «Эсмеральдъ» — начальника инщихъ Гілопена Трульеру. При первоначальной постановић этого балета П. Гренгуаромъ былъ X. Іогансонъ, по затемь, съ прівздомъ Перро, последній взяль себъ эту роль и въ ней дебютироваль предъ Петербургской публикой. Когда же черезъ ивсколько льть онъ убхаль, то я попросиль Іогансона, нъ которому по справедливости должна была вернуться номянутая роль, уступить ее мив, что тотъ по-товарищески и исполняль. Не желая вного говорить о себъ, скажу тольно, что мое исполнение этой роли публикъ нравилось; что я типа II. Гренгуара не испортиль, доказынается тымь, что мив пришдось его исполнять и позже много разъ и съ ивскольними балеринами. Такимъ образомъ въ Эсмеральдь и исполинав цылых три роли. Ивсколько лить спуста играль я кыль то разъ опять въ этомъ балетъ. Начальникомъ репертуприой части въ то времибыль П. С. Оедоровъ). Въ энтрактъ, придя на сцену, онъ сдълалъ мит строгій выговорь, за то, что я якобы быль не выбрить, говоря, что это - «неукаженье къ публикъ».... Я не безъ труда объясниль начильнику, что это нарочно такъ положена гриапровка, по смыслу пьесы. Въдь Гренгуаръ Обяный студенть, который и одъть-то въ лохмотья, а вотъ во 2 актъ, я уже загримпрованъ иначе и выхожу выбритымъ.

«А, такъ это была гримировка!» только и пашелся сказать строгій начальцинь «С).

*) Навель Стенан. Ослоровъ родился въ 1800 г., умеръ въ 1879 г. Начальникъ репертуарной части и театральнаго училища. Написалъ и передълалъмного воденилой, шедшихъ главнымъ образомъ на сценъ Александринскаго театра.

") Полнымъ глубокаго смысла, поэзів и драматизма сюжетомъ знаменитаго розана Виктора Гюго "Notre Dame de Paris" промі балетнейстеровъ, какъ Перро, пользовались также и комповиторы. Такъ 18 поября 1859 г. на сцепъ Александринского театра въ бенефисъ пъвиды А. А. Булаховой (рожд. Лаврова) въ нервый разъ шла 4-хъ актная опера Даргомынского "Эсмеральда", причемъ заглавную роль исполняла бенефиціантка, феба—Булаховъ, Синдика - Потровъ, Кинзи-модо - Васильевъ I, Флеръ-де-Ли (невъста Фоба --Лильева, Шевреза (другь его) — Гумбикъ и начальника цыганъ-Матввенъ. Деситью годами позже на итальшской сцень была ноставлева 4-хъ активя же опера того же названія итальянскаго композитора Кампано. Півніца Требеллі Беттини воспользовалась сю въ свой бенефись 18 декабря 1869 г. при следующемъ персопале: Фебъ-Беттини, Клодъ Фролло (архидіаконъ) — Граціави,

Приблизительно около этого же времени надомною совершенно неожиданно разразилась гроза. Абло въ томъ, что при ностановкъ повой тогда оперы «Гисноты» меня и моего пріятеля А. Н. Пишо назначили въ кордебалетъ. Мы оба, какъ артисты, исполняющие уже отвътственныя роли, сочли это унизительнымъ для нашего достопиства, потому, рапортовавшись больными, въ оперу не явились, а сами отправились въ Большой театръ, гдв шелъ балетъ. Да на гръхъ тамъ столкнулись съ Гедеоновымъ, который, помня, что мы значились вольными и увидя насъ на сценъ, странно разгиъвался, сдълаль намъ строжайний выговорь, назваль «мальчинками» и приказаль режиссеру Марселю всегда ставить насъ, въ инкизание въ операхъ въ кордебалетъ. Такъ и было иткоторое кремя; мы танцовали въ кордебалетъ въ «Гугенотахъ», но затемъ начальство смягчилось и нами стали пользоваться соотвътственно нашимъ талантамъ и искусству. Истати о Марселъ. Песмотря на свою иностранную фамилію, это быль по языку и характеру чисто-русскій человъкъ, начавшій свою карьеру корифеень или кордебалетнымъ танцоромъ, а затемъ бывшій балетнымъ режиссеромъ. На этой посабдней должности онъ пробыль чтото очень долго, почему и относплся въ намъ, какъ къ изадини в, очень фанизьярно, по всегла сердечно. Не отличаясь блестящими достоинствами какъ танцоръ, онъ какъ режиссеръ былъ весьма полезенъ. Изучивъ путемъ многольтней практики наше балетное дело, онъ представлиль изъ себя тинъ отличнаго балетнаго режиссера; причемъ, обладая очень хорошею памятью, всегда могъ указать какъ исподняяся или ставился балеть, либо какое-иибудь раз, варіація и т. д., въ случав же отсутствія балетиейстера, всегда могь сь успъхомъ его замънить. Короче говори, какъ режиссерь онь быль положительно пеоценимь и это я приопсываю исключительно тому, что онь самь быль балетнымь артистомь. Между тымь, въ последнее время у насъ бывали такін аномалін, что въ балетные режиссеры назначались даже актеры драматической труппы и еще въ добавокъ – и вменкаго театра. Я думаю, что и профанъ, не изъ нашей театральной среды, нойметь, насколько можеть быть полезень въ балеть такой режиссеръ... Къ важнымъ достоинствамъ попойнаго Марселя нельзя не отнести его способность не только быть хорошинь товарищемъ, но и умънье объединить, сплотить актерскій кружокъ-лобиться отсутстви въ немъ розни, всегда вредящей в двау и людямъ.

(Продолжение слыдуеть).

Тристанъ Эрмитъ-Мео, Эсмеральда-Вольнини и Эстелла-бенефиціантка Ирим. А. В.

Вмъсто предисловія.

Еще ученикомъ консерваторіи, мнъ приходилось, благодаря дружов съ покойнымъ ніапистомъ кавказцемъ Г. О. Каргановымъ, постоянно бывать въ кругу Петербургской кавказской колонін. Тайъ мит впервые случилось познакомиться съ характеромъ и прелестью кавказскихъ мелодій и танъ-то зародилась мысль побывать на Кавказъ, чтобы по возможности собрать этотъ динный матеріалъ въ систематизированномъ сборинкъ. Обстоятельства для этого сложнинсь болье чемь благопріятно: мив было суждено не только побывать на Кавказъ, но и надолго тамъ поселиться, принявъ мъсто Директора Музыкальнаго Училища въ Тафлиссковъ Отделения Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Прібхавъ туда въ 1882 г., я, за недостаткомъ времени, конечно, не тотчасъ могъ нриняться за сбираніе нужнаго матеріала. Только черезъ два-три года состоялось давио желанное посъщевіе Кахетін и при томъ при самыхъ выгодныхъ для этой цъли услокіяхъ. Побадна эта была организована извъстнымъ кавказскимъ дъятелемъ Инженеръ-Технологомъ Ал. Пав. Бахиетевымъ, для члена Совъта Министерства Государственныхъ Имуществъ И. П. Архипова, которому по дъламъ служом предстояло побывать въ самыхъ огдаленных уголках в Кахетін. Я съ восторгомъ приняль ихъ любезное приглашение, тъмъ болъе, что время поъздки совпало съ временень уборки винограда, самаго чуднаго и интереснаго времени на Кавказъ. Помимо того, что осень тамъ лучшее время года, сборъ винограда сопровождается необыкновеннымъ обилень рабочихъ пъсенъ, что для меня представлялось край ие интереснымъ. Главными центрами нашихъ остановокъ въ эту поъздку были г. Телавъ, сел. Цинонлали, принадлежавшее въ то время еще кп. Д. Чавчавадзе, в сел. Енесели, имъне ки. Джорджадзе, откуда уже мы дълам экскурсів въ другія мъста. Позанъе мит удалось посътить противоположную сторову Алазанской долины, а именно г. Сигнахъ и его окрестности.

Собранный мною въ результатъ этихъ странствованій матеріаль наглядно убъднать меня въ

сатаующихъ положеніяхъ.

Многое въ грузинской народной музыкъ хотя и слыветъ подъ именемъ грузинскаго, на самомъ дълъ Грузін не припадлежитъ, во является продуктомъ историческаго наслоенія, вслъдствіс постоявваго общевія съ другими народностями.

Стиль древие-грузинской народной пъсни, упълъвини въ весьма немиогилъ дошедшилъ до насъ старинныхъ мелодиялъ и въ народныхъ ийснять, встръчающихся и теперь еще въглухилъ деревияхъ Кахетін, тождественъ со строгимъ стилемъ грузинскаго церковнаго обилодя. То есть: всъ мелодін діатоническаго строенія, проникнуты одинаюто строгимъ характе-

ромъ и необыкновенною пластичностью, равно отличаясь полнымъ отсутствіемъ хроматизма и чувственныхъ красотъ, снойственныхъ мелодіямъ другихъ народностей Кавказа. Въ этой аналогін я въ особенности убъднася, когда, по норученно ревностнаго охранителя грузинской старины, высокочтимаго Епископа Горійскаго, И реосвященнаго Александра, приступилъ къ нотному персложенію грузинскаго церковнаго обиходнаго пъпія кахетино-карталинскаго налітья.

Цъль моей настоящей статы завлючается нь желани указать на тъ историческія наслоенія, которыя образовались на народной мелодін грузинъ, въ силу долгольтияго ино-

роднаго вліянія.

Не вдаваясь въ детальную разработку вопроса, точкою отпранденія въ своихъ попскахъ за чистопародной грузинской мелодіей, я принилъ старо-греческіе лады, встръчагощіеся какъ въ народно-грузинской пъсиъ, такъ н въ ихъ церковныхъ пъспопъніяхъ и представляющихъ собою какъ бы объединяющій элементь ихъ народнаго духа къ музыкъ.

Свою статью я посвящаю памяти моего покойнаго друга Харлампія Івановича Саванелли, учредителя первой музыкальной школы на Кавказѣ, преобразонанной впослѣдствіп въ Музыкальное училище Тифлисскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальцаго Общества, положившаго основаніе правильному музыкальцому образованію среди туземнаго населенія, и всегда стремившагося путемъ общаго музыкальнаго развитія уберечь отъ окончательнаго разрушенія дорогую ему грувинскую пародную пѣспь.

0 грузинской народной пъснъ.

Подъ общимъ названиемъ Грузинъ *) надо понимать все картвельское племя, населявнее три ибногда самостоятельныхъ царства (Карталинія, Кахетія и Имеретія), которыя занимали огромную область, отъ восточнаго побережын Чернаго моря до сліянія Куры съ Алазанью, и все пространство между главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и стверными скатами Аджарів и Мазаго Кавказа. Но собственно Грузія, какъ одно изъ бывшихъ трехъ царствъ, ивкогда господствовавшее надъ остальными, состоить изъ верхней и инжией Карталинии п занимаеть, сравнительно съ другими частями всей области, небольшую площадь, лежащую между южнымъ скатомъ главнаго хребта и Дарьяльскимъ ущельемъ. Окруженная съ съвера осетинами и горскими илеменами Даге.

стана, съ юга турками и персами, съ запада абхазцами и съ востока и частью съ юга татарами, вся грузпиская область съ давнихъ поръ находилась какь бы въ центръ мусульманства. Ей съ большими усиліями приходилось отстанвать свою самобытность. Это до нъкоторой степени и удалось ей въ центральной части, т. е. въ Карталини и примыкающей къ ней Кахетіи—провинцій, наиболье отдаленныхъ отъ границъ, ностоянно подкергавинися иноземнымъ нашествіямъ. Ни въ одной части всей громадной площали, запимаемой картвельскимъ племенемъ, не сохранидось столько памятниковъ старины какъ въ Грузін, габ было положено начало христіанства на Кавказъ и откуда оно распространилось по всему Картвельскому племени. Въ виду такого господствующаго влинія Грузинъ надъ остальными представителями Картвельскаго племени, (я остановился на Грузинской пародной пъспъ, какъ несомпънной родоначальницъ пъсенъ остальныхъ народовъ, слъды которой замътны еще въ мелодіяхъ

Имеретін, Мингрелів и Гуріп.

За тижелое историческое прошлое Грузію безспорно можно назвать мпогострадальной. Просаждивни шагъ за напомъ, хотя бы вкратцв, ея исторію, мы видимъ, что на долю ся самостоятельной государственной жизии выпадали только самые незначительные свътлые промежутки времени, проходивние спокойно, безъ войны п внутрешшихъ смутъ. Находись на большомъ торговомъ пути, соедпнявшемъ нъкогда Грецію съ могущественною въ то время Персіей, которой тогда уже была подвластна, Грузія еще задолго до введенія въ ней христіанства въ силу обстоятельствъ вошла въ общение, не только съ гревачи и нерсами, по даже съ евреями. Они наши себъ въ Грузін вовое пристапище посат перваго разрушенія Іерусалимскаго Храма. Конечно, такія случайныя, хотя и частыя сообщенія съ ипоземцами, не могли существенно вліять на бытъ грузинъ, но несомивнио, они все-таки внесли въ народную жизнь повую струю, знакомя грузинъ съ играми, п'всиями и религіозными обрядами другихъ пародпостей. Изъ всвят религіозныхъ ученій въ Грузію первымъ проникло изъ Персін ученіе Зороастра, которое, утративъ уже свою первоначальную чистоту, дъйствовало главнымъ образомъ на воображение народа. Остатки этого учения до нъкоторой степени сохранились въ Грузін до сихъ поръ, въпредставлени о загробной жизип и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ и . савенидо

Культь этого ученія держался педолго; старын языческія въровняія— не такъ легко уступали повымь въяніямь п эта борьба тяпулись до первыхъ лучей христівнской эры. Въ

^{*)} Названіе "Грузія" и "Грузивы" вервый разъ упоминается въ русскихъ иктахъ 16-го въка, при сношеніяхъ грузинскиго царя Александра 1-го съ Борисомъ Годуновамъ.

пачаль IV выка Св. Нина разсыяла мракь изыческаго востока, поставявъ Грузію въ постоянное общение съ просвъщенною Византией. Религіозная рознь разобщила Грузію съ Персіей, и викакія политическія обстоятельства и невзгоды не могли удержать и даже временно заглушить естественное влечение народа свъту христіанскаго ученія. Одновременно съ христіанствомъ Грузім получила и первые зачатки народнаго образованія. Многіе изъ грузинъ, прошикнутые духомъ христіанскаго ученія, стремились въ Византію, для принятін священстви и для собственнаго просвъщенія, а по возвращении на родину, дънтельно заводили школы по греческому образцу, гдъ, кромъ необходимыхъ наукъ, запимались и пъніемъ. Это несомитино и воспитало иль народную пъсню въ духъ христіанской религін, т.-е. греческой, и привило ей характеръ греческихъ пъснопъ-Hill.

Почти одновременно съ движениемъ христіанства съ запада, съ востока на Грузію падвинулось учение Магомета, а съ ничъ и новый рядъ невзгодъ. Въ 731 году Мурванъ, одинъ изъ намъстниковъ халифа Омара, во главъ громиднаго сконища арабовъ, вторгается въ Грузію. Хотя и недолго пришлось владъть ею арабамъ, но въ культуръ народовъ, населявшихъ Грузію, они оставиля глубокій слёдъ своего вліннія, кокъ въ области наукъ, такъ и въ архитектуръ, и въ музыкъ. Ранъе всего это вліяніе сказалось на мусульманскихъ народахъ, населявшихъ Грузію, а отъ няхъ уже позже, вследствіе постоянных спошеній перешло и на грузииъ. Здъсь опо выразилось появленіемъ въ архитектурів арабесокъ или мелкихъ украшеній, а нъ музыко введеніемъ мелизмовъ, т.-е. ва контуръ грузниской строгой меди появились добавочныя мелкія ноты ка видъ группетто, трелей, и даже большихъ пассажей изъ мелкихъ нотъ. Прелесть такихъ меанзиъ увлекала ръшительно всъ народы, которымъ приходилось волей неволей сталкиваться съ арабами. Следы ихъ музыкального вліянія можно зам'йтить на народной музык'ть ненащевъ, турокъ, персіянъ и татаръ.

Послё арабовъ и цёлаго ряда нашествій монголовъ и турокъ, Грузія вновь поднала подъ вліяніе Персія. Напосльшую степень вліянія на Грузію, Персія пріобрёла при царяхъ-магометанахъ, ставленникахъ Персіи въ XVI и XVII въкахъ, когда не только царскій дворъ, окруженный необыкновенной роскошью, старался подражать персидскимъ обычаямъ, но, въ угоду шаху, насажденіе персидскихъ нравовъ производилось сплою оружін. Для полнаго утвержденія своего владычества надъ грузинами, персы заселили татарами многія провниціи, дабы имъть возможность во всикое время подавить малъйшіе порывы покоренныхъ къ самостоятельности. Все

это, разумъетси не могло снособствовать развитію культурваго движенія. Народъ, какъ улитка, спрятался въ свою раковину и только въ религіи, которую реппостно охраняль во всь времена, находиль себь опору и утъшеніе. Вліяніе персовъ на вкусы грузинъ было пастолько сильно, что грузинскіе цари, вовремена самостоятельнаго управленія царствомъ, и когда судьба давала Грузіп возножность свободно вздохнуть отъ политическихъ невзгодъ, заводили у себя п'ввцовъ и музыкантовъ, жадно виимая чувственно ласкающимъ слухъ персидскимъ мелодіямъ, різко контрастирующимъ со строгимъ духомъ родной народной пъсни. Пыниность царскихъ дворовъ и роскошь при обстановкъ, чуждая суровому быту грузинь, не могли не дъйствовать на ихъ воображение и впечатлительность, и каждый дворяпинъ считаль своей обязавностью доть въ миніатюр' подражать своему владыкъ. Такимъ путемъ персидская мелодія со своимъ чувственнымъ колоритомъ дошла и до крестьянской хижины.

Однимъ изъ самыхъ свътыыхъ промежутковъ національной самостоятельностигрузинъ, является царствованіе царицы Тамары (1184—1213 г.). Дворъ ся отличался особенною роскошью и блескомъ. Въ то время Грузія достигла нанбольшаго расцвъта, какъ въ области народнаго благосостоянія, такъ и въ области наукъ и искусствъ. Въ судьбъ Грузіи это царствованіе представляется свътлымъ лучемъ на фонъ ся мрачной исторіи. Къ двору царицы стекались всъ лучшія научныя и художественныя силы; ся щедрая благотворительность и ревностная заботливость о церквахъ и иколахъ создали ей необыкновенную популярность.

Народный эпосъ окружиль ее какимъ-то мионческииъ ореоломъ, а церковь причислила къ лику святыхъ.

Дивиая природа юга не могла не способствевать у грузинъ любви къ поэзіи и пѣпію, Гаядя на неистощимыя растительныя богатства, грузниъ способенъ пропъть съ утра до вечера, импровизируя въ честь всего, что онъ видить, ни на минуту не задумываясь надъ сюжетомъ для пъсни. Постоянная перемъна настроенія — вотъ главная канва, на которой опъ создаеть свои пъсни. Такая врожденная способность къ импровизаціи создала особый классъ странствующихъ пъвцовъ, называемыхъ по Грузински мествире. Ова странствують изъ одпого селенія въ другое съ инструментомъ въ родъволынки, называемымъ по грузински гуда. Эти туземные трубадуры обыкновенно ходятьодни; мествире самъ себъ пъвецъпаккомпаніаторъ. Но если его личиая виртуозность недостаточна, онъ прінскиваетъ себъ товарища, который ему и аккомпанируетъ. Сюжеты для своихъ пъсенъ мествире берутъ преимущественно изъ Свящепнаго Пвеанія, наи же историческихъ событій,

а то иногда пускаются и въ личные комплименты своимъ слушателямъ; восхваление послъднихъ растетъ сообразно со степенью получаемаго вознаграждения. Мествире повсюду желанный гость. Его можно встрътить па большихъ торжествахъ, на свадьбахъ и на малепькихъ вечеринкахъ. Это неистощимый весельчакъ, балагуръ и, если пужно, то и неутомимый танцоръ.

Прямую противоположность мествире представляетъ другой тппъ тоже странствующаго иввиа-импровизатора, так в называемые ашуги. Этотъ типъ пъвца является болье профессіональнымъ, нежели первый. Такили пъвцами главнымъ образомъ дблаются слупцы, еще съ дътскихъ лътъ лишенные способности къ труду. Съ ранняго возраста они изучаютъ своемску сство у стариковъ и многіе изъ нихъ годами страпствуютъ вибстъ съ учителенъ. Атуга всегда можно встрътить на ярмаркахъ, на церковныхъ праздникахъ, у дверей храма съ запасомъ самыхъ разнообразныхъ по содержанію пъсецъ. Они нсегда окружены громадною толной слушателей, съ жадностью винмающихъ разсказамъ пъвца о подвигахъ какого-нибудь легендарнаго тероя и переживающихъ вмъстъ съ шимъ всъ его радости п огорченія. Главными дъйствующими лицами въ ихъ историческихъ ийсняхъ всегда являются эпические герои: Ростемъ, Автандилъ и Амиранъ-олицетворители идей добра и зла. Воспъвають и частные эпизоды изъ эпохи борьбы грузинъ съ туркамя и персами, выражающіе борьбу христіанства съ нусульнанствомъ. Но главный историческій эпосъ препмущественно зиждется на царствованім царицы Тамары, т.-е. на XII въкъ: поютъ про ея мудрость, красоту и любовь къ родинь. Пъсни аннуговъ, несмотря на то, что въ въ нихъ часто воспъваются и радостныя событія проникитты необыкновенною грустью п какимъто мистическимъ настроеніемъ, чему единственнымъ объясисніемъ можеть быть историческій гисть а также безпріютный и безпомощио - нашенскій быть самихь п'ввиовъ. Смъщанное население многихъ деревень Грузін, гдъ можно встрътить представителей самыхъ разнообразныхъ народностей, сдълало то, что, среди такихъ ижвиовъ, стали появляться персы, армяне и даже татары. Но и эти ниородцы всегда поють только грузинскія п'ясии н носпъвають только грузипскій эпось. Иначе ихъ никто не поняль бы, да и не сталь бы слушать.

Есть еще типъ ижвиа и музыканта съ болъе современнымъ направлениемъ къ искусствъ, такъ инзываемый «Сазандаръ». Подъ словомъ «Сазандаръ» или «Сазандреби», на Кавказъ подразумъваются всъ пъвцы и музыканты; но туземное городское население создало новый типъ Сазандаръ, который можно встрътить толь-

ко въ городахъ. Это — прямая противоположность мествире и ангугамъ. Если последние являются представителями чистаго искусства. посителями извъстныхъ народныхъ пъсенныхъ традицій, то городскіе сазандиры — просто складъ самыхъ разпообразныхъ пъсенъ всъхъ паціональностей: татарскихъ, персидскихъ, армянскихъ и модныхъ грузнискихъ романсовъ, сочиневныхъ на слова современныхъ поэтовъ. Подобные романсы фабрикуются выи обыкповенно изъ персидскихъ пъсенъ или же изъ старо-грузпискихъ мелодій, къ которымъ подбирается текстъ какого-нибудь популярнаго стихотворенія. Очень часто такой повопривитой тексть окончательно вытёсняеть изъ народной памяти тексть старой пъсни, который, пе будучи записаннымъ, окончательно забывается и старая мелодія продолжаетъ существовать, но уже съ новымъ текстомъ.

Безъ участія сазандаръ не обходется ни одно празднество или семейное торжество, куда они яванются конечно приглашеннымя въ составъ одного пъвца и пъсколькилъ музыкантовъ съ тузешными инструментами. Такой оркестръ аккомпанируетъ пъвцу, нли же ограничивается исполнениемъ прелюдій п постлюдій, а въ срединъ между этимъ инструментальнымъ исполнениемъ, пъвецъ поетъ уже безъ аккомпанимента. Виртуозность этихъ музыкантовъ достигаетъ иногда удивительнаго совершенства при весьма разнообразномъ репертуаръ. Очень часто, среди мелодій восточнаго колорпта, можно слышать исполненными на какихъ - пибудь туземныхъ «дудукахъ» *) болгарскій маршъ « Шуми Марица», или вальсъ «Невозвратное время». Все это выходптъ у сазандаръ очень компчно и съ весьма оригинальною гармонизаціей, по слушателямъ очень нравится и имъетъ большой успъхъ. Въ составъ сазандаръ болъе всего встръчаются персіане и татары, ръже можно встрътить грузинь и армянь. Преимущество первыхъ объясняется ихъ общирнымъ знакомствомъ съ перседскими ибсиями, на что въ закавказскихъ городахъ большой спросъ, а затёмъ необыкновенно легкой виртуозной колоратурь, при нсполнении всякихъ медизмъ.

Въ исности мелодическихъ контуровъ нъкоторыя персидскія мелодіп имъютъ много общаго съ грузпискими. Но строспіе или формула гаммы персидскихъ пъсенъ ръзко отличается отъ строенія гаммы грузпискихъ мелодій, основанныхъ на главныхъ церковныхъ ладахъ, перешедшихъ къ шижъ изъ Греціи, а именно: іонъческомъ, дорійскомъ, фригійскомъ, миксолидійскомъ и эолійскомъ. Отличительный же признакъ персидскихъ мелодій есть интервалъ увеличенной секунды, т. - е. 1½ тона,

^{*)} Рода свирели.

являющійся въ настоящее время типическою особенностью всъхъ восточныхъ мелодій, преимущественно у мусульманскихъ народовъ.

Вліяніе персидской пъсин на грузинскую, -винит ототе аквіно появленіемъ этого тиническаго интервала въ грузинскихъ мелодіяхъ повой формаціп, чего въ старыхъ грузинскихъ пъсняхъ совствъ не замъчается. Такимъ образомъ, то, что существуетъ въ настоящее время подъ именемъ грузпиской медодін, на мой взгандъ, доажно быть ръзко разграничено на четыре категоріп. Къ первой должны принадлежать всв чисто народным пъсми, построенныя въ греческихъ ладахъ я въ духъ церковныхъ мелодій, напримъръ:

а) Церковная мелодія «Господи помилуй» кахетино - карталинскаго напъва, фригійскаго

лада. № 1 °).

h) Народная колыбельная итсия, фригійскаго лада. Записаца въ Кахетіп въ сел. Енессли. № 2.

с) Церковная мелодія «Достойно есть», дорійскаго лада. № 3.

d) Народная пъсня «Рекгвени патардца. ли», дорійскаго лада. Записана въ Арагвскомъ ущельн. № 4.

Въ церковныхъ мелодіяхъ грузинъ преимущественно встржчаются фригійскій я дорійскій и йілійсое ахинойи акиндонный и іоническій, хотя встрівчаются и первые. Это объясняется тъпъ. что зады фригійскій и дорійскій были самые употребительные и считались свищенными у грековъ и евреевъ, а вивств съ христіанствомъ перещли и въ Грузію. По своему строгому характеру они иниболье соотвътствують духу христіанскихъ пьснопъній, чънъ элегическіе, иягкіе лады волійскій піоническій, встръчающіеся въ народныхъ пъсняхъ лирическаго характера, напримъръ:

а) Народная пъсня «Сакварело», іоническаго

лада. Записана въ г. Телавъ. № 5.

b) Народная ивсия «Акзавендзавель» эолійскаго дада. Записана въ сел Цинопдалъ.№ 6.

Ко второй категоріи должны быть отнесены пъсни съ персидскимъ вліяніемъ, т. е. грузниская мелодія съ увеличенной секундой, напримъръ:

Народная ивсия поздивишаго происхожденія, записана въ г. Телавъ пъ Кахетін. № 7.

Къ третьей группъ отпосятся грузинскія ивсин съ арабскимъ вліяніемъ т.-. грузинская мелодія въ граческомъ ладъ съ арабскими меанзмани, напр.: Народная мелодія въ Эолійскомъ дадъ. (Черточками кверхъ обозначенъ контуръ мелодін, а черточками винзъ-мелизмы. Записана въ Кахетія). № 8.

А къ 4-й категоріи принадлежать пъсви со сившаннымъ арабо-персидскимъ вліяніемъ т.-е. мелодія съ увеличенной секундой и мелизмами,

напримъръ: Народная пъсни «Суболорото», занисана въ Тифлисъ. № 9.

Всъ эти особенности грузниской пъсни являются результатомъ вліннія трехъ нъкогда культурныхъ народовъ. а именио: грековъ, персіянь и арабовъ. Наибольс глубокій следь въ ихъ жизни несомивнно оставили греки. Въ ихъ рукахъ были школы — силытыйнее орудіе для распространенія просв'єщенія, что и дало имъ возможность воспитать народную музыку грузинь въ своихъ строгихъ ледахъ и такимъ путемь объединить ее, т.-е. придать церковной и народной музыкъ общій характеръ.

Текстъ этихъ пъсенъ распадается на два отдъла, къ первому отпосятся всъ пъсни съ подлиннымъ народнымъ текстомъ, а ко второму всв импровизацій, или тексть, прилаженный къ мелодін въ вид'в какого-либо популярнаго стихотворенія. Литературныя формы, встръчающіяся въ народной піснь, существують подъ названіями: Симгера, Шапра, Лекси и Баять-Симгера, заключаютъ въ себъ иъсколько строкъ въ стихахъ или прозъ. Лекси же состоитъ изъ стиховъ. Свободныя импровозаціи иъ дух'я персидских в мелодій посять назвинія Баять. Большею частью содержание Баять сводится къ какому-нибудь поэтическому сравнению и заключается въ 3-4 стихахъ. Къ пъснямъ съ народнымъ текстомъ относятся всв историческія. рабочія, бытовыя, колыбельныя и дітскіп.

Мелодін историческихъ пъсень имъють эпическій, повъствовательный характеръ и проникнуты необыкновеннымъ спокойствіемъ, напримъръ: Пъсня о Рустемъ-въ Эолійскомъ ладъ. Записана въ селеніи Мухранъ, Тиф. губ. No 10.

Эту же мелодію поють со словами царевны Кетеваны, въ трогательных в стихахъ оплаканшей свою разлуку съ родиной. Стихотворение это настолько пришлось грузинамъ по сердцу, что въ пастоящее времи нельзя уже услышать старыхъ словъ этой мелодін о похожденін Рустема. Рабочія п'єсни псполняются и хоромъ и отдельными голосами. Хоръ самостоятельнаго значенія въ этихъ пъсияхъ не ямбеть и все его участіе сводится къ какому-нибудь выдержанному тону, или только въ повторени припъва, какимъ заканчивается каждая строфа пъсии.

Во время работъ при сборъ винограда или на гумив между крестыннами работниками выбирается занъвало. Онъ и ведетъ всю пъсию. хоръ же поетъ только припъвъ въ родъ «Арала-ло», чъмъ выражается какъ бы ихъ общее согласіе со словами зап'явалы. Содержаніе такихъ пъсенъ большею частью заключается въ обращени къ своимъ помощикамъ по работъ, т.-е. пъ буйволамъ, къ плугамъ и др., съ которыми приходится ибвиамъ дблить свой трудъ

Подобная форма изсни при ихъ врожденной

^{*} См. приложение.

способности къ импровизаціи даетъ обильную

нищу фантазін грузинъ.

При исполненій пѣсенъ съ хоромъ, хоръ поеть най въ унисонъ, или же дѣлатся на два и даже на три самостоятельныхъ голоса — при чемъ способъ гармонизацій и пріемы голосоведскій вполи ѣ тождественны съ ихъ церковпо обиходимъв пѣніемъ, наприм. 1) «Господи помилуй» — кахетино – карталинскаго напѣва Фригійскаго лада № 11.

 Рабочая пъсия фригійскаго зада, съ запъваломъ и двухголоснымъ хоромъ. Записана въ

Тифлисс. губ. село Мухрань. № 12.

 Рабочая и вспя «Мушурв» въ золійскомъ ладъ съ запѣваломъ и унисоппымъ хоромъ, записана въ Кахетін въ Сигнахскомъ у вздъ. № 12.

Характеръ мелодін рабочихъ пъссиъ крайне однообразенъ, и пъсни, употребляемыя при сборъ винограда, инчънъ не отличаются отъ иъсенъ, употребляемыхъ въ другое время.

То же самое происходитъ у грузинъ и съ ихъ обрядовыми въснями; онъ, по своему общему характеру могутъ быть подведены подъ одну рубрику съ бытовыми.

Свадебная пъспя отличается отъ какой инбудь другой только содержаніемъ словъ, тогда какъ характеръ мелодін у нихъ общій съ пъснями другихъ обрядовъ, — наприм.

а) Свадебная п'ксня «Взлети моя черная ласточка», фригійскаго лада. Записана въ Карталиніи. № 14.

в) Вытовая пъсня «Глуная невъстка», въ дорійскомъ ладъ. Записана въ Арагвскомъ

ущельи. № 15.

Особенность хороводныхъ, или такъ называемыхъ плясовыхъ пъсенъ у Грузинъ заключается въ безконечномъ повтореніи мелодій и въ постепенномъ ускореніи движенія или тепіро—пачиная оть медленнаго до быстраго. Ритмъ приближается къ общему тппу танцовальныхъ мелодій, существующихъ въ Грузіп подъ общимъ пазваніемъ лезгилокъ; уже само названіе указываеть на заимствованіе грузинами этихъ мелодій у своихъ сосъдей — горскихъ племенъ напримъръ:

а) Плясовая пъсия, записанияя въ Арагв-

скомъ ущельи. № 16.

в) Плясовая пъсня, записанная въ сел. Му-

хрань -- Тифлисской губ. № 17.

Иъсни этого типа всегда сопровождаются ударами въ ладоши, что придаетъ имъ характеръ настоящихъ лезгинокъ.

Весьма интересный отдівль въ грузниской пародпой музыкі — колыбельныя и літскія пісни. Колыбельныя пісни, сохраняя народный характерь, поражають прелестью разнообразнаго ритма. Ипогда этп пісни поются и хоромъ. Такъ, во время болітани ребенка, около его колыбели собпраются пісколько сочув-

ствующихъ состольнь и раздълсь надвт группы, образують какъ бы два хора. Спачала первый хоръ поеть молодію, а второй сопровожденіе, потомъ мъннются, т.-е. второй хоръ начинаеть мелодію, а первый переходить на сопровожденіе, напрямъръ: № 18. (Мелодія этой пъсин наята П. И. Чайковскимъ для Арабскаго тапца въ его балетъ «Щелкупчикъ»).

Въ этой пъснъ они обращаются къ ангелу хранителю съ просьбою спасти отъ болъзни ребенка. Обыкновенная же колыбельная пъсня представляеть изъ себя какой-нибудь простепькій мелодическій контуръ, на которомъ они создають иногда необыкновенные ритмическіе узоры, папримъръ: колыбельная пъсня фригійскаго лада, записанная въ Карталивіи. № 19.

Оригинальную особенность представляють у грузинь дътскія нъсня, состоящія обыкновенно изъ коротенькой музыкальной фразки, повторяющейся безкопечное число разъ. Всъ такіп пъсни сопровождаются играми; иногда участвующія дълятся на запъкало и хоръ, причемъ хоръ инкогда не участвуетъ въ сопровожденій перваго голоса, а только въ самонъ концъ въ индъ короткаго принтва; большею же частью вст дътскія пъсни поются хоромъ къ унисонъ. Напримъръ: а) Дътская пъсня «Воробей и просо», золійскаго лада, записанная въ Карталиніи. № 20.

в) Дътская пъсня съ припъвомъ. Фригійскаго дада. № 21.

По своему оживленному ритму дѣтскія пѣсни стоятъ въ нвиой противоположности спокойному характеру народныхъ пѣсенъ, что несомивино указываетъ на отсутствіе въ нихъ подражанія нли запмствованія дѣтьми отъ старшихъ; по тѣмъ не менѣс, въ характерѣ своихъ заключеній опѣ несомнѣпно имѣютъ свой національный отпечатокъ т.-е. вліяніе греческихъ ладовъ.

Говоря о бытовыхъ пъсняхъ грузинъ, нельзя у молчать объихъ застольны хъпъспяхъ, а именно: о «мраволжаміеръ» т.-е. омпогольтін. Мив пеоднократно приходилось слышать мивніе, что въ древнія времена у грузинъ застольныхъ пъсенъ, въвидъ современнаго «мраволжаміеръ», не было. Если въ то время и пъвались за столомъ пъсни, то это были пъсни пренмуществевно историческаго содержанія, или же общаго интереса бытовып. Утверждають, будто бы обычай пъть спеціально заздравныя пъсин появился въ Грузін только съ прибытіемъ туда русскихъ, т.-е. въ концъ прошлаго и въ пачалъ настоящаго стольтія; своей новизной онъ увлекъ грузвиъ и мало-по-малу пріобрѣль у нихъ право гражданства. Мивніе это, конечно, нуждается въ подтверждения. Я же съ своей сто роцы, не имъя возможности детально прослъдить исторію этого обычая въ Грузіи, могу только указать на данныя, подтвержденийн

нъкоторую основательность этого предположевія. Содержаніе современныхъ заздравныхъ пъсснъ сводится къ безконечнымъ повтореніямъ словъ «мраволжаміеръ», что въ переводъ означаетъ «многін лъта», поется всегда тотчасъ послъ провозглашенія тоста, или «мвдлобели-варъ», «гмертма и не босъ», что поется на ту же мелодію въ видъ отвътнаго комплимента и благодарности за тостъ.

Въ этомъ, несомивино, есть ивито общее съ русскимъ обычаемъ-пъть послъ заздравныхъ тостовъ именво «иногія авта». Что этоть обычай — результать сближения съ Россіей, указываетъ еще крайне ограниченное количество часто народныхъ заздравныхъ мелодій. Если таковыя и встръчаются, то не пваче, какъ въ видъ мелодій обыкновенныхъ бытовыхъ пъсепъ съ приспособлевіемъ поваго заздравнаго текста. Такъ, напримъръ, въ Кахетін въ большомъ употребленій застольная пъсвя, подъ названіемъ «Мухамбази». Мелодія этой ивсии, песомивино народнаго происхожденія, и носять сбщій характеръ всёхъ бытовыхъ пъсенъ, но текстъ, съ которымъ она поется въ настоящее время, принадлежитъ перу, нъкогда извъстному на Кавказъ Лл. Чавчавадзе, следовательно относится уже къ позднъйшему времени.

Заздравная пъсня «Мухамбази», дорійскаго зада, спобщена княгиней С.В. Амираджиби № 22.

Отсутствіе готовыхъ мелодій на «мраволжаміеръ» у грузинъ заставило ихъ искать таковыя у пришельцевъ, и вотъ туземцы начинаютъ распъвать «мраволжамісръ» на мотавы «gaudeamus igitur» и друг., что до сихъ поръ поется еще въ селепінхъ Аденскаго ущелья — около г. Гори. Кромъ того, большая часть популярныхъ котивовъ на «мравозжаніеръ» указываеть на то, что отсутстие няціональвыхь мелодій заставляло пользоваться сочинсніями гг. военныхъ капельмейстеровъ, пли вообще дилегантовъ любителей, которые сочинями музыку въ духъ ибмецкихъ ивсенъ, цичего общаго, конечно, съ грузинскимъ характеромъ пени бющихъ, папримъръ № 23.

Пъкоторыя мелодіи «мряволжаміера» посять характерь русскихъ создатскихъ пъсенъ. Это особенно замътно на прилагаемомъ примъръ № 24.

Такіе приміры хотя в подтверждают возможность русскаго ваіянія, по новторяю: какъ область мало изслідованная, пуждаются въ болке обстоятельном в изученіи. Во псяком случай, если и есть какое-инбудь вліяніе русских на этотъ отділь грузинской пародной пісни, то опо существеннаго вреда имъ не нанесло, и всё произведенія этого періода стоять совершенно особняком. Раннія же спо-

пенія Россіи съ Грузіей не могли, конечно, имъть никакого вліянія на ея быть, такъ какъ были чисто дипломатическаго свойства и близкаго общеніи между народами не было. Коснувинсь иноземваго вліянія па грузвискую народную музыку и, прослъдивши время и стенень политическаго давленія сосъдей на бытъ грузинъ вообще, невольно возникаетъ вопросъ: какая же гамма была въ основаніи народной музыки грузинъ до появленіи у нихъ христіанства? Неужели религія такъ неревоспитала духъ народа, что вмъстъ съ язычествомъ онъ отръшился и отъ своихъ пъсенъ, которыми раньше выражаль свои радости и огорченія?

Отвъчан на эти вопросы, можно съ увъренностью сказать, что грузниская народная музыка, какъ и общая ихъ культура дохристіанскаго періода, находились въ самомъ нервобытвомъ состояніи, п только съ принятіемъ христіавства они вступила на правильный путь, получивъ новое начало. Нътъ въ народъ движенін въ общей и музыкальной культурт, итъ и опредъленной гаммы, ибо гамма совершенствуется одновременно и подъ вліяніемъ общаго музыкальнаго развитія.

Греческіе напъвы, послужившіе краеугольным кампемъ новой для народа религіозной музыки, въ теченіп мпогихъ въковъ несомвънно успъли перевоспитать и духъ ихъ народной пъсни, придавши ей общій съ церковными пъснопъпіями характеръ. Этимъ только и можно объяснять присутствіе греческихъ ладовъ въ грузинской народной пъспъ.

Такимъ образомъ, положивъ въ основаніе народныхъ грузинскихъ мелодій шесть старогреческихъ ладовъ, и резюшируя свои наблюденія, могу придти къ слёдующему заключенію. Чисто народная грузинская пъсня представляется въ видъ діатопической плавной мелодіи, построенной въ одномъ изъ церковныхъ ладовъ. Всъ историческія наслоенія выразились въ усвоеніи ими увеличенной секунды— отъ персіанъ и татаръ, а мелизмъ отъ арабовъ; и на этой уже ночвъ образовались новым мелодіи въ смѣщанномъ грузиноарабо-нерсидскомъ стилъ.

Эти наслоенія, хотя п представляются яркими особенностями на фонт старо-грузинской мелодів и стоять какт бы въ сторонт отъ чисто-народной пъсни, темъ не менте, развращающимъ образомъ дъйствують на народный вкусть и ностепенно вытъсняють первую изъ унотребленія. Будущій собиратель народныхъ ийсенъ можетъ оказаться въ весьма курьезномъ положенін, благодаря вліянію такой соминтельной, музыкальной культуры Грузін, тъмъ болте, что она имтеть сильныхъ помощинковъ въ лицт понулярныхъ сазандаръ, нобывавнияхъ въ большихъ городахъ Закавказья. Да и вообще частыя спошенія посе-

лянъ съ городами въ родъ Тифлиса, Телава, Гори и другими, пагубно дъйствують на ихъ въусы.

Весьма возможно, что какой нибудь иностранный туристъ и собиратель народныхъ нелодій съ усп'яхомъ занинеть гдів-нибудь въ Кахетін исковерканную мелодію «Шуми Марица» или вальсъ «Невозвратное время». Въдь. говорять, что записаль же одинь иностраиный собпратель русских в пародных в музыкальныхъ инструментовъ обыкновенныя конторскін счеты въ число инструментонь. видівнныхъ имъ въ Россіи. Мив лично приходилось слышать на Кавказй мелодін извъстныхъ птальянскихъ оперъ съ грузинскимъ текстомъ, въ исполнении такъ называемыхъ «бичо» (мальчики-нодростки, исполияюще обязащиости разсыльныхъ и дакеевъ). Вернувинсь въ деревню, юноши, копечно, сохранили итальянскую мелодію въ своемъ репертуаръ, придавъ ей пъкоторый паціопальный колорить; а узнать подобную фальсификацію можеть только человъкъ, уже знакомый съ ихъ народной пъсней и ея оригинальнымъ складомъ.

Разсматривая постепенное развите грузинской народной музыки, нельзя не признать, что гамма грузинъ въ своемъ развити остановилась на точкъ замерзанія, такъ какъ всъ эти случайные наносы ни въ какомъ случав нельзя признать за развите и усовериенствованіе гаммы.

Подобный коисерватизмъ очень легко обънсияется медленнымъ ростомъ общей культурной жизни и ревностнымъ обереганьемъ ими своихъ церковныхъ мелодій, проникнутыхъ общимъ народнымъ духомъ. Можетъ быть, современемъ цивилизація наложитъ и здѣсь свою, въ этомъ отношеніи варварскую руку, — но отъ души желаю, чтобы это время наступило какъ можно позже. Если общая, такъ сказать, научная культура, способствуя вообще развитію народа, сохраниетъ его національность, то музыкальная культура въ видѣ постоянной прививки народу чуждыхъ ему мелодій — обезличиваетъ самобытность народнаго творчества. Надъюсь, что подобное время еще не скоро настанеть для Грузін, съумъвшей, въ теченіе многихь въковъ своей тяжелой исторической жизни, сохранить свою національную физіономію въ обычаяхъ и народныхъ мелодіяхъ, въ этой сокровищницъ, откуда еще долго будеть черпать свое вдохновеніе выдыхающійся Западъ. Ex oriente lus!

М. Ипполитовъ-Ивановъ.

Р. S. Большимъ стёсненіемъ для меня было, при записываньи народныхъ мелодій, незнаніе грузинскаго языка. Приходилось по слуху записывать грузинскія слова русскими буквами, отчего иногда совершенно невозможно было уловить и передать иёкоторые гортанные звуки, или же ошибочно записывалось другое созвучіе, вслёдствіе чего измёнялось значеніе и смыслъ слова. Въ виду такой неудачи при записываніи текста, я предпочель представить читателямь чисто-грузинскія мелодій, безъ словъ, въ текстё статьи, а въ нотномъ приложеніи только тё пёсик и романсы, текстъ которыхъ удалось возстановить, или же быль записанъ мною правильно.

При гармонизаціи этихъ пъсенъ п романсовъ и при выборъ къ пвиъ фориъ аккомпанимента, я заботилси главнымъ образомъ о точной передачъ ихъ настроенія, сохраняя вмъстъ съ тъмъ типичные гармопическіе обороты, составляющіе ихъ паціональную особенность.

Въ заключение пе могу не выразить искренней благодарности проф. Лазаревскаго института А. С. Хаханову, за любезное сообщение ижкоторыхъ свъдъний по истории и литературъ Грузии и киягинъ С. В. Ампраджиби за переводъ, приспособленный для исполнения и исправление пеправильно записаннаго мною текста пародныхъ пъсенъ.

Дер. Дамаха, Екатериносл. губ. Августъ 1894 г.

12 народныхъ грузинскихъ пъсенъ и романсовъ

(переводъ княг. С. В. Амираджиби.)

№ 1-й. Пѣснь царевны Кетеваны.

Ой, витаръ всткви гансактомели, Чемисъ сицоцхансъ дамамиробели!

Чрдилотъ вихиле мийре грубели, Азінсъ мтебисъ дамбиелебели, Бедніертъ наладтъ дамамхобели, Миненіеръ тзалкодтъ амбурчнебели:

Ой, витаръ всткви гансактомели, Чемисъ сицоцхлисъ дамамхобели!

Агмобхвна вардни уцходъ назардни,
Твиста мамулта хко ганавардни,
Агаръ квавіанъ замбахни вардни,
Ганкра ховелганъ мылавсъ матии дардни,
Мати мгонеби атцъ гуло дадни
Аръ гаквсъ тцамали мамбрунебели!

Ой, витаръ всткви гансактомели, Чемисъ сицоцулисъ дамамхобели!

Зогии дахнарна твистъ пислита, Зогии дайнтко аръ вниъ у шлида, Мецъ медзіа бедитъ чемита Маттвисъ цецхлита аръ мзвамсъ нелита Винцъ арисъ чеми мацоцхлебели.

Ой, витаръ всткви гансактомели, Чемисъ сицоцхлисъ дамамиробели!

Гушагни мравладъ чемтвисъ мцвелобенъ, Слва да схви азритъ гвеледъ тжрелобенъ, Аръ мцеменъ нугешсъ исцранладъ мтзхралобенъ,

Матти махвилик гулса мжрелобенъ, Квлавъ схвани мовленъ садгуръ цвлилобенъ Мумунварисъ гулисъ дамихрулебелни.

Ой, витаръ всткви гансактомели, Чемисъ сицоцхлисъ дамамиробели!

№ 2-й. Изъ стих. кн. Акакія Цертели «Чемот аво».

Чемо таво беди аръ гицеріа,
Чемо гуло грзнобитъ аръ гидгеріа,
Чемо чанго ешхитъ аръ гидгеріа,
Радганъ вхедавъ сатрио чеми мтеріа.
Витъ джоджохетсъ марадъ гулитъ ватаребъ,
Росъ мартоваръ тавсъ мамаквдавсъ вадаребъ,
Да ту халхши варъ дзалад грубелсъ вадаребъ,
Да моцкенитъ чемзедъ мтерсъ аръ вахаребъ.
Ромъ—ара сткванъ чемзедъ, ра охеріа!
Чемо таво беди аръ гидзеріа!

№ 1. Пѣснь царевны Кетеваны.

О, какъ тяжко мив словонъ выразить Все, что вынесло сердце бъдное! *)

Тучей съвера горы родины Тънью мрачною ужъ окутаны; Мъста чудпыя, красотъ полныя, Бурей грозною вы загублены!

Розы пышныя и дупистыя Оть земли родной вы оторваны! Ливень силою безпощадною Затонилъ поля милой родины.

Отъ тебя вдали, о, мой край родной, Я томлюсь въ тоскъ и скорблю дущой! Доля горькая — жизнь невольная, Жизнь печальная, одинокая!

Тиготитъ меня ръчи льстивыя И внаманіе стражи бдительной, Но ии слова мит въ утъпеніе... И надежды нътъ на спасеніе!

О, природа - мать всемогущая, Сила Божія вездъсущая, О, зачъмъ меня пощадили вы, Громомъ, молніей пе сразили вы!

№ 2. Стихотв. Кн. Акакія Церетели.

И не рожденъ подъ счастливой звъздой... Сердцу не въдать блаженства любви. Не звучи, лира, косторженной мольбой-Милая, врагъ мой... скорблю я душой, Что не рожденъ подъ счастливой звъздой. Жизнь для меня лишь мученіе, — адъ... Чуждъ для всёхъ я и никто мив не радъ. Молодъ автами, но старъ я душой, И не рожденъ подъ счастливой звъздой. Наединъ съ собой страшно томлюсь, А лишь въ средъ людей - всъхъ сторонюсь, Чтобъ не сказали: «песчастный какой, Онъ не рожденъ подъ счастливой звъздой!> Еслибъ надежда хоть на мигъ одинъ Миъ носудила восторги любви, Я бы не вынесъ блаженства счастья, -Слишкомъ усталь я, страдая, любить! Смерти желанной съ восторгомъ я жду, -Можетъ за гробомъ покой я найду. Мимо могилы она хоть пройдеть, -На прахъ несчастный слеза унадетъ! Люди хоть скажуть, взглянувь на нее:

^{*)} Повторлется посав каждаго куплета.

Рагасъ вели? Дро арсъ ганкресъ имеди, Апрасъ маргебсъ гиндъ мецвіосъ ацбеди? Дамцвариъ варъ исе рогорцъ абеди. Самарискен нехи гамишверіа, Чемо таво беди аръ гицеріа! Давудзлурди, ганкра гижи оцнеба, Нагвліанадъ чемсъ тавзедъ мецинеба. Ла гмертса втховъ, гмерто момеци неба. Ромъ мегирсосъ сандавши дадзинеба. Уида ганкресъ каци, радганцъ мтверіа, Чемо таво беди аръ гицеріа! Амъ севдистанъ сиквдилманъ даминаросъ, Ромъ амъ гулзедъ ме мидза дамекаросъ, Егебъ машинъ икъ сатрбомъ гамајаросъ Чемсъ сандавзедъ цремли чанокаросъ. Да халхма сткванъ дахетра мдзухореа, Чемо таво беди аръ гицеріа! Агара агвсъ боло амчемса - танчваса, Аръ винъ мадзлевсъ сапутешодъ дзмурадъ хелсъ,

Чемсъ шарбатии нагвелса вчвретъ. Вардши гвелсъ, Миствисъ вдихевли да вемдури амъ сопелсъ, Ромлисганацъ ме гзеби амеріа. Чемо таво беди аръ гидзеріа!

№ 3 й. Старинная пѣсня "Шентанъ арсъ гули".

Шентанъ арсъ гули, мнатобо, викосъ сад гина, Гина висъ вчвретде, мнатобо, шенъ мидгъ твалъ

Анъ ме витъ аръ мчирдес,

Шенсъ мтробс

Есред тмоба?
Ан шенъ ратъ гиквирдесъ
Чемсъ мциобсъ
Чемзедъ есъ грзноба!
Одесъ гимили, мнатобо, гангипобс

()десъ гимили, мнатобо, гангипобсъ далта, Маргалитдъ мчвретелтъ мнатобо, вешурви твалта.

Ан ме витъ аръ мипрдесъ.

и т. д.

Росъ саросъ рхева, мнатобо, тцармомидгебисъ, Цноба, мелева, мнатобо, охра хширдебисъ. Ан ме витъ аръ мчирдесъ.

И Т. Д.

U десъ хма нази, миатобо, сцвовсъ хсовиндъ инкрса,

Витхви: вай курса, мнатобо аръ исменса мисса Ан ме витъ аръ мчирдесъ.

и т. д.

Бролисъ ницриса, мнатобо, махелебсъ хсовна, Момкла дзебнама, мнатобо, Да садъ арсъ повна?

Ан ме витъ аръ миирдесъ.

и т. д.

Аца ркви игробидсъ, мнатобо, Ту раса гхвелри? «Бъдная плачеть, — любила его!»

Нътъ мив отрады, — не милъ мив весь свътъ...

Въ розахъ отрава и горекъ шербетъ.

Какъ не роптатъ мив надъ злою судъбой?

№ 3 (Слова неизвъстнаго автора).

Я не рожденъ подъ счастанкой звъздой!

Съ тобою сердцемъ, милая, Съ тобою я душой! *) Твой свътлый образъ носится Повсюду предо мной! Не въ силахъ разлюбить тебя, Влаженство ты мое! Зачёмъ ты удивляешься Безумью моему? Люблю рубины губъ твоихъ, Жемчужины зубовъ; Любию ульбых милую, Въ ней счастье и любовь! Не въ силахъ разлюбить тебя, Блаженство ты мое! Зачвиъ ты удиваяенься Безумью моему? А станъ твой дегкій, милая, Онъ тополи стройнъй! Услышу-ль голось ласковый, Люблю еще сильный! Не въ силахъ совладать съ собой, Я страсти не скрываю! Безумно я люблю тебя, О, сжалься умоляю! А очи, полныя огня, Блаженство мит сулягъ... И чары ихъ волшебныя, О, всъхъ къ себъ манятъ! Не въ силахъ разлюбить теби, Блаженство ты мое! Зачвив ты удивляенься Безумью моему? Скажи мив слово хоть одно. О, сжалься надо мной!... Развъй сомнъныя, милая, Павненнаго тобой. Не въ сплахъ совладать съ собой И страсть и не скрываю-Безумно и люблю тебя,

№ 4. "Элегія" стихот. Кн. Ил. Чавчавадзе.

О, сжалься умоляю!

Серебро луны нёжно стелется На поля, сады милой родины. Полоса сиёговъ отдаленныхъ горъ Въ синеве небесъ чутъ бълется. Звуки замерли—тишина кругомъ,

^{*)} Вторая строка мовторяется.

Сурвияса мисса, мнатобо,
Веръ ерчисъ хведри...
Ан ме витаръ мчирдесъ.
(И т. д. повторен. четв. ст.).

№ 4-й. Изъстих. кн. Ил. Чавчавадзе. "Элегія".

Мкртали натели савсе мтвариса Мшобелъ квеханасъ зедъ моненода, Да тетри золи шорисъ мтебиса Лажвардъ сиврцени дайнткебода.

Арсанданъ хма, арсадъ дзахили! Мшобели мпобилсъ арасъ метхода. Зогджерки танджвитъ амодзахили Картвелсъ дзилшіа квиеса исмода.

Видегъ мартока, да мтебисъ чрдили Квлавъ-гемъ квехиисъ-дзилсъ еалерсеба. Охъ, гмерто чемо! сулъ дзили, дзили, Росъ гвехирсеба чвенъ гахвидцеба!

№ 5-й. Кинтоури... Уличная пѣснь.

Мшвеніери варъ бала, бала квела калебши, Да газдили варъ бала, бала пенціонебши, Убедури варъ бала, бала дедмамисъ хелии, Эхъ витанчеби бала, бала данишнулебши! Шенъ мама чемо бала, бала танъ ра цамге? Эсъ чеми цодва бала, бала риствисъ цанге? Роца гехведзе бала, бала аръ гаматхове, Шашацъ хелидамъ бала, бала аръ гаминрине?

6. Народная колыбельная пѣсня.

Иавъ напа, вардо нано, Павнанинао! Иаса вкребъ, вардса вконовъ. Иавианинао. Шенсъ акванса авахвавебъ Вардонанинао. Мавъ нана, вардонана, Навнаницао. Акъ батонеби мобзандпенъ, Навнанинао. Мобдзандненъ, моенинено, Вардонанинао. Навъ нана, вардонано, Навнани пао. Швиди да дзмани мобдзаиднен, Навнапинао. Швидъ сопелсъ моеппнено Вардонанинао. Швиди карави дасцесо Навианинао. Иавъ нана, вардонана, Иавнани нао. Швиди карависъ калтаса Илвнани ао.

И заспуло все пепробуднымъ сномъ... Лишь порою сонъ нарушается, —
То отчизны стонъ вырывается! И безмолвствую, тъни дальныхъ горъ Нъжатъ ласкою твой, отчизна, сонъ. Боже, сонъ разсъй, пошли свътъ дневной. Пробуди скоръй ты нашъ край родной!

№ 5. Уличная пѣсня.

Въ пансіонъ я училась...
О, бала, бала. *)
Межъ подругъ красой сіяла...
Но мнъ счастье измъпило...
Друга милаго лишило...
О, отецъ ты мой жестокій...
Загубилъ зачъмъ меня ты?..
Не позволилъ съ пимъ вънчаться!..
Ужъ мнъ съ другомъ не встръчаться!..
Гдъ-жъ ты милый, гдъ прекрасный?...
Улетълъ мой соколъ ясный!..

Несмотря на драматичность сюжета, эта пъсня выражена въ шуточной формъ. Слагалась она устно на улицъ, и авторами ея являются Кинто (разнощики плодовъ).

№ 6. Колыбельная пѣсня, съ народнымъ текстомъ.

Спите, фіалки, спите, розы, Баюшки баю. **) Спи дитя, мое родное... Розы, фіалки, собираю, Колыбельку укращаю, Спите, фіалки, спите, розы, въ намъ пріжхали вельможи, II малютку навъстили. Семь сестеръ и семь братьевъ, Колыбельку окружили. Сппте, фіалки, сппте, розы. Семь палатокъ златотканныхъ. Деревень семь окружають. Вст цвточки собирають. И палатки укращають. Синте, фіалки, спите, розы.

Эта пъсия поется во время сыпныхъ боявлей: въ Грузін издавна существуетъ повърье, что эти болъзни запосятся въ домъ ангелами, которыхъ въ этой пъснъ величаютъ вельможами; чтобъ ихъ умилостивить, комнату, въ которой лежитъ больной, укращаютъ цвътами, вокругъ развъшиваютъ яркія ткани, на столикъ ставятъ подносы со сладостями; изъ боязии, чтобъ ангелы не обожглись, къ больному не подносятъ ничего горячаго. Всъ стараются быть веселыми и распъваютъ пъсни.

^{*)} Повторяется послі каждой строки **) Повторяется послі каждой строки.

На ди варди ениносъ, Навианинао. Навъ нана, вардонана, Навианинао!

№ 7. Народная мелодія.

Нетаръ момца неба шени
Сиквдиламдинъ мамоново
Да митъ сиквдили гамиадиило
Да сиквдиламдинъ мамоново.
Содержаніє: Рабомъ твоимъ холу я быть, и
у ногъ твоихъ бы умереть.

№ 8. "Ортавъ—". Слова въ духѣ персидскихъ пѣсенъ.

Ортавъ-твалисъ синатлевъ? Разедъ могицхеніа? Бнелсъ взиваръ ганминате. Спнамъ дрони піспіа.

Вардо шенъ шласъ мовели. Ситква максъ сатховнели, Екалзедъ варъ минтомели, Цхаре премли мденіа.

Равкна! шентанъ конна мсурсъ. Мшвилта царбта коцна мсурсъ, Дге-гамшени коцна мсурсъ, Схвапривъ нура ггоніа.

Гаченилхаръ сацвеладъ, Чемъ гулисъ дасадзвеладъ; Мтелъ гамитъ атасджера Шенсъ карсъ гамитеніа?

Пу мадвлевъ цудса бедса. Пурцъ тхуйлса имедса, Арасъ гтховъ амисъ метса Мкмарисъ есоденіа!

Пенъ дге гивсинсъ, ме гаме. Есъ танджва риствисъ маме? Гамо ерти хма гема Квиритъ швиди дгеніа!

Схва рацъ гитхаръ гамиге, Квдари гули мамиге, Махени ну дамиге, Гадии гцамсъ зенія.

Гавлитъ салами маме, Ой, гнатрулобъ алами, Хелтъ мичирамсъ калами, Кеба дамиминеніа.

№ 9-ый. Застольная пѣснь. Изъ стиховъ кн. Ал. Чавчавадзе.

Лотебо петав — вена аріалали! Чвенъ могиеца півеба ахена таріалалі!

№ 7. (Слова неизвѣстнаго автора и записаны неполностью).

Рабомъ твоимъ хочу я быть, У ногъ твоихъ бы умереть!

№ 8. (Слова неизвъстнаго автора).

О, свётлый лучь монхь очей, Зачёмь печаль мутить твой взорь? Разсёй ты мракь души моей— Отвёть любовью на любовь!

Жду, роза, твоего расцевта, Хочу сказать тебт «любаю!» Но я боюсь шиповъ привъта— И молча слезы горько лью!

Хотвль бы ввчно быть сь тобою, Тебя лишь нъжить и ласкать. Молю, о сжалься надо мною, 110зволь хоть разъ тебя обнять!

Ты рождена для наслажденій, Для пъги, ласки и любви! И въ сладкихъ грезахъ, въ сновидъньяхъ,.. И всюду вижу образъ твой!

Всю ночь у твоего окна я Въ бреду безумномъ простоялъ И сонь твой сладкій охраняя, Твоей лишь ласки ожидаль!

Скажи хоть слово въ утъшенье, Падеждой ложной не терзай... И какъ раба, изъ сожалънья, Единымъ словомъ приласкай!

Чтобъ облегчить мож мученья, Свою я леру въ руки взяль; И въ сладкихъ звукахъ итсноитьнья Тебъ всю душу изливаль!

№ 9. "Застольная пѣснь" стих. Кн. Ал. Чавчавадзе.

О, друзья, какое счастье—
Аріалали*).
Часъ насталъ для насъ веселья,
Таріалали.
И марани **) мы освътимъ,
Аріалали.
Будемъ нить и веселиться,
Таріалали.
Ной впервые лишь вкусилъ,
Аріалали.

**) Марапи -- випный полвалъ.

^{*) &}quot;Аріалали" и "Таріалали"— непереводимый принівь.

Мовнахотъ минисъ парани аріалали!
Мовдзебнотъ гвинисъ марани таріалали!
Ноемъ ро пирвладь ихила аріалали!
Курдзнисъ цвенисъ гемовнеба таріалали!
Титонъ нунуасъ миужда аріалали!
Цхали пирутквсъ мнутева таріалали!
Машъ модитъ исевъ гвинита аріалали!
Дро гаватаротъ лхинита таріалали!
Въ этой пъсив нъкоторые куплеты пропущены.

№ 10-ый. Старинная пѣснь.

Бундованъ гулса шенъ агмичнди, дарада. Ацаруцки ратъ гамдзире, дарада Дахсенъ чеми сицоцклиса кавшири. Сиквдили чеми гчансъ чаладъ дарада. Тави чеми твитъ шемогдзире шендаме, Нацвладъ танджва гулсъ махвили шенъ даме. Укадрисисъ щевисатвисъ магвриса Мгонебъдзарвдгетъ ганкатхвисъ дгесъ шендаме.

Севда шени чематъ мквидробсъ асера. Манъ глахъ гули дамицкрула асера. Ратъ маманкаръ мрисханебис патижни Ра шегиоде, ра гацхине асера?

№ 11-ый. Народная мелодія.

А! Сахварело премлса чемса Рось мингебъ сабралуладъ Манугешебъ мире ситквитъ Мкондесъ одесъ шенеуладъ. Содержаніе: «О! сжалься надъ монин ты слезами, скажи хоть слово въ утъшенье!»

№ 12-ый. Стих. кн. Ник. Баратова. "Суло борото".

Суло борото винъ могихмо чемадъ цинадзгвратъ.
Чемисъ гонебисъ да сицоххлисъ шен агмашпотрадъ
Маркви ра ухавъ садъ цариге сулисъ швидоба,
Риствисъ мамикалъ кмацвили брма сарцмуноеба.
Амасъ укадди чемсъ цховребасъ кмацвилкацобасъ,

Титкосъ мадзлевди аматсхотави суплебасъ Танджвита шорисъ сіамета дамисахавди, Да твитъ джоджохетсъ самотхета гардамик-

Маркви раикменъ саквирвели есе агткани. Радъ момихибле агмиріе црпелни зрахвани? Суло агминото минасухе нуималеби, Ратомъ гацудда дзали шени момджадоеби? Сладость сока винограда—
Таріалали.
Сразу поняль и постигь,
Аріалали.
Что въ винъ души отрада.
Таріалали.
Пейте-жъ, братья, веселитесь,
Аріалали.
Лишь въ винъ найдемъ забвенье.
Таріалали!

№ 10. (Слова неизвъстнаго автора).

Жизнь мон полна печали... Ты одна мой свътлый лучь. Взглянеть—сердцу веселье, Солнце выйдеть изъ-за тучь.

Но и ты мив измвнила, Обрекла на смерть меня. Жизни нить ты оборвала, Сердце вырвала шутя.

За жестокость такую Ты отвътишь мит душой, И самъ Богъ, Судья верховный, Пусть разсудить насъ съ тобой.

№ 11. (Слова неизвъстнаго автора).

О, сжалься надъ моимъ страданьемъ— Скажи хоть слово въ утъщенье!

№ 12. "Злой геній" стих. Кн. Н. Баратова.

О, къмъ ты призванъ, духъ зла и сомнънья, Зачъмъ терзаешь ты меня? Взамънъ любви, — грезъ сладкихъ упоенья, Въ борьбъ томлюсь я, жизнь кляня Еще недавно ты, какъ добрый геній, Блаженство рая мнъ сулилъ; Теперь и молодость, и радость жизни Сомнънья ядомъ отравилъ. Зачъмъ нарушилъ данную мнъ клятву, Зачъмъ разсъялъ ты міръ свътлыхъ грезъ,

Всю сладость жизни ты куда унесъ?
О, духъ мятежный, не скрывайся,
Молю тебя отвътить миъ!
Гдъ чаръ твоихъ волшебныхъ сила,
Гдъ свътлый образъ прошлыхъ дней?

Зачемь убиль во мне надежду, веру,

№1. НАРОДНАЯ МЕЛОДІЯ. Նեեւախո სიმდერა

№ 6. НАРОДНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСНЯ. оъзбъбъ

Nº 7. НАРОДНАЯ МЕЛОДІЯ. Նടിഴേത്ര പരിതുര്ട

Nº 8. НАРОДНАЯ МЕЛОДІЯ. പ്രിക്കുന്ന പ്രിക്കുന്നു

Nº 10. НАРОДНАЯ МЕЛОДІЯ. სംവട്ടെയ്ന പരിതുര്ട

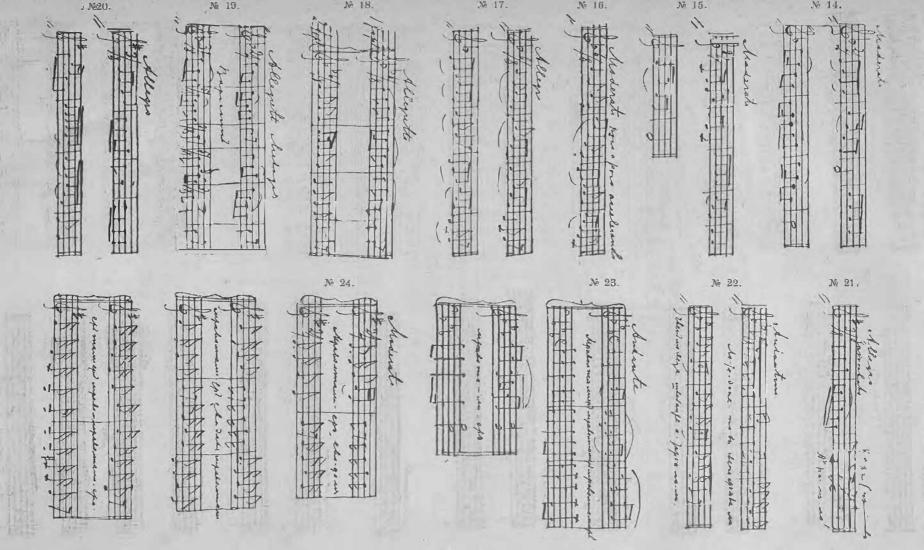

Вырождающееся общество.

1.

Вы поминте, какую ожесточенную междоусобную нойну ведуть въ геніальной русской комедін два героя, представители различныхъ правственныхъ и общественныхъ воззрѣпій. Эти люди, кажется, самой природой созданы для взанинаго отрицанія. Разъ какой-инбудь предметь возбуждаеть сочувствіе одного, можно заранѣе предсказать отвращеніе къ нему другого.

Но и у этихъ непримиримыхъ борцовъ, есть одна общая цъъ для нападеній. И Фамусовъ и Чацкій, каждый по своему, возмущаются россійской галломаніей. Одниъ ворчитъ на Кузнецкій Мость, поставляющій французскія моды и книги,—другой до глубины души возмущенъ восторгами княженъ предъ французской культурой вообще. Очевидно, галломанія должна была захватить обширитйшіе п разнообразнійшіе круги русскаго общества, чтобы вызвать такой единодушный гитьвъ у двухъ поколіній.

И, что любонытнъе всего, — подобныя сцены могь написать ръпительно всякій европеець. Не было страны, гдт бы французскія книжки и моды пе вызываля слъного обожанія, гдт бы франть, одътый вы парыжскій востюмь, не считался самымы законнымы дтищемы міровой цивилизаціи. Вы прошломы въкъ основатели стверо американской республики заявляли, что у каждаго просвыщеннаго человъка два отечества — одно природяюе и другое пе менте близкое и цтиое — Франція. Это говорилось такими людьми, какъ Франклинъ

и Джефферсонъ. Одновременно та же мысль на языкъ нашихъ Иванушекъ принимала комическую форму, — въ родъ того, что душа образованняго русскаго принадлежитъ странъ французской, хотя тъло и родилось въ Россіи. По существу Иванушки являлись отнюдь не чудовищными безпримърно-глупыми оригиналами, а только слишкомъ яркой каррикатурой на явленіе безусловно серьезное, оставившее неизгладимый слъдъ во всемірной исторіи.

Съ того времени минуло болъе ста лътъ, — по слъдъ этотъ отнюдь не изгладвлся, не превратился въ восноминание далекаго прошлаго. Франція попрежнему влечеть въ себъ всеобщій интересъ, по прежнему сотни тысячь ея литературныхъ произведеній ежегодяю разлетаются во всъ концы и случается даже, что ея писатели пріобрътають среди чужихъ народовъ болъе широкую и устойчивую популярность, чъмъ у себя дома, паходять на чужбинъ въ нолномъ смыслъ свое новое отечество. И это всъмъ кажется совершенно естественнымъ. Дъйствовать на французской сценъ—значитъ давать спектакль для всего цивализованнаго міра.

Такъ было двъсти лъть тому назадъ, такъ остается и до сихъ поръ. Но это только витиняя сторона факта, — его внутрений смыслъ исчезъ безслъдно. Мірь попрежнему жадио прислушивается и присматринается къ роскошной, необыкновенно измънчивой жизни, — но у зрителей поднимаются при этомъ зрълищъ совершенно другія чувства, чъмъ восторженное настроеніе американскихъ республиканцевъ. И вина не въ зрителяхъ, а въ герояхъ. Въ много-

въковой міровой столицъ сцены и дъйствующія лица перемънились до неузнаваемости.

Не проходить года, чтобы газеты не разпесли во всв страны свъта удивительных въстей о «міровой столиць» и ея герояхъ. Будто какой злой геній, ръшивній отомстить великому народу за его славное прошлое, неустанно пишеть его современную исторію все болье и болье мрачными чертами. Безпощадный лътописець хорошить одного за другимъ сильнъйнихъ людей, развънчиваеть славиъйніи дела, забрасываеть грязью падежпъйшія репутаціи. И что особенно ужасно хоронить своихъ мертвецовъ не на кладбищахъ, посль естественной смерти, а зарываеть ихъ заживо, въ ныли безславнаго, часто ностыднаго забвенія.

Припоминте исторію Францін за посліднія десять літь: это рядь протоколовь настоящаго уголовнаго суднянща. Что не имя—то клеймо грижданскиго нозора, чаще всего совершеню неожиданно, съ молнісносной быстротой
унавшаго на человічка, еще вчера ночтеннаго
и недосягаемаго, казалось бы, даже для милітійнихь подозрітній.

Мы не станемъ называть этихъ именъ. Они въ намяти каждаго читателя. Еще вчера только ему разсказывали на всъ лады біографію какого-нибудь Клемансо, даже дътей знакомили съ оригинальными чертами характера и жизни Лессенса, а сегодия на мъстъ этихъ именъ несмываемыя черныя нятна, и завтра они окончательно исчезнутъ со столбцовъ газетъ, потому что, но не совсъмъ справедливому правилу, — de mortuis aut bene aut minil...

Именно о подобныхъ «мертведахъ» и слъдовало бы говорить особенно много и особенно серьсзио. Тъмъ болъе, что галлерея ихъ увеличвается чуть ли не съ каждымъ днемъ и скоро, повидимому, исчезиетъ всякій интересъ гоморать о живыхъ слишкомъ старыхъ и слишкомъ пензвъстныхъ пезнакомцахъ.

Въ самой Францін, по крайней мъръ въ ея напболье процвътающей и распространенной литературъ, не любятъ разговоровъ о вчераннемъ див, особенно если онъ былъ тяжелымъ диемъ, т.-е. нелестяымъ для національнаго самолюбія. На что ужъ кажется эффективе « панамскаго предстанленія»: такохъ soirées не заномвитъ даже вторая имперія,— а между тъмъ десятокъ страницъ хровики въ самомъ толстомъ политическомъ журналь,— и l'incident est clos, вопросъ исчернанъ.

Не пройдеть года, — кулисы общественной димпельности других артистовь откроются и публика снова будеть присутствовать при экстренномь спентакай на тему хищничества, общана или шаптажа. Но для общественного сознанія результаты останутся тёже. Съ политической шахматной доски псчезнуть ий-

которыя фигуры, ихъ замвиять другія, факты отмвтить съ большимь шумонь и громомь враш и друзья,—но по существу процессь игры не измвинтся. И богъ ввсть,— сколько еще подобныхъ пьесъ таится въ репертуарть богиш Кліо, давно уже по ныпвинины временамъ утративней свою былую всличавую, аштичую поступь и важвую божественную ръчь смънвией на соблазинтельные жесты и бравурныя аріп своей самой легкомысленной сестрицы

Физіономія Олимпа, вѣдь, какъ извѣстно, мѣняется въ зависимости отъ погоды, царствующей на землѣ, —п элинскіе веселые, но въ сильной степени напвные боги несомивнио щеголяють въ новѣйшихъ французскихъ модахъ, успѣли и свои вкусы преобразовать согласно съ человѣческими ублеченіями. Аполопъ свою царственную роль уступилъ Меркурію, — и это, ножалуії, справедливо: въ распоряженіи златокудраго отца поэтовъ остались почти исключительно декаденты и нодобная имъ худосочная и умственно-разслабленная мелочь, а Меркурій завладѣлъ одинаково успъшно, правдой и поэзіей современной жизин.

Въ виду такого, далеко не обычнаго сліянія, предъ ими въ высшей степени трогательное единодуніе писателей и дъятелей. Когда-то литераторы имъли дерзость мечтать о воздъйствін на дъйствительность, являлись проповъдшками, сатириками, стремились бичевать в вдохновлять. Въ наше время задача стала несравненно проще. У жизни и литературы одна и та же муза, и у нихь пъть никакихъ основаній пренираться и чувствовать педовольство другь къ другу. Оны работають на одной и той же «нивъ».

Героп дають представленія въ родѣ панамы, а инсатели-натуралисты покорно и съ полной готовностью возводять лица и событія въ нерлъ созданія. Для современнаго писатела требуется только факть, — этого вполиѣ достаточно для романа, драмы, комедін, поэлы.

Такъ же относится къжизни и французская публицистики—въ самыхъ распространенныхъ политическихъ органахъ. Если публицистъ принадлежитъ къ парти панамиста, — опъ становится на трибуну адвоката и топитъ всю мерзостъ фактавъ чудныхъ реторическихъ фразахъ, искони составлиощихъ честь и славу французской ръчи. Если публицистъ изъвраждебиаго лагеря, — онъ подвергаетъ фактъ жестокому порицанию, но съ совершенно другой точки зрънія, чъмъ вы могли бы ожидать.

Папамисть — преступникь не потому, что ограбизь милліоны своихъ сограждань, а потому, что онъ ис той политической въры, какую исповъдуеть журнальный Катонь. Хищникъ— республиканень, а его судья — бонапартисть: Inde irae. Будь оба господина одного прихода, — были бы и другія рѣчи.

Третій сорть наблюдателей самый спокойный и джентльменскій. Нам'ь приходилось говорить о них'ь по новоду Монассана. Талантлив'ь йній инсатель задыхалси въ атмосфер'ь fin de siècle'я, всю жизнь, за исключеніемъ кратковременных в перерывовъ, переживалъ настоящую правственную агонію, и въ результат своимъ творчествомъ произнесъ приговоръ р'єшительно всему, что только и даетъ челов'єку сплы жить, выносить жизнь, — приговоръ мысли, циввлизацій, поззіп, какому бы то ин было идеальному чувству.

И читатели не могли не видъть этой страшной драмы, доведней, наконецъ, свою жертву до безумін. И читатели видъли и понимали, по отнеслиськъ факту совершенно какъ относится, випримъръ, улачные ротозъи къ уличнымъ происшествимъ. Мы не героп и не мученики, говорили и продолжаютъ говорить поклонники Монассана. Мы должны брать жизнь какая она есть, не разстроивать себи и не нарушать чужого спокойствія. А то, что монассанъ—безнадежный пессимистъ и сталъ таковымъ именно среди насъ, — это его несчастье и гръхъ. Противъ стахій безумно возставать и роль морамиста и проновъдника — одна изъ самыхъ смънныхъ и безифльныхъ.

Въ такихъ выраженіяхъ, мы вид вли, современный французскій критикъ высказаль модную мораль. И высказаль безъ мал бішаго колебанія и самолюбія, не теряя способности эстетически наслаждаться самыми мрачными— по иде в про изведеніями Монассана.

При таких условіяхъ, очевидио, совершенно естественно побъдопосное шествіе дъятелей въ родъ названныхъ выше. Именно ихъ дъятельность и даетъ особенно благодарным темы для натуральной школы. Во что бы превратились литературныя вожделъній Зола, если бы Парижъ вдругъ очистился отъ Нана и ихъ нокровителей? Развъ можно было бы осуществлять принцины общественной физіологіи, какъ ее понимаетъ знаменитый романистъ, если бы общество сколько инбудь поднялось надъ чисто животными инстинктами и страстями?

Оченидно, — ивть. И было бы странно, ес. ли бы литература возстала на самый источникъ своего существованія, задумала очистить воздухъ, міазмами котораго она питается. И не только питается, а собираетъ, кром'в того, еще обильную дань милліонами франковъ. Спросите у Зола, что бы ему выгодиве было сдвлать— наиксать еще такой романъ какъ Nana или десятокъ Réve? Въ отв'ятъ онъ вамъ представить счеть, и вы усмотрите, что Nana—дала автору цвлое состояніе, а скромная пов'всть едва не лискредитпровала его славы.

Счета Золя пастолько краспорачивы, что пезависимо отъ какихъ бы то пи было теорій и принциповъ могли смутить кого угодно. Въ послъдователять недостатка не оказалось, — и авторъ *Nana* могъ фактически парадировать въ роли поваго литературнаго патріарха и смъло говорить о школъ, паъ открытой, утвержденной и прославленной.

Но среди тріумфа произонию начто совершенно неожиданное. Насколько молодых в писателей, признавших в своимъ главою Золя, вдругъ подняли бунтъ и образовали расколъ. Влижайшимъ поводомъ послужилъ романъ La terre, возмутивній совъсть учениковъ, еще не усибыняхь закалиться въ натурализив. Въ газетахъ ноявился протестъ, подписанный мало извъстными именами. Надъ нимъ свободно могъ подсмънваться натріархъ, —но одному изъ этихъ именъ суждено было въ теченіе пъсколькихъ лътъ стать знаменитымъ и грозить весьма ръшительной конкуренціей самому Зола.

Это ими- Марсель Прево.

Писатель вышель изъ ибдръ натурализма, воспетанъ и обвъниъ духомъ современнаго Парижа. Всъ данныя — оставаться върпымъ Гомеромъ откровенныхъ эпоней, безпрестанно шумящихъ на сценъ міровыхъскандаловъ. Никакого основанія — виосить разладъ, сатирическое настроеніе въ благоденствующую буржуззиую массу, завъдомую данницу всякаго золанзма — крупнаго и мелкаго, къ кингъ и на сценъ. И Марсель Прево сначала шелъ проторенной дорожкой, хотя далеко не во всемъ оставансь върнымъ послъдователемъ учителя.

Русской публикъ извъстны, напримъръ, его Письма эсенщинг. Въ художественномъ отношенін опп во многомъ отличаются оть произведеній Зола. Пріемы ея автора несравненно мягче, изищиве, граціозиве. Онъ дъйствительно рисуетъ кистыо настоящаго живописца, а не орудуеть мазкомъ тенденціознаго, хотя и очень ловнаго ремесленинка. Его геропны не окружаетъ пензивнияя крайне наркотическая атиосфера грубъйшихъ чувственныхъ вождельвій. Правда, - это также исключительно невърныя жены и легкомысленный д'явицы, - но кровь ихъ не пспорчена до предбловъ неизлимаго бъщенства. Онъ сохранили инстинктъ женственности п невольнаго отвращения къ животнымъ наслагкденіямъ.

Авторъ, очевидно, инсалъ вовсе не затъмъ, чтобы дъйствовать на своихъ читателей и читательницъ въ извъстномъ направления, а чтобы дъйствительно открыть имъ глаза на современное общество. На первомъ планъ стояли не внечатлънія праздной пресыщенной публики, а совершенно серьезная литературно-общественная цъль. Уже одинъ этотъ фактъ создавалъ пълую пропасть между Прево и расовыми натуралистами.

Письма пивля громадный успехъ. Но они были только началомъ авторской дёятельности. Онъ быстро пислъ впередъ и все дальше укло-

пялся отъ путей своего бывшаго учителя. Прево задумаль исно и открыто показать свою тенденцію, давно осм'ванную современной французской критикой, задумаль вложить въ свои произведеній правственный, поучительный элементь, центръ читательскаго интереса перенести съ фактовъ на ихъ смыслъ, заставить публику подумать о судьб'я, о педалекомъ будущемъ общества, дающаго писателю подобный фактическій матерьялъ.

Это было необыкновенно смёлымъ и рискованнымъ предпрінтіемъ, -- уже нотому, что опо снова облекало писатсля въ тогу общественнаго оратора, проповёдника, т. с. возобновляло нанивныя и на повъйний взглядъ въ нысшей стенени забавныя преданія просвётительной литературы прошлаго въка. Вынолнить подобную задачу съ усивхомъ могъ только инсатель несомившаго замёчательнаго таланта. И Прено достигъ цёли, издалъ романт, гнаменующій настоящій поворотъ въ современной французской литературѣ.

Романъ изивстенъ русской публикъ и по имени и по содержанию, — это — Les demi-vierges. Заглавіе такое пикантное и интригующее,
что періодическая печать всёхъ странъ не замедледи дать отчеты о повомъ произведеній Прево.
Но во всёхъ отчетахъ, насколько намъ извъстно,
на первомъ иланъ стоитъ именно пикантность
содержанія и поваго термина. Опо заслопило
собой главиъйшія характерныя черты романа,
совершенно исключительныя по своему правственному и общественному сялыслу.

Этихъ чертъ ивсколько.

Мы внервые встръчаемъ моднаго французскиго писателя, искрение и глубоко больющаго о нечальномъ состонній современнаго общества, изображающаго это состояние не ради безлетристического интереса, а ради принципа: Саreant consoles!.. Мы узнаемъ, въ какой средъ вырабатываются дъятели, изъгодивъ годъ позоряще великую націю, кикая почва производить сорныя травы, заглушающія высокіе принципы въ личной и политической жизии граждань третьей республики. Романь бросаетъ свътъ въ темиую лабораторио, откуда по временамъ вырываются гиплыя испаренія и опутывають навсегда самыя блестящія имена нащихъ современниковъ. И все это воспроизводится предъ нами не по обычной витуралистической манер'в, - протокольно-безстрастно и анитомически-точно. Пъть. Авторъ не въ силахъ устранить со сцены своего романа свою личность, какъ члена извъстнаго общества, гражданина извъстной страны.

Мы на каждой страницѣ ощущаемъ тренетъ напряженныхъ нервокъ писателя. Видимъ непрерывную пить его думъ: она то исчезаетъ подъгустымъ слоемъ событій и сценъ, то будто невольно рвется наружу и ноплощается въ ли-

рическихъ излінніяхъ, переполненныхъличнымъ чувствомъ.

Авторъ живетъ съ своими героями. Онъ также герой своего романа и до конца остается имъ, отноль не внадая въ тенденціозную мораль и нахойливое пропов'ядничество. Это величайній подвить писателя-художника: слять поэзію своей дуни съ правдой вижиней дъйствительности,— и онъ удаетси Прево.

Мы и начиемъ свою бестду о романъ-характеристикой самого автора, точиће - его отногиснія къ изображаемому обществу. Предыдущія произведенія Прево въ этомъ смыслі да Bash Maso Materiasa. Les demis-vierges -- Bo3паграждаютъ пасъ сторицею. Будущій ценитель исси инсательской д'вятельности Прево долженъ ноставить этотъ раманъ по главъ своего изследованія. Только укоренившаяся привычка — ждать отъ современныхъ французскихъ авторовъ непремънно сепсаціонныхъ откровенностей на счеть всевозможныхъ betes-humaines — могла закрыть глаза читателей на совершенно новый духъ, проникающій романъ Прево. Впрочемъ, отчасти, можетъ быть, виповать и самь авторъ, давній такое необыкповеннос название своему произведению, - въ то нреми, когда *полиди вственици* въ сущности тольно изместраціи для другихъ несравненно болке важныхъ мотивовъ ромина.

П.

Прево воспользовался очень простымъ и давно извъстнымъ средствомъ, чтобы высказать въ романъ свои убъждени и взгляды. Опъ взяль героя, напоминающаго отчасти резонеровъ старинныхъ комедій, Стародумовъ нашей сцены. У новаго автора пріемъ, конечно, вышелъ не столь грубымъ и преднамъреннымъ. Его Стародумъ отнюдь не совершенство въ смысат зичныхъ и общественныхъ доблестей. Онъ плотые и кровые принадлежитъ къ окружающему его обществу. Онъ только свъжъе другихъ по своему правственному чувству. вдумчивъе и наблюдательпъе. Не пошли ему судьба двиушку чистую, дътски-влюбленную, опъ, несомивино, въ течене невногихъ автъ слился бы окончательно съ бездоннымъ болотомъ, которое во французской столицъ именують свътомъ, «tout Paris.»

По для пасъ въ сущности неинтересны индивидуальныя черты Гектора Ле-Тессье, представлиющаго особу автора, — интересенъ смыслъ и цъль имению этого представительства, настроевія и идеи героя, пеотступио наблюдающаго пеструю свътскую жизнь и едиполично, среди громадной толны, оцънивающаго ее съ точки зрънія принциповъ.

Это не строгій судья, какъ и самъ авторъ. Прево менъе всего способенъ метать стръды сатиры. Онъ чувствителенъ, какъ французъ, краспортивь, какъ парижанить, осмотрителенъ, какъ салоный романистъ. Его преобладающее построение—грусть, его любимыя рти—
жалобы. Онъ кромъ того искрений патріотъ и совершенно недоступенъ чувству отчаянія и упичтожающаго гитва. Предъ нимъ
мрачныя картины, изумительные нравственные
уроды, — но все это мимолетно, все это капля
яду въ бездонномъ, совершенно здоровомъ мірть,
кучка вырожденцевъ среди сильныхъ и жизнерадостныхъ милліоновъ.

Мы увилимъ ниже, что за существо светаvierge. Имъ съ особеннымъ вивманіемъ занимнется авторъ и о немъ болбе всего болбетъ. Существо, дъйствительно, до невъроятія извращенное и пагубное для всякаго общества, гдъ бы оно на появлялось. Но у автора есть утъmenie. Demi-vierge-дътище пиоземной моды, ни болве ин менве, какъ англійскаго флирта. Мы убъднися, — главная геропия Модъ изчто совершенно другое, чемъ флиртирующия айвина и англійского у ней разві только одно имя. Но патріотически настроенному автору непремънно хочется представить смягчающія обстоятельства. Испо, онъ до конца не будетъ безпощаднымъ критикомъ и не опуститъ занавъса, не завърнвъ зрителей въ счастливомъ окончалін пьесы.

Уже добрая доля оптимизма заключается въ томъ, что авторъ занимается преимущественно женской публикой своего романа и по поводу ея чаще всего пускается въ разсужденія. А между тыть, - все зло не въ полудъвствениицахъ, а въ ихъ кавалерахъ, въ нужской части общества, вызванией къжизии такое противоестественное явление. На полудсвственивцъ обимриый спросъ, - только поэтому онъ и существують. И именно во французской жизни, габ до сихъ поръ вся юридическая и правственная сила сосредоточивается но праву въ рукахъ мужчинъ, габ женщина до сихъ поръ занимаетъ положение несовершеннолътняго сущестка, красивато и забавнаго, по совершенно немыслимаго, какт, личность и набъ человъкъ. Этотъ взглядъ исповъдують дяже лучше люди, какихъ только могъ отыскать Прево въ Парижъ и въ провинція.

И посак этого онъ исе-таки изощряетъ свой талантъ и свой умъ почти исвлючительно на геропияхъ романа. Нато сознаться, — знаетъ онъ вхъ превосходно. Такой топкой, разпосторонней и пикантной женской психологіи трудно встрътить въ художественной литературъ.

Очевилю, — авторъ долго и съ истинной любовью изучалъ предметъ. Посмотрите, какъ онъ тщательно собралъ мельчайшие оттъики, какими выражаются различныя настроения женщины, едва улогимые признаки, какими характеризуются разныя поприща ея правственной и

свътской жизни. Это цълая поэма женскаго сердца, сначала чистаго, отзывчиваго, романтическаго, потомъ ностейенно заражаемаго воздухомъ соблазнителей и соблазненныхъ, наконенъ, представляющаго органъ, совершенно атрофированный въ смыслъ поэтическихъ и дъвственныхъ волненій.

Вотъ передъ вами провинціальная аристопратическая барышия, Жанна де Шантель. Она будто фіалка выросла и расцвёла въ глуппи стариннаго наслёдственнаго замка. Ес любовно цёлые годы лелёпло деревенское солице и ей инстипктивно полозрителенъ и до боли непріятенъ блескъ бальной залы парижскаго свъта. Она плохо понимаетъ пошлость и безсердечіе этихъ ослёнительныхъ красавицъ и ихъ рыцарей, — но внутреннее чувство ен непольно возмущается чёмъ-то неяснымъ, еще перазгаданнымъ, но въ высшей степени мучительнымъ и нозорнымъ.

Жаппа, напримъръ, услышало двуснысленный романсъ. Такого рода пъніе въ модъ средн самыхъ пзищныхъ нарижанокъ, для Жанны опо совершенная новость... Она не въ состояни сразу уловить смыслъ запретнаго плода и на вопросъ, какъ ей поправился романсъ, — отвъчаетъ напвной похвалой искусству пъвицы.

Невольный крикъ восторга срывается у собесъдника Жанны, натентованнаго развратителя дъвицъ и, слъдовательно, отлично понимащаго толкъ въ такихъ «голубицахъ», какова Жанна. Тогда только нъ звукахъ голоса закоренълаго развратника она чувствуетъ чтото смертельно для себя обидное, — и вотъ предъ вами картина всего въ итсколько строкъ, но подобныхъ картинъ вы не отыщете на тысячахъ страницъ у Зола или Бурже.

«Жанна вся покрасивля. Не пониман хорошо, чего отъ нея хотбли, она угадала дурное намърение: желанис-направить ся мысль по запрещеннымъ путямъ. И это вызвало у нея чунство, какое всегда будеть ощущать настоящая абвушка предъ вопросомъ о любы, чуждой ижжныхъ движеній сердца: чувство страха. Въ то же время ей стало стыдно за свои обнаженный руки, за выръзъ въ платъъ... Инстинктивно она искала опоры, спасенія, но, оглядываясь кругомъ, она впервые увидёла, гдъ она, кто се окружаетъ. Она понимала теперь, что зичать эти д'виственные туалеты. черныя платья, она стала примъчать една замаскпрованныя любезности... Это было впезаннымъ, потрясающимъ откровеніемъ»...

Трудно передать въ нереволѣ всю тонкость, все изищество авторскаго стиля. Напримъръ, слово frolements играетъ больную роль въ описаніяхъ свътскихъ отношеній между мужчинами и женщинами. Оно заключаетъ въ себъ тончайную эссенцію чувственныхъ ощущеній, обуревающихъ на вилъ сдержанную и совершен-

но приличную толиу. Уловить всв средства, какимя питаются извращенные инстинкты свътскаго франта въ самый разгаръ салонныхъ удовольствій, нать в озможности. Оть его взгляда не ускользають ръсинцы дъвушки, какъ-то особевно тяжело и томно опущенныя на глаза, платье, настолько короткое, что при быстрыхъ движеніяхъ оно позволяеть видьть какіе чулки у молодой особы, небольшая выемка въ воротникъ повергаетъ наблюдателя въ настоящій гиннозъ. Въ такія минуты прикоспуться къ рукъ дъвушки, или даже къ краю ея платья, остановить на ней пристальный взглядъ-песказанное наслаждение для раздраженнаго чувственника. Все это frolements, coвершенио незамътныя для свъжаго человъка и быстро угадываемыя оспорблениямъ инстинктомъ чистой дъвушки.

Авторъ умѣетъ освѣтить подобныя молніепосаыя настроенія двумя-тремя словами, — и
тайва освѣщенія всецѣло и исключительно принадлежитъ ему одному среди всѣхь современныхъ беллетристовъ, не менѣе, новидимому, основательно изучающихъ «инстинкты». Найдите,
напримѣръ, у кого – либо такое замѣчаніе по
поводу самаго обыкновеннаго событія. Молодой
человѣкъ хочетъ обинть дѣвушку, свою невѣсту. Но она любитъ другого, — и уклопяется
отъ объятій, хотя не прочь выйти замужъ
за нелюбимаго. Авторъ замѣчаетъ:

«Въ этомъ быстромъ отступленіп, искреннемъ какъ дикая стыдливость (ина pudeur faronche) онъ не сумълъ распознать инстинктивнаго отвращенія влюбленной женщины, отвращенія душой и тъломъ, вызываемаго нелюбимых мужчиной у женщины, еще ве привыкшей дълнъ своихъ ласкъ».

Здѣсь каждая строка плодъ изумительной наблюдательности и вдумчиности. Можно, конечно, не признавать серьезнаго значенія за предметомъ авторскихъ паблюденій, но нельзя отрицать ихъ глубокаго психологическаго содержанія и рѣдкаго искусства — облекать его иъ яркую художественную форму. А потомъ у автора столько задушевныхъ нотъ, столько непосредственности, что читатель часто забываетъ слишкомъ легкій характеръ его сюжета.

Напримъръ, онъ только что разсказалъ, какъ его геропия ласкала своего милаго. Это — dc-mi-vierge, одаренная способностью являться па разстояніи иъсколькихъ минутъ Діаной и Мессаленой. Наступилъ второй моментъ и авторъ замъчаетъ:

«Она явилась женщиной, съ этимъ горячимъ имаменемъ во взглядъ, съ этой невыразимой истомой въ движенияхъ, которая всегда характеризуетъ дъвушекъ, хотя бы одинъ разъ испытавшихъ ласки мужчины».

эта фраза—je ne sais quoi de vaincu dans les poses—указываеть на искреинее усиліе автора передать свое необыкновенно тонкое впечатьние,—и онъ достигаеть цёли: мы видимъ изящнъйшую жертву чувственныхъ колненій, все грубое, матеріальное закрыто художественной дымкой, созданной авторомъ всего изъ пъсколькихъ артистическихъ штриховъ.

Следовательно, — можно быть совершенно правдивымъ бытописателемъ антипатичнъй шей общественной среды, изображать въ полномъ смыслъ низменныя вожделънія человъческой природы, — и оставаться въ предълахъ литературы, не переходить въ область физіологій и патологическихъ изслъдованій животнаго.

А между тъмъ цъль писателя отнюдь не страдаетъ. Мы ниже увидимъ, какія яркія фигуры создалъ Прево, не прикрывая ин елинаго душевнаго изъяна своихъ героевъ и героинъ, не щадя ни единаго ихъ фальниваго шага.

Его до глубины сердца огорчають эти изъяны. Опъ постоянно впадаеть въ лирамъ по поноду разныхъ обществевныхъ недуговъсвоей страны.

Прежде всего—у него вырываетси настоящій вондь, когда онъ подумаєть, сколько требуется исключительных условій воспитанія, чтобы въ наше время сохранить дѣвушку чистой до двадцати лѣть! Это почти недосигаемый идеаль. Общество безпощадно губить и душу и сердце, будто чудовище, пожирающее дѣтей. Таких идиалических мечтательниць, какова Жаниавъ,—Парижѣ иѣтъ совершенио, — и поэтому авторъ носвящаеть столько восторженвыхь строкъ ея любви.

Вся сцена и самый воздухъ будто м\u00e4няются, когда предъ вами наивная питомица далекой провинціи. Зд\u00e4сь мы узнаемъ, что д\u00e4вушки еще ум\u00e4ють молиться, в\u00e4рить въ справедливость судьбы, любить на жизнь и смерть. А рядомъ совершается странная оргія, все ниже надаеть выродивинеся общество и растроганный авторъ читаеть ему ноэтическую отходную.

Опъ ведетъ насъ изъ салоновъ въ церковъ и показываетъ, въ чемъ состоитъ тапвство брака для парижскаго «свъта». Невъста — давно demi - vierge, пскусивниаяся во всевозможныхъ хитростяхъ флирта, утратнишая безслъдно чистоту и искренность сердца. Женихъ — профессіональный соблазнитель, всю жизнь свою посвятившій культу чувственности. И оба опи отлично знаютъ другъ друга. Невъста сама посваталась за жениха, и они обявнялись необыкновенно откровевными воззръніями на супружескій союзъ.

Тенерь они предъ алтаремъ. Совершается таинство, основанное на возвышенныхъ принципахъ взаимной любви и върности. Епископъ, совершающій обридъ, разсынаетъ цвъты оффиціальнаго краспортиїя, рисуетъ картипу идеальнаго семейнаго очага, — и какъ больно, какъ мучительно совъстно слушать Гектору Ле-Тессье эту благонамъренную blague!

Генторъ, — самъ авторъ, — и его внечататнія въ данную минуту грозная публицистическая ръчь. Каждое слово епископа комментируется

съ жестокой уничтожающей проніей.

Женихъ, будущій мужъ, представитель Творца для своей супруги. Онъ изъ той общественной среды, гдв восинтываются правители государстна при республиканскомъ стров.... Все это декламируетъ прелатъ, - и хотя бы капля истины заключалась въ этпхъ ръчахъ!

Лестранжъ — «представитель Творца!» «Праинтель народовъ!» Этотъ прогнивний насквозь repos cabinets particuliers, комической оперы, силонныхъ питригъ! Въдь это значитъ топтать нъ грязь самыя священныя понитія - привянывать ихъ къ вырожденцу, опозоренному всей своей жизнью, всёми своими помыслами.

Лальше-епископъ издивается на тему многочисленнаго потомства.

«Antre guitare, encore!»... Неужели онъ не знаетъ, что профессіональные соблазнители не допускають и мысли о многочисленномъ потомстяћ? Неужели опъ не видитъ, что эта изящная кукла, разодътан въ бълое, поклялась сначала совсёмъ не имъть дътей, а потомъ съ теченісмъ времени ограничиться самымъ скуднымъ потомствомъ? Въдь это союзъ двухъ чувственныхъ авантюристовъ, -- и у нихъ давно пътъ им единаго нерва, сколько-ипбудь отвъчающаго христіанскому идеалу брака...

И анторъ задаетъ себъ все одинъ и тотъ же мучительный вопросъ: почему же это такъ?

Зачкиъ такое противоржчіе?

Отвъта ивть, — и онъ влагаетъ въ уста своего героя смертный приговоръ этому обществу. Гекторъ не можетъ безъ чувства содроганія подумать о своихъ связяхъ, опростыхъ отношеніяхъ съ этими людьми.

Горькое отвращение овладело имъ... Сколько угодно могъ гремъть базьный оркестръ, женщины разсыпать свои улыбки, носиться въ бурномъ танцъ, - подъ всей этой красотой, цвътами, уборами, Гектору ясно видълся надгробный камень, могила, куда беззаботно стремилось гиплое общество, осужденное на смерть за то, что опо изсупило основу человъческой любви - певинность дъвушекъ и убило саный бракъ, уничтоживъ самое представление о дъвушкъ. «Да, этотъ міръ разлагаетси, отъ исто несеть атносферой разврата — «Jani foetet», можно сказать о немъ, какъ о гинощемъ трушъ».

Въ такомъ настроении присутствуетъ авторъ предъ современной дъйствительностью. И опъ заставляеть своего героя бъжать отъ заразы, искать жизни в истинной молодости ваб свътскаго салона. Онъ върштъ, что спасение возможно, что царство полуд ввствениицъ и соблазнителей не безгранично. Онъ оптимистъ до конца, хотя болье мрачной картины нарижскаго св'вта не изображаль еще ин одинъ писатель.

Намъ теперь испо будетъ все значение авторскихъ наблюденій. Это не «натуральные» протоколы, но физіологическія tranches de vie, набираемыя всключительно съ цълью вызвать вивший интересъ публики. Прево -- писатель съ опредълсивой правственной и общественной личностью, настолько характерной и сильной, что его романъ часто превращается нъ исповъдь. Оченидно, - здъсь не можетъ быть мъста праздному сочинительству. Авторъ, искренно скорбящій о недугахъ своей страны, не станетъ преднамъреню сгущать тъней, измышлать спецінльныя подробности, направленныя на раздражение притупленнаго вкуса современныхъ читателей.

Эти выводы намъ необходимо имъть въ виду для оцънки всего романа и его гсроевъ и героннь. Перные для насъ представляють главивашій интересь. Геронии только оттвияють общественную среду, поставляющую въ наше времи «правителей народовъ » французской республики. Для самого автора вопросъ стоитъ иъсколько иначе. Demi-vierges занимають центральное ивсто романа. Это вполив естественно съ точки зрвиія беллетриста, хотя бы и одушевленнаго самыми серьезными цълями. Кромъ того, - характеристика героинь бросаетъ особенно яркій св'єть на самое общество, потому что demi-vierges посавднее слово его развитія, его современный цвъть.

Возстановамъ же эту среду на основани романа. Мы знасиъ, что представлило изъ себя французское общество при старыхъ режимахъ, напримъръ, при старой монархіи, при второй имперін. Какіе ковые элементы усивла выработать здёсь третья республика и какія культурныя теченія возникам на вершинахъ мірокой столицы въ течение лътъ, отибченныхъ во внутренней политикъ Франціи такими громкими скандалами?

Прежде всего общій фонь для мужскихъ в женскихъ портретовъ.

Ш.

Въ романъ очень часто упоминается модное словечко fin de siècle и авторъ безпрестанно даетъ намъ пояять, что мы присутствуемъ въ спеціальной обстановкъ, возможной только наканунъ двадцатаго столътія. Эти напоминанія часто особенно необходимы, нотому что легко забыть дъйствительную эпоху романа и невольно перепестись по крайней мъръ за полтора стоавтін назадъ.

Франція въ теченіе восьмидесяти абтъ тринадцать разъ перемънила политическую форму, пережила несколько революцій и въ теченіе одной третьей республики сивнила множество президентовъ и министерствъ. Это настоящій калейдоскопъ режимовь, правителей, парламентскихъ геросвъ. По присмотритесь къ

болъе глубокичъ слоямъ моря, столь бурно волнующагося на поверхности, — и вы увидите совершению, повидимому, иссообразное явленіе.

Перемъна режимовъ безконечна, но общественная основа остается почти ненодвижной.

Кому, папримъръ, на основани самаго бътлаго знакомства съ литературой произаго въка, пензвъстны двъ крупным черты, точно характеризовавши столичное свътское общество, — отвращение ко всему буржуазному и презръпие къ провинции?

Оба чувства имъли бы мало значенія, если бы въ нихъ выражалась только сословная гордость аристократа и легкомысленное самомивніе столичнаго обывателя. На самомъ дълъ здъсь ивчто несравненно болье серьезное, цълан система правственныхъ вазгръмій, свойственныхъ исключительно столичному аристократу.

Онъ презираетъ буржуа, потому что въ мъщанской средъ царятъ смъпные на его взглядъ предразсудки насчетъ, напримъръ, семейныхъ отношеній, супружеской върпости, общихъ вопросовъ правственности и общественнаго при-

личія. Тоже самое и провищія,

Она слишкомъ напвиа, страдаетъ пдеализмомъ, серьезно относится къ вопросамъ, выходящимъ изъ круга эгоистическихъ интересовъ. Въ столицъ ко всему привыкли относиться слегка, дорожить своимъ спокойствіемъ и личнымъ достоинствомъ, всегда страдающимъ отъ сильныхъ увлеченій и занальчивыхъ идей.

Въ виду этого установилась особенная манера обзывать и вкоторыя настроенія и характеры терминами: мпицанскій, провинціальный. Если человъкъ влюбленъ и не стыдится своего чувства— онъ petit bourgeois, если онъ не проявляеть нахальнаго верхоглядства и ощущаеть невольное отвращеніе къ свътской пошлости и замаскированному разврату— il a l'air bien provincial, онъ выглядитъ провинціаломъ.

Такъ говорили въ прошломъ, даже въ запрошломъ въкъ, и продолжнотъ также думать и буквально также выражаться въ нашу эпоху fin de siècle'я.

Для того «свъта», какой изображенъ въ романъ Прево, все человъчество по старвиному дълятся на canaille u le vrai monde, т.-е. un vieux пот, une grosse fortune territoriale, le chic гаге. Никакая республика, даже неограниченное царство биржевой буржуазін не поводебали въ душъ истаго французскаго джентельныма рабскаго преклоненія предъ «старымъ именемъ» и «настоліцимъ шикомъ». Объ этихъ благахъ вздыхаетъ и denivierge, успъвная покончить со всъми другими предразсудками. Для нея титулъ исполненъ гипнотизирующей прелести. Она чувствуетъ невольную оторопь, когда въ ея салонъ входять «смъшные», по

титулованные провинціалы и титулованные не при второй имперіи, а при старой французской мовархіи, съ настоящими въковыми гербами и родовыми замками.

Правственныя достобиства стараго дворянства смінны дітямъ конца віка, но наслідственныя украшевія иміжоть подавляющее значеніе для людей, безвозвратно потерявнихъ религію, совість, честь, даже способность различать черное отъ білаго.

И странное совпадение! Аристократами этп господа считаютъ себя именно вотому, что у шихъ нътъ пі foi, пі loi. Предъ нами тъ же пахальные щеголи, какіе осивниы Мольеромъ пъ комедін Допъ-Жуапъ: они признаютъ за собой право тонтать въ грязь и чунство, и нысли, и въровании - потому что носять модные костюмы, въ прошломъ въкъ - свътлорусые парики и шляны съ перыями, а въ концф въка «сертуки съ женскими тальями» и платья сь «Аввственными проръзами». И жаргонъ остался тотъ же самый. «Мы любимъ не какъ буржуа», говоритъ шевалье прошлаго въка въ комедін Данкура. «Неужели и родилась съ темпераментомъ буржуазки», спрашиваетъ дъвида въ романъ Прево, чувствующая затрудненіе пуститься въ разврать. Очевидно, пастроенія, вызывающія столь тождественныя фразы, инсколько не намънились за полтора въка.

Этого мадо. Насчетъ правственныхъ отношеній столицы и провинціп у автора встръчается въ высшей степени эффектное замъчаніе, мгновенно перепосящее насъ нъ добрую старую Францію. Провинціалы въ романъ чувствують «провинціальную непріязнь къ IIapuixy» la rancune de la province contre Paris. Это исконный культурный факть: правственное и даже политическое отчуждевіе провинців в Парижа. Столица совершала перевороты, учреждала и инзвергала режины, и подавляющее большинство французскаго населенія присутствовало при событіяхъ въ качествъ зрителей. Только въ эпоху іюльской революціи провинціалы почувствовали живбінній интересъ къ парижскимъ вопросанъ и пахлыпули въ столнну принять въ нвхъ даятельное участіе. Но это была мимолетиан вспышка, пропасть между столнцей и провинціей осталась и, что еще важиће, улержалась рознь духовныхъ стремленій и политических задачь. Le monde Парижа до сихъ поръ готовъ представить то самое зрълние, за какое еще Вольтеръ жестоко укоряль его: «насмъхаться надъ тъмъ, отъ чего плачутъ провинціи». И многія сцены романа Прево предстапляють блестяще примиры: героянь и кавалерамъ столичныхъ полудъвственниць действительно смешно стремительное искреннее чувство провинціала, смъщны его серьезные запросы къ любин и браку и совершенно невъроятенъ его благородный взглядъ на жизненныя задачи честнаго гражданина и человъка.

Таковы два драгоцъннъйшіе вывода, какіе мы можемъ сдълать на основаніи романа Прево. Высшее парижское общество, даже не родовитое, а просто «хорошо поставленное», имъющее возможность вести праздный образъ жизни, всъ эти gens de Bois, de plages et de willes d'caux преисполнены классовыхъ предразсудковъ, попрежнему считаютъ себя существами иного міра потому, что живуть салоннымъ развратомъ и дышуть зараженнымъ воздухомъ столичныхъ бульваровъ, Авантюристы въ правственномъ и общественномъ смыслъ, они идолопоклонники касты и вибщияго блеска, именуемаго на ихъ языкъ «настоящимъ шикомъ». Какія могуть быть общественныя стремленія у этихъ «правителей народовъ»? Возможны ли принципы, даже партійная честность при такой косности въковыхъ предразсудновъ, при такомъ ослъщении пошлыми поддонками современной тунеядной «цивилизаціи?»

Дайте въ руки этимъ людямъ власть, сдѣлайте изъ каждаго un homme très en vue, какъ они выражаются на своемъ жаргонъ, и вы узнаете, что значить отдать общее благо и честь родины на жертву хищникамъ.

Въ романв «полудъвственница» заключаетъ тайный союзъ съ своими обычными кавалерами противъ наивныхъ провинціаловъ. Это настоящій заговоръ цивилизованныхъ бандитовъ противъ мириаго населенія. И demi-vierge вербуетъ помощниковъ съ двухъ словъ.

Текторъ мой союзникъ. А вы?

 Я также, конечно. Тъмъ болъе, что этому солдату-земледъльцу можно позавидовать.

Последнія слова — ложь. Тоть же Генторь по поводу «солдата земледёльца» безпрестанно восклицаеть «блаженны слепцы и безумцы!» А такого сорта несчастнымъ врядь ли можно искренно завидовать.

Приведенный разговоръ изъ двухъ фразъ имѣстъ несравненио болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Такіе заговоры столичныхъ героевъ противъ провинціальныхъ «овецъ» могутъ происходить и на всякой другой почвѣ. Важенъ фактъ — взачинаго недовърія двухъ сторонъ, переходящаго нерѣдко во вражду и презрѣніе. Человѣкъ средняго класса и провинціалъ до сихъ поръ въ парижскихъ салонахъ играетъ роль смѣшного Жака, самой природой предназначеннаго для униженія и эксплуатаціи.

Такова политика высшаго свѣта. Обычная жизнь, удовольствія стоять на томь же уровнѣ и также живо напоминають общество дру-

гого «конца въка»:

Прево съ рѣдкой талантливостью, въ изумительно тонкихъ штрихахъ, изобразилъ будничное и праздничное времяпрепровождение парижскаго свъта.

Прежде всего, о чемъ здѣсь говорятъ? Во всемъ романъ ни одинъ изъ героевъ не затрогиваетъ ни одного вопроса, имъющаго общее значение. Всв интересы сосредоточены на эгоизмъ, на чувственности, на успъхахъ въ салонь, въ картежной игръ, въ будуаръ чужой жены или полудъвственницы. Даже симпатичиъйщій человъкъ въ этой компанін—сенаторъ Поль ле Тессье тоскуеть, какъ бы устроить свой бракъ «подъ покровительствомъ» высшей аристократіи. Онъ, дъятель демократической республики, ръшается жениться на бъдпой дъвушкъ, вполнъ честной, но имъющей несчастье принадлежать къ сомнительной семьв, — только подъ сънью громкихъ фамилій, «весь надушенный» какъ онъ выражается, «соприкосновеньемъ съ дворянствомъ».

Всв другіе заняты флиртомъ, но какимъ! Авторъ, напримъръ, долженъ изобръсти особое слово — valses-caresses для обозначенія спеціально свътскаго танца. Одинъ изъ этихъ вальсовъ описанъ подробно: это настоящій обрядъ въ честь Венеры, весь пропитанный чувственными волненіями, весь изъ frôlements неуловимыхъ на непривычный взглядъ, но совершенно достаточныхъ для въчно – напряженныхъ животныхъ инстинктовъ...

И иначе быть не можеть. Здёсь самый воздухъ переполнень наркотической заразой. Молодыя дёвушки разсказывають невёроятно пикантные эпизоды изъ своей жизни, описывають, какъ ихъ лёчить водой модный докторъ, какія лекціи по морали читаеть имъ молодой профессоръ, какъ онъ объясняеть что такое супружеская любовь, состоящая изъ двухъ элементовъ—нёжности и чувственности.

Это совершенно откровенные публичные разговоры. Можно представить, о чемъ говорятъ кавалеры съ дамами наединъ!

Вотъ, напримъръ, сравнительно нравственная дъвица просвъщаетъ своего собесъдника, намъчениаго ею въ мужъя, на счетъ цолнаго отсутствія въ Парижъ и во всъхъ большихъ французскихъ городахъ—совершенно чистыхъ дъвушекъ. Она сама отлично знаетъ, что дътей не находять въ канустныхъ листьяхъ, но мужъ ея будетъ имъть удовольствіе— inaugurer...toute la ligne. И она увърена, — удовольствіе это стоить кое-чего...

Выводъ ясенъ: «женитесь на мив», говоритъ дъвица. Иначе, она ни на что не согласна, кромъ флирта, хотя превосходно понимаетъ и умъетъ оцънить по достоинству ръшительно всъ вещи.

Кавалерамъ, конечно, ивтъ основаній отставать отъ дівнцъ. Онъ, положимъ, только что встрътиль на балу еще неопытную провинціальную барышню, и немедленно начинаетъ процессъразвращенія. Прежде всего, опъвосхищается прелестями дъвицы, по это не значить, будто опъ говорить комплименты. Въ концт въка подобный пріемъ быль бы смътонь. Кивалеръ идетъ къ цтл прямо и неуклонно, опять имъя право повторить ртч маркиза прошлаго въка: «мы умъемъ сокращать дорогу къ сердцу». Требуется одна только поправка—не къ сердцу, а къ чувственности.

Кавалеръ говоритъ своей собесъдницъ, что она можетъ иринадлежать кому угодно другому, но это не номъщаетъ ему наслаждаться ея красотой, всъми ея сокровищами, которыя онъ видитъ, и даже тъми, которыя онъ только можетъ угадывать. Слушая эти оригинальный ръчи, дъвушка чувствуетъ, какъ кзгляды ея кавалера раздъваютъ ее, синмаютъ съ нея ляфъ, платье... На нее это производитъ непреодолимое внечатлъніе. Очевидно, зараженный воздухъ и искусство опытнаго соблазивтеля всемогущи. «Она, разсказываетъ авторъ, готова была поддаться»... Но въ криткчсскій моментъ Гекторъ обрываетъ бесъду, снасая бъдную жертву.

А между тѣмъ, — жертва еще чиста и непорочна. Что же происходитъ съ дъвуніками, уже достаточно подготов ясиными для подобнаго пронесса?

И ихъ въ гарижскомъ свътъ подготовляютъ състематически, — всъми этими вальсами, разговорами и особенно музыкой и ивијемъ.

Прево сообщаетъ намъ, что въ программу салонныхъ концертовъ въ Парижъ обязательно входять Les chansons fin de siècle, apin конца въка, т.-е. попросту циничиващие продукты современной бульварной музы. И притомъ они подаются подъ особымъ соусомъ, усиливающить и безъ того терикій вкусъ. Спачала исполняются лирические романсы наивнаго содержанія, произведенія романтиковъ тридцатыхъ годовъ, потомъ постепенно начинають пробуждать чувственнаго звъря—La bête sensuelle. Для этого дамы поють самыя бравурныя оды любви и наслажденіямъ. Наконецъ, дъло доходить до fin de siècle'я. Дъвицы покидають залу, по это не значить, будто опъ не посвящены въ тайны, - напротивъ, въ своемъ убъжищь опр для себя исполняють тр самыя инлыя вещи, отъ которыхъ опъ только что бъ-Malu ...

И кавалеры совершенно правы, привътствуя пропическими апплодисментами «исходь» дъвственниць. Иъкоторые изъ мужчинъ уходять съ ними—и испытываютъ несказанное наслаждене, слушая ноэму объ Элоизъ и Абеляръ изъусть молодой дъвушки...Контрастъвнъншей дъвственности исполнительницы и циническаго смысла музыки опьяняетъ и слушателей и слушательницъ. Frolements становятся страстите и откровените, барышни кръпче опираются на

руки кавалеровъ, мужчины не могутъ скрытъ сильпъйнихъ волпеній, профессіональные соблазинтсям именно въ эти минуты разставляють съти.

И все это происходить въ совершенно приличномъ, даже фещенебельномъ салонъ, среди дъвицъ—будущихъ хозяекъ такихъ же салоновъ и молодыхъ людей—будущихъ и даже настоящихъ «правителей государства».

На провищіала подобная жизнь производить внечатавніе грязной богемы. Онъ размышляеть про себя: «не брежу ли я? Неужели я родился въ совершенно другомъ міръ? И это — праны и языкъ поваго свъта? Эти разговоры, напоминающіе пивную, и между тъмъ они, въроятно, еще лучие чёмъ бесъды внолголоса»...

Авторъ безусловно присоединяется къ впечататинимъ своего герои. Опъ съ большими подробностями описываетъ именно тъ стороны салонной жизии, которыя приближаютъ ее къміру кокотокъ. Его замъчанія по втому поводу живо напомнинотъ пламенныя ръчи Дюма, много лътъ тому назадъ открыннаго новое общество въ французской столицъ—demi-monde. Знаменный авторъ тогда же разсказалъ его исторію и описалъ его физіологію. Но что можно было раньше называть «незаконпорожденнымъ дътищемъ» общества, —въ концъ въка слилось окончательно съ самимъ обществомъ.

Прочтите страницы, на которыхъ Прево дълаеть общій смотръ своимъ героямъ и героинимъ,—и вамъ невольно представится вопросъ, на каквхъ же жизненныхъ основахъ стоитъ эта среда? Какая судьба страны, гдъ развивается подобнаи язва? — И замътьте - изви, поразившан самыя вершины общества, язва, опозорившая источникъ, дающій, какъ выражается епископъ, первыхъ испознителей государственныхъ обязанностей, «правителей пародовъ».

По предъ нами только ещесравнительно сърая, будничнан картина, — взглините на самыхъ блестящихъ представителей, вызывающихъ всеобщую зависть, невольные взрывы восторга. По этимъ экземилирамъ можно судить о высшихъ идеалахъ всего общества. Въ Парижъ, несомиъно, каждый поште ен уне хотълъ бы походить на Сюберсо и каждая барышия хотя бы отчасти приближаться къ ослънительной модъ.

Взгляните же на эту парочку. Она въ сущности и воплощаетъ все, что только создано оригинальнаго «концомъ въка». Смъло можно поручиться, что даже въ эноху римскаго унадкане было такого любовника и особенно такой любовницы. Нашему времени и французской столицъ принадлежитъ послъднее слово въ безконечной скандальной хроникъ всъхъ временъи народовъ.

Пачиемъ съ геронии.

Прево съ необыкновеннымъ искусствомъ описаль вивиность Модь, — и это неудивительно при его наблюдательности и столь тщательномъ изучении вопроса. Удивительно другое, При встхъ возмутительныхъ качествахъ Модъ производить на насъ впечатавніе какой-то силы, стоящей рішительно выше всего общества, силы, заранве предпазначенной для побъдъ и для власти. Всъ женщины-звъри, изображенныя у Дюма и потомъ у натуралистовъ, просто пигмен предъ этой фигурой. А между тъмъ Модъ изящна и прекрасна до последней складки своего платья. Авторъ чаще всего сравниваетъ ее съ Діаной. И она, дъйствительно, производить внечатлъніе недоступной, величавой богини чистоты и цъломудрія.

По это только рамка изъ чистаго золота для картины совершенио вецеизурнаго содержанія. Дюма рисуетъ своихъ дамъ полусвъта очень опытными соблазнительницами, но всъ эти жрицы свободной любви, часто испытавшія весьма бурныя вптейскія приключенія, — невмъняемыя голубицы предъ нолудъвственни-

цей Прево.

Мы уже знаемъ, до какой степени обостряется смыслъ циничной пъсенки, если она вложена въ уста непорочной съ виду дъвушки. То же самое и Модъ. Ея поступь Діаны, ослъпительный блескъ ея дъвственно чистой обнаженной шеп и рукъ, ея антично-строгій костюмъ— все это эффективйшій контрастъ для въчно возбужденныхъ чувственныхъ пистинктовъ, въ одно мгновеніе превращающихъ недосягаемую обитательницу Олимна въ Мессалниу.

И это чувствуетъ опытный взглядъ пораженнаго соблазнителя. Поклонини Модъ не ощущали бы и малой доли мучительныхъ вождельній, если бы чувственность воплощалась въ совершенно откровенной формъ. Но весь секретъ fin de siècle'я и заключается въ этомъ сліянін ангела и демона, и притомъ демова отнюдь не романтическаго, не мрачно-божественнаго, а самаго земного, коспитаннаго нарижскимъ геніемъ наслажденій, усыпающаго свой вуть не трагическими проклятіями міру и людямъ, а папротивъ—желающаго взять отъ міра и жизпи, все, что есть у нихъ животнаго и плотскаго.

По здёсь пе кончаются удивительныя доблести Модь. Она неотразимая очаровательница, прекраснёй шая грёшница въ ореолё фен,— по она обладаеть еще одной силой, окончательно закрёпляющей ея власть падъ окружающимъ обществомъ. Она страшно чувственна, всё ея одпиокія мечты сосредоточены на запретныхъ утёхахъ любви, она во мгновеніе міняется при одпомъ приносновеній любимаго человіка. Она не признаетъ воркующей, ніжной любви. Ей нужно одуряющее волненіс крови, въ полномъ смыслії животная ярость чунствъ. Она любитъ мужчину, какъ расоваго самца, любитъ за его способность—вызывать въ ней пламенную вакханку, безуміе плоти.

И мы присутствуемъ нъсколько разъ при подобныхъ сценахъ, видимъ, какъ Модъ замираеть въ объятіяхъ Сюберсо, какъ лепечеть безсвязныя ръчи головокружительной страсти... Но мы также читаемъ разсказъ, какъ Сюбер. со хотъль до конца овладъть своей возлюбленной и кавъ она блистательно выдержала борьбу. Это — одинъ изъ красноръчивъйшихъ эпизодовъ романа и онъ прибавляетъ къ ангелу и демону еще новую черту-изумитель. пое самообладание въ самый разгаръ чувственпой бури. Модъ должна выйти замужъ, и до ткхъ поръ у нея съ Сюберсо будетъ толь. ко l'amour inachevé новергающая въ отчая. ніе героя, по облекающая геронню пепреодолимой деспотической властью и надъ любовпикомъ и надъ будущимъ мужемъ.

Изъ такихъ, повидимому, совершенио непримиримыхъ элементовъ состоитъ натура Модъ, и каждый изъ этихъ элементовъ будто зарапъе разсчитапъ на полное торжество удивительной женицины надъ самыми разнообраз-

ными мужскими характерами.

И передъ Модъ преклопяются рёшительно всё, кого мы встречаемъ на сценё романа. Одни — п самые лучшіе, въ родё виконта Шантеля, честнаго провинціала, — млёютъ предъ ея величественной дёвственной красотой, профессіональные соблазнители склоняются предъ скрытымъ огнемъ страсти, даже холодвые скептики и проницательные сравнительно правственные наблюдатели не могутъ не отдать должнаго силе ея инстинктовъ и воли.

Модъ проходить въ этомъ міръ королевой и новедительницей. Пужно особенно несчастное стеченіе обстоятельствъ, чтобы разбыть ея царство, не оправдать ея ясной, энергически преследуемой теорін: «Міръ принадлежить сильнымъ... Всь, кто ниже насъ, должны служать намъ, подчиняться намъ, какъ животныя подчиняются человъку, ослы вожаку». Практически это значитъ-Модъ выйдетъ замужъ за богача изъ знатной фамиліи и устроять карьеру свою и своего любовинка. Это, следовательно, не какая пибудь Маргарита Готье, камелія добраго стараго времени, не Маріонъ-де-Лормъ, куртизанка романтической эпохи. Никакое увлечение не отуманить разсудка Модъ, хотя въ свою очередь разсудокъ не помъщаеть ей испытать все, что можетъ дать молодость и здоровый чувственный организмъ. Такова норазительнан гармонін «крови и мысли», — и при томъ какой

кроки и какой мысля! Гамлету и по сиъ не сился подобный Гораціо.

Сравиятельно съ Модъ всё другія полудевственницы романа слишкомъ мелки, — но у всёхъ у нихъ общая родовая черта: совершенно развращенный духовный міръ, до крайней степени развитые илотоядные хищные инстинкты и непоколебимое благоразуміе. Мужчилы могутъ забыться, испрение увлечься, приносить даже своимъ увлеченіямъ чувствительныя жертвы, — но demi-vierges идутъ твердымъ и осмысленнымъ путемъ. Опё дъйствительно сильиёйнія въ этомъ обществё. — сильиёе рѣнительно всёхъ героевъ.

Модъ до безумія увлекаетъ провпиціальнаго викоита, а ея сестра заставляетъ жениться на себъ профессіональнаго соблазнителя. Одна побъда стоитъ другой. И объ побъды одерживаются съ открытымъ забраломъ. Война и военныя хитрости очевидны для исъхъ наблюдателей, даже отчасти для жертвъ. По этп жертвы не въ силахъ выбиться изъ сътей, ихъ человъческие достоинство подавлено и обезоружено рядомъ съ весталками конца въка. Мужчины и творцы жизин не они, а ихъ дамы и невъсты. Общество, по формъ управляемое мужчинами, но существу находится всецьло въ рукахъ женщинъ, и тъ управляють своими рабами не умомь, не чувствомь, а самыми низменными инстинктами, быотъ псключительно на ихъ «жажду плоти», какъ выражается авторъ.

Будь это върно только относительно Сюберсо него сотрудниковъ въ распространени правственной заразы, — о фактъ не стоило бы и говорить. На самомъ дълъ, — положение носитъ сонершенно трагический характеръ, — тъмъ болъе
трагический, что самъ авторъ, при всей своей
тоскъ о погибающемъ міръ, не видитъ самой
основы зла и, при всъхъ своихъ усиліяхъ—
указать путь къ спасенію, кончаетъ романъ

громаднымъ знакомъ вопроса.

Нать до сихъ поръ понятно, что Модъ истиное знами пракственнаго состоянія даннаго общества, «свъта», пли, какъ выражается авторъ, «празднаго веселящагося Парижа». Въ дъйстительности, это знами покрыкаетъ несравненно болъе обширную область, чъмъ нарижскіе салоны.

1.

Мы уже говорили, какъ чувствительно и въ сущности весьма оптимистически настроенъ авторъ. Опъ приговариваетъ къ смерти выродивнеся общество, по отнюдь не остается самъ и не оставляетъ своихъ читателей безъ утъшенія. Вотъ эти-то отрадные, по митнію автора, моменты и особенно любонытны.

Помимо героя, представляющаго воззриня Прево, въ ромянъ есть еще очень симпатичная, безусловно положительная личность, — Максих Шантсль, «солдать и земледълецъ», викоить съ наслъдственными земленми. Авторъявно тяготъеть къ этому герою и даже сгущаетъ краски, усиленно подчеркиваетъ натріархальное простодущіе виконта и многія другія свойства «естественнаго человъка», — вродъ, напримъръ, пламенной романической ревности, идиллическихъ мечтаній о единеніи душъ, излиней неносредственности чувства и поступковъ. Но пусть все это справедливо. Для пасъдаже особенно выгодно: очевидно, съ Максимомъ мы должны обращаться, какъ съ надеждой и опорой здоровыхъ элементовъ націи.

Насколько же основательны падежды?

Французовъ искони упрекали въ ихъ слишкомъ, такъ сказать, реальномъ отношени къ
женщинъ. Одинъ только Викторъ Гюго дерзаль смотръть на прекрасную половниу человъческаго рода съ человъческой точки зръизи.
Но зато опъ и романтикъ, и у него женщипы свовиъ героямъ вмъсто топ аті — говорять топ lion. Какъ правило, такой façon de
parler былъ бы смъщонъ, неестественна также
и роль подобныхъ «подругъ». Въ этомъ французы были убъждены еще при Викторъ Гюгои поэту стоило не малаго труда — отвоевать у
актрисъ свое топ lion и еще большого мужества — преподнести его партеру.

Съ тъхъ поръ многое успъло измъниться и едва зи какое явление произаго до такой степени глубоко погрузилось въ Лету, какъ романтизмъ съ его идейными и рыцарскими увлечениями. Даже наивный провищіалъ не пойметь въ настоищее врёми, какъ это женщина можетъ быть чъмъ-либо другимъ помимо красавицы жены. Максимъ—блестящая и поучительная фигура именно по своимъ возхръніямъ на женщину, ея правственную и обществен-

пую роль.

Авторь все зло принисываеть полудъвственпицамъ. По какое же значене пивли бы эти
полудъвственицы, если бы не существовала
предашая имъ публика, не было по просту обожателей и рабовъ? Исенщина всегла только удовлетворяеть запросамъ сильнъйшей половины
общества. Съ маркизами классической эпохи
она—кокетка, съ геронми революцін—гражданка, съ подданными Наполеона III— «звърь»,
съ дътищами fin de siécle'я—кокотка и demivierge. Но чъмъ же она можетъ быть съ такими достойными людьми, какъ Максимъ?

Онъ влюбился въ Модъ съ перваго взгляда и въ иъсколько дией дошелъ до полнаго обожанія, прібхалъ въ Парижъ и—созерцаетъ

на балу свою богиню.

Авторъ съ обычной добросовъстностью изображаеть его настроеніе. Для этого автору необходимо подробно описать костюмъ Модъ и особенно отмътить подробности, раздражающія чувственный инстинкть созерцателя. Здёсь снова на сцень—внённость Діаны, грудь, открытая ровно настолько, чтобы погубить смертнаго, кругын плечи, оригинальнаго циёта волосы, темяо голубые глаза. Все, что можно скизать, напримёръ, объ опереточной артистке, производящей фуроръ въ свой бенефисъ. Въ результать — «Максимъ созерцалъ ее—измученный, ревнивый и счастливый... и онъ признавался самому себъ: нельзя не любить этой женимны».

За что же? — За то саное, изъ-за чего сходить съ ума Сюберсо, что гиннотизируеть соблазнителей и спортсменовъ. У Максима нътъ другого этношенія къ Модъ. Во всемъ отличаясь отъ парижскихъ свътскихъ франтовъ, въ чувствъ къ своей певъстъ овъ родной братъ всъмъ этимъ amants и déflorateurs.

Говорять, безъ ревности и тъ дюбви. Но ревность бываеть такъ же разпообразна, какъ и любовь. Даже изъ классическаго типа ренивыл Отелло актеры создали двъ совершенно различныхъ сценическихъ фигуры: у одного Отелло—оскорблевиный рыцарь чести и благородныхъ чувствъ, у другого — ограбленный эгоистъ и чувственникъ. Максимъ очень ревнивъ и его ревность второго порядка, только гораздониже по силъ и дранатической энергін чувства.

Максимъ выходитъ изъ себя при одной мысли, что кто-инбудь могъ цъловать Модъ. Имъ овладъваетъ страшная невависть и въ то же время—le désir de chair, т.-е. то самое чувство, какое одинъ современный французскій беллетристъ принисываетъ мужу-рогоносцу. Этотъ мужъ, убъдившись въ измънъ жены, влругъ ощутилъ къ ней какой то особенвый интересъ, страсть, пронитанную кокоточнымъ букетомъ.

Максимъ, конечно, возмутился бы подобнымъ толкованіемъ его ощущеній. Но въдь такіе рыцари - солдаты и земледъльцы, вообще прекрисные и доблестные малые, носять въ себъ звъря, не сознавая того и безсознательно звърскимъ ваклонностимъ придавая неподобающія украшенія. Какой-нибудь самець сь оружіемъ въ рукахъ станетъ вамъ доказывать, что онъ благородно и пламенно-возвышенио любитъ такую-то особу, — а на самомъ дель онъ находится совершенно въ томъ самомъ состояни, въ какомъ одно животное показываетъ клыки аругому, посягающему на самку. Le désir de chair!.. Преносходное выражевіе: въ немъ разгадка безчисленныхъ человъкоубійственныхъ трагедій и сущность громаднаго большинства такъ называемыхъ поэтическихъ увлеченій и любовной тоски.

Чаще всего эти трагедін п эту тоску освъщають фальшивымь свътомь—одинаково мужчины и даны. Но наша demi-vierge слишкомь благоразумна и практична, чтобы не распознать звъря во всякой шкуръ. Она съ перваго взгляда угадала, что такое любовь Максима и ей не стоить ни мальйниго труда—вызвать въ своемь поклоникъ какое-угодно нистроение, подарить его такъ называемымъ неземнымъ счастиемъ или повергнуть въ смертное отчаяние.

Политика Модъ необыкновенно искусна: даромъ пороха не тратить и однимъ выстръломъ
убивать иъсколькихъ зайцевъ. Въ сравнительпо неважные моменты — мимолетное пожатіе руки, въ болье опасные — любовный взоръ и тоикій намекъ, а совстмъ нъ критическіе — цъдая бестда tête-à-tête въ спалынъ. Легко представить, — разъяренный звърь ревности и
идеальной любви мгновенно укрощается, лишь
только ему дадутъ попробовать «мяса» — хотя
бы на разетояніи, обониніемъ. Мы это долж
ны понимать въ буквальномъ смысле слова.
Авторъ такъ и пишетъ: «Le parfum personnel
do Maud, si pénétrant.

И авторъ не видитъ здёсь инчего страннаго и предосудительнаго. Юный идеалистъ сходитъ съ ума всякій разъ, когда почувствуетъ специфическій запахъ своей возлюбленной.

Вы пе должны изумляться этому выражепію. «Запахъ» играеть большую роль въ ромапъ,— и пътъ героя, который пе чувствоваль
бы себя способнымъ обезумъть отъ «женскаго
аромата». Пе одинакопы только степени безумія. Сюберсо, напримъръ, отыскиваеть лоскутъ
отъ рубашки Модъ, приходитъ въ сгращное волненіе, не разстается съ этой тряпкой пи
днемъ, ни почью, обливаетъ ее слезами, вообще
испытываетъ непрерывный пароксизмъ крайне
напряженной чувственной страсти. Но это Сюберсо, существо сисціальной организаціп.

Максимъ не проливаетъ слезъ подъ вліяніемъ «собственнаго благоуханія» Модъ, но онъ также теряетъ ясное сознаніе въ ея комнатѣ, у него затуманиваетси мозгъ въ густой атмосферѣ духовъ и «испареній отъ волосъ и кожи Модъ»... Онъ не въ сплахъ бороться съ мыслью, что вотъ въ этой самой комнатѣ она одѣвается, ложитси въ постель, спитъ. Въ его воображеніи молніей проносятся всѣ эти картины, имъ овладѣваетъ «странное головокруженіе», будто крѣпкое вино ударяєтъ ему въ голову. Ревность постепенно улетучивается, остается покорный рабъ, готовый на всѣ страданія и униженія. Онъ даже не смѣетъ заглянуть въ глаза Модъ.

И подобное настроение не мимолетная слънота. Она—основная черта въ характеръ Максима, въриве— сущность его любви къ Модъ,
Внослъдстви онъ узнаетъ ел позорное прошлое
съ Сюберсо, имъетъ всъ основания предполагать самое худинее, онъ даже слышитъ объ
втомъ отъ самой Модъ, — но для вего достаточно, что она не была любовницей Сюберсо
нъ грубъйшемъ смыслъ слова, — и онъ готовъ
все простить и забыть. Только отказъ самой

Фототипія Шерерь, Навгольць и На въ Москвіть

Во первыхъ-le krack de la nudeur. Смысль понятенъ, - д"ввицы утратили способность стыдиться спандала и цинизма. Онъ псе читають, все слышать, ихъ любимые кавалеры-профессіональные развратители. Во вторыхь—le krack de la dot. Это значить: въ то времи когда п'втъ больше певинныхъ молодыхъ девушекъ, не стало также и богатыхъ невъстъ. Теперь дъвушки зависать безусловно отъ мужчинъ и сами матери толкаютъ ихъ на фляртъ, на салонныя приключенія — лишь бы пайти мужа. И въ этомъ направлени современныя материпарижанки доходятъ, очевидно, до высишхъ предъловъ. Въ романъ, папримъръ, одиъ изъ нихъ хвастиотся подарками, какіе ихъ дочери подучають отъ поклонниковъ, други жалуются, что флиртъ ихъ дочерей остается «бездоход-HEARIE .

Картина — отчаянная, но какой-же выходъ? Гекторъ, мы видъли, представитель самого автора и отвътъ его особенио любонытенъ.

Изобразивъ удручающее положение свътского общества, Гекторъ принимается рисовать свой идеалъ, свои пути преобразовании п переустройства современнаго поридка.

И какой бы, вы думали, это пдеаль? Не что иное, какть монастырь добраго стараго

не что нное, какъ монастырь доораго стараг времени.

Для насъ не поность востории современныхъ французовъ предъ XVII-мъ въкомъ, даже его худины преданіны, — вродъ салоннаго комодіантстна, вристократическихъ привилегій. Но идеализація монастырскаго воспитинін—ято въчто уже необыкновенно оригинальное.

Когда-то, говоріять Гекторъ, дъвушка росла въ монастыръ. «Вы, конечно, не върпте, обращается онъ къ Максиму, застольнымъ росказнямъ философовъ о безправственности монастырей»?— По выходъ изъ монастыря, дъвушка немедленно выходила замужъ за человъка, указаннаго ей семьей и ей едва знакомаго. Такимъ образомъ, она была ограждена отъ того и другого «краха»: не знала и не новвиала соблазинтельныхъ вещей и не переносила борьбы изъ—за матеріальнаго вопроса. Она непосредственно за монастырской кельей паходила скромный, изящный семейный очагъ.

Такой порядокъ исчезъ из настоящее время.

Почему же?

Отвътъ Гектора оригиналенъ до послъдися степенв. Иъкоторыя исихопатки (quelques hysteriques) нашли «)а surprise de l'alcove»— слишкомъ неожиданнымъ и жестокимъ для дъвунки и стали вопить на измъну и насиліе!.. Кричали онъ много и громко и убъдили другихъ. Матери принялись вторить: «Какъ! послитывать дитя вив семьи! отдавать замужъ инчего не въдающую дівушку! Какое преступленів»!

Результать— очевиденъ. Быстро возникла порода полудъвственницъ, чаще всего изучающихъ не только теорію любин, но и практику. Отсюда вей бълствія, вей уродства современнаго общества.

Вы скажете, — Жанна не восинтывалась въ монастыръ. Но это ничего не значить. Брать, мы видъли, восинтываль ее по старомодному образцу. Она инчъмъ не отличается отъ «голубицъ», когда то вылетавшихъ изъподъ съни католическихъ аббатствъ, если только «застольныя росказни философовъ» дъйствительно считать вполив пеосновательными.

Вотъ, сабдовательно, явнарство отъ страшной болбани.

Авторъ по поводу своего романа получилъ много возраженій и замѣчаній. Один читатели обижались на откровенность автора, обижались съ чисто патріотической точки зрѣнія, т. е. если и существуютъ въ Парижѣ demi-vierges, не слѣдовало объ этомъ допосить иностранной публикѣ. На это авторъ возражалъ указапіемъ, что flirt—англосиксонскаго проясхожденія... Возраженіе, мы знаемъ, какой цѣны. Модъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ флиртирующая, легкомысленно—увлекающаяся кокетливая дѣвина.

Другіс читатели признавали существованіе demi-vierges, по, говорили они, такихъ дъвицъ слишкомъ мало и не стоило писать изъ за пихъ романъ въ столь пессилистическомъ духъ.

Прево отриналь сираведливость этого вывода. Онь убъжденъ, что въ современной свътской жизни Нарижа укоренился полный раздорь между идеаломъ христіанскаго брака и практикой. «Слъдовательно», прибавляетъ авторъ, «должно изагънить воспитаніе молодой дъвушки. Это — настоятельно цеобходимо, или христіанскій бракъ ногибнетъ. Вотъ, въ двухъ строкахъ сущность моего митиія».

Такъ авторъ иншетъ въ своемъ предисловін. Въ романъ опъ пдетъ дальше, намъчаетъ, въ чемъ должна состоять перемъна восинтанія.

Два положительных в сероя объясняють эту перембиу: одинь напоминаеть о монастырт, а другой самь рекомендуеть себя на роль воспитателя и подкртиляеть свою рекомендацію живымъ практическимъ примъромъ — своей сестрой.

Мы знаемъ, — сущность того и другого ръшенія вопроса одна и таже. Идеаль — unc petite

oie blanche.

Дли русскихъ читателей значеніе подобнаго иделла ясно по всёхть смыслахъ. Мы видимъ, — писатель искренно, даже горячо ищетъ спасительнаго пути, слиоотверженно рисуетъ зіяющую общественную пронасть и не умъетъ указать другихъ избавителей и избавительницъ, кромъ мужчины — браваго, любящаго самца и женщины — ангелоподобной на ивной «гусыни», честной производительницы такого же нотомства.

Такъ разсуждаетъ современникъ третьей республики. Онъ нарисовалъ намъ страпіную среду, поставляющую весьма многихъ «правителей народовъ» для этой республики, нарисоваль съ болью сердца, съ правдивымъ чувствомъ гражданина и человъка. А когда дошло дело до вопросовъ: «Какъ же быть? Что предпринять? Чёмъ лёчиться?»— тотъ же писатель не нашелъ ничего лучшаго кромъ отступленія вспять, кромѣ идеаловъ еровскаго Арнольда, мечтавшаго въ монастыръ воспитать себѣ въ жены «дурочку». Ему и на умъ не приходитъ мысль, что мужчина можетъ воспитывать въ женщинъ нъчто другое, помимо хмвльнаго напитка, превращающаго брачную жизнь въ силошной медовый мъсяцъ и что женщина можетъ остаться чистой и нравственной, утративъ райскую невинность души, можеть достигнуть идеала върной жены инымъ путемъ, кромъ абсолютнаго невъдънія дъйствительности.

Путь этотъ ни для кого не тайна, но для французскаго писателя онъ даже не мечта, а нъчто просто немыслимое, даже неподозръваемое. И Прево не исключеніе, да и не могъ имъ быть при столь серьезномъ и вполнѣ общественномъ направленіи своего творчества. Его соотечественники, въ подавляющемъ большинствѣ, навѣрное, согласны съ нимъ. Для доказательства, мы укажемъ на любопытнѣйниую статью, только что появившуюся въ журналѣ Revue des revues.

VI.

Статья принадлежить очень извъстному профессору Вильгельму Ферреро и не даромъ нашла пріють на страницахъ одного изъсамыхъраспространенныхъ изданій. Она, между прочимъ, красноръчивъйшій отвъть Марселю Прево на счетъ его инсинуацій по поводу англо-саксонскаго флирта.

Авторъ начинаетъ въ сущности съ того самаго вопроса, какимъ открывается романъ Прево. Въ настоящее время дъвушкъ крайне трудно выйти замужъ, количество незамужнихъ увеличиваетси съ каждымъ годомъ и оно особенно велико въ Англіи. «Число миссъ», говоритъ Ферреро, «необъятно и ихъ общественное вліяніе замъчательно. Даже больше, — безъ spinster, т. е. женщины не вышедшей замужъ, невозможно понять Англіи».

Дальше авторъ описываетъ поразительные успъхи англійскихъ женщинъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ общественной дъятельпости. Приведемъ слова профессора: въ нихъ есть одно очень характерное мъсто.

Одинъ изъ любопытивишихъ фактовъ англійской жизни въ нашъ въкъ, — нашествіе женщинъ на всв поприща, которыя когда-то

составляли монополію мужчинъ, во всѣ профессіи, искусства, науку и т. д.

Женщины подымаются все выше и выше, непрестанно расширяя предёлы той власти красоты и граціи, которая являлась ея удёломъ съ самаго начала цивилизаціи. И это тріумфальное шествіе англійской женщины стоить въ прямомъ отношеніи съ увеличеніемъ массы незамужнихъ.

Авторъ подробно объясняеть успѣхъ женщинъ въ практической дѣятельности — торговой, промышленной, въ политикѣ, въ благотворительности. Въ нартійной борьбѣ, напримѣръ, женщины въ настоящее время представляютъ въ высшей степени крупную величину, а коммерсанты и промышленники, по словамъ Ферреро, почти всегда «болѣе довольны женщинами, чѣмъ мужчинами».

Какъ же это объяснить?

Авторь отвъчаеть: «это, несомнънно, отчасти объясняется тъмъ, что англійская женщина вообще образованнъе и больше, чъмъ ея сестра на континентъ, интересуется политическими дълами».

Но это только отчасти. Главное объясненіе автора—совершенно другое. Англійскія дъятельницы вовсе не женщины, а третій полг, le troisième sèxe, уродливый, язвращенный, не выполняющій самыхъ законныхъ вельній природы, т.-е. не живущій брачной жизнью.

Практическая сила англійскихъ misses и заключается именно въ ихъ нравственномъ уродствъ, въ вопіющемъ нарушеніи естественныхъ законовъ. Выходитъ, только женщина-уродъ и можеть дъйствовать успъшно на поприщахъ, составлявщихъ до сихъ поръ монополію мужчины. Мало этого, Чтобы быть благотворительницей, женщина должна не имъть дътей, составляющихъ ближайшій предметь ея чувствительныхъ наклонностей. «Il faut pour que la femme se consacre aux malheureux que l'enfant n'existe pas et que ce besoin ne pouvant se satisfaire sur ses fils déborde sur un nombre plus grand de faibles par l'intéret et la pitié. Pour transformer la femme en infirmière des maladies sociales il faut briser en elle la maternité et lui imposer le renoncement à l'amours.

Другими словами, женщину надо превратить въ аскетку и, по русскому народному выраженію, въ безсемейную бобылку, чтобы сдълать ее человъкомъ сострадательнымъ и мыслящимъ.

Такова философія профессора. ІІ это чисто французская философія. Прево не знасть другихь выходовъ. Его геропня, утративъ возможность выйти замужь, становится коком-кой, сначала продасть себя богатому развратнику. Съ извъстной точки зрвнія она менве уродь, чъмъ англійская miss, преуспъвающая

въ какой-угодно достойной практической дъятельности. Модъ— содержанка все-таки *une* fcmme, а не troisième sèxe, знаменующій сользнь» общества.

Всякія разсужденія здѣсь, конечно, излишни. Нельзя только не подивиться рѣдкой способности инсателей самоуслаждаться и оберегать свое національное самолюбіе. Одинъ въ англійскомъ пітта, увидѣлъ источникъ французскихъ бѣдствій, а другой, косвенно опровергнувъ романиста, открылъ міровое песчастіе и уродство въ явленіи тоже англійскомъ, но на этотъ разъ совершенно противоположномъ. А что же осталось для французскихъ явленій?

Прекрасныя намъренія, превосходный литературный таланть, несомнённый натріотизмъ—и неизлъчимая ограниченность правственнаго и общественнаго кругозора. Въ концъ въка пе сходять со сцены въковые предразсудки — и въ обществе и въ литературъ. Напротивъ, во многихъ отношеніяхъ, несомпънно понятное движеніе. Сто лътъ тому назадъ писатели меттали о равноправномъ умственномъ развитіи мужчины и женщины. Даламберъ обращается къ своимъ товаршцамъ съ такою ръчью:

«Философы! васъ природа разсъяла по всему лицу земли, вамъ надлежить разрушить роковой предразсудокъ, насколько это въ вашихъ силахъ. Тъмъ изъ васъ, которые испытываютъ радость или горе быть отцами, слъдуетъ первымъ дерзнуть сбросить иго варварскаго обычая—дать дочерямъ такое же воспитаніе, какъ и другимъ дътямъ. Пусть онъ получаютъ это драгоцъпное воспитаніе, какъ предохрапительное средство противъ праздности, оружіе противъ песчастій, а не какъ нищу для празднаго любопытетва и предметъ легкомысленнаго тщеславія».

Современники философа видёли въ воснитаніи женщины также оружіе противъ соблази ителей и легкомысленных ъ брачных ъ союзовъ. Они говорили своимъ дочерямъ: «Ты была единственнымъ предметомъ моихъ заботъ. Я хотълъ собственными руками создать твое счастье, и просвътиль твой умъ, образоваль сердце. Я хотълъ избъжать современнаго преступнаго способа воспитывать дочерей. Я не думалъ, что скучный монастырь долженъ быть колыбелью твоего дътства и юности. Подлъ меня ты узпала свътъ. Мы вмъстъ изучали его. Я видъль, —ты привычнымъ взглядомъ смотръла на его блескъ, оставалась равнодушной къ его соблазнамъ и въ трудномъ выборъ мужа ты будень крайне осмотрительна».

Теперь говорять пначе, и обществу предстоить выборь между «полудъвственницами» и «бълыми гусенками». Мы упоминули выше Арнольфа. Его ръчи дъйствительно смъшны и обличають изумительную правственную и умственную ограниченность эгопста. Онъ хва-

лится своему другу:

Dans un petit couvent, loin de toute pratique, Je la fis élever selon ma politique; C'est à dire ordonnant quels soins on emploierait Pour la rendre idiote autant qu'il se pourrait.

И онъ увъренъ, что его планъ увънчался усиъхомъ. Агнеса — настоящая «дурочка». Мольеръ заставилъ Арнольфа разочароваться и представиль цалый рядь опровержений. Но пришло время, когда Арнольфы снова подняли головы, когда сами авторы и лучшіе современные люди ухватились за ихъ систему, какъ за единственное спасеніе. И випа всецвло на саномъ обществъ. Сюберсо и Шантели не представляють себъ другихъ идеаловъ. lle представляетъ вхъ и Прево при всёхъ усиаіяхъ ръшить вопросъ. II посавдній результатъ еще важиве. На романв рядомъ съ dem:vierges ножно написать demi-auteurs и, съ точки зрвнія осмвинных теперь писателей upomaro, -demi-citoyens.

Ив. Ивановъ.

Театрь, прилискій театральный сборникт, издаваемий А. Тарханьяномъ. Квига I и П. Тифлисъ 1893—94 г.

Основаніе синціальнаго журнала или сборника, посвященнаго театру и драматическому искусству, представляетъ собою явленіе далеко ве заурядное въ армянскомъ литературномъ мірѣ. Среди многочислевныхъ періодическихъ изданій на армянскоми маыкъ, возвикавшихъ въ течевіе вашего віка, ны ваходимъ всего 2-3 повытки освовать театральный органт, - и притомъ исключительно на Константинополь. Такъ, въ 1857-58 году тимъ былъ предприпятъ журналъ "Араратскія Мувы", им'євшій главною ц'ялью печатать въ перевод'в лучшія произведенія европейскихъ драматурговъ и этимъ путемъ составить репертуаръ для только что зародиншейся армянской сцевы, по сообщавшій также, въ отдель хропиви, пекоторыя сведенія о положенін театральнаго дела въ главныхъ свроисйскихъ государствахъ. Въ Тифлись, втогомъ культурномъ приянскомъ центръ, пикогда не существовало даже подобилго изданія, конечно, далеко не подходяншаго къ современному идеалу разностороввяго театральнаго органа. Драматическія произведенія, восномянанія артистовъ, статья по сценвческому искусству и т. д., - все это поміщалось до сихъ поръ въ журналахъ общиго содержанія. Тъмъ больше зпачении получаеть факть основания въ Тифлист г-помъ А. Тарханьяномъ театральнаго сборинка, первая книга котораго вышла въ свътъ пъ декабръ 1893 года, а вторая-осевью 1894 года. Фактъ этотъ не лишенъ интереса и для русскихъ, принимающихъ къ сердку развитие театра и последовательные услежи сто у всекъ народовъ вообще, и въ особенности утвхъ изъ нихъ, которые развиваются въ близкомъ состаствъ съ вами; тёмъ бояће, что, насколько памъ извёст-но, сборпикт "Театръ" является одинмъ взъ очень немногочисленныхъ инородческихъ органовъ въ Россіи, посвященныхъ драматическому яскусству. Съ общимъ характеровъ и селержаніемъ двухъ вышедшихъ до сихъ поръ кпигь "Теагра" мы памфрены, въ бъглыхъ чертахъ, позпакомить читателей.

Сборпикт г-на Тархавьяна вметь цёлью развивать ва армянскомъ обществ витересъ къ искусству вообще, п въ особенности къ сцепическому, высть съ болю тонкимъ его повимяніемъ, поддержвать въ нублик любовь къ родной сценъ в, вметъ съ тъмъ, помъщать оригивальныя и и переводным драматическія произведенія. Слёдуя подобной программъ, редавція сборника, естественно, отвела въ немъ, во-первыхъ, мъсто различнымъ статьямъ, затрогивнищимъ драматическое искусство и исторію тептра. Такъ, на страняцахъ "Театра" пенечатавы нъ пеценодъ извъ

ствыя "Правила для актеговъ", составленимя Ге-те въ 1803 году, когда овъ былъ директоромъ театра въ Веймаръ. Оригинальныя статьи, ислвившіяся въ двухъ нышедших квигахъ, погвють отношение какъ къ тептру вообще, такъ и въ частности къ армянской сцепъ. Назовемъ, прежде всего, статьи: г-на Джагарбеньяна "Этическое значение трагедін", в С. Ахумьява "Театръ, сцена и языкъ". Съ большимъ интересомъ читаются (въ 1-й кингъ) воспоминанія Перча Прошьянца о началь публичных армянских предстанленій въ Тифлись. Протьянцъ принадзежить къ числу гланвыхъ арминскихъ беллетристовъ, и преимущественно изображаетъ въ споихъ боминахъ жизпь сельского населенія. Веллетристическій талантъ его сказился и въ этомъ случав, въ реальномъ пзображения различныхъ препятствий и затрудненій, съ которыми должны были бороться организаторы тифлисской сцены въ началь 60-хъгодовъ. Отсутствіе репертуара, недостато късредствъ, веполготовленность публики, неопытность са-мяхъ руководителей поваго дъла, упорное нежеланіе женщинъ и д'явушекъ ныступать на сцеп'я, такъ вавъ быть актрисою считалось почти нозоромь, - все это яркими штрихами обрисовано въ воспоминапіяхъ II. Прошьлица. Авторъ самъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ, а потомъ д'ялтем нымъ членомъ перваго правильно организованиаго кружка армивских в артистовь, и опесываеть то, что ему привілось извідать на опыті. Къ области исторій армянской сцевы отпосится и помъщен-вый въ сборникъ небольшой тепло паписанный очеркъ дъятельности талантливаго, во рапо умершаго (въ 1875 году, 35-ти лътъ отъ роду) армянскаго комика Георга Мирагьяна. Русская публика, оцванвшая трагическій таланть Адамьяна, совершенно невнакома съ теми артистами, которые, полобио Мирагьяну или еще болье даровитому Чиншкьяну, создавшему типъ сыпа толпы, честнаго тифлисского рыбака Пено въ комедін Габр. Сундуньянца того же вмени, прославитись, гланнымъ образомъ, выступая въ неселыхъ комедіяхь в фарсахь съ бытовою, чисто м'ястною окраского, которые одно времи господствовали на тифлисской сцепь. Мирагьянъ быль очень популяревъ при жизии, даже среди простого народа; по после смерти опъ былъ вскоре почти позабыть. Эпиграфомъ къ очерку его дългельности поставлены слова взъ Гамлета "Схорон вля, позабыли", а починстир онт "Очин изд помичих. Назовемъ еще статью грузивского актера Валерінна Гуніа "О грузинскомъ театръ", не представляющую, пирочемъ, особаго питереса для русскаго читатели, и вридъ ли сообщающую чтолибо новое для арминской публики, тъмъ болье, что автори не касается самаго внтереснаго вопроси-объ оригинальномъ грузилскомъ гепертуарь, - объщая сдёлать это вы другой разы, а также получисиную вы той же клига пебольшую за-

матку о Масканын и Зудерманв.

Но сборпаки "Театръ", савдуя првиятой редакціею програмив, должень посить характерь театрального п литеритурного органа: поэтому в въ вышедшихъ пумерахъ мы ваходемъ не особенпо многочисленыя, правда, литературныя произведенія, два стихотворенія изъ которыхъ одно, озатлавленное "Дандоло", представляетъ собою переводъ изъ Легуве, и два разсказа Фрейнда, изъ серіп "Театральный світили"; въ свое времи эти два разсказа, съ присоединениемъ пекоторыхъ другихъ изъ той же серін, нанечатаны были, въ русскомъ переводъ, на столбцахъ "Артиста"; съ этого неревода быль, въ свою очередь, следавъ арминскій. Въ сборникъ мы паходимъ и отделъ "хроники"; молодому боллетристу В. Папазьяну ворученъ редакціей обзоръ повостей западно-европейскаго театра, при чемъ пвторъ обзора, д. виствительно, касается многихъ новинокъ, шелшихъ за посладній года, преимущественно ва французской и итменкой сцент. Въ первой квигь "Театра" есть корреспонденція изъ Петербурги, представалнощая собою характеристику начала петербургскаго тоатральнаго сезона 1893/94 года, - впрочемъ, довольно бытлую и поверхвоствую. Много любопытияго фавтического матеріала для ознакомленія съ современною участью тифинсской арминской счены заключаеть въ себв относящееся къ тому же отаклу хроники "Театральное Обовржие за 1893/94 годъ". Въ этой статью съ большимъ безпристрастіемъ и съ трезвымъ взглядомъ ва дело взображено тяжелое и необезпеченное положение тифли сского театра и обрасовано все еще остающееся небрежнымъ и равнодушнымъ отношение общества къ своей ваціональной сцеив. Для русскаго читателя не безынтересны булуть приведенныя иъ "Тентральномъ Обозрвине" наввація переводныхъ ньесь, данныхъ тифансскою армянскою труппою за вышеупоминутый отчетпый годъ, паряду съ девятью оригинальными (пять комедій и четыре исгорическихъ трагеліи); изъ переводвыхъ нещей были поставлены: "Горпозаяодяпит", "Продълки Скапена", Севильский Цирюльники", "Хапумъ" (съ грузняскаго), "На мавеврахъ", "Честь", "Родина", "Разбойники", "Орлеанская дъва", "Дама съ камеличи", "Блуждающіе огии", "Сезівя преступпики", "Кипъ", "Нищіе духомъ", "Двів спротки", "Сестра Терева".

Съ цалью пополнить армянский репертуаръ и облогинъ постановку пьесь на сцень, въ сборникъ пипечатало пъсколько драматическихъ произнеденій, -,, Марья Стюарть" (въ переводь I'. Вархудирьяна, вообще составившего себъ печетное имя своими переводами съ нъмецкиго), "Гор-позаподчикъ" Ж. Оиз, "Въ слъдующій разъ" "Грепо Данкура, "Семейная буря" (передъз. съ русскаго), и однопитная оригинальная комедія Парнакэса "Поэтъ". Къ сборинку преложены весьма недурво исполненные портреты драматурга и поэти М. Бешикташляна, Георга Мирагьяна, Зудермана, Мисканьи, а также изображение группы теха сценическихъ деятелей, о которыхъ говорить Перчъ Прошьянцъ въ своихъ воспомиваніяхъ. Изданъ сборникъ очевь чисто и даже прямо изящно; пірифтъ, бумага и обложка, украшепная соотивтетвующею виньеткою, производитъ хорошее внечатывніе; только ипостранныя слова требують болье тщательной корректуры. Цепу сборинка (2 рубля за книгу въ 150-180 сграинцъ, – пранда, иъ диа столбца) нельзя не пайти ивсколько высоком; впрочемъ, при подписки на годъ, за дви книги илатится только 3 рубля.

Относясь съ полнымъ сочувствиемъ къ сборинку "Театръ" и его основной идев, мы не можемъ, однако, ве указаль здісь на ніжоторые, встрівчающіеся въ немъ довольно существенные пробълы. Несомивияо, что разпосторонности и полнотв изданія вредить недостаточно обширный объемъ каждой иниги, вредить и то, что въ теченіе цвалго года "Театръ" выходять нь свъть только два раза. При такихъ условіяхъ, по тому нав другому отделу межно поместить въ каждой кингъ одну, мяого див статья; изкоторые огдълы рискують даже быть сопершенно не предстаплевными; такъ это уже случилось съ режиссерскимъ отделомъ, который, по мысли редакціи должень быль заключать въ собі указанія отпосительно постанонки пьесъ, декорацій, костюмовъ, статьи по гриму, практические совъты режиссерамъ и т. д. Для такой молодой, еще не установившейся сцены, какъ армянская, подобный прикладной отдель составляеть, быть можеть, ве мевье, если ве болье насущвую вогребпость, чвмъ теоретвческія разсужденія о театрів и искусствъ. Въ сборникъ можно отытить и ивкоторые другіе пробълы. Такъ, папр., русской сцень, которая уже въ силу одного соспаства лихъ пародовъ не можетъ не представлять изв'встнаго нвторесцаго для армянскаго читатели, посвящена только упомянутая выше краткая корресповден-ція изъ Петербурга, нъ которой притомъ говоритси исключительно о драматическихъ спектакляхъ. Въ Москвъ, съ ен Малымь театромъ, сборникъ совстыть не вийстъ, повидимому, коррссиондента. Но этого мало: въ отдель хропики въть даже свъдъній объ армянскихъ спектапляхъ, дающихся, время отъ времени, въ самыхъ разнообраз-выхъ городахь (даже въ Нью-Горк'в, года дла тому вазадъ, была поставлена армянская историческая трагедія), объ артистических повздкахъ армянских актеровъ, объ устранизющихся за носледніе годы въ Москвъ, Петербургії и Харьковъ "армянскихъ вечерахъ", вообще советыъ ивть спеціально армянскихъ театральныхъ и художественныхъ новостей. Если бы редикція "Театра" волучила возможность издавать его хоть 4 раза въ годъ, многіе пробълы быле бы, въроятпо, устранены.

Только что высказанныя зам'ячаніл не м'явають намь, однако, еще разъ привітствовать на страницах русскаго журнала, посвященнаго искусству, и въ частности театру, полвлевіе въ самомъ преддверіи Азін органа, ставящаго сноею задачею развитіе въ одномъ изъ древв'явияхъ пародопъ Востока сочувствія къ дучанмъ зановваніямъ западно епропейскихъ націй на поприщівнекусства и сцепическиго творчества.

Юрій Веселовскій. "Изъ исторіи родной земли"—Д. И. Тихомирова, изд. 2. Въ нашей спеціально-пародной литературъ, приспособлениой для школьпаго чтенія, пе много такихъ книгъ, какъ сейчасъ названные ,,очерки и разсказы" Д. И. Тихомврова. Авторъпростымъ, вполив доступнымъ перазвитому дътскому вониманію языкомъ разсказываетъ ряль нагересныхъ эпизодовъ изъ исторіи вашей родпны, делаеть характеристики исторических в лиць, часто не лишенным извъстной яркости, пытается, наоколько это возможно, когда обращаешься въ датямъ или малограмотнымъ читателямъ, выясиять значение д'ятельности изображаемых в лицъ и смысль описываемыхъ событій. Каждый очеркъ, стоя въ связи со всъмъ предыдущимъ п послъдующимъ изложевіемъ, пъ то же времи продстав. ляеть пыто законченное, симостоятельное, отче-го нользоване кингою г. Тихомирова въ народпой школь двлается еще болье удобимы. Ипоган

чтобы оживить свое изложение, составитель кинги вставляетъ въ текстъ вебольшіи стихотворенія и стихотворные отрывки, въ которыхъ въ поэтической форми описаны историческия события и ликь скавать большой паглядности из кингв помъщенъ цалый рядъ излистрацій, прища — не Богь впасть какого художественного значенія и красоты, по все-таки вримичныхъ и для очень дешеваго изданія достаточныхъ. Факты всюду переданы примильно и точно, объясиены они в фрио, на всемъ пзложении отражаются симватвчные взгляды антора, который ризумно любить свою розину и стремится осмыслить это натріотическое чунство въ своихъ юнихъ, только начинающихъ думать читателих. - Кинга начинается ивсколькими коротенькими очерками изъжизии первобытных людей; затымъ ридъ очерковъ посиященъ древнимъ славянамъ и условіямь ихъ далекаго быта, началу русского государетна, и т. д., вплоть до парствованія Царя-Оснободителя и его главных реформъ Въ типографскомъ отношени кинга ле оставляетъ желать лучшаго: прекрасная бумага, крупвая печать, изящный фирматъ, и все это - при очеть невысокой цана (50 к. за первый выпускъ, въ 15 печати. листовъ и 40 к. за второй въ 11 печат. листовъ).

"Звъздочка", сборнинъ статей для постопеннаго изученія родного языка. Сост. К. Ө, Петровъ.— Въ рязв всякихъ хрестоматій, которыми довольпо богата на ша педагогическая литература, "Зв. вздочкъ" г. Петрова надо по справедливости отвести одно изъ первыхъ мъсть. Стихотворенія в прозашческие отрывки, составляющие содержаніе вниги, выбрапы ся состанителемь въ большивствъ случаевъ пполиъ удачно. Они соотвътствують уронию датского пониманія и дають хорошую вишу дітскому уму, не обременяя его не-восимною работой. При группровий матеріала составитель "Зваздочка" пользуется орягивальнымъ и не лишеннымъ остроумія пачаломъ: вся кинга разбита на четыре большихъ отдъла по четиремь временамъ года Въ отдълв первомъ всв разсказы, стихотворенія, описательные отрывки имаютъ боле или менье отизкое отношевіс къ осепя, во второмъ-къ зимв ит. д. Вигочемъ, составителю не всегда удается выдержать этоть принципъ классвфикаціп. "Чижъ п голубь" Крылова попали, для примъра, въ осений отдель, а "Демьянова уха"—въ гътпій, хотя съ такимъ же правомъ можно бы сділать и наоборотъ. Въ каждомъ отділь матеріаль размінценъ такъ, что спачала помъщены пещицы наиболізе легыя и небольшія но разміру своему, затімъ потрудиве, подлиниве и т. д. Въ концв кинги приложено въсколько евангельскихъ отрывковъ на дерковио-славинскомъ языкъ. Отпечатана кинжка хорошо, круппымъ четкимъ шрифтомъ; только бумага слишкомъ топка, такъ что печать проходить. Ципа книги самая умеренная: за 14 печатныхъ листопъ-сорокъ копфевъ.

Маленьная русская хрестоматія для дітей. Сост. П. Смириовсий. Эта "Маленькая хрестоматія" расчитываеть на тоть же кругь читателей, что и "Везлочка"—на самыхь малонькихъ дітей, тольно что разставшехся ст. букнаремъ. И матеріать приблизительно тоть же, взять по большей части изг. произведеній нашихъ отечественныхъ классиковъ; но при размінценія этого матеріала состинитель держился нного, чімъ г. Петровъ, начала. Въ нервомъ отділь "Маленькой хрестоматія" подобраны такіе отрывни, которые могутъ научть школьника хорошо читать, т. с. по нозможности плавно и выравительно. Здісь преобладаеть живал річь, часто понадается діалогиче-

ская форма. Во второмъ отажав помещены статейки, которыя, по мысли составителя, должны служить главнымъ образомъ для постепен паго развитія дара слова. Впрочемъ, такан группинровка существуетъ больше въ желавів и предположеніяхъ автора, чёмъ на самомъ лълъ, и размъщеніе матеріала довольно случийвос. Текстъ "маленькой хрестоматіи" иллюстрированъ картинками, качество которыхъ соотвътствуетъ цёнъ кия гн. Стоктъ она 15 конъекъ. Въ тинографскомъ-

отношенін изданіе педурное. "Бубны Нозыри", романъ В. И. Немировича-Данченко. Новый ромапъ Вас. Ив. Немировича-Дапченко -запимательно разсказаниля страничка изъ исторін вашихъ педавинхъ бинкирскихъ вакканалій ст билетами въ разсрочку, песлыхапными, дутыми дипидендами, трескучею рекламой во всю и страшнымъ крахомъ въ видъ финала, когда тысячи сбореженій, накопленныя по грошамъ, съ пеликимъ трудомъ и лишеніями, вдругъ допаются мыльнями пузырями, обращиются въ начто. На глазахь у читателя изъ инчего выростаетъ банкирская контора п быстро разростается из гору. до колоссальныхъ размёропъ, въ какой-то вигантсвій канкинъ, и пътъ конда попавшимъ въ него жертвамъ. Въ ходъ пущенъ несь обычный механизмъ подобнаго рода предпріятій, безобидный по вившвости, по преступный по существу, и въ полной мърв подлежащій віздінію уголовиаго закопа. Все это разсказано съ обычною у Вас. Ив. Немпровича-Данченка занимательностью, нереплетепо съ эпизодами романического характера. Постоянно молькають характерныя, изъ жизни взитыя, хотя и не Богъ знаеть какъ оригинальныя фигурки: то - старикъ-банкиръ стараго закала, который любитъ свою контору, какъ дочь, и лучше готовъ сделаться инщимъ, чемъ передать ео въ другія, болбе ловкія, современныя руки; то-развращенная до мозга костей, жидван до депеть и блеска красавица; то-малепькій Порталясь россійскої формаціи, оказывиющій "услуги" при помощи печатного слова и ловко шантажирующій; то - молодящаяся првица, прокладывающая себв дорожку къ славь и популярности прв помощв средствъ, съ пекусствонъ им/нощихъ очень мало общаго. Впереди всехъ стоитъ и не сходять со страниць объемистаго романа самъ хозяниъ банкирской конторы, худосочный, илюгавый, былобрысый пымчикъ, съ гаденькой душенкою, пурвнымъ умолъ п желывымъ серцемъ, по безконечно алчный и умыщий "ловить моментъ". По полъ автора, подчасъ слишкомъ ужъ похожей на каприят и ваставляющей читателя недоприяво покачивать голопою, этотъ плюгаволькій и ограниченный, трусливый, какъ заяцъ, Альбертъ Вильгельмовичъ Лиубе подымается вверхт съ головопружительного быстрогой. На первыхъ страницахъ онъ - простой клеркъ въ конторъ, коринтъ надъ какою то кингою, вписываетъ какін-то малозначущін цифры, а вечеромъ пьетъ за чужой счеть инво у Лейнера. Проходить какойнибудь мысяцъ, два, — и выя его гремить уже на всю Россію, у пого милліоны, пранта-чужіе; къ пему въ кабинеть заглядывають съ запскивающею улыбкой прупичищие финансовые тузы, съ пимъ милостиво бесеруетъ министръ и восхищается его умомъ и проницательностью. У него — дорогая квартира, дорогія картпин, дорогая жешцина. Везеть Лаубе, по народному выраженню, какъ удавлевнику. Такъ можетъ везти только въ романь для легваго чтенія, когда автору хочется увлечь своего довърчиваго читателя картиною блестящаго, по преступпаго успаха, чтобы тамъ сильние поравить ватымь паденивы героя винвы, въ мрачную пропасть. Пріемъ, давно практикуе-

мый популярными французскими ромапистами, поставляющими беллотристическій матеріаль для фельетоновъ расхожихъ газетъ, и при извъствомъ умвиьм и навыки всегда приводящій къ желанно-му результату. Получается романь, который, разъ начавъ его, непременно дочитаешь до коина, до развизки, гд в разрубается ловко запутанный узель. Волна уситка, которая несетъ герон все впередъ, оть удачи къ удачь, захвачываеть и читатели, заставляетъ и его волноваться, напряженно следить за этой скачкой черезъ препятствія и лихорадочно пробігать глазами страницу за страницей, - чтобы поскор ве узнать. удастся за герою такая-то новая хитрая плутия, хитръе всъхъ предыдущихъ, такой-то отчаянный маневръ, до чего онъ дойдетъ я когда, вановець, "сорвется". Всякій усижкь дійствуєть какъ-то гиппотически в заставляеть сочувствовать, если не преусп'Евающему герою, то во вся-комт. случав — самому усп'яху. Такь уже устроень человікь; и стоить вдуматься немного поглубже во всё этп романы "похожденій", во вся-кіе "Рокамболи" в т. п., чтобы увидать, что всё они разсчитывають именно на эту особенпость человической души. Пусть герой - архивходей, изъ мошенниковъ мошенникъ; пусть ц.вли, какія онъ себ'в ставить, - ужасныя д'яла, а средства къ нимъ еще ужиснъе. Но, возмущаясь влодвень, обычный читатель "похожденій" невольпо хочеть, чтобы цваь его была достигнута, чтобы герою удалось сдылать задуманное, избъжать преследонаній, пе попасть въ ловушку. И когда все это ему, дъйствительно, удается, читатель доволень. Вспоминте, ту далекую нору когда вы сами зачитывались подобною беллетристикой, оживите въ намяти давно забытыя висчатиснія, разберитесь въ вихъ, и вы увидите, что это такъ...

Только у Вас. Ив. Немировича-Данченка всл эта діятельность фельетоннаго тероя - карьериста, хотя и разукрашенная, эффектности ради, показанвая въ увеличитольное отекло и при бенгальскомъ освъщения, не лишена реплынаго характера, не сонстив оториана отв земли и отъ современной соціяльной обстановки. "Бубны-Ковыри", будучи, по желапію семого автора, роми-номъ фельстонной литриги, не перестають быть и романомъ правовъ. И нотому, даже читатель, ве интересующійся такъ пазвраемымъ легкимъ чтенісмъ, стороняційся отъ разкоочерченных в и ярко размалеванных т образовъ, выдержанныхъ въ одномъ тонь, бевъ скуки перелистываетъ кингу. Помогаетъ этому и стилистическое мастерство, всегда отличающее г. Немировича-Данченка п та матаје, истивно-художественные штринки, которые истъ-и втъ да и попадаются въ обрисовкъ персонажей ромина, тв искорив вскренияго вдохновенія, которыя пісколько разъ вспихивають на протяжение объемистого, пемного растянутаго, "размаванниго" произпеденія. Большой художественной прии оно не имъстъ, да и не можетъ нивть-уже по одному тому, что авторъ писалъ его, оченидно, наскоро и заботился лишь о томъ, чтобы дать зипятное чтеніс. Но талантъ сказался и тутъ, сдълаль спое, и если "Бубны-Козыри" инчего по прибанятъ къ славъ своего интора, то во всякомъ случав подтвердять его репутацію, какъ искуспато, запимательниго разсказчика.

Романь очень изящно издань петербургскимъ

издателемъ Ф. Іогансономъ.

Архитекторская номанда. О черкъ московскихъ учрежденій, выдавших в строительное діло и обученіе ему. Составленъ В. Гамбурцевымъ. М. 160. 1894 г.

Эта небольшая броннорка, несмотря на очевь скромвый разм'єръ, даетъ для всторін русскаго искусства гораздо болью, чімъ п'єкоторыя изда-

нія съ громкими заглавіями. Подъ своимъ, на первый взглядъ кажущимся страпнымъ именемъархитекторская команда — но именемъ, вполив оприндываемымъ содержаніемъ, бротюриа эта представляеть интересные матеріалы для исторін москонскихъ учрежденій, въ вѣдѣнін которыхъ находилось и строительное дало, и самое обучепіе ему, пачиная съ древняго Камсинаго Приказа, основанів котораго относять къ последнему году царствованія Пиана Грозваго (1584 г.), и кончая Архитекторскимъ Училищемъ при Экспедиці и Кремлевского строенія, воспитаннями котораго работають и въ паши дин.

Сообщая матеріалы къ исторін Каменнаго Приназа, авторъ задается вопросомъ: "не служилъ ли древий Къмсиный Приказъ причиною тѣхъ требованій п условій, которыя заставпли приэпанныхь къ намъ западпыхъ мастеровъ, болве свівдующих въ технико каменнаго золясства, подчиниться мъстнымъ требованіямъ и условіямъ и работать не нъ чужеземномъ какомъ-зибо стияв, а въ ископномъ русскомъ, принятомъ издавна для деревляныхъ построекъ, нереводи формы съ дерева на камень и сохраняя такных способомъ черты самобытности въ русскоиъ зодчествъ? Къ сожилы ію, вопрось этоть оставлень открытымъ

ва недостаткомъ дапныхъ для этого.

Дренній Каменный Приказь сибнила потомъ Главная Канцелярія Строснії, представлявшая собою ивчто вроде строитсльнаго министерства, им ввшаго въ своемъ въдъніи постройки по всей Россіп. Она им'йла архитекторских учениковъ, въ числъ которыхъ былъ и изивствый архитекторъ ки. Д. В. Ухтомекій, основавий внослідствія периую архитектурную школу въ Москвв.

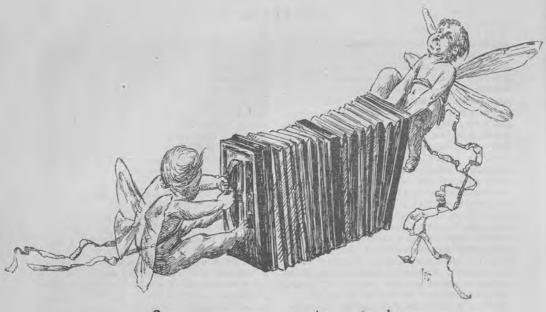
Съ течевіемъ времсни в съ увезиченіемъ числа архитекторовъ при учрежденіяхъ, заявдывающихъ постройвами казенных в зданій, образовались особые комплекты спеціалистовь, которымь въ старыхъ двяхъ присвоено назване архиписктор-скилъ компидъ-название, давнее имя в разсматривасмому нами изданно. Подъ этимъ именемъ разумился комплектъ лицъ, необходимыхъ при постройки замия: архитекторовъ, ихъ помощииковъ, учениковъ каменнаго и квадраторнаго дъла мастеровъ и разнаго рода казенных настеровыхъ.

Въ это время особой, постоявной архитекторской школы, или особихъ архитекторовъ-пренодавателей, повидимому, не было. Архитекторскіе ученики находились въ командахъ архитекторовъ, исключительно занятыхъ развыми постройками, и изучали дело не посредственно ва практиве; правильная же школа, кажь мы ее теперь понимаемъ,

явилась гораздо поздиве.

Сказаннаго вими уже достаточно, чтобы видіть, какой интересть представляеть разсматриваемая пами брошюра. Мы встрвчаемъ здъсь большего частию выписки изъ разныхъ архивпыхъ дълъ, пзланіе которыхъ, даже и безъ обработки, заслуживаетъ пинманія. Въ конці квиги приложены планъ древняго Кремли (изъ бумагъ архитекторовъ бритьевъ, Н. в С. Дингріевыхъ) и иланы Мясвицкой чисти, гдв находилсидноръ бывшаго Каменнаго Приказа, — одинъ 1796 г. (по изда-нію Полежаєва), а другой — 1851 г. (по А. Хотеву).

Бъ завлючение укажемъ на одну небольшую ошибку, замъченную нами здись. Приводя объиснение словъ "Каменныхъ дель подмастерья", изъ Матеріаловъ для археологического словаря, авторъ вриписываетт, его графу А.С. Уварову, тогда какъ это принадлежитъ перу пашего маститаго историка-археолога И. Е. Забълина. Впрочемъ, ошибка эта виолий естественна, такъ какъ имени И. Е. Забълипа тамъ не подписано и авторъ отнесъ къ нимъ первую следующую за ними подинсь.

Современное обозрѣніе.

МОСКВА.

Малый театръ.

Юбилейный спектакль 4-го января.

4-го января этого года истекъ вѣкъ съ того достопамятнаго дня, когда гдѣ-то въ московской глуши, въ теперешнемъ Девятинскомъ переулкѣ, за Зубовскимъ бульваромъ, у Сергѣя Ивановича и Настасьи Федоровны Грибоѣдовыхъ родился сынъ, нареченный Александромъ, будущій геніальный комикъ, творецъ «Горя отъ ума». Нѣтъ для русскаго театра болѣе дорогого имени, чѣмъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, и болѣе дорогой даты, чѣмъ 4-ое января 1795 г. Вѣковая годовщина этого дня — великій праздникъ для театра, торжество чрезвычайное, какихъ очень немного.

Нашъ Малый театръ, какъ и другіе московскіе драматическіе театры, ознаменоваль этоть день юбилейнымъ спектаклемъ. Юбилейный характеръ последняго выразился, впрочемъ, лишь въ одномъ; передъ началомъ «Горя отъ ума», поставленнаго совсёмъ не юбилейно, точь въ точь такъ, какъ въ будничные спектакли, съ тою-же обстановкою, въ тёхъ-же старенькихъ, пообтренавшихся костюмахъ и съ тъмъ-же со ставомъ исполнителей, — была сивта «Слава» Грибовдову передъ его бюстомъ. Бълая голова незабвенного художника слова, залитая мягкимъ, лиловатымъ свътомъ, эффектно выдълялась на фонъ тропической зелени; цоколь потонуль въ лавровыхъ вънкахъ. Кругомъ бюста — красиво скомпанованная живая картина изъ персонажей комедін; направо и наліво оть этой живописпой группы--весь Малый театръ.

Все это вышло очень торжественно, эффектно. Чувствовалась искренность, благогов вніе къ памяти чествуемаго, а не простое отбываніе скучной юбилейной повинности. Но все это былобы хорошо, какъ прелюдія, какъ вступленіе къ юбилейному же спектаклю. А его то и не оказалось. Въ обстановив, постановив и исполнепін грибобдовской комедін ничто не измѣнилось, все осталось въ своемъ прежнемъ видъ, нельзя сказать, чтобы очень приглядномъ и достойномъ лучшей русской сцены. Такъ часто ловкіе издатели одівають старое изданіе въ свібженькую, красивую обложку, вклеиваютъ новое щеголеватое предисловіе и пускають опять залежавшуюся книгу въ оборотъ. Память Грибо. **Вдова** была-бы, во всякомъ случав, почтена болбе достойно, если бы не было ни вънковь, ни даже «Славы», но зато обновлена постановка его комедін и, главное, даже маленькія роли-маленькія лишь по количеству словъ, но не по художественному значенію и смыслу поручены перворазряднымъ артистическимъ силамъ.

Почему сдёлать это показалось ненужнымъ или невозможнымъ, не знаю. Помню, нёсколько лётъ назадъ, въ юбилейное представление «Ревизора» даже роли безъ словъ исполнялись главарями труппы, и въ числё гостей Сквозникъ-Дмухановскаго были Федотова, Ермолова, Го-

ревъ, Ленскій. И какъ много выигралъ отъ этого последній акть гоголевской комедін! Сколько было въ немъ жизни, разнообразія, красоты! Персонажь съ двуми-тремя словами, какой-инбудь отстанной чиновникъ Лолюковъ, обыкновенно проходищій совершенно незажіченнымъ, выростазъ въ пркую, характерную фигуру, чуть-что не въ типъ; а ансамбль, сценическая стройность достигали идеальнаго совершенства. Да если бы и не получилось этихъ собственно художественныхъ результатовъ, участіе первоклассныхъ артистовъ все-таки сдблало бы свое дъло. Оно придало бы спектаклю чрезвычайную торжественность; оно бы краспорфине говорнао о великому уважении актеровъ къ геніальному автору. И зритель непременно почувствоваль бы это, самъ проинкся подобнымъ настроеніемъ. Словомъ, получился-бы дъйствительный подъемъ. Въ наши равнодушные, сфрые дин опъ совстиъ не лиший...

Гриботдонской комедін такой состанъ исполинтелей, крупные артисты во второстепенныхъ роляхъ во сто кратъ нужиће, чвиъ «Ревизору». Люлюковъ, Хлонова, другіе гости городинчаго персонажи все-таки очень незначительнаго художественнаго интереса. Правда, когда зритель увидаль Люлюкова-Горена или Хлопову-Федотову, опъ попялъ, что и пзъ этихъ крошечныхъ ролей можно создить ибото достойное вниманія, что даровитому, чутному и находчивому артисту достаточно слабаго авторскаго намека, чтобы развить его затёмь въпрекрасное цваое. Безъ помощи гг. Гореня, Өедотовой и ивкоторыхъ другихъ зритель и не зам'ятиль бы втого намека, и ему не было бы больно, что часть сокроницъ, подаренныхъ Гоголемъ, пронала. Зритель только не получилъ бы неожиданнаго подарна и быль бы въ правъ признать исполнение «Ревизора» образцовымъ, моти бы во всёхъ этихъ Люмоновыхъ были выпущены впитожные, выходные лицелфи.

Не то съ «Горе отъ ума». Въ грибоъдовской комедін — врядъ-ли нужно доказынать это теперь, когда ей перевалило за семьдесять - цълая коллекція, миніатюрныхъ правда, по очень типичныхъ фигурть, и каждая надълена своими характерными чертами, каждая выръзния съ великинъ мастерствомъ. Ни одна изъ нихъ не должна пропасть, не должна обезапчиться, превратиться нъ ненужную бутафорскую принадлежность. Разъ такая фигура, по внив исполнителя, пропала, притель уже не только не получить нежданнаго подарка, по лишится, тикъ сказать, своего, того, на что вметь право. И каждая вынавиная фигура паносить страшный вредъ всей картинъ, потому что явлиется существенною еп частью. Выньте одинъ-другой цвътной камушекъ изъ мозанчино рисунка, и весь рисуновъ можстъ поглонуть, потерять прасоту и смыслъ. Сцены бала у Фамусова п

разъвзда-именно такіе рисунки. Туть важень и цъневъ каждый штрихъ, каждое слово; зрптель знаетъ его напередъ и ждетъ, какъ оно будетъ произнесено актеромъ. И потому всть роли въ грибо вдовской комедін должны быть поручаемы большимъ актерамъ, которые умъютъ творить, подпиматьси до созданія образопъ, а не только ограничинаются бол ве или менте старательного подачего решликъ. Если этого покакимъ - инбудь практическимъ соображевіямъ пельзя аблать всегда, въ театральныя будин, то для столътниго юбилея, для свътлаго праздинка русской сцены во всякомъ случат можпо бы пожертвовать «практическими соображеніями» и сдізлать исключеніе. Артисты потратили бы свое время не даромъ. Пов'връте, чъмъ роль меньше, короче, бидние словами, тъмъ трудиће ее сыграть, конечно-если хочень дать художественный образъ. Сыграть образново Загоръцкаго — куда болбе мудренан задача, чемъ, напримъръ, Чацкаго или даже Фамусова. Пусть это не покажется парадоксомъ. Это такъ. Въ роли Чацкаго исполнитель чувствуетъ себя на просторъ, въ его распоряжени много времени, много разнообразныхъ средствъ. Если отдъльные моменты передачи у пего не ярки, онъ можеть взять ихъ совокуппостью; сдъланный промахъ онъ посибетъ исправить, заставить объ немъ забыть. Онъ проглядить одив черты своего героя, зато подчеркиеть другія. Въкоротенькой ролп, ограниченной однимъ, двумя явленіями, десяткомъ стиховъ, пртистъ долженъ сосредоточить вст свои силы на одномъ моментъ, долженъ дорожить наждымъ словомъ, потому-что ихъ у него такъ немпого. Промахъ, оплошность-непоправимы. Онъ долженъ обладать презвычайного чуткостью и прозорливостью, чтобы разглядьть въ линіатюрномъ авторскомъ рисунки вси штрихи, разгадать все содержание образа и его игра должна быть какъ бы увеличительнымъ стекломъ, черезъ которое бы и зритель ясно увидаль все это художественное содержаніе. Ибтъ на сценъ задачи болье трудной.

И исторія «Горя отъ ума» на московской Малой сцень знаетъ примъры, когда актеръ дълался знаменитымъ, пріобръталь себъ громкую извъстность и популирность у нубляки исполнешемъ такихъ розей, какъ г. Л. изи киязь Тугоуховскій, не произносящій за всю комедію ни одного членораздъльнаго звука. Назову хотябы П. Г. Степанова, который изображаль глухого князя въ первое представлене комедін въ Москви (въ 1830 г., шелъ, въ бенефисъ артистки Ръшиной, липи, 3-ій акть подъ особымъ заголовкомъ «Московскій баль») и затъмъ не разставалси съ этою ролью безъ словъ десятки літь и каждый разь имбль большой усибхъ. Позвольте сделать маленькую выдазку въ пропилое и папоминть объодномъ спектакай, о бенефисъ суфлеровъ Малаго тентра весною 1867 г.

Въ этомъ спектака в публика устропла, безо всякаго вижиняго новода шумную отчино старику Степанову. Ему было, между прочимъ, подано блюдо, на которомъ выгравировано назваше лучинкъ ролей артиста. Впереди всъхъ стоплъ «кинзь Тугоуховскій». Публика испо показала, что она но достоинству оцъпила работу Степанова въ этой безсловесной роли, что ей всегда дорогъ встинный художникъ, хотя бы вивший рамки его произведени были очень малы. Въ тотъ же спектакль устроена водобная овація Пикифорову, главная слави и понулярность котораго - это фактъ, неоднократно засвидътельствованный въ актерскихъ запискахъ в всякихъ мемуарахъ, - основывалась на исполнении розп... г. М. Въ розивсего двънадцать коротенькихъ строчекъ, какая-инбудь сотин словъ, ссли не меньше, по и ихъ было довольно, чтобы создать живоелицо, сценический шедевръ и покрыть актера славою, сохранить его имя для потомства.

И когда приходинь въ театръ, на юбилейный спектакль, только что воскресивъ въ намяти вск эти подробности, вск эти вмена, и видишь, что пътъ ин г. М., ин г. В., ин Тугоухонского, ин княгини, ин княженъ, ин Хрюминой: хужа того — пътъ ин настопщаго Загоръцкаго, ин Горичевыхъ, этихъ замъчательныхъ фигуръ, въ которыхъ каждая черта -- правда, жизнь и каждое слово-художественный пераъ,дълается грустно. Юбилей не въ побилей! Всъ эти образы точно вылиняли, облунились, пропали яркія ихъ краски, выв'їтрилось содержаніе. Это не гриботудовскіе персонажи, и третьсстевенныя лица изъ современной илохенькой драмы, нужныя только потому, что безъ ныхъ мало искусный въ драматурическомъ мастерствъ авторъ шикакъ не можетъ довести свою ньесу до благоволучнаго конца.

Вся сцена била дълается накою - то тяжелою, монотонною. Вотъ ужъ именно — «ну балъ! ну Фамусовъ! Умбать гостей назвать!» Всякій въ зрительномъ залу готовъ присоедишться пъ словамъ графини-виучки. Истъ въ картинъ блеска, истишаго оживленія, которое не совсвив то-же самое, что суетия какое-то споваше актеровъ изъ правой кулисы въ ливую и назадъ, изъ лъвой въ правую, какіе то безпорядочные книксены и расшаркиванія. Изтъ и следа оригивальноств, сценической выдумки, а для этого здась, казалось-бы, такой ингрокій просторъ. Въдь Фамусовские гости не чета гостямъ Гоголевскаго городинчаго. Сколько жизни и разпообразія могли-бы впести сюда своимъ участіемъ опытные, изобрътательные артисты; какую могли-бы показать богатую серію типичныхъ гримовъ, манеръ. Сцена бали, поставленная по-гобилей ному, представила бы рядъ прекрасныхъ, характерныхъ, быстро сибияющихся живыхъ картинъ, рядъ интереситивихъ группъ, и въ шихъ воскресла бы предъ зрителемъ грибовдовская Москва, какъ фонъ, на которомъ рельефио выступали бы фигуры главшыхъ геросвъ комедіи... Ввдь въ рамкъ этой
сцены можно умъстить безконечно-разнообразное содержаніе! И Малый театръ слинкомъ богатъ хороними силами, чтобы исе это было
несбыточною мечтою, какимъ-то чрезмърнымъ
требованіемъ придврунваго критика.

Нс наше дёло указывать, какъ должны бы быть распредёлены роли. Да и поздно теперь дёлать это: «Горе отъ ума» идеть на Милой сцепё раза два въ сезопъ, и слёдующее представлене комедіи состоится, конечно, не равёе будущаго сезона. Во всяконъ случав, г-жи Иблочкина, Закоркова, Великанова-Рамазанова. гг. Грессеръ, Непскій, Левицкій, Талановъ — врядъ ли подхолищіе неполиятели для Горичевой, Тугоуховской, Хрюминой, Загорёцкаго, г. N., г. Д., Горичева, Тугоуховскаго, — по крайней мірів въ такомъ свектакав, какъ спектакль 4-го января 1895 года, когда вся Россія праздпустъ столётиюю годовщину со дня рождевія Грибойдова.

Вь трехъ круппыхъ роляхъ комедін, въ Чацкомъ, Репетиловъ и Софъъ на Малой сценъ чередуются исполнители: въ одномъ спектакат. Чацкаго пграетъ г. Горевъ, Репетилова — г-пъ Правдинъ, Софью-г-жа Яблочкина 2; въ другомъ: Чацкаго-г. Южинъ, Репетилова-г-пъ Горевъ, Софью--г-жа Папова. О первомъ изъ этихъ двухъ составовъ исполнителей — намъ уже приходолось, хотя и очень кратко, говорить въ статъв «Къ пачалу сезона». Такъ какъ съ открытія сезона «Горе отъ ума» не было сыграно ин разу, то на долю юбилейнаго спектакля вываль второй составь, безспорно—лучшій. Прежде всего, г. Южить — значительно болбе удовлетворительный и штересный Чацкій, чтить г. Горевъ, какъ этотъ вослиднійкуда болье достойный Генетиловъ, чъмъ г-иъ Прящинъ, а, выъстъ, гораздо болъе совершенный Ренетиловъ, чъмъ Чацкій. Насколько можпо возстановить игру артиста по старымъ рецензіямь и отрывочнымь восвоминаніямь свидътелей, г. Южинъ по общему плану своего озывые длиже всего взи Рациих прошлаго подходить къ покойному Шумскому. Подчеркиваемъ: по общему илапу исполненія, такъ сказать-по концепцін роли, а не по манер'ї вгры, которыя у обонхъ названныхъ артистовъ такъ песхожа. Шумскій — строгій реалисть на сцень, г. Южинъ – романтикъ, которому навосъ дороже правды, видиняя эффектность - дороже испренней простоты и красоти-зарактерности. Актеры разные, независимо отъ размъровъ дарованін. По замысель роли, тъ пастроенін, какими окраниваются отдельные ся моменты, и постепенная см'йна этихъ настроеній, нхъ послъдовательность - новидимому, один и тъ же, очень близки. И многое въ этомъ замысать чрезвычайно удачно. Особенно хорошъ у г. Южина, въренъ психологически первый актъ, какъ быль онь хорошь, лучше остальныхъ, и у Шумскаго. Артистъ ведетъ всю первую сцену съ Софьей очень просто, безъ всякаго раздраженія. Напротивъ, Чацкій туть только оживленъ, даже веселъ; онъ счастливъ, что видитъ, наконецъ, Софью, что онять въ дорогой ему обстановкъ, о которой не разъ мечталъ во время долгихъ скитаній по Европъ. Опъ именво «свиданьемъ съ Софьей оживленъ и говорливъ»; слова такъ и рвутся съ языка; толиятся воспоминанья, одно нагоняетъ другое, и Чацкій сыплеть словами. Въ нихъ слышится добродушный, мягкій юморъ, но не пронія, не тоть ядовитый смёхь, что зазвучить поздиже, когда Чацкаго обманетъ последняя надежда, изъза которой онъ «спъшиль, летвль, дрожаль». И во встхъ этихъ словахъ слышна любовь къ Софьт, втра, что и она его любитъ. Чацкому пока и въ голову не приходитъ, что все прошедшее она обратила въ смъхъ, что ей его внезапный прівздъ, слова, поступки-все противно. Правда, Софья приняла его холодно. Человъкъ, не ослъпленный чувствомъ, замътиль бы это. Но Чацкій и не хочеть замівчать. Кое-что наводить его на сомнинія, но онъ со всею силою гонить эти сомнънія прочь; на короткое мгновенье налетаетъ грустная дымка, онъ бросаеть какой-инбудь упрекъ, вопросъ, но даже не дожидается отвъта, и волна радостнаго чувства, пріятнаго любовнаго возбужденія подхватываеть его снова и несеть впередъ. Таковъ общій тонъ исполненія г-на Южина въ этомъ актъ, который разнообразится дегними оттънками. Только когда Софья уходить, и Чацкій остается одинь съ Фамусовымъ, его возбуждение нъсколько падаетъ; начинаетъ звучать новая нотка — любви, смѣшанной съ мученьемъ, точно предчувствіе, что любовь эта не поведеть его къ добру. Глубоко върная психологическая подробность. Въ присутствій любимаго существа такое предчувствіе дремлеть, молчить; но чуть врозь - и оно просыпается, ростеть.

Прекрасное само по себъ, такое исполнение въ первомъ актъ вмъстъ съ тъмь помогаетъ актеру сделать разнообразнее последующую свою нгру (Господи! У сколькихъ Чацкихъ вся роль обращается въ одинъ сплошной, взрывъ негодованія!) и придать ей стройность, планом врность. Плань исполненія ясень. По мара того, какъ дайствіе пьесы будетъ подвигаться впередъ, радостное настроеніе, какъ результать надежды на взаимность, будеть падать все болбе, все сильное будеть увъренность, что Софья любить другого, разочарование въ ней самой. И параллельно всему этому будеть рости общее озлобление, обостряться пронія и негодованіе, и наконецъ они возьмуть верхъ надо всёмъ. Неудачная дюбовь, конечно, не причина мизантропіи Чац-

каго и его злыхъ нападокъ на окружающее, но она -- толчекъ къ нимъ, она придала имъ последнюю окраску. Все речи Чацкаго ничуть не теряють оттого своего великаго, глубокаго значенія, не опошляются, только образь его выигрываеть въ художественномъ отношении, дълается болье правдивымъ. Становится понятной и нъкоторая его крикливость, сустливость, запальчивый товъ, тъ особенности его поведенія, которыя дали Бълинскому поводь объявить Чацкаго «просто крикуномъ, фразеромъ, идеальнымъ шутомъ, на каждомъ шагу профанирующимъ все святое»... мальчикомъ на палочкъ верхомъ, который воображаеть, что сидить на лошади»... Чтобы объяснить себъ, какъ могъ сорваться съ пера нашего знаменитаго критика такой несправедливо-строгій приговоръ надъ однимъ изъ самыхъ свътлыхъ героевь русской литературы, надъ этимъ выразителемъ завътныхъ взглядовъ и симнатій Грибовдова, надо вспомнить то переходное настроеніе, въ какомъ въ эту пору находился Бълинскій и которое, между прочинь, заставляло его писать такія слова: «общество всегда правъе и выше частнаго человъка». Поздиъе критикъ радикально измѣнитъ свой взглядъ на Чацкаго и на всю комедію, въ извъстномъ письмъ къ Боткину отъ 10 декабря 1840 г., между прочимъ, будетъ писать: «всего тяжелье мнв вспомнить о «Горв оть ума», которое я осудиль съ художественной точки зрънія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадывансь, что это благороднъйшее, гуманическое произведение, энергическій (в при томъ еще первый) протесть противъ гнусной россійской действительности, противъ чиновниковъ-взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свътскаго общества, противъ невъжества, добровольнаго холонства И Пр.»...

Г. Южинъ на всемъ протяжении роли хорощо выдерживаеть свой планъ, и Чацкій выходитъ вполив живымъ, ничуть не ходульнымъ лицомъ, какимъ, къ слову сказать, выходиль въ исполнении первыхъ но времени Чацкихъ: московскаго — Мочалова и петербургскаго — Ка ратыгина. Всв рецензін тридцатыхъ годовъ сходятся въ такомъ признаніи. Только монологь «Въ той комнатъ незначущая встръча» звучаль въ юбилейномъ спектакай какъ-то недовольно сильно, хотя артисть и пускаль въ ходъ обычные ему пріемы эффектной, слегка декламаціонной читки. Правда, такая читка не совствы идеть къ общему тону комедии, и благодаря ей слишкомъ звенять концы стиховъ, но зато благодаря ей же монологи пріобрътають выпуклость, яркость; каждая фраза точно отчеканена и показана во всей своей красъ. Слабъе другихъ артисть ведеть еще сцену съ Софьей передъ баломъ, сцену замъчательную, вы которой Грибобдовы показаль

себя такимъ чуткимъ наблюдателемъ и знатокомъ человъческаго сердца, какъ, кажется, ингав въ другомъ мъсть комедін. Вы, конечно, отвательной поминте это первое явление третьяго дъйствія, когда Чацкій старается выв'вдать у Софыи правду объ ея отношенияхъ къ Молчалину. Софын перечисляетъ достопиства Молчалния, читаетъ ему напегирикъ, по Чацкій видить въ этомъ только насменку. Эти неоднократные à part: «она его не уважаетъ», «она не ставитъ въ гронгъ его», «шалитъ! она его не любитъ» -- поразительные перлы испхологической прозоранвости; это, какъ говорятъ французы, истинын traits de maitre, доступныя генію. По нашему, въ приведенныхъ слопахъ, точно въ зеркалъ, отразилась вся душевная красоти Чацкаго. И это вывств, апогей его любвикъ Софът. Напоминиъ, чтоПушкинъ сразу оцънить всю прелесть описываемой сцепы. «Между мастерскими чертами этой прелестной конедін, иншетъ онъ недовърчивость Чацкаго въ любии Софыи къ Молчалину прелестна. И какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертъться вся комедін, по Грибовдовъ върно не захотъль: его воля!» Произнося сейчасъ цитерованныя фразы роли, артистъ долженъ показать восторгъ влюбленнаго человъка, который убъждается въ неспракедивости своихъ ревнивыхъ подозръній, и восторгъ все ипростающій, плохо сдерживаемый. Г. Южинъ произносиль ихъ слишкомъ безразлично, скоръе съ какимъ-то педовъріемъ къ собственнымъ словань, топомь какого-то полувопроса. Это не такъ, и оттого вси сцена много теряетъ Въ содержательности, умаляются ея интересъ и смыслъ.

Г. Горевъ, играя Репетилова, ставитъ себъ прежде всего одну задачу и прекрасно ее осуществлиеть: сдёлать своего герои только комическою фигурою, но не каррякатурою, спасти его отъ шутовскаго облика. Образъ, созданный авторомъ, слинкомъ ярокъ самъ по себъ, п потому не для чего актеру сгущать собственносценическія краски, играть Репетилова уже совершенно нынымъ, гонорить заплетающимся языкомъ, писать все время иыслете, складывать лицо въ страшныя гримасы, вытягивать впередъ губы, довать руками воздухъ и т. д. Такъ пграютъ Репетилова большинство современныхъ намъ антеровъ и дълають его не только смъщнымъ, но и отвратительнымъ, гадкимъ. Позвольте опять сослаться на авторитетъ автора «Евгенія Онъгина», «Зачёмъ д'влать его гадбимъ? спрашиваеть опъ: - донольно, что опъ вътренъ и глупъ съ такимъ простодуниемъ», И г. Горевъ, отказавшись отъ обычныхъ утрированныхъ пріемовъ. умжетъ все-таки раскрыть все содержашіе ренетиловскаго образа, умѣетъ показать всю его безпутную, по. право, не «гадкую» натуру. Одинъ изъ рецензентовъ, писавшихъ

о первомъ представленім «Горя отъ ума» въ 1831 г., какой-то В. Ушаковъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «Тебъ кажется, что онъ зжетъ, разсказывая о своихъ проказахъ? Ивть, не лжеть, а преувеличиваеть то, что было въ самомъ дълб». Это замбчанів мъткое, и оно певольно вспомнилось памъ, когда мы видели Репетилова-Горева. Опъ не лжеть, опъ именно только преувеличиваеть и самь увлекается. кажется, самъ въритъ въ то, что болтаетъ. Затъмъ, Репетиловъ г. Горева, песмотри на хмыл, на пеурочный чась, въ который попаль къ Фамусову, остается все-таки свътскимъ, «приличнымъ» человъкомъ. Вы видите, что это дъйствительно членъ высшаго московскаго общества. Его тамъ даже любять, считають добрымъ налымъ. Ренетилова же, какимъ его изображають обыкновенно наши лицедви, не пустили бы ни въ одинъ порядочный домъ: это кто угодно, только не членъ «грибоъдовской Москвы». Правда, благодаря такому сдержанному исполнению г. Горева, публика, привыкшая къ грубому, водевильному комизму, меньше и этине смълдась; по справедливъе поставить это исполнителю въ заслугу, чтмъ въ вину. Только ивкоторые отдельные стихи произноснав г. Горевъ какъ-то некрасиво. Въ стихъ, напримъръ, «Самъ плачетъ, а мы всъ рыдаемъ» артистъ расчленяетъ три посабдиихъ слова, дёлаетъ послё каждаго довольно большую паузу и каждое произпосить съ сильнымъ ударенісмъ, чънъ ближе къ концу стиха, танъ сильиве. Это и неестествению, и некрасиво. Впрочемъ, такихъ стпховъ очень немпого.

Третья роль съ чередующимися исполнителями -- роль Софыи, которую въ имижений спектакль пграда г-жа Панова. Роль эта — самая неблагодарная и трудная по всей комедін, менъе всего удавшаяся Грибовдову, менъе всего удававшаяся и нашамъ артисткамъ. Начиная съ первыхъ Софій на московской сцень, съ Рыпиной и Потанчиковой, ни одна не удовлетворяла вполну критикову и рецензентову, хотя въ роли пробовали снои силы чуть не вст лучшія артистки трупны, между прочимъ-Н. М. Мелвъдева (въ пятидесятыхъ годахъ), Г. И. Өедотова (въ шестпдесятыхъ) и М. И. Ермолова (въ семилесятыхъ). И дъйствательно, что такое Софья, — сказать опредъленно мудрено. Въ ней слишкомъ много чертъ протиноржинвыхъ, несовивстимыхъ. Какъ-бы вы на нее ин смотръли, всегда изкоторыя принцезиныя ей особенности будутъ въ непримиримомъ противоръчін съ вашимъ взглядомъ. И потому-то къ пашей критической литературъ такъ много разпоръчивыхъ опредълсній ся. Всъ сходятся, кажется, лишь въ одномъ: что образъ этотьнеудачный. «Софья не дъйствительное лицо, а призракъ», пишетъ Бълпискій, «Софья начертана неясно», говоритъ Пушкинъ и т. д. По мивнію одинхъ, Софья суха, черства, настоящая

дочь Павла Афанасьевича, по мижнію другихъ — мечтательна, сантиментальна. По мижнію однихъ, Софын умпа, разсчетлина, даже дёловита и зла; по мижнію другихъ — просто слезливая, кисейнаа барышши. Бёлинскій видитъ въ ней «какую-то эпергію характера» и пезависимость, честность патуры. По опъ - же долженъ признаться, что мпогое въ пей, вся ея любовь къ Молчалину плохо вяжутся съ такимъ о пей представленіемъ, что «тутъ противорёчіе».

Напболье строень образь Софы, если смотръть на нее, какъ на дъвушку съ мягкимъ сердцемъ, по съ мало развитымъ умомъ, дънушку, воспитанную на сантиментальных в романах в, сь немного взвинченною меттательностью, которой правится любовная меданхолія и нужна не столько самая любовь, сколько ен заманчивый, говорящій воображенію антуражъ. И когда Софья говорять Лизъ: «Что миъ молва? какъ хочетъ, такъ и судитъ», - мы ей не совствиъ втримъ. Ей только кажется, что это такъ. Въ ней говоритъ не убъждение, а чувствительность. Софь в хочется походить на мечтательныхъ, прасиво страдающихъ героинь такъ романовъ, какими она зачитывается по ночамъ, ей хочется думать, какъ опъ. По все это только забава, не больше, какъ и весь ея романъ съ Мозчалинымъ. Если бы Софья умъла и хотъза заглядывать себт поглубже въ душу, она бы увидала, что сама смотритъ на этотъ романъ, линь какъ на пріятное времирепровожденіе, какъ на невинную дань юности. И можетъ быть, поэтому-то ея выборъ останонился на Молчалипъ. Для игрушечнаго возлюбленияго, возлюбленнаго въ щутку, Алексъй Степанычъ—самый подходящій человікь. Ісогда женщина любить истинно, она хочетъ подчиняться любимому человъку; когда только забавляется любовью она непремънно хочетъ, чтобы онъ ей нокоризся. Ито-то, кажется Газаховъ, сказалъ, что въ Софы в «подъ пъжными формами и ронаническою чувствительностью скрывается будущая Хлестова или Хрюмина». Говорить такъзагадывать слишкомъ далеко. Но что Наталья Дмитріевна Горичска въ ней не умретъ, какъ Загорфцкій въ Молчалинф, - это можно скажать съ большою увъренностью.

Г-жа Папова даетъ Софью пъсколько близкую къ той, какаа сейчисъ описана. Только молодім артистка, благодаря своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, придаетъ образу Софьи слинкомъ много поэтичности, топкаго изищества, мягкой женствепности. Качества на сценъ дригоцъпныя, которыя могутъ сослужить г-жъ Паповой большую службу. Но къ Софъъ они идутъ мало. Опа дълается чрезъ то фигурою болъе симпатичного, тымъ слъдуетъ, чуть что не Татьиною. Любовъ Софьи-Паповой—слишкомъ пскрениян, ея септиментальность—слишкомъ глубокан, на самомъ-же дълъ это—толь

ко легонькій налеть. Тамъ, гдь указанныя черты болье подходять къ Софь в, мпрятся съ содержаніемъ ся словъ-въ первой половинъ перваго акта и особенио въ посабднемъ-г-жа llaнова очень хороша, хотя и не совсвиъ Софья. Въ остальныхъ-же частихъ комедін противоръчіе между в вроитнымъ замысломъ автора и нередачею артистки слишкомъ спльно и явно. Впрочемъ, роль такъ пестройна и пеясна у автора, что ставить это въ особенную вину исполпительницъ не приходится. Если-же принять тоть взглядь на Софью, какого держится артистка, взглядъ, повторяю, мало состоятельный, пдеализирующій грибобдовскій образь, - то нужно признать исполнение г-жи Паповой върнымъ себъ и задуманному плану, выдержаннымъ и красинымъ. Думато только, что такой взглядъ на Софью подсказанъ артисткъ не столько размышленіемъ, обстоительнымъ аналягомъ рози, сколько особенностями ея собственнаго душевнаго и артистическаго сылада. Съ молодыми сценическими дъятелями это случается часто, почти всегла. Какъ ин отръшаются они отъ самого себя, этотъ ихъ складъ пепрем'вино всетаки скажется, заставить попимать роль такъ, а не иначе, ближе къ собственной природъ. Съ этимъ инчего не подълаешь.

н. Э.

Утренніе спектакли.

Въ воскресенье, 8-го инваря, состоялся, наконецъ, первый утренній спектакль съ участіемъ исключительно молодыхъ силъ Малаго театра,—спектакль, котораго данно ждали, о которомъ много и на всякіе лады толковали въ театральныхъ и витересующихся театромъ кругахъ. Спектакли эти являются ношыткого разръщить практически одинъ изъ серьезивйнихъ вопросовъ, выдвинутыхъ нашею театральною дъйствительностью, излъчить одно изъ самыхъ больвыхъ ея мъстъ. Отъ удачнаго разръшенія вопроса въ значительной мъръ зависитъ самое будущее Малаго театра, до сихъ поръ, несмотря на всъ невзгоды, —лучинаго въ Россіи.

Каждый годъ въ труппу Малаго театра вступаютъ все повыя, юныя сплы, большего частью воспитанивки Императорскаго театральнаго училица, молодые люди, получинийе общее образованіе, теоретическую и практическую подготовку, которые прошли, такъ сказать, высшій театральный курсь. Эта артистическая молодежь приносить съ собою на сцену, вм'ізсть съ затаенными сладкими мечтами о славъ, искрешною любовь из своему искусству, по крайней мъръ, въ большинствъ случаевъ, я страстпое желаніе совершенствоваться, работать, работать, работать... На первыхъ же порахъ ждетъ ее горькое разочарованіе. Работы не оказывается. Работы слишкомъ мало, а актеровъ понабралось въ последнее время слишкомъ много,

чтобы работы этой, сколько - шибудь отвътственной и интересной, могло хватить на всъхъ. Число спектаклей строго ограничено, число ролей также сравнительно невелико, и всъ онъ доставались, достаются и будуть доставаться на долю премьеровъ и премьершъ, пмена которыхъ деляють сборы, а пьесе обезпечивають успахъ. Да большинство современныхъ драматурговъ и пишетъ - хорошо это, пли нътъ, вопросъ иной — прямо въ разсчеть на извъстныхъ артистовъ, старается приноровать роди къ особенностямъ ихъ дарованій, къ ихъ привычкамъ вкусамъ, возрасту, и ни за что, конечно, не уступять рози актеру молодому, съ невъдомымь или еще мало популярнымъ именемъ. Старыя пьесы возобноваяются обыкновенно въ бенефисные спектак. ли, опять-таки для тъхъ иля другихъ премъеровъ труппы. Молодежь, такимь образомъ, остается совствы не у дълъ, не попадаеть въ рамки репертуара, за очень радкими, совершенно случайными исплюченіями.

А годы уходять, все дучийе годы, безплодная потери которыхъ часто пачёмъ не возпаградима. Именно въ эти годы, когда натура актера еще очень податанва, гибка, доажны бы выработаться въ немъ хорошіе павыки, должна бы окрыпнуть привычка къ сцень и развиться способность отрёшаться отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и вживаться въ созданный драматургомъ образъ. Везъ этой способпости пътъ нетиннаго артиста. А она можеть быть развита, таленть актера можетъ получить разносторонность, блескъ и глубниу только благодаря практической работъ на сцеив, благодаря игръ. Даже на актеръ сложившемен, обыгравшемся, больше перерывы въ работв отражнотся самымъ невыгоднымъ образомъ. Послъ такихъ наузъ игра его дълается тяжелъе, ему нужно преодолъвать своего рода силу инерціи и затрачивать на это подчасъ значительныя усилія, конечно не къ выгодъ исполненія. Для молодого же таланта, который только еще раскрывается, только еще собирается расправить свои крылья, это отсутствіе работы-пагуба! Талантъ понемногу гложнетъ; тотъ небольшой навыкъ, какой пріобратенъ въ пколь, пропадаетъ; голосъ, лицо, жесты перестаютъ повиноваться. Молодой актеръ не только не совершенствуется, но пдетъ назадъ; вивсто того, чтобы прогрессировать, - регрессируетъ. Больше того, въ немъ понемногу развивается какой-то псиреодолиный страхъ къ сценъ, прямо-ужасъ; обычная робость пріобрътаетъ характеръ патологическій, и еслитакому актеру, протоптавшемуся годы за кулисами безъ дъла, безъ ролей, вдругъ ириходится играть, - спектакль превращается для него поистинъ въ мучение. Предъ вами не актеръ, а какой-то больной... И пногда зло непоправимо. Тотъ, изъ кого могь бы выработаться очень недурной актеръ, въ комъ несомивнию быль святой огонекъ, оказывается годнымъ только на выхода... Такая странная перспектива стоятъ передъ глазами каждаго молодого члена трупны Малаго театра. Розовыя надежды смъняются пли апатіею, или мрачнымъ отчапніемъ. Отсюда — тъ стопы, тотъ скрежетъ зубовный, что доносится изъ-за кулисъ до каждаго, кто умъетъ слушать, живо интересуется театромъ и всъми подробностями его быта. Поговорите съ любымъ молодымъ актеромъ полчаса, и вамъ станетъ прямо жутко, станетъ безконечно жаль его, этого театральнаго пасынба, для котораго не оказалось прибора на инру сцены.

Но позвольте, скажуть намь, - туть какоето недоразумбије, септиментальность, заслоняющая истину. Въдъ не театръ для актеровъ, а актеры для театра, какъ не человъкъ для субботы, а суббота для человъка. Разъ для такого-то лицедъя, все равно-молодой онъ, или старый, не оказывается въ Маломъ театръ работы, значить - онъ театру и не нуженъ, онъ здъсь линий. Мало ли какія могуть быть у него соображения и причины, заставляющия его все-таки оставаться въ трупив, гав ему нечего дълать, ане идти туда, гдъ онъ-желанвый гость, гдъ работы было бы по горло. Но нъ такомъ случав ему приходится пенять только на самого себи да на эти посторонија причины. Тектръ тутъ не при чемъ. Папротивъ, онъ даже слишкомъ любезенъ. Онъ держитъ актера и платить ему жалованье, хотя самъ соверпенно въ немъ пе нуждается.

Въ этомъ возражении есть значительная доля правды. Въ труппъ Малаго театра много лишняго народу, много актеровъ, которые только значатся въ спискахъ и получаютъ оклады, а играютъ же по разу въ сезопъ, а иногда и этого не играють. А между твиъ количественный ростъ труппы не останавливается. Прибывають все новыя и новыя силы, облекаются зананчивымъ, эффектнымъ званіемъ артиста Императорскихъ театровъ-и начинають ждать у моря погоды. Почему, главное— зачъмъ приняты онъ въ Малый театръ, когда и для надвиныхъ-то членовъ его труппы не хватаетъ работы, этого никто не въдаетъ. Конечно, если бы все это были крупные, педюжинные таланты, инкто и не подумаль бы задавать такой вопросъ. Талантъ недюжинный вигдъ и никогда не зишній; ему найдется м'єсто, найдется работа, не сейчасъ, такъ черезъ годъ, два. Но въ томъ то и бъда, что въ громадномъ большинствъ случаевъ принимаются въ нашу труппу не таланты, а развъ «надежды», а то и просто молодые люди, пробывшие три года въ театральной школь, и только; что не замъчается при пополнени труппы сколько-инбудь строгаго, осторожнаго выбора. Талантливые люди

топуть въ моръ совершениъйшихъ бездарностей, только и годиыхъ, что на выхода, заслоняются ими, и тъхъ и другихъ ждетъ совершенно одинаковая участь- вынужденное пичегонед вланье. Не будь новичковъ такъ много, таланть не замъщался бы въ толив, легче было бы замътить его и приголубить, дать ему возможность работать и совершенствоваться. А теперь какъ сдълаете вы это, когда режиссеръ не знаетъ — да и не можетъ знать! — не то что разывровъ и особенностей дарованія каждаго мозодого актера, а, кажется, даже и его имени. Переполненность трупны причиняетъ, такимъ образомъ, прямо вредъ. Отъ неи гибнутъ молодыя сплы, какъ гибнетъ молодая растительность, посаженная слишкомъ часто.

Но есть и другая сторона дела. Сказать: нусть эти силы гибпутъ, разъ онъ не пужны, лишвія, — и жестоко, да и совстить не въ интересахъ самого театра. Въдь изъ этой самой молодежи, которого тенерь такъ пренебрегаютъ, которую лишь териять за кулисами изъ сиисхожденія, какъ накое-то неизбежное зло, какъ ненужный базласть, - въдь изъ этой молодежи дожна составиться вся труппа будущаго. He сегодня, такъ завтра, не черезъ годъ, такъ черезъ пять, десять зътъ теперешніе главари сойдутъ со сцены, состарится и сбросять со своихъ патруженныхъ илсчъ главное репертуарное бремя. На кого падетъ это бремя? Конечно, на теперешнюю молодежь, пока изнывающую и погибающую оть безработицы. будетъ по необходимости выдвинута нпередъ, на первый планъ, къ ней перейдетъ кся работа, и отъ нея будетъ зависъть слава Малаго театра. Нельзя забывать объ этомъ. Чъмъ хуже подготовлены къ тому молодые актеры, тыкь больше рискуеть Малый театръ. Вопрось о молодых в сплахъ-вопрось о всемъ будущемъ первиго въ Россіи драматическаго театра, который мы привыкли считать и называть образцовымъ. Надежда на притокъ силъ со стороны, изъ частныхъ театровъ и изъ провинцін — плохая, шаткая надежда. Провинція наша оскудіта сценическими талантами; прошель, должно быть, ея золотой въкъ. Въ этомъ сезонъ основался въ Москвъ повый драматическій театръ, въ труппу котораго, по общинъ укъреніямъ, вошли лучшія провинціальныя силы, сливки актерской провинціи. Сливии оказались далеко не высокаго качества. Каково же должно быть «молоко»? Да п во вкусахъ столичной публики произошла значительная и замътная перемъна. Пресловутое «путро», вгра, какъ Богъ падушу положитъ, вся основанная на порывахъ, на одной линь испренности, словомъ, та игра, которая преоб-. ладаеть на провинціальных водмосткахъ. перестали правитьси, уже не удовлетвориютъ. Ивплся спросъ на исполнение художественное,

топкое и изищиое, на стройность и цёльность въ созданіи сценическихъ образовъ, которые непрежённо предполагають въ актеръ правильпую подготовку, умственное развитіе, общее образованіе.

Таковъ истинный смыслъ наболбвинаго вопроса о молодыхъ сплахъ. Вся пенормальность сейчасъ изображениаго положенія вещей и кроющаяся въ этомъ положенім угроза будущему слишкомъ очевидны, быотъ въ глаза, чтобы онъ не были, пакопецъ, сознаны и тъмп, въ чыхъ рукахъ кориндо театральнаго правленія. Въ последние годы все чаще и чаще стала заходить рычь о томъ, какъ быть, «какъ тутъ горю пособить». Ібакъ найти подходищую и достаточную работу для молодых в актеровъ и дать имъ возможность развиваться и готовиться въ той минуть, когда въ шихъ явится серьезная нужда? Откътъ напрашивался самъ собою: нужны спектакли сверхъ обычныхъ, спектакая, гдъ бы были запяты преимущественно или даже исключительно молодые члены труппы, сидящие безъ дъла. Понемногу этотъ общій отвъть приняль болже опредъленную форму, и д'вло, долго бывшее темого всяких ъ теорстическихъ разсужденій, толковъ и кривотолковъ, стало на практическую почву. Спектаклямъ съ молодыми сплами п, такъ сказать, съ педагогическими цълими удълено утро воскресныхъ дней, при чемъ, чтобы привлечь на такіе спектакая публику, значительно, почти вдное, понижены цёны мъстань. Завёдывание всёмъ повымъ д'вломъ и режиссерская часть поручены одному изъ профессоровъ театральнаго училища, Л. П. Ленскому, эпергін коториго Малый театрь въ значительной мфрф обизанъ этими «утренникими». Какъ уже указано въ началъ настоящей статьи, въ воскресепье, 8-го января, сдъланъ первый онытъ.

Цваь утренияхъ спектаклей ясна — цваь педающиеская, прежде всего. Эти спектакли должны дать настоящую, серьезную сценическую работу молодымъ актеранъ и полючь ниъ не зарывать въ землю данный имъ талантъ, по развивать и совершенствовать его. Теперь стоны и вонли, жалобы на то, что «затирають», должны препратиться, падежды - встрепенуться. Правда, форма, въ которую отлилось разръщение жгучаго вопроса о театральной молодежи, форма не Богъ знаетъ какая широкая. Утреянихъ спектаклей яемпого, а чающимъ ролей и славы, справедливо претендующимъ на участие въ этихъ спектакляхъ,нътъ числа. На долю каждаго придется довольпо-таки моло, врядъ ли болъе трехъ-четырехъ хорошихъ, отвътственныхъ ролей въ сезонъ. Но и это, по сравнению съ недавнею абсолютного безработицею, очень много. А главное, нътъ уже мъста для апатіп. Та каменная стъна, которая еще цедавно стояла передъ молодежью Малаго театра, разобрана. Дань стимуль работать и возможность показать свой таланть, свою способность съ успъхомъ служить сценъ.

Эта сторона дъла очень важна. Помогая актерамъ совершенствоваться и вырабатывать изъ себя настоящихъ артистовъ, художниковъ, «утренники» должны, на нашъ взглядъ, оказать чрезвычайную помощь и заправиламъ театра, тъмъ, кому довърено руководить имъ и заботиться объ его преуспъяніи. Эти спектакли дадуть возможность разобраться въ томъ, до сихъ поръ почти совстмъ невтдомомъ матеріалъ, какой уже имъется въ распоряжении театра и будеть прибывать вновь, помогуть отделить пшеницу отъ плевелъ. Объ актеръ, сыгравшемъ нъсколько болъе или менъе сложныхъ, отвътственныхъ ролей, можно съ увъренностью и безъ большого риска ошибиться сказать, что онъ такое, на что онъ годенъ, способенъли онъ въ будущемъ съ честью служить образцовой русской сценъ или нътъ, пригоденъ лишь на выхода. Мы не хотимъ сочинять какіе-либо проекты, но думаемъ, что одна чисто практическая мысль, если хотите— «реформа», напрашивается туть сама собою. Вижсто того, чтобы принимать въ труппу питомцевъ театральнаго училища, - этого главнаго, почти исключительнаго поставщика юныхъ силъ,сейчась по ихъ выход' изъ школы, и принимать окончательно, следовало бы принимать ихъ условно. Въ течение извъстнаго срока, ну хотя бы двухъ лътъ, молодые автеры играють въ «утренникахъ», въ случав нужды исполняють маленькія роли и въ обычныхъ, вечернихъ спектакляхъ и тъмъ отработываютъ свое вознаграждение. За этотъ срокъ они успъють показать себя, докажуть свою пригодность, или, увы! непригодность для Малаго театра; и только тогда уже нѣкоторые изъ нихъ, наилучийе, которые подаютъ серьезныя надежды, очень конечно немногіе, будутъ окончательно приняты въ труппу. всего было бы, если бы дёлать этотъ выборъ, столь же важный для самого театра, какъ для начинающихъ актеровъ, было поручено коммиссін изъ напболье опытныхъ и авторитетныхъ членовъ труппы и одного-двухъ членовъ литературно · театральнаго комитета. При такой постановкъ дъла труппа Малаго театра пополнялась бы уже не зря и перестала бы переполняться; притокъ свъжихъ силъ, конечно, не остановился бы, но онъ быль бы упорядоченъ, ограниченъ дъйствительными нуждами театра и наличностью молодыхъ талантовъ. Въ то-же время для этихъ последнихъ, такъ какъ ихъ было бы уже сравнительно немного, всегда нашлась бы работа, съ каждымъ годомъ все болъе обширная и сложная. Старое, повинуясь безпощадному закону, старилось бы, но молодое расло, а не глохло. Прекратились бы и всъ

тъ жалобы и причитанія, о которыхъ уноминалось выше. Попали бы, конечно, въ трупну и силы маленькія, годныя лишь на выхода и для третьестепенныхъ ролей. Но эти силы напередъ знали бы, что имъ только такія роли и предстоять. Онъ добровольно подчинялись бы этой печальной участи, такъ какъ лучшей недостойны, и не тъшили бы себя несбыточными ожиданіями. А тѣ, которымъ такая доля казалась бы ниже ихъ достоинства и дарованія, стали бы искать прим'вненія своихъ силъ гдъ-нибудь въ другомъ мъсть, на другихъ сценахъ, по необходимости предъявляющихъ меньшія требованія, чёмъ Малый театръ. И всё бы отъ того только выиграли, а Малый театръ больше всёхъ. При такомъ порядке вещей утренніе спектакли сыграли бы роль надежнаго фильтра, поставленнаго между театральнымъ училищемъ и Малымъ театромъ и последній избавился бы отъ той сорной воды, которая теперь

Пока что, обратимся къ тому, что уже есть. Прежде чёмъ говорить объ отдёльныхъ участникахъ спектакля 8-го января, о тъхъ «надеждахъ», какія онъ намъ показаль, позволимъ себъ сдълать одно общее замъчаніе. Спектакль носиль слишкомь ученический характерь, и въ этомъ, думается намъ, больше всего повинны не исполнители, а тоть, кто ставиль спектакль. А. П. Ленскій взглянуль на свою задачу не совстмъ такъ, какъ бы следовало, какъ того требуетъ самый смыслъ «утренииковъ». Почтенный артисть, въ понятномъ увлеченій своимъ дъломъ и искреннею заботою объ успъхъ спектакля, не захотълъ ограничиться лишь ролью режиссера, общаго руководителя; онъ взяль на себя по отношенію ко всёмъ исполинтелянь трудныя обязанности учителя. Всякому сколько-нибудь опытному глазу было видно, что А. П. Ленскій не только ставиль спектакль, но съ каждымъ участникомъ проходиль его роль, училь его, показываль ему, какъ ходить, какіе ділать жесты, какія принимать интонаціи. Словомъ, каждый исполнитель былъ вымуштровань учителемь - режиссеромь. Такъ, быть можетъ, нужно разучивать пьесу съ учениками: но такой пріемъ совсёмъ не годится, когда на сценъ уже не ученики, а эктеры, хотя бы еще и очень юные. А главное, такой пріемъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ основною цѣлью «утренниковъ». Тутъ важнъе всего работа самостоятельная, тутъ долженъ быть данъ просторъ силамъ и изобрътательности актера. Только при такого рода работь таланть можеть развиваться, углубляться и показать, на что онъ способенъ. Что за бъда, если отъ такой самостоятельности накоторыя детали роли пропадуть, накоторые позы и жесты выйдуть некрасивыми, и въ игръ будетъ рядъ промаховъ, даже серьезныхъ. Но зато будетъ и свое, будетъ непосредственность и свёжесть, которыя куда цвипве въ молодомъ актеръ, чвиъ очень тщательнан выучка. Режиссеръ долженъ ограничиваться линь общимъ указапіемъ и исправленіемъ слишкомъ ужъ грубыхъ онибокъ, по ни въ какомъ случат не дълать за актери всю его созидающую работу. Въ обывноисиномъ спекта кат в мож по, если хотите, допустить и это. Пикто не сталь бы упрекать Кропека, что опъ думаль за своихъ актеровъ, брадъ на себя чуть не три четверти всей ихъ работы. Но въдь въ нашихъ утрениякахъ важенъ не столько итогъ, самый спектакль, сколько подготовка къ нему, самостоятельная работа. Цвль этихъ спектавлей, новторяемъ, прежде исего - педагоническия, по уже отличныя отъ цвлей школьпыхъ спектаклей.

Впрочемъ, объльесы, сыгранныя 8-го япваря, и «На порогъ къ дъзу», п «Въсръ» Гольдони ран'йе исполнялись тёми же лицами въ школьныхъ спектаклихъ. Очень можетъ быть, что именно этимъ объяснятся сейчасъ нами указанный нежелательный характеръ перваго утрешика. По въ такомъ случа в опинбочно сдъланъ выборъ ньесъ. Молодые актеры рвутся къ самостоятельному дълу, къ работть, громко плачуть о такомъ дълъ; напонецъ, имъ рънаютъ доставить его-и предоставляють повторить школьный спектакль. Цваь и средства, потребность и ся удовлетвореніе-илохо соотвътствують другь другу. Копечно, строго судить за это устроителей утренпихъ спектаклей не приходится. Первый опытъ всегда труденъ, всегда непзбъжно связанъ съ ошибками и промахами. Можетъ быть, были и кавія-инбудь чисто - практическія соображенія, заставивийн начать съ повторенія школьныхъ спектаклей: не хватало времени хорошо ризучить и поставить незнакомую еще, неигранную вещь и т. и. Но отыбтить эту ошибку и неправильный взглядь А. П. Лепскаго на его задачу, вакъ режиссера, мы считали исобходимымъ.

Сознаемся, не безъ ибкоторой робости приступаемъ мы къ оцъпкъ отдъльныхъ исполиителей, участвовавшихъ въ первомъ утреннемъ спектакав. Начинающие актеры такъ болвзненно-чутки къ каждому неодобрительному отзыву о нихъ, и въ то же времи тутъ такъ велика возможность ошибии. Исторія русской сцены в театральной критики знаеть не одинъ примъръ, когда потомъ круппъвшіе, ппогда-гепіальные артисты встрічали при первых в свона в на виче в на спеца одень и одень неолобрительный пріемъ. Позвольте привести одивъ приифръ, все время шевелившійся въ нашей намяти, когда мы старались дать себь отчетъ о достоинствахъ и въроятныхъ размърахъ дарованія лицъ, участвовавникъ въ первомъ утренникъ. Примъръ чрезвычайно любопытный! 6-го апръля 1839 г. передъ балстомъ «Сильфида» быль сыгранъ водениль «Любовное зелье»,

и въ немъ, въроди Жана Бижу, дебютировалъ въ первый разъ какой-то юный актеръ, впрочемъ уже много пгравшій по провинція. Этотъ юный актерикъ быль Провъ Михайловичь Садовскій, потомъ великая гордость русскаго театра, артистъ, по мибнію многихъ. геніальный, по мижино всжуъ-высокоталинтливый, какихъ немного. И вотъ что писаль о дебютантъ тогданній спеціально-театральный журналь, «Репертуаръ». «Дебютантъ принадлежитъ къ числу такихъ артистовъ, отъ котораго театръ не выпрываетъ имчего, и о которыхъ нельзя сказать ин худого, ин хорошаго, т.-е. въ нихъ ивть инчего положительне дуриого, хотя и положительно хорошаго ничего не замытno... Г. Садовскій — человъкъ молодой и не мудрено, что при старанін, при любви къ искусству можетъ быть для второстененныхъ и третьестепенных в помических ролей полезнымъ артистомъ»... Рецензенть хочетъ быть синсходительнымъ къ дебютанту и готовъ, но съ извъстными оговорками, признать его полезнымъ актеромъ на третьестепенныя розп. И это-Прова Садовскаго! Какъ неловко почувствоваль бы себя рецензенть и канъ сильпо усоминася бы въ своей прозоранвости, если бы онъ поналъ въ январъ 1853 г. на бенефисъ Косицкой и увидаль того же Прова Садовскаго въ роли Русакова («Не въ свои сани ие садись») или 25-го января 1854 г., когда зрительный заль съ сердечнымъ замиранісмъ, со слезами на глазахъ следиль за Любимомъ Торцовымъ... Напомнимъ другой примъръ-первые шаги Мартынова или, уже изъ сравнительно недавияго прошлаго, первые отзывы о М. И. Ермоловой, о которой рецеизентъ «Русскихъ Въдомостей», въ № отъ 4-го января 1870 года между прочимъ писалъ: «не падежлы, а сожеалинія возбуждають въ насъ дебютантки, подобныя г-жь Ермоловой»...

Да, возможность ошибки тутъ, при опредълевін достопиствъ и размъровъ дарованія молодого актера по одной дебютной роли, очень и очень велика, и потому нужна крайняя осторожность, недовърчивое отношение къ собственнымъ инечатавніямъ. Нашъ отзывъ будетъ умышленно страдать и которою неопредъленностью, представить лишь рядъ болъе -акод эн-й інэкокондэчн ахыптрочан эднэм нки ше, и ны первые охотно изижиниъ тъ изъ нихъ, которыя опажутся при последующихъ «утрешникахъ» не вполив върными. Сдълаемъ это тимъ охотиве, что первое внечатавние въ большинствъ случаевъ не въ пользу участииковъ спектакля 8-го япваря. Ни въ одномъ изъ нихъ не замътио дарованія мощнаго, яркаго, которое непремънно даетъ себя знать при всякихъ условіяхъ, которые ипчто не въ силахъ заслонить отъ зрителя-им малая сценическая онытность, ни естественная робость дебютанта, ни усилениая школьная «муштра», по выражению И. Д. Боборыкина. Все это, констио, давить таланть, точно затягикаеть его въ узкій корсеть: но большой таланть все-таки вырвется на волю, сверкнеть то туть, то тамъ, выдастъ себя, и вы непремино почувствуете его присутствіе. Такого большого таланта нътъ ни въ комъ изъдвадцати участниковъ перваго утренняго спектакля, - это можно сназать смъло, и придъ зи придется брать назадъ свои слова. Между инми есть, безспорио, тадантливые люди и въ будущемъ очень хорошіе сценическіе работники, которыхъ мы когда-инбудь будемъ смотръть съ удовольствіемъ, по дарованій незаурядныхъ, способныхъ увлекать толпу и дарить ее высшимъ художестиеннымъ восторгомъ, - не за-

На первое мъсто по пригодности къ сценической даятельности надо, кажется намъ, поставить г-жу Юдину, исполиявило въ комедін Гольдони роль молодой ярестьянки Джанины. У этой артистки, которой намъ до сихъ поръ не случалось видъть, прежде всего прекрасныя вижишіп даншын: симпатичный, гибкій и уже теперь достаточно разнообразный голосъ, подвижное, миловидное лицо, полные жизни и огвя глаза, довольно граціозная, хотя и ивсколько короткая фигура. Школьныя занятія помогли ей выработать дикцію, придали изящество ея жестамъ и развили мимику. Есть, безспорно, въ г-жъ Юдиной и артистическая пскренность, огонекъ, то увлечение ролью, сценическими положеніями, которое увлекаетъ и зрителей. Есть, наконецъ, и изв'ястная самостоятельность. Трудно судить по бъдиой содержаніемъ роля Джанины, какъ велика въ молодой артистки способность осмысливать данный драматургомъ матерівль, анализировать его и заткиъ возооздавать цельный, характерный образъ; но, судя по ийкоторымъ моментамъ роли, по и вкоторымъ деталямъ, можно думать, что ей не чужда и эта высшан, такъ сказать, синтетическая способность. Если въ роли Джанины ей не удалось дать живой, законченный образъ, то тутъ, во всякомъ случат, быль колорить, была извъстнин стройпость исполненія. Все это даеть достаточное основание видъть въ г-жъ Юдиной актрису съ несомивниымъ и хорошимъ будущимъ, достойную исполнительницу бойкихъ и характерныхъ ролей. Первое впечататніе-въ ся пользу, и, кажется, на этотъ разъ оно не обманываетъ.

Хорошее впечат леніе производить также г-жа Токарева. Она пенодияла въ спектакль 8-го января роль В рочки Лониной въ комедін Н. А. Соловьева «На порогь къ делу» и порадовала зрителей простотою исполненія, мягкостью и искреиностью тола, который въ такихъ ролихъ, какъ соловьевская деревен-

ская учительница, - почти все: тутъ иътъ ям сложнаго образа, глубокаго исяхологическаго содержанія, которое надо сумъть показать въ исполнении, ин сильныхъ въ сценическомъ смысль моментовъ, гдъ пуженъ подъемъ, нужно ударить по струпамъ дупп, потрясти. Разъ въ исполнении есть искренность, хотя пъкоторая сердечность - дъло сдълано; симпатичная (и очень дегкая) родь далаетъ симпатичной и исполнительницу, и она вибетъ успъхъ. Но въ виду тъхъ же особенностей рози очень трудно сдълать какое-нибудь опредъленное заключение о разибрахъ дарования исполнительницы, о томъ, насколько она способна исполнять другія роли, болве трудныя и отвътственныя. Г-жа Токарева была очень милой, симпатичной Лониной, и пріятно было слъдить за нею; но съ артесткой какого каанбра имъемъ мы въ ней дъло - пока вопросъ открытый. Намъ показалось только, что г-жа Токарева и всколько однообразна, монотонна; что и ся мимическая игра, и голосъ не особенно богаты разнообразісять, и что у артистки, несмотри на всю ея молодость, какъбудто усивли уже образоваться изкоторые излюбленные пріемы, которые опа постоянно пускаеть въ ходъ. Эти пріемы, понемпогу обращающіеся въ своего рода шикъ-вещь очень онасная. Влагодаря имъ актеръ въ результатв утрачиваетъ способность мъняться и въ каждой роли начинаетъ повторить самого себи, т.-е., откровенно говоря, перестаетъ быть актеромъ.

Изъ женскиго персонала спектакля, который вообще значительно лучше мужского, отмътимъ еще г-жъ Щенкину 2 и Шейпдель. Перван исполияла въ «Въсръ» роль продавщицы Сюзанны и была весела, бойка, изящил. Вторая, г-жа Шейпдель, игряла въ комедін Соловьева кроциечную, почти безъ словъ, роль Жени и сумъла внести въ нее жизнь, показала способность восполнять недостатокъ словъ мимикою и осмысленно молчать на сценъ. Это дъло трудное, на которое пукна изобрътательность и талантъ. И намъ кажется, что онъ въ юной актрисъ есть.

Пзъ актеровъ наибольтая работа въ спектакть S-го инваря выпала на долю г. Худолъва. Въ комедіи Соловьева опъ игралъ мирового судью Дубкова, въ «Въеръ» — графа ди Рокка-Марина, роль сложную, предоставлающую исполнителю большой просторъ. Въ объяхъ роляхъ г. Худолъвъ былъ мало удоветворителснъ, особенно въ первой, въ которой получалось совсъмъ не то лицо, какое виблъ въ виду авторъ. Дубковъ — душа-человът, немножко помятый жизнью, немножко Обломовъ, но съ хорошимъ, искрепнимъ и честнымъ сердцемъ, не растерявшій лучшихъ идеаловъ юности. Несмотрп на прожитые го-

ды, онь робокъ и заствичивъ, какъ мальчикъ; несмотря на грустный опыть, - онъ наивенъ. Въ игръ г. Худолъева всъ эти характерныя черты, своею совокупностью дающія довольно жизненный и правдивый образъ, пропали; его Дубковъ быль, напротивъ, и холоденъ, и черствъ, и слегка фальшивъ. Върочка Лопина не могла бы увлечься такимъ Дубковымъ и чуть не съ нервой случайной встръчи полюбить его. Какая-то сухость и дъланность вообще присущи игръ этого молодого актера. Въ голосъ его не слышно искреннихъ потъ; напротивъ, голосъ крикливъ, преобладаютъ форсированныя ръзкін поты непріятнаго тембра, н г. Худолбевъ не только не избътаетъ ихъ, не старается отъ вихъ отдълаться, а, повидимому, считаетъ ихъ однимъ изъ главиыхъ своихъ рессурсовъ. Это — большая ошибка, и чъмъ скорве она будетъ сознана, твиъ лучше для актера. Роль графа ди Рокка Марина, этого влюбленнаго въ себя и нъсвоей умъ, въсвое влінніе хитраго глупца, передаетси г. Худольевымъ много правильнъе; общій обликъ героя Гольдони сохраниетъ правильныя очертанія. Но и туть слишкомъ много дълапнаго, подчасъ переходящаго въломанье, а главное - слишкомъ много выучки и, если можно такъ выразиться, ремесла. Непрівтно поражаетъ также усиленное подражение одному изъ премьеровъ Малаго театра. Хорошо, конечно, сучиться, на старшихъ глядя»; но одно дело - учиться, другое -конировать, повторять отдельные жесты, пріемы, интонаціи, да еще дълать это безъ особеннаго разбора, подражая и хорошему, и дурному. Во всикомъ случав, это не тоть путь, по которому актеръ можетъ дойти до извъстнаго совершенства, выработать изъ себя истиннаго артиста. Напротивъ, это-върное средство погубить въ себъ и тъ зачатки таланта, какіе нивются.

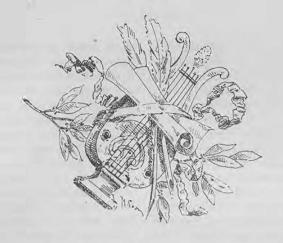
Больной дъланностью, притнорствомъ и манеринчаньемъ отличается и исполнение г. Волкова, Шалъева Соловьевской комедін и Кресинно «Въера». Объро. введутся все время съ чужого голоса; нътъ им одного своего слова, своего жеста. Такъ играютъ ученики, но не актеры. Въ исполненіи роли Шалъева было къ тому же слишкомъ много утрировки, г. Волковъ точно весь развинтился, шаржировалъ. Изображая Кресинно, онъ былъ проще, нотому лучше. Думается, что истиннаго комическаго таланта у г. Волкова пътъ, и что размъры его сценическаго дарованія очень не велики.

Г. Акимовъ (Уховъ) всю свою роль школьнаго сторожа, старика Акимыча, провелъ на одной глухой тягучей ноть, лишиль ее всякаго разнообразія и нотому смотръть его было скучпо. Не было и той задушевности, лишь скрытой подъ грубою оболочкою старика-брюзги, и даже такіе выигрышные моменты, какъ раз. сказъ объ отръзанной у создатика ногъ или о возвращении домой послъ солдатчины, которые должны трогать зрителя, прошли безследно. Не сабдуетъ также г. Акимову такъ злоупотреблять старческимъ шамканьемъ и бормотаньемъ себъ въ усы. Очень многія слова роли благодаря этому не были слышны даже изъ первыхъ рядовъ. Когда зритель не слышитъ, что говоритъ актеръ, онъ не можетъ быть доволевъ, какъ тамъ этотъ актеръ ни

Г. Васильевъ, уже не разъ игравний отвътственныя роли и въ вечерпихъ снектакляхъ и усиввний создать въсколько прекрасныхъ, художественныхъ образовъ, исполиялъ роль отставного писаря Тесова. И въ этой роли актеръ проявилъ много комизма, очень умно оттъпилъ всъ черты задуманнаго авторомълица. Только напрасно онъ прибъгаетъ къ подчеркиваніямъ, отчего роль часто сбивается на карикатуру. У г. Васильева—безспорный талантъ, и ему незачъмъ прибъгатъ къ его

суррогатамъ.

Н. Э.

Большой театръ.

"Мелузина", опера кн. И. Ю. Трубецкого.

Напвная романтико-фантастическая легенда. Мы воображениемъ переселяемся въ тъ сказочныя времена, когда принцы, прогуливаясь по авсу, встрвчались съ красавицами, ведущими прямое происхождение отъ духа зла, влюблялись въ нихъ, добивались ихъ взаимности, встми неправдами устраива. лисъ ними закопные браки и затъмъ... погибали, единственно, впрочемъ, по той причинъ, что не могли во время унять свое любопытство. Словомъ,сюжеть для оперы, какъ всякій другой. Онъ не сложенъ, не загроможденъ подробностями, въ немъ есть сверхъестественное, всегда такъ просищееся на музыку. Въ тому же, если Вагиеръ написалъ «Лоэпгрина», имъя въ виду мораль - мобопытство должно понести кару. -- то отчего бы не явиться на свътъ и другой оперъ, въ той жемъръ ополчающейся на эту чисто женскую слабость? Только авторъ «Мелузины» строже Вагнера, потому, конечно, что объектъ наказанія заслуживаеть менъе списхожденія. У Вагнера любопытна женщина; это и естественно; но уже и она, въ наказаніе, остается покинутой, - безъ мужа. Въ повой оперъ любопытенъ мужчина; туть уже пощады быть не можеть: за такое бабые свойство онъ авторомъ предается смерти. Очень строгій авторъ!

Либретто «Мелузины» сдълано не на русскомъ языкъ. Къ сожалънію, оригинальный текстъ разбираемой оперы намъ нензвъстенъ: въ Москвъ какъ клавираусцугъ, такъ и либретто ея изданы только въ русскомъ переводъ г-жи А. К. Абрамовой и съ краткимъ лишь указаніемъ на то, что авторъ либретто есть иъкто Нюиттеръ; но кто онъ, какой національности, на какомъ языкъ взложилъ онъ «Мелузину», —изъ московскаго изданія оперы не видно. Можетъ быть, стихи Нюиттера превосходны, а музыка кн. Трубецкого съ шими

пеобыкновенно талантливо слилась въ одно неразрывное цълое. Если это такъ, то вдвойнъ досадно, что о такомъ отрадномъ явленін въ сферъ вскусства приходится сулпть, имън передъ глазами, по волъ, впрочемъ, самого автора одинъ линь, подписанный подъ музыку «Мелузины», переводный русскій текстъг-жи Абрамовой: онъ далекъ отъ совершенства и музыка съ нимъ вяжется съ больной натяжкой. Но въдь и то сказать, хорошо перевести текстъ, положенный уже па музыку, дъло очень трудное, почти невозможное. Нужпо здёсь совмёстить нёсколько весьма важныхъ условій: необходимо, чтобы смыслъ словь остался непамъненнымь; очень желательно, чтобы слова эти распредълнитсь по смыслу на тъхъ же, по возможности, мъстахъмузыкальной фразы, какъ и въ оригиналъ, при чемъ ударенія въ словахъ должны пепрем'вино строго соотвътствовать снаьнымъ временамъ такта. И этихъ уже условій достаточно, что бы очень затруднить работу переводчика. Если же при этомъ потребовать отъ него п другого, чтобы и стихотворный разитръ былъ безукреченъ, и чтобы риемы быля всюдувыполнены правильно, и чтобы въ птогъ получились не впрши, а стихи съ литературнымъ значеніемъ, съ языком т, характерно освъщающимъ каждоедъйствующее лицо оперы, — то прямо должны будемъ убъдиться, что вполнъ хорошаго перевода не добъемся. Большей частью, къ оперному переводу относятся списходительпо и ставять ему условій меньне; такъ что если уже хоть пъкоторыя изъ шихъ окажутся соблюденными, то переводомъ довольны, и онъ признается, есля не безукоризненнымъ, то приличилить и заслуживающимъ ибкотораго одобренія. Особенно, какъ извъстно, относплись къ нему нетребовательно въ доброе старое время. Теперь уже пельзя услышать со сцены:

Сей ужасныйный пирать— Мой двоюродиваный брать!

или:

Ты отца въ кофею отравила, Матерь-же изъ ружьи запалила, Дядю же въ гондоль утопила и т. д.

Такихъ вещей не найти, само собой разумъстся, и у г-жи Абрамовой. Но вотъ что все-таки мы, благодаря ей, въ «Мелузинъ» находимъ:

Правда, твоей женою Мить дозволено быть всемогущей судьбою, Но сиято долженъ ты условье сохранить: Прошедшее мое не стараться открыть. Еще, быть можетъ, мить случится— Узнать куда иду не долженъ ты стремиться— Вновь покинуть тебя, какъ ни горько то мить,— Не долженъ ты тогда ни идти встваль за миою, Ил даже сомитьваться въ любии моей кътебъ.

Тяжеловато все это выражено, некрасиво, въ разитръ нескладномъ и не выдержанномъ, а, главное, въ формъ такой запутанной и странной, что смыслъ въ этой тирадъ приходится отыскивать гдъто уже очень глубоко, сразу онъ въ руки не дается. А между тъмъ это важное мъсто либретто: здъсь предлагается слушателю знакомиться съ сущностью договора между Мелузиной и принцемъ, здъсь какъ разъ герой оперы научается побъждать свое любонытство.

Не все уже въ переводъ г-жи Абрамовой такъ трудно поддается уразумънію, но тяжеловъсностей языка въ ея работъ сколько угодно. Вотъ какъ, напрямъръ, любовникъ прочизносить свои пламенныя ръчи:

Она! И минтся мий-въ восторга ласъ трепещетъ. Пробудившись, цватокъ красою новой блещетъ.

Небеса сілють, горять, Какъ будто брачный ширь богини красоты Отпраздновать хотять.

Здёсь, въ одномъ примъръ, доказательство м тому, что г-жа Абрамова часто ломаетъ размъръ стиха, во имя неприкосновепиости готовой для другого текста музыкальной фразы, и тому, что она, неизвёстно уже ради какихъ соображеній, склонна искажать слова своего перевода певърными ударенінии. Такъ, здъсь у нея, одновременно съ музыкой выходитъ: отпраздновать (съ удиреніемъ на нослъднемъ слогъ). Въ другихъ мъстахъ, результатомъ такой же небрежной подтекстовки, имъемъ въ словъ волшеблыхъ ничъмъ не оправдываемое удареніе на слогъ—пългъ, удареніе на начальномъ слогъ въ словъ отказаль.

Вст приведенные примтры взяты на удачу. Ихъ вст читатель свободно найдетъ на страпицахъ 8, 15, 17 либретто пли, еще лучие, на страницахъ 22, 53, 58, 59 клавираусцуга.

Если же онъ не поскучаеть и дочитаеть со вниманіемъ русскій текстъ «Мелузины» до конца, то онъ внолит согласится съ нами, что стихи г-жи Абрамовой почти безъриемъ, почти безъ разм'вра, что, далекіе, конечно, отъ чего либо литературнаго, они или, при соединении съ музыкой, порождають слова съ небывалыми удареніями, или прямо смущаютъ некрасивостью, тяжеловъсностью языка, неудобононятностью изложенія. Словомъ, г-жа Абрамова, развъ только въ томъ отношенів разръшила задачу удовлетворительно, что не прибъгла ни къ «двоюродитичему брату», ии къ родственинкамъ, «въ косфею» отравленнымь. Это еще заслуга небольшая, — и ожидать, послъ всего этого, еще какихъ-то особенностей языка, въ силу которыхъ каждое лицо оперы могло бы пріобръсть свой характерный обликъ, было бы, въ данномъ случав, только странио. Угадайте, наприм., кто гонерптъ такую рвчь (стр. 10 либретто)?

Зачёмъ, сынъ мой, зачёмъ одниъ здёсь броднив ты? Ты веселья всегда прим'юръ всемъ подавалъ. На пирушкахъ всегда ты изъ первыхъ бы валъ...

А нышь погружень въ нечальныя мечты.

Не зная сюжета, я здёсь скорёе бы всего предположилъ старика отца, которому есть чтыт поменуть юность, который радъ, что сынъ весь въ него вышель и только, съ чего то, последнее время предается тоскъ. А на дъяв-иное: говорить строгой жизии монахъ, и, конечно, «сыпъ мой» въ устахъ его звучитъ кстати; но врядъ ли въ его характерт развлекать молодого человіка коспоминаніями о «пирушкахъ». Можетъ быть, однако, это буквальный переводъ и въ «пирушкахъ» г-жа Абрамова не повинна; можеть быть, здёсь внолив точно выражена мысль самаго Нюпттера?.. Вообще, довольно о переводъ; пора поговорить объ «оригинальномъ» трудъ невъдомаго намъ иностранца. Въдь, до ивкоторой степени, мы объ этомъ трудъ судить можемъ: какъ бы ни былъ мало удаченъ переводъ, ему не нарушить общаго плана либретто и авторомъ намъченныхъ отношеній между главными и пеглавными сюжетами драмы.

Каковъ же у Нюиттера общій планъ, каковы эти отношенія?

Въ оперъ немного лицъ: главныхъ два — принцъ Лузиньянскій — Раймондъ и Мелузина, дочь «царя духовъ»; изъ остальныхъ шести иъсколько выдвигаются монахъ Даніилъ (пріоръ сосъдняго монастыря) и рыцарь Готье, среди свиты Раймонда наиболъе ему приближенный человъкъ, товарищъ его дътства; принцесса Алиса (сестра Раймонда), парь духовъ, двое придворныхъ, — Рэмбо и Гонтранъ, — аксессуары.

Запавъсъ. Опушка лъса, часть монастырской ограды. Идвялія: пастухъ играетъ на волынкъ, крестьяне ждутъ добрыхъ монаховъ, такъ какъ «чынче день раздачи хлъба». Даніня появляется съ братіей,—съйстные принасы раздаются. Охотники выходятъ изъ лъса и, чтобъ уже не каждое ихъ слово согласоналось съ поступками, принъваютъ:

Подъ сънь лесовъ. На звукъ роговъ Путь свой паправимъ.

Пейзане выражаютъ вслухъ свои наблюденія:

Ловко гарцуя, Скачети, красуясь Въ нышныхъ одеждахи, Слугъ нестрый рой! Глъ-то далеко Громкій звукъ рога Ръзко нарушиль Льса покой.

Вотъ пвътъ красавицъ благородныхъ, За ними кавалеровъ рядъ. Честь имъ! Слава дамамъ прекраснымъ И славнымъ рыцарямъ виватъ!

Конечно, гдѣ же безграмотнымъ крестья намъ импровизировать хорошіе стихи? Это чутко попяла г-жа переводчина.

Раймондъ, Алиса, Готье и синта—всё они собранись сюда, чтобы передохнуть немного отъ трудовъ охоты. Но дёло уже къ почи и Алисъ хочется скоръй отсюда; ей даже у опушки лёса страшно: лёсъ вёдь

Ночной порой, какъ слышно, Наполненъ чаръ волшебныхъ.

Раймондъ не въритъ этимъ сказкамъ. Готье пругого мивия; онъ находить страхъ Алисы основательнымъ и ноетъ балладу, предостерегающую «запоздалаго ъздока» отъ «лъсной тьмы», гдъ «бродятъ духи зла», гдъ спрены и «свътлоокіи шифы» въ себъ манятъ. Баллада кончаетси очень страшно:

Вкусишь ты въ ихъ объятьяхъ Восторговъ неземныхъ, Но иъной дорогою Заплатины за нихъ! Н линь утро забрезжитъ, Разеблявъ мракъ ночной, Лучи зари освътятъ Трунъ бездыханный твой.

Неожиданное внечатубние производить балзада на слушателей: охотники, какъ им въ чемъ не бывало, рвутси снова на травлю; Алиса, которой къ ночи было не по себъиблизи лъса, устремляется въ его чащу за охотниками; Раймондъ, не върящій «сказкамъ», — за охотниками однако не слъдуеть, а остается здъсь, чтобы ихъ нотомъ «догнать». — Сцена между грустищимъ Раймондомъ и Даніпломъ, развлевающимъ молодого причца воспоминаніемъ о «пирушкахъ». Раймондъ разсказываеть Даніплу исторію свосії любви. Какъ разъ въ этомъ мъсть безлюдномъ, Въ тотъ часъ, когда заъсь все таинственно и чудно,

И шелъ почной порой;—
Какъ варугъ передо миой,
Весь въ лучахъ и сіял красой неземной,
Призракъ свытлый здёсь появился.
Его прекрасный голось прямо въ серце
лидоя—

Опъ меня вмигъ очаровалъ! Икть, инкогда никто не видалъ Красы такой средь смертныхъ дъвъ, И ръчь ся такъ сладостно звучала, Какъ чистый ангельскій напъвъ!

Данінлу ясно кто эта «дъва неземная», «прекрасный духъльсной»; это «демонь самъ», «самь адъ послаль ее». Онь совътуеть Раймону «къ Небу обратиться», «не отвъчать на зовъ ея», «бъжать». Но это совъть заноздалый: влюбленный Раймондъ «не въснлахъ» уже бъжать Мелузины.

Разговоръ Раймонда съ монахомъ не изъ длиникъ. Но охотники не терили врсмени: за какія-нибудь 15 минутъ, самое большее, уснани затравить цълую уйму кабановъ и оленей. Звуки роговъ прибликаются. Данінлъ покидаетъ Раймонда: его «долгъ священный призываетъ». А Раймондъ прячется: ему не до толны, онъ ждеть Мелузину. Алиса, Готье и прочіе; они не находятъ Раймонда тамъ, гдъ его оставили, и удаляются, успоконвая себя:

Раймондъ ушелъ, конечно, впередъ; Мы его, върно, въ замкт найдемъ.

Невидимый хоръ сильфовъ возвъщаетъ приближение Мелузицы. Большая ея сцепа съ Раймондомъ. Мелузина въ ихъ взаимной любви предвидитъ несчастие: онъ со умоляетъ не предвиться сомивниямъ. Тогда Мелузина разсказываеть, какъ долго и безуспъщно испраишвала она позволенія у цари лъсовъ стать женою Раймонда, сообщаеть, что только теперь получила она наконецъжеланную свободу дъйствій, но подъ условіемъ, которое собственно и повергаетъ ее въ мрачиыя предчувствія: женившись на Мелузинъ, Раймондъ никогда не долженъ стараться открыть ся прошлое, инкогда не долженъ слъдить за нею, въ случаяхъ, если бы ей надо было его иногда покипуть ночью, инкогда не пытаться проникнуть въ тайну этихъ короткихъ стлучекъ, — при неркомъ свътъ зари она къ нему вернется. При нарушенін же такого условія, - добавля. етъ Мезузина,

Твой разумъ замолчитъ и, въ тягостномъ смятенъи Не въ силахъ будень ты не веномнить, ни сказать О томъ, что у насъ удалось увидать.

Раймондъ идетъ на все, никакой догокоръ ему не страшенъ, — липъ бы Мелузина была его женой. Любовныя изліянія. Изъ монастыря доносятся звуки органа и церковное пъніе. То

п другое пугаетъ Мелузину. Но Раймондъ еще болъе кръпнетъ въ надеждъ на счастье. Та же належда какъ будто сообщается и Мелузинъ.

Второй актъ передъ замкомъ Раймонда. Въ глубинь храмъ. Алиса, окруженная женщинами; затънъ Готье, Рэмбо и Гонтранъ Всй въ ожиданін свадебнаго обряда и наготовъ встрътить Раймонда и его невъсту. Готье открыто называетъ попедение Раймонда страннымъ: къ невъсть онъ убхаль одинь, не взяль съ собой своихъ друзей; и кто она, откуда родомъ? Алиса успоконваетъ Готье тъмъ доводомъ, что она, Алиса, — сестра Раймонда, и то не видитъ причинъ тревожиться. Но, оставшись одиа, Алиса предается волненію, которое скрывала передъ другими; и ее смущаетъ тайна, окружающая этотъ, сейчась имъющій свершиться бракъ. Торжественное свадебное шествіе. Раймондъ сіяеть; Мелузина, чёмъ ближе къ храму, тёнъ въ большемъ смятенін. Всего посколько пиговъ осталось до свищеннаго входа, - какъ вдругъ внезанизя тьма, и молнія падаеть у самыхъ ногъ невъсты. Мелузина лишается чувствъ; общій переполохъ. Взглянувъ на Мелузину ближе, Готье громко объявляеть, что небо противъ этого брака и что невъста-духъ ночной. Раймондъ оснорбленъ и вызываетъ Готье на смертный бой, прекращаемый лишь эпергичнымъ вибинательствомъ Даніила. Своимъ духоввымъ авторитетомъ монахъ скоро всёхъ приводить къ порядку. Онъ отводить Мелузину въ сторону, говоритъ, что ему «все» извъстно и настанваетъ на томъ, чтобы отнынъ она прервала всякое общение съ «духами лъсовъ». Мелузина готова встиъ для Раймонда жертвовать: безъ колебаній высказываеть она ръшение отъ всего былого отречься; только этой ночью она въ последний разъ къ «своимъ» вериется, увидить всъхъ и на въкъ простится. Для Данівла это кажется достаточнымъ, и, носль большого молитвеннаго ансамбля, весь кортэжъ безиренятственно входить въ храмъ. По раздоры только видимо затихли: Готье полопъ мысли о «мщеніи».

Въ третьемъ дъйствін двіз картины. Спачала мы въ комватъ новобрачныхъ. Они один и любовно бестдуютъ. Мелузина усптваетъ, между прочимъ, напоменть мужу о роковомъ условін и просить полнаго доверін нъ себь. За сценой раздается голосъ Готье: опъ на смъхъ поетъ свою балладу о «запоздаломъ вздокв». Раймондъ въ бъщенствъ в, но совъту Мелузицы, призываеть Готье для объяспеній. Мелузина прячется за занавъсью. Сначала объиснение идетъ въ мирномъ топъ, но лишь ръчь заціла о Мелузинъ, собесъдники пачали горичиться. Въ концъ концовъ Готье объясняетъ, что онъ разъ ночью нопаль къ лъснымъ дуламъ, видилъ ихъ тапиственныя игрища и, конечно, не ушель бы отъ нихъживымъ, если

бы не знакъ крестопосцевъ, который былъ тогда на немъ; въ ту ночь онъ встрётилъ

впервые Мелузиву, -

Ярко адскій огонь всю ее освіщаєть. Далье Готье стопть на томь, что Мелузина ровно въ полночь исчезнеть изъ замка. «Ты лжешь»—возмущаєтся Раймондь потдергиваєть занавьсью пусто. Вив себя Раймондь требуеть, чтобы Готье отвель его въ льсь, въ «царство духовь».

Вторан картина въ лѣсу. Сначала пепроглядная темь. Постененно слетаются духи. Ихъ повелитель измахнулъ, и лѣсъ озарился полшебнымъ свѣтомъ, оживился поздушными илясками сильфовъ, пандъ, рѣзвыми играми гномонъ. Мелузина. Она съ сестрами въ нослѣдпій разъ, чтобы навсегда потомъ съ ними разстатьси. Объясненіе Мелузивы съ огномъ. Онъ назывлетъ Раймонда «самымъ презрѣинымъ изъ смертныхъ». Она его защищаетъ:

> Довърясь мит вполит, Не въдая—кто я, Опъ клялся быть мокиъ— Той клятвъ върю я!

Царь, духовъ настанваетъ: а что если Раймондъ договоръ нарушитъ, если онъ теперь пробирается въ наши завътныя владънія? — Тогда и буду презирать безумца, покину его и навсегда вернусь въ рединый айсъ! - Царь въ отвътъ указываетъ на спускающихся съ горы Раймонда и Готье. Обоихъ рыцарей меновенно обутала игла, — они инчего не видали. Они слышать лишь угрожающие возгласы: - зачёмъ вы здёсь? Раймондъ, ты измёнилъ! - Раймондъ узпаеть голось Мелузины. Онъ въ отчанийи. Между тёмъ царь духовъ простеръ руку по папривленію къ Готье и тотъ умираеть. Затъмъ произносится вриговоръ и Раймонду: онъ будетъ жить, по память въ немъ умретъ и помутится умъ; мучимый въчной тревогой, въ въчномъ бреду, онъ тяйны зъса никому открыть не сможеть; если же Мелузина простить его и къ нему вернется, то съ первымъ попълуемъ опъ вкуситъ смерть. Духи исчезають, На скаль появляются друзьи Раймонда съ факелами. Запимается заря.

Посавдый актъ самый несложный. Испь багаъ замка Раймонда. Рамбо и Гонтрамъ говорить о безнадежномъ душевномъ состояни принца. По ихъ уходъ, показывается Раймондъ. Онъ мъста себъ пигдъ не находитъ, все бродитъ, ищетъ чего-то, ждетъ не дождется своей Медузины. Но напрасно — еи иътъ. Онъ въ отчаянии. Однако, что это? Не она ли? Дъйствительно, это Медузина. Она тайкомъ къ нему прокраласъ, чтобъ простить его и проститься: оны ужъ не увидатся болъе—такъ ръшилъ исумолимый рокъ. Раймондъ инчему пе внемастъ, онъ си не этпуститъ, она должна

быть съ пвиъ, ему принадлежать. Мелузина, стращась за его жизнь, отстраняетъ его ласки, напоминаетъ ему, что въ ея ноцълут его смерть. Но что ему жизнь безъ нея? Мелузина, нодъ обаяніемъ его прежнихъ ръчей, больше не въ силахъ бороться; въдь и она обожаетъ его. Уста ихъ слились въ поцълут... И тотчасъ же Раймоидъ, какъ пораженный, надаетъ; его уже оковываетъ смерть. Мелузина склоняется надъ дорогимъ труномъ: «Лестокій рокъ. Я убила его:» Слышны голоса лъсныхъ духовъ. Они зовуть Мелузину:

Заря альеть на вершинахь, — Посивши, посивши!

Читатель уже, конечно, замътиль, что начиная со втораго акта, я нересказываль либретто въ другомъ тонь, болье серьезномъ. Это потому, что тамъ, какъ разъ со втораго акта, прекращаются тъ явным несообразности, которыя веселили меня въ начальномъ дъйствіи. Но конечно, это не значить, чтобы несообразности вовсе отсутствовали въ трехъ послъднихъ актахъ.

Начиемъ хоть съ Данінла. Въ периомъ акті, онъ на Мелузину смотритъ совстмъ такъ, какъ и подобаетъ па нее смотръть человъку сго званія и той отдаленной эпохи, въ которой происходить дъйствіе оперы. Она дли исто исчадіе ада и больше нечего. Усердной молитвой, обращениемъ къ Небу совътуетъ опъ Раймонду оградиться отъ нея самой потъ той страсти, которую она вдохнула въ принца. Но во второмъ актъ тотъ же Данимъ инчего не имъетъ противъ свадьбы Раймонда съ Мелузиной, опъ даже все дълаетъ, чтобы этотъ союзъ состоялся, несмотря на тьму и молню въ моментъ цервой попытки Мелузины вступить въ храмъ. Ревиостный и строгій служитель алтиря, монахъ, пріоръ монастыря ничего не могъ другого въ втожь грозпомъ знамень в видъть, кромъ примого указанія свыше, что бракъ немысливъ. Нюнттеръ, очевидно, разсуждаетъ иначе. Его средневъковый монахъ — либералъ: Мелузина песомивнный явсной духь, по опа даеть обвщаше прекратить спошения съдухами и только одну единственную ночь, последнюю уже, просить ей позволить погостить на лузиньянской Лысой горь, — и для монаха больше инчего не надо; посат такого объщанія Мелузину вънчать можно и нъ храмъ ей доступъ свободный.

Страненъ п Готье. Опъ другъ Раймонда. Опъ страшится за его бракъ съ Мелузиной, открыто возстаетъ противъ нея послъ знаменья. Это все нопитно. Понятно и то, что тъмъ опъ оскорбилъ Раймонда и что тотъ за это вызвалъ его на поединокъ. Но поединокъ прекращенъ духовнымъ лицомъ, а послъ призыва Даніпла къ примиренію, послъ тайной бестьды Даніпла съ Мелузиной и общей затъль молятвы, Мелузина вопла въ храмъ безпрепитстиению; зна-

чить, Небо не отторгаеть ен больше. Противъ кого же Готье затанлъ свой гивъь, кому собирается «мстить»? Раймонду? Но въдь не Раймондъ его оскорбилъ, а оцъ оскорбилъ Раймонда отзывомъ о его невъстъ. Мелузииъ? Но въдь Мелузина получила прощение свыше и лично инчъмъ не виновата передъ Готье.

Какъ бы то ни было, либретто «Мелузины» не изъ худинхъ. Иной вздоръ его можно признать, какъ необходимую принадлежность почти каждаго опериаго либретто, другой — можно оправдать фантастикой. Опо даже не безъ ловкости написано, по реценту либретто для онеры à grand spéctacle, оперы, не задающейся инкакими повъйними реалистическими стремленіями, а просто ингицей възябретто повода паписать музыку разныхъ пастроеній. Сжато, не расилывчато либретто Нюнттера, а въдь чего тамъ только итть: пейзане и охотники, принцъ и принцесса, пріоръ и злой духъ, органъ и хоръ сильфовъ, свадебное шествіс я фантастическій балеть. Я уже не считаю разных в предлоговъ для освъщения лупнаго, солнечнаго, факельнаго, не считаю молніп и возможности устроить предестныя декораціи. Какъ напр., эффектио можно поставить всю вторую картину третьяго акта, съ его красивой чертовщиной, его калейдоскопписски мѣняющейся группировкой огромиыхъ танцующихъ массъ, съ его видимыми и невидимыми хорами. Въ этой картинъ даже г жа Абранова лучше, чъмъ гдълибо въ другомъ м'яст'я. Право же, сравнительно не дурепъ текстъ хора:

Отъ глазъ чужихъ, о, мракъ почной, Ты огради пашъ лъсъ священный: Пути сюда отъ смертныхъ скрой, Скрой нашъ пріютъ уединенный! Въ глухую почь въ нашъ льсъ густой Пускай никто прійти не сможетъ, О, пусть никто не потревожитъ Ни нашихъ чаръ, ни пиръ ночной!

Положимъ, главная героння въ либретто что-то имъетъ въ себъ педосказанное, странпое, мало симпатичное, - положимъ, не менъс странна мораль, которая выводится изъ всей этой, для оперы приготовленной, легенды, положимъ, Раймондъ, наиболъе живое лицо оперы, — самый обыкновенный оперный любовинкъ, Данінаъ- не выдержанъ, какъ и Готье, а остальные безличны. Но въдь зато столько случаевъ поразить эффектомъ контраста, эффектными экскурсіями въ сказочный міръ! Въ «Робертъ» јешне premier-деревяненъ, Изабелла-пенитересна; весь сюжеть-самая хитросплетенная ченуха. А въдь польстился же на такой сюжеть неликій производитель опериыхь эффектовъ — Мейерборъ: можеть быть и всю то оперу сочинилъ онъ ради одного «возстанія изъ гробовъ».

Словомъ, настаиваю, что и на сюжетъ «Мелузины», но либретто Нюиттера, можно, при тадавть и умъньъ, написать оперу съ хорошей и, по всякомъ случаъ, эффектной музыкой.

Однако этого не случилось. Музыка комнозитора, съ талантомъ и умѣньемъ котораго мнѣ удалось познакомиться 10-го января, въ вечеръ перваго московскаго спектакля «Мелузины», пс хороша и даже пе эффектна.

Разсматривая произведенія различныхъ авторовъ, въ музыкъ, какъ и во всякой другой отрасли искусства, получаемъ безконечную цъпь градацій въ отношенінхъ между положенными въ основание каждаго такого произведения-дарованіемъ и мастерствомъ автора. Гдв дарованіе и мастерство какъ бы въ равныхъ правахъ, гдъ дарованія больше, чтиъ мастерства, гдъ-наоборотъ. Все это пока-превосходные образчики художественнаго творчества. Спускаись инже, паталкиваемся на произведения другихъ достоинствъ. Дарованія автора здёсь почти уже не замътно; оригинальнаго, по крайней мъръ, въ этомъ дарованіи инчего иътъ: одно лишь больс или менье ловкое повтореніе чужихъ мыслей, мыслей, которыя бывали повторены не разъ многими въ разпыхъ незначительныхъ варіантахъ и стали потому какъ бы общимъ достояніемъ; въ способъ же примъненія этихъ чужихъ, общихъ (какъ хотите), во всякомъ случат, не своихъмыслей иътъ мастерстиа (потому что въ самомъ мастерствъ непремънио чувствуются спеціальные элементы дарованія), а только именно довкость, набитая рука человъка, знающаго свие ремесло, - такъ называемия рутина. Комбиняруя такія соображенія все иначе и иначе, дойдемъ и до такого сопоставленія, гд'й и дарованіе сомнительно, п рутина слаба.

«Мелуэнна» -- ближе всего къ послъдней ка-

Teropin.

Въ музыкъ этой оперы все знакомо, все давно усибло превратиться въ общее мъсто. Но авторъ, много, очевидно, на своемъ въку слышавшій музыки, не ко всему слышанному питаетъ одинаково сильныя симпатін; его общія м'яста пногда какъ будто отдаютъ характерными чертами того или другого композитора. По «Мелузпив» можно угадать этихъ Но выстройвъ въ рядъ пхъ любимцевъ. имена, поневолъ изумляещься разнообразію вкусовъ уважаемаго творца нашей новой оперы: здъсь и прежий Всрди, и Мейерберъ, и Вагнеръ поры «Лоэнгрина» и «Тангейзера», и Гуно, и Дюбюкъ, и многіе другіе. И, конечно, чтиь болье проста и для подражанія доступна фактура композитора, вспоминешагося автору «Мелузины» при созданіи тъхъ или другихъ ен тактовъ, темъ этп такты выражены логичиве, естествениве. Всего ему лучие поэтому въ обществъ прежнихъ птальящевъ; псего менъе удобно въ обществъ Вагнера: подъ

его давленіемъ неизб'єжно начинались истинныя «муки творчества», потому что даже въ «Лоэнгринъ» и «Тангейзеръ» Вагнеръ придумалъ такіе аккорды и гармоническія последованія, въ которыхъ бъдной «Мелузинъ» оставалось только нутаться. Но, къ сожальнію, авторъ ея прямо питаеть неизъяснимое влечение къ отдаленнымъ модуляціямъ и, такъ называемымъ, ложнымъ калансамъ. Что изъ этихъ пряностей кажется ему сравнительно удавшимся, онъ склоненъ даже обращать въ манеру. Укажу хотя бы на чередование аккордовъ изъ двухъ топальпостей, находящихся между собою въ секупдномъ отношенін: напр., на 2 стр. клавираусцуга fa-мажорное трезвучіе (fa-la-do) рядонъ съ доминантаккордомъ mi-мажора (si-rez-faz-la); на 5 стр. доминантаккордъ fa - мажора (do-mi-sol-siz) рядомъ съ трезвучіемъ mi-solz-si; на 9 стр., доминантаккордъ si?-мажора (fa-la-do-mi) и квартсекстаккордъ la-мажора (mi-la-dos). Въ рукахъ талантливаго мастера подобныя гармонін сталя бы какъ сл'вдуеть и произвели впечатавніе, но онв попали въ «Мелузипу», гдв употреблены не у мъста, угловато и, въ двухъ послёднихъ изъ указапныхъ случаевъ, — съ неправильными параллелизмами (октавы между аккордовымь басомъ и вокальной партіей).

Только что было указано на нараллелизмы. Погрвшности противъ музыкальнаго правописанія въ «Медузинь» не только ими выражаются. Ка авторъ можетъ даже любимый свой секундаккордъ бросить безъ всякаго разръшенія (1 тактъ 47 стр.). И здъсь, конечно, не сознательное попирание правиль теоріи музыки, какое встръчаемъ порою у талантовъ, имъющихъ нравственное право на это отважиться, а, просто, недостаточно солидныя знанія, отсутствіе композиторской техники, безъ которой нельзя браться за оперу, если смотръть на эту задачу хоть сколько-нибудь серьезно. Въ оперъ мало аккомпаниментовъ на двухъ, трехъ арпеджированныхъ или отбивныхъ аккордахъ примотовивания свойства, мало общих в мъсть какъ въ выборъ мелодій пъвцамъ, такъ и въ гармонизаціи этпхъ мелодій; въ опер'в надо имъть въ виду умълое обращение съ голосомъ пънца, съ текстомъ его партіп, со всякниъ аккордомъ аккомнанимента, со всякой модуляціей, съ формой, въ какую можеть вылиться, соотвътственно тексту и сценической ситуапін, тотъ или другой оперный пумеръ, съ оркестромъ, наконецъ, которому все-таки много дъла въ оперъ, такъ какъ онъ своими красками можетъ расцвътить любую, задуманную авторомъ, звуковую картину, уясинть любое пастроеніе. Въ «Мелузинь» же вокальныя партін часто звучать тускло, глухо, что указываетъ на малую опытность въ дълъ выбора тесситуры; текстъ, вызывающій, по смыслу, планиую музыку, сившить въ скороговоркахъ

(такъ Данінаъ, уходя, «благословляетъ» Раймонда); аккорды — въ жалкой, безпомощной путаниць, если отошли отъ шаблона; въ еще болье плачевномъ состоянія, модуляція, если он'ї уклонились отъ своего казенваго пути по квинтань; о владиніи формой ньть представленія: блестящее тому доказательство - оркестровое вступление къ оперъ, громко названное «увертюрой» (почтенный авторъ ная не знаетъ что такое сонатиая форма, или не слыхаль, что увертюра пишется всегда въ сопатной формъ). Остается сказать объ оркестрв «Мелузины». Воть гдв я положительно педоумвваю. Конечно, въ этомъ оркестръ цътъ инчего особеннаго; конечно, въ немъ попадаются неумълости, вродъ сившного дуэта арфы съ литаврами передъ молитвой 1 акта (стр. 138); но все-таки оркестръ въ этой оперт настолько технически выше всей остальной технической же стороны ея, что авторъ «Мелузины» мий представ-. ляется будто въ двухъ линахъ: одно слабо владыеть композиторской техникой, другое безъ сравненія дучне постигло оркестраторскую ру-

Послъ всего сказаннаго, не считаю нужнымъ подробно разбирать каждый нумеръ онеры. Ограничусь указаніемъ въ каждой изъ няти картинъ—того, что въ ту пли другую сто-

рону замътно выдается.

«Увертюра» (?) эскизно набрасываетъ двъ темы: первую мы встрътимъ еще разъ въ антрактъ къ картинъ «царства духовъ» (она — какой-то торжественный маршъ, очень прозинческій, безъ малъйнаго фантастическаго оттънка); вторую услышимъ въ оркестръ въ томъ мъстъ нервой сцены Раймонда съ Мелузиной, гдъ вступаетъ органъ (она прилична, мягкаго, плавнаго характера). Между темами маленькое царство уменьшеннаго сентаккорда — обычный пріемъ у автора «Мелузины», когда онъ принимается за фантастику; обычный пріемъ всикаго дилетанта, когда онъ хочетъ нисать оригинальную музыку.

Выходъ монаховъ и Дапіма, переходящій въ короткое агіого последняго — одно изъ нанболе удачныхъ по музыке месть въ опере. Въ пемъ есть кое-что педурное, есть настроеніе; по хроматизмъ первыхъ двухъ тактовъ пеумъстенъ въ обрисовке средневековаго инома: здёсь бы нужна была строго діатопическая гармонія. — «Охотники» обыденны, какъ музыка; забавны, какъ доказательство дегкомысменнаго отпошенія ихъ комнозитора къ тексту Июнттера или переводчицы къ музыке комнозитора. Хоръ кончается самыми кровожалными словами:

Олень, куда? Тамъ ждеть быда! Живо затравимъ!

Ихъ сопровождаетъ замирающая музыка.

какт бы припоровленияя къ изображению удаляющихся звуковъ. А между тъмъ охотники не уходятъ, а только что пришли изъ лъса и по дальнъйшимъ подробностямъ дъйствія должны остаться нъкоторое время на сценъ.— Баллада Готье замъчательна своею ритурнелью, а та, въ свою очередь, замъчательна тъмъ, что необыкновенно напоминаетъ ритурнель къ романсу «Ахъ морозъ, морозецъ! г. Дюбюка.

Во второмъ актъ много хоровъ и ансамблей. Можно было бы думать, что авторъ воспользуется тыль, чтобы понытать счастья вы многоголосін, интересномъ соединеніи темъ. Но для того пужна контранунктическая техника. А потому авторъ по просту или расписываеть аккордовью звуки аккомианимента по голосамъ, или, еще того проще, ищетъ снасенія въ унисонахъ всёхъ находящихся на сценъ солистовъ.

Ивсколько оркестровыхъ тактовъ, вводищихъ въ первую картину третьяго актапринъръ тому, какъ можно, безъ привычки къ далекимъ модуляціямъ, совершенно сбиться съ толку. А въдь мило начинаются эти такты. — Дуэтъ супруговъ – безобиденъ, инчего не стремится изъ себя изобразить особениаго, а потому примичень. Въ следующей картинь, габ анбреттистомъ данавозможность на . писать много интересной музыки, композиторъ проявляетъ много претензій, упражияется усердно въ уменьшенномъ септаккорав, Мелузинъ поручастъ арію съ трелями, ппинеть ижсколько нумеровъ балетной музыки, въ которой онъ, кажется, чувствуеть себя свободнъе (*sol-*мажорная варіація не безъ шика сдвлана), - по фантастического настроенія не достигаетъ ни на мгновенье, предоставляя намъ всю надежду возлагать на балетмейстера и декоратора.

Въ носаждиемъ дъйствін, оркестровая прелюдія къ которому желала, было, пачаться басовыми унисовами ѝ Ів. Мейсрберъ, есть тепоровое соло, невысокаго качества, по пъвучее, выдержанное и потому производящее внечатлъніе; второй куплеть этого соло сопровождается невидимымъ хоромъ духовъ,— п

это недурно по звуку выходить.

Такова «Мелуянна» въ общеть и въ подробпостяхъ. Наложена она по системъ старинкой. —
въ отдъльныхъ, закругјенныхъ пумерахъ; насколько композитору позволяетъ его техника,
иъкоторые мотивы проведены въ оркестръ,
появляясь, какъ наноминаніе о томъ или другомъ моментъ оперы. Речитативная сторона
совсъмъ слаба; кантиленная только иъсколько ея
выше. Нътъ ин на минуту такого подъема музыви, который бы унлекъ за собою слушателя
Вся же причина того, что опера пеудачна, заключается въ слъдующемъ: музыка ея нени-

тересна, потому что у автора ея мало умънья и знаній, музыка недаровита, потому что таланть посылается судьбою не каждому желающему ставить оперы въ нашемъ Болыпомъ

театры.

Поставлена у насъ «Мслузина» очень тщательно, красиво, нарядно. Декорація лѣса илѣнительна; балеть великольпень и до четвертаго дѣйствія имѣстъ въ оперѣ наибольшій уснѣхъ, благодаря «пуантамъ» г-жи Рославлевой (одна изъ ея варіацій бисируется). Но въ послѣднемъ актѣ во главѣ усиѣха—г. Донской, добившійся изящнымъ и эффектнымъ исполненіемъ своего соло единодушнаго требованія повторить его. Мелузину исполияетъ г-жа Маркова. Съ виѣшвей стороны, она не оставляетъ ничего лучшаго желать. Но вокальное исполненіе (говорю о первомъ спектаклѣ) было не безупречно: были детонировки, довольно чувствительныя. Г. Трезвинскій (Дапіплъ), г. Хохловъ Готье). г-жа Николаова (Алпса), г. Власовъ (царь духовъ) гг. Грпгорьевъ и Стрижевскій (Рэмбо и Гонтраъ)—дълали что могли и что позволяли имъ дълать ихъ партіи. Дирижировалъ г. Альтани: оркестръ шелъ отлично (одинъ разъ только какой-то смычекъ поторонился начать раньше своихъ товарищей): оркестру не уступалъ хоръ.

Опера успѣха не пмѣла никакого. Зачѣмъ же она была поставлена? Развѣ стоящіе во главѣ опернаго репертуара не умѣютъ отличить оперу съ музыкой отъ оперы безъ музыки? Вирочемъ умолкаю. Не хочу проникать въ тайны Мелузины. Она учитъ не бытъ любонытнымъ, а я не настолько полюбилъ ее, чтобы слѣдить за нею и преадваться отчая-

нію, когда она исчезнетъ. Сем. Кругликовъ.

Театръ г. Корша.

«Свои люди сочтемся», комедія въ 4 д. А. Н. Островскаго. — «Шиповникъ», комедія въ 3 д. Вл. И. Немировича-Данченно. — «Тетка Чарлея», фарсъ въ 3 д. Брандона Томаса. — «Романтини», комедія въ 3 д. въ стихахъ Э. Ростана.

Репертуаръ Коршевскаго театра за декабрь мъсяцъ отличался большимъ разнообразіемъ и пестротой. Чисто бытовая пьеса Островскаго, русская легкая комедія, французская костюмная пьеса въ стихахъ и паконецъ— авглійскій фарсъ— таковъ составъ четырехъ бенефисныхъ спектаклей за истекшій мъсяцъ. Новинкамидля московской публики были собственно линь деъ послъднія переводныя пьесы, о содержаніи кокоторыхъ мы и будемъ говорить болье или менъе подробно. Что же касается первыхъ двухъ пьесъ, то онъ уже зпакомы москвичамъ по Малому театру, и въ отношеніи ихъ мы ограничимся лешь немногими короткими замъчанішми

Возобновлевіе пьесъ Островскаго представаяется, конечно, весьмажелательнымъ, въ особенпости при сравнительной бъдности современной драматической литературы, но намъ приходилось уже говорить отомъ, что частной сцепъ, не обладающей такими крупными, выдающимися силами, какъ казенный театръ, трудно, да и едва ли следуеть конкурировать съ посабдиниъ въ репертуаръ, ставя одиъ и ть же пьссы. За очень ръдкими развъ исключеніями, сравненіе будеть не въ пользу частной сцены, и найдется сравнительно пемного охотниковъ смотръть пьесу въ худшемъ псполневін, если можно видъть ее въ исполненіп лучшей труппы. «Своп люди— сочтемси» еще очень недавно возобновлены были на сценъ Малаго театра и были обставлены такими силами труппы, какъ гг. Рыбаковъ, Садовскій и др. Уже заранте можно было сказать, что въ коршевской труппъ едва зи пайдутся исполнители, которые дадутъ зрителю въ этой пьесъ если ужъ пебольше, то хоть не меньше, чёмъ труппа Малаго театра. А между твиъ «Свои люди-сочтемся» прппадлежатъ къ числу тъхъ пьесъ Островского, которыя требують отъ артистовъ особенно тщательнаго и тонкаго исполненія. По сюжету и сценической его разработкъ, эта комедія далеко не такъ благодарна для исполнителей. какъ

напр. «Бъшеныя деньги», «На всякаго мудреца довольно простоты» и др., въ которыхъ роли, что называется, сами за себя говорятъ. Сюжетъ пъесы очень простъ, эффектныхъ сценъ въ пей почти пътъ, да и самая среда и лица, въ ней изображенныя, уже отопли отчасти въ область прошлаго. Голышевы, Подхалюзины, Липочки существують, въроятно, и понынъ; но съ одной стороны, они перестаи ужь быть прежнимъ явленіемъ общаго характера, а съ другой — самые типы ихъ видоизмённансь и осложинамсь подъ вліяніемъ времени, отъ воздъйствія котораго не ушло даже консервативное и патріархальное скворвчье. «Свои люди—сочтемся» принадлежить къ числу тъхъ произведений Островскаго, въ которыхъ чисто-бытовыя, т.-е. преходищія и измъняющіяся черты всець преоб--осер-эрідо иси иканаскуривидни адби атокра въческими; такія пьесы, съ измъненіемъ условій, даже гораздо скорве способны утратить свой внутрений интересъ и значение, чъмъ тъ пьесы, въ которыхъ личность не есть лишь продуктъ вибинихъ и временныхъ бытовыхъ условій, преобладаеть вадь последними, развивается и складывается паперекоръ инъ. Какъ мастерская художественная картинка педавияго, по уже отжитого прошлаго, фиксирующая предъ зрителемъ уже исчезнувния или вымирающія черты быта, «Свон люди—сочтемся» сохраняетъ и поныпъ литературный интересъ, но по впутрениему своему содержанию, по темь и лицамь, эта комедія значительно уступаетъ въ интересъ многимъ другимъ произведеніямъ Островскаго, затрогивающимъ болке глубокія и общія черты, менже зависящія оть псключительных условій времени, мъста и среды. Къ тому же, какъ первое крушюе драматическое произведение Островскаго, комедія «Свои люди—сочтемся» еще пе обладаетъ тъми чисто-сценическими достоипствами, которыми отличаются послёднія пьвсы нашего драматурга. Чтобы эта пьеса, при ея возобновленін, могла возбудить въ публикъ столь же крупный и живой интересъ, какъ при первопачавномъ ея появленіи на сценъ, пеобходимо особенное мастерство исполненія. Даже на Маломъ театръ опа ставитси гораздо ръже и собираетъ меньше зрителей, чъмъ другія возобновленныя пьесы Островскаго, какъ напр. «Волки и овцы» и Бъшеныя деньги». Въ театръ же г. Корша «Свои люди — сочтемся» прошли, кажется, всего два раза и болъе па афишъ не появлялись.

Пьеса была сыграна, впрочемъ, лучше, чъмъ мы ожидали. Особенно опасались мы утрировки со стороны г. Валентинова, игравшаго роль Подхалюзина. Этотъ артистъ, не явшенный комизма, частопроявляетъ паклопность къперенгрыванью; на этотъ разь онъ воздержался отъ шаржа и провель свою роль сдержанио. Яркой, типичной фигуры создать ему пе удалось, но въ общемъ г. Валентинонъ — очень хорошій Подхалюзинъ. Главный педостатокъ въ его пгръ заключается въ томъ, что его Подхалюзинъ — немножко простоватъ, не производитъ впечатляния человъка себъ на умъ, достаточно про-

нырзиваго и алчиаго.

I. Грековъ-недурной Большевъ, но и онъ быль иягче и добродушиве, чвиъ бы савловало, и на нашъ взглядъ, недостаточно оттьниль упримство Большева. Положимъ, Большевъ не такой самодуръ, какъ Дикой или Титъ Тптычъ, по и у него есть песомпънное стремленіе простирать всюду, гдв возможно, свою властную руку и тотчасъ же, не задумываясь, выполнять все, чего его душа захотбла. Его банкротство, въ сущности, такая же упрямая прихоть, какъ п виезанная финтазія повънчать Линочку съ Подхазизинымъ. Вотъ эта то характерная черта упрямства и самодурства въ исполнении г. Грекова вышла недостаточно рельсфиой. Оттого, можетъ быть, Большевъ 4-го акта и не произвелъ на зрителей надлежащаго впечатленія; контрасть межау Большевымъ — безапелляціоннымъ домовладывой и Большевымъ, приходящимъ изъ тюрьмы просить помощи у споего бывшаго прпкащика и зятя, - до извъстной степени ступевался, а вийстй съ тиль и сцена 4-го акта между Большевымъ, Лазаремъ и Линочкой потеряла въ драматизмъ.

Въ противоположность другимъ исполнителямъ, г-жа Мартынова была слаба въ первомъ
лъйстви и гораздо лучше въ двухъ послъднихъ.
Г-жа Мартынова взяла невървый тонъ въ первомъ же монологъ и въ этомъ топъ вела весь
актъ. Капризныя питонаціи тъхъ водевильныхъ індением сотіднем, которыхъ когда-то
такъ мило играла г-жа Мартынова, неумъстны
въ бытовыхъ пьесахъ и звучатъ въ нихъ диссонансомъ. Точно также пеумъстны въ нихъ
подчеркнутая фразировка и вообще черезчуръ
густыя краски. Ібоэтому пельзя не поставить

артисткъ въ упрекъ ея плачъ въ первомъ актъ, отзывавшійся ръзкимъ шаржемъ; не слъдонало бы ей также слишкомъ долго вертъся передъ зеркаломъ въ 3-мъ актъ: будь Липочка одна въ компатъ, — это было бы, по-жалуй, допустимо; но на глазахъ другихъ Липочка, которая любитъ рисоваться своимъ превосходствомъ п пренебрежениемъ къ окружающему, дълать этого не стала бы. Но въ общемъ, пачиная съ 3-го акта (во второмъ, какъ помпятъ читатели, Липочка не появляется вовсе), г-жа Мартынова отръшилась отъ фальшиваго тона и коронную сцену съ Подхалюзинымъ сыграла хорошо.

Мы ждали большаго отъ г. Сашина въ роли Рисположенскаго. Артистъ сыгралъ ее монотонно и оживнася лишь въ послъдней сцеиъ съ Подхалюзинымъ. Чувствовалось, что артистъ не овладълъ ролью, ищеть, но не можетъ уловить надлежащий тонъ. Даже стереотипная фраза Рисположенскаго: «а я рюмочку вынью» ироизпосилась имъ какъ то неувъренио и пе производила впечатлънія. Г-жа Серебрякова и въ особенности Красовская были довольно типичны въ роляхъ Аграфены Кондратьевны и Устиньи Наумовны и содъйствовали ансамблю.

Во всикомъ случав, можно объяснить себъ почему г-жа Красовская выбраза для своего бенефиса именно «Свои люди — сочтемся». Гораздо трудиве поиять мотивъ, который руководиль выборомъ г. Свътлова, возобновпвинаго для своего бенефиса трехъактную комедію Вл. И. Немпровича - Давченко «Шиновникъ». Какія именно достоинства пашелъ въ ней г. Свътловъ, сказать себъ довольно трудно. Построеніе пьесы-искусственное, страдаеть натяжками, ис только типовъ, но даже оригинальныхъ, характерныхъ, живо очерченныхъ лицъ въ ней ивть; даже роль самого бенефиціанта, наиболве видиая во всей пьесъ, за урядна и мало интересна: насившанвый, ръзкій и грубоватый по внжшности, но умный и добрый по существу докторъ, руководящій фабулой пьесы п олицетворяющій въ себі: ея нехитрую мораль, фигура, давно знакомая врителю и слишкомъ ужъ примелькавшаяся ему на театральныхъ нодмоствахъ; при томъ же роль эта дажене настолько эффектна и благодарна для исполнителя, чтобы изъ-за нея вытаскивать всю пьесу изъ эрхивпой пыли. Во 2-мъ актъ есть, правда, нъсколько хотя п дъланныхъ, по эффектныхъ п сцеппчныхъ положеній; по зато нервый, а въ особенности 3-й акты страдають такими даминотами и непужными вставками и подробностями, что эти эффекты совершенно исчезають за инип. Да и самый діалогъ не отличается тою живостью и остроуміемъ, которыми спасаются нъкоторыя черезчуръ легкія в искусственно построенныя пьески.

Разыграна была пьеса недурно. Бенефиціан-

ту для роли Братчика нѣсколько недостаетъ голоса и темперамента; Братчикъ долженъ быть разче и оживлениве. Роль Золотницкой не удалась г-жъ Яворской. Отдъльные моменты, какъ напримъръ кокетливыя сцены съ племянникомъ, сыграны были артисткой хорошо, но зато въ другихъ мъстахъ было сильное несоотвътствіе между текстомъ роли и интонаціями и мимикой г-жи Яворской. Отчасти это можно объяснить тёмъ, что артистка не внолнъ освоилась съ ролью и не совсвиъ твердо ее знала. Но были и такіе моменты, когда артистка и при знаніи роли внадала въ фальшивый, неподходящій тонъ. Таковъ былъ, напримъръ, почти цъликомъ весь третій актъ. Артистка безо всякой надобности разнервинчалась и даже внала въ трагизмъ, не оправдываемый ни общимъ характеромъ роди, ни даннымъ положениемъ изображаемаго лица. Всв эти ломаньи рукъ, вскрикиванья, чуть не рыданья, - оставляли впечатлёніе чего-то совершенно ненужнаго и неумъстнаго. Объ остальныхъ исполнителяхъ можно сказать, что они не портили своихъ ролей. Лучше всъхъ быль г. Грековъ въ роли стараго великосвътскаго совътника и консерватора, больше всего на свъть боящагося нигилистокъ. Но и г. Грекову не удалось своей игрой прогнать ту скуку, которую Недомековъ нагоняетъ на публику въ 3-мъ актъ своими слишкомъ длинными и ненужными разглагольствованіями.

Г-жа Романовская въ роли современной Коробочки — Сканидоровой, прівхавшей въ Москву отыскивать какого-то надувшаго ее актера, въ первыхъ двухъ актахъ играла умно, просто и не безъ комизма. Но разсказъ Скапидаровой въ 3-мъ актъ о томъ, какъ актеръ вторично обмануль ее и выманиль у пен деньги, вышель у г-жи Романовской грубоватымъ и дъланнымъ. Надо замътить, вирочемъ, что разсказъ этотъ и самъ по себъ-одно изъ самыхъ неудачныхъ мъстъ пьесы и могъ бы быть вовсе выкинуть не только безъ ущербя, но и съ несомнънной пользой для пьесы. Г-жа Омутова была больна, хрипъла, говорила съ трудомъ, но, несмотря на это, очень мило сыграла роль Любимовой, которая въ ея исполнении вышла живой и симпатичной фигуркой. Гг. Трубецкой и Орленевъ играли такъ, какъ они вообще играютъ: первый — jeune premier безъ опредъленнаго характера, а второй-глуповатыхъ фатовъ. Г. Орленевъ, впрочемъ, похожъ былъ больше на галантнаго комми, чтить на молодого человька изъ московской jeunesse dorée, разъвзжающаго въ собственныхъ экипажахъ и посвщающаго свътскія гостиныя.

Въ прошломъ сезонъ г. Свътловъ познакомилъ москвичей съ образчикомъ англійскаго драматическаго творчества, поставивъ комедію «Наши дъти». Въ нынъшнемъ году ту же мис-

сію принять на себя г. Сашинь, въ бенефись котораго (а затъмъ и въ бенефисъ г. Орленева) поставлена была 3-хъ актная пьеса Брандона Томаса «Тетка Чарлея». И та, и другая пьеса, какъ слышно, пользовались въ Англіи огромнымъ успъхомъ, изъ чего следуетъ заключить, что театральные вкусы современной англійской публики стоять на неособенно высокомъ уровив. Комедія «Наши дъти» представляетъ еще собою интересъ, какъ характеристика взаимныхъ отношеній двухъ доминирующихъ въ Англіи сословій — аристократическаго и коммерческаго. Характеристика эта, правда, довольно поверхностная, но въ ней все же есть нъсколько любопытныхъ бытовыхъ черть, и комизмъ этой пьесы зиждется не на одивхъ только вившинхъ случайностяхъ, а вытекаеть и изъ характеровъ дъйствующихъ лицъ, благодари чему «Наши дъти» смотрълись не безъ интереса. Что же касается «Тетки Чардея», то это — буффонада, комизмъ которой, если можно такъ выразиться, чисто акробатическаго свойства. «Тетка Чарлея» въ большой мъръ напоминаетъ тъ пантоминныя представленія, которым и обыкновенно заканчиваются спектакли въ циркахъ. Правда, въ знаменитомъ англійскомъ фарсъ все-таки немножко... говорять, но соль пьесы вовсе не въ словахъ и не въ разговорахъ, а въ бъганьи, прыжкахъ, паденіяхъ и главное-въ переодѣваньи. Выбросьте вовсе изъ пьесы текстъ, замѣните его нъсколькими пояснительными жестами, — и «Тетка Чарлея» нисколько не потеряетъ своей соли и смысла, а, если хотите, даже выиграетъ отъ этого, потому что станетъ прямолинейнъе и короче. Содержание пьесы въ двухъ словахъ, таково: два студента, Джекъ и Чарлей, ожидають къ себъ на завтракъ двухъ молоденькихъ дъвушекъ, которыя согласились посётить ихъ подъ тёмъ непремъннымъ условіемъ, что на этомъ завтракъ будетъ присутствовать и тетушка Чарлея. Но тетушка, которая только что вернулась изъ Бразиліи и которую никто никогда въ глаза не видаль, не исключая и самого Чарлея, въ самый критическій моменть присылаеть телеграмму о томъ, что прівдеть только на слідующій день. Студенты—въ огорченіи, но ихъ выручаеть ихъ товарищь Бабсь, который какъ разъ въ этотъ вечеръ долженъ изображать на любительскомъ спектакий старуху. Бабсъ переодъвается въ женскій костюмь, его выдають за «тетку Чарлея», и-начинается веселье. Барышни цълуются съ нимъ, какъ съ женщиной и посвящають его въ свои тайны, къ великому ужасу своихъ обожателей, которые не сибють однако открыть имъ секретъ; опекунъ этихъ барышень и отецъ одного изъ студентовъ напропалую ухаживають за богатой бразильянкой и на перебой дълають ей предложенія; линмая «Тетка Чарлея» охотно отвівчаеть барышнямь и сжеминутно спасается отъ назойливыхъ жениховъ и т. д. пока, не пріъзкаеть наконецъ настоящая тетка Чарлея, которая, разумбется, и распутываетъ всю эту путаницу.

Разыгрывается этотъ фарсъ очень бойко. Г. Орденевр очене сменнонг вр юбке и вр сотоменной имянив тарантасомъ; онъ четыре раза прыгаетъ въ окошно, одинь разъ надаетъ со стула, опрокидывая на себя цванй столь съ посудой, и неисчислимое число разъ галопомъ проносится по сценъ, показывая каждый разъ изь подъ юбки свои сърыя панталоны... Ураганомъ мчится ежьдомъ г. Сашинъ въ огненномъ парикъ, бакенбардихъ и цилиндръ, изображая влюбленнаго и пылкаго нотаріуса... Вдохновленные коротенькими спинми курточками и бълыми наиталонами оксфордскихъ студентовъ, гг. Добронольскій и Трубецкой идутъ въ уровень съ общимъ весельемъ, и то и дъло подпрыгиваютъ, танцуютъ п дълаютъ ипруэты подъ аккомпаниментъ щебетанья г-жъ Никигиной и Домашевой, а г-жа Романовский съ висходительной и благодунной улыбкой молчаливо взираетъ ва расшалившуюся молодежь... II только одинъ г. Петровскій, медлительпо, автоматически шагая по сценв, сохраияетъ хмурую серьезность бааговоспитанниго лакел...

Самынъ интереснымъ спектаклемъ въ декабр'я місяц'я быль бенефись г. Добровольскаго, поставившаго трехактиую пьесу Э. Ростана «Романтики» (Les romanesques) въ нереводъ г-жи Щепкипой-Куперинкъ. Комедія Ростана-очень оригинальная, изящияя и поэтичная вещь, совстмъ не похожая на обычныя произведенія современной драматической музы. Она цъликомъ и сразу перепоситъ зрителя изъ текущей действительности въ тотъ отдаленный, наивный и граціозный міръ, вижинее отражение котораго сохранилось для насъ въ картинахъ Ватто. Ими, очевидно, навънна и вся ньеса, и лучшей ея характеристикой являются тъ заключительныя строфы, съ которыми, по образцу старинных комедій, актеры обращаются къ публикъ по оковчаніп пред-

> "Легкихъ платьевъ шелесть, Легкой риомы предесть, И картинъ Ватто изящиме топа"...

Это пленно картинка Ватто, перепесенная по театральныя подмостки, оживленная звучнымъ и легкимъ стихомъ, полнымъ то добродушнаго, заразительнаго юмора, то поэтическихъ порывовъ... И зритель иметъ невольную благодарность ноэту, магической силой своего таланта придавшему жизнь, илоть и провь яркимъ, по ненодвижнымъ фигурамъ старинной квртины, воскресившему предъ кимъ

на миновенье въ живыхъ образахъ забытое, но милое проинлое...

Бергамэнъ и Паскино, сосъдивдовцы и давпишніе друзья, давно уже лельють мысль повънчать своихъ дътей - Персииз и Сильветту-и, сломавъ старинную сткиу, раздъляющую ихъ владънія, соединить последнія въ одно цълое. Но вотъ бъда: молодые людимечтатели и романтики, которые презираютъ все обыденное, буржуазное. Если только опи узнають, что предполагаемый бракь — завътнан мечта ихъ отцовъ, тогда конецъ всему; они ни за что не согласятся на такой буржуазный, пошлый, родителями подготовленный союзь. Какъ же быть? И вотъ-Кергамянь, отень Персина, болъе сообразительный, чъмъ Паскию, останавливается на такомъ средствъ... Закадычные друзья должны стать заклятыми врагами, Бергаминъ и Паскию должны превратиться въ новыхъ Монтекки и Канулетти, повъдать о томъ своимъ дътямъ, которые возвращаются: одинъ изъ коллегія, другая изъ монастыря, - и строго запретить имъ всякую возможность свиданія. Разумбется, запрещеніе и угрозы отцовъ производя на горячіл романтическія головы дітей какъ разт, обратное дъйствіе: Персинэ и Сильветта начинаютъ вебми сплами искать свидания другъ съ другомъ, то и дъло приходятъ украдкой къ знаменитой ствив, затъмъ — знакомятся между собой, и изчинаются ежедневныя тайныя свиданія и нескончаемый, но нылкій любовный дуэтъ, за перинетіями котораго украдкою же слъдятъ и заговорщики отцы. Наступаетъ илпонецъ моментъ, когда ночва для будущаго брака уже достаточно подготовлена. Но тутъ новое препатствіе! Бергамэнъ и Паскино слишкомъ долго и энергично проявляли взаимную ненависть и вражду: слишкомъ быстрое и безпричиние примирение могло бы возбудить подозржије въ дътикъ. Нужно опять придумать какой-инбудь правдоподобный псходъ. Но тутъ уже Персинэ и Сильветта сами невольно подсказывають отцамъ, какъ сабдуетъ поступить. Опп сами начинаютъ думать о примирении Монтэкки-берганона и Канулетти-Паскино, и Сильветта вслухъ мечтаетъ о томъ, какъ бы это могло произойти на д'ЕлЕ: въ нее влюбляется какой-нибудь владътельный герцогь, хочеть ее похитить, по Персиня вырываеть ее изъ рукъ похитителя, иблагодарный llаскию примиряется съ отцомъ Персино. Бергамонъ подслуниваетъ Сильветту и тотчасъ же приводить ея мечты къ осуществленію. Съ этою цёлью приглашается ижкій Страфорель, мипмый браво, содержательагентства похищений промапическихъ mise-en-scene, который в испольяеть какъ по ппсанному фантазін Сильветты: въ лунную ночь, подъ звуки музыки и при свътъ факелокъ, происходитъ похищение. На крики Сильветты, прибъгаетъ Персиия, со шиагою въ рукахъ, побъдопосно разгоняетъ похитителей, изъ которыхъ одинъ, самъ Страфорель — становится даже мнимою жертвой необузданной храбрости Персинэ. Вобгають отцы, моментально примиряются, обручають Персинэ Сильветту и нриказывають домать ствну, а «убитый» герцогъ Страфорель, по уходъ молодых влюдей, подымается съ земли, чтобы передать Бергамэну счетъ за «похищение по периому классу», и первый актъ оконченъ, казалось бы, кончились и вся пьеса. Но автору этого недостаточно: онъ хочетъ ноказать зрителю не только комическую сторону романтиковъ-дътей, по и слабый пунктъ буржуазныхт, добряковъ - отцовъ, кроми того, у него есть извъстная тенденція, которая, съ его точки зрізнія, недостаточно рельефно выразизась въ первомъ дъйствін. И вотъ онъ рисуеть передъ зрителемь тоть моменть, когда Персипа и Сильветта еще не поженились, но знаменитая стына уже сломана. Отцы заскучаan: имъ ръшительно нечего дълать! Прежде масса времени уходила у нихъ на притворную вражду и выслёживание дётей, которое заинмало ихъ, пожалуй, не меньше, чънь Персинэ и Сильветту — ихъ любовные дуэты на стъив. Отъ скуки стареки начинають другъ къ другу придираться изъ-за каждаго пустяка, и минмая вражда то и дело начинаетъ переходить въ дъйствительную, заставлия Паскино и Бергамэна сожалъть о томъ времени, когда они отдівлены были другь отъ друга стіпой. Къ тому же примирение отновъ не изаблило датей отъ романтизма, напротивъ: реальное осуществление ихъ фантазін только подлило масла въ огонь; и они каждый день приходятъ на мъсто недавняго похищенія вспоминать о подвигъ Персинэ. Отцовъ это сердитъ и раздражаеть, и, ряскуя погубить почти доведенное до конца дъло своихъ рукъ, они не безъ проніц открывають Сильветть тайну романическаго похищенія. Случайно попавшійся въ руки счеть Страфореля посвящаеть и Персииз въ секретъ комедім, сыгранной отцами. Разумбется, на молодыхъ людей это производитъ впечатавніе ледяного душа. Сплыветта чувствуеть, что романтическія крылышки ея фантазін помяты, подмочены и безпощадио тянуть ее къ земав; въ равной мъръ и Персива сознасть себя ордомъ, превратившимся внезапно въ гусенка. Разочарование вызываетъ въ шихъ невольно немножко недовършвое, и даже чутьчуть враждебное отношение другъ къ другу; н Персинэ покидаеть отновскій домь, чтобы на свободъ предаться уже не инимымъ романтическимъ похожденіямъ. Тогда снова выступаетъ на сцену Страфорель, играющій роль добраго генія мододых в дюдей. Съ одной стороны имъ руководитъ желаніе, вновь устронвъ разладившуюся свадьбу, получить съ отцовъ

по все еще неоплаченному счету за похищение. Ho, съ другой — онъ вядить, что молодые люди дъйствительно любять другь друга и хочетъ номимо ихъ воли довести ихъ до этого сознапія. Снова Страфорель превращается въ тапнственного маркиза, спачала преслъдуетъ Сильветту своими пламенными письмами, а затъмъ внезанно появляется передъ нею самъ. Демоническая страсть, ревность и презръніе минмаго маркиза къ закону и порядку приводятъ Сильветту въ такой ужасъ, что она сразу и навсегда изабчивается отъ изапиняго увлечепія романтизмомъ. Излачился отъ него и Персииз, который, посль своихъ романическихъ авантюръ, возвращается въ отчій домъ раненымь, больнымъ, голоднымъ и усталымъ, жаждущимъ тихой любви и покойнаго счастья. Молодые люди примиряются, сознавъ, что любывь возможна и вит романтическихъ бурь, и что они любили и продолжають любить другь друга и помимо тайныхъ свиданій на стъпъ. Примирились и старики, ловкій Страфорель получилъ свою награду и съ добродушно-лукавой усминьюй смотрить на влюблениую нарочку, снова р'вшено слонать начатую было

"Консив — счастливый, какт оама весна"... Заканчивается пьеса по старинному — обращенемь къ нубликъ: каждый изъ квинтета произноситъ пъсколько строчекъ стиховъ, очень красивыхъ и звучныхъ, въ которыхъ поисняеть зрителю смыслъ пьесы.

Легкихъ платьевъ шелестъ. Легкой риомы предсеть. И картинъ Ватто изищные топа...

Комедія Ростана, безспорно, не лишени недостатковъ, которые нам'вчаются отчасти уже самымъ пересказомъ ен содержанія. Построеніе ея п'всколько искусственно; в'ь особенности искусственна та роль, которую отводитъ въ ней авторъ Страфорелю. Не, если хотите, эта искусственность до извъстной степени въ стилк и духъ изображаемой эпохи, и зритель охотно прощаетъ ее автору, который возстаповляя эту эпоху, захотыль сохранить прівны и манеру старинныхъ дранатурговъ. Есть въ пьесъ и длинноты, повторенія. Какъ мы уже свазали, первый актъ представляетъ собою какъ бы отдъльную, законченную пьесу, цъликомъ исчернывающую данный сюжетъ. Еще до постановки пьесы на сценътеатра г. Кория, намъ приходилось слышать объ исй отъ 2-3 лицъ, видъвишхъ ее въ Парижъ на сцепь Comédic Française: характерно, что всъ опп. передавая содсржание пьесы, обыкновенно разсказывали только первый актъ, цъликомъ укладывавшійся въ намяти, а въ отношенін двухъ остальныхъ ограничивались итсколькими поверхностными замізнашими, показывавшими, что эти два акта остивили по себъ болье бль:-

ныя, отрывочныя воспомініанія. И въ зрительномъ залв Коршевского театра, когда опустился запавъсъ по окончанія 1-го акта, пъкоторые изъ публики находили пьесу оконченной и подоум ввали-что же еще можеть быть дальис? Прибавивъ къ первому дъйствію еще два другихъ, авторъ невольно вдался въ повторенія; табъ, во второмъ актъ слинкомъ много вспомпиваютъ о томъ, что происходило п говорилось передъ зрителень въ неризомъ и это, конечно, отчисти вредитъ живости и непрерывности сценического дъйствія. Особенно даготъ себя знать эти новторенія въ сценахъ Бергамэна съ Паскино. Не совсымъ удаченъ и тотъ пріемъ, къ когорому довольно часто прибъгаетъ авторъ, чтобы охарактеризокать данное положение вещей, показать зрителю настроение своихъ героевъ или объясипть сму мораль даннаго иомента: достигается это тъмъ, что вст эти пояснения авторъ влагаетъ въ уста того или другого персопажа, который въ этомъ случав изъ дъйствующаго ляца превращается въ резопера, и не только разсказываетъ о томъ или иномъ фактъ или настроении, но и обязательно объясняетъ зрителю его причину и впутрениее значение. Приемъ этотъ тъмъ болже неудаченъ, что и эти причины, и самая мораль шьесы безъ того уже до очевидности ясны для зрителя и ни въ какихъ авторскихъ коментаріяхъ не нуждаются. Какъ на примъръ, можно указать опять-таки на спену 2 акта между Берганэномъ и Паскипо. Зритель ужъ препраспо попяль, что имъ скущо, что носав примиренія «Монтекки и Канулетти» имъ ръпительно нечего дълать, и что въ этомъ источникъ ихъ ссоръ. Авторъ не довольстнуется этимъ и устами одного изъ этихъ персонажей еще отъ себя поясняетъ публикт суть вещей. Слинкомъ ужъ авторскипримольнейны и учительны и тв разсуждения, которыя влагаеть онь въ усти Персиия въ 3 акть по поводу романтизма и любии. Вообще стремяение Ростана морализировать и подчеркнуть идею инесы скорбе повредило, чемъ принесло пользу последней. Да и саман мораль пьесы-черезнуръ ужъ въ духв современной французской буржуазіп. Есяп бы авторъ ограничнися только темъ, что на прим врв Персинэ и Сильветты осибяль бы крайность увлеченія романтизмомъ-противъ его пьесы немьзя было бы сказать им одного слова. Но Ростанъ идетъ гораздо дальше и на основанін изятиго имъ частнаго анекдотическаго случая дълаетъ общій выводъ. Фраза Персинэ, что «романтизмъ хорошъ, когда мы сыты» отзывается ужь обобщениемъ и безусловнымъ осужденіемь романтизма въ принцииб. Не говоря уже о томъ, что авторъ, дълая этотъ выводъ, гръшитъ противъ д'Ействительнести и, очевидно, совершенно забываетъ, что истинные предста-

вители романтизма въ той же Франціи далеко не припадлежатъ къ числу «сытыхъ», - пельзя отнестись пъсколько скентически и къ тъмъ положительнымъ идеаламъ, которые скрываются за покаянными разсужденіми Персинэ. Эти пдеалы черезчуръ ужъ отзываются аппетитамя рантые, который, удалившись отъ дълъ съ нъсколькими сотнями тысячь франковъ въ гарантированныхъ будгагахъ, округливъ свои земельныя владенія и обзаведясь женой, считаеть, что онъ совершилъ въ предъль земномъ все земное, и, поливая розовые кусты въ своемъ паркв, съ полнымъ равподушіемъ взираетъ на весь міръ изъ своего гибзда, пока извив шичто не грозитъ его интересамъ пропріетера. Это ужъ немножко черезтуръ, в за поэтическими рамками пьесы во вкуст старинныхъ мастеровъ пера и инсти-ужъ слишкомъ сивозитъ современный, прозаическій французъ-буржуа...

По, повторяемъ, всъ эти педостатии пьесы, за исключениемъ развъ линь ся немпожко узкой морали, охотно прощаются автору за ен песомивниыя достоинства. На ряду съ явкоторой искуственностью фабулы, въ пьесъ много върныхъ и тонкихъ психологическихъ чертъ: на риду ст. конечною прозаическою моралью маеса отдільныхъ моментовь, прошикичтыхъ дыйствительно поэтическимь подъемомъ чувства и неподдъльнымъ диризмомъ; на ряду съ не всегда нужными разсуждениями и пояснепіями-много жизни и свътлаго юмора. Il все это облечено въ такіе звучные, легкіе и краспвые стихи, сохранившие свою прелесть и въ нереводъ г-жи Щенквиой-Куперинкъ, что зритель все время съ живымъ вииманіемъ слъдить за исторіей Персинэ п Сильветты, искренно благодаренъ и автору и переводчицъ, и дпрекцін театра, давшимъ ему возможность пробыть ивсколько часовъ въ міръ юношескихъ поэтическихъ грезъ, молодого и свъжаго чувства, граціозной и дегкой шутки, свътлаго сибха и гармоничныхъ созвучій, — и охотпо забываетъ и педостатки пьесы, и недочеты, и шереховатости всполненія.

А последияхъ было не мало, и въ особенпости-въ игръ самого бенефиціанта. Г. Добровольскому прежде всего страшно вредять его вившиня, физическія данныя. Свътлый парикъ, необходимый по тексту ньесы, крайне не идетъ къ чертамъ его лица и придастъ посавдиему накое то простоватое, туповатое, далено не поэтическое выражение. длиппая, не совскиъ складная фигура, угловатия, ръзкія движенія, непривычка посить костюмъ, все это увеличиваетъ неблагопріятнос висчатльніе., производимое вившиниз обликомь г. Добровольского. Очень трудно новършть, чтобы Сильветта могла увлечься такимъ Персина, особенно - когда Персиня - Добровольскій начинаетъ говорить. Голосъ и органъ ръчи - несчастная

сторона этого актера; съ такими данными вообще рискованно поступать на сцену; а въ ньесахъ, гдъ изящество формы ръчи требуетъ п изящества въ ея передачъ, —гортанныя, напряженныя питонаціи и некрасивая грассировка г. Добровольскаго могутъ окончательно его погубить. Особенно пепріятно звучитъ его ръчь въ тъ моменты, когда опъ внадаетъ въ павосъ и начинаетъ говорить на высокихъ потахъ: напряженіе голоса переходитъ пногда прямо въ

нискъ, ръжущій ухо. Это вивишия сторона исполнения. Но г. Добровольскій, кром'в того, и неверно толкустъ роль Персина. Г. Добровольскій забываеть о томъ, что Персина изтъ еще и 20 латъ, и что опъ совершенно искрененъ въ своемъ увлеченін романтизмомъ. Ин напыщенной деланпости, им проин не должно звучать въ его словахъ. Персинэ искренно въритъ въ то, что онъ говоритъ, и свои тирады произноситъ съ юпошескимъ увлечениемъ, съ горячностью, по безъ подчеркиваній. Между тъмъ г. Добровольскій то и діло вдается вы наныщенность и подчеркиванія, сопровождая ихъ и слишкомъ карикатурными жестами. Особенно ръзко даетъ это себя знать въ его коронной фразъ, обращаемой къ отцу: «и если я жещось, то тольпо романтично...» Эти слова г. Добровольскій произноситъ тономъ стараго провинціальнаго актера въ ложно-классической трагедін, запронидываетъ голову, горделиво силадываетъ руви на груди и уходитъ со сцепы какимъ-то жураклинымъ шагомъ; мы протестуемъ и противъ того топа ехидной, подчеркнутой проини, которымъ г. Добровольскій (и также г-жа Иворская) ведутъ сцену 2-го акта передъ разставаніемъ. Артистамъ не следуетъ забывать, что опи изображають не водевильныхъ супруговъ, которые, поссорившись изъ пустяковъ, хотятъ наговорить другъ другу непріятныхъ вещей. Персина и Спавветта еще почти дети, и при томъ, дети, которыя испренно и горячо любять другь друга. Вдкое озлобление и пронія вив несвойственны. Комедійная продълка отновъ оскорбила ихъ возвышенное чувство, они огорчены, они даже немножко охладъл на время другъ къ другу и способны выместить слегка одинъ на другомъ свое недавнее заблуждение, весь комизмъ котораго они отлично сознаютъ. Но отъ этого еще очень далеко до той злобной иронін и авно-притворноїї, насубніливой п'вжности, которую проявляють въ отношенів другъ друга Сильветта - Яворская и Персии - Добровольскій, намъ думается напрочивъ, что въ этой сценъ Сильветта и Персииз стараются подогръть въ себъ внезанно остынувшее чувство и настроить себя на прежий возвышенный топъ «знаменитыхъ любовниковъ», хотя и пеудачно. Достаточно ксноминть, что въ преды-

дущей сценъ Сильветта негодуетъ на Бергамэна и Паскино главнымъ образомъ за то, что опи, по ея мивнію, воображають будто самая любовь ея къ Персииз только результатъ его храбрости, а не истинное глубокое чувство. Отсюда, прежде всего, --естественное желаніе убъдить и себя, и другихъ, что это неправда, что ихъ любовь - вит чьихъ-либо постороннихъ вліяній и воздъйствій, и чёмъ сильнье невольное, временное охлаждение, тъмъ упорите должно быть стремление молодыхъ людей разубъдить въ немъ самихъ себи. Для намбренкой, сознательной пронін съ оттънкомъ злобы — тутъ ийтъ мъста. Развъ лишь невольная задорная насм'виливость дътски-экспанспвиыхъ натуръ должий слегка еквозить въ репликахъ Персиня и Сильветты. Ярче слъдуетъ выразить и то см'вишивое настроение, ко--ивмод имидосом степайдаваю опасовен эодот тиками, когда они убъждаются, что обоимъ ужъ извъстна тайна ночного полищении: у г-жи Яворской и г. Добровольского этотъ моментъ выходить пъсколько базднымъ. Лучте другихъ удался г. Добровольскому 3-й актъ, хотя, казвлось бы намъ, и здъсь ему слъдовало бы быть менъе жалкимъ, растеряннымъ и пришаблешымъ итенчикомъ. Иначе слишкомъ ръзкимъ выходитъ переходъ къ мажорному настроенно и топу въ концъ сцены съ Сильветтой. Гораздо болеве удалась г-жъ Яворской роль Сильветты. Намъ думаетси даже, что роля этого типа, роли індение безъ сильнаго драматического оттънка, по и не вполив комическаго характера, и есть пастоящее амплуа артистки, которая напрасно разбрасывается между ролями-то grande coquette, то чисто .прическими, то прямо трагическими. II вивичнія данныя артистки, и характеръ ея дарованія напболье подходять нь тонкой, по неособенно глубокой французской комедін, не требующей отъ артиста темперамента и силы. Игръ г-жи Иворской не чужды отчасти та же ведостатко, которые мы отмътили въ игръ г. Добровольскиго, но въ гораздо болъе слабой степени. И она кременами была немпожко вычурна и напыщенна, не достаточно искренна тамъ, гдв Сильветта проявляетъ свое увлечение романтизмомъ. Особенно намитяо осталось намъ то мъсто во 2 актъ, гдъ Сильветти вспоминаетъ о томъ, какъ Персинэ произиль своей шпагой похитителя. Это слово «шиагой» г-жа Яворская произносить съ такимъ сильнымъ удиреніемъ п въ такомъ приподиятомъ топъ, что искольно становинься втупикъ, чъмъ это слово такъ прельстило пртистку. Точно также артистка черезчуръ ужъ ръзко питопируетъ тираду о «Капулетти-Бергамень», и Монтекки-Паскино». И г-жъ Яворской приходится пожелать побольше простоты и искренности, поменьше вычурной наныщенности. О сценъ 2 акта съ Персинэ мы уже сказали выше. Въ 3 актъ, въ сценъ съ Страфореленъ г-жа Яворская беретъ слишкомъ плаксивый, неизящный тонъ. Это, можетъ быть, и реально, но въ такихъ пьесахъ, какъ «Романтики», нужно все время не забывать и о внъшней красотъ исполнения. На второмъ представленін эта сцепа, впрочемъ, вышла у артистки гораздо сдержаниве и глаже. За исключениемъ этихъ недочетовъ, г-жа Яворская очень мила въ роли Сельветты. Больше всего удались ей первая сцена съ Персинэ и та сцена съ нимъ же во 2-омъ актъ, когда Сильветта знаетъ уже секрстъ тамистве инаго похищенія, а Персинэ все еще минтъ себя героемъ. Граціозная, напвная, любящая, чуть-чуть капризная дъвочка-фантазерка въ эти моменты, какъ живая, вставала передъ зрителемъ. Очень мило произноситъ г-жа Яворская и заключительныя строфы комедін; она върнъе всъхъ другихъ исполнителей уловила тотъ легкій, напомпнающій слабый порывъ вътерка, тонъ, который отвъчаетъ ритму и словамъ стиховъ.

Хорошъ и г. Яковлевъ въ роли Страфореля. Напрасно только въ первой сценъ 1-го акта онъ немножко насилуетъ свой голосъ и старается вести ръчь на низкихъ басовыхъ нотахъ. Артистъ хочетъ, въроятно, придать этимъ фигуръ браво особую внушительность и выразительность. Но, въдь, Страфорель, — только мнимый браво, а на дълъ добродун-

нъйшій, хотя и плутоватый человъкъ, въ духъ Свапеновъ и Маскарилей старинной комедіп. Въ послъднемъ актъ, когда Страфорель является передъ Сильветтой въ образъ таинственнаго и демоническаго маркиза, г. Яковлеву слъдуетъ произносить свой пламенный монологъ — сильнъе и энергичиъе, съ меньшими паузами. Въ нослъдиихъ, впрочемъ, виновать былъ не столько самъ г. Иковлевъ, сколько г-жа Иворская, которая не всегда достаточно быстро подавала ему свои коротенькія реплики.

Бергаменъ и Паскино въ исполнении гг. Свътлова и Грекова выходятъ довольно живыми, не лишенпыми характерности и комизмафигурами. Одно замъчание по адресу г. Свътлова. Въ первой сценъ съ Персинэ у артиста, исполняющаго роль Бергамэна, должна быть двойная игра; для Персинэ суровыя ръчи отца должны сходить за чистую монету; но зритель въ то же время долженъ сразу чувствовать, что Бергамэнъ только притворяется и напускаетъ на себя ворчливый гнъвъ. Г. Свътловъ, на нашъ взглядъ, недостаточно рельефно и ярко оттъняетъ этотъ штрихъ въ своей роли.

Но каковы бы ин были недочеты исполнения, все же пьеса смотрится съ большимъ удовольствиемъ, и надо думять, что «Романтики» сдълаются одной изъ боевыхъ новинокъ сезона.

В. П.

Театръ на Никитской.

"Графиня де-Клермонъ" (Одетта). Драма въ 4 д., соч. Викторьена Сарду, пер. А. Дмитріева и К. Нотгафъ.

У Островскаго въ ньест «На норогь къ двлу» выведенъ сельскій Донь-Жуанъ — писарь, который назойливо ухаживаеть за молодой учительницей Лониной, предлагаетъ ей гостинцы «мъстнаго производства» и думаетъ прельстить ее стариннымъ меланхоличнымъ романсомъ: «Подъ вечеръ осенью непастной», который онъ распъваетъ подъ ся окнами, съ гитарою въ рукахъ. Въ это время Лонина, засынающая подъ звуки этой серенады въ холодной сельской школь, произносить фразу: «н писарь все-таки пе унимается». И эта сцена, и этотъ писарь, и въ особенности эта фраза невольно вспомпнаются, когда посмотришь на «дъла» Никитского театра и въ особенности на тотъ странный репертуаръ, который «не упимается» вести завъдующій имъ (кто онъ?), на тотъ репертуаръ, о которомъ мы говорили въ предыдущей кинжкъ нашего журнала и о которомъ следуеть сказать нёсколько словъ тенерь.

Мы называемъ этотъ репертуаръ страннымъ потому, во-1-хъ, что выводниое избираемыми авторами общество — въ большинствъ случаевъ графы, графини, маркизы и бароны. «Графиня де-Клерионъ». «Материнское благословеніе», «Пахалы» не могуть себъ найти достойныхъ исполнителей среди артистовъ Никитскаго театра. Если въ нашихъ образцовыхъ Императорскихъ театрахъ авторы «светскихъ» пьесъ, а также Мольеръ и Шексииръ зачастую не находять «образцовыхь» исполнителей, то провинціальнымъ артистамъ, не блещущимъ особыми дарованіями, воспитаннымъ на другихъ традиціяхъ, это еще трудиже. Вообще говоря, у русскаго актера, въроятно, въ силу родовой, какъ Тургеневъ выразился, «славянской распущенности», больше склонности къ русской рубахъ и боярскому кафтану, чъмъ къ фраку, французскому костюму или испанскому плащу со шпагой. Эта особепность ярко бросается въ глаза, между прочимъ, въ Ileтербургъ, въ Михайловскомъ театръ, гдъ на одной и той же сцень напъ приходилось наблюдать въ «свътскихъ» и «костюмныхъ» пьесахъ и французскихъ, и русскихъ артистовъ. Какая разпица! Сколько у фращузскаго артиста врожденной ловкости, граціи, изящества и, наоборотъ, сколько дъланности и горьі у русскаго артиста при изображеніи свътскаго чемовъка. Этому трудію выучиться, это своего рода даръ. Въ Никитскомъ же театръвствоти графы и маркизы, въ исполненіи артистовъ, напоминаютъ дурного тона маскарадъ, чтобы не сказать больше (сцена 3-го акта «Графини де-Клермонъ» въ игорномъ домъ).

Во вторыхъ, хотя стремление «не унимающагося» руководитсяя репертуаромъ знакомить русскую публику съ переводными пьесами и новинками вностраннаго театра и похвальное стремленіе, по мы не можемъ согласиться съ подобнымъ выбороме пьесъ, съ темъ художественнымъ критеріемъ, который въ данномъ вопросѣ пграетъ первую роль у руководителя. Въ последнее время жалобы на оскудение драматического творчества сделались общимъ мъстомъ. Эти жалобы постоянно и одинаково слышатся и у насъ, и за границей. Европа въ этомъ отношеніп не далеко отъ насъ ушла; имена Ибсена, Бьерисона п Зудермана являются ръдкими и пріятными исключеніями. Если это такъ, съ какою же целью мы будемъ пересаживать на нашу почву дурные илоды, когда мы можемъ и у себя пайти подобные же? И въ последнемъ случаъ съ одной стороны, при сценяческомъ воспроизведенін, паши задачи упрощаются въ силу большаго знакомства и съ нашимъ бытомъ, п съ правами, и съ пашей жизнью, а, съ другой, — законы этики и общественной морали у русскихъ авторовъ, субъективно, намъ и ближе, и понятиже, чжмъ у пиостранныхъ. Право, мало интереса и поучительности представляють нанъ всё этн французскіе аристократы съ ихъ пеестественными и ходульными понятіями о чести и долгъ, по настоящимъ временамъ весьма соминтельнаго свойства.

Если руководителю репертуаромъ въ Инкит-

скомъ театръ приходится «не униматься» и «лавировать» между репертуарами Коршевскаго и Малаго театровъ, то мы бы ему лучше посовітовали скорбе обратиться къ старому русскому классическому репертуару-къ Островскому, Писемскому, А. Толстому, Мекс и др. Какъ исключение могутъ быть поставлены и пьесы иностранных равторовъ, но съ кесьма строгимъ выборомъ. (Такое пріятное исключение составляетъ «Бой бабочекъ» Зудермана, пьеса, сыгранная 21-го декабря и сдвлавиня честь Никитскому театру). На наше радъніс къ старому репертуару могутъ возразить, что все это видино-перевидино, все это не можетъ интересовать и привлекать публику. Но Малый театръ прекраспо констатироваль и матерьяльный и художественный усптихъ за послъдние 3-4 года, напримъръ, пьесъ Островскаго. Конечно, Никитскому театру далеко до Малаго, но... попытка не пытка... qui не гізque не gagne... Москва не провищи, гдъ публику зачастую привлекаетъ только красивый фейерверкъ ньесъ мелодраматического или феерического характера, съ настоящимъ искусствомъ ничего общаго не им кющихъ. У московской публики другіе вкусы, другой критерій, другая компетенція въ вопросахъ театра, - и съ этимъ надо считаться; къ сожалвнію, Никитскому театру и приходится считаться, по только не въ свою пользу. Теперь же, при настоящемъ положеніп діль, зрптеію, постіщающему Никитскій театръ, приходится испытывать, если можно такъ выразиться, правственную изжогу, а намъ невольно повторяться въ своихъ отче-

В. Сарду пользуется у насъ нъ Россіи большой популирностью, какъ мастеръ пеьсъ, о которыхъ говорятъ, «что такая-то шьеса смотрится съ большимъ интересомъ, такаято пьеса очень сценична». И дъйствительно, вспоминте его «Графа де-Ризоора» («Patrie»), Apysuii-Ilpinteseu» («Nos intimes»), «Madaне Sans-Gene» и др., наконецъ, посмотритс на разбираемую нами ньесу—и вы вездъ увидите виртуоза, чрезвычайно искусно распорижающагося фабулой, которую опъ ловко занутываетъ драматическимъ узломъ, а потомъ совершенно непредвиджино (удачно или неулачно-другой вопросъ) разбивиетъ его мечомъ свией авторской изобрытательности; вы везд'в увидите блестящій діалогь, цілый ридъ чрезвычайно эффектныхъ, прасиныхъ и съ точки зренін психологической, интересныхъ отдъльныхъ сценъ, создающихъ удачныя драматическія кольнзін, въ большинствъ случаевъ имъющія источникомъ неотъемленый адюльтеръ (даже въ «Графъ де-Ризооръ», проникпутомъ духомъ величія и патріотизма), — с. авомъ везать, во встхъ своихъ пьесахъ Сарду

поддержить въ васъ мивніе, что пьеса соплана хорошо, что пьеса сценична. Честь изобрътенія термина «сдълать» пьесу, -- термина, который и у русскихъ авторовъ пріобрълъ свой raison d'être, мы думаемъ, принадлежитъ Сарду. Такимъ образомъ у насъ авторы, умъющіе «сдълать» пьесу, пользуются названіемъ русскихъ Сарду (!?). Но намъ кажется, что именю въ тъхъ пріемахъ, на которые указываетъ этотъ терминъ и въ тъхъ результатахъ, которыхъ достигаютъ подобные авторы, и заключается фальшь, вымученность, сочинение жизни и ея явленій, т.-е. тр элементы, которые совершенно чужды законанъ художественнаго творчества. Аристотель, великій философъ и учитель, со смерти котораго прошло около 2-хъ тысичъ л'ьтъ и мижній котораго пастолько драгоцънны и для настоящаго времени, что одно слово, его Катаренсъ породило цълую литературу, — Аристотель говорить о данномъ вопросъ въ IX главъ своей «Поэтики» сабдующее: «двло поэта состоить не въ томъ, чтобы разсказывать случившееся, по п то, что могло бы случиться, и то, что возможно, что сообразно съ законами правдоподобін и дийствительности». Если современные писатели, съ Сарду во главъ, и знакомы съ аристотелевской теоріей, то примъненіе ся на практикъ не даетъ желанныхъ результатовъ въ силу недостатка дарованій, въ силу отсутствія главнаго элемента творчества-поэтической фантазіп, создающей истинио-художественные образы.

Разбираемая пами пьеси—«Графиня де Клермонъ» подтверждаетъ все вышесказанное вообще о характерт творчества Сарду и въ частности о его уклопеніи отъ того, «что сообразно съ законами правдоподобіи и дъйствительности». Авторъ въ скоемъ произведеніи ставитъ следующій, кстати сказать довольно устартвий, вопросъ: если замужняя женщина, имъющая ребенка, явно измёння своему мужу, то что ділать въ такомъ случат мужу?—ставить и разръщаетъ его по своему, а какъ разръщаетъ, мы узпаемъ изъ содержанія пьесы; мы его разскажемъ но актамъ съ цёлью выяснить иткоторые вопросы, о которыхъ ртчь впереду.

Актъ I. Авторъ переноситъ зрители въ роскошный парижскій салонъ графа де Клермонъ. Жена его, Одетта, въ отсутствіе мужа возвращается изъ театра съ тремя молодыми людьии—Верминелемъ (онъ о своей фамиліи самъ говоритъ, что она смъщная), Лагошемъ и Кардальнкомъ. Этотъ послъдній отказывается отъ чашки чаю, которую ему предлагастъ графиня, говори, что опоздаетъ на поъздъ въ Сента-Жерменъ, и уходитъ. Послъ оживленной бесъды за чаемъ гости уъзжаютъ, хозяйка остается одна и собпрается отослать телеграмму мужу, выбравъ для этого перученія Лагоши (Филиний),—въ силу педовърія къ прислугь. Въ этомъ акть, являющемся экснозиціей драмы, авторъ въ чрезвычайно бойкомъ и веселомъ разговоръ прекрасно обрисовываетъ характеръ молодой геропии пьесы, жаждущей живни и наслажденій. Одетта приглашаетъ, между прочимъ, молодыхъ людей пріъхать къ ней осенью погостить въ старинюмъ замкъ.

Одетта. Отлично!..—прівзжайте осенью... только въ такомъ случав, лютомъ ужть и не

показывайтесь...

Филиппъ. Черезъ три мъсяца, значитъ? Не

долго ждать придется...

Одетта. Не долго? Черезъ три мъсяца-то!.. Да для меня эти три мъсяца тремя годами нокажутся!

Филиппъ. Что вы, что вы, кузина... три

мъсяца! тремя годами!

Одетта. Какъ кому... а для меня—да, и вообще для насъ, женщинъ, мъсяцъ году равияется!

Вермишель и Филиппъ. 0-0-0?

Одетта. Я говорю это совершенно серьезпо. У васъ, мужчипъ-счастивцы!-у васъ польжка — молодости, счастья! у насъ женщинъ только 30 лёть, и затымь — старость туть, какъ туть! Вы удивляетесь, что мы, женщины, торопимся любить, правиться хотимъ... Върьте мив, и мы знали бы мвру, и мы были бы скупы на ласки-будь у насъ время разсуждать, раздумывать... Будь! -- ха-ха-ха!.. Нътъ его у насъ, и намъ некогда раздумывать-н мы ноневоль ловимъ не только часы, но н мицуты наслажденія!.. Да н какъ же иначе, если минуты эти коротки какъ молнія, проходять быстро!.. Сегодия мы розы, лиліп! цвътемъ, благоухаемъ! Божество мы! на насъ модятся! А завтра... завтра онади наши депсстки, отцвъли мы... за окно выкличты...

(Мы умышление выписал этеть монологь современной эникурейки-авантюристки, чтобы дать также понятіе и о переводъ, въ которомъ, постоянно, на пъмецки ладъ, сказуемос на ковцъ и странная, институтского характера орфографія съ обиліемъ восилицательныхъ знаковъ и многоточій). Въ этой сценъ авторъ постененно знавомить вась сь внутрениимъ міромъ своей геронин-француженки, и вы, въ воздухъ, наполненномъ запахомъ духовъ, въ атмосферъ пикантныхъ и двусмысленныхъ разговоровъ, предчувствуете приближение рокового призрака — адюльтера, который создасть драму, вы предчувствуетс, что здёсь произойдетъ что-то недоброе, что настушивная тишина (графиня и вся прислуга ушли спать) предвъщаетъ бурю. Нужно отдать справедливость Сарду: первый актъ всецъло захватываетъ вниманіе зрителя, опъ написанъ очень эффектно, рукою опытнаго мастера

Совершенно неожиданно является графъ со родственникомъ - генераломъ. Графъ счастливъ и доволенъ, очутивинсь носяв дороги у себя дома, гдф, кромф комфорта, есть «добрая, любящая жена, которая ухаживаетъ» и зи инмъ, и «за его ревиатизмомъ». Вдругъ, среди почной тишины, раздаются чыл-то шаги, отворяется потайная дверь и любовникъ въ образк Кардальява поназывается на ен порогъ. Графъ съ простыю бросается на него, хочетъ его убить. по въ этомъ ему мъщаютъ гепераль и Филипиъ, оставийся въ домъ-Графъ выгопиетъ Кардальика, который объщаеть дать сму удовлетворение. Что же дальше дъласть графъ? Свою дочь опъ сейчасъ же, ночью, немедленно отправляеть въ генералу (!?). а жену, нослъ бурной сцены, со слезами, проклитьями и угрозами судомъ, также выгоняетъ изъ дому.

Первый актъ нолопъ драматическаго движенія, неожиданныхъ и шитерссныхъ переходовъ, внолить мотивированныхъ психологически, — словомъ опъ длетъ большой матерьялъ, канву, хотя и шаблонную, для цълов дрямы, конечно, съ трагическимъ финаломъ, но Сарду

ндетъ дальше...

Актъ 2-й. Проходитъ 15 льтъ. Авйствіе происходить въ Ниццѣ во время карнавала, Филипиъ Лагошъ, уже женатый на наивной и хорошенькой Юліп, разсказывасть своей жень (очень долго, между прочимъ) всю исторію графа и графини де-Клермонъ, изъ которой, съ одной стороны, припоминаетъ все то, что произонью въ 1-мъ актъ, а съ другой узнаетъ, - что Одетта скитается по Европъ. перевзжаетъ изъ одной страны въ другую (одинъ только графъ следить за нею); дочь же графа, Берта, которой онъ замбилль вполиб мать, восинталь ее и даль прекрасное образованіе, превратилась въ красавицу, и уже проскатана за молодаго благовосинтаниаго человъка де-Маріанъ. Послъ пятнадцатильтнихъ странствій Одетта совершенно неожиданно очутилась въ Ниццъ, и на нарнаваль, къ которому готовятся объ семьи – графа и Филиппа, будеть сидъть, въ силу простой случайности, рядомъ съ нами въ наиятыхъ окнахъ улицы Франсуа. Непзивино преданные графу друзыя, Филиппъ и Верапппель, разсказывають ему о встръчахъ и авантюрическихъ похожденияхъ его жены въ Вънъ, гдъ она жупровала съ какимъ-то пімецкимъ биязькомъ, и въ Неаполъ, гдъ она жила во дворцъ Ринони. Для Берты, дочери графа—тайна, что у нея жива мать, надъ которой судьба зло посм'вялась. пизведя ее на степень почти кокотки, позорящей честное имя графа де-Клермонъ.

Дъйствіе III. Авторъ перепосить зрителя въ салонъ одного изъ пгорныхъ притоновъ «доктора Олива», который, въ сущности, не докторь, а шулерь, безжалостно обыгрывающій прівзжихъ гостей. Передь нами нестрый валейдоскопъ свётскихъ п quasi - св'ётскихъ людей, — прожигателей жизни, представительницъ demi - monde'a и т. п. Въ этомъ же омутъ «купаетси» и Одетта, теперь уже морфинистка, бол'взисиная, страдающая, по, по прежнему, гордая св'їтская львица. Посл'є скандальной сцены, къ развитю собственно драмы не имъющей отношенія, сцены, въ которой любовника Одетты за нечистую игру называють мошенникомъ и норомъ, къ графинъ, заранъе предупрежденной Филиниомъ, является мужъ... въ ту самую минуту, когда она восклицаетъ:

Одетта. Воже, Воже великій! Ахъ, какан мука! И иътъ... иътъ ин откула спасенія!

Графъ (выходя на авансиену). Есть! Я спасу васъ!

Одетта. Вы!??...

Графъ предлагастъ Одеттъ, въ виду того безвыходнаго положенія, въ которое она теперь
попала, обезнеченное состояніе, но съ услопіемъ, чтобы она навсегда оставила предълы
франціп и отказалась бы отъ имени графини
де-Клермонъ. Теперь это тъмъ болізе пеобходимо, потому что Берта шначе не можетъ
выйти замужъ. Послѣ долгой борьбы ъъ
Одеттъ просыпаются чувства матери и она
готова исполнить требуемос, но прежде чъмъ
ато случится, она умоляетъ графа устроить
свиданіе съ дочерью — первое и послѣднее— и
объщаетъ при этомъ явиться въ домъ подъ
видомъ хорошей знакомой матери Берты, на
что онъ, послъ долгихъ колебаній, и соглашается.

Дъйствіс IV. Къ предстоящему свиданію графъ наменами подготоваяетъ Берту. а затънъ и происходить это роковое свиданіе въ присутствіи графа. Одетта узнаетъ отъ самой Берты, что еще съ дътства ей была внушена мысль о преждевременной смерти матери, посибшей въ «Капиз во время прогулки по озеру въ лодкъ». Но дочь не забыла матери, она часто вспоминаеть ее и хранитъ тъ святыни, которыя ей достались въ наслъдство...

«Воть ченчикъ, говорить Берта», она сама шила его для меня... воть вышиваніе... оно было въ ея рукахъ (слезы на плазахъ) въ самый день смерти... воть еще иъсколько вещей — ея же — бронь... записная книжечка... а воть и миніатюръ (въгнимаеть портретъ). Я часто очень иълую ее... илачу... Скажите, вы въдь знали маману ребенкомъ еще — скажите, похожа она здёсь?

Одетта (съ больгиимъ волненіемъ). Да, да! Чрезвычайно!

Сцена идетъ до конца въ томъ же трогательномъ, полномъ драматизма, товъ, и бъдная мать, до нослъднихъ предъловъ взволно-

нашая этимъ свиданьемъ и той внутренией борьбой, гав ей стоило исчеловическихъ усилій скрыть истину отъ дочери, которую она держаза въ своихъ объятьяхъ, - пзмученная мать уходить со словами: «вы шикогда больше ис увидите меня». Посл'в этого является де-Меріант и даетъ графу прочесть письмо своей матери, которос кончается словами: «сказан, что я была бы счастлива назвать Берту своею дочерью, не будь на свътъ графини». Это такъ и происходитъ, потому что всяждь за этимъ вбъгаетъ Филипиъ и говоритъ: «Выйдя отсюда... она (т.-е. Одетта) отослала карету и наняла лодку, чтобы жхать въ паркъ... море сегодня очень непокойно... гребцы сильно налегли на весла, оставивъ безъ винманія даму... вдругь чувствують, - лодка качнулась... обернулись и видять, что пассажирка ихъ, подхваченная вознами, тонетъ... Гребцы выбиваются изъ силь, стараясь донлыть до исе-напрасно: волны съ невъроятной быстротой несуть ее къ берегу.. н выбрасывають, наконець, на несокъ»...

Графъ. Можетъ, есть еще возможность

спасти?

Филиппъ. Иътъ, поздно, она скончалась... Берта. Также, какъ мама...

Въ разсказанномъ содержанін петсы, въ которой авторъ создаетъ интересный конфанктъ (отецъ, мать и дочь являются его главными элементами) не вспоминаются ди вамъ тъ же знакомые мотивы, которые уже разработывались и русскими и иностранными драматургами. Въ« Гражданской смерти» Ажіакомети отецъ (Коррадо) умираетъ на глазахъсвоей дочери (Эмы). также какъ Одетта, съ сознаніемъ, что ея ния не будеть заклеймено позорнымъ именемъ каторжника - убійцы; онъ преступникъ, также какъ и героиня Сарду, упосить въ могилу мучительную тайну родства съ невинымъ н ин въ чемъ неновиннымъ ребенкомъ, для котораго все счастье впереди. Въ пьесахъ: «Отъ судьбы не уйдень» (переводъ съ пъмецкаго), «Безъ вины виноватые», «Цъни» и др. звучать все ті же мотивы. Что-же касается постановки главнаго вопроса пьесы и разръщенін его, то опъ такъ часто затрогивался п затрогивается драматургами въ цълыхъ десяткахъ пьесъ, что онъ въ настоящее время сдълались «общимъ мъстомъ» шаблонности и бапальности. Намъ кажется, что и Сарду, въ своей «Графин' де Клермонъ», также погръшпат. противъ «художественной» правлы, что и его ньеса мало «сообразна съ законами нравдоподобія и дъйствительности». Хотя пьеса написана только лътъ 10-15 (приблизительно) тому назадъ, по все же она сильно отдаетъ анахронизмами. Изивиы мужа или жены въ нашемъ fin de siècle'т сдълались настолько обычно-грустными

явленіями, пастолько притупили наше прав-

ственное самочувствие и, путемъ разнаго рода компромиссовъ, пастолько урсгулировали жизпь подобныхъ супруговъ, что вопросъ о титичпости явленій жизни въ дашой пьес'в нахолится подъ большимъ сохивнемъ. Единичное происшествіе, подобное данной драмъ, конечно могао быть въ жизни; во въ такомъ сдуча ввь чемъ же выразилось художественное творчество писателя, въ чемъ проявилась поэтическая переработка матеріала, взятаго заранбе изъ дъйствительности? Фотографирование и коинровка жизии и ея явленій не могутъ и не дозжны составлять задачи художественнаго произведсиія, главнымъ атрибутомъ котораго, не говоря уже о поятической фантазін, яв-JACTER municipoemis *).

Что касается характеровъ, то и они, какъ и сама пьеса, не представляють ничего новаго, не блещутъ оригинальностью. Кому неизвъстенъ этотъ гордый графъ де Клериовъ, рыцарскія понятія котораго о чести и семейномъ долга трактовались на разные лады съ теми или другими варіантами? Кто не знаетъ этой четы преданных в друзей «во французскомъ духъ» сь ихъ неизмънною готовностью исполнять какія угодно порученія — одного скромнаго, честнаго, любищаго (Филинив) и другого подъ плащомъ bon vivanta и жупра, скрывающаго доброе и благородное сердце? (Вермишель). Кто не встръчаль на сценъ, «прекрасныхъ какъ розы въ весенній день , наныныхъ и христіанскидобродътельныхъмолодых женщинъ, изъ которыхъ одна боготворить отца (Берта), а другая и горячо любить, и влюблена въ мужа? (Юлія). И, наконецъ, кому псизвъстны эти жены, съ улыбкой на устахъ, очень ловко обманывающін своихъ мужей, изивняющія имъ, а потомъ, «со ступеньки на ступеньку» (даже есть таная пьеса и сътвиъ же заглавіемъ) инсходишін до нгорнаго дома или же соминтельной репутаціи притона, жены, которыя, въ минуту горя и несчастія, при восноминаніяхъ о хорошемъ, обезпеченномъ и честномъ прошломъ, безвозвратно погибшемъ, — превращаются къ кающихся Магдалинъ и, по волб авторовъ, вызываютъ сочувствіе и состраданіе у зрителя? (Олетта). Сарду, кромъ того, сдълалъ свою геронию морфинисткой — новый мотивъ, дающій богатый матеріаль для игры артистки.

Вся ньеса, растянутая на чстыре акта, можетъ быть сведена только къ двумъ, или же совершенно передълана. И вотъ почему ньеса написана исравномърно. Послъ 1-го акта, какъ мы уже говорили, весьма иптереснаго и полнаго драматическаго движенія, зритель дальше ожидяетъ чего-то особепнаго, захватывающаго вниманіе, а между тъмъ, со 2-го акта, если

можию такъ выразиться, повъствовательнаго (злъсь все «разсказывають» о прошедшемъ и происпедшемъ въ продолжение 15 летъ), интересъ зрителя ослабаваеть вплоть до сцены 3-го акта (свиданіе супруговъ) и затъмъ въ 4-мъ опъ опять идетъ crescendo до конца, такъ какъ о происшедиимъ въ 1-мъ актъ подробно разсказывается во 2-мъ и такъ какъ 2-й актъ не представляетъ самъ по себъ никакого внутренняго драматического динжения, то одно изъ двухъ: или первый актъ долженъ быть выброшенъ, наи же, скор ве всего, второй. По въ виду того, что вся драматическай коллизін между отцомъ, матерью и дочерью, весь узелъ драматическаго дъйствія завязывается к развязывается въ 3-мъ и 4-мъ дъйствіяхъ, то они только и составляютть ядро драмы, они только и нужны, и интересны съ точки зрвнія *видтрегией* жизни и борьбы героевъ. Если бы пьеси была передвагна, то автору следовало бы нознакомить зрителя блике и основательнъе съ характеромъ Берты, ен постепеннымъ развитиемъ въ продолжение 15-ти лътъ, ся любовью, — это съ одной стороны, а съ другой — съ внут реннимъ міромъ Одетты, выброшенной изъ дому супругомъ, скитающейся по бълу-свъту и страдающей отъ исудовлетворенности жязнью.

Пьеса же, написанная въ настоящемъ видъ, страдаетъ д'Еланностью. Къ числу эпизодичныхъ сценъ нужно отнести скандальную сцену въ пгорномъ домъ (3 актъ), а также и сцену приготовленія къ карнавалу (2 актъ). И въ той, и въ другой введены ненужныя лица, инчего не прибавляющи къ дражи героевъ; также не нужна совершенно безцевтная фигура генерала (1 актъ), который понадобился автору, для того, чтобы къ нему ночью графъ отправиль своего ребенка; - какъ будто бы драма много потеряла, если бы объ этомъ генерать было только «сказано?» Презвычайно интересно, трогательно и захватывающе написавы сцены - перваго свиданія супруговъ послі-15-ти лътией разлуки (3 актъ), а также сцена свиданія матери съ дочерью (4 акть), сцена, вызывающая теплую слезу участія къ горю и страданьямъ несчастной матери, которая держить въ своихъ объятіяхъ родную дочь, цълуеть и ласкаетъ ее и не смъетъ, не должна ей синзать истину. Сцены эти полны самыхъ разнообразныхъ психологическихъ моментовъ и переходовъ отъ одного состояни къ другому, гдъ

"Гордость съ униженьемъ ходитъ рядомъ.

"И, пося в благороднаго порыва,

Финаль ньесы изсколько мелодраматичный, кончается примиряющимы аккордомы: дли счастья дочери мать жертвуеть своей жизнью, искупивы этимы всё свои вины и грёхи.

Въ заключение разбора ньесы нельзя не от-

Такого мивнія держался Лоссингъ—геніальный коментаторь и послідонатель Аристотеля.

[&]quot;Въ насъ шевелятся низкія желанья"...

мілить и интереснаго для насъ, русскихъ, юридическаго вопроса, затронутаго авторомъ, вопроса о правъ разведенной жены носить посаъ развода фамилію мужа. Въ дашой пьесь это обстоительство играетъ очень большую роль. Апторъ особенно горячо ратуеть противъ этого закона, господствующаго въ странъ «свободы, братства и равенства».

Такимъ образомъ наше русское законодательство нъ этомъ отношении опередило законода-

тельство французское.

Переходя къ исполнению ньесы, намъ придетси, къ сожалбино, повторять один и тъ же энитеты: батадио, слабо, не сренстовано, посизино и т. н., словомъ все это «alte Geschichte»... и, въ силу этого, ны остановимся дагнымъ образомъ на новой дебютантив г-ясь Звездичь, исполнявшей главную роль Одетты и выступивней передъ московской нубликой въ 1-й разъ. Это молодая артистка-съ весьма благодарными сценическими данными. — Голосъ, фигура, весьма оригинальная наружность, прекрасное tenne, хорошин дикція, выразительная мимика, простота и естественность топа все это говоритъ въ пользу артистки. Роль Одетты даеть очень богатый матеріаль для исполни. тельницы. Легкое и штривое, съ оттънкомъ инкантности санвегіе см'вняется бурной сценой съ мужемъ, гдъ гордан, по испорченвая женщина съ достоинствомъ перепоситъ стыдъ и униженіе въ присутствін свид'втелей и въ заключеніе бросаеть мужу въ глаза «мерзавца» (1 антъ). Г-жа Звъздичъ, какъ напъ казалось, лучие всего была именно въ этомъ актъ. 3-й и 4-й акты менъе удались артисткъ и, мы думасмъ, потому, что забсь ей не доставало отчасти искреньиго чувства, сердечной тенлоты, а главное драматического навоса и силы въ голось. Такъ, напр., въ сцепъ, когда возмущенная шулеромъ негодугощан публика игорпаго дома съ шумомъ набрасывается на любовника Одетты-Фронтеника, — она произносить слова по его адресу: «Вонъ отсюда! вонъ, негодий! вонъ, мерзавецъ!» (3 актъ). Въ этой сценъ артистка должин всъхъ «нокрыть» своимъ голосомъ, а у г-ии Звъздичъ совстиъ его не хватило. Но зато морубленистка-Одетта была изображена превосходно. Всв переходы отъ искусственняго возбужденія и оживленія къ апати и упадку силь были переданы артисткой пеобычновенно правдиво, детально и съ большимъ искусствомъ. Фразы, напримъръ, въ родъ: «о, какъ первы расходились у меня сегодия» или «прощайте, я устала» и въ особенности финальная фраза въ роли Одетты: «А вы были правы, графъ... Лучше бы мить... не приходить сюда!» — были произнесевы г-жей Звъздичъ мастерски. Изображение «морфинистки» Одетты было, по нашему мивнію, самое лучшее по всей роли артистки, и это

изображение вполив гармонировало съ ея оригинальной наружностью, съ ен странными и, по временамъ, казалось, какъ бы «морфинировашными» взглядами.

Артистка имъла большой, но не шумный уситхъ, который, главнымъ образомъ, выразилси у немпогочисленной нублики нартера, весьма чуткой и ум'йющей ц'ипть тонкую, осмысленичю и «интеллигентную» игру. Конечно, по одному спектаклю трудно судить всестороние о дарованін артистки (мы не были на иторомъ ел дебють въ «Пахалахъ»), по песомпънно, что Товарищество Инкитскаго театро въ лицъ г-жи Звъздичъ сдълало весьма цънное пріобрътеніе. Мы нее-таки думаемъ, что роли, требующія большого подъема духа и чувства, роли бравурно-драматическиго характера не въ средствахъ молодой артистки. Къ числу педостатковъ артистки нужно отнести, номимо отсутствин силы голоса, также не совстять прасшную ноходку, съ легкими подпрыгиваниями, что не гармопируетъ съ маперой сивтемихъ женщинъ и что непріятно для глазъ. Не мъщаетъ, кстати замътить, что Товарищество Никитскаго театра до сихъ поръ не сумбло или же по какимъ-инбудь особымъ причинамъ не захотъло воспользоваться дарованіемъ гожи Звёздичъ: опа, къ сожаленію, почти инчего не яграетъ (артистка выступада только въ двужъ ролихъ до сихъ поръ), фа милія ее не появляется на афинахъ. Что это значить? Какъ и чъмъ все это объясинть?... Намъ камется, что всв эти вопросы, невольно возликающие при взглядь на далеко не блестящін «двла» Никитскаго театра, гдв, бол'ве чтиъ въ другихъ сферахъ дъятельности, развито соревнование, всъ эти вопросы еще болъе подчеркиваютъ все нами сказанное о молодой, талантливой и многообъщающей артисткъ.

Послъ г-жи Звъздичъ нальма первенства припадлежить г-и у Людвигову, исполнявшему роль Верминеля, — артисту всегда добросовъстному, старательному и значительно выдбляющемуся изъ среды своихъ товарищей, хоронимъ стилемъ игры. Артистъ былъ очень хорошо загримированъ и одътъ, игралъ съ присущамъ сму анаомбомъ, но... по тому же трафарету. но которому ему приходилось и приходится изображать всякаго рода жупровъ, bou vivant'овъ и разных в категорій «славных малыхъ». Мы не видъл въ испо. зненіи артиста «французckaro» locky it minky parisien'a pur sang.

Незнаніе ролей и усиленная работа суфлера весьма чувствительно давали себя знать въ спектакий 7-го денабря. Въ особенности плохо зналъ роль г-иъ Чарскій (графъ де-Клермонъ), объ игръ котораго трудно сказать что пибудь опредъленное, такъ какъ все у него сводилось къ усиленному и напряженному, съ большими паузами, прислушиванію суфлера. Артистъ быль вяль и холодень и вообще, какъ намъ казалось, отнесся къ своей роли съ пренебреженіемъ—примъръ недостойный для почтеннаго, талантливаго артиста и главы Товарищества. Такимъ же незнапіемъ роли страдаль и г-иъ Максимовъ (Моризо) и др. Что касается остальныхъ артистовъ и артистокъ, изображавшихъ бароновъ, баронессъ и кияженъ, то они нитав и ни въ чемъ не оправдали своихъ титуловъ; по, вирочемъ, это больное мъсто Никитскаго театра, то мъсто, котораго мы уже нъсколько разъ касались; предоставляемъ самому Товариществу найти радикальное лъкарство отъ этой бользии.

Въ заключение скажемъ и всколько словъ о и вкоторыхъ измъненияль въ составъ трупны Никитскаго театра. Изъ театра вышли артистки: г-жи Кускова, Незлобина и Тавридова—артистки внолит заслуживающия винмания и весьма полезныя въ любой трупить. Ихъ уходъ, но всей въроятности, можно мотиви-

ровать извъстнымъ разочарованіемъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ правственномъ отпошеніяхъ. Вмъсто г-жи Кусковой вошла въ Товарищество г-жа Звъздичъ.

Г. Далматовъ, въроятно, но тъмъ же причинамъ тоже вышелъ изъ Товарищества и въ настоящее время гастролируеть съ большимъ уситхомъ въ Петербургъ въ Кононовскомъ театръ. Не входя въ «дъла семейныя», мы считаемъ уходъ г. Далматова вполнъ понятнымъ. Такой артистъ даже для Императорской сцены-роскошь. Это артисть деталей, усиленной, продолжительной и систематичной работы и сренетовки, артистъ хорошей школы и благородныхъ традицій, вырабатывающихъ въ исполнитель эстетическій критерій и художественный стиль игры, т. е. артистъ, обладающій всёми тёми качествами, которыя не могуть найти себть благодарной почвы въ Нивитскомъ театръ. Право, какъ грустно и непріятно, въ данномъ случав, новторяться!

K. B. K.

Общество искусства и литературы.

Уріэль Аноста.

Спектакли или, какъ опи пазываются въ программахъ, «исполнительныя собранін» Общества искусства и литературы всегда привлекають къ себъ внимание всъхъ любителей театра. Это истинные праздники сценического искусства, неизмънно дарящіе высокимъ художественнымъ наслаждениемъ, какое не часто выпосинь даже и изъ спектаклейсь самыми заправскими актерами. Не нотому, конечно, чтобы составъ исполнителей въ этихъ «собраніяхъ» быль особенно богать круппыни артистическими дарованіями или чтобы хотя въ комъпират изг этихр исполнителей оргур цатангр незаурядный, ръдкія качества истиннаго гастролера. Напротивъ. Всв опи-только любители, хотя и очень хорошіс, для шихъ театрътолько развлечение и они посвящаютъ ему лишь свои досуги. Кое въ комъ изъ участинковъ есть, несомивино, и сценическій таланть, въ К. С. Станиславскомъ-прежде всего: усиблъ образоваться и извъстный павыкъ. Но и этотъ таланть, и этоть навыкъ слишкомъ исе-таки невелики, чтобы они сами по себъ могли доставлять спектаклямъ такой успёхъ и сдёлать ихъ такъ популярными среди московской интеллигенцін. Главная причина успъха — въ чрезвычайной любви, съ какою ведется все дъло, въ великой преданности искусству и его интересамъ, какою проникнуты всъ руководители и участники этихъ «исполнительныхъ собраній». Благодаря этому, въ спектакляхъ прежде всего отсутствуетъ все ремесленнос, нътъ и слъда той халатности, пебрежности, съ которыми, увы! приходится подчасъ встръчаться даже на подмосткахъ дучинхъ нашихъ сценъ. Благодаря этому же нътъ погони за успъхомъ во что бы то ии стало, хотя бы ради него пришлось поступиться достоинствомъ сцены и интересами искусства. Здёсь, въ спектакляхъ Общества искусства и литературы эти интересы стоятъ впереди всего, и все направлено къ возможно болће полному ихъ торжеству.

Другая причина усийха— въ большомъ художественномъ вкуст и артистическомъ раз-

вити тъхъ, которые руководятъ спектаклями. Ин въ постановкъ пьесы, ин въ декоративной ея обстановкъ, ин, наконецъ, въ самомъ исполпеній піть туть никогда ничего грубаго, крикливаго, пошлаго, что бы оскорбляло эстетическое чувство зрителя, даже самаго развитого и чуткаго, что бы ръзко шло въ разръзъ съ его вкусами и пониманьемъ. Какъ бы роль ии исполнялась, хорошо ли, дурно ли, она всегда умпо обдумана, старательно разработаны ея детали, върно понята каждан фраза, спракедливо оцънено всякое слово. Пусть предъ вами на сценъ неважные актеры, въ которыхъ не хватаетъ дарованія, чтобы захватить зрительную заду сидою впечатлёція; но зато нредъ вами развитые, образованные люди, приложившіе всю силу разумьнія своего къ правильной и интересной передачъ роли.

То же относительно декорацій, костюмовъ, грима, бутафорскихъ принадлежностей, планировки сценъ. Ансамбль вечера безукоризиенный, постановка — артистическая, полная красоты и, вмъстъ, правды; нътъ въ ней безумной роскопи, но есть нъчто неизмъримо большее — художественность и стиль. Часто ли приходится у насъ встръчать все это? Общество искусства и литературы усивло прекраспо зарекомендовать себя указанными особенностями его спектаклей, и зритель отправляется на пихъ съ увъренностью, что уйдетъ довольный.

Тъми же счастливыми особенностими отмъченъ и послъдий спектакль Общества, въ который (9 января) была сыграна трагедія Карла Гуцкова «Уріэль Акоста», быть можетъ—замьчательнъйшее твореніе молодой Германіи, которому до сихъ поръ нельзя «вимать безъ волненія». Въ смыслъ постановки это, пожалуй, даже лучшій спектакль за все время дълтельности Общества. Мы хорошо поминмъ первыя представленія «Уріель Акоста» на сценъ Малаго театра, съ М. Н. Ермоловой въ роли Юдиви, А. П. Ленскимъ въ роли гонимаго своимъ слъпымъ народомъ мыслителя, съ лучши-

ян силами образцовой русской сцены въ другихъ ролядъ. Исчего и говорить, что по исполнепію отдільных ролей спектакль 9 января быль неизмъримо ниже; тутъ и сравненій быть не можетъ. Но такой постановки, какую мы видъли въ этотъ спектакав, не было и на Малой ецень. И благодаря ей общее внечатльніе получилось замічательное. Передъ зритеземъ все время быль, действительно, Амстердамъ половины XVII въка, каждая бутафорская мелочь, каждая принадлежность костюма говорили объ этомъ и своею совокупностью создавали яркій историческій колорить. Еще совершените гримы. Предъ ками-десятки лицъ, и у каждаго свои особия, очень характерная физіономія, точно перелистываены альбомъ гравгоръ большого мастера, непстощимаго въ разнообразін. Особенно хоронш въ этомъ отношенін спиагогальные служки, въ сопровождении которыхъ развинъ де-Сантосъ приходитъ спачала въ лабораторно доктора де-Сильвы, потомъ въ садъ на вилав богача Манассс Вандерстротена. Эта группа, съ изунъромъ де-Сантосомъ во главъ- настоящая жапровая картина историческаго характера, и только при большомъ винманін къ взятому на себя двау и при столь же большомъ художественномъ вкуск можно были создать ее. Чрезвычайное разнообразіе ларктерныхъ фигуръ представляет и праздинкъ у Манассе, и особенно - сцена отреченія Акосты въ синагогъ, двъ массовыя сцены, которыя обыкновение отходять на второй планъ и часто проходять совствы незамиченными, а туть превратились въ центръ всего спектакля, составили главный его интересъ. Такъ ставились массовыя сцепы только у мейнингенцевъ, и праздникъ у Манассе по неожиданному для зрителя богатству движенія и разнообразія сильно напоминаль ибкоторыя сцены изъ «Шейлока» въ мейнингенской постановкъ. И въ шексикропской трагедіи, какъ и въ пьесъ восторженнаго измецкаго романтика есть линь очень слабый намекъ на этп миссовыя сцены. Только большая режиссерскан изобрътательность могла развить намекъ до такихъ инфокихъ размфронъ, такъ мастерски воспользоваться рамкою шесы и вложить въ нее столь богатое содержаніе. Вей переходы вы пастроенін гостей Манассе переданы съ ръдкимъ совершенствомъ, которое мыслимо линь тогда, когда толна на сценъ составлена не изъ статистовъ, а то и просто переод тыхъ пожарныхъ, по изъ людей развитыхъ. умъющихъ понимать смыслъ передаваемого на сценъ момента, не только механически исполнять првызанія режиссера, по и помогать ему. Въсть о появленія де-Сантоса производить на толну собравнихся повеселиться гостей странное висчатленіе, имя грознаго раввина переходить изъ устъ въ уста: вет. въ страхъ, волнуются, догадываются о

причинахъ неожиданнаго появленін фанатичнаго служителя въры въ домъ свободомыслящаго, отрицающаго всякую религіозную обрядность «эннкурейца» Манассе. Но едва фигура раввина показалась на сценъ, вся эта тревожная сутолока сразу замерла, толия застыла; чувствуется однако въ этой напряженной тишинъ ужасъ, который вотъ-вотъ вырвется наружу. Раввинь начинаеть свои страшныя проклятія, грозно, весь горя злобою къ отступнику отъ святой въры, выкрикиваетъ формулы этого проклятія, — и по толив пробъгаетъ глухой, сдерживаемый стопъ — «Горе! горе!» Это «Горе! rope!», все замирающее и понемногу превращающееся въ еле виятный гузъ, теряющійся гатьто за кулисами, выходить зам'вчательно эффектио и производит'ь больное впечатавние. Моано только пожалать. что сцена Охотимчьяго клуба, на которой пграють члены Общества искусства и литературы. такъ мала. Толив твено на этихъ подмоствахъ. и потому картина выходить по-невол'я скученной, не хватаеть въ ней, пользуясь обычнымь терминомъ художественной критики, воздуха.

Еще эффективе выходить четвертый акть трагедін, въ синагогъ, когда Акоста читаетъ акть отреченія. Съ каждымь словомъ этого отреченія злорадство фанатизированной толиы, которан не терпить «чтобъ изъ ряда выходили умы», все растеть; страсти разгораются, толну, забывшую, что она во храмв, предъ синией Завъта, охватываеть одно декое чувство - жажда отомстить деракому безумцу. А когда Акоста, не выдержавъ позорнаго обрида отреченія до конца, вбъгаеть назадъ въ синагогу, кричитъ, что все, что онъ сейчасъ прочиталь, - ложь! и преизносить слова Галилея, неистовство толны достигаеть крайниго предбла, переходить въ delirium, въ какое то массовое помъщительство. Толна вотъ - котъ бросится на дерзнувшаго пойти противъ нел и разорветь Акосту въ клочы... Жутко сидъть въ театръ!... Думаетси, что здъсь сценическін краски положены уже слишкомъ густо, и не вполив соотв'втствують онь условіямъ изображаемаго момента. Въдь все-таки предъ нами не пьяная черпь на площади, а молящеся во храмъ, и злоба ихъ къ Акостъ имъеть въ основъ своей не чувство, а идею...

Наъ отдъльных в исполнителей винмание останавливается прежде всего, консчно, на К. С. Станиславскомъ, игравшемъ Уріэли. К. С. Станиславскій всею своей предыдущею артистическою дъятельностью доназаль, что къ нему нужно относиться не какъ къ любителю, а какъ къ настоящему артисту, и предъявлять полныя требованія. Если такъ, его исполненіе роли Акосты пельзи признать удовлетворительнымъ. Не говоримъ уже о искоторыхъ осо-

бенностяхъ его голоса и произношеній, которыя идуть въ русским бытовым родямь, но мало соотвътствують роди характера геропческаго, какою является, консчио, родь голмандскаго мыслителя. Но и самый замысель роли, тъ очертанія, съ каким является этоть идеальный образъ автора «Ехетрых Гишпапае vitae» въ передачъ К. С. Стапиславскаго, — не вършы, сильно отклоняются въ сторону отъ намърсий автора трагедіи и совершенно безъ нужды сводять Акосту съ того пьедесталь, на которомъ мы его привыкли видёть.

Въ посабднее время вообще замъчена тенденція исе опрощать, всему придавать лье или менье будинчиую окраску. Это стремление спазывается даже въ мелочахъ. Почему - то необходимо развъшчать все, что только можно, а часто — и чего пельзя. Помните вы последній слова Гете передъ смертью? «Свету, свету!» — восканкнузъ этотъ величайшій писатель, одинь изъ геніальныйшихъ людей. Невольно вкладываень въ эти предсмертныя слова великую мысль, и картина смерти автора «Фауста» получаетъ какую-то особенную торжественную красоту. Ижкоторы мъ пасавдователямъ, черезчуръ ужъ тяготъющимъ къ трезвости, захотзлось во что бы то ни стало разебять эту дорогую каждому изъ насъ картину, и они, послъ усердныхъ розысковъ, допытались, что Гете хотъль сназить или даже сказаль совствы не то, что истинный смыслъ его последнихъ словъ просто-папросто таковъ: соткройте другую половину оконка, чтобъ вы компать было побольше сивта». Можеть быть, это и такъ, поклопинки трезвости правы. Ла дъло совствиъ не въ этомъ, а въ томъ злорадномъ торжествъ - лучшаго выраженія не можемъ подобрать!.. — съ какимъ это открытіе сообщается, въ смакованія горькой истины. Ахъ, гоглода! право, чисто, «тылы горынихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ» . . .

Разсказанный энизодъ — мелочь, но мелочь характерная, и она невольно пришла намъ на намять, когда мы смотрфян Акосту-Станиславскаго. Тутъ тенденція упрощеній была особенно не къ мѣсту, нотому что шла прямо въ разрѣзъ съ замысломъ восторженнаго автора и съ общимъ характеромъ его героя, одного изъ тѣхъ « Fous», которымъ посвятилъ Беранже свое прекрасивйнее стихотвореніе.

On les persécute, on les tue, Sauft, après un lent examen, A leur dresser une statue, Pour la gloire du genre humain.

Акоста—и жизни, и Гуцковской трагодін-- изъ ихъ числа.

Г. Стапиславскій задумать роль совс'ямъ иначе. Прежде всего, его Акоста—не философъ, не мыслитель, для котораго истина, идея—выше всего, а въ созерцаніи ея—высмее наслажде-

піе и счастье. А межъ твить въ целомъ ридъ м'всть трагедін онъ характеризуется именно такимъ. Еще до перваго появленія Акосты въ кабинеть де-Сильвы, мы узнаемъ, что онъ-«философъ молодой»; онъ рисуется нашему воображенію сидлицимъ рядомъ съ Юдифью, передъ больною раскрытою кингой и поучающимъ ее истий. И потомъ, на всемъ протяжени пьесы. Акоста-пыслитель. И въ этомъ-то контраст в мыслитсяя, познавшаго высшую истину, и толпою, еще не доросшею до нен и пресывдующего ея посителя, —весь смысль трагедін. Вспомните также, что Гуцкова, когда опъ писалъ «Урізля Акосту», вдохновляль образь геніальнаго нантепста, Боруха Сиппозы; всномните, что самъ Акоста, учитель Сиппозы, быль если и не перно класснымъ, то во всякомъ случав сильнымъ мыслителемъ и главное-мыслителемъ стойкимъ, что его кимга, борющаяси съ талмудическими ученіями и фарисейскими традиціями - не миюъ, что она была сожжена на костръ, а автору своему заслужила отлучение отъ синагоги. Не все. конечно, происходило въ дъйствительности такъ, какъ въ трагедін; та борьба, которая въ послъдней ограничена какими-инбудь диями, на саномъ дъгъ тяпулась деситильтія, и эффектъ ея, такъ сказать, разръженъ. Но и знакомясь съ историческою личностью Акосты, вы поражены величемъ ея умственной и правственной силы. Это - герой и мученикъ иден, окруженный ярнимъ ореоломъ. Ризсказъ о самоубійствъ Акосты, уже почти старыка, прожившаго във в чной борьбъл гоненіяхъ слишкомъ полебка, производитъ и безъ художественныхъ прикрасъ потрясающее впечатливніе.

Этотъ-то мыслитель и герой, созерцатель, гордый сознашемъ своей правоты, и пропаль къ передачъ г. Стапиславскаго. Напротикъ, предъ вами былъ человъкъ, который самъ тнготится своимъ именемъ отщенсица, а не несеть его съ гордостью, который даже сомиввается въ правотъ своего поведенія, не мыслей, а вменио поведенія. Точно кто-то взвалиль ему на илечи пепоспльное бремя, и онъ волей неволей должень его нести до конца. Лучния вачества героя, такимъ образомъ, пронали, потускивлъ окружающій его ореоль. Акоста вызываль жалость, по не восторгъ. не преклонение передъ величиемъ его души. Подчасъ Акоста дълался уже просто слезливыиъ, какъ-то растеряннымъ. Въ такомъ мыслитель какъ Акоста, можетъ быть налеть тихой грусти, но какъ мало идеть къ исму илаксивость, безпомощное, даже болъзненное выражение глазъ. Вспоминте «Спинозу» Антокольскаго. Да, въ его глазахъ есть грусть, глубокая скорбь, по въ то же время сколько гордости и силы! При томъ толкованін роли, какого держится г. Стаинславскій, происходящая въ Акостъ борьба значительно тернетъ свой интересъ. Кажется,

что истина, отъ которой Акост прилется отрекаться, не особенно дорога ему, точно онь не добыть ее усиленнымъ напряжениемъ ума своего, долгимъ самоуглублениемъ, и она не срослась съ нимъ, а навязана извик, и ему легко отступиться отъ нея...

И потому, тѣ моменты роли, гдѣ Акоста—
мыслитель больше всего. и гдѣ у него должно
быть больше всего гордости своею избранностью,
вышли въ передачѣ г. (Утаниславскаго наимешѣе удачными. Таковъ почти весь второй актъ,
таковъ особенно замѣчательный монологъ о
палкѣ, въ которомъ глубина мысли дивно сочетается съ красотою формы. Откуда въ этомъ
монологѣ слезы, какъ можно передавать его
въ тонѣ какого-то извиненія? Да и тамъ, гдѣ
шенолнитель давалъ мѣсто восторгу, энтузіазму, это былъ энтузіазмъ сентиментальнаго
юнони, это былъ, ножалуй, Донъ - Карлосъ,
но не Уріэль Акоста.

Лучше вышла у г. Стапиславскаго сцена съ натерью, которую онъ ведеть достаточно искренно и вноситъ много сценическаго разнообразія. Хороша также, на нашъ взглядъ лучшая у исполнителя, сцена съ Бенъ-Акибой, въ 4 омъ актъ. Тутъ удачно передане угнетенное состояние духа Акосты, какая-то анатія. По минутная вспышка, монологь объ «ахерь», «какъ символь мышленія чистаго» онять удается мало. Впрочемъ, въ этомъ въ большой жра повиненъ переводчикъ, который не сумбль справиться съ ивсколько разъ повторяющися тутъ въ разныхъ смыслахъ словомъ «пной», и потому мысль мополога туманна, надо долго разбираться въ фразахъ, чтобы ясно понять все ихъ значение.

Актъ покаянія г. Стаппславскій читаетъ очень недурно, монотоннымъ, погасинмъ голосомъ, слегка растягивая слова. Врядь ли слёдуеть желать, чтобы туть отражались тё чувства, какія вызываются въ Акості чтеніемь покаяннаго акта. Въ немъ все замерло, застыло, онь читаєть механически, одними губами, почти безсознательно. Такая передача этого момента пьесы наиболіе вірна психологически и, вмісті, очень эффектна въ сценическомъ отношеніи. Съ силою проводить г. Станиславскій завлючительную сцену.

Последній актъ проходить блёдно, и финальный монологь, передъ самоубійствомъ, впечатлёнія не производить. Напрасно также г. Стапиславскій дёлить этоть монологь очень большого паузою пополамь, сразу и круго мёниеть послё пея топъ и вторую половину произвосить, стоя у самой рамны, лицомъ къ публикт, принявъ торжествешую, напряжени уюнозу. Получается дёланность, мённаюнцая наслаждаться замёчательными словами монолога.

Изъ исполнителей другихъ ролей большой похвалы заслуживають г. Лужскій — де-Саптосъ и особенно г. Поновъ-Венъ-Акиба. Педуренъ г. Андреевъ – де-Сильва. Исполнительница Юдифи, г-жа Андреева, заботливо отдълала ивкоторые отдъльные моменты роли, по у пея мало подходящія къ сцень голосовыя средства, голосъ звучить р'езко, подчасъ крикливо, и п'етъ, гаавное, той артистической силы, той способпости переживать на сценъ высшія напряженія чувствъ, которая безусловно необходима для роли Юдифи. Сильные моменты — во второмъ актъ, когда Юдифь громко запвляеть о своей любви къ отлученному отъ синагоги Акостк, и особенно-въ концъ третьяго акта, у нея пропадаютъ. Тихія сцены, напримъръ, сцена предсмертнаго объясневія съ Акостою, удаются лучше.

H. 3.

Русское Музыкальное Общество.

Третье квартетное собраніе.

Квартетъ A-dur (ор. 18) Бетховена, тріо g-moll, для ф. - и., скрипки и віолончели, — Рубинштейна и второй квартеть (F-dur, op. 22) Чайковскаго составили программу квартетнаго собравія 6-го января. Вещи все не новыя, но, въ томъ или другомъ смысав, - полныя интереса. Нашъ обычный составъ квартета-гг. Гржимали, Крейнъ, Соколовскій и фонъ-Гленъ— на этоть разъ отличился. Събольшой стройностью, исностью прошло одно изъраннихъ камерныхъ произведеній колосса Бетховена, въ пзящностильной фразпровкв, въ тщательной отделкв «темы съ варіаціями». Съ честью были преодолены вск техинческія трудности композиціп Чайковскаго; съ огнемъ и энергіей текла изъ подъ четырехъ смычковъ эта чудесная музыка, то неудержимо-иввучая, то задорная, оригинально - юмористическая, ритмически причуд-

Тріо Рубинштейна намъ намятно по безподобному исполненію фортеніанной нартін Николаемъ и Антономъ Рубинштейнами (ставимъ имя Николая впередъ, ибо онъ чаще исполнялъ ее въ Москвѣ); нартія разсчитана на спльную, широкую и пѣвучую игру. На этотъ разъ исполнилъ ее г. Левинъ, бывшій ученикъ здѣшней консерваторіи, пзъкласса г. Сафонова, и справился съ ней болѣе чѣйъ хорошо въ чисто

техническомъ отнониении, хотя и безъ той титанической мощи, къ которой пріучили насъ покойникъ авторъ композицін и его незабвенный брать. Исполнение г. Левинабыло безупречно чистое и, отчасти, благодаря умьлой педализаціи, очень исное и пластичное, несмотря на неимовърно быстро взятый піанистомъ темпъ третьей части (presto). Звукъ у г. Левина полонъ и тушя его хорошее, хотя въ широкихъ лирическихъ мъстахъ не достаточно еще мягкое. Опоэтизированіе фразы — вотъ надъ чвиъ г. Левину нужно еще трудиться, хотя у него уже и теперь проглядывають въ исполнении въкоторая художественная зрѣлость и довольно самостоительное, трезвое музыкальное попиманіе. Опъ очень соразмъряль свою игру съ звучностью смычковыхъ партій; между тремя солистами царило позное согласіе, и въ этомъ смысль гг. Гржимали, фонъ-Гленъ и Левинъ дали намъ нъчто цъльное, художественно закругленное.

Всёхъ участниковъ въ квартетномъ собранім принимали очень сочувственно Г. Левинъ сверхъ программы исполнилъ еще двё пьесы одинъ: транскрищцію "Ковтрабандиста"— Шумана и баркароллу— Шонена. Съ технической стороны это исполненіе было безусловно нрекрасно; хотёлось бы только больше темперамента и вдохновенія.

B. B.

Московское Филармоническое Общество.

Второе и третье симфоническія собранія.

Въ програмий второго симфоническаго собранія, состоявшагося 18 декабря, оркестру было отведено очень широкое місто: исполнялись—большая сюнта «Нуръ и Анитра» А. А. Ильинскаго, «Charfreitagszauber» изъ «Парсмфаля» и три оркестровыхъ нумера изъ «Иродіады». Обаятельно-прекрасное місто изъ музыкальной драмы Вагнера и красивенькіе, ма-

стерски отдъланные отрывки изъ оперы Массна въ Москвъ не разъ игрались; а потому, упомянувъ о томъ, что «Charfreitagszauber» въ передатъ г. Шостаковскаго оставилъ иъсколько желать въ смыслъ большей пластичности, ширины, болъе ясно полчеркнутой благоговъйной торжественности и мягкой поэтичности настроенія, а вещицы французскаго композитора прошли съ блескомъ и инкомъ, публвкой вполикоцъненными, — переходимъ прямо къ стоитъ.

Она первоначально была паписапа для двухъ фортеніано; въ такомъ видъ она исполнялась въ одномъ изъ собраній прошлаго сезопа. Уже тогда она обратила на себя виниание тщательпостью музыкальнаго рисунка и основательной выработкой формы; но послъ перкаго же ея исполненів явплась мысль, что она слишкомъ симфонична, мъстами черезчуръ грузна для фортеніанной стоиты и что въ оркестръ она должна выиграть. И дъйствительно, въ новой обработк' в она сильно выиграла, благодаря мастерской инструментовкъ г. Ильинскаго. Нельзя сказать, чтобы онъ пользовался скромными средствами: для «Нура и Апитры» автору попадобился огрозный оркестръ съ разными добавочными инструментами. Но г. Ильинскій не злоупотребляеть столь богатыми оркестровыми средствами: съ разными экстренпостями, въ родъ колокольчика, не надобдаетъ, усиленнымъ составомъ мъди не оглушасть; все у него на мъстъ, каждая оркестровая краска скомбинирована сознательно, въ ихъ чередованін очевиденъ несомивиный вкусъ.

На ряду съ инструментовкой, въ сюнтъ г. Ильинскаго обращаетъ на себя внимание форма. Хотя къ сюнтъ и приложена программа, по на нее сл'бдуеть скорбе смотреть, какъ на пъчто объединиющее исъ восемь нумеровъ сюнты, такъ какъ каждый изъ нихъ, отдъльно взятый, представляеть маленькую самостоятельную пьесу. Можно сдълать, пожалуй, упрекъ въ томъ, что мъстани музыка не точко передаетъ настроение программы. Такъ, четвертый нумеръ названъ «Волшебная царевна, Искупиение». Въ поиснительной программъ волисбиая царевна «увлекает» витизи въ волшебный гроть, гдв въ страстныхъ объятіяхъ шенчеть сму слова любви». А между тъмъ въ музыкъ, иллюстрирующей страстную любовь, слишкомъ все спокойно, плавно и мигко. Это скорће «грезы», «Таишегеі», а уже пикакъ не «страстныя объятья». Самъ же но себъ, этотъ нумеръ, ес. лютиять отъ исто програм му-очень милое произведение и среди интересныхъ подробностей его музыки, можно указать на встрвчающуюся тамъ интересную инсходящую секвенцію. Несмотря на небольшіе разивры отдъльныхъ нумеровъ спопты, нъкоторые изъ нихъ (1-я и 2-я, напр.) изложены какъ будто въ сопатной формв, диже съ чемъто вродъ разработки; а 3-й ясно вылился въ форму рондо.

Общее впечатавніе отъ сюнты весьма пріятное. Видно, что она папасана хороннить музыкантомъ и талантливымъ шструментаторомъ. Что же касается ся собственно музыкальнаго содержанія, то оно не огобеню оригинально:

встръчаются мъста, напоминающін то Вагнера, то Чайковскаго, то Римскаго-Корсакова. Конечно, эти напоминавія не имъютъ вида заниствованій, а указывають на тъ идеалы въкомнозиторствъ, которые намътиль себъ г. Ильнискій.

Сюнта имѣла несомиѣнный успѣхъ, и подъ управленіемъ г. Шостаковскаго прошла положительно хорошо. Одна изъ ея частей («Колыбельная») была повторена.

Солистъ этого собранія быль г. Баттистиин. Заручившись, за посл'ядніе годы, любовым московской публики, симпатичный артистъ и на этотъ разъ имъль очень больной уси'вхъ. О томъ, какъ мистерски г. Баттистини влад'єсть своимъ р'єдкимъ, по красот'я тембра, баритономъ, писать нечего, это вс'ємъ изв'єстно.

Серьезный упрекъ можно ему сд'ялать только за репертуаръ: такін вещи, какъ «Triste Aprile» Лева и пресловутая «Вандісга» Ротоли, равно какъ и многіє другіє птальянскіє романсы современныхъ композиторовъ, не долагны бы попвляться на серьезныхъ концертныхъ эстрадахъ.

жаль также, что исполнене арій нать «Короля Лагорскаго», «Корделін» ими подт, аккомпанименть фортеціано. Въ таких больших концертахъ, накъ собранія Филармоническаго Общества, артисть можеть себъ позволить ибть безъ оркестроваго аккомпанимента только небольшіе романсы; оперныя арін же безусловно требують оркестра.

Въ третьемъ собраніи съ больнимъ усикхомъ принимала участіе г-жа Луиза Никита Чъмъ дольше поеть эта пвинца, тъмъ большую пріобрътаетъ она увъренность. Увъренпость въ исполнени-дъло очень хорошее. Она всегда сообщается слушателю, и онъ нерестаеть бояться за исполнителя, - чувство, съ которымъ мало что можетъ сракинться въ пріятпости. У г-жи Инкита есть увъренность и вь этомъ смысав, по пробрътена увърсипость и другого рода, граничащам съ храбростью, не смущаясь, дълать трель иблой ступенью шиже, чвиъ следуетъ. Съ другой стороны, у г-жи Некита стала полвляться выразительность въ изин, прежде отсутствовавшая. Но, взамъпъ этого, какъ будто бы сталь понижаться уровень вокальной техники: гамны и пассажи, положительно, исполнымсь г-жей Инкита въ описываемый вечеръ хуже прежияго, менъе легко, не такъ исно и отчетливо. Если г-жа Шивита думаетъ постенения перейти съ колоратурнаго жапра на болье серьезный,—а она это въроятие имъетъ въ виду, взявъ въ свой репертуаръ исполненную ею на bis арію изъ «Сида» Массена, то сй прежде всего следуеть отраниться отъ привычки колоратурныхъ иввицъ, все измѣиять и «украшать»: въ аріи изъ «Сида» ею сдѣланы были совершенно излишнія перемѣны противъ оригинала. Что слѣдуетъ совершенно забыть г-жѣ Инкита, такъ это посвищенный ей вальсъ «L'alba» Ардити,—пошлый, пеинтересный и даже ис особеню благодарный.

Кромъ г жи Никитта въ концертъ принималь участіе піанистъ г. Ульяницкій, выступивній съ повинкой, —концертомъ къ одной части—г. Ляпунова. Концертъ этотъ, музывальный, интересный, какъ сочиненіе, не особенио благодаренъ для солиста; онъ требуетъ отъ послъдняго громадной силы и больной техники, при чемъ и то и другое часто нельзя какъ слъдуетъ показать: слинкомъ силенъ оркестровый аккомнаниментъ. Г. Ульяницкій хорошо справился съ техническими трудностями (отличныя октавы), но игралъ холодно

п какъ то не совстмъ свободно. Какъ говорятъ, тому причиной сильное повреждение нальца на репетиціп

Изъ оркестровыхъ сочиненій были исполнены: вторая симфонія Бетховена, «Solitude» Годара (талянтивый французскій композиторъ, какъ извъстно, недавно умеръ на югѣ Франціи) и «Прялку» Мендельсона въ инструментовкѣ Гиро. Въ смыслѣ отдълки деталей, симфонія прошла исправно. Но мы не можемъ согласиться съ темпами, которые бралъ г. Шостаконскій: исѣ быстрые темпы были слишкомъ скоро взяты (ночти всѣ allegro походили на presto); larghetto-же, наоборотъ, слишкомъ замедлилось, отчего эту красивую, по довольно длиную часть слушать было иѣсколько утомительно. Вещицы Годара и Мендельсона Гиро прошли хорошо и «Прялка» была повторена.

Н. Кочетовъ.

Общество любителей музыкальнаго искусства.

Для второго музыкальнаго всчера Обществомъ любителей музыкальнаго искусства (11 января въ малой залъ Благороднаго Собранін) приглашены были скриначъ Тявидаръ Наша (правилытье Начезъ) и лирико-колоратурное сопрано т-жа Александровичъ (ученица г-жи Климентовой-Муромисвой).

Г. Наша европейское имя. По происхожденію онъ венгерецъ (родился въ 1859 году въ Пештъ). Предки его испанцы. Началъ онъ свое музыкальное образованіе въ родномъ городъ у Сибатели, потомъ совершенствовал-

ся у Іоахима и Леонара.

Г. Наша не строго выдержанный классикт, какъ Іовхимъ, Халиръ, Беккеръ и др., и не такой непогрышимо-тонкій техникъ, какъ Саразате. Но артистъ онъ первный, у котораго темпераментъ на первомъ планъ. Тонъ его довольно полонъ и звучить красиво въ forte; ріапо ему не всегда дается. Въ програмиъ артиста преобладаеть чисто виртуозный ренертуаръ. Въ пьесахъ Паганини, Баццини, Корелли и др., есть гдъ показать технику и вижиный блескъ. Всякиго рода нассажи (октавами и другими двойными нотами), трели, флажолеты и т. п., обильно усиащають исполненіе этого ниртуоза. Лъвою рукой владжеть онъ съ изумительною легкостью. Г. Нашэартистъ настроенія и отдается минут'в, поэтому исполнение его бываетъ перовное. Во второмъ вечерт (бицества имъ сыграны были концерть (fis-moll) — Эриста, за который могутъ браться лишь первоклассные виртуозы, ивеучія пьески Бетховена и Шумана (« Roman -

ze», «Ттіштегеі»), фантастическое скерцо («La ronde des Lutius») - Бацциии, этюдъ въ октавахъ и знаменитая, въ свое время, тема съ варіаціями для одной струпы—Паганиви. Эти ньесы значились въ програмиъ. Сверхъ программы артистъ вгралъ еще такъ часто и такъ много, что мы забыли счеть пьесамь и не упоминан всв ихъ названія. Наибольшее впечатавніе, изъ посліднихъ, произвели въ его исполненін: «La folia»—Корелли, цыганскія и венгерскія п'ясни собственной арранжировки, «Chanson triste» — Чайковскаго. Изъ пвнучихъ ньесъ, кромъ извъстнаго «Träumerei» (было повторено), г. Нашэ еще сыгралъ два поктюрна Шопена и очень хорошо наинсанную «колыбельную» собственнаго сочиненія.

Г-жа Александровичъ зарекомендовала себя съ прекрасной стороны. Колоратурный и лирическій жапръ — ел сфера, въ которой тадантливая иввица въ будущемъ можетъ подвизаться съ виднымъ успъхомъ. Пъвица одарена рѣдкими вокальными средствами: они очень симнатичны, звучать серебристо и звоико, ласкають слухь во всёхь регистрахь и отъ природы очень гибки. Трель у нея превосходна, stacatto значительно выработано. Что прінтно въ п'янін г-жи Александровичъ это ровность голоса, благодаря которой мы не слыхали въ ен исполнении крикливости. Къ достопиствамъ въ пъни юной артистки относимъ отчетливость въ насажахъ и безупречную интонацію. Недурно, въ смыслів выдержанности стиля, исполнена ею классическая аріп Генделя съ

сопровожденіемъ віолончели (г. Дубинскій). «Сербская мелодія» Рубинитейна поправилась намъ менже: мазурка Шопена (заключительпый пумеръ въ ея програмяъ) исполнена недостаточно легко и шикарно.

B. B.

Первый симфоничесній концертъ г. Буллеріана.

Когда года два тому назадъ г. Буллеріанъ висрвые появился из Москва, чтобы управлять, посав г. Главача, оркестромъ на электрической выставкъ, о немъ заговорили и, почти сразу, въ довольно противоположныхъ смыслахъ. Съ тъхъ поръ онъ усиблъ выдержать сезонъ лътинхъ оркестровыхъ концертовъ въ московскомъ Зоологическомъ саду; последнее льто дирижироваль въ Ригь; зимами же, отрываясь отъ невидимой для большинства москвичей дъятельности дирижера Нъмсцкаго Общества квартетнаго пънія (Liedertafel), изръдка себя имъ показываль во главъ большихъ концертовъ съ симфоническою программой. Все это, конечно, не могло повести из тому, чтобы толки о г. Буллеріан' прекратились. Положимъ, они не были настолько громки и настоятельны, чтобы сдълать ими этого дирижера непреодолимо притягательной силой въ концерты съ его участіемъ, да это и не то, о чемъ. собственно, хочу говорить, --по несомижино, во всякомъ случав, что о немъ все толкують н толкуютъ, печатно и устло, и попрежнему, въ противоположныхъ смыслахъ. Очень бы хотълось разобраться въ этихъ противоръчінхъ. Главныя теченія въ нихъ попятны. Злісь не столько разинца во вкусахъ, скрещиванье сужденій людей, понимающихъ и не поприающихъ двао — сколько музыкальная политика Москвы: однимъ хочетси выдвинуть г. Буллеріана, какъ своего; другимъ важно, чтобы онъ оказался пепрем'виво хуже того или другого изъ постоянныхъ нашихъ дирижеровъ. Не могу себя причислить къ отрицающимъ въ г. Буллеріанъ всякія достоинства, по и восхищаться имъ безпредъльно считаю песправедлявымъ. Г. Буллеріанъ — (несомивнио это для меня) музыкантъ хорошій и знающій, прямо капельмейстерскій таланти; по есть въ его пріемахъ иногое, что похвалы не заслуживаеть. Упрекать его, однако, въ томъ, что пъкоторые его дирижерские жесты, даже большинство ихъ, могутъ съ непривычки показаться смѣшными и странными, - я не буду. Положимъ, лучие бы обойтись безъ курьезовъ въ дирижированін, но въдь и не въ нихъ суть. Капельмейстерство Бюлова сопряжено было съ уморительными ужимками, а много зи такихъ было превосходныхъ дирижеровъ, какъ опъ? Пусть, савдовательно, г. Куллеріань остается со свопин странностими, если уже онъкъ нимъ при-

выкъ и безъ нихъ при управлении оркестромъ обойтись не можеть; пусть темь более опъ съ ними остается, если всв его движенія, - то представляющія какое-то равном'врное помахиваніе надочки въ горизонтальному направленін, то похожія на трудъ добыванія чего то концомъ налочки чуть не изъ-подъ пола, то угрожающія кого-то прокодоть палочкой, накъ ранирой, — номогаетъ оркестру скорће и наглядиве понять намвренія дирижера. А оркестръ его понимаетъ отлично, охотно подчиняется его волк и, въ небольное количество репетицій, пріучается пграть съ разпообразными и эффектными оттънками выдъленія тъхъ или другихъ, но мижино дирижера, важныхъ мъстъ партитуры, красивымъ выполнениемъ постепеннаго наростація цли замирація звуковъ, съ неожиданнымъ подчеркиваньемъ вступленій отдельныхъ оркестровыхъ группъ и т. д.; и дан каждаго изъ подобныхъ пюнисовъ у г. Булзеріана имъется въ запасъ своеобразный жестъ, сивиной, правда, - по наглядно какъ оркестру, такъ и публикъ рисующій то, чего дирижеръ хочетъ добиться отъ исполненія. Следовательно, пусть съ вижнией стороны дирижерство г. Буллеріана пребудеть тімь. чъмъ опо есть: за этой вибиностью пока мы видели только положительныя его стороны, смилое, жизненное, эпергичное исполнение, помогающее исполняемому произведению рельефпо выступить впередъ въ томъ освъщения, какъ его поиялъдирижеръ. Но вотъ что: именпо въ попиманіи то пиыхъ произведеній, съ г. Булаеріаномъ не хочется согласиться и, особенно, когда двао идеть о классикахъ, въ родь Бетховена (помню не довлетворившую меня у г. Буллеріана пятую симфонію). Далье, всюду, какъ въ исполнени илассиковъ, такъ и авторовъ поздивинихъ (повап музыка, начиная, примърно, съ Мендельсона, Шумана, лучие удается оркестру г. Буллеріана) попадаются оттыки преувеличенные, краски слишкомъ уже мъстами сгущенныя. Это не говоритъ, прежде всего, въ пользу безупречности художественнаго вкуса г. Буллеріана, а затъмъ рождаетъ и другія соображенія; г. Буллеріанъ, вижется не любить много тратить денегь и времени на оркестровыя репетиціи; надъясь на то, что оркестръ его слушается и скоро понимаетъ, онъ, повидимому, не давая себъ труда до медочей отдилать разучиваемую вещь,

расцевчаеть ее мъстани тъмъ, другимъ ярпимъ иятномъ оттъика, условливается съ орнестромъ, чтобы въ концертъ этотъ технически иетрудный, но эффектный оттънокъ былъ ири такомъ то соотвътствующемъ жестъ дирижера исполненъ поярче, п— дълу копецъ. Что же въ итотъ? Исполнене г. Буллеріана всегда производятъ внечатлъніе: опо полно жизии, бодрости, огия, даетъ звуковую нартину ясную и яркую; самъ опъ несомитанный талантъ, музыкантъ толковый и знающій. Но не всегда въ этомъ исполненів все обличаетъ вкусъ, не всегда опо до конца отдълано.

Синзанное выше есть результать наблюденій надъ г. Буллеріаномъ за прежнее время. Но то же готовъ в новторить и послъ нерваго изъ затъянныхъ ниъ въ этомъ сезонъ симфоническихъ концертовъ. 8 миваря, въ большомъ залъ Благороднаго Собранія, онъ дирижировалъ нервою, В-свигиою, симфоніею Пумана, «прощаніемъ Вотана съ Брупгильдой» изъ «Валкирів» Вагнера, «вальсомъ фанталіей» Глинки и фортеніаннымъ этодомъ А. Рубинитейна

(C-dur), въ оркестровкъ Поле.

Свифонію я очень люблю и мив многое въ ней у г. Буллеріана поправилось. Меня удовлетворили темпы, выдержанные, бодрые; отчетливо схваченный ритиъ перваго allegro; иввучесть, полиая тона и тагучести у скриновъ въ larghetto; талантливо сфразированное сверцо; вст, наконецъ, могучія наростанія звуковъ какъ въ разработкъ перваго allegra, такъ и въ серединъ финала, гав поель характерно-глубокихъ вздоховъ оркестра на оригинальныхъ аккордахъ, - точно мрачная туча, прадучись вздымаются на басъ, черезъ тактъ, синкопированномъ, злопъщія, какъ бы желающія на время смутить себтлое настроепіс всей симфонін, тревожный гармоній. Но въ той же симфонін, отмъченные у Шумана эффекты sforzato показались мив у г. Буллеріана, на всемъ протяженін larghetto утрированными, потому то они такъ скоро и прискучили. Была кое-гдъ, въ симфоніи (больше всего въ первой в послъдней части) и вгыкоторая мазия, - результать очевидной педодълки ренетиціонной работы.

Отрывокъ изъ «Валкиріи» прошелъ тоже такъ, что педочеты исполненя покрылись съ лихвой его достоинствами: здъсь не все у смычковыхъ было пдеально чисто и ясно, но общая картина получились вполиъ, съ грандіозно и талантливо выдвинутыми къ первому плану важиъйними деталями, съ отлично но-пятымъ и выдержаннымъ общимъ настроеніемъ.

Остальные два нумера меня мен'йе удовлетворили. Граціозная пьеса Глинки прошла грубовато и съ наблошнымъ эффектомъ при новтореніи мелодическаго рисунка брать его ріаnissimo. Такъ, между прочимъ, поступилъ г. Буллеріанъ съ *D-dur* нымъ мѣстомъ «вальса», гдѣ, кстати сказать, Глинка шичего подобнаго не указаль, когда заставиль альтовъ и гобоевъ повторить шесть тактовъ, только что пропѣтыхъ первыми скринками. Лучне сыгранъ этюдъ Рубинитейна; особенно удалась широко взитая средняя часть съ красивой пѣвучей темой. Остальное же не правится миѣ и въ передѣлкѣ Поле (на фортеніано вся эта бъготия гораздо эффективе), да и у г. Буллеріана тоже: изъ за черезчуръ быстраго темна многое скомкалось.

Г. Буллеріанъ только оркестровые аккомпапименты вель по нартитурь; всь же пумера для одного оркестра дирижироваль, но своему обыкновенію, наизусть. Конечно, это свидътельствуетъ о хорошей намити дирижера и очень хорошо въ томъ смысяв, что позволяетъ канельмейстеру всецъло отдаться исполняемому сочинению, не развлекансь лежащими передъ глазами потами. Но напрасно это обстоятельство такъ подчеркиваютъ, говоря о г. Буллеріанъ. Зд'всь въ сущности инчего уже ивтъ такого выходищаго изъ ряда вопъ. Одно время въ 70-хъ годихъдирижеры Петербурга считами почему то за необходимое правило дирижировать въ концертахъ на намять. Такъ поступали гг. Балакиревъ и Направникъ. Такъ паходиль для себя возножнымъ и удобнымъ дълать г. Римскій - Корсаковъ, только что тогда начавній выходить иногда передъ нубликой въ качествъ дирижера. Какъ теперь помию, программу концерта Безилатной музыкальной школы, 30 ноября 1876 г. Подъ управленіемъ г. Римскаго - Корсакова даны: «Манфредь» Шумана (увертюра, всв антракты и оркестровыя иллюстрацін къ тексту, вск сольные и хоровые пумера), «Сербская фантазія» (муз. дпрыжера), отрывки изъ «Леліо» Берліоза—«эолова арфа» (для оркестра) и «Буря» (для оркестра и хора) и въ заключение 5-я симфония Ветховена. И вси такая программа, гдё участвоваль не одинь оркестръ, а и солисты, и хоръ, проведена была наизусть, да при томъ такъ, что самыя то сложиын сочиненія — «Манфредъ» и «Леліо» прошли отлично. Но потомъ какъ-то и почемуто такая мода миновала и тъ же самые гг. Валакиревъ, Паправникъ и Римскій-Корсаковъ, несмотря на пріобрътенный съ годами больній опытъ, несмотра на то, что находятся въ нолпомъ расцв'вт'в силъ и памяти, дирижируютъ теперь не иниче, какъ по партитурЪ, хотя. конечно, могли бы прекрасно обойтись и безъ цея.

Возвращаясь къ концерту г. Буллеріана, нужно отмѣтить, что кромѣ указанныхъ оркестровыхъ нумеровъ, въ тотъ же вечеръ исполнялись еще, подъ авторскимъдирижерствомъ, интродукція и антракты г. Кочетова къдраматическимъ сценамъ г. Амфитеатрова—«Полоцкое

разореніе». Музыка г. Кочетова въ данномъ случав очень выигрываеть, если ее разсмотръть безъ исякаго отношенія къ «Полоцкому разорешю». Взятия отдъльно, сама по себъ, она является произведеніемъ музыканта со вичесомъ, со стремленіями къ мяскимъ настроеніямъ и не очень широкимъ форманъ. Когла все это я слушаль въ концертъ, не видавши партитуры, которую мив впоследстви обязительно предоставиль авторъ для разспотрънін, и не читавши произведенія г. Амфитеатрова, которое теперь знаю, - то мив антракть нь темивalcyretto tranquille и, въ особенности, другой andante non troppo, положительно поправилась, - первый своимъ мягкимъ идиалическимъ настроен іемъ, благородной гармоніей и сжатой формой; второй, болже развитый, ловко проведенными въ гармоніи секуплами и постепенно растущимъ драматическимъ чувствомъ. Въ антракть allegretto. гдь тему начинаеть гобой, — сама тема мила и вполив по русски пародна, по заго ея обработка въ концъ концовъ страдаетъ однообразіемъ и пищиматпыли излишествами, превращающими весь антрактъ («въроятно ради требованій сюжета», думаль я въ концертъ, не читавъ драмы) въ исполнискую балалайку. Интродукція же, по миз, менже всего интерссиа. Тремолирующія ся гармонін со вступленісмъ валториъ н трубъ - обычновенны; недурныя фанфары приводить къ неоригинальному тоже веселенькому мъсту въ русскомъ якобы складъ, а замедляющіяся фигуры спринокъ къ чему то во вкуст Грига, медленному, по прерывнетому, рапсодичному. Затымы для закрупленія снова тремоланды начали, его фанфары и русское веселенькое мъсто. Прочитавъ «Полоциое разорение», которое авторъ скромно называетъ «драматическими

сцевами», по гдъ трактуется исторія Рогийды въ очень по трагичному приподнятомъ токв п гда ивтъ почти мъста какимъ-либо мягкимъ, спокойнымъ настроеніямъ, я положительно сталь втупикъ. Гдъ же въ музыкъ г. Кочетова хоть какое нибудь отражение всей этой варяжско-славянской трагедін? Пу, положимъ, въ интродукцін есть, для характеристики ва ряговъ, скандинавецъ Григъ, - тамъ же, для изображения русскаго посольства, веселенькое русское містечко. По гді же гордый духъ Рогволода и неукротимой Рогийды, и было ли привольно въ Полоцић посламъ Владиміра? «Идиллический» антракть приводить насъ кънартивъ у кривичей, этого мириаго племени, живущаго среди лъсовъ. Идиллія, значитъ, кстати. Но пеужели этотъ миръ пичвиъ здясь не нарушенъ? Въдь у г. Амфитеатрова въ этой картинъ далеко не спокойно: вължсу у криничей гоститъ Владиміръ съ дружиной, тамъ опъ дожда вся возврата пословъ своихъ изъ Полоцка и, оскорблен-

ный, призываетъ войско къ отищеню за попесенную обиду. А у г. Кочетова — все спокойно, все мирио. Анграктъ съ секундами, самый удачный со стороны абсолютной музыки, и къ сюжету лучие другихъ подходитъ; онъ отвъчасть все таки своими не линенными драматическаго акцента звуками чувствамъ нафиныхъ въ разорениомъ Полоцев. Но вотъ мы подошли въ тому мъсту трагедін, которое вызвало у г. Кочетова инобходимость сочинить «балалайку». Судя по партитуръ, это антрактъ передъ третьимъ д'яйствіемъ, а въ немъ есть большая и очень драматическая сцена Рогивды съ Владиміромъ, гдв говорится о казии Мишаты; о томъ же толкують въ другой сцеив богатыри одни и съ кияземъ; въ концв дъйствія у Рогивды съ Ингульфомъ разговоръ весьма не св'ятлиго настроенія. Гд'я же балалайка? Я долго ее пскаль. Наконецъ въ ремаркъ къ первой сценъ дъйствія нашель я такія слова: Добрыня сидить на колоды подг яблоным и плететь напоти. По это только въ ремаркъ; сейчасъ же при подцяти запавъса входитъ Путята и изчинается бесъда о матеріяхъ нажныхъ. Такъ гдв же мотивъ для веселенькиго могива? Неужели даноть такъ развессинать? Словомъ, г. Кочетов у не удалось пронякнуться сюжетомъ трагедін. Онъ отнесси вь задачь совстмъ дегко, мало думаль о томъ, что предприняль саблать. Не лишено, кстати сказать, интереса и то обстоятельство, что четвертое дъйствіе, гдъ есть покушеніе Рогиъды на жизнь Владиміра, судъ надъ Роги вдой. ея прощеніе, трогательная смерть нарыга Ингульфа, — вовсе не вдохновило г. Кочетова это двиствіе оставлено имь безъ антракта. He есть ли это доказательство тому, что г. Кочетовь ими мало склонень въ трагическимъ сюжетамъ, или просто быль весело настроенъ, когда иллюстрироваль трагелію г. Амфитеатрова? Пусть же скорте г. Кочетовъ отлълитъ папостъе удачное изъ своей музыки къ «lloлоцкому разоренію» и найдеть ей какое-шкбудь иное примъненіе, если не зихочеть (что было бы лучше всего) показывать ее, какъ ивчто самостоятельное, ни къ какой драмъ не припадлежащее.

Г. Кочетовъ впервые дприжировалъ публично. Для дебюта это было пеправно. Успъхъ опъ имълъ хороний: одинъ наъ антрактовъ былъ повторенъ.

Чтобы покончить съ успъхами, скажу, что вообще публики того вечера, хоть была и немногечисления, а вызывала шумпо. На пріемъ не могутъ пожаловаться ни г. Буллеріанъ, ни солисты — г-жа Соколова-Фрелихъ и г. Халпръ.

Въ № 39 «Артиста» помъщенъ лестный отзывъ о голосъ и пъпін г-жи Соколовой, по новоду ея участія въ одномъ изъ лътнихъ концертовъ г. Арендеа. Въ разсматриваемый

вечеръ г-жа Соколова спъла арію изъ «Самсопа» Сепъ-Санса, ту арію съ голосовымъ прыжкомъ па попу, которую, съ легкой руки Ворги, полюбили всъ наши меццо-сопрапо и альты. На bis пъвица остановилась на прелестной «персидской» пъсии Рубинштейна и на «Очарованіи» Дессауэра. Въ послъднемъ особенно хорошо звучалъ нижній регистръ артистки. Вообще же это было исполненіе чистое, выдержанное, но и, на взглядъ имшущаго эти строки, слишкомъ уже сдержанпое, не согрътое истипнымъ чувствомъ.

Г. Хазпръ—скриначъ превосходный, величина первой везичины, тапъ виртуоза не фокусника, а такого, съ которымъ ридомъ не стыдно стать самому Іоахиму. Исполненіе г. Халира верхъ закопченности, стили, строгости; это широкое пъніе, безконечно тянущійся, непрерывающійся смычекъ, громадный, благородный топъ, безупречная чистота и техника—не цвль, а средство, техника, для которой пътъ преградъ, но которая не для того,

чтобы нахально лёзть впередъ, —ея дёло только помочь артисту все исполить, что телько ни захочеть опъ, и затёмъ стушеваться. Это артисть въ полномъ смыслё слова. И очень нонятно, что такому исполнителю - классику совсёмъ по плечу классическій копцертъ Бетховена, который г. Халиръ и передаетъ до мелочей прекрасно. Даже и въ томъ, что опъ пграль, кромё главнаго своего пумера — andante и ргеято Риса, «венгерскіе танны» Брамса въ переложеніи Іоахима, — опъ напоминаетъ Іоахима: тоть подобный же вещи выбираль къ копцу вечера. Какъ играль все это г. Халиръ, разум'вется само собою.

Для заключеній нівсколько словь о г. Заремов. Вь его лиців Москву можно ноздравить съ новымъ хорошимъ аккомпаніаторомъ. Онъ съ большимъ умівньемъ сопровождалъ исполненіе г-жи Соколовой и г. Халира, когда тів перешли въ мелкихъ вещахъ отъ оркестроваго аккомпанимента къ фортеніанному.

Сем. Круглиновъ.

Концерты.

Г. Рейзенауэръ. — Г. Печниковъ. — "Армянскій" вечеръ. — Г. Пахульскій.

19 декабря и 10 января г. А. Рейзенауэръ даль въ малой залъ Благородниго Собранія два копцерта. Эти концерты оба раза привлек. ли массу публики и проинли съ блестящимъ успъ-хомъ. Въ виду той симиатіп, какой г. Рейзенауэръ пользуется у публики, и того отрицательнаго отношенія, которое къ нему принимала шногда критика, интересно выяслить, что въ его игръ возбуждаетъ—ст. одной стороны восторгь, и съ другой —порицаніе.

Прежде чъмъ начать разборъ его пгры, необходимо сдълать оговорку для тъхъ, кто его слугаль ръдко. Игра г. Рейзенауэра въ выстмей степени субъективна и зависить поэтому всецъло отъ его расположенія и настроенія. Иногда онъ пграеть технически перяниливо, комваетъ сочинснія, допускаеть грубые эффекты; другой разъ, наоборотъ, поражаеть изяществомъ и законченностью исполненія.

Кто его слышаль въ собраніи Филармоническаго Общества, гдв онъ почти ех improviso играль 4-й концерть А. Рубинштевна, и играль по потамь, перишливо и непитересно, тоть не булеть въ состояніи поиять того зитузіазма, который сопровождаль почти каждый нумерь въ его второмъ концертв. Чтобы правильно оцвить всв достопиства и пелостатки игры г. Рейзенауэра, пельзя ограничиться одинмъ концертомъ, а следуеть слушать его чаще и тогда, въ его паболье удачныя минуты, можно будетъ

получить точное понятие о дъйствительно выдающемся талантъ этого ніаниста, подчасъ неправедливо умаляемомъ.

Г. Рейзенауяръ въ своихъ программахъ затронулъ вев области фортеніанной литературы: начиная, такъ сказать, съ праотцевъ— Куперена и Рамо, онъ игралъ и классиковъ, и виртуозно-конпертныя произведенія, и, наконецъ,

сочиненія салоннаго характера,

Къ исполнителямъ строго-классическаго репертуара мы предъяванемъ самыя серьезныя требованія; здёсь мы не допускаемъ даже малъйшаго отступленія отъ оригинала и всегда склонны предпочитать объективность исполненін его субъективности. Это, конечно, вполив основательно, такъ какъ великіе композиторы классической эпохи писали такъ ясно, отчетливо, такъ точно взв внивали каждую ноту, такъ избъгали вившиихъ эффектовъ, что всякое прибавление и малъчини пропускъ въ ихъ произведеніяхъ почти всегда только портять дело. Къ тому же значительное число этпхъ произведеній, по крайней мірт музыкантамь, знакомо до последней поты. Г. Рейзепауэръ именно въ классическихъ сочиненіяхъ и вызываетъ наиболте сильныя нареканія, отчасти виолит справедливыя. Главнымъ образомъ, судя по описываемымъ концертамъ, Шуманъ, отчасти Шопенъ и Бетховенъ, удаются г. Рейзецауяру хуже всего. Напримъръ, фразировка h-moll пой

сонаты Шопена была настолько вапризна и неровна, что было положительно трудно слідить за этимъ сочинениемъ даже тъмъ, кому оно хороно взвистно. Больше всего пострадали отъ манеры г. Рейзенауэра периая и последняя части. Largo было имъ исполнено гораздо лучите, а скерцо такъ и вовсе хорошо. Отъ той же маперпости сильно пострадали в Шумановскія Гапtasiestücke, при чемъ въ «Waruni» г. Рейзенауэръ даже прибавиль отъ себя ивсколько синконовъ. Warum das? Бетховенскія Bagatellen къ первомъ концертв были сыгрины довольпо грубовато. Съдругой стороны, многое въ нередать сонаты As-dur (ор. 26) Бетховена, во второмъ концерті, было очень хорошо, хотя издъсь тема первой части звучала педостаточно просто и спокой по. Въ варьяціяхъ многое звучало, пожалуй, слишкомъ субъективно, но, во всякомъ случав, интересно. Ройасса Вебера исполвяется г. Рейзенауэромъ грубо, — въ его исполпеніи блескъ зам'вияется форсированным'ь, некрасивымъ ударомъ. Во всёхъ персчисленныхъ произведеніяхъ не видно было, чтобы г. Рейзеннуэръ въ нихъ вдумался, постарален выработать какой-нибудь стиль ихъ исполнения. Въ передачъ музыки другихъ классическихъ и до-классическихъ пьесъ, наоборотъ, этотъ стиль быль видень и хороню выдержань. Въ подтверждение нашихъ словъ назовемъ пьесы Куперена, Рамо, Скарлатти, гавотъ d-molt Baxa н Rondo alla turca Моцарта.

Что касается пьесъ чисто-виртуозныхъ, то опъ испозняются г. Рейзенауэромъ превосходно. Исполненіе, наприміръ, скерцо Мендельсона положительно закончено. Въ высшей степени интересна передача имъ Листовскихъ транскринцій. Гаавяымъ образомъ именно по иимъ можно себъ составить точное понятие о безконечномъ разпообразін его игры. Еслі поставить съ одной стороны «серенаду» Шуберта, съ другой фантазію на «Донъ-Жуана», «Erlkönig», «Lindenbaum» и «Венгерскій» наршъ, то опредъляются полюсы его игры. Серенада Шуберта мъстами ножеть быть играется уже слишкомъ сладко и черсзчуръ pianissimo, но высокая красота звука ея передачи положительно обиятельна. «Lindenbaum» въ исполнения г. Рейзенауэра разростается пъ цълую звуковую поэму. «Erlkönig» очень интересенъ, хотя краски сгущаются г. Рейзеннуэромъ при его нередачт слишкомъ сильно, отчего контрастъ между музыкой ръчей «отца», «ребенка» и «лъсного царя» становится настолько ръзкимъ, что ночти исчезаетъ цъльность внечатубнія. Грандіозная фантазія на «Донъ-Жуана», интересная, хотя и слишкомъ длиная нарафраза на Генделевскую сарабанду и «венгерскій» маршъ Шуберта (тоже въ мстовской обработкъ),всь эти пьесы исполняются г. Рейзенауэромъ до увлекательности тилантливо. Исльяя пропустить

еще двъ пьесы изъ его репертуара — ато вальсъ Des-clur Шопена, въ переложени Розенталя и «испанскую» серенаду Мошковскаго. Вальсъ Шопена арранжированъ такъ, что перван темя исе время идетъ двойными потами, а въ середниъ первая и вторан темы очень остроумно соединяются. Конечно, такая арранжировка песравненно трудиъе оригинала, а — г. Рейзенауэръ побъждаетъ трудности положительно шутя. Серенада Мошковскаго непциа граціозная, пустая и псоригинальная, по въ ея передачъ г. Рейзенауэръ развиваетъ такое разпообразіе удара, такой тонгь, что необходимо упоминуть и о ней.

Напоминивъ, какъ г. Рейзенауеръ исполнилъ программу своихъ вечеровъ, можно понытаться дать общую харктеристику его игры.

Техника у него несомизино громадиан. Только при первоклассной техникь возможна такан законченная передача скерцо Мендельсона, фацтазін на «Лонъ-Жуана» и др. Техника г. Рейзепауэра выражается не только въ бъглости и силь, по, главнымъ образомь, въ полной самостоятельности нальцевъ, благодаря которой онъ во всевозможныхъ темнахъ можетъ въ любомъ аккордъ выдълить какую угодно ноту, Постоянное, чрезыбрное выдъление мелодин ножалуй. состявляеть даже одну изъ слабыхъ сторонъ шры г. Рейзепауэра. Затымь отличительными свойствами его игры ивляется богатство отгізнковъ и разпообразіе тушэ. Если взить ріаціяsimo и fortissimo у средняго хорошаго піаниста, то окажется, что въ ту и другую сторону у г. Рейзенауэра найдется еще высколько градацій звуковой силы. При томъ звукъ какъ слабый, такъ и сильный, все время красивъ и, полный разнообразін тушэ достигаеть полной налюзін: по временамъ кажется, что г. Рейзепауеръ играеть на разныхъ инструментахъ. Вспомнимъ, для прим'бра, разницу звука, въ оттънкахъ fortissimo въ фанфарахъ Шубертовскаго марша, въ первой части фантазів на «Донъ-Жуана» в въ «Лисномъ царъ».

Нъкоторан часть критики и публеки смотрить на г. Рейзенауэра съ препебреженісмъ, помия только о тёхъ прегращеніяхъ противъ классиковъ, которыя онъ допускалъ. Это такъ, но съ другой стороны игра г. Рейзенауэра ирямо поучительна: если субъективность доходить у него до искаженія вещи, если плассики имъ исполняются несогласно съ традиціями, то во всякомъ случать разпообразіе, врасочность его игры, богатство оттынковъ иваяются безспорно подожительными качествами. Дли всякаго ученика, если ему профессоръ поможетъ разобраться въ внечатубніяхъ, укажетъ что хорошо и что дурно, можетъ быть только онжом от тыпа узнать, что можно извлечь изъ фортеніано. Можетъ быть, иные изъ современныхъ порифеевъ фортеліано выше г. Рейзенауэра по техникъ, безспорно многіе изъ нихъ значительно его выше по поинманію классиковть и лишсны тёхъ дурныхъ привычекъ, которыя отличають игру г. Рейзенауэра; но такъ же безспорно и то, что почти ни у кого, кромъ г. Рейзенауэра, фортеніано не даритъ столь разнообразныхъ по силъ и тембру звуковъ.

О собственно музыкальных дарованіяхъ г. Рейзенауара можно судить, ко-нервыхъ, потому, что онъ однажды, всябдствіе внезанной бользии канельмейстера, экспромтомъ блестяще продирикировалъ спектаклемъ «Валькиріи» Вагнера, а во-вторыхъ, по тъмъ ритурнелямъ, при помощи которыхъ онъ нереходитъ отъодной пьесы къ другой. Эти ритурнели, большею частью, основаны на мотивахъ днухъ сосъдиихъ нумеровъ, вногда бываютъ по темамъ самостоятельны и перъдко (изсколько разъ во второмъ концертъ) выростаютъ хотя и пъ модулирующіе, по вполив законченные інвогомреця.

Възаключение новториемъ: г. Рейзенауэръ—
піанисть субъективный, подчасъ не безупречный въ пониманіи серьезной музыкальной
автературы, но техникъ перворазрядный и
личность, песомивино, очень даровитая. Словомъ, его положительныя качества нозволяютъ
снисходительно смотръть на его крупные не-

достатви.

9 января въ залъ Кредитнаго Общества состоялся концертъ г. Печникова, съ участісмъ гг. Пабста, Брандукова и Калина. Г. Печниковъ исполнилъ двъ чости изъ концерта (№ 2) Венявскаго, «чаконну» Саха, фугу y-moll его же, «канцонетту» изъ концерта Чайковскаго, Havanaise Сепъ-Сапса п финалъ изъ цыганской сюнты Ворисера. Какъ и въ симфоническомъ собрании Русскаго Музыкальнаго Общестна, г. Печниковъ наилучшее впечатлине произвель исполнениемъ тъхъ пьест, гдъ царитъ или мягкая кантилена (сканцонетта» и andante Венявскаго), или граціозная и пикантная музыка (Havanaise и финаль концерта Венявскаго). Тъ же мъста, гдъ требуется сплыный топъ, удавались ему хуже. «Чаконна» Баха, техническія трудности которой онъ преодольть отлично, оставляла желать многаго въ смысл'я вибшней красоты звука. Тріо B-dur Рубинштейна въ исполнения гг. Печникова, Брандукова и Набста звучало прекрасно, особенно его двъ среднія части. Г. Печниковъ встрътнаъ радушный пріемъ со стороны довольно многочисленной публики.

Очень шумно принимала публика г. Пабста, отлячно исполнившаго свою нарафразу на мотивы балета «Снящая красавица» Чайковскато, вальсъ Des-dur Шопена (съ средней частью, впрыпрованной à la Розенталь) и Х-ую рапсодію Листа.

Принимавній еще въ этомъ ковцертъ уча-

стіе баритонъ, г Калинъ, музыкально, но холодно исполнилъ краспвую, характерную, шпроко-пъвучую арію изъ «Кавказскаго Плънинка» г. Кюй, эффектную, по пустую серенаду изъ оперы «Медичи» Лонковалло, романсъ «Пъвецъ» Рубинитейна и еще одинънумеръ сверхъ программы.

Состоявшійся 17 декабрявъзалахъ Благороднаго Собранія, въ пользу Каспаровскаго пріюта,
«армянскій» вечеръ отличался тшично наряднымъ убранствомъ залъ, неудачными живыми
картшами и музыкой г. Корещенко, имя котораго
заполошило всю программу, повторяясь тамъ,
то для того, чтобы просто отмътить его участіе въ концертъ, то для того, чтобы указать на него, какъ па дирижера хора и оркестра, пли, какъ на записавшаго пародныя пъспи, пли наконецъ, какъ на автора симфоническихъ картинъ.

Этп симроническія картины были повинкой. Какъ п ксв другія сочиненій г. Корещенко, опъ съ претензіей инструментованы, мъстами звучать недурно, но какъ по формъ, такъ и по содержанію мало интересны. Кромъ того, онъ часто несоотвътствують программъ и мъстами неоригинальны: музыка къ живой картинъ—«Рожденіе Ваагна язъ моря» новторяеть эффектъ, уже употребленный Вагнеромъ при иллюстраціи огня въ первомъ актъ «Зиг-

Переложенія народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя г. Корещенко, тоже инчѣмъ не обращаютъ на себя винманія, а нсѣ его окончанія до того неожиданны и малохарактерны, что всякій разъ находишься въ недоумѣпін, — окончелся нумеръ вли нѣтъ.

Вст нумера программы, даже самые неудачные, — а удачныхъ было мало, — нитля успъхъ у спеціальной публики этого вечера. Самый же шумный имтла, конечно, закончив-

шая все лезгинка.

Н. Кочетовъ.

Г. Пахульскій, преподаватель здішней консерваторін, даль 12 января въ залі Кредитнаго Общества концертъ. Программа была составлена разнообразно и шитересно съ чисто музыкальной стороны, хотя только отчасти полходила къ артистической видивидуальности концертанта. Пьесы, требующія препмущестиенно стильности и н'котораго влассицизма въ исполненін, болке удаются этому піанисту, нежели Шопенъ и пімоцкіе романтики.

У г. Пахульского солидная техника; онъ серьезный музыкинтъ и всегда подчиняетъ впртузное умънье художественнымъ цълямъ. Въ описываемый вечеръ онъ пградъ комнозиціп Рубивитейна, Шумана, Пюпена, Листа и др. Изъ Пумана — «Карнавалъ», изъ Пю-

нева два этюда As-dur и C-moll. Окончился концертъ 12-ю рансодіей Листа, съ техническими трудностями которой піанисть справлялся сравнительно легко и увъренно.

Въ концертъ принимали участие г-жа Одля-

ницкая и г. Гржимали.

Г-жа Одляницкая сивла два романса «Мипула страсть» г. Нахульскаго (очень красивый) и «Лунная ночь» Чайковскаго. Вокальныя средства даровитой артистки отличныя; фразируеть она съ върнымъ пониманіемъ исполняемаго и большой выразительностью. Сверхъ названнаго она исполнила извъстный романсъ Голара.

Г. Гржимали вийстй съ концертантомъ сыграли сонату Рубинштейна. Это было обоими выполнено очень выдержанно и стройно.

B. B.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Антонъ Рубинштейнъ. Концерты въ его память: 1) экстренное собраніе Рус. Муз. Общ., 2) первый русскій симфоническій концертъ, 3) второй абонементный концертъ г. Блейхмана, 4) первый вечеръ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда, 5) первое квартетное собраніе г. Крюгера съ товарищами, 6) концертъ Вспомогательной кассы, 7) квартетное собраніе Рус. Муз. Общ. — Бетховенскіе вечера г-жи Эсиповой и г. Ауэра. — Второй вечеръ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда. — СПБ. Общество камерной музыки. — Русскій квартетный вечеръ. — Третій абонементный концертъ г. Блейхмана. — Второй русскій симфоническій концертъ. — Духовные концерты хора г. Архангельскаго, — Русской оперы, — Сбщества церкви св. Екатерины и Петропавловскаго Общества. — Концертъ г-жи и г. Фигнеръ.

Умеръ Аптонъ Рубивштейнъ! Вотъ въсть, которую 8 нопбря сталь разносить по сибту телеграфъ. И на нее изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Земного шара, отовсюду, гдв есть хоть нвпоторое представление о фортению, - мы слышимъ откликъ. Всемъ такъ попятна эта въсть, такъ много говоритъ она въ своей краспоръчивой праткости. Абиствительно, кому не ясно, что такое Рубинштейнъ, кого нъ немъ потеряли всь, разумья подъ этимъ «всь» заатлантическую нублику, и свронейцевъ вообще, и петербуржцевъ, москвичей въ частности? Кому линь удавалось слышать, какъ пълъ, молился, мирно говорилъ, смъялся бодро, нааменно зюбиль, рыдаль и страстно, мощио бушеваль рояль подъ нальцами Антона Рубинитейна, тому уже во въкъ не позабыть везикаго артиста: такъ, какъ онъ игралъ, никто намъ больше не сыграетъ, - секретъ такой игры потеряпь, тайну ея унесь съ собою этоть чародий, ноэть, художникъ, мастеръ, могучій властелинъ толны, - титанъ. Пусть тотъ, другой изъ оставшихся въ живыхъ піанистовъ-виртуозовъ щеголяетъ порою болье, чъмъ у Антона Рубинштейна, отдъланной и чистой техникой игры, пусть изкоторые изъ пріемовъ Рубинштейна звучать въ манеръ его лучшихъ ученицъ, учениковъ, все равно: Антона Рубинштейна никто намъ за роялемъ замбинть не можеть, - развъ народится когда-инбудь другой, совсёмъ такой же. Это быль ніаписть-геній, а генін рождаются въками. Пусть же появится въ печати какъ можно болбе воспоминацій объ этой грандіозной личности, объ этомъ прекрасномъ, обаятельно - оригинальномъ, честномъ, благородпомъ человъкъ: его правственный обликъ дол-

жень быть навсегда сохранень для потомства Пусть спеціалисты берутся за серьезныя, подробныя статьи. Мы ждемъ отъ нихъ безпристрастной оцёнки всёхъ сторонъ илодотворной и многообразной дъятельности незабвеннаго артиста. Быль бы очень интересенъ трактать, гдъ бы нашла себъ обстоятельное описаніе теорія рубинштейновской педализацін, - гдъ бы мы встръчали попытки проникнуть въ тайну рубинштейновского удара. Но величие А. Рубинитейна, какъ піаниста, такъ безспорно, въ такой мърк дружно признается всвин, что еще была бы желательные статья, которая выясниза, наконецъ, истинное значение его, какъ композитора, потому что круппыя и такъ дегко проявлявшіяся твор. ческія свойства его художественной натуры все еще до сихъ поръ составляютъ предметъ далеко ис единодушныхъ сужденій.

Памяти Рубинштейна посвятили мы начало нашей первой корресновденцій *). Переходя къ описацію нашихъ текущихъ дёлъ за послёдніе, приблизительно, два мёсяца, естественнёе всего поэтому на нервомъ мёстё поставить концерты, связанные съ велинимъ

имевемъ усонинаго.

Значительнъйшія наши музывальныя учрежденія и Общества, лучшіе наши артисты, всъ, въ благородномъ соревнованій, посибшили совернить священный долгь — почтить намять

^{*)} Нашь постоянный сотрудникь, присызавшій намь высти изъ Петербурга о тамошнихъ музыкальныхъ кълахъ, за подписью Лель, — серьезно занемогъ. Виредь до его полнаго выздоровленія потучили мы любезное согласіе временно замънить его оть автора предлагаемой корресионденній.

Ред.

несравненаго артиста и насадителя музыкальнаго образованія въ нашемъ общирномъ отечествъ — исполненіемъ его произведеній.

Начало этимъ чествованіямъ, какъ и слъдовало ожидать, положило Русское Музыкальное Общество-учреждение, созданное А. Рубинштейномъ, его любимое дътище, на рукахъ у котораго, какъ у старшаго, осталось, порученное его заботамъ, самое младшее твореніе покойнаго— его оркестровая сюнта Esdur, ор. 119. Это посмертное сочинение стало во главъ программы того экстреннаго собраиія, которое дало Общество 30 ноября, им'я цълью обратить вечеровой сборъ на постановку могильнаго памятника Рубинштейну. Скита-въ шести частяхъ. Ел мысли свъжи и естественны; вылились онь въ ясную, удобононятную форму. Кульминаціонный нункть всего сочиненія — задушевная эллегія серьезнаго, драматическаго настроенія; очень интересно скерцо, а въ его тріо одно мъсто у волториы; гордый, побъденосный финаль оставляеть отличное впечатление. Очень жаль, что г. Ауэръ провелъ сюнту далеко не безукоризненно. Гораздо лучие прошли -- симфоническая картина «Фаустъ» и, несмотря на свою понулярность, все еще не потерявние интереса танцы изъ «Фераморса» — подъ ув'вренными и даровитыми взнахами дирижерской налочки г. Направника, Г-жа Познанская - Рабневичъ сыграла четвертый фортеніанный концерть (d-moll). По нашему мивнію, это, со временъ a-moll'наго концерта Шумана, значительный. шее сочинение въ этомъ родъ. Думаемъ, что гепінльный артисть остался бы доволень своей даровитой ученицей: ея игра была прошикнута рубинимейновским духомъ! Принимали артистку въ высшей степени горячо. Очень также поправилось пъне г. Котоньи и г.жи Сунковой. Отлично звучали ихъ голоса въ дуять изъ «Нерона». Г. Ауэръ, съ присущей ему граціей, исполниль на сврипкъ Romance et caprice.

Главнымъ нумеромъ перваго русскаго симфоническаго концерта подъ управлениемъ г. Римскаго Корсакова (3 декабря) стала симфонія A.dur. Ее редко псполняють. Она кажется отражениемъ душевнаго успокоения въ жизни ся автора, сравинтельно съ бурнин «Оксана» и тревогами «драматической» симфоніи. Яспости ся настроенія и красивому рисунку мелодій мінали монотонная оркестровка и итсколько торонанво взятые темны. Своеобразная, тщательно отділанная юмористическая картина «Донъ-Кихотъ», — одно изъ понуляривишихъ сочинений Рубинштейна. Она была очень тонко проведена г. Р. Корсаковымъ, равно и два прелестныхъ тапца («восточный» и «нтальянскій») изъ все еще у пасъ почемуто пепоставленнаго балета «Виноградная лоза»,

обнаруживающих в большое мастерство композитора мётко схватывать наиболее существенное и тиничное въ музыкальной физіономіи резличных народностей. Солистами вечера выступили — отличная артистка г-жа М. Г. ** (молитва Іогаведы изъ «Моисея», «персилскія» и вени) и изв'єстный піанисть, г. Лавровъ. Симнатичная п'явида им'яла большой усп'яхъ такъ же, какъ и блестящій, но изсколько сухой исполнитель 4-го фортепіаннаго концерта (d-moll).

5 декабря, въ споемъ второмъ абопементномъ концертъ, г. Блейхманъ исполнилъ «драматическую» симфонію (d-moll), самое цваьпое и законченное твореніе Рубивштейна въ области инструментальной музыки, наиболъе придвинувшее автора пъ его пдеалу, къ стиаю Ветховена. Ветховенская манера особенно выступаетъ въ асвадіо. Очень своеобразно по формъ и богато мыслями мужественное скерцо. Г. Блейхманъ заботливо подготовилъ вещь бъ публичному исполнению и дирижировалъ ее съ огнемъ и увлечениемъ: оркестръ игралъ отлично. — Желая тоже, вкроятно, придать какъ можно болбе чувства извъстивниему романсу «Отворите мив темницу», г-жа Бакмансонъ затянула его самымъ неслыхациымъ образомъ. Не заслуживаетъ похвалы и выборъ «вакхической» пъсни изъ пеокопченной оперы «Месть». Къ чему было трогать гръхъ юности нашего композитора? — D-moll'ный концерть играль г. Ферручіо Бузони. Отъ такого знаменитаго виртуоза можно было бы ожидать великолъпнаго исполненія. Но ритив быль совершенно произволень, что же касается adagio, то болке безвкуснаго его исполненія мы ин у кого не слыхали. Тънъ не менъе піанисть имбль большой вижиній усивхь: публика была подкундена озадачивающимъ блескомъ его техники: Въ заключение даны три танца изъ «Костюмпрованнаго бала» въ пиструментовкъ Эрдмансдерфера.

Изъ этихъ трехъ концертовъ только первый сдълалъ хорошій сборъ; остальные два ими при неполномъ залъ.

Но, если вск они были до извъстной стеиени въ состоянии дать понятие о творчествъ незабвеннаго комнозитора въ сферъ оркестра, то, съ другой стороны, они доказали — какъ мало наши піанисты старались узнать Рубинштейна въ его наиболье объемистыхъ фортеніанныхъ сочиненіяхъ. Въ трехъ вечерахъ три исполнятеля съ одиных и тъмъ же концертомъ d-moll! Хоть бы кто-шобудь взялся за G-dur'ный концертъ, пли Es-dur'ный!

Очевидио, вирочемъ, что гг. піанисты не очевь противъ «камерныхъ» произведеній покойнаго. Это усматриваемъ изъ программ в данныхъ въ его память концертовъ камерной музыки По примівру проплаго года, гг. Боровка и Тильдебрандъ объявили и въ этомъ сезонъ два вечера сопатъ для ф. п. и скрипки. Внезаппая кончина Антона Григорьевича заставила артистовъ перемънить программу перваго вечера; она вся была отдапа музыкъ Рубинштейна. И вотъ 1 дскабря мы были свидътелями образцоваго исполнени двухъ скрипичныхъ сонать G-dur'ной ор. 13, и a-moll'noй, ор. 19, и одной для ф. п. и альта f-moll, ор. 49. Въ нихъ пътъ, можетъ быть, стройности клиссическихъ твореній, но музыка эта все-таки хорошая и для исполнителей благодарная.

Въ первомъ квартетномъ собраніи г.г. Крюгера, Михайловскаго, Коргуева и Кузнецова (последній замъстиль покойнаго Бзуля) исполнены 3 декабря—квартеты G-dur и c-moll и, при участіп г. Дубасова, — фортепіанный квартеть— С-dur. Вечеръ совпаль съ описаннымъ выше русскимъ симфоническимъ концертомъ, а потому мы инчего не можемъ сказать объ исполненіи молодыхъ артистовъ. Знаемъ только, что ихъ симпатичное собраніе не привлекло, къ сожалёнію, много публики.

Касса для вспомоществованія музынантамъ, считавшая А. Г - ча своимъ почетнымъ членомъ, устронла вечеромъ 17 декабря его лузыкальныя сорочины. Солистами концерта явились старинный мастеръ своего дела, виртуозь на арфъ, проф. Цабель, повый профессоръ пънін въ нашей консерваторінзнаменитый Котоным, приобрътающая все большія и большін симпатін петербуржцевъ птвица г - жа Сушкова и только что упонянутый піаписть, талаптливый г. Дубасовь, которому такъ по заслугамъ была присужд на Рубинштейновская премія. Напбольше участіе въ концертъ принялъ хоръ г. Архангельскаго, исполнявшій, между прочимъ, тепло задуманпое, не безъ вкуса написанное сочинение г. Врангеля— «Памятн А. Г. Рубинштейца».

Такъ какъ текущая концертная дъятельность Русскаго Музыкальнаго Общества возобновилась послъ Поваго года, то Рубинштейновское квартетное собраніе состоялось лишь 2 инвари. Такими сплами, какъ г.г. Ауэръ, Крюгеръ, Гильдебрандъ, Коргуевъ и Вержбиловить восхитительно были исполнены e-mollinый квартетъ, смычковой квинтетъ, ор. 59, а съ участіемъ молодой, темпераментной піанистки, г жи Ячиновской, — не менъе успъщно фортеціанное тріо В-dur.

Переходя из копцертамъ, уже не свизаннымъ съ именемъ Рубинштейна, указываемъ прежде всего на два Бетховенскихъ вечера г-жи Эсиновой и г. Ауэра. Гадъ скриппчиыхъ сонатъ (a-moll, ор. 23, A-dur, ор. 12, Es-dur, ор. 12, (f-dur, ор. 30, c-moll, ор. 30, (f-dur, ор. 96, и «крейцерова»)

величайшиго изъ композиторовъ, въ исполненін нашихъ превосходныхъ артистовъ, заинтересоваль очень многихъ: оба раза залъ Кредитнаго Общества быль набить биткомъ. Это были вечера утопченнаго эстетическаго наслажденія. 1'-жа Эсипова, пезнакомая Петербургу въ качеств в исполнительницы классической камериой музыки, показала, что она такое въ этомъ отношенін: сама объективпость, полное самоуничтожение въ интересахъ композитора. Строгостью исполненія, прошикновеніемъ въ смыслъ произведенія она, пожалуй, даже перещеголяла такого мастера въ этомъ дель, какъ г. Ауэръ, который у всъхъ еще въ памяти какъ чудесный партнеръ при педавнемъ исполнении скриничныхъ сонатъ вивств съ знаменитымъ д'Альберомъ. Артисты задумали повторить оба свои Бетховенские вечера. Въ добрый часъ!

Г.г. Боровка и Гильдебрандъ, во второмъ своемъ вечеръ сонатъ, съ отличвымъ апсамблемъ и върнымъ поциманиемъ стиля музыки разныхъ эпохъ преподнесли слушателямъ полиую наивиости F.dur чую сонату Гайдин. Моцартомъ навъянную A-dur чую (ор. 30)— Бетховена, очень интересную G-dur ную ръдко улыбающагося Брамса и c-moll чую (треть ю)— оригинальнаго, но односторонняго Грига.

Петербургское Общество камерной музыки дало уже въ залъ С.-ПБ. музыкальной школы четыре вечера. Первый совналь съ экстренпымъ собраніемъ Рус. Муз. Общ, паполнивъ всю программу одинми квинтетами-Альбрехтсбергера, Гайдна и Бетховена, которыхъ исполнителями, провъ обычныхъ г.г. Гильдебранда, Гельбке, Гейне и Вержбиловича, явился ещет. Гуго Варлихъ, въ качествъ второго альта. На второмъ вечеръ фигурировала компанія гг. Валтера, Бергхольца, Ювга и Оедорова. Исполнены были квартетъ Гайдна и большой Бетховенскій квартеть B-dur и G-dur'ное тріо Рубинитейна съ участіемъ бывшей его отличпой ученицы, г-жи Якимовской. И этотъ вечеръ данъ одновременно съ одиниъ изъ симфоническихъ концертовъ. - Третій вечеръ доставиль намъ случай услыхать солидную и тщательную передачу G-dur паго квартета Рубининтейна и Е-диг'наго — Шумана составомъ исполнителей г. Крюгеръ и товарици. Жазь только, что они оказались слабыми партнерами талаптливой г-жи Кашперовой такъ интеллигентно, съ такою зрелостью прсведшей трудную фортеціанную партію B-dur. наго тріо Бетховена.— Четвертый вечеръ былъ по програмив и исполнителямь буквальнымь повтореніемъ квартетнаго собранія Рус. Муз. Общ. въ намять Рубининтейна.

Русскій нвартетный вечерь (7 декабря) познакомпать насть сть тремя квартетами молодыхть русскихть композиторовь, преппрованпыми на прошлогодиемъ конкурст Общества камерной музыки. Отчетиво и ясно исполненые г.г. Гильдебрандомъ, Гельбке, Гейне и Вержбиловичемъ, они оказались далеко не одинакихъ достоинствъ. Квартетъ d-moll, г. Н. Соколова фактурой хорошъ, но страдаетъ придуманностью, насильственностью мыслей; квартетъ, G-dur, -г. А. Гречанинова красивъ, по, утопая въ реминисценціяхъ, лишенъ самобытности. Квартетъ F dur, -г. А. Копылова (первая премія) -- симнатичное, хорошо звучащее сочинене; его adagio мирно, тихо настранваетъ и производитъ впечататьне, не лишенное глубины и поэзіи.

Второй русскій симфоническій концертъ, управленіемъ г. Римскаго-Корсакова, быль какъ-будто посвищень Терисихоръ: всъ почти оркестровые нумера программы или прямо оказались тапцами, или до извъстной степени ихъ въ себъ заключали, или явлились музыкой изъ балета. Словомъ, если оставить вь стороив изкастиую увертюру г. Балакирева на русскін темы, то вечеръ наполвили, кромъ этой прекрасной вещи, пован сюнта г. Глазунова — «Scènes de ballet»; сюнта изъ оп. «Сифгурочка»-г. Р. Корсакова (сюда вошли «введеніе» къ оперв, пляска птицъ (безъ хора), шествіе царя Беренден и между прочимъ пляска скомороховъ); пляска женщинъ изъ он. «Алсно» — г. Рахманинова и финаль изъ балета «Млада» — Бородина. Объ сюнты имъли отличный успёхъ, - какъ и составленная изъ оркестровыхъ нумеровъ прелестной оперы г. Корсакова, такъ и нован-г. Глазунова, необыкновенно нарядная, изящная, мастерская, остроумивншимъ образомъ оркестрованная. Два нумера послъдней, изъ которыхъ одинъ «Маріонстки» — очаровательный фокусъ оркестраторскаго искусства, были, по настойчивому требованію, биспрованы. — Пляска Рахданниова — сравнительно бледиая вещь, хотя и очель претепзливая. - Г. Вальтеръ, концертмейстеръ оркестра русской оперы, съ большимъ вкусомъ и успъхомъ сыграль подъ сопровождение фортеніано «прелюдъ» и «серенаду» г. Аренскаго, и двъ пьесы Чайковскаго — «méditation» и «скерцо». Аккомпанементы къ посабдимъ г. Глазунонъ положилъ на оркестръ, съ тонкимъ чутьемъ художника безопибочно уловивъ складъ и характеръ чужого произведенія.

Третій абонементный концертъ г. Блейхмана доставилъ Петербургу новинку въ видъ давно написанной музыки Чайковскаго къ весенией сказкъ Островскаго — «Снътурочка». Не выдерживая инкакого сравненія съ chef d'oeuvre омъ г. Римскаго-Корсакова, расширившаго задачу и написавшаго на тотъ же сюжетъ цълую оперу, эти страницы безвременно покинувшаго насъ композитора, если

и уступають значительно всему, что имъ сдълано впоследствін, темъ не мепее интересны и привлекательны: на нихъ лежитъ печать свъжести и юпошеской непочатости. Въ очень хорошемъ народномъ колоритъ ныдержанъ хорь гусляровь; суровый гиподорійскій ладъ къ нему очень идетъ. Есть теплота въ теноровомъ почему - то монологъ Дъда Мороза, что, конечно, зимнихъ впечативній не даетъ. по не мъщаетъ нумеру быть краспвымъ, какъ абсолютная музыка. Мизъ антрактъ съ дуэтомъ клариетовъ и не лишена характера первая пъсня Леля. За то танцы куда менъс свободны и своеобразвъе того, что мы черезъ много лътъ услыхали отъ автора «Спящей красавицы». — «Сцена у ручья г. Блейхмана педурна и доставила автору рукоплесканія. Въ программъ еще быда эффектиъйшая увертюра Глазунова — «Карпаваль», а отрывокъ изъ 3 акта «Мейстерзпигеровъ» достойнымъ образомъ закончилъ этотъ удавнийся концерть.

Для полноты обзора надо уноминуть о нъ-

Соединенные хоры гр. А. Д. Шереметева и г. Архангельскаго выступили, подъ управленіемъ послъдивго, въ залъ Бредитнаго Общества съ превосходио - выполненой программой, интересно въ исторической послъдовательности обимающей развитіе церковно православной музыки, начиная съ древняго старообрядческаго пъпія и кончая Бортняйскимъ. Не менъе питересенъ, по програмть и исполненію, былъ второй концертъ г. Архангельскаго, посвященный въ первомъ отдъленіи передачъ сочиненій авторовъ сравнительно менъе знакомыхъ, кавъ то — Потулова Давыдова, Эсаулова и др.

Славно также сошель подь управленіемъ г. Беккера духовный концерть хора русской оперы; питересъ концерта усилился, благодаря участію солистовъ,— г-жъ Мравиной, До-

линой, г.г. Фигпера и Серебрякова.

Ивмецкое пвическое Общество при цернви св. Екатерины устроило подъ управленіємъ своего весьма знающаго дирпжера г. Гессельбарта новтореніе прошлогодияго удачнаго пслолненія церковной ораторін — «Seelig aus Gnade» А. Беккера. Заслуженный канельмейстеръ знаменитаго хора при Берлинскомъ соборѣ выказываетъ въ своей ораторін не безъпитересную попытку облечь суровый, древній хораль въ нарядъ новъйшаго музыкальнаго искусства. Солистами были кромѣ двухъ артистовъ (сопрано и тепоръ), скрывнихъ свои фамиліи, —г-жа Минквицъ и г. Клечковскій.

Другое тоже и вмецкое пъвческое Общество при церкви св. Петра и Павла исполнило, такъ называемый, «и вмецкій» реквіемъ Брамса, —сочпненіе съ очень сложной полифоніей, но вм'єств съ тъмъ совстять не такое мало-

доступное, чтобы безповоротно считать его автора въ числъ композиторовъ, занимающихся исключительно головоломными ухищренням, простому слушателю только страшными. Трудные хоры исполнены, какъ и весь реквемъ, точно и съ одушевленіемъ. Въ этомъ заслуга дирижера, г. Л. Гомиліуса. Заслуживаютъ похвалы солисты — г-жа Сушкова (сопрано) и г. Бартмеръ (баритонъ). Передъ началомъ г. Гомиліусъ сыгралъ отлично на органъ незначительный похоронный маршъ Штиля, а г. Ауэръ восхитилъ необыкновенно законченной передачей асладо Шпора.

Въ заключение нъсколько словъ о благотворительномъ концертъ г-жи и г. Фигнера, интересъ котораго поддерживался, между прочимъ, исполнениемъ многихъ отрывковъ изъ «Дубровскаго», новой оперы г. Направника, о которой мы сохрапяемъ за собою право поговорить подробно въ слъдующемъ нумеръ

журнала.

предвиности дълу.

Ладо.

Критикъ по праву.

(Замътка о Д. Коровяковъ).

Каждый разъ, когда приходится бесёдовать о сопременной критикъ, ненольно вспоминается известим французская поговорка объ ея дегкости. Самифранцузская поговорка объ ея дегкости. Самифранцузская поговорка объ ея дегкости. Самифранцузская давно провиклись убъдительностью огопорки и придають серьезное значеніе только такимъ критическимъ статиять, въ которыя авторы выбеть съ знапісмъ, опытомъ и начитанностью ввосятъ и ивчто самостоятельное, выражающееси если не въ новой, оригинальной точкъ зрънія на искусство, то, по крайвей мъръ, нъ искусство по прайвей мъръ, нъ искусство постоятельное вей убъжденности, въ искревней и серьезной

Мы не можемъ жаловаться на то, чтобы въ нашей литературъ было мило критиковъ, нослиджъ или посиншихъ такое название по приву. Русскал читающая публява вотъ уже более полувека оказывасть вритик'в особенное внималіе. Вы можете встрить даже такое митніе, -съ перваго изгляда кажущееся дикимъ, - что серьезвал критика на взвастное произведение важиве самого произведенія. Ова объясняеть читателю идею художестненваго труда, его красоту, жизнеппость и виаченіс. Это, копечно, утрировка. Мудрено защи-шать положеніе, что Шекспирь пиже коментирій о пемъ. Но въ этой утрировив сказывается исконное поклопение читающей публики передъ критикой. И мы съ вами можемъ безъ вашинки произиести десятка полтора вмень, заслужение пользующихся таким в исключительным унажениемъ.

Но, согласитесь, было бы повтореніем вощих в масть, если бы мы принялись довазывать, что ва среда художественных вритиков больная часть подавуется именно тамь, что la critique est aisée. Они выскизынають свои легкомысленным помажь болье ими менде распространенных газсть, ст. тыкой безинабанностью, стаким очевидным отсутствіем не только знаній и опыта, во даже простого вниманія и добросов'єтноств, что вопрось о правы их суда выступаеть симь собой.

И вотъ почему смерть критики, зислуженно

пользовавшагося правомъ печатно высказывать свои мивийя, произвела ва насъ особенно тяжелое внечатявие. Г. Коровякову многихъ пришаось при жизни обидъть. Эти обиды, разумъется, забывались скоро, такъ какъ сами обиженные рано ли, поздно ли вризвавали справедливость его осужденій. Да и осужденія эти не могли позмущить тъхъ, кто дъйствительно восилъ въ своей душъ стремленіе къ правдъ и красотъ, потому чго тъ же стремленія заставляли покойнаго критика безпощадно указывать на ошибки и гръхи передъ искусствомъ.

Его областью быль театръ, - для критика путь самый скользкій, діло, въ одно время, и очень легкое и очень трудное. Легкое потому, что имчего не можетъ быть легче, какъ указывать на ведостатки современныхъ драматическихъ произведеній и исполнителей ихъ. Трудное же потому, что истивый поклонникъ театра, одушевлеввый желанісыв его процвівтавін, старастся повсюду отыскать хоть проблески того въчнаго, на которомъ зиждется и искусство и человъческая потребпость въ немъ. Для того, чтобы указывать на педостатьи из такомъ доступномъ искусствъ, какъ драматическое, довольно уменія владеть неромъ и вемножко опыта. Но для того, чтобы сумыть отавлять важеное отъ излишествь, для того, чтобы указать артисту пли писателю, что въ вемъ истянво-творческаго, а что наноснаго п вздорнаго,для этого уже надо обладать и аналитическимъ умомъ, и шпрокимъ полетомъ фантазіи и знаніями.

Этими начествами и отличался покойный критикъ и ихъ ве отрицали въ немъ даже врагв, которыхъ у него, благодиря его дъятельностя, было не мало.

Передъ пами трв, оставшіяся послів него, книжкв. Вь одной изъ нихъ — сбордивъ візкоторыхъ статей по театру подъ общимъ заглавіемъ "Вокругь театра". Вст они пропиквуты той же зюбовью и предапностью дізлу, которыя руководили авторомъ даже въ менкихъ газетвыхъ статыкъ.

Двъ другія винги представляють еще болье цьиный вкладъ въ русскую литературу. Это единственная попытка привести въ систему и выработать паучныя основы для пріемовъ декламацін. Первая квижка называется "Искусство вырази-тельнаго чтенія" и одобрена Ученымъ Комитетомъ Мивистерства Народнаго Просвъщевія; вторая, какъ дополнение къ первой-"Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній. Собственно говоря, "попыткой" на-зналь свой трудъ самъ авторъ. Оъ нашей же точки вринія, въ области преподавний декламаціи (п докцін) едва ли ноявится скоро что-либо болье обстоятельное и разработанное. Кыкъ извъстно, г. Коровяковъ самъ былъ прекрасныть пренодавителемъ. Всегда виниательный визумчивый, опъ сумыть въ ясномъ, убъдительномъ и талаптянпомъ изложенія передать псе наиболю существен-пое изъ своихъ паблюденій и практики. Въ результат в получилось препосходное и единственное пока руководство для преподававія врактическихъ пріемовъ декламицін. Въ свое время мы дали подробный разборъ этахъ книжекъ въ отдълъ библіографін. Нами остается замівтить, что нив значение будеть внолик оциноно лишь внослидствии, когда пеобходи мость чистой и правильной русской рфии пропикиетъ въ сознапіе общества, когда преподананіе дикціп и декламащін будетъ признапо пе только на юридическомъ факультеть одного московского университета, но войдеть въ программу средвихъ учебныхъ заведеній, до тёхъ поръ много еще воды утечеть, по только тогда трудь г. Коровякова будеть оцинень во достоинству и стапетъ популярнымъ.

B. H.

Художественное обозрѣніе.

Символическое движение въ англійской жикописи девятнадцатаго въка служитъ предметомъ изследованія многихъ выдающихся критиковъ. Журналъ 11 Art посвящаетъ этому вопросу цълый рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ Peintres anglais contemporains. принадлежащих в перу Эрнеста III епо (Chesneau); недавно вышла въ Лондонъ обстоятельная монографія г жи Эстеръ Вудъ: Данте-Габрізли Россетти, гдъ собраны съ необыкновенной тщательностью всь факты изъ жизии знаменитаго главы Братства Прерафаэлитовъ. Интересъ критеки къ спаволической инколъ англійской живописи объясняется тёмъ, что до сихъ поръ символизмъ пграетъ значительную роль не только въ Англіи, но и на континентъ, и если не всв мечтанія молодыхъ идеалистовъ, членовъ Братства, осуществились въ жизни, всетаки дъятельность ихъ не осталась безслёдной, по оказала глубокое и сильное вліяніе на направление творчества и на развитие художественнаго ви уса. Одной изъ величай шихъ заслугъ этого «Братства» передъ всвиъ художественнымъ міромъ Европы останется, конечно, установление новаго, болье правильнаго взгляда на итальянскую живопись. Только благодаря горячей проповёди этихъ молодыхъ художниковъ исключительное и слёпое поклоненіе Рафаэлю уступило місто исторической оцінкъ, и только благодаря имъ открылась передъ нашими стазами напвная спра первых в платрянсьихъ мастеровъ и стала понятной несравненная красота Ботичелли. Уже одного этого

достаточно было бы, чтобъ англійскіе прерафазанты заслуживали впиманія. Однако пхъ значеніе еще не псчерпывается этой стороной. Еще болье интересно ихъ вліяніе на направленіе англійской живописи.

Посмотримъ, каково было начало этого движенія.

Въ 1828 году въ Лондонъ родился Данте-Габрізль Россетти. Мать его была урожденная Полидори, сестра того юнаго врача - ноэта, который быль связань тесной дружбой съ Байрономъ и Шелли. Отецъ, итальянскій поэтъпатріотъ, гонимый на роднив, нашель пристанище въ Англіи и завсь работаль надъ комментаріями къ любимому своему писателю, Данту. Семья Россетти такимъ образомъ представляла исключительно благопріятную почву для развитія таланта мальчика. Пятнадцати лётъ онъ поступилъ въ Royal Academy, но академическая рутина не могла удовлетворить его. Онъ оставилъ вкадемію, даже не достигнувъ натурнаго класса; между тъмъ къ этому времени относится великолбивый портретъ его отца (рисунокъ), напоминающій по силь экспрессін портреты Дюрера. Талантливый юноша не ограничивается живописью, напротивъ, трудности техническія какъ будто на время оттал. кивають его отъ этого искусства, онъ ищетъ другихъ способовъ выраженія тъхъ мыслей н чувствъ, которыя его волнуютъ, и начинаетъ писать. Среди поэтическихъ трудовъ этой поры есть не мало переводонъ. Для насъважно одно: Россетти переводить древнихъ итальянскихъ поэтовъ, пачиная съ Чіулло д'Алькамо, и такимъ образомъ знакомится сътой эпохой итальянской жизни, которая можетъ быть названа зарей приближающагося Возрожденія. Изученіе этого времени Россетти заканчиваетъ Дантомъ, и переводитъ его Vita Nuova. Въ 1846 году онъ пробуетъ свои силы на самостоятельномъ творчествъ, и пишетъ двъпоэны мистическаго содержанія.

Къ этой эпохъ блужданія и опытовъ относится знакомство Россетти съ мододыми художниками, тоже учениками Royal Academy. Молодежь группируется вокругь талаптиваго поэта — художинка, который скоро дълается душой пружка. Въ это время въ состивъ его входили: Гольманъ-Гентъ, Миллейсъ. Коллинсонъ, Стивенсъ и изкоторые другіе. Вооду шевляемые горячими ръчами Россетти, его восхищениемъ предъ творчествомъраннихъ итальянскихъ художниковъ, они ръшаются оснозать общество, носящее мистическій характеръ Братства. Въ это время еще не существовало розни между отдъльными лицами кружка, и даже ть, которые впослъдстви измънили ему ради выгодъ или просто за непивнісиъ уб'яжденій, наэлектризованные Россетти, приняли название «Оратьевъ».

Въ чемъ же заключалась программа Братства? Она была направлена противъ схоластическаго луха времени и носила характеръ чисто реформаціонный. Прерифавлиты возстали противъ условности въ живониси, и требовали наоборотъ, истины исторической и наблюденія дъй ствительности. Они ръшились посвятить себя самому точному, самому кропотливому наблюденію, для того, чтобъ на одна поза, пи одна деталь не страдала отсутствіемъ настоящей жизии. По это искание реальности не должно было убивать воображенія. Папротивъ, ему принадлежала главная роль, только фантазія должна была руководить художникомъ; по художникъ заимствовалъ изъ жизни точное знаніе реальныхъ формъ п движеній, и потому его фантазія никогда не теряла подъ собой почвы, шкогда не впадала въ сухую академичность.

Вотъ каковы были главиые догматы «братьевъ прерафавлитовъ». Къ этому времени относятси лучшие рисунки Миллайса, Гента и первые опыты самого Госсетти. Между тъмъ Академія ополчилась на Братство; его реформаціонныя стремленія встрътили съ ея стороны сплыный протестъ, который выразился прежде всего въ отказъ принимать на выставки картины «братьевъ». Эти гоненія навсегда отшатнули отъ академіи Россетти; когда впослъдствій его упращивали выставить какуюнноўдь изъ его картинъ въ залахъ Royal Academy, опъ непямънно отвічаль: «пыставлю тогда, когда буду застраховань отъ оскорбле

ній (J will send there when J can do so without being insulted). И такъ, академія лишилась картинъ одного изъ величайщихъ современныхъ художниковъ.

Мастерская Россетти была сборнымъ пунктомъ, куда сходились члены кружка. Издавался журналъ, Тие Gerni, служившій органомъ Братства, замъчательный журналъ, не въ то время мало извъстный обществу Здъсь сгрупппровались всъ лучшія силы кружка, отстивая свои взгляды, проводя новыя возгръчія на искусство. Большая часть статей принадлежала перу Россетти, въ иллюстрированій журнала принимали участіе Мэдоксъ Броунъ, Миллэйсъ, Гольманъ Гентъ.

Мсжду тъмъ Россеття все еще инкакъ не могъ остановиться окончательно на одномъ изъ искусствъ. Живопись влекла его къ себъ, но недостаточность нодготовки останавливала его и приводила въ отчаяние. Всъ совъты Медоксъ-Броуна и Гольмана-Гента не могли восполнить этого важнаго пробъла.

Наконець въ минуту отчания онъ покидаеть Лондонъ и иншетъ друзьямъ изъ деревни своего пріятеля, гдѣ поселился: «Безполезно говорить объ этомъ, я и: могу писать. Вы можете инсать, Гентъ тоже, и Миллэйсъ, но я—не художникъ. Это была иллюзія, простое безумство». Множество картинъ большихъ размъровъ были начаты имъ въ Лондонѣ, но ин одна изъ, нихъ ве была окончена. Его мучило сознаніе скоихъ недостатковъ, творческая мысль не находила себѣ подходящаго выраженія.

Въ тишинъ деревенской жизни Россетти понемногу успокопися и на досугъ принялся за цізлый рядъ небольнихъ акварелей (50 сант. 🗶 30 сант.). Сюжетами послужили мотивы изъ народныхъ преданій и пъсепъ, которыя всегда глубоко волновали Россетти. Эта знаменитая серін рисунковъ представляєть не мало погръщностей въ техническомъ отношения. Все еще видно неумбніе художника справиться съ контуромъ, и часто проскальзываетъ его усиліе передать въ точности свой замысель. По зато колоритъ этихъ акварелей поражаетъ своимъ необычайнымъ блескомъ. Овъ напоминають тъ яркія цвътныя окна готическихъ соборовъ, на которыхъ переливаются пурпуровые, янтарные и сапфирные тона. Россетти является въ этихъ картинкахъ величайшимъ колористомъ своего времени, и, выбств съ твиъ, поэтомъ, по своему настроению замъчательно подходящимъ къ художникамъ дорафаэлевскаго періода. Акварели были выставлены въ Лондонъ въ 1856 году и произвели громадное виечатлине. Среди нихъ уже находился первый эскизь знаменитой впосабдствій картицы Сонг Данта, хранящейся въ настоящее времи въ Ливериульскомъ музев. Въ 1858 году Россетти вивств съ членами бывшаго «Братетва» предприни маетъ декорпровавіе ствиъ Оксфордскаго литературнаго клуба, при чемъ сюжетъ фресокъ былъ запиствовань изъ народной энопен Смерть Артура.

Россетти становится центромъ цълаго общества художниковъ и поэтовъ; ему посвящаетъ Свинбериъ одну изъ дучинхъ своихъ драмъ. Россетти опять на времи весь отдается литературному творчеству и готовитъ къ печати сборникъ своихъ произпедений подъ заглавіемъ: Дантъ въ Веропъ и другія поэмы. ійны въ полномъ усдиненін въ своей усадьбъ Исинг Уока на берегахъ Темзы, опъ видъзси только съ избраннымъ обществомъ поэтовъ и художниковъ. Отличаясь полнымъ равподушіемъ къ славв и почестямъ, опъ также мало интересовался делами политическими, и только вопросы общечеловъческие находили въ немъ откликъ. Такъ, среди его советовъ находятся два стихотпоренія: Отказт народовт вг взаимной помощи и Царг Александрг II, содержание которыхъ испо выражено въ ихъ

Въ тишнит уединенія пронель Данте-Габріэль Россетти двадцать два года, нока смерть не ностигла его на 54 году его жизни.

Дъятельность Россетти, капъ художника, можетъ быть раздълена на три періода.

Къ первому періоду принадлежать его первые опыты и акнарели большею частью мистическаго содержанія. Ко второму (1860—1870) отпосятся картины, па которыхъ опъ изображаеть одну женскую фигуру, какъ аллегорію различныхъ чувствъ и настроеній. Извістию, что моделью этихъ картинъ служила жена художинна, такъ рано умершая. Здісь уже таланть Россетти достинаеть полнаго своего развитія. Четыре изъ нихъ заслуживають особевнаго внимания: Venus Verticordia, Monna Vanna, Sibylla и Monuanie.

Къ послъднему періоду дъятельности Россетти принадлежать картины съ сложнымъ содержаніемъ, гдъ мы видимъ масеу фигуръ. Таковы: Возлюбленкая, Звуки семи башень и наконецъ знаменитый Сонь Данта, оконченный въ 1874 году. Сюжеть картины заинствованъ изъ сочиненія Данта: Vita Nuova, и носитъ самволическій характеръ.

Во всжх картинахъ Россетти встржчается одна и та же основная черта: восторженное преклоненіе художника передъ красотой. Опъ ищетъ все новын и новыя воплощенія въчной красоты, ищетъ ее въ гордой печали Прозершны, въ задуминвости своей прелестной мечты (Lacly of the Day-Dream), въ холодности Діаны. Его картины, особенно нанисанныя между 1860—1870 годами, составляють одинъ мощный гимпъ красотъ.

Въ этой особенности его творчества сказы-

вается идеализмъ его природы; по мы можем в предполагать, что не равнодуще въ дъйствительности было причиной такого исключительно идеалистическаго творчества.

Когда эта двиствительность затрогивала его душу, онъ умълъ откликаться такими произведениям, какова его картина Найдениая (Found). Здъсь прежде всего поражаетъ исобычайная реальность и простота въ изображения одной изъ печальныхъ сценъ дъйствительности, ийтъ и слуда идеализаци, какая свойственна другногь картинамъ художинка. Тотъ же сюжетъ затронутъ имъ въ одной изъ его поэмъ, исполненной глубобаго состраданія къ падней женщинъ. Стъдовательно, не безсиліс передъ реальными картинани удерживало художника въ области идеальныхъ образовъ, но самия сущность его природы.

Какая судьба постигла между тъмъ Братство

Прерафазлитовъ?

Члены маленькиго кружка, задавшагося смъпонтавить віпедвидови атпийнки облади йог. живописи, были люди съ разными темпераментами и разными стремленіями. Энтузіасту Россетти и споковному, убъжденному Гольману-Генту удалось на время силотить кружокъ и виушить его членамъ одинаковые взгляды и вкусы. Но солидарность не могла устоять предъ напоромъ другихъ вліний. Не всъ члены кружка разділяли спокойное равнодушіе Россетти къ почестямъ и богатству; многіе изъ нихъ, увлеченные его горячей проповъдью, искрение присоединились къ братству, и потомъ такъ же искрепве оставили его, увлекаемые соблазивми славы. По даже тъ изъ нихъ, которые, какъ напр. Миличісъ, позволяють себ'в въ настоящее время насмъщливые отзывы о наивномъ и нылкомъ Братствъ, всетаки обизаны ему многимъ, можетъ быть даже самымъ ценнымъ въ своихъ произведенихъ. Только одинъ Гольманъ-Гентъ осталси въренъ завътамъ молодости въ требованияхъ правды вь изображенін жизви, и упорно поддерживаль основной принципь прерафавлитовъ. Уже въ 1860 г. Милляйсъ оставиль братство съ его тиранинческими требованіями, по нельзя сказать, чтобы его картины послединго времени выиграли отъ этого. Остальные члены Братства еще раньше отвернулись отъ Россетти, который такимъ образомъ остался одипокнять и покинутымъ тами, кому принесть столько пользы, указавъ серьезныя цъли искусства.

Справедливость требуеть однако отмітить тоть любонытный факть, что въ самомъ творщі Братства его первоначальныя иден претернічни больную эволюцію. Если въ началі своей діятельности члены кружки искали неприкрашенную правду жизви и для нея жертвовали даже историческими доказательстиами (какъ

напр. Миллэйсь, изобразпвшій Клеонатру подъ видомъ некрасивой курносой женщины), то въ дальвійней своей работь прерафаэлиты постепенно отказались отъ такого ригоризма и изъ поклонинковъ правды стали пъвцами красоты. Россетти также пережиль эту эволюцію и, какъ извъстио, въ дучинахъ своихъ картинахъ періода 1860-1870 годовъ изображаетъ всевозможные тины красоты. Только въ одновъ опъ остался реалистомъ, именно, въ предпочтенін англійскаго типа всемъ остальнымъ, и въ варіяціпхъ на эту единственную тему сумбаъ быть разнообразнымъ и оригипальнымъ. Но къ этому уклонению отъ первоначальнаго пути Россетти быль побуждаемъ глубокими духовиыми требованіями, между тъмъ какъ во всемъ остальномь и особенно въ горичей любки къ рацией итальянской жикописи онъ остался втренъ вкусамъ своей юности. Другіе же члены Братства отвернулись отъ него съ болъс корыстными цълями, и, что еще хуже, относились съ пропіей къкружку, такъ иного послужившему къ развитію ихъ даporanin.

Такъ распалось знаменьтое въ исторіи англійской живописи Preraphaelite Brotherhood, но тв вадачи, которыя оно выдвинуло съ юношеской увърепностью, до сихъ поръ еще интересують художниковъ Англіп. Одинъ изъ величайшихъ современныхъ виглійскихъ художниковъ, Вериъ-Джонсъ, дъятельности которато мы касались въ послъдненъ обозръціи, является прямымъ наслъдникомъ завътовъ Данте-Габріяля Россетти и талантинвымъ продолжателемъ его начинаній. Въ стилъ прерафаритовъ пиннуть также нъкоторые изъ повъйшихъ бельгійскихъ художниковъ, пногда впадая въ крайности, безъ чего, къ сожальнію, не обходитси никакая школа.

Однить изъ выдающихси событій въ художественной жизни Франціи за последнее кремя было круппое пожертвование Люксембургскому музею по завъщанию недавно умершаго художинка Кальеботта (Caillebotte). Пожертнонаніс состояло изъ инестидесяти шести картинъ, эскизовъ п рисунковъ первыхъ французскихъ импрессіонистовъ. Администрація Люксембургскаго пузея уже давно старалась восполнить пробъль въ своихъ залахъ, гдъ не было ни одного полотна, представляющаго импрессіонистское движение во Франціи. Въ настоящее время импрессіонисты заннан подобающее имъ мисто среди другихъ современныхъ школт, и направленій, дълающихъ Люксенбургскій музей живой автописью современнаго французскаго пскусства.

По поводу этого водворенія випрессіонистовъ въ музев, журналь L'Artiste останавливаетъ впиманіе читателей на копросв: чвиъ именно быль этоть первоначальный импрессіонизмь, пачала котораго отстоять оть нашего времени на цёлыя двадцать лёть? Теперь импрессіонизмомъназывають всякую пеожидиность въ изображеніи дёйствительности, но первые художинки этого направленія смотрёли на свою миссію гораздо опредёленнёе и серьезнёе.

Цъл вхъ могутъ быть подведены подъ слъ-

дующія категоріи:

1) они старались схватить непосредственное внечататніе, производимое природой, откинувъ всё условности, къ которымъ ихъ прічила школа;

 они хотъли изображать современную дъйствительность;

3) по отношенію къ техникъ, они отказывались отъ искусственности, доведенной до впртуозности, и стремились къ простотъ.

Таковы были догматы первыхъ импрессіопистовъ. Первый толчокъ этому движению дали англійскіе прерафаэлиты, которынь импрессіонясты подражали даже въ мелочахъ (напр. злоупотреблили фіолетовыми тонами), затъмъ сильное вліяніе оказало на нехъ искусство японское неожиданными комбинаціями цвътовъ и новизной комнозиціи. Уже такіе великіе художники, каковы Коро и Курбэ, стремились почти къ тому же, что выставили на своемъ знамени импрессіонисты; и для шихъ имъли большую привлекательность проблемы свъта и атмосферы; они изучали свътовые эффекты утра, нолудня и сумерекъ, борьбу свъта искусственнаго со свътомъ солнечнымъ или лунпымъ, воздушную оболочку предпетовъ близкихъ и дальнихъ и т. и. Но импрессіонисты пастойчивъе и опредълениъе выдълили эти проблемы изъ ряда другихъ и придали имъ первенствующее значение.

Коллекція Кальеботта содержить въ себъ многія изъ лучшихъ произведеній, созданныхъ этой школой. Къ числу ихъ относятся пейзажи Клода Монна, Пизарро, Ренуара. Семь пастэлей Дега свидътельствують о его выдающемся талантв какъ рисовальщика и колориста. Скромность Кальеботта не позволила ему присоединить свои собственныя картипы къ замъчательному дару; но Люксембургскій музей поспъщиль заполнить этоть пробъль, пріобрътя у наслъдинковъ одну изъ лучшихъ картинъ покойнаго художника, Les Raboteurs du parquet, возбудившую двадцать лътъ тому назадъ споры и педоумъпіс, теперь же ничего страннаго не представляющую. Такъ велика эволюція, совершившаяся за это кремя во

нкусахъ и взглядахъ общества,

Утрехтская выставка картинь старинных голландских вистеровь, недавно закрывшаяся носль и вскольких в мёсяцевь успёшнаго существованія, переносить нась оть жручих

нопросовъ современности въ спокойную даль прошедниаго, — славнаго, великаго прошедниаго маленькой Голландіи.

Аристократическій, спокойный Утрехтъ, играющій роль маленькихъ лень, желан доставить возможность иностранцамь изучить сокровища, хранящіяся въ городскихъ музеяхъ, недавно испросить у правительства разр'вшеніе учредить Общество покровительства родного искусства. Этимъ Обществомъ осенью пронізаго года устроена зам'вчательная выставка, носвищенная картинямъ старшиныхъ голландскихъ мастеровъ.

Выставка получила громадный интересъ въ сняу того, что внервые были собраны вст картины утрехтской школы, между которыми находились настоящие перлы. Основатель школы, Абраамъ Вломертъ, къ сожальнію, представленъ слабо, но зато выстанлены были прекрасныя картины Яна ванъ Скореля, ученика его Антоніо Моро, Яна ванъ Билера, чудесный портретъ Яна де Брай, ученика Франса Гальса. Вообще выставка свидътельствуетъ о томы, что въ то времи утрехтские художники зани. нались съ особенной любовью портретомъ, доведя его до высокой степени совершенстви. Второй отдель выставки, гдв собраны представители другихъ голландскихъ школъ, по своему значенію долженъ быть поставленъ инже предыдущаго, хотя среди выставленныхъ картинъ находятся картины Тепьера, Троста, Стена, Кюппа и другихъ. Главный педостатокъ второго отдъла — случайность въ подборъ картинъ: выставка не даетъ инкакого законченнаго внечит. Тиня, а представляется простымъ собраціемъ картинъ разныхъ художниковъ и разныхъ эпохъ. Именно цѣльность в законченность отдібла утрехтской школы и составляеть его главное досточнство.

Нигдъ, конечно, развитие художественныхъ вкусовъ въ публикъ и оригипальной итколы живописи не совершилось такъ быстро и неожиданно, какъ въ Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Еще пятьдесять эттъ тому назадъ не могло быть ръчи о самостоятельной американской живониси, и въ Бостоит и ижкоторыхъ другихъ художественныхъ пентрахъ, вся д'вительность художниковъ сводилась къ подражанію англійскимъ свътиламъ начала нашего въка; теперь американская ткола. примая наслъдинца французской живописи, особенно группы Варбизонскихъ пейзанистовъ, уже представляетъ не мало талаптливъйшихъ лъятелей и можетъ быть признана самостояповыевт.

Не меньшее развите получили художественные вкусы съверо-американской республики. Виъстъ съ тъмъ значительно возрасли музеи и частныя коллекціи картинъ, такъ что даже

десять лёть тому назадь нельзя было бы предположить о столь быстромь и значительномы
рость національных хранилиць лекусства.
Конечно, не малую роль играють въ этомъ ль
ль богатство страны и любовь американца ко
всему ръдкостному, по надо также признать
факть необычайнаго развитія интереса къживописи и стремленія создать для націи драгоцыныя коллекцій произведеній западныхь художниковъ.

Г. Бодэ, авторъ статьи: Alte Kunstwerke in den Sammlingen der Vereinigten Straten (жур-паль Zeitschrift für bildende Kunst), посътившій цёлый рядь музеевъ и коллекцій страны, обстоительно описываеть состоиніе этихъхранизиндь, при чемъ указываеть на тотъ фактъ, что пріобрѣтенію новыхъ картинъ мѣшаетъ въ послѣднее время экономическій кризисъ, тяготьющій нады страной. Бакъ только это обстоятельство будетъ устранено, американскіе любители спова завладѣютъ европейскимъ художественнымъ рынкомъ, в такъ какъ на ихъ сторонъ сила денегъ, то всѣ выдающіяся пронзведенія сопременныхъ художниковъ окажутся по ту сторону океана.

Особенностью американских коллекцій является незначительная роль, которую играють такь картины старинных в мастеровь. Большая часть их собрана въ музенх с веровосточных в штатовъ; эти музен образовались их коллекцій, пожертвованных частными лицами, и потому они не представляють пичего систематичнаго. Чёмъ старве такіе музен, тёмъ менёе интереса возбуждають они; въ послёдніе годы образовалось столько новыхъ коллекцій, въ составъ которыхъ входять настоящіе перлы современнаго творчества, что старые должны ступневаться передъ ними.

Изъ городскихъ музеевъ заслуживаютъ винманя старинный музей Бостона, гэллерея Историческаго Общества въ Иью-юркъ и великолънный музей Инкаго, воздвигнутый въ течене двухъ лътъ на средства, собранныя по

подпискъ (три милліона марокъ).

Собрание картинъ Нью-Горкскаго Historical Society составилось изъ пожертвованій Рейда Брайена и Дюра между 1858 и 1882 г. Всего въ музећ 838 картинъ, большей частью итальянскихъ и голландскихъ школъ. Находятся имена Брамантино, Маццолино, Цуккаро, флорентійскихъ художинковъ. Изъ индерландскихъ масте. ровъ достойны винианія: Рубенса портреть рыцари золотого Руна, картины Д. Теньера. Броувера. Къ нимъ присоединяются голландцы: Остада, Кюннъ, ванъ-де-Вельде, Вуверманъ, Моленаэръ, Кальфъ и другіе. Французы представлены портретами Шардэна, Лиргильера, Риго, Грёза. Какъ видно, музей не отличается отъ другихъ подобныхъ же газлерей на континентъ. Недостаточность его уже давно сознается городомъ, и въ настоящее время подъ руководствомъ Генри Марканда приступпли къ созданію столичнаго художественнаго музея въ одной изъ лучшихъ частей города. Маркандъ подариль повому музею свою коллекцію картинъ; ихъ всего 50, но зато каждая представляетъ громадную художественную цѣнность. Среди старвиныхъ картинъ отличается своей оригинальной красотой картина Роселли, Портинальной красотой картина Роселли, Портинары и его жеена, принадлежащая къ раннему періоду флорентійской школы. Великольпный портретъ Веласкеца, писанный самимъ художникомъ, нѣсколько картинъ ванъ-Дика и два мужскихъ портрета кисти Рембрандта входятъ въ составъ этой рѣдкой коллекціи.

Музей взящных искусствъ въ Бостонъ можеть служить образчикомъ того, какъ неразвиты были 50 лътъ тому назалъ художественные вкусы страны. Здъсь собраны произведения средняго разбора, итальянцы XIII въка, картины Бассано, Тинторетто, Пальма Джіоване, но не изъ лучшихъ. Хороши только два громадныхъ холста кисти Бушэ; изъ французовъ кромъ него есть двъ nature morte III арляна.

Громадную разницу видимъ мы въ только что открытомъ Art Institute въ Чикаго. Здъсь находятся великол'киные оригиналы Рембрандта, Франса Гальса, Остаде, Терборха, Яна Стеена, Гоббемы, Рюнсдаля, ванъ-Дика, исе сокровища пидерландскаго искусства. Если присоединить къ этому галлерею испанской живописи съ картинами Мурильо и Веласкеца и прекрасную коллекцію картинъ французской школы пятидесятыхъ годовъ, то получится грандіозное цвлое, которому можеть позивидовать любая галлерея Стараго свъта. Многія изъ картинъ, находящихся въ Чикагскомъ музев, были пріобрътены президентомъ его, и-ромъ Гетчинсономъ (Hutchinson) при распродажъ картинъ киязя Демидова.

Колденція частных в диць оставляють далено за собою всть городскіе музен, не исключая и Чикаго.

Частныя галлерен возникли сравнительно недавно. Существуеть обычай жертвовать послё смерти владёльца всё его картины и другія произведенія искусства городскому музею, такъ что эмериканскимъ коллекціямъ не гро-

зитъ распадение, какъ это часто бываетъ въ Европъ; онъ цъликомъ переходять въ собствевность страны. Стартишей и витстт съ тъмъ одной изъ самыхъ блестящихъ коллекцій является галлерея мистера Квинси Illoy (Quincy Shaw) въ Бостонъ. Ей могъ бы позавидовать не одинъ меценатъ Европы. Мистеръ Illoy при созданін своей галлерен не гонялся за именами: онъ собиралъ только картины дъйствительно прекрасныя. Только посттивъ эту замъчательную галлерею, можно понять вполив великое значение современной французской живониси, особенно вдохновенных в поэтовъ раукаде intime; здъсь находятся лучшія картины Коро, Тройона, Руссо, одна картина Добиныи, но можеть быть лучшая изъ его созданій; болье 100 картинъ, рисунковъ и пастелей Жана-Франсуа Миллэ представляють такое сокровище, какого не найдень въ самой Францін; этотъ ридъ произведеній пеличайшаго изъ французскихъ художниковъ нашего времени показываетъ ясно все превосходство его пидъ другими современными художниками. Въ газдерећ мистера Illoу находится сравнительно мало произпедецій античныхъ; они принадзежать по большей части кисти итальянцевъ XIII въка.

Вънью-Горкъ славится коллекція Гавемейера; здъсь находится богатое собраніе картинъ Рембрандта (цълая зала). У Гавемейра тоже можно найти столь любимыхъ американцами французовъ, между прочимъ прекрасныя акварели Бари. Точно также другіе Нью - Іоркскіе меценаты прежде всего позаботились о пріобрътенін картинъ французской школы, преннущественно группы Барбизона. М. Стюарту-Синту принадлежать иногіе пойзажи Тройона п Добиньи; въ рукахъ м-ра Гарленда находятся выдающіяся картины Жюля Бретона. Всв вышеназванныя произведенія были пріобрътены въ послъднія десятнявтія на аукціонахъ Стараго Свъта. Всъ они современемъ перейдутъ въгородские музен и сдълаются собственностью страны. Надо полагать, что и другія выдающіяся картилы современныхъ художниковъ черезъ нъсколько времени окажутся по ту сторону океана, и европейцы будутъ принуждены вздать въ Америку, чтобы изучать величайшихъ европейскихъ художниковъ нашего въка.

Выставка нартинъ въ гор. Ригъ.

Во второй половина декабря открывась выставка устроена рижскимъ Фоществомъ поощренія художествъ—памецкимъ ферейномъ, ютящимся въ городской картинной галлерев, — и помащается въ актовой залъ Политехническаго училища. Главный контингентъ картинъ состоитъ изъ произведеній мастныхъ, прибалтійскихъ художниковъ, съ сильнымъ преобладаніемъ акварели; болье пли менье случайнымъ подборомъ отличаются картины русскихъ экспонентовъ и за граничныхъ германскихъ художниковъ.

Изъ нослъдиихъ особеннымъ вниманіемъ пользуются полотна Макарта. Выставлены въ оригинадахъ: «Борьба Лапитовъ съ кентаврами» и затъмъ пять картинъ на сюжеты «Нибелунгова перстия» Вагнера, эскизъ «Дама въ паркъ» и картинка «Жемчужина». Какъ всъ картины Макарта, «Борьба Ланитовъ» цвътетъ красками; великольнень контрасть ивжныхъ бълыхъ женскихъ тълъ и броизово красныхъ мужскихъ; въ картинъ бездна грубоватой, согласной сюжету, но плънительной жизнерадости. Всв особенности Макартовскаго ношиба сказываются въ его плаюстраціяхъ къ «Нибелунгову перстню», написанныхъ т. н. гризалью (grisaille), съ преобладаніемъ строй краски, выборъ которой оправдывается туманною фантастичностью сюжетовъ. Рисунка и свътотъни въ этихъ картинахъ пемного, - но настроенія въ композицін и колорить — бездна. Въ «Плачь дочерей Рейна» фигура урода Альберпха, похищающаго рейнскій кладь, безобразна, а фигуры русалокъ почти безформенны, — но въ позахъ, выражающихъ недоумъние и отчаяние нимфъ, много правды и красоты; тоже можно сказать о позахъ великановъ, дерущихся за кладъ («Фафиеръ и Фазольдъ»); лучше всего «Зпгмундъ и Зиглинда» — tour de force мастерской позировки: дицъ совстиъ не видно, но по энергическому повороту головы Зигмунда и по безсильно-покорной и стыдливой позъ Зиглинды зрителю сразу уясняются основныя черты изо-

бражаемыхъ типовъ. Очень исбреженъ рисунокъ двухъ остальныхъ картинъ: «Битва Зигмунда съ Гундингомъ» и «Брунгильда и Зиглинда», но изъ невообразимаго хаоса рукъ и ногъ въ первой картинъ мало - по - малу складывается впечатавние ожесточеннаго боя, а фигуры объихъ женщинъ на второй картинъ прекрасно передають ощущение ужаса передъ неминуемымъ гивномъ сверкающаго модніей Вотана. Менве удачны картины «Дама въ паркъ» и «жемчужина»; первая — какая-то совершенно неправдоподобная, фарфорово - прозрачная особа среди невъроятно-пестраго пейзажа; съ мечтательной идеалистической позой второй дамы (т. н. жемчужины) мало гирмонируеть тяжелый, пасыщенный свътомъ, малиновый, матеріалистически роскошный колорить ея одбянія. () Макартъ необходимо судить по оригиналамъ; какъ Вагнеровская музыка безъ оркестра, на фортешано, Макартовская живопись теряетъ всякую красоту въ репродукціп; послёдния пе страшна объективнымъ и потому болбе строгимъ въ рисункъ художинкамъ, но не такимъ поэтамъ полутъней, полутоновъ и, словомъ. настроеній. — Ръшительный контрасть представляють въ сравнении съ этими холстами картины Каульбаха (Вильгельма), съ ясновыраженной въ нихъ разсудочной тенденціей. съ рисункомъ правильнымъ, но холодноватымъ, колоритомъ блестящимъ, но, что говорится. «зализаннымъ». Прозой несеть отъ этого идеализма; корошъ, выразителенъ Каульбаховскій меланхоликъ «Торквато Тассо», но театральноманерна сцена двухъ шиллеровскихъ королевъ. на картинъ «Елизавета и Марія Стюарть». Далье, изъ нъмецкихъ классиковъ-живописцевъ фигурируетъ нейзажикъ Андрея Ахенбаха «Морской видъ» (1865 г.)—тяжелое, бурное море со свинцовымъ туманомъ, производящее виечатлине какой то сосредоточенной силы, - въ своемъ род'в, шедевръ!

Исчисленными картинами исчерпывается классическій, такъ-сказать, отдёль выставки (мож-

но упонянуть еще о прелестной, матово - серебристой, очень теплой по колориту и настроенію картинъ Чеккпии «Лупная почь въ Вепецін»). Большее число выставленных в картинъ и акварелей (все число нумеровъ, по каталогу, — 153) приходится, какъ упомянуто, на произведенія м'єстных художинковъ. Выдающихся картинъ масляными красками немного; особенно бъденъ жанръ. Много вниманія привлекаеть жипровая картина Липгарта «ДБТскій баль», представляющая на первомъ планъ нарочку свътскихъ дътей въ костюмахъ прошлаго въка; очень удались художнику и веснусчатое, преждевременно-старческое, лицо рыжеватаго мальчугана, а въ особенности-беззавътно-веседое, смъющееся личико дъвочкимаркизы; очень бойка по инсьму дамочка въ модной тальмочкъ и съ крылышками à la Walкуге на шляпкъ, на картинъ Остоя де-Гасвскаю (sic) «На прогузкъ»; прекрасно, очень выпукло, выписана корова на картинъ баронессы Врангель «Пригонъ стада»; много вффектиаго освъщенія, напоминающаго фламандцевъ, «Въ коровинкъ» Анны фонъ-Валь. Но указанными картипами и исчернаны вст талантливые жанры м'встиыхъ художинковъ. - Другое дъло - нейзажъ, представленный довольно богато и почти исключительно-акварелью. Эти анкирели, въ большинствъ, натересны: сочны и изищны по колориту и поэтичны по содержанію. Особенно много работъ барона Розеиа. отличающагося разносторонностью въ выборъ сюжетовъ для нейзажа. Прелестна его икварель «Въ еловомъ лъсу», въ которой мытко схвачены эффекты свътло-зеленой болотистой почвы прибалтійскихъ еловыхъ люсовъ и чахоточный румянецъ съвернаго заката; въ акварели «Подъ водопадомъ Учансу» много пастроенія: краски все бледивють полосами оть передняго плана нъ фону (сперва скалы, потомъ зелень, потомъ песчаный берегъ, потомъ море, и, никонецъ, батаное небо), такинъ образомъ акварель производить внечатление тихаго, замирающаго аккорда; ибчто вродъ такого же постепеннаго замиранія красокъ замбчается и па другой акварели того же художника, «Ночь на взморьв», съ исчезающимъ въ отдалени парусомъ, какъ самволомъ романтическаго томаенія (Selmsucht); наобороть, много реалистической жизперадости въ акварели г. Розена «Гельсингфорсъ», съ массою золотыхъ солиечныхъ банковъ на живой ряби хорошо выписанпой воды. Изъ дальнъйшихъ пейзажныхъ акварелей хоропів работы Винтлера: «Въ парк'ь» и «Зимній видъ»; первая хороша эффектомъ долговизыхъ, безпомощио - одинокихъ и наивныхъ березокъ; во второй очень выразительны тяжелонатые, свинцовые тона сибга и холоднаго зимняго воздуха. Очень изященъ «Этюдъ облаковъ» Гефтлера, съ граціознымъ эффек-

томъ легкой тъни отъ облаковъ, бъгущей по освъщенной солицемъ земав. Везусловно интересна на выставкъ nature morte. Замъчательно поэтична картина «Васильки» Миріи Дюкерь, разсыпавшіеся изъ лубочнаго кузовка; и кузовокъ, и цвъты милы и идилличны. Но и здёсь преобладають акварели, изъкоторыхъ особенно хороши пупистые «Персики» и «Гриб. ное ивсто» Ридковского — сочная, полная жизии акварель, передающая мастерски бархатистый налетъ молодого, свъжаго и крънкаго боровика; следуетъ упомянуть еще оживописнорастренанныхъ «Пэоніяхъ» Казапцева. Въ паture morte рижской выставки уже очевидно преобладаніе русскихъ художниковъ: мъстные, судя по этой выставит, спльны липь въ акварели и пейзажб.

Лучшіе жанры и почти всв нейзажи масляными красками принадлежатъ русскимъ экспонентамъ. Много жизперадостнаго юмора замътно въ картинъ Пелевина «Подъ защитой» (бълесыя девчонки на кухие держать на коленяхъ кошку, на которую лаетъ собака); краски веселы и жирны, — такъ и несетъ отъ нихъ съйстнымъ запахомъ кухии; рисунокъ строгъ и правиленъ. Выразителенъ старый «Молящійся еврей» Галкина, со страдальческими глазами ндеалиста и реальнъйшимъ краснымъ носомъ чувственника; широко и бойко выписанъ «Французскій каменщикъ» Алекспева—въ фигуръ есть и мускульная, и нервиая эпергія. Трутисью выставиль «Семейство прибалтійскихъ рыбаковъ» (слушающихъ воскресную игру на скринк'в главы семейства); если бы не были замътны стараніе подчеркнуть страдальческое выражение на лицахъ отдыхающихъ тружени--ивенсве» йыриндинт отого тепрещей «зализанная» манера письма, то названный жапръ быль бы очень выразителень. - Всъ большін полотин также и въ сферъ пейзажа принадлежатъ, какъ сказано, русскимъ художникамъ. Еюрновъ выставиль «Нормандскій берегь» съ великольню выписанной прибрежной колной и эффективии брызгами; эта волна жинеть - катется, и въ ней чувствуется стремление кверхъ, къ гребню отдъльныхъ струй; отъ этого нейзажа въетъ свівжестью и мощью. Прелестень «Последній аккордъ» Серппева-входъвъзанущенный паркъ, съ потухающимъ зимнимъ, изжелта-зеленоватымъ закатомъ въ отдаленін; пейзажъ дъйствуетъ на настроение, какъ изысканное лирическое стяхотворение Фета или Тютчева. Въ такомъ же родъ — голубоватая, иемпого условная, «Зима» Кондратенка, съ развалинами замка, — пейзажъ настроенія, колорита, но не рисунка. Изъ пейзажей болье реалистическаго пошиба хорошъ «Петровскій дворецъ въ Ораніенбаум'я» Казаписва — съ тихой заводью; эффектъ прозрачной воды среди болотной заросли переданъ превосходно. - Прівзжіе

русскіе экспоненты отличнянсь и въ акварельномъ нейзажь; великольна по ясному колориту бльдная, ясная и тыхая «Осень» Писемскаго, съ бездной свъта и воздуха, съ нервной жизнерадостью того настроенія, какое иногда чувствуется въ тихій осенній день, когда природа стремится лихорадочно униться послъднимъ тензомъ, нослъдними лучами лъта. Очень хорошъ «Отдыхъ рыбаковъ» Прокофрева, съ лиловыми тонами заката и воды, ласкающими зръніе и нередающими внечатлъніе глубокаго и тихаго вечерняго покоя.

Мы отмътили наиболже характерные, лучшіе экспонаты, составляющие украшение выстивка. Много есть и просто-порядочныхъ работъ. Клеверь ныставиль «Зимий нидь»; сосны стереоскопически-рельсфиы, съ мастерски переданною камазною игрою льдинокъ, но пріввшійся эффектъ грубо-краснаго заката портитъ все внечатавніе. На картинь Ладыгина «Фрегать Владиміръ Мономахъ» вида очень ужъ грузна, но и въ ней, и въ фрегать чунстнуется движеніе. «Развалины замка Клинонъ» Тальянскаго были бы очень хорошей картиной, если бы композиція не напоминала декорацін нап олеографін: очень ужъ изысканы и красивы эти рунны, слишкомъ ужъ ярко отражающіяся въ нрудъ. Картина Серинева «На ополиць» очень педурна (чумацкій возъ, проъзжающій въ тъпн ветлы), побольше солнца и контрасти тъни и солица на дорогъ - и картина быллабы превосходна. «Божій челов'вкъ» Кошелева слишконъ елеенъ (особенно это замътно въ фигуръ толстой, собирающейся перепреститься, боярыии), чтобы вполив удовлетворить зрители; а частности, между тъмъ, превосходны (глиза юродвваго, фигура старой инньки, фаянсовая нечь въ глубинт). Есть на выставкъ и картины, претендующія на импрессіонизмъ и символизмъ; такова «Весна» Рискіевича: между двумя подосями грубой синей и зеленой краски, изображающими небо и лугъ, виситъ, совсъмъ на воздухь, ярко-бълый, донольно выразительный и хорошо нарисованный, бычекъ съ задраннымъ кверху оптимистическимъ хвостомъ; надо много думать, чтобы догадаться, что это бычекъ аллегорическій, вонлощающій весеннее настроеніе природы, а небо и земля нарисованы только такъ, изъ списхожденія пр тупости зрителя пе-импрессіописта! Въ нъкоторыхъ картинахъ, какъ нодится, недостяетъ техники, въ другихъ жесодержанія; такъ, въ акварели Сейтюфа «Последній лучь» взять превосходный мотивь (дрожаніе закатнаго луча на юной березкъ въ глубинъ прачной словой аллен), но мотивъ этотъ трактованъ слишкомь эскизно, — въ картинъ же Тальянскаго «Кузница» великольно вырисованы аксессуары (наковальня на переднемъ иланъ), фигуры же кузнецовъ вялы и безжизнешы, какъ манекены. Въ общемъ, такля, просто порядочная, «средняя» картина преобладаеть надъ ученическими й бездарными работами (есть и такля) и поддерживаетъ общее впечатлъне отъ выставки на изнъстной художествевной высотъ.

Выстанка пользуется вполив заслуженвымъ успъхомъ; рижская публика посъщаеть ее охотно (кое-что и покупаеть), ивстная пвиецкан и русская печать относятся къ ней съ полнымъ вниманіемъ. Художественной выставки въ подобимкъ большикъ размеракъ въ Ригъ уже давно не было: пъсколько лътъ тому назидъ была акварельная выставка; изръдка бывали маленыкія выставки картинъ отдільныхъ художниковъ; завозилъ сюда, напримъръ, въ 1890 г. свою «Первую ночь въ гаремъ» г. Сухоровскій. Выставка картинъ, устроенвая нынъ рижскимъ Обществомъ поощренія художествъ, является первымъ прупнымъ событіемъ къ художественно-истетической жизви Риги въ неріодъ послъ прівзда сюда русскихъ «передвижниковъ», въ первой половинъ 70-хъ годовъ. Тогда выставка не вивла того успъха, на который разсчитывали нередвижники, и они уже перестали заглядывать въ Рису. Съ техъ норъ, однако, художестненная нотребность развилась и созр'вла: последняя рижская выставка является уже продуктомъ мъстной живописи, пеподоволь, въ теченіе многих ь л'ять борющейся съ преобладаність музыки, привлекающей исключительныя сизнати мъстнаго ивмецкаго населенія.

На основанін всего вышесказаннаго, можно сделать следующие выводы. Местное искусство находится нока еще въ зародышь: процвътаеть лишь пейзажъ, да и то въ видъ акварели, п вдобавокъ трактующій сравнительно мало м'ьстную природу (только одинъ Винклеръ выставиль целый рядъ поридочныхъ акварелей съ картинками Эстаяндіп). Во всякомъ случав, географическое положение Риги облегчаеть наилывъ сюда картинъ сразу и изъ Россіи, и изъ-за границы. Потребность уже пробуждена и будетъ мало-по-малу усиливаться и разростаться: пройдетъ немного времени, и какъ ивменкіе заграничные художники, такъ и паши «передвижники» сообразять, что Рига можеть стать нонымъ рынкомъ. Тогда-то можно б удетъ ожидать выставокъ очень большихъ и очень интересныхъ, въ высшей степени пріятныхъ. полезных в поучительных в, какъдля мъстных в художниковъ, такъ и для всякихъ испренцихъ любителей и цвинтелей изищныхъ искусствъ.

Всеволодъ Чешихинъ.

Корреспонденціи.

Варшава (от нишего корреспондента). Самыин выдающимися явленіями въ нашемъ музыкальномъ міръ, за послъдніе два мъсяца, нужно, безъ сомевнія, назвать концерть г. Стапислава Барцевичи, трю наъ такихъ артистическихъ силъ, какъ г-ка Кохъ, гг. Зайнъ и Грюнфельдь, и въ то же время, въ театръ, гастроли знаменитаго баритона, г. Ваттиствии. Игра г. Барцевича извъстна Москит; он в быль 15 или 16 леть тому назадъ восинтанникомъ Московской консерваторін, ученикомъ Фердинанда Лауба и г. Гржимали. Первому изъ няхь опъ, гланнымъ образомъ, обя-запъ сялой и полпотей топа, благородствомъ и стильностью исполненія. Безъ сомивнія, эти прекрасныя качества, несьма характеризующія игру нашего виртуоза, находятся въ зависимости и отъ субъективныхъ особенностей его художественной натуры. Два концерта — Мендельсова и Венявскаго, ношедшів нъ программу его вечера, были превосходно исполнены, благодаря также и хорошему выбору аккомпаніатора въ лиць г. Урштейна; во они мвого все-таки потеряли безъ оркестра. Г. Барденичь обладаеть превосходной техникой, ero spiccato неликольнею, пассажи изумительно чисты и отчетливы; исъ трудности преодолаваются легко и спокойно-увтренно; отъ каждой ноты въеть теплотой и сердечностью. Давай онъ чаще концерты, онъ могь бы лучше познакомить насъ со неей силой своего таланта и пользовился бы такимъ же громаднымъ успахомъ ит Европъ, какниъ пользуется теперь въ Варшань. Пофядка его въ Въну дала хорошіе результаты; но, къ сожальнію, ненаходинный импрессаріо, г. Кугель, ангажировавшій его въ Вівну, не суміль пригласить на 1-й концергъ выдающихся музыкальныхъ критиковъ; и вотъ, хотя отзывы въиской нечати были въ пользу г. Барцевича, во усибхъ опъ имвать только наполовину. Въ текущемъ сезоив Музыкальное Общество познакомило насъ съ бер-линскими скриначами. Первый изъ нахъ, г. Вла-

диміръ Мейеръ, слишкомъ расхвиленный мъстиыми рецеизевтами, оказался заурянымъ скрипачемъ, въ игръ которато все аккуратно и правильно, но изтъ ви экспрессіи, ин особенной техники. Наобороть, г. Зайцъ весьма солидный артисть: въ его исполнении отлично соедивнются достоинстна школы съ серьезвостью и глубиной повимавія. Его передача чаконны Баха была образцовая; не менве законченно сыграль онь арабанду изъ скрипичной соваты того же автора. Но истивнымъ наслажденіемь для насъ было всполвеніе знамеинтаготріо B-dur (ор. 97). Бетховена, г-жею Кохъ. гг. Зайцъ в Грюнфельдъ. Такого художестненваго ансамбля, такой тончаншей и необычайно ясной отдёлки деталей мы еще не слыхили, да думаемъ. и въ самой Германіи, глв камерная музыка процвътаетъ, его нельзя было бы причислить къ ежсдневнымъ явленіямъ. Г-жа Кохъ, какъ солистка, пролвила большой механизмъ, но вытстт съ тъмъ отсутствіе элементовъ мягкости и пъжвости при исполнения рансодів Листа, в въ особенности пре-дестной berceuse Шопена. Г. Грюнфельдъ легво, весело и изящно исполнилъ итскольно игривых в проязвеленій: "Vito" Поппера, "Zur Guitare" Мошковскаго и т. п.

Теперь перейдемъ къ театру, къ гастрольмъ г. Баттистини. Петербуржцамъ и москвичамъ хорошо знакомъ этотъ превосходный представитель сопременнаго вокальнаго искусства въ Италія. По стило исполневія овъ намъ отчасти напоминаетъ братьевъ Решке, — въ особенвости г. йана Решке. Его баритопъ ве громадной силы, по образновое умѣвье имъ владѣть позволяетъ артисту провзводить внечатлёніе даже въ роляхъ, требующихъ большой экспрессіи. Умѣнье иѣгь и дикція, доведенная до высокой степени совершенства, дастъ ему возможность чрезвычайно эффектно выражать всъ моменты партін, если не силой голоси то мастерской фразвровкой и чулеснымъ владѣніемъ рійпізвіто, — особенность вокальной техни-

ки, гдв овъ не им веть сопервиковъ. Легкость и свобода его вокал изацін папомивають намь Мазини. Г. Баттистипи выступиль только нь трехъ роляхъ: въ "Эрнани" (Донъ-Карлосъ) – два раза, въ "Африканк в" (Нелюско) и въ "Фаворитк в" (Альфовсъ)-по разу. Если бы овервые спектакли обставлялись только такими велечинами, какъ г. Баттиствия, ови доставляли бы высочайшее эстатвческое наслаждение. Но конечво, это невозможно ни на какой сценъ, а тъмъ болъе на нашей, средства которой весьма ограничены. Зданіе нашего театра, хотя и красино, во мало вивстительно: при возвышенных в цінахъ сборъ не превосходить двухъ тысячъ рублей. Одновременно съ г. Батинстини выступали две артистви: г-жи Бопанлата (сопрапо) и Гуарини (меццо-сопрано). Первая изъ нихъ, хотя обладаетъ хорошей школой и симпатично поетъ и вкоторыя партін. - не отличается ни силой голоса, ни особеннымъ темпераментомъ. Последняго гораздо больше у г-жи Гуэриви, которая и голосомъ, и вгрой-болье или менье подходила къ розямъ, нъ роде Амперисъ; но и ея достоинства, какъ артиотка, долеки отъ сопершенства; въ ел вокальной и сценической манерв пе мало угловитости, вредящей делу. Какъ бы тамъ пв было, однако, мы почаще желыли бы слупать првинд, подобных двумь принспазваннымь. Съ другой стороны желательно было бы нозможно ріже слышать такихъ теноровъ какъ г. Кардавзли. Представьте себь тепора съ несьма маленьвимъ и самымъ ординирнымъ голоскомъ, все вреия поющаго открытыми звукаии, и вы почувствуете до какой степени подобнаго рода пъніе дъластся неспоснымъ, песмотри на пеоспоримыя музыкальвыя и драматическія способности, какими обладаетъ пъвецъ. Болъе спосепъ былъ г. Кардинали въ дебютной роди Оттело, въ техъ ен містахи, гда меньше изнін и гда на первомъ плана декламаціовные пріемы нь выраженія свльных порывовь страсти. Въ "Эрнани", жиденькія поты г. Карлиналь особение непріятно неражали: бѣднаго тевора погубило учистие въ томъ же спектаклъ г. Баттистипи; коптрастъ бызь прямо разителенъ. Но справедливость требуеть сказать, что и пъ этой оперв у г. Кирдинали есть и всколько удичпыхъ моментовъ.

Итакъ, словомъ, итальянская спера у насъ вообще процистаетъ. Что же каспетси польской оперы, то въ течепіе двух в послідних в втъ ставять только два пишихъ національныхъ музыкальносценическихъ произведенія—,,Гальку" и "Страш-ный дворъ". Благодаря сюжету, взятому изъ ниродвой жизви, прекраспо обрисовывающему картины домашинго быта нашихъ предковъ, картины, общензвъстныя и существующія понынь, а также благодаря удачной инструментовкъ и ловко написавнымъ ансамблямъ-вторая изъ только что названныхъ оперъ Монюнки все болбе и болбе двластся вонулярной. Арія, прерываемая остроумвымъ боемъ "куравтовъ", явлиется казовой для тепора. Въ пастоящее время, за уходомъ изъ театра артиста г. Мышуги, се съ успъхомъ поеть г. Чаркецкій, — п ввень, хотя и не облагающій хорошемъ голосомъ, по поющій сь большимъ чувствомъ и поинманісыв. Басовую партію весьма удачно піль въ этой оперів вовый артисть г. Ковальскій; ее же равьше превосходно исполняль г. Василенскій, служащій теперь въ Большомъ московскомъ театръ.

Описывал музыкальную и театральную жизив Варшавы, должень быль бы я еще сказать изсколько словъ о нашей консерваторів; но, къ сожальнію, ся діятельность въ текущемъ осаовъ вичьмъ особенымъ не обнаружилась. Ученическіе нечера, віролтно, пачнутся внослідствін. Пер-

вынь выдающимся фактомь, касающимся пашей консернаторін, быль уходь изь вся изв'ястнаго Петербургу профессора панія г. Тромбини, методъ котораго пе принесъ никакихъ опредъленныхъ резумьтатовъ. Вторымъ же фактомъ, достойнымъ особаго вниманія, было вснолненіє профессоромъ консернаторін г. Станиславомъ Брикнеръ сонаты Бетховена ор. 106. (fiir Hammerclavier). Къ чести артиста следуетъ приписать, что его исполнение такой серьезной вещи не только не утолило нублику, но финальная фуга, мастерски сыгранная, особевно вовравилась и возбудила сенсацію. Г'. Врикиеръ былъ ученикомъ нашей консернатории, (по классу проф. Стробля); два года слустя после окончанія курса опъ брамъ уроки у Лешетицкаго. Другой ученикъ этого посавдияго, г. Генрихъ Мельцеръ, педавно даль у насъ концертъ; онъ обнаружилъ хорошую технику и темпераменть, который требуеть еще пакоторой выдержин для того, чтобы его игра была болье художественной и заковченной.

Въ заилючение, въсколько стовъ о повыхъ произведениях молодыхъ нашихъ композиторовъ. Къ числу весьма талавтливых композиторовъ нужно причислить молодого г. Стоенскаго, который въ пастоящее время уже наинсаль сонату для фортеніано и скринки, оркестровую сюнту и концертъ для фортеніано. Кром'т того, весьма витересными выд пінисопком вотопкав зачоф он вимприви п фортеліано г. Романа Статковскаго. Его ор. 16-"Six pieces", op. 15,—"Chansons libres", a raune ор. 18, - "ldylles" - полны чарующей прелести. Очель хорошъ и его "краковьякъ" для скрипки. Затыль, бывшій ученикь Петербургской консерваторіп- скрипачъ г. Эмиль Маыпарскій, въ настоящее время состоящій прэфессоромъ Одесскаго музыкального училища, издаль весьма интереспыи пьесы, изъ которыхъ "Humoreskes" (ор. 4) и "мазурки"-заслуживають особаго винманія.

Fisis. Вильни (стъ нашего корреспондента). Нашъ злополучный театрильный вопросъ, кажется, на дияхъ, паконецъ булетъ разрішенъ окончательно: г. пиленскій губернаторъ обратился съ отвывомъ въ городскую управу по вопросу о постройкъ новаго зданія для виленскаго театра или о перестройкъ пыпъ существующаго. Выло-бы чрезвычайно странно, если бы дума спова ръшила тратить перупныя суммы на ремонть уже ветхаго театральнаго здавія в не пришла бы, ваконецъ, кървинтельному убъкленю, что для г. Вильны веобходимъ образцовый драматическій театръ, принамая его не только носиятательное, по даже и политическое значеніедля всего стверо-западиаго края. Д. Ела выні: шиой драматической трупны идутъ очень хорошо, благодаря тому, что за последнее время поставлено было несколько известныхъ новивокъ, и сборы все время вполнъ удовлетворительные. Съ боль: шимъ удовольствіемъ приходится отметить тотъ фактъ, что г. Незлобинъ чрезвычайно ввимательно относится къ учищимся, ставя спеціально для пяхъ утревніе спектавля по общедоступной ціль... Репертуаръ за послышее время состояль изъ слыдующихъ иьесъ: "Старый барии» (бен. Стрыльскаго), "Горнозаводчикъ" (2 раза), Цыганка Завда", "Силетин" (2 раза), "Первая муха" (2 раза), "Клубъ хо-лостиковъ", "За монастырской стівой", "Ева", майате Saos - Gène" (3 раза),, Кинт" (2 раза), "Левъ Гурычъ Сипичкинъ", "Двъ съротки", "Плоды просвъщения" (2 раза), "На кизневномъ виру", "Жепитьба Бълугина", "Горе отъ ума" (безплати. утрен. спектакль) "Испорченная жизнь", "Жаворонокъ", "Флиртъ" и иък. др. Напболъе интересными для Вильны

новипками были пьесы: "Горнозаводчикъ (бен. г-жи Комиссаржевской), "Madame Sans-Gène" (бен. г-жи Алексвеной) и "Плоды просвъщенія", ком. Л. Н. Толстого. Г-жа Комынссариевская для бенефиса выбрала пьесу Ж. Онэ, гдв выступила въ сильно драматической роли Клары. Исполнениемъ этой трудной роли молодая артистка еще разъ доказала, что они обладаетъ ве только комическимъ, по и драматическимъ талантомъ. Въ пгрв ея есть задушевность, грація, простота и каждая роль отделана и облумана ею до мильйшихъ деталей... Успіхь ся въ этяхь родяхь громадный. Пьеса "Madame Sans-Gene", пер. г. Горша, поставлена была па пашей сцент впервые въ бенефисъ г-жи Алексфевой и по ви вшпей постановки эту пьесу можно назвать одвой изъ самыхъ удачныхъ въ ныпашнемъ сезона.. Слабовата была режиссерская часть. Исполнители отнеслись къ свомиъ ролимъ внимительно, но сфера, а также характеры изображаемых чицъ и эпохи не виолив попяты нашими аз урами. Г-жа Алексвева, исполиля роль Катривъ, показаль себя опытной, хорошо читающей свои ро-. Ли артисткой, но въ каждомъ ся движеній, въ кажаомъ словъ сквозила веестественность, чувствовалась не француженка-прачка, а бытовая русския актриса, съ ръзкими маверами и движенія-ми. Г. Незлобинъ въ рожи Наполеона былъ похожь на этого полководда только по гриму. Прекрасно исполниль свою роль Лефевра г. Бравичь, педуренъ были и г. Мурскій въ роли Нейпера... Остальные артисты способствоваяя дельноств впечататия выесы.—Пьеса Л. Н. Толстого готовилась къ постановки около 2 къ месяцевъ и съ самаго переого спектакля привлеким въ театръ мыссу публики. Исполнение пьесы далеко нельзи назвать безукоризненнымъ, ово имело песколько водевильный характеръ, въ который внадали многіе исполнители... Правда, всв пртисты отнеслись вполит добросовъстно къ своимъ розяхъ, старательио выучили ихъ, по все-таки общаго инсамбля не было, такъ какъ многія рози пьесы были поручены артистамъ пли второстепеннымъ или же даже пивющимъ самое смутное представление о драматическихъ розяхъ. Трудвую роль Тани исволвала г-жа Тираспольская довольно типпчно, по порой вам'ятно было, что артнотка какт-бы поддельвалась подъ народный гоноръ и скорће вапоминала интеллигентную барышью, переодстую горинчиой... Г. Незлобинь, въ ром Вово, шаржпроваль. Хорошо были сыграны г - жами Комиссаржевской и Алексвеной роли Анны Вавловны и Бетси. Очень педурно исполняль роль старика Зв'явдиндева г. Стрильский. — Три мужива вышли довольно типичными только по гриму, и исполнени гг. Мурскаго, холми-на и Каменскаго. Прекрасно исполнялъ роль и исполнени гг. Мурскаго, Холмипрофессора Кругосвътова г. Бравичъ, выдержавъ общій типъ, съ уменіемъ оттвинъ всё характер-ння черты профессора-спирита. Недуревъ былъ г. Авчаровъ-Эльстонъ — въ роли Григорія. Во всякомъ случа в при всехъ подостатках в исполненія, постацовку "Плодовъ просвіщенія" на виленской сцепъ нельзя не припатствовать уже потому, что даже, при сравнительно слабомъ ансамбля, пьеса нибла громалный успихъ. — Г. Нероновъ поставилъ въ свой бепефисъ пьесу В. Азександрова-,, На жизненномъ пиру", гдъ очень хорошо исполияли роль Сидора Горемыкипа. Роль Нелли съуспеховъ сыграла г-жа Тираспольския. Пьоса гг. В. Крылова и Величко "Перпая Муха" была поставлена въ бенефисъ почтенной артистки г-жи Карпенко, гдв она сыграла маленькую роль Пелаген. Вило исполняль роль книзи Чембарскаго г. Незлобивъ. Г-жа Комиссаржевския въ

роли Аппы Охрименко была очень педурна, хоти роль эту нельзя назвать вполий удачной въ ем псполнении. Труппа постепенио начинаетъ привлекать псе болие и болие публики. Рождественскій рецертуаръ состояль изъ пьесъ, уже пгранныхъ въ течени сезопа.

Вытегра (Олонен. губ.), 5 декабря къ намъ прибыла изъ Петербурга труппа подъ управленемъ И. П. Дриго. Въ составъ труппы вошля: г. Дриго (простакъ), г-жа Катеривичъ (героння), г-жа Васвльева (опер. н водевильная) г. Молчановъ (любовнивъ и оперет. комивъ), г-жа Карская-Теньковская (опер. и драматическая старуха), г. Поселский (резонеръ), г. Кузнецовъ (фатъ), г. Ратьковъ (вторыя роли). Режиссеръ г. Молчановъ Репертуаръ спектаклей былъ слъдующий: "Маскота", "Разбитая жизпъ", "Чайный пиътокъ", Чаролъйка", "Каширская старина", "Зеленый островъ", "Маскарадъ", "Что тякое любовь", "Фаустъ на изнанку". Труппа правится публивъ, которан охотно посъщаетъ Соединенное собране, гдъ ставятся снектакли. Сборы отъ 60

до 150 р.

Кіснъ (отг нашего порреснонденна). Посяв нашей корреспонденціи за севтябрь (№ 42 "Артиста"), діятельность містнаго оперпаго театра представила ряда перемень въ личномъ составе труппы, при полномъ почти отсутствін существепныхъ обогащеній заиграннаго репертупра. Единственной повой для Кіеви оперой остается до сихъ поръ "Искатели жемчуга" Бизэ, поставленная еще 26 сентября безъ особеннаго усивха. Въ этомъ произведения чувствуется перо комповитора талантливаго, но неуспъвшаго еще отыс-кать истянное свое призвание. Немаловажнымъ влементомъ веуспъха уполинутой оперы является илохое зыбретто. Драматическій витересъ пьесы сводится къ одной ситуаціи, къ поэтической картинь финала первого двиствія: мы говоримь о художественно задуманной сценв Леплы, моляшейся за "искателей жемчуга", разсиянныхъ влоль морского берега. Остальная часть фабулы состопть изъ самыхъ избитыхъ драматическихъ мотиновъ: два друга, влюбленвые въ одну и ту же кезнакомку, - весталка, нарушающая обътъ испорочности, - побъда великодушія падъ порыномъ ревности и мстительности;-все это давно уже превратилось въ ходячую монету опершыхъ текстовъ. Самое живописвое по сюжету первое двиствіе оперы является вместе съ темъ и самымъ удачнимъ по музывъ: дуэть Надира и Зурги красивъ в полонъ вастроенія. Основная его мелодія, въ стиль гимин, играетъ впоследствін роль лейтмотива", служащаго для характеристики таинственной личности девственной герсиви оперы. Вокальная баркаролла Надира, оригипально тармонизовинная, очень удачно подходить къ ситуаціп; это едви ли не лучшій нумерь оперы и чуть ли не едипственная вполнъ экзотическая страничка партитуры, ныражения въ своеобразной маперв настоящаго Биво, со свойственною ему смвлостью гармовических оборотовъ. Въздальнъй шемъ развити оперы вдохновение автора замътно падаетъ; чувстнуется усиле и борьба съ неблагодарнымъ либретто. На ряду съ попытками новизны встричаются мейерберовскія вокальныя кадещін, всилывають кое-гда многочисления ремпиисцеицін изъ "Фауста" Гуно, равно какъ и грубые штрвхи малыхъ пиструментовъ à la Верди. Въ предпосизаней картина творчество Биза подымается снова въ тепломъ аріово Зурги, которов отличается искренцостью, напомпвающею местами шумановскій диризмъ. — Обильная хорами и песложная по количеству солистовъ (3 отвътственныхъ ролд) опера Бияя была у пасъ весьма хо-

рошо исполнена, при участін г-жи Маршадъ, гг. Борисенко и Вивоградова. Она выдержали 5 представленій, хотя давала слабые сборы, которые являлись вирочемъ кроническимъ фактомъ текущаго сезона. Полные сборы стали получаться лишь съ возобновлениемъ гастролей г. Медведева. Этотъ любвиедъ кіевскихъ неломановъ позиратился въ намъраньше предполагавшагося срока, а имевно- уже со времени открытія опервыхъ спектаклей после траурнаго перерыва. Въ день 14 ноября, когда было получено разръшение на нозобновление спектаклей въ частныхъ театрахъ, у пасъ была поставлена "Жизвь за Царя". Правпльные оперные спектакли вачались одного лишь съ 21 поября, такъ какъ наследвики Сетова находились за грани цей во время перерыва представлевій. Оперный театръ открыль свои двери при песколько измененномъ составе труппы. Супруги Рязновы выбыли изъ персонала; еще раньше ушелъ г. Преображенскій (въ началь октября); г-жа Зыбява оставила сцену после двухъ неудачных в дебютовъ (въ "Трубадуръ" и "Гугенотахъ"). Въ начиль октябри міствая опера очутилась такимъ образомъ нъ критическомъ положении, quasi безъ драматического тенора и сопрано. Гг. Рядновъ в Морской выбивались изъсиль, всполвия самын разпородныя теноровыя партів. Последній изъ пазванных в присовр выказываеть впрочемь явпую скловность къ радякальной перемінь ямплуа; условія его голосовых в средства требують нынь папія а ріала чосе и преимущественно въ высовомъ регистръ. Сильныя партіи становятся поэтому наиболье подходящиме для г. Морского. Но прије г. Раднова сводитси импр къ декламацін и parlaudo. Артисть владветь этими сторонами вокального исполнения очень искусно; но качества эти сами по себъ, не уравновъщенным достаточными данными по части голосовыхъ средствъ, очевидно непригодны для сцены. После возобновленія опернаго сезона г. Рядновъ уже не появлялся на подмоствахъ: одвовременно удалилась также и г-жа Джубелливи-Рядиова, приглашевнал, какъ слышно, па частную оперную сцену въ Москвъ. Кром'в г. Медв'ядева, послъ 21 ноября, къ намъ вернулась прежвяя наша примадовна г-жа Астафьева. Эта опитная и влад вющая обширнымъ драматическимъ репертуаромъ п'ввица продолжаеть польвоваться заслуженными успахомъ. Къ партіямъ, впервые ею исполненнымъ у нась въ текущемъ сезонъ, относятся Горислава въ "Русланъ" (поставленномъ до сихъ поръ всего 1 разъ) в Елисаветы въ "Тангейзеръ". Г-жа Астафьева сохранила при этомъ и прежигою свою роль въ оперъ Вагнера (Венера); "Тангейверъ" идетъ поэтому въ Кіевь при страиномъ совмъстительствъ, вы которомы лей діаметрально протавоположныя энчвости санвантся въ образводной и той-же исполинтельницы. Что сказиль бы ни это нокойный байрейтскій дактаторь? Нескотря ва наличность въскольки хъ другихъ пъвицъ, вашей труппъ пе хватаетъ настоящаго ларическиго соправо. Прошлогодияя г-жа Забълю не явшла собъ въ текущемъ сезонъ падлежащей приемищы. Глухой медіунт г-жи Маршадъ преплествують успашному исполнению партий не слишкомъ нысокихъ и сложныхъ въ вокилизаціонномъ отношеніи. Півица, приглашенная на мъсто г-жи Веселовской, г-жа Каралаева, имветъ навболье шансовъ въ качествъ иввицы колоратурной. То-же самое приходится сказать и о двухъ другихъ певвцахъ, уступающихъ предылущей по техникъ-г-жахъ Будковичъ и Сътовой. Еще болве ощутилельный пробыла обнаруживается въ менцо-соправной группъ персонали; между нимъ вътъ драматической пъвицы. Г-жа Корецкая выказала свою несостоятельность

по этой части въ партикъ Филесъ и Далилы. Упадокъ голосовыхъ средствъ усложилотся у этой артистки постепеннымъ усиленемъ детонировавіл: въ оперъ Сепъ-Санса г-жа Корецкая не проязила ин мальйшей пгры, вссмотря на счастливыя вевшша даяныя, которыя столь важны въ этой роли въ смыслъ спенической иллюзін. Г-жа Корецкая сравинтельно ведурпо справляется лишь съ такими партіями, въ которых з можно руководствоваться болье вли мен ве прочио установленной рутиной (Карменъ, Амнерисъ). Гастроли г-жи Борги, участнонавшей недавно въ 6 спектакляхъ. показали ваглядно, какан громадиля разница существуетъ между условвымъ шаблопомъ я художественнымъ сценическимъ творчествомъ. Талаптликая иностранная артистка развернула поразительвый темпераменть въ ролихъ Кармэнъ и Амперисъ; сцена судилища въ "Авдъ" била проведена г-жей Борги съ захватывшощей свлой драматвческой экспрессіи. Но едва-ли не самой изящной ея ролью сабдуеть считать Далилу; пргиства вложили въ эту партію массу тонкихъ оттывковъ, оставаясь все время безукоризненио граціозной, пластичной и художественной. Передача данной роли произвела глубокое внечатавніе, хотя мы им вли въ минувшемъ сезонъ весьма недожнивую Дилилу въ лице г-жа Сювнербергъ Вслыдствіе педостатка спыжести голоса, вокальное исполнение г-жи Борги олазывается по необходимости пиже урошни ея мимического и актерского искусства. Тъмъ не менъе и въ пънія артистии отражается темпераменть въ соединении со школой

Кіенское отділевіе Императорскаго Русскаго Музыкального Общества почтило память покойнаю А. Рубивштейна спеціальными двумя спифонвческими концертами, состоявшимися 3 и 5 лекабря по одной и той-же программы, составленной исключительно изъ произведеній знаменитаго композвтора, столь неожиданно оплакиваемаго музыкальнымъ міромъ. Оба концерта были даны при переполненномъ залъ городского театра подъталантанных управленіомъ А. И. Виноградскаго Въ программу вошли: 1) симфовія "Океанъ" (въ 1-й релакція, изъ 4 частей); 2) музыкальная ха-рактеристяка "Донъ-Кихотъ"; 3) 4-й фортеніавный концерть, (г-жа Друкерь); 4) отрывокъ для меццо-сопрано и хора изъ оперы "Месть" (г-жа Корецкая) и 5) 4 восточных в нумера изъ оп. "Фераморсъ" (оркестръ). Публика отнеслась несьма горачо къ канельмейстеру свифонического оркестра; не менье лавровъ выпало п на доли талант пвой пілвистки—г-же Друкеръ: въ ея игрь чувствовался рубивштейновскій размажь и значительный артистическій темпераменть. Предстоящее первое кнартетное собравіе я встнаго отавлеыя И. Р. М. О. будеть также посиящево памяти Рубинштейна. За пультомъ первой скриски по-явится новый преподаватель музыкальнаго училица г. Гиппауфъ, приглашенный изъ Германів на мъсто г. Салина.

В. Чечоттъ.

Купянскъ, Харьк. губ. (отъ нашего корресмондента). Въ Купянскъ, небольшомъ уъздвомъ
городкъ (3500 жит.), уже лътъ иять существуетъ
Общество любителей сценическаго искусства. Это
Общество, въ ознаменование бракосочетания Ихъ
Императорскихъ Величествъ, съ дозволения начальства устроило безилатный спектакль для бъдвыхъ
жителей города. Такъ какъ заль городской думы,
въ которомъ объкновенно бынотъ спектакли, не
великъ, то приготоилено было только 300 билетовъ, которые и были даны для раздачк волостному старшинъ и гг. любителямъ, и бялсты въ
одинъ день были разобраны. Саросъ на билеты со
сторовы крестъпнъ увеличивнося все болъе и бо-

л'ве; къ городскому староств (который состоитъ предсидателемъ Общества), явлилось множество крестьявъ, которые предлагали даже плату (отъ 25 к. до 50 к.). Полинансь даже въ продажь фальшивые билеты. Въ день спектакля, 6 декабря, почти всіз члены Общества съ самаго утра были осаждаемы просъбами крестынь достать "билетикъ". Види со сторовы крестьянъ такое сильное желавіе пропикнуть въ спектакль, сами любители сильно заинторесовались предстоящимъ спектаклемъ. Режиссеръ любительскихъ спектаклей (г. Николаевъ), говоритъ, что опъ не помнитъ ни одного спектакля, къ которому участвующе готовились бы такъ дружно, котораго ожидали бы сь такимъ нетеривнісмъ. Явилосьмиого городскихъ жителей, которые предлагали большую плату за входъ на спектакль. Но кромв крестьянъ и члевовъ Общества нъ театръ викого не было. Была поставлена вьеса Квитка - Освовыненка-, Сватиння на Гончаривци". Въ день спектаки къ зданію думы съ 4 часовъ стали собираться массы пароду, такъ что еще было роздано 75 билетовъ; но все-така оставалась громадная толпа, воторан стоила завсь до ковца спектакля. Мужики и бабы сидъли на скамьяхъ, при чемъ соблюдалась замівчательная тишива. Надо было видъть съ какимъ любопытствомъ и удивлевіемъ разематривали заль, занавъсь и слушали духовую музыку. Передъ вачаломъ спектакал былъ исполневъ любителями народный гимнъ "Боже, Царя храни!" Когда поднялся занавісь, то крестьяне вванио были ошеломлены видомъ каты, плетня и простого мужика. "Якъ же це все такъ, якъ у насъ на сели... вприо индкуплени паши мужики". Но это метніе скоро разстялось, такъ какъ мужики не умкють пъть подъ музыку, а тутъ, какъ полтъ, такъ и играютъ... "Невже це паны ка-жуть, що въ голову прыйде? ил, мабудь раньше навченя, бо дуже складно кажуть... "Ръшивши эти вопросы, зрители со вниманісят наблюдали происходившее у вихъ передъ глазами. Кажется, у каждаго изъ нихъ сердце забилось отрадно подъ сврымъариякомъ, каждый вспомпиль свою молодость, забыль мелкое, подчась ожесто чающее горе, и предался здоровому, корошему ситху и веселью. Неудержимый хохогъ сопровождаль появленіе каждаго новаю лица, каждую сцену. Какой-то гуль стояль отъ непрерывнаго смъха, такъ что нграющіедолжны быле выжедать по нѣсколько минутъ, чтобы вхъ слова быле слышвы. Каждый чувствоваль себя веудержимо весело и смёхомъ выражалъ свое удовозпетвіс. Разко бываеть, чтобы какая - ввбудь пьеса проходила съ такимъ оживлевіемъ и производила такое сильвое впечатление па зрателей. Присутствующие еще не давали себъ отчета во всемъ видънвомъ, а только старались не пропустить ни одного слова, ни одного жеста. Всъ драматвческія м'юста пьесы (прощаніе Олексія съ Уляной, просьба послідней не разлучать ее съ Олексіемъ) сопровождались сильвымъ емъхомъ: "какъ же это парень и хівка всснародно целуются, обимпются, кака же это вдруга дъвка всениродно становится на кольни и просить солдата заступиться за нее . Во все время соблюдалась заивчательная тишина и поридокъ, крестьяне сами останавливали другь друга, потому что каждому хотьлось все видъть и слашать. Поредъ ихъ глазами разыгрывалась драми, столь обычван из ихъ средь: быльую дыку неволять выйти за богатало дурака, и жаль матери дочь за дурви отдавать. Но зато овъ богать. Отецъ нев всти пьяница, послыднее изъ дому тащитъ,такъ хоть какую набудь помощь получить отъ зятя. Тугь же страдиеть парень, мобивший девку, опъ бъднякъ и не видать ему счастья. Все

это крестынинъ наблюдодъ въ жизви в вдругъ то же самое видить передъ глазами на сценъ; все, что есть у него въ душъ хорошаго, пробудилось, онъ забылъ свою трудовую, полную терпънія жизнь и чувствовиль себя легью, свободно и весело. Вся жазнь мужака, все дорогое, пережитое, родное съ самаго дътства представляется ему вт. сменномъ виде, и удивляется муженсь, откуда это наны знають, что у нихъ все такъ делиется, наи они подслушали, или ужъ Богъ знаеть, какъ они все это узнали. Последній актъ. когда богатый дурачекъ получиль отказъ и дело ръшилось въ пользу бъдияка Олексія, особенно поправился мужикамъ. Х хоть стояль непрерывный: когда дурачекъ обратился въ дъвкъ съ приказаціемъ "колупать печь", то півсколько голоссяв ват плочика выразнии свое несочувствие дураку словами: "та бый его!" Когда дівка преподнесла дурачку гарбузъ, а Олексію хустку, такъ то н дъло слышились восклицанія: "оть такъ дивка! молодець! такъ Стецькови и треба; колы у его глузду (разума) нема, такъ що зъ его грошей!.. " Очень сильное впечатажніе произвель заключительный танецъ кизачка подъ скривку и цембалы. Запивісь у наль при громинхь крикахъ "ура!" "Отъ бясь его зна, та й хорошо-жъ грають! Отъ хоть бы ще, цилу ничъ седилы, та все слухалы и Боже жъ хорошо!" Только и самшим были по-добныя восклицанія. Одина престарѣлый крестьянвиъ выразнаъ свое удовольствіе такими словами: "Отъ якъ бы завтра ще таке эробызы, щобъ дарыты молодыхъ, такъ мы бъ и карбованця не пожилилы бъ, краще на свое сватания не цишлы бъ.!" По всему видно было, что спектакль произвель на зрителей самое отрадное впечатленіе; на лицахъ уходящихъ престьянъ была написана радость и глубокая благодарность за то, что имъ показали его же собственную жизвь, хату, улиду и проч. Между прочимъ, мужики были очень удинлены перемъпою декорацій: то вдругь была улица, потомъ хата, и печка, и столь, "какъ это опи сдилали ужъ пикакъ не второпаемъ" (не поймемь). Крестьяне ожидають другого спектакля въ скоромъ времени и зарапъе просять "билетика" себв и своей семьв. Любители, заслуживающіе искренней благодарности, въ этотъ разъ играли лучше, чемъ когда-нибудь (быеса эта идетъ въ Купянскъ пятый разъ); каждый изъ участвуюшихъ чувствовалъ себя свободно и сознаваль, что овъ дълаеть хорошее дъло. При неудержимомъ сыбхв такой громадной толим в самому невольно хотьлось сменться, разоваться, принять участие въ этомъ народномъ праздинкъ: такія чувства волновали каждаго изъ зрателей и тъмъ болье исполнителей. Особенное участие въ устройствъ этого спектакая принималь Г. Феногеновъ (председитель Общества), режиссеръ г. Наколаевъ, который исполняль роль Прокипа Шкурата, г. Ерохинь, прекрасно исполнившій роль Стецька и Рудевко, залушение и просто сыгравшій роль Олексія. Женскія роли удачно были исполнены г-жами Любарской и Николаевой. Постоянно стаин полобные спектакли и переходя къ болъе серьезному репертуару, можно принести громалную пользу развитию престыннява. Театръ представлиетъ для мужика безплатное удовольствіе. Стонтъ оно сравинтельно недорого: описываемый спектакль купянскому Обществу любителей обощелся иъ 40 руб., но въ антрактахъ мужикамъ и бабамъ нодавалось угощение - пвво, пироги, конфекты в пряники. Пьеса знакомить ярителя съ новою жизнью, расширяетъ его умственный круго. зорь, ноображеніе, намять в другія духовныя силы. Въ развити крестьявина театръ служитъ сильнымъ помощинкомъ школы; отъ сонмъстной

ихъ д'явтельности зависятъ будущое русскаго простолюдина. Право, это такое корощее д'яло, падъ которымъ стоитъ много потрудиться.

Одесси (от нашего корреспондента). Музыкальный сезонъ у васъ въ полномъ разгаръ. Мъствое отдъление Императорскаго Рус. Муз. Общества первое сделало починъ, давъ нъ Аудиторін концерть въ пользу фонда капитала имени Чайковскаго. Въ ковцертъ этомъ впервые выступиль вновь приглашенный преподаватель игры на скрвикъ г. Млынарскій. Помимо очевь хорошо сыграннаго имъ ковцерта Тартини и "berceuse" Чайковскаго, онъ по единодушному требованию публики, сыгриль своп два сочиневія: "половонъ" в "саргіссіо на славинскія темы" (насколько мила первая изъ двухъ вещей, настолько вторая мало иптересна). Г. Мамиарскій, обладан широкимъ смычкомъ, полнымъ тономъ, стиленъ въ игръ, не лишень огонька и совершение своеобразваго задора, сказавшихся особенно въ исполнение его "половаза". Канитальнымь пумеромь вечера быль септеть Ветховена, весьма стройно и тонко сыгравный въ первыхъ двухъ частяхъ и не достаточно срецетованный вы последней, где волторна постоянно отставала. Г. Млынарскій показаль себя очевь хорошимъ псполнителемъ ансамблей, и участнуя какъ первая скринка въ септотъ, и, вывсть съ віолопченистомъ, преполавателемъ муз. классовъ г. Вульфеусъ, въ Шумановскомътріо, фортепівнную партію котораго прекрасно провсяв г. проф. Климовъ. Музыкальный кружовъ Аудиторін даль 11-го декабря вечерь, посвященный памяти А. Г. Рубипштейна. Для начала г. Петровскій прочель біографію великаго артиста. Затымь пачалось исполнение сочинений чествуемаго композитора: оркестръ любителей, подъ управлепісмъ доктора г. Цівновского, исполняль симфонію "Окепнъ"; нісколько любителей и любительппав пъли романсы, г. Млынарскій мастерски сиграль романсь, а г-жа Лиховецеръ, окончившая муз. кнассы (у профессора Климова), съ большимъ успахомъ испознила труднайший 4-ый фортеліавный концерть подъ довольно нлохой аккомпаниментъ оркестра; къ любителямъ вирочемъ певоиможно предлявлять слишковь строгихь требовацій. Сборъ быль полный.

Антреприза Городского театра сдапа нывъ на совершенио новыхъ основаніяхъ Товариществу гг. Супруненко, Гордъева и Бедлевича. Городъ даеть гожовой оркестрь съ дирижеромъ, хоръ, костюмы хористамъ, всю обстоновочную и бутафорскую части; Товарищество, съ своей стороны, поставляеть артистовъ, балетъ, костюмы на вихъ, обязуется дать весною 25 спектаклей русской оперы и уплачиваеть городу пять тысячь въ месять. Открытіе севона постідовало 4-го декабря. Шла "Жидовка" Галеви и провзнела весьма хорошее впечативние превосходнымъ авсамблемъ. Правда, звъздами мы не богати (Одосскій театръ и не въ состояни илатить за ихъ ангажементь), но артисты прекрасно сивлись, голоса ихъ подходять другь къ другу, и всь, даже самыя мазенькім партін, исполенются вполей прилично. Главныя роли въ рукахъ г-жи Барнальбы, гг. Дю-ро и Сабелико. Г-жа Барнальба пъвица опытная, съ большимъ голосомъ, пъсколько тусилымъ въ среднемъ ого регистра; поетъ артистка недурно и въ вгръ есть темпераменть. Г. Сабелико - басъ: у него не особенно сильный звукъ безъ упора на дыханін, вслъдствіе чего являетси пеустойчивость звука) но артистъ этотъ очень музыкаленъ, поетъ связно, мягко и хорошо фразируетъ. Г. Дюро (теноръ) очень понравился. Обладая не особенно сильнымъ голосомъ, отчасти глухимъ въ среднемъ регистръ, звучнымъ в красивымъ въ перхнемъ, опъ пре-

краспо поетъ и, не прибъгая къ немузыкальнымъ ферматамъ, такъ излюблениямъ итальянскими артистами средней руки, производить большое впечатлъніе горячностью и искревностію исполненія. Жаль только, что г. Дюро, въроятно изъ желанія сбереть голось, позволяють себі: не піть вы ансамбляхъ, которые оттого спльно страдаютъ. Недуревъ г. Мастробуоно въ маленькой роли Леопольда и придична г-жа Траунеръ въ партін привцессы. Хоръ изъ 60 человъкъ вызвалъ громъ рукоплесканій своимъ превосходнымъ исполненіемь, полнымь звуковыхь оттыковь. Оркестръ, часто грамившій противъ точности и доброкачественности интонацій, сталь пеузваваемъ. Дирижеръ его, г. Прибикъ, не только слъдить за артистами, даная имъ свободу, но и уметъ оттвипть и отділать каждую фразу; ему въ особенности принадлежить честь общаго стройнаго исполненія. Затімь до Новаго года были поставлены оперы: "Сонамбула", "Трубадуръ", "Сенильский Цирюмникъ", "Эрнани", "Лючія", "Фра-Діаволо", "Риголетто", "Норма", "фаустъ". Въ нихъмы познакомились съ другими исполнителями. Колоратурное сопрано г-жа Угатъ, совершенно молодан дввушка, обладательница соловыпнаго, мягкаго, ровнаго во всъхъ регистрахъ голоса, илущаго до верхинго ті. Поетъ она легко, просто в щеголяетъ прекрасной колоратурой, за исключепіемь троли, не особенно ой еще удающейся. Г-жа Ребуффини-сопрано сильное, ръзкаго тембра. совершенно разбитое, при полномъ отсутствій среднихъ потъ (артистка пользуется грудными нотамв до средняго la вульгарваго оттвика) и совершенномъ неумвили ивть-мальйшая гамма, затрудвяеть ее. Меццо-соприно г-жа Кучини имбетъ большой, красивый и очепь обширный по діапазону голосъ, къ сожальнію весьма мало обработанный; поеть страстно, но дикціей похнастать не можетъ. Гепоръ г. де-Стемге съ свлынымъ голосомъ восового оттенка и средней обработки, артисть съ огонькомъ. Баритопы: г. Полли - старый знакомець; пінець умный, утратившій уже голось, по умило справляющійся съ его остатками; г Урбивати — заурядный крикунь, странию любящій ферматы; г. Пессива-првець, создавшій въ Миланъ (La Scala) заглавную, роль въ Вагнеровскомъ "Морякъ-скитальцъ", прекрасно фразирующій, облагающій стилемь, но подчась насколько детовирующій. Чіми больше его слушаешь, убілждаешься, что это и певець, и актерь первоклассный. Ип въ одной роли артисть не повторяется, поеть благородно и искренно, изумляя подчись той мягкостью, которая слышится въ звукахъ этого превосходнаго, могучаго голоса. Вторые басы: гг. Вентурини и Де-Пробицци не лишенные дарованія и г. Фіорини-недурной комикъ. Большой успъхъ имъла первая быерина г. Восси, песьма миловидная, легкая и очень граціозная. Дъла Товарищества ндутъ пока блестяще: за 10 первыхъ спектаклей оно взяло около 20 тысячъ рублей. Къ постановки готовятся: "Гамлетъ" Тома, "Король Лагорскій", "Самсонт и Далила". — О яннарских ковцертахь нь следующій разв. Въ школь г. фонъ-Рессель было два ученическихъ вечера для публики. Ови показали, что фортепіниме классы тамъ особенно хорошо поставлены. Квартетвые вечера въ училище г-жя Чарновой почему то прекратились. А. М - ъ.

Иенна (от нашего корреспондента). Съ нозобновлениемъ 14-го ноября спектаклей въ мъстномъ театръ Товарищество преобразовалось въ антреприву. Съ 14-го ноября по 14-е декабря поставлены были слъдующія пьесы: "Дармовдка", "На пороть нелакихъ событій", "Цыгапал Запла",

"Лісь", "Тяжелая доля", "Освобождеввая", "Про-быль вы жизни" (бенеф. Печоривы), "Столичный воздухъ", "Венепейскій петукавъ", "Татьяна Ръ-пива" (бен. Башинской), "Плоды просвіщевія", "Каширская старина", "Лъсной бродяга" (феерія), "Счастыный депь" (угромъ), "Сердпе зигадка", "Наши діти", "Отелло" (бен. Несмільскаго), "Кселія п Лжедимитрій", "Въ неравной борьбъ" (бен. Похидевича), "Плоды просвъщенія". Хорошій сборъ дам комедія Л. Н. Толстого "Плоды просв'вщеніна. Благодаря большому количеству репетвцій, иьеса эта прошла довольно гладко. Особенно удачно провели свои роли г-жа Башинская (Звъздинцева) и г. Цохилевичь (Вово). Къ сожальнію, отсутстве достаточнаго для исполненія этой комедін қоличества артистовь въ здішвей трупив побудило сденать слишкомъ много вымарокъ, что помітивло цільности впечатавнія. Нельзя не отмътить, что современныя комедін проходять у здашихъ артистовъ съ большимъ успахомъ, чамъ драмы и обставовочныя пьесы.

11 - го декабря въ заль Дворянскаго собранія быль концерть г. Кассовского, преподавателя фортев. влас. въ местномъ отделени Императ. Русск. Музык. Общества, съ участіемъ приоторыхъ учепицъ его и хора подъ управлениемъ г. Касторскаго. Разнообразная программа, состояв-шая, препмущественно, изъ произведений Шонена, Рубинитейна и Мендельсова, в тщательное исполненіе псёхъ нумеровь копперта останило въ публикъ весьма прінтное впечатавніе. На долю г. Кассовскиго выпали большія оваціи п внодив заслуженныя: у него замічательно мягкій ударь и большая техника. Сборъ быль средній. 13 - го декабрявь томъ же заль состоялся концерть піиниста г. Шора, скрипача г. Крейна и віолопчелиста г. Альтшулера (прівхавшихъ пзъ Москвы на два концерта). Концертанты вывли большой усичхъ. Во второй ихъ концертъ, состоявшійся 13-го декабря, вмысть съ шумными оваціями они ваграждены быле тремя лавровыми вънками. Жаль только, что оба концерта дали плохой сборъ; это объясияется совпаденіемъ того п другого концерта съ нитересными спектавлями въ театръ (11.го "Въ веравной борьбъ" — въ бен. Похилевича, 13-го "Плоды просвыщенія". Ковцертавты, часть сбо-

икти кинацетичонтогало ва икакто своч Риги (отъ нашего корреспондента). Повинкой ивмецкаго театрального репертуара была постакленная въ первый разъ, 4 лекабря, пьеса "Ніо-бея"—пиглійская шутка Пиультона, въ передёлки Блюменталя. Шутка очень забавна и печужда ромнитивма. Въ ней драматизированъ сонъ совре мениаго буржуа, который видить, будто принадзежащая ему статуя Ніобен ожила и превратилась въ античную гречанку, ворвавшуюся со своими замискими понятіями и стристями въ среду богатаго мъщанства 19 въка, результатомъ чего и является рядъ забаввыхъ скавдаловъ; вся пьеса оказывается, нь конців концовь, только "сномь", а по уходъ всъхъ дъйствующихъ япцъ, вторично оживиан статун проивпосить эпиногь-впологио романтизму, мечтанию и "спу", безъ которыхъ не можеть прожить человъкъ. Шутка, не глубокал и поверхностная (столкновение двухъ культуръ представлено лишь съ одной чисто-впаницей стораны), легко сматрится п очень потішаеть публику. Очень недурна въ роли Нюбен г-жа Эйбенъ, порядочно деклимирующам стихи и владющам красивымъ, пластически - округленнымъ, жестомъ; забавень въ роли "сновидца" Петра Дуна мъствый недурной актерь на характерныя роли, смфинвшій г. Іоганнеса, г. Фейферь. Вывств съ этою пьесою, 4 декабря, шла переподная французская одновитния комедін де-Курси "Обращеніе" (на путь

истиный). Остальной репертуаръ, по прежпему, состояль преимущественно изъ приенких влассвческих комедій: б декабря шла эффектиая драми Клейста въ стихахъ, "Приниъ Фридрихъ Гамбург-скій", (Привцъ-г. Отто, Курфюрсть-г. Фейферъ), 10 декабря— "Марія Стюарть", Шиллера (Марія— г-жа Эйбень, Елизанета— г-жа Ремеръ, Лейчестеръ-г. Швемеръ, Мортимеръ -г. Отто). Вновь разучена драма Кальдерона "Заламейскій судья", шедшая 15 декабря (король-г. Швемеръ, Инесаг-жа Сангора). Пьесы тщательно обставляются и проходять съ корошимъ ансамблемъ. Выборъ серьезваго репертуара падо отнести къ заслугъ директора и вмецкаго городского театра, г. Мартерштейга; театръ все равно ве обущается, требуеть субсидін оть города (до 50 тысячь рублей въ годъ), поддерживается дворянствомъ, отчасти изъ политическихъ видовъ, на высоть, для мъстнаго немоцкаго наседенія пожалуй п недостижимой,-и директоръ разсуждаетъ совершенно правпльно: при такихъ условіяхъ, можно заставить рижскихъ бюргеровъ слушать хорошій репертуаръ безъ оперетки, фарса и водевиля! О. если бы ивстный русскій, также выдь субсплированный, театръ держался тахъ же взглядовъ на задачи репертуара.

Всев. Че-инъ. - (Отъ нашего корреспондента). 21 ноября. посль "Панцевъ" Леонковило, на мъстной оперной сцовь шла одноактная "Нюрепбергская кукла" Адама, который хотя в жиль значительно поздные своего тески (род. 1803, ум. 1856), но всетаки писалъ музыку допотоппую. Но вменно послъ Леонковалло и его гармоническихъпряностей, нововагнеріанскаго характери, Адамъ съ его фактутурой, легкой и чисто-мелодической, въ манер к Буальдые, Россиии, Моцарта, слушается, положительно, небезъ удовольствія. Кътому же оказилось, что, "Кукла" больше ноль силу мыстной кукольнобезжизневной оперной трупив. По крайней мврв, батодушное, умеронно-веселое настроение оперы вашло толковых в исполнителей вълация - жи Шпелле (Берта) и г. Затлера (Генрикъ); опера же, требующая "паровъ и электричества" (въ переносвомъ значенін слова), — "Паяцы", прошла ляшь съ порядочнымъ ансамблемъ. - Событіемъ сезона была постановка "Мейстерзипгеровъ" Вагнера. Опера, послі многолітияго перерыва, шла впервые 25 ноября. Эта, если не лучшая, то паціональнъйшая изъ музыкальныхъ драмъВагиера, отличается той жесткостью текста, гармонін и наструментовки, которая виолив уместна для изображенія вравовъ внохи (XVI віжъ), по довольно мучительна для средняго слушатоля, не въмца и не ваглеріанца; такому слушателю трудно стать на основную точку зрвийя байрейтоваго маэстро, и, признавъ первсиство въ музыкальной драмь за поэзіей, прислушиваться къ оркестру, а не къ декламаціонсделать "Мейстерзингеровъ" благозпучными-это исполнять ихъ въ возможно медленомъ темпъ, не поражая слухъ слинкомъ быстрою смъпою модуляцій в ритмовъ; къ несчастію, "Мейстервингеры"самая длинная изъ существующихъ оперъ, и дирижеры принуждены, сплою вещей, торошить ее, если не желають приблинуть кь впергическимы мірамь, т.-е. ись купіорамь. Слишкомы скорый темпъ-вотъ главный ведостатокъпсполненія,, Мейстервингеровъ" 25 ноября; уже у Вагнера достаточно жесткаго тентонства, во капельмейстеръ г. Егеръ сконцевтрировилъ ритмическую силу "Мейстерзивгеровъ" и преподпесъ это тевтоиство еще въ усилевной пропории, - а это, повидямому, утомпло даже ивмецкую публику. Въ общемъ, одпано опера вполив удалась: какъ известно, именно Ваг-

веръ идеть на мъстной оперной сцоть удовнетворительные всего остального. Ближе другихъ солистовъ подошель къ намфреніямъ комиозитора г. Бартовскій (Гансъ Саксъ): онъ отлично декламироваль, а пълъ лиши на потахъ большой длытельности - манера, пригодная именно для Вагнеровскихъ музыкальныхъ драмъ, такъ какъ только она даеть возможность вслушиваться въ оркестровую, т.-е. глави-вішую, по Вагверу, вартію соанста. Певсцъ педурво оттышить въ своей игръ и чувствительность поэта, и грубость сапожника, столь непостижимо слитыя възначенити Ганса Сакса. Порядочными ШІтольцянгоми быль г. Дворскій; партія въ финаль перваго акта для него высока, по третій, съ "призовою піссью", быль имъ проведенъ музыкально и съ толкомъ. Изищной Эвхень была г-жа Нольдень, внолит развернувшая свое красивое соправо въ знаменитомъ квинтетъ третьяго акта. Вторыя партін и роля были недурны; хоры, оркестръ, декоративная и режиссерская часть безусловно хороши: директора театра, г. Мартеритейга. вызвази послі перваго акта п поднесли ему вівокъ. Песмотри на то, что въ атоть день концерть г. Рейзензуара отвлекь оть "Мейстерзингеровъ" массу публики, театръ былъ почти полошъ. Судя но апплодисментавъ, опери удержится въ мъстномъ репертуаръ надолго. Впрочемь, рижане едва ли еще не сильные апплодиревало "Гугенотимъ", мелмямъ 11 декабря; ритника и динамика Мейербера, эти проствиния средства музыкальнаго выраженія, столь пригодныя для изображенія периобытныхъ страстей Мейерберовскахъ героевъ, всегли неотрияпио-эффектны даже для вагнеріанскаго уха (ппрочень, ни одинъ вагнеріавецт пе признается въ томъ, что опъ наслаждается Мейерберомъ). Музыка посыв Мейербери стыв изучать полутоны и полутии индивидуальныхъ ощущеній-то, что въ теорія Вагнеровской драны называется "ввутреннимъ чедовъкомъ"; но выл кромь этого сокровенного интимиаго внутренвяго челопъка (о которомъ Мейерберъ, дъйствительво, не заботится) есть человъкъ "вивший", съ обыденными, прямолинейными, простыми въ выражевін, страстями; Вагнеръ нотому и не м'ьшасть до сихт поръ успъхань Мейербера, что оба парять въ двухъ различныхъ сферахъ драматическихъ чувствъ и драматической музыки. Составъ этихъ последнихъ "Гугенотовъ": г. Дворскій-Рауль, г-жа Кюнель-Валентина, г-жа Пессикъ-королева, г. Литтеръ-Марсель. Опера прошла. бозъе, чыть прилично. - Ожидаются гастроли Луим Никита, въ операхъ "Миньона", "Фаустъ" и "Сонамбула". Концертовъ за последнее время было много и маъ вихъ много хорошихъ. 25 ноября копцертироваль, какъ мы уже упоминали. г. Рейзевауэръ, даншій еще сверхъ того два концерта; онъ слъдать очень корошіе сборы, но ус-пъхъ въ прежије сезопы имъхъ больній. Попятно, почему: півнисть не сталь вграть хуже, не отсталь, но жизпь, идущая ввередь белостановочно, незиматно опередила его-и слушатель съ изумленіемъ замізчаеть, что ему уже не столь вравится всетоть же переслышанный Рейзенауаровскій репертупръ, который вора бы подвовить и оситжить: все та же "Липа" Шуберта, "Appassionata" Бетховева, "Alla turca" Моцарта! Это проблеть, въ ковцъ ковцовъ, и эвтузіаста! — 2 декабря концертировала пъница г-жа Эмилія Мартипсевъ, довольно пенитересиан: съ сопрано пе безъ школы, и темпераментомъ не безъ флегмы --Сильно ожинились концертивя діятельность містныхъ музыказыныхъ Обществъ. 20 ноября, въ лютеринской церкви св. Петра, Вахонское Общество дало обычный въ этотъ день (Todtenfeier) ежегодный концерть; исполнение толково составленной

программы (комповицін Паместрины, Баха, Гендели, а изъ новъйшихъ-Греля и др.) было однако мало художественное, чуть-ин не подъ метрономъ! Зато удичвыми во всерхъ отношенияхъ быль утреввій кондерть нь пользу фонда Чайковскаго, состояншійся при участів исключительно ивмецкихъ ферейновъ и измецкихъ музикальныхъ силъ, въ Городскомъ театръ, 4 декабря, въ 1 часъ дня. Театральным оркестромъ, подъ управленіемъ г. Егера, была сыграва романтичныйшал изъ симфоній Чайковскаго, четвертая; точная, топкая и спокойная, "скромная" манера капельнейстера пришлась пполив кстати: дирижируя именно такими нервными пьесами, легко увлечься и начать "мазать". вывсто того, чтобы "вырисовывать". Кром в того, были спъты г-жею Нольденъ четыре романса. Чайковскаго ("Отчего" и "Средь шумнаго бала" была сивты по русски); мужской хоръ, составленный изъ пъвцовъ итстныхъ музыказьныхъ ферейновъ "Liedertafel",,,Liederkranz",,,Männergesangverein" н "Sångerkreis", подъ управлешемъ г. Беридта, прекрасно спътъ Мендельсоновскій "Гимиъ художинкамъ", а смъщанный коръ, подъ управленіемъ г. Беркиера, — отрыван изъ "Молсея" Рубинштейна. Полное отсутствие въ этомъ концертв мъствыхъ русскихъ музыкальныхъ Обществъ и солистовъ очень досадно для исяваго, кто считаетъ искусство выше всякихъ націонильныхъ волитическихъ партій и счетовъ; въ несчастію, въ м'встномъ прав національная розпь все еще сильпа: только въ самое последнее время на вечерахъ русскихь музыкальныхъ Обществъ начинають появляться въмещие солисты. Починъ въ этомъ отпоменін, желательный и симпатичный, припадлежитъ Обществу "Ладо", которое дало вонцертъ 12 декабри, съ нестрой програмной, изъ ряда сольпыхъ пумеровъ инструментальныхъ в нокальныхъ; къ сожальнію, смышанный хорь, подъ управленіемъ г. Якобса, быль заметно слабь. Болже толково была составлена программа концерта Общества "Баянъ", 15 декабря-исключительно изъ произведеній новійшихъ русских в композиторовъ и народвихь п'єсень; мужской хорь "Бална", нодъ управленіемъ Д. М. Япчкова, выказаль себя ва этомъ концерть съ очень выгодной стороны (особевпо въ такой серьезной и вслегкой пьесъ, какъ "Вечерияя пъсня" г. Тапъева). Послъднее Общество устраввало и литературные членскіе вечера; 8 декабря на такомъ вечеръ быль прочитань реферать "Русския народная пъсия, какъ проязведение поэтическое и музыкальное". Если все это зваменуетъ пробуждение рижскихи русскихъ музыкальныхъ Обществъ къ вовой жизви, въ добрый часъ! Caeterum censeo: въ Park необходямо открыть русскую музыкальную школу. Всев. Ч-инъ.

— (Ото нашего корреспондский). S декабря, въ маломъ заль "Улья", на членскомъ литератур-номъ нечеръ Общества "Ваянт", Всев. Е. Чешихипъ стълалъ сообщение: "Русская народная пъсия, какъ произведение поэтическое и музыкальпое". Главныя положенія реферата савачощія: русская народизи пъсия, какъ сліявіе двухъ пскусствъ, поэзія и музыки, особенно интереспы постольку, поскольку она касается сферы ларической поэзіп, -- поскольку она яналется "народпымъ романсомъ". Содержание этой лирической пъсни составляють веобычайно рызко выраженные ковтрасты ощущеній печали и ралости; печаль преобладаеть въ пасняхъ "люб)вныхъ", "свадебныхъ" и "семейныхъ", радость - въ "хороводныхъ", "плясовыхъ" и "разгульныхъ"; сферы среданхъ, умъреных ощущений эта пъсия почти не касается. Стихосложение ея двольое: по полустишиямъ, посточное и метрическое, авалогичное древие-гречесной версификаціи. Ритмъ стихотворный стоить въ тесной зависимости отъ ригма музыкальнаго; последий не поддаєтся сопременному деленю на такти. Въ строеніи мелодів замъчаются двъ виохи: вварты (аналогичной т. в. китайской гамм'в) и квинты (аналогичной древне-греческой зиох'в тетрахордовъ). Очень зим'вчательна попытки Мельгунова создать гармонію къ русской народной піссна на основаніи теоріи естественнаго минора, предложенной Эттингеномъ. Радикально расходясь въ основахъ съ господствующею въ музыка и поззін системою (мажора, минора и искусственной версификаціи), эта п'існя, при художестненной ен разработка, можеть двинуть внередъ все современ-

ное искусство. Гаратовъ (от нашего корреспондента). Гастроли г. Преображенского следуетъ назвить удичными во встхъ отношеніяхъ. Товарищество, только благодаря имъ, раздълнае въ этомъ мъслив (съ 20 воября по 20 декабря), за нычетомъ всъхъ расходовъ, по 71-му рублю на нарку, - ваработокъ весьма хорошій. Почти вс'я восемь спектаклей съ участісяв артиста прошли при полномъ театрів по бенефисимит цвнами. Публика осталась довольна. такъ какъ слышала пена опытнаго, музыкального, съ выдающимися покальными дипными. Самъ артистъ также долженъ быть доволенъ саратовскими тоатралами. Правда, вначаль пріемъ быль песколько скептическій, - впанно получили меньше, чемъ ожидали; но потомъ, съ каждов) гастролью, г. Преобра: кенскій пріобрівталь все больпін симинтів и последніе два спектакли были рядомъ дружныхъ овицій по идресу заслуженнаго пвица. Съ участіемъ г. Преображенскаго шлп: "Трубадуръ", "Жидовка", "Русалка", "Кармонъ", "Африканка", "Балъ-Маскаралъ" (два раза) п "Робертъ-Дъннолъ". Наибольній усивхъ гастрозеръ имъзъ въ "Африканки" и "Балъ-Маскараль", инименьній въ "Русалкь". Передъ отжаздомъ г. Преображенскаго появились слухи о притлашевін на гастроли г. Медетлева, во г. Медвидева, ангажированный ва весь сезона въ Кіевъ, ръзнительно откажался напъстить нашъ городъ и теперь мы остаемся при сноихъ трехъ тенорахъ, о которых в писань въ прошлый разъ. - Въ декабръ позобновяли: "Рогевау", "Кармавъ", "Русла-на", "Африканку", "Демова", "Евгепін Онъгинін", "Роберти-Дьянола" п "Вражью свяу". Всъ эти оперы, колечно, уже повторились во два и по три раза. Въ вервую неделю Святокъ спектакли давались утромъ и вечеромъ. Публика посъщала театръ въ большовъ количествъ, хотя чуть ли не каждый разъ жаловалась на псудовлетворительную поставовку. Жаловаться есть на чго. Хоры идуть плохо, вь оркестръ духовые инструменты находятия не из ладу со струпнями, былеть-почти "зпукъ пустой", пвтъ хорошаго всполнителя на больнія теноровыя партін, и изтъ удовлетворительпого баса. Какой туть ансамбль, иллозія? -Идеть "Рогивла". Заглавная роль оказывается не по силамъ г-ж в Смирновой; однако опытность помогаеть артисткъ скрыть недостатки вокальной части роли и, въ общемъ, г-жа Сипрнова произволить хорошее впечатльніе. Красивый голось т-жи Шубиной отлично звучить въ пъсенкахъ Изясливи. По дальше ужъ илутъ "но". Тронувшійся бись г. Дементьева въ партін книзи производить писчатавніе чого-то бользненнаго, рызко-перріятниго; артистъ только играетъ умао. Другой басъ, г. Петровъ, оказывается пс подходящимъ для роли стряшника. Г. Юживъ неувъренио воетъ песни кинжаго дурака и непринужденную игру замъниетъ неумистной суетлиностью. Г. Лугарти ик Руалья причить и только; лучшимъ замъстителемь его, при вторичной постановкъ оперы

Сфрона, является г. Соколовь, но быть чемълибо лучше г. Лугарти-еще не большая слава. Илеть "Вражья сила". Г. Унковскій очень недурной Петръ, г-жа Illубина на своемъ мъстъ въ Спиридоновив. А дальше: г-жа Андреева слаба для Груни, г. Петровъ беретъ только отдъльныя потя из партін Еремин, остальныя же-"про себя", а хороныя массы (жидкія массы!) вступають несвоевременно или кончаютъ преждевременво. -Идеть "Руслапъ и Людинаа" и прежде всего, безъ Руслана и Людмилы. Заглаввая мужская партія не удается пи г. Левицкому, првцу съ ограниченных голосомъ и съ слабою музыкальностью, ви г. Франконскому, итвиу съ хорошимъ матеріаломъ, по бевъ удовлетворительной школы. Г-жа Михийлова въ Людиилъ лишній разъ показываеть. что ен переходъ изъ компримаріи въ примадовны есть плодъ чьего-то недоразумьнія. Знаменитос тнореніе Глинки не ваходить себ в поддержки в въ другихъ псиолнителямъ, за исключениемъ г. жъ Шоръ-хорошей Горяславы, и Шубиной-уловлетворительнаго Ратмира.-Изъ другихъ возобновденных поперъ отмътимъ еще "Демона", "Евгенія Овъгина" и "Роберта-Дьявола". Г. Упконскій, давниший и любимый саратовскій всполнитель заглавныхъ розей двухъ нервыхъ очеръ, въ настоящее время звачительно утратиль свои прежийя достоинстви (звучность голоса вообще п красоту верхияго регистра въ частности) и въ такой же мере подчеркиуль свои прежийе ведостатки (выкрикиванья, "проиницализмы", и проч. дешевые эффекты). Артистъ, видимо, инходится ва скловъ карьеры, а нублика такъ легко забываетъ "лоброе старое время!" Не тъ симпати, пе тотъ приемъ. Ничего изгъ удивительваго, что даже г. Загоскивъ, дебютирований на празднеках въ "Демонв", импав порядочный вижшей успака. У г. Загоскина слабый голосъ, жилковатый звукъ, по онъ все-таки поетт, а г. Унковскій, по мізткому выраженю одпого театрала, "сталъ больше разговаривать, да покривинать". Тамару прекрасно поеть г-жа Шоръ; особенно ей удается последній акть. Синодаль вм-всть удовлетворительного исполителя въ лице г-на Южина, а Гудалъ и старый слуга таковыхъ не имъють. Татьяну пъли г-жи Зандерсъ и Бруно; первая артистка болье на мысть. -Въ "Робертъ-Дьяволь", посль г. Преображенского, выступилъ г. Соколовъ и пеудачно. Г-жа Брупо могла бы быть хорошей Алисой, по артистка последний м'в-сяпъ има пездоровой и ин въ одной вартил не произвели правнего благопріятнаго висчатлінія. Лучшей Азисой вь воказьномь отвошении янилась г-жа Пискть, молодия, вачинающая првица, которой наше Товарищество дало одинъ дебють. У г-жи Пиехть спаній, доститочный по силь, недурно поставленный голосъ лиряческого характера; дебютинтка провела партію съ успахомъ. Г-жа Шоръ отлично ноетъ Изабеллу и вызываеть въ ней шумное одобрение со стороны публики. Лирическая партія Рембо хорошо удается г. К)жину. Для Бертрама у насъ пътъ исполнителя: г. Дементьевъ ве удовлетнорлетъ голосовыми средствами, аг. Левицкій - музыкальными и спеническими способпостями. Оркестръ и хоръ для громоздкой оперы Мейербера слишкомъ слаби. Вопросъ о слачь театра тенерь окончательно рышенъ: Дума единогласно сдала его на будущій севоит. М. М. Бородаю, на котораго вознагается много надеждъ. Въ Саратов в съ 20-го августа во 3-е ноября будетъ драма, а въ остальные мъсяци сезона-онера. Объ трупны, тоже по-очередно, будутъ под-визаться и въ Казана. На праздвикахъ состоилось иссколько литературио-музыкальныхъ вечеровъ: вечеръ, устроенный вртисткой Е. П. Шебуевий въ пользу студентовъ: концертъ баса Императорской Московской оперы В. С. Миропа; а 4-го явваря обычный студенческій вечерт съ концертным отделеніем. Особенный успідль выпаль на домо г-жт Шебуевой (чтеніе стихотнореніи), Шорт в Пінехті, и гг. Мирова в Ермилова (чтеніе разсказовъ Гл. Успенскаго в А. И. Чехова). Великольный басъ г. Мирова привель саратовскую публику въ восторгъ, півку пришлось мвого

разъ биссировать. Сумы (от нашего корреспондента.) За потеатральное дело и въ самыхъ глухихъ уголкахъ вашего обширваго отечестви, несмотря на всв трудности и препятствія, съ которыми приходится бороться частной предпримчивости. П неръдко -нди и димпенки димина изданов примо безвыходимъ положениемъ для смілыхъ піонеровъ. Начто подобное произошло и нъ Сумахъ. Сумы-не миленый городокъ, не медевжий уголь. Это большой коммерческій увидный городъ, съ 27 т. населенія. Имія классическую гимиавію, реальное училище, женскую гимпазію, духовноо училище и насколько низшихъ учебныхъ учебныхъ ваведеній—этотъ городъ, находящійся въ центръ сахарнаго произподстви Хирьковской губерии, повидимому, могъ бы отозваться на столь живое дело, какъ театръ. Но вашъ обыватель остается глухимъ из попыткамъ упрочить здёсь театральное діло. Съ половины сентября этого года къ памъ пріфхаля драматическая труппа съ Л. Я. Гость-Кольцовымъ во главъ. Женскій персональ составляли: г-жи Слапини-Вальяно, Терская. Никитпна, Лельская, Самарова и др., мужской-гг. Кольковъ, Тихомировъ, Каниривъ, Кал-никовъ и др. Почти съ первыхъ спектиклей театръ началь пустовать. Въ половини октября положение труппы было таково, что оказыналось невозможвымъ вести дальше дело, в были объявлевы 3 последнехъ спектакля. Но не судьба была поставить и ихъ, въ виду закрытін театровъ вообще. Въ накомъ положении остались артисты, можетъ себв представить каждый. Наши обыватели поохаль, посочувствоваль на словахъ. немного помогли деньгами (на 12 чел. собраво 167 р.) и, когда скрылось последнее "театральное лицо" пать торода, легче вздохнули. Это, конечно, еще лучние обыватели, наиболье отзыванные. А лругіе были даже раздражены этими толками объ артистахъ и ихт тяжеломъ положения. Трудное при такихъ условіяхъ дёло театра осложвиется у насъ еще отсутствіемъ мало-мальски удовлетворительнаго помещенія. Артистамъ пришлось пріютиться въ деревянныхъ ливкахъ, пискоро и на м'бдиме гроши приспособлевныхъ кл. спектиклямъ. Неудобствъ для публики при такихъ условіяхъ было много. И воть-,,сливки обществи" не ношли потому, что вграють "въ сарав"; простой жидъ ве пошелъ потому, что ивтъ галлерен, а значитъ и дешевыхъ мъстъ, - и въ результатъ пустота и въ театръ, и въ кассв. Нельзя особенно винить и обывателя за то, что опъ въ такой тептръ пе шелъ, хотя вграли удовлетворительно, по жаль, что ни все общество, в некто изъ отдельных в лицъ, мецеватовъ-богачей, пе придетъ на помощь и не пожертвуетъ средства на постройку хотя вебольшого театра, о значенія котораго въ провинцін и говорить нечего. Надо замътить, что не брошепвыя быль бы этидепьги и въ чисто коммерческомъ смысть, такъ какъ извъстный проценть на нихъ получался бы, а ори порядочномъ театръ могла бы существовать хорошая для провинціп труппа.

Тамбовъ (от пачисто корреспондента). 18 декабря въ валь Публичной бизлотеки (Коннозаволскаго Собравіи) состоялся концертъ артистовъ Московскиго Большого театра—г-жи Дейша-Сіо-

инцкой, Китрихъ, (аккомпаниментъ), гг. Хохлова и Донского въ пользу недостаточных студентовъ московского уплиерситета, окончившихъ тамбовскую гимпавію. Билеты на этотъ концерть были разобраны ва расхвать и сборь достигь редкой въ Тамбовъ сумы 659 р., такъ что за рисходомъ очистилось въ пользу студентовъ 420 р. Всь артисты имвли сольдный и вполна заслуженный уси вхъ. Съ перваго дия рождественских праздискова вт, принадлежащемъ Копнозаволскому Собранію театрідиркъ пачались представленія дирка г. Трудци. свявшаго это пом'вщение до Великаго поста за плату 500 руб. Перскочевавъ къ намъ изъ Тулы опъ явился къ намъ далеко не съ темъ составомъ труппы, какой быль объщин въ вредварительномъ авонсь; лучшую ея половину онъ оставиль въ Туль. Вслидствіе этого сборы вскорь ували н ихъ подымать явился со 2 япваря изваствый влоупь г. Апатолій Дуровь, который и саталаль со своими дрессированными свиньями, собаками и т. д. пебывалый сборъ, - около 1000 руб., ирп чемъ тв мівста, которыя во время драматических в спектавлей стоять въ театрі 40 коп. на представлевіе г. Дурова продавались по одному рублю. Очевидно, тамбовцевъ подобнаго рода предстаплени интересують болье, чымь привадь хотя бы и хорошей драматической труппы. Суля по объявленіямъ, г. Дуровъ приглашевъ на 5 представленії, и, конечно, крысы п патухи, которыхъ овъ въ первые два представленія не показываль, савлають ему гакой же полиый сборь. Что насается театральных в представленій, то зимою здісь въ этомъ отпошевін, за отсутствіемь театра, полное затишье. Обыкновенно бываеть два-три любительскихъ спектакля въ задъ Публичной Библіотеки, съ благотворительною цалью. Вирочемъ, ходять слухи, что, быть можеть, въ будущемъ году Тамбовъ и зимою будеть имъть театръ: пекто актеръ В. И. Войцеховскій-Исверовъ, гола два тому назадъ сд влавшійся тамбовскимъ обятателемъ, хлоночетъ, чтобы ему разръшили устроить театральный заль въ дом'і, првиздзежащемъ сго жепь: но пока еще окончательного ръшсии по этому възу не вышло. Насколько же вслико требование въ театрахъ со стороны столь многочисленныхъ за последнее время трушпъ, можно судить уже по тому, что съ осеня 1894 г. въ Ковнозаводское Собраніе пачили поступить ваявленія о желапін сиять припадлежащій клубу театръ из явто 1895 года, въ числь которыхъ астръчнотся фамелін А. И. Громова изъ Вологды, Т. И. Понизовской, г. Похименича, г. Саринтови и еще ивсколько антрепренеропъ. Кроже того на льто предполагаеть явиться антрепрепершей С.Ф. Киселева, въ настоящее время антрепреперствующая иъ Казуги. Опа передъ праздинками присылала сюда телеграмму о желанін прівхать оттуда съ оперою и опереткою теперы же зимого, по это ем памъревіе пришлось отвлонить, за отсутствіемъ помъщевія. По той же причивь не можеть прітхать сюда и г. Дмитріевъ-Вольнскій со своею трупною изъ г. Козлона.

трупнов изъ г. Козлова.

Томскъ (отъ измено корреснондента). Въ конит ноября трупна г. Брагива раздълвлась на диъ, и опереточная часть ел отпривилась въ Красноярскъ, изъ г. Брагинъ тоже спяль театръ. Въ Красноярскъ будутъ ставиться оперетки, а послъ рождественскихъ праздниковъ—опереточные персопаже вернутся обратно къ намъ, и у насъполуть и драма и оперетка. Пока же мы довольствусмся первой. Къ сожалъню, при малочисленоств всей трупны, произошлото, что въ Краснопоств выхали и та кіе артисты, которые, участвуя въ опереткахъ, появлялись въ то же время и въ драмъ, и бозъ нихъ телерь исполнено

нъкоторыхъ пьесь проходить безъ всякаго ансамбля, такъ какъ образовался недостатокъ въ исполнителяхъ, пополняемый разными случайными любителями. Темъ не менее, некоторые спектакли проходить весьма удовлетворительно, -выручають большею частью г-жа Панова и г. Судьбининъ. Изъ данныхъ пьесъ съ конца ноября по 15 декабря следуетъ отметить исполнение "Семьи Пришельцевыхъ", Викт. Александрова, шедшей въ бе-нефисъ г. Судьбинина, "Кормилицы-Саврасушки", Д. Кишемскаго, "Лизаветы Николаевны", М. Чайковскаго, и, отчасти, "Грозы" Островскаго, по неподнению рози Катерины г-жей Пановой. Г-жа Панова оказалась, действительно хорошей Катеривой и съ большой правдивостью, съ проблесками чувства провела эту роль отъ начала до конца. Недуренъ былъ и даже достаточно типиченъ г. Раскольниковъ въ роли Дикого; но, къ несчастью, ансамбль быль значительно нарушень слабымъ исполнениемъ изкоторыхъ другихъ ролей. Кром'в г-жи Пановой и Судьбинина, пользуются успъхомъ и г-жи Нелюбова и Вольнова и гг. Зиновьевъ и Раскольниковъ.

12 декабря существующее здёсь отдёленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества
дало симфоническій вечерь, посвященный памяти
А. Г. Рубинштейна. Программа вечера была составлена исключительно изъ произведеній покойваго. Вечеръ привлекъ многочисленную публику.
Оркестромъ управлялъ А. А. Вявьенъ, а хорами
Музык. Общества—М. И. Гервсимоть. Всё исполненныя вещи были, видимо, прехрасно разучены
и срепетованы и исполненіе было весьма хорошее.
Въ этомъ же вечеръ, въ качествъ солистки на
реяль, выступила г-жа В. А. Бажаева, сыгравъ
мелодію и есялюз-капризъ. Г-жа В. А. Бажаева,
преподавательница фортопіанной вгры въ музыкальныхъ классахъ, учрежденыхъ при Отдёленіи,
оказалась хорошей піалисткой.

Харьковъ, (отъ нашего корреспондента). Текущій сезонь одинь изъ самыхь тяжелыхь для нашихъ театровъ. После открытія театровъ-съ 14 ноября-сборы, сравнительно съ октябрскими, оказались значительно ослабъвшими. Нашъ драматическій театръ до 20 октября дізлаль на кругъ по 450 р. за спектакль, а съ 14 ноября—по 350 р. Но это наденіе сборовъ, слишкомъ чувствительное для антрепризы, объясняется, между прочимъ, и отсутствіемъ новыхъ пьесь, способныхъ занвтересовать публику. Всв новыя пьесы, исключая "Друга женщинъ", — поставленнаго въ воскресный день, - не сделали сборовъ и на репертуарт не удержались. Репертуаръ же нашего драматического театра нельзя сказать, чтобъ отличался разнообразіемъ и оживлевіемъ. Медленная подготовка даже несложныхъ пьесъ вызываетъ необходимость въ частыхъ повтореніяхъ, повтореніяхъ, совсѣмъ не обусловленныхъ интересомъ нъ данному произведенію. "Первая муха", напримъръ, не сдълавшая значительнаго сбора даже при первой постановкъ, - сравнительно слабо разыгрываемая, потому что г. Петипа далеко не интересенъ въ роли ки. Чембарскаго, -- была дана три раза, сборы были одинъ ничтожиње другого. То же самое было и съ другими такими же пьесами, повторенными совстви не потому, что онв привлекали публику. - Въ концв ноября въ театръ г-жи Дюковой начались бенефисы. Почти всь бенефиціанты, насколько намъ извъстно, остановились на старыхъ пьесахъ, по ноговоркъ-старый другъ лучше новыхъдвухъ. Г-жа Рыбчинская взяла "Око за око" и имъла въ роли Франсильонъ большой усибхъ; ее встрътили чрезвычайно сердечно, съ оваціей и подношеніемъ

цвинаго подарка; эту изящную, умную и даровитую артистку харьковцы всегда любили и ценили очень высоко-и вполна по заслугамъ. Отмежевавъ себъ область комелін, талантливан артистка эта имъетъ врочный успъхъ, служа укра-шеніемъ сцены, на воторой ова подвизается. Молодая, начинающая водевильная артистка г-жа Ивановичь поставила на свой бенефисъ "Троглодита", замъчательно бойко разыграннаго г жею Рыбчинской и г. Петипа, а сама выступила въ "Ночномъ". Роль Дуньки, какъ бытовая, удалась г-жѣ Ивановичъ много лучше, чѣмъ всѣ другія, въ которыхъ она выступаеть. Артистк'в этой пока она не отделается отъ вульгарно-разбитного тона, не следуетъ совсемъ выступать въ комедіяхъ, гдъ ей приходится зачастую играть роли подростковъ. Интересвымъ спектаклемъ во всехъ отношенияхъ надо признать бенефись г. Петица, поставившаго "Фауста" въ переводъ профес. Холодовскаго. Г-жа Дюкова, вообще обставившая сцену своего театра съ удивительной для провинціальнаго театра роскошью, сделала для "Фауста" спеціальныя декораціи, ваписанныя талантливымъ декораторомъ харьковскаго театра г. Суворовымъ, и костюмы. "Фаустъ" Гете шелъ вдёсь много лёть тому назадь, съ покойнымъ Аграмовымъ въ роди Мефистофеля. Г. Петипа поступиль прекрасно, возобновивь знаменитую трагедію. Возвыситься въ надлежащей мара и съ должной полнотой до изображенія "духа отрицанія" талантливому артисту пе удалось, но тімъ не менъе онъ далъ нъсколько чрезвичайно интересныхъ моментовъ. Слабве всего у г. Петипа вышли те места, въ которыхъ сказывается демонизмъ и сокрушающая сила Мефистофеля, его ъдкій сарвазмъ и безпощадная провія. Въ исполненін г. Петина имъли, между прочимъ, большой успъхъ пъсня о блохъ и серенада, очень красиво аранжированныя, - изъ одного Рубинштейновскаго романса и его же картинки "Торреадоръ и Андлузинка". Маргариту очень мило и тепло сыграла г-жа Рыбчинская и Фауста—г. Ге. Трагедія Гете было исполнена достаточно стройно, а сцена въ Ауербаховскомъ погребкъ -- безукоризненно. Здёсь все удалось, даже полеты на бочкъ. Г. Петина имъль большой успъхъ; театръ билъ полонъ и у талантливаго бенефиціанта не было повода расканваться въ томъ, что онъ рискнулъ поставить старое міровое произведеніе, — вм'ясто современной драматической новинки. Изъ наиболье удачныхъ спектаклей, поставленныхъ въ драматическомъ театрѣ, надо считать: "Ревизора" (2 раза), "Донъ-Жуана", "Друга женщивъ", "Волки и овим". Изъ классическихъ пьесъ, поставленныхъ до сихъ поръ, отмъчаемъ "Гамлета" съ г. Ге въ заглавной роли. Поставлена была трагедія роскошно, но особеннаго успеха не имъла, хотя г. Ге играетъ эту роль инсколько не хуже многихъ выдающихся исполнителей ея въ провинци. Г. Ге—актеръ способный, много объщающій въ будущемъ. Изъ членовъ нашей драматической труппы болье вськъ другихъ выдвигается г. Смирновъ 1-ый, комикъ-резонеръ, артисть талантливый, добросовъстно работающій надъ каждой ролью. Одна изъ лучшихъ ролей его — Сганарель въ "Донь-Жуань", въ которой онъ выступиль здась впервые. У г. Смирнова есть настоящій комическій темпераменть-и онь, что важно, не злоунотребляеть имъ. Какъ человъкъ еще молодой, артисть этоть, безь сомивнія, займетъ современемъ видное мъсто на русской сцень; онь многимъ напоминаеть покойнаго П. М. Свободива.

 — (Ота нашего корреспондента). Мѣстное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальна-

го Общества устроило 17-то декабря въ опервомъ театр'в экстренный симфовический концертъ въ память А. Г. Рубвиштейна. Театръ былъ цереполненъ публикой; сборъ съ концерта посту-цить на образование фонза стипендии вмени А. I'. Рубинштейва при харьковскомъ музыкальномъ училищь. Въ глубинь сцены, на фонь красиной льсвой декораціи, среди группы экзотическихъ растеній, видивлен бюсть усопшаго великаго артиста, освещенный электрическимъ светомъ, богато и съ изысканнымъ икусомъ убранный живыии цвътами. Программа копцерти была, разумъется, посвящена всецьло сочепения покойнаго. Оркестровые нумера ("Іозипъ Грозный", andante изъ 5-й симфовіи, ор. 107), поль управленіемъ г. Слатива, были исполнены топко, отчетливо; особенно изящио, граціозво в красиво прошли тапцы изъ оперы "Фераморсъ"; презествый "тиведъ кашемврскихъ пекъстъ" быль пеодвократпо прерываемъ апплодисментами. Соединевные хоры музыкальнаго училища и Хорового Общества очень красиво, стройно и звучно пропыля три отрывка нат "Вавилонскаго столиотворенія". Хоры "сюда мы притекли съ береговъ Ефрата" и "тамъ гдъ тихимъ блескомъ струя блеститъ" были биссированы. Солисты имъли также свою долю уси вха; г-жа Друккеръ сыграла d-moll'ный концерть, г-жа Ивсарова исполнила романсь "Звонче жаворовка въвье", г. Брыкинъ-эпиталаму язъ "Неропа, г. Автоновскій—"Еврейскую мелодію", п, кромь того, г-жа Инсарова и г. Брыкивъ пропеля дуэтъ

изь "Миккавеевъ". Опера процестаетъ у насъ какъ ви въ одномъ изь предыдущихъ сезоновъ. Своимъ уси вхомъ, матеріальнымь и артистическимь, она обязана съ одной стороны хорошему составу пінцовъ, съ аругой-ум влому неденнод вза г-ом эспозито. Изъ оперь, впервые шедшихъ па харьковской спенъ, лучше всего были поставлены "Пуритане" Беллвви. Г. Ершовъ талантинво и съ виртуознымъ блескомъ передалъ трудную вартно Артура Тальбота, щеголяя своимъ сильнымъ, общирвымъ годосомъ, особенно отличающимся пріятнымъ, юношественно-севжимъ тембромъ; онь сумвлъ оттвить элегическія красоты широкой кантилены Белини, провикнуться ен своеобразно мечтательной грустью, передать ел товкіе оттёнки тихой мольбы, въжной, любовной ласки. Сцену съ корозевой (г жл Тихомірова) и Рачардомъ Фортомъ (г. Кругловъ) онъ провелъ живо, увлекательно, анергично; а въ послъдпемъ дъйстви, въ дуэтъ сь Эльвирой, онъ произнель настоящій фуроръ, взявши высолое ге-смьло, сильно, звучво. 1'. Автоновскій превосходно исполных роль благороднаго, великодушнаго сера Джоржа в имълъ огромный успахь въ знаменитомъ дуэть - маршъ 2-го дъйствія. Г-жа Негривъ-Шивдть также очень удачно справялась съ ролью Эльвиры; большую арію "Qui la voce" она сиъли положительно безукоризненио не только относительно блеска, чистоты и легкости фіоритура, во также и относытельно красивой фразировки и экспрессіи въ передачи кантилент. Постановку "Самсова и Далилы" Сенъ-Санса можно въ общемъ считать довольно удачной. Г-жа Сюнвербергь, въ роли Далилы, заявила себя опытной, изящной артисткой, со вкусомъ и хорошей школой. Ея голосъ, правда, не такъ свъжъ, нъсколько тускловатъ въ нижиемъ регистрі; но эти недостатки она искунаетъ художественностью конценцін: обдуманностью, рельефпостью вгры. Ей наиболве удались: аріозо 1-го дівіствія "Printemps qui comписпсе" и дуать 2-го дъйствія "Mon coeur s'ouvre

à ta voix". Г. Ершовъ съ искренностью и увлоченіемъ провель партію Самсопа. Гт. Чистяковъ и Кругловь, перный нь роли сатрана, второй— нь роли верховнаго жреца, не сумьли придать интереса этимъ сравнительно баздиымъ партіямъ. Слабой оказалась передача хора интродукція: ей недоставало полвоты, величія. Очень жаль, что г. Эспозито распоряднася пропустить заклинаніе Далилы, жреца и ритуильный хоръ "Dagon se revèle" въ последнемъ дайствів. -- едва-ли не дучшее и не самое оригинальное по замыслу мъсто во всей опоръ. Балетъ красиво постапленъ балетмейстеромъ г Менабэне. Разрушение храма Дагона вышло эффектно: ассирійски-тя желов'всный, миссивный храмъ развалился съ легкостью и быстротой карточнаго домика. - Исполнение столь интерезовавшей встхъ "Іоланты" оказалось очень посредственнымъ. Г-жа Инсарова (Голавта), хотя и отнеслась къ своей задачь добросовъство, тщательно, можетъ быть даже, съ любовью; но для художественной передачи высоко-поэтического, трогательниго, полусказочниго образа слевой принцессы, этой півнців педостаеть ни сценической выправки, ви заковченной школы, ни эстетическаго образованія, ви художоственнаго чутья. Г. Антоновскій отнесся какъ то безучастно къ роля стараго короли Рена, безпевтно пропыть свое аріозо и не погнушался падіть совсізм и подобающій рыжеватый парикъ въ локонахъ, бумажную діадему п балаганную красную мантію, вапоминавшую дешевую старую драпировку. Еще впрочемъ смъщите и безвиусите костюмъ г. Дувиклери, изображавшаго графа Водемони. Этотъ пъвецъ не лишенъ музыкальности, вкуса; но его больной, слабый голосъ, его утомленный видъ производить тягостное внечатльніе. Г. Кругловъ безусловно слабь въ роли мавританскато врача и въ его исполнении окончательно пропаль эффектъ оригинального монолого Эбиъ-Хакія. Г. Брыкинт имых заслужевный успыхь въ роли Роберта Бургундскиго. Хоры и оркестръ оставляли желать многаго. — Остается еще упомянуть о г. Оттаніани, выступависыв сначала какъ гастролеръ, а тенерь, повалимому, вошедшемъ въ составъ трупны. Это сильный теноръ, старательно выдрессированный но втильянскому шаблову; у него есть инсола и солидиая рутина. Что же васается его иртистическихъ идеяловъ, то опъ прежде всего съ чисто атлетическими цълями старается какъ можно подольше и посильные выдержать фермату на какой вибудь высокой поть, после чего публика всегда такъ охотно апплодпруети и опъ самъ такт бываеть доволенъ. Остальное-музыкальность исполнения, красивость оттынювь, вгра, все это имфеть для него второстепсиное значение: онъ зачистую мужиковать, вульгарень, напр., во 2-мь действін "Лючін", когда овь, грубо оттолкнувъ Лючію, со сакатыми кулаками угрожаетъ гостямь зорда Гастона. Его лучшая роль-Турилду въ "Сельской чести". - Изъпрежнихъ оперъ, кром'ь упомянутых в в прошлой корреспонденции, нозобновлевы: "Жизнь за Царя", "Русланъ", "Русака", "Пиковая Дама", "Афряканка", "Про-рокт", "Лючія", "Кармент", "Трубалурт", "Анда", "Наяцы" и "Сельская честь". Еще въ октябрв оперной дирекціей была сділана понытка поставись "Фаноритку" Доницетти. Главныя ролн-Эленоры и Фернандо поручили тжб Шау и г. Арендсу; но этимъ артистамъ, вполив приличными во второстепенныхъ, небольшихъ партіяхъ, эти роли оказались из по сидамъ; опи должны была счесть за счастье, что театра быль почты пустъ.

Театральная хроника.

Москва.

Вольшой театръ. 7 января на сценъ Большого театра состоялся утрений спектакль въ намять М. С. Щепкина. Сборъ со спектакля предвазвачается на стипендію имени знамевитаго артиста въ городскомъ училищь гор. Суджи, Курской губернія, гат ІЩенкинъ получилъ первовамятникъ. Въ началъ свектакля ва экранъ показанъ былъ видъ этого намятника, затъмъ передъ портретомъ М. С. Щепкина артистами была пролъта "Слава" и къ подножію портрета были положены лавровые въки депутаціями отъ артистовъ оперной в драматической труппъ московскихъ Імператорскихъ театровъ, отъ Общества драматическихъ писателей и отъ редакціи журнала "Артистъ". Последовавшій затъмъ спектакль состояль изъ трагедіи Шиллера "Орлеанская Дъва".

Малый театръ. 4-го январявъ Маломъ театръ состоялся юбвлейный спектакль, по случаю исполняющагося въ этотъ день стольтія со дня рождевія Александра Сергьевича Грибовдова. Было поставлено "Горе отъ ума", а въ началь спектакля артистами была пропьта "Слава" предъ быстомъ великаго писателя. Къ подножію бюста были положевы выка отъ оперной и драматической труппъ в отъ Общества драматическихъ писателей.

Кромь утренних спектаклей, обставленных молодыми сплами трупцы Малаго театра. и по вечерамь ставлтся теперь небольшія пьссы съ участіємь техь же лиць. По большей части это хорошіе старые воденили и оперетки, давно не возобновлявшісся. Всего болье имьла изъ нвхъ устака прежде очень любимая пьеска "Парики" (8-го япнаря). Удачно обставлевная (г. Яковлевь въ главной роли Жужу, г-жи Щепкина 2-я. Ка-

ратыгина, Юдина, Иванова, г. Оедотовъ), бойко, весело, съ ръдкимъ ансамблемъ рязыграниая (особенно комическій квинтетъ 3-й картины; она возбуждала взрывы гомерическаго хохота. Всъхъ исполнителей вызыкали и тъсколько разъ, а подъконецъ вызвали и режиссера г. Червевскаго.

Утрение спектакли, по уменьшеннымъ привать, съ участиемъ мододыхъ силъ драматической труппы, начались въ Маломъ театръ 8 января. Поставлевы были комедіи "На порогъ къ дълу" и

"Вѣеръ" Гольдони.

Въ текущемъ сезопъ, кромъ "Золота" Вл. Ив. Немировеча-Данченко, шедшаго 2 января въ бенефисъ г. Рыбакова, новыхъ пьесъ поставлено не будетъ. Послъ бенефисовъ гг. Садовскато. Макшеена и гжи Садовской, послъдениъ бенефисомътого сезона будетъ бенефисъ г. Музаля, артистической дъятельности котораго на Императорской сценъ исполняется 30 лктъ.

Театръ Солодовникова не состоится въ текущемъ сезовъ. По мивыю комиссіи, осматривавшей театръ, завије не уховлетворяетъ необходимымъ услопіямъ въ строительномъ отношеніи и въ отношеніи безовасности отъ пожара. Репетиціи на сцень этого театра, въ ожидавіи открытія, начались съ 6 декабря, а контракти съ артистами вступали въ силу съ 26 декабря, когла предполагалось начать спектакли.

Театръ "Новый Эрмитажъ" открылся въ половивъ девабря. На сценъ этого театра даетъ представленія труппа диляпутовъ, которая ставить комедія и оперетки. Съ ввѣшией стороны театръ представляетъ хорошо и удобно устроен-

ное помъщение.

Фабричные спектакли. 26 дегабря начались спектакли на фабрикъ Эмиля Цпидель комедіей Островскаго "Не въ свои сани не садись". Этотъ

спектакль быль повторень еще два раза для следующихъ двухъ см виъ рабочихъ, колячество которыхъ на фабрикъ значительно превосходить число мість вь театральномь заль. 1 января открыа лись по прим'вру прежнихъ летъ спектакли ни фабрикт Товарищества Прохоровской Трехгорнов Мануфактуры. Для перваго спектакля поставлени была "Чарольйка" съ участіем артистки г-ж-Волгиной и артистовъ частимхъ сценъ. Следуюmie спектакий ставилесь съ участіеми любителей драматическаго искусства и однет спектакль быль сыграпъ учениками драматическаго класса A. II. Лепскиго. Дапы были комедін Островскаго н Аверкіева.

Разныя изв'встія. Московская городская дума постановила, по поводу исполнявшагося стомітія со двя рожденія автора "Горя отъ ума" А. С. Грябовдова, прибить мраморную доску къ дому, въ которомъ родился знаменитый драматургъ (угозъ Новинскаго бузьвара и Девятинскаго переулка, теперь домъ братьевъ Усковыхъ) съ надписью о томъ, что здесь родился Грибовдовъ, и повъсить портреты А. С. Грибовдона въ залахъ пяти новыхъ городскихъ училищъ.

Предполагавшійся събядь актеровь въ Москвів

не состоптся.

Петербургъ.

Ев Величество Государыня Императрица Марія Осодоровни пожалонала 3000 руб. на устройство залы и сцены для душевно-больных в в в больныцъ Всіхъ Скорбищихъ по Нарвскому тракту. З лявари во вновь отделанной зале состоялся концертъ съ участіем в солистовъ Императорской капеллы.

Александринскій театръ. Чествованіе памяти А. С. Грибовдови, из день стольтией годовщины со времени его рожденія, состонлось въ Александринскомъ театръ 4 янвиря. Данъ быль утревній спектакль, начавнійся прологомъ П. И. Вейнберга "Милліонъ терзаній", послі котораго быль поставлень аноосовь в провіти Слава Грибобдову, а затёмъ сыграно "Горе отъ ума"

Драматическіе артисты Императорскихъ СПБ. театровъ организують на предстоящій літши сегонъ въсколько Товариществъ для артиствческихъ

туриа.

Съ 19-го и февраля по 24-е марта въ Александринскомъ театръ состоятся спектакли пъмецкой трупны подъ управленіемъ г. Бока. Въ числів артистовъ значится Фердинандъ Боинъ изъ въпскито "Hofburg Theater", пользующійся заслуженной репутаціей па германскихъ сценахъ. Изъ повыхъ выесь предположены къ постановить: "Die Schmetterlingsschlacht" Зудермана, три комедія Кадельбурга: "Zwei Wappen", "Zum wohlthätigen Zwech", "In Civil", комедія Фульда "Die Kameraden", комедія Шентапа "Cirkusleutc" и Томаса "Charleys Tante". Кром'в того, труппа нам'врена сыграть пьесы Бьернсона "Ein Fallissement" и "Dio Neuvermählten", Hocena "Nora", Konne "Der Geigenmacher von Cremona".

Въ текущемъ году исполнятся авадцатнавтіе служенія на Императорской драматической сцепь

вртиста-комика К. А. Варламова.

Маріпискій театръ. 8 няваря состоялся бевефисъ танцовщины М. К. Андерсонъ, получившей въ девабръ 1893 года весьна серьезные обжоги во время пожара въ уборной Маріинскаго театра. Бенефисъ этотъ быль для г жи Андерсонъ прощамынымъ, такъ какъ артистка выпуждена, благодаря случившемуся съ ней несчастью, покинуть навсегда сцену. Бепефиціантка появилась нъ билеть "Парижскій рынокъ". Публика

оделала сії трогательную оваціє и поднесла миого цивтови и цвиныхъ вещей. Г-жи Авлерсонъ уволена оть службы съ полнымь пансіономъ съ

сентябры 1893 года.

Театръ Кононова, Неметти, Малый и Palme (отг нашего корреспондента). Изъ театральныхъ повиновъ последняго времени наиболее питересвой является постановка на сценъ Копоновскаго театра драмы г-жи Л. Дубельтъ (Зеландъ) "Двѣ сизы". Драма эта, интересиал и оригивальная по зимыслу, весьма слабо выдержана въ своихъ деталяхъ. Въ ней выставлены два борющіяся противуположныя начила: съ одной стороны канитализмъ и кулачество въ лицъ богатаго хльботорговца и кабатчика Колесникова (г. Баступовъ) и группирующихся около него прихлебателей; съ другой сторовы — наука и просвищение въ лиць сына Колесникова Андрея (г. Казанскій), товарища Андрея—графа Свётлова-Стоянова (г. Ленскій), пародоой учительницы - Ката (г-жа Каренина) и восинтаницы Колесникова — Маши (г-жа Струйская). Въльесъ есть пеще одва сила-старикъ Власъ (г. Соколовъ) проповъдпикъ и моралистъ, итчто врода диди Акима во "Власти Тымы". Старикъ Кодесниковъ прижимаетъ народъ всевозможными вымогательствами и опанваеть его водкой. Въ самый разгаръ его дъятельности прівзжаеть его сыпъ Андрей, докторъ, молодой че. ловъкъ. полный энергін и силь, одушевленный желаніемъ беззаватно служить своему народу. Столквовение между отцомъ и сыномъ, выгнаннымъ еще съ дітства изъ отцовскаго дома, исизбъжно. Кромъ того они встръчаются сще на одномъ пути и въ дюбин къ одной и той же женщинъ, воспитавницъ Колесинкова Машъ. На этой борьбъ и построена вся ньеса. Ивкоторыя сцены ваписавы очень эффектно, во зато въ пьесъ есть длинноты, которыя ножно сокралтить или совсимъ выбросить. Вообще эта ньеса восить характеръ сившной работы; ее следовыло бы тщательные отдылать. Что касается исполнения, то очень хорошъ быль только г. Бастуновъ въ роли старика Колесинкова. Быль бы хорошъ и г. Казанскій ит роли Андрел, если бы онт ст самаго начала не взямъ слешкомъ приподнятаго това. Вссыма недурна была г-жа Каренина въ роли школьной учительницы и хорошь г. Соколовь въ въсколько ходульной роли Власа. Остальные нополнители и исполнительницы оставляють желать миогаго. Изъ дильнъйшихъ спектаклей въ Кононовской труппф следуеть отметить гастроли г. Далиатови.

Изъ спектаклей Малаго театра следуетть отмътите состоявшійся 22 декабря бепефисъ С. А. Пальма. Шла трехъактиан оперетка "Тетка изъ Тамбова" и совершенно безсывсленное обозржије подъ названіемъ: "Петербургъ во снъ и на яву". Подобное же "Новое зимпее обозръпіе Петер-

бурга" шло 19 декабря въ театръ Пеметти.

Изь д'вительности другихть чистныхъ театровъ сандуеть отметить спектакан ва театре "Palme". 19 декабря тимъ была поставлена съ огромпымъ успіхомъ трехълистная комедія "Charley's Tante con. "Brandon Thomas. Комедія были разыграва превосходно и имъла выдающися успъхъ. Въ томь же театри 26 декибря быль устроень прекрасный детскій спектакль; шла передёлка известнаго разсказа "Max und Moritz" Вингельма-Бушъ.

Театръ Исвекаго Общества народинхъ развлеченій. Репертуаръ театра Невскаго Общества состоиль за послышее время изъ пьесь: "Скупой", Мољера, "На бойкомъ мъстъ", "Шутники", "Бълпость не порокъ" А. И. Островскаго, "Киширская старини" Анеркісви, "Аленкій цвізточекъ" (переділана изъ сказки С. Т. Аксакови).

Васплеостровскій театръ чествоваль 4 январи память А. С. Грибовдона. Въ началь спектакля бызь исполнень прологь "Грибовловь у Бъгшчева". Затъмъ были сыграны: 4-ое дъйствие изъ "Горя отъ ума" и 2-ое дайствіе изъ комедін "Своя семья" и поставлены одиниадцать живых картина изъ "Горя отъ ума" Въ заключение поставлена была картина "Смерть Грибовдова", а оркестръ сыгралъ въ антракта пальсъ знаменитаго писателя. Васплеостровскій пародный театръ, которымъ завъдуетъ Общество дешевыхъ чиныхъ и столовыхъ въ ляцѣ Е. Е. Конялевскаго, постоявно совершенствуется и чимъ далбе, по словамъ "Нов. Вр.", темъ более пачинаеть отв'нчать цалямъ, положеннымъ ва основание устройства этого полезнаго дъла.

Заль Павловой. Въ заль Павловой пачались 29 декабря гастроли П. А. Стрепстовой. Для первыхт. спектаклей назначены: "Безъ вины выпова-тые". "Венеціанская актрись" и "Вторая моло-дооть".

Газныя извъстія. Вопросъ о чествованія памити А. С. Грибойдова по случаю стольтія со двя его рожденія возбудиль пренія въ засвянвін нетербургской Думы 30-го декабря. Комиссія по народному образованию предложила открыть вовую городскую читальню, назвавь ее именемъ велякаго писателя, и кромь того поставить бюсть его въ Александровскомъ саду. Финансовая комоссія, разсмотръвъ это предложение, отклонила открытие новой читальни, всябдствіе недостатки у города денегъ, но съ своей стороны предложила пазвать именемъ А. С. Гриботдова два городскихъ училища изъ десяти, предположенныхъ къ открытію въ будущемъ году. На этой почет и происходили пренія. Вопросъ баллотировался, и большинствомъ 36 голосовъ противъ 22 постановлено открыть еще одну (витую) новую безилатную чатальню въ Петербургъ, назнавъ ее пменемъ А. С. Гриботдова, съ темъ, чтобы городския управа изыскала пообходимый на то средства. Постановка бюста рвшени въ утвердительномъ смысле безъ баллоти-

Провинція.

Репертуаръ (1-31 декабря).

Ваку. Театръ-циркъ Алабова. Драматическая труппа полъ управа. В. И. Васильева - Вятскаго. "Меден"; "Семья преступника" (въ пользу больного артиста М. Т. Ивалова-Козельскаго); "Цъпи"; "Степь-матушка" (въ пользу "Об-ва взавмо-помощи"); "Чародъйка"; "Игра въ любовь"; "Ограбленнаниочта" (бенефисъ г. Кейзьверг); "Кинъ"; "Вогъ такл пилюли"; "Плолы просвещенія" (бе-пефись і-жи Бибиной 2-ой); "Майорша"; "Дочь къка"; "Царскал певеста"; "Отчій домъ" и др.

Вильна. Городской театра. Дрямат. труппа подъ управ. К. Н. Невлобина. "Цытанка Завда"; "Клубъ холостяковъ"; "Ева"; "Отъ борьбы къ борьбь"; "Сничиннъ": (бенефисъ г. Каменскаго); "Мидине Sans-Gêne; "Первая муха" (бенефисъ г. каменскаго); "Мидине Sans-Gêne; "Первая муха" (бенефисъ г. каменскаго); "Мидине Sans-Gêne; "Первая муха" (бенефисъ г. каменскато); За монастыпогой стриой". г-жи Карпенко); "За монастырской стэной"; "Фофанъ"; "Гориованодчикъ"; "Плоди просвещенія"; "Кинъ"; "Дв'в сиротки"; "Жаворонокъ" (утромъ); "Сплетив"; "Циганка Занда" (утромъ); "Испорченвая жизпы"; "На жизпевномъ пяру (бенефисъ г. Неронова); "Игри въ любовь"; "Женитьба БВлугива" (утромъ).

Казань. Городской театрь. Товарвщество драмат. артистовъ подъ управл. М. М. Борохал. "Нора"; "Плоды просвъщенія"; "Ренизоръ" (утромъ); "Хворан", "Саничкивъ"; "Горе отъ ума";

"Цыганка Запда": "Сивгурочка"; "Золото"; "Сивгурочка": "Король Лиръ": "Темпал сыла": "Нва-новъ": "Медвъдь сосвыталъ" (бопефисъ г. Шувалова); "Уріель Акоста" (благотвор. свект.). "Серд-це не камевь"; "Нора" (благотв. спект.); "На родинь": "Па всякого мудрени довожно простоты" Madamo Sans-Gêno" (бенефисъ г-жи Строевой-Сокольской); "Везприданница"; "Судебвая ошиб-ка" (утромъ); Свъгурочка"; "Отслю" (утромъ); "Хворая"; "Вольпая пташка"; "Первый винокуръ"; "Заколдопанный приниъ" (утромъ); "Нашъ другъ Иеклюжевь"; "Пепограшимый"; "Жизнь Илимова" (бенефисъ г. Каширина); "Жаворонокъ".
Кіенъ Городской театръ Оперики труппа подъ

управи. паследи. 1. Я. Сетова. "Искатели жемчуга" (бенеф. г. Борисенко); "Жиловка"; "Фаустъ" (утромъ): "Самсонъ и Далила"; жизвь зи Царя" (утромъ): "Русланъ и Людмила"; "Евгеній Опъгинъ": "Кармэнъ"; "Евгеній Онвгивъ" (утромъ); "Паковая Дама"; "Анда"; "Самсонъ и Далим"; "Тавгейзеръ"; "Кармэнъ"; "Риголетто" (утромъ); "Африванка" (бенефисъ г. Виноградова); "Сам-"Африканка" (бенефисъ г. Випоградова); "Сам-сопъ и Далила"; "Пророкъ"; "Тангейзеръ"; "Рус-данъ и Людмила" (утромъ); "Евгеній Онъгвиъ"; "Жизпь за Цари" (утромъ); "Самонъ и Далила", "Вертеръ"; "Африканка"; "Демонъ"; "Вертеръ" Драматическій театръ. Труппа подъ управл. Н. Н. Соловцова. "Клубъ колостяковъ"; "Самет-пи": "Чашка чало" (бенеф. г. Чаварова); "Ласъ"

ин": "Чашка чаю" (оенеф. г. чаварова); "м. ж. с. с. (утроль); "Роковой шагь"; "Меблир. воми. Королева"; Борьба за счастье"; "Денежные тузч"; "Старый барнить"; "Жизнь": "Плолы просвъщения"; "Жоржь Данденть" (утромь); "По просту безъватьй"; "Она помъщана": "Зимияя сказка"; "Испорченная жизпъ"; "Угнетепвал пенвность" (безърачения жизпъ"; "Угнетепвал пенвность" (безърачения жизпъ"). вефисъ г. Киселевскаго): "Честь": "Пгра въ лю-бовь"; "Свътскія шврмы" (бенефисъ г.жи Двъп-ровой); "Плоды просвъщенія"; "Мадате Sans-Géno" (два раза); "Жевитьба"; "Русалка" (ут-ромъ, въ пользу нивалидовъ); "Испорченва "Зимняя свазва" (утромы); "Кручнва": "Іолянта"; "Меблир. комн. Королева" (утромъ); "Мадате Sans-Géne"; "Плоды просвыщенія": Madame Sans-Gene", "Въ забытой усадьбъ"; "Мъщапинъ въ дворянствъ" (утрений спектакль); "Фофавъ"; "Супружеское счастье".

пружеское счастье".

Саратовъ. Городской театръ. Товар. оперныхъ театровъ подъ управа. Н. В. Унковскаго "Паявы", "Мавспа", "Риголетто", "Рогивда", "Выль-маскирадъ", "Кармовъ", "Руслытъ и Людмила", "Паявы", "Африканка", "Демонъ", "Робертъ-Дълиолъ", "Евгеній Оветпит", "Фаустъ" (утромъ), "Кармовъ", "Мизнь за Царл" (утромъ), "Палны", "Руслапъ и Людмила" (утромъ), "Рогинда", "Демонъ", "Вражъл Сила" (бенефисъ г. Петрова), "Риголетто".

Тиблистъ Казенный театръ. Антреприяд В. Л.

Тифлисъ. Казенный театръ. Антреприза В. Л. Форкатти. Русская опера. "Травіата", "Гиголетто", "Фаусть", "Самсонъ и Далила", "Демонъ", "Аида", "Самсонъ и Далила", "Баль-маскаралъ", "Анда", "Самсонь и далила", "Биз-маскараль", "Гугеноты", "Ромео и Джульетта", "Кармонт", "Самсонъ и далила", "Риголетто", "Киловка", "Ромео и Джульетта", "Африкавка", "Фаустъ" (утромъ), "Нророкъ", "Кармонъ", "Ромео и Джульетта" (утромъ), "Жидовка", "Паяца", "Сельская честь ..

Харьковъ. Драматическій театръ и труппа А. Н. Диковой. "Урісль Акоста", "Троглодить" (бенефисъ г-жи Ивановичъ), "Женитьба" (утромъ), "Другъ женщинъ", "Волки и овди", "Скупойры-"Другь жепщинь", "Полки и овцы", "Скупоиры-парь", "Плоды просвъщенія" (утромъ), "Донъ-Кіуант", "Фаустъ" (бенефисъ г. Детипа), "Но-вое дъло", "За монастырской ствюй", "Гувер-неръ" (утромъ), "Америнсанка", "Бевъ вины вино-ватые", "Фаустъ" (бенеф. г. Смирнова 2), "Око

за око", "Доходное мъсто" (благотв. спект), "Пстербургскіе когти", "Доходное місто" (утромь), "Послідняя воля", "Дві спротки", "Семья преступника", "Талапты и поклонники", "Столичный воздукъ", "Ревизоръ" (утромъ), "Дармова-ка", "Гамлетъ" (утромъ), "Пгра въ любонь", "Борьба за существованіе", "Убійство Коверлеїї" (бенеф. декоратора г. Суворова), "Перонъ", "Вотъ такъ пилюди", "Волшебная фаейта", "Школьный учитель" (утрея. дътскій спект.), "Свадьба Фи-

Коммерческаго Собранія. Опершая Театръ трупна. Дпрекція Е. Д. Эспозито. "Пуритане", трупна. Диревия Е. д. Эсновно. "Пуричане", "Поланта", "Трубелурь", "Руслань и Людинда" (благ. спект.), "Самсонь и Далила", "Лоданта", "Деревекская честь", "Пуритаве", "Демовъ", "Фаусть", "Пророкъ", "Евгеній Ов'ягинь" (благотв. спект.), "Руслака" (благотв. спект.), "Руслака" (благотв. спект.), "Руслака" (благотв. спект.), "Самсонь пламан", "Руслака" (благотв. спект.), "Самсонь пламан", "Руслака" (удрома) Продокъ" фа я Далила", "Русалка" (утромъ), "Пророкъ", "Фаусть" (утромъ), "Самсонъ п Дилила", "Гугено-

Факты и слухи.

Спектакан въ намять А. С. Грибобдова. Въ день стольтней годовщины со времени рождепіл автора "Горе отъ ума", 4 ливаря, нъкоторые изъ провинціальных в театровъ и любительсвихъ Обществъ почтили намять знаменитаго писателя востановкою его комедіп. Въ Астрахапи въ главвыхъ роляхъ выступила: гг. Самойловъ-Мичуринъ (Чацкій), Тихововъ (Фамусовъ), г-жи Строгова (Софья), Даргомыжская (Лизэ). Спектакть закончвлся живой картевой апофеозомь. Въ Казани "Горе отъ ума* дано было для утреп-ияго спектакля, съ г. Самойловымъ въ роли Чацкаго. Въ апофеозъ была представлена на передвемъ плант: сцена изъ комедін, когда группа лицъ объявляеть Чапкаго сумаспедшимъ; сзали паходился бюсть Гриботдови. Въ полтавскомъ зимнемъ театръ Товарищестномъ драматическихъ артистовъ подъ управа. Е. И. Петровской было по-ставлено, "Горе отъ ума". Въ Неколаевъ памить Грибовдова чествовалъ постановкого его вомедін ивстный артистическій кружокъ. Въ Одессъ память Грибо:ндова чествовали очень скромно. Ня въ одномъ изъ театровъ "Горе отъ ума" постав-лено не было. Славянское Общество почтило намять писателя исполнениемъ двухъ актовъ изъ ого комедін и чтеніемъ лекпін о вемъ въ городской аудвторін. Въ Риг'в русская драматвческая труп-па г-жи Щербаковой всполила всю комедію. Въ Юрьевь въ театръ с. Змигродскаго была прочитана комедія: чтецомъ выступнав г. Змигродскій; сцена представляла соотвътствующую декорацію съ портретомъ Грибовдова по срединъ. Въ Либавь састролирующая тама русская труппа подъ управленіемъ г. Чупрова исполнила отрывки изъ Горя отъ ума". Въ Ростовъ на Дону Тонарищество драматических артистовь подъ управлені-смъ г. Спвельнокова сыграло комедію и валъмъ поставило апофеозъ: "Грыбовдовъ въ семью рус-скихъ писателей". Въ Тифлисъ, утромъ была отслужена панвхида на могиле Грибовдова, а вечеромъ пъ артистическонъ Обществъ любители исполнили "Горе отъ ума". Въ Саратовъ память Грибо вдова ночтило литературпо-художественнымъ вечеромъ Общество изящныхъ искусствъ. Въ Натъ, на сценъ городского театра, комедія Грибобдова была развирана любителями, съ участіемъ артиста г. Черенова п артистки г-жи Поновой-Азотовой. По окопчавіи сисктакля была поста-

влена живая картина-апофеозъ. На 6 января было вазимчено повторение этого спектакля по общедоступнымъ цепамъ. Въ Тагапроге "Горе отъ уми", въ исполнении Товарищества подъ управлевіемъ г. Ягеллова, щло въ этотъ день вы бенефисъ г-жи Упаровой. Въ Самара труппой подъ управа. г.-эки Молгачевой в г. Грубина была исполвена комедія, предъ началомъ которой прочитавъ былъ очеркъ жизни и двятельности Грибовдова; съ учащихся на этотъ спектакаь взамылась половинния плата. Въ Харьковъ, въ драматическомъ театри г-жи Дюковой, поставлено было "Горе отъ ума", а по овончания ея апофеозъ съ чтешемъ предъ бюстомъ Грибовдова стихотвореиіл, посвященнаго его памяти. Въ Оренбургъ "Горе отъ ума" было разыграно учениками киргивской учительской инколы и мужской гимназін; спектикли были даны 2 и 3 яниаря.

Баку. Спектакль, данный труппою г. Васильева-Вятскаго въ пользу больвого артиста М. Т. Иванова-Козельскаго, далъ меньше 200 руб. ва-

лового сбора.

Варшава. Дирекція варшавских в театровъ предложила артисту Алексаидринскаго театра Н. О. Сазонову организовать русскіе драматическіеспектакии въ течение предстоящаго великаго поста.

Вильии. Виленскій губерваторъ, по сообщенію "Вилеп. Въсти.", вновь обратился съ отзывомъ въ городскую управу по вопросу о постройкъ новаго зданія для виленскаго театра или о перестройны пыив существующаго. Вопросъ этотъ обсуждается виденскою городскою думой уже льть десять. Посабавее постановление думы по этому поводу состеннось 5 марта 1892 г., при чемъ постройка театра исчислева въ 265 тысячърублей, мъстомъ была избрана дровяная площадь. Относительно средствъ на постройку дума постановала ходитийствовать о пособін отъ казны, а остильную сунму ассигновать изъ безпроцентного на этоть предметь займа въ государственномъ казначействъ. Заемъ предполагалось погащать ежеголнымь взносомъ по 10 тысячь рублей, освобожданеь въ то же время отъ уплаты субсядів, выдаваемой пыпь на поддержание городского театра.

Екатеринославъ. Въ театръ Копылова, въ которомъ прекратились спектакли Товарищества подъ управа. г. Галицкаго, съ 27 декабря начались спектакли оперной труппы подъ управле-ніемь В. Н. Либимова. Въ составъ труппы входять: г-жи Дворецъ, Картавина, Фингерть, Свътлова, гг. Агулинъ, Любимовъ, Борисовъ, Каміон-

скій, Горди, Орловъ и др.

Базань. Городская театральная комиссія поставовила сдать театръ ва булущій зимній сезонъ Товариществу подъ управления М. М. Бородая на прежнихъ условіяхъ, при чемъ обязательный двухм'єсячный сезонъ оперы можетъ быть въ начиль или концъ зимпяго сезона. Окончательное ръшение вопроса о сдачъ театра зависитъ отъ городской думы.

Кіевъ. Въ декабръ на оперной сцень горолского театра гастродировала г-жа Адель Борги. выступавшая въ операхъ "Кармевъ", "Анда", Про-

рокъ", "Самсонъ и Далила"

Вь текущемъ сезонъ на оперной сценъ будетъ поставлена въ первый разъ опера Н. А. Римскаго-Корсакова "Сн. вгурочка".

Ковно. Автреприза Ковенского театра на остальное время сезона перешла отъ г. Кузнецо-

ва къг. Леонову. Крисноврскъ. 30 ноября начала свои гастроли опереточная труппа водъ управленіемъ С. В. Врагина, прибывшая сюда изъ Томска.

Минскъ. На смъну распавшейся драматиче-

ской труппы, правшей въ городскомъ театръ,

подъ управл. г. Волгипа, прибыла оперсточная труппи, режиссируемая г. Владиміровымъ. Спектакли этой труппы пачальсь 26-го декабря.

Одесса. М'Естная течать очень неодобрительно отозвалась о дарованіи и артистических в способностях г-жи Алексавдры Віарда, выступнявшей и сценах и из "Урігля Акосты" (въ роли Урігля) и "Деборы" (въ роли Деборы).

Въ течене первыго мъсяца со для открытія спектаклей итильянской оперы въ городскомъ театръ видовой сборъ достигь суммы около 45,000 руб. вли около 1560 руб. срединиъ числомъ за

каждый спектикль.

Саратовъ. Въ засъдани саратовской городской дуны обсуживаел, 4 января, вопросъ о сдачь нь аненду городского театра. Въ театральный комптеть поступным заплаенія о желапін сиять театръ от гг. Бородал, Ильптевича, Фюрера и г-жи Муранской. Г. Бородий объщаетъ дать хорошую драму и оперу попереминю, съ начала сезона до 1 ноября драму, а затъмъ онеру. Кромъ того онъ предлагаетъ давать драматическіе спектакан съ Пасхи и до 1 мая, во па это время просить уступить ему театрь безплатно, взамбив чего объщаеть сдылать вовыя декораціи и оставить ихъ въ собственность города. Кром'я того опъ просить отдать ему въ пользование выпалки безплатно, или сдать ему въ аренду. Театральный комитеть согласилси на эти условія, исключая отдачи въшалокъ и театра на вссений севонъ. Городская дума постановили сдить театръ на сезовъ 1895-96 г. Товариществу г. Бородая на его условіяхъ, но безь вішалокъ и уступить ему театръ безплатно со 2 апръля по 1 мая нынъшняго года. Въ томъ же засъданія думы разсматривался вопросъ о перестройка городскиго театра. Дума постаповили: вопросъ о расширении театра, разыврахъ и тнай расширенія, стоямости этого нан о постройв в другого театра передать на предварительное заключение, особой комиссии, театральваго комитета п техниковъ. На заключение той же комиссін перелань и вопрось объ электрическомъ освещении театра.

Старый Осколь. Съ 1 декабря здесь начались спектыкли Товарищества драматическихъ артистовъ поль управленіемь Л. Д. Гончарова. Въ составіз труппы находятся г-жи Милославская, Роммовичъ. Солвцева, Осдорова, гг. Гопчаровъ, Кад-

впковъ, Кадминъ, Оедоровъ и др.

Таганрогъ. Опервая труппа поль управленіемъ г. Любимова сделала здесь хороше сборы. За 11 спектаклей взято около 7200 рублей валового сбора. Спектавля Товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Ягеллова вачались съ рождественскихъ приздияковъ.

Феодосія. Ремонть городского концертного зала законченъ и залъ отдается желающимъ для устройстви сиектаклей и вонпертовъ,

Народный театръ.

Школьные спектавли. Намь уже не разъ случалось упоминать о школьныхъ спектакляхъ, устранваемыхъ на святкахъ въ Кромахъ по нвиціативъ В. А. Шевшина. Для этих спектаклей, въ которыхъ вграють деревенскіе мальчики-школьвики, г. Шевшинъ ежогодно пашета пьесы, приивнительныя по своему содержанію къ понятіямъ простого народа. Ныпышними святками была поставлена въ Криваниювской школь пьеса "Блаж-Вісти.", крестьянскій юпоша, томимый жаз:дой знанія. Опъ кончилъ курсь народнаго учиапща, прочвтаят кое какія хорошія квижки, увлечепів которыми вызываеть недовольство и порицавіе окружающиха. Его прозвили за это "Блажимый. Юпоши уходить изъ деревии въ столицу и много льтъ спустя возвращается домой обогащенный знаціями и матеріально обезпеченный. Первое его дело-пожертвование денегь на устройство школы.

1 января въ сель Рождествень (Царскос. у.) была представлена пьеса "Степка отивтый". Играли ученики министерской, нъ память В. И. Рукавишникона, школы, подъ руководствомъ учителя И. В. Чошина. Спектакль, по сообщению "Рус. Ж.", доставиль миого удовольствін какт миленыкимъ нсполнителямъ, такъ и крестьянамъ, которые съ большимъ вниманіемъ савдили за ходомъ пред-ставленія и отъ души смъялись при забавныхъ выходкахъ героя. Благодаря удачному выбору пьески, дэти вошли въ роль и очень живо изображали эта сценки изъ незатъйливой жизви престыянскихъ ребять. Когда же, въ за--яди началь и ильные артисты запыли и началь плясать, публика пришла въ восторгъ и потребовала повторенія.

Спектакль для парода, устроенный любитолями въ Купянски, описанъ въ корреспонденція

въ настоящемъ № "Артиста".

Святочный народный чентръ въ Вълоруссін. Къ числу питересивникъ памятниковъ бълорусской народной старивы привидлежить скаточный кукольный театръ, о которонъ сообщаетъ г. К. Богдановскій въ "Минскомъ Інсткъ" (У 102, 1894). Театръ пріурочивается къ рождественскимъ святкамъ и носить пазнаніе беплейки, происшедшее отъ латинскато ванменования города Внолеема, гав родился Спаситель міра. Какъ показываеть самое казваніе, пьесы святочнаго былорусскаго театра ви старину носям священный характеръ и имъхи ближайшее отношение въ евапгельскому событие Рождества Христова. Это были среднев ковыя мистерін, перенесецный ва сцену кукольваго театра. Съ теченіся в времени святочный былорусскій театры получиль характеры сивтскій и въ его скудный репертуарь вошли пьесы съ чисто-бълорусскими народными чертимя. Это целый рядъ комико-сатирическихъ портретовъ, выхваченныхъ изъ дъйствительной жизни, изъ которыхъ каждый носить тиническія, только ему свойственныя черты.

Монологическая форма господствуеть на кукольной сцень, хотя им бють забсь мысто и алоги, а также ибніе, сопровождаемое музыкой, и танцы. Предъ глазами прителей проходять однив за другимъ: бълорусскій мужикъ Матьй, его жепа, докторъ, казакъ, жидъ, Антонъ съ козой, католическій ксендув наи мональ, собирающій святочное подояние и лр. Пепреманимъ дайствующимъ дицомъ комедін является также чортъ. Особенно характерны и типичны двиа мужика Матія и доктора. Білоруссь Матій характеризуется какт обжора и простакт. Появившись на сцент опъ выражаетъ изундение: все ему вокругъ кажется "чирвово-зелено, перавпучи якъ у костель". Затьмъ Матьй разсказываеть, какъ нь сочельникъ онъ объблся кутьпу какого то пана до того, что пришлось пригласить доктора Поянляется фигура, облеченная въ европейскій костюмъ, инображиющая доктора, который рекомевдуется въ комико-сатиряческомъ духъ. Овъ начинаеть льчить обжору. Льченів совершается очень просто. Поставивъ діагнозъ и рышивъ, что въ давномъ случать требуются потогонным средства, докторъ, безъ дальнихъ разговоровъ, приинмается тузить мужика-обжору, приговаравая: "Матъй, потъй! Матъй, потъй! Таковы характериын черты двухъ главныхъ типовъ. Ихъ появленіе и діалогъ исполнены неподл'єльнаго, чисто білорусскаго народваго юмора. Въ томъ же духі и остальныя сцены білорусской кукольной

комедін.

Фабричные театры. На фабрик Валаминской мануфактуры, близь станціи Салтыковка, Московско-Нижегородской дороги, 26 декабря открылись спектакли въ новомъ театр в. вм вщающемъ до двухъ тысячь человъкъ. Весною имъвшиято года предполигается постройка большого лътяго театра для рабочихъ и служащихъ на фабрик Вогородско-Глуховской мануфактуры, близъ г. Богородска, Московской губернів. Вътекущемъ зимиемъ сезон в нъсколько спектаклей дя фабричныхъ было устроено на клубной сцен в этой мануфактуры.

Малорусскія труппы.

Въ началъ второй половины декабря малорусския труппа, игравшая подъ режиссерствомъ г. Касипепко въ Харьковъ, въ театръ-циркъ братьевъ Никитиныхъ, прекратила свои спектакли. Съ 26 декабря въ этомъ театр' ввачались спектакав Товарищества г. Кропивницкаге, прибывшаго сюда изъ Бобруйска. Спектакан этого Товарищестна продолжатся до ковца зимвяго сезона. Товарищества гг. Садовскаго и Саксаганскаго играютъ до конца сезона въ двухъ одесскихъ театрахъ. Товарищество г. Деркача продолжаетъ спектавля въ Ростовъ. Товарищество г. Мирова-Бедюха возвратвлось взъ путешествія по западной Сибири и съ рождественскихъ праздниковъ начало свои гастроли въ Твери. Летній сезопъ Товаримество г. Садовскаго предполагаета пграть въ Харьковъ, въ саду "Тпволи". Товарищество г. Кропивницкаго предполагаетъ совершить лътомъ повадку по Волгъ.

22-го явваря въ г. Торжий кружокъ московскихъ любителей съ О. М. Шавровой во главъ съ успъхомъ поставилъ пьесу Ибсена "Нора".

Любители.

Тырлисскій музыкальный кружокъ. Одвимъ наь крупивишихъ событій въ жизни и двятельности провинціальных любительских Обществъ является за последнее премя возрождение Тифлисского музыкального кружка. Осенью прошлого года за кружкомъ накопилось больше десяти тысячь рублей долга, и предстояло или изыскать источники для покрытія этой суммы, или жиквидировать дела кружка. Благодаря стараціямъ . лицъ, стоящихъ во главъ кружка и встхъ сочувствующихъ его существовавів, кружку удалось благополучно пережить кризись. Кредиторы кружка ващи возможнымъ сделать крупныя скидки съ долговыхъ обизательствъ, а среди членовъ кружка вашлись лица, оказавшія матеріальную номощь не ушлать долговъ. Кружокъ такимъ образомъ возродплся п, вмість є "Кавказомъ", слідуєть выразить належду, что члены кружка предлауть въчному забвевио личные счеты и распри и, воолушевившись общимгь деломъ, приложатъ свои труды и старанія къ поддержке и дальный пему процистанию кружка. Открыти кружка состоялось 26 декабря. Поставлены были конпертное отдълевіе и сцены изъ оперы "Апда".

Иноязычный театръ.

Армянскій. Въ Ваку, въ театр'я Тагіева, начались 22 декабря спектакли армянской труппы подъ управленіемъ артяста г. О. Абеляна пиодъ режиссерствомъ г. Араксянь. Репертуаръ труппы состовть преимущественно изъ переводныхъ пьесъ современнаго репертуара. Для открытія сиектакли шло "Доходное мъсто" А. Н. Островскаго. Въ чвель пьест дальныйшихъ спектаклей быль также и "Свадьба Кречнискаго". Изъ Баку ота труппа предполагаетъ отправиться въ Астрахань, Ростовъ-па-Дону, Нахичевавь, Харьковъ и Москву.

Грузинскій. Спектакли грузинской трушы поль режиссерствомъ г. Алекс вева-Мескіева пачались въ отремонтированномъ послв пожара Тифлисскомъ Банковскомъ тсатръ 26 декабря. 28 декабря артистъ этой труппы, Коист. Ды. Ки-піани, праздноваль 25-летній юбилей своей сцевической делтельности. Съ имевемъ г. Кипіани связава исторія возинкновенія въ Тифлись постояннаго грузинскаго театра, съ 1879 г. По отзывамъ мъстной печати, пгра г. Кипіани от.т. частся художиственностью п реальностью. Репертуаръ его весьма разпообразенъ: лучшими ролями его считаются "Шейлокъ", "Король Лиръ", "Коррадо", "Ришелье", "Юсовъ" и др. К. Д. Кипіани пыступаль и на литературномь поприщь. Имъ написана оригинальная пьеса "Два отща" и переведоны пісколько пьесь на грузинскій языкь; кром'в того, овъ пом'встиль не мало статей въ русскихъ и грузинскихъ періодическихъ издацінкъ. Празднованіе юбилея прошло весьма торжественио. К. Д. Кипіави были припесены поздравлевін отъ артистовъ, отъ дирекцін казеппаго Тпфинсского театра, отъ грузинского драматическаго Общества, а тикже подвесены адресы в подарки. Въ свой юбълейный бевефисъ г. Киніани исполният роль Коррадо въ "Семь в преступ-

Разныя извѣстія.

Закрытіе театри. Кружокъ побителей драматическаго искусства хлоноталь о разръшеніи спектаклей въ Очкинскомъ театръ, въ Саратовъ, но разръшенія не послъдовало, такъ кикъ театръ этотъ администраціей призванъ небезонаснымъ для публики. По слухамъ, передаваемымъ "Сар. Дист.", представленія пъ театръ Очкика не будутъ больно допускаться и зданіе будетъ весною разобрано.

"Утренияви" въ провинцій. За премя святокъ Товарищество драматических артистовъ, пграющее въ Астрахани, дало только одивъ утренній спектакль. Опыть предыдущихъ вът показаль, что дневныя представденія едва оправдывають расходы, и поэтому Товарищество отъ пихъ от-

казалось.

Ваку. 4 января огромпых размёровъ афина извёстила бакинцевъ, что въ театрѣ Алабова будетъ спектакль, въ которомъ "Чудо человъкъ" съ желѣзнымъ желудкомъ, будетъ ѣстъ старыя калони, несокъ, грязъ, трянки и проч., а труппа калони, несокъ, грязъ, трянки и проч., а съ появленеть въ этотъ вечеръ быль пустъ, а съ появленемъ феномена XIX въка и небольшая групна пптезлигенціи, бывшей въ театръ, оставила залъ. Изъ этого следуетъ, говоритъ "Каспій", что какъ пн низко нало у насъ театральное лело и служеніе искусству, публика все-таки не смъщиваетъ театра съ плохимъ базаганомъ, и зредище, какъ пъ-за хлъба человъкъ публичю готовъ ъсть старыя калопии и трянки, не увлекаетъ ее, не даетъ сборопъ.

Автнія турна. Изъ кісноких оперных артистовь сформировано, по словамь "Ж. и Иск.", Товарищество для гастродей вы весеннемы сезові по юживымь городамь Россіп. Вы составы Товарищества входять: г-жи Маршадь, Морскан-Япиконская, Корецкая, Азерская, гг. Агуливь, Мор-

ской, Випоградовъ, Образцовъ, Горянновъ и др. Капельмейстеръ г. Труффи, режиссеръ г. Дума. Спектакль въ пользу богадъльни артис-

Спектакль въ пользу богадельни артистовъ, которую предполагается учредить въ Москвѣ, быль дань въ Вологаѣ Товариществомъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ А. И. Громова, 20 декабря. Сборъ быль очень незначительний, иемиого болѣе 50 рублей.

Шексинръ и Шиллеръ въ провинціи. "Екатериво, ведёля" приводить изъ афишъ мѣстнаго театра, гдѣ играетъ Товарищество драматирескихъ артистовъ, подъ управленіемъ г.жи Попизовской, назвайя, которыми были тамъ обозначены лѣйст-

артистовъ, подъ управлениемъ г-жи Попизовской, названія, которыми были тамъ обозначены дъйствія и сцены трагеліи "Король Лиръ" и "Коварство и любовь". Афиша "Короля Лира", была украшена такими названіями сцепъ: "Британскій левъ", "Разставленвыя съти", "Проклятіе отца", "Нежданный визитъ", "Черная неблагодарность", "Поль открытымъ небомъ", "Награда за страданія", "Бой на смерть". Сцены трагедія "Коварство и мобовь", названы такъ: "Пріютъ любви", "Адскій замысель", "Потокъ страсти", "Дьявольская месть", "Придворная интрига", "Смертный приговоръ", "Предатель", "Февальный аккордъ", "Послёднее прости".

Некрологъ.

И. С. Савинъ. 25 декабря скончался въ Могимевъ-губерискомъ артистъ Изларіонъ Саввичъ Савинъ. Покойный больше двадцати пяти лътъ служилъ провинціальной сценъ, вачавъ свою карьеру еще юношей въ Харьковъ. Дъятельвость его прошла преимущественно на югъ. И. С. Савинъ занималъ амплуа комиковъ и простаковъ, замѣтно выдълясь своимъ дарованіемъ. Какъ человъкъ и товарищъ, покойный пользовался семпатіями въ провивціальномъ артистическомъ міръ.

Музыкальная хроника.

Москва.

Въ Большомъ театръ оперные спектакли начались перваго января. Для открытія сезона поставлена "Жизнь за Царя", съ г-жами Марковой (Автонида), Звяги пой (Ваня), гг. Донскимъ (Са-бишивъ) и Трезвинскимъ (Сусанияъ).

Съ 1 по 15 января даны изъ оперъ: — "Жизнь за Царя", "Русалка", "Травіата", "Демонъ" (два раза), "Мелузина", "Донъ Жуанъ" и "Анда", трагедія: "Орлеанская тыва" (два раза) и балеты: "Конекъ горбунокъ" (три раза) и "Кипрская ста-

луя". 11 января въ Большомъ театръ въ оперъ "Демонъ" справляла десятильтие сценической службы г-жа Салина. Артистка исполеяла роль Тамары.

Ей подмесены цвиные подарки и цвыты.

Въ "Андъ" 20 явваря дебютировала въ ролн Амперисъ г-жа Штанге - безг особаго уснъха.

24 явваря съ большимъ успъхомъ впервые пла опера г. Бларамберга "Тушинцы". Многіе нумера бисированы, автора вывывали посяв каждаго акта; артистамъ, дирижеру, декоратору сделана овація.

"Неронъ" Рубинштейна, предполагавшійся въ бенефисъ Корсова, отложенъ до будущаго сезона.

Собранія Русскаго Мувыкальнаго Общества возобповились въ половинъ января. Въ виду недостатка времени, дирекція Общества въ теченіе второй половины зимняго севона дастъ только еще пять симфоническихъ собраній. Второе, съ участіємъ М. П. Долиной (оперной артистки петербургской Маріинской сцепы) и Н. В. Гржимали, состоялось 14 января, посвященное памяти Чайковскаго, потому его программа состояла исключительно изъ произведений чествуемаго композитора. Третье собраніе, съ участіемъ піаписта Ферруччіо Бузопи дано было 27 январл.

Для второй серін квартетных собраній (на 31-е января и 2-е февраля) приглашенъ извъстный чешскій квиртетъ. Составъ его: Карлъ Гофманъ (1 скрипка), Іосифъ Сукъ (2 скрипка), Оскаръ Недбаль (альтъ) и Гансъ Виганъ (віолоп-

deri).

Въ первомъ собранія будеть исполнень квар-теть (e-moll "Изъ моей жизин") Сметана, квартеть (Es-dur)-Дворжака, и квартеть (F-dur, ор. 59) — Бетховена. Во второма: квартеть (b-moll)

Танъева, (a-moll)—Шуберта и (C-dur) — Двор-

жака.

15-го января Русское Музыкальное Общество и его московская консерваторія чествовали двадцатиничнятіе педагогической и артистической деятельности И. В. Гржимали. Почтенный мувыканть родился въ Пильзень (Богемія) въ 1844 году и начальное музыкальное образование получиль отъ отда. Въ то время почетной извъстностью пользовался скрипачъ Мильднеръ. У пего то въ классь и окончилъ блистательно въ 1861 году курсъ пражской консерваторін 17-льтній Гржимали, постушивъ въ этотъ образцовый музыкальный институть всего одинадцити леть отъ роду. Талантливо выдвинувшійся въ ученическихъ концертахъ консерваторін, опъ, тотчасъ по выхоль отгуда рискнуль пуститься въ концертный путешествія. Больной его успѣхь во мпогихъ го-родахь Австрія, Венгрія, Богемія и Голландія доказаль, что ему печего было бояться карьеры виртуоза. Около 1869 г. онъ, по конкуреу, заняль мьсто солиста въ филармоническомъ оркестръ Амстердама. Къ тому же времени началась и его педагогическая двятельность, въ которой онъ себя сразу отлично зарекомендоваль. Какъ разъ въ 1869 году Н. Г. Рубинштейнъ, умъвшій угадывать нужныхъ ему людей, пригласить И. В. препода-вателемъ скрипки въ московскую консерваторію, гда профессоромь по этому инструменту быль тогда знаменитый Лаубъ. Шесть льтъ спустя Лаубь опасно запемогъ, а вскорв затъмъ и скончался. И. В. порученъ былъ сго классъ, и съ тахъ поръ по настоящее время г. Гржимали съ честью ведеть его уже въ звалін профессора первой степени. Заслуги почтениаго профессора очень велики. Много подъ его руководствомъ образовала московская консерваторія отличныхъ скрипачей. Ихъ не мало появляется на эстрадь въ качествъ видныхъ виртуозовъ, еще больше ихъ сидить за оркестровыми пультами столичныхъ и провинціальныхъ театровъ.

Въ консерваторіи, 6 декабря, въ намять основателя Инколан Григорьевича Рубинштейна, данъ быль экстренный музыкальный вечерь, при псилючительвомъ участіи учащихся. Вотъ составъ про-

граммы всполненныхъ пьесъ:

1) Гимиъ; 2) квинтетъ для ф.-и. и струнныхъ пиструментовъ; исполнители: стручные инструменты: И. Бармасъ, В. Поновъ, М. Семеновъ н И. Дубинскій; фортепіаво: О. Кенеманъ (первыя двъ части), Н. Парнова в В. Маурипа (классы камериаго ансамбля В. И. Сафовова); З) Аріота— Чести (иси. К. Забелло); 4) Мелодія— Падеревскаго и Тарантелла— Монкопскаго (иси. М. Атоменская); 5) сюнта для 2-хъ віолюнчелей— Понпера (иси. М. Букинекъ и И. Дубинскій, класса ф. г. фонъ-Гле-ва); в) "Саизегіе"— Кюн и Мефисто-вальсь— Листа (иси. уч-на В. Исаковичъ); 7) дуэтъ изъ реквіема Верди (иси. М. Букопская и М. Иолякова, кл. г-же Лавровской); 8) Совата (b-moll)— Попева (иси. А. Гольденвейзеръ, уч. г. Пабста); 9) "Аіг чатіє" для скрінски— Венлюскаго (иси. Г. Дуловъ, кл. г. Гржимали); 10) Арія изъ оперы "Л'вти степей"— Рубинштейна (иси. О. Китаева, уч. г.жи Лавровской); 11) фантазів (d-moll) для органа—Баха (иси. А. Моррззовъ, уч. г. Бетинга.

Передъ эстрадой поставлень быль бюсть Н. Г. Рубинштейна, окруженный ливровыми деревьями. Филармоническое Общество объщаетъ дать въ теченіе текущаго сезона 1894-95 гг. псі: объявленныя десять симфоническихъ собраній, въ которыхъ примутъ участіе г-жи Зембрихъ, Альбани, Никита и гг. Денойодъ и Бродскій (первое съ г. Рейвенауэромъ, второе съ г. Баттастини, третье съ г-жей Никита и четвертое съ г-жей Альбани, уже состоялись). Г жа Беллинчони и гг. Станьо и Стаффенгатемъ, которые были тякже ангажированы, въ импъвшемъ селонъ пришлъ участіе въ собравіля Филарменическаго Общества не могутъ, такъ какъ съ половины поября подписаля контракты заграницей. Но Общество пригласило ихъ на будущій годъ. Вмісто пихъ ві настоящоми сезонъ приглашены г-жи Баронатъ, Цанцера (піаинстив) в прилнорный въвецъ выператора Германенато и короля Саксонскаго Бульеть и Симопетти (скрипачъ).

По иниціатив'в комитета зд'янней ввангелической больницы на второй пед'яль Великаго поста будотъ исполияться "Missa Solemnis"—Бетховена (для соло, хора и оркостра) подъ управленіемъ г. Буд-

дерівна.

Въ дютеранской церкви здёшнимъ Обществомъ Liedertafel, исполненъ былъ 20 ноября "Requiem" — Керубини. Хоромъ и оркестромъ пирижировалъ г. Буллеріанъ. Въ составъ музыкальной части программи этого вечера еще воили: прелюдія для ортина (г. Гедике), сопранива арія "Ріс Jesu" (г. жа фостремъ) и арія "Sei getreu bis in den Tod" изъ ораторіи "Paulus" Мендельсона (г. Барцалъ).

19-го февриля преднолагается из большой зал'я Влагороддаго собравія концерть подъ управленіемт Эдуарда Колонна и при участім г-жи Ма-

зуриной и г. Брандукова.

Францунская оперы, какъ уже это теперь окончательно выяснияюсь, будеть предстоящимъ Великимъ постомъ из театръ Кориа. Завъдмавние художественного частью поручено знаменитому г. Девойоду. Объщана масса новинокъ, никогда не педшихъ въ России: "Карлъ VI", "Мирейлъ", "Филимонъ и Бавкида" Гуно, "Атака мельницы" — Брюно и др. Выдающимися силими пвлиются сопрано Дюфранъ и Мергилье: контральто — Генуа; тепоры: Скарамбети и Марошанъ; баритонъ Девойодъ и басъ Буржуа. Хоръ, костюмы и вся обстановка инъ Парика. Канельмейстеръ — любиметь Москвы, конца 60 годовъ. старикъ Віанази.

Итильянския опера пріютится къ предстоящему великопостному сезопу въ Шелапутинскомъ театръ. Труппа и репертуаръ еще пе выясиены.

Во главь интрепризы стоить Лиго.

Театръ Солодовникона, который предполагалось открыть 26 лекабря, изсколько разъ опматривался комиссіей спеціалистовъ, которыя пишла его въ ковцѣ- копцовъ пеудовлетворительно пыстроепнымъ. Нв. этомъ основанін въ этотъ сезонъ тамъ не разръшены спектакин. Театръ долженъ подвергнуться канитальной перестройкъ.

Петербургъ.

Маріннскій театръ позобновиль своя оперпыя представленія 1-го января. Для открытія шла "Жівзш. за Царя" съ г-жами Михайловой (Ангонида), Доляной (Ваня), гг. Васильевымь (Сабя-

пинымъ) и Серебряковымъ (Сусанинъ).

3-го января дали въ первый разъ новую оперу Э. Ф. Направника — "Дубровскій". Публика, перополиняшая заль Марійнскаго театра, отнеслась къ почтенному композитору и канельнейстеру очень сочунственно. Особенно поправились врім молодого Дубронскаго во 2-ой картин в. оба его дуэта-съ Машей и рисующее ночь интеменцо. Арія, первый дуэть и "почь" бызи, по пастоятельному требованию, повторены. Вызововъ и подношенійбыло много. Къ 20 яппаряпрошло ужеб спектаклей при полныхъ сборахъ по страшно увеличениымъ цънамъ. Разучена опера безукоризненно, исполнение доведено до тонкостей. Изъ солистовъ выдълились г. Фигнеръ (Цубровскій), г-жа Фигнеръ (Маша). Другія партін нашли себі отличных в ивобразителей въ лицъ г-жъ Каменской, Рупге, гг. Яковлева, Стривинского, Корякина и проч. Постановка импонируетъ роскошью и вкусомъ.

И. А. Фриде пноиз поступлеть въ оперную труппу Марінискаго театра. 7 и 13 дек. она концертиронала съ очень большимъ усибхомъ ит. Мо-

скив.

Пря 5-й гимназін учреждается стинендія имени хора Императорской русской оперы. На процерты съ канитала въ 1.600 р., пожертвонавнаго названныма хоромъ будеть содержаться бъдивіній и достойнівний по новеденію ученикъ гимназін, изъ дътей хористовъ русской оперы.

Дирижеръ Алексиндринского теогра, г. Кротковъ, переведенъ на такую же должность въ Ми-

хайновскій театръ.

Напасвеній театръ возобновить свои спекта кли 15 ноября "Жизнью за Царя" съ г-жами Муранской (Антонида), Караффа (Ваня), гг. Синачинскимъ (Сабининъ) и Давыдовымъ (Сусанинъ). Солисты были удовлетворительны, мужской хорь хорошь, женский слабьс, въ оркестра же не псе выходило какъ следуетъ со стороны темповъ: г. Труффи затягиваль то, что требовало болье скораго динженія, гналь, гль Глишка желаль плавнаго, широкиго візнія. - Второю оперой быль "Демонь", Онъ шель 16 ноября, какъ разъ въ день похоронъ А. Г. Рубинитейна, ст. г. Буховецкимъ въ заглавной партін, г-жами Комаровой (Тамара), Николаевой (ангель), гг. Сиплинискимъ (виявь), Шаляпинымъ (Гудалъ) и Давыдовымъ (слуга). Въ общемъ опера прошла гладко. Недурно исполнена и "Кармэнъ" (22 ноября). Если г-жа Волкова и бледная Карменъ, зато г-жа Муранская-очень хорошая Микавла, г. Любинъ удовлетворительный Хозв, г. Миллеръ-оживленный и эффектный Эскимильо. Старательно, а мъстами удачно выполнены вторыя: партін (г-жи Леоницкая, Николасва, гг. Шаляингъ, Савинискій, Мерчельскій). Оркестръ г-на Труффи въ оперъ Бизэ быль безъ сравнения выше, чыть въ операхъ Гливки и Рубивитейна. Товарищество берется иногда иза обстановочныя оперы. Отъ этого бы надо ему воздорживаться Впрочемъ, "Африканка", данняя 29 ноября, оказалась такъ тщательно разученной, старательно и опрят-но поставленной, г. Труффи такъ на этотъ разъ корошо, одушевлонно дирижировалъ, что съ фактомъ постановки очеры à grand spectacle на маленькой частной сцень приходилось мириться; тымъ

боле, что и солисты-г-жа Энквистъ (Селика). гт. Любинъ (Васко), Буховецкій (Нелюско), Шаляпинъ (Д. Педро и браминъ)-были болъе, чъмъ удовлетворительны, а исполнение остальныхъ участвующихъ (г-жи Леоницкой, гг. Савинискаго, Мерчельскаго, Давыдона и пр.) не портило дъла.-Публики на всъхъ этихъ сцентакляхъ было много. Изъ оперъ, данныхъ въ точене декабря, долквы быть отявчены "Фаустъ" (который шель 16-го числа въ бенефисъ" г. Шалянина, старательнаго, котя и не тиничнаго Мефистофели), "Русалка", поставлениая довольно небрежно, не съ такою тщательностью, какъ въ прошломъ сезоив на сцевъ того же театра, и "Демоиъ", въ которомъ заглавичю роль музыкально и съ успъхомъ исполинть перешедшій въ биритоны теноръ г. . Лодій, а въ роди Тамары выступила г-жа Шеръ. Симватичная артистки еще исполнили съ съ усивхомъ Инесу въ Африканки и Изабеллу въ "Робертъ". 28 декабря поставленъ "Трубадуръ" съ довольно слабымъ распредълсніемъ ролей. Только г-жа Караффа въ роли Авучевы была удовлетворительна. Зангравная вердіевския опера не привлекла мпого публики. Топарищество еще поставило оперу "Самсонъ и Далила" (г-иъ Любинъ и г-жа Караффа) съ среднить успъхомъ. Это бы-за восявдвяя новника его: къ 20 января прекратились спектакли Тонарищества.

30 декабря открылись, представленія птальянской одеры въ "Акваріумъ". Дали "Африканку" съ г.жами Пакари, Леопи, г.хами Маркони, Бат-тистиня и Наинети. Теворъ быль не въ голосъ; оть гжи Пакара ожидали лучшаго, для г. Ваттистяни партія Пелюско пизка, на сисктакав лежала печать не полной готовности. Это не помвшало оваціямь, тімь боліве объясшимымь, что въ сущности г. Баттистипи пълъ отлично, а г-жа Пакари всетаки весьми солидная артистическая незичина. При повторении опера прошла много глаже. Великольненъ быль ансамбль "Травіаты" съ г-жей Зембрихъ, гг. Маркови в Баттистини. Вотъ музыка, гдв г-жа Зембрихъ уміветь скрыть все тривіальнос, а гг. Маркови и Батгистини, какъ нстые итальянцы, чувствують себя совствив дома. Въ "Фавориткъ", гдъ такъ снова безукоризненъ г. Баттистини, выпустили впервые г-жу Гурррини, мастерски владъющую своимъ мощпымъ меццосопрано. Прекрисное ппечатавніе оставиль "Фиустъ" съ г-жею Пакари, особенно замъчательной нь сильных в местахъ партіп Гретхень, съ очень эноргичнымъ (а не мечтательнымъ) Зибеломъ, въ лица г-жи Гуаррини, страстнымъ Фаустомъ-г. Маркони, превосходнымъ Валонтиномъ- г. Баттистини, п г. Напиети, артистомъ, сумъвшимъ ярко, по безъ шаржа, сыграть потлично въ вокальномъ отпошенін отдівлать Мефистофеля. Но уже, коночно, ничто не можетъ сраввиться съ восторгомъ нублики, увидъвшей и услышавшей "Палцевъ" съ г-жей Зембрихъ (Недда), гт. Гарулли (Каніо), Котовы (Тоніо), Баттистяни (Спльвіо). - Оркестръ въ рукахъ опытивго г. Подести, ве всегла, впрочемъ умъющаго во время сдержать пылкіе поры-

Дирекція итальянской оперы желаеть почтить память А. Рубинштейна постановною его Демона" на итальнискомъ языкі. Въ заглавной роди пыступить г. Баттистипи; роль Тамиры испол-

штъ г-жа Зембрихъ.

вы тромбоновъ.

20 го февраля въ Маломъ теаръ начнутся представленія итальниской оперы (дирскція Геймань). Спектакли продолжатся до 23-го марта. Встхъ проиставлений будетъ двінадцать, раздъленныхъ на два абонемента. Ангажированы: г-жи Даркла, Баропатъ, Веллери, Нарди, Джюдичи, Череволи; гг. Мазини, де-Марки, де-Руби (тено-

ра), Камера, Каруссовъ (баритоны), Танцини, Фигма, Симпіери, Галоти. Кипельмейсторы: гг. Труффи и Джінноли. Репертуаръ: "Гугеноты", "Риголетто", "Джіоконда", "Финоритка", "Чатартопъ" и "Искители жемчуга".

Въ Высочание учрежденную комиссію по сбору пожертвованій въ память ІІ. ІІ. Чайковскаго. съ 11-го мия по 11-е октября текущаго года, поступило: 1) на составление капитала въ намять И. И. Чайковскаго, для пособін музыкальнымъ артистамъ и комповиторамъ 1,911 руб. 32 коп.; 2) на постановку статуп усопшаго композитора во вновь строющемся зданій с.-нетербургской ковсерваторін-800 р. 17 к., п 3) въ распоряженіе комиссін безт указанія назначонія пожертвованія-1,294 р. 17 к. Всего, за указанное время, поступило 4,005 р. 76 к., а съ прежденоступивними 19,161 р. 24 к.

С.-Петербургское Общество музыкальных ъ собряній рішило псполнить "Пековитянку" Н. А. Римскаго-Корсакова, которая авторомъ переппструментовина и вообще мъстами передълана. Опера будетъ поставлена въ Миломъ геатръ. Всъ псполнители - солисты, хорт, оркестръ - неключительно члены Обществи. Дирижиропать будеть

г. Давидовъ.

Въ Воскресенье, 20-го ноября, на курсихъ пвпія г-жи Эльтонъ состоязся ученическій спектакл.. Данъ "Фаустъ". Стройный хоръ, игра г. Шитмарова-Мефистофеля, прідтимі теноръ г. Айвазова-Фауста, эвучное сопрано г-жи Ивановой-Маргариты, милое пыне г-жи Ивдовской (Зибель) и г. Холмина (Валентинъ) способствонали усифху вечера. Было очевидно, что нурсы ведутся умной

Музыкальная школа гг. Даниемана и Кривошения отпраздновала 18 декабря спое первое

десятильтіс.

Съ 1 января выходить въ Петербургв, подъ релакціей Г. С. Гавриловича, иллюстрированичая музикальная газета "Russlands Musik-Zeitung", которая яватся единствевнымь вы Россіи музыкальнымо органомо на исмономо ламкъ. Газета выходить два раза въ месяцъ.

Некрологъ.

М. Н. Чичигова (урожд. Знерковская), одна изъ любимыхъ ученицъ Гензольта, основательница "Кружка гензелистокъ", скончалась 17 полбря на 75 омъ году жизни отъ мучительной болезни. М. Н. изивстна и въ русской литературъ: покойный мужт ел быль воинскимъ начальникомъ въ Калугв, въ то время, когда Шамиль жилъ въ этомъ городъ. Со словъ Шамиля, его женъ и дътей М. И. нависала едивственное во полноть и вървости фактическаго изложенія сочиненіе-"Шамиль на Кавкиль и въ Россіи".

29 ноябри хоронили заслуженнаго капсльмейстера лейбъ-гвардін Преображенскаго полка В. І Шинделира. Онъ быль изпъстепъ какъ опытный дирижеръ и композиторъ для военнаго оркестра.

Б. І. умеръ въ расцитть силъ.

Провинція.

Варшава. Падеровскій пишеть онеру, основанвую на польскихъ народныхъ мотивахъ. Лучшін арін изъ оперы "Гопляна", директора краковской консерваторін, Желенскаго, будуть проп'яты виервые въ одномъ инъ ближайшихъ концертовъ варпанского музыкального Общества.

Кишиневъ. Въ захв городской Думы данъ

здась 28 декабря концерть хора мобителей въ память Чайковскаго. Концертъ состояль изъ двухъ отдъленій. Первое посвящено было духонной православной музыкъ. Очень недурно сиъли "Благослови, душе мон" — греческаго распыва, "Тебъ поемъ" и "Достойно есть"-Чайковскаго, "Отче пашъ"-г. Римскаго Корсакова, "Херувимскую"-Львова, "Се женихъ" - перелож. г. Р.-Корсакова. Второе отделение отдано было светской музык в. Даны были два хора изъ "Опричинка" Чайковскаго, русскіл народныя п'всип — "У воротъ" въ переложении Мусоргскаго, "Ахъ талант" и "Какъ за ричкою" въ перелож. г. Римскаго-Корганова, "Пъсня темниго лиса"—Бородина и хоръ изъ последняго действіе его "Игоря". Кромф того гг. мобители сиван и пумера соло: арію Ленскаго изъ "Евгенія Оп'єгипа" я дузть изъ "Пиковой Дамы". Все это прошло болве чымъ удовлетнорительно и дълаетъ честь вкусу и энергія иниціатора и руководителя концерта, г. Гутора, съумъвшаго, въ сравнительно недолгое время силотить любителей нъ довольно стройное цълое для исполненія такой трудной и хорошей музыки.

Кіевт. 23-го января затсь впервые дана была опера "Сивгурочка"-К. А. Римскаго-Корсакова ст. большимъ усивхомъ. Авторъ присутствовалъ при спектакла и быль предметомъ горячихъ

Низвий-Новгородъ. Сюда пріважали изт Моским опериыя артистки г-жа Салина, Соколова-Фрёзихъ и г. Орловъ, чтобы участвовать въ концерть въ пользу студентовъ Моск. университета.

Ковцертъ состоялся 15 инв. при многочисленной публикъ и прошелъ съ весьма принымъ усивхому. Оркестромъ дирижироналъ г. Вилуанъ, директорь вачыния отдыления Русси. Муз. Общества. Подъ его управлениемъ была исполнена унертюра къ оперѣ "Снадьба Фигаро" – Монарта и слояти Peer Gynt) – Гряга.

Ростовъ-на-Дону. Съ 20 поября, въ театръ г. Асмолона возобновились оперные спектакан подъ управленіемъ г. Любимова, совмъстно съ драмитического труппою г. Спислыникова. Опера чередовалась съ драмою. Интереть публика къ первой значительно ослабъ. Въ "Флустъ" (24 п.) внервые здъсь выступили г-жа Дворецъ (Марилрвта) и г. Еорисовъ (Мефистофель). Артисты имвли накоторый вывшній усивхь, по къ артистической индивидуальности г. Борисова роль Мефистофеля не подходить. Въ спектака в еще участвовали г. Агулинъ (Фаустъ) и г. Каміонскій (Валентинъ). Еще поставленъ былъ "Пророкъ"— Мейербера съ участівмъ г. Любимова (?), въ заглавной роли, и г-жи Фингертъ - въ роли Фидесы. Спектакль не имъль, до и не могъ имъть успъха. Для поправленія дъль оперной труппы приглашенъ извъстный тепоръ г. Закржевскій. Артисть выступиль впервые, 30-го нолбря, въ роли Германа въ "Пиковой Дами"— Чайковскаго, а черезъ день въ "Пимпахъ". Дебютантъ не имълъ успеха и участие его ограничилось этими двумя операми. Труппа г. Любимова прогостяла не долго и къ 10 декабря покинула вишь городъ. Сначала ова отправилась въ Таганрогь, где дала десять спектаклей и заработила около 6.000 р. Отсюда утхала она въ Екатеринославъ.

Свивра. Здёсь гастролировали московское оперное Топарищество М. Д. Малинии. 2-го января ими данъ быль концерти, а зытемъ (3 и 4 числа), нъ заль Благороднаго Собранія опершые спектакли. Въ периомъ спектаклъ поставлены были сцены пат "Русалки" и третій актъ "Фауста". Въ оперъ Даргомыжскаго участвовали: г-гап Эберле (Паташа), Любатовичъ (киягипя), гг. Томарсъ (киязь) и Малининъ (мельникъ). "Фаустъ" шелъ

съ следующимъ составомъ: Маргарита-г-жа Эберле, Зибель - г-жа Любатовичь, Марта - г-жа Ха-ритовова, заглавная роль - г. Томирсъ и Мефастофель — г. Овсянняковъ. Спектакль прошелъ очень недурно. 4 января "Паяцы" и второй актъ "Вражьей силы". Спектакля давались подъ аккомпанименть рояли. Товарищество возвращается изъ очень удачного въ матеріальномъ отношеніц турна по Спбири.

Саратовъ. 16 января здесь впервые дана опера "Самсонъ и Далила" - Сенъ-Санса. Заглавныя роли исполнили г. Соколовъ и г-жа Андреева. 26-го япвъря эта же опера поставлена была мъ

бенефисъ М. Д. Смирновой. Тифинсъ. 22 ноябри позобновились оперные спектакан. Для начали поставлены "Гугеноты" съ прежнимъ составомъ: г-жи Балабанова (Валентипа), Картавина (Маргарита), Карри (Урбанъ), гг. Сепаръ-Рожанскій (Рауль), Максаковъ (Неверъ), Фюреръ (Марсель). 23 ноября, въ память А. Г. Рубништейни данъ "Демонъй (съ г. Максаковымъ ил заглавной роли). Затъмъ исполнены – "Лида", "Ромео и Джульетта" и "Африканка". Въ персопаль произошли изкоторыя перемены: г-жа Тамарова вышла изъ его состава: приглашены г-жа Эйгевъ (колоритуриая пъвица), г. Сальто (итальянскій тепоръ) и баритовъ г. Джиральдови. І'. Сальто дебютироваль съ большимъ уси вхомъ въ "Аидъ" (11 декабря) и по 31 число участвовалъ въ операкъ: "Гугеноты", "Кармиъ", "Жидонка", "Раголетто", "Африканка", "Эрпани" и "Сельская честь". Уг. Сальто большой, поліаназону, сильный и звонкій драматическій голось, не безь прімтности пъ тембръ. Владъетъ опъ имъ свободно, поетъ очень увъренио, препебрегая пиогда техническою стороною отделки и злоуно гребляя верхними, открытыми потами. Онъ фразирусть тепло, часто съ увисченісмъ, по не обличаеть строгой разборчивости вкуса. Держится на сценът. Сальто какъ онытный артистъ съ прісмами итальянских в рутинеровъ. Участіе его въ нашей труппъ зпачительно оживило спектакли. 31 декабря поставиян у насъ оперу "Самсонт, и Далила"—Сенъ-Сапса. Опера поставлена недурно и имъетъ успъхъ. Загавныя рели исполняють г-жи Каррии Кутувона-Зеленая и г. Секаръ-Рожанскій.

Съ успъхомъ концертировали здъсь скривачи

г. Васильевъ и Кости Думчевъ.

Здашвее Русское Музыкальное Общество 17-го декабря почтило память А. Рубиншлейна квартетвымъ вечеромъ. Программа, составлевная ис-каючительно изъ произведений покойнаго композитора, была въ общемъ хорошо выполнена. Вечеръ данъ былъ по иниціативъ директора Отав-

ленія, г. Кленовскаго.

Херсонъ. Сюда прівзжало оперное Товарищество г. Васильева, чтобы дать песколько спек-таклей въ Городскомъ театре. Деятельность Тотарищества однаво ограничнась четырымя спектаклями (29, 30, 31 дек. п по 2 января.), такъ какъ въ средв его после перваго или второго представленія возпикля недоразумінія я препирательства; хоры и оркестръ (подъ управленіемъ Д. В. Дудышкана) были очень слабы, наскоро собраны и илохо срепетованы. Пичтоженъ по численности быль женскій хоровой персональ: многія изъпривцъ, песмотря на контракты, вовсе не прітхили. Въ Товариществъ были хорошія силы, и при болье умъзомъ неденін дъла, а гливное при ивкоторой уступчиности со стероны солистовъ оно могло бы продолжать свою деятельность и после 2 янвиря. Для открытія спектаклей постаплекъ быль "Демонъ", пъ которомъ участвонали г-жа Веселовская (Тамара), г. Клементьевъ (Сиподаль), г. Соколовъ (Демонъ), г. Бреви (Гудалъ) и г. Ильяшевичъ (слуга). Потомъ шелъ "Риголетто", гдф хорошій усивхъ имфли г-жа Джуліани (Джильда) г. Соколовъ (Риголетто) и г. Ильяшевичъ (Спарафучиле). Остальный партів исполияли г. Коломенко (герпогь), Бреви (Монтероне) и г-жа Чернова (Миделена). Оперу, должно быть, разучили на скоро, и она шла съ множествомъ пропусковъ. Удачиве поставили "Анду" съ г-жами Паумовой (Анда", Эпифановой (Амверисъ), гг. Коломенко Радамосъ), Тычинский (Амонасро), Ильяшевичемъ (Рамфисъ) и Бреви (фарасич). На 2 января назначевы были сцены изъ "Очвгива" (г-жа Паляцо п г. Тычнаскій) и отрывки изъ "Демона". Но туть какъ разь Товарищество расвалось и главные члевы его разъбхались въ разныя стороны. Костюмы были не дурпы; лекораціи оставили желать многаго. За четыре спектакля было выручено слишком 1550 рублей. Изъ солистовъ навбольшій в наиболье заслуженный успехь нывль г. Клементьенъ.

Заграницей.

Верлинъ. Концертомъ 16 поября Филармоническое Общество чествовило папить А. Рубииштейна. Пода упривлениемъ Манштедта исполнялись исключительно сочинемии мокойнаго, съ его "дриматической" симфовіей (d-moll) во главі». Передъ эстрадой утопаль среди экзотическихъ растегій бюсть Рубинштейна. Вообще виезанная кончина произисли въ Берлинъ и во всей Германів сильное внечативніе: А. Г. воснитывался н долго жилъ въ Германіп, у него были тесныя личныя отношенія со исёмь артистическимь міромь, такъ что Рубинитейна здёсь оплакиниють не какъ чужого, а какъ своего, близкаго. Всв газеты Германін посвятили ему прочувствованные некрологи,-и изтъ разногласія въ единодушномъ признавін его геніальнаго, несравненняго исполнительского дара. Что касается Рубинштейна-композитора, то въ этомъ отношевін мизнія и всколько расходятся, хоти конечно, вев придають большое значено многимъ изъ его сочинений, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ по объему.

Берлинская королевская музыкальная высшал школа (Musikalische Hochschule) приздиовала 19 поября двадцатинятильтие своего существования. Директоромъ ел, съ самаго основанія, состоитъ

знаменитый скрипачъ юахимъ.

Во второмъ симфоническо из собранія королевскиго сперишто оркестра въ Берлигь, очень большой успікъ пивла симфоническая поэма "Влтина" чешского композитора Сметины.

Въ филирмоническомъ концерть съ большимъ успъхомъ исполнялась "вторин симфонія Боро-

Бременъ. Извъстіе о кончавъ Л. Рубинштейна получено было какъ разъ въ разгаръ приготовяенія къ представленію духовной оперы "Христосъ". Рисунки для декорацій и костюмы уже готовы, репетицін хора уже пачались, о приглашенін солистовъ водутся череговоры. Смерть композитора не поміншаєть продставлению этобі оперы, по въ Германія всь жальють, что судьба не познолила ему самому дирижировать скоимъ твореніемъ. Любимая мечта покойнаго была увильть на сцень весьцииль его луховныхъ оперъ, при чемъ въ первый вечеръ былъ бы исполнень ого "Потерыный рай", во второй — залуманная, но ис паписанная опера "Каниъ", въ третій—"Агарь въ пустынь" и "Вавилонское столиотнореніе". Въ следующіе три вечера должны были исполняться "Монсей", "Пвсиь ивспей" и

"Маккапен". "Христосъ" быль бы заключеніемъ всого цикла.

Одна изъ лучшихъ пъноценхъ оперъ Петра Корнеліусь "Der Barbier von Bagdad" дана въ первый разъ въ Бресланті: 19 ноября. Благодаря не совсъмъ хорошому исполнению, усиъхъ спектакая не быль велись.

Вънскіе музыкальные кружки устроили траурпыя торжества въ честь Рубинштейна. Газеты единодушно оплакиваютъ величайшаго виртуоза и

щедраго благотворителя.

Бёрзевдорферъныставиль въ своемъ концертномъ зали ролль, на которомъ играль А. Г. Рубинштейна въ апреле 1894 года, пибомъ съ автографомъ покойнаго впртуоза:, Игрилъ въ послъдпій разъ" и, наконоцъ, портреть Рубинштейна, вадралированный трауромъ из заврономъ вънкв.

Въ ввискомъ придпориомъ театръ шла въ первый разъ новая опера Смарельи "Cornelius Schut". Въ ней мало вдохновении; это скоръе плодъ усид-

чиваго труда образованнаго музыканта.

Ивическая академія въ Ввив пъ грандіозномъ размірів праздновала 10 декабря назіять А. Г. Рубинштейна. Съэтою цвлью быль дань концерть съ выдающимися солистами и съ участіємъ придворнаго опернаго оркестра. Передъ началомъ концерта прочитанъ былъ прологъ барона Бер-

Вь составъ программы вошли следующи комповидін Рубинатейна: увертюра къ оперь "Фераморсь", хоры изъ ораторін "Потерянный рай", фортевіанный кондорть, d-moll (исполниль г. Грюнфельдъ); аріи и пъсви (исполнили г-жи Брандтъ и Гугианъ и г. Рейхманъ). Кромъ того была исполнена третья симфонія Бетхонена, подъ управленіемъ канельмейстера г. Яна. Сборъ съ ковцерта назначенъ на основане стиненаји имени Рубиштейна.

Ванскія газеты при этомъ вспоминають, что Рубиштейнъ въ мирть 1893 года въ этой же акидемін дирижироваль своей ораторіей "Потерян-

ный рай".

Главныя музыкальныя учреждевін иг. Гамбург'в, въ полгеденкъ числакъ поябри, чествовали память Антона Рубипштейна нополнениемъ его компознайй. Въ периомъ собрани адъшинго кна ртетваго общества, между прочими пьесами, быль сыгринь извъстный струпный квартсть (с-moll), один часть котораго извъстна подъ заглавісмъ "Sphiirenmusik". Въ абонсмвитножь симфоничес-комъ концертв подъ управленюмъ г. Маля (21-го полбря), иль вроизведений Рубинштейна были исполноны: первая часть симфони "Океанъ", п.ь. сколько романсовъ (г. Цурмюлевъ) и танцы изъ "Демона" (А. Г. дирижироваль пъ этомъ Общества въ последній развит прошлом сезона 28-го февраля). Въ составъ программы концерта Филармоническаго Обществи (28 ноября) подъ дирижерствомъ профессора Барти, были включены симфонія "Оксанъ" и танцы изъ оперы "Фериморсъ".

Рубинитойнъ пользовался зафев вообще боль. пюю популярностью. Помимо того, что опъ эдісь не разъ выступаль какъ ніанисть и дирижеръ,

иъ городскомъ театръ поставлены были его луч-шія оперы "Маккавен" и "Демонъ". Въ послънее преми нъ пъкоторыхъ большихъ городахъ Германін и Австрін, въ Бердинь, Лейнцигь, Вып в и др., обращаль на себя випманіе "богенскій" струшный квиртеть. Игра членовъ его отличается безупречною стройностью, ръдкою технической отдівакой в фразировкою, исполненною мувыкальности, вкуса и серьезности. Репертуарь разнообразонь, нь состань его входять, кром в лучших образновь классиковь также произведения чешских в композиторовъ. Квиртотъ со-

ставляють: Гофмань (первая скрипка), Сукъ (вторая, Недбаль (яльть) и Бергеръ (віолончель). Ивмецкая притика сравниваеть и сопоставляеть квартетъ г. Гофмава съ лучшими учрежденіями этого рода. Въ последнихъ собравіяхъ віолопчельныя партін, за бользнью г. Бергера, исполияль Гансь Виганъ.

Въ придворномъ театр в въ Дарминтадт в педавно съ большимъ усибхомъ поставленъ быль

"Демовъ" Аптона Рубипштейна.

Вергіевская опера "Фальстафъ", данная въ первый разъ 5 поября въ дрезденскомъ приворномь театры, ямыла такой же прушный у пыхъ канъ и на другихъ и вменкихъ сценахъ.

Опера Гольдмарка "Королева Санская" ("Die Königin von Saba") здёсь шла 22 поября въ со-

тый разъ.

25-го апръля этого года исполнится трехсотльтияя годовщина смерти Торквато Тассо. Во многихъ городахъ Италін уже теперь приготовляются из чествованію памяти зваменитаго творца "Освобожденнаго Герусалима". Торквато Тассо уроженецъ города Бергамо, глв чествование будетъ носить особенно торжественный характеръ. Составляшійся комитеть вырабатываеть программу праздисства. Особенно выдающимся нумеромъ будеть представленіе пастушеской идилліп Тассо "Ампита". Музыку къ вей иншеть Леонконплло.

Въ кельнекомъ городскомъ тептръ плетъ поная комическая опера въ 3-хи действіяхъ "Соиverneur von Tours", съ музыкой Карла Рейнеко, по лябретто Эдвина Бормана. Музыка правится сноей нелодичностью и простотой, а либретто вызываеть пскренній сміхть. Опера импеть больной усивхъ.

Съ онтября, въ Лейнцигъ издается повый музыкальвый журиаль, разсчитанный также и на распространение въ России – Verein der Musik-freunde". Собственность его для России принадлежить издательской фирм'в Пельдиска въ Риг'в. Цель пового журнала, выходящого подъ редакціей калежмейстера Ситта, Шрека, директора писоды св. Ооны и Рутхарда, преподавателя лейпцигской консервиторін, - распрострапить преимущественно пропапедения современных в авторовъ средняго направленія, которые, въ виду срашительной дороговпаны, те могутъ соперинчать съ дешевыми изданіями классиновъ. По с держанію пернаго пумера, въ которомъ встрвчаемъ имена Рейнске, Умлауфта, Мейера-Гельмунда и т. д. Ионый журвазъ следуеть отпести къ обычному типу мувы-кальныхъ журналовь популярнаго рода. Кром'в фортепіанныхъ ньесъ пом'вщаются также пьесы для скринки и другихъ инструментовъ и романсы

Leipziger Tageblatt сообщаеть, что посяв долгихъ поисковъ розыскано, наковецъ, свидътельстно о счерти знаменитаго композитора Себастьяна Бахи. На странидахъ одной старинной церковной книги прочли следующее: "Себастьянъ Бахъ, 67 меть от роду, капельменстеръ музыкантъ школы св. Томаси, жившій въ этой школь, умеръ въ среду, 28-го іюня 1750 г., погребсніс gratis."

Въ одномъ изъ послъднихъ концортовъ въ Хрустальномъ дворит въ Лондон в впервые была исполнена шестая симфонія Чайковскиго. Они имъла

большой усивхъ.

Очень большимъ успъхомъ вользуется нъ Любекв педавно написациал одноактивл опера "Sonuwenduacht" Гармстона. Либретто скомиановано искусно и богато двиствиемъ. Музыка, хотя и въ складв Маскиньи, не лишена взв встпой

талаптиности; ияструментовка богата. Новая опера Евгенія Діаца "Renvenuto" шла въ первый разъ въ Льеж'я съ огромпымъ успъ-

XOM.P.

Миланъ. "Вертеръ" Массия, впервые данъ 19 ноября на сценъ Teatre lirico intenazionale, имьль большой усивхъ, возрастаящій съ каждымъ дъйствіемъ. Въ концъ спектакля автору устроена овація. Главныя роли были превосходно распредълены: Вертеръ-Гарулли, Шарлотта-Мифъ. Въ Scala, для открытія сезона (14 дек.) поставлена была опера "Sigurd" Peйepa.

Сезонь нъ Монте-Кирло объщаеть быть очень нитерессиъ. Репертуаръ составлевъ изъ оперъ: "Жакеріп" Лало, "Армида" Глука, "Мара" Гумелля, "Лоэнгринъ" Вагнера, "Донъ Жуанъ" Моцарта, "Маіте Wolfram" Рейера, "Савская Королева" Гуно, "Мефистофель" "Бойто" "Манонт" Массна, "Кармонъ" Биза, "Эми Робаръ" Лара, "Лакмо" Делиба и пр. и пр. Въ составъ труппы входять всв оперныя знаменитости: Вапъ-Дикъ, Кремонини, Джіапини, Жиберъ, Энгель Имбарь, Буве, Грессъ, Пипи-Корси, Гарю-зопъ, Угетто, Де - Клозепъ, Кальво, Джини-Пи-порив, Джудиче, Дешанъ, Ісленъ, Де-Пуавино, Пинкертъ, Бежанъ-Гравіеръ, Демарзи, Эльвенъ, Рито, Бремзенъ. Челики, Боже. Для балета приглашены Цукки, Кшесинская и пр. и пр.

Сметана пріобрѣтаетъ въ Германіи все большую и большую популярность. 16-го ноября въ Мюнхенъ въ перный разъ ноставлена его опера "Далиборъ" и несьма сочувстиенпо принята нубликою. (Еще ранъе 3-го, воября, даля впервые, также съ большимъ уси вхомъ, другую его оперу (комическую) "Двъ вдовы"

Здесь въ третьемъ абонементномъ симфоническомъ концерть (такъ паз. Kaim-Konzerte), 2-го ноября, принималь участіє піанисть Зилоти съ такимъ же выдающимся усибхомъ, съ какимъ онъ здысь пералъ въ прошломъ зимнемъ севопъ. Артистомъ были исполнены фортеніанный концертъ (№ 1)—Шопена, предюдія (ор. 3)—Рахманияова, "Consolation" (ор. 36)—Аренскаго, "пъснь жаво-роика" (ор. 37)—Чайковскаго, рапсодія (№. 12)— Листа и, сверх'ь программы, прелюдія (fis-moll)-Шопсиа. Черезъ день послъ этого концерта въ витеят смоильнойрян и смонфовина сменивые начались гастрольные спектаки г-жи Превости. Артистка впервые выступила въ "Травіатъ". Съ пеменьшимъ усивхомъ артисть концертировалъ 1-го и 2-го декабря въ Имрибертв (филармопическіе концерты) и 27-го декабря въ Келыць (Gurzenich-Concerte").

"Лоэнгринъ" Вагнера шель из начал в декабря въ Нью-Горкъ у итальницевъ съ большамъ блескомъ: заглавная роль была въ рукахъ Решке, Эльзу исполияла Пордика. Пъвица приглашена для псполиенія той же партів въ Филадельфію, Чи-

каго п Бостопъ.

Парижъ. 18-го (30-го) поября отслужена въ русской церкви заупокойпая объдия и нанихида по А.Г. Рубинштейнъ. Въ церкви было много францувонъ-пртистовъ. Книга, въ которой записывали спои имена присутствованийе на наинхид'в, будеть отослана семьъ нокойнаго. Газеты посвятили намяти Рубнинтейна статы, въ которыхъ превозносять его талантъ.

По слухимъ, Эмияь Зола зашивется составленіемъ любретто (на совершенно новый сюжетъ) для оперы, музыку которой иниветъ извъстный композиторъ Брюно, уже нависавній оперу на

сюжеть одного изъ романовъ Зола ("Le Rève,»). Въ концертахъ Э. Колонва блестящій усигыхъ выпаль ни долю симфонической поэмы Берліоза "Ромео и Джульетта".

Імрекція Grand Opéra въ Парижь рышла паконсив поставить сто оперу "Взятіе Трон".

Съ 3 мая по 3 ионя вынашняго года въ Парижь, въ театръ de la Porte St. Martin будетъ

полвизаться итальянская опера. Организаторъ ея извъстный импрессаріо Совцольо. Поставлены будуть: "Radcliff", "Amico Fritz" и "Silvano"-Маскавы , "Pagliacci" и "J. Medici"-- Леонкавалло, "Ninon de Lenclos" и "Jl Piccolo Haydn"-Ципполини, "Fior d'Alpe"-Франкетти, "La Martire"—Замара, "Il Voto"—Джіордано, "Fortu-nio"— Ванъ Вестергута и "Cristo alla festa di Purim"-Джіанете.

Въ Grand Opéra предполагали было поставить весною "Тристана и Изольду" Вагвера. Но теперь это намъреніе отложено до следующаго сезова и, вмысто "Тристава", далуть "Тангейзера", для постановкитанцевъ въ которомъ, приглашает-

ся извъстная Вирджинія Цукки.

Въ ковцертъ подъ управления Ламура, 4-го декабря, была исполнена въ первый разъ симфопическая поэма г. Балакирева "Тамара", а въ паціовальномъ музыкальномъ Обществъ, Societé Nationale de Musique, парижане 11 декабря слушали впервые симфошическую поэму г. Глазунова -"Лісь". Эффектныя и оригинальныя произвеленія русскихъ композиторовъ поправилось.

Сенсъ-Сансъ поселяется на виму въ Капры, гав разсчитываеть кончить "Фредегонду", нача-

тую Эрпестомъ Гиро.

Верди пожертвоваль въ пользу бъдныхъ весь свой авторскій гонорарь за 15 предстанленій своей оперы "Отелло" въ парижскомъ опериомъ театръ. Это составитъ сумму около 41 тысячъ франковъ.

Праги. Последняя новника въ національномъ театри-чешская комическая опера "Донна Діава" Рециичека, опа впервые дана 4 декабри съ

большимъ усивхомъ.

Въ Руанъ, на сцевъ Theatre des Arts, гдъ въ 1888 году инервые на французскомъ изыкъ данъ быль "Лоэнгринъ", вскорь поставить новую оперу "Германт и Доротея", на сюжеть нявъстной по-эмы Гете. Авторъ музыки—Le Rey. 24 ноября въ Франкфуртъ (н. Майнъ) рос-

кошво поставлена "Армида" - Глука.

Здесь же въ день "общаго новаявін", инвческое общество "св. Цецилін" исполенло "Реквіемъ"-Берліоза съ блестящимъ успёхомъ. Особенно сильное впечатлиніе произвели хоръ "Dies irae" (съ участіемъ ияти оркестровъ) и удивительные нумера-"Lacrimosa" и "Sanctus". Колоссальная композиція, въ виду ея трудности, исполияется весьма редко.

Въ Эдинбурги поставлена опера "Джении Динсъ". Музыка ел принадлежитъ перу шотландда Гамиша Микъ-Клейнса. Сюжетъ взязъ изъ романа Вальтеръ Скотта-, The Heart of Midlot-

hian".

Некрологъ.

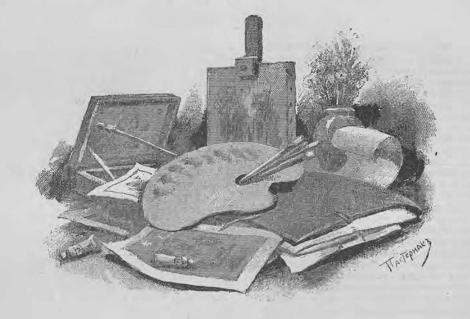
Въ Вънъ недавно скончался композиторъ и органясть Л. Цельнеръ, бывшій профессорь містной консерваторін. По его почину созвань быль въ 1885 г. международный конгрессъ для опредъленія нормальнаго камертона.

На югь Францін, въ Кавнъ, после продолжительной бользви скончался 31 декабря извъстици франдузскій композиторъ Вецьяминъ Годаръ. Годаръ

родился 6 августа 1849 года въ Парижъ; семи льтъничалъ изучать скрипичную игру и черезъ два года участвоваль уже публично въ явартетныхъ собраніяхъ. Въ 1863 году опъ поступиль въ парижскую консерваторію, гді изучаль гармонію у Ребера. Учителемъ Годара на скрипкъ былъ одно время Вьетапъ, съ которымъ овъ путешествовалъ по Германіи. Въ 1865 г. нмъ издапа скрипичная сопата; затъмъ следовали другія вамерныя произведенія (еще пъсколько сонать для скрипки, тріо, струнные квартеты), фортепіанныя пьесы, этран и слишкомъ 100 романсовъ. Изъ болъе крупныхъ произведений Годара сдилансь извъстными копдерть для скринки ("Concert romantique"), фортеніанный коицерть, симфовів ("Symphonie gothique", "Symphonie orientale", нгранныя въ 1884 г. въ ковцертъ Паделу, и "драматическая" симфовія для соло и хора, за которую авторъ подучить премію "города Парвжа") и лирическая сцепа "Diane et Actéon". Изъ оперь его поставлены послъдовательно "Les bijoux de Sanetta" въ театръ Renaissance (1878), "Pedro de Zalamea" въ королевскомъ тештръ d'Anvers (1884), "Jocelyn", въ театръ Моннай въ Брюссель, а потомъ нь томь же году, въ Паряжь, въ театръ Ohâtcand'Eau (1888) и наконецъ, опера "Le Dante" въ Opera Comique. За оперу "Жоселенъ" авторъ получват депежную награду въ 30000 франковъ. Призвавный управлять, на мъсто Паделу, попу-дарными концертами въ Парижъ Годаръ оказался отличнымъ дирижеромъ оркестра. Лучшая его симфонія (восточная) нісколько взвістна въ Россін, ова съ усибхомъ исполиллась въ Москвв н Петербургъ.

Хроника театральныхъ ровъ.

Въ теченіе 1894 года девять театровъ сдѣла-лись жертвою пожара. 15 янв. сгорѣлъ, тотчасъ посхѣ овоичанія спектакли, театръ въ Рочделѣ (въ Великобританін). Убытокъ пристирался до 10000 фунтовъ стерлинговъ. Песчастій съ людьми не было, по актеры съ трудомъ спасансъ и поте-ряли все свое вмущество. 23 янв. въ увздномъ городъ Гомелъ (въ Могилевск. губ.) до тла сгорълъ театръ. З марта сдълался жертвою пламени почти весь императорскій малый театры вы Варшавів (вы которомы играла оперетка). 28 марта вы Мильноке (вы сіверной Америків) сгорівль театры "Давидсонъ", при чемъ жертвою огня сделамись шестиадцать человекъ; многіе, кроме того, были ранени. Убытовъ вревышалъ полиилліона долларовъ. Ночью на 20 іюня сгорват театръ "Прадо" въ Брюссель; тамъ же 29 іюня погабъ отъ огня автий театръ. Пожаръ этотъ распространился на смежным постройки и нанесъ убытокъ въ нъсколько милліоновъ франковъ. Несколько человект было ранено. Въ Ріо де Жапейро З іюля сгорель театръ "Политема" во время опернаго спектакля; пожаръ обощелся безъ челонтческихъ жертвъ. 4 авг. подожженъ опереточный театръ въ Мессвив. 29 поября сгорват до освования выстроенный въ 1888 г., городской театръ въ Кутансв (на Кавкавв). Человическихъ жертпъ не было.

Художественная хроника.

Въ Императорской академін художествъ: звамія художника первой степени удостоены: гг. Богдановъ, Невядомскій, Стадровскій, Розенталь, Ти-

хомпровъ и Шмидтъ.

Звание художеника второй степени съ правомъ оставаться въ академіи для продолженія художественнаго образованія получили слідующія лица: ит. Вальтерь, Крайневь, Ноновь, Столица, Стяговь и Судковскій. Того же званія безъ права оставаться въ академія удостоень г. Андресвъ.

Званіе художника третьей степени безъ врава оставаться въ академін получили: гг. Кондауровъ, Блюменталь, Евренновъ, Леонтовскій, Медвъдевъ, Остромецкій, Піотровскій, Стояновъ, Скорняковъ, Денпсовъ, Животовскій, Опуфріева, Пискаревъ, Поляковъ, Саликовъ, Тюрожниковъ

и Скляровъ.

Званіе пудожники третьей степени съ правомъ оставаться из академін получили: гг. Бельзенъ, Вахрумовъ, Благонъщенскій, Дадчевко, Заль, Иващенко, Кобылинъ, Остроградскій, Раевскій,

Фроловъ, Плотниковъ и Куренной.

На конкурсь по архитектурь въ Императорской академи художествъ призпаны лучшими проекты (на ваданіе: "императорскія конюшни") художниковъ-архитекторовъ Н. Прокофъева (конюшви въ стилъ Людовика XV), Наоковскаго и Брайловскаго. Эти трое, по старому уставу, конкурпровали ва большую золотую медаль и будутъ отправлены заграницу.

Въ продолжение года въ библютекъ и музеяхъ Императорской академии художествъ заинмалось, какъ видно изъ отчета, 5,646 лицъ, изъ пихъ въ

библютекь--5,269 п въ музеяхъ-377.

Императорская академія художествъ принесла въ даръ московскому Обществу любителей художествъ богатое собраніе сионхъ роскошныхъ издапій, численностью до 150 эквемиляровъ.

Почетный членъ Общества любителей Н. С. Мосоловъ пожертвовалъ Обществу до 50 томовъ роскошныхъ изданій иностранныхъ журпаловъ и цънвыхъ альбомовъ.

Императорская академія наукь, за передачею коллекцій музея классическихь древностей въ Императорскій Эрмитажь, поставовила остальные предметы названнаго музея, преимущественно этнографическаго характера, передать въ этнографическій музей и управдшить должность учепаго хранителя музея классическихъ древностей.

Въ Обществъ любителей художествъ происходило совъщание члеповъ-художниковъ по вопросу объ устройствъ общественно - художественныхъ мастерскихъ, при чемъ были выработаны наиболье желательные типы подобныхъ мастерскихъ.

Э. И. Берперъ принесъ въ даръ музею античнаго искусства, составляемому при Императорскомъ московскомъ университеть, мраморную группу боговъ врачевания у грековъ, Асклепия в Тигіси. Интересную особенность этой группы составляють, между прочимъ. слъзы раскраски одеждъ и позолота на лицъ Асклепия.

40,000 рублей, отказанных по духовному завышаню Я. С. Корвилова Императорскому Обществу поощренія художества, рёшево употребить на выдачу стипендій лучшим ученикам академін художества и рисовальной школы. Стипенділям этим будета присвоено названіе имеви Я.

С. Кориилова.

По поручение С.-Петербургской думы городская управа назначила представителемъ отъ города на съвадъ зодчихъ архитектора А. Д. Обера.

Одновременно ст. открытіемъ 1-го февраля второго съвза золчихъ последуетъ открытіе выставки художественно-архитектурной и строптельныхъ матеріаловъ и работъ. Выстанка прододжится не

менве мъсяца.

Государь Императоръ, по всеподанивій шему докладу министра народнаго просвіщеній, 3 декабря, Высочай ше соняволиль принять нодъ Свое Августвій ше покровительство Императорскоє Русскоє Археологическоє Общество, состоящее нодъ предсідательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князи Константива Константивонича.

На основанін Высочайме утвержденнаго 2-го февраля 1859 г. положенія объ Императорской археологической комиссін, всв случайно паходимые предметы древности должны быть препровождаемы чрезъмъстныхъ властей въ Императорскую прхеологическую комиссию, которая замичательприни изъ пихъ обизана представлять на Высочайшее Государи Императора воззрвие и, съ сонзволенія Его Величества, передавать въ Им-ператорскій "Эрмитажъ" пли другія Высочайше назваченныя мъста, а остальный передаетть, по своему усмотръпію, въ общественныя древнохра нилища; для поощреній къ представлению войденныхъ вещей, комиссія выдаеть ваходчикамъ дснежное возпаграждение, опредиляемое не только по цевности металла, изъ котораго сделана нещь, но в по археологическому значению ся. Древности, представлениым въ компссио, по пепріобрътениыя ею, по существующему порядку, немед-леню возвращаются находчику. Между тымь азъ печатныхъ отчетовъ различныхъ мівстных в музсевъ и другихъ дапныхъ, министерствомъ впутреннихъ диль усмотрино, что такія археологическія паходки, притомъ весьма ценныя и научвомъ отношевін, минуя Императорскую археологическую комиссію, препровождались попосредственво въ мъстные музен и комиссіи оставалось даже исизвъстнымъ: были-ли познаграждены находчики или пътъ за предъявленныя ими пачильстну вещи. Перъдко также, какъ замичено, при доставленін археологической комиссін случайныхъ археологическихъ находокъ, особенно старишныхъ монетныхъ кладовъ, лица, черезъ руки которыхъ проходять эти находки, замыняють пайденный монеты другими экземпларами, которые, оченидпо, не могли находиться въ найденныхъ кладахъ, благодаря чему иногда утрачивается изъ найденнаго илада наиболье интересная часть его. Въ инду изложенняго, мивистерство, полтверждая о пеобходимости немедлевно высылать въ Имперагорскую археологическую комиссио и притомъ цванкомъ всв случайвыя археологическія и пумизматическія находки, какъ бы опт незначительны ни были, исключаеть изъ этого правила нишь громоздкій вощи, о которых в требуетъ сперва доставлять комиссін на разсмотрино фотографическіе синики съ пайденныхъ вещей, или точный рисунокъ, псполненный карапдашемъ.

Св. Сиподъ, по отношенно предсъдателя Императорской археологической комиссии, особымъ указомъ подтвердилъ духовенству, что реставрація монументальныхъ пимятинковъ церковной старины можеть быть производима только по предварительному соглашенно съ Императорского археологического комиссіет и по спошенію ел съ Император-

ской академією художести. На углу зданія Большого Кремленскаго дворца, обращенномъ къ Боровициимъ поротамъ, прибита доска, сдъланиал изъ сършо мрамора, на которой ямъется падпись: "По попельнию Государя Императора Николая I Большой Кремлевскій дворець быль построснь русскимь зодиных профессоромъ К. Тономъ. Заложенъ пъ 1838 году, попл 30-го дан. Освященъ пъ 1849 году априля 3-го "RUK

Въ с. -петербургской духовной академін было собраніе любителей церковной старины для обсужденія вопроса объ учрежденін въ Петербург в ценграм наго церковно-археологического Общества съ филальными отдъленими при каждой духовной семинарін. Главныя за дачи Общества и отабленій булутъ заключаться въ разысканін, описанін и охравепін вещественныхъм инсіменных памятниковъ, находящихся иъ нашихъ монастыряхъ и церквахъ. Бол в выдающіеся висьменные памитники прод-

нолагается издавать, для чего цевтральное Обще. ство будеть иметь свой спеціальный органь. Въ последнемъ заседании присутствующие познакомлены были съ отзывами провинціальныхъ деятелей и любителей археологія по вопросу объ открытін Общества и отделеній, при чемъ все почти отзывы говорять о необходимости и возможности открытія при семинарінхъ археологическихъ отділеній и перкопно-археологических в музеевъ, гдв бы воепитанники семинарін, будущіе пастыри, могли получить и знанія, и любовь къ церковной старинь. Въ виду такихъ отзыновъ собрание избрало особую комиссію изъ спеціалистовъ по каждой отрасли вещестненных и письменных перковныхъ памитниковъ, для выработки прескта устава. Въ составъ этой комисси вошли: профессора акедемін А. И. Пономиревт, И В. Покровскій, доценть Н. К. Никольскій и начальникъ синодальнаго архива А. II. Львовъ.

Въ пастоящее время разрабатывается вопросъ объ учреждении въ г. Екатеринодари музея археологическаго, историческаго и прикладиых в видий.

Общество исторіи и древностей Прибалтійскаго края единогласно избрало въ почетные члены гра-

финю II. С. Уварову.

Разанскій музей обогатился очень интересною колекціею старинныхъ изразцовъ, которые были найдены правителемъ дать рязанской ученой архивной компесіи А. В. Селинановымъ въ одномъ старомъ міщанскомъ домикі въ Архіорейской слободкъ, въ Рязани, и пріобуттены дли рязан-

скаго музея.

Императорское московское археологическое Общество минувшимть лівтомъ командировило А. А. Ивановскиго на собственныя Его Императорскаго Величества, покойпаго Государя Императора средства въ Закавкавье для продолженія пичатыхъ имъ тамъ въ прошломъ году археологическихъ изследованій. Г. Пвановскій вредставиль преднарительно отчетъ о своей подажь. Изследования были начаты въ окрестностяхъ г. Эривини, гдъ г. Ивановскому посчастливилось найти совершенпо новую клинообразную надиись временъ царя Аргишти (IX в. до Р. X.), по счету 23-ю изъ найденных досель въ предълахъ Россін надинсей эпохи ванскихъ царей. Камевь съ надписью привезенъ въ Москву и переданъ Обществу. Невдалекъ же отъ Эривани, въ долинь Аракса, у подошвы Арарата, были произведоны продолжительныя раскопки засыпаннаго землею города, открытаго г. Ивановскимъеще въ прошломъ году. Раскопки обнаружили ряды построекъ, выложенныхъ изъ громадныхъ, хорошо облъзашыхъ кампей (ивъ черваго туфа), со стынами, достигающими перыдко сажени толиции, ст поломъ наъ хорошо выд гланиыхъ и по большей части орнаментированныхъ кириичей, съ оригипальными (складимии) водосточными и, быть можетъ, водопронодими трубами, съ громадвыми каменными подставками для колониъ (самыхъ колокиъ найденъ только одипъ небольшой обломокъ) и т. и. Въ большомъ количествъ найдены обломки глиняных сосудонь различной формы и величины. Такъ какъ раскопками обпаружено одно зданіе церкви, то основаніе города нужно отнести, повидимому, къ начазу уже христанской эпохи. Городъ погибъ, в врояти ве всего, въ одно изъземлетрясеній, такъ часто бываннихъ вь области Арарата. Изв. Эринциской губерии изслидования были перенесены въ Турцію, гди шутешественника сопровождаль секретарь русскаго консульства въ Эрзерум В. В. фовъ Циммерманъ. Изъ изследованій, произподенных г. Пвановскимъ пъ Турцін, особенный интересъ въ археологическомъ отношении представляеть найденный путешаственникомъ около г. Балаета рядъ комнатъ,

высвченныхъ въ скалъ. Комвилы расположены въ три этажа и соединяются между собою ориганальными проходами, лестинцами и корридорами: ствны, поль и потолокъ ихъ тщательно обделены; свътъ проникаетъ только пъ средній этажъ чрезъ едипстиенное исбольшое окно, выстченное ва очень зинчительной высоть и служащее въ то же время входомъ въ компаты. Вокругъ оква, на паружной сторонь скалы, довежно явственно сохранились фигуры дюдей; имъл по типу немалое сходотно съ ассирійскими, они въ то жо время представляють и ивкоторыя характерияя отличія отънихъ, зистввляющія предположить, что въ билзетскомъ барельефь впервые найдевы изображерия ванскихъ царей. Къ эпохі ванскихъ же царей отвосятся, повидамому, и высъченныя въ сколь компаты, такъ какъ тождественная постройка найдела и въ одной ванской (оз. Ванъ нъ Турдіп) скаль. Изсафдованія т. Инаповским этих шамятніковъ, находищихся из старой водуразрушенной въ русско-турецкую войну криности, нанлекли на него со стороны мъстныхъ турецкихъ изастей подозръніе въ съемкв крівностей; о немъ было телеграфировано въ Гюрту и эрзерумскому генералл.-губерпатору. Последній сделаль распоряженіе объ ареств "астронома Иванонского", и только благодаря содъйствио живущаго въ балзетв персидскаго консула Мирзы Мехиедъ-Хина, путешественнику удалось обмануть баптельность турепкихъ заптиевъ (жандармовъ) и скрыться въ Персію, по которой онъ профилль чрезъ Макинское ханство. Возвратившись изт. Персін чрезъ Пахичевань въ Эриванскую губернію, г. Пвавовскій перенесь отсюда свов изследованія въ Карскую область. Описавъ и фотографированъ многочисленные древије памятники христійнской эпохи въ Кагазминскомъ округь, путешественникъ запялся изследованіемъ долены р. Карст-чал, въ которой открыль ивсколько украплевій, построеніе которых в онъ относить ки VIII - IX вв. до Р. Х. и видеть въ нихъ следы похода ванскаго даря Аргишти изъ ванской области въ Александровскую визменность. Ко врекени того же ванскаго царя г. Ивановскій относить и открытыя имъ на оз. Чалдоръ-гель (на Аджакаливскомъ полуостровъ развалины древияго города и громпдную около него криность.

Въ фотографическомъ Обществъ въ Верминъ происходило педавно интересное засъланіе, на которомъ были домонстрированы г. Нейгоусомъ фото-

графическіе синыки въ крискасъ.

Въ Берми в проектируется постановка памятшка тремъ композиторамъ: Бетховену, Гайдну и Моцарту. Памятникъ будетъ ноставленъ въ Тиргартенъ.

Дли Берлинской Національной галлерен пріобрізтень изъ коллекцім города Ешбюрнома портреть мевонинтскаго пропов'ядшка Ансло, кисти Рембраната.

Законъ объ охранъ памктинковъ распростра-

ненъ и на Пруссію.

Комитеть для устройства Берлинской выставки 1895 года уже избранъ и состоить изъ слъдующих лицъ: пр. Квауса, Кериера, Манцеля, Эйлерса, Эксиберхера и Гоффикера.

Въ Королевской Изціональной галлерев открылась въ середнив ноября выставка картивъ и зскизовъ покойпыхъ художниковъ Байшъ и Бо-

кельмана

Громадныя сумым собраны въ Германіи на намятникъ киляю Бисмарку вт. Бермига. Въ виду такой усившиосты подписки, комитеть ен хлопоталь о дозволенів поставить намятникъ, изображающій киляя на конъв, но не получиль разръшенія, такъ вакъ въ Берлигъ толко лица царствующаго дома могутт быть взображены на конъ

Во Франкфуртив ча Майни открываев выставки въ залахъ Kunstverein'й и въ полещения Гольдшмида. Въ Kunstverein'й выставлены работы недавно умершаго художника бейна (почти 200 № %), большею частью эскваы и этюды. Тамъ же выставлены посточные нейзажи Меккеля. У Гольдшмида привлекаютъ визминіе публяки французы: Роза Бонеръ, Сигристъ, Ламберъ и Гагетъ. Недавно прибыли мюнхенскіе художники Мэзонъ и Раупъ съ цедью выставить картины мюнхенскихъхудожниковъ и такимъ образомъ дать возможность публикъ пріобр'єтать картины безъ посредства тооговиевъ.

Во дворай въ Мюнжень открыты старинныя фрески въ стили Возрождения. Приступлено въ

реставрированію ихъ.

Мастерская умершаго художника Бруно Ингаьгейна въ Мюнхев в открыта для публики. Плана за иходъ ноступитъ въ кассу для вспомоществонавія художникамъ.

Въ Мюнхенъ открытъ рождественскій базаръ картинъ. Каждый художникъ можетъ выставить не болъе 3 картинъ. Вазаръ устроенъ мюнхенскимъ обществомъ Künstlergenossenschaft.

Въ Базель впервые выставили спои картивы монхенские сецессионисты. Выставка пользуется

большимъ усивхомъ.

При проложении трубъ въ Реневбурнъ найдена римская могила съ надинсями, и нъсколько моветъ съ изображениемъ римскаго вмператора, въроятно изъ фамили Антониновъ.

Въ Бадект-Бадень на 1896 годъ назначена международиля выставка, на которую будутъ приглашены выдающіеся художники всёхть странъ

зоо лицъ

Въ Брюссели открылась междувародная выставка аквирелистовъ, устроенная королевскимъ Обществомъ бельгійскихъ акварелистовъ. Всего прислапо 230 акнарелей. Cercle Artistique въ Брюссель открылъ выставку картинъ знаменитаго англійскаго художника и декоратора Газьтера Крана (Стапе). Этотъ художникъ, по таланту своему равный Уаттсу, Моррису и Бервъ-Джонсу, пользуется въБельгій большой популярностью. Недавно были выставлены его восточные альбомы въ салонахъ двидиати и Общества Libre Esthétique.

У Брукмана въ Мюнжив вышло прекрасное взданіе г. Ульма: Саноро Бомичили, украшенное 12 большими фототиніями и иножествомъ рисунковъ иъ текстъ (иъна 16 нарокъ). Біографія Ботичели, современное положеніе Италіи и вліяніе на художника личности Савовароллы, а также исторія возникновенія его картапъ и рисунковъ съ постояннымъ обі ащеніемъ къ матеріаламъ отличаются гостоятельностью и дізають эту кингу цілинмъ явленіемъ въ современной художественной литературъ,

Саксонскій король вступиль членомь въ берлинское художественно-литературное Общество Панъ и инесъ врупную сумму для художественныхъ пред-

прілтій кружка.

Одна изъ лучшихъ картинъ недавно умершаго мюнхенскаго художника Пигльгейна, Слюжая, принесена въ даръ мюнхенской Пинакотекъ принцемърегентомъ Баварів.

Королевскимъ кабинстомъ гравюръ въ Дрездень пріобратена прекрасиня гравора Гейгера съ

вартивы Ботичелли Весна.

Въ Лейници из залихъ Общества камерной музыки поставлевъ бюстъ Мендельсова-Бартольда, работы скульптора Интейна.

Выстивка мюлхенских вечессіонистовъ проила съ такимъ усибхомъ, что явилась возможность посисить 40,000 марокъ изъ долга, заключении со Обществомъ для постройки дома. Четвертия часть выставленных картивъ была вродана за сумму 274,566 марокт. На весевией выставки за 34 картины было выручено 20,000 марокъ. Отчетъ стараго Общества Künstler genossenschoft въ Стеклянномь дворцѣ свидѣтельствуетъ, что выставка Общества была посъщена приблизительно 100,000

Изв'ястный ибмецкій художина Максь Клишерь работаетъ въ настоящее премя надъ статуей

Бетховена.

Въ Дюссельдорунь открылась выстанка картинъ птмецких в художноковъ различныхъ напранленій.

Академвческая выставка въ Дрендень дала весь-на жалкіе результаты. Изъ 850 выставленных в картипъ только 46 нашли себв попупателей. Недавво отпрывшанся выставка картинъ молодыхъ художниковъ въ залахъ Лихтепритейна должна быть приявала гораздо выше академической. Участвують 35 художниковъ, преобладають, пейзажисты. Всего выставлено 119 произведсий.

Париже. При распродажь картинъ, этюдовъ, рисунковъ и гравюръ недавно умершаго художинки Шарля Жака получены следующія цифры. Картивы: "Большое стадо"—30,000 фр., "Холмикъ"-15.000 фр., "Возвращение стада"-13,000 фр., "Выходъ изъ деревии" — 13.950 фр., "Скотный дворъ" — 12.000 фр., "Возвращене съ работы" — 9.800 фр. Офорты: "На настбить" (épreuved'état) — 960 фр., "Виутрешность скотнаго двора-360 фр., "Зима въ По"-300 фр.

Дуврскому музею въ Париже принессии нъ даръ картина Ганса Меманига: Святая Дива, окру-

женная Святыми.

Въ академін художествъ въ Парижів состоялась выставка скульптуръ и рисунковъ художника Жо-

Въ саду Ликсембурга проектируется постановка памятинка Ватто. Навначень конкурсъ для проектовъ и вычасти съ тънъ предполагается устройство выставки киртинъ и рисунковъ Ватто, какіе оважется возможнымъ собрать въ Парижь.

Для Луксембургского музея пріобратено карти-

на Стивенса Возоращение съ бала

Азминистраціей Луорскаю музея куплена картипа Данида, писапная имъ въ Брюссель между 1915 в 1825 годомъ. Она представляетъ портретъ трехъ женщинъ въ нышвыхъ костюмахъ временъ Реставраціи.

По завъщанию педавно умершаго предсъдателя музен декоративныхъ искусствъ, это учреніденіе обогатилось прекраснымъ барельефомъ изъ эмалынтерракотты взвистваго птальянскаго роваппой

художника Андреа делла Роббіа.

Громадное стечение любителей искусства и торговцевъ происходило 3-го декабря въ аукціопных ъ залахъ Пети по случаю распродажи картинъ, припаллежавшихъ Г. Гарпье.

Выставка картинъ и произведений художественной промышленности въ г. Нашим прошла съ боль-

пинь успъхомъ.

Парижекій Союзъ Декоративныхъ искусствъ пріобразь цавную коллекцію монских рисунковъ ит количествъ ивсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Изкоторые изъ пихъ припадлежать къ древизишему періоду японскаго искусства.

Въ Пуасси открыть 25-го ноября памятникъ

Medicounc.

Въ свое время было сообщено объ интересномъ открытін, сділанноми проф. Пьеть и Лапортери въ департамент b Sandes. Найдены были 5 вещей допсторического періода. Изъ нихъ замичательна сделанная изъ слоновой кости голова женилины, наноминающая черты монгольской расы. Эта первобытная скульптуры свидетельствуеть о томъ, какое племя населяло нывышнюю Францію въ то времи, когда еще водились въ Европъ мамонты в посороги. Другіе обломки фигурт показывають, что и въ тів отдаленныя времена люди знали унотреблевіе одежды. Эта находка им'веть важное

археологическое значевіе.

Для возобновленія работь по слоновой кости среди художниковъ, брюссельское правительство предоставило извъстнымъ бельгійскимъ скульпторамъ безвозмездно прекрасные слоновые клыки. Въ настоящее премя въ номъщени Cercle artistique et littéraire выставлены скульитуры, сділанпыя изъ этого матеріала, которыя покизывають, что въ будущемъ этой отрасли искусства предстоять блестящее развитіе.

Въ Бристоль открыта выстанка картинъ въ за-

лахъ Академін.

Въ Бристоль состоялась интересная выставка картинъ современиыхъ англійскихъ художивковъ. Участвовали: Стангопъ-Форбсъ, Лэпглей, Гудвинъ, Ольсовт., Тяткомбъ п др.

Въ Лондоин выставлены у Кемпъ картивы итальянской и испанской школы, между прочимъ, произведенія Гиерчиво, Типторетто, Лукателло и

Картаву Уаттса Любовь и жизнь постигла странная участь. Какъ извъстно, она была принесена въ даръ художникомъ Съверо - Американскимъ Штатимъ и была предназначена для Бълаго Дома въ Вашпигтови. Мистеръ Уяльсовъ, который завъдуетъ упрашениемъ президентского двориа, нашоль знаменятую картину "веприлячной" и запретиль рабочимь вашать ее. Подобные случан весьна пе р'вдки въ Англін, гда такъ сильно господство cant'a, по для Америки этотъ инциденть довольво страневъ.

Изъ небольшихъ выставовъ въ Лондовъ заслуживають вниманія дви: въ Геймаркет выставиль свои картины извъстный художникъ Свэнъ (великольный этодь льва), Грэхемь, Линнель и нежду прочинь нашь соотечественикь Харламовъ. У мпстера Туса преобладають пейзажи: Лидеръ, Фаркуардсонъ, Дельии выставиля прелестныя вещи. Кромь того приндекають вавмание публики испанскіе хуложиная и пебольшая картива Альма-Тадемы 1867 года, интереспыя для любителей этого

У Кристи педавно быле проданы картины: Коро, "Раппее утро", за 147 фупт. ст., и Тильборга, "Ярмарка въ Аптверпевв", за 105 фунт. ст.

Каждый выпускъ художественного изданія: Portfolio въ 1895 году будетъ содержать монографію какого-инбудь выдающагося художинка. Уже приготовлены следующія статын: Гольбейню, сэра Бертона; Пребываніс Тернера т Швейцаріи, Гевта; Армстронга, Японскія гравюрия, Besackeup, вроф. Андорсона; Ватто, Клода Филлипса и MII. AD.

Въ Національной замерев приступили къ размъщеню картинъ по школамъ пъ хропологическомъ порядкъ. Новымъ завъдующимъ галлерев

пріобретены въ Италіп ценныя картины.

Бавзъ Ловдова, на Parlinments Hill, начаты археологическія разысканія, цілью которыхъ нвляется ръшение вопроса, не похоровено ли тамъ тьло царины Боадинен, какъ гласитъ предание. По Тациту, царила погребена съ золотою ценью, которую этотъ историкъ подробио описалъ.

На ежеголной зимисй выставит възанахъ Макъ-Линъ въ Лопдоні; находятся картины Коро, Добины, Альми Тадемы, Мура, Лермитта, Свана, Грэхема и др. Выставка посъщается весьма охотно.

Въ Лондонъ открыта выстанка картинъ Обще-

ства акварелистовъ.

Выставка въ Ливерпуль, только что закрывшаиси, прошла съ большимъ успъхомъ. Она состояла пвъ 500 картинъ масияной живописи, акварелей и множества декоративныхъ работъ по металлу, слоновой кости, матерія и т. п.

Въ Норгамитонъ воздвигнутъ памятенкъ Чарльзу

Брэдло, работы Дж. Тянвореа.

Члены Лопдонскаго фотографическаго Общества открым въ галлерев Дудлей свою II-ю ежегодную выставку. Общество это стремится поддержать своей дъятельностью художественную фотографію. Кром'в точности и чистоты отд'ядки, члены Общества требують также художественнаго выбора сюжетовъ. Работи Вилькинсона Урыки поразительно похоже на *monotinta*, другая (№ 35), Бріанта, передаетъ съ необычайной пізжностью и пранлой серебристый свъть туманнаго пейзажа.

Другая подобная же выставка открыта въ помъщенін акварелистовъ. Здісь выставили свои работы члены Королевскаго фотографическаго Общества. Художественныя задачи не входять въ стремленін этого кружка; фотографія является тутъ главнымъ образомъ важной помощищей различ-

ныхъ отраслей науки.

Въ 1896 году назначени большая междувародная выставка въ Буда-Исшина. Будутъ разосхины особыя приглашения художникамъ разныхъ

странъ

Ретроспективная выстанка картинъ польскихъ художниковъ въ Льоовь, состоявлаяся въ октябръ мъслив заключала въ себъ произведенія польскихъ художниковъ за періодъ времени оть 1864 до 1886 года. Всего было выставлево 1500 нумеровъ масляной, живописи акварелей, гравюръ и т. д. Ходовицкій былъ представлеръ 100 картиними, Орловскій — 55, Гротгеръ-175. Выставка имила большой успихъ.

Треты международная выстанка въ Вюнь закрылись при дефицить въ 13,000 гульденовъ.

Въ Въпъ отприлась выставка картинъ мюнхенскихъ и дюссельдорфскихъ сецессіовистовъ. Выставлевы произведения, уже знакомыя по мюнхенской выставкв этого года. Повостью яв. ляется большое полотно Фр. фонг.-Уда, изображающее положение въ гробъ тыа Христова.

Въ Будапсшти открылась зимияя выстанка ху-

дожественнаго кружка.

Испанское правительство пошло въ переговоры съ монастыремъ въ Бордо, съ палью получить останки художника Гойа, погребеннаго на мона-

стырсковъ кладбинв.

На средства американских в любителей художествъ въ Рими учреждена архитектурная школа для молодыхъ зодчихъ Штатовъ. Со временемъ полагають расширать учреждение и создать амеряканскую академію художествъ.

Для будущей выставки въ Венеціи мъстечко Мурано пожертвовало 2500 лиръ на премію этого

имени.

Въ Венецін выпла въ свъть вторая серія великолвинаго изданія Colle e Canaridi Veneziu, Онганія. Пятая тетрадь этого сборинка заключасть въ себ'я десять гравюръ: Каналъ С. Стинъ; Островъ Св. Эразма; Canale Grande близь Мигано; Каналъ dei Carmini; Музей; Санъ-Піетро; Входъ въ гавань и фортъ Санъ-Андреа; Canale Grande. Издание заключаеть синжи съ замъчательпыхъ зданії Венецін и красивышихъ ся угол-

Въ Римъ недавно сдълано питересное открытие. Синьоръ Марука, изв'юстный римскій любитель, ризыскать эскизы втальянскаго художника Бар-толомен Пинелли (род. въ 1781 г.), Три огром-ныхъ тома, купленные Марукой, содержать 253 рисунка перомъ и карандашомъ (кое-гдв сепія) и всв они предстивляють сцены изъ греческой мивологів. Любонытно, что божества греческаго Олимпа нарисованы у Пинелли по порядку алфавита; первый рисунокъ изображаетъ Аполлона, постъдній Зефпра (A — Z). Вся серія рисунковъ была закончена талантливымъ художинкомъ въ теченіе одного года. Пинелли особенно извъстенъ своими вревосходными гравюрами, на которыхъ онъ изображалъ сцены изъ жизни римскаго народа и разбойниковъ.

Госножа Эмев (Ames) въ Бостонь принесла въ даръ картинной галлерев этого города двв картины Рембрандта, помъченныя 1634 годомъ. Предполагають, что это - портрегы д-ра Тулонъ и его

жены.

Картинная галлерея въ Аделацъв (Австралія) продолжаетъ пополняться повымя ценными произведеніями съ выставокъ, бывшихъ въ Парижъ

и на Лондон въ текущемъ году.

Въ Лондони въ аукціонной заль Робинзона проданы неданно картины: Рейнольдси, портреть за 300 ф. ст. Всроиеза "Поклоненіе волхвовъ", за 194 ф. ст. У Кристи проданы тря вазы съ барель. ефами по моделямъ Кановы, за 997 ф. ст.

Въ Берминь у Лепке проданъ портретъ работы Гогарта за 910 марокъ, картина Адр. ванъ-деръ

Верфта за 810 марокъ.

Картина Грахема (Graham) Верен Шотландіи продана нъ Лондонъ за 1.052 ф. ст.

Въ Парижи у Пети продавались следующи кар-Коро. "Ребенокъ, довящій рыбу", продана за

17,500 фр.

Будень. "Вкаме домики", 1,000 фр. "Болото", 1,400 dp.

Курбэ. "Отдыхъ", 3,900 фр. Добињи. "Уазъ", 25,500 фр. "Берега Уазы", 20,000 фр. "Рыбачки", 4,250 фр. "Домъ художпяка", 3,100 фр.

Коро. "Закать солица", 6,500 фр. "Восноми-шавіе" (Офелія), 13,000 фр. "Нейзажь", 8,400 фр.

Давидь. "Портретъ женщины". 12,000 фр. Дэкинг. (Decamps) "Отдыхъ землеконовъ", за 5,100 фр.

Делакруа. "Христосъ на Генисаретскомъ озе-

pt", 9,700 dip.

Діат. "Пъсъ въ Фонтенобло", 6,250 фр. Болото въ лъсу", 15,000 фр. "Мать и дъти", 6,800 фр.

Дюпра, Жюль. "Рыбакъ", 20,000 фр. "Мостикъ

въ лъсу", 4,000 фр.

Фроминтена (Евг.). "Соколивая охота", 15,000 фр. "Отправление на охоту", 5,000 фр.

Эшръ. "Портретъ Бартоливи", 13,200 фр Изабей. "Возвращение съ охоты", 9,100 фр. "Деревия на берегу мори", 5,400 фр.

Мана. "Напа", 9 000 фр.
Эбера (Неветт). "Дъва", 270 фр.
Марилья (Marihat). "Гондола", 1,350 фр.
Мейсовъс. "Карлът.", 11,000 фр. "Хантъ", 14,000ф.

"Солиманъ", 2,700 фр.
Миля. "Гуси", 38,200 фр. "Бараны, ндущіе по тропинкъ", 35,500 фр. "Борона", 75,000 фр.

Придона. "Портреть императрины Жонефивы", 8,900 фр.

Руссо Теодоръ. "Пейзъжъ", 12,100 фр. "Осепъ", 6,000 фр. "Веснъ", 6,000 фр. Тройон. "Пастбища на берсту Туки", 30,000 фр. "Нори андскій нейзажъ", 27,000 фр. "Дворъ формы", 8,800 фр.

Цинт. "Каннебіера", 15,400 фр. Акварель Мейсонье, 1805 (первый эскнять) про-

дана за 5,100 фр.

Рисувки Энгра проданы по слідующимъ приамъ: Портреть Фурро", 1,100 фр. "Гибріаль Фурро", 2,120 фр. "Портретъ мужчины", 2,300 фр.

278

Рисунокъ Мейсонье, "Чтевіе у Дидро", 1350 фр. Рисунокъ Миллэ, "Молодая пастутка" 9,600 ф. Всь вышеозначенные рисунки, акварели и картины принадлежали Генри Гарные.

Некрологъ.

Скончались:

Альберто Мизо Жилли, въ Рамв.

Джильберть Гамертонь, въ Лондонь. Одинь изъ издателей журнала Portfolio, авторъ вритическихъ этюдовъ о Тернерѣ и современныхъ французскихъ художникахъ.

Графъ Калькрейть, бывшій директоръ школы

изящныхъ искусствъ въ Веймаръ.

Чарязь Ньютопъ, извъстный англійскій архео-логь, руководившій раскопками въ Книдь и Галикарвассъ.

ПОПРАВКИ.

Въ помѣщенной въ № 44 (декабрь) "Артиста" статы "Наши художественные притики", исобходимо псправить следующее:

ст. 191, ст. 1-й, стр. 26-сверху

вапеч: "Не обвиняя школу..."

след .: "Но обвиняя школу...".

Ст. 192, ст. 1-й, стр. 30 до 34

напеч. "Истинный художникъ .. говорять: буду экить кое-какь, лишь бы жить, да жить получше".

"Истинный художникъ... говоритъ: буду слвд.: жить кое-какь, лишь бы работать, да работать получие, ремесленникь же разсуждаеть иначе: буду работать кое какь, лищь бы жить, да жить получие.

КАТАЛОГЪ

126 ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

напочатанныхъ въ №М 1 — 44 журнала "Артистъ" и №№ 1 — 10 "Дневника Артиста".

	7 T		12
	Эе № ке , Артиста		3
	A A	Market Street Street Street Street	2
"Арсеній Гуровъ", др. въ 5 д. В. М. Михеева ("Пр.	10	"Жизнь", пъеса въ 4 х. И. Н. Потапенно и П. А. Сер-	
Высти. 92 г. № 48)	19	гвени (вт. Л. 59.)	3
"Безпутный", драма въ 5 д. А. Пинеро, перев. съ ви-	200	"Жизнь Илимова", будинчил др. въ 5 карт. В. С. Ли- хачева (91 г. № 233	1
глійскаго. (94 г. № 97)	35	"Морминьна", ком. фарсъят. 2 д. Чена (91 г. № 94). (Въ	
"Безъ исхода", высов въ 1 д. Ен. Лѣтковой (93 г.	7	отдальн. наданін пвшего журпала—91 г. № 120).	1
ла 144) "Диевника Арпписта" ле Безъ руля", пр. въ 3 д., въ стилахъ. О. Н. Чюминой	-	"Жрица искусства", ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. X. 59)	1
(98 F. Ag 11 19 33)	26	№ 59) руномъ", оцепы коъ похода совремек-	
"Бозъ кинжала", ш. въ 1 д.В. Р. Щиглева (90 г. № 202)	7	ных варгонавговъ въ4 д., А. Лугового (93 г. 1933)	2
"Богатѣй" ("Нротость — что бѣлая зорька") ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (92 г. № 7)	18	"Золотая рыбна", ком. пъ 8 д. И. А. Салова и И. Н. Ге (90 г. № 12)	
"Божья нороена", вом. въ 4 д. П. Д. Боборынина	10	"Изломанные люди", пьеса въ 4 х. Вл. А. Аленсанд-	
(90 r. 3 12)	4	"Изломанные люди", пьеса въ 4 д. Вл. А. Алеясанд- рова. (93 г. № 123).	21
"Борьба за существованіе", піеса вт. 5 д. А. Додз,		"Ирэнъ", ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкимой-Куперникъ. (98 г.	
перев. Э. Э. Матерна (90 г. № 12)	4	№ 128),	1
Матарна (92 г. № 7)	18	№ 276 и 92 г. № 7)	18
"Васантасена", до. въ 5 д., по древне-нидійской поэмь		"Кража", др. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Му-	
Цара Судрани, перев. съ пенецк. передали Эмиля Поля	10	равлина) (90 г. № 228)	. 8
I. Н. Иванова-Афанасьева	48	"Лебединая пѣсня". ("Калхасъ"), др. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова (89 г. № 274)	
Венецейскій иступань", карт. москопок. жизне XVII		"Лопухи", вом въ 4 д. П. П. Гитдича	44
в., въ 4 д. П. П. Гитдича (93 г. № 247)	30	"Лѣтияя нартинна", въ 1 д. Т. Л. Щелкиной-Купер-	0.0
"Вечеръ съ приилюченіями" ком. пл. 5 д. О. Гольд- скита, пер. А. Веослопской (94 г. № 198)	40	Madama Sang Canas way no 1 = P Canas y 2 Ma	23
"Вильгельмъ Таль", др. въ 5 д.Шиллера, переводъ А. А.		"Madame Sans-Gêne", ком. въ 4 д. В. Сарду и Э. Мо- ро, пор. 0. А. Корша (94 г. № 247)	42
Нрилль (93 г. № 128)	2-25	"Мамаево нашествіе", комшут, въ 3 л. Ив. Шег-	
_BOAOBODOTЪ", AD. 85 Б А. И. В. Шпажинокаго (90 г.		лова (90 г. № 283)	10
20 12)	3	"Матал", ком. въ 2 д. С. Н. Терпигореза (Сергъя Атавы) (90 г. № 12)	2
cuaro (91 r. 36 81)	12	"Медвъдь", м. въ 1 х. А. П. Чехова (90 г. № 202)	8
"Встрача", карт. въ 1 д. П. П. Гиадича (91 г. 36276).	17	"Метель", ком. въ 3 д. Е. П. Гославскаго (94 г. № 77)	34
"Всякому свое", ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева (90 г.	5	"Молодость Людовика XIV", ком. въ 5 д А. Дюма	01
№ 202). "Втируша ("L'intruse"), др. въ 1 д. М. Метераника, цер.	9	(отда), перев. А. Ө. Крюмовскаго (99г. № 88)	27
E. H. Клетновой (98 г. № 88)	28	No 31)	12
_Въ дътской ком. въ 1 д. Т. Л. Шепкиной-Куперникъ	00	78 31). "Мужъ и жена", ком. въ 5 д. О. Н. Сиѣжина. (93 г.	
(94 г. № 156). "Въ меравной борьбъ", др. нъ 4 д. Влад. А. Ален-	86	№ 123) "Муравейникъ", к. въ 2 д. Н. Криницкаго (92г. № 97	29
сандрова (91 г. № № 238 ш 120)	16	н 216)	4
"Въ разлунва, ком. пъ 4 д. Е. Гославскаго. (94 г.		н 216)	1
Λ ² 233)	41	"Навожденіе", ком. въ 3 д. Н. Криницкаго в А. Воро-	
"Въ сатдующій разъ", сценяв-мовологъ вт. 1 д. Грене- Даинура, перев. съ францувск. О. А. Куманина (90 г.		нежснаго (92 г. № 79)	21
№ 202). (Въ отдельн. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	8	да (93 г. № 221) Диоснико Артиста №	10
"Въ сонномъ царствъ", ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда		"Невидимка" (La dama duende), к. въ 3 лияхъ, Каль-	
90 r. № 202)	8	дерона перев. съ испанскаго (94 г. № 196)	39
"Въ старые годы", др. въ 5 д. И. В. Шлажинскаго 89 г. № 258)	1	"Не всяному, нанъ Янову", картина сольской визии вь 1 л., Е. П. Гославскаго (91 г. Л. 59)	13
"Въ царстав поэтовъ , комф. въ 2 д. В. Корнеліс-		"Нежданный гость ("Жакъ Дамуръ"), др. въ 1 д.	
10A (92 r. N. 271)	24	Энника (передаляю изъ романа Эмиля Золя), перев.	
"В'бчность въ мгновеніи". Дражатическій этода въ 1 г. Т.Л. Щепкиной-Нупернинъ (93 г. № 98)	5	съ франц. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	11
"Гамлеть", граг. В. Шенспира, перевода И. И. Гив-		"Непогръщимый", ком. пъ 5 д. я 6 к. П. М. Новъжи-	* 4
ма		на (94 г. № 247)	42
	1-4	"Новов атло", ком. въ 4 д. Влад. Иа. Немировича- Данченио (90 г. № 283). (Въ отдъльномъ изданія пашего	
"Гастролерша", шутка въ 1 д. Ивана Щеглова (90 г. 19 228)	9		10
"Гибель Содома", хр. въ 5 д. Г. Зудермана, пер. 1. Н. (93 г. № 242) "Гостъ", хр. въ 2 л. Эдуарда Брандеса, перев. П.		"Озимь", др. въ 4 д. А. А. Лугового (90г. № 202)	7
1. K. (93 r. № 242)	3	"Осенняя роза", ком. въ одномъ вкта Огюста Дор-	
"гость", хр. въ 2 х. Эдуарда Брандеса, перев. п. анзена (92 г. Ле́Ле́ 48 я 79)	9	шена, переводъ съ франд. А. Н. Миховной (92 г. № 98) Дневичкъ Арписпъс" №	9
"Графъ де Ризооръ" ("Patrio"), др. оъ 5 д. и 7 к.		"Оснолки минувшаго", вом. въ 5 д. и 6 картии, поре-	
Викторьена Сарду. Пер. Н. Ө. Арбенина 2	24	ділала изв повісти Вс. Крестовскаго (псездонимъ) "Ва	
	1		16
"Дармотдия", ком. въ 5 д.И. А. Салова (90 г. № 202) "Двт семън", ком. въ 5 д. Эмиля Ожье, перев. И. Л.	8	"Папенькина дочна" (Lolo's Vater), ком. въ 3 г. А. Ла-	9
Цеглова (93 г. № 216)	2	ронжа (93 г. № 203) "Диевника Артиста" № "Перекати поле", ком. въ 4 д. П. П. Гиѣдича (90 г.	
Цеглова (93 г. № 216)		№ 12). (Въ отд. изд. паш. жур. — 90 г. № 228)	4
	8	"Плагіатъ", ком. въ 1 д. Н. С. Баранцевича (90 г.	6
. Мировичъ (91 г. № 3 120 и 233)	5	Л6 202)	0
"Донторъ Штокманъ", др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. 1. Мировичъ (91 г. № № 120 п 233)		Снаго (89 г. № 274)	2
ера. Приспособленный для сцевы переводъ И. Н. Гре-		Подъ душистой вътной сирени", ком. въ 1 х. В. Нор-	
ова. Съ расуявани востимовъ гр. О. Л. Соллогуба. 1. "Донъ Фериандо, стойкій приицъ", тр. въ 5 д. Наль-	-4	нелієвой (92 г. № 189) "Дисон. Арт. " № "По кровавымъ следамъ", фареъ въ I д. Г. Н. Грес-	5
ерона, перев. Н. О. Арбенина (9) г. № 94)	-14	сера (90 г. № 283)	0
"Елна", ком. въ 1 х. Влад. И, Немировича Данченко		"Полусвътъ", ком. въ 5 д. А. Дюма, нер. съ фр. А.	
"Елна", ком. въ 7 д. Влад. И, Немировича Данченко 3 г. № 216 п 242)	3	Е. Кашперовой (94 г. № 196)	10
"Менски вопросъ", фърсъ въз д. Л. Фульда, перев. . Ө. Арбенина (92 г. № 48)	0	"По ревизи", этодъ въ 1 д. М. Л. Кропненицкаго (91 г. № 94)	4
		Manager Committee of the Committee of th	-

1 m		3 -4
"Порывъ", др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. №31). 12 ⁸	"Симфонія", вож. въ 5 д. Модеста И. Чайноескаго	2
"Праздникъ въ Сольгаугъ", др. въ 8 д. Ибсена (98 г.	(90 r. № 228)	9
No. 88)	"Скитальцы", сцены въ 5 д. Н. С. Генкина (90 г.	
"Предложеніе", шут. въ 1 х. А. П. Чехова. (90 г.	Na 202)	В
№ 12)	"Сорная трава", ком. въ 4 д. С. Гарфильда	44
ж. продразсуден , вож. ва ч.м. и. наимовенато. (оз г. 36 270)	хахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	в
Привътствіе искусствъ", зврическая сцена Шиллера.	"Степной богатырь", др. въ 5 д. И. А. Салова (92 г.	0
перев. Н. Ө. Арбенина		22
"Приступомъ", сцевы въ 2 д. И. В. Шпажинскаго	"Стоячія воды", варт. совр. жизви въ 3 д. П. П.	
90 r. № 202)	Гиѣдича (90 г. № 228)	9
"Пуганая ворока", сдены В. Щигрова (92 г. № 142)		18
Диевника Артиста" № 3	"Съверные богатыри", др. въ 4 д. Г. Ибсена, перев.	20
"Рабочая слободна", др. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)		20 32
"Разладъ", др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. (№ 27 4) 2	"Трагинъ поневолъ", ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г.	02
"Ранняя осень», др. въ 4 дайст. Е. П. Карпова (91 г.	№ 202)	7
№ 59). (Въ отдъл. изд. нашего журнала—(91 г. № 81) 18	"Трантирщица", ком. въ 3 д. К. Гольдони, пер. Гли-	
"Расплата", др. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (99 г. 270) 31		37
"Рай земной", ком. въ 5 ж.Е.П. Карпова (94 г. № 58.) 33	"Турусы на нолесахъ", ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (90 г.	7
"Ревнивый антеръ", монологъ въ стих. гр. О. Л. Сол- логуба (89 г. № 258)	№ 202)	
Револьверъ", ком. въ 1 д. В.В. Билибина 90 г. № 283) 10		21
"Родина" ("Heimat"), эр. въ 4 д. Германа Зудермана	"Уголокъ Мосивы", ком. въ 4 д. Вл. А. Александ-	
перев. съ нъмецк. О. А. Куманика (93 г. № 14 4)		17
Днеснико Артиста" № 8	"Утадный Шекспиръ", ком. въ 1 г. И. Я. Гурлянда	
"Самъ у себя подъ стражей", ком. въ 3 двиств. Донъ	(90 r. № 202)	6
Педро Кальдерона дель Барка, приспоссбленный къ	"Федра". тр. Ж. Расина, перев. М. П. С-го (90 г.	
сценѣ перев. С. А. Юрье ва (91 г. № 276)	70 202)	5—7
(90 г. № 283)	(90 г. № 202)	ß
"Сафо", трагедія въ 5 д. Ф Грильпарцера, перевода	"Цъпи", др. въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова (89 г. № 258)	1
Н. Ө. Арбенина. (93 г. № 123) 26—29	"Честь", вом. въ 4 д. Зудермана, перев. съ въмецк.	
"Сельская честь", сцены взъ нтальян. народи. жизви,		16
вь 1 д. Д. Верга, пер. А. А. Веселовской (93 г. » 247) 80	"Шашки", шутва въ 1 д. Н. Кринициаго (92 г. № 142)	0
"Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ" ш. въ 1 д. Хеля, верев. Н. Ө. Арбенина (90 г. № 202)	Apmucma*. No	2
"Состра Нина", др. въ 4х. П. М. Новъжина (94 г. №156). 38	"Злинда", др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спас- ской (91 г. № 94)	14
3000. bg 11012 126. gg 12. tr. in. 11000mma (021.96100). 00	0.000 (0.2.00 0.2)	
0 1 3030 4 "	0 (17	- (

Отдѣльные №№ журнала "Артистъ" продаются по 2 рубля, а "Дневника Артиста" по 1 рублю.

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платять.

Экземпляры №№ 1 и 4 журпала "Артистъ" вст распроданы. ("Перекати поле", ком. въ 4 д. П. П. Гивдича напечатана отдёльнымъ изданіемъ. Цена 1 р. 50 к.).

Вышепоименованныя пьесы разръшены нъ представленію безусловно—соотвътствующіе №№ «Правительственнаго Въстнива» указаны въ скобкахъ.

Золото.

Комедія въ 4-хъ дійствіяхъ.

Соч. Влад. И. Немировича-Данченко.

Къ представлению дозволено. С.-Петербургъ 28 декабря 1894 г. № 7995.

Представлена въ 1-й разъ на сцепъ Московскаго Императорскаго Малаго театра, въ бенефисъ К. П. Рыбакова, 2-го января 1895 года.

ДЪЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Валентина Герасимовна Кочевникова		г-жа Ермолова.
Варвара Гермогеновна Шелковкина.		г-жа Оедотова.
Алексъй Осиповичъ Шелковкинъ, ея		
Лидія Михайловна, жена его		
Игнатій Александровичъ Шелковкинъ		
Анна Ефимовна		
Николай Герасимовичъ Кочевниковъ,		
Елена Ивановна, его жена		г-жа Васильева 2-я,
Травликовъ		г. Музиль.
Мотя		г-жа Музиль.
Терентій	* * * * * *	г. Дротовъ.
Евгеша		г-жа Александрова.
Василій		г. Тарасенковъ.
Странница.		г-жа Сычева.
Терпимовъ		г. Талановъ.
Старуха		г-жа Павлова.
Кухарка		г-жа Маклакова.
Въ ибепискомъ город	m. 83 dosm	Шелковкиныххъ

Вз проернском горооп, вз оомп шелковкиных з.

Пріємная вт нижнемь этажь, служащая и для столовой. Прямо двь двери. Лъвая, подъ аркой и съ стеклянной перегородкой, — въ передикю; правая — въ корридорг. Нальво-невысокое, по широкос, четырехстворчатое окно, ст цвътными стеклами внизу и наверху. Широкій подоконникь, на которомь цвиты герани. Клитка сь канарейкой. Направо дверь въ компату Варвары Гермогеновны. Изъ передней, которая видна почты вся, нальво-выходь на крыльцо, а прямо идеть парадная лыстница вы верхній этажь. Подъ лыстницей вышалка съ верхнимъ платъемъ. Изъ корридора прямо-дверь въ комнату Валентины. Обстановка старинная, тяжелая. Около окна, нъсколько ближе къ серединъ сцены – объденный столь, кругомь него стулья. Ближе нальво, у авансцены, швейная машина и стуль. Прямо между дверьми изразцовая печь. Направо въ углу, въ глубинъ — буфетъ, а навсрху на него навалены картонки, старый кофейникъ, подсвъчникъ съ зеленымъ абажуромъ и т. п. Направо — диванъ (фасомъ къ публикть), овальный столь, кресла, скамеечка къ ногамъ. Стыные часы.

НЕРВОЕ ДЪЙСТВІЕ.

Часы показывають около одиннадцати.

Терентій 1) приносить дровь и затапливаеть печь. Впослыдствій уходить.

Въ глубинъ сидять Старуха 2) и Терпи-

мовъ 3).

Изъ корридора входять Мотя 4) и Странница 5).

мотя. Вотъ тутъ и обождите. Присядьте, сестрица.

Странница. А тутъ, дъвушка, шею не

накостыляють?

Мотя. Ай, что вы! Какъ можно!

Странница. Всякое претерпъваемъ ради имени Господия. Бываетъ, хозяева ласковы, а прислуга, того и гляди, разобидитъ.

мотя. У насъ старуха сама до всъхъ доходитъ. И ежели которые страшные—всякаго и накормитъ и деньгами надълитъ.

Странница. Это, стало быть, ея комната?

Мотя. Ну, да.

Странница. А блаженная ваша гдъ помышается?

Мотя. Валентина Герасимовна вонъ тамъ. (Указываетъ.)

Странница. Посмотръть-то на нее можно? Мотя. Ея теперича нъту. Съ прошлогодней весны уъхамии.

Странница. По монастырямъ повхала?

Мотя. Ну, да.

Странница (заглянуют въ открытую передиюю). А эта л'ыстница наверхъ куда же?

Мотя. Старухинъ сыпъ живетъ съ мододой женой.

Странница. Богато живетъ?

Мотя. Богато. Ну, мнъ бъжать надо. А вы, сестрица, присядьте. (Уходить.)

Терпимовъ (искоса оглядьвь ее). Откуда? Странница. Изъ Новоспасовской Общины. Слыхали, ваше благородіе?

Терпимовъ. Какъ не слыхать! А давно

живете тамъ?

Странница. Кажъ я вамъ скажу, давно ли. Я, можетъ, еще и не жила совсъмъ на свътъ.

1) Дворинкъ у Шелковкиной. Человъкъ старый и ко всему равнодушный. Въ высокихъ сапогахъ, съ большимъ холстиныт передникомъ.

Простая баба.
 Отставной военный. Лътъ 55. Съ костылемъ.
 Молодан, краснощекая, простая дъвушка,

взятая пзъ деревни.

Терпимовъ (махнувг рукою). В вчно вы туманъ наводите.

Странница. Кому интересна моя біо-

графія.

Терпимовъ. Научены разговаривать? Странница. Господь Богъ все знаетъ.

Терпимовъ. Сама княгипя, видно обучаетъ. Да въдъ Валентина Герасимовна теперь у васъ.

Странница (вскочивь). Ой, да что вы! Терпимовъ. Ужъ я знаю. Ваша княгиня

сама прівзжала за нею.

Странница. Погостить повхала?

Терпимовъ. Кто говорить—погостить, а кто-будто бы совсъмъ.

Страиница. Ахъ, и хорошо бы, коли совсъмъ.

Тергимовъ. Еще бы вамъ не хорото. Этакая милліонщица!

Странница. На всякаго, ваше благородіє, посильное послушаніе палагается. На кого трудомъ, а на кого большимъ вкладомъ. А тяжеле нашего, которая странствуетъ, пъту. Не то, что не досимшь и не добшь, а всякій тебя норовить обидіть. Въ деревнів ли, на дорогів ли, а то и въ городів. Особливо отъ солдать терпимъ.

Евгеша показывается на мыстишем.

Евгеша (перегнувшиет черезъ перила, зоветь). Мотя! Мотя! (Сбываеть, эходить, засматриваеть въ компату Варвары Гермонновны и, подойдя къ двери корридора, снова зоветь.) Мотя!

Странница. Позвольте васъ спросить.

Евгеша. Что вамъ?

Странница. Правду-ли говорять воть ихъ благородіе, что благодівтельница наша Валентина Герасимовна поступили къ намъ въ Новоснасовскую общину?

Евгеша. Это меня не касается. Спро-

сите у нижней прислуги. Мотька!

Мотя вбилаеть.

Евгеша. Что это, не дозоветься тебя. Мотя. Въ прачешной была.

Евгеша. Варвара Гермогеновна не возвращалась?

Мотя. Н'втути.

Евгеша. Игнатій Александровичь сидить унасъ, прислаль узнать. Послушай-ка. (Отводить ее въ сторону, тихо.) Что это онн болтають? Наша-то полоумная совсімь убхала въ монастырь?

Мотя. Да пу?

⁵⁾ Возраста неопредбленного. Черты лида реакія, глаза быстрые и съ любопытствомъ вглядывающіеся во все окружающее. Голосъ низкій, грубый. Одета во все черног. Сапоги высокіе, мужицкіе.

Евгеша. Полно прикидываться! Можетъ, скрываете отъ насъ?

Мотя. Провалиться па мысть. Да и какъ

же, коли нынче ждемъ назадъ.

Евгеша. В'врно ли? Подоврительно чтото. И то больше года, какъ у'вхала.

Мотя. Старуха сама приказывала, чтобъ къ двъпадцати часамъ самоваръ былъ.

Евгеша. Ты смотри — узнасшь что, сейчасъ мив доложи. (Уходить.)

Странница. А, поди, тяжело теб'в, д'ввушка! ППла бы ты къ памъ. Ахъ и хорошо у насъ, особливо въ лътнюю пору.

Мотя. Да и то пойду. Старуха тоже склонисть меня. Какъ ваша княгиня была завсь, увидъла меня и говорить старух в то: отдайте, говорить, ее къ намъ. У насъ, говорить, земли много, а работницъ мало. А я, видишь, молодая, да здоровая. Въ деревнъ первал визалыцица была.

Въ передней звонокъ.

мотя. Вогъ, должно, и сама. (Убигастъ въ передивно.)

Bct (ecmanomi).

Въ перединно входить Травлиновъ в) и Мотя. Травликовъ ставить на поль замокшій оть дожедя зонтикь.

Мотя (входить въ приемиую).

Терпимовъ. Сама?

Мотя. Н'втъ. Туть одинъ ходить все. Травлиновъ (въ дверяхъ). Послушай, милая. А Игнатій Александровичъ у васъ не бывалъ? (Дыханіемъ старается согрыть похолодывшіе пальцы.)

мотя. Не знаю-съ. Напраспо только вы съ параднаго крыльца безпокоите. Хо-

дили бы со двора, какъ и прочіе.

Травликовъ. Я, милая, не заподаяніемъ. Я и къ губернатору ходилъ черезъ парадный подъвздъ.

Мотя (заглянува на льстницу). Вонъ Игнатій Александровичъ идутъ сверху.

Травликовъ (omxodumъ къ мистници и кланястся).

Съ листици спускается И. Шелковкинъ ⁷) и за нимъ Василій. Послыдній выходить на крыльцо, слышно, како оно крикнуль кучеру: "давай", потомы возвращается.

Травликовъ. Игнатій Александровичъ! Извините, что я васъ останавливаю.

б) Лътъ за 40. Нервное, измученное лицо.

Одатъ бъдно, но сравнительно чисто.

И. Шелновнинъ. Что прикажете?

Травликовъ. Я два раза заходилъ къ вамъ въ комитетъ, но не былъ принятъ. А мнъ крайне нужно было видъть васъ

И. Шелковкинъ. Ахъ Боже мой! Ну, и

что же? Теперь эта пужда прошла?

Травликовъ. Напротивъ. Болье, чъмъ когда-нибудь. Мив необходимо объяснить вамъ...

И. Шелковкинъ. Мотя! Когда тетенька вернутся, попроси ихъ подождать меня. Скажи, что я очень скоро булу. Поняла?

Мотя. Ilопила.

Травлиновъ. Игнатій Александровичъ! Выслушайте меня. Вѣдь если бы не несчастпый случай... Миѣ бы толькотеперь поправиться... Черезъ годъ, пѣтъ, раньше, — черезъ полгода я бы вамъ вее уплатилъ.

И. Шелковкинъ. (Страдальчески выкрикивая). Да, не могу я, не могу! У такихъ людей, какъ вы, всегда несчастный случай виноватъ. И всё вы такъ разсуждаете: мить бы, молъ, только теперь, вотъ только сейчасъ поправиться, а тамъ путь мой будетъ устлиъ розами. Нельзя такъ жить, господниъ Травликовъ. Я вамъ мъсто далъ? А вы его бросили. И когда помогалъ, такъ вовсе не разсчитывалъ получить обратно, такъ какъ не върю ни въ полгода, ни въ годъ и вообще ни въ какіе сроки. Надо трудиться. Я вотъ самъ целый депь въ работъ. (Василио.) Лошадь подана?

Василій. Готово-съ.

Травлиновъ. Игнатій Александровичъ! и. Шелновнинъ (дотромувшись до шаяпы.) Извините. Тороплись. (Уходить.)

Травликовъ (нервно кусаеть ногты и

растерянно оглядывается).

Мотя. Ужъ вы тутъ, госнода, пожалуйста, не стащите чего-пибудь. А мив некогда. У меня тамъ утюги простынутъ (Уходить.)

Терпимовъ. Трудиться! Хорошо говорить здоровому человіку. А попробуй-ко онъ на моємъ мѣсть, безъ ноги. Я за Царя и за Отечество пострадалъ.

Василій (проводиль И. Шелковкина,

возвращается на верхг).

Травликовъ. Сконидомъ извъстнъйшій. Жалованья изъ разныхъ учрежденій получаетъ тысячь пятпадцать, а одъвается хуже, чьмъ я. Домъ у него огромный, новенькій, какъ съ иголочки и по всему дому одинъ ходить, да глухоньмая сестра старуха живетъ съ нимъ Войдешь къ нему въ залу еъ грязпыми погами, — накричитъ и самъ схватитъ тряпку и вытретъ полъ.

⁷⁾ Літъ подт. 50. Очень подвижный. Бритый, гладко причесанный. Несмотря на то, что занимаетъ въ городъ видпое положеніе, одъвается скромно. Во время разговора часто выкрикиваетъ. Импетъ такой индъ, что всегда чтыть то взволновинъ или куда-то торопится.

Терпимовъ. Неужели?

Травликовъ. На окнахъ цвъты. Самъ сажаетъ и самъ поливаетъ утромъ и вечеромъ. Даже глухо-пъмой сестръ не позволяетъ трогать. А мебель вся въ чахлахъ. Вдругъ ни съ того, ни съ сего синметь чахлы и любуется мебелью, а потомъ опять надівнетъ. А спросите, для кого бережетъ добро? Самъ не знаетъ. Ктото подъвхалъ. (Взглянува въ окно). Варвара Гермогеновна! (Быстро идеть отворить ей двери.)

Варвара Гермогеновна 8) и Травликовъ вошли въ перединно.

Травликовъ (помогая ей раздъться). Каковъ дождикъ, Варвара Гермогеновна?

Варвара Гермогеновна. Еле до вхала. Какъ

изъ ведра льетъ. (Входить).

Всь (истали и говорять вмисти):

Старуха (кланяясь въ ноги). Матушка, кормилица паша...

Терпимовъ. Все ли въ добромъ здоровы, глубокоуважаемая Варвара Гермо-

Странница. Съ поклономъ къ тебъ, благодътельница. Не для себя странствую, а для...

Варвара Гермогеновна (остановившись передг ними, страниши). Откуда?

Странница. Изъ Новоспасовской Общины, милостивица.

Варвара Гермогеновна. Мотя! Давно ли

Странница. Да ужъ съ прошлаго года. Въ самый Егорьевъ день.

Мотя (входить).

Мотя. Ахъ, Варвара Гермогеновна! Когда жъ вы вошли, не слыхала я.

Варвара Гермогеновна. Всли накормить ее, чаемъ напонть, потомъ позову. Отдохии, сестрица.

Странница. Спасибо тебв, родимая...

(Цплусть ея руку и отходить.)

Варвара Гермогеновна (Терпимову). За жалованьемъ? (Идетъ къ своей комнатъ.) Жена здорова ли, дъти? (Уходить.)

Терпимовъ (идета за нею). Теперь немного поправились, глубокоуважаемая Варвара Гермогеновна. Квартиру имъ наиялъ сухую. (Останавливаясь въ дверяхъ, продолжаеть.) По праздникамъ говядины покупаю. Старшаго сына къстоляру думаю

Варвара Гермогеновна (возвращается и передаеть ему деньги). Вотъ что, батюшка. На сухую квартиру и говядипу бери, но ежели ты опять заиьешь. прямо говорю: жену и детей отберемъ, а тебя на улицу выбросимъ. Такъ и

Терпимовъ. Варвара Гермогеновна! Высокоуважаемая!

Варвара Гермогеновна. Сказано. Нечего

Терпимовъ. Пожалуйте ручку. (Цилуетъ ей руку.)

Варвара Гермогеновна (старухь). Ты

Старуха (въ поги).

Варвара Гермогеновна. Да что тебъ, говори прямо.

Старуха (снова кланяется). На все твоя воля, родиман.

Варвара Гермогеновна. Вдова, что-лп? Старуха (кланяется). Ахъ, матушка, кормилица наша!...

Варвара Гермогеновна. Иу, отъ тебя, видно, толку не добиться. (Мотт.) Кто такая?..

Мотя. Не разберешь ее, Варвара Гермогеновна. Запуганная какая то.

Варвара Гермогеновна. Уведи ее, добейся, гдъ живетъ. (Старухи.) Сама къ тебъ приду ужотко. Слышинь?

Старуха. Спасибо, родимал. Не оставь

спротъ...

Странница, Старуха, Терпимовъ и Мотя (уходять).

Варвара Гермогеновна. А ты, батюшка, ежели опять съ просьбами, такъ лучше и пе начинай. На тебя не напасешься.

Травликовъ. Варвара Гермогеновна! Обращаюсь къ вамъ исключительно ради торжества справедливости. Я человъкъ, отягченный озлобленіемъ. Помогите выбраться изъ этого угнетающаго меня чувства. Пропасть передъ мной, Варвара Гермогеновна, - вравственная пропасть, въ коей пельзя остаться честнымъ человъкомъ.

Варвара Гермогеновна. Какое тамъ еще озлобленіе! Самъ виновать, батюнка, такъ

печего на людей сворачивать.

Травликовъ. Не могу я относиться спокойно къ злоупотребленіямъ и угнетенію слабыхъ, - характеръ но выноситъ. Я человъкъ раздавленный. Вамъ ли не знать, что наше общество равнодущью, такъ сказать, до жестокости.

⁸⁾ Літь подъ 60. Взглядь поъ-подъ бровей. Маленькіе усы. Одата въ черное. На головів черный платокъ. На указательномъ пальцъ два обручальныхъ кольца. Властная, сильная природа.

Быстро входить Лидія Михайловна ⁹), за пею Алексъй Шелновкинъ ¹⁰).

Лидія Михайловна. Съ добрымъ утромъ, маменька. (Пълуясь, только подставлеть щеку.)

Варвара Гермогеновна. Здравствуй, красавица. Небось, только что поднялась?

Лидія Михайловна. Я и еще спала бы. Въ эту погоду и вставать не хочется. Да воть медвъдь, вмъсто того, чтобы идти на службу, (лукаво улыбаясь мужу) не даеть нокоя женъ.

Варвара Гермогеновна. Что это ты, Алексый, какой растерзанвый. И не поздоро-

вался.

А. Шелковкинъ. (Приходя въ себя) Извините, маменька. (Цилуеть ей руку.)

Лидія Михайловна. Ахъ, у васъ есть кто-то! Варвара Гермогеновна. Сейчасъ кончимъ. Присядь. (Травликову.) Ну, въ чемъ дівло? Только говори яспіве. Ничего у тебя не поймешь. Да садись, чего стоншь.

Травликовъ (присаживаясь). Выслушайте меня, Варвара Гермогеновна. Я не мотъ, не картежникъ, не пьяница. Я иикогда ве позволялъ себъ излишества им въ винь, ни въ женщинахъ. Извините, по я могу передъ образомъ поклясться, что ин разу не измънилъ женъ, а дътей своихъ обожаю. Вы можете, наконецъ, подумать, что я лынтяй. Такъ вотъ возьмите вчераший день. Я чеперь изъ нужды въ газеты пишу. Вчера до вечера просидълъ въ земскомъ собраніи. Пришель вечеромъ домой, не ввши. Жену обмануль, сказаль, что закусиль въ земствъ... И обмануль то, чтобы дътямъ больше осталось. . Лючь всю писаль глуную корреспонденцио. И холодно то мив, и всть хочется. А главное трудно. Не умью я, да и всей душой презираю это мелкос, грошовое дъло. А я пишу, стараюсь, переписываю на бъло. И сегодня чуть-свътъ голю на вокзаль півнікомъ три версты въ ливень да въ грязь, затъмъ, чтобы меня другой корреспонденть не опередиль. Да и не могу не стараться, не смію, потому что, пока я пишу, у меня за синной жена то молится. Знасте, о чемъ молится? Не ноймете вы этого. О томъ, чтобы тамъ, въ редакціи поменьше вычеркивали строчекъ изъ моей корреспонденціи. Извольте вникнуть. У вся на это земское собраніе тоже свои расчеты. На двор'в то октябрь, а у дівтей и нальтишекъ нівть, и сапоженки дырявые. (Посать паузы.) Не лівнтяй я, а лечкомысленный и дов'врчивый человівкъ. А жену то, лобящую жену, загубиль своей безшабашностью.

Лидія Михайловна. (тихо). Какой онъ

жалкій!

Варвара Гермогеновна. Ужъл и не знаю, что намъ съ тобой дълать. Женъ и дътимъ поможемъ, теплое платье пришлемъ...

Травликовъ. И-втъ, Варвара Гермогеновна, напрасно будете безнокопться. Такая номощь не спасетъ меня. Мит нужно теперь нять тысячъ для осуществленія одного проекта.

Лидія Михайловна (быстро). Сколько?

Травликовъ (спокойно). Пять тысячъ, сударыня. (Варваръ Гермосеновиъ.) Дадите, -черезъ годъ все вамъ верну, а не дадите-вамъ же худо будетъ.

Лидія Михайловна (хохочеть). Вотъ сывш-

ной!

А. Шелковкинъ. Вы бы просили десять, или двадцать,—все равно не дадуть.

Варвара Гермогеновна. Ступай-ка, батюшка, домой да выспись.

Травликовъ (первио). Да въдь не ваникъ депетъ прошу, -- отчего жъ вамъ не дать! Варвара Гермогеновна. Не мои, голуб-

чикъ, не мои. Сиротскія.

Травликовъ. Такъ если вы изъ сиротскихъ бросаете десятки и сотип тысячъ для своего сына, — что жъ вамъ стоитъ спасти цълую семью пятью тысячами?

Варвара Гермогеновна (встала). Я? Для

своего сына?

Травликовъ. Не прикидывайтесь изумлениой. Не я одинъ, весь городъ знаетъ. А только городъ нашъ—стадо барановъ. Либо загнанный, забитый народъ, либо равиодушный ко всякимъ злоупотребленіямъ. Души, дескать, кого хочень, только меня не тронь.

Лидія Михайловна. Алеша! Да зажми ты

ему роть.

А. Шелковкинъ (вскочило рапьше). Да какъ же опъ смъетъ, маменька!..

Варвара Гермогеновна. Стой, Алеша. Не первый день его знаю. Ну, вытрясай,— что у тебя тамъ?

Лидія Михайловна. Подождите. Дайте ми в уйти. Я къ такимъ грубымъ сценамъ не привыкла. Непавижу бывать у васъ, когда тутъ кто-нибудь посторонній. (Уходить наверхъ.)

Варвара Гермогеновна. Ну? (Садится).

⁹⁾ Хорошенькая жепцина, въ элегантномъ капоть, вороть котораго застегиваеть уже войдя на спену. Товъ безстрастный, но капривный и настойчивый.

¹⁰⁾ Красивый, плотный, чисто русскаго типа. Лётт. 28. Одётт свободно и изящио. Взглядь ваволюванный. Когда съ женой—па лицё досадное чувство пеудовлетворенности. Часто подергиваеть поздрями и поводить рукой по волосамъ. Простовать.

Травликовъ. Я отлично понимаю, что всъмъ монмъ поступкамъ одно названіе подлость. Дальше ужъ пекуда идти. Но съ отчания чего человъкъ не сдълаетъ. Выслупайте меня спокойно. Съ мъсяцъ назадь я обратилсякь Игпатію Александровичу съ просьбой поддержатьмой новый проектъ. Опъ отказалъ мив, да такъ отказаль, какъ онъ одинь умветь, съ разными нотаціями. Слушаешь его и думаешь, какъ бы удержиться, не убить перваго, кто попадется подъ руку. Не выдержалъ я тогда. Пришелъ домой и написалъ письмо въ Москву, Пиколаю Герасимовичу Кочевникову, И письмомъ нельзя назвать, а просто - подлый доносъ. Что вы съ сыномъ и племянникомъ эксплуатирусте его больную сестрицу, Валентину Герасимовну, что два года назадъ губерпаторъ хотълъ учредить надъ нею опску, словомъ, - всякія гнусности. А четвертаго дия, точно льяволъ толквулъ меня, - написаль Кочевникову: ждуть-де Валентину Герасимовну домой къ такому то дию, сегодня то-есть-прівзжайте непрем'твно.

Варвара Гермогеновна. Ну, и что же? Травлиновъ. Вчера вечеромъ опъ пріталь съ женой, остановился въ гостипиць "Европа" и сегодия утромъ вызваль меня къ себъ.

Варвара Гермогеновна. Такъ вотъ ты какой гусь!

Травликовъ (сильно). Варвара Гермогеповна! Винкинте въ мою душу. Говорю
вамъ, нравственная пропасть передо мной.
Если вы меня не спасете, я себя знаю,
пойду къ нему и раззадорю противъ васъ.
А дайте миб пять тысячъ — васъ же
буду защищать. Скажу, что налгалъ изъ
злобы.

Варвара Гермогеновна (подходить къ корридору). Терентій! Моти, пошли сюда. Терентій.

Травликовъ. Варвара Гермогеновна! Что

вы хотите дълать?

Варвара Гермогеновна. Я тебя, миленькій, въ 24 часа такъ скручу, что отъ тебя и пылинки не останется. Ты, голубчикъ, не разсчиталъ, съ къмъ бороться вздумалъ. Чихать я хочу и на тебя и на твоп доносы. Скажите! Мерзости творитъ, да еще мучается! А я его пожалъй.

Травликовъ. Стало быть гоните?

Варвара Гермогеновна. Ну! Довольно я тебя слушала. Съ клеветинками у меня одно средство— помеломъ изъ дому.

Травликовъ. Хороню. Прощайте. Можетъ быть, вы нынче же услышите, что я себъ пулю въ лобъ пустилъ, а только и вамъ не поздоровится.

Входить Терентій.

Травликовъ. Подай ка мнъ, братецъ, зоитикъ, да запри за мной дверь. (Уходитъ.) Терентій (провожаеть ею и потомь проходить обратио).

Варвара Гермогеновна (стараясь успокоиться). Дай-ка, Алета, водицы. Вонъ на столів.

А. Шелковкинъ (подастъ).

Варвара Гермогеновна (выпивь). Что это жена — дразиить тебя, что ли?

 А. Шелковкинъ. Не то, что дразлитъ, а какая то она, словно не поймаешь ее никакъ.

Варвара Гермогеновна. Знаю я такихъ женщинъ. Изсушить могуть. И то у тебя лицо такое, что нельзя смотръть безъ боли. Ты бы провезъ ее въКрымъ, что ли,

А. Шелковкинъ. Она и то просится въ

Грымъ

Варвара Гермогеновна. Ну, потъ и по-

А. Шелновкинъ (г. чухо). На какія жо деньги?

Варвара Гермогеновна. Это ужъ не твоя забота.

А. Шелковкинъ. Да въдь гадко это, маменька.

Варвара Гермогеновна. Ну! Вздумай еще осуждать мать.

А. Шелковкинъ. Я не осуждаю, а напротивъ жалъю.

Варвара Гермогеновна. Глупости. Самъ будь счастливъ, такъ и меня жалъть не придется.

А. Шелковкинъ. Какое ужъ тутъ счастье. Другой бы на моемъ мъстъ выбросилъ въ окно этого Травликова, а у меня, словно языкъ прилипъ къ гортани. (Смущаясь.) Я даже удивился, что вы его прогнали. Можеть, лучше было бы дать ему денегъ, зальнить ротъ.

Варвара Гермогеновна. Спачала я и сама такъ подумала. Дъло обыкновеннос. Ну, а потомъ сообразила, что изъ этого инчего не выйдетъ. Николашка, все рав-

но, уже прівхалъ.

А. Шелковкинъ (вдруго вскомниво). Да! Что онъ еще тутъ говориль? Развъ Валентина Герасимовна возвращается домой?

Варвара Гермогеновна. Сегодня съ ут-

рениить повздомъ будстъ.

А. Шелковнинъ (взволюванный ходить). Варвара Гермогеновна (внимительно смотрить на него). Повзжайте вы въ Крымъ, пожалуйста. Не могу и тебя видъть такимъ.

А. Шелковкинъ. Ну, повдемъ въ Крымъ, а потомъ что же? Возвращаться надо. Пе зимовать же тамъ. (Смущенно). Когда-жъ это она ръшила верпуться? Вы, кажется, говорили, что она совећиъ останется въ монастыръ.

Варвара Гермогеновна. Принеси-ка конъ

у меня тамъ на комодъ письмо.

А. Шелковкинъ (уходить и возвращается съ письмомь).

Варвара Гермогеновна (тыма временема

еще глотпула воды). Читай-ка.

А. Шелковкинъ (читает:): "Обожаемая мол тети! Пошли тебі: Господь долгихъ дней и тихихъ радостей! Пользуюсь оказіей и пишу тебь уже последнее письмо, такъ какъ послъ завтра собираюсь ъхать домой. Какъ я тебъ уже писала, такъ и вышло по моему. Итть еще моей охоты уходить совсымь отъ міра. И духомъ я еще безпокойная, да и не манитъ что-то. И не то, чтобы радостей искала я для самой себя отъ жизии, а какъ вспомню, что совству ужъ должна буду разстаться съ тобой, безциниам моя, да съ своей компаткой, да съ окошкомъ на Тихвинскій монастырь, такъ даже защемить сердце и илакать готова. Да и развів пе монастырскою жизнью жили мы съ тобой вотъ ужъ 12 лътъ! Нътъ, тетя, не кори меня своей суровостью. Вду домой и отъ одной этой мысли мив становится радостно. Анненька и здъсь все прыгаетъ да хохочетъ. Опа цълуетъ твои ручки. Цълую тебя безсчетно. Кланяемся Алексью Осиновичу, Лидін Михайловив и Игнатію Александровичу".

Варвара Гермогеновна. Вотъ видишь самъ? Что я съ нею подълаю! (Помолчавъ.) Истомила она меня совсъмъ. И любовъ-то

ея мив опостыльла.

А. Шелковкинъ. Не знаю, маменька, какъвамъ, а у меня въ груди такое чувство, точно въ ней невиннаго младенца ръжутъ на куски. Что я за несчастный человъкъ, что не имъю надъ собой инкакой силы воля! Долженъ же быть конецъ моей гнусности! И попимаю я, что отъ этой самой гнусности и не могу видъть Валентины Горасимовны. А вотъ не могу. Чувствую, что при одномъ ея видъ красићю до корней волосъ.

Варвара Гермогеновна. Не емей ты мие этого говорить. Я тебе давала деньги, я и отвечаю. Придеть время—я съ нею и разговаривать буду.

Звонокъ.

Варвара Гермогеновна. Посмотри, кто это тамъ.

А. Шелковкинъ (подойдя къ окну). Игнатій. Мотя пробываеть въ передиюю, впускаетъ И. Шелковкина, пологаетъ ему раздитъся, потомъ уходитъ.

Варвара Гермогеновна. Ты съ нимъ, Алеша, поласковъе. Опъ человътъ практическій и для тебя, можеть, самый полезный.

И. Шелковкинъ (входя.) Здравствуйте, тетенька. (Цилусть руку.) Вы мн в оиять записочку прислади. На что вамъ еще понадобилось три тысячи?

Варвара Гермогеновна. Объщала матушкъ его превосходительства, господина гу-

бернатора.

И. Шелковкинъ. Опять? Вы же педавно свезли ей.

Варвара Гермогеновна. На дияхъ годовщина убъжница, которое ея имени, — такъ и пообъщала.

И. Шелковкинъ. Я такъ не могу, тетенька. Я человъкъ пуиктуальный. Я безъ ордеровъ Валентины Герасимовны, не стану больше выдавать денегъ.

Варвара Гермогеновна. Вотъ на! Что еще за новости? Да въдь она тебъ давно выдала такую бумагу, чтобы ты привозилъ по всякому моему приказу и сколько бы я ни потребовала. Чего тебъ еще?

я ни потребовала. Чего теб веце?

И. Шелковкинъ. Да ужъ очень много требуете. Больно разошлись. Шутка сказать, вашихъ записочекъ безо всякихъ оправданій у меня теперь больше, чъмъ на двъсти тысячъ Такъ нельзя, тетепька.

Варвара Гермогеновна. Да тебъ то что?

Въдь пе твои деньги.

И. Шелковнинъ. Еще-бы мон! А все-таки, каждый разъ, какъ приходится выдавать вамъ, ми'є синтел такіе спы, будто бы я

померъ.

Варвара Гермогеновна. Ахъ, Игнаша! Въдь вотъ ты умный человъкъ. Должно быть, умный, коли тебя вездъвыбираютъ. И членъ то ты — чего тамъ? — учетнаго комитота, что ли. И гласный то вездъ, и гдъ то тамъ предсъдатель, а все же умъ у тебя какой то куцый. И мыели твои куцыя. Не хочешь понять, что всякое доброе дъло, какъ оно для души превыше всего прочаго. Утъшь ты меня, Игнаша. Пойми меня когда-нибудь.

И. Шелковкинъ. Я васъ, тетенька, давно понялъ. И напрасно вы утруждаете себя длинымъ разговоромъ. А нельзи же замъсто оправдательныхъ документовъ— какіе то клочки съ каракулями. Въдь вы, тетенька, представить себъ не можете, какъ вы скверно пишете. У васъ замъсто слова-то... И не разберешь — не то гусь, не то часовой парисованъ. И потомъ-тысячу разъ просилъ—берите съ

этихъ господъ квитанцін. Я измучился совстви. Ужъ и не радъ, что свизался съ этимъ капиталомъ. Завъдывали бы сами.

Варвара Гермогеновна. Ладно ужъ, перестань ворчать. Ты человъкъ аккуратный. Ая вашихъ банковскихъ порядковъ не знаю, да и претить мив знать то TYB.

И. Шелковкинъ. (помолчавг). Можетъ, для генеральши довольно и пятисотъ цълковыхъ?

Варвара Гермогеновна. Не торговаться же мнь, коли ужъ объщала три тысячи?

И. Шелковкинъ (береті фуражку). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ прівдетъ Валентина Герасимовна, надо все это заново оформить. Такъ нельзя. Еще подъ судъ попадете. (Прошелся.) Дайте генеральшъ тысячу. Право, будеть съ вея.

Варвара Гермогеновна. Нельзя, голубчикъ. Обида большая. Сама сегодия прівдетъ

за деньгами.

А. Шелковкинъ. Погоди, Игнатій. Не VXOAH.

И. Шелковкинъ. Что еще?

А. Шелковкинъ (сильно конфузясь). Не слыхаль ли, зачымь прівхаль брать Валентины Герасимовны?

И. Шелковкинъ. Который?

А. Шелковкинъ. Пиколай, кажется.

Варвара Гермогеновна. Небось помнишь Николашку по Москвъ.

И. Шелковкинъ. Ну, помию. Развъ опъ

прівхаль? Зачьмъ?

А. Шелковкинъ. Травликовъ разсказываль сейчась, какь будто бы написаль ему доносъ на маменьку п на меня, что мы эксплуатируемъ его сестру... тамъ... чортъ его знаетъ, что еще!

И. Шелковкинъ. Вотъ такъ исторія. Стало быть, им вю честь поздравить. Дождались скандала. То-то я гляжу, словно тебя неремыли и выполоскали, а выгла-

дить еще не усивли.

А. Шелковкинъ. Можетъ быть, маменька, опъ просто прівхаль повидаться съ

сестрой?

И. Шелковкинъ. Ивтъ, голубчикъ, не обманывай себя. Такіе господа, какъ Инколай Герасимовичъ Кочевипковъ, не стачуть безпоконться ради чувствительныхъ свиданій. Тутъ діло посерьезніве. А? Что-жъ это такое? Что же вы теперь будете дълать? Въдь говориль вамъ, сколько разъ говорилъ, - живите разсчетливие. А то сегодня па добрыя дъла тысячу, а завтра Лидіи Михайловив двв на тряпочки, да на шляпочки, да на угощение дураковъ и прохвостовъ.

Варвара Гермогеновна. Замолчи, Игна- 1

тій! Куда хочу, туда и трачу. Кто смъ-

еть требовать съ меня отчета?

И. Шелновкинъ. Какъ кто смъетъ? Вотъ тебь и разъ! Да вы, тетенька, кажется, окопчательно порфинян, что капиталъ Валентины Герасимовны какъ бы вашъ собственный?

Варвара Гермогеновна. И поръщила. Ты

меня дълилъ съ нею, что ли?

И. Шелковкинъ. Да зачъмъ же дълить? Д'ввушка получила милліопъ въ наслідство, вы то здісь при чемъ? Что она поселилась у васъ въ дом'в, такъ милліонъ и вашъ?

Варвара Гермогеновна. А кто ее такъ высоко поставиль? Да меня всв первые лиди въ городъ, которые поумнъе тебн, съ честью благодарять за пес, что я поняла ся душу, да направила ся капиталъ на добрыя дъла. Простые люди чуть что пе молятся на нее, генеральша то и дъло присылаетъ благодарности на ея имя. Самъ архіепископъ интересуется ею!

И. Шелковкинъ. Такъ что-жъ изъ этого? Варвара Гериогеновна. Стало быть, я всегда въ полномъ правіз считать си капиталь какъ бы мой собственный,

И. Шелковкинъ (разводить руками.) Вотъ

такъ покорно благодарю.

Варвара Гермогеновна. Да я 12 лътъ уже, какъ Валя прівхала ко мив, порвшила смотръть на ел каппталъ, какъ на свой собственный.

И. Шелковкинъ. Зпаете, тетенька? Когда вы принимаетесь доказывать дівловой разговоръ, такъ у меня въ головъ поднимается такой кавардакъ, словно я вдругъ потерялъ разсудокъ.

Варвара Гермогеновна (съ тонкимъ лукавствоми). Стало-быть не много его,

коли бабу не можешь переспорить.

И. Шелковкинъ. Не знаю, какъ съумъеть Кочевниковъ, а только одинъ человъкъ и переспорилъ бы васъ.

Варвара Гермогеновна. Кто жъ это?

И. Шелковкинъ (выкрикивая). Мужъ Валентины Герасимовны-вотъ кто. Онъбы доказалъ вамъ, сколько вашихъ денегъ въ ея капиталь. Полтора цылковыхъ.

Варвара Гермогеновна. Ну, какъ же у тебя не куцый умъ? Какъ же она пойдеть замужъ, коли для нея одна дорога-

монастырь.

И. Шелковкинъ. Это вы такъположили. Варвара Гермогеновна. Не я одна, а люди даже очень высокіе. Да и кто ее тенерь возьметь такую?

И. Шелковкинъ. Какую такую? Ну, какую такую? Мало ли что люди болтаютъ! Такъ они судятъ по витшппиъ признакамъ. Валентина Герасимовна, при всемъ своемъ богатствъ, ходитъ въ темненькомъ платынцъ, ъздитъ не иначе камъ въ 3-мъ классъ, пигдъ не показывается, — а людямъ надо же о чемъ-нибудъ разговаривать, вотъ н выдумываютъ.

Варкара Гермогеновна. Чтой-то ты ужъ

очень горячо.

И. Шелковкинъ. Да-съ, горячо. По мо-

ему, вся ся жизнь исковеркана.

Варвара Гермогеновна (строю). Что такое? И. Шелковкинъ. В вчно проводитъ время среди инщеты да разпыхъ несчастій, окружаетъ себя погор'ялыми, больными, да калыками—тутъ въ пору и впрямь съ ума сойти. В ідъ это растравляетъ челов'яка.

Варвара Гермогеновна. Пу, какъ же у тебя не куцый умъ? Да ты слыхалъ ли, какъ живутъ праведники? Что же, но твоему, лучие бы ей было оставаться сиротой въ отчемъ домъ? Что она тамъ видъла? Въ будин наживу, а въ праздникъ пъянство да развратъ! Такъ я, но твоему изъ-за денегъ направила ее на добрыя дъла? Безсовъстный ты человъкъ!

А. Шелковнинъ. Оставьте его, маменька. Я пе понимаю, чего ты кипятишься? Ежели бы и пришлось разсчитываться за что,

тебъ какое дъло?

И. Шелковкинъ. Какъ какое дъло? Да нешто вы мвъ чужіе? Легко мнъ будетъ видъть тебя съ тетенькой на скамъъ

подсудимыхъ?

А. Шелковкинъ (вепляжнувъ). Такъ что же мив дълать? Въдь пътъ у меня денеть, хоть бы я разорвался. Чего - жъ угистаешь меня раньше времени? Я ужъ съ полчаса молчу, слушаю тебя — дума-

ешь, легко мігь?

Варвара Гермогеновна. Будетъ вамъ спорить. Всё эти разговоры я считаю лишними. Не въ первый разъ мив защищать капиталъ Валентины. Восемь лётъ назадъ полиція придиралась—я устроила, три года тому губернаторъ хотѣлъ опеку учредить — опять-таки пикого я не просила о помощи. И теперь ничего не боюсь. Николашку Кочевникова хорошо внаю. Былъ дуракъ и трусъ, върпо такимъ и за-границей остался. Припугну—и шабашъ дѣлу. Ступай себѣ съ Богомъ, Игнаша.

И. Шелковнинъ. Я подожду Валентину Герасимовну. Какъ хотите, а я придумаю новую бумагу, — пускай подпишетъ. (Алекетою.) Къ тебъ на-верхъ пройду.

А. Шелковнинъ. Ступай. Тамъ тебъ не

гом вшають.

И. Шелковнинъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! (Уходить наверхь.)

Варвара Гермогеновна. (пологчавъ). Запуталъты меня съ женушкой своей. Часто я думаю, кабы ты пять-шесть лътъ назадъ женился на Валентигь, ничего бы этого не было. Скрытная она. Никто не замъчалъ. А я то видъла, какъ она любила тебя.

А. Шелковнинъ. Не могъ же я женить-

ся, когда она не въ моемъ вкусъ.

Варвара Гермогеновна. Вижу я, какія въ твоемъ вкусъ. Которыя вертятъ тебя во-кругь пальца. Говорила тогда—разведенная жена—не жена, не повърилъ.

А. Шелковкинъ. Не повторийте миъ этого!

Не могу я выпосить.

Варвара Гермогеновна. Не кричи. Не нервничай по-пусту. Можешь ты отъ матери

выслушать правду?

А. Шелковкинъ. Оставайтесь оди в съ вашей правдой. А у меня съ сердцемъ и безъ того, словно его исы разорвали на клочья.

Входить Лидія Михайловна.

Варвара Гермогеновна (мыняето тонь). А, Лидочка! Входи, никого нъту. Уговори-ка муженька вхать въ Крымъ. Предлагаю, не хочетъ.

Лидія Михайловна. Какъ не хочетъ? Мы

же ръшили.

А. Шелковнинъ. Мало ли что!

Варвара Гермогеновна. Приструпь-ко его хорошенько. Чего киспеть? А я пойду. Меня странинца дожидается. (Уходить.)

Лидія Михайловна. Ты, въ самомъ дълъ, пе хочень ъхать?

А. Шелковкинъ. Въ самомъ дълъ.

Лидія Михайловна. Я уже послала телеграмму въ гостинницу "Россіи", чтобъ памъ оставили нашъ прошлогодній номеръ съ балкономъ на море.

А. Шелновкинъ. Не бъда.

Лидія Михайловна. Въ такомъ случа в я повду одна.

А. Шелковнинъ. Какъ одна?

Лидія Михайловна. Такъ. Возьму какуюнибудь dame de compage и поъду. Я не могу жить безъ солнца. Въ эти дожди и чувствую себя, какъ вотъ эта канарейка въ клѣткъ. Да и не привыкла я. Съ мужемъ всегда проводила осень за границей. Выла бодра, весела, а тутъ я умру отъ однихъ мигреней.

 А. Шелковкинъ. Скверная у тебя привычка при всякомъ случав всиоминать

прежнее.

Лидія Михайловна. Хорошее я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ.

А. Шелковкинъ. А коли тебъ было хорошо, —зачъмъ же ты вышла за меня? Лидія Михайловна (разсмыявшись па распьяг). Лешка ревнуеть! Лешка ревнуеть!

А. Шелковкинъ. Замолчи, пожалуйста. Лидія Михайловна (также). Я почду въ Крымъ одна, я почду въ Крымъ одна.

А. Шелковкинъ. Не пущу я тебя одну. Лидія Михайловна. А воть увидимъ. А. Шелковкинъ. Увидинь. (Хочеть идти.) Лидія Михайловна. Леша, подожди! А. Шелковкинъ (останавливается). Ну?

Лидія Михайловна. Поди сюда. А. Шелковкинъ. Чего тебъ?

Лидія Михайловна. Да поди же сюда, говорять тебі.

А. Шелковкинъ. Ну, подощелъ.

Лидія Михайловна (обнинасть его и силой сажасть на дивань).

А. Шелковкинъ. Пусти!

Лидія Михайловна. Не пущу. Слушай. Ты знаешь, какъ я уміж любить. Но если ты будешь такъ обращаться со мной, я съ тобой разстанусь такъ же легко, какъ вотъ съ этой браслеткой. (Срываеть г руки браслеть и бросаеть възголь. Спова обнимаеть его.) Попять меня, дикарь?

А. Шелновкинъ. Ум'вешь любить? Ц'вловать ум'вешь – это я знаю, а любить — не

испыталъ еще.

Лидія Михайловна. А разві это не все равно?

А. Шелковкинъ. Ты думаешь?

Лидія Михайловна (ст гримасой). Или тебь пужно, чтобъ я съ тобой няньчилась, заботилась о твоемъ поков? Фи! Отойди отъ меня.

А. Шелковкинъ. А развъ это не пола-

гается отъ жены?

Лидія Михайловна. Можеть быть, въ вашемь купеческомъ обществъ и полагается. Но въдь у васъ и жены не такія, какъ я. По моему, мужчина долженъ быть сильный, мужественный. Я люблю такихъ, которые не лъзутъ къ своимъ женамъ за совътами, а сами справляются со всъмъ.

А. Шелковнинъ. За что же ты меня лю-

бишь?

Лидія Михайловна. Какъ за что? За то, что ты меня обожаешь. За то, что я въ твоихъ глазахъ, какъ въ зеркалъ, вижу свою силу, молодость и красоту.

А. Шелковкинъ. И кръпко любишь? Лидія Михайловна. Какъ тихій вечеръ дюбить закать солица. А. Шелковкинъ. Не разберешь тебя— шутишь ты или серьезно.

Лидія Михайловна. А ты зачымъ допра-

шиваешь?

А. Шелковкинъ. Надо мив допращивать, надо, чтобы ты мив все время, безпрестанно говорила про любовь. Безъ этого я не върю тебъ. Вотъ теперь, словно и върю, а выйду изъ дому и всякая гадость пользетъ въ голову.

Лидія Михайловна. Повдемъ въ Крымъ. Ты только вспомни, какое тамъ теперь небо, мягкое, синее, сколько солица! Вспомни эти дивныя розы, чинары! (Вскакиваеть чуть не со слезами.) Я даже подумать не могу, готова плакать. Больше всего въ мір'в я люблю хорошую природу, а должна сид'ять въ темныхъ комнатахъ и слушать, какъ дождь по ц'ялымъ диямъ колотитъ въ запертыя окна. Невыносимо!

Входить Варвара Гермогеновна.

Варвара Гермогеновна. Что же, уговорила муженька?

Лидія Михайловна. Какъ же, уговорите сто! Я не знаю, что съ нимъ сдълалось.

А. Шелковкинъ. Да, хорошо, хорошо.

Можеть быть, по-вдемъ.

Лидія Михайловна. Ахъ, милый! Вотъ теперь милый. Я за это тебя разцълую... (двигается къ нему, обничаетъ и отходить) послъ.

А. Шелновнинъ (съ дъланной улыбкой).

Отчего жъ не сейчасъ?

Лидія Михайловна. Нівть, сейчась мігь еще не хочется. Сейчась я за тебя маменьку поцілую. (Пплуетьсе.) Воть какъ кріпко, воть какъ. А тебіз пора на службу. Повзжай. Мотя! (Идеть къ корридору.)

Варвара Гермогеновна (тихо). Я генеральшть-то объщала двъ тысячи, а пе три. Одной для тебя запаслась. Воть и по взжайте:

А. Шелковкинъ (слущенно). Маменька! скажите мив: любитъ оца меня или ивтъ?

Варвара Гермогеновна. Ну, ужъ въ этомъ самъ разберись.

Мотя (вошла).

Лидія Михайловна (Aлекевіо). Что же ты стопшь? Идп.

ВТОРОЕ ДЪЙСТВІЕ.

На столь приготовлень чайный приборь, хльбь и проч. На часахь двынадцать слишкомь. Вь передней раздается звонокь.

Варвара Гермогеновна выходить изъ своей компаты.

Варвара Гермогеновна (подходить ко корридору). Мотя! Мотя! Звовять.

Мотя вбыгаеть, вытирая руки о фартукъ.
Мотя (заглянувь въ окно). Они, они! Наши прівхали — Валентина Герасимовна.
(Быжить въ передиюю отворять дверь.)

Варвара Гермогеновна. Терентій! Терентій!

Входить Терентій.

Варвара Гермогеновна. Поди-ка внеси вещи. Валентина Герасимовиа прітхала. Терентій (уходить).

Въ переднюю входять Валентина 11) и Анна Ефиновна 12). Мотя помогаеть имъ раздъться. Сначала слышны только голоса.

мотя. Съ благополучнымъ возвращеніемъ, Валентина Герасимовпа.

Валентина. Здравствуй, милая. Тетя здо-

рова?

Варвара Гермогеновна (изгломнаты). Здо-

рова, здорова, желанная мон. Анна Ефимовна. Здравствуй, Мотюпіка. Валентина (входить, кланяется Варва-

Валентина (входить, кланяется Варварп Гермогеновны вт полст). Богъ милости прислалъ. (Цплуетъ ее, крыпко прижсимаясь.)

Варвара Гермогеновна. Снасибо, родная. Ну, чеготы? Чего плачешь-то, глупенькал?

Валентина. Очень соскучилась, тетя. Варвара Гермогеновна. Неужто по ми в? Валентина. А то какъ же. (Спова прижимается къ пей.)

Варвара Гермогеновна. Ну, будетъ, будетъ. Върю, что любишь. Да и мокрая какая. Замочило дождемъ? Поди обсушись, печку

недавно топили.

Валентина. Передать вамъ не могу, какъ рада, что вернулась. Когда съ Московской улицы спускались, какъ увидъла я нашъ домъ, такъ даже замерла вся отъ радости.

Анна Ефимовна (подходить). Здравствуйте, Варвара Гермогеновиа. (Цилуются.)

 Поль 30 лёть. Стройная, привлекательная фигура. Черты лица красням, въ особенности глаза, во плохой цейть лица и слишкомъ скром-

ный туалеть скрывають красоту. Лицо первное и подвижное, взглядь пугливый. Одета въ темное, на голове платокъ.

12) Пожилая женщина съ следами красоты. Ма-

лепьчая, по плотвенькая и веселая.

Ну, и радовались же мы ъхавши домой! Валичкъ просто на мъстъ не сидълось. Дрожить вся, ямициковъ погопяетъ. Вотъ думаю, выскочитъ и побъжитъ бъгомъ. Вамъписьмо и просфора отъкнигини. Развяжу мъщокъ—достану.

Варвара Гермогеновна. Спасибо, Апненька. Мотя! Поторонись-ка съ самоваромъ.

Анна Ефимовна. Да, Мотюшка, поскоръе. Страсть пить хочу.

Мотя (убыгаеть).

Валентина. Ну, а вы то сами? поди, больше меня радовались.

Анна Ефимовна. Про менячто говорить.

Въ дверяхъ корридора показываются Терпимовъ и Кухарка. Изг-за ихъ юловъ съ любопытствомъ высовывается Странница.

Терпимовъ. Здравія желаю, Валентина Герасимовна. Примите поклонъ отъ жены моей и дібтокъ.

Кухарка ¹³). Съпрівадомъ тебя, спротливая! Дозволь поцівловать.

Валентина. Здравствуйте, мялые, здравствуйте. (Отходить по нимь и разговариваеть.)

Варвара Гермогеновна (около стола какъ бы присотовлян чай, тико Аннь Ехби-мовиь). Ну, какъ она съ княгиней? Не поладила?

Анна Ефимовна. Куда тебь! Измучила она меня, Варвара Гермогеновна. Нервная, да капризная какая. И сначала все ежилась, все ежилась. Замолчить иной разъ такъ, что за цълый день слова не скажетъ. Однако, вичего, все было благополучно. А ужъвъ самые послъдніе дни, ужъ послъ того, какъ она вамъ письмо написала, услыхала она тамъ кое-что про княгиню и совсъмъ обидълась. Придетъ это въ келійку, ходитънзъ угла въ уголь и думаетъ, все думаетъ.

Варвара Гермогеновна (кивастъ ей головой). Ладпо. Потомъ доскажете.

Терентій висст вещи.

Анна Ефимовна. Ну, и дорога, Варвара Гермогеновна. Въ часъ не больше двухъверстъ двлали. Гризь такая, просто певылазвая! А вонъ и мъщокъ мой ползетъ. Таци-ка въ мою комнату, старый.

Терентій (проносить вещи изъ передней въ корридорь—за сцепой).

¹³⁾ Простая баба. На Валентину смотритъ съслезливымъ благолъніемъ.

Анна Ефимовна. Ишь, обступили и пройти ие дадуть. Будеть вамь. Еще успъете наговориться. Кин! Ну, безногая команда! Ковыляй! А то не посивень за тобой.

Терпимовъ (вессло) Я погу-то подъ Плевной нечаянно позабыль, Анна Ефимовна. Вогъ собираюсь сходить за ней. (Хохочуть и скрываются.)

Странница и Кухарка вышли.

Варвара Гермогеновна. Что же, Валя, не понравилось тебв у килгини?

Валентина (сплоить, прислопившись спиной къ печкъ и заложивь руки пазадь). Не хочу я осуждать ее, тетя.

Варвара Гермогеновна. Да ты мив то скажи. Никто насъ не слышитъ.

Валентина. Не поправилось.

Варвара Гермогеновна. Какъ же это такъ? А въдь самъ преосвященный бываетъ у нея съ удовольствіемъ. Въ Пстербургъ вездь она доступна. Свътъ бросила, знатные дома, —а открыла Общину. Вотъ это какая женщина!

Валентина. Просто славы ищеть. Другой не нашла, воть и придумала. Опять такъ скажемъ. Вездъ вздитъ, собираетъ, жалуется, а у самой, оказывается, тысяча десятвиъ земли. Я узнала. Что-жъ она ихъ не пожертвуетъ Общинъ? Небось, свое-то бережетъ. Или вотъ еще. Прівхала я къ ней не одна, а съ Анвенькой. Анненька чуть не вдвое старше меня. Могла бы ужъ, ну хоть одинаковое расположеніе оказать. А она со мной и такъ, и сякъ, и скоромное предлагаетъ—можетъ быть, мнъ, видите ли, нездоровье не позволяетъ всть постное, — а на Анненьку никакого внимавія, точно она горпичная.

Варвара Гермогеновна. Ну, такъ что-жъ

изъ эстого?

Валентина. Не надо дёлать разницу между богатыми и бёлными. Для Общины всё гости должны быть равны.

Варвара Гермогеновна (мехнувъ рукой).

Ну, понесла свое!

Валентина (чуть скопфузившись). Да въдь я на твой спросъ заговорила. Сама бы ничего не сказала.

Варвара Гермогеновна. М'ысто то пеужто не поправилось тебь? Живописное, тихое, лысь какой, горы! А? Валя, тебы я говорю.

Валентина. М'ьсто хорошее. Только не для м'ьста люди въ монастырь ноступають. (Конфузливо.) Вотъ что, тетя. Я теб'в прямо скажу, сразу ужъ, извиши меня. Киягиня не даромъ наладила 'вздить къ памъ. Ежели ты разсчитываещь, что я пойду къ ней на въчное житье, такъ я теб'в прямо говорю— ошибаещься. Этого не будетъ.

Варвара Гермогеновна (сконфузившись и потому ръзко). Съчего жъ ты это заключила?

Валентина. Такъ мпъ показалось.

Варвара Гермогеновна. Показалось! Мало что теб'в покажется.

Мотя вносить самоварь.

Варвара Гермогеновна. Чего ты конаенься долго? Да зови Анненьку. Пускай заварить чай.

Мотя. Сейчасъ. (Уходитъ.)

Варвара Гермогеновна. Ты попей чайку. Валентина, а объдать подождите меня.

Валентина. У ѣзжаешь?

Варвара Гермогеновна. Надо миъ съъздить въ одно мъсто.

Входита И. Шелковкинъ.

 И. Шелковкинъ. Здравствуйте, Валентипа Герасимовна.

Валентина. Игнатій Александровичъ! Здо-

ровы ли?

И. Шелновкинъ. Я-то? Что мнъ дълается! Вы какъ путеществовали?

Варвара Гермогеновна. Мотя! Сбъгай-ка мив за извощикомъ.

Голосъ Моти. Сейчасъ!

И. Шелковкинъ. Погодите же тетевька. Воть составлю бумагу, надо будеть поговорить съ Валентипой Герасимовной.

Варвара Гермогеновна. Составляй, я скоро вернусь. Поди ко мнъ. (Тихо ему.) Ты помолчи покудова о томъ, что братецъ пріъхалъ. Я сейчасъ сама къ нему ѣду. Скажу, вотъ узнала, молъ, о пріъздъ и навъстила. (Уходить.)

Валентина. Соскушлась в по дому, Иг-

натій Александровичь.

И. Шелновкинъ. Да неужеле? А ужъ мы тутъ думали, что вы совсвиъ тамъ останетесь?

Валентина. Ифть, Игнатій Александровичь. Съ чего это вы?

И. Шелковкинъ. Да такъ... люди говорили. Да и слава Богу. На міру-то ваша доброта, можеть, нужите. Ну, а здоровье ваше?

Валентина. Да здоровье пичего, только... Какъ вамъ растолковать? Очень у меня голова тяжелая. Цълый день я словно какая то напряженная. Мыслей такъ мпого-много, а только все мелкія, да обрывчатыя. Врозь он в всь у меня. И даже когда спать ляжешь, такъ словно и не спишь, а тоже все еще думаещь, всю ночь напролеть. А проснешься такая избитая да усталая, какъ будто и не ложилась.

Ужь до того дошла, что часто боюсь, не

схожу ли съ ума. Право.

И. Шелковкинъ. Ну, вотъ что выдумали! Мало ли и у меня вотъ бываетъ. Заработаешься ночью, потомъ встанешь, да вдругь и покажется: что это я словно сталъ меньше ростомъ? Разъ сестру разбудилъ. Какъ напугалась глухая. Хотъла за докторомъ посылать.

Валентина. А потомъ еще... Вамъ я признаюсь. • чепь я стала подозрительна къ людямъ. И такъ мнѣ это больно, что я

вамъ и передать не могу.

И. Шелновкинъ. Отчего-жъ это?

Валентина. Сама не знаю. Все миъ кажется, что люди какъ то особенно смотрять на меня. Иначе, чъмъ на другихъ. Я не про то говорю, что разные тамъ бъдпяки хитрятъ со мной, льститъ, обманываютъ. Ихъ, но крайности, жалко. А кому даже и не нужно, такъ и тотъ не то боится меня, не то какъ-то очень ужъ ласковъ — не пойму. И такъ они со мной разговариваютъ, что мпъ становится стыдно самой себя. Словно я не смъю жить на свътъ. Даже смъшно, право.

И. Шелковнинъ. Только чужіе съ вами

такъ?

Валентина (вдругь взилядываеть на него пристально). Н-н'ють. Иногда и свои. Вотъ, напримъръ, Анненька. Она всегда со мной, какъ словно и только что выздоров'ю отътяжкой бользии. А вы отчего спросили? Развъ понимаете, что это?

Мотя вбылаеть.

мотя (по двери направо). Варвара Ермогеновна! Готовъ извощикъ. (Пдето во передиюю готовить пальто).

Варвара Гермогеновна входить и идеть въ передиюю. Входить Анна Ефимовна съ двумя-тремя истуками холста.

Анна Ефимовна. Валичка! Посмотрите-ка, сколько холста пожертвовали на нашъ пріютъ. Здравствуйте, Игнатій Александровичь.

Варвара Гермогеновна. Да, Валя! Напиши этому фабриканту благодарственное нисьмо. Не за себя, моль, благодарю, а за вдовь, убогихъ и безпріютныхъ.

Валентина. Нашишу, тетя.

И. Шелковкинъ. Сами будете работать? Валентина. Да, я люблю. За работой мысли какъ-то ровиће. Не такъ скачутъ.

Варвара Гермогеновна. Ну, прощайте. Я

скоро вернусь. (Уходить.)

Мотя (ее провожаеть и потомъ проходить вы корридорь).

Анна Ефимовна (идеть къ столу и завариваеть чай). Вы съ нами чайку не выкушаете, Игнатій Александровичь?

И. Шелковкинъ. Ивтъ, спасибо. Мив

еще надо дописать одну бумагу.

Анна Ефимовна. А у меня къ вамъ просъба.

И. Шелковнинъ. Что прикажете?

Анна Ефимовна. Можно въ банкъ положить двъсти рублей?

И. Шелковкинъ. Отчего же? Въ сбере-

гательную кассу.

Анна Ефимовна. Такъ, пожалуйста, положите туда, Игнатій Александровичъ. Я вамъ сегодня отдамъ. Скопила себъ двъсти рублей, такъ пока у меня не стибрили. Ужасно мной злоупотребляютъ сыновья, Игнатій Александровичъ. Всю жизнь стараюсь сколотитъ себъ капиталецъ, никакъ не удается. Все отбираютъ проклятые.

И. Шелковкинъ. А вы не давайте. Побе-

регите себъ па старость.

Анна Ефимовна. Легко сказать—пс давайте. Придетъ, подлецъ, пасмъпитъ меня чёмъ-нибудь и стянетъ.

И. Шелковкинъ. Насмъщитъ?

Анна Ефимовна. Да, знають мой правъ, что смѣхомъ изъ меня все можно сдълать. Вотъ сейчасъ этотъ пввалидъ Терпимовъ. Смышилъ меня, смышилъ и стибрилъ цълковый.

И. Шелковкинъ. А у васъ сколько сы-

новей?

Анна Ефимовна. Да трое.

И. Шелковнинъ. Выходитъ, отъ каждаго мужа по одному?

Анна Ефимовна. Пу, да. Что жъ изъ этого? Я всъхъ одинаково любила.

И. Шелковкинъ. Вотъ, Валентина Гера-

симовна, нравъ завидный.

Валентина. Игнатій Александровичъ! Извините, что безпокою васъ. Хоть сейчасъ вы и не сказали мнъ пичего, а меня точно кольпуло. Отчего вы такъ спросили: чужіе только или свои?

И. Шелковкинъ (тиго). Что мнъ вамъ сказать? Не люблю я путаться въ чужія дъла. Да, что! Должно быть, скоро все поймете. До свидинья пока. (Уходить.)

Анна Ефимовна. Что такое? Про что это опъ?

Валентина. Инчего не поняла. Я ему разсказала, что очень подозрительна кълюдямъ, что всъ со мной словно дичатся, а опъ...

Анна Ефимовна. Ну, пустяки какіе-пибудь! Идите-ка чай пить. Будетъ вамъ голову то ломать. Наливать вамъ? Ну, чего смотрите на меня?

Валентина (помолчавь). Палейте. (Идеть ко столу.)

Bxodama Лидія Михайловна u Евгеша.

Лидія Михайловна. Здравствуйте, Валичка.

Валентина. Здравствуйте, Лидія Михай-

ловна. (Пълуются.)

Лидія Михайловна. (пъсколько разъ нюхая ел плечо). Милая! Какъ отъ васъ кипарисомъ нахнетъ. Ужасно люблю запахъ кипариса. (Аннь Ефимовин.) Пупсикъ, адравствуйте.

Анна Ефимовна (вскидывая руки, со смълома). И почему она мени прозвала нуп-

сикомъ, никому не извъстно.

Лидія Михайловна. Да какъ же иначе? Ну, посмотрите, Валичка, на это рыльце, развъ это не пупсикъ? (Сжимаетъ Аннъ Ефимовит пальцами щеки и показываеть, потомг тихо цълуеть ее въ губы)

Анна Ефимовна. А отъ меня не пахнетъ

кипарисомъ?

Лидія Михайловна. Н'ять, лукомъ.

Анна Ефимовна (хохочеть).

Лидія Михайловна. Вы что это, собрались чай инть?

Анна Ефимовна. Не хотите ли чашечку? Лидія Михайловна (съ гримасой осматриваеть столь). Какія-то баранки, конфектъ нъту, - нътъ, не хочу. Я сейчасъ пойду по нашему Невскому п принесу вамъ конфектъ. У насъ сегодия вечеръ, гости будутъ. Приходите, Валичка.

Валентина. Что вы! Куда мігь.

Въ передней раздается звоновъ.

Лидія Михайловна. Ай, кто-то къ вамъ! Прощайте. Выжимъ, Евгеша, чернымъ ходомъ. (Уходить перезь корридорь паправо.) Евгеша (за пето).

Звонокъ повторяется.

Анна Ефимовна. Это кто же къ намъ звонить. (Подходить нь окну и смотрить на крыльцо.) Батюшки, карета! Какой-то важный господниъ. А въкареть госпожа. Да какая красивая, да нарядная. Должно быть, наверхъ, ошиблись звонкомъ. (Пріотворяеть окно.) Дерните сосъдній звонокъ. Вы къ Алексъю Осиповичу?

Голосъ Кочевникова: "Валентину Гера-симовну Кочевникову".

Анна Ефимовна (зихлониваетъ опно). Васъ спрашиваетъ.

Валентина (отошла въ глубину комнати, чтобъ ея не было видно). Меня? Что я съ ними буду разговаривать. Нужно послать сказать, что тети нътъ дома.

Анна Ефимовна. Мотя! Мотя!

Мотя прибылаеть.

Анна Ефимовна. Тамъ какой-то господинъ. Ступай, скажи, что Варвары Гермогеновны пьту дома. Пусть часа въ два пріълетъ.

Мотя (бъжить въ переднюю).

Анна Ефимовна (закрываеть за нею дверь и подслушиваеть. Тихо, но сильно вскрикиваеть). А! Вашъ братецъ!

Валентина. Что такое? Какой братецъ? Анна Ефимовна. Николай Герасимовичъ.

Валентина. Да не можетъ быть!

Мотя (входить и подаеть Вилипинь карточку. Шепотомь). Вамъ вельлъ отдать записочку.

Валентина (читаеть). "Инколай Герасимовичь Кочевинковъ". Ты сказала, что

тети пътъ дома?

Мотя. Говорила-съ.

Анна Ефимовна (быстро, шепотому). Не принимайте, Валентина Герасимовна, безь Варвары Ермогеновны, ин за что не принимайте. (Момъ.) Скажи, что Валентина Герасимовна не совсъмъ здоровы, а просять пожаловить черезъ часъ.

Валентина. Изтъ. Попроси сюда. Я

сенчасъ выилу. (Пдств къ себъ.)

Анна Ефимовна (идеть за нею). Охъ, послушайтесь меня. Подождите Варвару Ермогеновну.

Валентина (съ педоумъщемъ). Да что вы, Анпенька! Отчего-жъ мив не принять родного брата? (Уходить въ свою комnamy.)

Анна Ефимовна. Ахъ, батюшки, что же мив дълать? Убирай-ка со стола.

Мотя (кидается къ столу).

Анна Ефимовна. Натъ, погоди, не успъешь. Иди ужъ, раздъвай.

Мотя (гочеть идти).

Анна Ефимовна. Постой-ка. Совствить голову потеряла. Вотъ неожиданность-то! Какъ миъ быть? Какъ бы тутъ Варвара Ермогеновна поступила? Какъ Валентинато Герасимовиа ляппетъ при братцъ чтонибудь неподходящее-вотъ будеть быда. Убери-ка этотъ холсть. Ивть, погоди. Разбросаемъ его. Пускай видятъ, что мы трудимся. Сюда его, къ швейной манингъ. Воть такъ. Пу, что жъ ты сгала? Иди. А я побъту, хоть пріодъпусь немного. (Уходить въ корридоръ направо.)

Мотя (осталась среди сцены, не зная,

куда ей двинуться).

Bxodять Кочевниковъ 11) и Елена Ивановна 15).

Кочевниковъ (пріотворива двери) Чтожъ, можно войти?

Мотя (стоить совершенно растерянная, вытаращивы на него глаза).

Кочевниновъ (входя, Мотт). Гдъ же Валентина Герасимовна?

Мотя. Сейчасъ придетъ Анна Ефимовиа. Кочевниковъ. А кто это такая Анна Ефимовна? Тетка, что ли?

Мотя. Варвары Гермогеновны изтути, а

онъ вамъ все скажутъ.

Кочевниковъ. Да Валентина Герасимовна гав?

Мотя. Я же инчего не знаю, върно слово. Да вотъ я ихъ сейчасъ позову. (Уходить въ корридорг направо.)

Кочевниковъ. Входи, Леля. Горинчиая что то путается. Похоже, что Травликовъ ничего не совралъ. И домъ върно описаль, и всю обстановку. Наверху богато, а внизу бъдновато.

Елена Ивановна. И какъ это глупо, что мы раньше не знали про твою сестру. Можеть быть, годъ-другой назадъ она еще

не была помъщанная.

Кочевниковъ. Мало у меня дъловъ, что ли! Слыхалъ, что она съ теткой занимается благотворительностью. А кто жъ могъ предполагать этакое дъло!

Елена Ивановна. Мив ее ужасно жалко,

бъдненькую. Знаешь что, Коля?...

Валентина входить.

Елена Ивановна. Если у твоей сестры помъщательство тихое, такъ мы возьмемъ ее къ себь и помъстимъ въ мезонинъ. У лась тоже жила одна такая тети полоумная, такъ опа инкогда не выходила къ гостямъ и никого-никого но безпокоила. Я ее даже любила.

Валентина (дилаето шаго впередо).

Кочевниковъ (оборачивается и нъкоторое время смотрить на нес). Сестра, это

Валентина (от волненія едва выговариваеть). Я.

Кочевниковъ. Вотъ ни за что бы пе при-

14) Лёть 35. Вившиость из высшей степени элегантная. Видио, что очень занять ею, т. е. одівается у лучших в портныхъ, тщательно бере-

жеть свою куаффюру, очень быль, раздушень,когда вынимаетъ платокъ, то словно старается наполнить всю комнату запахомъ своихъ духовъ. Голосъ громкій и пичего не стысияющійся.

13) Красива, какъ картинка, но вечно удивленные глаза придають лицу выражение недоумьнія бевъ исякой причины. Движенія мягкія и лінивыя. И голось такой же. Московскій акценть.

зпаль. Здравствуй. (Пплисть ес.) А это моя жена, Елена Ивановна.

Елена Ивановна (осторожно подходить ка пей.) Очень рада познакомиться. (Робко.) Поцълуентесь. (Пилуются.)

Кочевниковъ. Ты и не знала, что я же-

иплся?

Валентина. Петъ.

Кочевниковъ. Какъ же, уже два года. Видишь, какую красавицу подцепилъ. Въ Москвъфуроръ производить. Куда ни покажется, въ театръ или въ собрание-вся публика такъ сейчасъ и уставится въ бинокли.

Елена Ивановна. Главнос, я думаю, отъ того что мы очень богаты и туалеты у меня всв прямо изъ Парижа.

Кочевниковъ. Ты бы насъ пригласила

състь.

Валентина. Садитесь, пожалуйста.

Кочевниковъ. Давно мы съ тобой не видались, сестра, а ты бы нашего московскаго дома и не узнала. Отъ прежисй жизии буквально ничего не осталось. Живемъ Фиксированные вечера благородно.

Елена Ивановна. По воскресспылмъ.

Кочевниковъ. Да. Молодые люди собираютсь, художники... Ея нортретъ на выставкъ былъ. Такъ и подписано было: "Портретъ Е. И. Кочевниковой".

Елена Ивановна. Да что-то по удачный. Одна щека кривая вышла, точно съ флю-

сомъ.

Кочевниновъ. Да ужъ тамъ флюсъ не флюсъ, а тысяча цълковыхъ заплочена. Артисты бываютъ, больше изъ итальянцевъ, а то и военные, даже два генерала.

Елена Ивановна. Ужинъ всегда съ щам-

панскимъ.

Кочевниковъ. Ты, сестра, какъ живешь? Елена Ивановна. Зачъмъ вы себя такъ унизили, сестрица? Развъ богатой дъвушкв можно жить въ такой обстановкв?

Валентина (затрудияется отвътить). Кочевниковъ. Что жъ ты молчинь, сестра? Да и отчего у тебя такой видъ?

Словно тебя запугали.

Валентина (стараясь пріободриться). Инсколько. Съ чего ты взялъ? А просто я не знаю, какъ вамъ отвътить. (Спожватившись.) То есть не то, чтобы я не знала, что отвътить, а какъ вы ноймете. Въдь всякое слово, даже самое простое, можно и такъ понять и иначе. Ежели, наприміръ, слушать съ какимъ-пибудь умысломъ. А то съ чего жъ мив быть запуганной. Я, слава Богу, здорова и живу отлично.

Кочевниковъ. Ну, не нидать, чтобъ очень

здорова. Лицо у тебя утомленное, глаза

горятъ.

Елена Ивановна. Вотъ и я хотъла сказать про глаза. Неспокойные они у васъ, сестрица.

Валентина. Да съ чего жъ имъ быть неспокойными? Что вы выдумываете, право!

Елена Ивановна. Пу, вотъ, поглядите, какъ я смотрю на васъ. Какъ прямо, какъ спокойно.

Валентина. Господи! Не у всъхъ же одинаковые глаза. Ну, да и плохо спала, голова немного тажела, - вотъ глаза и го-

Кочевниковъ. То-то и есть! Плохо спишь, голова болить, а говоришь-здорова.

Валентина. Такъ въдь это со всякимъ можеть быть. Я вовсе не вътомъ смыслъ...

Входитг Анна Ефимовна.

Анна Ефимовна. Валичка! Вы бы пред-

ложили имъ чаю или кофею.

Елена Ивановна. Ивть, мы еще пе завтракали. А какія у вась плохія гостиницы, сестрица. Вообразите, саный дорогой номеръ три рубля. Дажо странно. Ужъ мы взяли четыре номера. Все-таки 12 рублей.

Кочевниковъ. Что это у васъ тутъ? Фабрика миткалю, что ли?

Анна Ефимовна. Для пріюта трудимся. Сами и шьемъ.

Елена Ивановна. И вы, сестрица, пњете?

Валентина. Да, шью.

Анна Ефимовна. Валичка больше встхъ насъ трудится. У нея тогда мысли идутъ ровиве, пе такъ скачутъ.

Валентина. Что вы пустяки говорите. При чемъ тутъ мои мысли. Хочу шить и шью-

больше ничего.

Анна Ефимовна. Вы же сами говорили сегодня еще.

Валентина. Мало ли что мы говоримъ между собой. (Улыбаясь.) А вы это такъ сказали, какъ будто я должна заботиться о своихъ мысляхъ. Просто не люблю сидъть безъ дъла.

Елена Ивановна. На что же вамъ дъло, сестрица? Въдь вы дъвушка богатал. Какъ то страино и подумать, что богатая дъвушка сама шьеть дли пріютовь, да еще изъ такого грубаго холста.

Валентина. А, что же должна дълать

богатая дъвушка?

Кочевниковъ. Замужъ выходить — вотъчто. Елена Ивановна. Вотъ и я только что хотъла сказать.

Валентина. Замужъ! А если жениха по было?

Елена Ивановна. Ну, какъ это пов врить, чтобы у дъвушки съ капиталомъ не было жениховъ! Да еще у такой красивой, какъ вы. Васъ одъть, какъ слъдуетъ, такъ всякій пойметъ, что вы очепь красивая.

Анна Ефимовна. Бывають такія женскія природы, которыя совсьмъ не ищутъ за-

мужества.

Елена Ивановна. Что же-природа! Прпрода зависить отъ восинтанія. А діввушекъ всегда воснитывають для замужества, потому что только мужъ и можетъ предоставить девушки полный комфортъ и прілтное общество. А чего же еще можетъ требовать женская природа, кром'в комфорта и пріятнаго общества? Правда, Коля?

Валентина. Да въдь ежели всю жизнь проводить только для себя, только для комфорта, - такъ это не знать совсъмъ радостей. Ежели пная дъвушка съ молодыхъ лътъ не думала о замужествь, а больше

жальла бъдныхъ?

Елена Ивановна. Пу, ужъ это такъ глупо-воспитываться для бедныхъ. Это ужъ надо пе имъть никакого понятія о жизни.

Валентина (оздожнува съ облегисниемъ, встаеть, Кочевниковы переилядываются). Извини меня, братель. Съ перепугу то я и забыла поздравить тебя съ благополучной женитьбой. Такъ лучше поздно, чыть никогда. Благо, и съ женой твоей успъла немножко познакомиться. (Клаимется.) Поздравлию тебя, братецъ. Coвыть вамъ да любовь.

Елена Ивановна. Что жъ это вы такъ

вдругъ?

Кочевниковъ. Неожиданно какъ то!

Анна Ефимовна. Это у насъ бываетъ. Отъ веселости. Вдругъ возьмемъ, да и зашалимъ.

Валентина. Вы что юлите, Аниенька? Да ежели бы вы только могли поиять, что они обо мн в думали. Извиви, братъ. Я должна признаться. Когда входила, такъ слышала вашъ разговоръ. Кто вамъ паразсказаль про меня такихъ ужасовъ, -- не спрашиваю. На его душь гръхъ. Только свачала и, въ самомъ дълъ, перепугалась и путала тутъ, сама не знаю, что. А тутъ еще оба вы показались мив такіе важные да сильные, вотъ я и вовсе растерялась. Теперь прошло. И глаза у меня стали спокойн ве, -- правда, сестрица?

Елена Ивановна. Ужъ я и пе знаю, что

подумать.

Анна Ефимовна. И что это Варвара Ермогеновна не Блеть. (Понижая тонг, съ дпланной улыбкой.) Что жъ вы все однъ разговариваете, Валичка? Пусть онъ разсказывають, а мы бы посидъли тихо, да послушали.

Валентина. Аписнька! Да что съ вами?

Анна Ефимовна. Ипчего, я что-жъ?

Валентина. Не узнаю и васъ сегодия. Что же, братъ, и вы, сестрица? Вы словно все еще сомивваетесь, здорова ли я. Здорова, здорова. Не смущайте себи напрасно. И какъ же вамъ по гръхъ было повърить? Особливо тебъ, братъ. Правда, лътъ двъпаднать пе видались, а все же лучие бы какъ-инбудь ипаче. Со зла да съ зависти чего люди не выдумаютъ! Пельзя же всему върить.

Кочевниновъ. Голубушка сестра! Ты не обижайся. Въдь особенно дурного ничего въ этомъ н'юту. Не злодъйство же. Еще кабы ты была мужчина, да при какомънибудь дъл'ь, ну тогда точно неловко. А для дъвушки въ нашемъ звании такое состояние даже довольно обыкновенное. И никто не обращаетъ на это внимания.

Валентина. Будетъ тебіь, братъ, будетъ. Не вірь, говорю, пустой болтовит. Мить же больно отъ твонхъ словъ, — неужто не

попимаешь?

Кочевниковъ. А я тебъ говорю, не мучь себя. Правда ли это, въть ли, - развъ мы разберемъ. А сама то ты и меньше всъхъ. Ты подумай, какія нынче времена. Пынче н умиые, и глупые, и такіе, которые вовсе свихнулись, - всв перепутались. Живень сь человікомъ сколько літь, и въ клубъ въ карты съ нимъ играешь, и въ театр'в рядомъ сидншь, - и въ голову не влетить, что у него не всв доми, апъ глядишь - вдругъ и обнаружилось. Правда, говорила ты сейчасъ много, - а все ли, что ты сказала, разсудительно? Кто жь это пойметь при пынвиннихъ топкостяхъ и изгибахъ ума? Для этого надо психіатра.

Елена Ивановна. Если наговорить много словъ, такъ хоть одно какое-нибудь да выскочитъ правильное. Изъ этого еще ин-

чего пельзи заключить.

Валентина. Да какъ же вы можете прямо мпѣ въ глаза говорить такія вещи! Это ин на что не похоже!

Анна Ефимовна. Господи! Что жъ это

Варвары Ермогеновны н'ыть!

Кочевниковъ. А вотъ напрасно ты, сестра, горячинися. Потому это самый дурной признакъ. Да скажи мив то же самое, — не обижусь. А позову врачей, они и засвидътельствуютъ. А только никто этого не скажетъ, потому для такихъ словъ нужно доказательство. Поди-ко вотъ моя жена, да кричи по Москвъ: дескатъ, мужъ у меня спятилъ. Никто и не новъритъ. А ночему не новъритъ? Потому, что мон постунки находятся въ ровномъ соотвътствій, какъ всъ люди живутъ. А вотъ

вздумаль бы и, скажемъ, деньгами каминъ топить, такъ хоть деньги то и мои собственныя, а жена имъла бы самое полное право жаловаться и требовать падо мной опеки.

Елена Ивановна. И даже вся Москва пожальла бы меня, что я ин вдова, ни замужемъ.

Валентина. Братъ, да ты ужъ и впрямь не задумалъ ли взять меня подъ опеку?

Кочевниновъ. Ты мий вотъ что спачала скажи. Это дама—извините, сударыня, не знаю имени-отчества—на какомъ положени у тебя въ домъ? Желательно бы имъть разговоръ безъ свидътелей.

Анна Ефимовна. Я— вдова чиновника, Николай Герасимовичь. Живу здісь въ

качестві друга дома.

Валентина. Н'ытъ у меня съ тобой секретовъ, братъ. Говори прямо. Только, если ты задумалъ что-нибудь обидное для тети, такъ и тебъ впередъ говорю-брось. Она мив дороже вскув на светь. Я не позволю обижать се. Да нътъ. Мив это такъ показалось. Очень ужъ я стала подозрительна. Вздоръ какой! Сколько лътъ мы съ тобой не видались, ну, и захотълъ ты узнать, какъ жинетъ сестра, и съ женой познакомить. Правда выдь? И ярада. Право же, рада. Ну, и будемъ разговаривать по родственному. Вы мив разсказывайте про себя, какъ вы веселитесь, я вамъ тоже все откровенно разскажу и про свои радости, и про мученія, какъ мив часто обидпо и больно бываетъ... Ну, угостить васъ чьмъ-нибудь? Аниенька, позаботьтесь.

Анна Ефимовна. Я же предлагала.

Кочевниновъ. Погоди, сестра. Ишь въдь какъ ты волнуешься!

Елена Ивановна. Жалко даже слушать. Валентина. Ну, пу, говори. Только помин, что я теб'ь сказала. Я тетю въ обиду

не дамъ. Теперь говори.

Кочевниновъ. Что я тебъ родной братъэто безъ всякаго сомивнія. Однако, и то надо помнить, что я старшій въ нашемъ родь и, спедовательно, обязань имъть надзоръ надъ нашими капиталами. Вотъ теперь и разсуди. Ты дъвушка вонъ какая. Который человькъ эксплуататоръ — тотъ тебя за версту видить, какая ты есть. Опять возьмемъ тетку. Я не хочу говорить пичего позорнаго, особенно безъ доказательствъ. Но скажемъ такъ: опа женщина. Стало быть, туть не досчитаеть, тамъ обочтется, а главное сказать, объ вы поди, частенько жал вете такихъ людей, которые при всей бъдности не стоятъ ничего, кром'в презр'внія. Плюпуть и пройти носкорье мимо. А вы жертвуете. А тамъ

и не зам'ятили, какъ отъ твоего капитала остался одинъ дымъ.

Валентина. Стало быть, и не ошиблась?

Ты затъялъ учредить опеку?

Кочевниковъ. Погоди, сестра. Не горячись. Зачъмъ намъ такія страшныя слова... учредить, опека. Мы не очень то любимъ безнокоить власти. Все это гораздо проще. Отдай ты мив капиталъ, я тебъ выдамъ соотвътствующе документы, и будешь ты получать отъ меня проценты.

Елена Ивановна. Можно даже сверхъ гра-

ницъ, чтобъ насъ не заподозръли.

Кочевниковъ. А ужъ тамъ дѣлай, что хочешь. Хочешь трать, хочешь жертвуй.

Я слова не скажу.

Анна Ефимовна. Б'єдная Варвара Ермогеновна! Дожить до такой обиды, на старости л'єть! Валичка! Да вы лучше возьмите ножъ, да прямо убейте старуху, ч'ємъ соглашаться на такую ед'єлку.

Кочевниковъ. Сестра! Коли не хочешь ссориться со миой, такъ запрети постороннимъ людямъ вмъшиваться въ наши

разговоры.

Анна Ефимовна. Да выдь туть камень

заговорить, а я живой человъкъ.

Валентина. Погодите, Аписпъка. Пе бойтесь. Братъ сейчасъ кончитъ и тети даже не узнаеть объ этомъ. Ему кто-то сказалъ, будто я больная, онъ и задумалъ эту затью. Увидить, что я такая же здорован, какъ и всякій другой, и броситъ. Ты не думай, братецъ, что я оправдываюсь. Это върно, что много денегь мы роздали, куда можеть и не следовало бы. Я сама понимаю. Да въдъ и вы же часто на пустяки бросаете. Однако, мы изъ этого не выводимъ никакихъ заключеній. Ты же понимаєшь, что деньги... дьло второстененное. Не мы для денегь, а онъ для насъ. Стало быть, ежели изъ за шихъ разстранваться — такъ ужъ для души это самое низкое.

Кочевниковъ (возвышая голост). А что про меня говорять изъ за ванихъ поступковъ, да еще будуть говорить... ты этого ин въ грошъ не цъщшь? Сравнилась съ нами, -тоже! Первое д'вло... сколько бы я ни тратиль на пустое, а капптала не тропу, шалишь! А второе - я человъкъ общественный. Я не то, что нашъ батюшка новойникъ: швыряль куда ни попало. Я трачу для моды. Тебъ то, конечно, все равно, что про тебя ин скажутъ, коли ты ищешь друзей среди ницихъ. А мив каждое худое слово обо мив-вострый ножь. Ивтъ, сестра. Ты моего права не знаешь. Еще не бывало такого случая, чтобъ я отказался отъ своего плана, особливо,

сжели я на законномъ основании. Мив тогда братъ не братъ, отецъ не отецъ. Поэтому совътую тебъ вринять мою комбиницію. Ты сообрази-ка по моимъ намекамъ, что ежели дъло дойдетъ до властей, такъ веякій приметь мою сторону, а не твою.

Елена Ивановна. Сестрица! Милая! Перевзжайте лучие къ намъ. Дътей у меня иътъ, вы увидите, какъ я буду васъ любить.

Валентина. Какъ вану больную тетку, которую вы любили за то, что она не выходила къ гостямъ? Не надо мив такой... (Сдерживаясь). Вратъ, голубчикъ! Умоляю тебя. Не доводи меня до непріятностей. Оставь насъ въ нокоъ, какъ мы жили. Хорошо ли, дурно ли, — никому не жаловались.

Кочевниковъ. Не доводи и ты меня, сестра. Я въ своемъ требовании правъ и потакать твоимъ поступкамъ не могу.

Валентина. Да какіе же поступки? Что я не беру четырехъ комнатъ въ гостинниць, когда мив довольно и одной? Не вышисываю платьевъ изъ Парижа, а хожу въ одномъ шерстяномъ?

Елена Ивановна. За что-жъ вы это по

моему адресу?

Валентина. И втъ же моей моченьки больше. Я роздаю бъдиымъ — это сумасшествіе,
а опи не ужинають безъ шампанскаго —
такъ отъ большого ума. Жальть голодпыхъ — глупости, а сидъть цълый день
безъ дъла и думать о пріятномъ обществъ — хорошее воспитаніс. Да ты позови
перваго встръчнаго съ улицы, такъ и тотъ
тебъ скажетъ, что сумасшедшіе-то — вы,
а не я.

Кочевниковъ. Что ты очень ужъ озарно заговорила. Что ты мив толкуень про нерваго встръчнаго, сжели велкій проходимець у вась же въ городь называетъ тебя полоумной. Лакей въ гостипиць — и тотъ спращиваетъ моего камердинера, не родственникъ ли я, и называетъ тебя такимъ же именемъ. Каково мив это переносить!

Валентина. Всякій въ городъ?

Кочевниковъ. Не совру, не безпокойся. Да ты спроси вотъ хоть у этой дамы, какъ она на тебя смотритъ. Я, въдь, вижу, что она и рада бы прикрыть, да не можетъ.

Валентина. Апиенька?

Анна Ефимовна. Ахъ, Господи! Я-то здвев причемъ? Что вы на меня сваливаете? Я инчего не знаю. Я человъкъ наемный.

Валентина (вт ужист). Анпенька! Анна Ефимовна (взглятувт вт окно). Ну, воть, слава Богу. Варвара Ермогеновна прівхала. (Бъжсить вт переднюю.)

Ночевниковъ. Небось, не признается. Да и тетка тоже. Разсказывали мнь, что два либо три года назадъ губернаторъ хотълъ вмъшаться въ ваши дъла, а она подъвхала къ его матушкъ. Пожертвовала тамъ на богоугодныя заведенія десятокъ-другой и замяла исторію. Правда это или цътъ?

Валентина. Не знаю. Ничего не слы-

хала.

Кочевниковъ. То - то и оно. Коли ваше дъло чистое, такъ пускай бы вмъщивались, все равно, ничего не выпло бы. А видно, тетка-то струсила.

Елена Ивановна (тихо). Голубушка-се-

стрица! Перевзжайте къ намъ.

Валентина (взілянула на нее, по очевидно не вслушалась). Такъ воть опо, почему люди боятся меня. Полоумная! И ись это говорять! Но чтобы и тетя! Моя вторая мать! Нътъ, пеправда! Ни за что не повірю. Іжень ты, Коля. (Идеть навстръчу Варвары Гермогеновии). Тетя, тетя! Или сюда скоръе.

Варвара Гермогеновна вошла. Анна Ефимовна за нею.

Валентина. Скажи мив правду. Только,

ради Создатели, правду.

Варвара Гермогеновна (очень волнуется, 10.1080 у нея трясется). Постой, постой. Дай поздороваться съ людьми. Инколашенька! Голубчикъ! Да какой красавецъ сталъ! (Цилуется съ нимъ).

Кочевниковъ. А это жена моя, Елена

Ивановна.

Варвара Гермогеновна. Хороша. Ахъ, и

хороша же!

Валентина. Тетя, да пожальй ты меия. Ты видишь, я дрожу, какъ въ лихо-

радкъ.

Варвара Гермогеновна. А ты вотъ что, родная моя. Поди-ко къ себъ. Предоставь мив побесвдовать съ Николашенькой. Анпенькаже шепнула мив, въ чемъ дъло. Да я такъ полагаю, что это простое не-

доум'вніе. Поди къ себъ.

Валентина. Ибтъ, я хочу знать правду, тетя. Не могу тебъ объяснить, что со мной дълется. Одно только слово сказаль братъ, а у меня въ груди такъ заныло, словно я уже давно ждала его, этого словв, словно предчувствовала, а только самой, кажется, пикогда и не пришло бы въ голову. Въдь, если это правда, такъ что же тогда? Выходитъ, всю жизнь обманывали меня. И ты со всъми!..

Варвара Гермогеновна. Поди къ себъ,

голубушка. Анненька, уведите ее.

Валентина. Не пойду. Говори мнв сейчасъ, — правду онъ слышалъ, что здвиний губерваторъ по чъимъ-то навътамъ хотълъ взять мевя.. подъ опеку... а ты... тоже вотъ улаживала... отсюда и подружилась съ его матушкой? Правда это?

Варвара Гермогеновна. Такъ. Понимаю. (Садится.) Вижу я, что сынокъ пошелъ по стопамъ тятеньки. Отецъ его всю мою жизнь исковеркалъ самодурствомъ да притъснениями, мужа мосго раньие времени въ гробъ вогналъ, — теперь сынокъ! (Отираетъ слезу.)

Валентина. Тетя, голубушка, скажи миъ

только, правда это или ивть?

Варвара Гермогеновна. Ну, правда. Прав-

да Что-жъ изъ этого слъдоваеть? Кочевниковъ. Да ужъ кабы мив показа-

лось неправдой, и бы не сказаль. Я тоже пе безь совъсти человъкъ.

Валентина (конфузливо избылаеть смотрыть на нее). Зачёмь же ты скрыла отъ

Варвара Гермогеновна. А зачимъ же ми в было тревожить тебя грязными сплетпями? Я и одна сум вла прекратить, можно сказать, въ самомъ кори в. Кабы ты была могущественная дъвушка, а, въдь, я знаю, какое ты создание чувствительное, что изъ-за всякой малости становишься ровно истерзаниая. Такъ тебя же жальючи, приняла всю заботу на себя.

Анна Ефимовна. Я помпю, какъ мы над-

рывались, чтобы скрыть отъ васъ.

Варвара Гермогеновна. Ну, что-жъ? Будешь еще кричать на старую тетку?

Валентина (быстро припадая около нея на колини). Тетя, родиая моя! Ты не обижайся. Пойми же, какъ мив мучительно, ежели и тебъ пе върю. Что другіе пе понимають меня, то мн в не такъ обидно. Но если и ты смотръла на меня такъ же!... Ты, тетя! Сколько лътъ я съ тобой живу, чего-чего мы въ длинные всчера не переговорили! В вдь всь мон мысли, всв мученія были передъ тобой, какъ на ладони. И я такъ понимала, что за пихъ-то, за мученія мои, да за доброту ты меня и лелъяла и возвеличила въ моихъ собственныхъ глазахъ. А оказывается что же? Когда люди назвали меня полоумпой, такъ ты замъсто того, чтобы доказывать имъ, что не одив полоуминя жалвютъ и жертвують, зам'ьсто того, чтобы показать имъ меня, какая я есть, - ты прячешь меня отъ людей, а сама словно торопишься дать отступного, замазываешь что-то, жертвуешь, можеть быть, даже противъ совъсти. Такъ въдь, стало быть, ты оробила? Стало быть, призналась, что я такая. Въдь не иначе же?

Анна Ефимовна (незаминию уходити).

Варвара Гермогеновна. Это вашъ урокъ, Николай Герасимовичъ?

Кочевниковъ. Что же, въ настоящее вре-

мя она говоритъ разсудительно.

Елена Ивановна. А и жалко же какъ!

Валентина. Тети! Не бойся отвъчать миъ прямо. Я тебъ благодарна за все. Вотъ при нихъ говорю. Слышишь, братъ? Еще дъвченкой, тамъ, въ московскомъ домъ, я плакала за тъхъ, надъ къмъ у насъ потъшались, кого дразнили, кому, какъ голоднымъ собакамъ, броеали объъдки. Вы этого не видъли. Инкто, кромъ тети, и не заглядывалъ въ мою компатку. Оттого я и бросила васъ и посслилась здъсь, съ нею. Тогда ты, тетя, рада миъ была, а теперь... Давно ужъ мы съ тобой глядимъ въ разиыя стороны. Такъ говори прямо, не бойся. Должна же я знать, кому миъ върить. Иначе и жить страшно.

Варвара Гермогеновна (стукнуво кулакомо по столу). Вы что жъ это, милостивый государь? Зачъмъ, вы припесли въ нашъмирный домъ гнуспые разсчеты, да мелкія

дрязги отъ всего вашего рода?

Кочевниковъ. Познольте, однако.

Валентина. Тетя! Ты мніз не отвічаень. Варвара Гермогеновна. Ежели судьба обиділа вась на счеть пониманія, такъ благодарите Бога за великую милость, что Онъ нослаль вамь такую сестру (Вилентины съ искусственной дрожью въ голость). Родная мон! Какое миіз діло,— правильный у тебя умъ пли піть. Да разві я смізю критиковать его, когда душа у тебя чуткая, на всякое страданіе отзывчивая. Не ты передо мной, а мы всіз должны стоять передъ тобой на коліняхъ, каждое твое слово принимать, какъ посланное намъ свыше. Воть какъ и ее понимаю, Николай Герасимовичъ.

Елена Ивановна. Колечка, уйдемъ отсюда.

Кочевниковъ. Постой.

Валентина. Тетя! Зачъмъ тебъ это надо? Зачъмъ ты лукавишь?

Анна Ефимовна. Валичка! Что вы.

Варвара Гермогеновна. Вы слышали меня, Инколай Герасимовичь? (Указывая на дверь). Оставьте же насъ въ покоъ, коли вы еще боитесь кары небесной!

Кочевниковъ. Нътъ, тетенька. Стара

штука. Прошли тъ времена, когда вы пасъ однимъ своимъ видомъ запугивали. Вамъ угодно изъ меня шута сдълать? Такъ напрасно трудитесь. Я при своихъ капиталахъ самъ кого хотите наряжу въ шуты. Ежели у меня сестра такая, какъ вы объясняете, я очень радъ. А только тогда ей и вовсе не для чего капиталъ.

Варвара Гермогеновна. Творецъ небесный! (Съподавленнымъ риздражениемъ опускает-

ся въ кресло.)

Входять И. Шелковкинъ и Анна Ефимовна.

Кочевниковъ. А ты, сестра, если хочешь знать, зачъмъ тетенька лукавитъ съ тобой, такъ спроси отчета въ своемъ капиталъ. Все сразу и поймешь. Въдь ты не сама распоряжаешься?

Валентина. Капиталомъ? Нътъ. Тетя и

вотъ-Игнатій Александровичъ.

Кочевниковъ. А! Игнатій Александровичъ! Мое почтеніе-съ. Николай Кочевниковъ. Давио не видались. Мальчишкой, если припомните, я васъ какъ-то съ голубятни водой облилъ. За глупое ребячество прошу извинить, а теперь, въ качествъ старшаго брата, я желаю озвакомиться съ положеніемъ денежныхъ суммъ моей сестры. Потрудитесь до вечера приготовить отчеть. Въ противномъ случаъ я буду требовать черезъ мъстныя власти. А мы пока позавтракаемъ. Поъдемъ, Леля.

Елена Ивановна. Охъ, поъдемъ.

Кочевниковъ. Такъ то, тетенька. Имвемъ честь кланяться. (Уходять).

Валентина (тихо). Тетя! И это — правда? Варвара Гермогеновна (сидить подавленная). Не знаю я, начего не знаю.

Валентина. Какъ не знаешь?

Варвара Гермогеновна. Не знаю, и все тутъ.

Валентила. Что жъ это такое? Въдь никогда я не жалъла денегъ. И чтобы изъза нихъ прославить меня, какъ полоум...! (Сильно вздрагиваето и выпрямляется.)

И. Шелковкинъ. Валентина Герасимовна!

Голубушка!

Валентина (почти отскакивая от пего). Ивть, оставьте меня. (Бистро уходить ко себь.)

ТРЕТЬЕ ДВЙСТВІЕ.

Со стола все прибрано. Третій чась.

Варвара Гермогеновна сидить на прежнемы мысть и, облокотившись о ручку кресла, упорно думаеть. Изъ комнаты Валентины осторожено входить Анна Ефимовна.

Варвара Гермогеновна (чуть взілянула

на нее). Ну, что опа?

Анна Ефимовна (подсаживается). Чтото неладное съ нею, Варвара Ермогеновна. Болтаетъ, болтаетъ—просто удержу иътъ. Върите ли, хотъ бы минутку номолчала. Не могу ноиять, откуда у нея столько словъ берется.

Варвара Гермогеновна. О чемъ же она? Анна Ефимовна. Кто ее разбереть! Все больше о своей жизни. Всю жизнь по мосточкамъ разобрала. Съ самаго дътства

вспоминаетъ.

Варвара Гермогеновна (чуть обернувиись). Мотя! Мотя!

Мотя вподить.

Варвара Гермогеновна. Поди на верхъ, узнай, если Игнатій Александровичъ не ушель, позови его ко миъ.

Мотя. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Варвара Гермогеновна. А я на васъ недовольна, Анненька.

Анна Ефимовна. На меля?!

Варвара Гермогеновна. Для чего я васъ приставила къ Валичкъ? Чтобы вы слъдили за каждой малостью и обо всемъ докладывали мнъ.

Анна Ефимовна. А развъ я плохо песу

мою службу?

Варвара Гермогеновна. Видно, что неважно. Ин въ жизнь не повърю, чтобъ она сразу стала такая непослушная. Велика бъда, что ее назвали полоумною! Отъ этого одного не могла она такъ неремъниться противъ меня. Въдь какъ крикиула на меня, какъ-будто я лукавлю съ вей!

Анна Ефимовна. Ужасъ! Я просто задрожала вся.

Варвара Гермогеновна. Такъ нешто я впервой такъ-то? Да сколько разъ, когда княгиня прівзжала или другам высокая особа! Всегда я ее такъ показывала, какъ истинную праведницу. И она радовалась. Съ чего-жъ она теперь-то? Стало быть, у нея въ головъ уже было что-нибудь. А вы миз хоть бы слово сказали.

Анна Ефимовна. Варвара Ермогеновна, да въдь я ужъ у пея въголовъ не сижу. Варвара Гермогеновна. Должны сидъть. Для того я вамъ уголъ дала и жалованье плачу.

Анна Ефимовна. Такъ что-жъ я нарочно.

что ли? Скрыла отъ васъ?

Варвара Гермогеновна. А кто васъ знаетъ! Можетъ, у васъ тоже въ головъ свои планы.

Анна Ефимовна. Ну да какъ же! Очень мнъ нужно! Отродясь никакихъ плановъ не было въ головъ. Кого любила, такъ прямо и бухала, что люблю. А чтобъ хитрить, такъ это не по моей натуръ. Я вотъ уважаю васъ за то, что вы такая властная, какъ будто бы даже вовсе и пе женщина. А если бы и перестала уважать, такъ поклопилась бы да ушла.

Варвара Гермогеновна. Куда ушла то? Анна Ефимовна. Куда? Да къ любому изъсыновей. Съла бы первому же на шею, да и сказала бы: и тебя кормила, теперы пришла твоя очередь кормить меня. А дво с

ли, родила ихъ.

Варвара Гермогеновна. Хоть ты заръжь мепя, не попимаю, —откуда это въ ней.

других и исть одъвають. Даромъ я, что

Мотя входить.

Мотя. Идутъ. (Уходить.)

Входить И. Шелковкинъ.

Анна Ефимовна. Игнатій Александровичъ! Такъ я вамъ сейчасъ принесу мои деньги. Подождите минутку. (Уходить.)

И. Шелковкинъ. Что вамъ, тетенька?

Варвара Гермогеновна. Слушай-ка сюда. Николашка съ тебя отчета потребовалъ. Такъ ты смотри, не вздумай, въ самомъ дълъ, давать отчетъ.

И. Шелновнинъ. Какой отчетъ? Ну, какой отчетъ? Ваши записочки? Коли есть у васъ 223 тысячи-семьсотъ цълковыхъ, такъ пожалуйте, я представлю отчетъ.

Варвара Гермогеновна. А и говорю не

представляй.

И. Шелновкинъ. А я говорю—нечего представлять то. Ежели въ этакомъ видѣ показать хорошему булгахтеру, такъ онъ на мѣсть помретъ отъ страху, И куда вы етолько тратили? Куда Алеша столько проживалъ?

Варвара Гермогеновна. Да замолчи ты! Не у всякаго такой даръ, чтобъ скряж-

иичать.

И. Шелновнинъ. Скряжничать! Слыхалъ про себя, что скряга. А воть сейчасъ подслушаль наверху разговоръ между прислугой. Такъ Васька вонъ уже подумываеть удрать отсюда. И вашъ Терептій съ инмъ. А подите-ка ко мив въ домъ, кь скрягь, попробуйте-ка сманить прислугу, — такъ васъ же и засмъютъ. Я гребую, чтобы работали. А за то онъ у меня сытъ, обуть, здоровъ и свой въ дом'ь, какъ бы родной. Въ случав песчастья я же его п выручу. Скряжпичать! Что же, однако, думаете предпринять? Пугнуть-то Кочевникова не удалось, что ли?

Варвара Гермогеновна (двинулась). Вспомнить не могу его рыло! Ивть, какова въ пемъ распущенность! Бывало съ отцомъ его: накричишь, -какъ шолковый станетъ. Такъ в кдь старикъ былъ пе этому ципленку чета. Орелъ! А на этого галченка крикнула, а онъ и въ усъ пе дустъ. Знай себь платочкомъ помахиваетъ. Такъ онъ меня разб'всилъ, - готова была удавить своими руками. А туть еще эта! (Кивнула по направлению Валентины.)

И. Шелновнинъ (задуминво). Жалко ел. Ежели бы капиталь быль въ порядкъ, сдать бы брату, пускай бы вхала къ вему.

Можетъ, ей лучие было бы.

Варвара Гермогеновна. Ну, голубчикъ! Ты, вижу, совствы сбился съ нанталыку.

И. Шелковнинъ (испущался). Почему же?

Развъ что замътили?

Варвара Гермогеновна. А со мной что жъ

бы тогда было? Подумалъ ты?

И. Шелковкинъ (успоконениев). Да! Про васъ, главное, и позабыль. И то сказать. Теперь у васъ разныя особы бывають чуть что не запросто, а тогда кому нужно?

Варвара Гермогеновна. То-то и оно!

И. Шелковкинъ. А какой вамъ почеть за ея капиталъ - это тоже надо вспом-.

Варвара Гермогеновна. Я не отъ себя.

Все отъ пмени Валентины.

И. Шелковнинъ. Знаю. А вамъ все-таки почеть. Да и такъ еще падо разсудить: на что Кочевникову эти деньги? У свой капиталъ огромный. Въ Москв в его считають въ восьми милліонахъ.

Варвара Гермогеновна. Охъ, Игнаша,

больше.

И. Шелковкинъ. Ну, вотъ видите!

Варвара Гермогеновна. Вольше, и навърпо знаю. И въдь не скаредность въ немъ говоритъ, Игнаша. Этого у пихъ никогда не было. А вотъ гоноръ, самодурство ихнее. И главное, чтобъ притъснить всякое слабое создание.

И. Шелковкинъ. Я и говорю. Вы такое слабое созданіе, а онъ, каналья, задумаль притеснить васъ.

Варвара Гермогеновна. Да ты что это, батюшка? Никакъ смъешься надъ старухой?

И. Шелковкинъ. Н'ътъ, не см'ъюсь. Ахъ,

Боже мой, Боже мой!

Входить Анна Ефимовна.

Анна Ефимовна. Вотъ, Игнатій Александровичъ, моп двъсти рублей.

И. Шелковкинъ. Хорошо, Сейчасъ я вамъ

дамъ расписочку.

Валентина выходить изь своей комнаты, идеть (за сценой) въ передиюю и надпвасть пальто.

Варвара Гермогеновна. Погодите. Кудаэто она собирается?

Анна Ефимовна. Не знаю.

Варвара Гермогеновна. Валичка! Куда ты собралась? Подожди-ка. Мив надо передать тебь одну бумагу. (Уходить къ себъ.)

И. Шелновнинъ. Куда вы, Валентина Герасимовия? Въ этакую дурную погоду!

Валентина. Н'ыт, какая дурная! Дождикъ пересталъ. Даже солпышко выглянуло. Посмотрите ка въ окошко. А тучи словно на клочья разорвались и бъгутъ мимо, да быстро какъ, - не уследишь. Очень я люблю солнышко после дождя. Хочу немного прогуляться.

Варвара Гермогеновна входить. Въ то же время сходить съ лыстищы и Аленсый. Онг останавливается въ дверяхъ.

Варвара Гермогеновна. Вотъ, Валя, письмо тебъ отъ ен превосходительства, матушки губернатора.

Валентина. Мнъ? Что такое?

Анна Ефимовна. Покажите-ка, покажите. Отъ самой?

Варвара Гермогеновна. Собственпоручное. Отъ Комитета. Благодарностъ за пожертвованіе на больницу, которая ея имени. Я безъ тебя внесла семь тысячъ. Объщала еще на убъжище три. Сегодня сама завдеть.

Валентина (избълая встрычаться взілядомь съ нею). Такъ въдь это же не мнъ.

Варвара Гермогеновна. Какъ то есть, пе

тебь? А кому же?

Анна Ефимовна. Какъ же, Валичка! Тутъ прямо сказано: "высокоуважаемая Вален-

типа Герасимовна".

Валентина. А почему-жъопа думаетъ, что л высокоуважаемая? Она меня и въ глаза видала ли когда. Меня то самое въдь опа не знаетъ? И выходитъ, что это не миъ, а... деньгамъ моимь, что ли, или тетъ. Опа отвозила деньги для ел убъжища.

Варвара Гермогеновна. Я объ себъ не жлопотала. Благодарность ся превосходительства на твое имя, а не на мос.

Валентина. Н'ыть, я не про то. Воть у Евгени есть бумага, аттестація отъ прежнихь господь, гдів она раньше служила. Такъэто ел, Евгенина. Естів господа хорошо знали, какал она честнал, да трудящаяся. А эту бумагу надо Игнатію Александровичу отдать.

И. Шелковнинъ. Мпъ?

Валентина. Да. Вы ее пряложите къ деньгамъ, въ банкъ, что ли. Замъсто тъхъ, которыя пошли на убъжище.

Варвара Гермогеновна. Возьми, Игнаша,

положи въ банкъ.

И. Шелновкинъ (молча беретг).

Варвара Гермогеновна. Можетъ, и другія такія же бумаги тоже туда, къ деньгамъ?

Валентина. Конечно, и другія.

Варвара Гермогеновна. Такъ и тебъ соберу, Игнаша. Моими заботами много бла-

годарностей на ея имя набралось.

Валентина (мядя въ сторону). Въдь я не такая, какъ всъ люди. Я совсъмъ особенная. Другія изъ чего сотворены? Ну, тамъ изъ крови, изъ костей. А я вся изъ золота. Ровно чучело какое, вылитое. Съ другой дъвушкой люди какъ? Спачала посмотрятъ, короша ли изъ себя потомъ поговорятъ, поживутъ вмъстъ, узилютъ, умна ли, добра ли. А со мной кому это все нужно? Кому падо знатъ, какія у меня мысли, желанія? Всякій знастъ, что я изъ золота и будстъ съ него. Кому понадобится, подойдетъ, отколетъ кусочекъ отъ меня, сколько ему нужно, и пойдетъ своей дорогой.

А. Шелковкинъ (приблизившись, испуганный и пораженный). Здравствуйте, Ва-

лентина Герасимовна!

Валентина (порывисто двишется къ нему). Алексъй Осиповичъ! (Сдерживается.)

А. Шелковкинъ. Что съ вами? Я васъ въ такомъ настроенін еще не видаль.

Валентина (помолчаев). Здравствуйте. А вы когла же разглядывали меня? Я думаю, если-бы васъ вдругъ спросить, какая и, — большая или маленькая, черная или бълокурая, — такъ вы бы и не сказали.

И. Шелковкинъ. Присядьте-ка, Валентина Герасимовна. (Подаеть сй стуль.) Зач! мъ вы ужъ такъ обижаетесь? Стоитъ ли?..

Валентина (садится въ растенутомъ пальто и инсколько успокаивается). Обидно то, что люди всякое, даже самое хорошее съумъють повернуть въ худую сторону. Ты рада всю свою жизнь отдать какому-нибудь доброму дълу и всю тебя за него одобряють, а вдругъ и не замътинь, какъ

люди все перевернули по своему. Да такъ, что отъ добраго дѣла и копцовъ пе осталось, а получилось такое, что ты только думаешь: Господи, да пеужто жъ я объ этомъ хлопотала? (Плачетъ.) Другіе рады богатству, а мнѣ хоть-бы его и не было. Другіе ходятъ по бъднымъ, да утѣшаются, а я попла — такъ сама-себъ опротивъла. Нестолько мнѣ ихъ жалко, сколько стыдно. Вотъ объясните мнѣ это чувство. Стыдно миъ, что вотъ пришла сама, да еще разговариваю. И даже такъ думаю, что они меня пенавидятъ, когда я разепрашиваю про ихъ бъдность.

А. Шелковкинъ (въ поль-голоса). Мамень-

ка, что жъ это такое?

Варвара Гермогеновна (также). Молчи! Валентина (ст испуюм озиралсь, сильно конфузится и встаеть). Вы не подумайте, пожалуйста, что я говорю безъ всякаго смысла. Со стороны, можеть быть, кажется, что я совсемъ нотеряла разсудокъ. Только это неправда. Я могу объяснить всякое слово, когда ненадобится.

Варвара Гермогеновна. Куда ты идещьто? Тебь бы прилечь да выспаться. Съ до-

роги и не отдохнула.

Валентина. Я не уставши. И пе бойтесь за меня. Скоро верпусь. Только по саду поброжу. (Уходить.)

И. Шелковкинъ (Апиъ Ефимовии). Не оставляйте ее одну. Подите съ нею.

Анна Ефимовна. Какъ можно оставлять! (Уходитг.)

А. Шелковкинъ. Маменька! Да что-жъ это съ нею? Я не узнаю се. Развъ это прежняя Валентина Герасимовиа?

Варвара Гермогеновна. Иу, ты еще льзь

съ допросами.

А. Шелновкинъ. Да въдь сердие вадры-

вается, глядя на нес.

Варвара Гермогеновна. Ис привыкъ. Я двъпадиать лътъ гляжу съ утра до ночи, такъ привыкла.

И. Шелковкинъ. Неправда, тетешька. Зачёмъ говорить неправду. Въ этакомъ со-

стоянін и вы се еще не видали.

Варвара Гермогеновна. Ты чего сжимаешь кулаки да глазами сверкаешь? Уморить хотите меня оба? Подумаешь, я довела

ее до этакаго состоянія.

И. Шелковкинъ (овладивия собой). Съ чего вы взяли, тетенька, что я сжималъ кулаки? Это у меня такая дурцая манера пальцами двигать. А глаза—уже и не зпаю, что вы нашли въ моихъ глазахъ. Правда, я немного взволповался, да въдь я вы тоже и даже вопъ Алеша. Испугала она насъ всъхъ. Да и жалко пемножко.

А. Шелковкинъ. Немножко жалко! Я не знаю, какъ удержался, чтобы не броситься къ ней въ ноги, да не молить про-

щены.

Варвара Гермогеновна (съ крикомъ). Да въ чемъ прощенія-то? Въ чемъ ты передъ

нею провинился?

А. Шелковкинъ (также). Почемъ и знаю, въ чемъ. Развъ разберешь, о чемъ совъсть тоскуетъ, когда вси она, какая есть въ человъкъ, подступаетъ къ горлу и начи-

пастъ душить.

И. Шелковкинъ. Самое это у насъ въ обиходъ любимое словечко—совъсть. Самое любимое. А только и всегда замъчалъ, что мы очень любимъ говорить про то, чего у насъ нъту. Голодиый всегда говорить про хлъбъ, голый про одёжу...

А. Шелковкинъ. Слышите, маменька, какъ онъ меня позоритъ! И я пичего не могу сказать, потому что онъ кругомъ правъ.

Варвара Гермогеновна. Игнатій! Ты-то

что? Ты-то съ чего?

И. Шелковкинъ. Да что-жъ я? Я какой былъ, такой и остался. Мое дъло—сторона. У меня и своихъ заботъ на всю мою жизнь хватитъ. (Торопливо смотритъ на часъ). Вотъ въ банкъ опаздываю. А миъ еще надо посиъть въ комитетъ. Гдъ моя фуражка-то? Да, наверху оставилъ. Ну, я ушелъ, ушелъ. (Быстро уходитъ наверхъ.)

Варвара Гермогеновна (проводила его и притворила дверь). Чего ты мучаенься, скажи пожалуйста? Въдь ты только путаень меня, голову мою туманинь.

А. Шелковкинъ. Да въдь вадо же положить этому конецъ, какой бы ни было. На Валентину Герасимовну глядъть странно. Кочевниковъ, говорятъ, кричалъ тутъ, оскорблялъ васъ. Вся прислуга удивляется. Не могу жъ я выносить, чтобъ матьстаруху унижали, да Богъ знаетъ что говорили про нее, когда всему виной одинъ я.

Варвара Гермогеновна. Да ужъ вижу твою любовь къ матери. А коли любниь, такъ и то подумай. Можетъ, мив то-то и сладко, что для тебя терилю.

А. Шелковкинъ. Да не надо мив этого имчего.

Варвара Гермогеновна. Чего не падо-то?

Дитя неразумное!

А. Шелковкинъ. Хорошо дитя, 28 лѣтъ. Другіе люди въ эту пору больпими дълами ворочаютъ, а я, словно недопосокъ какой, живу чужими хлопотами. Не хочу я этого. У меня и силы есть, и голова, могу прожить честно. Сдълайте мий такую милость,

маменька. Принесите икону, позвольте дать клятву, чтобы мив быть проклятымъ и па томъ и па этомъ свыть, ежели я еще когда-нибудь...

Варвара Гермогеновна. Не смъй! Не смъй и въ головъ держать такую клятву, а не

то, что произносить.

А. Шелковкинъ. Да почему же, позвольто

узнать:

Варвара Гермогеновна. Глупый ты-вотъ что. Да что ты за человъкъ былъ бы безъ денегъ? Теперь тебя вездъ любятъ. Приинмають съ поклономъ, какъ самаго дорогаго гостя, можешь ты себя держать козыремъ, никакой зависимости не знасшь. А тогда что? Теперь у тебя всв заискиваотъ, а тогда ты долженъ принижаться перодь всякимъ богатымъ человъкомъ. Я не говорю, - и безъ денегь ты и красивъ, п молодъ, и сердце у тебя доброе. Да только ты оглянись кругомъ, - гд в опи такіс люди, которые сумьють оцінить тебя? Развъ кому надо знать, какая у тебя душа? Кошель имъ твой нуженъ, гордость твоя нужна. Помыкай человъкомь, такъ онъ тебъ и въ поги поклонится, а займи у него сто цълковыхъ, такъ опъ съ тобой начисть вы носъ разговаривать.

А. Шелковкинъ. Стало быть, мив такъ

и следуетъ.

Варвара Гермогеновка. Голубчикъ ты мой! Не знаешь ты народъ, такъ спроси у своей матери. Она всю свою жизнь прожила промежду сильныхъ и слабыхъ. Сама что муки натеривлась отъ бълности да отъ притьсненій. Самый воть ея тятенька, покойный Герасимъ Кочевинковъ. Бывало, тысячи швырялъ на всякія безобразныя выдумки. Цалую деревию давокъ, бывало, заприжетъ лътомъ въ сани, катается да сыплотъ золото горстьми направо и налъво. А когда твой покойникъ отецъ придетъ къ пему за своими, за кровными, - получить какихъ-инбудь триста цълковыхъ, - такъ онъсначала высмъетъ егопривсемънародъ, мерзость какую-нибудь заставитъ сдълать, а потомъ уже отдастъ. Да и то еще собакъ спуститъ, чтобы тотъ улепетывалъ, подобравши свои крохи. Да я тебъ вотъ какъ скажу. Ежели пересчитать, что ся отецъ обманывалъ твоего, да паграбилъ у насъ, такъ можетъ и всего ея капитала не хватить расплатиться со мпой.

А. Шелковкинъ. Да и вамъ-то какая радость? Пу, весело я живу, пу, принцмаютъ меня вездъ ласково, — такъ вы даже и не видите этого, потому сами не бываете

нигдъ.

Варвара Гермогеновна. Ахъ, Алеша! Пло-

хо же ты попимаень материнскую любовь. Да ты увзжай оть меня хоть въ Туркестанъ, да хоть бы я тебя два года не видъла, такъ и то мое сердце будетъ радоваться, ежели ты въ счастіи. Н'втъ, ужъ ты спачала похорони меня, а потомъ живи, какъ заблагораз судится. А при жизни я не желаю видъть тебя въ униженіи. Да зачъмъ далеко ходить, спроси у жены, таково ли ова будетъ любить тебя, ежели ты ей станешь отказывать во всякой малости?

А. Шелковкинъ. Лида?

Варвара Гермогеновна. Да, твоя Лида.

А. Шелковкинъ. Ну, ужъ это вы, маменька, извините, махиули. Какая-жъ опа мнъ жена, ежели пе захочетъ попять моей дупи.

Варвара Гермогеновна. Мать, стало-быть,

хуже:

А. Шелновкинъ. Ужъ этого я не могу сказать, а только я не для того за нее сто тысячъ заплатилъ, чтобы слышать отъ васъ такія слова.

Варвара Гермогеновна. Коли она тебя за ето тысячъ полюбила, стало быть, другого за двъсти вдвое полюбить. Разсчетъ не

хитрый.

А. Шелковнинъ. Изтъ, маменька, вы такихъ кляузъ не подводите. Я себя знаю, я человъкъ дикій. Пока върю, никакихъ преградъ изтъ для меня, чтобъ оказатъ всякую любезность, а въ иномъ случать... Изтъ ужъ вы, маменька, поосторожитье.

Варвара Гермогеновна. Что жъ ты сдъ-

ласшь?

А. Шелковкинъ. Убыо.

Варвара Гермогеновна. Ну, будетъ тебъ, родимый. И куда это Лидочка пошла? Поъхали бы вы покататься, что ли.

Входить Лидія Михайловна.

Варвара Гермогеновна. А! Сейчасъ видно, что хорошій характеръ: легка на поминъ.

Лидія Михайловна. Вотъ, маменька, взяла съ собой сторублевку, а пришла ни съ чъмъ, еще задолжала. Это вамъ съ Валичкой конфекты. (Мужу.) Ты какъ здъсь? (Спимаетъ перчатки.).

Варвара Гермогеновна. Вотъ подн-ка, развлени его, а то совсъмъ расханарился. А я пройду наверхъ. Можетъ, Игнатій

еще не увхалъ.

А. Шелновнинъ (не вставая). Постойте, маменька. Лида! Сейчасъ у насъ разговоръ былъ.

Варвара Гермогеновна. Ну, къ чему ты

это?

А. Шелковнинъ. Погодите. Разговоръ такой: что бы ты едізлала, ежели бы мы об'іздняли? Маменька говорить, что ты любила бы меня попрежнему, а я спорю. Говорю, она у меня транжирка, ей деньги дороже моей души. Ну-ка, кто изъ насъ правъ?

Лидія Михайловна (снимает шляпку и прикалывает къ ней булавку). Оба правы и оба не правы. Я презираю деньги, какъ презираю все, что должна любить по необходимости.

Варвара Гермогеновна. Вотъ видишь, Алеша? А выходить: надо бросить эти разговоры. Потому, пока я жива — вы бъдности не будете знать. Лучше поъзжайтека, покатайтесь.

Лидія Михайловна. Н'ть, я устала.

Варвара Гермогеновна. Ну, посиди у меня туть, отдохни. (Уходить.)

А. Шелковкинъ (глухо). Какъ это ты сказала-то? Презираень все, что...

Лидія Михайловна. Все, что должна любить. Мы должны любить деньги противъ нашего желапія. Поэтому я ихъ презираю.

А. Шелковкинъ. Я тебя не про то спра-

шиваю.

Лидія Михайловна. Такъ и съ тобой. Пока мое чувство къ тебіз свободно, до тіхъ поръ и могу любить тебя. По если бы меня заставляли быть ніжной къ тебіз, то и начала бы презпрать. (Ложится на дивань, поправиот подушку и закидывая руки.) Ахъ, какъ устала! Все время ходила пізикомъ. Сколько знакомыхъ встрізтила! А сколько комилиментовъ наслушалась. Съ чего это вы вздумали вести такой скучный разговорь? Отъ нечего дізать?

 А. Шелковкинъ Такъ, къ слову пришлось.

Лидія Михайловна. Подп, сядь около меня.

А. Шелковкинъ. Погоди. Стало быть, Лида, ежели бы мы, виравду, об'ідняли...

Лидія Михайловна. Довольно, Леша. В'ёдь этого и тътъ.

А. Шелковкинъ. Мало ли что можетъ елучиться.

Лидія Михайловна (пололчавь). Ты серь-

езно спрашиваещь?
А. Шелковкинъ. Да ужъ чего серьезивій не можеть быть. И ужь отвічай миз

прямо.
Лидія Михайловна. Изволь. То, что я сказала полушутя, могу повторить серьезпо. Если бы ты быль бъдиякъ, я вт.

езпо. Если бы ты быль бъдцякъ, я въ копцъ концовъ навърное разлюбила бы тебя.

А. Шелковкинъ. Вотъ опо что! Почему же

такъ строго? (Приближиется къ дивану.) Лидія Михайловна. Странно, что ты этого

не попимаешь. Подумай хорошенько, что общаго между той средой, гдв я выросла и жила, и вашей? Тамъ меня понималя съ полуслова, цънили всякое острое словечко, всякій бантикъ на моей кофточкъ. А вы всь забсь какіе то старомодные, да еще пропитанные фарисейской моралью. Для тебя я развелась съ мужемъ, потому что опъ оказался просто мошенникомъ и началь пользоваться дурной репутацісії. А ты молодъ, красивъ и влюбленъ въ меня. И я, какъ видишь, лажу со всъми твоими домашиими. Но могу ладить до тъхъ поръ, пока мив весело и пока и довольна. А вообрази, что ты бъдиякъ. Я избалована, мп' трудно переносить лишенія. Я начала бы завидовать богатымъ. Это отразилось бы на моемъ настроеніи. А вы всь, начиная съ добродътельной Валички н кончал тобой, следили бы за каждымъ монмъ движеніемъ и требовали бы, понимаешь — требовали бы, чтобъ я любила тебя по прежнему. Въ концъ концовъ, вы отравили бы мое существование. Я бы возненавидъла тебя и при первомъ случаъ

А. Шелновкинъ (стояль около дивана, теперь подсаживается къ ней). Такъ вотъ

ты какая.

Лидія Михайловна. Да, вотъ я какал. Значить, если ты хочешь жить со мной, какъ мы жили до сихъ поръ, то не смъй и думать о бъдности.

А. Шелковкинъ. Такъ-съ. А ты зпаешь,

ли, что все это богатство не мое?

Лидія Михайловна. Знаю.

А. Шелковкинъ. И не маменькино.

Лидія Михайловна. И это знаю, милый мой. А. Шелковкинъ. И это знаешь?

Лидія Михайловна (приподнявшись на локти). Скажи пожилуйсти, зачемъ ты все это говоришь? Испугался Кочевиикова?

А. Шелковкинъ. Ты развъ слыхала, что

опр прівлаль?

Лидія Михайловна. Все ми'в передали. Но въдьмаменька жено сказала тебъ, что пока она жива, мы не объдивемъ. Что жъ тебъ вившиваться. Повырь, она такой молодець, что отлично устроить это дъло. По крайней мъръ, я совершенно покойна. (Снова

откидывается.)

А. Шелновкинъ. Да въдь маменька не пошимаетъ, что у меня тутъ, въ груди, творится Слушай, Лида. Въдь я же не инщій. Получаю три тысячи жалованья, домъ у насъ свой. Помимо того займусь купсческимъ деломъ. Летъ черезь десять разбогатью, тогда пользуйся въ волю.

Лидія Михайловна. Черезъ десять лѣтъ... Мив тогда будетъ тридцать піесть. Лиловый возрастъ. На что мит тогда твос богатство!

А. Шелковкинъ. Да какъ же быть, ежели меня замутило отъ такой воровской жизви, сжели я хочу жить лучше побъдиве да по совъсти?

Лидія Михайловна. Сділай одолженіе. Я ничьей воли не насилую. Только тогда живи не со мной, а вонъ съ Валичкой. Она тебя будетъ лельять, Ужъ вотъ какъ будеть беречь твою совисть. Какъ хрустальный сосудъ. (Хохочеть, потомь идрук зажимаеть себы роть и, приподнявшись, оглядывается.) Ен ивтъ здъсь?

А. Шелновнинъ (не спуская съ нея глизъ).

Нътъ, въ саду.

Лидія Михайловна (гнова опускаясь и запрывая). А ты вглядись въ нее, Алеша. •на красивая. По мосму, даже еще похорошъла. Посмотри на все внимательнье, будь мужчиной. Ты знасшь, у тебя такой взглядъ, какой бываетъ у любителей разнообразныхъ ощущеній, взволнованный. Я люблю въ тебъ этотъ взглядъ.

А. Шелковкинъ (сдерживая сильное волненіе). Ты за что же еще пздвваешься падъ нею? Мало намъ, что мы ее грабимъ? Да развъ ты можешь и любить-то? Въдь ты холодная, какъ сталь. У тебя

ледъ вм'Есто сердца.

Лидія Михайловна. Тамъ болве ты долженъ цанить мою жертву. Это правда, что я холодиан. Ты знаешь, я даже не понимаю, какъ могутъ другія женщины искрение отдаваться мужчинь. Я люблю смотръть на васъ, когда вы элегантно одъты, аближе — нътъ! Даеслибы и была богата, я инкогда ни одного не подпустила бы къ себъ.

А. Шелковкинъ (наклоняясь надъ нею). Такъ вотъ оно, отчего человькъ сохнетъ по тебъ. Теперь я понимаю, откуда у меня это чувство, словно я обнимаю не тебя, не живую, а тынь твою. Словно мъсяцъ на водъ играеть и скользитъ, а л все хочу поймать, да не могу. И даже поцьлун твои такіе, какъбудто ихъ и во было.

Лидія Михайловна. II какъ будто у тебя

въ душт въчный голодъ-правда?

А. Шелковкинъ. Гордишься еще. Только за что же любить тебя? За что человъкъ долженъ губить свою душу за такую, какъ ты? А? Пу-ка, скажи. Отвыть мив, — за что?

Лидія Михайловна. Пу, однако, довольно, Алеша. У тебя даже глаза налились кровью. (Xouemo npunodusmuca.)

А. Шелновнинъ (удерживает ее). Н'ять,

погоди. Ты мий отвыть. Стоишь ли ты, чтобы изъ за тебя губить человыческую душу?

Лидія Михайловна. Ну, хорошо, не стою.

Только пусти меня.

А. Шелковкинъ. Какъ пустить? Такъ зачёмъ же ты соблазняла меня, заигрывала со мной?

Лидія Михайловна. Пусти же, говорю я тебъ. Въдь это насиліе, наконецъ.

А. Шелковкинъ (держить ее объими руками за плечи). Нътъ, не пущу. Какъ же пустить, ежели мнъ хочется приласкать тебя.

Лидія Михайловна (стараясь вырваться).

Не надо мнъ твоей ласки. Пусти.

А. Шелковкинъ. Мало ли что не надо! А я вотъ хочу задушить тебя своей лаской, да такъ, чтобы ты пикнуть не смъла.

Лидія Михайловна. Пусти, или я кри-

чать начну.

А. Шелновкинъ (схватываетъ ее за горло). Не дамъ я тебъ кричать. Не смъещь ты издъваться надъ моей душой. Не можешь ты любить, такъ и жить-то тебъ не зачъмъ, подлой. Какая ты жена! Ты только въ любовницы годишься. Зачъмъ же ты меня обманула!

Лидія Михайловна (въто же время кричить), Пусти! Помогите! Помогите!

Валентина и Анна Ефимовна быстро вхо-

Валентина и Анна Ефимовна. Господи,

что туть такое?!

Лидія Михайловна (вырвалась и вскочила. Вся дрожить). Сумасшедшій! Онъ чуть не задушиль меня. Посмотрите Совс'ємъ съ ума сошель. Защитите меня, а то онъ убъеть чёмъ-нибудь. (Ублаеть.)

Валентина (быстро подходить къ А. Шелковкину). Голубчикъ, Алексъй Осиповичъ, да что жъ это съ вами?

А. Шелковнинъ (нъкоторов время стоитъ растерянный и тяжело дышетъ, потомъ постепенно начинаетъ рыдать, наконецъ съ воплемъ бросается въ ноги Валентинъ и обнимаетъ ея колъна).

Валентина. Да что вы, что вы, Господь

съ вами! Зачемъ это?

А. Шелковкинъ. Простите меня, простите,

ради Христа.

Валентина. Да въ чемъ простить? Что вы! Ни въ чемъ вы не виноваты передо мной.

А. Шелковкинъ. Натъ, виноватъ. Во всемъ я одинъ виноватъ. Не отталкивайте меня. Покаюсь, — легче мнъ будетъ.

Валентина. Да въ чемъ каяться-то? И успокойтесь раньше, Анненька! Гдв тетя? Посмотрите, не на верху ли?

Анна Ефимовна (раньше уже заглянувшая въ комнату Варвары Гермогеновны). Должно быть, наверху. Здъсь нъту. (Ухо-

 $um_{\delta,j}$

Валентина. Въ чемъ вамъ каяться то? А. Шелковкинъ. Я одинъ во всемъ виноватъ. Я ваши деньги растрачивалъ. Маменька обманывала васъ для меня. Изъ-за меня же она хотъла оставить васъ въ монастыръ. Не могъ я выносить, чтобы вы жили со мной подъ одной крышей. Думалъ, что легче мнъ будетъ, коли съ глазъ долой,—совъсть меня мучила. Всякими неправдами и хитростями гналъ я ее изъ своего сердца. И на васъ же, ни въ чемъ неповинной, вымещалъ. Простите, Христа ради. Я не смъю и смотръть на васъ.

Валентина. Вы? Алексъй Осипычъ?! (Съ силой.) И все это изъ-за денегъ! Все изъ-за нихъ?! Собрать бы мнъ всъ, ка-кія у меня остались, да снести — вонътамъ у насъ на горъ дътская больница— часто бълье сжигаютъ — и бросить въ огонь, вмъстъ съ заразой! Тогда всъмъ

намь стало бы легче.

Входять Варвара Гермогеновна, И. Шелковнинъ, Лидія Михайловна и Анна Ефимовна.

Варвара Гермогеновна. А по моему, надъть на васъ бълыя рубахи, да свезти обоихъ вмъстъ въ желтый домъ, самое върное средство.

А. Шелковкинъ. Маменька!

Варвара Гермогеновна. Да что тамъ маменька! Не маменька я тебъ, ежели ты будешь безумствовать. Жену чуть не задушиль — какого еще добра дожидаться оть тебя.

 А. Шелковкинъ (указывая на Валентину.) Да вы посмотрите на нее хорошенько:

въдь кровинки въ лицъ не видно.

Варвара Гермогеновна. Молчи, Алексъй! А. Шелковкинъ. А сынъ то вашъ, родной сынъ до какого состоянія дошелъ! Чуть не загубилъ живую душу. Валентина Герасимовна! Сдълайте вы намъ такую милость. Отдайте вашему братцу все, что у васъ осталось. А коли онъ потребуетъ отчета, — не жалъйте вы насъ. Не для того я покаялся, чтобъ бъжать отъ отвътственности, а можетъ быть, совсъмъ напротивъ.

Варвара Гермогеновна. Что - жъ, Валя. Послушайся твоего новаго совътчика. Вели готовить отчеты для твоего братца. Воть онъ Игнатій. Приказывай. Доканай

старуху.

Валентина. Знаешь что, тетя? Я тебь всю истипу скажу. Никогда во мив не было злобы, а теперь такое паходить, что даже подумать страшно. Не то, что въгрых канться, какъ воть Алексъй Осиповичь, а передъ гръхомъ бы во всъхъ своихъ добрыхъ дълахъ покаялась. А только мив тебя еще жалко. Такъ дълай, что хочешь. Я слова не скажу. (Уходить.)

Варвара Гермогеновна. Слышишь, Алексый? Вотъ тебъ мой приказъ: не смъй

вмъшиваться не въ свои дъла.

А. Шелновкинъ. Вотъ какъ? Ваша воля. Извольте, я мъщать вамъ не стану ии въ чемъ. А только знайте, чтояотъ своей прежней жизни камия на камив не оставлю. Ин на какіе соблазны я больше не пойду. Довольно мив и той мерзости, какую я пережилъ. Такъ и женъ моей скажите. Слышинь, Лидія? Ты бросить мевя объщалась, такъ сдълай одолженіе, бросай,

коли подлая жизнь больше теб'ь по душь. А и теперешнее свое благородное чувство не отдамъ не только что ни за какіе милліоны, а хоть бы и за твою настоящую любовь! (Хочеть идти.)

И. Шелковнинъ. Молодецъ, Алешка! Стой, не уходи. Молодецъ! Молодчинвице! Теперь человъкомъ станешь. Погоди, вмъстъ пойдемъ. Вотъ только новую довъренность изорву. Видете, тетенька? (Раетъ бумагу, съ которого пришелъ.) Такъ вотъ ее, фальпивую! Такъ? Въ клочья! И въ печку! (Бросаетъ въ печку.) Пойдемъ, Алексъй. Я тебя научу, что дълать. (Уходитъ съ пимъ.)

Варвара Гермогеновна (съ недоумъніеми смотрить ему въ слыдь).

Лидія Михайловна. Господп! Какая я несчастпая! (Въ слезаить, садится у окна).

ЧЕТВЕРТОЕ ДЪЙСТВІЕ.

Въ окно бъють лучи солнца. Часы показывають около четырскь. На столь остатки обыда.

Лидія Михайловна сидить въ слезахъи, опершись на подоконникъ, смотрить въ окно. Мотя прибираетъ со стола.

Анна Ефимовна еще дожевывая что то,

помогаеть ей.

Анна Ефимовна. Нечего сказать, пообъдали. Полтора года ждала я этого дия, соскучилась по домашией пищь—и вотътебъ. Кое-какъ да кое-что. Лидія Михайловна! Вамъ не оставить ли чего-пибудь? Можетъ, потомъ нокушаете?

Лидія Михайловна. Ахъ, пупсикъ, не прп-

ставайте ко мив, пожалуйста.

Анна Ефимовна. Ну, пу, не буду. Инкогда я не знала, что значить хандрить, а воть привелось.

Лидія Михайловна. Хороша хандра! Уплетала за объщеки. (Искоса взглянувъ.) И

теперь еще жуетъ.

Анна Ефимовна. Я одно съ другимъ не смъщиваю. Хандра сама по себъ, а апетить самъ по себъ.

Мотя (взилинувъ въ окно). Игнатій Алеисапдровичь б'яжить. (Уходить въ передиюю.)

Лидія Михайловна (достаєть изь кармана складное зеркальне и смотрится вы нею). Глаза красные, заплаканные. Туть съ вами въ два года состаръепься. Пупенкъ, нътъ ли у васъ пудры? Анна Ефимовна. У насъ пудра! Пе смъшите, Лидія Михайловна.

Лидія Михайловна. Я и забыла, что здівсь

медивжым берлога.

Анна Ефимовна. Да и на что вамъ? Вамъ такъ идетъ съ заплаканными глазами.

Лидія Михайловна. Разв'ь? (Смотрится во зеркало.)

Анна Ефимовна. Весь объдъ смотръла на васъ и думяла объ этомъ. И когда вы будете собираться на балъ, непремъвно свачала поплачьте. Глаза пухленькіе, славненькіе.

Лидія Михайловна (прячеть зеркало). Ахъ, да для кого мив следить за собой! Разв'ь тутъ кто-нибудь можеть оцепить!

Входит И. Шелковкинъ (съ портфелемъ), за шмъ Мотя. (Она нъсколько разг уходитг съ посудой и возгращастся.)

И. Шелковкинъ. Уже отобъдали? Анна Ефимовна. Почти что.

И. Шелковнинъ. Валептина Герасимовна кушала что-нибудь?

Анна Ефимовна. Даже и не выходила. Лидія Михайловна. Пупсикъ, не гремите посудой. Всъ нервы издергали.

И. Шелновнинъ (Лидіи). А вы что тутъ

дълаете?

Лидія Михайловна. Я вамъ мізінаю? И. Шелковкинъ. Немножко. Лидія Михайловна. Куда жъ мнъ прикажете дъваться? Я наверхъ не пойду.

И. Шелковкинъ. И ночевать тутъ будете?

Лидія Михайловна. И диевать, и ночевать, и ъсть вмъсть съ маменькой постное по середамъ и пятищамъ и цълые дни плакать, пока пе придумаю, какъмив вырваться изъ этого дома дикарей и уродовъ.

И. Шелковкинъ. Да, дикій человъкъ-

Алексъй, дикій.

Лидія Михайловна. По моему, лучше мо-

шенникъ да цивилизованный.

И. Шелковкинъ. Такъ-съ! Вы собственно чего же хотите? Помириться съ мужемъ?

Лидія Михайловна. Чего я хочу? Я хочу вхать въ Крымъ. А что нужно для этого — помириться съ нимъ, или совствъ развестись— мит рашительно все равно.

И. Шелновнинъ. Только то! Такъ знаете, что я вамъ посовътую. Устройте-ка сейчасъ великолъпный объдъ и, когда Кочевниковъ пріъдетъ, пригласите его съженой откушать.

Лидія Михайловна. Что же изъ этого

выйдеть?

И. Шелковкинъ. Кто знаеть! Опи страшные богачи и любять уваженіе. Коли вы сумьсте очаровать ихъ своимъ обращеніемъ, такъ можетъ они п сами махнутъ въ Крымъ и васъ возъмутъ съ собой. Еще будутъ гордиться передъ людьми вашей образованностью. Попробуйте только очаровать.

Лидія Михайловна (преображаясь). Ну, зпасте, я здівсь до того отупівла, что даже такая блестящая мысль не пришла мнів въ голову. Чего-жъ я кисну? Віздь я могу подружиться съ шим. И очень.

 И. Шелковкинъ. Я и говорю. Только вы осторожите. Чтобъ опъ не влюбился въ

васъ. А то жена приревнуеть.

Лидія Михайловна. Очень мп'в пужна его влюбленность! Мн'в падо, чтобъ они оба одинаково полюбили меня, какъ родственницу. Глупая! Сколько времени потеряла даромъ. Ничего! Усп'вю. У пасъ, кстати, сегодня вечеръ. Я накупила множество закусокъ. Я имъ покажу, какъ надо тратить леньги. Пупсикъ! Душечка! Вы нечего пе понимаете?

Анна Ефимовна (все время слушала ихъ; съ тирелками въ рукъ, мотает головой).

Пичего не понимаю.

Лидія Михайловна. И не падо вамъ попимать. Вы мнѣ только помогите. Сію мипуту обо всемъ распоряжусь. Мегсі, Игнатій Александровичъ. Дивная мысль. Только... какъ же мнѣ быть? Я все истратила. Дайто мнѣ рублей сто. И. Шелковкинъ. Вы съ ума сошли. Лидія Михайловна. Да вёдь падо купить шампанскаго.

И. Шелковкинъ. А вы такъ устройте, чтобъ Кочевниковъ самъ и заплатилъ за объдъ.

Лидія Михайловна (нетерпъливо). Ну, хорошо, дайте сколько можете.

И. Шелковкинъ. Да я пе знаю... Ну, пять рублей дамъ.

Лидія Михайловна. Фуй!

И. Шелковкинъ. Ну десять, а больше

не могу, хоть разказните.

Лидія Михайловна. Ничего не надо. Я въ долгъ возьму. Ну, пупсикъ, идемте. Вы правду говорите, что мнв идутъ заплаканные глаза?

Анна Ефимовна. Честное же слово!

Лидія Михайловна. Такъ я над'вну парижское платье. Ахъ, какая дивная мысль! Скоръе, нупсикъ! (Уходитъ.)

Анна Ефимовна. Сейчасъ, только прибе-

ру. Ну, Мотя! Живъе ворочайся.

И. Шелковкинъ. Ну, слава Богу, одну спровадилъ. Анна Ефимовиа! Попросите ко мив Валентину Герасимовиу, а сами уходите.

Входить Варвара Гермогеновна (въ черномъ иолковомъ платыт).

Варвара Гермогеновна. Мотя! Сбъгай-ка мнъ за извощикомъ.

Мотя. Сейчасъ. Поди утрешній тутъ стоптъ. Завсегда ждетъ, пе поъдетс ли. (Убъгаетъ.)

И. Шелковкинъ (съ удивленіемъ). Куда это вы, тетепька?

Варвара Гермогеновна. Поъду къ генеральшъ. Объщала сегодия сама быть за деньгами, да что то пе ъдеть. Попроину ее свезти меня къ самому его превосходительству, да потолкую съ нимъ.

И. Шелковкинъ. Анна Ефимовна! Вый-

дите ко отсюда.

Анна Ефимовна (осторожно уходить въ корридорь и притворяеть за собой дверь).

И. Шелковкинъ. Тетенька! Вотъ что-съ: никуда вы не поъдете.

Варвара Гермогеновна. То есть какъ же

это не поъду.

И. Шелковкинъ. Такъ. Сидите дома. Глупости затъваете, скандалъ.

Варвара Гермогеновна. Да ты, пикакъ, ошалълъ совсъмъ!

Мотя вбыгаеть, запыхавшись.

Мотя. Готовъ извощикъ. Тотъ самый.

Варвара Гермогеновна. Хорошо. Давай нальто и калонии. (Хочеть идти)

Мотя (уходить въ перединно).

И. Шелковкинъ. Тетенька! Слушайте меня. Ежели вы вывдете за ворота, я сейчасъ же следомъ за вами къ прокурору.

Варвара Гермогеновна. Къ прокурору?

Зачемъ же къ прокурору?

И. Шелковкинъ. А вотъ прібду къ нему и скажу: арестуйте мевя, -я растратилъ весь капиталъ Валентины Герасимовны Кочевниковой, весь до последней копейки.

Варвара Гермогеновна (мишеть на него руками). Что ты, что ты! Спятилъ, что ли?

И. Шелковкинъ. Я вамъ даю мое честное слово, что такъ и сдълаю. Слышите? Честное слово далъ.

Варвара Гермогеновна. Да что ты, Игнаша, совсъмъ рехнулся? Да ну тебя совсъмъ! (Ildema.)

И. Щелновнинъ (тоже идеть). Какъ

вамъ угодно.

Варвара Гермогеновна (останавливается).

Ты куда? И. Шелковкинъ (тоже останавливается).

Куда сказалъ.

Варвара Гермогеновна (вскриживая). Да кто-жъ тебь повъритъ, что ты растратилъ этакую прорву денегъ? Не говори глуностей.

И. Шелковкинъ. Отчего-жъ не повършть! На бирж в заигрался. По стопамъ Алеши пошелъ. Опъ взилъ часть, а я остальное. Алеша покаялся передъ Валентиной Герасимовной, а я передъ самимъ прокуроромъ.

Варвара Гермогеновна. Онъ меня съ ума сведеть. Говори толкомь. Зачемъ тебе

нужно, чтобъ я никуда не вздила? И. Шелковкинъ. Современемъ все узнаете. Варвара Гермогеновна. Ну, да! Стану я дожидаться. (Идеть, видить, что Игна-

тій также идеть за нею, и останавливается.). Игнанка!

И. Шелковкинъ. Благословите замъсто матушки. Да и сына приготовьте. Прокуроръ, конечно, сейчасъ же велить арестовать меня.

Варвара Гермогеновна (опускаясь стуль). Отцы родные! Задурманилъ опъ меня. Словно приросла къ мъсту.

Мотя. Пожалуйте же, Варвара Гермо-

геповна.

Варвара Гермогеновна. Пошла ты вонъ! Чеготы тутъ вертинься? Ступай совстыв.

Мотя (ст недоу изынемь уходить въ корpudopa).

Варвара Гермогеновна. Ну, хорошо. Ну, вогь я не повхала. Что же дальше будеть?

И. Шелковкинъ. Извольте уйти въ свою комнатку и дожидайтесь вашей очереди.

Варвара Гермогеновна (инкоторое время смотрить на него, потомь быстро встасть, подходить къ корридору и кричить). Валя! Валентина! Иди сюда скоръе.

И. Шелковкинъ. Это зачемъ же съ?

Варвара Гермогеновна (возвращаясь). А чуется мив, голубчикъ, что въ твоихъ словахъ ежели и не все правда, такъ на половину есть. Не даромъ слышу - лъзетъ человъкъ въ гору не по днямъ, а по часамъ. А это онъ вонъ на какія деньги.

Входить Валентина.

Варвара Гермогеновна. Валя! Слышишь. что онъ говоритъ? Будто-бы растратилъ всь твои деньги до копыки. Допытывай его, правда-ли.

Валентина. Милый? Какъже это вы такъ? Варвара Гермогеновна. Ну, не блаженная ли! Ей говорять, что опь ее ограбиль, а

она его милымъ зоветъ.

Влодить Анна Ефимовна.

Анна Ефимовна. Варвара Гермогеновна!

Вы не повдете?

Варвара Гермогеновна. Ступайте, ненька. (Вслюда.) Да не подслушивать у меня.

Анна Ефимовна (уходита).

Варвара Гермогеновна. Ну, говори. Да что-жъ ты стоишь какъ соляной столбъ? Говори. Да скажень ты хоть слово?

И. Шелковкинъ (упрямо молчить).

Варвара Гермогеновна. А? Не угодно ли, вдругь замолчалъ! Въдь ежели ты безъ моего в'ядома р'вшился на такую мерзость, такъ я тебя прокляну? Слышишь, прокляну? Ну, говори. Молчитъ, да и поди-жъ ты. Ну, голубчикъ, Игнаша! Погляди, какъ старуха убивается. Пожальй хоть мою съдину. Признайся, что запугалъ. А? Тьфу, окаянный. Окаянный ты, слышинь?

И. Шелковкинъ. Пу, и здоровы жъ вы

ругаться тетенька.

Варвара Гермогеновна. Да какой изъ этого толкъ, что я тебя ругаю?

И. Шелковкинъ. Я про то и говорю, что

никакого.

Варвара Гермогеновна. (Валентинть). Ты

чего улыбаешься?

Валентина. Незнаю, тетя. Должно быть, я и впрямь полоумная. Только ми в все начинаетъ становиться смъшно.

Варвара Гермогеновна. Тыфу! Пропади вы всь пропадомъ. Поди-ка вотъ разгадай что-нибудь по его лицу, -правду говорить или выдумаль. И какъ это я, отарая, отдала ему въ руки капиталь! Ума ръшилась. Самое себя миъ казвить! Замытарили меня въ конець. Что же я теперь буду дълать? Ну, не поъхала я, не поъхала, видишь. Радуйся. Посмотримъ, что ты затъяль. Изволь, хоть запирай на ключъ. (Уходить.)

И. Шелновкинъ. Ну, и другую угомо-

нилъ.

В годить Анна Ефимовна.

И. Шелновнинъ. Вамъ чего? Все-таки подслушивали? Что же это такое? Нельзя двухъ словъ сказать по секрету?

Анна Ефимовна. И не думала подслуши-

вать, что вы кричите.

И. Шелковкинъ. Что же вамъ пужно?

Анна Ефимовна. Я сейчасъ получила письмо отъ сыпа. Бъдному очень нужно двъсти рублей. Въдь вы еще не успъли положить мои въ банкъ?

И. Шелковкинъ. Ивтъ еще.

Анна Ефимовна. Такъ дайте мнъ ихъ, пожалуйста.

И. Шелковкинъ. Пекогда мнѣ, послѣ. Анна Ефимовна. Какъ же некогда? Вы пичего пе дѣлаете.

И. Шелковкинъ. Отстаньте отъ меня,

пожалуйста.

Анна Ефимовна. Какъ отстаньте? Вотъ тебъ и разъ. Убъдительно васъ прошу, отдайте мои деньги. Я ихъ заработала своимъ трудомъ.

И. Шелковкинъ. Ну, какимъ трудомъ? Какой у васъ трудъ? Лебезить передъ богатой дъвучнкой да класть земные ноклоны?

Анна Ефимовна. Изваните. Я по совъсти живу, даромъ, что біздная. Я чужихъ денеть пе растрачиваю.

И. Шелковкинъ. Инць! А говоритъ—не подслупинала. Идите къ Лидіп Михай-

ловив. Она васъ дожидается.

Анна Ефимовна. Да въдь вамъ ппчего не стоитъ...

И. Шелковкинъ. Уходите, говорятъ вамъ! Анна Ефимовна. Тол вковынуть да отдать.

И. Шелковнинъ. Если сейчасъ не уйдете или будете подслушивать,—пикогда пе отдамъ вамихъ денегъ. Поняли?

Анна Ефимовна (быстро уходитг на-

верхд).

И. Шелковнинъ. Даже обидно, какъ скоро новърили. Валентина Герасимовиа! Сейчасъ я получилъ письмо отъ вашего брата. Потрудитесь выслушать: «Милостивый Государь! Требованіе отчета по капиталу моей сестры можетъ показаться, такъ сказать, превышеніемъ моихъ правъ. Но убъдив-

шись лично...» — извините, Валентина Герасимовна, - « ... убъдившись лично въ бользиенномъ психозъ сестры, я не сомивваюсь и въ эксплоатаціи онаго съ корыствыми цълями. Поэтому предупреждаю васъ, что всякое преиятствіе съ вашей стороны, содъянное противъ раскрытія злоунотреблевій, навлечеть подозрѣнія и на васъ самихъ. Я буду въ домъ сестры къ четыремъ часамъ. Надъюсь, что меня не заставить прибъгать къ высшимъ инстанціямъ». - Алеша признался вамъ во всемъ, стало быть, понимаете, что Николай Герасимовичъ угрожаетъ уголовнымъ пресл'єдованіемъ тетсньку и Алексія. А вотъ-съ мой отчеть. Задерживать его я пе могу. Мий въ такилъ дълахъ путаться не приходится. Тутъ ужъ затропуто мое личное достоинство.

Валентина. Такъ... я пе знаю... ну, пусть онъ доказываетъ, что я больная. Пусть созоветъ врачей. Господп! (Закрываетъ мицо руками.) Пу. да инчего! Въдь если обпаружится, что я здорова, такъ ни тетъ, ни Алексъю Осиповичу пичего не будетъ? Такъ?

и. Шелновнинъ. Коли по Владиміркъ ше пойдутъ, такъ и то сраму на всю

жизик достаточно.

Валентина. Голубчикъ, Игнатій Але-

ксандровичъ! Какъ же быть?

И. Шелновнинъ (не глядя на нее). Кабы вы... замужъ вышли. Да-съ. Братцу ва-шему и дълать здъсь больше нечего. «Гдъ деньги?» — «Мужу отдаю». Только чтобъ у этого человъка не было къ вамъ корысти или хитрости, а одно сильцое желате взять васъ отсюда, изъ этого мрака, и предоставить полный покой, какого вы заслуживаете.

Валентина (вспугнута). Что это вы? За-

чізя вы такъ говорите?

И. Шелковкинъ. И чтобъ онъ презпралъ всякую внъшность такъ же, какъ и вы, а цъппаъ только впутреннюю красоту. Не въ роскопи, не на-людяхъ искалъ радостей, а въ тихомъ душевпомъ спо-койствін.

Валентина. Н'втъ, не надо, Игнатій

Александровичъ. Довольно.

И. Шелковнинъ (увлекаясь). А вышли бы вы замужъ за человъка съ положеніемъ, кто посмълъ бы болтать про васъ всякія глупости, вродъ какъ вогъ "болъзненный пенхозъ". Всъ сплетии разомъ бы прекратились. А коли и вашлись бы еще негодяв болтуны, такъ не извольте безпоконться—съ такими расправа коротка: одного въ ухо, другого въ зубы—живо бы замолчали.

Валентина. Нътъ, голубчикъ, перестаньте не надо.

И. Шелновнинъ. Какъ же вамъ иначе жить-то? Ну, растолкуйте миъ. Пеужто вы еще останетесь въ этомъ домъ, съ тетенькой Варварой Гермогеновной?

Валентина. Н. втъ, пътъ.

И. Шелковкинъ. Куда жъ вы пойдете? И то скоро мальчишки будутъ бъгать за вами да гикать, а старухи искать отъ васъ пророчества, какъ отъ юродивой.

Валентина. Найду свою дорогу. Живая

въ гробъ не лягу.

И. Шелковкинъ. Да въдь смотръть тяжко, какъ люди мытарять васъ. Задали вы себъ такую задачу... Кто достоинъ вашей жалости, который бъдиякъ настоящи — гдъ же разобраться въ этомъ вашему сердечку одинокому, непонятому? Спросите меня, сколько я передумалъ о васъ въ моемъ одиночествъ, мечталъ помочь вамъ своимъ опытомъ. Не говорилъ, потому что тетенька хотъла опредълить васъ въ монастырь. Такъ ждалъ, какъ вы сами отнесетесь.

Валентина. Стало быть, паша женская доля такая: либо въ монастырь, либо замужъ за перваго, кто поманилъ? И потому, что я растерялась, какъ жить по совъсти, потому что я—дъвушка въ годахъ—вы и ръшили мою судьбу?

И. Шелковкинъ. Не потому-съ, а любя

васъ всей душой!

Валентина. Почемъ я знаю! Можетъ быть, вамъ вовсе не я нужна.

И. Шелковкинъ. А что же? Деньги ваши

Валентина (молчить).

И. Шелковкинъ (сильно обиженный). Валентина Герасимовна! Господь одарилъ васъсамымъ св'ытлымъ своимъ чувствомъ— жалостью, такъ берегите его. Не нопускайте злоб'я брать надъ вами верхъ. Да если бы эти ст'ыны им'ыли языкъ и уши, оп'ь бы разсказали вамъ, сколько разъ я бранился изъ за васъ съ родными. И ужъ сжели бы я искалъ доходиую статью черезъ женитьбу, такъ нашелъ бы кого похуже, а васъ не посм'ылъ бы конфузить своимъ предложеніемъ.

Валентина. Я не хотъла васъ обидъть. И. Шелковкинъ. Кончимъ нашъ разговоръ. Извините, что п началъ-то. Минута такая подошла, а то бы мои мечты на-

всегда при мив и остались бы.

Входить А. Шелновнинъ.

И. Шелковкинъ. А, Алеша! Ну, что? засталъ дома?

А. Шелковкинъ. Засталъ. Спасибо тебъ, Игнатій. Дали хорошее комиссіонное по-

ручея по хлончатому д'ыу. Въ Туркестанъ. Поди жъ ты, какое совнадение: сегодня маменька точно напророчила, про Туркестанъ, то-есть.

И. Шелковкинъ. Погоди-ка радоваться. Спачала разсчитайся за старые гръхи. Можеть, и придется тебі вхать, да только въ міста... не столь отдаленныя. Ужь извини, родной. И радъ бы выручить, да не умію. Сейчась явится Николай Герасимовичь, съ нимъ и толкуй. Я къ твоей матери пройду. Надо ее приготовить. (Уходить.)

А. Шелковкинъ (посмотрълг ему вслъдг, потоль на Валентину и, понуря голову,

дълает г нъсколько шаговъ).

Валентина. Вы меня теперь возненавидите?

А. Шелковкинъ. За что?

Валентина. Возненавидите — я знаю. Ну, скажите по совъсти.

А. Шелковкинъ. Изтъ, Валентипа Герасимовпа, пе то. А и таптъси отъ васъ не стапу. Когда и каялся тутъ имиче передъ вами, у меня было такое чувство, что кажется только одного и хотълъ—поплатиться за прежиюю жизпь. А потомъ, какъ побывалъ в отъ у этого фабриканта, да поговорилъ съ Игнатіемъ, —такъ захотълось повой жизии, трудовой... И чтобъ ужъ все прошло, что было до сихъ поръ, все!

Валентина. Если бы я могла вдругь пропасть! Воть какъ марево—покажется и печезиеть! Какъ будто ин меня, ни денегь моихъ инкогда и не было! А вы не бойтесь, Алексъй Оспиовичъ. Я васъ пе подведу. Кого жъ мнъ и выручать, коли не васъ.

А. Шелковкинъ. Какимъ образомъ?

Входить И. Шелковкинъ.

И. Шелковкинъ (*Тревожно*). Поди къ матери. Ей нехорошо. Мотя, Мотя! Анпа Ефимовна!

А. Шелковкинъ (быстро уходить).

Валентина. Что съ тетей? (Хочеть идти). И. Шелковкинъ. Останьтесь, Валентина Герасимовна. Вамъ будетъ пепріятно.

Входить Мотя.

Мотя. Звали?

 И. Шелновнинъ. Поди къ Варваръ Гермогеновиъ.

Мотя (Уходить).

Валентина. Пускай брать береть всв мои деньги! Слышите? Отдайте ему все, что у меня осталось. Совсвмъ! Въдь этому конца не будетъ!

И. Шелковкинъ. Какъ: Стало быть, чтобъ

вы лишились встав правъ надъ вашимъ капиталомъ?

Валентина. Не нуженъ опъ мив! На что? Ну, скажите, на что, коли кремь горя я инчего не видъла отъ него?

И. Шелковкинъ. Позвольте, Валентина Герасимовна. В врите ли вы, пътъ ли, что л челов'якъ не корыстиый, — это ваше дьло, а только я вамъ вотъ что скажу. Ежели васъ до сихъ поръ считали больной, такъ я всегда спориять, а въ этакомъ случав – извините меня – и я весьма буду удивленъ.

Валентина. Что же мив дълать?

И. Шелковкинъ. Жертвовать съ разсчетомъ да умомъ, - извините. Что вы съ тетенькой д'влали до сихъпоръ? Она жертвовала ради сустнаго тщеславія, а выдовърялись ей, да раздавали, кому попадется. На всякаго тунеядда не напасешься, а ищите такихъ, которые трудятся въ потъ лица всю свою жизпь. Вотъ когда надъ такимъ челов'вкомъ разразится гроза, налетить на него бъда, - тогда идите къ нему съ вашимъ утвиениемъ. Дайте бъдняку не денегъ, а работу. Выдумайте ее, да сами потрудитесь: своимъ личнымътрудомъ, да наблюденіемъ жертвуйте. Забольль онъ, подите къ нему. Отдайте ему ваше время. А сытыхъ тунелдцевъ, лгуновъ да завистниковъ гоните прочь отъ себя. Ипаче всл-то ваша жалость прахомъ пойдеть, какъ до сихъ поръ! Вы вотъ меня въ корысти заподозрили, а я, - какъ на духу говорю вамъ, - больше всего думалъ о вашемъ спокойствін.

Звонокъ.

И. Шелковнинъ. Должно быть, Инколай Герасимовичь. (Заплящие вт окно.) Онъ и есть.

Мотя пробываеть въ перединою.

И. Шелновнинъ. Не спъщите съ ръщеніемъ, Валевтина Герасимовна. Можетъ, это и очень высоко, что вы хотите сд'ьлать, да только нользы-то оть этого будетъ мало.

Входять Варвара Гермогеновна и А. Шелковкинъ.

Варвара Гермогеновна. Ну, да ладно! Посмотрю я, кто посм'веть нальцемъ дотропуться до меня, либо до Алеши.

И. Шелковкинъ. А! Не унываете, те-

Варвара Гермогеновна. Н'втъ, голубчикъ. Имъ тоже не поздоровится. Да ежели они посмъютъ опозорить мою съдую голову, да подведутъ насъ подъ судъ, такъ я

всю ихнюю жизнь покажу людимъ, какъ на ладони. И живыхъ и мертвыхъ не забуду. Пускай только попробують поставить меня передъ судомъ, я тамъ такое наразскажу всему свъту, что и внуки ихне будутъ еще помнить. Что, можетъ, и закономъ не усмотръно, а хуже всякаго беззаконія. Гръшна я, да мон-то гръхи добродътелью покажутся передъ яхнями.

Входять Кочевниковь и Елена Ивановна. Мотя уходить.

Кочевниновъ (входя). Ну, и городишко у васъ. Никакихъ историческихъ достопримъчательностей!

Варвара Гермогеновна (како бы про себя, но громко). Подойди къ зеркалу, такъ и

увидишь достоприм'вчательность.

Кочевниновъ (едва взглянувъ на нес). Думаль найти намятникь, либо развалины отъ татарскаго нашествія. Говорю извозчику, -показывай намъ ваши достоприм'в чательности. А онъ возитъ по городу и говоритъ: вотъ, баринъ, нашъ острогъ, а вотъ земская управа, а то холерные бараки. Удивительно. Ну, сестра! Желательно мн. в поскоръе окончить наше дъло. Игнатій Александровичь! Вы изволили приготовить отчетъ?

И Шелновкинъ. Отчетъ сданъ мною довърительницъ. У меня осталась полная довъренность Валентины Герасимовны на имя тетеньки. (Береть шляпу и хочеть udmu.)

Валентина. Погодите, Игнатій Александровичь. (Тихо.) Не бросайте меня.

И. Шелковнинъ (крипко жмето ея руку и кладетъ шляну на прежнее мъсто). Кочевниковъ. Что жъ ты молчишь, се-

стра? Говори, какъ ты ръшила?

Валентина. Я замужъ пойду, братедъ. Кочевниновъ. Замужъ? За кого?

Валентина. Вотъ за Игнатія Алексапдровича.

Варвара Гермогеновна (встала). — Валичка! Ты-замужъ?!

И. Шелковнинъ (строго). - Тетенька!

А. Шелковкинъ (тихо). Валентина Герасимовна! Зачъмъ это? Коли для того, чтобы меня спасти, такъ не насилуйто-

Варвара Гермогеновна. Алексъй! Оставь.. Пусть живетъ, какъ знаетъ.

А. Шелковнинъ (отходить).

Кочевниновъ. Да куда жъ тебъ замужъ, такой-то?

И. Шелновнинъ. Позвольте-съ! Какой это "такой"? Вы изволили слышать, за кого Валентина Герасимовна выходять.

А ужь я сумвю защитить си репутацію даже отъ родного брата. Такъ и зпайте. Коли вамъ угодно судиться изъ-за канитала, такъ сдълайте одолженіе, а обидъть—извините, Николай Герасимовичь, — волоска на ихъ головъ не дамъ.

Кочевниковъ. Н'єть, что-жь судиться! Замужь — это ужь совсемь другой обо-

ротъ дълу.

Елена Ивановна. Конечно. Вёдь все вышло по нашему. И всегда такъ кончается. Только лишніе разговоры. Теперь сестрица, навърное, будеть и одъваться, какъ слъдуеть, и бросить возиться съ бъдными. Потому скажемъ такъ: мужу иришла фантазія приласкать васъ, а вы въ это время съ разными нищими. Пока вы умоетесь, а онъ ужъ и остылъ. Правда, Коля?

Кочевниковъ. Такъ-тотакъ, а ми в, сестра, досадно, что ты выходишь замужъ. Жена—дъло самое обыкновенное, а въ тебъ было что-то величественное, упримство это.

Варвара Гермогеновна. Вотъ такъ! Да не ты ли думалъ преслъдовать се опекой.

Ночевниковъ. Одно другому не пом'вшаетъ. Это было хорошо, что она несла врестъ за вс'ъхъ насъ. Можетъ, мы бы насильничали, а она бы терита. И называется это искупленіемъ. Потому когда въ семь'в одми наживаются да пользуются жизнью, а другіе за нихъ страдаютъ, тогда есть равнов'ьсіе. И у пасъ оно было, а теперь словно нарушело. Досадно!

Входять Лидія Михайловна и Анна Ефимовна.

Лидія Михайловна. Маменька! Если дорогіе гости хотять закусить, — у меня все готово.

И. Шелковнинъ. Николай Герасимовичъ!
 Елена Ивановна! Жена Алсксъя — Лидія Михайловна.

Лидія Михайловна (ез очаровательной улыбкой). Чрезвычайно рада нознакомиться. Не откажите откушать съ нами.

Ночевниковъ. Очень пріятно. Можетъ, и шампанское найдется? Надо поздравить жениха съ невъстой (Укизавъ на сестру и И. Шелковкина).

Лидія Михайловна. А! Поздравляю. (Ти-

хо смиется). Сколько угодно.

Анна Ефимовна: Какъ? Ръшено?

Варвара Гермогеновна. Ръшено? Да раз-

въ вы что знали?

Анна Ефимовна. Да я этого жду съ самаго перваго дня, какъ поселилась у васъ. Я человъка, который хочетъ жениться, за версту угадаю.

Вбигаеть Мотя.

Мотя. Варвара Гермогеновна! Варвара Гермогеновна! Сама прівхала. Лакся прислала изъ кареты.

Варвара Гермогеновна. Кто сама? Что

ты болтаешь?

Мотя. Сама генеральша. (Убъщаеть съ

передиюю.)

Варвара Гермогеновна. А! Что жъ мнъ дълать-то? Игнатій! Ты приготовиль двъ тысячи?

И. Шелковкинъ. А говорили три!

Варвара Гермогеновна. Ну, Игнашка! Некогда мив только разговаривать съ тобою. Аниенька! Бъгите, встрвчайте. (Аниа Ефиловна уходить.) Николашенька! Елена Ивановна! Я васъ сейчасъ познакомлю съ матушкой нашего губернатора, съ генеральшей.

Кочевниковъ. Стало быть, готовить день-

ги? Сколько прикажете?

Елена Ивановна. Я очень рада познакомиться съ ел превосходительствомъ. И даже запишусь въ ел члены.

Варвара Гермогеновна. Надовамъ жертво-

вать, милые мои, надо.

Кочевниковъ. Для искупленія. Подъ такой

рубрикой и счетъ отпроемъ.

Лидія Михайловна. Пожалуйте кушать. Маменька, просите ея превосходительство къ намъ на верхъ! Alexis! Ты съ нами?

А. Шелковкинъ. Пътъ. (Идета ва кор-

ридорь).

Лидія Михайловна. Алексьй!

А. Шелновкинъ (послъ нъкотораю колебанія, ръшительно). Нътъ. (Уходить.)

Лидія Михайловна (Кочевниковымь). Пожалуйте. Если бы вы знали, какъ мнъ хочется подружиться съ вами.

насътакая прелестная родственница! (Всп

идуть въ передиюю.)

Лидія Михайловна (уходя). Валичка: Приходите паверхъ, будемъ пить за ваше здоровье шампанское.

Валентина (остается на мњетњ, по-

давленная и сконфуженная).

И. Шелковкинъ (подходить). Что съ вами? Валентина. Такъ тяжко мив не было еще инкогда въ жизни. Словно я убила кого-то здъсь, въ себъ самой. (Съ рыданиемъ.) Голубчикъ Игнатій Александровичь! Научите какъ жить но совъсти, а то я и впрямь сойду съ ума.

И. Шелковкинъ. Върьте моей клятвъ, всю жизнь положу, чтобы сдълать васъ

счастливой (Цълуетъ ся руку.)

ИЗДАНІЕ

ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ

С. О. Разсохина:

"СЦЕНА".

"Сцена" состоитъ исключительно изъ драматическихъ произведеній, драмъ, комедій, водевилей, шутокъ и фарсовъ, дозволенныхъ къ представленію драматическою цензурой и при томъ не требующихъ слишкомъ сложной постановки. "Сцена" выходитъ отдёльными выпусками, по одной пьесъ въ каждомъ выпускъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ ВЫПУСКОВЪ:

Выпускъ I. "Антонъ Горемика". Сцены въ 3 д., передвланы изъ повъсти Д. В. Григоровича того же названія В. А. Крыловымъ. Исполи. въ 1-й разъ на сценъ Императорскаго Александринскаго театра 1 ноября 1893 г.

Выпускъ II. "Не повмать— не воръ". Пословица въ 1 д. А. С. Суворина. Исполнена въ 1-й разъ на сцепъ Императорскаго Александринскаго театра, 23 поября 1893 г.

Выпускъ III. "Цыгавка Завда". Драма въ 4 д., соч. Гангофера и Марко Брусинсра, перев. Марв Ватсонъ. Исполнена въ 1-й разъ на сценъ Императорскаго Александринскаго театра, 19 октября 1893 г.

Выпускъ IV. "Наше дёте". Ком. въ 3 д. Генри І. Байрона, пер. съ англ. К. Ф. Лычагова. Пеполвена въ 1-й разъ па еценъ театра Ф. А. Корша, 19 ноября 1893 г.

Выпускъ V. "Сердце-Загадка". Ком. въ 3 д. Л. Иванова. Исполи. въ 1-й разъ на сцеп $\dot{\mathfrak{T}}$ театра Φ . А Корша, 21 января 1894 г.

Выпускъ VI. "Діана Форнари". Драма въ 4 л. В. II. Вуренина.

Выпускъ VII. "Ворьба за счастье". Драма въ 5 д. С. Ковалевскей и А. Леффлеръ, перев. съ тведскаго М. Лучицкой. Исполнена въ 1 разъ на сценъ театра Ф. А. Корша, 19 февраля 1894 г.

Выпускъ VIII. "Мармеладовъ". Сцена изъ романа О. М. Достоевскаго "Преступленіе и наказаніе" въ передълкъ В. Н. Андреева-Бурлака; съ фототипней артиста въ 7 позахъ Мармеладова. Къ представленію дозволена безуоловло. "Пранительств. Въстн.", № 99 стъ 5 ман 1891 г.

Выпускъ IX. "Саранчу гоняли". Сцены въ 2 д. И. М. Баранова. Къ представления дозволено. Петербургъ, 13 апръля 1894 г. № 1456.

Выпускъ Х. "Александра". Драма въ 4 д. Р. Фосса, автора драмы "Ева". Переводъ съ итмецкато С. Өедорова и Д. Мансфельда. Къ представлению дозволено. Петербургъ, 2 иоля, 1894 г. № 2272.

Выпускъ XI. "Мачеха предполагаетъ, падчерида располагаетъ". Оригинальная комедія въ 2 д. А. Рулева. Къ представленію дозволена. С.-Петербургъ, 12 сентября 1894 г., № 5265.

Выпускъ XII. "Нашла коса на камень". Комедія въ 3 д., передълка для русской сцены Ф. А. Корша. Къ представленію дозволена. С.-Петербургь, 15 августа 1894 г. № 4610.

Выпускъ XII. "Свиданіе". Комедія въ 1 д., съ польскаго, Л. К. М. (Людвигова).

Выпускъ XIV. "Деньщикъ подвелъ". Водевиль въ 1 д. С. И. Турбина.

Выпускъ XV. "Моторія одного женскаго сердца". Драма въ 4 д., соч. Вьеристіерна-Вьерисона, пер. М. Каривева.

Выпускъ XVI. "Въ штатскомъ". Водевиль въ 1 д. Кадельбурга, пер. съ измецкато Н. К.

Выпускъ XVII. "Тетка Чарка". Фарсъ въ 3 д. Б. Томаса, пер. съ измецкато Н. Коршъ.

Выпускъ XVIII. "Дачный женекъ". Картинка съ патуры въ 1 д.

Выпускъ XIX. "Цвёты просвіщенія". Комедія въ 3 д. В. Сикевича.

Выпускъ XX. "Каварданъ въ кузинальномъ магазинъ". Водевиль въ 1 д. С. Таиъева.

Последующіе выпуски (отъ 25-30) выйдуть въ светь по мерув постановки новыхъ пьесъ на сцепахъ столичныхъ театровъ.

Цъна 5 руб., съ нересылкою 6 руб., при выпискъ паложеннымъ платежомъ 6 руб. 50 коп. Отдъльно каждый выпускъ 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

литографированныя изданія

ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ

С. Ө. Разсожина,

вышедшія въ свътъ съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.

Аблакаты. Ком. въ 1 д. М. Владыкина и К. Тарновскаго. (Новое изд.). Ц. 2 р. Балакеревъ (Путъ прошлаго стольтія). Анек-

дот. представл. въ 5 д. и 6 карт. А. Максимова. Ц. 2 р.

Брачное гийздо. Ком. въ 3 д. перед. съ нъ-менк. А. Крюковскаго. Ц. 2 р. Въ русальный вечеръ. Картинка въ 1 д. М.

Ашебергъ. Ц. 1 р.
Гарря Дьяволь. Ком. въ 3 д. нерев. съ франц.
М. Каривева. Ц. 2 р.
Дворянокое гизадо. Драма въ 4 д. (изъ ром.
И. С. Тургенева). 11. Вейнберга. Ц. 2 р.

Депломать на взнанку. Оперетта въ 3 д. А. Иванова и І. Рутковскаго., муз. 1. Штрауса.

Дочь рынка. Оперетта въ 3 д. перев. съ франц. Г. Вальяно. (Новое изд.). И. 2 р. Дузль на жаворонкажь. Вод. иъ 1 д. перев. съ франц. С. Байкова. И. 1 р.

Жирофле-Жирофля. Оперетта въ 3 д. перев. съ пемецк. Г. Вальяно и А. Сергвевой. (Новое изд.). II. 2 р. Зелений оотровъ. Оперетта въ 3 д. перев съ

франц. Г. Вальяно. (Новое изд.). 11. 2 р. Золушка. Сказка въ 3 д. Л. Иванова. Ц. 2 р.

Капетанъ Королевской гвардів, ели Кастилія и Изабегла д'Ајамонтъ. Драма въ 5 д. І. Корженевскаго, пор. Л. К. М. (Людигова). Ц. 2 р. Флорендія. Оперетта въ 3 л. К. Ларина, муз. А. Вилинскаго. Ц. 2 р.

Королева и волитебница или Царство метаморфозъ. Феорія въ 5 д. П. Соколова-Жамсонъ. Ц. 2р.

Креслка или невъста изъ Гъзделуны. Оперетта въ 3 д. перев. съ франц. Г. Вальяно. Ц. 2 р. Легкая кавалерія. Оперетта въ 2 д. перев.

съ пъмед. Г. Вальяно. Ц. 2 р.

Лютть — прощаемъ. Ком. въ 3 д. перед. съ франц. Л. Иванова. Ц. 2 р. Мазепа. Историч. драма въ 5 д. съ пролог. въ стихахъ. А. Соколова. Ц. 2 р.

Малабарокая вдова или французы въ Квдіг. Оперетта въ 3 д. перов. съ франц. Г. Вальяно,

Ц. 2 р. Мартынъ-Рудовопъ (Obersteiger). Оперетта въ 3 д. перев. съ пъменк. Л. Иванова и К. Л. Ц. 2 р.

Метамя души. Сцены изъ поэмы Н. Гоголя. 1 и 2 часть. Ц. 2 р. каждой. Медліснеръ. Ком. въ 4 д. перед. съ польск. П. Соколова-Жамсонъ. Ц. 2 р.

Мука плашета, любовника чулока важета. Вод. въ 1 д. перед. съ франц. Н. Куликова. Ц. 1 р.

Наоледство золотопромышления. Ком. Шеридана въ 5 д. перед. для русск. сцены. А. Соколова. Ц. 2 р.

Въленькіх далки. Оперетта въ 1 д. перев. съ франц. М. Лентовскато. Ц. 1 р.

Обыкновенная которія оз малензили камбиенія мя. Ком. вод. въ 1 д. М. Лентовскаго. Ц. 1 р. Первая мужа. Ком.-шут. въ 3 д. В. Крылова п Величко. Ц. 2 р.

По резелен. Этюдъ въ 1 д. М. Кронивинцкаго. Ц. 76 к.
Пощечина. Ком. въ 1 д. К. Тарновскаго. Ц. 1 р.
Призрачний бранъ. Драма въ 3 д. нерев. съ

призрачный орань. Драма въ 3 д. нерев. съ франц М. Каривева. Ц. 2 р.
Примадена. Ком. въ 3 д. Д. Роветта, пер. Д. Мансфельда. Ц. 2 р.
Прест изъ Пакермо. Оперетта въ 3 д. перев. съ немец. С. Уколова и А. Паули. Ц. 2 р.
Пшэтъ Вод въ 1 д. Р. Чинарова. Ц. 1 р.
Рудокопи. (Obersteiger). Оперетта въ 3 р.

перев. съ измец. П. Киселевича и Г. Фридерихса. Ц. 2 р.

Русская Франсильонъ. Ком. въ 1 д. П. Соко-

лова-жамсонъ. Ц. 1 р. Свадьба при фонаряжь или дядошкиев кладь. Оперетта въ 1 д. перев. Г. С—ва и Г. Валья-

но. Ц. 1 р.

Сверкъ комплекта. Ком. въ 4 д. перед. съ пъ-мецк. А. Крюковскимъ. Ц. 2 р. Сестра Нина. Драма въ 4 д. П. Невъжана. Ц. 2 р. Спандаль вы саду "Эрметажь". Фарсь въ 1 д. Серполетти. П. 1 р.

Ообраніе звърей въ очаровачном и жоу. Басно-словное попурн въ 1 д. М. Лентовскаго и Л. Гу-ляена-Леонидова. II. 2 р.

Осора Ивана Ивановича от Изаномъ Никифоровичем. Спена въ 3 д. (изъ повъсти Н. В. Гоголя). II. 2 р.

Соколу жёот не дино. Драма въ 3 д. И. Кон-дратьева. Ц. 2 р.

Совъ въ летеюю вочь. Картинки дачной жизни въ 2 д. А. Поповой-Волховской. Ц. 2 р.

Требизоидская одалиока. Оперетта въ 3 д. перев. съ франц. Г. Вальяно. Ц. 2 р.

Тре жени для одного мужа. Ком. - буффъ въ 3 д. перев. съ франц. М. Карпъева. Ц. 2 р. Убійца купеческая дочь Осипова. Драма въ 5 д. II. Фелонова.

Утопленникъ. Фарсъ въ 1 д. А. Печорина. Ц. 1 р. Хворая. Картины сельской жизни (изъ повъсти А. Потъхина). Ц. 2 р. жизни въ 4 д.

Шалупа. Оперетта въ 1 д. неред. съ ивмецк.

И. Куликова. Ц. 1 р. Шуть Валакиревь. Историч. комедія вь 4 д.

Осетрова. Ц. 2 р.

й помию чудеое мгновенье! Вод. въ 1 д. К. Ларина. Ц. 1 р.

Я съёдь моего друга. Вод. въ 1 д. порев. съ франц. И. Куликова. Ц. 1 р.

Веселые наслёдники Оперетта въ 3 д. перев. съпъменк. М. Ярона и И. Кисслевича. Ц. 2 р.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЧТЪ, СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.

Библіотена открыта: въ будни — отъ 9 ч. утра до 8 часовъ вечера, въ праздники — отъ 10 до 4 час.: съ 1 апръля по 1 сентября: въ будни- отъ 9 час. утра до 7 вечера, въ празднини - отъ 10 час. до 3 часовъ.

> Адресъ для нисемъ и телеграммъ: Москва, библіотека Разсохина. КАТАЛОГЪ ЖЕЛАЮЩИМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

гг. антрепренеровъ и артистовъ.

Алексвевь, Александръ Алексвеничъ, аргистъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровь, даеть уроки драматическаго искусства съ практическими замятіями и режиссируеть дюбительскіе спектакли.—Адресь: Москва, Тверская, д. Фальцъ-Фейнъ № 203.

Авраменко, Владиміръ Ивановичь, исполняеть 1-я роли стариковь въ комедіяхъ.—Адресь:

г. Чугуевъ, Харьковской губ., доктору Шебалину, для передачи В. И. Авраменко. Воринъ, М. И. комивъ простакъ, характервыя роли, воденили. Настоящ. адресъ: Г. Керчь, Таврической губ., Константиновская ул., д. Кисланова. Постоянный адресъ: Г. Москва, Адресный

столъ, помощи. начальника И.И. Каменскому, перед. М. Борину.

Воспресенскій-Озерковъ, Алексанэръ Александровичь, драматическій резонеръ, а также полезень из дивертисментахъ и опереткахъ на баритонныя партін. Жалованье 75 руб. и бенефисъ. На зимий сезонь предлагаю театральные костюмы и библютеку больс 1000 піссь. Йостоян. адресь: г. Вологда, Подлесная улица, № 11.

Гаврилова, А. Е., аккомпаньяторша и компримаріо; можетъ дублировать драматическое со-

прано. Ставрополь-Кавказскій, А. Е. Гавриловой, до востребонанія.

Гдалевичь, Григорій Осипоничь, суфлерь, ищеть місто вь драму или оперетку. Адресь:

г. Гомель, Могилев. губ.

Гонча ровъ, Николай Георгіевичъ, комикъ. Свободенъ на зимній сезонъ 1891—95 годъ. Постоявный адресъ г. Орелъ, Полострожная улица, д. Кочугова.

Громскій, Николай Константиновичь, проставь. Зима-Петербургь, театръ Неметта. Допецкан, Елизавета Павловиа, роли "grande coquette", свободна на актий и зимній севоны 1895/6 гг. Адресъ: Г. Берлянскъ, Таврической губ. Городской зимий театръ. Искри, В. В., предлагаетъ свои услуги въ драму на вторыя роли. Адресъ: Орелъ, Покров-

ская узица, Василію Алексвеничу Позапякову для передачи.

Иконинковъ, Елгеній Владиміровичъ, бывшій артисть Императорскихъ театровъ, ищетъ ангажемента на зимній сезонь. Въ оперстажь поеть первыя баритонныя партіи и не высокія теноровыя. Въ драмакъ играеть любовниковъ-фатовъ. Жалованья 200 руб, въ мъсяцъ, два полубенефиса и дорога. — Екатеринбургъ, Пермской губ., Водочная ул., д. 103.

Каролли, Е. И., оперет, пъвица желаетъ получить ангажементъ. Петсрбургъ, Мойка, 28,

кв. 10.

Колобовъ, Леониль Николаевичь, простакъ-фать, свободень на зимній сегонь адресь: Москва, театральная контора Д. А. Бъльскаго; временный- г. Вологда, Золотушвая набережная, д. Крыдовой,

Кранотынскій, Петрь Силовичь, арт. Императорских театровь. Драм. любовинкь и характ. 100 руб. вь міслять. 1. Выборгь, Выборгскій формитадть, д. Иванова.

Коленко, В. Н., півица контральто, желаеть получить місто нь оперв; можеть пграть п

въ комедін. -- Адресъ: Москва, Пречистенка, домъ Воскресенскаго, кв. ген. Панскаго.

Ленвъ, Яковъ Львовичъ, суфлеръ въ драмь и опереткъ, свободенъ на лэтий и зимий се-

зоны 1895/6 г. Г. Беранвскъ, Таврич. губ., Городской зимий театръ.

Макаровъ-Юневъ, Александръ Федоровичъ, характерный русскій півсець, бытовыя п характерныя роли; Макарова-Юнева, Адель Александровна: бытовыя и сильно-драматическія — желають ангажемента на зимпій сезонь пли на гастроли. С.-Петербургъ. Офицерская у., д. № 19.

Марченко, Варвара Макар., ingénue comique и водевили безъ ивиня. -- Адресъ: Полтава,

Кузнецкал ул., д. Бужинского.

Николаева, ingénue dram. и com. ищеть ангажемента на 2-я роли. Ялта, почтамть, до ностребовапія.

Панаева, Марія Михайловна, нграеть драматических и комических старухь вь драмѣ и опереткі, а также грандъ-дамъ. Жалованья 100 р. въ місяцъ, 1 полубенефисъ и дорога, — Адресъ: Екатсрипбургъ, Пермской губ., Водочная ул., д. 103.

Пархомовичъ-Викторовъ, ВикторъМихайл , на роли фатовъ и резоперовъ. На зиму свободевъ. Райскій, Левъ Борисовичь, исполняеть роли 2-хъ комиковь, простаковь и молодыхъ людей, свободень на льтній и зимній севопы 1895/96 г.—Адресь: Г. Бердянскь, Таврической губ. Зимпій городской театръ.

Разсудовъ, Мих. Ив., комикъ-простакъ и характерныя роли. - Адресъ: Полгана, Кузнецкая

ул., д. Бужинскаго.

Роминчи, Владиміръ Алексвеничь, роли 2-хъ любовниковъ, простаковъ и молодыхъ людей и Мирови, Марья Яковлевна, на 2-я роли энженю и водевильныя съ пънісмъ. Тагаврогъ, О. В. Допичъ, Ярмарочный пр.

Смородскій, Левъ Истровичь, на вторыя роли комиковъ и простаковъ на зимній сезонъ.

Т. Съвскъ, Орлов. губ.

См'ызьския, А. І., суфлируеть и принимаеть на себя устройство любительских спектаклей въ Москвъ, Тверския, мебл. комп. "Репомо". Стернинъ, Н. Л., декораторъ и бутафоръ, свободевъ на зиму. Служилъ въ Витебскъ, Смо-денскъ и Великихъ Лукахъ.—Адресъ: Витебскъ, Семеновская ул., д. Загорской.

Стверскій, Николай Георгіевичъ, драматическій любовникъ (jeune premier) свободенъ ва предстоящие льтий и зимий севоны 1895/96 гг. Г. Баку. Драматическая труппа В. П. Васильева-Вятскаго.

Терскій, Д. Г., второстсиенняя роли. Могилевъ губ. Крейдиковъ нер. д. Лурье. Г-ну Ранпонорту. Флоридовъ, Ф. А., теноръ, желаетъ получить ангажсментъ на иторыя роли, на зимній севопъ, ил драмъ или опереткъ. Г. Орелъ, Почгово телегр. контора Ф. А. Флоридову. До востребованія. Щеглова, Фанни Пвановна, адресъ: зима-Вологда. Театръ.

Якубовская-Каширина, Розалія Викентьевна, драматическія рози и grande coquette; свободна на зимвій сезонъ. Г. Одесса, редакція "Новорос. Телеграфа" М. С. Сахарову для передачи Р. В. Нужны женскія силы въ формпрующуюся образцовую труппу. Въ особенности на сильныя, драматическія ролп.—Письма адресовать: г. Херсовъ, М. А. Расторго, до востребованія.

Вновь организованное товарищество русско-малорос. труппы, нужны артисты, артисты,

хорь, дврижерь и суфлерь. Желающих вступить въ товарищество просять, прилагая на отвъть марки, адресовать: Николаевь, Констан. Инколаевичу Меникову, до востребованія.

Фокть, Сергъй Петровичь, 2-й комикь, простакь, характерныя роли и акцентныя, помощникь режиссера. Жалованье 50 руб. на марки 75—100 р. адресь: Живодерка, д. Огурцова, кв. № 14. Өеодору Александроввчу Петрову для передачи С. И. Фокть.

Хватовъ, А. С., суфлеръ. Рыбинскъ, Гавань.

Объ изданіи въ 1895 году новато журнала

ПОСВЯЩЕННАГО ВОПРОСАМЪ КРИТИКИ И БИБЛЮГРАФІИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

Въ составъ журнала войдуть между прочимь следующіе отделы: 1) Руководящія литературно-критическій и ваучныя статьи общаго характера, преимуществевно по вопросамь, выдвигаемымь въ русской литературь. 2) Журнальное обозрвије. Разборь статей и произведеній изящной словесности, появляющихся въ періодической печати. При этомъ будуть обозрѣваемы по только ежемѣсячвые, по и еженедѣльные и иллюстрированные журпалы, а также и ежелиевныя изданія, если въ нихъ встрітится что-либо (выдающееся иле интересное въ литературиомъ отношенін. 3) Книжная літопись. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдільныхъ наданіяхъ. 4) Смісь. Мелкія статьи и замітки. Литературныя и научныя повости. Біографіи выдающихся дінтелей янтературы и науки. Свъдънія о всъхъ вновь выходящихь достойныхъ вниманія книгахъ (съ указаніемъ ихъ формата, числа страниць, цвим и пр.). Перечень журкальныхь статей. 5) Отвыты редакцін. 6) Объявленія исключительно о книгахъ, журцалахъ и вообще произведеніяхъ нечати.

Журналъ будетъ выходить еженедъльно, по воскресепьямъ, начиная съ 1-го января 1895 года, иумерами, заключающими въсебь (смотря но количеству матеріала, подлежащаго обзору) отъ 32 до 64 и болье столбцовъ текста. Подписная цъна съ доставкой и пересылкой: на годъ пять руб., на полгода три руб. Заграницу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискъ 3 руб. и остальные 2 руб. въ ма.в.

Адресъ редакцій и конторы С.-Петербургь, 6-я Рождественский ул., д. 10 кв. 10. Пногородные обра-щаются исключительно по указанному адресу; отъ жителей С.-Петербурга подписка привимается кромъ кон-торы редакцій (открыта ежеди. оть 12 до 3 ч. пополудии) также въ лучшихъ кинжи, магазинахъ столици. Чрезъ редакцію можно выписывать сабдующія книги, сост. Н. В. Скворцовымъ: 1) "Статьи и изследо-

ванія" 1876—1992 г.) по вопросамъ политики, общественнюй жизни и литературы. (пб. 1894 г. ч. І, ц. 1 р. 35 к. съ пер.; 2) "Въ области практической философіи", ц. 60 коп. съ пер.; 3) "Записки по педагогикъ", изд. 4-е. Сиб. 1893 (складъ при ки. миг. Думнова) ц. 1 р.; 4) "Русская исторія" т. 1 (до Іована III) Сиб. 1894, ц. 1 р. 25 к. съ нер. Мелочь можно прилагать почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель И. В. Скворцовъ.

"РУССКІЯ ВЪДОМОСТИ"

(32-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ москвъ							На города								Заграницу												
118	12	мвсяцев	Ъ	10		10	p.	-	K.	на	12	мъсяцевъ	1		11	p.	-	к.	на	12	мъслцевъ	9		18	p.	-	К.
20	6	n			9	0)	77	50	23	37	6	n	2		6	23	-	23	22	6	27	,		9	23	-	2)
39	3	n		-(4)	•	3	29	00	33	77	3	99			3	27	90	27	23	3	27	10	•	+	22	00	33
22	1	2)				L	75	30	3)	22	1	n			L	22	9()	22	22	-1	2)			L	22	3(1)	33

"Русскія В'йдомости" будуть выходить ежедневно, не исключая дней посл'я праздничвыхъ, листами большого формата, съ приложениять, по мере вадобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежије.

Гг. подписчики благоволять обращаться съ требованіями о подпискъ, въ Москву, въ

контору "Русскихъ Відомостей", Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для I'r. вногородных подписчиковъ, затруднящихся единовременнымъ взвосомъ годовой илаты, допускается разсрочка, при непреминиюмъ условін пепосредственнаго обращенія въ контору газеты, а по черезъ квижные магазины: а) при подписк 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. пля б) при подпискъ 5 р., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случав исвзноса девегь въ срокъ, дальнъйшая высылка газеты пріостанавливается.

РУССКАЯ МЫСЛ

СОДЕРЖАНІЄ: І. Три года. Разсказъ. А. П. Чохова.— ІІ. Великій. Новелла. Элизы Ожешновой. Переводъ съ рукониси В. М. Л.— III. Практика жизии. Повъсть И. А. Салова.— 17. Стихотвореніе. А. Монастырскаго. — V. Молодая любовь. Идпалія. Генриха Понтоппидана. Пер. съ дотскаго В. М. С. — VI. X.1. всъРоманъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. — VII. Маленькій приходъ. Романъ Альфонса Доде. Нер. съ французскаго М. Н. Р. Проделжение. VIII. Сраннительное обогрвние изкоторых в формы народнаго суда. Вс. П. Даневскаго. — ІХ. Насколько словь въ память Николая Михайловича Ядрищева. В. И. Семевснаго. — X. Восномпианіе о П. П. Новиков'я и его времени. В. О. Ключевснаго. — XI. Мое научное п литературное скитальчество. М. М. Ковалевснаго. — XII. Памяти А. М. Пванцова-Платонова. М. С. Кородина. — XIII. Александръ Константивовичъ Шеллеръ. А. М. Снабичевскаго. — XIV. Страхованіе рабочих в в Германіи. Г. Б. Іоллоса. — XV. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюнова. — XVI. Впутреннее обозрівніе. — XVII. 1894 годъ въ политическом отношеніи. В. А. Гольцева. — XVIII. Современное—искусство. — XIX. Вибліографическій отділль. — Объявленія.

принимается подписка на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія). 9 мвс. 6 мвс. 3 мвс. съ доставкой и пересылкой Годъ. 1 whc. во всъ мъста Россін . . 12 р. — к. 9 р. — к. 6 р. — к. 3 р. — к. 1 р. — к. За границу 14 р. — к. 10 р. 50 к. 7 р. — к. 3 р. 50 к. 1 р. 25 к. Допускается разсрочка: при подпискъ, къ 1 апр., 1 іюля и 1 окт. по 3 р. Кингопродавцамъ

двлаотся уступка 50 в. съ годового экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Принимается подписна: въ Москвъ, въ конторъ журнала, уг. Леонтьенскаго пер. и Большой Нивитской, д. 2—24. Въ С.-Петербургъ: въ отд. конторы журнала, при кипжи магаливъ П. Фену и К, Невскій просп., д. Армянской церкви. Въ Кіевъ: въ отдълени конторы журнала при книжномъ магазинъ Л. Идзвковскаго.

Г. Генрикъ Сенневичъ предоставил ъ В. М. Лаврову право перевода своего поваго историческаго романа взъ первыхъ въковъ христіанства "Камо грядеши?" ("Quo vadis?"). Начало этого романа появится въ первыхъ впижкахъ журнала "Русская мыслъ" 1895 года. — Первыя главы романа Додз "Маленькій приходъ" разсылаются новымъ подписчикамь на 1895 г.

При редакцій открыть магазанз русскам и акостраненка викть съ пріемомъ подвиски на всь падающівся въ Россін журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаеть па комиссію постороннія изданін и высылаеть всь существующія въ продажь книги.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1895 годъ

на ежем тсячный политическій, литературный и историческій журналъ

PYCCKAR BECTA

Программа журнала: 1) Статьи политическія но выдающимся событіямъ въ Россій и за границей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдёль. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки, монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замічательных діятелей на всіхх поприщахь, описанія нравовь, обычаевь п разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повісти, разсказы, стихотворення и народныя пісни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засъданияхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и визыняя хроника разныхъ событий, извъстія и нисьма внутреннія и заграничныя. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальвыхъ обозръний. 9) Библіографія и критика. 10) Мелкія извъстія и послъднія новости. 11) Ри-

сувки, соотвітствующіе содержанію статей. 12) Справочный отділь и Объявленія.

Приложеніемь къ "Русской Бесідів" будеть выходить ВЛАГОВ БСТТ», въ которомь будуть номъщаемы статьи богословскаго, церковно-общественнаго и церковно-историческаго содержанія.

Подписная цъна съ доставкою и пересылкою во всё города Росеіи и заграницу на годъ 6 руб., на полгода З руб. Цъна отдъльныхъ выпусковъ 6 коп. съ перес.

Подписка принимается въ конторъ редакцій "Русской Бесьдій", С.- Петербургь, Троицкая ул., д. 18, а также въ книжныхъ магазинахъ: "Новаго Времени" въ С.-Петербургъ, Москвъ, Харьковъ, Одессъ, и Саратовъ; Н. П. Карбасникова въ Варшавъ и Москвъ; Л. Идзиковскаго и Н. Я. Оглоблива въ Кіевъ; Лихтмахера въ Вильпъ; П. Н. Макушива въ Томскъ, и во всъхъ болъе извъстныхъ книжныхъ ил газипахъ.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Адресь редакцін: (для присыдки статей, повременныхь паданій и книгь вь обм'явь и для отзывовь) С.-Петербургь, Горохован ул . № 15.

> Издатели: А. В. Васильена, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомірецкій. Реданторъ В. Драгомірецкій,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ пПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

"СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ"

1-го января вышла 1-я книжка.

1. АНИКА ВОИНЪ. Картинка минувшаго. В. Савихина. — П. ОБЛАКА. Стихотвореніе. Н. Минокаго. III. ТУРГЕНЕВЪ п ТОЛСТОЙ. Проф. Д. Овеннико-Кувиковского. — 1V. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Ромпив 2-хъ частяхъ. Д. Мережковского. — V. РАЗСКАЗЫ: 1. ВЪ ТОРФЯНОМЪ 50ЛОТъ. Гейнца Товоте. 2. МАЛЕНЬКІЙ МИРОНЪ. Нвана Франка. Изъ галипкой жизни. З. МРАЧНАЯ ИСТОРІЯ. Изъ княги повелль Лумажи Каруана.—VI. ОСПОВНЫЯ НАЧАЛА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 1864 г. В. Устинова.—VII. ИЗЪ ЛЕКОНТЪ ДЕ-ЛИЛЯ. Стих. О. Чюминой—VIII. ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. Повъсть. Маріи Кростов. ской.—ІХ. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВЪТЪ и ЕГО ПЕРВАЯ СЕССІЯ. М. С-ля. — Х. ИС. ПОВФДЬ Анни Безанть. Съ предисловіємъ Зин. Венгеровой. Переводъ съ апглійскаго. — XI. НИКОЛАЙ НИКОЛАВНИЪ ГЕ. Біографическій очеркъ В. Стасова. — XII. ИЗГИАННІКЪ. Стихотвореніе К. Льаова. — XIII. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЪЛО СЪ НАЧАЛА 80-хъ ГОДОВЪ. Проф. А. Нсаева. — XIV. ПРОТИВОРЬЧІЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ. Гр. Льва Толетого. — ХҮ. ЛИТЕРАТУР-НЫЯ ЗАМБТКИ. I. Расколь вь редикальной парти 60-хь годовь. Либеральное уполобление Тургевева Аскоченскому. — Бурныя событія апохи. — Направленіе "Отечественных ваписокъ". — Громека и его аступвичество за радикальные журвалы. — Сатирическіе фельетоны Щедрина въ "Современник". — Колебаніе въ политическомъ ваправленіи "Современника". — Выходка противъ нипивстовъ. — Насмішка Щедрина надъ роминомъ Чернышевскаго. — Первая схватка съ "Русскимъ Словомъ". — "Лукошко глубокомыслія" и "бутерброды глубокомыслія". — Отъїват Щедрина и рішительная битва между обочив журналами. — Вибинательство Писаревъ. — Антоновичь и Писаревъ о Чернышевскомъ. — Чернышевскій о Чернышенскомъ.— Побъда "Русскаго Слова" п паденіе "Современника.—Прекращеніе обояхъ журналовь и возникновеніе новых в неданій. А. Волынокаго, ОТДЕЛЬ ВТОРОЙ. ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛЬ, журналовъ и возникновеніе новыхъ неданій. А. Вольнокаго. ОТДЪЛЪ ВТОРОИ. ОБЛАСТНОН ОТДЪЛЪ. Провинціальная печать. Начто о признаніи печати и о полемикъ.— Самарскія газети о центральномт земскомъ печатномъ органъ.—Прощаніе съ сельскимъ учителемъ.— Волжскій Вѣствикъ" о поззін иъ жизни. — Самоубійство. — Купеческій объдъ въ Уфъ. — Жельзвал дорога по южному берегу Крыма. — Дешевый кредитъ и крымскіе врестьяне. — Копцертъ Балакврена въ Варшавъ. — Нашествіе зыпей на ють. Л. Прозорова. — П. НѣТЪ БЪДНОСТИ ВЪ РОССІН П. Кузнецова. — ПІ. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. Школьная борьба въ Англіи. С. Рыбакова.— IV. ВИУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ. На Повый годъ. — Мелательные успѣхи. — Отпоръ со стороны "Моск. Вѣдомостей", "Гражалнина" и "Новаго Времени". — Навначеніе графа Шувалова въ Варшаву. — Отпошенія съ поляками. — Зі/2% золотой заомъ. — Указъ о кредитныхъ билетахъ. — Эпязодъ наъ финансовой исторіи. — Новый пассажирскій тарифъ. — V. ПА-ША ОБІЦЕСТВЕННАЯ ЖІЗНЬ. І. Нѣчто о петербургскихъ кружкахъ и обществахъ. — С. С.— VI. КРИ-ТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. А) КРИТИКА. La science du point d'honneur par A. Croabbon. Б) БИБЛІОГРАФІЯ. І. Белетинства и лѣтск. вниги. — П. Общественныя науки. — ПІ. Естествовнаніе и ЛЮГРАФІЯ. І. Беллетристика и діятсь. книги.—II. Общественныя науки.— III. Естествознаніе и медицина.—IV. Кинги для народа.—VII. ИЗЪ ЖИЗНІ в ЛИТЕРАТУРЫ. Поль Верлень.— Обіль въ честь П. Д. Боборыкива. - ОТЧЕТЪ JИТЕРАТУРНАГО ФОНДА. - VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛВТОПИСЬ. Л. Полонскаго.

Съ янвврьской книгой новымъ годовымъ подписчикамъ безплатно разсылается I ч. повъсти М. Крветовской ЖЕНСКАЯ ЖНЗНЬ (всв., напечатаннов въ 1894 г).

ЦЪНА: Годъ. Полгода. Четверть. ЦЪНА: Годъ. Полгода. Четверть. Безъ доставке . 12 р. — к. 6 р. — к. 3 р. — к. Съ пересылкой . 13 р. 50 к. 7 р. — к. 3 р. 50 к. Съ доставкой . 12 " 50 " 6 " 50 " 3 " 50 " 3 я границу . . 15 " — " 8 р. — " 4 " — "

Въ главной конторф допускается разсрочка безъ повышевія годовой цёны. Для учащихь и учащихся льготныя условія (уступка).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ Главной Конторь. Спб., Троицкая, 9 и въ московскомъ отдълевів Тверская, д. № 37 Сазикова; въ Спб., въ книж. маг. Фону, въ Москвъ, въ конт. Н. Печковской, во всъхъ книж. маг. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревича.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

Объявленіе отъ редакціи "Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

"Варшавскія Университетскія Извѣстін" выходить девить разъ въ годъ (въ концъ каждаго учебнаго мѣсяца). Составъ выпусковъ: I) оффиціальный отдѣлъ (протоколы засѣданій Совѣта, отчеты, инструкціи, отзывы и т. п.): II) неоффиціальный отдѣлъ (оригипальныя сочиненія гг. профессоровъ и прочихъ лицъ, прикосновенныхъ

къ Университету; справочныя свъдънія и т. п.). Подийсная цъна 5 р. съ пер. Подинсныя деньги должны быть высылаемы въ Правленіе Императорскаго Варшавскаго Университета.

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1895 годъ!

XI годь. ХУДОЖЕСТВЕННО-Ю МОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ. годь XI.

"CTPEKO3A

Въ будущемъ 1895 году нашъ журналъ вступаеть въ ХХ годъ своего существованія, которымъ и готовъ привътствовать, отнюдь не повышая за это своей подписной платы, зарю бу-дущаго XX въка.

Общая физіономія XX ввка и теперь уже всемъ зпакома. Съ общаго согласія всехъ и кажлаго, ему предпазначено быть векомъ всевозможныхъ сюрпризовъ: космическихъ, историческихъ, экономическихъ, соціальныхъ, механическихъ, химическихъ, артистическихъ, литературвыхь и анекдотическихъ. Въ самомъ началъ его люди начиутъ ходить по потолкамъ, мадагаскарцы завоюють пол овинръ конець обезспленной военными бюджетами Европы, Эмель Зола приметь пострижение въ монахи и Пастеръ откроеть прививку л юдямъмандрильной лимфы отъ зараженія любовнымъ ядомъ.

Все это впереди. Но "Стрекоза" уже теперь, въ XX году своего изданія, и начинаетъ XX въкъ. Она д'властъ своимъ читателямъ ц'влыхъ нять лътъ скидки со счета всемірной хроно-логіи и безотлагательно вводить ихъ въ начал «XX и ка. Это введеніе она сабласть, выпустивъ въ будущемъ году такую ГЛАВНУЮ премію къ своему изданію, которая будеть обладать всъми признаками новой исторической эры, и въ виду общирности нашей задачи будеть раздълена на иъсколько серій. Въ 1895 году подписчики наши получать 1-ю серію. Эта премія будеть назынаться:

"Портретная галлерея всемірныхъ знаменитостей

яли ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Кром'в "Портретной галлереи всемірныхъ знаменатостей", будуть выпущевы еще другія премін, а имевно: вторая премія

III-й тошикъ "РУССКОЙ

въ роскошномъ нереплетъ. Въ составъ его войдутъ наиболъе удачныя стихотворныя вещицы прешлущественно поэтовъ новташаго времени. Наконедъ третью премію составить

Стѣнной календарь "СТРЕКОЗЫ" изящие издание большого формата, художественно исполненное новъйшимъ способомъ.

Условія подписки:

На годъ съ преміями:

По полугодіямъ:

во вст города. 10 р. с. за границу.... 12 " "

во вст города безъ премій. . . 5 р. — к. сь преміями по . 5 "50 " за границу безъ премій 6 " - " *) При подинска на оба полугодія.

Редакція и Контора помьщаются: 80, Фонтанка, на цілу Лештукова пер., въ СПБ.

Падатель Г. К. Корифельдз.

Редакторъ И. Ф. Василевскій (Буква).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

газету политическую, литературную п общественной жизни,

на 1895 годъ.

Годъ изданія свыпадцатый. Въ 1895 году "ВОЛЫНЬ" будеть выходить, попрежиему, вжедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и посл'впраздинчныхъ дней.

Задача газеты «Волынь» служить интересамъ родного края.

Объявленія отъ л ицъфирмъ п учрежденій, жинущихъ или имъющихъ свои главныя конторы или правлевін за границей вит Вольпской губ. и вит городовъ Кієва и Варшавы пуппвикотся исключительно только въ центральной конторъ объявленій Торгонаго дома Л. и Э. Метиль в Ко въ Москвъ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отделении въ С.-Петербурге, на Вольшой Морской, № 11.

Подписка принимается въг. Житомірь, въ редакціи: б. Бердичевская ул., домъ Лихардовой.

Подписная дёна: 12 м. 5 р.; 11 м. 4 р. 75 к.; 10 м. 4 р. 40 к.; 9 м. 4 р.; 8 м. 3 р. 50 к.; 7 м. 3 р.; 6 м. 2 р. 60 к.; 5 м. 2 р. 10 к.; 4 м. 1 р. 80 к.; 3 м. 1 р. 50 к.; 2 м. 1 р.; 1 м. 75 к.

Вийсто мелкихъ денегъ допускается приложение почтовыхъ марокъ. Иногородиие подписчики за перемину вареса приплачивають къ подопсной цень 20 ков.

За издателя Е. В. Коровицкая. Редакторъ К. И. Коровицкій.

издается съ 1885 г. Х-й годъ изданія.

открыта подписка на 1895 годъ

ЮБИЛЕЙНЫ TOIL DALAHIE.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ **XPOHUKA**

ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

художественно-литературный журналъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУБЛЕЙ съ доставком и пересыдком по бевъ Подписная ивна: 5 рублей доставки. Допускается разсрочка: при подпискъ 2 руб., къ 1 мал 2 руб., и 1 сентября остальвые.

52 еженедыльных вем 12 книгь еженьсячного 12 мем модного съ иллюстраціями. 12 митературного журнала.

Въ 1895 году въ журналь "ЗВ в ЗДА" будутъ напечатаны следующія произведенія:

Соловьень, Всев. Серг. Истор. новъсть "Недоразумъне".— Полонскій, Я. И. "Изъ восномиваній".— Маминъ-Сибирянъ. Повъсть.— Ясинскій, І. І. Повъсть "Три портрета Пелагев Івановин".— Потапенко, И. И. Пов. "Гордость семьи".— Варанцевнить, К. С. Повъсть.— Пронскій, Сергьй. Фавтастическій разсказъ "Мраморвая роза".— Мережконскій, Д. С. Статья "Новый идеализмъ".— Гиппіўсь З. Н. Разсказъ "Зло".— Фофиновъ, К. М. Разсказъ "Рога". — Караяннъ, И. Н. Разсказъ "Честь возстановлена".— Въжецкій, А. И. (Масловъ) Повъсть.— Тихоновт, В. А. Пов. "Јукошниковъ".— Корончевскій, Д. А. (Таранскій) Романъ "Любовь-Призракъ".— Чюмина, О. Н. Ром. "Молодые побъти".— Заринъ, А. Е. Ромавъ "Исторія одного гардероба".— Елисѣевъ, А. В. Д-ръ. Очерк. "По Яновін".— Сафоновъ, С. А. Позма "Прязраки".— Максимовъ, А. Я. Разсказъ. "Не судвът Богъ".— Лемниъ, А. И. Романъ "Темыя силы".— Свътлопъ, В. А. Повъсть "Ядъ Локусты".— Астафъевъ, С. Л. Историч романъ "Савдомрекал навна". А таже стихотворенія: Полонскаю, Я. П. Майкова, А. Н. Фофинова, В. Л. Всличко, В. А. Мережковскаю, Д. О. Михаловскию, Д. Л. Льдова, К. Л. Сафонова, С. А. Тамина, Ф. Е. и другихъ Соловьевь, Всев. Серг. Истор. повесть "Недоразумение".-Полонский, Я. И. "Изъ восномява-

БУЛУТЪ ЗАКЛЮЧАТЬ ВЪ СЕБЪ:

ПВЪНАЛЦАТЬ ИЗБРАННЫХЪ РОМАНОВЪ

лучшихъ иностранныхъ авторовъ всъхъ странъ.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

съ пляюстраціями Доре, представляющій собою Собраніс басенъ ЛАФОНТЕНА, отпечатанный на веленевой бумигь, въ формати журнала "ЗВВЗДА", въ переводахь: Крылова, Измайлова, Димитрієва, Хемничера, Мережковскаго, Лиханева, Коринфскаго, Талина, Зарина в др.

Контора и редакція журнала ЗВЪЭДА Спб., Стремянная ул., соб. д. № 12.

Завъдывающій литературною частью А. Е. Заринъ

За редактора падатель Петръ Сойкинъ.

56-й г. изд.

1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

"НУВЕЛЛИСТЪ"

музыкальный журналь для фортепіано

программа "нувеллиста". Въ 1895 г. "НУВЕЛЛИСТЪ" будетъ выходить, какъ и прежде аккуратно, каждое первое числотетрадями, заключающими въ себъ: Силонным пьесы извъстныхъ композиторовъ въ двъ и четыре руки. Новые танцы (польки, вальсы, мазурки, кадрили). Русскіе рочансы для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано. Легкія пьески для дътей для фортепіано и для скрипки съ фортеніано и Дътскія пъссики. Редакція "ПУВЕЛЛИСТА" обратить также особов вниманіе на Дітскій отдівль, пьесы котораго подъ руководствомъ опытваго недагога Н. А. Тивольскаго, будутъ распреділены по степени трудности съ обозначеніемъ правильной аниликатуры. Годовой экземиляръ "НУВЕЛЛИСТА" составить общирный томъ покрайней мёрів въ 400 стр. большого нотпого формата, заключающій въ себь до 100 строго выбранных в музыкальныхъ нумеровъ музыки. Кром'я огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ "НУВЕЛ-ЛИСТЪ" дастъ: "П Р Е М I Ю" Полную оперу въ две руки или другое музыкальное сочи-

неніе по выбору изъ 80-ти номеровъ, указанныхъ редакцією. Подписная ціна на годъ 5 руб. Съ пересылкой или доставкой 6 руб. Для гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

Нодинска принимается: въ С.-Петербургь, въ Главной Конторъ журнала "НУВЕЛЛИСТЪ" при музыкальномъ магазинъ М. Бернарда, Б. Морская, 26. Въ Москвъ въ музыкальномъ магазинъ И. Юргенсона, Неглинный пробъдъ, 10. Въ Кіевъ у Идзиковскаго. Въ Казани въ муз. магаза "Восточная Лира".

VIII-ŭ ГОДЪ нзланія.

H -

in:

3

Д

×

F 2

4

54

×

Ď.

S 24

M

F-4 0

15 M

Z

3

×

N

PA "

M

m PJe

U 15

54

M

F-4

0

=

EQ

M

ring.

P m

TOMOL

2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

СБВЕРЪ

VIII-A ГОЛЪ RIHALEH.

ЕЖЕНЕ Д Б.ЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики "СЪВЕРА" въ 1895 году получать:

52	МУ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56 - 64 столбцовъ каждый, сбро- шюрованвыхъ въ цевтную обложку, въ которыхъ, между прочинъ, будутъ помъщены иллюстряціи русскихъ художенковъ къ провзведеніямъ: А. Н. Майкова "Двъ судьбы", Д. В. Григоро вича, Петербургскіе шарманщики", и "Лотерейный билегъ", такъ какъ этимъ произведеніямъ исполнится въ будущемъ году 50 лътъ содия ихъ перваго по- явленія въ печать.
----	--

- MM отдельных иллюстрированных "Парижских водь" и рукоделій, составленныхъ по лучшимъ модиымъ парижскимъ журналамъ.
- 12 отлельных выпроскъ; изъ вихъ 6 вырежняхь въ натуральную величилу и 6 на отдвльныхъ листахъ.
- 6 рисунковъ-чертежей для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.
- 6 пирания вти черова и ветивания.
- альбомныхъ страницъ авгографовъ знаменятыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дъятелей, со времени княженія Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ 12 царей, цариць, полководцевь, патріарховь, писателей, художниковь и поэтовь. Ежемъсячныя приложенія.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ гранюръ-пллюстрацій къ русскимъ народнымъсказкимъ. (Кивжка въ формать "Съвера").

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ: 12 T. "БИБЛІОТЕКА СЪВЕРА".

Собраніе сочиненій Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

СОЧИНЕНІЯ Н. Д. АХШАРУМОВА.

Двойникъ. Повъсть. Во что бы то ни стало. Романъ. Мудреное абло. Романъ. Натурщица. Повесть. Игровъ. Повесть. Граждане леса. Повесть.

Сочененія Квитко Основьяненко: "ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ",

Сочинение Сильно Пеланко: "ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВЪКА".

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ: ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ П.

Большой листь in folio, исполненный красками.

Картина извъстнаго художника В. И. СУРИКОВА: "ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ".

Ведичина картины 105×70 сант. Картина будеть псполнепа въ 20 красокъ въ одномъ изъ лучшихъ художественныхъ ателье за-границею.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, ВЪ КРАСКАХЪ.

подинсная цвиа:

За годовое издание со всъми приложеними безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 р. Безъ доставке въ Москвъ-въ конторъ Печковской 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою во вси города Россійской Имперіи 7 р. Съ пересылкою за-граннцу 11 р.

Раверочка подписной платы за "СВВЕРЪ" 1895 г. допускается на сладующихъ условіяхъ:

Для гг. городских подписчиков въ два срока, безъ доставки: при подписк 3 руб., 1 іюня 1895 г. 3 руб. Съ достанкою: при подписк 3 р. 50 к., 1 іюня 1895 г. 3 р. 50 к. Для гг. иногородныхъ подписчиковъ: въдва срока: при подпискъ 4 р. и 1 іюня 1895 г. 3 р. Вътри срока: При поднискъ 3 р., і ман 1895 г. 2 р. и 1 августа 1895 г. 2 р. Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургь, Москвы и другихы городахы), допускается разсрочка за ручательствомь гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою помъсячно.

Въ виду большой цённости картипы "Покореніе Спбири Ермакомъ" и портрета Государя Императора, требующих особо тщательной укупорки, гг. подписчики "Съвера" благоволять на пересылку првлагать 60 к. почтовыми марками.

Подниска принимается въ С-Петербурги въ Главной контори редакцін "СЪВЕРЪ": Екатерининская, № 4.

MMIEPATOPA. OWECTBEHHЫ Открыта подписка на 1895 годъ.

на литературную политическую общественную и коммерческую газету

"ВОЛЖСКІИ Въстникъ

выходящую въ г. казани ежедневно.

тринадцатый годь издания.

Основная задача газеты—возможно полное изучение мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Постоянныя корреспоиденціи и хроника жизни Волжеко-Камекаго края. Казанская хроника Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка. Ежедневное обозрѣніе. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Торговый отдъль. Фельеточы и беллетристика. Общедоступныя статьи научнаго содержанія.

Въ "Волжскойъ Въстинкъ" принимають участіе слъдующія лица:

Н. Ф. Анвенскій, А. Н. Ахмеровь, А. И. Барановь, А. П. Батуевь, Н. Н. Блиновь, М. П. Бородинь, проф. Булдэ, С. И. Васюковь, И. Г. Гарипь, И. А. Гавкви, В. А. Гольцевь, проф. А. Ө. Гусевь, С. Я. Елиатьевскій, проф. Н. П. Загоскипь, П. В. Засодимскій, Ивановичь, А. П. Ивановь, В. Ильковь, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Канустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. В. Мандельнтамь, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскії, А. Д. Мысовская, В. И. Инзарьевъ, К. И. Изварьсва, Остроиская, Онгирскій, Ленскій, М. А. Плотинковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Ичелинъ, А.М. Півнкозъ, Н.В. Ремизовъ, проф. Н. И. Слугановъ, Сърова, И. И. Степавовъ, А. И. Харданъ, проф. А. И. Штукенбергь, Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишенскій, Н. О. Юшковъ, А. М. Ослоровъ проф. И. Н. Опрсовъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА для иногородникъ подписчиковъ: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мъсяца

2 р. 75 к., на 1 місяць 1 р.

Допускается разерочка: для вногородних при подпискі 3 р., 1 апріля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городских 2 р., 1 марта 2 р., 1 апріля 2 р., 1 іюня 1 р.

Всё новые годовые подписчик, подписавшієся на 1895 года беза разерочки годовой подписной платы, получають газету безплатно со дня подписки до 1 янвіря 1895 года.

Подписка принимается въ главной конторт "Водж. Въстика" на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгыва и въ правленіи общества прикащиковъ у К. П. Алексвена, въ Симбирскв (Стрвлецкая ул., д. Романова). Въ Вяткъ въ книжномъ магазинъ Тихапова.

Требованія на газету и высыдку подписныхъ денегь адресовать сл'ядующимъ образомъ: Казань, редакція "Волжскаго листка". Редакторъ-Издатель Н. Редегарять.

Открыта подписка на 1895 годъ на сжедневную газету

"ОРЛОВСКІЙ ВЪСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЈВ И ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ ДР. ГОРОДА

На годъ 7 рублей,11 мвс.—6 р. 50 к., 10 мвс.—6 р., 9 мвс.—5 р. 50 к., 8 мвс.—5 р., 7 мвс.—4 р. 50 к., 6 мвс.—
4 р., 5 мвс.—3 р. 50 к., 4 мвс.—3 р., 3 мгс.—2 р. 40 к., 2 мвс.—1 р. 70 к., 1 мвс.—90 к.

Для ГДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и СЪ РАЗСРОЧКОЮ, съ платою не менже какъ въ мъсяцъ 1 руб., до выплаты всей суммы.

Для ознавомленія газеты высыльногся ММ безилатно.

Подинска принимается только съ 1 и 15 чиселъ мъсяца. За перемъну адреса ипогородије уплачивають 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежий адресь. Кольйки могуть быть высылаемы марками.

Адресь редакцік: г. Орель, Зиновьевская уляца, д. № 2.

Открыта подписка на 1895 годъ

ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

"ТАГАНРОГСКІИ ВЪС

голь четырнапцатый.

Въ 1895 году газета будетъ выходить въ форматъ большого печатнаго листа, трп раза въ недълюпо воспресепьямъ, средамъ и пятищамъ, по сабдующей программъ:

1. Мъстный отдълъ. 2. Внутренній отдълъ. 3. Иностранный отдълъ. 4. Судебная хроника. 5. Смъсь. 6. Фельетонъ. 7. Справочный отдълъ 8. Объявленія.

Подписная цъна: На 12 м. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 M. 3 M. 2 M. 1 M.

P. K- P. K. P. K. P. E. P. K. Бевъ доставки 6-550525 Съ дост. и пересылкой . 7-6506-4 50 4 — 3 50 5 — 4 50 4 — 3 50 - 75 4 75 3 — 2 75 3 -5 50 5 -

Подписка принимается: въ Тагавроть въ редакція, Наколаєвская ул.д. № 5 и въ отлылені редакціи въ Ростови на-Дону, уголъ Соборнаго переулка и Темеринцкой ул., при твио-литогр. И. Я. Алексанова.

Редакторъ М. Красновъ

Издатель А. Мироновъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЬП

OTELECTRA

Выходить ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ выходить въ формать большихъ столичныхъ газетъ съ еженедъльными и ежемъсячными приложеніями.

Газета "СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА" съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составъ редакцій, совершенно реформярована, уве, личевавь формат'в и дополнены всв отделы. Въ каждомъ нумеръ газеты помъщаются руководящія статьи и замътки по всьмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Несмотря на весьма скромную поднисную цену на газету, все сведения о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствъ репортеровъ, спеціал. корреспоидентовъ я телеграмиъ —

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧ. ИЗДАНІЯМИ

а потому газета "СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА", въ обловлениомъ видъ и по обилію литературнаго матеріала, вполив замвияеть собою

дорогую по подписной цене газету вежеднедельный журналь

Кромъ ежедневныхъ нумеровъ, годовые подписчики получатъ:

- 1) 52 нумера воскресныхъ придоженій въвидь еженедваьнаго илаюстрированнаго журнала, гдъ помъщается въ теченіе года до 300 рис., а также и каррпкатуры.
 2) 40 пумеровъ "Романы и Повъсти" русскихъ и пностранныхъ писателей, что соста-
- вить въ годъ ивсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 3) 12 нуперовъ "Моды и Рукодълія", замьняющихъ для семьи «Модный журналъ».
- 4) "Ствиной календарь" (съ картой Россіи), отпечатанный въ три краски и пр.

Попинсная пъна на ПЕРВОЕ изланіе (съ пересылкою по Имперів): На годъ . . 8 р. На полгода . . 4 р. 50 к. На три мъс . . 2 р. 50 к. одинъ мъс.

ВТОРОЕ изданіе газеты "СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

выходить ежедневно лестами даже и въ дли, следующе за праздниками (въ годъ 360 нумеровъ), въ формать меньше перваго, но по той же общирной програмив и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый нумеръ газеты входятъ всъ выдающіяся вовости изъ придворной, духовной, адинипстративной, военвой, ученой, внутренией и иностранцой жизни. Въ отдъл беллетристики: оригинальные романы, повъсти, разсказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замътки, имъющія выдающійся питересъ, всегда дополняются художественными плиостраціями.

издание (съ пересылкою по Имперіи): . 4 р. На полгода 2 р. 50 к. На три мъсяца 1 р. 50 к.

годовые подписчики

газеты "Сынъ Отечества" могутъ получать, какъ новыя большія акваральныя картины: «БУРЛАКИ НА ВОЛГБ», проф. И. Рънина и «ЖЕРТВА ВОЛГИ», худ. С. Верещагина, такъ и прежиня изданія (картины и гравюры), уплачиная за каждый экземпляръ (съ доставкой) - одинъ публь.

Металлическіе бюсты русских государственных и общественных двятелей: 1) Е. И. В. Гос. Ими. Александра III (въ Бозъ почившій). 3) Е. И. В. Гос. Ими. Марія Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Ими. Александра II (въ Бозъ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій. Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Лостоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Црна каждаго бюста на выборт, для подписчиковъ—четыре рубля, неподинсчиковъ-пять рублей (безъ доставки).

Съ подпиской просять обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68-40.

Подровное иллюстрированное объявление высылается изъ конторы, по требованию, безплатно

новое дешевое ежем всячное литературное изданіе.

Съ 1-го января 1895 года, при газетъ «Сынъ Отечества», будетъ выходить въ свътъ, за особую подинсиую плату, НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ, въвидъ совершенно самостоятельнаго большого литературнаго журнала, подъ названіемъ:

домашняя библютека,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВЪСТИ и РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ и СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

(Въ годъ двънадцать кингъ или 4,000 страницъ большого формата).

Приступая къ выпуску новаго ежемъсячнаго изданія "ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА", мы не задасмся цьлью пресльдовать какое-пибудь модное паправленіе, а ставимъ себъ исключительною задачею дать папнить читателянь въ обилів здоровый по пресимъ и надлежащій въ смыслъ художественнаго творчества матеріаль для чтенія, какъ русскихъ, такъ и пиостранныхъ писателей, имъя въ виду, что высокія подписныя цьны, существующія на большіе литературные журналы, къ сожальнію, большинству не доступны. Организуп редакціонный составъ въ широкихъ размърахъ, мы пригластан къ участію извъстныхъ писателей и журналистовъ, изъ конхъ многіе не только объщали свое сотрудишчество въ будущемъ, по уже дали для помъщенія въ первыхъ-же книжкахъ "ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ" въ 1895 году НОВЫЯ свои литературныя произведенія.

Мы употребимъ всв наши общія усилія, чтобы дать въ ежемъслиныхъ книжкахъ "ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ", богатый по количеству, и интересный по качеству литературный матеріаль для чтенія, несмотря на скромную подписную годовую цъну, которая возможна лишь исключительно въ виду обширности нашего издательскаго дъла и нашей готовности отказаться, на первое время, отъ всякихъ прибылей, чтобы поставить дъло на прочную почку.

Каждый томъ "ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ" будеть содержать непременно одинь ношый законченный романь или повёсть, при томъ отнюдь не перепечатку литературных произведеній, бывшихь уже въ печати, какь это передко практикуется въ последнее время. Соблюдене последняго условія совершенно выд'ялисть наше новое изданіе изъ другихъ существующахъ дешевыхъ журпаловъ.

Въ книгахъ "ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА", въ 1895 г. будутъ напечатаны слѣдующія НОВЫЯ оригинальный произведенія, въ числѣ коихъ нѣноторыя извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

 михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ) — "Заал судьба" (романъ изъ современной жизни.

2) ЯСИНСКІЙ, І. І. (Максимъ Бълинскій) — "Неокопченное дъло (большая повъсть).

3) МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. — "Пскусительвида" (романъ изъ восточной жизни). 4) КАРНОВИЧЪ, К. — "Дитя обители" (исто-

4) КАРНОВИЧЪ, К.—"Дитя обители" (историческій романь изъ русской жизни).

5) САФОНОВЪ, С. А.— Незабудин" (по-

5) САФОНОВЪ, С. А.—"Незабудка" (новелла).

6) МАКСИМОВЪ, А. М.—"Сулстве измъ-

 б) МАКСИМОВЪ, А. М.—"Счастье измѣнвло". Большой романъ.
 т) НАЗАРЬЕВА, К. В.—"Наши защитияки". Большой романъ изъ современной

8) ЛЕМАНЪ, А. И.—"Порча жизни". По-

9) АЛЕКСАНДРОВЪ, А. "Везъ псхода".

 Съдой (псевдонимъ). А. П.—"Хорошо жить на свътъ". Бодыная поиъсть.

11) ЗАРИНЪ, А. Е. -- "Тихая пристань. Ромянь,

 ДУБРОВИНА, Е. О.—"Мщепіе". Романъ.

13) ТАНГІЕВЪ, кн. Е. А. "Загадочи. трупъ", ром.

14) КАЗИ БЕКЪ, ЮРІЙ. — "Тайны минарета" (изъ жизни черкесовъ до нокоренія Кавказа)

15) **МЕДВЪДСКІЙ, К. П.**—Дешевыя періодическія изданія и их значеніе".

16) ШВЕЦЕВЪ, В. Г.—новости научныя и сельско-хозяйственным и 17) СМБСЬ и проч.

Подписная цана на ДОМАШНЮЮ БИБЛЮТЕКУ (съ достави, по Имперіи): на годъ (за 12 книгъ ЧЕТЫРЕ р. на полг. (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к. Первая книга "Домашней Библіотеки" выйдетъ 1-го январл 1895 года.

Съ подпиской просять обращаться исключительно въ Главную Контору; С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничника моста, д. № 68—40. годъ изданія шестидесятый

живописное обозръние

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной зитературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВЪСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый пумеръ состоить, въ общемъ, изъ 3—4-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагъ, съ 7— 10 рисунками и съ коніями картинъ выдающихся художниковъ.

Кром в 52 нумеровъ журнала подписчики получатъ безплатно:

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

І. ДВЪНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Романы и повъсти: Долэ, Диккенса, Бретт-Гарта, Золя, Кеплинга, Монассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича и др. Каждая кийжка выходить отъ 15—20 листовъ. И. 40 НУМЕРОВЪ "Новые романы и повъсти" современныхъ писателей (ст. иллюстраціями). III. 24 НУМЕРА "Новъйшихъ модъ". IV. 40 НУМЕРОВЪ игрь, задачъ и ребусовъ. V. 15 НУМЕРОВЪ "Образцовъ для даускихъ изящныхъ рукодълій". VI. 12 ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину. VII. 12 "НОВЪЙ-ШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ". VIII. ЧЕТЫРЕ НУМЕРА "Образцовъ для вышливанія". IX. 1 СТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

1) "НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСВХЪ",

Эта новая, оригинальная и весьма цъпная премія состоить язь большого фолмата въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящвой оберткъ, содержащаго всегда вездъ и всъмъ нужныя свъдънія, въ особенности эта квига приносить песомивнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) "Возвращение изъ гостей,, 2) "Сокольничий на охотъ", 3) "Какъ началась живопись", 4) "Напаление волковъ".

Кром'в иятя безплатных в премій, годовые подписчики могуть получить одвовремевно, при нодписка чрезь Гавную Контору, новую большую акварельную картину (длипа: $22V_2$ вершка, вышина 16 вершковь), воспроизведевную въ 23 краски, съ оригинала изв'естнаго художника С. Верещагина.

"ЖЕРТВА ВОЛГИ"

(Картина изображаетъ извъстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина). Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другія за прежніе года, уплачявають за каждый экземплярь картины (съ доставкой на скалкъ)—одинъ рубль.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государствевныхъ и общественныхъ даятелей. Цъва за каждый металлическій бюсть большого формата, на выборь, для подписчиковъ 4 руб., а пеподписчиковъ 5 руб. (Безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ дос. въ Спб и по Импер.—8 р. НА ПОЛГОДА—4 р. 50 к. Безъ доставки на годъ въ Спб.:—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казепныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просять обращаться исключительно въ Главичю Контору:

Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68-40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изг конторы, по требованію, безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧИО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ для юно шества и самообразованія

IV-й годъ изданія.

IV-й годъ изданія.

ВЫХОДИТЪ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МЪСЯЦА.

въ размъръ 18-20 печатныхъ листовъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ твми же сотрудниками и по той же про-

грамм'в, при чемъ для напечатанія предполагастся, между прочимъ, сл'ядующее:
"По новому пути", романъ Д. Мамина-Сибиряка; "Псторія одной жизни", пов'єсть К.
Станюковича; "Изъ прошлаго", пов'єсть А. Лугового; "Князь и кмети", историческій романъ Крашенскаго; "Тапиственная исторія", романь Оноре Бальзака; "Процесси оплодотворенія въ растительномъ царствів" (съ рисунками), проф. И. Бородина; "Окраска животныхъ" (съ рисунками), проф. И. Холодковскаго; "Мозгъ и мысль", проф. Челианова; "Неорганическій міръ" (съ рисунками), очерки В. Агафонова; "Основы неихологіи" съ франц. нодъред. проф. Г. Челпанова; "Исторія цивилизаціи до среднихъ въковъ" (съ рисунками), Діокудрэ, перев. подъред. Д. Коропчевскиго; "Очерки русской культуры, проф. Н. Милюкова; "Біографія Ив. Серг. Тургенева" (съ изск. портр.), Ив. Иванова; "Изъ исторія пресеы", А. Сланцова; "Маркъ Авредій", очеркъ Н. Криспоперова; "Добрые обычая и правы" (изъ восноминаній изследователя), Ф. Щербины; "Очерки народнаго труда" Н. Мурашкинцева.

Подписная цъна: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 р, загра-шиу—10 р. Подписка привимается въ С-Истербургъ: въ главной конторъ и редакци—Лигов-ка, 25, кв. 5, и во всъхъ извъстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначесвъ в по соглашению съ редакціей. Кинжиме магазины, доставляющіе подинску, могуть удержи-

вать за комиссию и пересылку денегь 5% съ каждаго экземиляра.

Изд. А. Давыдова. Ред. В. Острогорскій,

Открыта подписка на 1895 г.

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ "PYCCKOE BOLATCTBO",

издаваемый Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ и О. Н. ПОПОВОЙ.

Въ 1895 году журналъ будеть выходить въ прежиемь объем в и при участи техъ же сотрудвижовъ. ПОДПИСНАЯ ЦВПА. На годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., бозъ доставки въ Петербургъ и Москвъ 8 руб., за грапицу 12 руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подименыя деньги савдуеть исключительно адресовать: въ контору журнала "Русское Богатство"-С.-Потербургъ, Бассейная ул., 10.

При пепосредственномъ обращении въ контору редакция, допускается разсрочка: 1. Для пногороднихъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой -при подпискъ 5 р. в къ 1 му иоля 4 р., наи при подпискъ 3 р., къ 1 му апръля 3 р. и къ 1-му иоля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается,

Не уплативнимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается. Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ м'нсяцъ-до 1-го сентября.

Въ москић подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинь

А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10.

Кинжинае магазины, доставляющие подписку, могуть удерживать за коммисто и пере-сылку денегь 40 кон. съ каждаго годового экземпляра. Кинжимит магазинамъ, выписывающимъ журпалъ на условіяхъ разсрочки, никакой

уступки не д'властся. Иримпианія: 1) За своевременную высылку журнала контора редакців отвічает только въ томъ случав, сели подписныя деньги были присланы или сданы испосредственно въ контору.
2) Квитанцін на полученіе журнали высылаются только т'ём'є нюгороди. подписчакамъ,

которые приложать при высылк'в подписных в денеть 19 к. почт. марками. Подписчивамь "Русскаго Богатства" уступка отъ 15 до 80%.

Сочиненія Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV. V, и VI по 2 руб.; т. III 3 р. 75 к. Окладъ въ квижи. магаз. А.Я. Панафидина: Москоа, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики "Русскаго Богатетва" пользуютоя уступной $50^{0}/_{0}$. Съ требованіями на соч. Н. К. Михайловскаго (I, II, III, IV, V п VI гт.) сл'ядуетъ обращаться исключительно во Москву въ книжный складъ г. Нанавлючительно во Москву въ книжный складъ г. Нанавлючительно во Москву въ книжный складъ г. Нанавлючительно во Москву въ книжный складъ г. Нанавлича. на полученіе "Русскаго Богатства", или печатный адресь, по которому высылается журналь.

Редакторы: И. В. Быковъ, С. И. Поновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ,

на литературный политичесній журналъ

"НАБЛЮДАТЕЛЬ".

годъ иг.

Журналъ выходитъ по прежнему ежемъсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительны цензуры.

ОТЪ 25—30 Нечатныхъ листовъ, безъ предварительни цензуры.

Въ 1894 г. въ журпалі были напечатаных 1) "Горный ручей", романъ І. І. Ясинскаго. 2) "Жельзомъ и кровью", историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловъ, Д. Л. Мордовцева. 3) "Съ добрымъ серзцехъ", повъсть А. А. Виницкой. 4) "Весною", очерки Ф. Д. Нефедова. 5) "Неудача гсиераля Постромкова", новъсть И. Д. Маслова (автора романа "Изъяны воли"). 6) "Золоченая богема", романъ В. Свътлова. 7) "Жизив сызнова", романъ Н. Ө. Бажина. 8) "Жертва плиозіи", романъ К. В. Назарьевой. 9) "Наполеонъ І и Жозефина", П. В. Безобразова. 10) "Очерки пностранной литературы", В. Р. Зотова. 11) "Повъсть честнаго гражданива" (по новоду "Диовника" Никитенка) К. П. Медвъдскаго. 12) "Памиры и памирскій вопросъ", В. Острогорона. 13) "Вовиное воздухоплаваніе", М. И. Венюкова. 14) "Крестьянское хозяйство и пародное проловольствіе", И. О. Фесенко. 15) "О задачальт горолского самоуправленія", А. П. Котальникова. 16) "Тревніе адвокаты и наши присижные цицерони", В. В. Птициа. 17) "Казенный раввичать", И Тембе. 18) "Задачи женскаго образованія", Н. Цакни. 19) "Къ вопросу о народной перешени", (Статистика). 20) "Въ древней столицъ Литовскаго кияжества", Е. И. Матросова. 21) "Изъ американской жизни", В. Святловскаго. 22) "Кавказскія минеральныя воды 18:3 г.", И. Ширскаго. 23) "Закопность управленія и кодификалія права", Н. П. Дружинина. 21) "Д. В. Григоровичъ", К. Говорова. 25) "Чехи на Возыни", А. Липранди. 26) "Капализація или сфагнуль?", Д. Райскаго. 27) "Паша драматическая труппа", В. Сватлова. 28) "На трехъ выставках", И —а. 29) "Порвые шаги въ устройствъ русской церкви въ Прагъ". гр. П. А. Кутузова. 30) "Нана журналистика", К.—скаго. 31) "Министерство земледъна", В. Г. Инвепова. 32) "Теорія Броуит-Секара и си примъченне, Его-же. 33) "Двъснестемы средняго образованія", Одного изъ родителей. 34) "Путь къ Берлинскому трактату, В. К. П. 35) "Наша музыкальная жизнь", В. С. Баскина. 34) "Путь къ Берлинскому трактату, В. К. П. 35) "Нама музыкальная жизнья жизнь въроучене"

Годовая цѣна: 12 руб. безъ доставки; 13 р. съ доставкою; 14 руб. съ пересылкою иногородинмъ; за границу 17 руб. За полгода: 7 руб. съ пересылкой въ Россін; за границу 9 р. За три мѣсяца: 3 р. 50 к съ доставкой и пересылкой въ Россіи; за границу 5 р. Кпигопродавцамъ уступка 50 к. съ годового экземпляра. Служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Главная контора: Спб., Пушкинская ул. (близь Невскаго пр.), д. 🔏 11.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

1895 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1895** г.

на ежедневную газету

"АСТРАХАНСКІЙ ВЪСТНИКЪ",

издаваемую въ форматъ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по вхъ програмиъ, а вменно:

- 1) Переловыя статын. 2) Статын и сообщенія. 3) Мивнія нечати. 4) Містная хроника. 5) Торговый отдёль (въ этотъ отдёль входить совершенно самостоятельный отдёль, подъ рубрикою: "РЫВНОЕ ДЪЛО"У НАСЬ и ЗА ГРАНИЦЕЙ).
- 6) Судебный отдълъ. 7) Телеграммы. 8) Корреспонденцін. 9) Текушая жизнь. 10) Политическій отдълъ. 11) Театральная и музыкальчая хроника. 12) Фельетоны. 13) Смъсь. 14) Справочный отдълъ. 15) Объявленія.

Газета выходить не исключая и дней поелъпраздничныхъ.

Подписка принимается: въ Контор. редакц., въ Астрахани: при Паровой Повой Русской Типографіи (Пароход. ул., соб. д.) и въ д. Усейнова, на Полицейской ул.

Подписная цѣна съ доставкою въ Астрахани: за годъ 7 р., за полгода 4 р., за три мѣсяца 2 р. 50 к.; съ пересылкою во всё города: за годъ 7 руб. 50 кон., за полгода 5 руб. и за три мѣсяца 3 руб. 25 кон.

Въ Москвъ всъ три изданія 11 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1895 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ ХІ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

"Въстникъ моды

журналь моды, хозяйства и литературы, съ приложениями и преміями.

Полный переводъ французскаго журнала "Moniteur de la Mode". Оба журнала: "Moniteur de la Mode"-въ Париж и "Въстникъ Моды"-въ Петербургъ выходятъ одновременно.

52 МОДНЫХЪ НОМЕРА ВЪ ГОДЪ (ЕЖЕНЕДЪЛЬНО).

Подписная цѣна:

I-го изданія (съ 12-ю вырізными выкройками, 24-мя выкросчными листами, изъ которыхъ 12 съ раскрашенными узорами): безъ доставки въС. Петербургъ на г. –3 р., на 1/2 г. –2 р. 25 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ: на г.—3 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 75 к. Съ доставкою и пересылкою. На г.—4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—3 р., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 75 к. И-го изданія (ст. 24-мя выр'єзными выкройками, 12-мя раскрашенными уворами и 24-мя выкроечными листами): Безь доставки въ С.-Петербургъ. На г.—5 р., як $\frac{1}{2}$ —3 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р. Безь доставки въ Москвъ на г.—5 р. 50 к.. на $\frac{1}{2}$ г.—3 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р. 50 к. Съ доставкою п пересылкою на г.—6 р., на $\frac{1}{2}$ г.—4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р. 50 к. III-го изданія (съ 12-ю раскрашен. картинами, 24-ия выр'взными выкройками, 12 раскрашен. узорами и 24 выкровчными лвстами): Безъ доставки въ С.-Петербургъ: на г.—6 р., на $\frac{1}{2}$ г.—4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвъ: на г.—6 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—4 р. 25 к., на $\frac{1}{4}$ г.—3 р. Съ доставкое п пересылное: на г.—7 р., на $\frac{1}{4}$ г.—4 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—3 р. IV-го изданія (ст. 52-мя раскрашени. картинами, 24-мя выръзными выкройками, съ 12-ю раскрашен. узорами и 24-мя выкроечными листами): Безъ доставки въ 0.-Петербургъ: На г.—10 р , на $^{1}/_{2}$ г.—6 р., на $^{1}/_{4}$ г.—4 р. Безъ доставки въ Москвъ: на г.—11 р., на $^{1}/_{2}$ г.—6 р. 50 к., на $^{1}/_{4}$ г.—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой: на г.—12 р., на i/2 r.-7 p., na 1/4 r.-5 p.

V-го изданія (съ 106-ю раскрашен, картинами, 24-мя выръзными выкройками, 12 раскрашен. узорами и 24-мя выкроечными листами): Безъ доставки въС.-Петербургъ на г. —25 р., на ½ г. —18 р. 50 к., на ¼ г. —7 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвъ: На г. —26 р., на ½ г. —14 р., на ¼ г. —8 р. Съ доставков и пересылкою: на г. 28 р., на ½ г. —15 р., ва ¼ г. —9 р. Подписка на годъ начинается 1 января, на 1/2 г.: съ 1 января и іюля; на 1/4 г.: съ

1 января, 1 апрёля, 1 іюля и 1 октября. Годовымъ подписчекамъ II, III, IV и V изд. будетъ разослано безплатно по выбору два рода премін: однамъ: Альбомъ: "Монограммы (вып. І работа гладью)" и другимъ: "Большая панорама модъ" (grand panorama des modes) осопнихъ и зимияхъмодъ, стоющая въ отдильной продажъ 2 р. 25 к. Заявленія о выбори той или другой премія дилаются

Подписка съ разсрочкой допускается только въ Главной Конторъ безъ увеличенія годовой цены. Подиненыя деньги вносятся въ 3 срока: 1) при подписке, 2) 1-го апредля

и 3) 1-го иоля.

Подписка отъ иногороднихъ подписчиковъ принимается только въ Главной Конторф. Адресъ Редакцін: С-Петербургъ, Михайловская площадь, д. № 4.

продолжается подписка на общепедагогическую еженедъльную газету

"ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРЪНІЕ"

Съ приложеніемъ "СБОРНИКА".

Вступал въ пятый годъ "Школьное Обозрвніе" сдвлялось собственностью новой редакцін и выходить въ свъть, съ разръшения г. Министра Внутреннихъ Дъль, въ Петербургъ— въ умственномъ центръ России. Читатели "Школьнаго Обозрънія" имъли уже возможность убъдиться въ томъ, что всъ теоретические и практические вопросы педагогическаго дъла въ России и заграницей находять мізсто на страняцахъ этого изданія. Между многими задачами новая редакція (1893 г.). прежде других выполняеть слідующее: ясно опреділяеть основные отдълы своей газеты. "Школьное Обозръніе" — органъ объединенія рус-скихь учителей; форма его газетная, оженед вльная. Издавіе это, давая руководящія статьи для учителей и воспителей по всемъ отраслямъ педагогическаго дёла, родителимь по вопросамъ доманняго образования и воснитания, отводить видное мъстодля оффиціальнаго отд'вла (правительственныя постановленія и распоряженія; труды ученых в комптетовъ, министерствъ и въдомствъ и пр.), весьма необходимаго для лицъ, соприкасающихся со школой, какъто: начальниковъ учебных в заведений, членовъ городских в ц земскихъ управъ, убядныхъ и губервскихъ училищныхъ совътовъ, попечителей училищъ и пр.,—веф они найдутъ въ "Школьномъ Обозръніи" массу справокъ и указаній по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дъла и школьнаго быта; лица, ищущія интеллигентваго труда, найдугь въ отдъль Справочный Указатель полезния имъ свъдънія. Сверхъ того, въ отдълъ Руская нечать о школьно, че днать редакція впакометь (воихъ читателей сь мифиями и сужденими другихъ изданий по извъетному вопросу и тъмъ достигасть правильнаго и безпристрастнаго освъщенія предмета, столь необходимаго въ педагогическомъ дъль.

"Школьнов обозрвніе" въ 1895 г. выйдеть въ 52 ММ съ приложенівми. Ціна за годь съ перес. и доставкой 5 р.; на девить мфс. - 4 р.; на полгода - 3 р. и на три мфсяца 2 р., для начальных школь в народных учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 р. Допускиется разсрочка влатсяз—по соглашеню съ редакціей. М'Асовъ за прежине годы "Пислъпато Обозриніц" не пивется. Оставшіеся въ небольшом количестви полиые комплекты газеты за 1893 г., на видахи ознакомленія съ повой редакціей, можно получить за дос руб. Выподшів Ж.Ж. "Школьшьго Обозранія" тек. г., по требованію, высилаются наложеннямь платежовь за счеть конторы. Подписка принимается въ главий конторъ "И кольниго Обовръва": С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Открыта подписка на 1895 годъ на

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

еженедільный художественно-литературный журналь

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАГО ЖУРНАЛА

выходящаго 1-го числа каждаго ивсяца въ объемв 15 печатныхъ листовъ и содержа-, щаго въ годъ около 2000 страницъ большого формата весьма убористой печати.

Кром'в 12 книжекъ "ТРУДА" и разныхъ другихъ художественныхъ приложений, все годовые подписчики "Всеміри. Иляюстр." получать еще какъ безплатную премію:богатое художественно-литературное изданіе

«РУССКІЕ БЫЛИННЫЕ БОГАТЫРИ».

Рисунки художника А. П. Рябушкина, изображающіе типы героевъ изв'єстныхъ былинь — Святогора Микулы Селяниновича, Вольги Всеславлевича, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Чурилы Пленковича, Садко, Василія Буслаєва и пр. Это будеть блестящій, большого формата, альбомъ съ поясвительнымь текстомъ. Помимо своего значенія художественнаго произведенія, это изданіе, безь сомивнія, встрітить сочувственними пріємъ въ русской публикъ, передъ которой какъ живые встануть поэтическіе образы богатырей, героевъ нашего народнаго эноса, такъ много говорящіе уму и сердцу русскаго человіка. Рисунки А. П. Рябушкина будуть воспроизведены въ мастерски исполненныхъ фототипіяхъ.

Подписная цена журнала Всемірная Иллюстрація на 1895 годь съ 12-ю книжками «ТРУДА» и со всеми приложеніями и преміей

въ С.-Петербургъ, при подп. въ главн. конторъ, Садовая, № 22, безъ дост.

Въ С.-Петербургѣ -Р. съ достав-

Въ Москвѣ, въ отд. конт.; 1) въ кн. маг. А.Ланга, на Кузи. м.; 2) въ воит. Н. Н. Печковской, Петр. л. безъ дост.

Съ пер. во всв города Россійской имперіи .

За границу (во всв страны почтоваго союза) 20 р.

Цена роскошному изданію: безь дост 20 руб., сь дост. и перес. 25 руб., вь Москев безь доставки 22 руб., за границу 30 руб.

Роскошное изданіе "Всемірн. Иллюстр." печатается на веленевой бум. и разсылается по почть безъ сгибанія. За высылку премій и приложеній никакой особой платы не взимается.

Для гг. служащихъ въ казевныхъ и частныхъ учрежденахъ допускается подписка съ разсрочною

(непосредственно въ редакціи), съ ручательствомъ гг. казначенвъ.

Для лицъ (живущихъ въ провинціи), не могущихъ внести сразу полную сумму денегъ, также допускается разсрочка платы, именю: при подпискъ слъдуеть внести 7 р., къ 1 мая 6 р. и къ 1 сентября остальные 5 р.—Подписка съ разсрочкою принимается исключительно въ конторъ редакцін.

Подписка принимается въ редакціи журнал. "Всемірн. Иллюстрація" и "Трудъ": С.-Петербургь, Садовая, № 22. Въ Москвъ отдъленія конторы находятся: 1) при книжн. магаз. А. Ланга, Кузнецкій мость, 15 и 2) при конторъ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

наполгода

3 py6. СЪ ПЕРЕСЫЛ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

на еженедъльный иллюстрированный журналь

на годъ 5 pyo. СЪ ПЕРЕСЫЛ

"ВЕЛОСИПЕДЪ".

Съ будущаго года редакція постановила расширить отдѣлы беллетристическій, фельетонь и юмористическій, въ цѣляхъ достижевія одвовременно съ спеціальными отдѣлами, предоставить не только велосипедисту, но и его семьй, возможно болбе матеріала для семейнаго чтенія. Сътою же цылью подписчики журнала "ВЕЛОСИПЕДЪ" получать въ началъ года

Безплатно въ видъ преміи

художественно исполненный альбомъ рисунковъ, состоящій изъ четырехъ отділовъ. – 1 Портреты выдающихся велосипедистовъ и ділтелей велосипеднаго спорта. – П. Художественный отділять, представляющій массу рисунковь изъ жизни велосипедистовъ. - III. Техническій отділль, дающій полную картину развитія велосяпеднаго дёла за послідніе года п-IV. Отділь юмористическій и каррикатурный.

АЛЬВОМЪ БУДЕТЪ СНАБЖЕНЪ СООТВЪТСТВУЮЩИМЪ ТЕКСТОМЪ.

Роскошно взданный, на хорошей веленевой бумагь, альбомь этоть можеть служить взящною настольною книгою всякой гостиной и въотдёльной продаже будеть стоить ТРИ РУБЛЯ безъ пересылки, съ перес. В р. 75 к. На пересылку преміи гг. подписчика благоводять прилагать 7 семикоп. марокь.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 148. Телефонъ № 650.

Лида, подписывающіяся на 1895 годъ до истеченія настоящаго года получать безплатно журналь за все время со двя подписки по 1-е января.

Организованный съ 1-го февраля 1894 года, въ цёляхъ удешевленія у насъпринадлежностей спорта, складъ машинъ при журналъ "ВЕЛОСИПЕДЪ" получилъ нынъ исключительное представительство на всю

Poccio оть извъстиватиято изъ англійскихъ велосипедныхъ заводовъ SINGER & C⁰ (Coventry). Это обезнечиваетъ возможность для склада въ предстоящій сезонь 1895 года еще болье чымъ въ минувшій сезонь вліять своимя крайне умфренными цанами на торговлю у нась велосипедами. -Имместрированные каталоги склада печатаются и будуть высылаться по требованію БЕЗПЛАТНО.

С.-Петербургъ, Михайловская ул., д. Жербина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ на ОБШЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

..СТЕПНОЙ КРАЙ

(на 1895 годъ).

Газета выходить въ Омскъ два раза въ недълю: по Воскресеньямъ и Четвергамъ, а въ остальные дни (кромъ неприсутственныхъ) подписчики получають телеграммы «Съвернаго Телеграфнаго Агенства».

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СИБДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы Сфиериаго Телеграфияго Агенства.

2) Правительствевныя распоряжения.

3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическому этнографическому, сапитарному и др. 4) ФЕЛЬЕТОП'Б: повъсти, разеказы, стихотворенія и др.

5) Отчеты о васеданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ (12) Метеорологическія наблюденія, учрежденій, городской думы и ученыхъ обществъ. (13) Почтовый ящикъ.

Литературное обоврвийе.

7) Визтрениее обозрѣніе.

8) Корреспоиденців.

9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ об-

10) Городская хровика. 11) Переселенческое дело.

14) Справочныя известія. 15) Частныя объявленія.

	подпись	ran naara:	
для иног	ороднихъ:	₹ ДЛЯ ГОР	ОДСКИХЪ:
Съ телеграммами.	Везь телеграмив.		Безъ телеграмиъ.
За годъ — 7 р. б() к.			3a годъ — 5 р.
" полгода — 4 " 50 "	" полгода— 3 " 50 "		" полгода — 3 "
"Змксиц. — З "		"3 мъсяца — 2 " 50 к.	"З мъсяца—- 2 "
" 1 мъсяц. — 2 "	"1 мъсицъ— 1 " 50 "	№ 1 мѣсяцъ— 1 _п 50 _п	"1 мізсяць— 50 в.
Алресъ для п	исемъ и телеграмъ: Омо	екъ, редакція газеты "Ст	енной Клай"

Редакторь II. Б. Яшеровъ.

Издатель И. Г. Сунгуровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

минскій листокъ"

Въ предстоящемъ году содержание газеты будетъ пополнено торговымъ отделомъ и особое внимание будеть обращено на отдель областной.

Подписная цѣна:

съ пересылкою на годъ-4 руб., девять мѣс.-3 руб., полгода-2 руб. 50 к., 3 мѣс.-1 руб. 50 кон. и 1 мѣс.-75 коп.: безъ доставки и пересылки—на годъ-3 р., девять мъс. —2 руб. 50 коп., полгода —2 руб., 3 мъс. —1 руб. и 1 мъс. —50 коп.

Подписка принимается въ главной конторт въ гор. Минскт губ.

Открыта подписка на 1895 г.

(шестой годъ изданія)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

CURTE DESPREE"

Выходить въ Москвъ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мъсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программъ и при участи тъхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и иъ прежије годы.

Постоянные отдёлы журнала сл'Едующіе: 1) Изящная словесность. 2) Наука. 3) Искусство. 4) Воспоминалія. 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русских писателей, худож-инковъ и общественных ъ дъятелей. 7) Критика и библіографія. >) Вопросы церковной жизни. 9) Со-временные вопросы. 10) Літопись печати. 11) Внутреннее обозрівніе. 12) Иностранное обозрівніе. 13) Иностранныя корреспонденція. 14) Экономическія замітки. 15) Областной отділь. 16) Объявленія.

ПОДПИСНАЙ ЦЪНА: (въ предълахъ Имперія) съ нересылкой и доставкой: на годъ 15 руб., на полгода – 7 руб. 50 коп., на три мъс. – 3 руб. 75 коп., на одинъ мъс. – 1 руб. 25 коп. Съ пересылкой за границу-18 руб.

Подписна принимается въ конторъ журнала и во всъхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Магазинамъ уступки – 5') кон. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болъе — уст. 10°/8 съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакции. Книги журнала 1890—1891 год. продаются въ конт. ред по 7 р. за годъ, 1892—1893 г. по 5 р. за годъ, 1894 г. по 8 руб. Пересывка доплачивается на мъстъ по разсчету. Выписывающимъ ист иять этть-пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція "Русскаго Обозрънія" (уг. Теврской и м. Гизгдниковокаго пер., д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель Анатолій Александровъ.

Le Journal de Saint-Pétersbourg

est le seul organe russe publié en langue française

Ses informations sont puisées aux meilleures sources. Elles embrassent toutes les communications officielles, les traités et conventions conclus par le gouvernement impérial, toutes les nominations diplomatiques et administratives de quelque importance, les faits courants. Une rubrique spéciale est consacrée à la

Revue des journaux russes

Une large partie du journal est réservée aux nouvelles de l'étranger. Ses correspondances, ses feuilletons littéraires, sa rubrique bibliographique sont très appréciés des connaisseurs. Ajoutons que le

JOURNAL DE SAINT-PETERSBOURG

ne s'est jamais départi des exigences auxquelles doit répondre un organe destiné à la bonne Société.

Prix d'abonnement:

		EN RO	UBLES.	
	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
St-Pétersbourg	2.—	5.50	10. —	18.—
Russie		6.74	12.25	22
Etats de l'Union postale	2.50	7.—	12.50	24.—

On peut s'abonner à tous les bureaux de poste russes; de plus à St-Pétersbourg, à l'administration du Journal, Maximilianovsky péréculok, 13, et au bureau spécial du Journal, librairie ancienne Mellier, pont de Police, maison de l'église hollandaise; à Paris, à l'Agence Havas, place de la Bourse, 8; à Londres, chez MM. Delizy, Davies et C-le, 1. Finch Lanc, Cornhill, London E. C.; à Berlin, M. Rudolf Mosse, Jerusalemerstrasse, 48; à Vienne, et à Hambourg, chez MM. Hassenstein et Vordon: Strasbourg, chez M. Aug. Aug. Aug. Brûté. Haasenstein et Vogler; à Strasbourg, chez M. Aug. Ammel, rue Brûlé, 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ иПОЛИТИЧЕСКІЙЖУРНАЛЪ

"СЪВЕРНЫИ ВЪСТНИКЪ"

(Годъ изданія X).

Вт 1894 г. въ "Съверномъ Въстникъ" было напечатало: "ЗАРНИЦЫ", повъсть В. Микуличъ (автора "Мимочки"). "НЕИЗЛЬЧИМЫЕ", пов. П. Боборыкина. "НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ". ром. Ввс. Немировича-Данченко. "ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГН" удалецкія "сказки" Н. Лъскова. "СОВЕР-ШЕННОЛЬТІЕ" и "ТАТЬЯНИНЪ ДЕНЬ". ризск.гр. Л. Л. Толостого. "ВЪ СТРАНЬ ПИРАМИДЪ", разсказы Д. Мордовцева. "ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ", пов. М. Крестовской. "УТРАТА", разск. А. Стернъ. "ТАЙНА РЪКИ", пов. Ф. Нефедова. "ЧИНОВНИЧЬИ КЛАВИКОРДЫ", быль Н. Трахимовскаго. "ТОМОЧКА". пов. В. Дминиріввой. Статьи: "НОВЫЕ СОЮЗЫ ВЪ ЕВРОПЬ" пр. Л. Камаровскаго. "ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВЪ" проф. Ю. Петри. "ВОСПОМИНАЦІЯ О П. ЧАЙКОВСКОМЪ" Г. Лаооша. "ДВЪ СЛАВЯНСКІЯ ПОВЪСТИ" П. Боборыкина. "ПЕРВЫЙ ПУБЛИЦИСТЬ ВЪ ЕВРОПЬ", проф. А. Шепепевичи. "ВСТРВЧИ" Ник. Ге. "ЗЕМСКІЕ НАЧАЛЬНИКИ И СУДЕБНАЯ РІДФОРМА" М. Петрова. "ВЫКУПЪ ДВОРЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ КАЗНУ" Н. Куачецова. "СЕЛЬСКІЯ БИБЛЮБИК КАКЪ ДВИГАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ" проф. А. Исаева. "ПРИНЦИПЪ СВО. БОДЫ ВЪ ЦАРСТВЪ ЖИЕФТНЫХЪ" проф. Н. Вагнера. "О НАСЛЕДСТВЕННОСТИ" проф. В. Шимквича. "НОВАЯ БІОГРАФІЯ ЛИСТА" В. Стасево. "СВЯЗЬА ПИСЕМЪ ГЕРЦЕНА" Е. Некрасовой. "ОТРЫВКИ ИЗЪ ДИЕВНИКА" А. Герцене. "ЖОРЖЪ ЗАНДЪ" П. Вейнберга. "В. В. ВЯЗЕМСКИ" (1811—1892). Біографическій дчеркъ В. Корсакова. "ВЪ ПАЛЕСТИПЬ" очерки Б. Корженевокаго. "ЗАНИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ" (1825—45 гг.). Бесьды. государя Николая І, Пушкиня, Жуковскаго, Гоголя в хр. Переводы: "ИЗЪ ДНЕВНИКА А. И. В. И. В. Полотой, похъ ред. жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: "ИЗЪ ДИЕВНИКА АМІЕЛЯ", пер. гр. М. Толотой, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толотаго. "СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ", ром. Г. Сенковича. "СО-ВРЕМЕННАЯ НІОБЕЯ", ром. Іонаса Ли. "ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ", ром. Г. д'янунціо и мпого друг. Стихотворенія: Я. Полонскаго, Н. Минскаго, Д. Морежковскаго, О. Чюминой и др. Ежемъслинно отдель в журпаль: 1) Областной подражной старъль. 2) Провинціпльния печать Т. Прозорода. 3) Критики и библіотинція. А. Каррамовальной кара Алексай Старъль. 2) Провинціпльния печать

Л. Прозорова. 3) Критика и библіографія. 4) Корреспоиленцін: нять Америки, Фринцін, Италін, Авглін. 5) Внутреннее обозрваїв. 6) Политическая літовись Л. Полопскаго. 7) Театръ. 8) Інзъ жизни

и лвтературы. 9) Литературныя зам'ятки А. Волынскиго.

Полгода. Четверть. Полгода. Чертверты. ILEHA: Годъ. Безь доставки . 12 р. — к. 6 р. — к. 3 р. — к. 1 Съ пересыякой . 13 р. 50 к. 7 р. — к. 3 р. 50 к. Съ доставкой . 12 " 50 " 6 " 50 " 3 " 50 " 3 а границу . . 15 " 50 " 8 р. — " 4 " — "

Въ главной конторъ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цены. Для учащихъ и учащихся льготныя условія по соглашенію.

ПОДИИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторъ. Спо., Тропцкая, 9 и въ московскомъ отделенін Тверскан, д. № 37 Сазвкова; въ Спб., въ книж. маг. Фепу, въ Москв'в, въ копт. И. Печковской, во всехъ книж. маг. Карбаспикова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гурсоичг.

Редакторъ М. H. Альбовъ.

Открыта подписка на 1895 годъ

НА ДЪТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

,, PPYLLEUK

Журваль "ИГРУШЕЧКА", допущенъ Учебнымъ Комитетомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвъщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежден. Императрицы Маріи. Журналь "ИГРУШЕЧКА", вступая въ шестнадцатый годь изданія, будеть выходить по той же программ'я

и при участи прежнихъ сотрудинковъ и художниковъ.

Въ журналъ помъщаются новъсти, разсказы, стихотворенія, статьи научниго содержанія изъ жизен и природы, путемествін, статьи по исторіи, сказки, переводния статьи съ европейскихъ языкова. Ручной трудъ. Игры на воздух в и дома. Разсказы на французскомъ и нъмецномъ языкахъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.
При журнали "ИГРУЛИЕЧКА" существуеть о со бый о т д и д ъ

"ДЛЯ Годъ VII. малютокъ"

В журнал'в принимали и будуть принямать участіе савдующіе литераторы и ученые: А. Н. Аниенскал, К. С. Варавцевичь, А. Бахтіаровь, Яв. Вілоусовь, М. Васильевь, В. Л. Величко, Н. И. Горбуновь-Посадовь, В. Диць, А. Н. Догановичь, С. Д. Дрожжинь, В. П. Желиковскал, Н. В. Загодимскій, В. Э. Иверсевь, Н. Н. Каравинь, Д. Н. Кайгородовь (профессорь), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, А. В. Кругловь, М. М. Куклинь, С. И. Лаврептьева, Вл. Ладыженскій, Н. С. Лісковь, К. Лукашевичь, Д. Н. Мажикъ-Сибирякъ, А. К. Михайловь (Шеллерь), Д. Л. Михаловскій, В. М. Немпровичь-Данченко, В. В. Огарковь, В. П. Острогорскій, М. И. Іваляевъ, А. Схарова, Н. И. Северпив, И. А. Соловьсть-Несківовь, А. Тургенсва, А. Н. Фаресовь, В. Фаугекъ, К. М. Фофавовь, О. Чумина, Л. Инслумова, С. Н. Шубинскій, І. І. Тенсикій (Макасим, Каракасий), И. И. Веркупстовь, В. мурналів, принциалоть участіє. симъ Бълнискій), И. И. Өсоктистовъ и вногіе другіе. Изъ художинковъ въ журналів првинмають участіє: И. Е. Рънинъ, Н. Н. Каразивъ, баронъ М. И. Клодтъ, Е. М. Бемъ, Н. И. Ольшвискій и другіе. Подписчика "ИГРУШЕЧІСИ" въ продолжевіе года получать вдну премію, съ отделомъ "ДЛЯ МАЛІОТОКЪ" двь премія. Особой подписки на отдёль "ДЛЯ МАЛЮТОКЪ" нѣтъ.

Съ 1894 года выходитъ при журнажь "ИГРУШЕЧКА", и также и по отдъльной подпискъ, особое педагогическое пзданіе

"НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ" Годъ II. Годъ II.

Въ трудахъ редакціи принимають участіє: Д-рь С. П. Верекупловъ, Д-рь А. С. Виреніусь, М. М. Вол-кова (жени,-врачъ), В. П. Воленсь, Д-ръ Гориновскій, Д-рь П. Д. Епіко, С. С. Ивкиова (жевщ.-врачъ), О. 10. Каминская (женц.-врачъ), Д-рь А. Г. Лаврентьевъ, проф. П. Ф. Лестафтъ, М. М. Мапасенна, Д-ръ И. В. Малиревскій, Е. Х. Маляревская (женц.-врачъ), А. Х. Обравцова, Впкторъ Острогорскій, А. Н. Паевская (женц.-врачъ), 1. Н. Паульсовъ, В. Португаловъ, Э. К. Пименова (женщина-врачъ), Д. Д. Семеновъ, М. М. Соколова, проф. И. Р. Тархановъ, проф. В. Ф. Якубовичъ и другіе.

Изданіе "НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ" выходить 9 разь пь годъ (кромѣ лѣтиихъ мѣсяцевъ) книжками

оть 2-хъ до 3-хъ нечатныхъ листовь каждая.

Годовая подписная цъна, съ доставкой и пересылкой: вт. Россія. За грапицу.

3 руб. 5 руб. 5 5 даніемъ "На помощь матарямъ" . . .

давцевъ просять исключительно обращаться со своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пъшкова-Толивърова.

Родакторъ В. П. Воленсъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ художественно исполненные олсографические, отисчатанные 28-ю МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ ПОРТРЕТЫ

Его Имп. Вел. ГОСУЛАРЯ ИМПЕРАТОРА

ЕЯ ИМПЕР. ВЕЛИЧ. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

НИКОЛАЯ II-го.

Александры беодоровны.

Его Имп. Вел. Государь Имисраторъ взображень въ общегенеральскомъ мундирь, а Ел Величество въ бальномъ мать в. Портреты эти исполнены весьма тщательно, отличаются замечательным сходством; они нечатаются въ одномъ изъ самыхъ большихъ артиствческо-влеографическомъ Парижскомъ заведении "Imprimerie des Arts", что даетъ полное ручательство за художественное ихъ исполнение.

1-е изданіе для вставленія вт. деревянныя, золоченыя рамы.

34 Разибръ портрета. Пана. $\begin{array}{c} \times 8^{1/2} \\ \times 12^{1/2} \end{array}$ 1 руб. веринов.

2-е изданіе съ бордори. золочен рамкою, зам'вилющей деревянную раму.

Ni	Разм. портрета съ рамк.		Ц·І	sua.	
4 5 6	$\left. \begin{array}{c} 6^{3}/_{4} \times 9^{1}/_{4} \\ 10^{1}/_{2} \times 13^{3}/_{4} \end{array} \right\}$ Bepmkob.	3 5	p.	50 —	K.

деревянныя золоченыя рамы оть 1 руб. до 25 руб. Портреты Государя Императора разсылаются съ декабря прошлаго 1894 г., а Государыня Императенцы съ января 1895 г. Съ заказами сабдуеть обращаться исключительно въ контору "Иаримсекой компани" въ Варшаву, Огородован № 11.

годъ трипцатый

"ACTPAXAHCRIÑ NUCTORB

въ 1895 году

булетъ издаваться въ томъ же большомъ формать и съ тъми-же рубриками.

подинская цъна съ пересылкою:

На годъ-7 р. 50 к., на полгода-5 р., на 3 мъсяца-3 р. 25 к., на 1 мъсяцъ-1 р. 25 к.

По примъру прежнихъ лътъ, всъ новые подписчики, внесине полную годовую плату ранъе 1-го января, имъютъ право на получение газеты со дня подписки до 1-го января 1895 г.

БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Астрахани, въ конторъ ред. "Листка" в въ Прикаспійкомъ маг., по Эспланадной улицъ, домъ Сергьевыхъ.

1895 OTKPЫТА ПОДПИСКА

1895

XXX

XI годъ.

НА ГАЗЕТУ

ХІ годъ.

CAPHINE

HOLLINGHAR HEHA:

На годъ-9 р., на полгода-4 р. 50 к., на 3 мbc.-2 р. 25 к., на 1 мbc.-75 к.

Подписка принимается въ Томскт въ конторт редакціи "Сибирскаго Въстника".

Объявленія изъ Европейской Россіп и заграницы для "Сибпрекаго В'єстника" припимаются въ ковторъ Метцль и Ко въ Москвъ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургъ, Б. Морская

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКЪ на 1895 годъ

(33-й годъ изданія).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, "Саратовскій Листокъ" остается при той же програмив и при прежнемъ составв редакціи и сотрудниковъ. Редакція старастся улучшать свое издавіе, сообразно съ запросами времени в интересами общества.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА:

Нагодь. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. р. к. р. к 1 -2 40 1 20

Для облегченія возможности подписываться на газсту недостаточнымь лицамь редакція находать возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовикъ подписчиковъ, какъ городскихъ. такъ и иногородныхъ: первые впосятъ: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р., иногородные: при подпискѣ 4 р. и 1-го мая 4 р.

Подниска принимается съ 1-го по 1-е каждаго мъсяца и не далъе конца года.

Подписка принимается въ конторъ редакціи: Саратовъ, Ивмецкая, домъ Опезорге. Ред.-изаатель П. О. Лебедевъ. Издатель И. П. Горизонтовъ.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета

(Адресь редакціи: Харьковь, Университеть).

ВЫХОДИТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА въ ГОДЪ (1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

НРОГРАММА ИЗДАНІЯ: 1) Часть оффиціальная: извлеченіе изъ протоколовъ Совъта, а также и другіе оффиціальные акты и документы. 2) Часть неоффиціальная: а) научный отдълъ; б) критика и библіографія; в) харьковская университетская льтопись: г) приложенія.
 Подписная цьна фр. безъ нересылки, р. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ

Харьковскаго Университета 2 р. въ годъ.

Редакторъ Д. Овеянико-Куликовскій.

VII r. RIHALSN.

OTRPBETA HOJIMCKA

на 1895 голъ

на общественно-литературную газету

VII r. . ВІНАДВИ

"ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ".

Выходить въ г. Красноярскъ, Енисейской губ., ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.

Подиненая цана съ доставкою и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть

года 2 руб., на одинъ мъсяцъ 1 рубль. подписка принимается въ краснопрекъ въ конторъ редакци "Еписейскаго Листка", домъ Кудрявцевой, Воскресенская ул., въ Омскъ въ книжномъ магазинъ Алексанадова, въ Томскъ въ отдълени редакции "Еписейскаго листка", Почтамтская ул., д. Окулова и въ книжномъ магазин'в Михайлова и Макушина, въ Минусински въ отдълени редакци "Енисейск. Листка", въ Пркутски въ книжномъ магазини Михайлова и Макушина, въ Петербурги и Моский въ центральной конторъ объявлений Торговаго дома Л. и Э. Метцъ.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

"САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ",

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромф дней послепраздинчныхъ.

Сь марта мівсяца 1894 года "Самарская Газета", издается подъ новой редакціей, въ значительно расширенномъ и обновленномъ виді. Газета ставять своею задачею — быть візришмъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго Края и дать читателямъ систематическій матеріаль, касающійся какь областныхь, такь и общегосударственныхь вопросовь и вообще всехь сторонь русской общественной жизни.

Въ "Самарской Газетъ" привимаютъ участіе сатадующія лица: Я. В. Абрамовъ, Н. П. Ашешовъ, Бъ "Самарской газатъ" привимають участие слъдующия лица: И. В. Абрамовъ, Н. П. Ашешовъ, А. Л. Бостромъ, Е. А. Буланина, Н. И. Васильевъ (Nешо W.), Р. Гвоздевъ, С. С. Гусевъ (Слово Глаголь), Е. М. Ещинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, дръ П. И. Крыловъ, Д. И. Маминъ (Скбирякъ), Н. Г. Михийловскій (Н. Гаринъ), М. А. Илотинковъ, А. М. Пъшковъ (М. Горькій), А. Сашинъ, В. И. Ушаковъ, Евгевій Чириковъ (Е. Валинъ) и д-ръ С. О. Ярошевскій. Кромъ того объщали свое сотрудначество: И. И. Ивановъ и В. Г. Короленко.

Подписная цъна для иногородиихъ: на 12 мъсяцевъ - 7 р., на 6 мъсяцевъ 3 р. 50 к., на 3 мъсяца-2 р. и на 1 мъсяцъ-70 к.

Иногородије адресуются: Самара, редакајя "Самарской Газсты".

Редакторъ Н. А. Ждановъ. Издатель С. И. Костеринъ.

0 ПОДПИСКЪ НА 1895 ГОДЪ

на ежем всячный иллюстомованный журналь для двтей школьнаго возраста

"DIBTCKOE YTEHIE" съ приложениемъ "Педагогическаго Листка"

для Родителей и воспитателей.

Въ 1895 году "ДЪТСКОЕ ЧТЕНІЕ" вступаетъ въ 27-й годъ своего существовавія. "ДЪТСКОЕ ЧТЕНІЕ" одобрено: Ученымъ Комптетомъ Министерства Народнаго Просвъщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ запеденій, городскихъ и убядныхъ училищъ, и Учебнымъ Комитстомъ Собственной Его Императорского Величества Канцелярів по учрежденіямъ Императрицы Марін; Главнымъ Управленіемъ Восино Учебныхъ Заведеній вилючено въ каталогъ кингъ для

чтенія воспитанникамь кадетскихь корпусовъ. Въ журпаль "ДЕТСКОЕ ЧТЕНІЕ" помъщаются: а) повёсти, разсказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворсиіл; в) историческіе очерки и біографів зам'вчательных людей; г) попу-

лирво-паучныя статы, знакомящія съ природою и челов'вомь; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бізу світу; ж) музыкальный отлітль; з) ягры и завятія и) задачи, ребусы, шарады и проч.
При журшиль "ДЕТСКОЕ ЧТЕНІЕ" изгастся "Педагогическій Листокъ", выходящій четыре раза вь годь отлітльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Вольшая часть статей "Педагогическиго Листки" посиящается домашнему воспитанию, элементарному обучению и разработки вопросовъ о классномъ и винклассномъ чтени дитей. Въ "Педигогическомъ Листки" помыщается періодический уназатель дэтской и учебной литературы, содержащій въ себъ краткое описаніе в разборъ вновь выходящихъ инигъ для дътей, учебниковъ, руководстиъ и пособій для родителей, воспигателей и учителей.

Подписная цѣна на годъ: безъ дост. въ Москвъ-5 р.; съ дост. и перес. во всв города Россін— 6 р.; за границу—8 р.; на позгода—3 руб.; на четверть года—1 руб. 50 к. Допускается разсрочка по третимъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ редакцін: Москва, Тверская узица, д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во исихъ извъствыхъ книжныхъ магазинахъ объяхъ столицъ.

Редакція.

Открыта подписка на журналъ

ЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго при Императорскомъ Изданіе Московскомъ Университетъ.

Журналь выходить пять разь въ годъ (въ началь января, марта, мая, сентября и поября) книгами по менью 15 нечатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го ляваря 1895 г. но 1-е января 1896 г.) безъ доставки — В руб., съ доставкой въ Москва — в руб. 50 кои., съ пересылкой въ другіе го рода-7 руб., за границу-8 руб.

Члены Психологическаго Общества, учащиеся сельские учителя и сельские священники вользуются скидкой въ 2 руб. Подинска на льготныхъ условіяхъ и льготнал выписка старыхъ годовъ

журнала принимается только въ контор'я редакція.

Подписка, кром'в кинжинку магазиновъ "Новато Времени" (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Отлоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторъ журнала: Москва, Арбатъ, д. Расцвътовой. Въ журналь за 1894 годъ напечатаны, между прочимъ статьи: Гр. Л. П. Толстого. "Къ вопросу о свободь воли".— Вл. С. Соловьева. "Смысль любви".— Его же. "Современное состояние вопроса о медумизмъ.— Его же. "Первичныя данныя правственности". — И. Я. Грота. "О значевін пден параллелизма въ нсвкологін".— Его же. "О временн" (3 статьи).— А. А. Козлова. "Французскій позитивизмъ" (2 статьи). Его же. "Густавъ Тейхмюллеръ".— Н. П. Страхова. "О задачахъ исторін философін".— В. Я. Цингера. "Педоразумънія во взглядахъ на основанія геометрін".— Н. А. Умова. "Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ".— С. С. Корсакова. "Къ исихологіи микроцефаловъ".—11. Д. Боборыкина. "Формулы и термивы въ области прекраснаго".— Р. Р. Буцке. "Анализъ условій пространства и времени при ассоціацияхъ идей". А. А. Токарскаго. "Заклинаніе со стрілой тибетских рамь".—Его же. "Ісь вопросу объ ассо-ціях идей".— Его же. "Сознаніе и воля".— В. А. Гольцева. "Психологія идей-силь".— Н. Н. Піншкина". "Пространство Любачевскаго" и др.

Къ помъщению въ ближайшихъ кингахъ предполагаются: Вл. С. Соловьена. "Философский аскетизмъ".— И. Я. Грота. "Основания учения о правственномъ долгъ".— Ки. С. И. Трубецкого. "Этюды изъ области морали".— А. А. Токарскаго. "Происхождение и развитие нравственныхъ чувствъ".— Л. О. Даркшевича. "Объ интеллектуальной сферъ женщины" и др.

Редакторы: проф. Н. Я. Грота, проф. Л. М. Лопитина.

VI-й г. изд.

изд. г. VI-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ INCTOKT

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Открывая подписку на 1895 годъ, "Русскій Листокъ" начинаєть 6-й годъ своего изданія. "Русскій Листокъ" попрежисму считаєть своей первой и главной задачей смуженіє православію, самодержавію и народности — этимъ тремъ несокрушнимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа я будеть такъ-же, какъ я прежде, служить истинно русскимъ интересамъ. Жизнь церкви, твено и неразрывно связанная съ жизнью великаго русскаго на-

рода, попрежиему будеть занимать видное м'всто на страницахъ "Русского Листка". Въ "Русскомъ Листкъ" есть следующие отдълы: "Действия и распоряжения правительства"; "Распоряженія и назначенія по духовному в'вдометву"; "Факты и слухи"; Дневникъ проиешествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра; "Военный Листокъ"; новседневныя событія московской жизни; повседневныя событія нетербургской жизни; Телеграммы; "Мельзнодорожный Листокъ"; "Театръ и музыка" и "Изъ міра искусствъ"; "Обо всемъ" и "По городамъ и селамъ"; "Мелочи"; "Велкая всячина"; "Мимоходомъ"; "Пьсии дия"; "По сельскому ходяйству"; "Разныя извътній постокъ" и "По сельскому ходяйству"; "Разныя извътній постокъ" и "По сельскому ходяйству"; "Разныя извътній постокът и постокъ стія", биржевыя, рыночныя в справочныя сведенія. Ежедневно-же въ фельстопахъ "Русскаго Листка печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ миогіе уже пріобрели пезыблемыя симпатін читающей публики, а также номъщьются повъсти, разеказы, сценки и т. д. Затъмъ — за ту-же интирублевую плату — "Русскій Листокъ" время отъ премени даетъ своимъ подписчикамъ безъ всякой пришлати художественно исполненные портреты Особъ Императорского Дома и выдающихся государственныхъ афятелей.

Въ паступающемъ подписномъ году, "Русскій Листокъ" будеть выходить въ такомъ-же громадномъ формать и будеть заключать въ своихъ столбцахъ тоть же разнообразный тромадюмъ формать и оудеть заключать въ своих столоцахъ тоть же разпоооразным матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются альдующіе интересные романы: В. Риваля—"На смертный бой", ром. въ 2-хъ частяхъ; И. А. Хлопова— "Два міра"; А. П. Андреевскаго—"Темное дъло"; С. Ө. Рыскина— два сром.: "Вѣчевал баба" и "Санва Кремпевъ"; Д. С. Дмитріева— "Іоанпъ III, собиратель земли Русской"; ром. А. Д. Анраксина и др.

110ДИИСНАЯ ЦЪНА съ дост. и перес.: В руб въ годъ, в руб. за шесть мѣсяцевъ,

70 кон. за одинъ мъсицъ.

Адресь редакція: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Поповой.

СОБРАНІЕ ИНСТРУКТИВНЫХЪ И САЛОННЫХЪ

РАЗЛИЧНЫХЪ АВТОРОВЪ.

Составилъ съ подробными знаками исполненія (фразировкою и апликатурою)

В. В. ПУХАЛЬСКІЙ,

директоръ Кіевскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества.

	шузыкальн	aro u	лощества.	
	Р. К			P. R.
1 RISET 1-er Men	uet de l'Arlesienne - 50		MASSENET	Op. 10. No 5. Mélodie — 25
2. DURAND, A. Op		33.		"Manon" Entr'acte. — 40
	Lubin — 40		17	II. Op. 7. No 2. Mo-
	b. 84. Gavotte $\cdot \cdot - 50$		TIONED O A OF	
77				ment musical . — 75
	irmure. Romance . — 40	_ /	n	Op. 21. N. 3. Cap-
	3. No 1. En courant — 75			rice espagnol . — 50
	4. 2-e. Mazurka — 50	0 \ 36.	n	Op. 38. № 3. Ma-
//	5. No 6. Bergers et	0 00		zourka — 50
	gères — 50		n	Op. 41. Gondoliera — 75
	5. 2-e. Valse — 50		"	Op. 45. № 2. Gui-
	3. Au matin — 50	0 }		tarre — 75
	08. 2-e. Scherzetto — 50		PADEREWSK	II. Op. 5. № 2. Ma-
11. " Op. 10	09. 3-e. Gavotte . — 50	0 }		zourka — 50
	№ 1. Berceuse . — 40		77	Op.16. No 2. Mélodie — 50
13. " Op. 43.	№ 1. Papillon — 40	0 5 41.	PESSARD. O	p. 20. № 6. Valse Rê-
14. " Op. 46.	Ne 3. La danse	3		veuse 40
	ra ·	0 \ 42.		p. 20. № 7. Les peu-
	№ 3. Mélodie . — 50			reuses — 50
	№ 6. Danse nor-	43.		p. 20. № 19. Courante — 40
	nne 25		11 - 1	p. 20. N. 21. Pastorale — 25
	erzo 40		77 - 1	p. 26. Ne 13. Arlette — 50
18. JENSEN. Op. 17		46.		o. 26. № 20. Valse-
	stille — 25			Capricieuse — 40
	7. Ne 11. Irrlichten — 40		POUCHALSKI	Op. 4. Au crépuscule — 75
	l. № 4. Murmeln-	48	PRIBIK Sérè	nade russe — 50
"/ L	Lüftchen — 50			4. No 1. Valse — 50
	2. No 9. Sérénade. — 40			R. Op. 5. Nº 6. Toc-
			KIIDERGE	catina — 40
23. KIERCHNER. O		51	SAINT-SAËN	S. Bagatelle — 25
				A. Op. 43. No 3. Me-
94) 52.	SCHAR WEHR	
Tr Pr	o. 16. № 7. Alle-	50		nuetto — 40
	gretto		77	Op. 63. № 1. Cap.
25. " Op	. 16. M 8. Marche — 40	3 = 4		riccietto — 50
	1. 21. No 1. Aqua-	54.	79	Op. 65. № 3. Bar-
	relle — 40			carolle— 40
	o. 21. № 26. Aqua-	55.	27	Op. 63. № 5. Noc-
	relle — 40			turne — 50
	o. 26. № 1. Album-	56.	THOMAS. Mig	gnon. Gavotte — 40
	blatt 25	57.		37. Passacaille — 50
	utrefois Musette . — 40			71. La Naiade — 50
30. " Co	ourante 40	59.	" Op.	109. Gavotte et Mu-
31. MASSENET. Op.	10. № 3. Barca-		sett	te 50
	olle 40	60.	WACHS. Alle	gro. Fantaisie — 50
	TAOT	A T	TTE	

ИЗДАНІЕ

КНИЖНАГО И МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА

Л. ИДЗИКОВСКАГО

BT KIEBT.

Гг. учащимся делается ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Императорскаго Казанскаго Университета

на 1895 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: І. Отдълъ наукъ. И. Отдълъ критики и библюграфіи. III. Упиверситетская лътопись. IV. Приложенія.

Ученыя Записки выходять періодически плесть разъ въ годъ книжками въ разм'ър'в не мен'ве 15 листовъ: не считая извлеченій взъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная ціна: въ годъ со всіми приложеніями в руб., съ пересылкою 7 руб. Отдівльныя кпижки можно получать въ редакціи по в руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленій упиверситета.

Редакторъ Ө. Мищенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

на ежедневную, политическую, общественную в литературную газету

"КРЫМСКІЙ ВЪСТНИКЪ",

издающуюся въ городь Сепастополь.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМОЙ).

Газета, выходящая сжедневно, кром'в дней послъпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерийн.

Въ случав особенно важныхъ событій, въ дни послыпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІН ПОДПИСКИ: безъ перес. и дост. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три м'всяца 2 р. 50 к., на 1 м'всяцъ 1 руб.; съ дост. и перес.: на годъ 8 руб., на полгода 5 руб., на три м'всяцъ 3 руб., на 1 м'всяцъ 1 руб. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискъ вносится 3 руб., къ 1-му апръля—3 руб. къ 1-му іюля—
остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополь—въ редакціи "Крымскаго Въстника", Екатерининская ул., домъ Спиро въ г. Симферополь—въ отделеніи конторы, на Екатерининской ул., домъ Спиро, въ Ялть—въ магазинь г. Синани, въ Мелитополь—въ книжномъ магазинь Лифшица, въ Бахчисарав—у г. Колтуна, въ Бердянскь— въ книжномъ магазинь Г. А. Эдигера и Ко, въ Өеодосіи—въ отделеніи конторы "Крымскаго Въстника" при типографіи Спиро, Полицейская ул., домъ Карабанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

TF A

"Саратовскій Дневникъ".

(19-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

"Саратовскій Дневникъ" выходить ежедневно, кром'в посл'в праздничныхъ дней, въ форматъ московскихъ газетъ и им'веть сл'ядующіе отд'ялы:

Телеграммы. — Посл'вдвяя почта. — За границей. — Обзоръ нечати. — Хроника. — Театръ п музыка. — Областная хропика. — Фельетоны. — Отд'яльныя статьи. — Маленькій Дневникъ. — По Россіи. — Новости литературы, науки и техники. См'всь. — Торговый отд'яль. — Справочный отд'яль. — Объявленія.

Условія подписки: съ перес. въ гругія города: на годъ 7 руб., на 6 м'всяцевъ 4 руб., на 3 м'всяца 2 руб., на 1 м'всяцъ 1 руб.

Лида, подписавніяся на срокъ съ 1-го января 1895 по 1-е января 1896 г. подучають газету до 1 января 1895 г., не приплачивая ничего къ годовой цънъ. Это право распространяется и на тъхъ, которые выписывають газету съ разсрочкою.

Пробный экземпляръ высылается за семиконъечную почтовую марку.

"РАЗВЛЕЧЕНІЕ"

годъ 37-й.

журналъ литературно-художеетвенный и еатирическій съ каррикатурами

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

"Развлеченіе" дасть въ годъ пятьдесять ММ, въ которыхъ будеть пом'ящено бол'я 800 каррикатуръ. Литературный отдълъ вигщаеть въ себъ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода юмористическихъ медочей, трактующихъ злобу дня. Въ то же время редакція, проникнутая горячимъ стремленіемъ стоять на стражь общественных интересовъ и рисовать полную картину правовъ современнаго общества, дастъ въ журналъ мъсто различнымъ статьямъ и фельетонамъ, обсуждающимъ въ юмористическомъ тонъ всъ общественныя дъла столицъ и провинціи.

"Развлечение" остается по прежнему самыхъ доступвымъ по цънъ изъ всехъ русскихъ юмористическихъ журваловъ.

Условія полписки:

Пробный номерь высылается за ТРИ семинопъечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторъ журнала «Развлеченіе»: на Страстной площади, въ домъ Чижова; а также въ конторъ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всъхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

Адресовать: Москва, журналу "РАЗВЛЕЧЕНІЕ".

"ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ".

Таковъ девизъ въка. По имъющіе деньги не знають, какъ убить время; а имъющіе время — убиваются, что не хватастъ денегъ. Между тъмъ, начто такъ значительно не сокращаеть время за незначительныя деньги, какъ жур. "Будильникъ"— всеобъемлющій, духоподъемный в вазядательный.

Подпишитесь на журналъ "БУДИЛЬНИКЪ" на 1895 г.

Онъ будить не только въ установленные часы, по непрерывно въ течевіе пѣлаго гола. Глав-ное достоинство "Будильника" – "приличіе и вѣрпость" основному денизу серьезной сатиры. Не порное доголивство "пудальных — "прилачие и върпость основному дезазу сервезной сатары. Не портится я не требуетъ попривовъ. Улобевъ въ гостиной, гдй занимаетъ гостей, и въ дорогѣ, гдѣ совращаетъ путь. Каждому годовому подинсчику высылается полностью: 50 № журнала. Въ каждомъ
Ж—каррикатура на серьезную тему, поразительныя каргивки провивціальной и общественной жизни,
отпечатанныя поразительными красками. Онъ будитъ всѣхъ, но провивціо, какъ совную особу, "Будильник" не только будитъ, но щекочетъ въ каждомъ номерѣ перомъ и карандашемъ. Какъ повость, черезъ № будутъ помъщаться оригинальные юмористаческие разсказы, иллюстрированные оригинально-остроумными художниками. Въ приложеніяхъ къ каждому №, для спеціальнаго развлеченія чита-телей, введены: 1) вмористическій календарь, съ аневдотами, для ежедиевнаго употребленія; 2) лучтин "смъхотнорныя" пьесы веселаго репертуара, и 3) разсказы иностранныхъ юмористовъ, заграничнаго произнодства.

Годовымъ подписчикамъ, кромъ того, будстъ выдана къ Пасхъ премія "Будильника" на 1895 г

Альбомъ рисупковъ.

"ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ"

Альбомъ "Ледяной домъ" содержить: девять большихъ фототиній (сценъ), портретъ автора съ его факсимиле, отрывки ромава, относящіеся къ ядлюстраціямъ, краткій перескать содержанія рома-на в біографическій очеркъ И. И. Лажечникова, составленный извъстнымъ библіографомъ А. В. Сосияцкимъ.

Полугодовые подписчики лишены премія. Для любящихъ разсрочку платежа, контора допускаеть таковую на условіяхъ уплаты при подписка 5 р., а сладующие 5 р.—не нозже 1 иопя.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА: на годъ съ преміей-10 р., безъ преміи- 9 р.; на полгода- 5 р.

Москва, Тверская, д. Спиридонова.

Співните подпиской: "ВРЕМЯ-ДЕБЬГИ".

принимается подписка

на съмую большую и самую распространенную на югь Россіи ежедневную, политическую, литературную, научную, общественную и комморчоскую газету

"ОДЕССКІЯ НОВОСТИ"

(не ментье 300 ММ въ годъ).

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ "Одесскихъ Повостей" значительно пополневъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетъ принимаютъ постоянное участіе събдующія лица: проф. Г. Е. Афанасьсвъ, Аккораь (исевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо Виноградскій, Діонео, проф. И. А. Ивановскій, проф. С. И. Изовайскій, А. Е. Кауфманъ, проф. А. И. Кирпичиковъ, Т. Л. Куперникъ Щенкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), проф. А. И. Маркевичъ, А. А. Матв'ююъ, М. Г. Моргулисъ, К. И. Новосемскій, В. И. Ребиконъ, профес. О. П. Успенскій, М. Ф. Фрейден Гергъ (Оса), И. М. Хжільницкій, проф. Н. Е. Чиковъ, профес. В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др. Кром'в поимсноващимъ лицъ, намъ объщали свое сотрудни-

чество инкоторые столичные инсатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы. Какъ и до сихъ норъ, мы виредь будемъ неуклоппо идти по нути улучшений и постараемся сохранить за "Одесскими Новостями" репутацию газеты, отзывчивой на вст назръвающия котребности жизни, безукоризненной по своему направлению. Витеть съ тъмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованно газеты во интинеско техническомъ отношении.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія "Одесскихъ Новостей", персили въ новое роскошное пом'єщеніе въ недавно отстроенномъ дом'є Бродскаго на углу Ришельевской и Греческой ул-

Подписная цина на "ОДЕССКІЯ НОВОСТИ":

Безъ доставки и пересылки: на 1 м. 90 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на годъ 8 р. Съ доставкой и пересылкой въ други города: на 1 м. 1 р., на 3 м. 2 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на годъ 9 р. Заграницу доплачивается къ подписной цене 60 коп. въ месяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разерочка во взиосе подписи. платы. При подписке 5 р. и до начала 2 полугод. 4 р.

Въ розничной продажа 5 коп. нумеръ.

подниска принимается въ Одессв въ главной конторъ: Греческая ул., домъ № 2±.

ОТДЪЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерман'ь, Александровск'ь, Алешкахъ, Балтъ, Батум'ь, Бендерахъ, Бердичев'ь, Бердянск'ь, Берсзовк'ь, Бершад'ь, Богонол'ь, Берислав'ь, Болграл'ь, Вобруйск'ь, Винину в. Вознесенск'ь. Верхисливпровск'ь, Гомел'ь, Геническ'ь, Гайсав'ь, Дуньевцахъ, Евиаторін. Екатеринославліь, Ейск'ь, Елисаветграл'ь. Жигомір'ь, Изманл'ь, Килін, Крив.-Рот'ь, Крив.-Озер'ь, Кіев'ь, Каховк'ь, Каменевь-Подольск'ь, Казатив'ь, Керчи, Квинневъ, Кременчугъ, Липовц'ь. Луцк'ь, Маріуполів, Мелитопол'ь, Москв'ь, Могилевь-Подольск'ь, Новоми ргород'ь, Иовогсоргіевск'ь, Николасв'ь, Никопол'в, Н'яжин'ь, Орг'івв'ь, Полтав'ь, Проскуров'ь, Рени, Ростов'ь на Дону, Ромнахъ, Севастонол'ь, Смізд'ь, Симферопол'ь, Сорокахъ, Тираснол'ь, Тальномъ, Тульчин'ь, Умани, Харьков'ъ, Хотив'ь, Херсов'ь, Ялт'ь, Осодосін.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

"ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ".

(Двадцать второй годъ существованія)

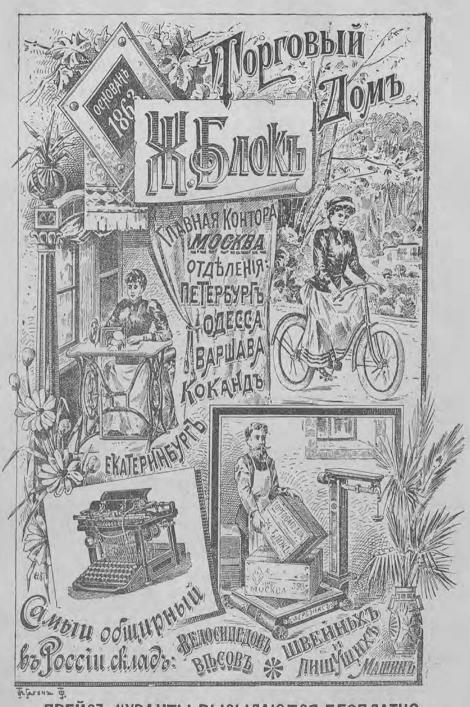
Открыта подписка на 1895 годъ.

Нашъ девизъ: служенье витерссамъ всей Россіи, безъ различія національностей и въроисповъданій. На первомъ планів стави обиліе сообщаємыхъ фактовъ и быстроту ихъ передачи, "Одесскій Листокъ", кроміз самой полной хроники общественной, городской, административной, военной: судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреснопдентовъ и свъдіння по телефону изъ Николаєва. Во всіхъ городахъ и мъстечкахъ юга редакція
имъсть постоянныхъ корреснопдентовъ, которые немедленно сообщають обо всякомъ мало-мальски
выдающемся фактъ мъстой жизни. Въ ежедневныхъ фельстонахъ газеты печатаются: фельстоны
общественной жизни гт. Барона Икса, финна, В. Дорошевича, фланера и фигаро, литературно-критическіе фельстоны г. Чуйко, фельстоны по вопросамъ философіи г. Оболекскаго, паучные, музыкальные и заграничные фельстоны на подинсью М. Г. (псевдонимъ), беллетристическія произведенія
гт. Круглоза, Дешкиа, Черноморца и др., а также фельстонные паброски "злобъ дна" Кипинева,
Николаєва, Херсона, Блисавстрада, Кіева и прочихъ городовъ юга и Крыма. Кроміъ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газеті: ежедневно печатаются коммерческія свідінія,
какъ-то: цізны на хлібъ, коловіальные тонары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и монету,
на русскихъ и загранічныхъ рынкахъ и все прочес, что можетъ интересовать коммерсвыта.
Такимъ образомъ, газета выполняєть свое назначеніе служить самому широкому кругу читателей,—и наши читатели звають, что мы постоянно стремнося еще боліве улучнить содержаніе
газеты девизомъ всей нашей журнальной д'ятельности поставнить одно стремленіе—впереаъ.

Въ заключение считаемъ необходимымъ заявить, что въ "Одесскомъ Листкъ" постоянное бляжайшее, фактическое (а не фиктивное) участие принимаютъ: Н. И. Борнсовъ, Н. Е. Булгаковъ. А. К. Гермоніусъ, С. Т. Герцо-Виноградскій, В. М. Дорошевичь, К. А. Дешкинъ, А. В. Кругловъ, А. М. Когенъ, В. Н. Лучинскій, С. В. Лазаровичь, Л. Е. Оболенскій, А. С. Понандонуло, А. А. Сипро, В. В. Чуйко, В. Д. Федоровъ и др.

Подиненая цъна газеты: на города съ ежедневною высылкою по почть 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. гри мъсяца, 1 р. 30 к. въ мъсяцъ.

Кентера редакців "ОДЕССКАГО ЛИСТКА" въ Одессь, въ дом'є редактора-издателя "Одесскаго Листка" В. В. Навроцкаго, рядомъ съ городскимъ театромъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

При запросах в просим упомянуть настоящій журналь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

"РУССКАЯ ЖИЗНЬ"

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Съ переводомъ 23 ноября нечатанія "Русской Жизни" въ свою типографію, разм'єръ газеты увеличень безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородинкъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., 3 мъс.—3 р., 1 мъс.—1 р.; для городскикъ — 8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к.; 90 к., за границу: на годъ 17 руб., на полгода 9 руб.

Разсрочка допускается со взносомъ не мен'ве 1 р. ежем'всячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безилатно по 1-е января 1895 г. со дня получения въ главной конторъ подписныхъ донегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранъс 1 декабря газета высылается безилатно за декабрь сего гола.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

ОТДЪЛЕНІЯ КОНТОРЫ: С.-Истербургъ: 1) при книжномъ магазинъ Н. Фену и Комп., Певскій проси., противъ Гостинаго двора; 2) при книжномъ магазинъ Н. П. Карбасникова, на Литейной 46. Москна: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинъ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ базаръ, при книжномъ магазинъ Н. Д. Сытина и въ конторъ Печковской. Варшава: Новый Свътъ, 67, при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова. Томскъ-при книжномъ магазинъ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ

1895 г. НОВЬ 1895 г.

съ безилативиъ придожевіемъ 12-ти переплетецныхъ томовъ А. Ф. ПИСЕМСКАГО

ва 14 рублей

Подписчики получають съ доставкою п пересылкою во всё мёста Россійской Имперіи безъ всякой доплаты за пересылку преміи: 1) журналь НОВЬ, 2) особо иллюстрированный отдель МОЗАНКА (24 выпуска), 3) журналь ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА, 4) двё новыя книга формата in-folio ЖИВОНИСНОЙ РОССІЙ въ двухъ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, 5) 12 ТОМОВЪ новаго изданія полнаго собраніи сочиненій

A. O. NUCEMCKATO

вь 12 взящныхъ переплетахъ изълучшаго англійскаго краснаго колепкора съ богатымя тяспеніями какъ ва передней, такъ и на задней сторонъ, съ красивыми обложками в въпрочпомъ папочномъ футляръ.

XI (1895) подписной годъ начался съ 1-го ноябри 1894 года.

С.-Петербургскимъ и Московскимъ подписчикамъ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. Э. ИИСЕМСКАГО и двъ новыя переплетенныя книги ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ выдаются при самой подинскъ, начниня съ 1-го ноября 1894 г.; иногороднимъ же подписчикамъ, высылка этихъ безплатныхъ премій началась также съ 1-го ноября и производится въ строгомъ поряжь поступленія подписчиковъ. Въ виду необыкновенно большого въса преміи, почтамть принимаеть только ограниченное количество экземилировь за-разъ, поэтому-то премія и по можеть быть выслана одновременно при одномъ пумерѣ журнала всъмъ подписчикамъ.

Годован подписная цъна за все вышеобъявленныя изданія вместе съ пересынкою во всё м'єста Россійскої Имперіи 14 р. безь всякой доплаты за пересынку премін.

Подинска принимается вскаючительно въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 18; въ Москвъ, Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи **въск**въ С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 16 линія, собств. д. № 5—7.

Редакторъ-Издатель А. М. ВОЛЬФЬ.

на еженедъльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ

LL Y на 1895 годъ.

Условія подписки съ перес. и дост.: Условія подписки безъ перес. и дост.: На годъ 7 р. .10 » За границу

На годъ 6 р. 50 к. На 6 мѣсяцевъ . . . 3 » 50 » Разсрочка по соглашенію съ конторой. Адресъ редакціи: С.-Петер., Спасская, 17.

BP LEAGHIE LOUI WALHTP "MALE, "MALE,

Болье трехсоть раскрашенных рисунковь (хромолитографія).

Болъе тысячи каррикатуръ—перомъ и карандащемъ.

Не менъе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачь, ребусовъ и т. п.

Каррикатуры-рецензіи на всв новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столич-

Каррикатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ номеръ журнала, въ течение года, будетъ печататься:

Безплатная премія для годовыхъ подписчиковъ:

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:

изяшными рисунками.

1. Какъ дъти учити и страхомъ спасати.

II. Какъ дочь воспитати.

III. Какъ невъсту взяти. IV. Какъ дътямъ отца и мать любити. V. Наказъ мужу и женъ, и людямъ.

VI. Похвала женамъ.

VII. Женамъ наказъ о пьянствъ. VIII. Какъ мужу жену любити-

IX. Какъ друга дома принимати.

Х. О праведномъ житін.

XI. О неправедномъ житін.

XII. Какъ всяческое платье кропти и обръзки беречь.

XIII. Какъ платье женъ посить.

XIV. Какъ кормить приходящихъ въ дому. XV. Какъ въ люди ходить и късебь принимать.

XVI. Какъ жить человъку, смътя животъ.

XVII. Какъ дачу снимать и за нее не платить.

XVIII. О торговыхъ людяхъ и о лавочныхъ. XIX. Какъ болъзнь лъчить.

ХХ. Какъ отъ всякихъ скорбей врачевати.

XXI. Какъ съ начальными и подчиненными

XXII. Какъ слугъ нанимати.

XXIII. Какъ всикому человъку руколъльничати. XXIV. Какъ капиталъ умножати и чистоту со-

блюдати.

ХХУ. Какъ должникамъ платити.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

За редактора—издатель Р. Голике.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

на газету общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

"KYPCKIЙ JUCTOKE"

(17-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Условія подписки:

		Съ	ne	pe	СЫ	ЛК	010	И	A	OC	Tae	KO	101									Бе	3Ъ	Д	0C1	rae	RH	6				
на	12	MEC.						- 7			74	(4)	5	p	. —		на	12	MBC.	16	14	15			14		4			4	p.	-
22	6	77		-				×		×	4		2	27	50	K.	27	6	22				Ŕ							2	29	-
27	3	n	1			112	- 6	٠	*	15		19.3	1	27	20	22	22	3	22	×		100	*	¥	130	181	91	×	*	1	27	-
77		33															От	ıkı	ыне	N	Ne	23	Ку	po	СКЕ	ırc)]	Тн	CTI	ка"	5	коп.

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца.

курскъ, Можаевская улица, домъ Фесенко, а также въ отделеніяхъ конторы въ укадныхъ городахъ Курской губерніи.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И ОТДЪЛЕНІЕ КОНТОРЫ

ЖУРНАЛА

"АРТИСТЪ"

переведены изъ прежняго помѣщенія—Страстной бул., д. Адельгейма—въ Петровскія линіи, №№ 15—16 (бывш. кн. магазинъ П. К. Прянишникова).

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

ПО ВСЪМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКАНА ВСЪ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

только что поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ИВ. ИВАНОВЪ. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го въка. Москва 1895 г.

Цвна 3 рубля 50 коп.

Силадъ изданія въ магазинъ журнала "Артистъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ №№ 33-44 (1894 г.)

ЖУРНАЛА

"АРТИСТЪ".

(Оглавленіе №№ 1—14 пом'ющено въ № 15; №№ 15—21 въ № 21; №№ 23—32 въ № 32 и №№ 1—5 «Дневника Артиста» въ № 5 «Дневника», а №№ 6—10 «Дневника Артиста» въ № 32 «Артиста».)

Беллетристика. "Воронъ", стих. Э. Поэ, пер. П. Бальмон г "Души у многихъ изъ и асъ", изъ В. Гюго	
VIII V MIOPHY I HOLD HOLD R PORT	
	2 46
а) Романы, повъсти и разсказы.	. 40
Везъ бъщета, разск. Н. Беккаревича 44 Лугового	. 42
Во ими дружбы, разсказъ Е. П. Гослав- "Колокольный звонъ", сонеть К. Валь	
скаго	
Горемычная, равсказъ А. Ворон-жскаго 43 "Стедо", стих. Т. Л. Ще пкиной-Купе ринк Дорогой другъ, о черкъ Д. Н. Мамина-Си-	•
биряка	
наревича	
He named and the same D	
ница.—Гастроль у фокусника.—Говорящая го-	
дова. — разск. В. Подкольскаго 40 "Ночь", ствх. А. Мейси ера	. 44
Март сиза, разск. Е. Шаврова	
Мгла, ром. Вл. И. Немировича Данченко. 41—44 "Три тъни", баллада В. Шуфа	
Мечты, очеркъ В. Новоспасскаго	. 35
Отелл о, очеркъ А. Ос дорова 40 "Я опустить ружье", стих. А. Осдорова	. 38
Он и бка, ра вскавъЕ. П. Госмавскаго 35	
По пути, разсказъ Вл. И. Немировича-Дан-	
ченко	
Подъ березой, разсказъ Н. И. Тимк овскаго (ст рисункал и худ. К. А. Савицкаго) 44 Василій Васил тьеви чжань инстъ (1757-	_
Иосл фий этюдъ, разсказъ В И. Ми- 1823), очеркъ Е. С. Некрасовой 4	
хое ва	
Ръшен је, повъсть Л. Ф. Нелидовой 33-40 25-лътія со дня кончицы-10 октября 1869 г.)	. 43
Сельскій иконописецъ, разсказъ Ап. Вас-	
съ Богомъ! набр. изъ жизни русскихъ "са-	
мохоловъ" И. Телешова	
У моря, новысть Г. Мачтета 37, 38, 39 скаго	. 40
Фантастические разсказы гофмана. Комедін Гогол я въ отзывахъ критикі	
Крейся еріа напер. А. Страхова	
— Донь-Жуапъ	
никъ	Ь
Черный монахъ, разсказъ А. П. Чехова 33 Н. С. Тихонравова)	
Эхо, страничка изъжизи иЮ. Безродной. 41—42	
евича Стасова (съ но ртретомъ) Сатирическая комодія по Франціи, ст	
 б) Стихотворенія. И. И. Навнова	
Тронулось ли впередъ темное царствой	
"Вылъ вечеръ. Киймой серебристой", Послерефо риевиметины въ дражахъ А. Н. Остров-	
стих. О. Чюмной	
въдева	
	16

	3030		20.20
Литературное обозрѣніе.	MM	Географическаго Общества. Сиб. 94 г. — К. М.	Ne.Ne
Замътки читателя. Ив. Иванова.		Мазуринъ. Къ истории и библюграфія пѣція. М. 94 г.— Женщина тридцати льтъ, ром. Баль-	
— Современный герой — Чистые художинки — Переваль, ром. И. Д. Боборыкина.—Бабье царство, пов. А. П. Чехова.—Этюди и характе- ристики, проф. А. И. Веселовскаго.—Очерки ли- тературнаго движенія въ нервую половину XIX в.,	. 34	вака. Спб. 94 г.— Штурмгофель. Акустика строптеля (Sturmhöfel. Akustik des Bauneisters. Berlin). Сппсокъ кингъ, полученияхъ въ редакцій. Достоенскій и Писемскій, опыть сравнительной характеристики проф. А. Киринчинкова. Одесса. 94 г.— Д. Маминъ-Спбиракъ. Дътскія тъни. М. 94 г.— Gustave Larronmet. Nouvelles études de	4 .
А. Шахова — Эстетика и жизпь (Дневникъ Аміеля.— Сборивки стихотвореній гг. Бѣлозерскаго (Отъ души и сердца), Федэрова (Стихотворенія), Баль- монта (Подъ сѣвернымъ цебомъ). Сочниенія г. Нефедова, томъ первый. Убыль души, г. Щег- лова	36	litterature et d'ant. — Періодическая печать обы изящныхь искусствахь. — Списокъ кингъ, полу- ченныхь въ редакцій	42
— Статья Н. К. Михайловскаго во французскомъ журпалъ и сужденія пнострапцевъ и инородчевъ о русской литературъ	37	Каталога Петронской библютеки. — Списовъ кипгь, полученныхъ въ редакцій	43
— Перевилъ, романъ г. Боборыкина.—Между двухъ смутныхъ идеаловъ, повість г. Лугового. — Литература вистипктогъ	40	дакцій	
— Современныя правственность на научных в основаниях . — Два міросозернанія . — Псторикъ-натуралистъ	43	Положеніе о нервомъ смъзд'в русских художниковь в любителей художествъ въ Москов въ 1894 г. Приложеніе къ ст. И. Корзухина: А. С. Даргомыжскій: І. Мумыкальныя произведенія Дарго-	34
Библіографія.		мыжекаго. И Отамвы о немъ въ печати.	30
П. П. Рибдичь. Кавказскіе разсказы.—Воспомиванія актера А. А. Алексівева.—Андерсевъ. Собравів сочиненій, вын. 1, 2, 3, пер. г. Ганзена.—С. Висильевь. Картивки Итплія.—И. Саловъ. Уютный уголокъ.—Марсель Прево. Женщины.—Казоттъ. Влюбленный дьяволь.—Поль Бурже. Вь безсопныя почи.—Между прочимъ, сборинкъ разсказовъ.—Поль Бурже. Святой.—В. Подкольскій. Будии, разсказы.—Нвавъ Щеглювъ. Сквозь дымку смъха, Убыль души, Около истини.—А. Бинэ. Вопросъ о цвътюмъ слухъ.—Всев. Чешахинъ. Краткія либретто. Содерж. 100 оперь совремнаго репертуара.—Л. Поль. Бетлювевъ, его жизвь и творенія, пер. В. Кропебергъ. — В. В. Гиляровскій. Забытая тетрадь, стихотворенія.—Д. Лобановъ. Драмы и комедія.—Э. Зола. Зав'ять матери. — Д. Коровяковъ. Вовругь театра.—А. Ярцевъ. Возобновленіе и охравеніе забытыхъ могилъ.—З. Мерьянцъ Законго опечати.—Укизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Укизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Укизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Якизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Якизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Якизнь замбчательныхъ людей, біогро опечати.—Якизнь замбчательныхъ людей, біогро библ. г. Павленкова.—Д. А. Александровъ. Цирь Иродъ и царица Маріамия. По Іосту, Трагедія		Театральный отдёль. Горе современнаго свронейскаго театри, ст. Пв. Иванова. Зам'ятки актера, ст. А. П. Лекскаго. Зб. Литературный театри, висьмо б-е, П. Д. Воборыкива. Отголоски деревенской сцены, ст. Наб. Арбениа. Иублика и критика, ст. М. Г. Д. Ньеса изъ народнаго быта на образцовой сцень. (Письмо зрителя). Спободный театръ, ст. А. Н. Весеховскаго. Театральная костюмировка, ст. К. Шеловскаго. Театръ и школа, набросокъ Вл. И. Немеровича-Давченко. Техника драмы, Густава фрейтага. 37, 41 и Французскій театръ за послідніе дваддать ябть, ст. И. Я.	34 42 42 42 33 41 42
въ 5 д. и 9 карт. — Періодическая печать о театрѣ и объ искусствѣ вообще	37	Художественный отдёль. Академическая выставка. М. Двыкевнча Вагляды на вопросы искусства у трехъ поколёній русскихъ художиньювь, ст. А. Новвакаго. Городская галлерея Павла и Сергёя Третьяковыхъ, ст. В. М. Мяхева. Дневникъ перваго съёзда русскихъ художенкъ и любителей художествъ. Историческій обзоръ направленій върусской живошиси въ связи съ направленіями въ литератур'в, ст. А. П. Новицкаго. Наши художественные критики. (По поводу статьи г. Жигеля "Обповленіе" ("Нов. Время "За 6742). Питомна старой явленіи	44 41 36 37 43

26.26	16.
ММ Нѣсколько замѣчаній о французской	"Тристанъ и Изольда", Вагнера, ст. Все-
живониси въ связи съ обзоромъ Сало- новъ 1894 г., ст. П. Нилуса —	волода Чешихина
Объемъ и методъ преподаванія анато- міл человіка въ художественныхъшко-	Воспоминанія и біографіи.
лахь, ст. проф. Д. Н. Зерцова 41 Объ некусствъ и любителихъ, ръчь Н.	Антуанъ, какъ актеръ и руководитель труппы, ст. П. Боборыкиза
П. Ге	трупны, ст. 11. Боборыкина
ства, ст. Н. Баснина	третомъ)
О пъкоторыхъ новыхъ направленіяхъ	Васильевъ, О. А., біогр. этюдъ В. Ми-
въ наукъ объ искусствахъ, ст. П. Викторова	хеева (со синмками его картинъ, портретомъ и видомъ его могилы)
О разсказъ въ живониси, ст. Н. В. До-	Воспоминанія о Н. Н. Ге, какъ ма-
съвина	терыяль для его біографін, ст. Г. Ге. 43, 4- Даргомыжскій Л. С., автобіографія и
0 яврахъ поднятія пскусства грави-	письма
рованія въ Россіи, ст. С. С. Шайкевача 44 О Тиціний, ст. Г. Пудора	Два иностранныхъ комнозитори: 1) Фи- липия Педрель (съ портрегомъ), ст. Ц. А. Кюн. 33
Первый художественный събздъ въ	линия Педрель (съ портретомъ), ст. Ц. А. Кюн. 33 — Поль Жильсонъ (съ портретомъ)
Москви	Изъ поспоминаній Гектора Берліоза.
Перовъ, Василій Григорьевичъ, опытъ	Путешествіе въ Россію. Пер. А. В. Оссовскаго. 43, 44
характеристики А. А. Киселева (со синыками съ рисунковъ В. Г. Перова)	Коклэнъ, ст. Catherine de C
Правда, манера и манерность въ жи-	очеркъ В. В. Стасова
вописи, ст. В. М. Михеева	Листки изъ автобіографіи Сальвини,
Романтическая школа во Франціи, ст. Л. Фау	перев. А. А. Веселовской
Русская живопись въ XIX въкъ, глава	доровичъ Гельцеръ (со симиками съ его декора-
изъ поваго сочинения Рихарда Мутера "Исторія	ців), cr. l'
живописи XIX в'кка"	Невада, Энма. Philotechnus
рев И. и С. Третьяковыхъ (со симнами	бургской академін художествъ въ Рим'ь
съ картинъ), ст. В. М. Михеева 34-35	въ конц'в тридцатыхъ и въ начал'в соро-
Русское искусство въ 1894 г. (Академи-	Ковыхъ годовъ, ст. В. Шенрока 43, 44
ческая выставка, ст. А. А. Киселева.— XXII пе- редвижная выставка, ст. В. М. Михеева.— Вы-	Орландо Лассо и Палестрина (1594— 1894)
ставка отверженныхъ, ст. М. Далькевича. — Вы-	Посаждий день П. И. Чайковскаго въ
ставка московскихъ художинковъ, ст. Н. Дос'в-	Клину, ст. 10 Поплавского 42
кина. — Выставка петербургских художниковъ въ Москвъ, ст. Н. Досъкина)	Сазоновъ, Николай Оедоровичъ (съ портретомъ)
Традиціи и свобода въ искусствъ, глава	Сю Эженъ, ст. Э. Легуве, пер. Н. II 39-40
изъ "Исторіи живописи XIX въка" Рихарда Му- тера	
тера	Некрологи.
веденіяхъ Гоголя въ свизи съ господ-	
ствовавинии въ его время возарънія- мя на вадачи живописи, ст. А. А. Кисе-	Бвуль, Д. С
лен	Вагиеръ, Іоганна Яхманъ 42
Художники и любители, ст. А. А. Ки-	Васильевь, В. В
селева	Виноградскій, М. Н
	Загорскій, И. П
Музыкальный отдёлъ.	Картавовъ, А. О
Вагиеріанскій вопросъ (музык. проблема)	Кашперовъ, В. Н
Фр. Ницие, пер. О. О. Р	Космаковъ, И. А
Вагиеровскій тсатръ въ Байрейть, ст.	Переверзева, А. А
В. Кашкина	Подтарацкій, И. А
С. Н. Кругликова	Прэнишниковъ, И. М
Даргомыжскій, А. С. (съ портретомъ), ст.	Солонинъ, П. О
Н. Корзухина	Сътовъ, І. Я
Евгеній Онъгинъ, аврическая оцера Чай- вовскаго, пер. съ англ	Упчаговъ, Д. Н
Зигфридъ, второй вечеръ трилогіи Р. Ваг-	Шабрів, Эмманунав 41
нера "Кол ьцоннбелунга", ст. Н. Р. Кочетова. 36	
Майская ночь, вол шебно-комическая опера Н. А. Римскаго-Корсакова ст. Ц. А. Кюн 42	Портреты.
0 любительствъ въ музыкъ, ст. В. Гу-	
TOPA	Антуанъ (стр. 107)
Рафараль, ст. Г. Конюса	Вюловъ, фонъ, Гансъ (стр. 238) 35 Васильевъ, О. А., съ портр. И. Н. Крам-
Patien non or advantager	erore (horozunia ua winu)

N .W.		Nexe
Васильева, Н. С. (фототиція) 35 Даргомыжскій А. С. (цинкографія) 33 Живокини въ ком. "Странчій подъ столомъ"	Музыкальныя произведенія.	****
(стр. 189)	Азра, опера М. Ипполитова-Иванова. Романсъ "Суламитъ"	. 44
Канилетъ, В. В. (автотипія) 43 Крутикова, А. П. (фототипія) 39	Альминдворъ, опера В. Гартевельда. — Анда-	
Кюн, Ц. А., П. Е. Різиппа (фототипія). 34	лузскій ровансь Зулейвы (изъ 4 д.) Вахинепрайскій фонтанъ, опера въ 4 ак-	30
Ленскій, А. И., въ роли Донъ Сезара- де-Вазана, рис. графа О. Л. Соллогуба (авто-	тахъ А. Плынскаго. "Сцена п молитва" (изъ 3 акта)	37
лешковская, Е. К., въ роли Глафиры	Вальсъ. Для фортепіано. Муз. П. Веймарна. Гисидолина, опера Э. Шабріз.—Пвеня за	43
("Волки и овцы")	прялкой (изъ 1 дъйствія)	33
Ленковская и Ижинъ въ ролягь Анто- ниды и Юренева (въ ком. "Венедейскій истуканъ",	Голубые гусары, ром. Д. Кюн Вадумчиво на лон'в водъ, ромаесь г. Цан-	44
д. 2, явл. 7)	Кинжалъ, романсъ Ц. А. Кюн	36 34
Иевада, Эмми (фототинія)	Колыбельная, для скринки съ фи. Ж. Маскарди	34
Перовъ, В. Г. (стр. 18)	Колыбельная, муз. Н. Кленовского	44
Писарсвъ, М. И., портретъ И. В. Рапина, гранюра В. В. Матэ	Менулть, для фи., соч. В. Главача . Монологь де Гріе, паъ ІІ акта он. Д. Пуч-	35
Рыбаковъ, К. Н., въ роде Обланошева ("Гусь данчатыбі") (стр. 110)	мон быловници, ром. А. Контяева	39
Спвина М. Р., сеція Н. Е. Різавна (фото- типія)	Музыкильные прим'яры къ ст. Вс. Че- пихина "Гриставъ и Изольда"	42
Савоновъ, Н. О. (фототипія) 34	Notturno, муз. Вас. Калипникова	38
Стасовъ, В. В	Орестейя, муз. трилогія С. Н. Танвева. Антракть (передъ 2-й карт. 3-й части)	42
Третынковъ, Павелъ Михайловичь, гра- вюра В. В. Матэ, съ порт. И. Е. Ръппа 36	Итвеня о на вада, изъ III вкта трилогіп "Па- ренен", Ф. Педрэлля.	41
Третьяковъ, Сергый Михайловичъ (фо- готинія)	Танцовальная сюнта, для фп. № 1. Вальсъ Э.Ф. Направивка	33
Прискій, С. В., въ роли Счастанвцева	Тавцовальния стопта, для фп. 9. Ф. На-	70
_ въ роли Кречинскаго (стр. 2-18)	правичка, № 2 "Газачекъ"	36
Щеничнъ, М. С., въ ролп Ренейкива вод. "Хлопотупъ", (стр. 197)	№ 3. Полькв. Муз. Э. Ф. Направника	41
Яворская, Л. В., въ роли Маргариты Готье. 43	№ 4. Русская пляска. Муя. Э. Ф. Направивка. Этгодъ для фортеплино, муз. Т. Постъ.	43
	or total and the state of the s	10
Драматическія сочиненія.	Картины, рисунки и проч.	
Безпутный, др. въ 4 д., Артура Иннеро, перев. съ авглійскаго И. Д. Городецкаго и К 35	Аврора, карт. Фалеро (стр. 214)	37
Висантистна, драма въ 5 д., но древне-ин-	Адмирилъ Нахимовъ, конабль, — рис. проф. А. Боголюбова (стр. 5)	44
мецкой передълки Эмили Поля I. Н. Пванова-	Актеры, карт. Жерома	39
Афанасьева	Амуры, Мюнье (стр. 137)	38
Эливера Гольдскита, пер. А. Веселовской 40 Въ дътской, карт. въ 1 д. Т. Л. Щецки-	Апрыльское утро, карт. Л. Аббеча (стр. 87). Аулъ Казбекъ, карт. А. А. Киселева (фо-	44
юй-Куперникъ	Безъ пріюта, карт. Ф. Пеле (стр. 90)	41
жаго	Ворьба за существовавіе, карт. Делакруа (стр. 113)	36
П. А. Сергвенко	Вареоломеевская ночь, варт. Гува (фо-	
Mudame Sans-Gêne, 1000. Bt 4 g. B. Cappy	тотипія)	36
и Э. Моро, нер. Ө. А. Корша	(стр. 88)	34 35
Непидимка (La dama duende), ком въ 3 дняхъ Сальдерова, пер. съ испанскаго	Возвращение съ поля, карт. Деба-Повсанъ (стр. 149)	37
Непогрышимый, ком. въ 5 д. н 6 к. П. М.	Въ антрактъ, карт. М. И. Клодта (фото-	
Иолусинтъ, ком. въ 5 д. А. Дюма, пос.	типія)	44
А. Е. Кашиеровой	Въ лѣсу, карт. Конпан (сгр. 173) Въ опалъ, карт. Эйзенхута (стр. 120)	33 35
Сестра Нина, драма въ 4 д. П. М. Невъ- яща	Въ партеръ, ряс. Л. О. Пастернака (стр. 156). Въ уборной, рес. Л. О. Пастернака (фото-	36
Сорная трава, ком. въ 4 д. С. Л. Гар-	типія)	40
ильда	Выходъ съ Тайной Вечери, рис. И. Н. Ге (фототипія)	
Сарда Гольдони, переводъ И. Гливенко 37	Головка дъвочки, карт. Вугеро (стр. 110).	34

	Nex	1	ens.
Грачи приметъли, карт. 17д. Саврасова	94506	тищахъ, За круглынъ столомъ, Пріважій, Отъ	C16
(стр. 122)	35	ваутрени, Этюдъ головы мальчика и Этюды го-	
Грязная дорога, карт. бар. Клодта (стр. 99).	34	ловы Пугачева	33
Декоративный мотивъ. (Костромская гу-		Рисунки Ө. А. Васплыева (4) изъ его аль-	
бе нія). В. В. Переплет чикова (стр. 70)	33	бома	44
Добрый буржуа, карт. Брипота (стр. 53).	36	Рожь, парт. И. И. Шишкина (стр. 133)	35
Дорога, карт. худ. Первухива (стр. 93)	34	Рози, карт. V. Corens (стр. 80)	42
Дъти, рис. кариндашемъ (стр. 100)	44	Сатана, картина 1. Коппан (геліогра-	11
Ex-voto, карт. A. Морлона (стр. 201)	41	Вюра)	44
Заря, вартина Синибальди (стр. 16)	33	Св. Варнара, скульитура В. А. Беклемишева	37
Зима, карт. худ. Дубовскаго (сгр. 101)	34	(RICHTOTOD)	31
Инвилидъ, рис. каранд. (сгр. 144) Клеопатра, карт. Жерома (стр. 205)	43	Сказка о золотомъ пътушкъ, А. С.	
Когда ивтъ больше любви, карт. Г. Кона	70	листь 9-й	36
(стр. 37)	40	— листь 10-й	41
Ламиовщикъ, рис. Л. О. Пастервака		Сельскій разносчи къ, карт. Мюнье (стр. 193)	44
(стр. 196)	33	Собиратель милостыни, карт. Жоза Фран-	
La main chaude, napr. P. Posse (crp. 152).	41		43
Лихан свокронь, карт. В. М. Максимона			41
(геліогравюра)	33	Спящая деночка, варт. Н. Д. Кузнецова	
Лъсной пейзажъ, рис. карандашемъ О. А.	11		42
Васильева (автотипія)	44		43
Madame Sans-Gene, репетици въ присут-	40	Судьби и любонь, карт. Рейпольда Стеф-	43
Madama Sans Cong store (1 or survey)	40	Сурамскій переваль, карт. Л. А. Кисе-	41
Madame Sans-Gêne, сцевы (4 отд. свияка) M-lle Pierrot, карт. Робальди (стр. 92)	35		35
Макъ, рис. карандащонъ г-жи Лагоды-Шаш-	UU	Souvenir du premier empire, kapt. Epanto	00
киной (фототипія)	39	/	40
Muchaphill (Les précieuses ridicules) (crp. 241)	34	Торжество искусства, карт. Вонна	
Мать, карт. Ланделля (стр. 122)	36		40
Медвывье семейство, карт. И. И. Шиш-		У большой ржки, карт. А. А. Киселева	
кина (стр. 135)	35		34
Между мракомъ и свътомъ, карт. Г. Г.			37
Мясовдова (геліогравюра)	43		34
Мокрый лугъ, карт. художи. Васильева	95	У изгороди, карт. Н. А. Касаткина (фото-	14
(стр. 124)	35 34	Утінитель, кант. В. Е. Маковскаго (фо-	11
Ни берегу, рис. худ. Соколова (стр. 266) На Вилимъ, карт. А. И. Кунижи (стр. 129).	35		12
Новазанная, карт. M-lle F. Charderon	00		4
(стр. 160)	42		10
На побытку къ сыну, карт. К. Лебедева		Хабов насущный, картина Родерштейна	
(фототипія)	37		14
На помощть, карт. G. Haquette (стр. 91)	42	Цвіты, карт. Э. Гартъ (стр. 135) 3	14
Оборона Свято-Тронцкой Лавры, карт.			7
	43	Черное море, карт. И. К. Айвазовскаго	
Обрыявь, рис. перояв А. Н. Шильдера (фо-	40		4
	40	Чижикъ, рис. Л. О. Пастернака (фототи-	
Объдъ въ народной столовой, Н. И. Бот-	37	nia)	5
	34		
	35	Чумацкій тракть, карт. А. И. Куняджи (стр. 137)	5
	35		
Паробки, карт. Н. К. Пимоненко (фототи-			
	38	Этюдъ женщины, В. Г. Перова 3	3
Пасмурный день, карт. Е. Е. Волкова	00	Этюдь дввушки, броспющейся въ ръ-	
	38	ку, В. Г. Перова	
Поздняя осень, карт. художн. Остроухова	9.4	Этюдъ старухи, Г. Мюнхгаузева (стр. 103). 4	2
	34	И пригоноръ твой жду, карт. И. Шенксъ	
По этапамъ, карт. г. Архипова (голіогра-	0 ()	(фототипія)	9
	33		
20 6001	35	B	
Причащение первыхъ протестантовъ	5-1	Режиссерскій отділь.	
	11	Венедейскій истуканъ (1-й акть) 35	. 4
	38	— Д. II, яви. 9-е (стр. 215)	
Плени о быломъ, карт. Н. А. Ярошенко		— Д. II, явл. 4 (стр. 82)	
	13	— Д. I, явл. 8 (стр. 166) 38	3
Раздумье, карт. проф. Коппан (фототи-	5	— Д. I, явл. 6 (стр. 152) 40)
[10] [14] [15] [15] [15] [15] [15] [15] [15] [15	35	Декорацін А. О. Гельцера: Гамлеть, акть	
Ранній сильть, карт. худ. Волкова (стр. 125).		1-й, Марія Шотландская, Воеведа, актъ 1-й.	
Репетиція въ балеті, рис. Ф. Фламанга		Графъ де Ризооръ, Орлениская дъва, 4 деко-	
	6	рацін	
Рисунки В. Г. Испова: Часпитіс въ Ми-	1	Декорація Гельцора къ "Донъ-Жуану" 35	

	25.0		
Современное обозрѣніе. Москва.	6.Ve	Въ царствъ скуки. – По старымъ ролимъ. — Борьба за счастье. — На станціи. — Пе пойманъ — пе воръ. — Маменькинъ сыпокъ, ст. Р. С. Т	.№.№ 35
		Спектакли п'ямецкой труппы, ст. Я Ворьба за счестье, ст. Театрала	35 36
Малый театръ.		Первыя ласточки, ст. Ив. Иванова.—Нашла коса на камень, ком. Шентапа, от. В.	41
Жизнь, ст. И. И. Иванова.— Кручина, ст. X.—Сельския честь.— Я играю большую роль.— На тоть свъть.	33	Мадато Sans-Gane, ком. В. Сарду и Э. Моро. Алексъп В — скаго. — Брачное гиъздо, ком. А. Крюковскаго. В. 11.	42
Аррія и Мессал ина.—Сестранна, У страха глаза велики, ст. Х	34	Васантасона, др. въ 5 д. по поэме царя Суд- раки. Э. Пол я, пер. І. Иванова-Афанасьева. Ст. В. П.	43
скій боецъ, ст. Х.— Бенефисъ г-жи Өедотовой: Василиса Мелентьева. — Въ дътской, ст. Я	35	Сориал трава, ком. въ 4 д. С. А. Гарфиль- да.—Прохожій, ком. въ 1 д. Ф. Коше.— Лътвія	
Первая муха, ком. въ 3 д. В. Л. Величко. Дебють г-жи Доброклонской, ст. Я	37	грезы, ком. въ 3 д. Выктора Крылова. — Бенефисъ г-жи Ром ат топской. — Гореотъ ума	4 4
театровь и школи Московскаго Филармоническаго Общества, ст. Я	38	Театръ Парадизъ.	
Къ пачалу сезопа. Сіятельный зять, ком. Э. Ожье	41	Малорусская труппа, ст. А. Я—ва	33
И. Соверива. Пепогръщимый, ком. И. М. Невъ- жива. Н. Э	42 43	правда и Таланъ. др. М. П. Старицкаго, и Дии семьи, др. М. Л. Кроппвинцкаго, ст. А. Я—ва.	35
		Театръ на Никитской.	
Большой театръ.		Ст. Л. Н—ва	43
Характеръ репертуара сезона 93—94 года. — Гастроли г-жи Булычевой. — Новые исполнители ижкоторых в партій, ст. В. В	33	Цыганка Запла (Свадьба въ Валени. Hochzeit von Waleni), др. въ 4 д. соч. Гапгофера и Марко Брозинера, пер. съ ивм. Влад. М — а и А. Морозова. — Арл езіанкати пить сердцемъ и напутять, ком. въ 5 д. соч. А. Додэ, пер. М. В. Карадова.	14
снижами съ декорацій) Ренертуаръ. — Гастролеры и дебютанты: г-жа Мира Гел лертг. Джиральдони, Шевал ьеи Мил-	33	Театръ въ домъ Шелапутина.	44
лерь, ст. В. В	34	Частная итальянская опера, ст. В. В	33
сзив и г. Джиральдони.—Мефистофель.—Спъту- рочка, ст. Н	35	вильскій цирульникь, ст. Н. Кочетова.—Травіата в Ромео и Юлін, съ г-жою Невада, ст. В. В. Демонь, ст. Н. Кочетова.—Морякь-скиталець, ст. К. К.—Г-жа Пикита.—Г-жа Борга въ "Минь-	34
выяв. — Дебютавтки: г-жи Цыбушенко, Сикорская и Бруко. — Итоги русскаго оперваго сезона 93 —	0.5	онъ". Конецъ сезона, ст. В. В.	35
94 г. В. В	37	Общество искусства и литературы.	
за Царя, Демог гъ, Фаустъ, Іоланта, Анда, Рол- ла. — Ожидающіяся возобновленія в новишки. В. В.	41	Гувернеръ. — Иоследияя жертва, ст. К.	35
Возобновленіе "Донъ-Жуана", Моцарта. Н. Кашкина.—Новые и прежніе исполнители въ		Охотничій клубъ.	
"Пиковой даме" и "Си-вгурочкъ". W	42	Втируша, Метерлинка.—Перчатка, Бьерпсо-	37
AUDIOU MY OWNER	10		40
Театръ г. Корша.		Театръ Скоморожъ	43
Елка. — Сгоряча. — Райскій уголокъ. — Туръ вальса. — Флиноть. — Горькая судьбина. — Каково		Русское Музыкальное Общество.	
вется, таково и молется.—Не такъ живи, какъ кочется, ст. Р. С. Т	33	Экстреі іноссимфоническое собравіе.—4-е и по- сябднее квартетныя собравія 1-й серін, ст. Н. Д. Кашкина.—Концертъ учащихся въ москов. кон-	
Крейцерова сопата. — Золотой тел ецъ. — Гете въ Страсбургъ. — Метель. — Почное. — Самоуправцы, ст. Р. С. Т. — Какъ поживешь, такъ и прослы-		серваторін, ст. В. В	33
вени, ст. К	34	Kuna	34

	2020
Симфоническія собрація. З и 4 квартствыя	№№ скаго училища живописи, ваянія и зод-
собранія 2-й серін.—Концерть учащихся.—Общедоступные концерты, ст. Н. Д. Кашкина	честна
8, 9 и 10 симфоническія собравія, ст. Н. Д. Кашкина	терия, ст. М. Далькевича
Одинилдцатое и двънадцатое симфовическія со- брація.—Годичный акть въконсерваторіи. В. В. Первое и второе квартетныя собранія первой	38 Петербургъ.
серія. Н. Кочетова	42 43 пеньинна дочка", ст. П. П.— Марівнскій театрь: постановка "Иклиень". — "Джамиль". — Возвраще- ніе г. Васильевы 3-го. — Дебють г-жи Мирры Гел- лерь.—Курьезный пноись
Московское Филармоническое Общество	о. становка "Кавказскаго илъвника", Ц. Кюн.— 4-е и 5-е симфои. собр. Музык. 0—ва.—Сюпта
3-е, 4-е и 5-е симфоническія собранія, ст. В. В.	Г. Конюса. — Фантазія для скрипки г. Направ- пика. — Г. 10. Конюсь. — Г. Сапольчиковъ. — 3-е
6-е, 7 е, 8-е и экстронное симфоническія со- бранія, ст. В. В	за 1-й общедоступный концерть гг. Галкина и Ар- хапгельскаго. — Русскій квартетный вечеръ. — 4 е собраніе "молодого" квартета. — Г-жа Термин-
Ученическій концерть. — Ученическій оперный	38 Альфредъ Рейзенијэръ, ст. Лели
Концерты.	муки". — "Онъ въ отставки". — "Жизви" "Дво- « ринское гибедо", ст. Г. – Четверть выка со дня кончины Даргоммискаго. — "Фольстафъ", Вер- «
	ди.—О гибна вагисровских в представленій.— От- крытіе итальянской оперы въ "Акваріумъ".— "Паяди".—Прекращеніе Русскаго Оперваго Т—ва.
d. Д. Кашкина.—Дътское утро г. Эрарскаго.— Копцертъ г. Безекирскаго (младшаго).—4-й коп- цертъ г. Дюшена, ст. С	—Т-во русскихъ артистовъ.—Г-жа Инкита.— Концертъ А. Г. Рубинитейна.— 6-е и 7-е сим- фоническия собранія Рус. Муз. О-ва.—, Выше- градъ", Сметаны.—, Пирвана", Ганса Вюдова.—
Концертъ нодъ управл. г. Эрдиавсдерфера. — Концерты подъ управл. г. Буллерьяна: 1) Еян- аветвискаго Общества, 2) Ренвиемъ Брамса, 3) . Преображенскаго. — 5 и 6 концерты подътупр . Дющева. — Студенческий концертъ подътупр . Дющертъ фарма- цевтовъ. — Г. Корещенко. — Г. Разманиновъ. — Два концерта петербургскаго квартета. — Г. Рейзе- науэръ. — Гжа Тиманова. — Историческія утра г.	Г-жа Менгеръ. — 4 е, 5-е и 6-е квартетныя собр. — Квартеты Д'Альбера, А. К. Глазупова. — 2-й и 3-й русскіе симфовическіе концерты. Вальсь, Карнаваль, "Шопеніана" и 4-я симфовія г. Глазунова. Серенада г. Ц. рбачева. Чествованіе Н. А. Римскаго-Корсакова. — 5-е и 6-е собр. "молодого" квартета Г. Михаловскій. Квартеть г. Эвальда. — 5-е, 6-е, 7-е и 8-е собр. О — ва камерной музыки. Г. Дзесь. — Кончина Е. К. Альбрехта, ст.
Пора.—Три вечера г-жи Лавровской.—Г-жа Ла- прева и г-жа Аксена, ст. Н. В. С	Леля
онцертъ Сиподальнаго хора. — Утро г. Эрар- каго.—Г. Григоровичъ.—Г-жи Велянии и Кат-	Открытіе французской оперы. — "Свисонъ и Да- лила". — Послъднія три сиифоническія собравія Музыкальваго О—ва. — Сюпта А. С. Тапъева. — "Море", г. Глазунова. — Отрывки изъ "Монсея",
ыхъ предприцимателей: гг. Бижевчъ, Додоновъ, -жа Михина. — Г-жа М. Н. Муромцева-Къликев- ова. — Г-жа Корганова. — Г. Гелевъ. — Г-жа Виш-	А. Г. Рубинштейна.— 9-я симфонія.— 1-жи Варопать, Сервантесь и Якизювская.— 1г. Вержбилонить и Блуменфельдъ.— Итоги.— Два последии квартетныя собранія Музыкальнаго 0—ва.— 1г-жа Ментеръ.— Оперный спектакль ученнювъ
мъ кругу. В. В	38 консерваторін. — Концерть Галкина. — "Могя еt vita", Гуно. — Гг. Жакобъ и Минарскій. — Концерть г. Влейхмана; его произведеня. Фантазія г. Шенка. — Духовимі концерть хора русской оперы. —Другіє концерты. —Посліднія два собра-
акальный вечеръ. В. В 4	иіп "молодого" квыртета и О— ва камерной му- выки.—Г-жа Кашперова, ст. Леля.— "Гусь лап- чатый". — "Угасшая искра". — Итоги сеаона,
Картинныя выставии.	ст. м
XIII неріодическая выстанка картинъ	А. Г-ва
Y'll a wyayyyyaaa mayyayya mayyayya	Kormonati on None

№ №	Né.N
Итоги летпяго сезова. В. Л. В - ка Отго-	Житоміръ
поски лътияго сезона: Эдуардъ Штраусъ. Н. В.	Изюмъ, Хар. губ
Галкинъ. Перестройка Маріинскаго театра. — От-	Иркутскъ
крытіе русской оперы въ Михайловскомъ театръ:	Казань
дебють г. Чупрынникова и г-жи Нивинской. —	Кіевъ 34, 35, 36, 41, 4
Новость предстоящаго сезона, ст. Леля 41	Кишиневъ
По поводу возобновленія "Майской ночи" на	Ковно
сценъ Михайловскаго театра. Ц. Кюн.—llepe-	Кременчугъ
строенный Маріннскій театръ.— Гг. Борисоглабо-	Курскъ
скій, Фигиеръ, Тартаковъ. — "Конпелія". — Кон-	Липецкъ
чина Стуколкива.—Панаевскій театръ.—Русское	Луганскъ 4
Музыкальное Общество: первое квартетное собра-	Майкопъ (Кубан. обл.)
ніе; квинтетъ Стамбать; программа симфониче-	Маріуполь
скихъ собраній. — Симфоническіе концерты г.	Муромъ
Вернарда. — Конкурсъ г. Фигнена. Леля. — Малый	Нижній-Новгородъ. 33, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 4
театръ. — Театръ Неметти. В. Л. В 42	Новочеркасскъ 34, 40, 41, 42, 43, 4
Первое симфоническое собрание Русскаго Му-	Одесси
зыкальнаго Общества. — Первый симфопическій	Омекъ
концертъ подъ управленіемъ г. Блейхмана. Леля. 43	Пенза 4
	Пермь
	Петропавл овскъ
Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ.	Радомысаь, Кіев. губ 4
	Рига 33, 34, 35, 36, 37. 39, 41, 42, 43, 4
Ст. А. А. Ярцева	Ростовъ-на-Дону
Льтній сезонь. Повздки столичных в артистовы	Ризань
въ провинцію на гастроли. Ст. А. Ярцева 41	Самара
Начало виминго сезона. — Судьба русскаго ак-	Саратовъ
тера. — Телтральныя неурядицы. — Русское Теат.	Симбирскъ
ральное Общество. — Богадальня театральных в дея-	Ставрополь-Кавказскій
телей. А. Ярцева	Тифлисъ
	Тобольскъ
	Томекъ
Провинціальныя корреспонденцік.	Тула
A naturation we are	Харьковъ
Архангельскъ	Холмъ
Астрахань	Черниговъ
Баку	Ярослав. 1ь
Вългий, Смол. губ	
Вильна	n and a second s
Владиміръ	Заграничныя корреспонденціи.
Вологда	Pérro
Воронежъ	Въна
Екатеринбургъ	Миданъ
Enamonary 0 (70 pg 49 44	Western A.

	Honor S. Land Y. Land L. Land S.	
	Первый симфоническій концертъ г. Буллеріана. Сем. Сту	- 1
	Кругликова. 22	6
	II онцерты: I'. Рейзенауэрг. — I'. Печников. — "Армянскій вечерь". Н. Ночетова.	0
	1. Huwy.recnin. B. B	
	Потербургъ. Антонъ Рубимитейнъ Концерты ил его память: 1) Экстренное собраніе Рус	
	Муз. Общ. 2) Первый русскій симфоническій концертъ. 3) Второй абонементный концерт	
	г. Блойхмана. 4) Первый вечеръ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда. 5) Первое квартел	
	име собраніс г. Крюгера съ товарищами. 6) Концерть Вспомогательной кассы. 7) Квар тетпое собраніе Р. М. О.—Бетховенскіе вечера г-жи Эсиповой и г. Ауэра. — Второй ве	
	черъ сонатъ гг. Боровки и Гильдебранда. — СПВ. Общество камерной музыки. — Русскі	
	квартетный всчеръ. — Третій абонементный концерть г. Блейхмана. — Второй русскій сим	
	фонцисскій концерть.—Духовные концерты хора г. Архангельскаго,—Русской оперы,—Об	
	шества церкви св. Екатерины и Петронавловскаго Общества. — Концертъ г-жи и г. Фи	
	нерь. Ладо	
	Критикъ по праву. (Замътка о Д. Коровиковъ). В. Н. 23	
VVI		
	TO HOUR DO DO DO DATE IT.	T
XXII.		4
XXIII.	КОРРЕСПОНДЕНЦІИ: изъ Варшавы, Вяльны, Вытегры, Кісва, Куилиска,	
	Олессы, Пензы, Риги, Саратова, Сумъ, Тамбова, Томска и Харькова 24	
	ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА	9
XXV.	МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА	S
XXVI.	ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА	3

XXVII. "ЗОЛОТО", ком. въ 4 д. Вл. И. Немировича-Данченно.

XXVIII. "ВОРОБЫН", карт. И. Прянишникова, фототить Переръ и Пабгольцъ въ Москвъ.

XXIX. "ТЕРЕКЪ", карт. А. Киселева, фототит и Шереръ и Набгольнъ.

XXX. "ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСЪИ", карт. Н. Н. Ге, съ его офорта фототитія Т-ва Кушнерева.

XXXI. ПОРТРЕТЬ Н. П. ГЕ, рис. перомъ худ. П. А. Ярсшенко, фототить Шереръ и Набгольцъ.

XXXII. HOPTPET'S M. H. CAHOBCKATO, domonunia R. A. Фишеръ.

Рисунки, виньетки и заставки В. Максимова, К. Савицкаго, И. Соболева, В. Переплетчикова, А. Шильцера и др. работы Ангерера и Генль въ Вънъ.

→>< Отъ редакціи.

Контора редакцій "Артиста" (Москва, у Арбатских вороть, д. Шмидть. *Телефонь* 890) открыта ежелневно, отъ 10 до 3 часовъ.—Личныя объясненія съ редакторомъ и издателемъ по понедальнекамъ и изтинцамъ отъ 12 до 2 час. дня.

Редакція ОТВЪЧАЕТЬ ТОЛЬКО НА ТЪ ПИСЬМА, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перем вну адреса уплачивается 25 ков. Билеты на получение журнала высылаются только темь иногороднимь подписчикамь, которые приложать при высылка подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполучение какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаність нумера, напечатаннаго на адресь подписчика, я съ приложеність удостовіренія містной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получева.—Жилобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слідующей книги.

Книгопродавцамъ дълается уступка но 50 коп. съ годового экземпляра. Кредята и разсрочекъ по доставлевнымъ мми подпискамъ не допускается.

Доставленныя въ редакцію СТАТЬИ должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статья, присланныя въ редакцію безт обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напочатавныя въ журналі, и по истеченій двухъ неділь со дяя выхода книжи. Авансы не вы даются.— Сочиненія, принятыя для напечатавія въ журналі, подлежать, въ случні надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признапныя редакціей пеудобными къ номінценію въ журналі, возвращаются авторамъ безт обілсненія причинт.—Обратная пересылна такихъ проязвеленій ихъ авторамъ производится на счеть авторовъ.—Сочиненія, признапныя редакціей пеудобными для вапечатанія въ журналі, хранятся въ редакці въ теченіе щести місяновъ и затімъ уничтожаются; менкія же сгатьи, объемомъ менів печатнаго листа журнала, храненію не подлежать.

"APTNCTЪ"

выходить ежемъсячно, двънадцать разъ въ годъ

книжками отъ 25 до 35 листовъ.

подписная цѣна:	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	За границу.
На годъ	10 p.	12 p.	14 p.
На полгода	6 p.	7 p.	8 p.

Редакція и главная контора въ Москвь, — у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ.

Телефоны: Редакци № 890, Главной конторы — № 1490.

допускается Раз СРОЧКа: при подпискъ 2 р., и затъмъ ежемъсячно не менъе руб, до полной уплаты всей подписной суммы.

Для учителей рисованія и учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цвив на "Артистъ" на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдъльные нумера "Артиста" по 2 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ "Артистъ" принимаются послъ токста съ платою за каждый разъ 25 руб. за цълую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 руб. за $\frac{1}{8}$ страницы.

4890 X40 488

Подниска принимается и отдёльные нумера продаются въ конторѣ редакцін: "Артиста" (Москва, у Арбатскихъ вороть, д. Шмидть. Телефонъ № 1490). Въ книжномъ магазинѣ журнала "Артистъ" (Москва, Петровскія линін, магазинъ бывш. Прянниникова), въ отдѣленія конторъ: въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Идзиковскаго (Крещатикъ), и въ Томскѣ въ кн. маг. И.И.Макушина, —въ кн. маг. "Новаго Времени", Карбасникова и Т-ва Больфъ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ музыкальномъ магазинѣ г. Бесселя и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, въ Театральной Библіотекѣ С. Ө. Разсохина, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и естаминыхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Казани у г. Дубровина; и въ магазинѣ "Восточная лира"; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина. Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.